

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

РОБЕРТ
ДЖОРДАН

переклад
Сумерек

• БІБЛІОТЕКА ФАНТАСТИКИ •

Annotation

САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ
фэнтези-эпос со времен «Властелина
Колец» Толкина ПРОДОЛЖАЕТСЯ!
Мэтт, бежавший из города Эбу Дар
вместе с Дочерью Девяти Лун,
понимает, что не в силах ни удержать
ее, ни отпустить... Перрин,
продолжающий поиски жены,
вынужден поступиться своей честью
– и, заключив союз с врагом, предать
Ранда... А Ранд ал'Тор, Дракон
Возрожденный, идет все дальше по
избранному им Пути – и
ежесекундно ждет удара в спину от
ЛЮБОГО из тех, кто зовет себя его

- Роберт Джордан
 -
 - Пролог. Проблески узора
 - Глава 1. Пора уходить
 - Глава 2. Два капитана на одном корабле
 - Глава 3. Многоцветный Веер
 - Глава 4. История куклы
 - Глава 5. Как выковывался МОЛОТ
 - Глава 6. Запах из сна
 - Глава 7. Головоломка кузнеца
 - Глава 8. Водовороты Красок
 - Глава 9. Ловушки

- [Глава 10. Пылающий маяк](#)
- [Глава 11. Разговоры о долгах](#)
- [Глава 12. Сделка](#)
- [Глава 13. Верховные опоры](#)
- [Глава 14. Что знают Хранительницы Мудрости](#)
- [Глава 15. Тьма сгущается](#)
- [Глава 16. Предмет переговоров](#)
- [Глава 17. Тайны](#)
- [Глава 18. Разговор с Суан](#)
- [Глава 19. Неожиданности](#)
- [Глава 20. В ночи](#)
- [Глава 21. Метка](#)
- [Глава 22. Один ответ](#)
- [Глава 23. Украшения](#)
- [Глава 24. Гроза усиливается](#)

- [Глава 25. Когда носить алмазы](#)
 - [Глава 26. В Со Хаборе](#)
 - [Глава 27. То, что необходимо](#)
 - [Глава 28. Букетик роз](#)
 - [Глава 29. Что-то погасло](#)
 - [Глава 30. Что может Клятвенный Жезл](#)
 - [Эпилог. Ответ](#)
 - [Глоссарий](#)
-

Роберт Джордан

Перекрестки сумерек

*Харриет — прежде,
ныне и навеки*

*И случится так в дни,
когда поскачет Темная
Охота, когда дрогнет
десница и отклонится
шуйца, что придет
человечество на
Перекрестки Сумерек и все,
что есть, и все, что было,
и все, что грядет, станет*

*балансировать на кончике
меча, а ветра Тени задуют
сильнее.*

*Из «Пророчеств о
Драконе» (перевод
предположительно сделал
Джсейин Чарин, известный
как Джсейин
Далекоходивший, незадолго
до своего исчезновения).*

О-ва
Айл Дашар

Океан
Арит

Бандар
Эбан

Фалме

Океан
Арит

Танчико

ТАРАБОН

Элмора

о. Тремалкин

Палец
Замерзшего
под Ветром

р. Дагон

АРАД
ДОМАН

Адаур

Катар

Равнина
Алмот

Горы Тумана
Свар
Темный
Лес

Бай

Эмидлов
Дут

р. Андахар

Дже

Горы Тумана

Амадор

АМАДИЛИЯ

р. Шар

Э

Пролог. Проблески узора

Родел Итуралде ненавидел ожидание, хотя прекрасно понимал, что в ремесле солдата оно занимает немалое место. Ожидание следующего сражения, ожидание перемещения противника, ожидание ошибки врага. Стоя неподвижно, как и деревья вокруг, Итуралде наблюдал за зимним лесом. Солнце, преодолевшее уже полпути к зениту, совсем не грело. Пар от дыхания белым облачком клубился возле лица, инеем оседая на аккуратно подстриженных усах и на опушке

капюшона из меха черной лисы. Он порадовался, что шлем висит на луке седла. Промерзшая кираса чувствовалась через куртку; холод, несмотря на несколько слоев шерсти, шелка и льна, добирался до тела. Даже седло Дротика казалось выстуженным, словно белый мерин был сделан из замерзшего молока. Будь у Родела шлем, того и гляди заledenели бы мозги.

Зима в Арад Доман пришла поздно, очень поздно, но зато обрушилась с удвоенной яростью. Менее чем за месяц летнюю жару, которая необычно затянулась до осени, сменила зима, мгновенно вступившая в свои права. И какая

зима — самое сердце зимы. Листья, пережившие долгую летнюю засуху, замерзли прежде, чем успели окраситься в осенние цвета, и теперь вспыхивали в лучах утреннего солнца подобно необыкновенным изумрудам, заключенным в ледяную корку. С Итуралде было двадцать с лишним верховых, и иногда лошади переступали копытами в глубоком, по колено, снегу. Проскакать солдатам пришлось немало, и независимо от того, хорошо или плохо кончится этот день, путь еще предстоит далекий. С севера по небосклону накатывали темные тучи. Итуралде и без предсказательницы погоды прекрасно знал, что к ночи

еще резко похолодает. Так что к тому времени нужно будет укрыться под надежной крышей.

— Зима не так сурова, как в прошлом году, не правда ли, милорд? — тихо сказал Джалаам. Молодой высокий офицер как будто прочитал мысли Итуралде; слова его, произнесенные вполголоса, слышали и другие. — Но, по-моему, сейчас все равно кое-кто не отказался бы от горячего вина с пряностями. Естественно, не эта компания, на редкость воздержанная. Примечательно воздержанная. Думаю, они все тут пьют чай. Причем холодный. А найдись у них несколько березовых веников, они бы

сейчас уже раздевались, чтобы принять снежную баню.

— Лучше пока что оставить одежду на себе, — сухо отозвался Итуралде, — кстати, сегодня вечером, если повезет, мы сможем получить немного холодного чаю.

Замечание вызвало несколько негромких смешков. Своих солдат Итуралде отбирал со всей тщательностью, так что они понимали, что означает шум не вовремя.

Ему самому вовсе не помешала бы дымящаяся кружка приправленного пряностями вина — или хотя бы чашка чая. Но давно миновало то время, когда купцы

привозили в Арад Доман чай. Давненько уже ни один чужеземный купец не осмеливался даже пересечь границу с Салдэйей. Когда вести из большого мира доходили до Итуралде, они были такими же свежими, как выпеченный месяц назад хлеб, и уже начинали обрастать слухами. Хотя это и не важно. Если Белая Башня и в самом деле раскололась, ополчась сама на себя, если мужчин, способных направлять Силу, действительно созывают в Кэймлин... что ж, этот мир обойдется и без Родела Итуралде, пока Арад Доман вновь не обретет единство. Сейчас человеку в здравом уме хватит и одного Арада Домана — и

без того проблем достаточно.

В который раз Итуралде восстановил в памяти отправленные им приказы, адресованные всем дворянам, сохранявшим верность королю. Письма были разосланы с самыми быстрыми гонцами, какие только имелись у него в распоряжении. Знать разделяли наследственная вражда или сиюминутные ссоры, но присяга королю ее по-прежнему еще объединяет. Получив приказы от Волка, лорды соберут свои армии и выступят в поход; по крайней мере повиноваться ему они будут до тех пор, пока он в фаворе у короля. По приказу Итуралде дворяне даже

станут прятаться в горах и ждать. О да, они будут недовольны, а некоторые примутся проклинать его, но они подчинятся. Им известно, что Волк всегда побеждал в битвах. Более того, им известно, что он выигрывал войны. За глаза его называли Маленьким Волком, но ему было наплевать, обращают или нет внимание на его рост, главное — все исполняют то, что он приказывает.

Очень скоро им придется скакать, не жалея себя, к западне, которая не захлопнется еще несколько месяцев. Успешность замысла Итуралде зависит не от одного только времени, но и от многого другого. Сложные планы

рушились и рушатся по разным причинам и по-разному, а этот план был хитрый, можно сказать — многослойный. Все может развалиться разом, еще не начавшись, если он не сумеет подсунуть в западню приманку соблазнительней. Или если кто-то проигнорирует его распоряжение уклоняться от встреч с королевскими курьерами. Но всем были известны его резоны, и его объяснения принимали даже самые твердолобые упрямы, хотя мало у кого имелось желание говорить об этом деле во всеуслышание. Получив последний приказ Алсалама, он сам носился точно тень верхом на урагане.

Сложенный пергамент был спрятан в рукаве, заткнут за светлые кружева, что спадали на окованную сталью латную перчатку. У них остался последний, один-единственный и очень маленький шанс спасти Арад Доман. Может, даже спасти Алсалама от него самого, пока Купеческий Совет не решил посадить на трон вместо него кого-нибудь другого. Алсалам более двадцати лет был хорошим правителем. Да ниспошлет Свет, чтобы он им и остался.

С южной стороны раздался громкий треск, и рука Итуралде метнулась к эфесу длинного меча. Слабый скрип металла по коже

подсказал, что остальные тоже потянулись к оружию. И опять — тишина. Лес был неподвижен, точно замерзший палец. Это всего лишь ветка, обломившаяся под тяжестью снега. Спустя мгновение он расслабился — насколько мог расслабиться с тех пор, как с севера дошли слухи о появлении в небе у Фалме Дракона Возрожденного. Может, тот человек и в самом деле был Драконом Возрожденным, может, он и вправду появлялся в небе; так или иначе, эти слухи воспламенили Арад Доман. Итуралде был уверен: он сумел бы затушить вспыхнувший пожар, будь у него развязаны руки. И не подумайте,

что он хвастался. Он знал, на что способен — в битве или на войне. Но с тех пор как Совет решил, что короля будет безопасней потихоньку вывезти из Бандар Эбана, Алсалам, по-видимому, вбил себе в голову, будто он — воплощение Артура Ястребиное Крыло. С тех пор его собственноручная подпись и личная печать красовались на десятках боевых приказов, потоком хлынувших оттуда, куда его запрятал Совет. Члены Совета нипочем не признаются, что это за место, не скажут об этом даже самому Итуралде. Стоило только упомянуть о короле, как каждая женщина из Совета, с которой сталкивался

Итуралде, принималась юлить, уклоняться от разговора и отводить глаза. Он уже почти поверил, что они и впрямь не ведают, где Алсалам. Мысль, конечно, нелепая. Совет не выпускает короля из виду, наблюдая за ним недремлющим оком. Итуралде всегда считал, что купеческие дома слишком часто вмешиваются в дела страны, однако сейчас ему хотелось, чтобы они вмешались. Почему купцы отмалчиваются — вот загадка; ведь король, который причиняет ущерб торговле, не способен долго усидеть на троне.

Итуралде оставался верен своим клятвам, и Алсалам, кроме того, был

его другом, но приказы, которые рассылал король, будто нарочно были составлены так, чтобы ввергнуть все в хаос. Конечно, приказы нельзя игнорировать. Конечно, Алсалам — король. Но он отдал Итуралде распоряжение как можно скорее двигаться на север, навстречу громадному скоплению Преданных Дракону, о котором Алсаламу предположительно стало известно от тайных шпионов. А потом, десять дней спустя, когда ни единого Принявшего Дракона еще нет и в помине, приходит другой приказ — направиться, со всей возможной быстротой, на юг, против другого скопища, которое так и не было

найдено. Алсалам отдавал распоряжение сосредоточить все силы для защиты Бандар Эбана, когда ударом с трех сторон можно было разом покончить с врагами; или приказывал разделить войска, когда сокрушительной атакой можно было добиться того же; или произвести набег на тот район, который, как знал Итуралде, Принявшие Дракона давно покинули; или двинуться прочь оттуда, где, по его сведениям, те расположились лагерем. Хуже того, зачастую приказы Алсалама направлялись напрямую влиятельным аристократам, которые, как считалось, подчинялись Итуралде, и в результате Махир

отправлялся в одну сторону, Тей-кал — в другую, а Рахман — в третью. Четырежды в результате этого происходили сражения — из-за того что части армий сослепу натыкались ночью одна на другую, поскольку совершали марш по недвусмысленному приказу короля и не ожидали обнаружить впереди никого, кроме врага. И все это время Принявшие Дракона росли в числе и набирались уверенности. Итуралде одерживал победы — при Соланже и Масине, у озера Сомал и Кандельмаре; он преподавал урок лордам Катара — чтобы те не смели продавать врагам Арад Домана все добытое в своих шахтах и выкованное

в своих кузницах. Но все его успехи на поле брани распоряжения Алсалама сводили на нет.

Но последний приказ отличался от прочих. С одной стороны, Серый Человек убил леди Туву, лишь бы не позволить ей добраться до Итуралде. Почему Тень опасалась этого приказа больше, чем какого-либо другого, — это загадка, но также и еще одна причина не мешкать, а пошевеливаться. Пока Алсалам не настиг его еще каким-нибудь своим распоряжением. Полученный приказ открывал множество возможностей, и Итуралде обдумал каждую, все до единой, какие только смог себе представить. Но в любом случае все

начинается здесь, сегодня. Когда остается лишь самый малый шанс, нужно за него ухватиться покрепче.

Издавека донесся пронзительный крик снежной сойки, затем второй, третий. Приложив ладони ко рту, Итуралде троекратно повторил резкий клич. Спустя несколько мгновений из-за деревьев появился косматый, светло-серый в яблоках мерин; белый плащ всадника испещряли черные полосы. И человека, и лошадь, если они будут стоять неподвижно, очень трудно разглядеть в заснеженном лесу. Подъехав к Итуралде, всадник натянул поводья. Это был приземистый мужчина, на поясе его

висел меч с коротким клинком, а к седлу были пристегнуты лук в футляре и колчан.

— Похоже, милорд, они прибыли в полном составе, — откидывая капюшон с головы, произнес сиплым голосом Донжэл. Когда-то, еще в молодости, его хотели повесить, хотя причина оставалась покрыта мраком прошлого. Остатки коротко стриженных волос всадника были серо-стального цвета. Темная кожаная повязка, закрывавшая правую глазницу, служила напоминанием об еще одной давней потасовке. Но даже с одним глазом Донжэл был лучшим разведчиком из всех, кого когда-либо знал Итуралде.

— Во всяком случае, большинство прибыло, — продолжал всадник. — Они выставили вокруг сторожки два кольца часовых, одно в другом. Враги сейчас в миле отсюда, но никто из них не подберется близко — в охотничьем домике непременно услышат и успеют скрыться. Судя по следам, они привели с собой не больше людей, чем вы сказали, но со счетов их не сбросишь. При таком раскладе, — мрачно прибавил он, — нас все равно превосходят числом.

Итуралде кивнул. Он предложил Белую Ленту, и те, с кем он хотел встретиться, ее приняли. Три дня — и в этом все клянутся перед Светом

своими душами и надеждой на спасение — не поднимать оружия против друга и не проливать кровь. Но в эту войну Белая Лента не применялась, и вдобавок кое у кого появились весьма странные представления, в чем заключается спасение. Например, у тех, кто называет себя Принявшими Дракона. Итуралде всегда считали игроком, хотя он им не был. Весь фокус в том, чтобы знать, на какой риск можно пойти. А иногда — в том, чтобы знать, на какой риск пойти необходимо.

Вытянув из-за голенища сапога зашитый в промасленный шелк пакет, Итуралде протянул его Донжэлу.

— Если через два дня я не доберусь до Коронского Брода, передай это моей жене.

Разведчик запрятал пакет куда-то в недра своего плаща, коснулся лба и развернул лошадь на запад. Раньше он уже не раз выполнял подобные поручения, как правило накануне битв. Да ниспошлет Свет, чтобы в этот раз Тамсин не суждено было открыть пакет. Иначе она сама придет за ним — именно так она ему и заявила. Это будет первый случай, когда живой не оставит в покое мертвого.

— Джалаам, давай-ка проверим, — сказал Итуралде, — что ждет нас в охотничьем домике леди

Осаны. — Он послал Дротика вперед, остальные выстроились цепочкой за ним.

Пока они ехали, солнце добралось до зенита и вновь стало спускаться. Темные облака на севере придвинулись ближе, и холод щипал все сильнее. Ни звука, кроме похрустывания ломавшегося под копытами ледяного наста. В, казалось бы, опустевшем лесу не было никого, кроме отряда Итуралде. Он не видел ни одного из упомянутых Донжэлом часовых. Мало кто был согласен с разведчиком в том, что их можно увидеть за милю. Конечно же, Итуралде будут ждать. И следить за

ним — чтобы удостовериться, что он не ведет за собой армию, объявлена Белая Лента или нет. Немало, вероятно, найдется таких, кто имеет веские основания утыкать Итуралде стрелами. Лорд может дать клятву Белой Ленты за своих людей, но все ли они чувствуют себя связанными клятвой? Иногда другой возможности нет, и приходится идти на риск.

Ближе к исходу дня за деревьями вдруг смутно обрисовался так называемый охотничий домик Осаны — скопление светлых башенок и изящных остроконечных куполов, которые скорее приличествовали какому-нибудь особняку, не

потерявшемся и среди дворцов самого Бандар Эбана. Охоту леди Осана обычно вела на мужчин или же боролась за власть, но ее охотничьи трофеи были многочисленны и примечательны, несмотря на относительную молодость. Происходившие же тут «охоты» заставили бы изумленно вскинуть брови даже столичных зрителей. Теперь же охотничий домик был покинут всеми. В разбитых окнах, зиявших точно беззубые рты, ни проблеска огонька, ни малейшего движения. Однако снег, засыпавший расчищенный участок вокруг домика, был недавно плотно утоптан лошадьми. Итуралде,

не замедляя шага, въехал через стоявшие распахнутыми створки нарядных, отделанных медью ворот в главный внутренний двор. Следом за ним — его отряд. Копыта застучали по брусчатке — там, где снег был стоптан в слякотную кашу.

Навстречу не выбежали слуги — чего Итуралде, впрочем, и не ожидал. Осана сгинула в самом начале сотрясавших нынче Арад Доман невзгод — бедствия рвали страну, точно собака крысу, и ее слуги переметнулись на службу к другим представителям ее рода, согласившись на те места, которые им предложили. В эти дни тот, у кого нет хозяина, голодает или

превращается в разбойника. Или в Принявшего Дракона. Спешившись в конце двора перед широкой мраморной лестницей, Итуралде передал поводья Дротика одному из своих солдат. Джалаам приказал солдатам отыскать какое-нибудь местечко, где можно укрыться самим и укрыть лошадей. Разглядывая окружавшие двор мраморные балконы и широкие окна, солдаты вели себя так, словно ожидали получить арбалетный болт между лопаток. Двери одной из конюшен были приоткрыты, но несмотря на холод, солдаты разошлись по углам двора, сбившись в кучки вместе с лошадьми. С такой позиции они

держали под наблюдением весь двор и ворота. Если случится самое худшее, возможно, хоть кому-то удастся ускользнуть.

Поднимаясь в сопровождении Джалаама по ступеням, Итурал-де снял перчатки, заткнул их за пояс и поправил кружева. Под подошвами сапог похрустывал снег — он был вытоптан и подтаял, а потом вновь замерз. Итуралде сдержал порыв оглянуться вокруг и смотрел только прямо перед собой. Он обязан выглядеть в высшей степени уверенным, как будто все идет так, как он ожидает. Уверенность — один из ключей к победе. Если противная сторона считает, что ты уверен, то

иногда это почти так же хорошо, как и в самом деле испытывать уверенность. На верхней площадке Джа-лаам, потянув за золоченое кольцо, отворил створку высоких, украшенных резьбой дверей. Итуралде тронул пальцем щеку, проверяя, на месте ли мушка, — онемевшая от мороза кожа не чувствовала прилипшую черную бархатную звездочку, — а затем шагнул внутрь. Преисполненный самоуверенности, как будто он был на балу.

В смахивающем на пещеру вестибюле царил такой же ледяной холод, что и снаружи. Когда он дышал, у рта клубились облачка

тумана. Неосвещенное пространство зала, казалось, затопили сумерки. Разноцветный мозаичный пол изображал охотников и животных, плитки местами были выщерблены, как будто по ним волокли что-то тяжелое или, быть может, на пол роняли что-то тяжелое. За исключением опрокинутого пьедестала, на котором некогда могла стоять большая ваза или маленькая статуя, зал был пуст. То, что не забрали при своем бегстве слуги, давным-давно разграбили разбойники. Вошедших ожидал один-единственный человек — беловолосый и куда более исхудавший, чем его помнил

Итуралде по прошлой встрече. Нагрудник кирасы был помят, в ухе покачивалась всего лишь маленькая простая золотая серьга-кольцо; но кружева были ослепительно белыми, сверкающий алым полумесяц возле левого глаза и в лучшие времена не вызвал бы нареканий даже при дворе.

— Во имя Света, приветствую вас под Белой Лентой, лорд Итуралде, — официально произнес встречающий, отвешивая легкий поклон.

— Во имя Света, я явился под Белой Лентой, лорд Шимрон, — отозвался Итуралде, отвечая на приветствие со всей учтивостью. Шимрон принадлежал к числу

наиболее доверенных советников Алсалама. По крайней мере пока не присоединился к Принявшим Дракона. Теперь и у них в советах он занимал высокое положение. — Мой дружинник, Джалаам Нишур, честью связан с Домом Итурал-де, как и все, кто пришел со мной.

До Родела никакого Дома Итуралде и в помине не было, но Шим-рон ответил на поклон Джалаама, приложив ладонь к груди слева.

— Честь к чести. — Выпрямившись, он промолвил: — Следуйте со мной, лорд Итуралде.

Огромные двери бального зала кто-то снял с петель, хотя Иту-ралде

даже не мог себе вообразить разбойников, которым вздумалось бы их украсть. Исчезнувшие створки оставили высокий стрельчатый проем, ширина которого позволяла войти в него сразу десятерым в ряд. Внутри овальной, лишенной окон комнаты полсотни фонарей всевозможных разновидностей разогнали тени, правда, куполообразного потолка свет лишь едва достигал. Вдоль расписанных красками стен стояли две группы людей, разделенные широким пустым пространством; и если Белая Лента вынудила их снять шлемы, то все две сотни — или чуть более того — воинов были облачены в доспехи, и,

несомненно, никто из них не снял меча. По одну сторону находилось несколько доманийских лордов, могуществом не уступавших Шимрону, — Раджаби, Вакеда, Анкайр, — каждого обступила группа дворян рангом поменьше и присягнувших им простолюдинов. Там же стояли группы поменьше, в двух-трех из них вообще не видно было людей благородного звания. У Принявших Дракона есть советы, но нет единого командующего. Тем не менее каждый из этих людей по праву командовал своим отрядом, причем у некоторых в подчинении были сотни, а кое у кого — тысячи. Ни один не выказывал особой радости

оттого, что оказался в этом месте, а один-два недобро косились через разделявшее их пространство в сторону стоявших напротив тарабонцев. Те держались плотной группой и в ответ тоже бросали хмурые взоры. Пусть они все и Принявшие Дракона, но доманийцы и тарабонцы друг друга терпеть не могли. Однако при виде чужеземцев Итуралде едва удержался от улыбки. Он не смел и надеяться, что сегодня явится хотя бы половина из них.

– Лорд Родел Итуралде идет под Белой Лентой, – звонко прозвучал среди отбрасываемых фонарями теней голос Шимрона. – Пусть тот, кто помыслит о насилии, заглянет в

свое сердце и подумает о своей душе. — На этом экивоки кончились.

— Почему лорд Итуралде предложил Белую Ленту? — требовательно спросил Вакеда, одной рукой стискивая эфес длинного меча, а другую, сжатую в кулак, уперев в бок. Высоким его назвать было нельзя, хотя ростом он и превосходил Итуралде, зато уж высокомерен Вакеда был, словно сам сидел на троне. Некогда женщины называли его красавчиком. Теперь же черная повязка, наискось пересекавшая лицо, закрывала пустую правую глазницу, а его мушка представляла собой черный наконечник стрелы, направленный

на толстый шрам, переходящий со щеки на лоб. — Намерен ли он присоединиться к нам? Или попросить нас сдать? Всем известно, что Волк столь же смел, сколь и хитер. Неужели он настолько дерзок?

Среди его людей пробежал ропот, отчасти — веселый, отчасти — гневный.

Итуралде сцепил руки за спиной, чтобы ненароком не потеревить рубин в левом ухе. Об этом жесте, свидетельствующем о его раздражении, все немало наслышаны, и порой Волк нарочито пускал его в ход, но сейчас ему необходимо являть собой

спокойствие. Пусть даже собеседник орет прямо в ухо! Нет, только спокойствие. В гневе бросают вызов на поединок, но он сюда пришел, чтобы сразиться в поединке, а для этого нужно хладнокровие. Слова бывают оружием куда более убийственным, чем мечи.

— Каждый здесь присутствующий знает, что на юге у нас есть другой враг, — произнес Итуралде невозмутимым тоном. — Шон-чан поглотили Тарабон. — Он оглядел тарабонцев, наткнувшись на ничего не выражающие взгляды. Он никогда не отличался умением читать по лицам тарабонцев. С этими нелепыми усами — словно

волосяные моржовые бивни, куда там салдэйцам! — и с этими смехотворными вуалями, они все равно что маски нацепили, а тусклый свет фонарей ему не помощник. Но Итуралде видел их не только в вуалях — и в кольчугах тоже, и тарабонцы ему были нужны. — Шон-чан устремились на равнину Алмот и продвинулись еще севернее. Их намерения очевидны. Они хотят захватить и Арад Доман. Боюсь, они намерены завоевать весь мир.

— Значит, лорд Итуралде хочет знать, на чьей мы будем стороне, если эти Шончан нападут на нас? — спросил Вакеда.

— Я искренне верю, лорд Вакеда,

что вы станете сражаться за Арад Доман, — мягко произнес Итуралде.

Вакеда побагровел, будто ему в лицо бросили неприкрытое оскорбление, а присягнувшие лорду дружинники потянулись было к оружию.

— Беженцы поговаривают, что теперь на равнине появились Айил, — поспешно вступил в разговор Шимрон, словно он опасался, что Вакеда нарушит Белую Ленту. Никто из людей Вакеды не обнажит меча, если этого не сделает их лорд или если он не прикажет им взяться за оружие. — Они, судя по донесениям, сражаются за Возрожденного Дракона. Должно быть, это он их

послал. Наверное, нам на подмогу. Никто еще не побеждал армию Айил. Этого не удавалось даже самому Артуру Ястребиное Крыло. Помните Кровавый Снег, лорд Итуралде? Мы тогда были молоды. Думаю, вы согласитесь со мной, что тогда мы их не победили, что бы там ни утверждали историки. И я не поверю, что армия у Шончан такая же большая, как тогда была у нас. Я сам слышал, что Шончан движутся на юг, в сторону от границы. Нет, я полагаю, что в следующий раз мы услышим, что они *отступают* с равнины, а не наступают на нас. — В бою Шимрон был неплохим командиром, но всегда отличался

педантичностью.

Итуралде улыбнулся. С юга вести приходят много быстрее, чем откуда бы то ни было еще, но он опасался, что ему самому придется заговорить об Айил, а тогда они могут решить, что их пытаются как-то обхитрить. Он и сам с трудом верил такому: айильцы – на равнине Алмот. Итуралде не стал указывать на то, что Айил, посланные на помощь Принявшим Дракона, с большей вероятностью появились бы в самом Арад Домане.

– Я тоже расспрашивал беженцев, и говорили они о набегам ай-ильцев, а не об айильском воинстве. Что бы Айил ни делали на

равнине, продвижение Шончан они, может, и замедлят, но никак не заставят тех повернуть обратно. Шончанские летающие твари начали разведку по нашу сторону границы. Отступлением тут и не пахнет.

Эффектным жестом выхватив из рукава бумагу, Итуралде высоко поднял ее, демонстрируя всем оттиснутые на зелено-голубом воске Меч и Руку. Как обычно в последнее время, он не ломал королевскую печать, а при помощи нагретого клинка целиком отделял ее от бумаги, оставляя невредимой, — дабы показать всем скептикам и сомневающимся. А таковых, стоило людям услышать некоторые

распоряжения Алсалама, находилось предостаточно.

– От короля Алсалама я получил приказы собрать как можно больше солдат, всюду, где смогу отыскать их, и нанести мощный удар по Шончан. – Итуралде глубоко вздохнул. Ну вот, он воспользовался еще одной возможностью, еще одним шансом, и теперь Алсалам может отправить его на плаху, если только кости не упадут на доску в нужной комбинации. – Я предлагаю перемирие. Именем короля я обещаю не выступать против вас каким бы то ни было образом, пока Шончан остаются угрозой для Арад Домана, если и вы пообещаете то же самое и

станете сражаться вместе со мной против Шончан, пока они не будут отброшены.

Ответом ему стало молчание, противники были потрясены. Раджаби выглядел так, словно его огрели алебардой по бычьей шее.

Вакеда покусывал губу, точно изумленная девчонка. Один только Шимрон пробормотал:

— *А можно* ли их отбросить, лорд Итуралде? На равнине Алмот я, как и вы, сталкивался с их... с их посаженными на цепь Айз Седай.

Собравшиеся переминались с ноги на ногу, шурша подошвами сапог, лица потемнели от мрачного гнева. Кому понравится оказаться

беспомощным перед лицом врага; однако чтобы понять, каков этот враг, достаточно было оказаться в том бою, вместе с Итуралде и Шимроном.

— Их можно победить, лорд Шимрон, — ответил Итуралде, — даже учитывая все их_ сюрпризы. — Несколько странно называть таким словом взрывающуюся под ногами землю и разведчиков, оседлавших создания, точь-в-точь похожие на Отродья Тени, но он обязан говорить так же уверенно, как выглядит. Кроме того, когда тебе известно, на что способен враг, ты приспособливаешься. Задолго до появления Шончан эта истина была

одной из основ войны. В темноте превосходства у Шончан меньше, так же как и во время грозы, а хорошая предсказательница погоды всегда предупредит о надвигающейся грозе. — Мудрый перестает жевать, когда добирается до кости, — продолжил Итуралде, — но до сих пор шончане, перед тем как потянуться за своим мясом, нарезали его тонкими ломтиками. Я подсуну им голяшку — пусть погрызут. Более того, у меня есть план, как заставить их так быстро щелкнуть челюстями, что они, прежде чем ухватят в рот мясо, пообломают зубы о кость. Итак, я дал обещание. А вы дадите?

Мало у кого не перехватило

дыхание. Казалось, каждый погрузился в глубокие раздумья, обратившись внутрь себя. Итуралде чуть ли не зримо представилось, как они шевелят мозгами. У Волка есть план. У Шончан есть посаженные на цепь Айз Седай и летающие твари, и один Свет знает что еще. Но у Волка есть план. Шончан – с одной стороны, и Волк – с другой.

– Если кому и под силу нанести поражение Шончан, – наконец промолвил Шимрон, – так это вам, лорд Итуралде. Я дам клятву.

– И я дам клятву! – выкрикнул Раджаби. – Мы погоним их прочь, через океан, туда, откуда они явились! – Не только внешне, но и

темпераментом тоже он смахивал на быка.

Как ни удивительно, но с не меньшим воодушевлением свое согласие громогласно выразил и Вакеда, а потом разразилась настоящая буря. Раздавались крики, что все согласны с клятвой королю, что они разгромят Шончан; некоторые кричали даже, что последуют за Волком в Бездну Рока. Очень отратно, но это пока еще не все, к чему стремился Итуралде.

— Если вы просите *нас* сражаться за Арад Доман, — перекрыл все голоса один, — тогда нас и спрашивайте нас!

Мужчины, которые только что

громко кричали о своей готовности дать клятву, притихли, слышались только сердитое бормотание и приглушенные проклятья.

Скрывая удовлетворение за вежливым выражением лица, Итуралде повернулся лицом к говорившему. Стоявший у противоположной стены тарабонец был худ, а из-за острого носа его вуаль стояла шатром. Но взгляд его был тверд и пронзителен. Кое-кто из тарабонцев хмурился, словно недовольный тем, что их товарищ заговорил, ведь до этого казалось, будто у них, как и у доманийцев, нет единого вождя. Итуралде надеялся получить обещания, что и

произошло, но не клятвы требовались для осуществления его плана. Ему нужны были тарабонцы. По крайней мере, тогда вероятность, что его план сработает, в тысячу раз выше. Он учтиво, с поклоном, обратился к тарабонцу:

— Мой дорогой лорд, я предлагаю вам возможность сразиться за Тарабон. Из-за айильцев на равнине царит хаос — так рассказывают беженцы. Скажите, смогут ли ваши люди — небольшой отряд, сотня-другая человек — пересечь охваченную смятением равнину и вступить в Тарабон, если их доспехи будут выкрашены полосами, как у тех, кто на стороне

Шончан?

Лицо тарабонца, что, казалось, невозможно, вытянулось еще больше, и теперь пришел черед сдержанным проклятиям и сердитому бормотанию у другой стены. На север доходило немало известий, и все знали, что король и панарх, посаженные на свои троны шончанами, присягнули какой-то императрице по ту сторону океана Арит. Тарабонцам могли прийтись не очень-то по вкусу напоминания, сколь много их соотечественников ныне выступает на стороне этой самой императрицы. Большая часть тех «Шончан» на равнине Алмот были тарабонцами.

— Что толку от одного маленького отряда? — пренебрежительно проворчал худой тарабонец.

— Да, толку мало, — согласился Итуралде. — Но если таких отрядов будет пятьдесят? Сто? — В общей сложности, у этих тара-бонцев могло набраться столько своих людей. — Если они все ударят одновременно — через Тарабон? Я и сам отправлюсь с ними, и мои люди — все, на кого удастся подобрать тарабонские доспехи.

Так что вы будете знать, что это не какая-то военная хитрость, чтобы отделаться от вас.

За спиной Итуралде громко

запротестовали доманийцы. И Вакеда — громче всех! Кто бы мог подумать! План Волка — все это замечательно, но им хотелось бы, чтобы сам Волк их и возглавлял. Тарабонцы принялись спорить между собой о том, можно ли провести столько людей через равнину незамеченными, пусть и такими маленькими группами; о том, какую вообще пользу смогут принести в Тарабоне столь малочисленные отряды; о том, хотят ли они вообще носить доспехи, разрисованные шончанскими полосами. Тарабонцы затевают споры с той же легкостью, что и салдэйцы, и с такой же

запальчивостью. Однако остроносый в споры не вступал. Он в упор, не отрываясь смотрел в глаза Итуралде. Затем слегка кивнул. Трудно было сказать наверняка — мешали густые усы, — но Итуралде показалось, что тот улыбается.

С плеч Итуралде словно свалилась последняя тяжесть. Этот малый не стал бы соглашаться, пока спорят остальные, не будь он у них лидером, даже большим, чем казалось. Итуралде был уверен: остальные тоже пойдут. Они отправятся вместе с ним на юг в сердце территории, которую захватчики уже считают своей, и надают Шончан полновесных

оплеух. Потом, конечно, тарабонцы наверняка захотят остаться и продолжить сражаться за свою родину. Большого Итуралде ожидать не мог. И в результате его и несколько тысяч тех воинов, которых он сможет взять с собой, погонят назад на север, все дальше и дальше, через всю равнину Алмот, погонят яростно.

Он ответил тарабонцу на улыбку — если только это было улыбкой. Если повезет, обуреваемые яростью генералы не сообразят, куда он их ведет, пока не окажется слишком поздно. А если они это поймут... Что ж, у него имеется и другой план.

С трудом шагая по снегу, петляя между деревьев, Эамон Валда беспрестанно кутался в плащ. Среди заснеженных ветвей, не стихая, вздыхал холодный ветер — обманчиво тихий звук в сером свете сырого дня. Толстую белую шерсть ветер пронизывал точно марлю, мороз доставал до самых костей. Раскинувшийся в лесу перед Валдой бивак был слишком тих. Движение немного согревало, но в такой холод люди, если только не заставлять их двигаться, стремились сжаться в комок.

Внезапно он замер на месте и сморщился: в нос, перебивая дыхание, ударило зловоние — смрад,

как от двух десятков навозных куч, шевелящихся от опарышей. Валда не задохнулся, он лишь сердито нахмурился. Лагерю не доставало аккуратности, которую он так любил. Палатки расставлены беспорядочно, кучками теснясь там, где гуще ветви над головой, лошади привязаны поблизости, а не как положено — к кольям. Именно такая расхлябанность и ведет к грязи. Без присмотра люди станут закидывать лошадиный навоз двумя-тремя лопатами земли, чтобы побыстрее закончить с этим делом, а ямы для отхожих мест выроют так, чтобы не слишком далеко было до них ходить. Любой офицер, находившийся в

подчинении Валды и допустивший такое, очень быстро снял бы погоны, приобрел бы личный опыт в том, как нужно орудовать лопатой.

Валда обозрел лагерь, высматривая источник зловония, когда запаха вдруг не стало. Ветер не переменялся; вонь попросту исчезла. Он удивлялся всего лишь мгновение. Продолжив путь, командир нахмурился еще больше. *Откуда-то* ведь это зловоние доносилось. Он выяснит, кто решил, будто о дисциплине можно позабыть, и примерно его накажет в назидание прочим. Теперь дисциплина должна быть строгой; строже, чем когда бы то ни было.

На краю широкой поляны Валда опять приостановился. Ровный слой снега на ней не нарушали ничьи следы, несмотря на то что лес вокруг скрывал бивак. Держась под сенью деревьев, Валда внимательным взором окинул небо. За плывшими по нему серыми облаками пряталось дневное солнце. Что-то мелькнуло вдали, и у него перехватило дыхание, и только потом Валда понял, что это всего-навсего пролетела птица, какая-то мелкая коричневая тварь, хоронящаяся поближе к земле от соколов. Он коротко, лающе хохотнул — смешок явственно отдавал горечью. Минуло всего-навсего чуть больше месяца с тех пор, как проклятые

Светом Шончан одним невероятным глотком разом заглотили Амадор и Цитадель Света, а у него уже выработались новые инстинкты. Да, умные учатся, а дураки...

Айлрон — набитый дурак, ослепленный сказками о славном прошлом, да еще со временем приукрашенными. Охваченный новыми надеждами, он возмечтал завоевать то могущество, которое приличествует его короне. Он не желал видеть реальности у себя под носом, и результатом стало Айрлоново Бедствие. Как прослышал Валда, это сражение называли битвой при Джерамеле, но так его именовали только амадицийские

нобили, которых можно пересчитать по пальцам. Они, уцелевшие, ошеломленные событиями — точно огретые дубиной бычки, — все же пытались бездумно выдавать желаемое за действительное. Интересно, как эту битву назвал сам Айлрон, когда укрощенные шончанские ведьмы принялись сметать стройные ряды его армии в кровавые ошметки? Картины взрывающейся огненными фонтанами земли будто наяву вставляли перед мысленным взором Валды. Он видел их в своих снах. Ладно, Айлрон мертв, повержен, его убили, когда он пытался бежать с поля боя, и голова его красуется на

пике какого-нибудь тарабонца. Подходящая смерть для глупца. С другой стороны, Валда сплотил вокруг себя свыше девяти тысяч Чад Света. В такие времена человек, который понимает что к чему, мог бы многого добиться.

На дальней стороне поляны, на опушке у самых деревьев, стоял дом, некогда принадлежавший углежогу, — однокомнатная халупа, коряво сложенная из грубых нетесаных камней, стыки между которыми законопачены побуревшей за зиму травой. Судя по всему, хозяин довольно давно забросил это жилище; солома на крыше местами угрожающе просела, и что бы там ни

было прежде в узких окнах, все это давно исчезло. Теперь окна были завешены темными одеялами. Возле плохо пригнанной двери высились двое рослых часовых, на их плащах эмблема золотого лучистого солнца была наложена на алый знак пастушеского посоха. Они мерзли от холода, обхватив себя руками и притоптывая обутыми в сапоги ногами. Будь Валда врагом, решившим напасть на них, они не успели бы даже обнажить меч. Вопрошающим нравится вершить свои труды за закрытыми дверями.

Лица часовых, взиравших на подходившего Валду, были словно высечены из камня. И тот и другой

ограничились лишь равнодушным салютом — и того хватит для человека, который не несет эмблему пастырского посоха, будь он даже самим Лордом Капитан-Командором Детей Света. Один часовой открыл было рот, словно собираясь спросить о цели визита, но Валда прошел между ними и рывком отворил неструганую дверь. Ладно хоть им не вздумалось останавливать его. Попытайся они его задержать, он бы убил обоих.

Валда переступил порог, и Асунава, сидевший за кособоким столом и читавший маленькую книгу, поднял на него взгляд. В костлявой руке исходила паром оловянная

кружка, распространявшая запах пряностей. Кресло со спинкой из реек – второй и последний предмет мебелировки – казалось расшатанным, но кто-то укрепил его сыромятными ремешками. Валда поджал губы, сдерживая презрительную усмешку. Верховному Инквизитору Десницы Света требовалась настоящая крыша, а не полог палатки, пусть даже это будет соломенная крыша, крайне нуждающаяся в починке, и горячее вино с пряностями, хотя никто уже по меньшей мере неделю вообще никакого вина не пригублял. К тому же в каменном очаге, даря скудное тепло, плясало маленькое пламя. Незадолго до Айрло-нова Бедствия,

чтобы не выдал дым, было запрещено разводить костры даже для приготовления пищи. Тем не менее, хотя большинство Детей Света презирали Вопрошающих, к Асунаве они относились со странным почтением, как будто седины и исхудалое лицо мученика наделили его всеми идеалами Чад Света. Для Валды подобное отношение, когда он узнал о нем, оказалось сюрпризом; он не был уверен, известно ли об этом самому Асунаве. Во всяком случае, здесь хватало Вопрошающих, и неприятностей они могли доставить немало. Ничего такого, с чем нельзя было бы справиться, но лучше таких неприятностей избегать.

Хотя бы пока.

— Время почти наступило, — произнес Валда, притворив за собой дверь. — Вы готовы?

Асунава и не подумал встать или потянуться за белым плащом, сложенным возле него на столе. На плаще не было эмблемы солнечной вспышки, только багряный крючок пастушьего посоха. Вместо этого он сложил руки поверх книги, закрыв страницы ладонями. Валде показалось, что это «Путь Света» Мантилара. Необычное чтение для Верховного Инквизитора. Оно более подходит для новичков-новобранцев; тех, кто не умел читать, после того как они приносили клятву, обучали

грамоте, чтобы они могли выучить слова Мантилара.

— Мне докладывали, чадое мое, что в Муранди андорская армия, — сказал Асунава. — Возможно, они продвинулись уже далеко.

— Отсюда до Муранди — путь неблизкий, — ответил Валда, словно и не понял, что заново затевается старый спор. Спор, в котором Асунава уступил, но, как кажется, часто забывает об этом. Но что андорцы делают в Муранди? Если только доклады верны, ведь слишком многие сообщения — фантазии путников, закутанные в ложь. Андор. Само это название занозой сидело в памяти Валды. Могейз мертва или

состоит в прислужницах у кого-то из Шончан. К титулам, если они не их собственные, Шончан почтения не испытывают. Мертва Моргейз или стала служанкой, для него она потеряна, и, что еще важнее, рухнули его планы в отношении Андора. Из полезного рычага Галадедрид превратился в обыкновенного, рядового молодого офицера, причем в такого, который пользуется чрезмерной популярностью у простых солдат. А хороших офицеров они никогда не любили. Но Валда — человек практичный. Прошное останется в прошлом. На место Андора пришли иные планы.

— Не слишком, если мы

отправимся на восток, через Алтару, чадо мое, через северную часть Алтары. Далеко от Эбу Дар Шон-чан уйти не могли.

Протянув руки к очагу и лоя ладонями тепло от маленького пламени, Валда вздохнул. Шончан, как чума, расползались по Тара-бону и здесь, по Амадиции. С какой стати этот человек думает, будто Алтара чем-то от них отличается?

— А разве вы забыли о ведьмах в Алтаре? О тех, у которых есть собственная армия? Неужели нужно напоминать вам? Может, они к этому времени уже вступили в Муранди. — Ах да, те доклады, которым верит Асунава, о ведьмах на марше. Не

желая того, Валда повысил голос: —
Может, так называемая андорская
армия, о которой вы слышали, это и
есть те ведьмы со своим воинством!
Вспомните, они же отдали Кэймли-
н ал'Тору! И Иллиан, и половину
востока! Вы что же, в самом деле
верите в раскол меж ведьмами?
Неужели верите?

Валда сделал медленный
глубокий вдох, успокаиваясь.
Пытаясь успокоиться. Каждый новый
слух с востока — хуже предыдущего.
Порыв ветра, залетевший в дымоход,
брызнул искрами в комнату, и он с
проклятьем отступил назад. Вот
чертова хибара! Даже дымоход как
следует сложить не могут!

Асунава резким движением ладоней захлопнул книгу. Руки его были сложены как для молитвы, но глубоко сидящие глаза внезапно полыхнули жарче огня.

— Я верю, что ведьмы должны быть уничтожены! Вот во что я верю!

— Я бы довольствовался знанием того, как Шончан их укрощают. — Имея достаточное число прирученных и послушных Айз Седай, Валда мог бы изгнать ал'Тора из Андора, из Иллиана, отовсюду, где он воцарился, будто сама Тень. Да он бы превзошел даже Артура Ястребиное Крыло!

— Их нужно уничтожить, —

упрямо твердил Асунава.

— И нас вместе с ними? — спросил Валда.

Раздался стук в дверь, и после отрывистого «войдите» Асунавы на пороге появился один из стоявших снаружи часовых. Вытянувшись как на строевом смотре, он встал в проеме, энергично вскинув руку и прижав ее к груди в салюте.

— Милорд Верховный Инквизитор, — почтительно произнес он, — прибыли члены Совета Помазанников.

Валда ждал. Неужели старый дурень продолжит упрямиться, когда за дверями — все десять уцелевших Лордов-Капитанов, уже в седлах и

готовые к выступлению? Что сделано, то сделано. И это должно было быть сделано.

— Если будет низвергнута Белая Башня, — в конце концов промолвил Асунава, — я могу удовлетвориться этим. На время. Я пойду на эту встречу.

Валда слегка улыбнулся.

— Тогда я согласен. Мы вместе увидим, как падут ведьмы. — Он-то наверняка увидит, как они погибнут. — На вашем месте я бы распорядился приготовить лошадь. До темноты нам еще предстоит долгая дорога. — А вот увидит ли вместе с ним гибель ведьм Асунава, вопрос другой.

Габрелле полюбились прогулки верхом по зимнему лесу вместе с Логайном и Тувин. Логайн всегда позволял им с Тувин ехать следом за ним по собственному усмотрению, в некотором отдалении, лишь бы женщины не слишком отставали. Впрочем, даже оставаясь наедине, Айз Седай редко разговаривали между собой, разве что это при крайней необходимости. Они вовсе не были подругами. На самом деле у Габрелле, когда Логайн предлагал проехаться, зачастую появлялась мысль, что было бы неплохо, если бы Тувин попросила оставить ее дома. Было бы очень хорошо действительно

побыть одной.

Придерживая одной рукой в зеленой перчатке повод, а другой – полы подбитого лисьим мехом плаща, Габрелле позволила себе ощутить холод, совсем чуть-чуть, чтобы взбодриться. Снег был неглубок, но утренний воздух освежал. Темно-серые тучи предвещали в скором времени снегопад. Высоко вверху пролетела какая-то длиннокрылая птица. Наверное, орел; знание птиц не входило в число достоинств Габрелле. Растения и минералы, когда их изучаешь, остаются на месте, да и книги с рукописями не норовят убежать, хотя некоторые от

старости и грозят рассыпаться под пальцами. Все равно на такой высоте она едва ли могла различить птицу, но орел как раз подходил для пейзажа. Вокруг раскинулся негустой лес, тут и там среди стволов виднелись заросли погуще. Громадные дубы и высоченные сосны и ели задавили большую часть подлеска, хотя местами плотные бурые остатки зимостойких вьющихся растений, поджидающих все еще далекую весну, цеплялись за валуны или низкие серые скальные выступы. Габрелле, словно выполняя упражнение для послушниц, старательно запоминала окружающий ландшафт, холодный и

безлюдный.

Не видя вокруг, за исключением двух своих спутников, ни одной живой души, она могла бы даже вообразить себе, что находится где-то в другом месте, а не вблизи Черной Башни. Теперь это внушающее ужас название слишком легко возникало в голове. Она стала такая же реальная, как и Белая Башня, и больше уже не была «так называемой» для любого, кто своими глазами видел огромные каменные казармы, где жили сотни проходивших обучение мужчин, и деревню, выросшую вокруг них. Габрелле прожила в этой деревне почти две недели, но некоторые части Черной Башни она еще до сих

пор не видала – ведь та разрослась на несколько миль, и территорию ее окружали стены из черного камня. Но здесь, в лесу, Габ-релле почти могла обо всем забыть.

Почти. Но оставался еще узел ощущений и эмоций, самая сущность Логайна Аблара, что всегда была в глубине ее подсознания – постоянное чувство сдерживаемой настороженности, мускулов, готовых напрячься в следующий миг. Так, наверное, чувствуешь себя, если за тобой охотится волк или лев. Мужчина время от времени поворачивал голову; даже здесь он не оставлял окружающее без внимания и смотрел по сторонам, словно в

любой миг ожидал нападения.

Стража у Габрелле никогда не было – для Коричневой Сестры это излишняя роскошь, а наемный слуга выполнит все, что ей нужно. И было чудно не просто чувствовать себя не просто частью уз, а оказаться, так сказать, на другом их конце. Хуже, чем просто не на том конце; *эти* узы требовали от нее подчинения, и она была ограничена запретами. Вообще-то это не то же самое, что узы Стража. Сестры не *принуждают* Стражей к повиновению. Впрочем, такое бывает, но нечасто. И уже много веков сестры не связывают узами мужчин против их воли. Что ж, вот он, интересный предмет для

изучения. Габрелле размышляла над истолкованием того, что сейчас ощущала. Иногда она почти что читала мысли Логайна, а в иные моменты словно пробиралась в крошечной тьме шахты, без фонаря, ощупью. У Габрелле не раз мелькала мысль, что она не оставит своих попыток изучать все и вся, даже если ее голову положат на плаху под топор палача. Что, можно сказать, и случилось. Логайн мог ощущать ее, точно так же как и она — его.

Ей нельзя забывать об этом, ни на миг. Может, кое-кто из Аша'-манов и верит, будто Айз Седай примирились со своей неволей, но лишь болван решит, что сорок одна

сестра из тех, что были насильно связаны узами, покорно примут эту участь, а Логайн вовсе не глуп.

Кроме того, ему известно, что их отправили уничтожить Черную Башню. Однако если он заподозрит, что они по-прежнему стремятся отыскать способ покончить с угрозой, которую представляют сотни способных направлять Силу мужчин... О Свет, да в их нынешнем стреноженном состоянии один приказ — и они застынут как вкопанные! Вы не должны причинять никакого вреда Черной Башне. Она не понимала, почему такой приказ не был отдан — может, в качестве обыкновенной меры

предосторожности? Они обязаны преуспеть. Если они потерпят неудачу, то мир будет обречен.

Логайн повернулся в седле – внушительную широкоплечую фигуру облегал прекрасно сшитый кафтан, темный как смоль, ни единого цветного пятнышка, не считая серебряной эмблемы в виде меча и красно-золотого дракона на высоком вороте. Черный плащ отброшен за спину, словно он не позволял холоду коснуться себя. Так, наверное, и было; казалось, эти мужчины верят, что должны противостоять всему и всем, постоянно. Логайн улыбнулся ей – неужели ободряюще? Габрелле заморгала. Неужели она допустила,

чтобы по узам от нее просочилось слишком много беспокойства? Что за трудный танец — стараться контролировать свои эмоции, выказывать только верноподданнические ответные чувства. Чем-то похоже на испытание шалью, когда каждое плетение требовалось делать в точности таким же, без малейшего колебания, невзирая на все то, что отвлекает внимание, только вот это испытание повторялось постоянно, раз за разом.

Логайн переключил свое внимание на Тувин, и Габрелле облегченно вздохнула. Значит, просто улыбка. Приветливый жест. Логайн часто бывал обходителен. Он мог бы

даже быть симпатичным, не будь он тем, кем был.

Тувин расплылась в лучезарной улыбке, и Габрелле усилием воли сдержалась, чтобы не покачать удивленно головой, и это уже не в первый раз. Словно бы хоронясь от холода, она натянула капюшон немного вперед, пряча лицо, но так, чтобы можно было посматривать вокруг, и принялась исподтишка разглядывать Красную Сестру.

Все, что она знала об этой женщине, говорило, что та неглубоко закопала свою ненависть, если она вообще была способна на такое; Тувин испытывала к способным направлять Силу мужчинам столь

глубокое отвращение, как и всякая Красная Сестра, которых встречала Габрелле. Любая Красная должна презирать Логайна Аблара, ведь после всех сделанных им, будто по наущению самой Красной

Айя, заявлений, он провозгласил себя Лжедраконом. Теперь-то он, может, и хранит молчание, но сказанное уже нанесло немалый ущерб. Некоторые из захваченных вместе с Габрелле и Тувин сестер относились к Красным так, словно считали, будто те по меньшей мере угодили в ими самими же и выкопанную яму. И тем не менее Тувин улыбалась Логайну самым глупейшим образом. Габ-релле в

голову пришла ошеломляющая мысль, и она прикусила губу изнутри. Да, правда, Десандре и Лемай приказали всем сестрам добиться задушевных отношений с Аша'манами, которые удерживают их узы, — мужчин надо убаюкать, прежде чем сестры сумеют сделать что-нибудь полезное, — но Тувин открыто принимала в штыки любое приказание и той и другой сестры. Ей вообще претило им подчиняться, и она, возможно, заартачилась и отказалась бы повиноваться, не будь Лемай тоже Красной. Причем не важно, насколько она признавала, что поступает правильно, что это необходимо. Или дело в том, что

больше никто не признавал ее власти, раз она привела их к плену. Эта мысль ей тоже была ненавистна. Однако именно тогда Тувин начала улыбаться Логайну.

Если так оно и было, то как Логайн, находясь на другом конце ее уз, мог принимать ее фальшивую улыбку за чистую монету? Габ-релле уже подступалась к этому вопросу, хотя ни разу и близко не подошла к тому, чтобы распутать этот клубок. Он слишком многое знал о Тувин. Достаточно знать цвет ее Айя. Тем не менее Габрелле ощущала в нем столь же мало подозрительности, когда он глядел на Красную Сестру, как и при взгляде на нее саму. Едва ли Логайн

был совершенно свободен от *всех* подозрений; казалось, он был недоверчив ко всем. Но все-таки меньше — к *любой* сестре, чем к какому-нибудь Аша'ману. Впрочем, и в этом нет никакого смысла.

Он — не дурак, напомнила девушка себе. Тогда почему? И почему тогда — Тувин? Что она-то замышляет?

Внезапно Тувин обратила свою лучезарную улыбку к ней и заговорила так, словно Габрелле по меньшей мере один из этих вопросов произнесла вслух.

— Когда ты рядом, — сказала она еле слышно, на выдохе, — он едва помнит обо мне. Ты, сестра, его

самого пленила.

Застигнутая врасплох, Габрелле невольно вспыхнула. Тувин никогда сама не заводила разговора, и было бы крайним преуменьшением сказать, что она не одобряет поведения Габрелле в отношениях с Логайном. Обольстить Логайна представлялось наиболее очевидным способом подобраться к тому, чтобы узнать его планы, определить его слабости. В конце концов, пусть лучше он и Аша'ман, но она-то задолго до его рождения была Айз Седай, и вряд ли ее назовешь совершенно невинной, когда дело доходит до мужчин. Логайн, когда

понял, что она делает, был настолько изумлен, что Габрелле чуть было не подумала о нем как о *невинном*. И, похоже, сглупила. Как выяснилось, игра в доманийку таила в себе множество сюрпризов и несколько ловушек. Хуже того – там скрывался капкан, о котором она не могла поведать никому. Нечто такое, что – этого она очень боялась – знает и Тувин, пусть хотя бы и частично. Но, значит, всякая сестра, последовавшая за нею, тоже должна знать об этом, и Габ-релле полагала, что так оно и есть. Никто ни словом не обмолвился об этой проблеме, и, разумеется, никто, скорее всего, ничего и не скажет. Хотя Логайн и

маскировал узы тем грубым способом, который, по убеждению Габрелле, все равно позволял ей все обнаруживать, как бы хорошо тот ни прятал свои чувства, но иногда, когда они делили ложе, он позволял маскировке соскользнуть. Говоря без преувеличений, результаты были... потрясающи. В те моменты не было ни спокойной сдержанности, ни хладнокровия исследователя. Вообще камня на камне не оставалось от здравомыслия.

Габрелле поспешила вызвать перед своим мысленным взором заснеженный ландшафт и сосредоточила на нем свой разум. Деревья и валуны и ровный покров

белого снега. Ровный, *холодный* снег.

Логайн не оглянулся на нее; он ни жестом, ни заметным движением, совсем ничем не показал этого, но узы сказали ей, что ему известно о ее секундной потере самоконтроля. Да этот мужчина до краев наполнен самодовольством. И *удовольствием!* Габрелле оставалось лишь сдерживать себя, чтобы не взорваться от возмущения. Но он-то ждет, что она станет кипятиться, чтоб ему сгореть! Он же должен знать, что она ощущает через узы. Однако если дать волю гневу, то это только наполнит его *радостью!* И он даже не старался этого скрывать!

Как заметила Габрелле, на лице

Тувин играла легкая, довольная улыбка, но на раздумья времени у нее не осталось.

Утром они были предоставлены сами себе, но сейчас между деревьев появился еще один всадник. Мужчина без плаща, заметив троицу, резко повернул коня в их сторону и ударил животное каблуками в бока, погнав его, несмотря на снег, вперед. Логайн, воплощенное спокойствие, натянул поводья, поджидая всадника, и Габ-релле, остановив свою лошадь рядом с ним, одеревенела. Чувства, которые накатывали на нее, изменились. Теперь они превратились в напряженную настороженность волка, ожидающего

ловушки. Габрелле не удивилась бы, увидев его руки в боевых перчатках лежащими на эфесе меча, а не сложенными спокойно на высокой передней луке седла.

Вновь прибывший не уступал ростом Логайну, золотистые кудри спадали на широкие плечи, на лице сияла обворожительная улыбка. Габрелле заподозрила, что незнакомец вполне отдавал себе отчет в своей обаятельности. Вряд ли он этого не знал — он был, что называется, красавчик, намного красивее Логайна. Горнило жизни закалило Логайна, заострив грани и ожесточив его лицо. А этот молодой мужчина был весь гладенький и

чересчур хорошенький. Тем не менее на ворота его куртки красовались эмблемы Дракона и Меча. Он окинул двух сестер взглядом ярких синих глаз.

— Логайн, ты с ними обеими спишь? — произнес он низким голосом. — По мне, так у пухленькой вид более трезвомыслящий, зато другая кажется весьма пылкой.

Тувин сердито зашипела, а Габрелле стиснула челюсти. Вообще-то, тайны она ни из чего не делала — она же не кайриэнка какая-нибудь, чтобы всячески скрывать от людей то, за что ее могли упрекнуть открыто. Однако это вовсе не означает, что она согласна стать

предметом досужих разговоров и непристойных шуточек. Хуже всего, он говорил с таким видом, будто они были гулящими девками из таверны!

— Чтоб я такого больше не слышал, Мишраиль, — негромко промолвил Логайн, и Габрелле ощутила, как узы снова изменились. Теперь они были холодны; холодны так, что даже снег казался теплее. Холодны так, что могила — и та казалась теплее. Ей доводилось прежде слышать это имя — Атал Мишраиль, и она чувствовала недоверие Логайна, когда тот произносил его, — определенно большее недоверие, чем он испытывал к ней или Тувин, — но от

этого ощущения веяло убийством. Просто смехотворно. Мужчина держит ее в плену, однако готов прибегнуть к насилию, чтобы защитить ее репутацию? Какая-то часть ее существа хотела рассмеяться, но Габрелле припрятала эту информацию на будущее. Пригодится всякая крупица знаний.

Молодой и бровью не повел, услышав угрозу. Улыбка его даже не дрогнула.

— М'хаель говорит, что ты, если хочешь, можешь идти. Непонятно, почему тебе взбрело в голову отправиться набирать новичков.

— Кто-то же должен это делать, — отозвался Логайн ровным голосом.

Габрелле с Тувин обменялись озадаченными взглядами. С чего бы это Логайну захотелось отправиться на вербовку? Они не раз видели, как возвращались после вылазок за новобранцами отряды Аша'манов, и вид после перемещений на дальние расстояния они имели очень измученный, и вдобавок они обычно были грязные и злые. Кажется, мужчины, агитирующие за Дракона Возрожденного, не всегда встречали теплый прием, особенно потом, когда люди узнавали, что им на самом деле надобно. И почему они с Тувин слышали об этом только сейчас? Габрелле готова была поклясться, что, деля с ней постель,

Логайн рассказывал ей обо всем.

Мишраиль пожал плечами:

— Для такой работы хватает
Посвященных и солдат. Конечно,
думаю, тебе прискучило следить за
обучением. Учить оболтусов
красться по лесу и лазать по скалам,
как будто они не в состоянии и нити
Силы направить. Да любая захудалая
деревенька и то покажется
получше. — Вдруг его улыбка
превратилась в ухмылку —
самодовольную, надменную и вовсе
не обаятельную. — Может, если ты
попросишь М'хаеля, он разрешит
тебе заниматься вместе с его
учениками во дворце? Тогда бы ты не
скучал.

На лице Логайна не дрогнул ни единый мускул, но Габрелле ощутила пронесшуюся по узам стрелу ярости. Ей довелось случайно услышать обрывки кое-каких слухов о Мазриме Таиме и его не всем доступных занятиях, но на деле каждая сестра знала лишь то, что Логайн и его сотоварищи не доверяли ни Таиму, ни кому бы то ни было из тех, кто посещал его уроки, а Таим, по-видимому, не доверял Логайну. К сожалению, сведения, которыми сестры располагали об этих занятиях, грешили скудностью; ни одна из них не была связана узами с мужчиной Таима. Некоторые полагали, что взаимная

подозрительность проистекает из того, что в разное время и Логайн, и Таим провозглашали себя Возрожденными Драконами, а иные даже считали недоверчивость признаком того безумия, которое постигает мужчин, способных направлять Силу. Габрелле же не замечала у Логайна никаких признаков умопомешательства, а выискивала она их с тем же упорством, что и приметы, по которым со стороны видно, что тот вот-вот направит Силу. Если она будет по-прежнему связана узами с Логайном, когда тот впадет в безумие, оно может захватить и ее разум. Впрочем, что бы ни вызвало

трещину в рядах Аша'манов, этим нужно воспользоваться.

Под взором Логайна улыбка Мишраиля поблекла.

— Довольствуйся мизером, — наконец сказал Мишраиль, разворачивая коня. От сильного удара каблуками животное прынуло вперед, а он выкрикнул через плечо: — Кое-кого из нас, Логайн, ждет слава.

— Недолго ему радоваться своему Дракону, — пробормотал Логайн, глядя вслед удаляющемуся галопом всаднику. — Слишком длинный язык.

Габрелле подумала, что замечание Логайна вряд ли предназначалось для нее и Тувин, но тогда зачем он вообще что-то

говорил? И почему он вдруг так встревожился? Логайн весьма умело скрывал свою тревогу, особенно принимая во внимание узы, но тем не менее он был обеспокоен. О Свет, иногда казалось, что лучше и не знать о том, что творится в голове у мужчины! От этого путаницы еще больше!

Вдруг Логайн обратил свой взор на них с Тувин, изучающе оглядел обеих. Новая струйка обеспокоенности проскользнула по узам. Неужели он о них тревожится? Или — что за странная мысль — тревожится *за* них?

— Боюсь, нашу прогулку придется прервать, — помолчав,

сказал Логайн. – Мне нужно кое к чему подготовиться.

Он не стал гнать коня галопом, но в деревню, где жили проходившие обучение мужчины, возвращался намного быстрее, чем выезжал из нее. Теперь Логайн был на чем-то сосредоточен; как предположила Габрелле, он о чем-то напряженно размышлял. Узы буквально гудели от напряжения. Конем он правил, должно быть, почти что машинально.

Их маленький отряд повернул обратно, и немного погодя Тувин подъехала поближе к Габрелле. Склонившись в седле, Тувин попыталась впиться взглядом в Габрелле, одновременно кидая

быстрые взгляды на Логайна, словно боясь, что он, оглянувшись, застанет их за разговором. Судя по всему, на то, что подсказывали узы, Тувин внимания никогда не обращала. Пытаясь разом делать два дела, она дергалась в седле туда-сюда, как тряпичная кукла, в любой момент рискуя свалиться наземь.

— Мы должны пойти с ним, — прошептала Красная Сестра. — Чего бы это ни стоило, ты должна этого добиться. — Габрелле вскинула брови, и Тувин, надо отдать ей должное, покраснела, но настойчивости не утратила. — Нельзя допустить, чтобы нас оставили, — торопливо зашептала она. — Явившись сюда, он от своих

честолюбивых замыслов не отказался. Какую бы гнусность он ни замыслил, мы ничего не сможем поделать, если нас не будет рядом с ним, когда он начнет действовать.

— Что у меня под носом, я и так прекрасно вижу, — резко ответила Габрелле и почувствовала облегчение, когда Тувин просто кивнула головой и замолчала. Чтобы обуздать страх, который нарастал у нее в душе, Габрелле большего сделать не могла. Неужели Тувин никогда не *задумывалась* о том, что она должна ощущать через узы? Нечто, что всегда присутствовало в соединении с Логайном — решимость — теперь окрепло и было

пронзительно-острым, как
отточенный нож. Ей показалось, на
сей раз она понимает, что это значит,
и от такого знания у нее пересохло во
рту. Габрелле испытывала
непоколебимую уверенность, что
Логайн Аблар отправляется на войну,
хотя она и не могла сказать, на войну
с кем.

Медленно спускаясь по
широкому коридору, который
нисходящими полого спиралями
обвивал Белую Башню, Юкири
чувствовала себя злой на весь мир
изголодавшейся кошкой. Она едва
заставляла себя прислушиваться к
речам неспешно идущей рядом

сестры. Утро по-прежнему оставалось еще сумрачным, рассвет едва пробивался сквозь пелену сильного снегопада, окутавшую Тар Ва-лон, и на средних уровнях Башни холод стоял такой, как зимой в Пограничных Землях. Ну, может, было и не настолько холодно, допустила чуть погода Юкири. Ей уже много лет не доводилось бывать так далеко к северу, и память преувеличивала то, что не забылось. Вот поэтому-то так и важны письменные свидетельства. За исключением, конечно, тех случаев, когда кое-что не осмеливаешься даже записать. Так или иначе, но все равно было холодно. При всей одаренности

и мастерстве древних зодчих, на такую высоту тепло от громадных подвальных печей не доходило. Язычки пламени над золочеными шандалами плясали на сквозняках, а некоторые потоки воздуха, наиболее сильные, колыхали тяжелые гобелены, развешанные через определенные промежутки вдоль белых стен: весенние цветы, лесные пейзажи и диковинные животные и птицы чередовались с картинами триумфов Башни. Последние никогда не увидишь внизу, на открытых для простого люда этажах. В собственных апартаментах Юкири, где от разожженных каминов исходит блаженное тепло, когда-то было

намного уютнее.

В голове у Юкири, как она ни старалась этого избежать, продолжали безостановочно крутиться мысли о новостях из внешнего мира. Или в большинстве случаев правильнее было бы сказать – о недостатке надежных известий. В сообщениях «глаз-и-ушей» из Алтары и Арад Домана – сплошная сумятица, а редкие доклады, вновь начавшие просачиваться из Тарабона, были ужасны. Если верить слухам, то правители Пограничных Земель – повсюду, от Запустения до Андора и от Амадиции и до Айильской пустыни. Единственный подтвердившийся факт – что ни один

из них не находится там, где ему положено быть, — на страже границ Запустения. Айил прямо-таки кишат повсюду и, похоже, окончательно вышли из-под власти ал'Тора, если он вообще когда-либо их контролировал. Последние вести из Муранди чуть не заставили ее одновременно скрипеть зубами и рыдать, а уж те сведения, что пришли из Кай-риэна!.. Сестры заполонили Солнечный Дворец, некоторых подозревают в принадлежности к бунтовщицам, так что в лояльности ни одной из них нельзя быть уверенной. А от Койрен и ее посольства по-прежнему никаких вестей с тех пор, как они покинули город, хотя они уже давно

должны были возвратиться в Тар Валон. Мало того, ал'Тор опять исчез неведомо куда, словно сквозь землю провалился. Неужели правдивы слухи, что он наполовину разрушил Солнечный Дворец? О Свет, он же *не мог* пока еще сойти с ума! Или же предложение Элайды о «покровительстве» испугало его и теперь он прячется? Или *что-то* его напугало? Ее саму ал'Тор пугал. И он пугал остальных из Совета Башни, какую бы мину те ни исхитрялись изображать.

Полная уверенность была только в одном: ничто из всего этого не имело никакого значения, как не важен грибной дождик, если на тебя

обрушился ливень с ураганом. Понимание этого ни в коей мере не улучшало настроения. Тревожиться о том, что ты угодила в заросли шиповника, пусть даже ядовитые шипы со временем способны тебя убить, — непозволительная роскошь, когда в ребра упирается острый нож.

– Всякий раз за последние десять лет она покидала Башню исключительно по собственным делам, так что нет никаких записей, чтобы это проверить, – бормотала Мейдани, спутница Юкири. – Трудно узнать в точности, где она на самом деле бывала, уходя из Башни и соблюдая... осмотрительность.

Темно-золотистые волосы

Мейдани удерживали гребни из драгоценной резной кости. Она была высока ростом и довольно стройна, так что пышная грудь казалась несколько великоватой для ее фигуры, это впечатление усиливали также облегающий ее вышитый темно-серебристый корсаж и то, как Мейдани шла, нагнувшись к самому уху Юкири. Концы шали Мейдани свисали с запястий, длинная серая бахрома волочилась по изразцовому полу.

– Выпрями позвоночник! – тихо буркнула Юкири. – У меня уши землей не забиты.

Мейдани резко выпрямилась, на скулах вспыхнул легкий румянец.

Подтянув шаль повыше, Мейдани бросила косой взгляд через плечо на своего Стража. Леонин шагал следом за женщинами, но тактично держался на расстоянии. Впрочем, если до них и доносилось едва различимое легкое позвякивание серебряных колокольчиков, вплетенных в черные косички худощавого мужчины, то он-то ничего не мог услышать из сказанного, ведь женщины говорили приглушенным голосом. Он знал не более, чем было необходимо, — крайне мало, не считая того, что его Айз Седай кой-чего от него хочет. Вполне достаточно для любого приличного Стража. Если бы он

услышал слишком много, могли бы возникнуть проблемы, тем не менее нужды шептать не было. Когда люди видят, как кто-то шепчется между собой, то у них обычно возникает желание узнать, о чем тут секретничают.

Однако другая Серая Сестра вызывала у Юкири не больше раздражения, чем внешний мир, пусть даже Мейдани и была вороной в лебединых перьях. Во всяком случае, не она являлась главным источником ее гнева. Отвратительно, когда бунтовщица прикидывается верной сторонницей, но Юкири на самом деле обрадовалась, когда Саэрин и Певара убедили ее, что

пока еще рано предавать Мейдани и ее товарок-ворон закону Башни. Теперь крылья у них подрезаны, и они — полезны. Они могли бы даже рассчитывать на толику снисхождения, когда предстанут перед лицом правосудия. Разумеется, когда вскрыется, благодаря какой клятве подрезали крылышки Мейдани, то дело запросто может обернуться так, что и сама Юкири попросит снисхождения. Бунтовщицы они или нет, но то, что Юкири и другие сделали с Мейдани и ее сообщницами, так же далеко выходило за пределы закона, как и убийство. Или измена. Клятва, требующая личного повиновения — и

принесенная на Клятвенном Жезле! Обет, данный под давлением! Все это слишком близко к Принуждению, каковое решительно запрещено, хотя так и не получило исчерпывающего определения. Тем не менее иногда, выкуривая шершей, волей-неволей да и вымажешься в известке, а Черные Айя — шершни с крайне ядовитыми жалами. Закон в надлежащее время будет применен: без закона все остальное — ничто, но Юкири нужно скорее думать о том, останется ли она в живых, выкуривая шершей, а не размышлять, какого наказания потребует для нее закон. Мертвецам нет нужды беспокоиться о наказаниях.

Отрывистым жестом она велела Мейдани продолжать, но не успела та вновь открыть рот, как из-за угла, свернув из бокового коридора прямо на них, вышли три Коричневых Сестры, выставивших свои шали напоказ, будто какие Зеленые. Маррис Торнхилл и До-райзе Месианос (Юкири немного знала их, как Восседающие обычно знают сестер из других Айя, которые долгое время проводят в Башне). Иначе говоря, она могла соотнести лица с именами, но вряд ли знала больше. Если поднапрячься, то Юкири описала бы их так: спокойные и поглощенные собственными исследованиями. Элин Вар-рел

совсем недавно удостоилась шали, так что наверняка еще машинально приседает в реверансе. Но вместо того чтобы с надлежащей учтивостью приветствовать Восседающую, все трое воззрились на Юкири и Мейдани, точно кошки на невиданных собак. Или, быть может, наоборот. Никакой кротостью тут и не пахло.

— О Восседающая, могу ли я спросить о сути арафелского закона? — невозмутимо промолвила Мейдани, как будто намеревалась задать именно этот вопрос.

Юкири кивнула, и Мейдани пустилась в рассуждения относительно того, чем право на

рыбную ловлю на реках отличается от права на таковую на озерах – не бог весть какая тема. Любая женщина-судья могла обратиться к Айз Седай с просьбой выслушать дело о праве на рыбную ловлю, но только для того, чтобы подкрепить собственную позицию в случае, если в рассмотрение вовлечены люди могущественные и она сомневается в целесообразности апелляции к трону.

Следом за Коричневыми Сестрами шел один-единственный Страж – Юкири не могла припомнить, чей он, Маррис или Дорай-зе, – крупного телосложения, с суровым круглым лицом и темным

хохолком волос на макушке. Леонина, с мечами за спиной, он оглядел с недоверием, которого, очевидно, понабрался у своей сестры. Парочка, задрав пухлые подбородки, прошествовала мимо по слегка загибающемуся спиралью коридору, а тощая новоиспеченная сестра, стараясь поспевать за ними и заметно нервничая, неслась чуть ли не вприпрыжку. За ними, с видом человека, оказавшегося во враждебной стране, прошагал Страж.

В нынешние времена враждебность стала чересчур привычной. Невидимые стены, разделявшие Айя, некогда толстые лишь настолько, чтобы ограждать

тайны каждой Айя, ныне превратились в твердокаменные бастионы с крепостными рвами. Нет, не со рвами — это уже пропасти, бездонные и широкие. Сестры больше не выходили из своих апартаментов в одиночку, зачастую Стражи сопровождали их даже в библиотеку и обеденные залы, и они всегда носили шали, как будто иначе кто-то мог бы ошибиться в их принадлежности к определенной Айя. Юкири сама носила свою лучшую шаль — вышитую серебряными и золотыми нитями, с длинной шелковой бахромой, свисавшей до самых лодыжек. Так что у нее возникло мимолетное

подозрение, что и она, пусть чуточку, но демонстрирует свою Айя. А в последнее время Юкири несколько раз ловила себя на мысли, что дюжина лет без Стража — срок весьма долгий. Мысль ужасающая — стоило ей только докопаться до первоисточков. Кому из сестер в стенах Белой Башни нужен Страж?

Не впервые ее как громом поразила мысль, что кто-то должен выступить посредником между различными Айя, причем не откладывая дела в долгий ящик, иначе бунтовщицы объявятся на пороге, наглые, как воры, и опустошат дом, пока прочие вздорят из-за того, кому достанется

оловянная посуда двоюродной бабушки Суми. Но для Юкири единственной ниточкой, потянув за которую она могла размотать клубок, была Мейдани и ее подруги. Они во всеуслышание признали, что посланы в Башню в качестве бунтовщиц, чтобы распускать слухи — глупые рассказы, которые они упрямо пытаются выдать за правду! — будто Красная Айя сделала из Логайна Лжедракона. Как *может* такое быть правдой? Чтобы Певара о том не ведала? Невозможно помыслить, чтобы Восседающую, тем паче Певару, водили за нос. В любом случае, эта невероятная загадка сейчас уже затерялась среди

такого множества других
головоломок, что она вряд ли сама по
себе имеет какое-то значение. Кроме
того, в противном случае неизбежно
пришлось бы отказаться от помощи
десяти женщин из четырнадцати,
которые наверняка не являются
Черными Айя, не говоря уже о том,
что тогда, по всей вероятности,
откроется и то, что совершили
остальные. А буря надвигается, она
все ближе и ближе.

Юкири вздрогнула, но дрожь ее
не имела отношения к сквознякам в
коридоре. Еще до того как минует
буря, она, как и всякая другая
женщина, узнавшая правду, может
умереть. Либо в своей постели, либо

в результате так называемого несчастного случая. Или же она попросту исчезнет – как будто уехала из Башни и сгинула неведомо где. Больше ее никто и не увидит. В этом Юкири не сомневалась. Все улики будут запрятаны так глубоко, что целая армия с лопатами никогда ничего не найдет. Даже слухи замажут-зашпакуют. Такое и раньше случалось. Мир и большинство сестер по-прежнему полагали, что Тамра Оспения скончалась в своей постели. Юкири сама этому верила. Черных Ая нужно обложить, связать их по рукам и ногам, и лишь тогда охотники, возможно, пойдут на риск и

осмелятся предать их существование гласности.

Когда Коричневые Сестры отошли на безопасное расстояние, Мейдани продолжила доклад, но вскоре умолкла вновь. В паре шагов, чуть ли не перед носом у двух Серых Сестер, из-за гобелена внезапно появилась крупная волосатая рука и откинула его в сторону. Ледяной поток воздуха хлынул из дверного проема, скрытого шпалерой с изображениями ярко размалеванных птиц Затопленных Земель, и в коридор, пятясь, вышел крепко сбитый мужчина в толстой коричневой рабочей одежде. Он тащил за собой ручную тележку,

доверху нагруженную чурбаками гикори, а еще один работник в груботканой куртке подталкивал ее с другой стороны. Обыкновенные слуги белую эмблему Пламени на одежде не носили.

При виде двух Айз Седай мужчины поспешно опустили гобелен на место и с усилием откатали свою тележку прочь, к самой стене, уступая дорогу сестрам. Одновременно пытаясь еще и отвешивать поклоны, они едва не опрокинули груз, а потом, не оставив попыток кланяться, лихорадочно кинулись ловить заскользившие поленья. Несомненно, заканчивая свою работу, они не ожидали

столкнуться с Айз Седай. Юкири всегда испытывала симпатию к тем людям, кому приходится носить дрова, воду и все прочее по служебным пандусам с первого этажа наверх, но сейчас она прошествовала мимо работников с мрачным видом.

Разговор на ходу подслушать нельзя, а для конфиденциальной беседы с Мейдани лучше места, чем коридоры в общих помещениях Башни, не придумать. Там намного лучше, чем в апартаментах самой Юкири, где всякий младший страж выставленный для защиты от подслушивания, сразу же объявил бы всем на половине Серых, что она

секретничает. И, что намного хуже, стало бы ясно — с кем она секретничает. Сейчас в Башне находилось всего около двух сотен сестер — столько Белая Башня могла принять в свои недра без труда и при этом казаться опустевшей, а поскольку все сторонятся друг друга, то в общих помещениях почти наверняка будет малоллюдно. Так предполагала Юкири.

Она принимала в расчет ливрейных слуг, которые проверяют фитили и уровень масла в лампах и заняты еще сотней других дел, и работников в простых одеждах, таскающих в плетеных корзинах на спинах один Свет знает что. У них

всегда есть дела в ранние часы, когда они готовят Башню к новому дню, но сейчас слуги торопливо кланялись или приседали в реверансах и спешили убратся прочь с глаз сестер. Чтобы ничего не услышать даже краем уха. Слуги в Башне понимали, что значит быть тактичными, тем более что любого подслушивающего разговоры Айз Седай в тот же миг выгнали бы за порог. Из-за царящей ныне в Башне атмосферы слуги с особенной поспешностью избегали даже возможности случайно услышать хоть слово, которое не предназначено для их ушей.

Юкири не учла лишь одного —

сколько сестер предпочтут вести разговоры, прогуливаясь по двое-трое за пределами своих апартаментов, несмотря на ранний час и вопреки холоду. Красные старательно прятали взоры, столкнувшись с любой сестрой, за исключением Красной, Зеленые и Желтые будто стремились перещеголять друг друга в надменности, а Коричневые словно желали превзойти и тех и других. Несколько Белых, все как одна – без Стражей, пытались сохранить личину хладнокровного благоразумия, но то и дело вздрагивали, заслышав эхо собственных шагов. Казалось, стоило исчезнуть из виду одной маленькой

группке, как через считанные минуты откуда-то появлялась другая, так что Мейдани постоянно не меньше времени приходилось болтать о какой-нибудь чепухе, наподобие арафелской юриспруденции, вместо того, чтобы уделять время отчету.

Что хуже всего, две Серые Сестры, увидев Юкири и Мейдани, заулыбались, по-видимому явно испытывая облегчение, и хотели было присоединиться к принадлежащим той же Айя сестрам, но Юкири покачала головой. Нечаянная встреча крайне ее взбесила, ибо любой свидетель несомненно поймет, что у нее есть

особая причина секретничать с Мейдани. Даже если это и не заметят Черные Айя — и да ниспошлет Свет, чтобы не было никаких оснований для обратного, — и без того уже чересчур много сестер в нынешние дни шпионят за другими Айя. И, несмотря на Три Клятвы, сплетни, что из-за них пойдут гулять, каким-то непостижимым образом станут расти как на дрожжах. А поскольку Элайда, очевидно, пытается грубой силой принудить Айя к подчинению, подобные слухи слишком часто будут приводить к епитимье, и хорошо, если сумеешь удачно притвориться, будто сама решила к ней прибегнуть, по

собственным причинам. Это лучшее, на что остается надеяться. Однажды Юки-ри уже довелось пройти через подобное, и у нее не было ни малейшего желания понапрасну тратить дни, вновь и вновь протирая полы, тем более теперь, когда у нее дел по горло и не знаешь, за какое хвататься первым. А альтернатива — посещение тайком Силь-вианы — была ничем не лучше, пускай даже этот вариант сэкономит время! Казалось, Элайда лютует пуще прежнего с того времени, как начала призывать Сильвиану для собственной, предположительно конфиденциальной, епитимьи. Ходящие об этом по всей Башне

толки не утихают до сих пор.

Как ни горько Юкири было это признавать, но именно поэтому-то она и осторожничала, бросая взгляды на прочих сестер. Задержи взгляд подольше – и тебя саму примут за соглядатая. Отведи взор в сторону слишком поспешно – скажут, вид у тебя вороватый, и опять результат – тот же. И все равно Юкири едва удержалась, чтобы не проводить взглядом парочку Желтых Сестер, которые неторопливо прошли по пересекавшему коридор переходу, с видом королев, прогуливающих в собственном дворце.

Позади них, давая сестрам возможность вести разговор наедине,

шагал смуглый коренастый Страж. Поскольку у Атуан Ларисетт не было Стража, то он, должно быть, принадлежал Приталле Нербайджан, зеленоглазой женщине, чей нос почти не напоминал о ее салдэйском происхождении. Юкири мало что было известно о Приталле, но она обязательно разузнает побольше — после того как увидела ее конфиденциально беседующей с Атуан. В сером платье, с высоким воротом и желтыми разрезами, с отороченной шелковой бахромой шалью, тарабонка была ослепительна. Темные волосы, заплетенные в тонкие, украшенные бусинками косички, спускались до

талии, обрамляя лицо, которое каким-то образом казалось совершенным, не будучи при этом красивым. Она даже была довольно скромной, по крайней мере для Желтой. Но именно за этой женщиной Мейдани и другие пытались следить, стараясь остаться незамеченными. Имя этой женщины они опасались произносить вслух, предварительно не оградившись прочными малыми стражами. Атуан Ларисетт была одной из тех трех Черных Сестер, которых знала Талене. Именно так, тройками, организовывались Черные Айя: три женщины знали друг друга, три женщины образовывали одно

«сердце», при этом каждая знает еще одну, не известную двум остальным. Атуан была той самой «еще одной», которая была известна Талене, поэтому существовала надежда, что через нее можно выйти на двух других.

Перед тем как парочка исчезла из вида за углом, Атуан бросила взгляд на спиралевидный коридор. Ее взор лишь мазнул по Юкири, но этого хватило, чтобы у той сердце подступило к горлу. Юкири продолжала идти дальше, с усилием сохраняя спокойствие на лице, а дойдя до угла, осмелилась и сама бросить стремительный взгляд в поперечный переход. Атуан с

Приталле отошли уже довольно далеко, направляясь в сторону внешнего кольцевого коридора. Следом ступал Страж, но никто из них не оглядывался. Приталле качала головой. В ответ на речи Атуан? Они были слишком далеко, и Юки-ри не могла расслышать ни звука, до ее слуха доносился лишь слабый стук каблуков смуглого Стража по плитам пола. Это был всего-навсего взгляд. Разумеется, всего лишь взгляд, и больше ничего. Юкири ускорила шаг, чтобы скрыться из виду, если кто-то из той троицы вдруг посмотрит через плечо, и перевела дыхание, которое непроизвольно задержала. Вздых разом ссутулившейся Мейдани

Отозвался эхом ее собственного
вздоха.

*Странно, как это на нас
подействовало,* подумала Юкири,
расправляя плечи.

Когда они впервые узнали, что
Талене – Приспешница Темного, та
была огражденной щитом
пленницей. *И она все равно пугала
нас так, что во рту пересыхало,*
призналась себе Юкири. Ну, сначала
у них пересохло во рту от того, что
они сделали, добиваясь от Тале-не
признания, а уж от открывшейся
правды у них языки к гортани
прикипели. Теперь Талене
стреножена похлеще Мейдани и
находится под бдительным караулом,

даже когда якобы идет сама по себе, — сама Саэрин не сумела придумать способ, как содержать под замком Восседающую так, чтобы этого никто не заметил. И Талене — что за жалкое зрелище! — буквально горела нетерпением поделиться любой крупницей сведений о том, что знала или хотя бы предполагала, что знает, в надежде, что это может спасти ей жизнь. Хотя и выбора-то у нее не было. Вряд ли ее стоит бояться. А вот остальных...

Певара пыталась настаивать, что Талене, должно быть, ошибается в отношении Галины Касбан. Она не на шутку рассердилась — и гневалась целый день, — когда ее в конце

концов убедили, что ее Красная Сестра на самом-то деле – Черная. Певара до сих пор твердит, что задушит Галину своими руками. Юкири сама ощутила холодную отрешенность, когда было названо имя Тимэйл Киндероде. Если в Башне есть Приспешницы Темного, то само собой разумеется, что некоторые из них окажутся Серыми, хотя примириться с жутким известием помогла, возможно, и неприязнь к Тимэйл. Юкири сохраняла спокойствие даже тогда, когда подбила счета и сообразила, что Тимэйл покинула Башню в то самое время, когда были убиты три сестры. Это увеличило список

подозреваемых – другие сестры тогда тоже уехали, но Галины, Тимэйл и прочих в Башне не было, они оставались пока вне досягаемости, и только двух можно с уверенностью назвать Приспешницами Темного.

И вот Атуан – Черная Айя, вне всяких сомнений, – расхаживает тут по Башне как ей заблагорассудится, свободная от Трех Обетов. И пока Дозин не сумеет тайно организовать ее допрос – задача трудная даже для Восседающей от Айя, к которой принадлежит и Атуан, поскольку допрос должен произойти по секрету вообще ото *всех*, – до той поры они могут только лишь следить. Следить издалека, со всей

осмотрительностью и опаской. Это все равно что жить рядом с алой гадюкой – никогда не знаешь, когда окажешься со змеей с глазу на глаз; никогда не знаешь, когда она может укусить. Все равно что жить в логове алых гадюк и иметь возможность следить лишь за одной.

Вдруг до Юкири дошло, что широкий, изгибающийся коридор впереди, насколько было видно, пуст, а оглянувшись, она поняла, что позади – только Леонин. Не считая их троих, Башня казалась совершенно безлюдной. И никакого шевеления, за исключением подрагивающих язычков пламени в шандалах. И тишина.

Мейдани чуть вздрогнула.

– Простите, Восседающая. Она так неожиданно появилась, я просто была ошеломлена. На чем я остановилась? Ах да! Как я понимаю, Селестина и Аннхарид пытаются разузнать о ее близких подругах среди Желтых. – Обе, и Селестина и Аннхарид, принадлежали к Желтой Айя и были в числе подруг-заговорщиц Мейдани. Их было по две из каждой Айя, разумеется за исключением Красной и Голубой, что оказалось очень кстати. – Боюсь, эти сведения мало помогут. У нее обширный круг друзей, или же так было, пока... пока между Айя не возникли нынешние

отношения. — Сколь бесстрастным ни оставалось выражение лица Мейдани, в голосе прозвучала довольная нотка; хоть и дала она дополнительную клятву, но все равно оставалась бунтовщицей. — Выяснить все ее связи будет очень непросто, почти невозможно,

— Забудь пока о ней. — Юкири с трудом сдерживалась, чтобы не вытягивать шею в стремлении посмотреть разом во все стороны. Расшитый крупными белыми цветами гобелен слегка заколыхался, и она замолчала, пока не убедилась, что это всего лишь сквозняк, а не еще один слуга, выходящий из служебного коридора. Юкири никогда не

удавалось запомнить расположение служебных переходов и дверей. Новая тема разговора представляла не меньшую опасность, чем обсуждение Атуан. — Прошлым вечером я вспомнила, что ты была послушницей в одно время с Элайдой и, если не ошибаюсь, вы были очень дружны. Неплохо бы возобновить прежнюю дружбу.

— Прошло уже столько лет, — неохотно ответила Мейдани, подтягивая шаль на плечи и заворачиваясь в нее, словно вдруг ощутила холод. — Собственно, Элайда порвала отношения, когда получила звание Принятой. Если бы я оказалась на занятиях, которые

Элайда вела, ее могли бы упрекнуть в том, что у нее появились любимчики.

— А тебя — в том, что ты не была среди любимчиков, — сухо промолвила Юкири. Это было вполне в духе Элайды. Перед тем как отправиться в Андор, несколько лет назад, она так сурово обращалась с теми, кому прежде отдавала предпочтение, что сестрам несколько раз приходилось вмешиваться. Как ни странно сейчас об этом вспоминать, но одной из них была Суан Санчей, хотя ее никогда не приходилось избавлять от заданий, с которыми она не могла бы справиться. Странно и печально. — И

тем не менее ты *сделаешь* все, что в твоих силах, чтобы возобновить дружбу.

Мейдани прошла пару десятков шагов по коридору, безмолвно открывая и закрывая рот, то и дело поправляя шаль, подергивая плечами, словно пытаясь согнать слепня и старательно глядя куда угодно, лишь бы не на Юкири. Как женщина вообще может быть Серой, когда так плохо владеет собой?

— Я уже пыталась, — в конце концов прерывающимся голосом произнесла Мейдани. Она по-прежнему избегала взгляда Юкири. — Несколько раз. Хранительница... Алвиарин ни разу не дала мне с ней

встретиться. Амерлин занята, у нее назначены встречи, ей нужно отдохнуть. Всегда находились какие-то отговорки. Думаю, Элайда просто не желает возобновлять дружбу, которую прекратила больше тридцати лет назад.

Значит, мятежницы тоже не забывали об этой дружбе. Как же они хотели ею воспользоваться? По всей вероятности, организовать слежку. Надо будет выяснить, как Мейдани собиралась передавать дальше то, что намеревалась узнать. Так или иначе, мятежницы дали в руки Юкири инструмент, и она обязательно пустит его в ход.

— Алвиарин больше не стоит у

тебя на пути. Вчера или, может, позавчера она покинула Башню. Точно никто не знает. Но горничные утверждают, что она взяла с собой смену одежды, так что маловероятно, чтобы Алвиарин вернулась раньше чем через несколько дней.

— Куда она могла отправиться в такую-то погоду? — нахмурилась Мейдани. — Со вчерашнего утра идет снег, да и раньше было ясно, что надвигается снегопад.

Юкири остановилась и обеими руками развернула спутницу лицом к себе.

— Мейдани, тебя должно волновать только одно — то, что ее нет, — твердо сказала она. И правда,

куда же отправилась Алвиа-рин в такую непогоду? – Дорога к Элайде свободна, и ты воспользуешься ситуацией. И будешь внимательно следить, не читает ли кто бумаги Элайды. Только осторожно, чтобы никто не заметил твою слежку. – Талене утверждала, что Черные Айя узнавали обо всем, что происходит в кабинете Амерлин, раньше, чем объявляли о ее решениях. Необходимо иметь кого-то подле Элайды, чтобы выяснить, как это происходило. Конечно, Алвиарин просматривает все, прежде чем Элайда подписывает бумаги, и она забрала власти больше, чем кто-либо из известных Хранительниц

Летописей, но это еще не причина, чтобы обвинять ее в принадлежности к Друзьям Темного. Но нет и причины утверждать противоположное. Ее прошлое тоже тщательно изучается. — Если сумеешь, следи также и за Алвиарин, но самое важное — это бумаги Элайды.

Мейдани вздохнула и неохотно кивнула. Конечно, ей придется подчиниться, но она отдавала себе отчет, насколько для нее опасно, если вдруг выяснится, что Алвиарин — Приспешница Темного. Впрочем, и сама Элайда вполне могла оказаться Черной, как бы настойчиво ни отвергали такую возможность

Саэрин и Певара. Приспешница Темного – на Престоле Амерлин. От подобной мысли сердце точно в укус опустили.

– Юкири! – раздался позади в коридоре женский голос. Восседающим Совета Башни при звуке собственного имени не

положено подпрыгивать, как испуганной козе, но именно так и произошло. Не держись Юкири за Мейдани, она могла бы упасть, и все равно они обе пошатнулись, будто перепившиеся фермеры, танцующие на празднике урожая.

Придя в себя, Юкири рывком оправила шаль и напустила на лицо угрюмое выражение, которое стало

ничуть не радостнее, когда она увидела, кто к ней торопится. Предполагалось, что Сине, если она не находится с Юкири или с кем-то из Восседающих, кому известно о Талене и Черных Айя, будет оставаться в своих комнатах, в окружении как можно большего числа Белых Сестер. Но вот она тут, спешит по коридору, в компании одной-единственной Бернай-лы Гелбарн, коренастой тарабонки и вдобавок еще одной галки из гнезда Мейдани. Леонин отступил в сторону и отвесил Сине вежливый поклон, прижав кончики пальцев к сердцу. Этим дурехам Мейдани и Бернайле хватило ума обменяться

улыбками. Да, пусть они подружки, но им стоило бы зарубить себе на носу, чего нельзя делать там, где тебя может увидеть невесть кто.

Юкири же пребывала не в том настроении, чтобы расточать улыбки.

— Прогуляться вышла, Сине? — резко спросила она. — Саэрин не понравится, когда я ей об этом расскажу. *Совсем* не понравится. *Мне* это определенно не нравится, Сине.

Мейдани издала горлом какой-то сдавленный звук, Бернайла дернула головой, и множество ее тонких, украшенных бусинами косичек стукнулись друг о друга. Обе уставились на гобелен, который, как полагали, изображал посрамление

королевы Рианнон; очевидно, судя по их спокойным лицам, им хотелось очутиться где-нибудь в другом месте. В их глазах Восседающие равны друг другу по положению. Так считается. И они действительно равны. Обычно. Некоторым образом. Леонин был далеко и не мог услышать ни слова, но ему, разумеется, могло передаться настроение Мейдани, и он отступил еще на шаг назад. В то же время, конечно, продолжая наблюдать за коридором. Хороший охранник. Здравомыслящий.

У Сине достало благоразумия выглядеть ошеломленной. Она непроизвольно принялась разглаживать платье, усыпанное по

корсажу и вдоль швов расшитыми снежинками, но почти тотчас же ее руки скомкали концы шали, и она с упрямым видом нахмурила брови. Сине с первого дня пребывания в Башне отличалась волей и упрямством — дочь мебельного мастера из Лугарда, она уговорила отца оплатить ей и матери дорогу до Тар Валона. Дорогу вверх по реке для двоих, и только для одной — вниз. Волевая и уверенная в себе девушка. И обычно столь же не замечающая окружающий мир, как какая-нибудь Коричневая. Белые часто вели себя подобным образом, все: железная логика и никакого здравого смысла.

— Мне нет нужды прятаться от

Черной Айя, Юкири, – сказала Сине.

Юкири поморщилась. Вот глупая женщина, к чему упоминать о Черных у всех на виду! Изгибающийся коридор, насколько можно видеть, был в обоих направлениях пуст, но беспечность ведет к еще большей беспечности. Юкири и самой упрямства не занимать, когда того требуется, но по крайней мере она доказала, что ума у нее больше, чем у гусыни, и она понимает, когда и где надо упрямиться. Юкири уже открыла было рот, чтобы немного вразумить Сине и как следует ее отчитать, но та не дала ей и слова вымолвить.

– Саэрин сказала, что я могу

тебя здесь найти, — торопливо произнесла Сине. Она поджала губы, а на щеках выступили алые пятна, то ли потому, что ей сейчас пришлось спрашивать разрешения, то ли потому, что вынуждена вообще его спрашивать. Разумеется, можно понять, как ей сейчас обидно. Но ведь разумнее со своим положением смириться. Только для нее неразумно с ним не примириться. — Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз, Юкири. О второй тайне.

Какое-то мгновение Юкири выглядела озадаченной; точно так же, судя по всему, терялись в догадках и Мейдани с Бернайлой. Пусть они и прикидывались, что подслушивали,

но уши-то у них не запечатаны. Вторая тайна? Что Сине имеет в виду? Неужели... Возможно ли, чтобы она захотела поговорить о том, ради чего Юкири вообще затеяла охоту за Черными Айя? Все домыслы о том, почему главы Айя тайком встречаются друг с другом, разом утрачивают свою актуальность, когда речь идет об отыскании среди сестер Приспешниц Темного.

— Очень хорошо, Сине, — сказала Юкири, стараясь казаться спокойной. — Мейдани, отправляйтесь с Леонином дальше по коридору. Встаньте у поворота так, чтобы видеть нас с Сине. Во все глаза смотрите, не идет ли кто с той

стороны. Бернайла, ты иди в другой конец коридора и тоже стой на страже. – Не успела она договорить, как те бросились исполнять ее распоряжения. Едва они удалились за пределы слышимости, как Юкири повернулась к Сине: – Ну? Говори!

К ее изумлению, Белую Восседающую окутало сияние *саидар* – та сплела малого стража, защищающего двух собеседниц от подслушивания. Любому, кто это увидит, станет совершенно понятно, что здесь какая-то тайна. Хорошо бы разговор действительно был важен.

– Подумай сама, – голос Сине был бесстрастен, но она по-прежнему стискивала в кулаках

концы шали. Стояла она выпрямившись, возвышаясь над Юкири, хотя сама была немногим выше среднего роста. — Прошло больше месяца, уже почти два, с тех пор как Элайда пришла ко мне, и около двух недель, как ты отыскала Пева-ру и меня. Если бы Черным Айя было обо мне известно, я бы наверняка уже была мертва. Мы с Певарой погибли бы еще до того, как вы с Дозин и Саэрин застали нас тогда врасплох. Следовательно, они ничего не знают. Ни о ком из нас. Признаюсь, сперва я испугалась, но теперь взяла себя в руки. У вас нет никаких причин продолжать обращаться со мной как с какой-то

послушницей, – в ее голосе зазвучали нотки едва сдерживаемой ярости, – и к тому же с послушницей безмозглой.

– Ты должна поговорить с Саэрин, – отрезала Юкири. С самого начала Саэрин встала во главе – после сорока лет, проведенных в Совете Башни от Коричневых, руководить вошло у Саэрин в привычку, и Юкири ничуть не желала идти поперек нее, разве только очень надо будет. Мало того, она не обладала преимуществом Восседающей, на которое можно было бы опереться в сложившихся обстоятельствах. Это все равно что пытаться поймать падающий валун.

Если убедить Саэрин, то Певара с Дозин могут переменить свое мнение, и сама она вряд ли станет этому мешать. – Итак, что это за «вторая тайна»? Ты имеешь в виду встречу глав Айя?

Лицо Сине выражало ослиное упрямство. Юкири не удивилась бы, если бы уши у нее, как у осла, отклонились назад. Наконец Сине вздохнула и спросила:

– Глава твоей Айя приложила руку к избранию Андаи в Совет? Я хочу сказать, в большей степени, чем обычно?

– Да, – осторожно подтвердила Юкири.

Все были уверены, что однажды

— возможно, в следующие лет сорок-
пятьдесят — Андайя войдет в Совет
Башни, однако Серанха выставила ее
чуть ли не помазанницей, хотя
обычно устраивали обсуждение,
чтобы достичь согласия по двум или
трем кандидатурам, а затем
следовало тайное голосование. Но
этот секрет касается ее Айя, и его
должно хранить в тайне, не меньшей,
чем имя и звание Серанхи.

— Я поняла это, — оживленно
закивала Сине, что вовсе не походило
на ее обычную манеру держаться. —
Саэрин говорит, что от Коричневых
отобрали Джулайн, причем тоже не
совсем обычным порядком, и Дозин
утверждает то же самое в отношении

Суаны, хотя она очень сомневалась, стоит ли вообще что-то говорить. Думаю, что Суана может даже стать главой Желтых. В любом случае, в первый раз она пробывала Восседающей сорок лет, и ты знаешь, насколько необычно, что она снова заняла этот пост, столь долгий срок пробыв в Совете. И Феране оставила пост менее десяти лет назад; никто, покинув Совет Башни, во второй раз не входил в состав Совета так скоро. И в довершение всего, Талене говорит, что Зеленые обычно выдвигают несколько кандидатур, а их Капитан-Генерал выбирает из них одну, но Аделорна выставила Рину, просто не оставив иного выбора.

Юкири сумела сдержать гримасу, правда с трудом. У всех имелись подозрения относительно того, кто возглавляет другие Айя, иначе никто вообще не заметил бы странных встреч, однако вслух называть эти имена в лучшем случае считалось неучтивым. Любая сестра, не считая Восседающей, могла бы за это дорого поплатиться. Разумеется, они с Сине обе все узнали, когда дело дошло до Аде-лорны. В своих попытках угодить заискивающая Талене выдала все секреты Зеленых даже без каких-либо расспросов, что смутило всех, кроме самой Талене. По крайней мере теперь понятно, почему Зеленые пришли в

неописуемую ярость, когда Аделорну подвергли порке. Интересно, что это за титул такой – Капитан-Генерал? Сущая нелепица, Боевые они Айя или нет? По крайней мере звание Старшего Секретаря вполне, так сказать, соответствовало тому, чем занималась Серанха.

У плавного поворота, чуть дальше по коридору, стояли Мейдани и ее Страж и, по-видимому, тихо переговаривались. Тем не менее кто-то из них постоянно держал под присмотром коридор за поворотом. В противоположном конце столь же бдительно наблюдала Бернайла. Она беспрестанно вертела головой, стремясь одновременно

присматривать за Юкири с Сине и смотреть, не приближается ли кто. И то, как она взволнованно переминалась с ноги на ногу, наверняка привлекло бы чье-нибудь внимание, но в эти дни сестра, оказавшаяся за пределами занимаемых ее Айя помещений, явно напрашивалась на неприятности, и Бернайла это хорошо понимала. Разговор нужно поскорее завершать.

Юкири подняла руку, загнула палец.

— Пяти Айя пришлось выбирать новых Восседающих после того, как входившие в Собрание Башни женщины примкнули к мятежницам. — Сине кивнула, и

Юкири загнула второй палец. — Каждая из этих Айя выбрала в Восседающие женщину, руководствуясь отнюдь не... логикой. — Сине вновь кивнула. За двумя пальцами последовал третий. — Коричневые вынуждены были выбрать двух Восседающих, но ты не упомянула Шеван. Есть что-то... — Юкири криво усмехнулась, — необычное... в ее случае?

— Нет. Если верить Саэрин, то Шеван скорее всего сменила бы ее, когда она решила бы оставить свой пост, но...

— Сине, если ты в самом деле намекаешь, что главы Айя *сговаривались* о том, кто войдет в

Совет Башни... Я никогда не слышала большей бессмыслицы! Если именно таково твое предположение, то почему выбор пал на пятерых случайных женщин, а шестую выбрали не случайно?

— Да, именно я так и думаю. Поскольку вы держите меня практически под замком, у меня была уйма времени для размышлений, да мне больше ничего и не оставалось. Ниточку мне дали Джулайн, Рина и Андайя, а Феране заставила меня все проверить.

Что имела в виду Сине, говоря, что Андайя и другие дали ей ниточку? Ах да, конечно. Вообще-то ни Рина, ни Андайя еще не должны

были бы входить в Совет, учитывая их возраст. Привычка не говорить о возрасте очень скоро превратилась в обыкновение совсем о нем не задумываться.

— Две — возможно, это просто совпадение, — продолжала Сине, — пусть даже три, хотя и с большой натяжкой, но не пять же. За исключением Голубой, Коричневая — единственная Айя, из которой к мятежницам примкнули две Восседающие. Наверняка есть причина, почему они сделали такой странный выбор. Возможно, я сумею ее отыскать. Но этот пример, Юкири, эта головоломка показательна, и, есть в ней рациональное зерно или

нет, что-то подсказывает мне: нам лучше разгадать ее прежде, чем мятежницы доберутся сюда. У меня такое ощущение, будто чья-то рука лежит у меня на плече, но когда я оглядываюсь, позади никого нет.

Натяжкой можно было считать предположение о том, что главы Айя вообще пойдут на сговор. *Но тогда, подумала Юкири, заговор Восседающих — абсолютно противоестественная вещь, а я — в самой гуще заговора.* И был еще один простой факт: никто за пределами Айя не должен был знать глав Айя, однако главы Айя вопреки всем обычаям знали друг друга.

— Если это головоломка, —

устало промолвила Юкири, – у тебя будет много времени, чтобы ее разрешить. До весны мятежницы Муранди не покинут, что бы они ни говорили простому люду, а марш вверх по реке займет не один и не два месяца, даже если они сумеют надолго сохранить свою армию. – В том, что это им удастся, Юкири больше не сомневалась. – Ступай обратно в свои комнаты, пока кто-нибудь не увидел нас здесь, под прикрытием малого стража. И поразмысли над загадкой, – сказала она, вовсе не желая обидеть Сине и положила руку ей на рукав. – Потерпи, это ничего, что за тобой присматривают. Нам *всем* надо

убедиться, что тебе ничто не угрожает.

Если бы Сине не была Восседающей, выражение ее лица можно было бы назвать сердитым, будь это кто другой, а не Восседающая.

— Я еще раз поговорю с Саэрин, — заявила Сине, но окружавшее ее сияние *саидар* погасло.

Юкири с тяжелым сердцем смотрела, как Сине идет к Бернай-ле, а затем вместе с ней плавной походкой направляется по изгибающемуся коридору в сторону занимаемых Айя апартаментов. Вид у обеих женщин был настороженный,

как у оленей в лесу, где рыщут волки. Какая жалость, что мятежницы не доберутся сюда раньше лета. Тогда, по крайней мере, появление мятежниц у Тар Валона снова объединит Айя, и сестрам не нужно будет крадучись пробираться по Белой Башне. *Если бы у желаний были крылья*, с печалью подумала Юкири.

Полная решимости держать свое настроение в узде, Юкири двинулась к Мейдани и Леонину. Ей нужно выследить Черную Сестру, и она теперь понимала, с какого боку подступиться к подобной головоломке.

Гавин разом, как от толчка, открыл глаза — на погруженный во мрак сеновал нахлынула новая волна холода. Обычно ночной холод крепкие каменные стены коровника не пропускали, разве что мороз был трескучий. Снизу доносился приглушенный шум голосов; тревоги в них не слышалось. Гавин отвел ладонь от рукояти лежащего рядом меча и поплотнее натянул перчатки. Как и все остальные Отроки, он спал в одежде, натянув на себя все, что только удалось найти. Наверное, пора разбудить кого-нибудь на смену часовым, но сам он уже совершенно проснулся и сомневался, сумеет ли заснуть снова. Так или иначе, он все

время спал плохо, беспокойно, его мучили мрачные сны, в которых являлась любимая женщина. Он не знал, где Эгвейн, да и жива ли она вообще. Не знал, простит ли она его. Гавин поднялся, стряхнул с плаща клочья сена, в которое зарылся во сне, и застегнул пояс с висящим на нем мечом.

Он пробирался между спавшими на охапках сена людьми — в сумраке они казались расплывчатыми холмиками, — когда слабое шарканье сапог по ступеням приставной деревянной лестницы подсказало ему, что кто-то взбирается на сеновал. На верху лестницы возникла смутная фигура и замерла, поджидая

его.

– Лорд Гавин? – раздался тихий низкий голос Раджара, с характерным доманийским выговором, так и не изменившимся за шесть лет обучения в Тар Валоне. Раскатистый бас Первого Лейтенанта всегда вызывал изумление – ведь принадлежал он худощавому мужчине, который ростом едва ли доставал Гавину до плеча. И тем не менее, будь времена иными, наверняка Раджар давно бы уже стал Стражем. – Я подумал, что нужно вас разбудить. Только что прибыла Сестра, пешком. Она пожелала встретиться со старшей здесь Сестрой. Я велел Томилу и его брату,

перед тем как отправиться спать, проводить ее в дом мэра.

Гавин вздохнул. Вместо того чтобы сидеть тут, застигнутым зимой в ловушке, лучше было отправиться домой. Это надо было сделать еще тогда, когда он, вернувшись в Тар Валон, обнаружил, что Отроки изгнаны из города. И тем паче когда он убедился, что Элайда желает всем Отрокам смерти. Рано или поздно его сестра Илэйн возвратится в Кэймлин, если только она уже не там. Нет сомнений, что любая Айз Седай позаботится о том, чтобы Дочь-Наследница Андо-ра добралась без проволочек до Кэймлина и заявила о своем праве на трон, пока

этого не успел сделать кто-нибудь другой. Вряд ли Белая Башня откажется от преимуществ, которые принесет им царствующая королева, одновременно являющаяся и Айз Седай. С другой стороны, Илэйн сейчас могла направляться в Тар Валон или вообще в эту самую минуту находиться в Белой Башне. Гавин никак не мог уразуметь, каким образом она оказалась замешана в эту историю с Суан Санчей и насколько глубоко она туда влезла — вечно сестра сигала в пруд, не проверив глубины, — однако у Элайды и у Совета Башни могло возникнуть желание хорошенько допросить ее, независимо от того, кто перед ними,

Дочь-Наследница или нет. Королева или нет. Впрочем, он был уверен, что Илэйн не может нести за что-либо ответственность. Она всего лишь одна из Принятых. Гавину часто приходилось повторять это самому себе.

Самая свежая новость – между ними и Тар Валоном теперь появилась какая-то армия. Не меньше двадцати пяти тысяч солдат на этом берегу реки Эринин и, опять же по непроверенным данным, еще столько же – на западном берегу. Должно быть, это та самая армия, что сражается на стороне Айз Седай, которых Элайда называет бунтовщицами. Кто бы еще

осмелился осадить сам Тар Валон? Но волосы на голове шевелились, когда он задумывался, каким образом появилось это воинство — возникло словно из ниоткуда, материализовавшись посреди бушевавшего бурана. Слухи и смятение всегда бегут впереди любого идущего маршем крупного вооруженного отряда. Всегда. Эта же армия явилась будто привидение, окруженная абсолютной неизвестностью. Но она была столь же реальна, как камень, поэтому Гавин не мог ни вступить в Тар Валон, чтобы выяснить, в Башне Эгвейн или нет, ни двинуться на юг. Любая армия заинтересуется

передвижением отряда в три сотни человек, а мятежницы вряд ли испытывают расположение к Отрокам. Даже будь Гавин один, путешествие зимой окажется очень медленным, и до Кэймлина он доберется не раньше, чем если бы отправился в путь, дождавшись весны. Да и на корабль уповать безнадежно. Осада петель затянет реку, прервав судоходство. Да и его самого это свяжет по рукам и ногам, не оставив никакой надежды.

И вот на тебе – теперь посреди ночи пожаловала Айз Седай. Вряд ли ее появление хоть чуть-чуть упростит ситуацию.

– Вот и посмотрим, что за вести

она принесла, — тихо сказал Гавин, жестом приказав Раджару спускаться по лестнице первым.

В погруженном во мрак сарае, где в загонах обитало десятка два дойных коров госпожи Миллин, теперь теснилось еще и двадцать лошадей, а оставшиеся дюймы пространства занимали поставленные друг на друга седла, поэтому пробраться к широким воротам Гавину и Раджару удалось не без труда. Единственным источником тепла были спавшие животные. Двое охранявших лошадей часовых казались безмолвными тенями, однако Гавин, выскользнув с Рад-жаром в ледяную ночь, ощущал

на себе их настороженные взгляды. Наверняка они знали о посланнице и гадали, что теперь будет.

На ясном небе сияла ущербная луна, и, залитый ее еще ярким светом, сверкал и искрился снег, укрывший собой деревню Дорлан. Поплотнее запахнувшись в плащи, по колено в снегу, Гавин и Рад-жар в молчании пробирались по деревне, ступая по тому, что некогда было трактом, соединившим Тар Валон и город, прекративший свое существование сотни лет тому назад. Ныне же со стороны Тар Вало-на никто не пользовался этой дорогой, разве только для того, чтобы добраться до Дорлана, и уж никакого

резона не было направляться сюда зимой. По традиции деревня поставляла в Белую Башню, и только туда, сыры. Крошечная деревня насчитывала всего пятнадцать серокаменных, под сланцевыми крышами домов, которые сугробы замели почти до самых окон первых этажей. На небольшом расстоянии позади каждого дома стояли коровники, где коровам теперь пришлось потесниться, приютив подле себя и людей, и лошадей. Большая часть жителей Тар Валона могла бы напрочь позабыть о существовании Дорлана. Кому придет в голову задумываться, откуда берется сыр? Славное местечко, если

хочешь никому не попадаться на глаза. Таковой деревенька и была — до сегодняшнего дня.

Все дома, кроме жилища мастера Бэрлоу, тонули во мраке. Сквозь щели в ставнях нескольких окон — как на первом этаже, так и выше — пробивался свет. Гарон Бэрлоу — вдобавок к тому, что оказался мэром, — имел также несчастье владеть самым большим домом в Дорлане. Жители деревни, предоставившие место для ночлега Айз Седай, сейчас, должно быть, жалеют об этом; даже мастер Бэрлоу вынужден уже был освободить две комнаты.

Потопав на каменной ступеньке,

чтобы стряхнуть снег с сапог, Гавин кулаком в латной перчатке постучал в крепкую дверь мэра. Ответа не последовало, и, чуть помедлив, он поднял щеколду и вошел, следом за ним — Раджар.

Гостиная с потолком из балок, довольно просторная для фермерского дома, была заставлена несколькими высокими шкафчиками и горками, заполненными оловянной посудой и муравленной глиняной посудой. Вдоль длинного отполированного стола выстроились стулья с высокими спинками. Ярko горели все масляные лампы — расточительство зимой, когда вполне хватило бы нескольких сальных

свечей, однако пламя в очаге не производило никакого впечатления на поленья и мало влияло на температуру в комнате. И тем не менее на незастеленном ковриками деревянном полу стояли босиком две Сестры, занимавшие две комнаты наверху. Кэтрин Алруддин и Тарна Фейр, в наброшенных поверх льняных ночных рубашек плащах, подбитых мехом, пристально глядели на низенькую женщину в темном, с желтыми вставками платье для верховой езды и в темном плаще. Выше колен ее одежда промокла от снега. Женщина стояла вплотную к широкому камину, с усталым видом протянув замерзшие руки к огню.

Добраться сюда из Тар Валона, пешком по снегу, она не могла скорее чем за два-три дня, и даже Айз Седай рано или поздно почувствует холод. Наверное, она и есть та самая Сестра, о которой говорил Раджар, хотя, по сравнению с другими, печать безысходности в ее обличье заметить было трудно. Рядом с двумя другими сестрами ее вообще было трудно заметить.

Отсутствие мэра и его жены только усилило резь в желудке, хотя подобный оборот дел и не стал для Гавина неожиданностью. Они бы, невзирая на поздний час, суетились вокруг Айз Седай, предлагая горячее питье и еду; значит, их отослали

спать, чтобы Кэтрин и Тарна остались наедине с посланницей. Что, весьма вероятно, означает, что он выглядит глупцом, желая узнать о сути послания. Но он понимал это еще до того, как вышел из сарая.

— ...лодочник сказал, что останется там, где мы высадились, пока не снимут осаду, — усталым голосом говорила маленькая женщина, когда Гавин вошел, — но он так напуган, что сейчас уже может быть в нескольких лигах ниже по реке. — Когда от дверей до нее долетел порыв холода, она оглянулась, и ее широкое лицо слегка прояснилось. — Гавин Траканд, — промолвила она. — Лорд Гавин, у

меня есть для вас приказы от Престола Амерлин.

— Приказы? — переспросил Гавин, стаскивая латные перчатки и засовывая их за пояс, чтобы выиграть время. Неприкрытая правда на сей раз подойдет лучше всего, решил он. — С какой стати Элайда посылает мне приказы? И почему я должен ей повиноваться? Она отступилась от меня и от Отроков.

Раджар, сложив руки за спиной, принял почтительную позу и искоса бросил на Гавина быстрый взгляд. Он вряд ли скажет что-то необдуманно, что бы ни говорил Гавин, однако не все Отроки разделяли его точку зрения. Айз

Седай поступают так, как поступают, и ни одному мужчине не дано знать, почему так, пока Сестра сама ему этого не скажет. Отроки связали свои судьбы с Белой Башней, безропотно приняв свою участь.

— Наренвин, с этим можно обождать, — решительно вмешалась Кэтрин, поддергивая плащ. По плечам у нее рассыпались черные, местами спутанные пряди, как будто она несколько раз провела по волосам гребнем, а потом раздумала причесываться. Она слегка напомнила Гавину охотящуюся рысь. Или, возможно, рысь, опасющуюся капканов. Его и Раджара Кэтрин едва ли удостоила одного взгляда — и не

более. — У меня есть в Башне неотложное дело. Расскажи мне, как отыскать ту безымянную рыбацью деревеньку. Есть там лодочник или нет, я уж найду, кто переправит меня.

— И меня, — вставила Тарна, упрямо выставив крепкую челюсть и сверкнув пронзительными, точно копыа, голубыми глазами. В противоположность Кэтрин, длинные светло-золотистые волосы Тарны были аккуратно расчесаны, словно бы о них, перед тем как Айз Се-дай спустилась сюда, позаботилась горничная. Однако она от макушки до пят вся была сосредоточена, просто лучше контролировала себя. — У меня тоже

есть крайне важная причина добраться до Башни без всякого промедления. — Тарна кивнула Гавину и Раджару, холодная, как мрамор, из которого она казалась высеченной. Однако Отроков она приветствовала с большей теплотой, чем выражало ее лицо, когда Тарна повернулась к Кэтрин. Та отвечала ей столь же дружелюбно. Между двумя женщинами всегда существовала напряженность, хоть они и принадлежали к одной Айя. Друг дружке они не нравились, пожалуй, даже испытывали взаимную неприязнь. Когда дело касается Айз Седай, трудно сказать наверняка.

Покинь любая из них Дорлан,

Гавин нисколько бы не огорчился. Тарна прискакала в деревню через день после появления таинственной армии, и как бы Айз Седай ни решали подобные дела, она незамедлительно обосновалась в комнате наверху, выселив оттуда Лусонию Коул, и заняла место Коварлы Балдене, возглавлявшей одиннадцать уже находивших в деревне Сестер. Судя по тому как она взяла бразды правления в свои руки, как расспрашивала остальных Сестер о сложившейся ситуации и ежедневно придиристо инспектировала Отроков, словно выискивала среди них себе Стража, она могла бы принадлежать к

Зеленой Айя. Мужчины, попав под столь пристальное внимание Красной Сестры, чувствовали себя не в своей тарелке, чуть ли не поминутно косясь на нее через плечо. Хуже того, Тарна, невзирая на погоду, долгие часы проводила верхом, пытаясь разыскать среди местных кого-нибудь, кто провел бы ее в город мимо осаждавших. Раньше или позже ее вылазки кончились бы тем, что она привела бы за собой в Дорлан их разведчиков. Кэтрин же появилась только вчера, разъяренная тем, что ей нет пути в Тар Валон, и не мешкая приняла командование у Тарны и заняла комнату Коварлы. Впрочем, свою власть подобными

способами она не проявляла. Кэтрин избегала остальных сестер, отказываясь им объяснять, почему она исчезла у Колодцев Дюмай и где она была все это время. Но Кэтрин тоже инспектировала Отроков, с видом женщины, осматривающей топор, которым она намерена воспользоваться, и которую не волнует, сколько при этом прольется крови. Гавин не удивился бы, если бы она попыталась силой заставить его с боем пробить для нее путь к городским мостам. Так что он был бы более чем счастлив увидеть, как они уезжают. Но когда эти уедут, ему придется иметь дело с Наренвин. И с приказами Элайды.

– Вряд ли, Кэтрин, это можно назвать деревенькой, – заметила так и не согревшаяся Сестра, – три-четыре жалких рыбацких домишка, целый день пути по суше вниз по реке. Отсюда – много больше. – Приподняв мокрые юбки, она придвинулась поближе к огню. – Мы найдем способ отослать в город весточки, но вы обе нужны здесь. Элайда могла отправить пятьдесят или больше сестер, но послала лишь меня по одной только причине – очень трудно переправить незамеченной через реку даже одну маленькую лодочку под покровом темноты. Должна сказать, что я очень удивилась, узнав, что так

близко к Тар Валону вообще есть хоть одна Сестра. В сложившихся обстоятельствах любая Сестра, находящаяся вне городских стен, должна быть...

Подняв руку, Тарна решительно остановила Наренвин.

– Элайда даже не знает, что я здесь, – сказала она. Кэтрин закрыла рот и нахмурилась, вздернув подбородок, но дала собеседнице возможность продолжать. – Наренвин, что говорится в ее приказах относительно Сестер в Дорлане?

Раджар принялся внимательно разглядывать половицы у носков сапог. Он без колебаний устремлялся

в бой, но лишь глупец захочет оказаться рядом с Айз Седай, когда те спорят.

Низенькая женщина повозилась со своими юбками-штанами еще немного, а потом сипло ответила:

— Мне было приказано взять на себя главенство над Сестрами, которых я здесь найду, и я сделаю, что смогу. — Помедлив, она вздохнула и без всякой охоты поправила себя: — Сестры находятся под началом Коварлы. Но несомненно...

На этот раз ее перебила Кэтрин:

— Наренвин, я никогда не была под началом Коварлы, поэтому ко мне эти приказы не относятся. Утром я отправляюсь на поиски тех

трех-четырёх рыбацких хибар.

— Но...

— Довольно, Наренвин, — ледяным тоном отрезала Кэтрин. — С Коварлой будешь разбираться сама. — Черноволосая женщина скосила глаза на Сестру из своей Айя. — Полагаю, Тарна, ты можешь отправиться со мной. В рыбацкой лодке хватит места для двоих.

Тарна чуть-чуть склонила голову, возможно в знак благодарности.

Завершив беседу, парочка Красных Сестер запахнулась в плащи и плавно двинулась к двери, ведущей в глубь дома. Наренвин кинула им вслед раздраженный взгляд и затем обратила свое внимание на Гавина,

нацепив на себя маску некоего подобия невозмутимости.

Но не успела она и рта раскрыть, как Гавин спросил:

— У вас есть известия о моей сестре? Вы знаете, где она? Наренвин и в самом деле очень устала. Женщина заморгала, и

он чуть ли не наяву видел, как она складывает в уме ответ, который все равно ничего бы ему не сказал.

Остановившись на полпути к двери, Тарна проговорила:

— Когда я в последний раз видела Илэйн, она была с мятежницами. — Все головы повернулись к ней. — Но кара твоей сестре не грозит, — спокойно

продолжала она, – поэтому за нее не волнуйся. Принятые не выбирают, кому из Сестер повиноваться. Даю тебе свое слово: по закону ей ничего страшного за это не грозит.

Казалось, Тарна не замечает ни ледяного взора Кэтрин, ни выпученных глаз Наренвин.

– Как будто раньше нельзя было мне сказать, – не скрывая грубости, отозвался Гавин. Никто не разговаривает с Айз Седай в таком тоне, разве только один раз, но ему уже было безразлично. Две другие сестры удивлены тем, что Тарне был известен ответ, или тем, что она ответила? – Что вы имеете в виду, говоря «ничего страшного»?

Светловолосая сестра коротко, лающе хохотнула.

– Вряд ли могу пообещать, что после порки не останется следов, если коготок у нее слишком увяз. Илэйн – одна из Принятых, она ведь – не Айз Седай. Однако звание Принятой защищает ее от крупных бед, если ее ввела в заблуждение кто-то из Сестер. И вы никогда не спрашивали, что с ней. Кроме того, спасти ее нет необходимости, даже если бы вам и было под силу ее спасти. Она – с Айз Седай. Теперь вы знаете столько же, сколько я. А сейчас я собираюсь выкроить до рассвета несколько часов сна. Оставляю тебя, Наренвин.

Кэтрин наблюдала за ней, не моргнув глазом, храня прежнее выражение лица, — женщина изолда, с глазами охотящейся кошки. Затем она сама широким шагом покинула комнату так стремительно, что плащ развевался у нее за спиной.

— Тарна права, — промолвила Наренвин, когда за Кэтрин захлопнулась дверь. Маленькая женщина хоть и не могла придать себе столь же соответствующий Айз Седай облик спокойствия и таинственности, как две другие Сестры, но в одиночку ей это удавалось неплохо. — Илэйн накрепко связана с Белой Башней. Так же как и вы, сколько бы вы этого ни отрицали.

Вся история Андора связывает вас с Башней.

– Все Отроки решили связать себя с Башней согласно собственному выбору, Наренвин Седай, – сказал Раджар, учтиво отвесив ей поклон.

Наренвин же не сводила взора с Гавина.

Он зажмурил глаза – что он еще мог сделать? – сдерживаясь, чтобы не тереть их руками. Отроки *были* связаны с Белой Башней. Никто никогда не забудет, как они сражались, сражались на территории самой Башни, чтобы помешать спастись низложенной Амер-лин. Хорошо это или плохо, но слухи об

этом будут сопутствовать им до самой могилы. Он тоже несет на себе печать тех событий и вдобавок отмечен собственными секретами. После того кровопролития именно он дал возможность Суан Санчей бежать. Но, что куда важнее, с Белой Башней его связывала Илэйн, а еще – Эгвейн ал'-Вир, и Гавин не знал, какой узел затянулся туже – любовь к сестре или любовь его души. Отказаться от чего-то одного означало отказаться от всего, а пока он дышит, он не мог отречься ни от Илэйна, ни от Эгвейна.

– Даю тебе слово: я сделаю все, что в моих силах, – безрадостно промолвил Гавин. – Чего хочет от

меня Элайда?

Небо над Кэймлином было ясным, светло-золотой диск солнца почти добрался до полуденной высоты. Солнце заливало яркими лучами белое покрывало, устилавшее окружающую город местность, но совсем не грело. Тем не менее погода стояла теплее, чем ожидал в его родной Салдэе, и Даврам Башир нисколько не жалел, что его новый плащ подбит мехом куницы. В любом случае на морозе на густые усы Башира налипло больше белесого инея, чем за все годы жизни на них намело седины. Он стоял на возвышенности в лиге к северу от

Кэймлина, среди лишившихся листвы деревьев, по лодыжки в снегу, и, приставив к глазу длинную, оправленную в золото зрительную трубу, наблюдал за происходящим в низине в миле южнее него. Быстрец тыкался мордой в плечо, но Башир не обращал на гнедого внимания. Быстрцу не нравилось стоять неподвижно, но иногда приходится делать не то, что хочется, а то, что нужно.

Среди редких деревьев, по обе стороны дороги на Тар Валон, разрастался походный лагерь. Разбивавшие бивак солдаты разгружали обозные фургоны, копали отхожие места, ставили палатки,

сооружали навесы из сучьев и лапника, причем держались они группами, разными по числу, и поодаль друг от друга. Несомненно, всем лордам и леди хотелось иметь своих людей под рукой, поближе. Они обустроивались тут надолго. Пересчитав коновязи и прикинув общие размеры лагеря, Башир оценил численность армии примерно в пять тысяч человек плюс-минус сотни две-три. Это только бойцы; масте-ра-стрельники, кузнецы, коновалы, оружейники, прачки, возчики, маркитантки и прочий люд запросто увеличат это число вдвое, хотя, как водится, этот народец себе устраивал отдельный лагерь, сбоку от

воинского. Подавляющая часть обозного охвостья больше пялилась на косогор, где стоял Башир, чем занималась делом. Изредка кто-нибудь из солдат разгибал спину и тоже оборачивался на возвышенность, но знаменщики идесятники быстро возвращали отвлекшихся к работе. Знатные господа и офицеры разъезжали по растущему бивуаку и, насколько видел Башир, бросали на север разве что мимолетные взгляды. Неровная местность заслоняла их от города, хотя с холма Баширу были хорошо видны серые, с серебристыми прожилками стены. В городе, разумеется, знали, что рядом

появился военный лагерь; этим утром пришельцы сами объявили о себе – звуками труб и знаменами в виду городских стен. Хотя и с почтительного расстояния, заметно превышающего дальность полета стрелы.

Осада города, защищенного высокими, крепкими стенами, общая длина которых превышала шесть лиг, – дело непростое, к тому же все осложнял Малый Кэймлин – лабиринт кирпичных и каменных домов и лавок, складов с глухими стенами и вытянутых рыночных зданий, раскинувшийся за пределами кэймлинских стен. Но вокруг города разместилось еще семь лагерей,

перекрыв все тракты, в виду всех ворот, откуда можно предпринять вылазку заметными силами. Они уже выслали патрули, и, по всей вероятности, в покинутых теперь зданиях Малого Кэймлина скрываются дозорные. У маленьких отрядов есть шансы пробраться в город, а то и провести под покровом ночи несколько вьючных животных, но этого не хватит, чтобы обеспечить продовольствием один из крупнейших городов мира. Голод и болезни выиграли больше осад, чем мечи или осадные машины. Единственный вопрос — кого они одолеют первыми: осажденных или самих осаждающих.

На первый взгляд все шло по кем-то хорошо продуманному плану, но Башира смущали знамена в лагере внизу. Мощная зрительная труба – подарок Ранда ал'Тора, – сработанная кайриэнцем по имени Товир, позволяла отчетливо разглядеть большинство знамен, когда несильный ветер расправлял их. Башир в достаточной степени разобрался в андорской геральдике и узнал Дуб и Топор – герб Доулина Армагна, и пять Серебряных Звезд Дериллы Райнед, и еще несколько стягов знати помельче, что поддерживала претензии Ниан Араун на Львиный Трон и на Корону Роз Андора. Но тут, внизу, были и

заштрихованный крест-накрест
Красный Вал Джай-лина Марана, и
парные Белые Леопарды Карлис
Анкерин, и золотая Крылатая Рука
Эрама Талкенда. Судя по всем
сообщениям, присягу на верность
они дали сопернице Ниан, Элени
Саранд. Лицезреть их вместе с
другими – все равно что видеть, как
из одной миски едят волки и
волкодавы. Да еще украсив трапезу
бочонком доброго вина, открытого
для скрепления союза.

На видном месте были
выставлены еще два знамени, с
золотой бахромой и по меньшей
мере вдвое больше других, хотя
полотнища обоих были слишком

тяжелы, и случайные порывы ветра разве что слегка волновали их. Знамена отливали блеском плотного шелка. Впрочем, утром Башир уже достаточно хорошо любовался на эту пару, когда вдоль гребня, скрывавшего лагерь, туда-сюда несколько раз галопом проскакали знаменщики, а стяги над ними развевались на скаку. Одним из флагов был Лев Андора, белый на красном фоне, точно такие же стяги развевались над высокими круглыми башнями, своеобразным пунктиром прочертивши городские стены. И в том и в другом случае знамя свидетельствовало о чьих-то притязаниях на трон и корону.

Второй из больших стягов доводил до всеобщего сведения имя женщины, заявившей о своих правах в противовес правам Илэйн Траканд. Четыре серебряных полумесяца на сине-сумеречном поле – герб Дома Марне. Неужели все это воинство выступило на стороне Аримиллы Марне? Месяц назад она считала бы удачей, если бы кто-то, не считая членов ее собственного Дома или того слабоумного Насина Кирена, предложил ей ночлег!

– Они не обращают на нас внимания, – прорычал Бэйл. – Еще до заката я бы разнес их в пух и прах, не оставив в живых никого, кто бы увидел завтрашний восход солнца! А

они на нас не обращают внимания.

Башир кинул на айильца взгляд искоса. Искоса и вверх. Тот возвышался над ним на целый фут. Над черной вуалью, надвинутой на лицо, виднелись только серые глаза Бэила и полоска дочерна загорелой кожи. Башир надеялся, что тот просто оберегает нос и губы от холода. В руках Бэйл держал свои короткие копья и обтянутый бычьей шкурой щит, за спиной у него висел лук в футляре, а у бедра — колчан со стрелами, но значение имела только вуаль. Не время для Айил начинать убивать. В двухстах шагах ниже по склону, обращенному в сторону лагеря, на корточках сидело еще

тридцать айильцев, оружие они держали с привычной небрежностью. У каждого третьего вуаль не закрывала лицо, поэтому, возможно, все дело в холоде. Впрочем, с Айил ни в чем никогда нельзя быть уверенным до конца.

Быстро прикинув, как лучше себя вести, Башир решил остановиться на легкомысленном тоне.

— Илэйн Траканд вряд ли это понравится, Бэил. А если ты вдобавок забыл, что такое быть молодым, то значит, это не понравится и Ранду ал'Тору.

Бэил фыркнул и недовольно пробурчал:

– Мелэйн передала мне, что говорила Илэйн Траканд. Мы ничего не должны делать для ее пользы. Что за глупость! Когда нападает враг, ты используешь тех, кто станет танцевать с копьями рядом с тобой. Они так же играют в войну, как играют в свою Игру Домов?

– Бэйл, мы – чужаки. В Андоре это важно. Рослый айилец вновь фыркнул.

Видимо, нет смысла пытаться объяснять ему всю эту запутанную политику. Чужеземная помощь может стоить Илэйн того, что она стремилась получить, и ее враги это знали, как и то, что она это знает, и поэтому они несколько не опасались

ни Башира, ни Бэила, ни Легиона Дракона, какова бы ни была его численность. На самом деле, несмотря на осаду, обе стороны из всех сил станут избегать генерального сражения. Это была война, но война маневров и стычек, если только кто-нибудь не допустит промашки, и победителем из нее выйдет тот, кто займет неуязвимую позицию или вынудит другого занять позицию, которую нельзя защитить. Вероятно, для Бэила подобная диспозиция ничем не отличается от *Даэсс Дей'мар*. По правде говоря, и сам Башир видел здесь немало сходства. Имея Запустение у порога, Салдэйя не могла позволить себе

борьбу за трон. Тиранов можно вытерпеть, и Запустение быстро убивало бестолковых и жадных, но допусти они даже такую междоусобицу, и Салдэя пала бы перед Запустением.

Башир вновь принялся разглядывать лагерь через зрительную трубу, пытаясь разгадать, каким образом такая круглая дура, как Аримилла Марне, заручилась поддержкой Ниан Араун и Элени Саранд. Эта парочка отличалась алчностью и непомерным честолубием, каждая из них в высшей степени была убеждена в собственных правах на трон, и если Башир правильно понимал

запутанный клубок обычаев и законов андорского престолонаследия, то притязания обеих были куда более обоснованы, чем претензии Аримил-лы. Волки и волкодавы здесь ни при чем. Тут были волки, решившие прикинуться левретками. Возможно, Илэйн известна причина, но с ним она могла позволить себе разве что обмениваться записками, лаконичными и малосодержательными. Слишком велик риск, что кто-нибудь узнает о переписке и предположит, что она в некоем заговоре с Баширом. *Очень* похоже на Игру Домов.

— Кажется, кое-кто собирается

танцевать с копьями, — заметил Бэйл, и Башир немного опустил разукрашенную трубу, отыскивая место, куда указывал айилец.

Перед осадой из города несколько дней вытекал постоянный поток жителей, но некоторые слишком поздно решились оставить город. С полдюжины крытых парусиной фургонов стояли посреди Тарвалонского тракта, у самой окраины Нижнего Кэймлина. Фургоны окружало пятьдесят всадников, над ними на порывистом ветру полоскался флаг, на разделенном на четыре части сине-белом поле которого красовался то ли бегущий медведь, то ли какая-то

массивная гончая. На обочине, кутаясь в плащи, топтался удрученный народ; мужчины стояли, понутив головы, детишки цеплялись за юбки женщин. Несколько спешившихся всадников рылись в фургонах; на снегу уже темнели сундуки, ящики и, кажется, даже что-то из одежды. По всей вероятности, всадники искали деньги или выпивку, хотя и любая вещь, показавшаяся им мало-мальски ценной, наверняка тоже переключит в чью-нибудь седельную суму. Очень скоро солдаты перережут постромки фургонной упряжки или же, возможно, попросту отберут фургон. Повозки и лошади в армии всегда

пригодятся, и странные правила этой еще более странной андорской гражданской войны, по-видимому, мало защищали тех, кто оказался в неудачном месте и в неудачное время. Но уже открывались городские ворота, и стоило им немного распахнуться, как из арки высотой в двадцать футов галопом вылетели конники в красных мундирах. Кирасы, шлемы и наконечники пик сверкали на солнце. Лошади с топотом неслись по тракту мимо длинных опустевших рынков. Из города выступила Гвардия Королевы. Во всяком случае, внушительный отряд ее гвардейцев. Башир снова направил зрительную

трубу на фургоны.

Судя по всему, офицер под эмблемой медведя, если это был медведь, успел уже для себя все решить. У пятидесяти против двухсот — шансов практически никаких, тем более если на кону какие-то жалкие фургоны. Спешившиеся ранее солдаты уже вновь сидели в седлах, а когда Башир отыскал отряд вооруженным трубой взглядом, большинство из них гнало лошадей во весь опор, на север, в его сторону. Сине-белое знамя развевалось на флагштоке. Горожане, сгрудившиеся у фургонов, с изумлением и недоверием глядели вслед отступающим солдатам, их

замешательство было столь очевидно, как будто Башир читал их чувства по выражениям лиц. Но несколько человек сразу же кинулись собирать разбросанные на снегу вещи и складывать их обратно в фургоны.

Появление гвардейцев пару минут спустя быстро положило конец их стараниям. Солдаты в красном не мешкая принялись сгонять людей к фургонам. Кое-кто еще порывался сбегать за какими-то особо ценными пожитками, а один мужчина даже принялся протестующее махать руками перед гвардейцем — несомненно, офицером, поскольку на шлеме у

того красовался белый плюмаж, а поверх кирасы был повязан красный шарф. Но офицер наклонился в седле и тыльной стороной руки ударил недовольного по лицу. Тот как подрубленный опрокинулся навзничь, на одно долгое мгновение все застыли, а потом те, кто еще не успел залезть в повозки, суетливо кинулись к фургонам. Только двое мужчин задержались — они схватили своего упавшего товарища под мышки и за ноги и, неловко волоча обмякшее тело, заторопились следом за остальными. Женщина в фургоне, последнем в колонне, уже нахлестывала лошадей, разворачивая упряжку обратно, в город.

Башир опустил трубу, разглядывая лагерь, потом вновь поднес ее к глазу, чтобы кое-что рассмотреть получше. Солдаты все так же орудовали лопатами и кирками, некоторые из них по-прежнему вели борьбу с мешками и бочонками, выгружая их из фургонов. Знать и офицеры разъезжали верхом по лагерю, присматривая за ходом работ. Все были спокойны и самоуверенны, словно скотина на выпасе. В конце концов, кто-то показал рукой на возвышенность между лагерем и городом, за ним еще один, потом другой, и вот уже верховые пустили лошадей рысью, очевидно отдавая распоряжения.

Флаг с медведем только-только
показался на высотке, возле лагеря.

Сунув трубу под мышку, Башир
нахмурился. На высотке не было
выставлено охраны, способной
предупредить осаждающих о том,
что происходит — или может
произойти — вне прямой видимости
из лагеря. Даже если исходить из
предположения, что никто не
собирается навязывать битву,
подобное поведение глупо. Надо
взять на заметку — вдруг пригодится,
если и в других лагерях столь же
беспечны и если никто не исправит
промашку. Башир раздраженно
фыркнул в усы. Можно подумать, он
намерен сражаться с отрядами,

осадившими Кэймлин.

Мимолетный осмотр подсказал Баширу, что фургоны в сопровождении эскорта гвардейцев преодолели половину пути до Тарвалонских ворот, возницы ожесточенно нахлестывали упряжки, как будто преследователи дышали им в затылок. Или, быть может, их усердию способствовал офицер с повязанным вокруг шеи шарфом, который почему-то размахивал мечом над головой.

— Сегодня танцев не будет, — произнес Башир.

— Тогда я найду занятие получше, чем глядеть, как мокроземцы роют норы, — отозвался Бэйл. —

Да обретешь ты воду и прохладу,
Даврам Башир.

– Сейчас меня больше устроили бы сухие ноги и разожженный камин, – не подумав, пробурчал Башир, а потом пожалел, что не прикусил язык. Стоит сделать один неверный шаг, нарушить формальности, и Бэйл того и гляди вздумает убить его, ведь Айил – народ, приверженный условностям и вдобавок с большими странностями.

Но Бэйл запрокинул голову и рассмеялся:

– Мокроземцы вечно все с ног на голову переворачивают, Дав-рам Башир.

Он сделал правой рукой

странный жест, и остальные айильцы вскочили на ноги, после чего все легким, размашистым шагом направились на восток. Казалось, снежный покров им ничуть не мешал.

Спрятав зрительную трубу в висевший у седельной луки кожаный футляр, Башир запрыгнул в седло Быстреца и повернул гнедого на запад. Эскаорт поджидал его на противоположном склоне, и воины пристроились следом за командиром. Слышался лишь тихий скрип кожи, не звякнула ни одна металлическая деталь сбруи. Числом сопровождающие Башира уступали эскарту Бэила, но они были

закаленными бойцами, родом из его поместий поблизости от Тай-ра, и он не раз водил их за собой в Запустение, прежде чем отправился на юг. Каждому был выделен свой сектор для наблюдения, впереди или позади, справа или слева, вверху или внизу, и солдаты постоянно крутили головами. Башир надеялся, что они не просто разминают шеи. Лес здесь был редок, ветви — голы, за исключением дубов, болотного мирта, елей и сосен, но за холмами заснеженной местности сотня верховых могла бы остаться незамеченной даже в пятидесяти шагах. Не то чтобы он опасался подобного оборота событий, но, как

правило, всегда убивает то, чего ты не ждал. Машинальным движением Башир ослабил меч в ножнах. Просто так, на всякий случай. Нужно быть готовым к неожиданностям.

Эскортом командовал Тумад, как и почти всегда в те дни, когда Башир не поручал молодому лейтенанту более важные задачи. Башир готовил из него командира. Тумад мыслил ясно, обладал проницательностью, видел не только то, что находилось у него перед носом; ему суждено достичь более высокого положения, если только он проживет достаточно долго. Высокий, хотя и ниже Бэила всего на пару ладоней, Тумад сегодня всем

своим видом являл воплощенное недовольство.

— Тумад, что тебя тревожит?

— Айилец прав, милорд. — Рукой в боевой перчатке Тумад сердито подергал себя за густую черную бороду. — Эти андорцы на нас плюют. В грош не ставят. Нам носы показывают, а мы уезжаем восвояси. Мне это не нравится.

Что ж, молодо-зелено.

— Ты, наверное, находишь наше положение скучным? — засмеялся Башир. — Тебе нужны острые ощущения? Тенобия — всего в пятидесяти лигах к северу, и если верить слухам, то с собой она привела Этениелле Кандорскую,

Пейтара Арафелского и даже того шай-нарца Изара. Все рати Пограничных Земель отправились нас искать, Тумад. Да и андорцам, там, в Муранди, насколько я слышал, тоже не нравится, что мы торчим в Андоре. Они также могут явиться по наши головы, если та армия Айз Седай, с которой они повстречались, не разнесет их в клочья, что уже могло случиться. Кстати, раз уж речь зашла об этом, то рано или поздно вместо них за нами вполне могут прийти и Айз Седай. Сомневаюсь, чтобы хоть одна Сестра забыла, что мы пошли за Драконом Возрожденным. И вдобавок, Тумад, есть Шончан. Неужели ты думаешь,

что мы видели их в последний раз? Или они нападут на нас, или же нам самим придется отправиться к ним. Третьего не дано. Вам, молодым, не понять, что такое острое ощущение, даже когда оно вам в усы заползет!

По колонне солдат за спинами Башира и Тумада прокатились тихие смешки: в большинстве своем те были ровесниками самого Башира, и даже у Тумада блеснула в черной бороде белозубая улыбка. Они все участвовали в походах и кампаниях, пусть и не в таких странных, как эта. Выпрямившись, Башир наблюдал за тропой между деревьев, но лишь краем глаза.

Если начистоту, то и его

тревожила Тенобия. Одному Свету ведомо, с какой стати Изар и прочие решили вместе оставить границу с Запустением, причем буквально оголив ее и забрав с собой столько воинов, сколько, если верить молве, они привели с собой. Пусть даже слухи вдвое преувеличили численность армии. Несомненно, у них были причины, которые они сочли достаточно важными, и, несомненно, теми же причинами руководствовалась и Тенобия. Но Башир хорошо знал ее; он обучал ее верховой езде, наблюдал, как девочка растет, а когда она заняла трон, вручил Сломанную Корону. Тенобия оказалась хорошей правительницей:

не слишком деспотичной, но и не излишне мягкой, разумной, пусть и не всегда мудрой, храброй без безрассудства, однако назвать ее импульсивной было бы слишком мягко. Иногда она бывала невероятно вспыльчивой. И Башир был абсолютно уверен, что Тенобия еще преследует и собственную цель помимо той, к какой устремлены все прочие. И стремится она получить голову Даврама Башира. Если так, то маловероятно, чтобы она, зайдя настолько далеко, согласилась ограничиться ссылкой. Чем дольше Тенобия сжимает в зубах кость, тем сложнее убедить ее бросить. Тенобия сейчас должна бы охранять границу

Запустения, но ведь там же обязан был находиться и сам Башир. Она могла бы обвинить его в измене по меньшей мере уже дважды — за то, что он совершил после того, как отправился на юг; но Башир по-прежнему не видел для себя никакого иного пути. Мятеж, неповиновение — Тенобия вольна дать какое угодно определение; даже подумать о мятеже ему было страшно, однако Баширу хотелось, чтобы его голова подольше сидела на шее. Задача ясная, но довольно щекотливая.

Лагерная стоянка для отряда немногим больше восьми тысяч легких кавалеристов — столько у Башира осталось после Иллиана и

сражений с Шончан — занимала большую площадь, чем бивак на Тарвалонском тракте, но ее нельзя было назвать бесформенной. Коновязи вытянуты единообразными рядами, с кузницами на обоих концах, между ними столь же ровными рядами выстроились большие серые или белые палатки, хотя к этому времени многие из них были уже изрядно залатаны. На счет «пятьдесят» после сигнала трубы каждый воин мог уже сидеть в седле, готовый к бою, а чтобы шай-нарцев никто не сумел захватить врасплох, вокруг лагеря расставили часовых. Даже у маркитантов, разбивших стоянку в сотне шагов южнее лагеря Башира, в

расположении фургонов и палаток наблюдалось больше порядка, чем у солдат, осаждавших город, как будто те следовали примеру салдэйцев. По крайней мере хоть в чем-то.

Когда Башир в сопровождении своего эскорта въехал в лагерь, вдоль коновязей, как будто только что прозвучал сигнал «По коням!», почему-то торопливо и с мрачным видом сновали люди. Некоторые – с обнаженными мечами в руках. Башира начали окликать, но при виде скопления людей в центре лагеря, причем женщин там было заметно больше, чем мужчин, внутри у него вдруг все похолодело. Он ударил Быстреца каблуками, и тот галопом

рванул вперед. Башир не знал, последовал ли кто-нибудь за ним или нет. Он не слышал ничего, в ушах гулко пульсировала кровь; он не видел ничего, кроме толпы, сгрудившейся перед его островерхим шатром. Шатром, который с ним делила Дейра.

Доскакав до толпы, Башир не стал осаживать коня, а просто спрыгнул с седла на землю и побежал дальше. Он слышал, как ему что-то говорили, но не понимал ни слова. Перед ним поспешно расступались, пропуская к шатру, иначе он смел бы всех с дороги.

Откинув полог и войдя внутрь, Башир остановился. Просторная

палатка, в которой на ночлег можно было разместить два десятка солдат, была заполнена женщинами, но среди жен дворян и офицеров он быстро отыскал взглядом свою супругу. Дейра сидела на складном стуле, стоявшем в центре ковров, что служили полом, и противный холодок внутри исчез. Башир знал, что однажды она умрет — когда-то оба они умрут, — но боялся только одного: жить без нее. И тут до него дошло, что несколько женщин помогают Дей-ре спустить лиф платья с плеч. Еще одна прижимает к ее левому предплечью сложенный кусок ткани, и тряпка быстро краснеет от крови, что струится по

руке Дейры и стекает по пальцам в тазик на ковре. И туда натекло уже немало темной крови.

В то же самое мгновение Дейра увидела его, и ее глаза на чересчур бледном лице засверкали.

— Вот что получается, муженек, когда нанимаешь чужеземцев, — с яростью произнесла она, глядя на него и потрясая зажатым в правой руке длинным кинжалом. Красивая и статная, Дейра не уступала в росте мужчинам и была на несколько дюймов выше самого Башира; ее лицо обрамляли волосы цвета воронова крыла, в которых уже виднелись седые пряди. Вид у нее был властный, а когда Дейра

сердилась, то становилась чуть ли не надменной. Даже теперь, когда она с трудом сидела прямо. Большинство женщин наверняка почувствовали бы себя не в своей тарелке, если бы им пришлось обнажаться до пояса на людях, да еще в присутствии мужа. Но не Дейра. — Если бы ты вечно не требовал передвигаться с быстротой ветра, то из своих поместий мы могли бы захватить надежных слуг. Они бы и делали все, что требуется.

— Дейра, неужели ты поссорилась со слугами? — сказал Башир, вздернув бровь. — Никогда бы не подумал, что ты будешь кидаться на них с ножом.

Несколько женщин окинули его

холодными, косыми взглядами. Не все мужья и жены вели себя друг с другом так, как Башир с Дейрой. Кое-кто считал их странной парой, поскольку друг на друга они кричали редко.

Дейра сердито посмотрела на мужа, потом у нее невольно вырвался короткий смешок.

— Начну сначала, Даврам. И расскажу помедленнее, чтобы ты понял, — прибавила она с мимолетной улыбкой. Поблагодарив женщин, накинувших на обнаженный торс белую льняную простыню, Дейра продолжила: — Я вернулась с прогулки верхом и обнаружила двух странных мужчин, обшаривающих

нашу палатку. Они вытащили кинжалы, поэтому я, разумеется, одного ударила стулом, а второго ранила. — Сморщившись, она показала на порезанную руку: — Не очень серьезно, раз он сумел достать меня. Потом появились За-вион и остальные, и та парочка удрала через дыру, которую они проделали в задней стенке шатра.

Несколько женщин закивали с мрачным видом и схватились за рукояти висевших у них на поясе кинжалов. Потом Дейра сказала:

— Я послала их в погоню, но они настояли, что необходимо заняться моей царапиной. — Женщины, покраснев, поспешили убрать руки с

кинжалов, но, судя по их виду, ни одна из них даже не чувствовала за собой вины за неподчинение. Они оказались в весьма щекотливом положении. Они обязаны повиноваться Дейре, поскольку Башир их сеньор, но, сколько бы Дейра ни называла свою рану царапиной, она могла умереть от потери крови, если бы они оставили ее и отправились в погоню за ворами. — Так или иначе, — продолжила Дейра, — я распорядилась о розыске. Найти их будет нетрудно. У одного шишка на голове, у другого кровь течет из раны. — Она коротко, удовлетворенно кивнула.

пожеланиями доброго здоровья Дейре, но ни одна из женщин даже с места не двинулась. Башир не настаивал. Что бы он ни говорил, они будут стоять, пока к ним не выйдет сама Дейра, а разумный мужчина старается избегать сражений, в которых не просто потерпит поражение, но вдобавок еще и попадет в глупое положение.

Тумад, ждавший чуть в стороне от толпы, двинулся вслед за Баширом. Тот шагал, сцепив руки за спиной. Он ожидал чего-то подобного уже давно и даже начал подумывать, что подобного вообще не случится. И никак не предполагал, что Дейра окажется на волосок от

гибели.

— Обнаружили двух мужчин, милорд, — сказал Тумад. — Они точно подходят под описание, данное леди Дейрой. — Башир резко повернул голову, лицо его не предвещало ничего хорошего, и молодой человек поспешил добавить: — Они были мертвы, милорд. Их нашли сразу за лагерем. Каждый получил смертельный удар узким клинком. — Тумад ткнул себе пальцем в основание черепа, за ухом. — В одиночку человеку этого не сделать, если только он не быстрее горной гадюки.

Башир кивнул. За неудачу часто расплачиваются жизнью. Двоих

послали — для обыска, а сколько еще там приготовлено для того, чтобы заставить их замолчать? Сколько их осталось, и долго ли теперь ждать, пока они не предпримут новую попытку? Хуже всего, что непонятно, кто стоит за этим? Белая Башня? Отрекшиеся? Решение как будто само пришло к Баширу.

Кроме Тумада рядом с ним никого не было, но Башир все равно заговорил очень тихо и слова подбирал с оглядкой. Иногда жизнью приходится расплачиваться и за беспечность.

— Ты не знаешь, где найти того человека, который приходил ко мне вчера? Отыщи его и передай, что я

согласен, но что людей будет больше, чем мы говорили.

Легкие, похожие на перышки, хлопья снега, сыпавшиеся на город Кайриэн, лишь чуть-чуть ослабили лучи утреннего солнца, слегка приглушив их яркое сияние. Сквозь стекло высокого узкого окна, плотно пригнанные добротные створки которого хорошо защищали от холода, Самитзу отчетливо видела деревянные подмости, возведенные вокруг разрушенной части Солнечного Дворца. Там на месте разбитых блоков темного камня все еще громоздились груды булыжника, а ступенчатые башни резко

обрывались, уступая в высоте остальным дворцовым башням. Одной из них, носившей название Башни Взошедшего Солнца, уже больше не существовало. В белой пелене снега смутно вырисовывалось несколько знаменитых городских башен, которые, как гласят легенды, «упираются в поднебесье»: гигантские четырехугольные шпили с громадными контрфорсами, намного выше любой дворцовой башни, несмотря на то что дворец располагался на самом высоком из всех холмов города. Поднебесные Башни тоже скрывались за строительными лесами и до сих пор, а прошло уже двадцать лет как их

сожгли Айил, не были
восстановлены полностью.
Возможно, для окончания работ
понадобится еще лет двадцать.
Разумеется, рабочих на лесах не было
— в такую погоду никто не станет
лазать по мосткам. Самитзу поймала
себя на том, что ей хочется, чтобы
снегопад и ей дал передышку.

Когда неделю назад Кадсуане
уехала, оставив ее за старшую, то
Самитзу ее задача представлялась
абсолютно ясной. Проследить за тем,
чтобы горшок под названием
Кайриэн не начал закипать вновь. В
тот момент задача казалась простой,
хотя Самитзу так редко доводилось
заниматься политикой, что об этом

вряд ли стоило упоминать. Только у одного из лордов имелось на службе значительное число дружинников, и ей казалось, что Добрэйн, желая сохранить порядок, и сам выказывал готовность к сотрудничеству. Конечно же, он принял это глупое назначение на пост «Наместника Дракона Возрожденного в Кайриэне». Мальчик в придачу и в Тире назначил «наместника» — человека, который всего месяц назад участвовал в мятеже против него! Если же он поступил так же и в Иллиа-не... Кажется, он способен на все. При иных обстоятельствах такие назначения доставили бы Сестрам столько трудностей и проблем, что

вовек не расхлебаешь! От мальчишки одни лишь треволнения! Однако до сих пор занявший новый пост Добрэйн занимался исключительно управлением городом. И втихую сплачивал силы в поддержку притязаний в Илэйн Траканд на Солнечный Трон, если она об этом заявит. Самитзу вполне удовлетворилась бы таким ходом дел, нисколько не волнуясь о том, кто займет Солнечный Трон. Мыслями о Кайриэне она вообще себе голову не забивала.

Порыв ветра закружил падающий за окном снег белым калейдоскопом. Как все это... безмятежно. Дорожила ли она

безмятежностью раньше? Если Самитзу и ценила прежде подобное чувство, то вспомнить этого уж точно не могла.

Ни возможность занять трон Илэйн Траканд, ни новоприобретенный титул Добрэйна не пугали ее настолько, как нелепые и возмутительно живучие слухи о том, что мальчик ал'Тор собирается подчиниться Элайде. Правда, чтобы развеять их, Самитзу ничего не предпринимала. Повторять подобные рассказы, даже шепотом, опасались все, начиная от знатного лорда и кончая последним конюхом; и это очень хорошо, ибо способствует сохранению спокойствия. Теперь

появилась причина, чтобы Игра Домов приостановилась; ну замедлилась по сравнению с тем, как обычно обстояли дела в Кайриэне. По всей вероятности, свою роль сыграли здесь и айильцы, какую бы ненависть ни питал к ним простой люд. В город они приходили из своего огромного лагеря, разбитого в нескольких милях к востоку от городской стены. Всем известно, что айиль-цы следуют за Драконом Возрожденным, и ни у кого не было ни малейшего желания в результате случайной ошибки оказаться перед тысячами айильских копий. Молодой ал'Тор *намного больше* полезен ей, когда отсутствует, чем присутствует.

Молва о том, что где-то на западе совсем житья не стало от набегов Айил — те, если верить слухам, принесенным купцами, без разбора грабят, сжигают, убивают, — вот еще одна причина, чтобы вести себя осмотрительно со здешними Айил.

В самом деле, казалось, что ничто не способно нарушить мир и спокойствие Кайриэна, не считая разве что случавшихся порой уличных драк между обитателями Слободы и горожанами, считавшими шумных, пестро разодетых слобожан такими же чужаками, что и айильцев, да к тому же намного менее опасными. Город был переполнен до самых чердаков, люди

спали в любом месте, которое могло защитить от холода, но съестных припасов здесь имелось в достатке, если не в изобилии, а торговля шла заметно оживленнее, чем можно было ожидать зимой. Одним словом, Самитзу могла бы радоваться, что выполняет наказы Кадсуане так хорошо. Правда, Зеленая Сестра наверняка рассчитывала на большее. Ей всегда было мало.

— Самитзу, ты меня слушаешь или нет?

Вздыхнув, Самитзу отвернулась от идиллического пейзажа за окном, с трудом удержавшись от того, чтобы не разгладить юбки, в декоративных разрезах которой виднелся желтый

шелк. В волосах тихонько зазвенели изготовленные в Джаканде серебряные колокольчики, но сегодня их мелодичный звон ее не радовал. И в лучшие-то времена Самитзу не чувствовала себя уютно в отведенных ей во дворце апартаментах, хотя пылающее в широком мраморном камине пламя и распространяло приятное тепло, а перины и набитые гусиным пухом подушки на кровати в соседней комнате были просто великолепны. Все три ее комнаты были богато и изысканно отделаны в строгой кайриэнской манере: белый оштукатуренный потолок разбит на квадраты, широкие брусья карнизов щедро позолочены, а деревянные

стенные панели словно бы приглушенно светятся от искусной полировки, хотя все равно остаются темными. Тяжеловесная мебель отличалась еще более темным оттенком, ее обрамляли тонкие ряды золотых листьев, а плоскости украшал инкрустированный узор, выложенный из клинышков поделочной кости. Нарушал обстановку комнаты, еще больше подчеркивая витавший там дух непреклонности, украшенный цветочным орнаментом тайренский ковер, на фоне всего остального совершенно неуместный. В последнее время ее апартаменты казались Самитзу слишком

похожими на клетку.

Но в действительности Самитзу испытывала замешательство из-за женщины, которая, уперев руки в бедра, стояла на самой середине ковра: локоны ниспадают на плечи, подбородок воинственно вскинут, под нахмуренными бровями сверкают прищуренные голубые глаза. На правой руке Сашалле, разумеется, носила кольцо Великого Змея, но на ней также были и айильские ожерелье и браслет: крупные шарики серебра и драгоценной кости, замысловато обработанные и вырезанные, слишком безвкусные по сравнению с ее коричневым шерстяным платьем с

высоким воротом — простым, но превосходно скроенным и сшитым. Конечно, вещицы не сказать чтобы грубые, но... излишне вычурные, какие вряд ли подобает носить Сестре. Возможно, в непонятных этих украшениях кроется ключик ко многому — если только Самитзу сумеет нащупать в их вычурности какой-то смысл. Хранительницы Мудрости, особенно Сорилея, смотрели на Самитзу как на дурочку, которая ничего не поймет сама, и не желали утруждать себя ответами на ее вопросы. Слишком часто они так поступали. И *особенно* — Сорилея. Самитзу не привыкла к такому и подобное отношение ей крайне не

наверилось.

Уже не впервые она поймала себя на том, что ей трудно встречаться взглядом с Сашалле. Несмотря на то что все прочие дела идут весьма гладко, душевное равновесие оставило Самитзу, в основном из-за Сашалле. Больше всего ее бесило, что Сашалле была Красной, но вопреки принадлежности к этой Айя она *поклялась в верности* юному ал'Тору. Как Айз Седай вообще могла поклясться в верности кому-то или чему-то, кроме как Белой Башне? Как, Света ради, *Красная Сестра* присягнула мужчине, способному направлять Силу? Возможно, Верин

права в отношении свойства *та'верена* искажать вероятности. О какой-либо другой причине, заставившей дать подобную клятву тридцать одну Сестру, из которых пять – *Красные*, Самитзу даже подумать не могла.

– К леди Айлил обратились лорды и леди, которые заручились поддержкой большинства членов Дома Райатин, – ответила Самитзу с наигранным терпением. – Они хотят, чтобы она стала Верховной Опорой, а она желает поддержки Белой Башни. По крайней мере со стороны Айз Седай.

Только чтобы не продолжать игру в гляделки – в которой она,

вероятно, уступит, — Самитзу двинулась к столику из черного дерева, где на серебряном подносе до сих пор источал слабый аромат пряностей серебряный с золотой инкрустацией кувшин. Наполнить кубок подогретым вином — хороший предлог, чтобы оборвать эти переглядывания. Раздраженная тем, что ей вдруг для чего-то понадобился предлог, она резко поставила кувшин обратно; зазвенел поднос. До нее дошло, что она избегает слишком часто смотреть на Сашалле. И сейчас же Самитзу поняла, что все равно на нее поглядывает искоса. К своему разочарованию она не смогла заставить себя полностью

повернуться, чтобы встретить взгляд второй женщины.

— Передай ей «наш отказ», Сашалле. Когда в последний раз мы видели ее брата, он был жив, и Белой Башне вовсе незачем поднимать мятеж против Возрожденного Дракона, тем более если с ним покончено. — В памяти возникла картина того дня, когда в последний раз видели Торама Райатина: он вбежал в необычный туман, способный обретать осязаемую форму и способный убивать, в туман, который не поддается Единой Силе. В тот день за стенами Кайриэна явилась сама Тень. У Самитзу сжалось горло — так она старалась,

чтобы голос у нее не дрожал. Не от страха – от гнева. В тот день она не сумела Исцелить юного ал'Тора. Она ненавидела свои неудачи, ненавидела сами воспоминания о них. И объяснить свои мотивы она не сумела бы. – Большинство – это еще не весь Дом Райатин. Те, кто по-прежнему остаются на стороне Торама, выступят против нее, если понадобится – с оружием в руке, и в любом случае попустительствовать переворотам внутри самих Домов – не лучший способ сохранить мир. Сашалле, сейчас в Кайриэне установилось какое-никакое равновесие, и нарушать его мы не должны.

Самитзу сдержалась, не позволив себе обмолвиться, что Кадсу-ане это не понравилось бы. Для Сашалле подобный довод вряд ли имеет вес.

— Переворот случится, станем мы ему потворствовать или нет, — настойчиво заявила другая Сестра. Она перестала хмуриться, как только Самитзу продемонстрировала, что слушает ее, однако свою решительно вздернутую голову Сашалле не опустила. Возможно, скорее из упрямства, чем из воинственности, но, впрочем, какая разница? Сашалле не спорила, не старалась убедить в правоте своего мнения, а просто излагала свою позицию. И, что

досаждало больше всего, она явно поступала так из вежливости. — Дракон Возрожденный — вестник переворотов и перемен, Самитзу, это было предсказано. И наконец, это — Кайриэн. Неужели ты думаешь, будто они перестали играть в *Даэсс Дей'мар*? Может, на поверхности вода и неподвижна, но рыба-то никогда не перестанет плавать.

Нет, вы только представьте — *Красная*, проповедующая о Драконе Возрожденном, точно какой-то уличный демагог! О Свет!

— А если ты ошибаешься? — Как ни старалась Самитзу, но слова ее все же прозвучали резко. А Сашалле — чтоб ей сгореть! — сохраняла

абсолютное спокойствие.

— Айлил отказалась от всяких притязаний на Солнечный Трон в пользу Илэйн Траканд, таково же желание Дракона Возрожденного, и она готова присягнуть ему, если я о том попрошу. Торам же возглавлял армию, выступившую против Ранда ал'Тора. По-моему, стоит пойти на перемены, и попытку тоже стоит предпринять, я ей так и скажу.

Колокольчики в волосах Самитзу зазвенели, когда она сердито покачала головой, едва сумев сдержать вздох. Восемнадцать из тех Присягнувших Дракону Сестер еще оставались в Кайриэне — нескольких взяла с собой Кадсуане, потом она

прислала Аланну забрать еще нескольких, а все прочие, не считая Сашалле, занимали в иерархии Айз Седай положение ниже, чем Самитзу, однако Хранительницы Мудрости убрали их с ее пути. Вообще-то она не одобряла того, как это было сделано. Айз Седай *не могут* быть ученицами, ни у кого! Это возмутительно! Правда, на деле совершенное Хранительницами значительно упростило Самитзу ее задачу. Они теперь не могут ни сунуть свой нос, ни попытаться оспорить старшинство, ведь их жизни — в руках Хранительниц Мудрости, которые следят за ними ежечасно. К несчастью, по какой-то

причине – по какой именно, Самитзу
вызвать не удалось, – к Сашалле и
еще двум другим Сестрам,
усмиренным у Колодцев Дюмай,
Хранительницы Мудрости
относились иначе. Усмиренные. При
мысли об этом Самитзу ощутила
легкую дрожь, совсем легкую, и это
чувство было бы еще слабее, сумей
она понять, как Дамер Флинн
Исцелил то, что Исцелить считалось
невозможным. По крайней мере,
кто-то смог Исцелить усмирение,
пусть этот «кто-то» и был мужчиной.
Мужчиной, способным направлять
Силу. О Свет, надо же, как вчерашний
ужас сегодня превратился просто в
неудобство – стоило лишь

попривыкнуть.

Самитзу была убеждена: знай Кадсуане о различии в положении Сашалле и Иргайн с Ронайлле, с одной стороны, и прочих – с другой, то она уладила бы дела с Хранительницами Мудрости до своего отъезда. По крайней мере Самитзу на это надеялась. Уже не в первый раз она оказалась втянута в замыслы легендарной Зеленой Сестры. В хитроумии с Кадсуане порой не могла потягаться никакая Голубая: интриги вплетены в заговоры, те запрятаны в стратагемы, а все вместе они сокрыты в новых уловках. Каким-то планам суждено потерпеть неудачу, способствуя тем

самым воплощению других, и только одной Кадсуане ведомо, какие замыслы к какому результату должны привести. Мысль, прямо скажем, невеселая. Так или иначе, эти три Сестры могли приходить и уходить когда хотят, были свободны в своих действиях. И уж наверняка они не чувствовали необходимости следовать указаниям, оставленным Кадсуане, или подчиняться распоряжениям Сестры, которую она оставила вместо себя. Их направляла или сдерживала лишь данная ал'Тору безрассудная клятва.

Самитзу никогда в жизни не чувствовала себя слабой или неумелой, за исключением случая,

когда Талант подвел ее, однако она страстно желала, чтобы Кадсуане вернулась и взяла бразды в свои руки. Пять-шесть слов на ухо Айлил, и всякое желание этой леди титуловаться Верховной Опорой, разумеется, испарится, но это ни к чему не приведет, если не отыскать способа отвлечь Сашалле от ее цели. Не важно, что Айлил боится широкой огласки своих глупых секретов. Непоследовательность или противоречивость сказанных ей Айз Седай слов с равным успехом способны подвигнуть леди к решению, что ей лучше скрыться в своих дальних имениях, вместо того чтобы рисковать своими действиями

навлечь на себя гнев какой-нибудь Сестры. Если они потеряют Айлил, Кадсуане наверняка огорчится. И сама Самитзу будет огорчена. Через Айлил открывался потайной ход к доброй половине заговоров, зреющих среди знати; она была меркой, благодаря которой возможно удостовериться, что эти козни по-прежнему незначительны, что они не в состоянии привести к значительным потрясениям. Проклятая Красная понимала это. И как только Сашалле даст свое разрешение Айлил, то та станет бегать с новостями к ней, а вовсе не к Самитзу Тамагова.

Пока Самитзу, увязшая в болоте

своих затруднений, силилась из него выбраться, дверь в переднюю распахнулась, впустив бледную кайриэнку со строгим выражением лица, на ладонь ниже обеих Айз Седай. Густые седые волосы вошедшей были уложены валиком на затылке, и облачена она была в лишенное всяких украшений платье серого цвета, столь темного оттенка, что оно казалось почти черным. Так в настоящее время одевались ливрейные слуги

Солнечного Дворца. Конечно, слуги не извещали о своем появлении стуком в дверь и разрешения войти не спрашивали, но Кор-гайде Марендевин вряд ли

относилась к числу простых слуг. Символом ее должности служило массивное серебряное кольцо с длинными ключами у пояса. Показательно — кто бы ни правил Кай-риэном, Солнечным Дворцом управляет Хранительница Ключей, и смирения в манерах Коргайде не было в помине. Войдя, она ограничилась минимально допустимым учтивостью реверансом, осмотрительно развернувшись как раз посередине между Самитзу и Сашалле.

— Меня просили извещать обо все необычном, — ни к кому конкретно не адресуясь, произнесла Коргайде, хотя с такой просьбой к

ней обращалась Самитзу. Весьма вероятно, о борьбе за власть между Айз Седай Коргайде узнала тогда же, когда и они сами. Во дворце от ее взгляда мало что ускользало. — Мне доложили, что на кухне сидит огир. По-видимому, он и еще один молодой человек ищут работу каменщиков, но я никогда не слыхала, чтобы вместе трудились ка-менщик-огир и каменотес-человек. И, как сообщили из *Стеддинга* Тсофу, в обозримом будущем ни один *стеддинг* каменщиком не будет. Так ответили, когда мы пригласили каменщиков после... того инцидента. — Пауза была едва заметна, и сдержанное выражение на лице ничуть не

изменилось; но в половине циркулирующих слухов нападение на Солнечный Дворец приписывалось Ранду ал'Тору, а другая половина вину за случившееся возлагала на Айз Седай. В очень немногих версиях фигурировали Отрекшиеся, но они упоминались лишь либо вместе с ал'Тором, либо – с Айз Седай.

В задумчивости поджав губы, Самитзу решила не морочить пока себе голову той проклятой путаницей, в которую кайриэнцы превращают все, с чем соприкасаются. Отрицать причастность Айз Седай – толку мало; каковы бы ни были Три

Клятвы, дело происходит в городе, где простые «да» или «нет» порождают полдюжины противоречащих друг другу слухов. Но вот огир... На дворцовых кухнях едва ли привечают случайных прохожих; однако повара, скорее всего, не преминут угостить огира горячим обедом, просто для того чтобы поглазеть на столь чудного гостя. Последние год-два они встречаются реже обычного. Иногда их все же можно увидеть, но передвигаются они быстро, как только могут огир, и на одном месте задерживаются редко, в лучшем случае – только на ночлег. Они очень редко путешествуют вместе с

людьми, а уж работают с ними рука об руку — и того реже. Однако подобная пара пробудила что-то в памяти Самитзу. Надеясь выпросить все как следует, она открыла уже рот, чтобы задать несколько вопросов, но тут Са-шалле с улыбкой сказала:

— Благодарю тебя, Коргайде. Ты очень нам помогла. А теперь не оставишь ли ты нас наедине?

Быть резкой с Хранительницей Ключей — верный способ обеспечить себе грязное постельное белье и скудно приправленные блюда, неопорожненные ночные горшки и не доставленные вовремя послания — тысячу досадных мелочей, способных превратить жизнь в

сплошные страдания, когда думаешь не о том, как реализовать свои планы, а лишь о том, как справиться с грязью. Однако каким-то образом благодаря улыбке обращенные к Коргайде слова Сашалле утратили свою резкость. Седовласая женщина слегка склонила в согласии голову и вновь присела в минимально допустимом реверансе. На сей раз знак учтивости был адресован явно Сашалле.

Едва дверь за Коргайде затворилась, как Самитзу повернулась к Красной Сестре, с силой опустив серебряный кубок обратно на поднос. От резкого движения теплое вино выплеснулось

ей на запястье. Она была на волосок от того, чтобы потерять контроль над Айлил, а теперь ей казалось, сам Солнечный Дворец ускользает меж пальцев! Скорее Коргайде отрастит крылья и взлетит, чем станет хранить молчание о том, чему была тут свидетельницей, и что бы она ни сказала, ее слова с быстротой молнии облетят дворец и дойдут до всех слуг, вплоть до работников, что выгребают навоз из конюшен. Прощальный реверанс ясно дал понять, что за мысли в голове у Коргайде. О Свет, как Самитзу ненавидит Кайриэн! Правила хорошего тона тщательно соблюдались Сестрами, но Сашалле

не занимала достаточно высокого положения, и перед лицом такого бедствия Самитзу не будет держать язык за зубами. Сейчас она устроит этой несносной женщине головомойку!

Но, нахмурившись и посмотрев на Сашалле, она увидела ее лицо — *по-настоящему* увидела, возможно, впервые — и вдруг поняла, почему оно так ее беспокоило, и даже, вероятно, осознала, почему ей так трудно глядеть открыто на Красную Сестру. Это лицо больше не было лицом Айз Седай — вне времени и вне течения лет. Обычно люди замечали безвозрастность, только когда им указывали на это качество, но для

любой Сестры оно было очевидно и несомненно. Возможно, что-то еще осталось, какой-то мизер, из-за чего Сашалле выглядела более привлекательной, чем была на самом деле, однако любой приблизительно определил бы ее возраст – женщина, которая скоро достигнет зрелых лет. Когда Самитзу поняла это, язык у нее примерз к гортани.

Об Усмирённых женщинах известно было мало, скорее слухи, чем что-то достоверное. Они пускались в бега, скрывались от других Сестер; рано или поздно они умирали. Обычно раньше, чем позже. Долго переносить столь большую потерю, как утрату *саидар*,

большинство женщин не могли. Но все это пустая молва; насколько известно Самитзу, за многие-многие годы ни у кого не доставало мужества, чтобы попытаться узнать больше. Они боялись узнать слишком много, их удерживал страх – страх, который гнезвился у каждой Сестры в самом темном уголке души; страх, в котором мало кто признавался, страх, что подобная судьба однажды, если она сделает легкомысленный шаг, может обрушиться и на нее. Даже Айз Седай прячут глаза, когда не хотят чего-то увидеть. Но такие слухи ходили всегда, хотя о них редко упоминали и были они столь туманны, что нельзя даже

припомнить, когда она впервые узнала о них: шепоток, едва уловимый, но не смолкающий никогда. Один подобный слух, который Самитзу до сих пор смутно помнила, утверждал, будто Усмиренная женщина, если остается в живых, вновь молодеет. До сих пор это представлялось абсурдом. Восстановление способности направлять Силу не вернуло Сашалле всего. Только спустя многие годы работы с Силой Сашалле обретет лицо, увидев которое вблизи любая Сестра поймет, что перед нею – Айз Седай. А... обретет ли Сашалле такой облик? Это казалось неизбежным, но тут начиналась

неисследованная область, сплошные догадки и домыслы. А если лицо Сашалле изменилось, то что еще в ней претерпело изменения? Самитзу ощутила дрожь, причем более сильную, чем при мысли об Усмирении. Пожалуй, ей пока не стоит торопиться разгадать способ Исцеления, которым воспользовался Дамер.

Сашалле перебирала пальцами айильское ожерелье и как будто не подозревала ни о том, что Самитзу затаила какую-то обиду, ни об ее испытующих взглядах Самитзу.

— Может, в этом нет ничего важного, а может, следует проверить, — сказала она, — но

Коргайде всего-навсего сообщила о том, что слышала. Если мы хотим что-то толком узнать, нужно пойти и удостовериться самим.

И, не сказав больше ни слова, Сашалле подхватила юбки и двинулась прочь из апартаментов, оставив Самитзу перед выбором: последовать за нею или остаться. Это просто невыносимо! Но остаться тут... Совершенно исключено!

Хоть Сашалле и не превосходила Самитзу ростом, но последней пришлось поторопиться, чтобы не отстать от Красной Сестры, которая плавной и быстрой походкой двигалась по широким, с прямоугольными сводами коридорам.

И речи не было о том, чтобы идти впереди – иначе Самитзу пришлось бы припустить бегом. Вся кипя от гнева, она молчала, хотя ей и потребовалось собрать волю в кулак. Затеять на людях спор с другой Сестрой – поступок в лучшем случае неприличный. И что хуже всего – и в этом нет сомнений – совершенно бесполезный. Она только еще глубже выроет ту яму, в которой очутилась. Самитзу так и подмывало что-нибудь хорошенько пнуть.

Стоявшие на одинаковом расстоянии друг от друга высокие шандалы хорошо освещали даже самые темные участки коридора, который не мог похвалиться

красочным декором, не считая изредка встречающихся гобеленов, причем их композиции были исполнены в старомодной манере, будь то изображения охотничьих сцен или храбро сражающихся благородных рыцарей. Отдельные стенные ниши украшали золоченые орнаменты или фарфоровые изделия Морского Народа, а карнизы некоторых переходов имели бордюры, по большей части не выкрашенные. И все. Свое богатство кайриэнцы напоказ не выставляли, скрывая его точно так же, как поступали с очень многим в своей жизни. Слуги и служанки, с деловитым видом спешившие по

коридорам, подобно веренице муравьев, носили ливреи угольно-черного цвета, за исключением тех, кто состоял на службе у знатных обитателей дворца. Наряд этих слуг по сравнению с прочими казался даже ярким — на груди вышиты эмблемы Домов, а вороты и иногда рукава отмечены родовыми цветами их хозяев. Двое или трое, чьи куртка или платье были целиком цветов господских Домов, выглядели среди остальных едва ли не чужеземцами. Но все слуги ступали потупив взоры и приостанавливались только для того, чтобы приветствовать проходящих Сестер быстрым поклоном или реверансом. Для

Солнечного Дворца необходимы были несчетные сотни слуг, и этим утром они как будто все разом заторопились по своим повседневным делам.

По коридорам неспешно прохаживались также благородные лорды и леди, осмотрительно обходительные с проходившими мимо Айз Седай. Возможно, их приветствия были тщательно продуманы, ведь приходилось балансировать между иллюзией равенства и подлинным состоянием дел; а звук их приглушенных голосов далеко не разносился. Знать являла собой наглядное подтверждение старого присловья, что странные

времена сводят нас со странными спутниками. Перед лицом новых опасностей прежняя вражда отступает. Ненадолго. Тут и там два-три бледных кайриэнских лорда в одежде из темного шелка, с тонкими разноцветными полосами на груди, некоторые — с выбритым и напудренным на солдатский манер теменем, прогуливались в компании с парочкой смуглых, выше их ростом тайренцев в ярких кафтанах с пышными полосатыми рукавами. Неподалеку тайренская дама в прилегающем, шитом жемчугом чепце, в красочном парчовом платье с плоеным круглым воротником из светлых кружев, шагала под ручку с

дворянкой-кайри-энкой, чьи волосы были уложены в вычурную башню, приходившуюся вровень с головой ее спутницы, а то и возвышающуюся над нею. Высокий дымчато-серый кружевной воротник упирался в подбородок кайриэнки, а по переду темного шелкового платья с широкими юбками сбегали узкие полосы цветов ее Дома. Ни дать ни взять — задушевные друзья и давние наперсники.

Кое-какие парочки выглядели чуднее прочих. В последнее время некоторые женщины взяли за обыкновение носить чужеземную одежду, явно не замечая, насколько они этим притягивают к себе взгляды

мужчин, вынуждая даже слуг бороться с искушением поглазеть на них. Узкие штаны, короткие, едва прикрывающие бедра, куртки — наряд, мало подходящий для женщины. Независимо от того, сколько средств и труда вложено в богатую вышивку и узоры из самоцветов, украшавшие куртку. Ожерелья и браслеты с драгоценными камнями и броши с пучками разноцветных перьев только подчеркивали эту странность. А из-за ярко окрашенных сапог, с каблуками, прибавлявшими женщинам не меньше ладони роста и делающими их походку вихляющейся, казалось, что они на каждом шагу

рискуют грохнуться наземь.

— Стыд и позор! — пробормотала Сашалле, окидывая одну подобную парочку недовольным взглядом и возмущенным движением одергивая юбки.

— Стыд и позор! — пробурчала Самитзу, потом, вдруг спохватившись, захлопнула рот, да так, что клацнули зубы. Ей необходимо держать язык на привязи. Выражать вслух согласие, просто потому, что она согласна, — в обществе Сашалле подобное она себе позволить не вправе.

Тем не менее Самитзу не удержалась и оглянулась на прошедшую мимо парочку с

неодобрением. И с долей изумления. Год назад Алайне Чулиандред и Фионда Аннариз вцепились бы друг дружке в горло. Или, скорее всего, натравили бы на соперницу своих дружинников. Но в то же время, кто бы мог предположить, что станет свидетелем, как Бертом Сайган будет мирно и степенно вышагивать рядом с Вейрамоном Саньяго, причем ни тот ни другой не станет хвататься за кинжалы на поясе? Необычные времена и необычные спутники. Не приходится сомневаться, они заняты Игрой Домов, интригуют, как обычно, добиваясь какого-нибудь преимущества, и тем не менее разделяющие их границы, некогда

будто выбитые в камне, ныне обратились в линии, словно начертанные на воде. Очень необычные времена.

Под кухни в Солнечном Дворце был отведен самый нижний из надземных этажей, задняя его часть; несколько помещений с каменными стенами и балочными потолками окружали длинную темную комнату, которая была заполнена железными плитами, сложенными из кирпича печами и очагами из тесаного камня; жар здесь стоял такой, что любой позабыл бы о снегопаде за порогом, а то и о самой зиме. Обычно тут царила рабочая суeta: повара и их подручные, в одежде тонов ничуть не

ярче, чем у прочих дворцовых слуг, и в надетых поверх всего белых фартуках, готовили обед, месили тесто для хлеба на длинных столах с мраморными, обсыпанными мукой столешницами, разделявали мясо и птицу и насаживали куски на вертелы, которые вращались над огнем в очагах. Теперь же почти все замерло, только собаки, крутившие вертелы, перебирали лапами в своих колесах, дабы заслужить себе мясные обрезки. Нечищенная репа и ненарезанная морковь громоздились в корзинах, а оставшиеся без присмотра кастрюли с овощами и соусами источали сладковато-пряные ароматы. Даже поварята, мальчишки

и девчонки, исподтишка утиравшие потные лица краешками фартуков, столпились позади тесной кучки женщин, которые обступили один из столов. Над макушками стоящих Самитзу уже от дверей увидела затылок огира — даже когда тот сидел за столом, его крупная голова возвышалась над людьми. Разумеется, свою роль сыграло и то, что высоким ростом кайриэнцы в общем-то похвастаться не могли. Самитзу положила ладонь на руку Сашалле, и, к ее изумлению, та без возражений остановилась на пороге вместе с нею.

— ...исчез, ничего не сказав, куда же он отправился? — спрашивал огир

низким, погромыхивающим — точно обвал — голосом. Его длинные, с кисточками на кончиках уши, торчавшие из густых, ниспадавших до высокого ворота, темных волос, беспокойно подрагивали.

— Ой, да чего вы все о нем да о нем, мастер Ледар, — ответила какая-то женщина, похоже, с хорошо отработанной дрожью в голосе. — Злой он, вот что я вам скажу. Полдворца Единой Силой разнес, вот каких дел он натворил. Стоит ему только на тебя посмотреть, так всю кровь заморозит. А убить — так и глазом не моргнет. Тысячи от его рук пало. И десятки тысяч! О-о, мне о нем и говорить-то боязно.

– Ну так и помолчи, Элдрид Метин, – резко отозвалась другая женщина, – ты ведь у нас отличаешься немногословностью!

Тучная и довольно рослая для кайриэнки, лишь немногим ниже самой Самитзу, с седыми прядками, выбившимися из-под простого белого кружевного чепца, она, судя по всему, была старшей в сегодняшней смене поварихой. Да, похоже на то, поскольку, как отметила Самитзу, многие торопливо закивали, соглашаясь с нею, и захихикали. Кое-кто, из особо угодливых, принялся льстиво поддакивать: «Вы совершенно правы, госпожа Белдайр!» У прислуги – своя

иерархия, которую соблюдают не менее строго, чем в самой Башне.

— Нам о таких вещах вообще болтать не следует, мастер Ле-дар, — продолжала толстуха. — Это дела Айз Седай, и нечего нам туда нос совать. Ни мне, ни вам. Лучше расскажите еще о Пограничных Землях. Вы и в самом деле видали троллоков?

— Айз Седай... — пробормотал мужчина. Невидимый за столпившимися вокруг стола, он, наверное, и был тем самым спутником Ледара. Сегодня утром среди кухонных работников Смитзу взрослых мужчин не видела. — Скажите, по-вашему, они в самом деле связали узами тех мужчин, о

которых вы говорили? Как Стражей? Этих самых Аша'манов? Скажите, как было с тем, который умер? Как это случилось, вы мне не рассказывали.

— Отчего же не сказать — его убил Дракон Возрожденный, — тонким голосом ответила Элдрид. — И зачем бы еще Айз Седай мужчин узами связывать? О-о, какие они ужасные, эти Аша'маны! Страх просто! Могут так глянуть — в камень превратишься. Их сразу узнаешь, с одного взгляда. Глаза такие жуткие, огнем горят.

— Уймись, Элдрид, — строго сказала госпожа Белдайр. — Может, они и Аша'маны, а может, и нет,

мастер Андерхилл. И узами их, может, и связали, а может, и не связали. Вам любой — и я, и кто угодно — может сказать лишь одно: они были с *ним*. — Тон, каким было сказано последнее слово, ясно давало понять, кого она имела в виду. Элдрид, может, и считала Ранда ал'Тора чудовищем, но эта женщина даже имени его произносить не желала. — А когда *он* ушел, Айз Седай вдруг стали указывать им, что надо делать, а они — это делали. Конечно, любому дураку понятно: раз Айз Седай что-то велит делать, то надо делать. Все равно теперь этих парней нет, они ушли. А с чего это вы так ими интересуетесь, мастер

Андерхилл? Кстати, имя-то у вас андорское?

Ледар запрокинул голову и засмеялся, рокочущий гул заполнил комнату. Уши огира лихорадочно подергивались.

— Ах, госпожа Белдайр, мы просто хотим все знать о том месте, куда пришли. Вы меня о Пограничных Землях спрашивали, да? Вы думаете, у вас тут холодно? Да мы видели, как в Пограничных Землях от холода деревья раскалываются, как лопаются в огне скорлупа орехов. У вас по реке вниз по течению льдины плывут, а мы видели замерзшие реки, шириной с Алгуэнью, по льду которых купцы

переправляют через целые караваны фургонов. Люди ловят рыбу через лунки, пробитые во льду толщиной чуть ли не в целый спан. А по ночам в небесах сверкают и переливаются полосы света, такие яркие, что не видно звезд, и...

Даже госпожа Белдайр подалась к огиру, замороженная его рассказом, но тут один юный поваренок, которому малый рост не позволял рассмотреть необычного гостя из-за спин взрослых, оглянулся, и его взор случайно наткнулся на Самитзу и Сашалле. Глаза мальчишки округлились, и, не в силах отвести взгляда, он уставился на Айз Седай, но сумел поднять руку и дернуть

госпожу Белдайр за рукав. В первый раз она отмахнулась, не обернувшись. После второго рывка она с сердитым видом повернула голову, но грозное выражение миг исчезло с лица, когда она тоже увидела Айз Седай.

– Да пребудет с вами Благодать, Айз Седай, – промолвила госпожа Белдайр, поспешно заправляя выбившие пряди под чепец и приседая в реверансе. – Чем могу служить?

Ледар осекся на полуслове, и уши его на миг одеревенели. На дверь он не оглянулся.

– Мы бы хотели побеседовать с вашими гостями, – сказала Сашалле,

входя в кухню. — Думаю, мы недолго будем мешать вам.

— Разумеется, Айз Седай. — Если толстуха и испытывала удивление от того, что двум Сестрам вздумалось поговорить с заявившимися на кухню путниками, то она ничем не выказала своих чувств. Повернув голову направо и налево и окинув всех строгим взглядом, госпожа Белдайр хлопнула в ладоши и принялась сыпать распоряжениями:

— Элдрид, эта репа сама себя не почистит!

— Кому поручили следить за соусом из винных ягод?

— Сушеные винные ягоды теперь трудно достать!

— Каси, где твоя ложка для соуса?

— Андил, ну-ка бегом, принеси...

Кухарки и повара бросились врассыпную, и очень скоро кухня огласилась звоном ложек и грохотом кастрюль, хотя все явно старались производить как можно меньше шума, дабы не мешать Айз Се-дай. Столь же очевидно они старались даже не смотреть в сторону гостей, хотя для этого им и приходилось прикладывать немалые усилия.

Огир легко поднялся на ноги, головой едва не упершись в толстые потолочные балки. Его одежда была такой, какую Самитзу помнила по

прежним встречам с представителями его племени: долгополый, до самых отворотов сапог темный кафтан. Пятна на кафтане свидетельствовали о долгой дороге; огир известны как весьма брезгливый и опрятный народ. Даже кланяясь Самитзу и Сашалле, огир едва повернул к ним лицо и сразу принялся тереть как будто внезапно зачесавшийся широкий нос, слегка прикрыв ладонью лицо. Но все равно он выглядел юным — для огира.

— Простите нас, Айз Седай, — пробормотал он, — но нам и вправду нужно идти дальше. — Нагнувшись, огир подобрал объемистую кожаную суму, поверх которой было

приторочено большое скатанное одеяло. Бока плотно набитой сумы оттопыривались — похоже, там лежали какие-то прямоугольные предметы. Огир перекинул лямку через плечо. — До ночи нам предстоит еще немало пройти.

Однако его спутник — светловолосый молодой человек, с недельной щетиной и, похоже, не одну ночь спавший не снимая измятой коричневой куртки — продолжал сидеть на месте, положив руки на стол. Его темные глаза настороженно следили за Айз Седай — он напоминал загнанного в угол лиса.

— И куда вы намерены добраться

до ночи? – Сашалле подошла поближе и остановилась перед юным огиром, вытянув шею, чтобы рассмотреть его. Причем со стороны она казалась весьма грациозной, словно подобная неудобная поза не доставляла ей затруднений. – Вы направляетесь на встречу в *Стеддинг* Шангтай? Мастер... Ледар? Верно?

Стоявшие торчком уши огира неистово задергались и замерли; глаза, размером с чайное блюдо, сузились в настороженном прищуре, совсем как у его молодого спутника; а свисавшие кончики бровей мазнули по щекам.

– Я Ледар, сын Шандина, внук Коймала, Айз Седай, – неохотно

отозвался огир. — Но я вовсе не иду к Великому Пню. И зачем?

Старейшины меня и близко не подпустят, так что вряд ли я услышу, о чем они будут говорить. — Он издал низкий басовитый смешок, который показался ей наигранным. — Может, сегодня вечером мы и не доберемся, куда хотим, Айз Седай, но чем больше лиг мы пройдем, тем меньше лиг придется идти завтра. Нам пора в дорогу.

Небритый молодой человек встал, нервно проведя ладонью по длинному эфесу меча, висевшего на поясе. Однако, когда огир направился к двери, ведущей наружу, он не сделал ни малейшего движения,

чтобы подобрать заплечный мешок и скатку одеяла, которые лежали у его ног. Он продолжал стоять, даже когда огир сказал через плечо:

— Нам нельзя мешкать, Карлдин. Пора идти.

Сашалле плавным движением встала на пути огира, хотя на один его шаг приходилось три ее.

— Мастер Ледар, вы искали работу каменщика, — промолвила она не допускающим шуток тоном, — но я видела руки каменщиков. У вас не такие мозолистые ладони, как у них. Будет лучше, если вы ответите на мои вопросы.

Сдержав торжествующую улыбку, Самитзу встала рядом с

Красной Сестрой. Вот как, Сашалле думает, что может просто отодвинуть ее в сторону и вынюхивать, что тут творится? Что ж, тогда ее ждет сюрприз.

— Вам действительно нужно немного задержаться, — тихим голосом сказала Самитзу, обращаясь к огиру. Из-за шума на кухне их вряд ли кто сумел бы подслушать, но осторожность не помешает. — Когда я прибыла в Солнечный Дворец, я уже слышала про молодого огира, друга Ранда ал'Тора. Несколько месяцев назад он покинул Кайриэн, в сопровождении молодого человека по имени Карлдин. Разве не так, Лойал?

Уши огира поникли.

С губ молодого парня сорвалось непристойное ругательство, которое – это он должен был давно усвоить – лучше в присутствии Сестер не произносить.

– Я уйду когда пожелаю, Айз Седай, – заявил он грубо, но приглушенным голосом. Хотя внимание его всецело было поглощено Самитзу и Сашалле, тем не менее он не забывал, что поблизости мог оказаться кто-нибудь из работавших на кухне. Ему тоже не хотелось, чтобы их разговор подслушали. – Но пока я не ушел, я хотел бы получить ответы на некоторые вопросы. Что случилось

с... моими друзьями? И с ним? Он впал в безумие?

Лойал тяжело вздохнул и успокаивающе поднял руку.

— Спокойно, Карлдин, — пробормотал он. — Ранду не понравится, если ты влипнешь в неприятности с Айз Седай. Успокойся.

Хмурый Карлдин стал еще угрюмее.

Вдруг до Самитзу дошло, что она могла бы вести разговор и лучше. Она видела уже глаза не загнанного в угол лиса, а волка. Она слишком привыкла к Дамеру, Джахару и Эбену, благополучно связанным узами и прирученным. Возможно,

это преувеличение, хотя Мерисе и пришлось повозиться с Джахаром — у Марисы вечно все непросто, — однако казалось, что если достаточно долго с этим жить, то вчерашний ужас может превратиться в сегодняшний источник радости. Карлдин Манфор тоже был Аша'маном, но вовсе не связанным узами и не прирученным. Интересно, он сейчас обнимает мужскую половину Силы? Самитзу чуть не рассмеялась. Летают ли птицы?

Сашалле рассматривала молодого человека пристально, изучающе; ее руки слишком уж спокойно лежали поверх юбок, но Са-митзу испытывала радость, что не

видит вокруг нее сияния *саидар*. Аша'маны чувствовали, когда женщина обращается к Силе, а такое действие могло заставить его поступить... опрометчиво. Бесспорно, вдвоем Самитзу с Сашалле с ним справятся... А смогут они справиться, если он уже обратился к Силе? Разумеется. Конечно смогут! Но будет намного лучше, если они не доведут дела до этого.

Сейчас Сашалле, очевидно, не предпринимала шагов, чтобы взять инициативу на себя, поэтому Самитзу легким движением положила свою ладонь на ее левую руку. На ощупь, сквозь ткань рукава,

кожа казалась бруском железа. Сашалле была встревожена не меньше нее. Не меньше нее? О Свет, Дамер и двое других полностью притупили ее внутреннее чутье!

— *Он*, когда я видела его в последний раз, казался таким же здравомыслящим, как и большинство мужчин, — негромко промолвила Самитзу, лишь слегка выделив первое слово. Никого из кухонных работников не было рядом, но кое-кто украдкой косился в сторону стола. Лойал с облегчением шумно вздохнул — с таким звуком ветер вырывается из зева пещеры, но она все внимание сосредоточила на Карлдине. — Где он теперь, я не знаю,

но несколько дней назад он был жив. — Помимо этого Аланна и словом не обмолвилась, держа рот на замке, точно устрица, захлопнувшая створки, да и вела она себя весьма властно — с запиской Кадсуане в руках. — Боюсь, Федвин Морр умер от яда, но не имею представления, кто ему дал яд. — К ее изумлению, Карлдин лишь покачал головой, с удрученной миной на лице, и пробормотал что-то невразумительное о вине. — Что касается остальных, то они по собственной воле стали Стражами. — Насколько любой мужчина вообще что-либо делает по собственной воле. Вот ее Рошан точно не желал

становиться Стражем, пока она сама не решила, что этого хочет. Любая женщина, даже не Айз Седай, обычно способна сделать так, чтобы мужчина принял то решение, какое ей нужно. — Они сочли, что такой выбор лучше, безопаснее, чем возвращение... к прочим, вроде тебя. Как видишь, разрушения тут были нанесены посредством *саидин*. Ты же понимаешь, кто стоит за всем этим? Кто пытался убить того, о чьем рассудке ты тревожишься.

Похоже, и это Карлдина тоже несколько не удивило. Да что вообще за люди эти Аша'маны? Неужели их пресловутая Черная Башня — гнездилище убийц? Но напряжение

оставило его, он расслабился и внезапно превратился в утомленного долгой дорогой молодого парня, которому не мешало бы побриться.

— О Свет! — прошептал он. — Что нам теперь делать, Лойал? Куда идти?

— Я... не знаю, — ответил Лойал, устало ссутулившись. Уши его поникли. — Я... Нам нужно его найти, Карлдин. Как-нибудь отыскать. Сдаваться нельзя. Нам нужно известить его, что мы выполнили его просьбу. Насколько это было в наших силах.

Самитзу терялась в догадках, о чем таком их просил ал'Тор. Толика везения, и она сумеет немало узнать

у этих двоих. Усталый мужчина и огир, чувствующий себя одиноким и потерянным, – оба вполне созрели, чтобы дать ответы на вопросы.

Карлдин слегка вздрогнул, рука его стиснула эфес меча, и Самит-зу сама едва удержалась от проклятия, когда в помещение вбежала дворцовая прислужница. Юбки она подобрала чуть ли не до колен.

– Лорда Добрэйна убили! – пронзительно завопила она. – Нас всех поубивают! Прямо в постелях! Я своими глазами видела живого мертвеца! Старого Марингила собственной персоной! А матушка говорит: теперь тебя призраки убьют там, где случилось убийство! Они...

При виде Айз Седай служанка едва сумела остановиться, да так и застыла с отвалившейся челюстью, по-прежнему вцепившись в юбки. Повара и кухарки застыли тоже, и все искоса смотрели на них: что будет дальше?

— Только не Добрэйна, — застонал Лойал. Его уши буквально прижались к голове. — Только не его. — Лицо у него окаменело, и он выглядел в равной степени опечаленным и разгневанным. Самитзу не помнила, чтобы когда-нибудь видела разъяренного огира.

— Как тебя зовут? — требовательно спросила Сашалле у женщины в дворцовой ливрее,

прежде чем Самитзу успела раскрыть рот. — Откуда тебе известно, что его убили? Откуда ты вообще взяла, что он мертв?

Женщина судорожно сглотнула под неотрывным холодным взглядом Сашалле.

— Я Чера... О Айз Седай, — заикаясь, промолвила она, сгибая колени в реверансе. И только тут до служанки дошло, что она по-прежнему приподнимает юбки. Поспешно оправив их, она, казалось, разволновалась еще больше. — Меня зовут Чера Дойнал. Я слышала... Все говорят, что лорд Добрэйн... То есть что его... Это... — Она вновь шумно сглотнула. — Все говорят, что его

апартаменты залиты кровью. Там его и нашли. Он лежал в громадной луже крови. И, говорят, с отрубленной головой.

— Много чего говорят, — мрачно заметила Сашалле, — и обычно немало врут. Самитзу, ты пойдешь со мной. Если лорд Добрэйн действительно ранен, может, ты сумеешь что-то для него сделать. Лой-ал, Карлдин, вы тоже пойдете с нами. Не хочу выпускать вас из виду, пока у меня не будет возможности задать вам несколько вопросов.

— Да чтоб им сгореть, вопросам вашим! — прорычал юный Аша'ман, скидывая свои пожитки на плечо. — Я ухожу!

— Нет, Карлдин, — мягко промолвил Лойал, положив на плечо товарищу огромную ладонь. — Нам нельзя уходить, пока мы не узнаем, что с Добрэйнном. Он — друг, друг Ранда и мой. Мы не можем уйти. Да и все равно, куда нам торопиться?

Карлдин смотрел в сторону. Он ничего не ответил.

Самитзу зажмурилась, сделала глубокий вдох, но ничего не помогло. Она поймала себя на том, что послушно выходит следом за Сашалле из кухни, вновь торопливо шагает, стараясь поспевать за ее стремительной, скользящей походкой. Вообще-то, как оказалось, Самитзу едва ли не бежала: Сашалле

шла еще быстрее, чем прежде.

Едва Айз Седай вышли за дверь, как позади них невнятно загомонили голоса. По всей вероятности, кухонный люд накинулся на служанку, жаждая подробностей случившегося, подробностей, которые она, коли не достанет осведомленности, скорее всего сочинит. Из кухни расползется с десятков различных версий, а возможно, их будет столько же, сколько там поварих и подручных. Хуже всего, что наверняка разойдется с десятков различных сплетен и о происшедшем *на* кухне, это не считая тех пересудов, источником которых уже, несомненно, стала Коргайде.

Самитзу едва ли могла припомнить день, который складывался бы для нее так плохо и так непредсказуемо, как будто, поскользнувшись на одной обледеневшей ступеньке, под ногой обнаруживаешь внизу другую, не менее скользкую, а потом и еще одну. Да после такого Кадсуане снимет с нее шкуру и нашьет перчаток!

Хорошо хоть Лойал и Карлдин тоже плетутся позади. Что бы Самитзу ни узнала от них, это может стать преимуществом, поможет спасти хоть что-то. Торопливо идя рядом с Сашалле, она изредка бросала на них через плечо быстрые взгляды. Укоротив шаг, чтобы не обогнать Айз Седай, огир озабоченно

хмурился. Наверное, тревожился из-за Добрэйна, но также, вероятно, беспокоился и о таинственном поручении, которое выполнил, «насколько это было в его силах». Вот эту загадку ей необходимо разрешить. Юный Аша'-ман без труда поспевал за ними, хотя всем своим видом выражал упрямое нежелание повиноваться, а его рука то и дело поглаживала рукоять меча. Вовсе не от стали исходила заключавшаяся в нем опасность. Он с нескрываемым подозрением смотрел в спину идущим впереди Айз Седай, а стоило ему встретиться взглядом с Са-митзу, как глаза его вспыхивали мрачным огнем. Впрочем, Карлди-ну

хватало ума помалкивать. Позже Самитзу нужно будет найти способ развязать ему язык, и не только для злобного ворчания.

Сашалле ни разу не оглянулась, чтобы убедиться, что Лойал с Карлдином следуют за нею, хотя вообще-то ей достаточно было слышать стук сапогов огира по выложенному плитками полу. На ее лице отражалась задумчивость, и Самитзу многое бы дала, чтобы узнать, о чем та размышляет. Пусть она и дала клятву верности Ранду ал'То-ру, но как эта клятва защитит ее от Аша'мана? И, в конце концов, она ведь из Красной Айя. Лицо у Сашалле изменилось, но *это-то* —

нет. О Свет, вот она – наихудшая из всех опасных ступенек!

Затем был долгий нелегкий подъем из кухонь в апартаменты лорда Добрэйна в Башне Полной Луны, которую обычно отводили для знатных гостей высокого ранга, и на всем пути Самитзу замечала свидетельства того, что Чера далеко не первой слышала, о чем говорят те вечно безымянные «они». Вместо нескончаемо текущих по коридорам потоков слуг взгляд все чаще натывался на взволнованные группки встревоженно перешептывающихся людей. При появлении Айз Седай они торопились разойтись и скрыться с глаз. Кое-кто замирал с

открытым ртом при виде шагавшего по дворцу огира, однако по большей части они едва ли не убегали прочь. Дворян, прежде фланировавших по коридорам, точно ветром сдуло; несомненно, они все сидели по своим комнатам, обдумывая, какие перспективы и опасности сулит им гибель Добрэйна. О чем бы там ни размышляла Сашалле, у Самитзу никаких сомнений не было. Будь Добрэйн жив, его слуги уже дорого поплатились бы за длинные языки.

Еще одно подтверждение случившегося — в коридоре, возле дверей в покои Добрэйна, толпились слуги с мертвенно-бледными лицами, рукава их ливрей до локтя

были в поперечную сине-белую полосу — цвета Дома Таборвин. Некоторые плакали, у других были потерянные лица, точно из-под ног у них выдернули основу мироздания. Повинуясь распоряжению Сашалле, слуги расступились и пропустили Айз Седай, двигаясь механически или будто пьяные. Застывшие взоры скользили по фигуре огира, даже люди не понимали, кто это. Кое-кто вспомнил об учтивости и вяло склонился в поклоне.

Внутри, в передней, было полно слуг Добрэйна, стоявших с оглушенным видом. Сам Добрэйн недвижимо лежал на носилках в центре просторной комнаты, голова

по-прежнему оставалась на плечах, но глаза были закрыты и кровь из длинной раны на голове, залившая неподвижные черты лица, уже подсыхала. Из уголка приоткрытого рта сочилась тонкая темная струйка. Двое слуг – по их щекам струились слезы – уже собирались накрыть белой тряпкой лицо своего хозяина, но замешкались при виде Айз Седай. Добрэйн, казалось, уже не дышал, и на груди его кафтана с тонкими разноцветными полосками, доходившими от горла почти до самых колен, зияли окровавленные разрезы. Возле носилок, на отороченном бахромой желто-зеленом тайренском ковре с

рисунком в виде лабиринта, растеклось огромное темное пятно, превышавшее размерами человеческую фигуру. Любой, кто потеряет столько крови, должен умереть. Еще двое мужчин валялись на полу: остекленевшие глаза одного невидяще уставились в потолок, другой лежал на боку, между его ребрами, там, где клинок наверняка достанет до сердца, торчала костяная рукоять ножа. Низкорослые, светлокожие кайри-энцы, на обоих — ливреи дворцовых слуг; но слуги никогда не носили длинных кинжалов с деревянными рукоятками, какие валялись возле каждого трупа. Слуга Дома Таборвин, который занес

было ногу, чтобы пнуть один труп, остановился, заметив вошедших Айз Седай, а потом все равно сильно двинул мертвеца по ребрам носком сапога. Совершенно очевидно, сейчас о внешних приличиях никто и не помышлял.

– Уберите прочь эту тряпку, – велела Сашалле стоявшим у носилок мужчинам. – Самитзу, посмотри, чем ты можешь помочь лорду Добрэйну.

Самитзу машинально шагнула к Добрэйну, но этот приказ – это *явно* был приказ! – заставил ее запнуться. Скрипнув зубами, она подошла к кайриэнскому лорду и осторожно опустилась на колени возле носилок, по другую сторону от все еще

влажного темно-красного пятна и аккуратно возложила ладони на залитую кровью голову Добрэйна. Ее никогда не волновало, что кровь испачкает пальцы, но свести кровавые пятна с шелка практически невозможно, если только не прибегнуть к Силе; а она до сих пор испытывала угрызения совести, когда понапрасну использовала Силу для чего-нибудь настолько приземленного.

Делать необходимые плетения было для Самитзу все равно что дышать, поэтому она, не задумываясь, тут же обняла Источник и принялась при помощи Искательства обследовать

кайриэнского лорда. И изумленно заморгала. Повинуясь внутреннему чутью, она заставила себя продолжать, хотя была уверена, что видит в комнате три мертвых тела, однако жизнь в Добрэине еще теплилась.

Крохотный, подрагивающий огонек, который с легкостью может погаснуть от шока Исцеления. От шока того способа Исцеления, который был ей известен.

Самитзу нашла взглядом светловолосого Аша'мана. Тот, присев на корточки, невозмутимо обыскивал трупы, не обращая внимания на потрясенные взоры слуг. Одна женщина вдруг заметила

Лойала, остановившегося у самой двери, и вытаращила на него глаза, как будто он возник из ниоткуда. Со сложенными на груди руками и с мрачным выражением лица огир выглядел так, будто стоял на карауле.

– Карлдин, ты знаешь тот вид Исцеления, который применяет Дамер Флинн? – спросила Самитзу. – В котором используются все Пять Сил?

Он помолчал, хмуро глядя на нее.

– Флинн? Я даже не понимаю, о чем речь. Да и все равно у меня мало Таланта к Исцелению. – Посмотрев на Добрэйна, Карлдин добавил: – По мне, он кажется мертвым, но

надеюсь, вы сумеете его спасти. Он сражался у Колодцев. — И вновь склонился над мертвым слугой, продолжая рыться в карманах и складках его кафтана.

Самитзу облизнула губы. В подобных ситуациях возбуждение от наполненности *саидар*, как ей казалось, всегда ее как-то унижает. В таких ситуациях плохи все решения, которые она может избрать.

Самитзу осторожно собрала вместе потоки Воздуха, Духа и Земли, сводя их в основное плетение Исцеления, известное каждой Сестре. На памяти живущих ни у кого Талант к Исцелению не был настолько силен, как у нее, и

большая часть Сестер обладала весьма ограниченными способностями к этому, некоторым под силу было излечить разве что синяки. Способности же самой Самитзу к Исцелению почти не уступали совместным усилиям составивших круг Сестер. Большинство из них едва ли хоть в какой-то степени могли регулировать плетение; а большая часть даже и не пыталась этому научиться. Самитзу же обладала подобной способностью с самого начала. Как жаль, что она не может Исцелить что-то одно, отдельно взятое, оставив все прочее как было — на такое способен Дамер; ее воздействие скажется на всем,

начиная с колотых ран и кончая
заложённым носом — насморком
Добрэйн тоже мучился. Благодаря
Искательству Самитзу узнала обо
всем, чем тот страдал. Но она могла
избавить его от самых худших ран,
как будто их и не было, или Исцелить
так, что исцеленный ею имел бы
такой вид, словно он не один день
оправлялся от болезни или ран сам,
без ее помощи. Еще она могла
добиться Исцелением любого
удобного ей результата в диапазоне
между этими двумя крайностями. Ни
на один вариант она не потратит
меньше сил, но силы потребуются от
раненого. Чем меньше воздействие
меняет тело, тем меньше сил оно у

него отнимет. Вот только, за исключением глубокой резаной раны на голове, все ранения Добрэйна были крайне серьезны: четыре глубоких проникающих в легкие, причем два из них задели также и сердце. Самое мощное Исцеление убьет его прежде, чем раны успеют затянуться, и в то же время самое слабое воздействие возвратит его к жизни лишь за тем, чтобы он захлебнулся кровью. Ей необходимо выбрать что-то среднее и надеяться, что она поступила верно.

Я – самая лучшая из всех, решительно заявила себе Самитзу. Так ей сказала Кадсуане. *Я – самая лучшая!* Чутьочку изменив плетение,

Самитзу позволила ему просочиться в лежащего без движения мужчину.

Когда тело Добрэйна конвульсивно дернулось, кто-то из слуг в смятении вскрикнул. Добрэйн приподнялся, широко раскрыв глубоко посаженные глаза, и оставался в таком положении достаточно долго, чтобы изо рта вырвались звуки, очень и очень похожие на предсмертные хрипы. Затем глаза его закатились, и он, выскользнув из-под воздействия Самитзу, с глухим стуком упал обратно на носилки. Она торопливо переиначила пряди Сил и, затаив дыхание, вновь погрузила плетение в тело Добрэйна. Он жив. Еще чуть-

чуть, и он, такой слабый, мог бы умереть, но убили бы его не эти страшные раны, разве что косвенным образом. Даже сквозь запекшуюся на волосах и на выбритом лбу кровь Самитзу различала сморщенную розовую ниточку мягкого, только что зажившего шрама на голове. Точно такие же должны быть сейчас и под курткой, и если Добрэйн выживет, то при напряжении сил ему, возможно, будет болезненно не хватать дыхания, но сейчас он жил, и только это имело значение. Сейчас важно, чтобы он был жив. И конечно, еще кто хотел его убить и почему.

Отпустив Силу, Самитзу, чуть пошатываясь, встала. Покидая ее,

саидар всегда оставляла ощущение усталости. Один из слуг, хлопая глазами, нерешительно протянул ей тряпку, которой до этого собирался прикрыть лицо своего лорда, и она вытерла о нее руки.

— Отнесите его в постель, — велела Самитзу. — Дайте ему как можно больше теплой воды с медом. Ему нужно поскорее набираться сил. И отыщите Мудрую Женщину... Или как она у вас называется? Предсказательница? Да, Предсказательницу. Она ему тоже понадобится.

Большого для Добрэйна она сделать не в силах, теперь ему могут помочь травы. По крайней мере,

маловероятно, что они ему повредят, если попадут из рук Предсказательницы, в крайнем случае женщина хотя бы проследит, чтобы воды с медом ему давали достаточно, но чтобы и не переусердствовали.

То и дело кланяясь и бормоча слова благодарности, четверо слуг подняли носилки с Добрэйнм и унесли их в глубь апартаментов. Другие поспешили за ними, на их лицах отражалось облегчение. Несколько слуг выскочили в коридор, откуда через мгновение раздались радостные крики и приветственные возгласы, и Самитзу услышала, что ее имя повторяют рядом с именем

Добрэйна. Очень лестно. Было бы еще приятнее, если бы Сашалле не улыбнулась и не кивнула бы ей одобрительно. Одобрительно! А почему бы еще заодно не погладить по головке?

Карлдин же, насколько заметила Самитзу, на Исцеление не обратил никакого внимания. Окончив обыскивать второй труп, он поднялся и, пройдя через всю комнату, подошел к Лойалу. Он попытался показать что-то огиру, заслонив находку спиной, чтобы не увидели Айз Седай. Лойал выхватил это — лист бумаги кремового цвета, со следами сгибов — из руки Аша'мана и поднял на уровень своего лица,

развернув толстыми пальцами. Сердитый взгляд Карлдина он проигнорировал.

— Но в этом нет никакого смысла, — пробормотал огир, читая бумагу с нахмуренным видом. — Полная бессмыслица. Если только... — Длинные уши затрепетали, огир умолк и обменялся напряженным взглядом со светловолосым парнем, который отрывисто кивнул в ответ. — О-о, тогда это очень плохо, — промолвил Лойал. — Карлдин, если их было не двое, а больше, и если они нашли... — Он вновь осекся, когда молодой человек яростно замотал головой.

— Позвольте, я взгляну, — сказала

Сашалле, протянув руку, и сколько бы она ни говорила «позвольте», ее слова вовсе не были просьбой.

Карлдин попытался вырвать записку из руки Лойала, но огир спокойно отдал ее Сашалле. Та внимательно ее изучила, причем выражение ее лица ничуть не изменилось, а потом передала Самит-зу. Бумага на ощупь была плотной, гладкой и явно дорогой, и выглядела она почти новой. Самитзу пришлось сделать над собой усилие: пока она читала, ее брови от удивления едва не поползли на лоб.

«По моему приказу

предъявители сего должны
забрать из моих покоев
некие известные им
предметы и вынести их из
Солнечного Дворца. Тайно
проводите их в мои
апартаменты, окажите
всяческую помощь, если
таковая им потребуется, и
молчите об этом, именем
Дракона Возрожденного и
под страхом его гнева.

Добрэйн Таборвин»

Написанные Добрэйном бумаги
Самитзу доводилось видеть довольно
часто, поэтому она признала его руку

в округлом почерке.

— Очевидно, искусная подделка. Кому-то понадобились услуги большого умельца, — отметила Самитзу, заслужив быстрый презрительный взгляд Сашалле.

— Маловероятно, чтобы он собственноручно написал эту бумагу, а потом был по ошибке ранен своими же людьми, — язвительным тоном промолвила Красная Сестра. Она обратила свой взор на Лойала и Аша'мана. — Что они могли искать? — требовательно спросила Сашалле. — Вы *боитесь*, что они что-то нашли? Что же именно?

Карлдин в ответ безучастно уставился на нее.

– Я ничего особенного в виду не имел. Просто решил, что они что-то искали, – ответил Лойал. – Они ведь пробрались сюда, чтобы что-то украсть.

Но его остроконечные уши с кисточками на кончиках так судорожно подергивались, что едва не вибрировали; он пытался справиться со своими чувствами. Вообще-то из огиров лжецы – никудышные, по крайней мере из молодых.

Сашалле медленно покачала головой, потрянув локонами.

– То, что вам известно, – очень важно. Вы двое не уйдете, пока и я этого не узнаю.

— И как вы нас остановите? — От спокойного тона, каким Кар-лдин произнес эти слова, таящаяся в них угроза стала еще опаснее. Он бесстрастно встретил взгляд Сашалле, как будто ему вовсе не о чем было волноваться. Да уж, точь-в-точь волк, а никакой не лис!

И тут в повисшей зловещей тишине раздался голос Росаны Медрано.

— Я уж думала, никогда не отыщу вас, — заявила, входя в комнату, высокая женщина, смуглой кожей походившая на загорелых Айил. Она еще не успела снять ни красных перчаток, ни подбитого мехом плаща. Откинутый на спину капюшон

открывал черные волосы, украшенные гребнями из дорогой поделочной кости. Растаявший снег оставил на плечах влажные пятна. С первыми лучами солнца Росана отправилась на поиски пряностей для какого-то особого блюда из рыбы по рецепту ее родного Тира. На Лойала и Карл-дина она едва взглянула, не стала она и тратить времени на расспросы о случившемся в апартаментах Добрэйна. — Самитзу, в город приехала группа Сестер. Чтобы опередить их, я гнала как сумасшедшая, но в эту самую минуту они уже могут въезжать во дворец. С ними Аша'маны, а один из

Аша'манов – Логайн!

Карлдин разразился резким лающим смехом, и Самитзу вдруг пришло в голову: а проживет ли она столько, чтобы Кадсуане успела спустить с нее шкуру?

Глава 1. Пора уходить

Колесо Времени вращается, Эпохи приходят и проходят, оставляя после себя воспоминания, которые становятся легендой. Легенда блекнет, превращаясь в миф, но даже миф уже давно забыт к тому времени, когда Эпоха, породившая его, наступает вновь. В одну из Эпох, называемую некоторыми Третьей, — Эпоху, которая еще наступит; Эпоху, которая уже давно прошла, — ветер поднялся в Холмах Раннон. Ветер не был началом. Вращение Колеса Времени не знает ни начала, ни

конца. И все же этот ветер был началом.

Рожденный среди рощ и виноградников, покрывающих склоны массивных холмов, среди рядов вечнозеленых олив, среди до весны лишенных листвы опрятных виноградных лоз, холодный ветер летел на северо-запад, над зажиточными фермами, усеявшими страну от холмов до великой гавани Эбу Дар. Земля еще лежала под паром, но мужчины и женщины уже смазывали лемехи плугов и чинили упряжь, готовясь к весеннему севу. Они не обращали особого внимания на вереницы тяжело нагруженных повозок, движущихся по проселкам

на восток, — повозок, в которых сидели люди в странных одеждах и говорившие со странным акцентом. Многие из чужеземцев, по-видимому, и сами были фермерами — к их повозкам были приторочены знакомые земледельческие инструменты, а в самих повозках виднелись саженцы неизвестных растений с корнями, обернутыми грубой холстиной; но земли, в которые они направлялись, лежали где-то далеко за горизонтом. Это не имело никакого касательства к жизни здесь и сейчас. Рука Шончан легка для тех, кто не спорит с законом Шончан, и фермеры Раннонских холмов не видели

большой перемены в своей жизни. Настоящим хозяином для них всегда был дождь — или его отсутствие.

Ветер летел на северо-запад, через широкое сине-зеленое пространство гавани, где сотни больших кораблей качались на якорях на беспокойной зыби; одни были крутоносными, с полосатыми парусами, другие — длинными и с острыми носами, и люди на них старались приспособить паруса и такелаж так, чтобы они походили на оснастку других, более широких судов. Количество этих кораблей, однако, было не так уж велико по сравнению с тем, что качалось на этих волнах еще несколько дней

назад. Многие из них лежали теперь на мелководье — обугленные скособочившиеся остовы, погруженные в вязкий серый ил, словно покрытые копотью скелеты. Суденышки поменьше чертили поверхность гавани, клонясь под треугольными парусами или ползя на веслах, похожие на многоногих водяных жуков; большинство их подвозили рабочих и припасы для тех кораблей, что еще держались на плаву. Другие небольшие суда и баржи были привязаны к тому, что казалось лишенными ветвей стволами деревьев, возвышающимися над синевато-зеленой водой; люди ныряли с них, держа в руках камни,

чтобы добраться до затонувших кораблей, и обвязывали веревками все, что можно было поднять наверх. Шесть ночей назад смерть прошла над этими водами — Единая Сила убивала мужчин и женщин и крушила во тьме корабли, расщепляя их сверкающими молниями и разбивая шарами огня. Сейчас наполненная волнением, кипящая деятельностью гавань казалась обителью мира и спокойствия по сравнению с той ночью; с верхушек волн срывались клочья пены, и их уносил ветер, летевший над устьем реки Элдар, туда, где оно расширялось, образуя гавань, — на северо-запад, в глубь страны.

Сидя скрестив ноги на верхушке огромного, поросшего коричневым мхом валуна над полоской камыша, окаймлявшей речной берег, Мэт ежился от ветра и сыпал про себя проклятиями. Он не нашел здесь ни золота, ни женщин, ни танцев или веселья. Только кучу неприятностей. Попросту говоря, это было последним местом, где он хотел бы оказаться, будь его воля. Солнце висело низко над горизонтом, небо над головой было блекло-свинцового цвета, а клубящиеся лиловые тучи, надвигающиеся со стороны моря, грозили дождем. Зима без снега была не похожа на зиму – он еще не видел в Эбу Даре ни одной снежинки, – но

холодный и сырой утренний ветер, дующий с воды, мог не хуже любого снега пробрать человека до костей. Прошло шесть дней с тех пор, как он покинул город в ту бурную ночь; однако его ноющая поясница, казалось, до сих пор не могла поверить в то, что он уже не сидит в седле, вымокший до нитки. Это была не та погода и не то время суток, когда человек выходит из дому по своей воле. Он жалел, что ему не пришло в голову взять с собой плащ. Он жалел, что не остался в своей постели.

Складки рельефа скрывали от его взгляда Эбу Дар, лежащий в миле к югу, и они же скрывали Мэта от

города; но вокруг не было ни единого деревца, ничего достойного называться растительностью, а не платяной щеткой. Когда он находился вот так на открытом месте, ему всегда становилось не по себе. Тем не менее большой опасности не было. Его простая коричневая суконная куртка и шерстяная шапочка были совершенно не похожи на ту одежду, в которой его привыкли видеть в городе. Шрам на его шее был скрыт тускло-коричневым шерстяным платком (вместо черного шелкового), той же цели служил и поднятый воротник куртки. Ни клочка кружева, ни нитки вышивки. Скудный серый наряд, вполне

подходящий для фермера, крутящего коровам хвосты. Никто из тех, кого он хотел избежать, не смог бы узнать его, даже если бы и увидел. Разве что подойдет вплотную. Тем не менее он все же надвинул шапку пониже на глаза.

– Ты долго будешь торчать здесь, Мэт? – Вытертая темно-синяя куртка Ноэла видала лучшие дни, как и он сам. Сутулый, с седыми волосами и сломанным носом, старик сидел под камнем на корточках, выставив над водой бамбуковую удочку. Большая часть его зубов давно выпала, и он имел привычку время от времени нащупывать языком те места, где они когда-то были, словно удивляясь их

отсутствию. — Если еще не заметил, стало холодать. Люди обычно считают, что в Эбу Даре тепло, но зимой холодно везде, даже в таких местах, по сравнению с которыми Эбу Дар покажется Шайна-ром. Мои кости требуют жаркого очага. Или хотя бы одеяла. С одеялом человек может вполне уютно устроиться и на ветру. Ты так и собираешься ничего не делать, кроме как глазеть на реку?

Мэт лишь посмотрел на него, ничего не отвечая, и Ноэл, пожав плечами, вернулся к своему почерневшему деревянному поплавку, колыхавшемуся среди редких камышей. Время от времени он потирал узловатую руку, словно

желая показать, что его скрюченные пальцы особенно чувствительны к холоду; но если и так, он сам в этом виноват. Старый дурак – нечего было столько времени плескаться на мелководье, черпая мальков для наживки. Плетеная корзина с мальками стояла у берега, наполовину в воде, притопленная гладким камешком. Хотя Ноэл теперь и жаловался на погоду, он сам пришел к реке, его никто сюда не звал и не тянул. Судя по тому, что он рассказывал о себе, все те, кто был ему дорог, давно уже умерли, и, очевидно, он был рад любой компании, какая только ему попадется. Ему подходило даже

общество Мэта, а ведь тот мог бы сейчас быть уже в пяти днях пути от Эбу Дар. Человек может покрыть большое расстояние за пять дней, если у него есть в этом нужда и имеется хорошая лошадь. Мэт не уставал думать об этом.

На той стороне Элдар, полускрытая одним из болотистых островков, что усеивали речную гладь, широкобокая лодка сложила весла; один из гребцов поднялся на ноги и начал шарить в камышах длинным крюком. Другой помог ему втащить в лодку то, что он выловил, — отсюда это выглядело как большой мешок. Мэт вздрогнул и начал смотреть вниз по течению реки. До

сих пор еще находят тела, и он в ответе за это. Невинные погибли вместе с виновными. А если бы ты ничего не стал делать, погибли бы только невинные. По крайней мере они были бы все равно что мертвы. Или даже хуже чем мертвы, это как посмотреть.

Он раздраженно сдвинул брови. Кровь и пепел, да он превращается в треклятого философа! Если постоянно принимать на себя ответственность, вся радость жизни может испариться и человек превратится в комок сухой пыли. Чего ему сейчас действительно хотелось, так это чтобы в руке был большой кубок приправленного

пряностями вина, на коленях — пышненькая симпатичная служаночка, а вокруг — уютная, наполненная музыкой и весельем общая комната в каком-нибудь трактире подальше от Эбу Дар. Чем дальше, тем лучше. Вместо этого перед ним лежали обязательства, от которых он не мог отвернуться, и будущее, которого он не мог предугадать. Нет никаких преимуществ в том, чтобы быть *та'вереном*, если уж Узор так сложился для тебя. Впрочем, его удача по-прежнему при нем. По крайней мере он был жив и не был закован в цепи и брошен в темницу. Учитывая сложившиеся

обстоятельства, это вполне можно считать удачей.

С его насеста открывался прекрасный вид на низовье реки и дальше, поверх последних низких заболоченных островков. Поднятые ветром брызги блестели над гаванью, подобно легкой дымке, но они не могли скрыть того, что он хотел увидеть.

Мэт производил вычисления, пытаясь сосчитать оставшиеся на плаву корабли, чтобы понять, сколько кораблей погибло. Однако он постоянно сбивался, ему то и дело казалось, что он обсчитался, и приходилось начинать заново. К тому же в его мысли постоянно вторгались

те женщины из Морского Народа, что снова были взяты в плен. Он слышал, что на виселицах в Рахаде, на той стороне гавани, было выставлено более сотни трупов, на которых висели таблички со словами «убийца» и «бунтовщик». Обычно Шончан использовали для таких целей топоры и колы, а веревку оставляли для Высокородных, но, очевидно, на этот раз преступление было достаточно велико, чтобы их повесили.

Чтоб мне сгореть, если я не сделал все, что мог! – хмуро подумал он. Нет никакого смысла терзаться из-за того, как мало он мог. Совершенно никакого смысла. Ни

малейшего! Он должен сосредоточиться на тех, кто смог спастись.

Те Ата'ан Миэйр, которым удалось бежать, захватили корабли из гавани, — их задачей было увезти столько своих людей, сколько возможно. Если учесть, что в Рахаде трудились тысячи заключенных из Морского Народа, это означало, что им требовались в первую очередь большие корабли, то есть корабли Шончан. Многие из кораблей Морского Народа, разумеется, также были достаточно велики, но все они к этому времени уже не имели парусов и такелажа, поскольку их предполагалось переделать по

шончанскому образцу. Если бы удалось высчитать, сколько шончанских кораблей осталось в гавани, он смог бы получить представление о том, сколько Ата'ан Миэйр в действительности получило свободу. Освободив Ищущих Ветер, он сделал то, что необходимо было сделать, — и это было единственное, что он мог сделать, — но, не считая повешенных, сотни и сотни трупов выловили из вод гавани за последние пять дней, и только Свет знает, сколько их было унесено в море приливами. Могильщики работали без отдыха от восхода до заката солнца; кладбища были переполнены плачущими женщинами и детьми.

Мужчинами, впрочем, тоже. Немалая часть этих мертвецов была из Ата'ан Миэйр, и никто не плакал над ними, когда их сваливали в общие могилы; и он хотел иметь представление о том, скольких из них он спас, чтобы уравновесить свои мрачные подозрения относительно того, скольких из них он убил.

Оценить, сколько кораблей нашло путь в море Штормов, было довольно трудно, даже не принимая во внимание трудности со счетом. В отличие от Айз Седай, Ищущие Ветер не имели ограничений на применение Силы в качестве оружия, тем более если на карту была поставлена безопасность их народа,

и они, по-видимому, хотели пресечь преследование прежде, чем оно началось. Никто не пускается в погоню на горящем корабле. У Шончан, с их дамани, было еще меньше причин воздерживаться с ответом. *Вспышки молний полосовали пелену дождя, более многочисленные, чем стебли травы; и огненные шары, огромные, с лошадь величиной, срывались с неба; и гавань была вся в огне от края до края; и даже несмотря на бурю, эта ночь могла бы заставить побледнеть любое представление Иллюминаторов. Не поворачивая головы, он мог насчитать дюжину мест, где на мелководье вздымались*

над водой обугленные ребра шончанского корабля или обширный остов с тупым носом лежал на боку, а волны лизали накренившуюся палубу; но вдвое больше было мест, где очертания полустгоревших каркасов были тоньше, изящнее — это были останки кораблей Морского Народа. Очевидно, они не хотели оставлять свои корабли тем, кто заковал их в цепи. Три дюжины кораблей виднелись непосредственно в поле его зрения, и это не считая затонувших, над спасением имущества с которых трудились теперь многочисленные лодки. Возможно, бывалый моряк и отличил бы шончан-ский корабль от

корабля Ата'ан Миэйр по торчащей над водой верхушке мачты, но ему такая задача была не по зубам.

Внезапно память предков проснулась в нем — о том, как снаряжать корабли для атаки с моря и какое количество человек, на каком пространстве и на какое время может быть размещено. Эти воспоминания о древней войне между Ферганси и Морейной, разумеется, были не его воспоминаниями, но каким-то образом все же принадлежали и ему. Осознание того, что в его голове застряли кусочки жизней каких-то древних, незнакомых ему людей и жизней, которых он не прожил, теперь Мэта часто заставляло

врасплох, так что, возможно, это все же были в некотором роде его воспоминания. Они были, несомненно, ярче, чем некоторые периоды его собственной жизни. Корабли, о которых он теперь вспомнил, по размеру были меньше, чем большинство судов в гавани, однако принципиально ничем от них не отличались.

— У них недостаточно кораблей, — пробормотал он. В Танчико у Шончан осталось даже больше судов, чем пришло сюда, но здесь их потери выглядели достаточно существенными.

— Недостаточно для чего? — спросил Ноэл. — Я никогда не видел

столько кораблей в одном месте. — Это заявление в его устах значило немало. Послушать Ноэла, так он видел все, причем, как правило, то, что он видел, было больше и величественнее, нежели то, что находилось у него под носом. У них дома сказали бы, что на кошеле, где он держит правду, тугие тесемки.

Мэт покачал головой.

— У них осталось недостаточно кораблей, чтобы переправить всех обратно домой.

— Мы не собираемся отправляться домой, — раздался сзади неторопливый женский голос. — Мы уже дома.

Он, правда, не подпрыгнул при

звук тягучего, плотающего окончания слов голоса с шончанским акцентом, но был близок к тому, пока не узнал говорившую.

Эгинин смотрела сердито, ее глаза напоминали голубые кинжалы, но это относилось не к нему. По крайней мере он так решил. Девушка была высокой и стройной, кожа ее сурового лица была бледной, несмотря на то что она всю жизнь провела в море. Ее зеленое платье было почти таким же ярким, как у Лудильщиков; а высокий ворот и рукава были вышиты множеством мелких желтых и белых цветочков. Пестрый платок, туго завязанный под подбородком, удерживал копну

длинных черных волос, волнами спадающих ей на плечи и до самого пояса. Она ненавидела этот платок и это платье, которое к тому же было ей не по размеру, но ее руки то и дело проверяли, не сбился ли парик. Это волновало ее даже больше, чем одежда, если только слово «волновало» подходит для того, чтобы передать степень ее озабоченности.

Эгинин лишь вздохнула при известии, что должна остричь свои длинные ногти, но когда он сказал, что собирается побрить ее наголо, с ней случился настоящий припадок: лицо побагровело и глаза выпучились. Ее прежняя стрижка —

волосы, выбритые над ушами, оставляющие «шапочку» на макушке и широкий хвост до плеч, – кричала о том, что она принадлежала к шончанской знати, правда мелкой. Даже тот, кто никогда в глаза не видывал Шончан, запомнил бы ее с первого взгляда. Она с большой неохотой согласилась, но до тех пор пока не смогла прикрыть свой голый череп, находилась в состоянии, близком к истерике. Впрочем, совсем не из-за того, из-за чего начала бы сходить с ума любая нормальная женщина. Дело в том, что у Шончан лишь члены императорской фамилии брили себе головы. Лысеющие мужчины начинали носить парик

сразу же, как только их плешь становилась хоть сколько-нибудь заметна. Эгинин скорее бы умерла, чем дала бы кому-нибудь повод подумать, что она претендует на принадлежность к императорской семье, даже людям, у которых подобная мысль в принципе не могла возникнуть. Претензия такого рода равносильна у Шончан смертному приговору, но он никогда не поверит, что ее это может волновать. Что такое еще один смертный приговор для человека, чья голова и так уже считай что на плахе? Точнее, в ее случае это была шнур-удавка. Ему же полагалась петля на виселице.

Неуловимым движением пряча

наполовину вытащенный нож
обратно в левый рукав, Мэт
соскользнул с валуна. Он
приземлился неудачно и чуть было не
упал, с трудом удержавшись, чтобы
не поморщиться от резкой боли в
бедре. Впрочем, ему удалось это
скрыть. Эгинин была из благородных
и к тому же командовала кораблем,
да она и без того постоянно пыталась
заботиться о нем, так что не стоило
лишний раз давать ей повод,
выказывая свою слабость. Да, это
она пришла к нему на помощь, а не
наоборот, но не все ли теперь равно.
Облокотившись на валун и скрестив
руки, он сделал вид, что просто
отдыхает, лениво шевеля ногой пучки

сухой травы, а сам тем временем выжидал, пока боль стихнет. Несмотря на холодный ветер, на лбу у Мэта выступили капельки пота. Бегство той ночью стоило ему неудачного приземления на бедро, и боль до сих пор давала о себе знать.

— Ты уверена в том, что говорила насчет Морского Народа? — спросил он Эгинин. Нет смысла продолжать разговор о недостаточном количестве кораблей. В любом случае слишком много шончан-ских поселенцев уже рассеялось по округе из Эбу Дар и, очевидно, еще больше — из Танчиго. Сколько бы кораблей у них ни оставалось, никакая сила на земле теперь уже не в состоянии

уничтожить всех Шончан.

Она собралась было еще раз притронуться к парикю, но заколебалась, взглянула, нахмурившись, на свои короткие ногти и засунула руки под мышки.

— Что ты имеешь в виду? — Эгинин знала, что за побегом Ищущих Ветер стоял он, но оба они не упоминали об этом. Она вообще старалась избегать разговоров об Ата'ан Миэйр. Если даже не считать затонувших кораблей и погибших людей, освобождение *дама-ни* само по себе было деянием, заслуживающим смертного приговора, причем довольно отвратительным по шончанским

меркам — вроде изнасилования или совращения малолетних. Разумеется, она сама вызвалась помогать бегству некоторых из *дамани*, хотя с ее точки зрения это было наименьшим из ее преступлений. Однако этой темы Эгинин тоже старалась избегать. Здесь было несколько моментов, о которых она предпочитала умалчивать.

— Ты уверена насчет тех Ищущих Ветер, которых удалось поймать? Я слышал разговоры о том, что им отрубили то ли руки, то ли ноги. — Мэт сглотнул комок в горле. Он видел, как умирали люди, он своими руками убивал людей. Помилуй его Свет, он однажды даже убил

женщину! Даже самые мрачные из чужих воспоминаний не жгли его сильнее, чем это, хотя некоторые из них были достаточно тяжелыми, чтобы топить их в вине каждый раз, когда они всплывали на поверхность. Но от мысли, что можно специально отрубить человеку руки, у него начинало сводить живот.

Эгинин дернула головой, и на какое-то мгновение он решил, что она не станет отвечать на него.

— Держу пари, что это говорила Ринна, — произнесла она с пренебрежительным жестом. — Некоторые *сул'дам* рассказывают подобную чепуху, чтобы запугать непокорных *дамани*, на которых

только что надели ошейник, но в действительности никто не делал этого уже... ох, шесть или семь сотен лет. В любом случае таких *сул'-дам* не так уж много, и люди, которые не в состоянии охранять без, э-э... нанесения увечий... – это просто *сей'мосив*. – Ее губы искривились от негодования, хотя было не ясно, относилось оно к увечьям или к *сей'мосив*.

– Презирают их или нет, но они делают это, – отрезал он. *Сей'мосив* считались у Шончан ниже того, чтобы их презирать, но он сомневался, что человека, сознательно отрубившего женщине руку, можно унижить настолько,

чтобы он покончил с собой. — А Сюрот относится к этим «немногим»?

Шончанка вспыхнула не меньше, чем он, и уперла кулаки в бока, наклонясь вперед и широко расставив ноги, словно она находилась на палубе корабля и собиралась распечь какого-нибудь тупоумного матроса.

— Верховная Леди Сюрот не владеет этими *дамани*, безмозглый ты фермер! Они — собственность Императрицы, да живет она вечно! Сюрот скорее могла бы отрубить руки себе, чем отдать подобный приказ относительно императорской *дамани*. Разумеется, я ни разу не

слышала, чтобы она со своими подобным образом обходилась. Попытаюсь растолковать это тебе на понятном тебе языке. Если твоя собака сбежит, ты не будешь калечить ее. Ты излупцу-ешь ее так, чтобы она поняла, что этого делать не следует, и посадишь обратно на цепь. Между прочим, *дамани* к тому же...

— Слишком ценны, — сухо закончил за нее Мэт. Он слышал все это столько раз, что его уже начинало тошнить.

Эгинин проигнорировала его сарказм, а может быть, просто не заметила. По своему опыту он знал, что если женщина не хочет чего-то

слышать, она может не обращать на это внимания до тех пор, пока ты сам не начнешь сомневаться, а говорил ли ты что-либо вообще.

— Ты наконец начинаешь понимать, — проговорила она, кивнув. — У этих *дамани*, о которых ты так беспокоишься, к настоящему времени, может быть, уже и рубцов не осталось. — Она перевела взгляд на корабли в гавани, и в глазах ее возникла тоска, которая усугублялась жестким выражением ее лица. Девушка прищелкнула пальцами. — Ты не согласишься, сколько стоила мне моя *дамани*, — продолжала она спокойным голосом, — она и *сул'дам* для нее. Но, разумеется, она стоила

каждого трона, что я за нее заплатила. Ее зовут Серриза. Хорошо обученная, отзывчивая. Она может обожраться засахаренными орехами, если ей это позволить, но у нее никогда не будет морской болезни или приступа хандры, как у некоторых. Жаль, что пришлось оставить ее в Канторине. Подозреваю, что больше никогда ее не увижу. — Эгинин с сожалением вздохнула.

— Уверен, что она скучает по вам так же, как и вы по ней, — сказал Ноэл, ослепляя ее щербатой улыбкой, и по крайней мере звучало это искренне. Возможно, он действительно так думал. Он

утверждал, что видел вещи и похуже, чем *дамани* и *да'ковале*, и клялся, что это правда.

Эгинин выпрямилась и нахмурила брови, словно не верила в его сочувствие. Или, возможно, девушка только сейчас осознала, как она смотрела на корабли. Во всяком случае, от гавани она отвернулась с большой неохотой.

– Я отдала распоряжение, чтобы никто не покидал лагерь, – жестко сказала Эгинин. Скорее всего, члены ее команды подпрыгивали на месте, когда она говорила таким тоном. Она рывком повернула голову, словно боялась, что Мэт и Ноэл посмотрят туда, куда был направлен ее взгляд.

– Да неужели? – ухмыльнулся Мэт, скаля зубы. Он мог изобразить такую невыносимую ухмылку, которая довела бы до апоплексического удара самого самодовольного глупца. Эгинин в большинстве случаев трудно назвать глупой, но самодовольной она была. Еще бы – капитан корабля и благородных кровей. Он не знал, что хуже. Ну, да плевать и на то и на другое! – А я был почти готов отправиться туда. Если ты закончил с рыбалкой, Ноэл. Если нет, мы можем немного подождать.

Но старик уже вываливал оставшихся серебристо-серых мальков из корзины в воду. Его руки

были все переломаны — и не один раз, судя по их корявому виду, — но тем не менее они очень ловко наматывали леску на бамбуковое удище. За то короткое время, что он сидел с удочкой, Ноэл успел поймать с дюжину рыбешек и насадить их жабрами на связанную в кольцо тростинку; теперь он кинул их в корзину и поднял ее с земли. Он провозгласил, что если ему удастся найти нужные приправы, то угостит их тушеной рыбой — по-шарски, подумать только! Это так же невероятно, как рыба с Луны! — так что Мэт и думать забудет о своем бедре. Судя по тому, как Ноэл говорил о приправах, Мэт

заподозрил, что, возможно, до рыбы дело не дойдет, поскольку старик упирал на то, что приправы очень острые и необходимо раздобыть побольше эля, чтобы не так горел язык.

Эгинин, нетерпеливо переминаясь, не обратила внимания и на Мэтову ухмылку, поэтому он обвил ее стан рукой. Если они собирались возвращаться, можно начинать прямо здесь. Она сбросила его руку со своего плеча. Рядом с этой женщиной тетушки некоторых знакомых ему девушек выглядели служанками в таверне.

— Предполагается, что мы с тобой пара влюбленных, — напомнил

он ей.

— Здесь некому на нас смотреть, — рявкнула она.

— Сколько раз тебе повторять, Леильвин? — это было имя, которым она здесь пользовалась. Она утверждала, что оно звучит как тарабонское. По крайней мере шончанским оно не выглядело. — Если мы не будем хотя бы держаться за руки, когда нас никто не видит, мы рискуем показаться весьма странной парочкой любому, кого не увидим мы.

Она раздраженно фыркнула, однако позволила ему снова обнять себя за талию и сделала то же сама. Но не удержалась, чтобы не кинуть

на него предупреждающий взгляд.

Мэт покачал головой. Да она безумнее мартовского зайца, если считает, что ему это нравится! У всех женщин есть хоть что-то мягкое поверх мышц (по крайней мере, у тех женщин, которые ему нравились), но обнимать Эгинин было все равно что обнимать столб изгороди. Ее талия была почти такой же твердой и так же была лишена гибкости. Он никак не мог догадаться, что Домон нашел в ней. Может быть, она не оставила иллианцу другого выбора. Она его попросту купила, как покупают лошадь. *Чтоб мне сгореть, я в жизни не пойму этих Шончан,* подумал он. Да ему не то чтобы

очень и хотелось. Вот только ему надо было их понять.

Когда они уже повернулись, чтобы уходить, он бросил последний взгляд на гавань и почти пожалел об этом. Лишь два небольших суденышка виднелись сквозь плотную стену тумана, медленно плывущую вдоль гавани к морю. Плывущую против ветра. Пора уходить, давно пора.

От реки до Великого Северного тракта было больше двух миль пешком по холмистой местности, покрытой по-зимнему бурой травой и усеянной группами увитых лозами кустов, сквозь которые было невозможно проломиться даже

сейчас, когда большая часть листвы опала. Возвышенности вряд ли заслуживали наименования холмов, по крайней мере для того, кто еще мальчиком лазал по Песчаным холмам и горам Тумана, — в его собственных воспоминаниях были провалы, но кое-что Мэт все же помнил, — вскоре он уже был рад, что его рука кого-то обнимает. Он слишком долго сидел без движения на этой проклятой скале. Покалывание в бедре перешло в глухую боль, но он все же прихрамывал и без чье-либо поддержки начал бы спотыкаться, взбираясь вверх по склонам. Не то чтобы он опирался на Эгинин, нет,

разумеется; но ощущение ее талии под рукой придавало ему устойчивости. Шон-чанка хмуро взглянула на него, словно он пытался к ней приставать.

— Если бы ты делал то, что тебе говорят, — проворчала она, — мне не пришлось бы тебя сейчас тащить.

Мэт снова оскалил зубы, на этот раз не пытаясь изображать ухмылку. Удивительно, как Ноэлу удавалось так легко ковылять рядом с ними; он ни разу не сбился с шага, одной рукой придерживая корзину с рыбой на бедре, а в другой неся удочку. Несмотря на то что старик выглядел весьма потрепанным жизнью, он был довольно-таки проворным.

Временами даже чересчур
проворным.

Их путь лежал через северную часть Небесного Круга с его длинными, открытыми с концов ярусами сидений из полированного камня, где в более теплую погоду зажиточные горожане восседали на мягких подушках под разноцветными холщовыми тентами и смотрели, как скачут их лошади. Сейчас тенты и шесты были убраны, лошади стояли в городских конюшнях — те, которых не забрали Шон-чан, — и сиденья пустовали; лишь горстка мальчишек шныряла по ярусам вверх-вниз, играя в прятки. Мэт любил лошадей и скачки, но его глаза скользнули мимо

Круга к Эбу Дар. Каждый раз, взбираясь на вершину очередного холма, он видел массивные белые городские стены, настолько широкие, что по их вершине вокруг города была проложена дорога, и это давало ему предлог на минутку остановиться, чтобы посмотреть на них. Глупая женщина! Если он немного хромот, это еще не значит, что она тащит его! Он ведь как-то ухитряется сохранять доброе расположение духа, принимать то, что ему выпало, и не жаловаться. Почему бы и ей не поступать так же?

За городскими стенами в сером утреннем свете блестели белые крыши и стены, белые купола и

шпили, окруженные тонкими
цветными полосками — воплощение
мира и покоя. Он не мог разглядеть
провалы в тех местах, где здания
были сожжены дотла. Длинная
череда влекомых волами фермерских
повозок с высокими колесами
неспешно текла сквозь большую арку
ворот, которой открывался Великий
Северный тракт; мужчины и
женщины стремились на городские
рынки с тем немногим, что у них еще
оставалось на продажу к концу зимы,
и посреди них — купеческий караван
из нескольких больших, покрытых
парусиной фургонов, везущих товары,
Свет знает откуда. Еще семь
караванов, насчитывающих от

четырёх до десяти повозок, стояли в линию на обочине дороги, ожидая, пока стража ворот закончит досмотр. Торговля не останавливалась никогда, пока светило солнце, кто бы ни правил городом, разве что там шли бои. А иногда она продолжалась и в этом случае. Поток людей, движущихся в обратном направлении, состоял в основном из Шончан: стройные ряды солдат в сегментированных доспехах, раскрашенных полосками, и в шлемах, похожих на головы огромных насекомых, некоторые пешком, некоторые верхами; дворяне, передвигающиеся исключительно верхом, в расшитых плащах,

плиссированных костюмах для верховой езды и кружевных вуалях или широченных шароварах и длиннополых куртках. Шон-чанские поселенцы также еще не все покинули город — из ворот выезжали повозка за повозкой, наполненные фермерами и ремесленниками с орудиями их труда. Поселенцы начали отправляться сразу же как сошли с кораблей, но пройдут еще недели, прежде чем в городе их не останется. Это была мирная сцена, будничная и обыденная, если не знать того, что лежало за ней; однако каждый раз, когда они поднимались на холм, откуда были видны ворота, в его памяти вспыхивали картины

шестидневной давности, и вот он снова был здесь — той ночью, у этих самых ворот.

...Пока они шли через город от Таразинского дворца, буря усилилась. Дождь лил как из ведра, молотя по крышам потемневшего города и отмывая до блеска камни мостовой под конскими копытами, а ветер, с воем несущийся с моря Штормов, кидал пригоршни воды, как камни из пращи, и рвал одежду с такой силой, что все попытки остаться хоть сколько-нибудь сухим были обречены с самого начала. Тучи скрыли луну, и потоп грозил поглотить свет фонарей, которые несли на шестах Блерик и Фен, шедшие впереди

остальных. Затем они вошли в длинный проход в городской стене, который представлял собой некоторое укрытие, во всяком случае от дождя. Ветер метался под высокими сводами туннеля, издавая жалобные звуки наподобие флейты. Стражи ворот стояли в дальнем конце прохода, четверо из них держали такие же светильники на шестах. Остальные – их было около дюжины, и половина из них Шончан, – в руках сжимали длинные алебарды, какими можно разрубить всадника в седле или стащить его на землю. Еще двое Шон-чан без шлемов выглядывали из освещенного проема двери караулки, встроенной в

оштукатуренную стену, а движущиеся тени позади них говорили о том, что внутри есть и другие. Слишком много, чтобы пробиться без шума, возможно даже, слишком много, чтобы вообще пробиться. По крайней мере это вряд ли удастся без того, чтобы все здесь не взлетело на воздух, как фейерверк Иллюминатора, взорвавшийся в его руке.

Однако опасность заключалась не в стражниках — во всяком случае, главная опасность. Высокая круглолицая женщина в темно-синей куртке и длинной, по щиколотку, юбке-брюках с красной вставкой, расшитой серебряными молниями,

вышла из двери караулки. Длинная шлея из серебристого металла была намотана на левую руку *сул'дам*, а другой ее конец соединял ее с седоватой женщиной в темно-сером платье, которая следовала за ней с восторженной улыбкой. Мэт знал, что они будут здесь. Шончан теперь держали *сул'дам* и *дамани* у каждых ворот. Пожалуй, внутри караулки могла находиться и еще одна пара, а то и две. Они не собирались позволить ни одной женщине, способной направлять, уйти из их сетей. Серебряный медальон с лисьей головой под рубашкой охлаждал Мэту грудь; это был не тот холод, который оповещал, что кто-то

неподалеку прикасается к
Источнику, — медальон просто
вобрал в себя ночную стужу, а его
плоть была слишком ледяной, чтобы
согреть металл, — но он не мог
удержаться, чтобы не ждать сейчас
того, другого холода. Свет, он будет
жонглировать фейерверками
сегодня ночью, причем с
зажженными фитилями!

Стражники, должно быть, были
озадачены при виде знатной особы,
покидающей Эбу Дар посреди ночи,
да еще в такую погоду, с более чем
дюжиной слуг и вереницей вьючных
лошадей, что указывало на
достаточно далекое путешествие, но
Эгинин считалась Высокородной, на

ее плаще был вышит орел с
распростертыми черно-белыми
крыльями, а длинные пальцы ее
красных перчаток для верховой езды
предполагали ногти
соответствующей длины. Простые
солдаты не подвергают сомнению
действия Высокородных – даже
низших Высокородных. Впрочем, это
не означало, что им удастся избежать
формальностей. Любой человек был
свободен покинуть город когда
пожелает, но Шончан
регистрировали передвижения
дамани, а в свите Эгинин их ехало
целых трое, с опущенными головами
и лицами, закрытыми капюшонами
серых плащей, от каждой тянулась

серебристая цепочка *ай'дам*,
связывающая их с *сул'-дам* сидящей
на лошади.

Круглолицая *сул'дам* прошла
мимо них, едва бросив взгляд,
широко шагая по туннелю. Ее
дамани, однако, пристально
вглядывалась в каждую женщину,
мимо которой они проходили,
определяя, не может ли она
направлять, и Мэт задержал дыхание,
когда она приостановилась рядом с
лошадью последней *дамани*, слегка
нахмурившись. Даже с его удачей он
не мог бы поручиться, что Шончан
не опознают лишенного возраста
лица Айз Седай, если заглянут под
капюшон. Конечно, некоторые

держали Айз Седай в качестве *дамани*, но какова вероятность того, что все три *дамани* Эгинин – Айз Седай? Свет, какова вероятность того, что женщина из низших Благородных может держать их троих?

Круглолицая женщина прищелкнула языком, как щелкают домашней собачке, подергала *ай'дам*, и *дамани* послушно тронулась за ней. Они искали *марат'дамани*, пытающуюся избежать ошейника, а не обычную *дамани*. Мэт все еще опасался провала. В его голове снова раздался стук катящихся костей, он был настолько громким, что заглушал изредка раздающиеся

отдаленные раскаты грома. Что-то сейчас пойдет не так, он знал это.

Командир стражников, дородный Шончан с глазами, раскосыми, как у салдэйца, но со светло-золотистой кожей, вежливо поклонился и пригласил Эгинин зайти в караулку выпить чашечку вина с пряностями, пока писец записывает информацию о *дамани*. Все караулки, которые Мэт когда-либо видел, были унылыми местечками, хотя свет ламп, теплящихся в проемах бойниц, делал это помещение почти уютным. Возможно, лист троянки для мухи тоже кажется уютным. Он был рад, что по лицу стекали дождевые капли,

срывающиеся с капюшона. Они скрывали прошибающий его холодный пот. Он положил руку на один из метательных ножей, лежащий поверх длинного, замотанного тканью тюка перед седлом. Пока он лежит вот так, поперек, ни один солдат не должен его заметить. Мэт чувствовал сквозь ткань дыхание женщины под своей рукой, и ему сводило плечи от ожидания и страха, что она вот-вот начнет звать на помощь. Селусия держала свою лошадь рядом с ним, вглядываясь в него из-под своего капюшона, скрывавшего от посторонних глаз ее золотистую косу, она не отвела взгляд даже когда

мимо проходили *сул'дам* с *дамани*. Вопль Селусии мог бы заставить ласку сбежать из курятника, так же как и крик Туон. Он полагал, что угроза ножа заставит обеих женщин сохранять тишину — они, должно быть, считали Мэта достаточно отчаянным или достаточно безумным, чтобы пустить его в ход, — но все же он не был уверен до конца. Эта ночь наполнена слишком многими вещами, в которых нельзя было быть уверенным, слишком многое сегодня выходило из равновесия и шло наперекосяк.

Мэт помнил, как, затаив дыхание, ждал, когда кто-нибудь заметит, что узел, который он везет,

украшен богатой вышивкой, и спросит, почему он позволяет ему мокнуть под дождем, — ждал и проклинал себя за то, что сорвал драпировку со стены лишь потому, что она первой попалась под руку. В воспоминании все движения замедлялись. Эгинин ступила на землю, кинув поводья Домону, который подхватил их, поклонившись в седле. Капюшон Домона был слегка сдвинут назад — как раз настолько, чтобы было видно, что его голова выбрита с одной стороны, а оставшиеся волосы собраны в косичку, свисающую на плечо. Капли дождя стекали по короткой бородаке коренастого иллианца, однако он

умудрялся сохранять надменную горделивую повадку *со'джин*, по праву рождения являющегося старшим слугой одной из Благородных и поэтому почти равного Благородным. Во всяком случае, определенно занимающего более высокое положение, чем какой-нибудь солдат. Эгинин бросила через плечо заурядный взгляд на Мэта с его поклажей, и на ее лице застыло выражение, которое могло бы сойти за надменность, если не знать, что она была в ужасе от того, что они делали. Высокая *сул'дам* со своей *дамани* быстро шли обратно вдоль туннеля, покончив с проверкой. Ванин, который ехал

сразу за Мэтом, ведя в поводу одну из верениц вьючных лошадей, и, как всегда, мотался в седле как бурдюк с салом, наклонился с лошади и сплюнул на землю. Мэт не знал, почему эта деталь запечатлелась в памяти, на это было так. Ванин сплюнул, и тут зазвучали трубы, тонко и отчетливо, где-то далеко позади них. Звук доносился из южной части города, где планировалось поджечь шончанские склады, расположенные вдоль Прибрежной дороги.

Капитан стражников заколебался при звуке труб, и тут внезапно ударил колокол уже в самом городе, потом другой, и вот

уже, казалось, сотни их вызванивали в ночи тревогу, в то время как черное небо рассекало больше молний, чем в состоянии породить любая гроза. Серебристо-голубые вспышки, вонзаясь в дома, наполнили туннель мерцающим светом. Вот тут-то и начались крики и вопли, заглушившие взрывы в городе.

В первый момент Мэт проклял Ищущих Ветер за то, что они начали действовать раньше, чем ему было обещано. Но тут же осознал, что перекачивание костей у него в голове прекратилось. Почему? Он хотел было снова проклясть все вокруг, но у него не оставалось времени даже на это. В следующее мгновение

офицер уже подсаживал Эгинин в седло, торопя ее продолжать путь, и выкрикивал отрывистые распоряжения вываливающим из караулки стражникам, отряжая кого-нибудь сбегать в город и узнать, что там за тревога; он же пока построит остальных, чтобы отразить любую угрозу, изнутри или снаружи. Круглолицая женщина подбежала со своей *дамани*, чтобы занять место среди солдат; а из караулки показалась еще одна пара, связанная *ай'дам*. А Мэт с остальными уже скакал галопом наружу, навстречу грозе, увозя с собой трех Айз Седай, две из которых были беглыми *дамани*, и похищенную наследницу

Хрустального Трона Шончан, в то время как позади них над Эбу Дар разражалась еще более сильная буря. *Вспышки молний, более многочисленные, чем стебли травы...*

Вздрогнув, Мэт заставил себя вернуться в настоящее. Эгинин, хмуро взглянув на него, выразительно потянула за руку.

– Влюбленные, идущие под руку, не несутся сломя голову, – пробормотала она. – Они, э-э... прогуливаются. – Она насмешливо скривила губы. Домон, должно быть, просто ослеп от любви. Или же его просто слишком часто били по голове.

В любом случае самое худшее уже позади. Мэт надеялся, что выбраться из города было самым сложным. С тех пор он ни разу не слышал грохота костей. Кости всегда были дурным знаком. Он запутал свои следы, как мог, и теперь был уверен, что понадобится кто-то столь же удачливый, чтобы отделить золото от шелухи. Взыскующие учуяли след Эгинин в ту ночь, и теперь она, скорее всего, была в розыске еще и за похищение *дамани*, хотя, по здравом рассуждении, она должна была после этого мчаться прочь с такой скоростью, на какую только были способны ее лошади, и к настоящему моменту быть уже на

расстоянии многих лиг от Эбу Дар, а не сидеть вблизи от городской стены. Ничто, кроме совпадения во времени, не связывало ее с Туон. Или с Мэтом, и это существенно. У Тайлин, разумеется, имелись и другие обвинения против него – ни одна женщина не простит мужчину, связавшего ее и засунувшего под кровать, даже если она сама это предложила, – однако, если ему повезет, он останется вне подозрений и в отношении всего остального, произошедшего той ночью. Если ему повезет, никто, кроме Тайлин, вообще не вспомнит о нем. Связать королеву, как поросенка на рынке, при обычных обстоятельствах этого

достаточно, чтобы приговорить человека к смерти; но следовало принять во внимание все детали, сопровождавшие исчезновение Дочери Девяти Лун; и то, какое отношение имел к этому Игрушка Тайлин. Мэта до сих пор раздражало, что его видели в роли нахлебника — хуже, домашнего питомца! — но в этом были и свои преимущества.

Он считал себя в безопасности — по крайней мере от Шончан, — однако одна деталь беспокоила его, как колючка, впившаяся в пятку. Точнее, колючек было несколько, и большинство из них произрастало из самой Туон, но эта имела особенно длинный шип. Исчезновение Туон

должно было выглядеть столь же невероятным, как если бы среди бела дня вдруг пропало солнце, но тем не менее не было поднято никакой тревоги. Никакой! Не было объявлений о вознаграждении или предложений выкупа, солдаты не обыскивали с дикими глазами каждую повозку и каждый фургон в радиусе десяти миль, не носились галопом по предместьям, вынюхивая все норы и укрытия, где могла быть спрятана женщина. Те древние воспоминания давали Мэту некоторое представление о том, как выглядят поиски похищенного королевского отпрыска, однако, не считая повешенных людей и

сожженных кораблей в гавани, Эбу Дар снаружи выглядел точно так же, как и за день до похищения. Эги-нин утверждала, что подобный розыск должен производиться в высшей степени секретно, так что даже многие Шончан могли до сих пор не знать, что Туон исчезла. Ее объяснение включало в себя потрясение для Империи, и дурные предзнаменования относительно Возвращения, и потерю *сей'тайр*, и она говорила так, словно верила каждому своему слову, но Мэт не верил ей ни на грош. Шон-чан, конечно, странный народ, но никто не может быть настолько странным. От молчания Эбу Дар у него

начинало покалывать кожу. Он чувствовал, что в этом молчании скрывается западня. Когда они добрались до Великого Северного тракта, он был рад, что город скрылся за низкими холмами.

Тракт был широким большаком, одним из основных торговых путей страны, и по нему могли свободно проехать бок о бок пять-шесть повозок. Тракт покрывали земля и глина, спрессованные за сотни лет до такого состояния, что они могли поспорить твердостью с камнями древнего мощения, выступающими то здесь то там на несколько дюймов над поверхностью дороги. Мэт и Эгинин, вместе с Ноэлом,

плетущимся за ними по пятам, поспешили к противоположному краю дороги, пробираясь между купеческим караваном, тянувшимся по направлению к городу, — караван охраняли женщина со шрамом на лице и десять мужчин с твердыми взглядами, в кожаных жилетах, покрытых металлическими бляхами, — и вереницей непривычно выглядящих, гребнями поднимающихся к краям фургонов поселенцев, которые направлялись к северу; в одни фургоны были впряжены лошади или мулы, в другие — волы. Босоногие ребяташки, зажатые между фургонами, с помощью прутьев сбивали в кучу

четырёхрогих коз с длинной черной шерстью и больших белых коров с отвисшими сосками. За последним фургоном шел человек в мешковатых синих штанах и красной круглой шапочке, ведя за собой на толстой веревке массивного горбатого быка; веревка была пропущена через кольцо в носу животного. Если не обращать внимания на одежду, он мог бы сойти за двуреченца.

Мужчина окинул взглядом Мэта и его спутников, которые шли в том же направлении, словно хотел что-то сказать, потом покачал головой и пошлепал дальше, больше на них уже не глядя. Учитывая то, что Мэт прихрамывал, они двигались не

очень-то быстро, и поселенцы медленно, но неуклонно обгоняли их.

Эгинин, которая шла сгорбившись, комкая свободной рукой узел платка у себя под подбородком, перевела дух и расслабила пальцы, почти до боли впившиеся в бок Мэта. Через мгновение она выпрямилась и сверкнула глазами в спину удалявшегося фермера, словно готова была пуститься вдогонку и надрать уши и ему, и его волю. Затем, словно этого ей было недостаточно, когда фермер уже отошел шагов на двадцать от них, она перенесла сердитый взгляд на отряд шончанских солдат, марширующих

по середине дороги быстрым шагом и постепенно нагоняющих поселенцев, — человек около двухсот, идущих в колонну по четыре; за ними следовало несколько пестрых фургонов, запряженных мулами и покрытых туго натянутой парусиной. Середину дороги оставляли свободной для передвижения военных. Полдюжины офицеров на хороших лошадях, в шлемах с тонкими перьями, скрывающими все лицо, кроме глаз, ехали во главе колонны, не глядя ни влево ни вправо; их красные плащи были заботливо расправлены на конских крупах. На знамени, которое несли по пятам за офицерами, было

изображено нечто наподобие
стилизованного серебряного
наконечника стрелы или, может
быть, якоря, на котором
скрещивались длинная стрела и
зазубренная золотая молния; внизу
была надпись и какие-то цифры, но
Мэт не смог их разобрать, поскольку
порывы ветра мотали знамя взад и
вперед. Люди у фургонов с
провиантом носили скромные
темно-синие штаны и куртки и
квадратные красно-синие шапки, но
солдаты были разодеты в высшей
степени кричаще даже для Шончан:
их сегментированные доспехи были
покрыты голубыми полосами,
оттененными снизу серебристо-

белым, и красными, с золотисто-желтым отливом; их шлемы были раскрашены во все эти четыре цвета так, чтобы напоминать головы устрашающих пауков. Спереди на шлемах были прикреплены большие эмблемы с изображением якоря — Мэт все же решил, что это якорь, — стрелы и молнии; все, кроме офицеров, несли на боку луки с двойным изгибом, а на поясах у них щетинились стрелами колчаны, уравновешенные с другой стороны короткими мечами.

— Корабельные лучники, — буркнула Эгинин, сверля взглядом солдат. Она перестала теревить платок, но ее рука по-прежнему была

сжата в кулак. — Им бы только по тавернам драки затевать. С этими всегда хлопот полон рот, если их оставляют на берегу слишком долго.

На взгляд Мэта, они выглядели опытными бойцами. В любом случае, он никогда не слышал о солдатах, которые не устраивают драк, особенно если они пьяны или скучают — а скучающие солдаты склонны напиваться. Краешком сознания он подумал: интересно, насколько далеко стреляют эти луки; но это была отвлеченная мысль. Он не хотел иметь дела ни с какими шончанскими солдатами. Если бы все обернулось так, как ему хотелось, Мэту больше не пришлось бы иметь

дела вообще ни с какими солдатами. Но его удача, похоже, так далеко не заходила. К сожалению, судьба и удача – разные вещи. Самое дальнее – шагов на двести, решил он. Хороший арбалет их переплюнет, да и любой двуреченский лук тоже.

– Мы не в таверне, – проговорил он сквозь зубы, – и они сейчас не собираются затевать драку. Так что давай не будем напрашиваться на нее только из-за того, что ты испугалась, что фермер заговорит с тобой.

Эгинин выпятила челюсть и метнула в него тяжелый взгляд – таким взглядом можно раздробить череп. Однако это была правда. Она до смерти боялась открывать рот при

ком-нибудь, кто мог распознать ее акцент. Весьма мудрая предосторожность, по его мнению, но ее это бесило.

— Если ты будешь так смотреть на них, то через пару минут сюда явится их знаменщик и начнет задавать вопросы. Женщины в окрестностях Эбу Дар славятся своей скромностью, — солгал Мэт. Что он мог знать о местных обычаях?

Она искоса взглянула на него — возможно, пытаясь понять, что означает слово «скромность», — но перестала хмуро взирать на лучников. Теперь она выглядела готовой укусить, а не ударить.

— Этот парень черен, как Ата'ан

Миэйр, – бесстрастно пробормотал Ноэл, во все глаза глядя на проходящих мимо солдат. – Черный, как шарец. Но готов поклясться, что у него были голубые глаза. Я где-то видел похожего парня, но где? – Он поднял было руку, чтобы потереть лоб, но чуть не ударил себя по голове бамбуковой удочкой. Старик сделал шаг вперед, словно желая спросить заинтересовавшего его солдата, откуда тот родом.

Резко нагнувшись, Мэт поймал старика за рукав.

– Мы возвращаемся в лагерь, Ноэл. Прямо сейчас. Нам не надо было уходить оттуда.

– Я говорила тебе это, – сказала

Эгинин, коротко кивнув.

Мэт чуть ли не взвыл, но ему ничего не оставалось, кроме как продолжать идти вперед. Ох, им уже давно пришло время уходить. Он надеялся только, что не слишком затянул с уходом.

Глава 2. Два капитана на одном корабле

Милях в двух к северу от города, растянутое между двумя высокими шестами, на ветру полоскалось большое голубое полотнище, большими красными буквами возвещавшее, что здесь располагается «Грандиозное Странствующее Представление Валаана Люка и Величайшая Выставка Чудес и Диковин». Надпись можно было прочесть с дороги, которая проходила шагах в

ста к востоку. Тем, кто не умел читать, полотнище по крайней мере указывало, что здесь находится что-то необычное. На вывесках много чего пишут, но Мэт считал, что во всяком случае сейчас Люка говорил правду. Балаган был окружен стеной из плотной парусины, десяти футов в высоту, нижний край которой был плотно прибит к земле кольшками; стена огораживала площадь, на которой могла бы поместиться средних размеров деревня.

Проходящие мимо люди смотрели на вывеску с любопытством, но фермеров и купцов впереди ждала работа, а поселенцам надо было строить

будущее, и с дороги не сворачивал никто. Толстые веревки, натянутые между вбитыми в землю столбиками, предназначались для того, чтобы направлять людские толпы в широкую арку входа под вывеской, но у входа не было видно ни одного человека, желающего войти, — по крайней мере утром. В последнее время сюда вообще мало кто приходил, падение Эбу Дар отразилось на посещаемости. Как только люди поняли, что город не будет отдан на разграбление и им не придется бежать, спасая свои жизни, но, с другой стороны, тут полно всех этих кораблей и поселенцев, то каждый решил, что лучше

придержат при себе деньжата на черный день. Два грузных конюха, закутанных в подозрительного вида плащи, казалось вышедшие из мешка старьевщика, несли вахту под вывеской, чтобы задерживать желающих проскользнуть внутрь бесплатно; но даже они в эти дни сидели на голодном пайке. Сейчас эта парочка — один с крючковатым носом над пышными усами, другой одноглазый — сидела на корточках в грязи и бросала кости.

Петра Анхилл, силач труппы, стоял рядом, наблюдая за игрой, сложив на груди руки — каждая толщиной с ногу обычного человека. Ростом он был ниже Мэта, но по

крайней мере вдвое его шире, на плечи силач натянул толстую синюю куртку, которую жена заставляла его носить, чтобы не замерзнуть. Петра был, казалось, поглощен игрой, но сам никогда не играл, даже в орлянку. Он и его жена Кларин, дрессировщица собак, берегли каждую монету, которая попадала к ним в руки, что и не удивительно, если учесть, что Петра только и говорил о том, как они в один прекрасный день купят себе гостиницу. Представьте, Кларин тоже стояла рядом, закутанная в черный плащ и, очевидно, столь же поглощенная игрой, как и ее муж.

Петра, через плечо бросив

осторожный взгляд на лагерь, увидел приближающихся рука об руку Мэта и Эгинин. Мэт нахмурился. Когда люди глядят на тебя через плечо, это, как правило, не означает ничего хорошего. Круглое загорелое лицо Кларин, однако, расплылось в теплой улыбке. Как и большинство женщин труппы, она считала их с Эгинин очень романтичными. Конюх, тот, с крючковатым носом, широкоплечий тайренец по имени Коль, покосился на них, сгребая свой выигрыш — несколько медяков. Никто, кроме Домона, не счел бы Эгинин хорошенькой, но для некоторых глупцов знатное происхождение наделяет людей красотой. Или

деньги — а уж знатная дама должна быть богатой. Некоторые считали, что дворянка, бросившая мужа ради Мэта Коутона, может так же легко оставить и его, разумеется прихватив с собой свои деньги. Такова была история, которую Мэт и его люди распространяли, чтобы объяснить, почему они скрываются от Шончан: суровый муж и сбежавшие влюбленные. Подобные истории всем хорошо знакомы — от менестрелей или из книг, хотя в реальной жизни они встречались не часто, — чтобы легко принять на веру еще одну такую же. Коль, однако, не поднимал головы. Эгинин — точнее, Леильвин — как-то уже выхватила нож, когда

смазливый юноша, жонглировавший мечами, позволил себе несколько двусмысленных намеков, приглашая ее в свою палатку на чашу вина, и ни у кого не было сомнений, что она пустила бы клинок в ход, если бы он настаивал на своем предложении хоть на мгновение дольше.

Когда Мэт приблизился к силачу, Петра тихо произнес:

– Там солдаты Шончан, около двадцати человек, они говорят с Люка. По крайней мере их офицер с ним беседует, – его голос не звучал испуганно, но на лбу прорезались тревожные морщины, и он успокаивающе положил руку на плечо жене. Улыбка Кларин погасла,

она подняла свою руку к плечу, положив ее сверху. Они верили в благоразумие Люка, но понимали, на какой риск идут. Или считали, что это понимают. То, чем, по их мнению, они рисковали, было само по себе достаточно плохо.

— Чего они хотят? — требовательно спросила Эгинин, выпуская Мэта из своих объятий, но не давая ему раскрыть рта. Собственно, все ждали, когда он выскажется.

— Подержи-ка, — бросил Ноэл, вручая свою удочку и корзину одноглазому конюху, который глазел на него разинув рот. Выпрямившись, Ноэл скользнул узловатой рукой себе

под куртку, где хранил два длинных ножа. — Мы сможем добраться до наших лошадей? — спросил он Петру. Силач с сомнением посмотрел на него. Мэт был не единственным, кто сомневался, что Ноэл в своем уме.

— Не похоже, чтобы они кого-то искали, — торопливо пояснила Кларин, приседая перед Эгинин в слабом намеке на реверанс. Предполагалось, что циркачи делают вид, что Мэт и его спутники входят в труппу, но немногим удавалось сохранять эту видимость перед Эгинин. — Офицер находится в фургоне у Люка уже добрых полчаса, но солдаты все это время не отходят от своих лошадей.

– Не думаю, что они пришли сюда из-за вас, – почтительно добавил Петра, тоже обращаясь к Эгинин. Почему с ним они ведут себя иначе? Возможно, практикуются в разговоре с благородными дамами в ожидании, пока не купят свою гостиницу. – Мы просто не хотели, чтобы для вас это было неожиданностью. Уверен, что Люка сумеет отделаться от них без всяких проблем. – Несмотря на спокойный тон, морщины продолжали бороздить его лоб. Любой выйдет из себя, если от него сбежит жена, а человек знатный может дать почувствовать окружающим тяжесть своего гнева. Бродячая труппа, чужестранцы,

путешествующие по стране, представляют собой легкую добычу, тут не должно возникнуть дополнительных осложнений. — Вам не стоит беспокоиться, что кто-то сболтнет лишнее, миледи. Правда, Коль? — прибавил Петра, бросив взгляд на конюхов. Крючконосый неохотно кивнул, не отрывая глаз от костей, которые подкидывал у себя на ладони. Он был человеком крепкого телосложения, но не столь крепкого, как Петра, который гнул конские подковы голыми руками.

— Кто же упустит случай плюнуть дворянину на сапог, — пробормотал одноглазый, заглядывая в корзину с рыбой. Он был почти

столь же высок и широкоплеч, как Коль, но все лицо его покрывали глубокие морщины, а зубов у него было еще меньше, чем у Ноэла.

Взглянув на Эгинин, он склонил голову и прибавил: — Не в обиду вам будь сказано, госпожа. Между прочим, мы таким образом зарабатываем денежку, а они в последнее время лишними не бывают. Верно, Коль? Кто-нибудь донесет, а потом Шончан всех нас возьмут за жабры, глядишь, еще повесят, как этих, из Морского Народа. Или запрягут чистить эти поганые каналы на том берегу. — Конюхи выполняли всю черную работу в лагере, от чистки стойл и

клеток животных до натягивания и складывания полотнища вокруг лагеря при переездах, однако он содрогнулся так, словно выгребать ил из каналов в Рахаде было худшей перспективой, чем сказаться повешенным.

— А кто говорил о том, чтобы доносить? — запротестовал Коль, негодуяще разводя руками. — Я просто спросил, долго ли мы собираемся тут сидеть, вот и все. Я только поинтересовался, когда мы увидим свои денежки.

— Вы будете сидеть тут, пока я не прикажу вам встать. — Удивительно, насколько жестким могла сделать Эгинин свой тягучий выговор, не

повышая при этом голоса. Это походило на шелест меча, вынимаемого из ножен. — Вы увидите свои денежки, когда мы доберемся туда, куда надо нам. Тех, кто верно мне служит, ждет небольшая прибавка к жалованью. А тех, кто думает о том, чтобы предать меня, ждет могила. — Коль расправил плечи под своим латаным-перелатаным плащом и выпучил глаза, пытаюсь изобразить возмущение или, возможно, невинность, но по-прежнему выглядел как человек, ожидающий, пока леди подойдет поближе, чтобы стащить ее кошелек.

Мэт скрипнул зубами. Во-первых, это его деньгами она

распожжалась со столь королевской щедростью. У нее было достаточно своих, но до них не так легко добраться. Но самое главное – она снова пыталась распоряжаться. Свет, да если бы не он, она до сих пор сидела бы в Эбу Дар, строя планы, как ей укрыться от Взыскующих, а то и была бы уже призвана к ответу. Если бы не он, ей бы и в голову не пришло остаться неподалеку от Эбу Дар, чтобы уйти от погони, или найти убежище в балагане Люка. Но почему здесь солдаты? Шончан послали бы сотню, даже тысячу людей, если бы хоть отдаленно заподозрили, что здесь Туон. А если бы они прознали про Айз Седай...

Нет, Петра и Кларин не знали, что помогают укрывать Айз Седай, но они могли упомянуть о *сул'дам* и *дамани*, и солдаты явились бы за сестрами. Мэт нащупал лисью голову под курткой. Он носил ее днем и ночью не снимая, и она должна была охранять его.

Он не рассматривал всерьез возможность пробиться к лошадям, и не только потому, что Коль и дюжина ему подобных побегут докладывать Шончан, не успеют они скрыться из вида. Насколько Мэт знал, у них не было каких-либо особенно враждебных чувств по отношению к нему или Эгинин — даже жонглер Руманн, по всей видимости, нашел

свое счастье с женщиной-змеей по имени Ад-рия, – но некоторые люди просто не могут устоять перед искушением заработать немного золота. В любом случае, он не слышал грохота игральных костей в своей голове. И к тому же в этих парусиновых стенах находилось несколько человек, которых он не мог оставить на произвол судьбы.

– Если они никого не ищут, нам не о чем беспокоиться, – уверенно заявил Мэт. – Но все равно спасибо за предупреждение, Петра. Я никогда не любил неожиданностей. – Силач сделал небольшой жест, словно желая показать, что это ему ничего не стоило, но Эгинин и Кларин

посмотрели на Мэта так, словно были удивлены, обнаружив его здесь. Даже Коль и одноглазый верзила моргнули при звуке его голоса. Ему пришлось приложить усилие, чтобы снова не заскрипеть зубами. — Я, пожалуй, пойду прогуляюсь возле фургона Люка, посмотрю, что там делается. Леильвин, вы с Ноэлом найдите Олвера и оставайтесь с ним. — Они любили мальчика, как и все остальные, и это удержит их на расстоянии. Лучше, чтобы он один занялся подслушиванием. А если им придется бежать, возможно, Эгинин или Ноэл по крайней мере помогут мальчишке выбраться отсюда. Да будет воля Света, чтобы до этого не

дошло. Кажется, надвигается катастрофа.

— Что ж, от смерти так и так не уйдешь, — вздохнул Ноэл, снова берясь за свою удочку и корзину. Чтоб ему сгореть, по сравнению с этим стариком даже страдающий коликами козел выглядит жизнерадостным! Петра нахмурился еще больше. Женатые мужчины всегда выглядят озабоченными, это была одна из причин, по которым сам Мэт не спешил с женитьбой. Ноэл исчез за углом парусиновой стенки, и одноглазый с сожалением посмотрел вслед корзине с рыбой. Вот и у этого, похоже, не все шарики на месте. Не иначе как и у него где-

то тоже есть жена.

Мэт надвинул шапку почти по самые глаза. Костей, однако, слышно не было. Он постарался не думать о том, сколько раз ему чуть было не перерезали глотку или не разmozжили череп без всяких костей. Но, без сомнения, он бы услышал их, если бы ему угрожала какая-нибудь реальная опасность. Разумеется, услышал бы.

Мэт не успел сделать и трех шагов за ворота, как Эгинин догнала его и обвила рукой вокруг талии. Он остановился, недобро глядя на нее. Она всегда избегала следовать его указаниям, как форель избегает рыболовного крючка, но это было

уже упрямство чистой воды.

— Ты соображаешь, что делаешь? А если этот шончанский офицер узнает тебя? — Это было столь же вероятно, как увидеть Тай-лин, самолично входящую в лагерь, но он готов был схватиться за что угодно, лишь бы заставить ее уйти.

— Каковы шансы, что этот парень из тех, кого я знаю? — презрительно фыркнула она. — У меня не так уж много... — ее лицо исказилось гримасой, — ...было не так уж много друзей по эту сторону океана, и уж ни одного из них нет в Эбу Дар. — Она дотронулась до прядки черного парика, лежащей у нее на груди. — В любом случае, пока

я ношу это, меня родная мать не узнает, — ее голос стал совсем унылым.

Если он будет продолжать так стискивать зубы, то в конце концов сломает один из них. Стоять здесь и спорить было абсолютно бесполезно, но в его памяти еще стоял тот взгляд, которым Эгинин вперилась в шончанских солдат.

— Только не вздумай опять сверкать на них глазами, — предостерег он. — Лучше вообще ни на кого не гляди.

— Я скромная эбударская женщина, — в ее устах это прозвучало как вызов. — Ты сам будешь с ними говорить. — А вот это уже было

предостережением. О Свет! Когда женщина не хочет, чтобы все шло гладко, она обязательно что-нибудь испортит, а Эгинин никогда не заботилась о том, чтобы все шло гладко. Ему определенно угрожала опасность сломать зуб.

За входом начиналась своего рода главная улица, образованная вразнобой поставленными фургонами, вроде тех, в каких кочуют Лудильщики, — маленькими домиками на колесах, с оглоблями, проходящими выше сиденья возчика, и палатками величиной зачастую с небольшой дом. Большинство фургонов было раскрашено всеми оттенками красного и зеленого,

желтого и синего; палатки в основном были столь же яркими, некоторые даже полосатыми. Повсюду рядом с главной улицей располагались деревянные помосты для выступлений, их цветная обивка уже несколько пообтрепались. Широкая, около тридцати шагов шириной, полоса земли, утрамбованная тысячами ног, была настоящей улицей, одной из нескольких, что вились между палатками. Ветер уносил тоненькие серые струйки дыма, поднимающиеся из жестяных труб, которые торчали над крышами фургонов и некоторых палаток. Почти все участники труппы, по-

видимому, завтракали, если еще не лежали в кроватях. Они поднимались поздно, как правило – правило, всецело одобряемое Мэ-том, – и никому не хотелось есть, сидя на улице вокруг костра, на таком-то холоде. Единственным человеком, которого он увидел, была Алудра; рукава ее темно-зеленого платья были закатаны до локтей, она толкла что-то в бронзовой ступке на откидном столике у стены своего ярко-голубого фургона, стоявшего на перекрестке одной из самых узеньких боковых улочек.

Поглощенная работой стройная тарабонка не заметила Мэта с Эгинин. Он со своей стороны не мог

удержаться, чтобы не взглянуть на нее. С черными волосами, заплетенными в тонкие, похожие на низки бус, косички, спускающиеся до пояса, Алудра являла собой, пожалуй, самое яркое чудо в представлении Люка. Тот повсюду рекламировал ее как Иллюминатора, и в отличие от многих других участников труппы и выставляемых диговин, она действительно была тем, что рассказывал о ней Люка, хотя тот и сам скорее всего не верил в это. Интересно, что это она толчет, подумал Мэт. И может ли это взрываться? Она обещала открыть ему секрет фейерверков, если он разгадает ее загадку, но пока что он

не нашел даже приблизительного ответа. Но он найдет его так или иначе.

Эгинин ткнула его под ребра пальцем.

— Предполагается, что мы возлюбленные, как ты не устаешь мне напоминать, — прорычала она. — Кто же в это поверит, если ты будешь пялиться на другую женщину так, словно хочешь ее съесть?

— А я всегда пялюсь на хорошеньких женщин, разве ты не заметила? — ответил Мэт с похотливой ухмылкой.

Она поправила свой платок несколько более энергичным жестом, чем обычно, и

пренебрежительно хмыкнула, к полному его удовлетворению. Ее неумеренная стыдливость частенько играла Мэту на руку. Эгинин находилась в бегах, но, несмотря на это, оставалась шончанкой, и к тому же она и так знала о нем больше, чем ему бы хотелось. Он не собирался посвящать ее во все свои секреты. Тем более в те, о которых он сам еще не знал.

Фургон Люка находился точно посередине лагеря — это было самое лучшее место, максимально удаленное от клеток с запахами животных и коновязей, которые располагались вдоль парусиновой стенки. Фургон выглядел кричащим

даже по сравнению с остальными — раскрашенный в красный и голубой цвета, он сиял, словно лакированный; к тому же фургон со всех сторон был расписан золотыми кометами и звездами, а под самой его крышей располагались изображения лунных фаз, нарисованные серебряной краской. Даже жестяная труба была раскрашена красными и голубыми кольцами. Лудильщики сгорели бы со стыда. С одной стороны фургона возле своих лошадей стояли в две шеренги шончанские солдаты в шлемах, склонив украшенные зелеными кистями копыя под одним и тем же выверенным углом. Один из солдат

держал в поводу еще и вторую лошадь — превосходного темно-гнедого мерина с мощным крупом и стройными ногами. Сине-зеленые доспехи солдат выглядели блекло рядом с фургоном Люка.

Мэт несколько не удивился, обнаружив, что он не единственный, кто интересуется Шончан. Байл Домон, в темной вязаной шапочке, прикрывающей его бритую голову, сидел на корточках, прислонившись спиной к колесу зеленого фургона, принадлежащего Петре и Кларин, шагах в тридцати от солдат. Питомцы Кларин, сбившись в одну кучу, спали под фургоном — разнокалиберная свора небольших собачек. Дородный

иллианец делал вид, что вырезает что-то из дерева, но не очень-то старался, судя по маленькой кучке стружек у его ног. Мэт пожалел, что тот не отрастил себе усы, чтобы скрыть верхнюю губу, или наоборот, не сбрил бороду. Кто-нибудь мог связать иллианца с Эгинин. Блерик Негина, высокий парень, стоявший рядом, опершись на стену фургона, словно для того, чтобы составить Домону компанию, без колебаний сбрил свой шай-нарский чуб, чтобы не привлекать внимания Шончан, хотя и пробегал рукой по черной щетине на голове почти с такой же частотой, с какой Эгинин проверяла свой парик. Возможно, ему тоже

стоило надеть какую-нибудь шапку.

В своих темных куртках с протершимися обшлагами и в поношенных сапогах оба они могли сойти за членов труппы или, возможно, за конюхов — для всех, кроме других членов труппы. Они наблюдали за Шончан, пытаясь не показать этого, но Блерику это удавалось лучше, как и можно ожидать от Стража. Все его внимание, казалось, было приковано к Домону, не считая взглядов, которые он бросал иногда в сторону солдат, делая вид, что это случайно. Домон хмуро посматривал то на Шончан, то на деревяшку в руке, словно ожидая, что под его взглядом

она сама собой превратится в искусную поделку. По-видимому, он принял свое положение *со'джин* слишком близко к сердцу.

Мэт пытался прикинуть, как бы ему подобраться поближе к фургону Люка, чтобы незаметно для солдат подслушать, о чем там говорят, когда задняя дверь фургона отворилась и по ступенькам сошел светловолосый Шончан, надевший на голову шлем с тонким голубым пером, едва лишь его нога коснулась земли. За ним показался Люка, великолепный в своем алом одеянии, вышитом золотыми солнцами, кланяясь с изысканной утонченностью в спину удалявшемуся офицеру. У Люка было

по крайней мере две дюжины курток, большей частью красных, одна безвкуснее другой. Хорошо еще, что его фургон был огромным, а то ему некуда было бы их складывать.

Не обращая внимания на Люка, офицер сел в седло своего мерина, поправил на поясе меч и отдал отрывистую команду, услышав которую, его люди мгновенно оказались в седлах и, выстроившись в колонну по двое, медленным шагом двинулись в сторону выхода. Люка стоял, глядя, как они удаляются, с неопределенной улыбкой на лице, готовый еще раз поклониться, если кто-нибудь из них вздумает оглянуться.

Мэт стоял на обочине, открыв рот и разыгрывая из себя простого зеваку, глазеющего на проезжающих мимо солдат. Те удостаивали его разве что беглого взгляда — офицер ехал, глядя прямо перед собой, и солдаты следовали его примеру, но никто из них не обратил особого внимания на какого-то мужлана и уж тем более не запомнил его.

К его удивлению, пока последний всадник не проехал мимо них, Эгинин стояла, изучая носки своих туфель и комкая рукой узел платка у себя на шее. Поднимая голову, чтобы взглянуть им вслед, она поджала губы.

— Похоже, я знаю этого

мальчика, — протянула она. — Я перевозила его в Фалме на «Бесстрашном». Его слуга умер посреди океана, и он решил, что может использовать кого-нибудь из моей команды. Мне пришлось поставить мальчишку на место. Он поднял такой шум, можно было подумать, что он из Высокородных.

— Кровь и пепел! — выдохнул Мэт. Со сколькими еще людьми она успела повздорить, так что ее лицо запечатлелось в их памяти? Учитывая характер Эгинин, таких людей должны быть сотни. И он позволял ей разгуливать по окрестностям, считая, что парик и другая одежда послужат достаточной

маскировкой! Сотни? Скорее уж тысячи! Она же и кирпич выведет из себя!

В любом случае офицер уже ушел. Мэт медленно выдохнул. Удача пока что не отвернулась от него. Временами ему казалось, что лишь это удерживало его от того, чтобы не заплакать, как маленький ребенок. Он направился к Люка, чтобы выяснить, чего хотели солдаты.

Домон и Блерик подошли к Люка одновременно с ним и Эгинин, и хмурое круглое лицо Домона стало еще мрачнее при взгляде на руку Мэта, лежащую у Эгинин на плече. Иллианец понимал необходимость маскировки — по

крайней мере говорил, что понимает, — однако он, по-видимому, считал, что им, чтобы добиться нужного эффекта, достаточно будет просто держаться за руки. Мэт убрал руку с ее плеча — здесь не было нужды притворяться, Люка знал, как все обстоит на самом деле, — и Эгинин тоже хотела было отпустить его, однако, взглянув на Домона, она еще крепче обхватила Мэта за талию, ничуть не меняя выражения лица. Домон продолжал хмуриться, но теперь уже уставившись в землю. Мэт решил, что ему удастся понять Шончан значительно раньше, чем женщин. Или иллианцев, если уж на то пошло.

– Лошади, – прорычал Люка, не дождавшись даже, пока Мэт подойдет. Он обвел всех яростным взором и затем сфокусировал свой гнев на Мэте. Будучи немного выше ростом, Люка еще выпрямился, глядя на него сверху вниз. – Вот что им было нужно! Я показал ему предписание, освобождающее меня от их лошадиной лотереи, – предписание, подписанное самой Верховной Леди Сюрот! – и что же? На него это не произвело ни малейшего впечатления! Ему было наплевать, что я спас одну из высокопоставленных Шончан. – Эта женщина вовсе не была высокопоставленной, и Люка не

столько спас ее, сколько просто позволил путешествовать с собой в качестве наемного члена труппы, но он всегда был склонен преувеличивать свои заслуги. — Не знаю, на что только годится это предписание. Шончан позарез нужны лошади. Они могут конфисковать их в любой момент! — Его лицо покраснело так, что сравнялось цветом с его курткой, и он ткнул пальцем в Мэта: — Из-за тебя забирают моих лошадей! Как я смогу без них перевозить своих людей? Ответь-ка мне! Я был готов убраться отсюда, едва лишь увидел, что творится в гавани, — но ты держал меня за руку. Из-за тебя мне

отрубят голову! Если бы не ты, я мог бы быть уже в тысяче миль отсюда. Кто приехал среди ночи и заманил меня своими безумными проектами? С тех пор я не заработал здесь и пенни! Тех денег, что оставили посетители за последние три дня, не хватит и на день кормежки для животных! Да и на полдня не хватит! Надо было убираться отсюда месяц назад! Еще раньше! Почему я не уехал отсюда вовремя?

Мэт чуть было не рассмеялся, глядя, как Люка выходит из себя. Лошади. Только и всего: им были нужны лошади! Между прочим, предположение, что тяжело нагруженные фургоны за пять дней

покроют тысячу миль, столь же нелепо, как и фургон Люка. Этот скупердяй вполне мог уехать отсюда месяц назад, даже два месяца, если бы не жалел о каждом медяке, остающемся в Эбу Дар и у заводителей-Шончан. А что до того, что он шесть ночей назад уговорил его остаться, то это было не труднее, чем выпить чашу вина.

Но Мэт, удержавшись от смеха, положил руку Люка на плечо. Этот человек был тщеславным, как индюк, да к тому же еще и жадным, но не было смысла злить его еще больше.

— Люка, неужели ты думаешь, что если бы ты ушел той ночью, то ни у кого не возникло бы

подозрений? Ты бы не успел проехать и двух лиг, как Шончан догнали бы тебя уже рядом и разворошили бы все фургоны, как окуня на блюде. Ты должен бы поблагодарить меня, что я спас тебя от этого. — Люка сверкнул на него глазами. Некоторые люди просто не видят дальше своего носа. — Но в любом случае можешь не сетовать. Как только Том вернется из города, мы уедем на столько миль от города, на сколько ты захочешь.

Люка сорвался с места так внезапно, что Мэт в тревоге сделал шаг назад, но тот лишь принялся выделывать антраша, скача по кругу и смеясь как безумный. Домон

выпучил на него глаза, и даже Блери́к казался озадаченным. Временами Люка вел себя как полнейший идиот.

Не успел еще Люка начать свой бредовый танец, как Эгинин оттолкнула Мэта от себя.

— Как только вернется Меррилин? Я распорядилась, чтобы никто не покидал лагерь! — Ее яростный взгляд метался между ним и Люка, горя холодным пламенем — лед, который обжигает. — Я ожидала, что мои распоряжения будут выполняться!

Люка прекратил свои прыжки так же внезапно, как и начал, и искоса взглянул на нее; затем

внезапно сделал шаг вперед и отвесил поклон, помахивая перед собой полой воображаемого плаща. Это получилось у него настолько впечатляюще, что можно было *увидеть* этот плащ, да что там — можно было увидеть *вышивку* на этом плаще! Люка, как всегда, полагал, что умеет обращаться с женщинами.

— Вы приказываете, моя прекрасная госпожа, и я с восторгом повинуюсь! — Выпрямившись, он пожал плечами: — Но у мастера Коутона есть золото, и боюсь, приказы золота главнее. — Полный золотых монет сундучок Мэта, который стоял в этом самом фургоне,

и был как раз той самой причиной, по которой Люка не мог уйти. Возможно, свою роль сыграло и то, что Мэт был *та'вереном*, но, дай ему достаточно золота, и Валан Люка стал бы помогать даже похищению самого Темного.

Эгинин набрала в грудь воздуха, готовая снова обрушиться на Люка, но тот уже повернулся к ней спиной и запрыгал по ступеням своего фургона, крича:

— Лателле! Лателле! Немедленно поднимай всех! Мы уходим, как только вернется Меррилин! Хвала Свету, наконец-то мы уходим!

Минутой позже он снова появился в дверях, с грохотом

скатился по лесенке, в сопровождении жены, надевавшей на ходу черный бархатный плащ, расшитый блестками. Лателле, женщина с резкими чертами лица, при виде Мэта наморщила нос, словно учуяла исходящий от него дурной запах, и кинула на Эгинин такой взгляд, каким, должно быть, заставляла своих дрессированных медведей залезать на дерево. Лателле не нравились женщины, сбежавшие от мужей, хоть она знала, что это маскировка. К счастью, она почему-то обожала Люка и любила золото почти так же, как он. Люка подбежал к ближайшему фургону и принялся колотить в дверь кулаком, в то время

как Лателле направилась к соседнему.

Не дожидаясь, чем это все закончится, Мэт поспешил к одной из боковых улочек. По сравнению с центральной она представляла собой не более чем узенький кривой проезд; все фургоны и палатки были плотно заперты из-за холода, и над их трубами струились дымки. Здесь не было помостов для представлений; между некоторыми фургонами были натянуты веревки для сушки белья, тут и там на земле валялись деревянные игрушки. Эта улица предназначалась только для жилья, она была настолько узкой, что чужаки сюда не забредали.

Он двигался быстро, несмотря на свое бедро (ходьба почти разогнала боль), но не прошел и десяти шагов, как его догнали Эгинин и Домон. Блерик куда-то исчез, возможно пошел сказать Сестрам, что они по-прежнему в безопасности и наконец-то уходят. Айз Седай, которые притворялись служанками, заболевшими от беспокойства, что муж их госпожи найдет их, были сыты по горло сидением в фургоне, не говоря уже о том, что свое жилище им приходилось делить с *сул'дам*. Мэт заставил их поселиться вместе, чтобы Айз Седай присматривали за *сул'дам*, а *сул'дам* держала Айз Седай

подальше от него. Тем не менее Мэт был рад, что Блерик избавил его от необходимости лишний раз заходить к ним в фургон. С тех пор как они убежали из города, то одна, то другая Сестра посылали за ним по четыре-пять раз на дню, и он приходил к ним, когда не мог избежать этого, но подобные визиты доставляли ему мало приятных ощущений.

На этот раз Эгинин не стала обнимать его. Она зашагала сбоку, глядя прямо перед собой; по крайней мере она не беспокоилась больше о своем парике. Домон плелся сзади, переваливаясь как медведь, и бормотал что-то себе под нос с резким иллианским акцентом.

Вязаная шапочка не скрывала того, что его черная борода резко заканчивалась у середины ушей, а выше начиналась недавно отросшая щетина. Это придавало ему какую-то... незавершенность, что ли.

— Два капитана на одном корабле наверняка приведут его к крушению, — преувеличенно терпеливо проговорила Эгинин. Ее понимающая улыбка, казалось, причиняла боль ей самой.

— Мы не на корабле, — ответил Мэт.

— Но принцип остается тем же, Коутон! Ты фермер. Я знаю, что ты хорош, когда дело доходит до драки, — Эгинин метнула через плечо

тяжелый взгляд на Домона. Это он свел ее с Мэтом, тогда она считала, что имеет дело с наемником. – Но сейчас нам требуются рассудительность и опыт. Мы находимся в опасных водах, а много ли ты знаешь о том, как командовать?

– Больше, чем ты думаешь, – сухо отозвался Мэт. Он мог бы развернуть перед ней целый список хранившихся в его памяти сражений, которыми он командовал, но по большей части лишь историк смог бы понять, о каких сражениях идет речь, а о некоторых не имели представления даже историки. В любом случае этому никто бы не

поверил. Он бы и сам скорее всего не поверил, если бы кто-то другой стал рассказывать ему что-то подобное. — Разве вам с Домо-ном не надо собираться в дорогу? Вряд ли вы захотите оставить что-нибудь здесь. — Все ее вещи были уже давно собраны и аккуратно уложены в фургоне, который она делила с Мэтом и Домоном — не очень-то приятное соседство, — но Мэт ускорил шаг, надеясь, что она поймет намек. Кстати, он уже видел цель своего пути.

Ярко-голубая палатка, втиснутая между ядовито-желтым и изумрудно-зеленым фургонами, едва ли была достаточно просторна, чтобы

вместить три койки; но чтобы обеспечить убежище всем, кого он привел с собой из Эбу Дар, требовались деньги – чтобы убедить хозяев переселиться, и еще, чтобы они позволили вселиться им. Мэт мог снять лишь то помещение, которое владельцы соглашались уступить ему – причем по расценкам хорошей гостиницы. Джуилин, смуглый, плотно сбитый мужчина с короткими темными волосами, сидел скрестив ноги на земле перед палаткой; рядом с ним сидел

Олвер, худенький парнишка – хотя уже не такой тощий, каким он был, когда Мэт впервые его увидел, – слишком низкорослый для тех десяти

лет, которые он себе приписывал. Оба они были без курток, несмотря на ветер, и играли в «змей и лисиц» на доске, которую покойный отец мальчика нарисовал для него на куске красной материи. Бросая кости, Олвер тщательно подсчитывал очки и долго обдумывал каждый ход, разглядывая паутину черных линий и стрелочек. Его партнер уделял игре меньше внимания. При виде Мэта он выпрямился.

Внезапно откуда-то из-за палатки появился Ноэл, тяжело дышавший, словно только что бежал. Джуилин взглянул на старика с удивлением, а Мэт нахмурил брови. Он велел Ноэлу идти напрямик сюда.

Где же он пропадал? Ноэл выжидающе посмотрел на него, в его взгляде не читалось ни малейшей вины или замешательства — только интерес к тому, что Мэт собирался сказать.

— Ты уже знаешь насчет Шончан? — спросил Джуилин, тоже переводя взгляд на Мэта.

Внутри палатки мелькнула какая-то тень, откинулся клапан выхода, и темноволосая женщина, сидевшая, завернувшись в поношенный серый плащ, на краю одной из коек, наклонилась вперед и положила руку на плечо Джуилина. Мэт встретил ее настороженный взгляд. Тера была привлекательной

женщиной — для тех, кому нравится постоянная хмурая гримаса на лице, — но, по-видимому, это было вполне во вкусе Джуилина, судя по тому, как он успокаивающе улыбнулся ей и похлопал по руке. Она была одновременно Аматерой Элфдене Касмир Лунолт, Панархом Тарабона и вторым лицом в государстве после королевы. По крайней мере когда-то была. Джуилин знал об этом, и Том тоже, однако никто из них не позаботился сообщить об этом Мэту, пока они не добрались до лагеря. Он полагал, что это вряд ли имеет большое значение, учитывая все обстоятельства. Женщина охотнее отзывалась на

уменьшительное имя Тера, чем на полное, и не высказывала излишних претензий – разве что на внимание Джуилина, – и было немного шансов, что кто-нибудь узнает ее здесь. В любом случае Мэт надеялся, что она испытает нечто больше, чем просто благодарность за то, что они ее спасли, принимая во внимание, что Джуилин определенно питал к ней нежные чувства. Кто сказал, что низвергнутый панарх не может влюбиться в ловца воров? В жизни происходят и более странные вещи. Правда, Мэт не был уверен, что сможет с ходу припомнить хотя бы одну такую.

– Они просто хотели взглянуть

на предписание относительно лошадей Люка, — сказал он, и Джуилин кивнул, очевидно немного расслабившись.

— Однако они не стали считать количество коновязей. — В предписании указано точное число лошадей, которое Люка позволялось держать. Шончан умели быть щедрыми, награждая людей, но, учитывая их нужду в верховых и упряжных лошадях, они не собирались выдавать кому-либо лицензию на торговлю. — В лучшем случае они просто заберут лишних. В худшем... — ловец воров пожал плечами. Еще один оптимист.

Тера внезапно тихо охнула,

плотнее натянула свой плащ и нырнула обратно в недра палатки. Джуилин тяжелым взглядом смотрел Мэту за спину – тайренец при желании мог поспорить со Стражем, когда дело доходило до такого. Эгинин, по-видимому, все же не понимала намеков и сейчас стояла рядом с палаткой, свирепо озирая собравшихся. Домон стоял рядом с ней, скрестив руки и закусив губу – то ли погрузившись в раздумья, то ли призывая себя к терпению.

– Складывай палатку, Сандар, – приказала Эгинин. – Балаган отправится в путь, как только вернется Меррилин. – Она говорила сквозь крепко стиснутые зубы и

удостоила Мэта лишь одним яростным взглядом. Не больше. — Позаботься о том, чтобы твоя... подруга... не создала никаких проблем. — В последнее время Тера была служанкой, *да'ковале*, собственностью Верховной Леди Сюрот, пока Джуилин не выкрал ее. А для Эгинин похитить *да'ковале* было почти таким же тяжким преступлением, как освободить *дамани*.

— Можно, я поеду на Ветерке? — воскликнул Олвер, вскакивая на ноги. — Можно, Мэт? Можно, Леильвин? — Эгинин чуть ли не улыбнулась ему. Мэт еще ни разу не видел, чтобы она кому-нибудь

улыбалась, даже Домону.

– Не сегодня, – сказал Мэт. Надо было подождать, пока они отойдут подальше от Эбу Дар, где кто-нибудь мог ненароком вспомнить серого коня, выигрывавшего забег с маленьким мальчиком на спине. – Может быть, через несколько дней. Джуилин, ты сообщишь остальным? Блерик уже знает, так что он позаботится о Сестрах.

Джуилин не стал зря тратить время, лишь на минутку заглянув в палатку, чтобы успокоить Теру. Она, по-видимому, часто нуждалась в утешении. Выйдя наружу с темной, уже слегка поношенной тайренской курткой в руках, он велел Олверу

заканчивать игру и помочь Тере упаковать вещи к его возвращению, затем водрузил на голову свою красную коническую шапку с плоской верхушкой и удалился, надевая на ходу куртку. Он едва взглянул на Эгинин. Она считала его вором, что само по себе было оскорбительным для ловца воров, и тайренец не питал к ней особой симпатии.

Мэт хотел было спросить Ноэла, где тот пропал, но старик шустро ускользнул вслед за Джуилином, крикнув через плечо, что поможет оповестить остальных о том, что балаган снимается с места. Что ж, двое разнесут новость быстрее, чем

один, – Ванин и четверо оставшихся в живых «красноруких» жили в переполненной палатке в одном конце лагеря, в то время как сам Ноэл делил другую с Томом и двумя слугами, Лопином и Неримом, в противоположном конце, – а вопрос можно будет задать и после. Возможно, старик просто задержался, чтобы спрятать где-нибудь свою драгоценную рыбу. В любом случае это сейчас вдруг показалось Мэту несущественным.

В лагере начал подниматься шум: одни орали конюхам, чтобы те привели им лошадей, другие на пределе возможностей своих голосовых связок требовали, чтобы

кто-нибудь объяснил им наконец, что происходит. Адрия, худощавая женщина-змея, пробежала мимо них, шлепая босыми ногами и держа под мышкой расшитый цветами зеленый халат, и исчезла в желтом фургоне, где жили еще четверо акробатов. Из зеленого фургона донесся зычный рев, доводящий до общего сведения, что, между прочим, некоторые здесь пытаются уснуть. Мимо пронеслась стайка детишек членов труппы, некоторые из которых уже сами участвовали в представлениях, и Олвер поднял голову от куска красной материи для игры в «змей и лисиц», которую сворачивал. Это было самым драгоценным его

достоянием, но если бы не это, он без сомнения припустил бы за ними. Требовалось еще какое-то время, чтобы труппа была готова отправиться в путь, но вовсе не это заставило Мэта застонать. Просто он услышал, как в его голове снова загремели, перекатываясь, эти проклятые кости.

Глава 3.

Многоцветный Веер

Мэт не знал, ругаться ему или плакать. Солдаты ушли, а скоро и он отряхнет прах Эбу Дара со своих ног, и вроде бы не было никакой причины для того, чтобы эти проклятые кости катались в его голове, но ему всегда так казалось, пока не становилось слишком поздно. Его могли отделять от того, что надвигалось на него, несколько дней или какой-нибудь час, но он никогда не мог предсказать этого заблаговременно. Единственное, в чем он мог быть уверен: важное — или зловещее —

скоро произойдет, и оно неизбежно. Временами — как, например, той ночью у ворот — он так и не догадывался, почему слышал грохот костей, даже после того как тот прекращался. Мэт знал одно: хоть кости и заставляли его вертеться ужом на сковородке, но когда они начинали кататься, он уже не хотел, чтобы они остановились. Но кости останавливались. Рано или поздно они всегда останавливались.

— Ты здоров, Мэт? — спросил Олвер. — Эти Шончан нас не поймают. — Он пытался говорить с твердой уверенностью, но некий оттенок вопросительной интонации все же прозвучал в его голосе.

Тут Мэт осознал, что уже некоторое время смотрит в пустоту. Эгинин хмурила брови, машинально теребя парик, она явно сердилась, что он не обращал на нее внимания. Глаза Домона смотрели изучающе; и Мэт готов был съесть свою шапку, если тот не решал, не обидеться ли ему на поведение Эгинин. Даже Тера поглядывала на него украдкой из-за полога палатки, а она всегда старалась держаться подальше от глаз Эгинин. Он не мог им ничего объяснить. Только человек, у которого каша вместо мозгов, поверит, что он получает предостережения в виде игральные кости, которых никто не видит.

Разве что поверит кто-нибудь отмеченный Силой. Или Темным. Мэту не особенно хотелось, чтобы его заподозрили в чем-либо подобном. Нет, этот секрет он не хотел никому открывать. В любом случае ни к чему хорошему это бы не привело.

— Нет, Олвер, им нипочем не поймать таких, как ты и я, — он взъерошил парнишке волосы, и тот широко ухмыльнулся; теперь мальчик не сомневался, что все обойдется. — По крайней мере пока мы держим глаза открытыми и головы остаются у нас на плечах. Помни, всегда можно найти выход из любого затруднения, если глаза и ум остры,

но если нет, то начнешь спотыкаться о собственные ноги. — Олвер с важностью кивнул, но Мэт обращал свою реплику скорее к остальным. Или, может быть, к самому себе. О Свет, вряд ли кто-нибудь из них мог бы стать сейчас еще более настороженным, за исключением Олвера, который считал все это грандиозным приключением, они все чуть ли не из кожи вон лезли с тех пор, как покинули город. — Иди, Олвер, помоги Тере, как велел тебе Джуилин.

Порыв холодного ветра проник под куртку Мэта, заставив его поежиться.

— И надень куртку, холодно! —

добавил он вслед мальчику, уже нырнувшему в палатку. Шуршание и скрип, донесшиеся изнутри, сказали ему, что Олвер принялся за работу, в куртке или без нее, но Тера продолжала сгорбившись сидеть у входа, поглядывая на Мэта. Похоже, о парне заботился лишь Мэт Коутон, а всем остальным он хоть был, хоть нет.

Когда Олвер исчез в палатке, Эгинин снова подступила к Мэту, уперев кулаки в бока, и он застонал про себя.

– Пришло время определиться, Коутон, – жестко произнесла она. – Прямо сейчас. Я не допущу, чтобы наше путешествие пошло прахом из-

за того, что ты отдаешь распоряжения, идущие вразрез с моими приказаниями.

— Здесь нечего определяться, — ответил он. — Я не нанимался служить тебе, насколько я помню. — Ее лицо умудрилось каким-то образом стать еще жестче; видимо, это означало, что Эгинин считает иначе. Эта женщина была цепкой, как каймановая черепаха, но должен же быть какой-то способ разжать ее челюсти! Видит Свет, он совсем не хотел оставаться наедине с костями, катающимися в его черепе, но это все же лучше, чем слушать их грохот, одновременно споря с Эгонином. — Я хочу повидать Туон, пока мы не

тронулись в путь. — Слова сами сорвались с языка, прежде чем он успел как следует подумать. И Мэт догадался, что они уже какое-то время были у него в голове, смутные и постепенно обретающие форму.

Кровь отлила от щек Эгинин при имени Туон, и Мэт услышал тихий вскрик Теры и хлопок задерживаемого полога палатки. Будучи собственностью Сюрот, бывший панарх переняла многие из обычаев Шончан, а также многие из их табу. Эгинин, однако, была сделана из более твердого материала.

— Зачем? — требовательно спросила она и продолжала, не переводя дыхания, взволнованная и

разъяренная одновременно: — Ты не должен так называть ее. Ты должен относиться к ней с почтением.

По крайней мере следует быть твердым в отношении некоторых вещей.

Мэт усмехнулся, но Эгинин, казалось, не понимала, что здесь смешного. С почтением? Какое уж там почтение, если человеку заткнули кляпом рот и завернули его в настенную драпировку. Называй ее Туон, или Верховной Леди, или как-нибудь еще, это уже вряд ли можно изменить. Разумеется, Эгинин скорее предпочла бы говорить об освобождении *дамани*, чем о Туон. Если бы она могла сделать вид, что

похищения вообще не было, она бы так и поступила, — да она и пыталась, по чести говоря. О Свет, да ведь она пыталась игнорировать его в тот самый момент, когда оно происходило! В ее глазах любое другое преступление, какое она могла бы совершить, было сущим пустяком по сравнению с этим.

— Я хочу поговорить с ней, — сказал Мэт.

А почему бы и нет? Он должен это сделать рано или поздно. Люди уже бегали рысцой взад-вперед по узкой улочке — полуодетые мужчины в не заправленных рубашках и женщины с волосами, еще завернутыми в ночные платки;

некоторые вели в поводу лошадей, другие просто бегали кругами без всякого толка. Жилистый паренек чуть постарше Олвера пробежал мимо, делая колесо каждый раз, когда мог выискать в толпе хоть немножко свободного места, отрабатывая номер или, возможно, просто развлекаясь. Раздражительный соня так до сих пор и не появился из своего темно-зеленого фургона. «Грандиозное Странствующее Представление Валана Люка» не отправится в путь еще по крайней мере несколько часов. Времени было полно.

— Ты можешь пойти со мной, — предложил Мэт самым невинным

тоном. Он должен был подумать об этом раньше.

Это предложение повергло Эгинин в настоящий столбняк. Было трудно поверить, что ее лицо может стать еще бледнее, но теперь в нем, похоже, вообще не осталось краски.

— Ты должен выказать ей все возможное почтение, — хрипло проговорила она, сжимая узел платка обеими руками, словно желая вдавить черный парик в голову. — Пошли, Байл. Я должна убедиться, что мои вещи уложены как надо.

Домон замешкался, она же повернулась и поспешила сквозь толпу, не оглядываясь. Мэт настороженно наблюдал за Байлом.

У него в памяти осталось лишь несколько смутных воспоминаний о побеге на корабле Домона, но и только. Том дружил с Домоном, и это очко в пользу иллианца, однако он был предан Эгинин настолько, что ради нее пошел бы на убийство и готов был поддерживать ее во всем, вплоть до неприязни к Джуилину, поэтому Мэт доверял ему не больше, чем ей. То есть не очень-то доверял. У Эгинин и Домона были свои цели, и их не волновало, сохранит ли Мэт Коутон свою шкуру целой или нет. Он сомневался, что Домон в свою очередь питает доверие к нему, но в настоящий момент у них обоих не было особого выбора.

— Да не покинет меня удача, — пробормотал Домон, скребя щетину над левым ухом, — что бы ты там ни задумал, ты маленько дал маху. Сдается мне, что она покрепче, чем тебе кажется.

— Эгинин? — недоверчиво переспросил Мэт. И тут же быстро огляделся по сторонам, опасаясь, не слышал ли кто-нибудь его оговорки. Немногие бросали взгляд на них с Домоном, проходя мимо, и уж никто не смотрел дважды. Люка не единственный, кто был рад-радешенек уйти из этого места, где приток посетителей-горожан оскудел, а ночные молнии, от которых запылаха вся гавань, были

еще свежи в памяти. Они все убежали бы еще той ночью, не оставив пристанища для Мэта, если бы Люка не отговорил их. Обещанное золото придало доводам Люка чрезвычайную убедительность. — Я знаю, что она крепче старого сапога, Домон, но старыми сапогами меня не проймешь. Здесь, разрази меня Свет, не какой-то проклятый корабль, и я не собираюсь позволять ей командовать и портить все дело. Домон поморщился, словно Мэт был круглым идиотом.

— Я говорил о девчонке, парень. Как ты думаешь, был бы ты сам спокойным, если бы тебя вот так

похитили среди ночи? Какую бы игру ты ни затеял, выкинь из головы все эти безумные бредни насчет того, что она будет твоей женой! Поостерегись, а не то она побреет тебе голову до самых плеч.

— Я просто дурачился, — пробормотал Мэт. — Сколько раз нужно повторять? Просто немного разнервничался.

Да уж. Вдруг взять и внезапно обнаружить, кто такая Туон, когда борешься с ней, пытаешься связать, — да от такого разнервничался бы и проклятый троллок!

Домон недоверчиво фыркнул. Что ж, Мэт придумал не самую удачную отговорку. Однако, не считая

Домона, все остальные, кто слышал его трепотню, вроде бы поверили. По крайней мере Мэту так казалось. У Эгинин, конечно, язык завязывается мертвым узлом при одной мысли о Туон, но она много чего сказала бы ему, если бы верила, что он говорил серьезно. А вообще-то, скорее всего, она воткнула бы ему нож под ребра.

Поглядывая в том направлении, куда ушла Эгинин, иллианец покачал головой.

— Постарайся все же придерживать язык. Эги... Леильвин каждый раз просто из себя выходит, когда вспоминает о том, что ты тогда сказанул. Я слышал, *что* она бормотала про себя; и поручусь, что

сама девчонка переживает ничуть не меньше. Еще разок так подурачишься и дождешься, что нас всех укоротят, — он выразительно чиркнул пальцем себе по горлу. И коротко кивнув, иллианец начал проталкиваться сквозь толпу вслед за Эгинин.

Глядя, как он удаляется, Мэт покачал головой. Это Туон — крепкая? Конечно, она Дочь Девяти Лун и все такое, и она с самого начала видела его насквозь, еще в Таразинском дворце, когда Мэт считал ее просто очередной благородной шончанкой, задирающей нос; но ведь это только потому, что Туон постоянно попадалась ему там, где он не ожидал ее увидеть. И все.

Крепкая? На вид она была словно куколка из черного фарфора. Насколько крепкой она может быть на самом деле?

Тебе ничего больше не оставалось, она могла сломать тебе нос, а то и искалечить похуже, напомнил он себе.

Мэт и сам остерегался не повторять, что Домон назвал «безумными бреднями», но вся беда в том, что он действительно собирался жениться на Туон. Эта мысль заставила его вздохнуть. Он был уверен в этом, словно это предсказали ему свыше, да так оно в некотором роде и было. Он не мог себе представить, как может

подобная свадьба произойти; это казалось совершенно невозможным. И он не станет плакать, если это действительно окажется невозможным. Но Мэт знал, что не окажется. Почему он вечно влипает по уши в какие-то проклятые разборки с треклятыми женщинами, пытающимися пырнуть его ножом или оторвать ему голову? Это просто несправедливо.

Мэт собирался пойти прямо к фургону, где содержались Туон и Селусия под присмотром Сеталль Анан. По сравнению с хозяйкой гостиницы и камень показался бы мягким; избалованная госпожа и ее горничная не доставляли ей особых

хлопот, особенно когда снаружи на страже стоял «краснорукий». По крайней мере до сих пор они хозяйке проблем не создавали, а то бы он об этом уже услышал. Тут Мэт обнаружил, что ноги несут его куда-то в сторону, по извилистым улочкам, пронизывающим лагерь. Повсюду царила суматоха. Мимо пробежали люди с лошадьми в поводу; застоявшиеся животные вставали на дыбы и бросались из стороны в сторону. Другие члены труппы сворачивали палатки и грузили их в фургоны или выносили тюки с одеждой и окованные медью сундуки, бочонки и коробки всевозможных размеров из своих

домов-фургонов, простоявших здесь несколько месяцев. Надо было заново перепаковать все для путешествия, пока запрягают лошадей. Шум стоял адский: лошади ржали; женщины кричали на детей; дети плакали из-за потерянных игрушек или просто вопили ради собственного удовольствия; мужчины орали, пытаюсь выяснить, куда засунули их упряжь или кто воспользовался их инструментами. Труппа акробатов — худощавых, но мускулистых женщин, которые работали на веревках, свешивающихся с высоких шестов, — окружила одного из конюхов; они все размахивали руками и вопили благим

матом, не слушая друг друга. Мэт остановился на минутку, пытаясь уяснить, о чем они так яростно спорят, но через некоторое время понял, что женщины и сами этого толком не знали. По земле катались двое сцепившихся друг с другом мужчин без курток, за ними наблюдала та, из-за которой, видимо, и произошла драка, — стройная черноглазая швея по имени Джамейне; но тут появился Петра и растащил дерущихся, не дав Мэту даже возможности поставить на одного из них.

Он не боялся снова увидеть Туон. Разумеется, нет. Мэт держался подальше от нее после того

похищения. И все, больше ничего не было. И лишь одно смущало его..... Она была спокойна, Домон ска-

зал правду. Туон похитили среди ночи, увезли из города в бурю, ее окружали люди, которые, как она понимала, запросто перережут ей глотку, и все-таки она держалась спокойнее их всех. О Свет, она

была расстроена не больше, чем если бы задумала все это сама! Мэт еще тогда чувствовал себя так, словно кончик ножа щекотал ему спину между лопатками, и сейчас он опять ощущал этот нож, сто-

ило лишь вспомнить о ней. А тут еще и эти игральные кости, перекатывающиеся внутри черепа.

Не похоже, чтобы она собиралась предложить тебе прямо сейчас пойти к алтарю, подумал Мэт со смешком, который показался вымученным даже ему самому. Тем не менее у него не было никаких причин бояться. Он просто соблюдал разумную осторожность.

Лагерь по величине не уступал средних размеров деревне, но и на таком пространстве человек, блуждающий бесцельно, рано или поздно начинает ходить по кругу. Довольно скоро — слишком скоро — Мэт обнаружил, что стоит перед

бледно-лиловым фургоном без окон, окруженным крытыми парусиной грузовыми фургонами; за ними виднеются коновязи, расположенные вдоль южной стены. Повозки, вывозящие навоз, этим утром не приезжали, и запах стоял крепкий. Ветер доносил тяжелый дух и от ближайших клеток с животными — мускусный запах больших кошек, и медведей, и Свет знает кого еще. Позади грузовых фургонов и столбиков коновязи одна секция парусиновой стены упала на землю и уже колыхалась следующая: мужчины ослабляли растяжки, удерживающие шесты. Солнце, сейчас наполовину скрытое

тяжелыми тучами, уже было на полпути к зениту или даже выше, но все же было еще слишком рано.

Гарнан и Метвин, двое «красноруких», уже запрягли первую пару лошадей в оглобли лилового фургона и почти покончили со второй. Солдаты, вышколенные в Отряде Красной Руки, они были готовы пуститься в путь, когда остальные еще не могли разобраться, с какой стороны фургона впрягать лошадей. Мэт научил Отряд передвигаться быстро, когда в этом была необходимость. Но сейчас он подходил к фургону волоча ноги, словно шел по глубокой грязи.

Гарнан, со своей дурацкой

татуировкой в виде сокола на щеке, первым увидел его. Застегивая постромку, верзила выпятил тяжелую челюсть и переглянулся с Метвином — мальчишеское лицо кайриэнца, обманчиво свидетельствующее о его возрасте и слабости, что давало ему преимущество в трактирных драках. Им не было нужды притворяться удивленными.

— Как тут у вас, все гладко? Я хочу сняться с места как можно скорее. — Зябко потирая руки, Мэт беспокойно поглядывал на лиловый фургон. Надо было принести ей подарок, какое-нибудь украшение или цветы. И то и другое обычно нравится женщинам.

— Вроде бы да, милорд, — осторожно отозвался Гарнан. — Не ругается, не кричит, не плачет. — Он взглянул на фургон так, словно сам в это не верил.

— Все тихо, и ладно, — сказал Метвин, продевая повод сквозь кольцо хомута. — Когда женщина начинает плакать, единственное, что можно сделать, это уйти, если дорожишь своей шкурой; а этих женщин мы вряд ли можем высадить где-нибудь на обочине, — с этими словами он бросил взгляд на фургон и недоверчиво покачал головой.

Мэту ничего не оставалось, кроме как войти внутрь. Что он и сделал. Уже со второй попытки ему

удалось с застывшей на лице улыбкой заставить себя взобраться по нескольким крашеным деревянным ступенькам позади фургона. Он не боялся; просто на его месте любой бы занервничал.

Несмотря на отсутствие окон, фургон был ярко освещен внутри: здесь горели четыре лампы с зеркальными отражателями, и в них заливали хорошее масло, чтобы избежать неприятного запаха. Впрочем, в тот момент, учитывая зловоние, доносящееся снаружи, об этом было трудно судить. Надо было найти для фургона более подходящее место. Благодаря маленькой кирпичной печурке с железной

дверцей и железной плитой для готовки сверху, здесь было жарко, не то что на улице. Фургон был невелик, и каждый дюйм его стен был занят шкафчиками, или полками, или крючками для одежды и полотенец и тому подобным, но столик, спускавшийся с потолка на веревках, был поднят, и трем женщинам вряд ли здесь было тесно.

Вряд ли можно было найти трех женщин, более не похожих друг на друга. Госпожа Анан сидела на одной из двух узких встроенных в стену кроватей — царственная женщина с проблеском седины в волосах; она, по всей видимости, была полностью поглощена своим вышиванием и

совсем не выглядела стражником. В каждом ухе сверкало по большому золотому кольцу, с плотно охватывающей шею серебряной цепочки свисал брачный кинжал, рукоятка которого, украшенная красными и белыми камнями, виднелась в узком вырезе ее эбударского платья, подшитого с одной стороны, так что видна была желтая нижняя юбка. У нее имелся еще один нож с длинным изогнутым клинком, засунутый за пояс, вполне в обычаях Эбу Дар. Сеталль отказалась как-либо маскироваться, но в этом не было беды. Ни у кого нет причин охотиться за ней, а найти одежду для всех остальных было само по себе

достаточной проблемой. Селу-сия, привлекательная женщина с кожей цвета сливок, сидела на полу между кроватями со скрещенными ногами, ее бритую голову закрывал черный платок, а на лице застыло унылое выражение, хотя обычно она имела настолько важный вид, что рядом с ней даже госпожа Анан выглядела легкомысленной. Ее глаза были такие голубые, как и у Эгинин, только еще более пронзительные; и она, кстати, подняла куда больше шума, чем та, когда ее брили наголо. Девушка невзлюбила и темно-синее эбударское платье, в которое ее одели, поскольку считала его глубокий вырез нескромным; зато в

нем она была столь же неузнаваемой, как если бы надела маску. Немногие мужчины, бросив взгляд на впечатляющую грудь Селу-сии, были способны сосредоточить внимание на ее лице. Мэт и сам был не прочь насладиться этим зрелищем подольше, но рядом на единственном в фургоне табурете с книгой в кожаном переплете на коленях сидела Туон, и он с трудом мог заставить себя смотреть на что-то еще. Его будущая жена. О Свет!

Туон была миниатюрной, не то чтобы низенькой, но худощавой, как мальчишка, и слишком широкое для нее коричневое шерстяное платье, купленное у одного из артистов,

делало ее похожей на маленькую девочку, нацепившую платье старшей сестры. Не совсем тот тип женщины, который ему нравился, особенно учитывая то, что ее череп был покрыт короткой черной щетиной, едва успевшей вырасти за последние несколько дней. Однако, если не обращать на это внимание, она и правда *была* хороша собой: этакое создание, с лицом в форме сердечка, пухлыми губами и глазами, словно два больших темных озера, исполненных безмятежности. Это совершенное спокойствие смущало его. Даже Айз Седай вряд ли сохранила бы безмятежность в подобных обстоятельствах!

Проклятые кости в голове мешали ему сосредоточиться.

– Сеталль держит меня в курсе событий, – произнесла Туон холодно и нараспев, едва Мэт закрыл за собой дверь. Он дошел уже до того, что мог различать разницу в акценте Шончан: по сравнению с произношением Туон акцент Эгинин звучал так, словно она набрала полный рот каши; однако и речь Туон все же была медленной и неразборчивой, как у всех Шончан. – Она рассказала мне, какую историю ты придумал относительно меня, Игрушка. – Туон упорно называла его так еще в Таразинском дворце. Тогда ему было все равно. Ну, почти все

равно.

– Меня зовут Мэт, – поправил он. Юноша не успел увидеть, откуда в ее руке взялась глиняная чашка, но умудрился упасть на пол как раз вовремя, чтобы она разбилась о дверь, а не об его голову.

– Так я *служанка*, Игрушка? – Если до этого Туон говорила холодным тоном, то теперь в нем звучали вечные льды. Она не повысила голоса, но он был жестким, как все тот же лед. По сравнению с этим интонации судьи, читающего смертный приговор, показались бы жизнерадостными. – Служанка-воровка? – Книга соскользнула с ее коленей, когда она

встала и наклонилась за белым
ночным горшком, накрытым
крышкой. — Служанка-
предательница?

— Нам это еще понадобится, —
почтительно напомнила Селу-сия,
забирая ночной горшок из рук Туон.
Аккуратно отставив его в сторону,
она снова села у ног Туон с таким
видом, словно готова была сама
наброситься на Мэта, как ни смешно
это выглядело. Впрочем, вряд ли что-
либо могло показаться смешным в
этот момент.

Госпожа Анан протянула руку к
одной из огороженных бортиками
полок над своей головой и подала
Туон другую чашку.

— Этого добра у нас достаточно, — пробормотала она.

Мэт метнул на нее негодующий взгляд, но ее ореховые глаза лишь сверкнули весельем. Весельем! О Свет, предполагалось, что она *сторожит* эту парочку!

Послышался стук в дверь.

— Эй, вам там помощь не нужна? — нерешительно позвал Гарнан. *Интересно*, подумал Мэт, *у кого из нас он спрашивает?*

— У нас все хорошо, — отозвалась Сеталль, спокойно прокалывая иголкой ткань на своих пальцах. По ее виду можно было решить, что вышивание есть самое важное из всего, что здесь происходило. —

Делайте свое дело. Не лодырничайте. — Она не была коренной эбударкой, но, очевидно, переняла эбударские манеры обращения со слугами. Спустя мгновение сапоги протопали вниз по лестнице. Судя по всему, Гарнан тоже слишком много времени провел в Эбу Дар.

Туон повертела в руках новую чашку, словно рассматривая нарисованные на ней цветы, и ее губы изогнулись в едва заметной улыбке — Мэт почти решил, что это игра его воображения. Когда она улыбалась, то становилась более чем хорошенькой; однако эта улыбка ясно свидетельствовала, что ей известны

вещи, о которых он не имеет представления. Если она будет продолжать так улыбаться, у него по телу пойдут мурашки.

— Я никогда не позволю, чтобы меня считали служанкой, Игрушка.

— Меня зовут Мэт, а не... так, как ты сказала, — ответил он, поднимаясь на ноги и осторожно щупая бедро. К его удивлению, оно довольно сносно пережило удар о доски пола. Туон выгнула дугой бровь, взвешивая чашку на ладони. — И вряд ли я мог сказать людям в лагере, что похитил Дочь Девяти Лун, — добавил он в раздражении.

— Верховную Леди Туон, деревенщина! — жестко поправила

Селусия. – Которая носит вуаль!

Вуаль? Во дворце на Туон действительно была вуаль, но с тех пор она ее не носила.

Девушка сделала рукой милостивый жест, как королева, дарующая прощение.

– Это не так уж важно, Селусия. Он еще довольно невежественный. Мы должны позаботиться о его образовании. Но ты изменишь легенду, Игрушка? Я не могу быть служанкой!

– Уже слишком поздно что-то менять, – сказал Мэт, одним глазом следя за чашкой. Ее руки выглядели такими хрупкими после того, как ей обрезали длинные ногти, но он

помнил, насколько проворными они могут быть. — Никто не просит тебя действительно *быть* служанкой. — Люка и его жена знали правду, но для остальных необходимо было придумать какую-то причину, по которой Туон и Селусия содержатся в этом фургоне под стражей. Самой подходящей была история о двух служанках, которых собирались уволить за воровство и которые решили искупить вину, рассказав своему хозяину о готовящемся побеге его жены с любовником. По крайней мере Мэту эта история казалась достоверной. Для членов труппы она лишь добавляла романтики в общую картину. Он думал, что Эгинин

проглотит собственный язык, когда он объяснял это Люка. Возможно, она предвидела, как примет это Туон. О Свет, он уже почти хотел, чтобы эти кости остановились. Разве может человек думать, когда у него в голове творится такое?

— Я не мог оставить вас во дворце, чтобы вы подняли тревогу, — терпеливо продолжал Мэт. Это было правдой в той или иной степени. — Уверен, что госпожа Анан объяснила тебе все это. — Он подумал, не сказать ли ей, что болтал пустяки и назвал ее своей женой из-за того, что просто перенервничал, — она, должно быть, считает его совсем полоумным! — но решил, что лучше

не поднимать снова этот вопрос. Если она собиралась оставить это как есть, тем лучше. – Я клянусь, что никто не собирается причинять тебе вред. Мы не потребуем выкупа, мы хотим просто убраться отсюда, сохранив свои головы на плечах. Как только я придумаю способ отослать тебя домой в целости и сохранности, то сделаю это. Обещаю. До тех пор я постараюсь, чтобы ты не испытывала неудобств, насколько это будет в моей власти. Тебе нужно только смириться со всем остальным.

Большие темные глаза Туон вспыхнули, как молния в ночном небе, но она произнесла:

– Думаю, скоро я узнаю, чего

стоят твои обещания, Игрушка. Селусия у ее ног зашипела как кошка, которую окунули в воду,

и повернула голову, словно собираясь возразить, но Туон слегка двинула левой рукой, и голубоглазая женщина покраснела и промолчала. Высокородные использовали что-то вроде языка жестов, когда имели дело со своими слугами. Мэт пожалел, что не понимает этих знаков.

— Ответь мне на один вопрос, Туон, — сказал он.

Ему послышалось, что Сеталль пробормотала: «Вот глупец». На скулах Селусии заиграли желваки, а в глазах Туон зажегся опасный огонек,

но если она намерена продолжать называть его Игрушкой, то пусть его сожгут, если он будет награждать ее какими-то титулами.

— Сколько тебе лет? — Мэт слышал, что Туон была всего несколькими годами младше его, но при взгляде на нее в это трудно было поверить.

К его изумлению, опасная искорка в ее глазах разгорелась пламенем. На этот раз это было не просто молнией. Таким взглядом можно испепелить на месте. Туон выпрямила плечи и вытянулась в полный рост — не слишком большой; Мэт сомневался, что она будет выше пяти футов, не вставая на цыпочки,

как бы ни тянулась.

— Через пять месяцев наступит мой четырнадцатый День Наречения Истинного Имени, — проговорила она, и ее голос никак нельзя было назвать холодным. По правде говоря, от него исходило больше жару, чем от печки. Мэт на секунду почувствовал, как в нем просыпается надежда, но она еще не закончила. — Ах да, вы же здесь сохраняете имена, данные при рождении, не так ли? Значит, это будет мой двадцатый день рождения. Ты доволен, Игрушка? Ты опасался, что выкрал... ребенка? — последнее слово она чуть ли не прошипела.

Мэт замахал перед собой руками, отчаянно отметая такое

предположение. Если женщина начинает шипеть, как закипающий чайник, мужчина, у которого есть хоть какие-то мозги, должен придумать способ поскорее охладить ее. Туон сжимала чашку так крепко, что на тыльной стороне ладони выступили сухожилия, а ему не хотелось испытывать, перенесет ли его бедро еще одно падение на пол. По правде говоря, юноша не был уверен, так ли она хотела попасть в него в первый раз. Ее руки могли двигаться очень быстро.

— Я просто хотел знать, вот и все, — быстро проговорил Мэт. — Мне было любопытно, в конце концов. Мне самому лишь немного больше. —

Двадцать. А он так надеялся, что она еще слишком молода, чтобы выйти замуж в ближайшие три-четыре года! Он готов был приветствовать все, что могло помешать свадьбе.

Наклонив голову, Туон некоторое время с подозрением изучала его, а затем швырнула чашку на кровать рядом с госпожой Анан и вновь уселась на табурет, уделив такое внимание расправлению своих необъятных шерстяных юбок, словно это было роскошное шелковое платье. Но при этом она продолжала внимательно рассматривать его сквозь свои длинные ресницы.

— Где твое кольцо? — требовательно спросила она.

Он машинально дотронулся большим пальцем левой руки до того места, где обычно находилось его продолговатое кольцо-печатка.

— Я не ношу его все время. — Еще бы, ведь все в Таразинском дворце знали о нем. Оно в любом случае слишком выделялось бы на фоне его грубой одежды бродяги. Даже печать на нем была не его собственная, просто пробная работа резчика. Удивительно, насколько его рука стала легкой без кольца. Слишком легкой. И странно, что он заметил это. Но, с другой стороны, почему бы и нет? О Свет, из-за этих костей он начинает шарахаться от каждой тени и подпрыгивать при каждом вздохе!

Или, может быть, это из-за нее? Подобная мысль не приносила успокоения.

Мэт двинулся было к незанятой кровати, но Селусия метнулась к ней с такой быстротой, что позавидовал бы любой из акробатов, и распростерлась во весь рост, подперев рукой голову. При этом ее платок немного сбилсся, но она поспешно поправила его, не отрывая от Мэта взгляда, надменного и холодного, как у королевы. Он взглянул на вторую кровать, но госпожа Анан положила на нее свою довольно обширную вышивку, якобы для того, чтобы расправить юбки, ясно давая понять, что не собирается

уступать ни единого дюйма. Чтоб ей сгореть, она ведет себя так, словно охраняет Туон от него! Женщины всегда держатся друг за дружку, так что у мужчины не остается ни единого шанса. Что ж, до сих пор он ухитрялся не давать Эгинин слишком уж командовать, и он не собирался позволять Сеталль Анан, или грудастой горничной, или великой и могучей Верховной Леди, треклятой Дочери Девяти растреклятых Лун, издеваться над собой! Правда, вряд ли он позволит себе отпихнуть кого-либо из них, чтобы освободить себе сиденье.

Облокотившись на шкафчик с выдвижными ящиками в ногах

кровати, на которой сидела госпожа Анан, он попытался придумать, что ему сказать. Он всегда без труда находил то, что нужно говорить женщинам, но сейчас его мозги были оглушены грохотом костей. Все три женщины смотрели на него с неодобрением — он только что не слышал, как они называют его трусом! — и поэтому Мэт просто улыбнулся. Женщины часто говорили ему, что у него улыбка победителя.

Туон испустила глубокий вздох, который даже отдаленно нельзя было счесть вздохом побежденного.

— Ты помнишь лицо Артура Ястребиное Крыло, Игрушка?

Госпожа Анан удивленно

захлопала глазами, а Селусия села на кровати, хмуро воззрившись на него. Почему она глядит так *на него*? Туон же просто смотрела, сложив руки на коленях, холодно и сосредоточенно, как Мудрая в День Солнца.

Улыбку Мэта словно заморозило. О Свет, что она знает. Как она вообще может знать что-либо? Он лежал под палящим солнцем, держась за бок обеими руками, пытаясь удержать последние капли вытекающей из него жизни и размышляя, стоит ли продолжать цепляться за жизнь. С Алдешаром после этого дня было покончено. Чья-то тень на мгновение закрыла солнце, а затем

высокий человек в доспехах склонился над ним, держа свой шлем под мышкой: темные глубоко посаженные глаза горели над крючковатым носом. «Ты хорошо бился против меня сегодня, Кулэйн, как и в предыдущие дни, – произнес этот памятный голос. – Будешь ли ты жить со мною в мире?» С последним вздохом он рассмеялся в лицо Артуру Ястребиное Кругло. Он ненавидел воспоминания о том, как умирал.

Дюжина других сражений промелькнула в его сознании – память древних времен, которая теперь принадлежала ему. Артур Пейнд-раг был человеком, с которым

было трудно ужиться даже до того, как начались войны.

С трудом переводя дыхание, он попытался найти нужные слова. Сейчас не тот момент, чтобы начинать изъясняться на Древнем Наречии.

– Нет, разумеется, – солгал он. С мужчиной, который не может убедительно солгать, женщины расправляются быстро. – О Свет, да ведь Артур Ястребиное Крыло умер тысячу лет назад! Что за вопросы ты задаешь?

Ее губы медленно раскрылись, и какое-то мгновение он был уверен, что она собирается ответить вопросом на вопрос.

– Действительно глупые вопросы, Игрушка, – сказала она наконец. – Даже не знаю, почему это соскочило у меня с языка.

Плечи Мэта слегка расслабились. Ну разумеется. Он же *та'ве-рен*. Люди рядом с ним говорят и делают вещи, о которых бы в другом случае и не подумали. Совершенную бессмыслицу. Однако подобное свойство может приносить большие неудобства, когда удар почти попадает в цель.

– Меня зовут Мэт. Мэт Коутон. – С тем же успехом он мог бы вообще не открывать рта.

– Не знаю, Игрушка, что я буду делать, когда вернусь в Эбу Дар. Я

еще не решила. Возможно, сделаю тебя *да'ковале*. Ты недостаточно красив для виночерпия, но, возможно, мне доставит удовольствие, если именно ты будешь подносить мне чашу. Однако ты высказал несколько обещаний по отношению ко мне, и теперь мне хочется ответить тебе тем же. Обещаю, что до тех пор, пока ты будешь держать свое слово, я не убегу и не предам тебя тем или иным образом и не стану сеять раздоры между твоими людьми. Думаю, это все, что от меня может потребоваться. — На этот раз госпожа Анан изумленно воззрилась на нее, а Селусия неопределенно хмыкнула,

но Туон, казалось, не замечала ни ту ни другую. Она смотрела только на него, ожидая, как он ответит.

Слова застряли у него в горле. Лицо Туон было спокойно, как маска темного стекла. Ее спокойствие было безумием, но по сравнению с этим полная тарабарщина казалась исполненной глубокого смысла! Она, должно быть, сумасшедшая, если думает, что он поверит такому обещанию. Но Мэт чувствовал, что она действительно говорила то, что думала. Или же она умела лгать лучше, чем это удавалось ему. И опять у него возникло тошнотворное чувство, что она знает больше, чем он. Это, разумеется, смешно, но это

так. Мэт проглотил комок в горле. Очень плотный комок.

— Что ж, с тобой все ясно, — сказал он, пытаюсь выиграть время, — но как насчет Селусии? — Время для чего? Он не мог думать из-за этих костей, перекатывающихся в его черепе.

— Селусия исполняет то, что я пожелаю, Игрушка, — нетерпеливо сказала Туон. Голубоглазая женщина выпрямилась и воззрилась на него с таким негодованием, словно он сомневался в этом. Хоть она и была всего лишь горничной, но могла выглядеть свирепой, если хотела.

Мэт не знал, что ему следует сказать или сделать. Не раздумывая,

он плюнул на свою ладонь и протянул Туон руку, словно скрепляя покупку лошади.

— Ваши обычаи... приземленны, — проговорила Туон сухим тоном, однако тоже плюнула себе на ладонь и сжала его руку. — «Да будет этим запечатлено наше соглашение и скреплен наш договор». Что означает надпись на твоём копье, Игрушка?

На этот раз он впрямь хмыкнул, и не потому, что вспомнил надпись на Древнем Наречии, вырезанную на его *ашандаре*. Тут хмыкнул бы и проклятый Светом булыжник. Игральные кости в его голове перестали кататься в тот самый миг,

когда он прикоснулся к ее руке. О Свет, что же произошло?

В дверь постучали костяшками пальцев, и Мэт был на таком взводе, что развернулся без единой мысли в голове, в каждой руке мгновенно оказалось по ножу; он готов был устремиться к двери, кто бы ни вошел.

— Держитесь позади меня, — отрывисто приказал он.

Дверь отворилась, и внутрь просунулась голова Тома. Капюшон его плаща был поднят, и Мэт понял, что снаружи идет дождь. Занятый Туон и гремевшими костями, он не услышал, когда дождь начал колотить по крыше фургона.

– Надеюсь, я не помешал вашему разговору? – сказал Том, разглаживая длинные белые усы.

Лицо Мэта вспыхнуло. Сеталль замерла с иглой в руке, от которой к вышиванию протянулась синяя нитка; ее брови, казалось, собрались влезть на макушку. Напряженно выпрямившись на краю кровати, Селусия с заметным интересом наблюдала, как ножи скользят обратно в рукава Мэта. Он никогда бы не подумал, что она из тех, кто любит опасных мужчин. Женщин подобного сорта следует избегать: они склонны делать так, что мужчине поневоле приходится становиться опасным. Он не смотрел

на Туон, стоявшую у него за спиной. Наверняка воззрилась на него так, словно он вдруг запрыгал, как Люка. То, что Мэт не хотел жениться, еще не значило, что он хотел, чтобы будущая жена считала его придурком.

— Что ты разузнал, Том? — не особо церемонясь, спросил Мэт. *Что-то* произошло, иначе кости не остановились бы. К нему пришла мысль, от которой на голове зашевелились волосы. Вот уже во второй раз кости остановились в присутствии Туон. Это если не считать того случая, как они вышли через ворота из Эбу Дар. Три раза, и все связаны с ней. Проклятье!

Слегка

прихрамывая,

седовласый менестрель вошел внутрь, откинул с головы капюшон и плотно прикрыл за собой дверь. Его хромота была последствием старой раны, путешествие в город здесь ни при чем. Высокий, худощавый, с загорелой кожей, зоркими голубыми глазами и белоснежными усами, свисающими ниже подбородка, он невольно повсюду привлекал к себе внимание, но Том умел и скрыться из виду на ровном месте. Его темная куртка и шерстяной коричневый плащ выдавали человека, у которого не так много денег, чтобы ими разбрасываться.

— Улицы полны слухов о ней, — произнес Том, кивая в сторону

Туон, – но никто ничего не говорит о ее исчезновении. Я заказал выпивку для нескольких шончанских офицеров, так те, по-видимому, уверены, что Туон благополучно пребывает в Таразинском дворце или же уехала куда-нибудь с инспекцией. Не похоже, что офицеры о чем-то умалчивают, Мэт. Они действительно не знают.

– Неужели ты думал, что об этом объявят публично, Игрушка? – недоверчиво спросила Туон. – Будь так, Сюрот скорее всего готовилась бы к самоубийству, чтобы смыть позор ценой своей жизни! Не ожидаешь же ты, что она вдобавок станет еще распространяться о

похищении? Ведь каждому станет ясно, насколько это дурное предзнаменование для Возвращения!

Разумеется, Эгинин права. Он просто до сих пор не мог поверить. Однако все это совершенно не важно по сравнению с тем, что остановились кости. Что же *произошло*? Он пожал руку Туон, только и всего. Пожал руку и заключил сделку. Он собирался сдержать свое обещание, но о чем хотели сказать ему кости? Что она станет блюсти свое? Или что не станет? Кто знает, вдруг у шончанской знати в обычае выходить замуж за — кем она там собиралась его сделать? — виночерпиев.

Возможно, они только и делают, что выходят замуж за виночерпиев.

— Есть еще кое-что, Мэт, — сказал Том с ноткой удивления в голосе, задумчиво глядя на Туон. Мэту пришло в голову, что ее, по-видимому, совсем не заботит то, что Сюрот может убить себя. Возможно, она действительно была такой крепкой, как думал Домон. *Что же проклятые кости хотели сказать ему?* Вот что на самом деле было важно. Но тут Том сказал такое, что Мэт разом обо всем забыл. — Тайлин мертва. Это держат в тайне, опасаясь волнений, но один из Дворцовой Стражи, молодой лейтенант, который не умеет пить бренди, сказал мне,

что планируется совместить ее похороны с коронацией Беслана.

— Что? — недоверчиво переспросил Мэт. Тайлин была старше его, но не настолько же старше! Коронация Беслана. О Свет! Как Беслан, интересно, справится со всем этим, если он ненавидит Шончан? Это он предложил в ту ночь поджечь склады на Прибрежной дороге. Он попытался бы и восстание поднять, если бы Мэт не убедил его, что тогда начнется настоящая резня — и перебиты будут отнюдь не Шончан.

Том помедлил, поглаживая большим пальцем усы. Наконец, вздохнув, он закончил:

– Ее нашли в ее спальне на следующее утро после того, как мы ушли, Мэт. Она была по-прежнему связана по рукам и ногам. А ее голова... Ее голова была оторвана от туловища.

Мэт понял, что у него подогнулись ноги, только когда обнаружил, что сидит на полу и в ушах у него стоит гул. Он слышал ее голос. *Тебе отрубят голову, если ты не будешь осторожен, поросенок, а мне бы это не понравилось.* Сеталль наклонилась на узкой кровати, сочувственно коснувшись рукой его щеки.

– Ищущие Ветер? – спросил Мэт. Ему не требовалось говорить

больше.

— Если верить тому, что сказал лейтенант, Шончан решили, что это сделали Айз Седай. Из-за того, что Тайлин дала присягу Шон-чан. Они объявят об этом на погребальном пиршестве.

— Тайлин умерла в ту ночь, когда сбежали Ищущие Ветер, а Шончан считают, что ее убили Айз Седай? — Он не мог поверить в то, что Тайлин мертва. *Я съем тебя на ужин, утеночек.* — Что за ерунда, Том?

Том нахмурился и призадумался.

— Возможно, это отчасти политический ход, но мне кажется, что они действительно в это верят, Мэт. Лейтенант сказал, что Ищущие

Ветер, по мнению Шончан, слишком торопились, чтобы останавливаться или сворачивать в сторону, а кратчайший путь из клетушек *дамани* к выходу из дворца проходит в стороне от апартаментов Тайлин.

Мэт хмыкнул. Он был уверен, что это не так. А если и так, все равно уже ничего не поделаешь.

— У *марат'дамани* была причина убить Тайлин, — внезапно произнесла Селусия. — Они, должно быть, боялись, что она подаст пример другим. Но вот какая причина была у тех *дамани*, о которых ты говоришь? Никакой. Рука правосудия требует предоставить мотивы и доказательства, даже когда

речь идет о *дамани* и *да'кова-ле*. — Она говорила так, словно читала по книге. И смотрела на Туон краешком глаза.

Мэт глянул через плечо: возможно, девушка и использовала язык жестов, чтобы подсказывать Селусии, что говорить, но сейчас ее руки лежали на коленях. Она смотрела на него без всякого выражения.

— Тайлин была так дорога тебе? — осторожно спросила она.

— Да. Нет. Чтоб мне сгореть, она *нравилась* мне! — отвернувшись, Мэт провел пальцами по волосам, сдвинув шапку на затылок. Он в жизни не был так счастлив, как когда

ему удалось сбежать от этой женщины, но теперь... — Я оставил ее связанной и с кляпом во рту, так что она не могла даже позвать на помощь, считай, специально подготовил ее для *голама*, — горько сказал Мэт. — Он приходил за мной. И не качай головой, Том. Ты знаешь это не хуже меня.

— А кто такой этот... *голам*? — спросила Туон.

— Порождение Тени, миледи, — ответил Том. Он озабоченно нахмурился. Его не так-то просто было заставить беспокоиться, но только круглый дурак останется спокойным, имея дело с *голамом*. — Он выглядит как человек, но может

проскользнуть в мышиную нору или в щель под дверью и настолько силен, что... — Он дернул себя за ус. — Ладно, хватит об этом. Мэт, вокруг нее могла находиться сотня телохранителей, и они не остановили бы эту тварь. — Но ей не понадобилась бы сотня телохранителей, если бы она не связалась с Мэтом Коутоном.

— *Голам*, — с отвращением пробормотала Туон. Внезапно она сильно стукнула Мэта по макушке костяшками пальцев. Схватившись рукой за голову, он через плечо недоуменно уставился на нее. — Я очень рада, что ты выказал верность по отношению к Тайлин, Игрушка, —

сказала она сурово, — но я не потерплю в тебе суеверия. Это не делает Тайлин чести. — Чтоб ему сгореть, смерть Тайлин, похоже, волновала ее не больше, чем то, покончит Сюрот с собой или нет. Что же это за женщина, на которой он собирается жениться?

На этот раз, когда в дверь постучали, Мэт даже не потрудился встать. Внутри у него все онемело, а снаружи словно содрали кожу. Блерик без разрешения протиснулся в фургон, с его темно-коричневого плаща стекали струйки дождя. Плащ был старым, местами протершимся до дыр, но Блерика, казалось, не беспокоило, что плащ промокает.

Страж не обращал внимания ни на кого, кроме Мэта, – или почти ни на кого. По правде говоря, он на мгновение засмотрелся на грудь Селусии!

– Джолин хочет тебя видеть, Коутон, – произнес он, все еще глядя на девушку. О Свет! Только этого и не хватало Мэту сегодня для полного счастья.

– Кто такая Джолин? – требовательно спросила Туон. Мэт не ответил ей.

– Скажи Джолин, что я встречусь с ней, как только мы тронемся с места, Блерик. – Меньше всего он хотел сейчас выслушивать новые сетования Айз Седай.

— Она хочет видеть тебя немедленно, Коутон.

Мэт со вздохом встал и поднял шапку с пола. Судя по виду Бле-рика, в противном случае его потащат силой. В том состоянии, в каком пребывал сейчас Мэт, он, пожалуй, мог пырнуть Блерика ножом, если бы тот попробовал сделать это. И в результате ему сломали бы шею: Стражу вряд ли понравилась бы попытка воткнуть нож ему под ребро. Мэт был совершенно уверен, что уже умер единственный отпущенный ему раз, причем не в старых воспоминаниях. Так что не стоит рисковать без крайней необходимости.

— Кто такая Джолин, Игрушка? —
Если бы он не знал совершенно
точно, что это не так, то решил бы,
что в голосе Туон звучит ревность.

— Треклятая Айз Седай, —
прорычал Мэт, натягивая шапку. Он
был вознагражден первой маленькой
радостью за этот день: челюсть Туон
отвисла от изумления. Она так и не
нашлась, что сказать, и он вышел,
захлопнув за собой дверь. Пустячок,
а приятно. Маленькая бабочка на
навозной куче. Тайлин мертва, и в
этом могут оказаться виновны
Ищущие Ветер, что бы там ни
говорил Том. Да вдобавок еще и
проклятые кости. Совершенно
крохотная бабочка на огромнейшей

куче навоза.

Небо было затянуто тяжелыми тучами, и дождь лил не переставая. Промокалец — так называли такой дождь дома, в Двуречье. Вода заструилась по волосам, невзирая на шапку, и стала даже просачиваться сквозь куртку, не успел Мэт выйти наружу. Блерик же едва замечал ливень, даже не потрудился запахнуть плащ. Мэту ничего не оставалось, как сгорбившись хлюпать по лужам, затопляющим грязную улицу. Так и так, пока он доберется до фургона за плащом, он уже промокнет насквозь. К тому же такая погода вполне отвечала его настроению.

К его удивлению, за то короткое время, что он провел в фургоне, была проделана невероятная работа, несмотря на дождь. Парусиновая стена была убрана, насколько он мог видеть в обе стороны, и половина грузовых фургонов, что окружали жилище Туон, тоже уже исчезла. Не было также большей части животных, до этого привязанных к столбикам коновязи. Просторная железная клетка с черногривым львом катилась позади остальных по направлению к дороге; упряжку тяжеловозов так же мало заботил лев, спящий в клетке позади них, как и дождь, поливающий их сверху. Артисты тоже понемногу двигались

к дороге, хотя каким образом им удалось сохранять порядок передвижения, оставалось загадкой. Большинство палаток исчезли; в одном месте не хватало трех ярко раскрашенных фургонов, в другом фургоны стояли через один, хотя те, что еще оставались на месте и ждали своей очереди, по-прежнему казались чем-то незыблемым. Единственной деталью, говорившей, что труппа не просто разбрелась кто куда, был сам Люка: он шествовал вдоль улицы в ярко-красном плотно запахнутом плаще, останавливаясь то здесь, то там, чтобы хлопнуть по плечу какого-нибудь из мужчин или шепнуть на ушко женщине пару слов,

отчего та принималась хохотать. Если бы артисты сами решили уйти, Люка не разгуливал бы по улицам, а гонялся бы за ними, пытаясь убедить их вернуться. Он сохранял трупку в основном благодаря дару убеждения и никогда не отпускал артиста просто так, не охрипнув прежде в попытках убедить его отказаться от этого намерения. Мэт вообще-то должен был обрадоваться, что Люка еще здесь, хотя ему никогда не приходило в голову, что тот откажется от денег. Но в этот момент он, казалось, просто был не способен на какие-то чувства, кроме оцепенения или ярости.

Фургон, к которому привел его

Блерик, был почти столь же большим, как у Люка, но он скорее был побелен, нежели покрашен. Белая краска давно не подновлялась, поблекла и пошла полосами, а дождь придавал ей дополнительный серый оттенок; в некоторых местах сквозь краску проглядывало дерево. Фургон принадлежал группе шутов — четверем мрачным мужчинам, которые на арене раскрашивали себе лица, окунали друг друга в воду и лупили надутым свиным пузырем, а в свободное время транжирили деньги, поглощая такое количество вина, какое могли себе позволить. Учитывая, сколько заплатил им Мэт за аренду фургона, они могли

несколько месяцев пить не просыхая.

В фургон уже были запряжены четыре косматых неопределенного вида лошадки, и Фен Мизар, второй Страж Джолин, сидел на козлах, закутавшись в старый серый плащ и с поводьями в руках. Его раскосые глаза взирали на Мэта с выражением, с каким смотрит волк на нахальную дворняжку. План Мэта не нравился Стражам с самого начала, они были уверены, что смогут без приключений увезти Сестер в безопасное место, как только окажутся за пределами городских стен. Возможно, так оно и было, но Шончан неустанно охотились за женщинами, умеющими направлять

(балаган Люка обшаривали четырежды после падения Эбу Дар), и хватило бы малейшего подозрения, чтобы все они угодили в котел. Если верить рассказам Домона и Эгинин, Взыскующие способны заставить придорожный валун рассказать обо всем, что он видел, пока лежал на своем месте. К счастью, не все Сестры чувствовали себя так уверенно, как Стражи Джолин. Айз Седай всегда очень смущались, когда не могли прийти к согласию между собой.

Когда Мэт подошел к лесенке с задней стороны фургона, Бле-рик остановил его, упершись рукой ему в грудь. Лицо Стража было словно

вырезано из дерева, по крайней мере оно не больше, чем какая-нибудь деревяшка, выказывало, что его беспокоят потоки дождя, струившиеся по щекам.

— Фен и я очень благодарны тебе за то, что ты помог нам выбраться из города, Коутон, но так дальше продолжаться не может. Сестры живут в ужасной тесноте, вынуждены делить помещение со всеми этими женщинами, с которыми они к тому же не ладят. Скоро начнутся большие проблемы, если мы не найдем другой фургон.

— Меня за этим сюда позвали? — раздраженно спросил Мэт, туже стягивая воротник. Это не очень-то

помогало. Спина уже промокла насквозь, и спереди было не намного лучше. Если Джолин вытащила его сюда только для того, чтобы опять начать ныть из-за неудобного жилья...

— Она скажет тебе, зачем тебя сюда позвали, Коутон. Просто помни, что я тебя предупредил.

Ворча под нос, Мэт вскарабкался по заляпанным грязью ступенькам и вошел в фургон, чуть ли не хлопнув за собой дверь.

Фургон был обставлен почти так же, как жилище Туон, разница состояла лишь в том, что здесь имелось четыре кровати, расположенных в два этажа друг над

другом. Он не представлял себе, как шестеро женщин умудряются спать здесь вместе, но подозревал, что вряд ли они живут мирно. Воздух в фургоне только что не потрескивал, как жир на сковородке. На каждой из двух нижних кроватей сидели по три женщины, каждая из них либо враждебно разглядывала, либо намеренно не замечала сидящих напротив. Джолин, которая никогда не была *дамани*, вела себя так, словно три *сул'дам* вообще не существовали. Она читала маленькую книжечку в деревянном переплете и выглядела Айз Седай до кончиков ногтей — воплощенное высокомерие, несмотря на то что

была одета в поношенное синее платье, ранее принадлежавшее некой женщине, дрессировавшей львов. Другие две Сестры, однако, знали, что значит быть *дамани* по собственному опыту. Эдесина настороженно поглядывала на трех *сул'дам*, держа одну руку на поясе рядом с ножом, в то время как глаза Теслин постоянно двигались, глядя на что угодно, кроме *сул'дам*, а руки теребили темную шерстяную юбку. Мэт не знал, каким образом Эгинин заставила трех *сул'дам* способствовать побегу *дамани*, но даже несмотря на то, что их наверняка разыскивали вместе с Эгинин, они не изменили своего

отношения к женщинам, способным направлять. Бетамин, высокая и такая же смуглая, как Туон, одетая в эбударское платье с очень глубоким вырезом и подшитым с одной стороны выше колена подолом, открывающим бледно-розовые нижние юбки, сидела с видом матери, только и ждущей от детей непослушания, а желтоволосая Сита, в сером шерстяном платье с высоким глухим воротом выглядела так, словно видела перед собой опасных собак, которых рано или поздно придется посадить на цепь. Ринна — та, которая говорила об отрубании рук и ног, — также делала вид, что читает, но ее обманчиво ласковые

карие глаза то и дело отрывались от тонкой книжки, чтобы взглянуть на Айз Седай, и в эти моменты ее губы кривились в неприятной усмешке. Мэту захотелось выругаться еще до того, как кто-либо из них открыл рот. Мудрый человек держится подальше от женщин, когда между ними возникают разногласия, и особенно когда среди них находится Айз Седай; но так ведь он не в первый раз приходил в этот фургон.

— Лучше, чтобы твое дело оказалось действительно важным, Джолин, — расстегнув куртку, Мэт попытался вытряхнуть из нее хоть немного воды. Он подумал, что было бы неплохо выжать ее. — Я только что

узнал, что *голам* убил Тайлин той ночью, когда мы сбежали, и я не в том настроении, чтобы выслушивать жалобы.

Джолин, прежде чем заговорить, заложила страницу вышитой закладкой, закрыла книгу и сложила поверх нее руки. Айз Седай никогда не спешат, они только ожидают этого от остальных. Если бы не Мэт, Джолин скорее всего до сих пор носила бы *ай'дам*, но он никогда не замечал за Айз Седай особой склонности быть благодарными. Она не обратила внимания на его слова насчет Тай-лин.

— Блерик сказал мне, что балаган уже начал сниматься с

места, — холодно сказала она, — но ты должен остановить это. Люка послушает только тебя. — Она слегка поджала губы при этих словах. Айз Седай также не привыкли, чтобы их не слушали, а Зеленые никогда не умели скрывать свое недовольство. — Мы должны расстаться с мыслью о Лугарде как о временном убежище. Мы должны перебраться на пароме на ту сторону гавани и отправиться в Иллиан.

Это предложение было ничуть не лучше всех, что он от нее слышал, хотя Джолин, разумеется, считала это приказом; в этом отношении она была еще хуже, чем Эгинин. Учитывая, что половина людей уже

вышли на дорогу или на подходе к ней, уйдет целый день только на то, чтобы развернуть их всех в сторону пристаней, к тому же для этого им придется входить в город. Направившись в Лугард, они оставят Шончан за собой очень быстро, в то время как вдоль границы Иллиана, а может быть, и за ней, полно шончанских солдат. Эгинин отказывалась сообщить, что ей об этом известно, но у Тома были свои способы узнавать о подобных вещах. Тем не менее Мэт не стал скрипеть зубами. Это ему не требовалось.

— Нет, — натянуто произнесла Теслин со своим сильным иллианским акцентом. Она наклонилась

вперед из-за плеча Эдесины; вид у нее был такой, словно она жевала камни на завтрак, обед и ужин (суровое лицо и плотно сжатые челюсти), но в глазах читалась нервозность, появившаяся там после нескольких недель, проведенных в ошейнике *дамани*. – Нет, Джолин. Я уже говорила тебе, мы можем так рисковать. Мы не смеем!

– О Свет! – взорвалась Джолин, швырнув книгу на пол. – Держи себя в руках, Теслин! Если ты некоторое время провела в плену, это еще не значит, что можно распускать нюни!

– Распускать нюни? Хорошо тебе говорить! Давай-ка наденем на тебя ошейник и посмотрим, что ты

тогда скажешь! — Рука Тес-лин метнулась к горлу, словно она все еще чувствовала на себе *ай'-дам*. — Помоги мне убедить ее, Эдесина. Из-за нее на нас снова наденут ошейники.

Эдесина поерзала на кровати, отодвигаясь подальше к стене, — худощавая привлекательная женщина с черными волосами, спадающими до пояса, она всегда старалась держаться в стороне, когда

Красная и Зеленая Сестры начинали пререкаться, а это они делали постоянно, — но Джолин лишь едва взглянула на нее.

— Ты просишь о помощи *бунтовщицу*, Теслин? Мы должны

были оставить ее Шончан! Послушай меня. Ты должна чувствовать то же, что и я. Неужели ты согласишься пойти навстречу большей опасности, чтобы избежать меньшей?

— Меньшей! — взвилась Теслин. — Ты ровным счетом ничего не знаешь о...

Ринна вытянула свою книжку перед собой и выпустила ее из руки, так что та со стуком ударилась об пол.

— Да простит нас милорд, но у нас еще есть наши *ай'дам*, и мы можем очень быстро напомнить этим девочкам, как следует вести себя. — Ее акцент делал голос музыкальным, но улыбка на губах не касалась карих

глаз. — Не стоит позволять им распускаться до такой степени.

Сита хмуро кивнула, соглашаясь, и встала, словно собираясь достать поводки.

— Думаю, с *ай'дам* мы покончили, — произнесла Бетамин, игнорируя возмущенные взгляды двух остальных *сул'дам*, — но существуют и другие способы утихомирить этих девчонок. Могу ли я предложить милорду вернуться сюда через час? Они расскажут вам все, что вы хотите знать, без этих глупых перебранок — вот только вряд ли они сделают это сидя. — Судя по ее тону, Бетамин собиралась в точности выполнить то, что сказала. Джолин

воззрилась на трех *сул'дам* в гневном недоумении, но Эдесина выпрямилась на кровати, схватившись за нож с решительным лицом, а Теслин в свою очередь отползла по кровати назад, прижавшись к стене и плотно обхватив себя обеими руками.

— В этом нет необходимости, — сказал Мэт, помедлив. Лишь одно мгновение. Конечно, он не прочь бы увидеть Джолин «утихомиреной», но Эдесина могла вытащить нож, а это в свою очередь переполошило бы весь курятник, независимо от того, как обернется дело. — Что это за «большая опасность», о которой ты говорила, Джолин? Джо-лин! Какая

опасность сейчас угрожает нам больше, чем Шончан?

Зеленая, решив, что ее взгляд не производит достаточного впечатления на Бетамин, обратила его на Мэта. Не будь она Айз Седай, можно было бы сказать, что она выглядит обиженной. Джолин терпеть не могла объясняться.

— Если тебе так необходимо знать, кто-то направляет Силу. — Теслин и Эдесина кивнули: Красная Сестра — с неохотой, Желтая — весьма решительно.

— В лагере? — встревоженно спросил Мэт. Его правая рука поднялась сама собой, схватившись за серебряную лисью головку под

рубашкой, но медальон не был холодным.

— Нет, — ответила Джолин так же неохотно. — К северу, далеко отсюда.

— Гораздо дальше, чем любая из нас должна была бы почувствовать, — вставила Эдесина с оттенком страха в голосе. — Количество *саидар*, которое там используется, должно быть огромным, невообразимым. — Она замолчала, встретив неприязненный взгляд Джо-лин, которая, повернувшись к Мэту, продолжала изучать его, словно решая, как много можно ему сказать.

— На таком расстоянии, — продолжала она, — мы вряд ли ощутили бы, как направляют Силу

Сестры в Башне. Это были скорее всего Отрекшиеся, и что бы они там ни делали, нам стоит держаться от них как можно дальше.

Мэт немного поразмышлял; наконец он произнес:

— Если это далеко, то будем придерживаться первоначального плана.

Джолин пыталась было продолжать спор, но он не стал слушать. Стоило ему подумать о Ранде или Перрине, как в голове сразу поднимался цветной вихрь. Он предполагал, что это одно из свойств его как *та'верена*. На этот раз у него не возникло мысли ни об одном из его друзей, но цвета неожиданно

вспыхнули в его мозгу – целый веер, состоящий из тысяч многоцветных радуг. На этот раз из них почти составилась образ – он смутно увидел нечто похожее на мужчину и женщину, сидящих на земле лицом друг к другу. Видение мгновенно исчезло, но Мэт уже знал, так же твердо как и свое имя: это не Отрекшиеся; это Ранд. И он не мог не подумать: интересно, а что делал Ранд, когда остановились кости?

Глава 4. История куклы

Фурик Карид сидел, уставившись невидящим взглядом на свой письменный стол с разбросанными по нему бумагами и картами. Оба зажженных светильника стояли на столе, но они больше не были ему нужны. Солнце уже коснулось горизонта; однако с тех пор как Карид пробудился от беспокойного сна в своей комнате в гостинице «Странница» и вознес обычные молитвы Императрице, да живет она вечно, он лишь натянул халат темно-зеленого имперского

цвета, который некоторые упорно продолжали называть черным, сел за стол и больше не сделал ни единого движения. Он даже не стал бриться. Дождь прекратился, и Карид подумал, не приказать ли Аджимбуре открыть окно, чтобы впустить немного свежего воздуха. Чистый воздух прояснит ему мозги. Однако за последние пять дней дожди часто сменялись непродолжительными обманчивыми затишьями, которые кончались внезапными сокрушительными ливнями, а его кровать располагалась между двумя окнами. Давно уже надо было приказать, чтобы его матрац и постельное белье вывесили на кухне

просушиться.

Тонкий писк и удовлетворенное ворчание Аджимбуры заставили Карида поднять голову: в руке у низкорослого жилистого слуги был длинный нож, на острие которого безвольно болталась крыса величиной с котенка. Это была не первая крыса, убитая Аджимбу-рой в этой комнате за последние дни, и Карид полагал, что подобного не случилось бы, если бы Сеталль Анан оставалась хозяйкой гостиницы, хотя крысы в Эбу Дар, по-видимому, сильно расплодились в преддверии весны. Аджимбура, улыбавшийся сейчас одновременно мрачно и удовлетворенно, и сам слегка

походил на сморщенную старую крысу. Проведя более трех сотен лет под властью Империи, племена холмов Кенсада до сих пор оставались лишь наполовину цивилизованными — и менее чем наполовину укрощенными. Мед-но-рыжие волосы слуги, в которых проглядывали седые прядки, были заплетены в спускавшуюся до пояса толстую косицу, которая могла бы послужить хорошим трофеем, если бы он вздумал вернуться в свои предгорья, чтобы пасть там в одной из бесконечных стычек между многочисленными племенами или отдельными семьями. Он не пил ни из какой посуды, кроме своей

оправленной серебром чаши, при ближайшем рассмотрении представлявшей собой не что иное, как верхнюю часть человеческого черепа.

— Если ты собираешься ее съесть, — сказал Карид, словно здесь могли быть сомнения, — потроши крысу на конюшне, и так, чтобы тебя не увидели. — Аджибура ел все, кроме ящериц, которых в его племени не разрешалось употреблять в пищу; причин такого запрета он никогда не объяснял.

— Разумеется, о высокий, — отвечал тот, ссутуливая плечи, что у его народа служило поклоном. — Я хорошо знаю обычаи города и не

стану смущать господина. — Он служил у Карида уже почти двадцать лет, однако, если ему не напоминать, мог бы освежевать крысу прямо в комнате и зажарить ее на огне, разведенном в маленьком кирпичном камине.

Смахнув тушку крысы с клинка в маленький холщовый мешок, Аджимбура сунул мешок в угол, очевидно решив оставить крысу на потом; затем, тщательно вытерев нож и убрав его в ножны, он уселся на корточки и принялся ждать, пока Карида что-нибудь понадобится. Он мог ждать так целыми днями, если это было необходимо, не менее терпеливо, чем *да'ковале*. Карида так

и не удалось толком выяснить, что заставило Аджимбуру покинуть дом-форт на родных холмах и последовать за одним из Стражей Последнего Часа. Здесь его поджидало гораздо больше ограничений, чем в прежней жизни, и кроме того, Карид трижды чуть не убил его прежде, чем сделал свой выбор.

Отметая в сторону мысли о слуге, он вернулся к письменному столу, хотя и не собирался брать в руки перо. Карида возвысили до генерала знамени за то, что ему удалось добиться некоторого успеха в битвах с Аша'манами в те дни, когда мало кто одерживал победы, и

теперь, поскольку он сражался против умеющих направлять Силу, кое-кто посчитал, что его знания могут пригодиться в битве против *марат'дамани*. В знаниях подобного рода не случалось нужды уже несколько столетий, но с тех пор как так называемые Айз Седай использовали свое неведомое оружие всего лишь в нескольких лигах от того места, где он сидел, многим пришлось крепко призадуматься, каким образом можно ослабить их мощь. Чего только не лежало на его рабочем столе. Кроме обычной кипы предписаний и рапортов, требующих его подписи, тут были ходатайства от четырех лордов и трех леди с

просьбой высказать свое мнение относительно сил, противостоящих им в Иллиане, а также от шести леди и пяти лордов со сходной просьбой относительно айильской проблемы. Ну, эти вопросы будут решены в любом случае, а возможно, и уже решены. Его наблюдения будут использованы, лишь когда начнутся разногласия из-за того, кто что сделал для Возвращения. Как бы там ни было, война всегда оставалась для Стражей Последнего Часа вопросом второстепенного значения. О, разумеется, когда разыгрывалось решающее сражение, Стражи всегда были на месте – меч Императрицы, да живет она вечно, готовый разить

ее врагов независимо от того, участвует ли в битве она сама, всегда в первых рядах там, где схватка всего горячее; но их главной задачей все же было защищать жизнь и обеспечивать безопасность императорской фамилии. Защищать, если потребуется, ценой собственной жизни, причем отдавать ее с радостью. А девять ночей назад бесследно исчезла Верховная Леди Туон, словно буря поглотила ее. Карид не думал о ней как о Дочери Девяти Лун — и не сможет так думать, пока не узнает, что она больше не носит вуаль.

Мысль о самоубийстве не приходила ему в голову, хотя стыд

терзал его немилосердно. Пусть
Высокородные прибегают к легкому
пути, чтобы избежать бесчестья;
Стражи Последнего Часа борются до
последнего. Начальником ее личной
охраны был Музен-ге, но именно на
Кариде, как самом
высокопоставленном из Стражей по
эту сторону океана Арит, лежала
обязанность вернуть ее обратно в
целости. Каждая дыра в городе,
каждое судно, превышающее
размером шлюпку, подверглись
обыску под тем или иным предлогом,
но обыскивали их люди, не знающие,
что они ищут, не отдающие себе
отчета в том, что от их
внимательности зависит судьба

Возвращения. Ответственность лежала на нем. Разумеется, члены императорской фамилии были вовлечены в еще более изощренные интриги, нежели другие Высокородные, а Верховная Леди Туон часто играла в игры, по-настоящему опасные, играла с отточенным и смертоносным мастерством. Лишь немногим было известно, что она уже дважды пропадала и была объявлена мертвой, вплоть до организации похорон; но оба раза она инсценировала это сама. Каковы бы ни были, однако, причины ее теперешнего исчезновения, он обязан найти ее и защитить. Пока что он не

имел представления, как к этому подступиться. Бесчисленные попытки похитить или убить Туон предпринимались начиная с самого ее рождения. Если он найдет ее мертвой, то должен будет выяснить, кто убил ее, кто отдал приказание сделать это, и отомстить за нее любой ценой. В этом также заключался его долг.

Высокий человек скользнул из прихожей в комнату, не постучавшись. Судя по грубой одежде, он мог служить конюхом при гостинице, но ни у кого из местных не могло быть таких светлых волос и таких голубых глаз, цепкий взгляд которых с порога обежал комнату,

словно запоминая все, что в ней находилось. Его рука скользнула под куртку, и в памяти Карида всплыли два способа убить незваного гостя голыми руками. Это продолжалось лишь одно короткое мгновение, которое потребовалось незнакомцу, чтобы достать маленькую, оправленную в золото костяную табличку со знаками Ворона и Башни. Взыскующие Истину не обязаны стучаться. Их убивать не рекомендуется.

— Оставь нас, — сказал Взыскующий Аджимбуре, пряча табличку, как только убедился, что Карид опознал ее. Коротышка остался сидеть на корточках, даже не

пошевелившись, и Взыскующий с удивлением поднял брови. Даже в холмах Кенсада каждый знал, что слово Взыскующего — закон. Возможно, дело обстояло не совсем так, но уж Аджимбура-то должен знать такие вещи.

— Подожди снаружи, — коротко приказал Карид, и Аджимбу-ра живо поднялся с места, бормоча: «Слушаю и повинуюсь, о высокий». Однако, прежде чем покинуть комнату, он пристально посмотрел на Взыскующего, словно желая дать тому понять, что запомнил его лицо. Когда-нибудь он дождется, что ему отрубят голову.

— Преданность — очень ценное

качество, — промолвил светловолосый, поглядывая на письменный стол, когда дверь за Аджим-бурой закрылась. — Вы привлечены к планам лорда Йулана, генерал Карид? Кто бы мог ожидать, что Стражи Последнего Часа тоже участвуют в этом!

Карид передвинул два бронзовых пресс-папье в виде львов, и карта Тар Валона свернулась в трубочку. Другая карта до сих пор еще не была развернута.

— Спросите об этом лорда Йулана, Взыскующий. Преданность Хрустальному Трону, без сомнения, дороже дыхания жизни, и сразу же за ней следует знание о том, когда

следует хранить молчание. Чем больше говорит тот, кто знает, тем больше узнает тот, кто не должен знать.

Никто, кроме членов императорской фамилии, не мог отказаться отвечать на вопросы Взыскующего ради той Длани, что послала его, но гость не казался оскорбленным. Он уселся в мягкое гостиничное кресло и, сложив вместе кончики пальцев, посмотрел поверх них на Карида, который оказался перед выбором — передвинуть собственное кресло или остаться там, где сидел, тогда гость оказывался почти у него за спиной. Большинство людей страшно

переживали бы, если бы Взыскующий сидел у них за спиной. Ка-рид скрыл усмешку и не стал двигать кресло. Для того чтобы видеть собеседника, ему надо было лишь слегка повернуть голову, а у него имелся большой опыт наблюдения за людьми краем глаза.

— Ты должен гордиться своими сыновьями, — произнес Взыскующий, — двое стали вслед за тобой Стражами Последнего Часа, третий считается героически павшим. Твоя жена гордилась бы ими.

— Как тебя зовут, Взыскующий? — Воцарившаяся в ответ тишина показалась оглушительной. Тех, кто

интересовался именем

Взыскующего, было гораздо меньше, чем таких, которые отказывались отвечать на его вопросы.

– Мор, – слышался наконец ответ. – Альмурат Мор.

– Значит, Мор. – Один из его предков пришел с Лютейром Пейндрагом и был весьма достойным человеком. Лишенный доступа к книгам родословных, к которым не допускался никто из *да'ко-вале*, Карид не имел возможности выяснить, насколько правдивы рассказы о его собственных предшественниках (он тоже мог числить в своих предках одного из

последовавших за великим Ястребиным Крылом), но это не имело значения. Люди, пытавшиеся прикрываться родословной, а не стоять на собственных ногах, часто плохо кончали. Особенно *да'ковале*.

— Зови меня Фурик. Мы оба — собственность Хрустального Трона. Что тебе от меня нужно, Альмурат? Думаю, вряд ли ты пришел ко мне, чтобы поговорить о моей семье.

Если бы его сыновьям угрожала опасность, Взыскующий не заговорил бы о них в начале беседы, а Калия была уже вне любых опасностей. Уголком глаза Карид заметил борьбу, отразившуюся на лице гостя, хотя тот довольно

успешно пытался скрыть свои чувства. Инициатива ускользнула от Взыскующего, — а чего еще, интересно, он ожидал, размахивая тут своей табличкой, как будто не знал, что Страж Последнего Часа готов по приказу вонзить нож в собственное сердце?

— Выслушай одну историю, — медленно проговорил Мор, — и скажи мне, что ты думаешь о ней. — Его взгляд был словно пригвожден к Кариду; изучающий, взвешивающий, оценивающий, как будто того выставили на продажу. — Мы узнали об этом несколько дней назад. — Говоря «мы», он имел в виду Взыскующих. — Насколько нам

известно, этот слух возник среди местного населения, однако нам до сих пор не удалось обнаружить первоначальный источник. Говорят, что девушка с шондарским акцентом вымогала золото и драгоценности у эбударских купцов. При этом упоминался титул Дочери Девяти Лун. — Его лицо исказила гримаса отвращения, и на миг кончики пальцев побелели, так он их сдавил. — Никто из местных, похоже, не понимает, что означает этот титул, но описание девушки на удивление точно. На удивление подробно. И никто не мог припомнить, чтобы слышал разговоры об этом до той ночи, когда... когда было

обнаружено, что Тайлин убита, — закончил он, выбрав наименее неприятное из всех событий, случившихся тогда.

— Шондарский акцент, — повторил Карид севшим голосом, и Мор кивнул. — Этот слух пришел от наших людей. — Это не было вопросом, но Мор кивнул еще раз. Шондарский акцент и точное описание — этого не мог придумать никто из местных. Кто-то играет в очень опасные игры. Опасные для себя и опасные для Империи. — Как восприняли недавние события в Таразинском дворце? — Среди слуг должны были быть Внимающие, возможно даже среди слуг-эбударцев,

а то, что слышали Внимающие, вскорости становилось известно Взыскующим.

Мор, разумеется, понял вопрос. И безошибочно определил, что не следовало упоминать. Он ответил безразличным тоном:

– Свита Верховной Леди Туон ведет себя так, словно ничего не произошло, вот только Анат, ее Говорящая Правду, удалилась в уединение, но, как мне доносили, для нее это не является чем-то необычным. Сама Сюрот безумствует дома даже еще больше, чем на людях. Она плохо спит, рычит на своих фаворитов и приказывает бить подданных из-за пустяков. Она

приказала умерщвлять по одному
Взыскующему в день до тех пор, пока
ситуация не прояснится, и отменила
распоряжение только сегодня утром,
поняв, что Взыскующие кончатся
быстрее, чем дни. — Он слегка пожал
плечами — возможно, чтобы показать,
что Взыскующим все равно, а может
быть испытывая облегчение, что сам
избежал такой участи. — Сю-рот
можно понять. Если ее призовут к
ответу, она будет молить о Смерти
Десяти Тысяч Слез. Другие
Высокородные, знающие о том, что
произошло, пытаются отрастить
глаза у себя на затылках. Некоторые
даже втихомолку сделали
распоряжения относительно

собственных похорон, чтобы не оказаться захваченными врасплох.

Карид жалел, что не может лучше рассмотреть лицо собеседника. Он привык к оскорблениям — такая уж у него служба, — но такое... Он встал, оттолкнув кресло, и уселся на краешек письменного стола. Мор не мигая глядел на него; он весь напрягся, готовый отразить нападение, но Карид перевел дыхание, сдерживая свой гнев.

— Почему ты пришел ко мне, если веришь, что Стражи Последнего Часа замешаны в этом? — Он чуть не задохнулся, так трудно было говорить спокойно. С тех пор как Стражи

поклонились над телом Лютейра
Пейндрага защищать его сына, в их
рядах никогда не было изменников!
Никогда!

Мор немного расслабился,
поняв, что Карид не собирается
убивать его, по крайней мере прямо
сейчас, но на лбу у него выступила
испарина.

— Говорят, что Страж
Последнего Часа способен заметить,
как дышит бабочка. У тебя есть что-
нибудь выпить?

Карид сделал короткий жест в
сторону камина, где рядом с огнем,
чтобы не остыть, стояли серебряная
чаша и кувшин. Аджим-бура принес
их, когда Карид проснулся, и с тех

пор они так и стояли нетронутые.

— Вино, должно быть, уже остыло, но пей сколько хочешь. А когда промочишь горло, то ответишь мне на вопрос. Либо ты подозреваешь кого-то из Стражей, либо решил сыграть со мной в какую-то свою игру, и клянусь своими глазами, я выясню, в какую и зачем.

Взыскующий боком подобрался к камину, наблюдая за Кари-дом краешком глаза. Когда Мор наклонился над кувшином, хозяин нахмурился и слегка вздрогнул. Рядом с чашкой стояло нечто, похожее на оправленный в серебро кубок с серебряной подставкой в

виде бараньих рогов. Во имя Света, сколько раз было говорено Аджимбуре убирать эту штуку подальше! Вне всякого сомнения, Мор уже понял, что это такое.

Выходит, он думает, что среди Стражей возможна измена?

– Плесни и мне чуток, будь так добр.

Взыскующий моргнул, выказывая легкое недоумение — у него в руках была единственная в комнате чашка, — а затем в его глазах блеснул огонек понимания. Беспокойный огонек. Он наполнил также чашу, причем его рука дрогнула, и он вытер ее о куртку. У каждого человека есть предел, даже у

Взыскующего, и когда человек подошел к нему вплотную, он становится особенно опасен; однако сейчас и Карид был выведен из равновесия.

Приняв чашу-череп обеими руками, Карид высоко поднял ее и склонил голову.

— За Императрицу, да живет она вечно в чести и славе! Смерть и бесчестье ее врагам!

— За Императрицу, да живет она вечно в чести и славе! — эхом отозвался Мор, склоняя голову и поднимая свою чашку. — Смерть и бесчестье ее врагам!

Поднося чашу Аджимбуры к губам, Карид заметил, что

Взыскующий наблюдает за ним. Вино действительно остыло, и специи горчили, а серебряная оправка придавала напитку слабый едкий привкус; он надеялся, что лишь разыгравшееся воображение заставляет его считать это вкусом праха мертвеца.

Мор опустошил половину своей чашки торопливыми глотками, а затем воззрился на нее, по-видимому только сейчас осознав, что делает, после чего с видимым усилием попытался вновь обрести контроль над собой.

— Фурик Карид, — оживленно заговорил он. — Родился сорок два года назад в семье ткача,

находящегося в собственности у
некоего Джалида Магонина,
ремесленника в Анкариде. В
пятнадцать лет отобран для обучения
в Страже Последнего Часа. Дважды
отмечался за героизм и трижды
упоминался в донесениях; затем,
будучи уже опытным бойцом с
семилетним стажем, был наречен
телохранителем Верховной Леди
Туон при ее рождении. – В то время,
разумеется, ее звали иначе, но
упоминание имени, данного ей при
рождении, считалось
оскорблением. – В этот же год, как
один из трех телохранителей,
выживших при первом известном
покушении на ее жизнь, выбран для

подготовки на офицера. Служил в армии во время восстания в Муйами и Джианьминского инцидента; и снова — благодарности отметки за героизм, новые упоминания в донесениях и повторное назначение в телохранители Верховной Леди, как раз перед ее первым Днем Наречения Истинного Имени. — Мор заглянул в свою чашу с вином, потом внезапно поднял голову. — По личной просьбе, что случается редко. На следующий год получил три серьезных ранения, закрыв ее своим телом при новом покушении. Именно тогда Верховная подарила тебе самую дорогую для нее вещь — куклу. В дальнейшем за отличную

службу, отмеченный многочисленными благодарностями и поощрениями, был выбран в число телохранителей самой Императрицы, да живет она вечно, и служил при ней, пока тебя не отправили сопровождать сюда Высокого Лорда Турака. Времена меняются, и люди меняются, но до того как отправиться охранять трон, ты отослал еще два ходатайства о назначении тебя в телохранители Верховной Леди Туон. Это случается еще реже. И ты бережно хранил куклу до тех пор, пока она не погибла на Большом Пожаре в Сохиме десять лет назад.

Который уже раз Карид

порадовался, что выучка позволяет ему сохранять бесстрастное лицо, что бы ни случилось. Тот, кто не следит за выражением своего лица, позволяет собеседнику слишком много узнать о себе. Он помнил лицо маленькой девочки, когда она положила куклу к нему на носилки. Он до сих пор слышал ее голос. *Ты спас мою жизнь, так что можешь взять Эмелу, чтобы она присмотрела за тобой,* сказала она. *Она, конечно, не сможет по-настоящему защитить тебя, она просто кукла. Но храни ее, чтобы помнить, что я всегда услышу, если ты позовешь меня. Разумеется, пока буду жива.*

— Моя честь — в моей преданности, — произнес Карид, осторожно ставя кубок Аджимбуры на письменный стол, чтобы не плеснуть вином на бумаги. Хотя слуга постоянно полировал серебряную отделку, Карид сомневался, чтобы он хоть раз вымыл кубок. — Преданности трону. Почему ты пришел ко мне?

Мор слегка подвинулся, чтобы кресло оказалось между ними. Без сомнения, он не считал, что Карид встал специально, но было видно, что Взыскующий готов в любую минуту швырнуть в него чашкой. У него был нож — под курткой, сзади, между лопатками, и возможно, не

один.

– Три ходатайства о зачислении в телохранители Верховной Леди Туон. Плюс еще то, что ты бережно хранил куклу.

– Это много, я понимаю, – сухо сказал Карид. Предполагалось, что у Стражей не должно возникать привязанности к тем, кого они посланы охранять. Стражи Последнего Часа служили только Хрустальному Трону, служили любому, кто наследовал трон, беззаветно и всем сердцем. Но он помнил то серьезное детское личико, на котором уже читалось понимание того, что она может и не дожить до того часа, когда выполнит свое

обязательство, и одновременно стремление все же выполнить его, и он действительно сохранил куклу. — Но есть и что-то еще кроме слухов о той девушке, я прав?

— Действительно, дыхание бабочки, — пробормотал Взыскующий. — Как приятно говорить с человеком, который зрит в корень. В ту ночь, когда была убита Тайлин, две *дамани* исчезли из своих каморок в Таразинском дворце. Обе прежде были Айз Седай. Ты не находишь, что здесь слишком много совпадений?

— Я нахожу любое совпадение подозрительным, Альмурат. Но какое это имеет отношение к слухам и...

всему остальному?

— Эта сеть гораздо более запутанна, чем ты можешь себе представить. Еще несколько человек покинули дворец в ту ночь, среди них молодой человек, который был, по-видимому, любимцем Тай-лин, четверо мужчин, наверняка — все солдаты, и пожилой человек, некто Том Меррилин (по крайней мере, так он себя называл), который якобы был слугой, но выказывал гораздо большую образованность, чем можно ожидать от слуги. Все они в то или иное время были замечены вместе с Айз Седай, которые находились в городе еще до того, как Империя вновь наложила на него свою руку. —

Взыскующий увлеченно наклонился вперед, слегка перегнувшись через спинку кресла. – Возможно, Тайлин была убита не из-за того, что приняла присягу, а потому, что узнала о вещах, которые были опасны. Она, должно быть, беспечно проболталась о том, что открыла в постели своему мальчику, а тот донес Меррилину. Будем называть его так, пока не узнаем его настоящего имени. Чем больше я узнаю об этом человеке, тем больше он меня интересует: он знает мир, умеет хорошо говорить, свободно обращается с благородными и властителями. Его можно было бы принять за придворного, если не

знать, что он слуга. Если у Белой Башни есть какие-то планы в Эбу Дар, то как раз такого человека они могли послать для их выполнения.

Планы. Карид машинально взял чашу Аджимбуры и чуть было не отпил, прежде чем осознал, что делает. Однако он продолжал держать чашу в руке, чтобы не выдать своего смятения. Все (по крайней мере те, кого он знал) были уверены, что исчезновение Верховной Леди Туон было частью борьбы за право наследовать Императрице, да живет она вечно. Так уж принято в императорской семье. В конце концов, если Верховная Леди умерла, должен быть объявлен ее наследник.

Если же нет... Белая Башня наверняка послала своих лучших людей, если замышляла выкрасть ее. А вдруг Взыскующий играет с ним в какую-нибудь свою игру? Взыскующие могут попытаться заманить в ловушку кого угодно, кроме разве что самой Императрицы, да живет она вечно.

— Ты поделился своими соображениями с вышестоящими, но они отвергли их, иначе ты не пришел бы ко мне. Хотя... Ты ведь не рассказывал им об этом, не правда ли? Почему?

— Все гораздо более запутано, чем ты можешь себе представить, — тихо сказал Мор, глядя на дверь,

словно подозревал, что его могут подслушивать. Почему он вдруг стал таким осторожным? – Здесь есть множество... сложностей. Двое *дамани* были взяты леди Эгинин Тамарат, которая также имела прежде контакты с Айз Се-дай. Тесные контакты. Весьма тесные. Очевидно, она освободила остальных *дамани*, чтобы прикрыть свой побег. Эгинин покинула город той же ночью, в ее свите находились три *дамани*, а также, скорее всего, Меррилин и остальные. Нам не известно, кто была третья *дамани*, – мы предполагаем, что какая-то важная особа из Ата'ан Миэйр, или, возможно, Айз Седай, которая

скрывалась в городе, — но мы опознали *сул'дам*, которых она использовала, и двое из них тесно связаны с Сюрот. А у нее самой было немало контактов с Айз Седай. — Несмотря на всю его настороженность, Мору удалось сказать это так, словно это совсем не было для него ударом молнии. Неудивительно, что он дошел до последней черты.

Итак: Сюрот состоит в заговоре с Айз Седай и подкупила по крайней мере нескольких Взыскующих, стоявших выше Мора, а Белая Башня послала людей, под командованием одного из самых лучших, для выполнения определенных действий.

Все это вполне вероятно. Когда Карида отправили с Предвестниками, перед ним поставили задачу следить, чтобы Благородные не поддавались честолюбию. Всегда существует возможность, что на таком удалении от Империи они попытаются основать собственные королевства. И он самолично засылал людей в город, которому было суждено пасть, как бы его ни защищали, чтобы навредить врагу изнутри.

— Ты знаешь направление, Альмурат? Мор покачал головой.

— Они отправились на север, и в дворцовых конюшнях поговаривали о Джеханнахе, но это, без сомнений,

явная уловка. Они изменяют направление при первой возможности. Мы проверили все лодки, достаточно вместительные, чтобы перевезти всю группу через реку, но такого размера суденышки курсируют взад-вперед постоянно. В этом месте нет ни порядка, ни контроля.

— Ты рассказал мне многое, над чем стоит поразмыслить. Взыскующий слегка скривил губы, но, по-видимому, понял, что

больших обязательств Карид на себя взять не мог. Он кивнул.

— Что бы ты ни решил предпринять, ты должен знать еще одну вещь. Тебе, возможно,

интересно, каким образом эта девушка могла вымогать что-либо у купцов. По-видимому, ее всегда сопровождало два или три солдата. Описание их доспехов также было весьма точным. — Он вытянул было руку, словно для того, чтобы коснуться зеленого халата Карида, но тут же благоразумно опустил ее. — Большинство людей говорит, что они были черные. Ты понимаешь меня? Что бы ты ни решил предпринять, не откладывай. — Мор поднял свою чашку. — За твое здоровье, генерал знамени Фурик! За твое здоровье и за процветание Империи!

Карид осушил кубок
Аджимбуры без колебаний.

Взыскующий удалился так же неожиданно, как и вошел, и через несколько мгновений после того, как за ним закрылась дверь, она отворилась вновь, впустив Аджимбуру. Коротышка с упреком смотрел на чашу-череп в руках Карида.

— Ты знаешь что-нибудь об этой новости, Аджимбура? — Спрашивать слугу, подслушивал ли он разговор, было все равно что спрашивать, восходит ли по утрам солнце. Да и сам он никогда этого не отрицал.

— Я не пачкаю свой язык такой грязью, высокий, — сказал он, вытягиваясь во весь рост.

Карид позволил себе вздохнуть.

Было ли исчезновение Верховной Леди Туон делом ее собственных рук или чьих-либо еще, она сейчас подвергалась огромной опасности. А если слух исходил от самого Мора, лучшим способом справиться с чужой игрой было сделать ее своей.

— Достань мою бритву. — Сев в кресло, Карид взял перо, придерживая левой рукой рукав халата, чтобы не запачкать его чернилами. — Потом найдешь капитана Музенге и, когда он будет один, отдашь ему это. Возвращайся быстро, у меня будут для тебя еще поручения.

На следующий день, вскоре после полудня, Карид пересекал

гавань на пароме, который ходил каждый час в строгом соответствии со звоном колокола. Это была неуклюжая баржа, переваливающаяся с волны на волну, в то время как мощные гребки весел продвигали ее вперед по беспокойной поверхности гавани. Веревки, которыми крепились к планкам на палубе полдюжины крытых парусиной купеческих фургонов, скрипели при каждом движении судна, лошади нервно переступали копытами, и гребцам приходилось отгонять возчиков и охранявших фургоны наемников, желающих опорожнить свои желудки за борт. У некоторых людей желудок не приспособлен для

передвижения по воде. Настоящая купчиха, круглолицая меднокожая женщина в темном плаще, стояла на носу, легко принаравливаясь к качке; она не сводила глаз с приближающейся пристани и не обращала внимания на Карида, стоявшего подле нее. Она легко могла опознать в нем Шончан, хотя бы по седлу на его гнедом мерине, но его зеленую куртку с красной отделкой скрывал простой серый плащ, так что если она вообще думала о нем, то считала простым солдатом. Не поселенцем, поскольку на поясе у него был меч. Раньше в городе он мог попасть под прицел более внимательных глаз, несмотря на все,

что предпринял, чтобы избежать их; тут уж ничего не поделаешь. Если ему будет сопутствовать удача, у него будет день, а то и два, прежде чем кто-нибудь поймет, что возвращаться в гостиницу в ближайшее время он не собирается.

Когда паром тяжело ударился о обитые кожей сваи причала и распахнулись грузовые ворота, Карид сразу же вскочил в седло и первым оказался на берегу — купчиха еще подгоняла своих возчиков, а паромщики не успели отвязать колеса фургонов. Он пустил Алдазара неторопливым шагом, поскольку камни после утреннего дождя были еще скользкими и вдобавок покрыты

конским навозом и пометом, оставшимся после недавно прошедшей здесь отары овец, и позволил себе ускорить темп, только когда достиг самой Иллиан-ской дороги; впрочем, даже тогда он решился только на легкую рысь. Нетерпение — плохой помощник, когда пускаешься в путь, не зная, насколько долгим он окажется.

Вдоль дороги за причалом выстроились гостиницы — покрытые потрескавшейся и облезавшей штукатуркой здания с плоскими крышами, вывески над которыми давно поблекли, если они были вообще. Эта дорога служила северной границей Рахада, и

неряшливо одетые люди, сидевшие сгорбившись на скамейках перед гостиницами, провожали его хмурыми взглядами. Не потому, что он был Шончан; он подозревал, что их взгляды вряд ли просветлели бы при виде любого сидящего на лошади. Любого, у кого в кармане завалялась хоть пара монет, если на то пошло. Вскоре, однако, он оставил их за спиной, и следующие несколько часов ехал мимо оливковых садов и маленьких ферм, жители которых были достаточно привычны к проезжим на дороге, чтобы не отвлекаться ради них от работы. Движение было не слишком оживленным; ему попаласть лишь

горсточка фермерских повозок с высокими колесами и дважды — купеческие караваны, катящиеся в сторону Эбу Дар в окружении наемных охранников. Многие возчики и оба купца носили эти примечательные иллианские бороды. Странно, что Иллиан продолжал посылать своих торговцев в Эбу Дар, одновременно сражаясь против Империи, но люди по эту сторону Восточного моря часто казались странными, их обычаи были совсем не такими, как у Шончан, и все это не слишком походило на то, что рассказывали о родине великого Ястребиного Крыла. А часто и вовсе противоречило. Жителей Иллиана,

разумеется, было необходимо понять, если его предполагалось включить в состав Империи, но пусть этим занимаются те, кому положено. А у него свои обязанности.

Фермы уступили место лесам и полям с кустарниками, и его тень уже удлинилась, поскольку солнце прошло более половины пути к горизонту, когда Карид наконец увидел то, что хотел увидеть. Впереди, на северной обочине дороги, сидел на корточках Аджимбура. Играя на камышовой флейте, он изображал ленивого бездельника, увиливающего от работы. Еще до того как Карид поравнялся с ним, он засунул флейту

за пояс, запахнул коричневый плащ и исчез в кустарнике. Оглянувшись через плечо и убедившись, что дорога позади так же пуста, как и впереди, Карид повернул Алдазара и устремился в чащу вслед за слугой.

Коротышка ждал его в лесу, там, где его не было видно с дороги, среди купы больших сосен, самая высокая из которых достигала, пожалуй, сотни футов. Увидев хозяина, он ссутулился, изображая поклон, и вскарабкался в седло своего тощего гнедого с белыми ногами. Он был свято убежден, что белые ноги лошади приносят удачу.

— Сюда, о высокий? — спросил слуга и, увидев утвердительный жест

Карида, повернул своего коня в глубь леса.

Им пришлось проехать совсем немного, не больше полумили, но никто из проезжающих по дороге и заподозрить не мог, что ждало их в лесу на большой поляне. Музенге привел сотню Стражей на хороших лошадях и двадцать Садовников-огиров, всех в полном вооружении, с вьючными лошадьми, нагруженными припасами на две недели. Среди них была и вьючная лошадь Карида с его доспехами, Аджимбура привел ее сюда еще вчера. Группа *сул'дам* стояла подле своих лошадей, шестеро из них держали на поводках *дама-ни*. Музенге выехал вперед навстречу

Кариду, рядом с ним хмуро шагал Первый Садовник Хартха, неся на плече свой топор, украшенный зеленой кистью. Одна из женщин, Мелитене, *дер'сул'дам* Верховной Леди Туон, села в седло и присоединилась к ним.

Музенге и Хартха приветствовали его, приложив к сердцу сжатые кулаки, и Карид ответил им тем же, но его взгляд был обращен к *дамани*. В особенности к одной из них, невысокой женщине, которую гладила по волосам смуглая *сул'дам* с квадратным лицом. Лица *дамани* всегда были обманчивы — они старели медленно и жили очень долго, — но на этом лице он увидел

признаки, которые научился распознавать как характерные для тех, кто называл себя Айз Седай.

— Под каким предлогом тебе удалось вывести их всех из города одновременно? — спросил он.

— Якобы на учения, знаменный генерал, — ответила Мелитене с кислой улыбкой. — Тренировки никогда ни у кого не вызывают подозрений. — Говорили, что Верховной Леди Туон по-настоящему не были нужны *дер'сул'дам* для того, чтобы обучать свою собственность или своих *сул'дам*, но Мелитене, в длинных волосах которой было больше седины, чем черных волос, обладала опытом и в других областях,

так что она понимала, что Карид имел в виду, задавая этот вопрос. Он просил лишь, чтобы Музенге привел с собой пару *дамани*, если сможет. — Никто из нас не мог остаться в городе, знаменный генерал. Участвовать в учениях должны все. А что до Май-лен... — Это, должно быть, бывшая Айз Седай. — После того как мы вышли из города, мы сказали *дамани*, куда идем. Всегда лучше, чтобы они знали, что их ожидает. С той самой минуты мы только и делаем, что успокаиваем Майлен. Она любит Верховную Леди. Они все ее любят, но Майлен преклоняется перед ней так, словно та уже сидит на Хрустальном Троне.

Если Майлен попадется в руки одна из этих «Айз Седай», — она рассмеялась, — нам придется действовать очень быстро, чтобы от нее осталось хоть что-нибудь, на что можно будет нацепить ошейник.

— Не вижу повода для смеха, — проворчал Хартха. Огир, с его длинными седыми усами и похожими на два черных камня глазами, смотревшими из-под шлема, выглядел даже более суровым и закаленным, чем Музенге. Он был Садовником еще в те времена, когда не родился отец Карида, а может быть, и его дед. — У нас нет конкретной цели. Мы пытаемся поймать ветер сетью.

Мелитене

мгновенно

посерьезнела, а лицо Музенге стало еще более мрачным, чем у Хартхи, если это вообще было возможно.

За десять дней те, кого они искали, могли оставить за спиной много миль. Лучшие люди Белой Башни не стали бы действовать настолько очевидно — отправляться на восток после того, как сами пустили слух о Джеханнахе; и они не столь глупы, чтобы держаться строго северного направления, однако это оставляло для поисков обширную, если не бесконечную территорию.

— В таком случае нам надо раскидывать сети без промедления, — произнес Карид, — и раскидывать их

очень густо.

Музенге и Хартха кивнули. Стражи Последнего Часа выполняют то, что должно быть сделано. Даже если речь идет о том, чтобы поймать ветер.

Глава 5. Как ВЫКОВЫВАЛСЯ МОЛОТ

Он легко бежал сквозь ночь, несмотря на покрывавший землю снег. Он был один на один с тенями, скользящими по лесу, и свет луны открывал его взгляду не меньше, чем свет солнца. Холодный ветер, ерошивший густой мех, внезапно донес до него запах, от которого шерсть на загривке встала дыбом, а сердце понеслось вскачь, наполняемое большей ненавистью, чем его ненависть к Нерожденным. Ненавистью, а также уверенностью в том, что смерть близко.

Но сейчас он не мог выбирать. Он ускорил бег, устремившись навстречу смерти.

Перрин внезапно проснулся, его окружала непроглядная темень, какая всегда предшествует рассвету, он лежал под одной из грузовых повозок с высокими колесами. Холод, сочащийся от земли, пронизывал его до костей, несмотря на плотный, отделанный мехом плащ и два одеяла, а сверху пробирал и легкий бриз, недостаточно сильный или устойчивый, чтобы называться ветром, но тем не менее ледяной. Он потер лицо руками в рукавицах, и его короткая бородка затрещала от намерзшего инея. По крайней мере, в

эту ночь, по-видимому, больше не шел снег. Слишком часто он просыпался, припорошенный тонкой снежной пылью, несмотря на защиту повозки, а снегопад сильно затруднял работу разведчиков. Перрин пожалел, что не может разговаривать с Илайасом так же, как он разговаривал с волками. Тогда ему не пришлось бы терпеть это бесконечное ожидание. Усталость обнимала его, как вторая кожа; он не мог припомнить, когда в последний раз проспал всю ночь целиком. Однако сон или его недостаток не имели большого значения. Теперь лишь жар гнева придавал ему силы, чтобы двигаться дальше.

Перрин не думал, что он проснулся из-за того, что увидел во сне. Каждую ночь он ложился, ожидая кошмаров, и каждую ночь они приходили. В худших из них он находил Фэйли мертвой или не находил ее вообще. Тогда он просыпался, содрогаясь и весь в поту. Когда ему снилось что-либо менее ужасное, он продолжал спать или просыпался лишь наполовину, позволяя троллокам кромсать себя заживо, чтобы сварить в котле, или Драгкару – высасывать из себя душу. Нынешний сон быстро исчезал, улетучиваясь, как это бывает со снами, однако он помнил, что был волком и чуял... Что? Что-то такое,

что волки ненавидят больше, чем Мурддраалов. Что-то, что убивает волков. То знание, которым он обладал во сне, ушло; осталось лишь смутное впечатление. Это не было волчьим сном — отражением мира, где живут умершие волки и куда приходят волки живые, чтобы говорить с ними. Волчий сон всегда оставался в памяти после пробуждения, независимо от того, сознательно он входил в него или нет. Но этот сон тем не менее тоже казался реальным и почему-то не давал ему покоя.

Неподвижно лежа на спине, Перин направил свое сознание на поиск, пытаясь нащупать волков. Он

пытался убедить их помочь ему в преследовании, но без толку. Пробудить в них интерес к делам двуногих было, мягко говоря, весьма непросто. Волки избегали больших скоплений людей, а им полдюжины было достаточно, чтобы держаться подальше. Люди отпугивали дичь, и большинство из них пыталось убить волка, едва завидев его. Сперва его мысли не находили ничего, но потом, спустя некоторое время, Перрин все же прикоснулся к волкам. Они были далеко. Он не мог сказать наверняка, насколько далеко, но это походило на попытку услышать шепот на самом пределе слышимости. Очень далеко. Это было странно. Несмотря на

разбросанные тут и там деревушки и фермы, и даже изредка городишки, это было очень подходящее место для волков — по большей части нетронутые леса, кишачие оленями и другой дичью, поменьше.

В разговоре со стаей, членом которой ты не являешься, всегда требовалось соблюдать определенные правила. Он вежливо назвал свое имя среди волков — Юный Бык, — послал им свой запах и получил в ответ их запахи и имена: Охотящаяся-за-Листьями и Высокий Медведь, Белый Хвост и Перышко, и Гром-в-Тумане, и целый каскад других. Это была довольно большая стая, и Охотящаяся-за-Листьями,

волчица, от которой пахло спокойной уверенностью, была их вожаком. Ее спутником был Перышко, умный волк в расцвете юности. Они слышали о Юном Быке и были рады поговорить с другом знаменитого Длинного Клыка — первого двуногого, научившегося разговаривать с волками после столь долгого перерыва, что даже сама память о прошедших Эпохах была унесена и затерялась в тумане прошлого. Их разговор был стремительным потоком образов и воспоминаний о запахах, которые его ум облакал в слова, в то время как те слова, что произносил он сам, каким-то образом становились

образами и запахами, понятными для волков.

Я хочу узнать одну вещь,
подумал он, когда с приветствиями
было покончено. *Что волк*
ненавидит больше, чем
Нерожденного? Он попытался
вспомнить запах, который слышал во
сне, чтобы присовокупить его к
вопросу, но тот выветрился из его
памяти. *Что-то, что означает для*
волка смерть?

Ответом ему была тишина, и в
ней — тоненькая ниточка страха,
смешанного с ненавистью,
решимостью и отвращением. Он уже
ощущал раньше волчий страх —
больше всего на свете они боялись

лесного пожара, несущегося по чаще; по крайней мере так они ему говорили, — но здесь было нечто другое, страх такого рода, от которого у волка встает дыбом шерсть, а у человека по коже бегут мурашки, и он вздрагивает и шарахается от чего-то, что никто не видит. Если добавить к этому решимость двигаться вперед во что бы то ни стало, то такой страх становится чистым ужасом. Волки никогда не испытывали ничего подобного. За исключением этих.

Один за другим они исчезали из его сознания, отгораживаясь от него по собственной воле, пока не осталась одна Охотящаяся-за-

Листьями. *Приближается Последняя Охота*, сказала она наконец и затем тоже исчезла.

Я оскорбил вас? – спросил он. *Если оскорбил, то по неведению.* Но не услышал ответа. По крайней мере эти волки не станут больше разговаривать с ним в ближайшее время.

Приближается Последняя Охота. Так волки называли Последнюю Битву, Тармон Гай'дон. Они знали, что будут там, в последней схватке между Светом и Тенью, хотя почему – объяснить не могли. Некоторые вещи предначертаны так же неотвратно, как восход и заход солнца и луны, и

было predetermined, что многие волки не переживут Последнюю Охоту. То, чего они боялись, было чем-то иным. У Перрина возникло ощущение, что он тоже должен быть там, по крайней мере предполагалось, что он там будет. Но если Последняя Битва близка, то он может туда и не попасть. Перед ним стояла задача, которой он не мог пренебречь — не имел права пренебречь! — даже ради Тармон Гай'дон.

Выбросив из головы и безымянные страхи, и Последнюю Битву, Перрин сбросил рукавицы наземь и полез в карман куртки в поисках сыромятного ремешка,

который носил с собой. В качестве утреннего ритуала его пальцы автоматически завязали еще один узелок и затем скользнули вдоль ремешка, считая. Двадцать два узелка. Двадцать два утра прошло с тех пор, как была похищена Фэйли.

Вначале у него и мысли не было о том, чтобы считать дни. В тот первый день он казался себе холодным и оцепеневшим, но сосредоточенным; однако, оглядываясь назад, он понимал, что на деле был переполнен безграничной яростью и всепожирающим стремлением найти Шайдо как можно быстрее. Среди Айил, укравших Фэй-ли, были люди

и из других кланов, однако по его сведениям, в основном это были Шайдо, и он сам к этому склонялся. Стремление вырвать Фэйли из их рук прежде, чем они причинят ей вред, сжимало его глотку с такой силой, что он чуть ли не задыхался. Разумеется, он вызволит и других женщин, взятых в плен вместе с ней, однако иногда ему приходилось заново напоминать себе их имена, чтобы убедиться, что он еще не окончательно забыл о них. Аллиандре Марита Кигарин, королева Гэалдана и его вассал. Ему до сих пор казалось совершенной нелепицей, что кто-то приносит ему вассальные клятвы, а тем более

королева — ведь он же простой кузнец! Был когда-то кузнецом — но он имел обязательства перед Аллиандре и должен вызволить ее из опасности. Байн из Шаарад Айил септа Черная Скала, и Чиад из Гошиен Айил септа Каменная Река — две Девы Копья, последовавшие за Фэйли в Гэалдан и Амадицию. Они вместе с ним сражались с троллоками в Двуречье, когда Перрину нужна была каждая рука, способная держать оружие, и этим заслужили право ожидать от него помощи. Аррела Шиего и Ласиль Алдорвин, две глупенькие девушки, которые считали, что могут научиться быть Айил или хотя бы

стать на них похожими. Они принесли клятву верности Фэйли, так же как и Майгдин Дорлайн, беженка без гроша за душой, которую Фэйли взяла под свое крыло как одну из своих служанок. Он не мог покинуть в беде людей Фэйли. Фэйли ни Башир т'Айбара.

Все эти имена опять возвращали Перрина к ней, к его жене, дыханию его жизни. С протяжным стоном он сжал ремень так крепко, что узелки, причиняя боль, впечатались в его ладонь, загрубевшую от долгого махания молотом в кузнице. О Свет, двадцать два дня!

Работа с железом научила его, что спешка портит металл, но

вначале он не мог не спешить. Он Переместился к югу, где были найдены последние следы Шайдо, через переходные ворота, сотворенные Грейди и Неалдом, двумя Аша'манами; потом снова рванул на юг, в том направлении, куда вели эти следы, как только Аша'маны смогли открыть новые врата. Они попросили дать им отдых после того, как сотворили первые и держали их открытыми, ожидая, пока все пройдут; а Перрин скрипел зубами все это время, его снедала жажда освободить Фэйли любой ценой. Но в последующие дни его боль лишь усилилась, когда разведчики, расходившиеся все

дальше и дальше по ненаселенным диким землям, не могли найти ни малейшего признака того, что кто-либо проходил здесь до них; и наконец он понял, что должен вернуться к началу, растратив еще больше дней на обшаривание тех земель, через которые Аша'маны перенесли его одним махом, в поисках каких-либо указаний на то, где именно Шайдо свернули в сторону.

Он должен был догадаться, что они свернут. Идя на юг, они приближались к более теплым землям, где не было снега, столь непривычного для Айил, однако вместе с тем они приближались и к

Шон-чан в Эбу Дар. Он знал о Шончан и должен был ожидать, что Шайдо будут более благоразумны! Они пришли сюда грабить, а не сражаться с Шончан и *дамани*. Дни за днями он медленно продвигался по стране, с разведчиками, веером разошедшимися впереди; дни за днями падающий снег слепил глаза даже айильцам и принуждал их к томительным остановкам, пока наконец Джондин Барран не обнаружил ободранное повозкой дерево, а Илайас не выкопал из-под снега обломок древка айильского копья. И Перрин наконец повернул на восток, самое большее в двух днях пути к югу от того места, куда он

Переместился в первый раз. Ему хотелось выть, когда он понял это, однако он взял себя в руки. Сейчас нельзя позволять себе расслабляться, даже на дюйм, ведь судьба Фэйли зависит от него. Именно тогда он начал управлять своим гневом, начал ковать его.

Ее похитители уже получили большое преимущество, благодаря тому что он поспешил, но с тех пор он стал так же осторожен, как если бы работал в кузнице. Его гнев затвердевал и принимал форму, нужную для его цели. После того как Перрин снова напал на след Шайдо, он не позволял себе Перемещаться за один прыжок дальше, чем разведчики

смогут пройти от восхода до заката, и его предосторожности оказались не излишними, поскольку Шайдо несколько раз неожиданно меняли направление, двигаясь зигзагами, словно сами не могли определиться, куда им идти. Или, возможно, они сворачивали, чтобы соединиться с другими, такими же как они. Он мог ориентироваться лишь на старые следы, старые стоянки, погребенные под снегом, однако все разведчики были согласны, что количество Шайдо сильно увеличилось. Их там должно было быть в общей сложности два или три септа, а может быть, и больше — дичь, грозившая стать опасной для

охотника. Однако, несмотря ни на что, он медленно, но верно нагонял их. Это было единственным, что имело значение.

Шайдо покрывали за день гораздо большее расстояние, чем он считал возможным, учитывая их численность и глубокий снег, однако они, казалось, не заботились о том, преследует их кто-нибудь или нет. Возможно, они считали, что никто не осмелится на это. Порой они несколько дней стояли лагерем на одном месте. Гнев ковался для его цели. Деревни, поместья и маленькие городки на пути Шайдо были уничтожены, словно по ним прошла саранча; склады и

сокровищницы разграблены, мужчины и женщины уведены вместе с домашней скотиной. Часто к тому времени, когда он приходил, там уже не оставалось никого, лишь пустые дома – уцелевшие разбредались кто куда в поисках пищи, чтобы хоть как-то дожить до весны. Он пересек Элдар и вошел в Алтару в том месте, где когда-то был небольшой перевоз между двумя деревушками на покрытых лесом берегах реки. Этим перевозом пользовались лишь корабейники и местные жители, но не купцы. Как Шайдо умудрились переправиться, он не знал, но ему пришлось просить Аша'манов соорудить врата. От перевоза

сохранились лишь грубые каменные плиты причалов по берегам да несколько оставшихся несожженными строений, они были покинуты, если не считать трех одичавших собак с выпиравшими ребрами, поторопившихся скрыться при виде людей. Гнев затвердевал и принимал форму молота.

Вчера вечером Перрин въехал в маленькую деревушку, и горсточка оцепеневших людей с грязными лицами молча взирала, как с первыми лучами солнца из леса выезжают сотни копейщиков и лучников, перед которыми реют Красный Орел Манетерен и Малиновая Волчья Голова,

Серебряные Звезды Гэалдана и Золотой Сокол Майена, а позади тянутся длинные цепочки повозок с высокими колесами и вереницы заводных лошадей. Едва увидев Гаула и остальных айильцев, эти люди опомнились и в панике бросились к деревьям. Поймать хотя бы нескольких, чтобы задать им вопросы, оказалось нелегко: они готовы были скорее загнать себя до смерти, чем подпустить к себе айильца. В Брайтане жило не больше дюжины семей, однако Шайдо увел отсюда девятерых молодых парней и девушек, а также весь скот, и это случилось всего два дня назад. Два дня. У молота была цель и была

мишень.

Перрин знал, что должен быть осторожен, или потеряет Фэйли навечно, но быть слишком осторожным также означало потерять ее. Вчера на заре он сказал тем, кто отправлялся в разведку, что они должны пройти дальше, чем обычно, двигаться быстрее и возвращаться лишь с полным оборотом солнца, если только они не найдут Шайдо раньше. Пройдет немного времени, и солнце снова взойдет, а спустя самое большее несколько часов вернутся Илайас, и Гаул, и все остальные — Девы и Двуреченцы, которые, как он знал, могли выследить тень на воде. Как

бы быстро ни двигались Шайдо, разведчики двигались быстрее. Их не обременяли семьи, повозки и пленники. На этот раз они точно скажут ему, где находятся Шайдо. Обязательно скажут. Он костями чувствовал это. Уверенность текла по его жилам. Он найдет Фэйли и освободит ее. Это главное всего, даже того, чтобы выжить, если он сможет дожить до того момента, когда завершит свою задачу; теперь он *был* молотом, и если только существовал способ выполнить задуманное, любой ценой, он собирался измолотить этих Шайдо в щепки.

Скинув с себя одеяла, Перрин снова натянул рукавицы, схватил

лежавший на земле рядом с ним топор с полукруглым лезвием, уравновешенным с другой стороны тяжелым клевцом, и выкатился из-под повозки, поднимаясь на ноги на утопанном, заледеневшем снегу. Вокруг него рядами стояли повозки; они находились в полях, расположенных за Брайтаном. Прибытие новых чужеземцев в таком количестве, вооруженных, с иностранными знаменами оказалось последней каплей для перепуганных жителей деревушки. Как только Перрин отпустил их, жалкие остатки населения сбежали в лес, унося на спине или в санях все, что могли взять с собой. Они бежали так

быстро, словно Перрин был еще одним Шайдо, и не оглядывались, боясь увидеть, что он преследует их.

Продевая рукоять топора в петлю на своем поясе, он заметил, как тень около соседней повозки вытянулась, отделилась от земли и обернулась человеком, закутанным в плащ, казавшийся в темноте черным. Перрин не был удивлен; расположенные рядом коновязи наполняли воздух запахами нескольких тысяч животных — верховых, заводных и упряжных; это не считая сладковатой вони свежего конского навоза. Однако, несмотря на это, он еще при пробуждении уловил запах человека. Человеческий

запах всегда можно отличить. Кроме того, когда Перрин просыпался, Айрам всегда ожидал его поблизости. Серп убывающей луны, висящий низко на небосклоне, давал все же достаточно света, чтобы он мог различить его лицо, хотя и не очень ясно, и медную головку рукояти меча, косо торчащую за его плечом. Когда-то Айрам был Лудильщиком, но Перрину казалось, что он вряд ли вернется в их ряды, хотя тот и носил яркую полосатую куртку, какие носят Лудильщики. На лице Айрама теперь поселилась хмурая сосредоточенность, которую не могли скрыть тени от лунного света. Он стоял так, словно был готов в

любую минуту вытащить меч, и с тех пор как исчезла Фэйли, гнев стал одной из постоянных составляющих его запаха. Многое изменилось с тех пор, как Фэйли похитили. Например, Перрин начал понимать, что такое гнев. До исчезновения Фэйли он не знал этого по-настоящему.

– Они хотели видеть тебя, лорд Перрин, – сказал Айрам, дернув головой в сторону двух смутных фигур, стоящих поодаль, между двумя рядами повозок. Слова вылетали из его рта с легкими облачками пара. – Я сказал им, чтобы они дали тебе поспать. – Айра-му вовсе ни к чему так заботиться о нем, когда не просят.

Исследовав воздух, Перрин выделил запахи тех двух теней из общего лошадиного запаха.

— Я поговорю с ними сейчас. Оседлай для меня Ходока, Ай-рам. — Он хотел оказаться в седле еще до того, как проснется остальной лагерь. Отчасти потому, что долго оставаться без движения было выше его сил. Остаться без движения означало не ловить Шайдо. А отчасти — чтобы избежать любой компании, которой только возможно он мог избежать. Он сам ушел бы с разведчиками, если бы только они не знали свое дело настолько лучше него.

— Да, милорд. — В запахе

Айрама, когда он пробирался по снегу вдоль повозок, присутствовали признаки алкоголя, но Перрин едва заметил это. Лишь что-то очень важное могло заставить Себ-бана Балвера вылезти из-под одеяла среди ночи, а что до Селанды Даренгил...

Балвер выглядел костлявым даже в мешковатом плаще, его острое лицо было почти скрыто глубоким капюшоном. Даже если бы он стоял прямо и не сутулился, он был бы самое большее на ладонь выше кайриэнки, то есть совсем не высоким. Обхватив себя обеими руками, он подпрыгивал на месте, пытаясь прогнать холод из ботинок. Селанда, одетая в мужскую куртку и

брюки, всячески пыталась показать, что не замечает мороза, несмотря на султанчики пара, вылетающие изо рта при каждом выдохе. Она ежилась, но умудрялась стоять с важным видом, откинув одну полу плаща и держа руку в перчатке на рукояти меча. Капюшон ее плаща был опущен, открывая коротко стриженные волосы спереди и хвостик на затылке, перевязанный темной лентой. Селанда возглавляла тех глупцов, которые пытались стать подобием Айил – Айил, носящие мечи. Ее запах был мягким и густым, как студень. Она явно беспокоилась. Балвер пах... сосредоточенностью – но он почти всегда так пах, хотя его

сосредоточенности не хватало жара, у нее был только фокус.

Костлявый коротышка перестал прыгать, чтобы отвесить торопливый поклон.

— У Леди Селанды есть новости, и я подумал, что вы должны услышать их из ее уст, милорд, — тонкий голос Балвера был сухим и педантичным, как и его обладатель. Он звучал бы точно так же, даже если бы его голова лежала на плахе. — Миледи, не соблаговолите ли?.. — Он был всего лишь секретарем — секретарем Фэйли, а также Перрина, — суетливым человечком, который по большей части держался в тени, а Селанда была знатной

дамой, но в устах Балвера это прозвучало отнюдь не как просьба.

Она искоса взглянула на него, взявшись за меч, и Перрин поспешил перехватить ее руку. Он сомневался, что она действительно обнажит меч против секретаря, но, с другой стороны, от нее и от ее ненормальных друзей можно ожидать чего угодно. Балвер спокойно глядел на нее, склонив голову набок, и в его запахе было лишь нетерпение, но никакой озабоченности.

Коротко кивнув, Селанда переключила свое внимание на Перрина.

— Приветствую тебя, Лорд

Перрин Златоокий, — начала она с резким кайриэнским акцентом, но, почувствовав, что у него недостаточно терпения для соблюдения всех псевдоайильских формальностей, поспешила продолжить: — Этой ночью я узнала три вещи. Первая, наименее важная — Хавиар доложил, что Масима вчера послал еще одного всадника назад, в Амадицию. Нерион пытался проследить за ним, но упустил.

— Передай Нериону, что я не позволяю ему ни за кем следить, — жестко сказал Перрин. — И Хавиару передай то же самое. Они должны сами это знать! Им поручено смотреть, слушать и докладывать о

том, что они увидели и слышали; не более. Ты поняла меня? — Селанда коротко кивнула, в ее запахе на секунду появилась иголочка страха. Страх перед ним, понял Перрин, страха, что он разгневается на нее. Когда у человека желтые глаза, некоторые чувствуют себя с ним неуютно. Он убрал ладонь с топора и сложил обе руки за спиной.

Хавиар и Нерион тоже были из числа тех двух дюжин молодых глупцов, что толпились вокруг Фэйли — один тайронец, другой кайриэнец. Фэйли использовала их отряд как свои «глаза-и-уши», и это почему-то до сих пор раздражало его, хотя Фэйли прямо сказала ему, что

шпионаж — самое подходящее занятие для жены. Надо быть очень внимательным, когда думаешь, что твоя жена шутит: вдруг она говорит всерьез? Сама мысль о шпионаже ему не нравилась, но раз уж Фэйли все равно использовала их таким образом, то это вполне может сделать и ее муж, если в этом возникла нужда. Однако она пока послала только двоих. Масима был, по-видимому, убежден, что каждый человек, если он не Приспешник Темного, обречен последовать за ним рано или поздно, однако у него могут зародиться подозрения, если слишком многие покинут лагерь Пер-рина, чтобы присоединиться к

нему.

– Не называй его Масимой, даже здесь, – добавил он резко. Этот человек, носивший имя Масим Дагар, некоторое время считался мертвым и восстал из могилы уже как Пророк Лорда Дракона Возрожденного; его страшно раздражало любое упоминание прежнего имени. – Вот так скажешь что-нибудь где не надо, а потом будешь радоваться, если его громилы всего лишь выпорют тебя, встретив где-нибудь в тихом месте. – Селанда снова мрачно кивнула, на этот раз в ее запахе не было страха. О Свет, у этих идиотов не хватает даже здравого смысла, чтобы понять, чего

им следует бояться, а чего нет!

— Уже почти рассвело, — пробурчал Балвер, ежась и плотнее запахиваясь в плащ. — Скоро все будут уже на ногах, а некоторые вещи лучше обсуждать, пока тебя никто не видит. Не соизволит ли миледи продолжить? — И снова это было более чем просто предложение. Селанда и остальные из свиты Фэйли годились только на то, чтобы доставлять неприятности, как считал Перрин, и Балверу, похоже, зачем-то понадобилось раздражить ее; однако она лишь вздрогнула в замешательстве и пробормотала что-то в свое оправдание.

Перрин заметил, что темнота

действительно уже начинала рассеиваться. Небо над головой по-прежнему оставалось черным, усыпанным яркими звездами, однако он уже почти различал цвета шести тонких полосок, пересекающих грудь куртки Селанды. По крайней мере он отличал одну от другой. Осознав, что проспал дольше, чем обычно, Перрин глухо зарычал. Он не мог позволить себе поддаться усталости, как бы ни вымотался! Ему необходимо выслушать, что скажет Селанда — ей не следовало волноваться из-за того, что Масима отправил куда-то всадников; он делал это чуть ли не каждый день, — однако Перрин нетерпеливо посмотрел в

сторону Ай-рама и Ходока. Его слух улавливал движение у коновязей, но пока что не было никаких признаков, что его лошадь готова.

— Вторая вещь, милорд, вот такая, — сказала Селанда. — Хавиар видел бочонки с соленой рыбой и солониной с клеймами Алтары, их было очень много. Он говорит, что среди людей Мас... людей Пророка есть алтаранцы. Несколько человек с виду ремесленники, еще один-два могут быть купцами или городскими чиновниками. В любом случае, это люди зажиточные, солидные, и некоторые из них, похоже, не уверены, что приняли правильное решение. Несколько вопросов — и мы

узнаем, откуда взялись рыба и мясо. А может быть, и найдем для вас еще несколько «глаз-и-ушей».

— Я знаю, откуда взялись рыба и мясо, так же как и ты, — раздраженно отозвался Перрин. Его руки за спиной сжались в кулаки. Он надеялся, что скорость, с которой он двигался, не позволит Ма-симе высылать вперед отряды мародеров. Ведь тогда они окажутся ничуть не лучше Шайдо, если не хуже. Они предлагали людям поклясться в верности Дракону Возрожденному, и те, кто отказывался, а иногда и те, кто просто слишком долго колебался, умирали от огня и меча. А тех, кто поклялся, независимо от того,

присоединялись они к Масиме или нет, ожидали щедрые пожертвования для поддержки Пророка и его дела; тогда как те, кто умирал, просто считались Друзьями Темного, и их имущество конфисковывалось. По закону Масимы вора́м полагалось отрубать руку, но то, что делали его люди, согласно тому же Масиме, воровством не являлось. По его кодексу убийство и целая куча других преступлений карались повешением, однако многим из его последователей, по-видимому, больше нравилось убивать, чем получать клятвы верности. В таких случаях можно было больше награть, а для некоторых из них

убийство было просто приятным развлечением для того, чтобы спортом нагулять аппетит.

— Скажи им, чтобы держались подальше от этих алтаранцев, — продолжал Перрин. — Среди последователей Масимы попадаются люди всякого сорта, и даже если среди них появляются кое-кто поумнее других, это еще не значит, что постепенно он не уподобится всем остальным. Эти люди не станут колебаться, если им представится возможность выпустить кишки соседу, а тем более тому, кто станет задавать подозрительные вопросы. Я хочу лишь знать, что Масима делает сейчас и что собирается сделать.

То, что этот человек вынашивает в голове какие-то замысла:, было очевидно. Масима считал богохульством, если кто-то, кроме Ранда, прикасался к Единой Силе, заявлял, что ничего не желает больше, чем присоединиться к Ранду на востоке. Как всегда, мысль о Ранде пробудила в голове Перрина водоворот красок, на этот раз даже более ярких, чем обычно, но гнев развеял их в пар. Богохульство это или нет, но Масима согласился Перемещаться, а при этом не просто направлялась Единая Сила – при этом ее направляли *мужчины*. И чтобы он ни заявлял, Масима сделал это для того, чтобы оставаться на

западе как можно дольше, а совсем не для того, чтобы помочь ему вызволить Фэйли. Перрин обычно верил людям, пока они сами не доказывали свою ненадежность, но в случае с Масимой ему достаточно было один раз понюхать, чтобы понять: этот человек безумнее бешеного зверя и еще менее достоин доверия.

Перран искал способы разрушить его замыслы, в чем бы они ни заключались. Способы помешать Масиме убивать и сжигать. С Масимой было десять или двенадцать тысяч человек, а может, и больше — он не очень-то афишировал численность своих приверженцев, а

их обыкновение разбивать лагерь просто валясь на землю кто где стоял, безо всякого порядка, делал невозможными попытки их сосчитать, — а за Перрином следовало хорошо если четверть этого количества, причем несколько сотен из них были возчиками, конюхами и тому подобными, то есть в бою скорее мешали, нежели помогали. Однако с тремя Айз Седай и двумя Аша'манами, не говоря уже о шести айильских Хранительницах Мудрости, он мог остановить Масиму. Хранительницы Мудрости и две Айз Седай с радостью воспримут участие в таком деле. По крайней мере уговаривать их не придется.

Они хотят видеть Масиму мертвым. Но рассеять армию Масимы значило лишь разбить ее на сотни мелких отрядов, которые разбредутся по всей Алтаре и соседним землям, продолжая грабить и убивать, теперь уже для самих себя, а не во имя Возрожденного Дракона. *Разбить Шайдо означает то же самое*, подумал Перрин, но отогнал от себя эту мысль. Чтобы остановить Масиму, требовалось время, которого у него не было. С ним придется мириться до тех пор, пока Фэйли не окажется в безопасности. Пока Шайдо не будут стерты в порошок.

— И что же это за третья вещь, которую ты узнала сегодня ночью,

Селанда? – спросил Перрин. К его удивлению, запах беспокойства, исходивший от нее, усилился.

– Хавиар видел там кое-кого, – медленно проговорила Селанда. – Сначала он не стал мне говорить. – Ее голос на мгновение стал жестким. – Но я позаботилась о том, чтобы это не повторилось! – Глубоко переводя дыхание, она, казалось, боролась с собой, а затем наконец выдала: – Масури Седай посещает Масиму... Пророка. Это правда, милорд, поверьте! Хавиар видел ее не один раз. Она проскальзывает в их лагерь, подняв капюшон, и покидает его так же, но ему удалось дважды ясно разглядеть ее лицо. Каждый раз

ее сопровождает мужчина, а иногда — еще и женщина. Хавиару не удалось разглядеть мужчину так, чтобы утверждать наверняка, но по описанию это Роваир, ее Страж, и Хавиар уверен, что вторая женщина — это Анноура Седай.

Селанда резко оборвала свою речь, ее глаза сверкали в лунном свете, она явно наблюдала за ним. О Свет, ее больше беспокоило то, как он это примет, чем то, что это значило! Он заставил себя расцепить руки. Масима презирал Айз Седай почти так же, как презирал Приспешников Темного, да он и считал их почти что Приспешницами Темного. Так зачем ему принимать у

себя двух Сестер? Зачем им идти к нему? Мнение Анноуры о Масиме было скрыто за обычными для Айз Седай намеками и двусмысленными замечаниями, которые могли значить все что угодно, но Масури открыто заявляла, что этого человека следует посадить на цепь как бешеную собаку.

— Скажи Хавиару и Нериону, чтобы следили за Сестрами во все глаза, и спроси, не смогут ли они подслушать, о чем говорится на этих встречах с Масимой. — А может быть, Хавиар ошибся? Нет, в лагере Масимы, если его можно так назвать, было не так уж много женщин, и было трудно поверить, что тайренец

мог принять за Масури одну из этих немых гарпий с глазами убийц. По сравнению с женщинами, которые соглашались присоединиться к Маси-ме, мужчины выглядели не опаснее Лудильщиков. — Скажи им, однако, чтобы соблюдали осторожность. Лучше пусть у них ничего не выйдет, чем если их поймают. Они никому не принесут никакой пользы, болтаясь на виселице. — Перрин понял, что это прозвучало грубо, и постарался смягчить тон. С тех пор как похитили Фэйли, это удавалось ему с трудом. — Ты хорошо поработала, Селанда. — По крайней мере, он не устраивает ей разнос. — И ты, и

Хавиар с Нерионом. Фэйли гордилась бы вами, если бы узнала.

Улыбка озарила лицо Селанды, и она горделиво выпрямилась, хотя и так стояла очень прямо. Гордость, чистая и яркая, гордость за сделанное дело, почти заглушала в ней все остальные запахи!

— Благодарю вас, милорд! Благодарю вас! — Можно подумать, что он щедро вознаградил ее. Впрочем, если подумать, пожалуй, так оно и было. Хотя, с другой стороны, Фэйли вряд ли была бы так уж довольна тем, что он использует ее «глаза-и-уши», или даже, что он вообще знает о них. Когда-то одна мысль о том, что Фэйли может быть

недовольна, лишила бы его спокойствия, но это было до того, как он узнал о ее шпионах. А еще те слова о Сломанной Короне, которые обронил Илайас. ^ Общеизвестно, что у жен всегда бывают свои секреты, но всему есть предел!

Одной рукой расправляя плащ на своих узких плечах, Балвер кашлянул, закрывшись другой.

— Хорошо сказано, милорд. Просто превосходно. Миледи, уверен, что вы хотите как можно скорее передать инструкции лорда Перрина по назначению. Будет ужасно, если у нас возникнут какие-либо накладки.

Селанда кивнула, не сводя глаз с

Перрина. Она раскрыла рот, и Перрин готов был поклясться, что она собирается сказать что-то вроде того, что надеется, что он обретет воду и тень. О Свет, вода была единственным, чего у них имелось в избытке, хоть она была по большей части заморожена, а тень в это время года вряд ли кому-нибудь так уж нужна, даже в полдень! Похоже, она скорее всего именно это и собиралась сказать, но, несколько поколебавшись, все же сказала так:

— Благодать да пребудет с вами, милорд. Да позволено мне будет так сказать, милость пребывает с леди Фэйли благодаря вам.

Перрин коротко склонил голову

в знак благодарности. У него во рту стоял вкус пепла. Благодать выбрала странный способ пребывать с Фэйли, послав ей мужа, который до сих пор не сумел найти ее, после двухнедельных поисков. Девы говорили, что ее сделали *гай'шайн* и что с ней не будут обращаться грубо, но при этом сами признавали, что эти Шайдо уже нарушили сотню своих собственных обычаев сотней различных способов. На его взгляд, похищение было само по себе достаточно грубым обращением. До чего же горек пепел.

— Эта леди справится с поручением как нельзя лучше, милорд, — тихо проговорил Балвер,

глядя, как Селанда исчезает во тьме между повозками. Одобрение секретаря удивило Перрина; еще недавно тот пытался отговорить его от того, чтобы использовать Селанду и ее друзей, упирая на то, что у них слишком горячие головы и на них нельзя положиться. — У нее есть необходимое чутье. У кайри-энцев это часто встречается, и у тайренцев тоже, до некоторой степени — по крайней мере у благородных, особенно у одного... — Он резко оборвал себя и настороженно взглянул на Перрина. Если бы этот человек был кем-нибудь другим, Перрин мог бы поклясться, что он случайно сказал больше, чем

намеревался, но он сомневался, что Балвер способен проговориться таким образом. Его запах оставался спокойным и не менял интенсивности, как было бы, испытывай он неуверенность. — Могу ли я прокомментировать кое-что из ее доклада, милорд?

Скрип копыт на снегу объявил о приближении Айрама, ведущего Перринова мышастого жеребца и своего серого в яблоках мерина. Животные пытались укусить друг друга, и Айрам держал их на расстоянии, хотя и с некоторым трудом. Балвер вздохнул.

— При Айраме ты можешь говорить все, что необходимо, мастер

Балвер, – успокоил его Перрин.

Тот склонил голову, выражая покорность, но при этом вздохнул еще раз. Все в лагере знали, что Балвер обладает искусством сводить воедино все слухи, случайно услышанные замечания и действия людей и составлять из них картину того, что происходит на самом деле и что должно вскорости произойти. Сам Балвер считал это частью своей работы секретаря, но по каким-то соображениям предпочитал делать вид, будто бы ничем подобным не занимается. Это была совершенно безобидная причуда, и Перрин постарался подбодрить его.

– Мы с мастером Балвером

немного пройдемся, а ты держись сзади, — произнес он, беря из рук юноши повод Ходока. — Нам нужно поговорить с глазу на глаз. — Вздох Балвера был настолько легким, что Перрин едва расслышал его.

Айрам, не говоря ни слова, отстал от них и пошел в нескольких шагах позади, но его запах снова стал острым и беспокойным — тонкий кислый запах. На этот раз Перрин распознал, что он значит, хотя обратил на него не больше внимания, чем обычно. Ай-рам испытывал зависть к любому, кроме Фэйли, кому хозяин уделял свое внимание. Перрин не видел способа положить этому конец, и кроме того, он

настолько же привык к ревности Айрама, как и к конспираторским замашкам Балвера, идущего сейчас рядом с ним подпрыгивающей походкой. Тот несколько раз оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что Айрам не подходит слишком близко и не услышит ни слова, прежде чем наконец решился заговорить. Острый как бритва запах подозрительности Балвера, удивительно сухой и без единой капли тепла, странным образом оттенял ревность Айрама. Невозможно изменить людей, которые сами не хотят меняться.

Коновязи и повозки с провиантом располагались в центре

лагеря, где вора́м было бы сложно к ним подобраться, и хотя небо для большинства глаз все еще выглядело черным, возчики и конюхи, которые спали рядом со своими подопечными, уже проснулись и складывали одеяла; некоторые укрепляли навесы, сделанные из сосновых веток и сучьев других деревьев, собранных поблизости в лесу на случай, если они понадобятся и на следующую ночь. Уже разожгли костры для стряпни, и над ними уже висели маленькие черные котелки, хотя из еды в лагере имелись только овсянка и сушеные бобы. Охота и силки прибавляли к их рациону немного мяса, оленину и

крольчатину, куропаток, тетеревов и тому подобную дичь, но этого хватало едва-едва, учитывая количество едоков, а закупать продукты стало негде еще до того, как они пересекли Элдар. За Перрином следовала рябь поклонов, реверансов и бормотаний «С добрым утром, милорд» и «Благослови вас Свет, милорд», но те, кто видел его, тут же переставали укреплять навесы, а некоторые сразу же принимались их разбирать, словно почувствовав по его походке, насколько он исполнен решимости. Они уже давно должны были это понять. С того самого дня, когда Перрин осознал, насколько грубый

промах допустил, он ни одной ночи не провел на прежнем месте. Он отвечал на приветствия, не останавливаясь.

Остальной лагерь располагался узким кольцом вокруг лошадей и повозок, лицом к окружающему их лесу; причем двуреченцы были разделены на четыре группы, а копейщики из Гэалдана и Майена заполняли пространство между ними. Кто бы ни напал на лагерь, с какой бы стороны ни пришел, он наткнется на двуреченские луки и на обученную кавалерию. Перрин опасался не неожиданного возникновения Шайдо, а скорее Масимы. Тот следовал за ним с

видимой покорностью, но что скрывалось за этим? За прошедшие две недели из лагеря исчезли девять гэалданцев и восемь майенцев, и никто не верил, что они дезертировали. Еще раньше, в тот день, когда похитили Фэйли, двадцать майенцев попали в засаду и были убиты, и все единодушно считали, что этого не мог сделать никто другой, кроме людей Масимы. Так что между ними царил хрупкий мир, довольно странный и противоречивый, однако тот, кто поставил бы хоть медяк на то, что этот мир продлится вечно, без сомнений проиграл бы. Масима вел себя так, словно не знает ни о каких

опасностях, угрожающих этому миру, а его последователям, по-видимому, было все равно, как обернется дело; что бы ни сказал Масима, они готовы были следовать за ним. Перрину, однако, хотелось так или иначе сохранить существующее положение до тех пор, пока Фэйли не окажется на свободе. Сделать собственный лагерь достаточно крепким орешком, который не так просто раскусить, было одним из способов продлить мир.

Айил настояли на том, чтобы им позволили образовать собственный тонкий клин в этом странном пироге, несмотря на то что их было меньше пятидесяти, считая *гай'шайн*,

прислуживавших Хранительницам Мудрости; и сейчас Перрин остановился, чтобы взглянуть на их низкие темные палатки. Кроме них, в лагере никто не ставил палаток, не считая Берелейн и двух ее служанок, которые располагались на другом краю лагеря, недалеко от немногочисленных домов Брайтана. В домах жить было невозможно из-за блох и вшей, водившихся в них в таком количестве, что даже закаленные солдаты не стали искать там убежища от холода, а сараи и овины были гнилыми развалюхами, насквозь продуваемыми ветром, и в них гнездились еще худшие паразиты, чем в самих домах. Девы и

Гаул, единственный мужчина среди Айил, который не был *гай'шайн*, ушли с разведчиками, и айильские палатки стояли тихие и молчаливые, хотя запах дыма, доносящийся из дымовых отверстий некоторых из них, говорил ему, что *гай'шайн* готовят завтрак для Хранительниц Мудрости. Анноура была советницей Берелейн и обычно спала в ее палатке, но Масури и Сеонид должны были быть с Хранительницами Мудрости, возможно даже, они помогали *гай'шайн* управиться с завтраком. Они до сих пор пытались скрыть, что Хранительницы Мудрости считают их своими ученицами, хотя к этому

времени все в лагере уже должны были это знать. Любой, кто видел Айз Седай, собственными руками носящих хворост или воду, или слышал, как их стегают розгой, пришел бы к такому выводу. Эти две Айз Седай принесли клятву верности Ранду – и снова краски смешались у Перрина в голове, взорвавшись радужным многоцветьем; и снова они исчезли, растопленные его неугасающим гневом, – но Эдарра и другие Хранительницы Мудрости были приставлены к ним, чтобы не спускать с них глаз.

Лишь сами Айз Седай знали, насколько крепко держат их клятвы, которые они приносят, и какое

пространство для маневра оставляют они себе между словами, и ни одной из них не было позволено прыгать, если Хранительница Мудрости не скажет «жаба». Сеонид и Масури *обе* заявили, что с Масимой следует обращаться как с бешеной собакой, и Хранительницы Мудрости согласились. Или сделали вид, что согласились. У них не было Трех Клятв, которые обязывали бы их к правде, хотя, по чести говоря, и Айз Седай подобная клятва связывала скорее формально. И, кажется, одна из Хранительниц Мудрости как-то говорила ему, что Масури боится, что бешеную собаку посадят на цепь и не позволят ей прыгать, пока

Хранительница Мудрости не скажет «жаба». Это похоже на головоломку кузнеца, вот только здесь края ее металлических деталек были заточены. Ему необходимо сложить ее, но одно неосторожное движение – и он порежется до кости.

Уголком глаза Перрин заметил, что Балвер наблюдает за ним, задумчиво поджав губы. Птица, изучающая нечто незнакомое: она не испугана, не голодна, ей просто интересно. Подобрав поводья Ходока, Перрин пошел вперед так быстро, что коротышке, чтобы поспеть за ним, пришлось удлинить свои шаги до небольших прыжков.

Двуреченцы занимали сектор

лагеря рядом с айильцами, лицом к северо-востоку, и Перрин подумал, не пройти ли немного севернее, где располагались гэалданские копейщики, или южнее, к ближайшему участку майенцев, но, испустив глубокий вздох, он заставил себя направить лошадь в стан своих друзей и земляков. Они были уже все на ногах, кутаясь в плащи и подкармливая походные костры обломками своих навесов, или крошили остатки пойманного вчера кролика, чтобы добавить мясо в утреннюю овсянку. При его появлении разговоры затихли и запах настороженности усилился, все головы повернулись в его сторону.

Точильные камни перестали скользить по стали, но затем возобновили свой свистящий шепоток. Лук был любимым оружием двуреченцев, но каждый носил при себе тяжелый кинжал или короткий меч, а некоторые и длинный; к тому же они подбирали копья, алебарды и другое оружие на длинных древках с чудными наконечниками, клинками и шипами, которое Шайдо сочли ненужным тащить вместе с награбленным добром. К копьям двуреченцы были привычны, а руки, умеющие работать дубиной на состязаниях в праздничные дни, легко управлялись с любым другим оружием, надо было

только привыкнуть. Их лица были голодными, усталыми и бескровными.

Кто-то начал было без особого энтузиазма кричать «Златоокий!», но никто не подхватил клич — месяц назад это немало порадовало бы Перрина. Многое изменилось с тех пор, как Фэйли была похищена. Теперь их молчание было тяжелым, как свинец. Молодой Кенли Маерин, щеки которого еще были бледны в тех местах, где он соскреб результаты своих попыток отпустить бородку, избегал встречаться взглядом с Перрином; а Джори Конгар, пальцы которого оказывались очень проворными, когда ему попадалось

что-либо маленькое и ценное, и напивавшийся в стельку в любое время, когда только предоставлялась возможность, презрительно сплюнул, когда Перрин проходил мимо. Бан Кро за это двинул кулаком Джори в плечо, и довольно сильно, однако сам тоже не глядел на Перрина.

Даннил Левин встал, нервно подергивая себя за густые усы, которые так смешно смотрелись под его крючковатым носом.

— Будут распоряжения, лорд Перрин? — На его исхудавшем лице появилось настоящее облегчение, когда Перрин покачал головой; он тут же сел на место и уставился в ближайший котелок, словно

беспокоился, не подгорела ли утренняя каша. Возможно, так оно и было: в последнее время никому не удавалось набить брюхо как следует, а у Даннила и раньше не было на костях лишнего мяса. Айрам за спиной Перрина издал звук, весьма напоминающий раздраженное рычание.

Кроме людей из Двуречья здесь были и другие, но и они были не лучше. Ламгвин Дорн, здоровенный верзила со множеством шрамов на лице, дернул себя за чуб и опустил голову. На вид Ламгвин был громила громилой; но теперь состоял у Перрина камергером, так что, когда была нужда (а это случалось

нечасто), он мог хотя бы попытаться сохранить хороший запах при виде своего хозяина. Базел Гилл, дородный мужчина, бывший хозяин гостиницы, которого Фэйли наняла в качестве их *шамбайяна*, был очень занят: с преувеличенной тщательностью складывал одеяло, склонив над ним свою лысую голову. Старшая горничная Фэйли, Лини Элтринг, костлявая женщина с пучком седых волос, делавшим ее лицо еще уже, чем оно было, решительно выпрямилась над котелком, сжав губы, и подняла длинную деревянную ложку, которой мешала кашу, словно не позволяя Перрину приближаться к себе. Бриане

Таборвин, черные глаза которой яростно пылали на бледном кайриэнском лице, сильно шлепнула Ламгвина по руке и посмотрела на него, сердито нахмурившись. Она была подружкой Ламгвина, если не его женой, и второй из трех служанок Фэйли. Они, если понадобится, последуют за Шайдо, пока не упадут замертво, и стиснут Фэйли в объятиях, когда найдут, но только у одного Ламгвина, пожалуй, найдется хотя бы унция приветов для Перрина. Можно было бы обратиться к Джуру Грейди – Аша'маны сами держались в стороне от всех, помня, кем и чем они являются, и никогда не выказывали никакой враждебности

по отношению к Перрину, — но несмотря на шум, который поднимали люди, топая взад-вперед по скрипучему снегу, поскользываясь и ругаясь, Грейди до сих пор храпел, завернувшись в свои одеяла, под навесом из сосновых веток. Перрин двигался среди своих друзей, соседей и слуг, но чувствовал себя одиноким. Люди могут изъявлять тебе свою преданность, а потом возьмут и отрекутся. Сердце его жизни билось сейчас где-то на северо-востоке. Все должно прийти в норму, как только она вернется к нему.

Чаща из заостренных кольев, шагов десяти в ширину, окружала лагерь, и Перрин прошел к сектору

гэалданских копейщиков, где в
частоколе был оставлен узкий
извилистый проход для одного
всадника; и Балверу с Айрамом
пришлось отстать от него и пойти
сзади. На участке двуреченцев с
конем было не пройти, там и пешему
пришлось бы изворачиваться как
угрю, чтобы пролезть между
колями. Опушка леса находилась
немногим более чем в сотне шагов —
смешное расстояние для
двуреченского лучника; кроны
больших деревьев смыкались
пологом высоко над землей.
Некоторые из деревьев были
незнакомы Перрину, но там такие
росли сосны, и болотные мирты, и

вязы, некоторые три-четыре шага в толщину у основания, и дубы, которые были еще толще. Такие огромные деревья убивают все, что пытается расти под ними, за исключением разве что травы и небольших кустов, так что между стволами оставались свободные промежутки; но все равно здесь было темнее, чем ночью. Это был старый лес — такой лес может проглотить целую армию и не оставить даже костей.

Балвер шел за ним, пока они не миновали частокол, и наконец решил, что большего уединения им с Перрином в ближайшее время все равно не найти.

– Те всадники, которых высылал Масима, милорд... – произнес он и, придерживая плащ, метнул подозрительный взгляд в сторону Айрама, который стоял по-прежнему с каменным лицом.

– Я знаю, – сказал Перрин, – ты думаешь, что он посылает их к Белоплащикам. – Он был рад тому, что движется, и тому, что находится вдалеке от своих друзей. Он положил руку, держащую повод, на луку седла, но не стал вдевать ногу в стремя. Ходок мотнул мордой, его тоже обуревало нетерпение. – Масима с тем же успехом может посылать вестников и к Шончан.

– Вы совершенно правы,

милорд. Это более чем возможно. Однако могу ли я еще раз обратить ваше внимание на то, что мнение Масимы относительно Айз Седай весьма близко к мнению Белоплащников? Фактически они совпадают. Он бы с радостью их всех умертвил, будь это в его власти. Взгляды Шончан на этот вопрос более... прагматичны, если мне будет позволено так выразиться. По сравнению с Масимой, по крайней мере.

— Как бы сильно ты ни ненавидел Белоплащников, мастер Бал-вер, нельзя обвинять их во всех наших бедах. К тому же Масима раньше имел дело с Шончан.

— Вам виднее, милорд. —

Выражение лица Балвера не изменилось, но от него так и разлило сомнением. Перрин не мог доказать, что Масима встречается с Шончан, а рассказать кому-нибудь, каким образом он узнал об этих встречах, значило лишь добавить себе трудностей к уже имеющимся. Это-то и смущало Балвера: он был человеком, который любил доказательства. — Что же до Айз Седай и Хранительниц Мудрости, милорд... Айз Седай всегда считают, что им все известно лучше, чем всем остальным. Полагаю, Хранительницы Мудрости в этом отношении сильно на них походят.

Перрин фыркнул, выдувая белые султанчики в морозном воздухе.

— Расскажи мне лучше о том, чего я не знаю. Например, почему Масури встречается с Масимой и почему Хранительницы Мудрости допускают это. Я готов поставить Ходока против ржавого гвоздя, что она делает это с их соизволения. — Анноура — другое дело, но ведь она могла руководствоваться и собственными соображениями. Казалось маловероятным, чтобы она действовала по указке Берелейн.

Поправляя плащ на плечах, Балвер посмотрел сквозь ряды заостренных кольев в сторону палаток Айил, он так щурился,

словно надеялся проникнуть
взглядом сквозь парусину.

— Здесь существует много
возможных ответов, милорд, —
осторожно сказал он. — Для
некоторых людей, приносящих
клятвы, все, что не запрещено,
позволено, особенно если на этот
счет не было прямого приказа.
Другие же предпринимают действия,
которые, по их мнению, смогут
помочь сюзерену, не позаботившись
предварительно спросить его
разрешения. По-видимому, и Айз
Седай, и Хранительницы Мудрости
попадают в какую-либо из этих
категорий, но я могу только
предполагать, как обстоят дела

дальше.

– Я ведь могу просто спросить. Айз Седай не станет лгать, а если я хорошенько поднажму, то и Масури может сказать мне правду.

Балвер поморщился, словно у него заболел живот.

– Возможно, милорд. Возможно. Более вероятно, что она расскажет вам нечто, что будет весьма похоже на правду. Как вы знаете, Айз Седай имеют в этом немалый опыт. В любом случае, милорд, Масури заинтересуется, откуда вы узнали то, о чем спрашиваете, и выйти на Хавиара и Нериона. Учитывая нынешние обстоятельства, кто возьмется предсказать, кому она

расскажет об этом? Прямой путь – не всегда самый лучший. Некоторые вещи иногда лучше делать под прикрытием, для большей безопасности.

– Я говорил вам, что Айз Седай нельзя доверять, – внезапно вмешался Айрам. – Я говорил вам это, лорд Перрин. – Он замолчал, повинувшись поднятой руке Перрина, но запах ярости, исходивший от него, был столь силен, что Перрину пришлось несколько раз выдохнуть, чтобы прочистить легкие. Какая-то его часть хотела втянуть в себя этот запах и позволить ему поглотить себя.

Перрин пристально изучал

Балвера. Если Айз Седай способна так извратить правду, что под конец ты уже не разберешь, где верх, где низ, — а они так и делали, — то насколько можно им доверять? Этот вопрос всегда самый главный, подобное знание далось ему нелегко. Перрин крепко зажал свой гнев в кулаке. Молот следовало использовать с предельной осторожностью, ведь он работал в такой кузнице, где один промах мог вырвать сердце у него из груди.

— А сможет ли что-либо измениться, если кое-кто из друзей Селанды станет проводить больше времени с айильцами? Они же хотят быть Айил, в конце-то концов. Это

послужит для них достаточным оправданием. И, возможно, кому-нибудь из них удастся завязать дружбу с Берелейн и ее советницей.

— Это, должно быть, возможно, милорд, — заявил Балвер после минутного колебания. — Отец леди Медоре — один из Благородных Лордов Тира, что предоставляет ей достаточный статус, чтобы сблизиться с Первой Майена, а заодно и дает повод. Возможно, один или двое из кайриэнцев также достаточно знатны. Найти же тех, кто будет жить среди Айил, еще проще.

Перрин кивнул. Требуется бесконечная осторожность в

обращении с молотом, как бы сильно ему ни хотелось обрушить его на то, что находится в пределах досягаемости.

— Тогда так и сделаем. Но, мастер Балвер, насколько я понял, ты пытался... подтолкнуть... меня к этой мысли, с тех пор как Селанда покинула нас. С этой минуты, если у тебя возникнет какое-то предложение, — говори прямо. Даже если я девять раз подряд скажу «отстань», на десятый я все же тебя выслушаю. Сам я обладаю не слишком острым умом, но хочу иметь возможность слушать тех, кто разумнее меня, и я думаю, что ты входишь в их число. Только не

пытайся больше подталкивать меня в том направлении, куда ты хочешь, чтобы я шел. Мне это не нравится, мастер Балвер.

Балвер моргнул, а затем не нашел ничего лучше, как поклониться, сложив руки на животе. От него пахло удивлением. И удовлетворенностью. Стало быть, он доволен?

— Как скажете, милорд. Мой предыдущий хозяин не любил, когда я предлагал что-либо, если меня не спрашивали. Заверяю вас, больше я не повторю этой ошибки. — Он, казалось, пришел к какому-то решению. — Да позволено мне будет сказать, — осторожно проговорил

Балвер, — но служить вам очень... приятно... причем в таких областях, где я этого не ожидал. Вы — тот, кем кажется, милорд, без всяких отравленных шипов, хитроумно спрятанных, чтобы поймать неосторожного. Мой прежний хозяин слыл очень умным человеком, но мне кажется, что вы не менее умны, хотя и несколько по-другому. Думаю, я буду очень сожалеть, если мне придется оставить эту службу. Любой скажет подобное, чтобы сохранить свое место, но я действительно думаю так.

Отравленных шипов? До того как поступить на службу к Пер-рину, Балвер занимал должность секретаря

у одной из мурандий-ских леди, у которой в жизни пошла черная полоса и она не смогла больше позволить себе держать секретаря. Муранди, должно быть, более опасное место, чем думал Перрин.

— Нет никаких причин, чтобы ты оставил свою службу. Просто говори мне, что бы ты хотел сделать, и представляй решение мне, не пытаясь подталкивать меня. И забудь о лести.

— Я никогда не лъщу, милорд. Но я знаю, как подстраиваться к хозяину, этого требует моя профессия. — Коротышка поклонился еще раз. Он никогда не был столь церемонным. — Если у вас нет больше вопросов,

милорд, могу ли я отправиться
искать леди Медоре?

Перрин кивнул. Секретарь еще
раз поклонился, двигаясь задом
наперед, а затем вприпрыжку
понесся к лагерю, с хлопающими
сзади полами плаща, — совсем как
воробей, скачущий по снегу, — и
исчез, нырнув в лаз между
заостренными кольями. Станный он
все же человек.

— Я не доверяю ему, —
пробормотал Айрам, глядя вслед
Балве-ру. — И еще я не доверяю
Селанде и ее шайке. Они столкнутся с
Айз Седай, попомните мои слова.

— Кому-то же надо доверять, —
грубо сказал Перрин. Вопрос только

— кому? Взметнувшись в седло Ходока, он ударил жеребца каблуками в ребра. Молот бесполезен, пока он лежит без дела.

Глава 6. Запах из сна

Холодный ветер чистой свежей струей ворвался в ноздри Пер-рина, когда тот галопом въехал в лес; воздух был полон хрустом снега, взметавшегося за копытами Ходока. Здесь, за пределами лагеря, можно забыть о старых друзьях, которые пожелали поверить худшим из слухов. Можно попытаться забыть о Масиме, и об Айз Се-дай, и о Хранительницах Мудрости. Шайдо, однако, было не так легко выкинуть из головы, они были словно приварены изнутри к его черепу — железная головоломка, которая не

поддавалась, как он ее ни крутил. Перрину хотелось разбить ее вдребезги, но такой способ вряд ли годился.

Насладившись коротким бешеным галопом, Перрин придержал жеребца, переводя его на шаг и испытывая легкое чувство вины. Тьма под пологом леса была густой, и торчащие меж высоких деревьев макушки камней предупреждали о том, что еще больше их скрывается под снегом — целая сотня валунов, споткнувшись о которые, бегущая лошадь может сломать ногу, и это не считая всяких ям и нор, проделанных мышами, лисами и барсуками. Не было

необходимости рисковать. Галоп не поможет освободить Фэйли даже часом раньше, а ведь ни одна лошадь не выдержит такого темпа долгое время. Там, где снег намело сугробами, он доходил до колена, но и в остальных местах глубина была немногим меньше. Однако Перрин направлялся на северо-восток. Разведчики должны вернуться оттуда и принести известия о Фэйли. Известия о Шайдо, по крайней мере о том, где они располагаются. Он очень надеялся на это и молился, но сегодня знал наверняка, что это случится. Однако знание лишь увеличивало беспокойство. Найти их — это лишь первый шаг в

разгадывании головоломки. Гнев заставлял его мысли метаться от одного к другому, а что бы там ни думал Балвер, Перрин знал, что дела удаются ему лучше, когда он действует методично. У него плохо получалось соображать быстро, и ему недоставало хитроумия, но методичность искупала многое, так или иначе.

Айрам нагнал его, пустив своего серого во всю прыть, и сдержал мерина, чтобы ехать чуть сзади и сбоку, как собака, следующая по пятам за хозяином. Перрин позволил ему это. Айрам никогда не издавал запаха удовлетворения, когда Перрин заставлял его ехать рядом. Бывший

Лудильщик не произнес ни слова, но завихрения морозного воздуха доносили его запах: смесь гнева, подозрительности и раздражения. Он сидел в седле напряженно, как до предела заведенная часовая пружина, и озира́л окружающий лес с хмурым лицом, словно ожидал, что какой-нибудь Шайдо может выскочить из-за ближайшего дерева.

По чести говоря, от большинства людей в этих лесах могло укрыться все что угодно. Там, где сквозь полог ветвей наверху проглядывало небо, оно носило отчетливый серый оттенок, но это лишь погружало лес в сплетение теней, еще более сумрачных, чем ночь, а сами деревья

казались массивными колоннами
черноты. Несмотря на это, даже
шевеление чернокрылой галки,
сидящей на заснеженной ветке,
распушив перья от холода, не
укрылось от глаз Перрина, а
охотящаяся сосновая ласточка —
черная тень в темноте леса —
настороженно подняла голову на
соседнем дереве. Он слышал также
запахи обеих птиц. Слабая струйка
человеческого запаха доносилась от
кряжистого дуба толщиной с
туловище пони, с темными
распростертыми сучьями. Гэалданцы
и майенцы высылали конные патрули
за несколько миль от лагеря, но на
более близком расстоянии он

предпочитал полагаться на двуреченцев. У него не доставало людей, чтобы полностью окружить лагерь, однако двуреченцы были привычны к лесу, имели навыки охоты на зверя, который мог начать охотиться сам, умели замечать в лесу движение, какое способен упустить человек, привыкший лишь к войне и солдатскому ремеслу.

Горные кошки, спустившиеся с круч поохотиться на овец, могут спрятаться на ровном месте, а медведь и дикий кабан, как известно, часто возвращаются по своим следам и устраивают засаду на своих преследователей. Сидя на ветвях в тридцати-сорока футах над землей,

можно вовремя увидеть любого, кто движется вниз, и успеть предупредить лагерь, а своими длинными луками двуреченцы заставят заплатить немалый выкуп того, кто попытается пробиться через них силой. Однако сейчас Перину было не до часовых и не до галок. Он был сосредоточен на том, что ждало впереди, за сплетением деревьев и теней, напряженно стараясь уловить первые признаки возвращения разведчиков.

Внезапно Ходок замотал головой, зафыркал, окутывая себя облаком пара, и встал на месте, вращая глазами, а серый под Айрамом тонко заржал и шарахнулся

в сторону. Перрин наклонился вперед, чтобы потрепать дрожащую шею жеребца, но его рука замерла в воздухе, когда ноздрей коснулся след запаха — слабого запаха жженой серы, от которого волосы на загривке встали дыбом. Не совсем жженой серы; этот запах был в сотни раз хуже. От него несло чем-то... неправильным, чем-то не принадлежащим к этому миру. Этот запах не был новым — его даже нельзя было назвать «свежим», — но он не был и старым, а возник час назад, возможно, меньше. Может быть, примерно в то время, когда он проснулся. Да, примерно тогда, когда ему снился этот запах.

— Что это, лорд Перрин? — Айрам с трудом удерживал на месте своего серого, который выплясывал кругами, борясь с поводом и норовя кинуться в любую сторону и убежать как можно дальше; но даже натягивая повод, он держал наготове свой меч с волчьей головой на рукояти. Он упражнялся с ним ежедневно, целыми часами, когда у него было время, и те, кто разбирался в таких вещах, говорили, что у него неплохо получается. — Может быть, вы и способны отличить в этой тьме черную нитку от белой, но для меня день еще не наступил. Я не могу толком разглядеть здесь ничего.

— Убери меч, — ответил

Перрин. — Он не понадобится. Мечи здесь не помогут. — Ему пришлось долго убеждать своего трепещущего жеребца двинуться вперед, и он последовал за этим ужасным запахом, вперившись взглядом в покрытую снегом землю перед собой. Перрин знал этот запах, и не только по сну.

У него заняло совсем немного времени, чтобы найти искомое, и Ходор с благодарностью заржал, когда Перрин натянул поводья перед продолговатым выступом серого камня, в два шага шириной, торчащим из снега по правую руку. Снег вокруг был гладким и нетронутым, но собачьи следы

покрывали наклонную поверхность камня, словно целая стая вскарабкалась на него, пробегая мимо. Несмотря на сумрак и тени, глаза Перрина ясно различали их. Отпечатки лап, размером больше его ладони, впечатанные в камень так, словно то была глина. Он снова потрепал Ходока по шее. Неудивительно, что животное испугано.

— Возвращайся в лагерь, Айрам, и найди Даннилу. Скажи ему, что я приказал оповестить всех, что здесь были Гончие Тьмы, может быть с час назад. И спрячь меч. Тебе вряд ли захочется попробовать заколоть Гончую Тьму мечом, поверь мне.

– Гончие Тьмы? – воскликнул Айрам, вглядываясь в сумрачные тени, лежащие между деревьями. Теперь в его запахе чувствовалось беспокойство и страх. Большинство людей лишь посмеялось бы, назвав это байками путников и сказками для детишек. Но Лудильщики бродили повсюду и знали, на что можно наткнуться в диких местах. Айрам с видимой неохотой засунул меч в ножны у себя за спиной, но его правая рука осталась приподнятой, готовая в любой момент схватиться за рукоять. – А как можно убить Гончую Тьму? И можно ли вообще их убить? – Ну вот опять, этому парню иногда просто не хватает

здорового смысла.

– Радуйся, что тебе не придется пробовать, Айрам. Иди, сделай то, что я тебе сказал. Необходимо, чтобы наши люди следили во все глаза на случай, если они вернутся. Это маловероятно, но все же лучше поостеречься. – Перрин вспомнил, как однажды сражался с такой стаей и убил одну из тварей. По крайней мере, думал, что убил, всадив в нее добрых три стрелы с широкими наконечниками. Порождения Тьмы не умирают так легко. Морейне пришлось покончить с той стаей с помощью разящего огня. – Проследи, чтобы Айз Седай и Хранительницы Мудрости узнали об этом, и

Аша'маны тоже. — Мало шансов, что кто-нибудь из них знает, как создавать разящий огонь (женщины могут и не признаться, что им известно запрещенное плетение, да и мужчины, возможно, не признаются), но может быть, им известно что-нибудь еще, столь же действенное.

Айрам не хотел оставлять Перрина одного, пока тот не прикрикнул на него, но и когда тот повернул к лагерю, от него исходил запах обиды и боли, как будто двое оказались бы хоть на волос в большей безопасности, чем один. Когда он скрылся из вида, Перрин повернул Ходока на юг, в том направлении, куда вел след Гончих

Тьмы. Он не хотел, чтобы кто-нибудь сопровождал его на этом пути, даже Айрам. Несмотря на то что люди иногда замечали его острое зрение и тонкое чутье, он не хотел выставлять это напоказ. У них и без того хватает причин его сторониться.

Возможно, твари появились так близко от лагеря по чистой случайности, но последние несколько лет научили Перрина с подозрением относиться к подобным совпадениям. Слишком часто они оказывались совсем не совпадениями, хотя другие могли так и не считать. Если в этом кроется еще одно свойство *та'верена* стягивать Узор, то без такого подарка

он вполне может обойтись. В этой его способности таилось больше недостатков, чем преимуществ, даже когда она, по всей видимости, работала на него. То, что в эту минуту складывается в твою пользу, уже в следующую может обратиться против тебя. И нельзя забывать еще и про другую возможность. Будучи *та'вереном*, ты выделяешься в Узоре, благодаря чему некоторые из Отрекшихся иногда могут находить тебя, по крайней мере так ему говорили. Возможно, это верно и в отношении некоторых Порождений Тени.

След, по которому он шел, был проложен не менее часа назад, но

Перрин ощущал, как у него твердеют мышцы между лопатками и покалывает кожу на голове. Небо, где оно было видно за деревьями, по-прежнему оставалось темно-серым даже для его глаз. Солнце еще не показалось над горизонтом. Предрассветная пора самая неподходящая для встречи с Дикой Охотой — время, когда тьма сменяется светом, но свет еще не взял верх над тьмой. По крайней мере, поблизости не было ни перекрестков, ни кладбищ; правда, единственные очажные плиты, которых можно было коснуться, находились позади, в Брайтане, и он не был уверен в надежности этих

лечуг. Перрин попытался прикинуть, где находится ближайший ручей, в котором они брали воду для лагеря, прорубая лед. Он был не более десяти-двенадцати шагов в ширину и лишь по колено глубиной, но считается, что вода, текущая между тобой и Гончими Тьмы, способна остановить их. Говорили также, что их можно остановить, если бесстрашно посмотреть им в глаза, но он уже однажды испробовал, чем заканчиваются такие встречи. Его ноздри ловили дуновение ветерка, выискивая признаки того старого запаха. И хоть малейший намек на другой более свежий. Наткнуться на этих тварей – приятного в этом мало.

Ходок улавливал запахи почти так же легко, как Перрин, и иногда быстрее понимал, что они собой представляют, но когда он начинал артачиться, Перрин принуждал жеребца идти вперед. По снегу было разбросано множество следов — отпечатки копыт конных патрулей, выезжающих в разъезд и возвращающихся в лагерь, и лапок зайцев и лисиц, — но Гончие Тьмы оставляли следы только на торчащих из снега камнях. В этих местах запах жженой серы ощущался сильнее всего, но и между камнями его было достаточно, чтобы Перрин мог проследить тварей до следующей оставленной ими отметины.

Отпечатки огромных лап перекрывали друг друга, и было невозможно сказать, сколько Гончих там прошло, но поверхность каждого камня, будь он шириной в шаг или в шесть, была испещрена их следами от края до края. Эта стая была больше тех десяти, что он встретил на окраине Иллиана. Гораздо больше. Не по этой ли причине здесь в округе совсем нет волков? Он был уверен, что надвигающаяся смерть, которую он чувствовал во сне, была чем-то реальным, а ведь в том сне он *был* волком.

Когда след начал заворачивать к западу, в Перине зародилось подозрение, которое затем переросло

в уверенность. Гончие описали вокруг лагеря полный круг; они пробежали как раз по тому месту севернее лагеря, где несколько больших деревьев лежали, наполовину поваленные, опираясь на соседние, — из расщепленного ствола каждого из них было аккуратно вырезано по длинному узкому куску. Следы покрывали выступающий из-под снега камень, гладкий и плоский, как мраморная плита, не считая лишь одной выемки в волос толщиной, которая прорезала его ровно, словно проведенная по линейке. Ничто не могло помешать Аша'манам открыть ворота, а здесь были распахнуты сразу двое ворот. В

тонкой сосне, лежавшей на том месте, где открылся один из проходов, был выжжен кусок в четыре шага шириной, но обугленные концы ствола были настолько гладкими, словно их привезли с лесопилки. Однако, похоже, проявления Единой Силы не интересовали Гончих Тьмы. Стая задержалась здесь не дольше, чем в любом другом месте, они даже не замедлили бег. Гончие Тьмы могут бежать быстрее, чем лошади, и дольше выдерживать темп; но Перрину не казалось, что их зловоние в одних местах было сильнее, чем в других. В двух точках круга след раздваивался, но это лишь

означало, что здесь стая пришла с севера и ушла на юг. Сделав круг вокруг лагеря, они продолжили свой путь, за чем бы или за кем бы они ни охотились.

Очевидно, их целью был не он. Возможно, стая описала круг, потому что унюхала его, почуяла, что он *та'верен*, однако Перрин сомневался, что Гончие Тьмы заколебались хоть на мгновение, прежде чем войти в лагерь, если бы охотились за ним. Те Гончие, с которыми он сталкивался раньше, без колебаний вошли в город Ил-лиан, хотя убить его они попытались уже позже. Но докладывают ли Гончие Тьмы о том, что видят по пути, подобно крысам и

воронам? Эта мысль заставила его сжать челюсти. Привлечь к себе внимание Тени – этого страшился любой человек в здравом рассудке; привлечь к себе внимание Тени означало помеху в поисках Фэйли. Это заботило Перина больше всего. Однако существовали способы бороться с Порождениями Тени, как и способы бороться с Отрекшимися, если бы до этого дошло. Что бы ни встало между ним и Фэйли, Гончие Тьмы, или Отрекшиеся, или что-либо другое, он найдет способ обойти препятствие или пройти напролом, если будет нужда. В человеке одновременно может помещаться только определенное количество

страха, и сейчас весь его страх был сосредоточен вокруг Фэйли. Для других страхов в его сердце просто не было места.

Не успел Перрин еще добраться до того места, откуда начал преследование, как потоки воздуха донесли до него запахи людей и лошадей, острые в морозном воздухе, и он натянул повод, переведя Ходока на шаг, а затем и вовсе остановился. Он заметил пятьдесят или шестьдесят лошадей в сотне шагов впереди. Солнце наконец показалось над горизонтом; оно пронизывало полог леса косыми лучами света, которые отражались от снега и слегка рассеивали сумрак, однако

глубокие неровные тени оставались между деревьями, проскальзывая между его тонкими лучиками. Эти тени окутывали и Пер-рина. Всадники находились неподалеку от того места, где он впервые наткнулся на след Гончих, и он мог разглядеть бледно-зеленый плащ Айрама и его куртку с красными полосами — одеяние Лудильщика, противоречащее мечу у него за спиной. Большинство всадников носило круглые, в форме горшка, красные шлемы с ободком и темные плащи поверх красных кирас; прикрепленные к копьям длинные красные ленточки развевались на легком ветерке, в то время как

солдаты поворачивались, внимательно всматриваясь во всех направлениях. Первая Майена часто выезжала из лагеря по утрам, беря с собой достаточно телохранителей из Крылатой Гвардии.

Перрин уже собирался тихонько ускользнуть, чтобы не пришлось встречаться с Берелейн, но тут он увидел стоящих возле лошадей трех высоких женщин, до пояса закутанных в длинные черные шали. Он заколебался. Хранительницы Мудрости хотя и неохотно ездили верхом, когда другого выбора не было, но необходимость пройти пару миль по снегу в тяжелых шерстяных юбках была недостаточно веской

причиной, чтобы заманить их в седло. Почти наверняка Сеонид и Масури тоже там, хотя Берелейн, по видимому, и нравилась ай-илкам по причине, которой он не мог постичь.

Он не собирался присоединяться к всадникам, независимо от того, кто находился среди них, но колебание лишило его возможности скрыться. Одна из Хранительниц Мудрости – он решил, что это была Карелле, женщина с огненными волосами и постоянным вызовом в глубине колючих голубых глаз, – подняла руку, указывая в его направлении, и вся группа тронулась с места; солдаты разворачивали лошадей, вглядываясь в чащу леса и

слегка склонив копья с длинными стальными наконечниками. Вряд ли им удавалось толком разглядеть его сквозь чередовавшиеся глубокие озера тени и яркие столбы солнечного света. Удивительно, что это удалось Хранительнице Мудрости; впрочем, Айил всегда славились острым зрением.

Масури была там — стройная женщина в плаще бронзового цвета, верхом на серой в яблоках кобыле, — а с ней и Анноура, она держала свою каурую лошадку позади остальных, но ее можно было узнать по дюжине тонких черных косичек, видневшихся под капюшоном. Сама Берелейн на холеном гнедом мерине ехала

впереди — высокая, красивая, молодая, с длинными черными волосами, в красном плаще, отороченном черным мехом. У этой красоти, однако, был один существенный недостаток: она была не Фэйли. И еще один минус разрушал ее красоту окончательно, по крайней мере в его глазах. Именно от нее Перрин узнал о похищении Фэйли и о связи Масимы с Шончан, хотя почти все в лагере думали, что он переспал с Берелейн в ту самую ночь, когда Фэйли исчезла, а она не предпринимала никаких попыток опровергнуть этот слух. Подобные толки были не того сорта, чтобы он мог попросить ее и публично

заявить, что это неправда, однако она могла бы сделать хоть что-нибудь, приказать своим служанкам опровергнуть слухи, да мало ли что. Вместо этого Берелейн хранила молчание, а ее служанки, вечно стрекочущие как сороки, только раздували эти слухи. В Двуречье подобная «слава» прилипает к людям намертво.

Он избегал Берелейн с той самой ночи и уехал бы прочь даже сейчас, после того как его заметили, но она, взяв из рук сопровождавшей ее служанки, низенькой женщины в голубом с золотым плаще, корзиночку с круглыми ручками, сказала несколько слов остальным и

тронула своего холеного гнедого мерина в его сторону. Она ехала одна. Анноура подняла руку и прокричала что-то ей вслед, но Берелейн даже не обернулась. Перрин не сомневался, что она последует за ним, куда бы он ни ускакал, так что не стоит заставлять людей думать, что они хотят уединиться. Он вонзил каблуки в бока Ходока, собираясь подъехать к остальным, хоть ему этого совсем не хотелось — пусть едет следом, если хочет, — но Берелейн заставила своего гнедого пойти рысью, несмотря на неровную почву и глубокий снег, даже перепрыгнула торчащий из-под снега валун, и в развевающемся за плечами красном плаще перехватила

его на полдороге. Она была хорошей наездницей, этого у нее не отнимешь. Не такой хорошей, как Фэйли, но лучше, чем многие.

— Когда ты так хмуришься, то выглядишь просто свирепым! — засмеялась Берелейн, останавливая лошадь прямо перед мордой Ходока. Судя по тому, как она держала вожжи, она была готова загородить ему дорогу, если бы он попытался объехать ее. У этой женщины совершенно нет стыда! — Улыбайся, пусть люди думают, что мы флиртуем. — Рукой, затянутой в малиновую перчатку, бесстыдница протянула ему корзинку: — Возьми, уж это-то точно заставит тебя

улыбнуться. Я слышала, что ты часто забываешь поесть. — Она наморщила нос. — И, кажется, еще и помыться. К тому же тебе необходимо подстричь бороду.

Изможденный, непричесанный муж, спасающий свою жену, — фигура романтическая, но ей вряд ли настолько же понравится грязный оборванец. Ни одна женщина никогда не простит, если ты разрушишь ее идеалы.

Неожиданно смутившись, Перрин взял корзинку, поставил ее перед собой на высокую луку седла и бессознательно потер кончик носа. Он уже привык к определенным запахам, исходящим от Бе-релейн, — обычно это был запах охотящейся

волчицы, в то время как он был предполагаемой жертвой, — но сегодня от женщины совершенно не пахло охотой. Ни на волос. Судя по аромату, Берелейн была терпелива, как камень, и весела, и еще в ее запахе журчали скрытые ручейки страха. Эта женщина определенно никогда не боялась его, насколько Перрин мог припомнить. А в связи с чем терпеливость? И если уж на то пошло, что это ее так развеселило? Горная кошка, пахнувшая как ягненок, удивила бы его меньше.

Но, несмотря на смущение, в желудке заурчало от ароматов, поднимающихся от закрытой корзинки. Жареная куропатка, если

он не ошибается, и хлеб – еще теплый, недавно выпеченный. Мука у них почти кончилась, и хлеб был не меньшей редкостью, чем мясо. Действительно, иногда он пропускал трапезы. Он просто забывал о них, а когда вспоминал, то еда не лезла ему в горло, поскольку, чтобы раздобыть себе пищу, ему приходилось терпеть упреки Лины и Бриане или встречать холодные взгляды земляков. Сейчас же еда находилась прямо перед его носом, и у Перрина потекли слюнки. Не будет ли изменой с его стороны принять пищу из рук Берелейн?

– Спасибо тебе за хлеб и куропатку, – грубо сказал он, – но меньше всего на свете мне хочется,

чтобы кто-нибудь решил, что мы флиртуем. И я моюсь при любой возможности, если тебя это так волнует. Что не так-то просто в такую погоду. Между прочим, здесь никто не пахнет лучше меня. – Она пахнет лучше, внезапно осознал он. Под легким цветочным ароматом духов, исходившим от нее, не чувствовалось ни малейшего намека на пот или грязь. И это его почему-то раздражало, словно было предательством.

Глаза Берелейн на мгновение испуганно расширились – интересно, почему? – но затем она вздохнула, продолжая улыбаться, так что улыбка стала уже казаться наклеенной, и

ниточка раздражения вплелась в ее запах.

– Прикажи разбить тебе палатку. Я знаю, что в одной из повозок есть хорошая медная ванна. Вряд ли ты выбросил ее. Люди ожидают от благородного, что он и будет выглядеть соответственно, Перрин. А это подразумевает презентабельный вид, даже если для этого потребуются дополнительные усилия. Таковы правила игры. Ты должен давать людям то, чего они от тебя ждут, а не только то, в чем они нуждаются или чего хотят, иначе они потеряют уважение к тебе, да вдобавок еще и оскорбятся, что ты им это позволил. Откровенно говоря, мы

все заинтересованы в том, чтобы этого не случилось. Все мы находимся далеко от дома и окружены врагами, и я всей душой верю, что ты, лорд Перрин Златоокий, и есть наш единственный шанс выжить и вернуться домой. Без тебя все рассыплется на кусочки. Так улыбайся же, поскольку если мы флиртуем, то это значит, что мы говорим о чем-то приятном.

Перрин оскалил зубы. Майенцы и Хранительницы Мудрости наблюдали за ними, но в пятидесяти шагах и в таком полумраке его гримаса вполне могла сойти за улыбку. Потерять уважение? Кто, как не Берелейн, помог ему лишиться

всякого уважения, которым он когда-либо пользовался среди двуреченского народа, не говоря уж о слугах Фэйли! Что еще хуже, Фэйли неоднократно читала ему подобные же лекции о том, что благородные должны давать людям то, что от них ожидают. И *его* оскорбляло, что именно эта женщина эхом повторяет мысли его жены.

— Я так понимаю, что ты хочешь что-то сообщить мне по секрету? Лицо женщины оставалось спокойным и улыбающимся, однако ручеек страха в ее запахе усилился. Это отнюдь не было паникой, но Берелейн явно считала, что подвергается опасности. Ее руки в

перчатках сжали поводья гнедого.

— По моему приказу несколько ловцов воров шныряют сейчас в лагере Масимы и заводят «друзей». Это, разумеется, не так эффективно, как иметь там «глаза-и-уши», но они прихватили с собой вино, якобы украденное у меня, и уже кое-что разузнали. — Мгновение она насмешливо рассматривала его, склонив набок голову. О свет! Она знала, что Фэйли использует Селанду и остальных этих идиотов в качестве шпионов! Ведь как раз Берелейн первой рассказала ему о них. По всей видимости, Гендар и Сантес, ее ловцы воров, видели Хавиара и Нериона в лагере Масимы.

Необходимо предупредить Балвера прежде, чем тот попытается натравить Медоре на Берелейн и Анноуру. А то как бы он сам себя не загнал в ловушку.

Он не отвечал, и Первая Майена продолжала:

– Я положила в эту корзинку еще кое-что кроме хлеба и куропатки. Это... некий документ, который Сантес обнаружил вчера утром. Он был заперт у Масимы в ящике стола. Этот глупец не может пройти мимо замка, чтобы не попытаться узнать, что там лежит. И если уж он влез куда не надо, то должен был выучить то, что Масима держит под замком, а не брать с собой, но что сделано, то

сделано. Только не позволяй никому увидеть, как ты читаешь бумагу, я приложила столько усилий, чтобы ее спрятать! – резко добавила она, когда Перрин поднял крышку корзинки, обнаружив под ней завернутый в ткань пакет, а также открыв доступ наружу ароматам жареной птицы и свежеспеченного хлеба. – Я уже несколько раз видела людей Масимы, следящих за тобой. Они могут наблюдать и сейчас.

– Я еще не полный идиот! – прорычал Перрин. Он знал о соглядатаях Масимы. Большинство его последователей были горожанами и вели себя в лесу настолько неуклюже, что устыдился бы и

десятилетний мальчишка. Что совсем не означало, что какой-нибудь парочке все же не удалось спрятаться где-нибудь среди деревьев, достаточно близко, чтобы шпионить за ним под прикрытием теней. Они всегда держались на расстоянии, поскольку Перин обладал таким зрением, что его считали чем-то вроде наполовину прирученного Исчадия Тьмы. Поэтому он редко слышал их запахи, а сегодня утром у него и без того хватало забот.

Отодвинув ткань в сторону и достав из-под нее куропатку, по размерам не уступавшую хорошему цыпленку, с поджаристой хрустящей корочкой, он оторвал одну ножку,

одновременно нащупывая на дне корзинки и вытаскивая лист плотной белой бумаги, сложенный вчетверо. Не обращая внимания на жирные пятна, Перрин развернул листок поверх птицы, действуя неловко из-за того, что был в перчатках, и начал читать, отрывая зубами куски мяса. Любой, наблюдающий за ним со стороны, решил бы, что он раздумывает, на какую часть куропатки ему наброситься, когда он покончит с ножкой. На толстой зеленой печати, взломанной с одной стороны, было выдавлено какое-то изображение. Перрин решил, что это три руки, у каждой из которых указательный палец и мизинец были

подняты, а остальные прижаты к ладони. Письмо было написано явно в спешке, почерк был странный, и некоторые буквы трудно распознать. Однако, приложив некоторое усилие, он смог разобрать, что было написано на листке.

«Предъявитель сего находится под моей личной защитой. Именем Императрицы, да живет она вечно, ему должна быть оказана любая помощь, какой он потребует ради службы Империи, и сведения об этом не

подлежат разглашению.

*Запечатано личной
печатью Сюрот Сабелле
Мелдарат, госпожи
Азинбайяра и Барсаббы и
Верховной Леди»*

– Именем Императрицы, – мягко проговорил он. Так мягко сталь скользит по шелку. Подтверждение сношений Масимы с Шончан, хотя лично для него никаких подтверждений не требовалось. В подобных вещах Берелейн не стала бы лгать. Эта Сюрот Сабелле Мелдарат должна быть высокопоставленной особой, раз

выдает подобные документы. — Теперь и ему придет конец, как только Сантес подтвердит, где он нашел эту бумагу. — Служба Империи? Масима знал, что Ранд сражается с Шончан! Опять в голове Перрина вспыхнула радуга и тотчас исчезла. Этот человек — предатель!

Берелейн засмеялась, словно он отпустил какую-то остроту, но ее улыбка теперь уже определенно была натянутой.

— Сантес сказал мне, что его никто не заметил в суматохе, когда разбивали лагерь, так что я позволила ему и Гендару сходить туда еще раз с последним бочонком моего доброго тунайганского. Они

должны были вернуться через час после заката, но оба пропали. Возможно, конечно, что они просто проспали, но они никогда...

Берелейн замолчала, издав легкое восклицание и уставившись на него во все глаза, и Перрин понял, что машинально перекусил пополам кость. О Свет, он обглодал подчистую целую ножку, даже не заметив этого!

– Я проголодался сильнее, чем мне казалось, – пробормотал он. Выплюнув осколки кости в рукавицу, он бросил их на землю. – Нет большой опасности в том, что Масима знает, что этот документ у тебя. Полагаю, ты держишь рядом с собой телохранителей постоянно, а

не только тогда, когда выезжаешь.

— Пятьдесят человек Галленне спали вокруг моей палатки прошлой ночью, — ответила Берелейн, все еще глядя на него, и он вздохнул. Можно подумать, что она никогда прежде не видела, как перекусывают кость пополам!

— Что сказала тебе Анноура?

— Она хотела, чтобы я отдала бумагу ей, а она бы уничтожила ее. Так что, если бы меня спросили, я могла бы сказать, что у меня документа нет и я не знаю, где он находится, а Анноура могла бы подтвердить мои слова. Впрочем, сомневаюсь, что Масима этим удовлетворился бы.

— Вот и я сомневаюсь. — И Анноура тоже должна бы знать это. Айз Седай могут заблуждаться, временами могут даже вести себя по-дурацки, но они никогда не были глупыми. — Как именно она сказала тебе — что уничтожит бумагу или что, если ты дашь ей документ, она сможет его уничтожить?

Брови Берелейн сошлись к переносице, она задумалась на минуту, прежде чем ответить:

— Она сказала, что уничтожит. — Гнедой протанцевал несколько нетерпеливых шагов, но всадница легко совладала с ним, даже не обратив на лошадь внимания. — Не могу представить себе, зачем еще

бумага могла ей понадобиться, — проговорила Берелейн, подумав еще немного. — Масима вряд ли похож на человека, который может поддаться... давлению. — Она имела в виду шантаж. Перрин тоже не считал, что Масима стерпит такое обращение. Особенно шантаж со стороны Айз Седай.

Прикрываясь тем, что отрывал вторую ножку от тушки куропатки, Перрин ухитрился вновь сложить бумагу и засунуть ее в рукав, где рукавица не дала бы ей выпасть. Это все же было доказательством. Но доказательством чего? Как один и тот же человек может быть одновременно фанатиком

Возрожденного Дракона и предателем? Может быть, он просто отнял документ у... У кого?

У какого-нибудь перебежчика, которого он поймал? Но зачем Массиме хранить бумагу под замком, если она написана не для него? Он *действительно* встречался с Шончан. И как он собирался использовать ее? Кто знает, что человек может сделать, имея на руках такое? Перрин тяжело вздохнул. У него было слишком много вопросов и ни одного ответа. Для ответов требовался более быстрый ум, чем у него. Возможно, Балвер что-нибудь подскажет.

Почувствовав внутри себя пищу, желудок начал призывать хозяина

поскорее покончить с ножкой и наброситься на то, что еще осталось в корзинке, но Перрин решительно закрыл крышку и постарался откусывать куропатку небольшими кусочками. Оставалась еще одна вещь, которую он мог выяснить самостоятельно.

— Что еще сказала Анноура? Насчет Масимы?

— Ничего, кроме того, что он опасен и я должна избегать его, словно я сама этого не знаю. Анноара не любит ни его самого, ни разговоров о нем. — После еще одного короткого колебания Бере-лейн спросила: — А что? — Первая Майена была привычна к интригам и умела

слышать то, что не было сказано прямо.

Перрин откусил еще кусок, выгадывая несколько мгновений, пока жует и проглатывает. Он *не был* привычен к интригам, однако видел их достаточно, чтобы уяснить, что говорить слишком много опасно. Но не менее опасно и сказать слишком мало, что бы ни думал Балвер по этому поводу.

— Анноура тайно встречалась с Масимой. И Масури тоже.

Застывшая улыбка не покинула лица Берелейн, но ее запах затопила тревога. Она начала поворачиваться в седле, словно хотела взглянуть через плечо на двух Айз Седай, но

сдержала себя, облизнув губы кончиком языка.

— У Айз Седай на все есть свои причины, — вот и все, что Бере-лейн сказала. Интересно, она была встревожена тем, что ее советница встречается с Масимой, или тем, что Перрин знал об этом? А мо-жет_ Он ненавидел все эти ухищрения. Они только мешали тому, что действительно было важно. О Свет, он уже умудрился обглодать и вторую ножку! Надеюсь, что Берелейн не заметит, он поспешно выбросил кости. Его желудок урчал, требуя еще.

Спутники Берелейн держались на расстоянии, но Айрам подъехал к Перрину и Берелейн довольно близко

и всматривался в них, наклонившись вперед, сквозь тени и стволы деревьев. Хранительницы Мудрости стояли поодаль, переговариваясь между собой и, по-видимому, не замечая, что стоят по щиколотку в снегу и что холодный ветер хлопает свисающими концами их шалей. Время от времени то одна, то другая посматривали в сторону Перрина и Берелейн. Понятие приватности никогда не удерживало Хранительниц Мудрости от того, чтобы сунуть свой нос туда, куда они захотят. В этом они очень походили на Айз Седай. Масури и Анноура тоже наблюдали, хотя и старались держаться на расстоянии друг от

друга. Пер-рин готов был прозакладывать что угодно, что, если бы не присутствие Хранительниц Мудрости, обе сестры использовали бы Единую Силу для того, чтобы подслушать их разговор. Разумеется, Хранительницы Мудрости тоже могли знать, как это делается, и они дали Масури разрешение на встречи с Масимой. Интересно, стали бы Айз Седай скрипеть зубами, если бы увидели, что Хранительницы Мудрости подслушивают с помощью Силы? Анноура, кажется, относилась к Хранительницам Мудрости с такой же настороженностью, как и Масури. О Свет, у него совершенно нет времени продираться сквозь эти

хитросплетения! Однако ему приходится жить среди них.

— По-моему, мы уже дали достаточно пищи болтливым языкам, — сказал Перрин. Хотя им и не требовалось большего, чем у них уже имелось. Зацепив ручки корзинок за переднюю луку, он пришпорил каблуками Ходока. Вряд ли просто съесть принесенную этой женщиной птицу будет с его стороны неверностью.

Берелейн тронулась следом не сразу, но Перрин еще не успел доехать до Айрама, когда она догнала его и поехала рядом.

— Я выясню, что там затеяла Анноура, — произнесла она

решительно, глядя прямо перед собой. Ее глаза были жесткими. Перрин пожалел бы Анноуру, если бы сам не был готов вытрясти из нее ответ. Но, с другой стороны, Айз Седай редко нуждались в чьей-либо жалости, и они редко отвечали, если этого не хотели. В следующее мгновение Берелейн снова была сплошь улыбки и сама беззаботность, хотя запах решимости все еще витал вокруг нее, почти вытеснив страх. — Юный Айрам нарасказывал нам тут кучу всего насчет Губителя Душ, который посетил эти леса вместе с Дикой Охотой, лорд Перрин. Как вы думаете, неужели это правда? Помнится, что-то подобное мне как-

то рассказывала моя нянька. — Ее голос был беззаботным, веселым и легкомысленным. Щеки Айрама побагровели, а несколько человек позади него рассмеялись.

Но они перестали смеяться, когда Перрин показал им отпечатки на выступающем из-под снега валуне.

Глава 7.

Головоломка кузнеца

Когда смех оборвался, на лице Айрама показалась самодовольная ухмылка, от него совсем не пахло страхом, как раньше. Можно было подумать, что он уже и раньше видел такие следы и знал о них все, что только можно знать. Впрочем, никто не обращал внимания на его торжество или на что-то другое, кроме следов огромных собачьих лап, впечатавшихся в камень. Не помогли даже объяснения Перрина, что Гончие давно ушли. Разумеется, он не мог сказать им, как узнал об

этом, однако никто не обратил на это внимание. Один из косых лучей утреннего солнца падал прямо на поверхность серого валуна, ясно освещая его. Ходок, похоже, начал привыкать к слабому запаху жженой серы — по крайней мере он лишь фыркал и прядал ушами, — но другие лошади шарахались от косо выпирающего камня. Никто из людей, кроме Перрина, не мог почувствовать запаха, и многие из них ворчали, заметив беспокойство своих лошадей, и взирали на камень со странными отметинами так, словно то была какая-то диковина, выставленная бродячим цирком.

Пухленькая служанка Берелейн

взвизгнула, увидев следы, и покачнулась, словно собираясь упасть со своей толстобрюхой нервно приплясывающей кобылки, но Берелейн только отсутствующим тоном попросила Анноуру присмотреть за той и уставилась на отпечатки настолько невыразительным взглядом, словно она сама была Айз Седай. Ее руки, однако, крепко сжали поводья, так что тонкая красная кожа перчаток побледнела на костяшках пальцев. Бертайн Галленне, Лорд-Капитан ее Крылатой Гвардии, в красном шлеме с изображением крыльев и тремя тонкими малиновыми перьями, лично командовавший

телохранителями Берелейн этим утром, заставил своего высокого вороного мерина приблизиться к камню, спрыгнул с седла в глубокий, по колено, снег и снял шлем, хмуро взирая на каменную глыбу единственным глазом. Пустую глазницу закрывал кусок красной кожи, удерживавшая его тесемка исчезала в длинных, до плеч, седоватых волосах. Судя по выражению его лица, командир не видел здесь ничего хорошего, но он всегда был готов к худшему. Перрин считал, что в бою это полезно.

Масури тоже спешила, но не успела она оказаться на земле, как тут же замерла, держа повод своей

серой в яблоках кобылы затянутой в перчатку рукой и нерешительно поглядывая на трех смуглолицых айилов. Некоторые из майенских солдат пробормотали что-то нелицеприятное по этому поводу, хотя они уже должны бы попривыкнуть. Анноура поглубже спрятала свое лицо под серым капюшоном, словно не желая смотреть на валун, и резко встряхнула служанку Берелейн; та изумленно выпучила на нее глаза. Масури, наоборот, ждала около своей кобылы с видимым терпением, которое портило лишь то, что она беспрерывно разглаживала свою красно-коричневую шелковую юбку,

словно не отдавая себе отчета в том, что она делает. Хранительницы Мудрости молча обменялись взглядами, такими же лишенными выражения, как и у Сестер. По одну сторону от Неварин стояла Карелле, худошавая зеленоглазая женщина, а по другую сторону — Марлин, с сумеречно-голубыми глазами и выбивающимися из-под ее шали черными волосами, редко встречающимися у Айил. Все трое были весьма рослыми, не ниже иного мужчины, и ни одна из женщин по виду не была старше Перрина, разве что ненамного. Но их спокойная уверенность в себе говорила о том, что им больше лет,

чем отражалось на их лицах. Если бы не длинные ожерелья и тяжелые браслеты из золота и резной кости, их плотные темные юбки и черные шали, почти полностью закрывавшие белые блузы, вполне могли бы принадлежать каким-нибудь селянкам, однако всем было ясно, кто здесь командует — они или Айз Седай. По правде говоря, иногда даже возникали сомнения относительно того, командуют здесь они или Перрин.

Наконец Неварин кивнула. И на лице ее показалась теплая одобрительная улыбка. Перрин ни разу еще не видел, чтобы она улыбалась. Это не значило, что

Неварин ходила с хмурой миной, но она обычно выглядела так, словно искала, кого бы выбрать.

Дождавшись ее кивка, Масури передала поводья одному из солдат. Ее Стража нигде не было видно, и это, несомненно, являлось делом рук Хранительниц Мудрости. Обычно Роваир цеплялся за нее как репей. Приподняв свою юбку-штаны, она побрела прямо по снегу, который становился тем глубже, чем ближе она подходила к камню, и затем принялась водить руками поверх отпечатков, по-видимому направляя Силу, хотя не происходило ничего, что мог бы увидеть Перрин. Хранительницы Мудрости

внимательно наблюдали за ней, но ведь они-то могли видеть плетения Масури. Анноура не выказывала никакого интереса к происходящему. Концы узких косичек Серой Сестры закачались, словно она встряхнула головой под капюшоном, и она направила своего коня в сторону от горничной, убравшись тем самым из поля зрения Хранительниц Мудрости, хотя это отдаляло ее также и от Берелейн, а ведь, несомненно, именно сейчас той мог понадобиться ее совет. Анноура в самом деле избегала Хранительниц Мудрости как только могла.

– Детские сказки оборачиваются явью, – пробормотал Галлен-не,

отводя своего мерина подальше от камня и искоса поглядывая на Масури. Он почитал Айз Седай, однако немногие мужчины захотели бы находиться рядом с Айз Седай, когда она направляет. — Хотя чего удивляться, я всякого навидался с тех пор, как покинул Майен. — Сосредоточив все внимание на отпечатках, Масури, по всей видимости, не замечала его.

По рядам конников прокатилось волнение, словно они не могли до конца поверить в то, что видят, до тех пор, пока не получают от командира подтверждение; от некоторых резко запахло беспокойством и даже страхом, словно они ожидали, что

Гончие Тьмы могут в любую минуту выпрыгнуть на них из тени. Перрин не мог различить в этой мешанине отдельные запахи, но прогорклая вонь их нервозности была слишком сильной, чтобы исходить всего лишь от нескольких людей.

Галленне, по-видимому, угадал то, что Перрин почуял носом; у него были свои недостатки, но он командовал солдатами уже давно. Повесив шлем на рукоять своего длинного меча, он ухмыльнулся. Повязка на глазу делала ухмылку несколько мрачноватой, он выглядел как человек, способный шутить перед лицом смерти и ожидавший того же от других.

— Если Черные Собачки будут нас догонять, мы посолим им уши, — объявил он громким бодрым голосом. — Ведь так с ними всегда поступают в сказках, разве нет? Только сыпани соли им на уши, и они исчезнут!

Некоторые из копейщиков засмеялись, но зловоние страха уменьшилось не очень сильно. Истории, рассказываемые у камелька, это одно, а те же истории, разгуливающие по земле во плоти, — совсем другое.

Галленне подъехал на своем вороном к Берелейн и положил руку в латной перчатке на холку ее гнедого. Он посмотрел на Перрина

оценивающим взглядом, который тот спокойно вернул, делая вид, что не понял намека. Что бы ни хотел сказать Капитан, он мог сказать это в присутствии Перрина и Айрама. Галленне вздохнул.

— Они будут держать себя в руках, миледи, — тихо проговорил он, — однако, честно говоря, мы находимся в очень уязвимом положении: со всех сторон враги и продовольствие на исходе. Порождения Тени только усугубят ситуацию. Я служу вам и Майену, миледи, и при всем моем почтении к лорду Перрину, возможно, вы захотите внести изменения в свои планы.

Гнев опалил Перрина — этот человек собирался бросить Фэйли в беде! — но Берелейн заговорила прежде, чем он успел высказаться.

— Изменений не будет, лорд Галленне! — Иногда можно было позабыть, что она является правительницей, но сейчас в голосе Бе-релейн звучало величие, достойное самой королевы Андора. Выпрямившись в седле, которое под ней казалось треном, она говорила достаточно громко, чтобы окружающие слышали ее решение, и достаточно твердо, чтобы все, кто слышали его, поняли, что оно окончательное. — Если враги окружают нас со всех сторон, то

идти вперед не более опасно, чем повернуть назад или свернуть в сторону. Но даже если бы вернуться обратно или свернуть в сторону было в десять раз безопаснее, я продолжала бы двигаться вперед. Я хочу увидеть леди Фэйли освобожденной, даже если для этого нам придется пробиваться сквозь тысячу Гончих Тьмы и еще через тысячу троллоков в придачу. Я поклялась в этом!

Рев одобрения был ей ответом; гвардейцы кричали и подкидывали копья в воздух, так что красные вымпелы плясали на ветру. Запах страха не исчез, но, судя по их возгласам, они были готовы скорее

проложить себе путь сквозь любое полчище троллоков, чем уронить себя в глазах Берелейн. Ими командовал Галленне, но они испытывали горячую привязанность к своей правительнице, несмотря на ее репутацию в отношении мужчин. А возможно, как раз отчасти благодаря этому. Берелейн сумела удержать Тир, готовый поглотить Майен, натравливая одного человека, поддавшегося ее чарам, на другого. Со своей стороны Перрин едва удержался, чтобы не раскрыть рот от удивления. Она была столь же решительно настроена, как и говорила! Она *пахла* решимостью! Галленне склонил свою седую голову

в неохотном согласии, и Берелейн наградила его коротким удовлетворенным кивком, прежде чем обратить свое внимание на хлопчущих у валуна Айз Седай.

Масури прекратила водить руками над камнем и теперь смотрела на отпечатки лап, в раздумье постукивая пальцем по губам. Она была симпатичной, хотя и не красивой, хотя возможно, все дело в свойственной Айз Седай безвозрастности, и ее грация и элегантность тоже, возможно, происходили из того, что она была Айз Се-дай. Часто бывало трудно отличить Сестру, рожденную на полунищей ферме, от Сестры,

рожденной в роскошных покоех. Перрину доводилось видеть ее красной от гнева, вымотанной до предела и напряженной до крайности, однако, несмотря на тяжелое путешествие и жизнь в айильских палатках, ее темные волосы и одежда выглядели так, словно за ними ухаживала горничная. С таким же видом она могла стоять где-нибудь в библиотеке.

— Что ты обнаружила, Масури? — спросила Берелейн. — Ма-сури, ты не могла бы... Масури!

Последние слова прозвучали немного резко, и Масури вздрогнула, словно удивилась, обнаружив, что

она не одна. Возможно, она даже испугалась; во многих отношениях она казалась скорее Зеленой, чем Коричневой, более сосредоточенной на действии, нежели на размышлении, склонной переходить прямо к делу и не терпящей неопределенности, однако Масури все же была способна погрузиться в то, что захватывало ее внимание. Сложив руки на животе, она открыла рот, но вместо того чтобы начать говорить, заколебалась и вопросительно взглянула на Хранительниц Мудрости.

— Давай, девочка, — нетерпеливо сказала Неварин, уперев руки в бедра и позвякивая браслетами. Она

хмурилась, став более похожей на себя обычную; правда, и у двух других Хранительниц Мудрости вид был не слишком радостный. Три хмурых лица в ряд, словно три вороны на заборе. — Мы не просто разрешили тебе удовлетворить свое любопытство. Продолжай. Расскажи нам, что ты узнала.

Лицо Масури покраснело, но она немедленно заговорила, глядя на Берелейн. Она не любила, когда ее публично отчитывали, независимо от того, насколько окружающие были осведомлены о ее взаимоотношениях с Хранительницами Мудрости.

— О Гончих Тьмы известно сравнительно немного, но я

предприинимала что-то вроде исследования на эту тему, не очень развернутого. За эти годы я пересекалась с путями семи стай, с пятью из них дважды, а с двумя другими трижды. – Краска начала сбегать с ее щек, и голос приобрел лекторские интонации. – Некоторые древние авторы утверждают, что существует *всего* семь стай, другие говорят, что их девять или тринадцать, или приводят какое-либо другое число, по их мнению, имеющее особую значимость. Но на протяжении троллоковых войн, как писала Сорелана Альзаххан, «сотни стай псов Тени охотились в ночи», а еще раньше предположительно

Ивонелл Бхаратия писала о «псах, рожденных от Тени, в числе, подобном числу кошмаров человечества». Впрочем, следует отметить, что сама Ивонелл может оказаться апокрифом. В любом случае... — она сделала жест, словно пыталась схватить в воздухе нужное слово. — Запах — это не то слово, привкус — тоже не совсем... подходит^ Ощущение каждой стаи уникально, и я могу с уверенностью сказать, что с этой стаей я прежде не встречалась, так что мы знаем, что число семь не верно. Однако, будь их девять, или тринадцать, или сколько-нибудь еще, сказки о Гончих Тьмы встречаются гораздо чаще, чем сами

Гончие Тьмы, и их совсем мало так далеко к югу от Запустения. Вторая странность: в этой стае их было чуть ли не пятьдесят голов. Обычный предел для стаи — де-сять-двенадцать. Есть полезное правило: когда одна странность накладывается на другую, их стоит рассмотреть повнимательнее.

Масури остановилась, подняв палец, словно желая подчеркнуть сказанное, а затем кивнула, решив, что Берелейн все поняла, и снова сложила руки. Порыв ветра сдернул ее желтовато-коричневый плащ с одного плеча, но она, казалось, не заметила холода.

— След Гончих всегда несет

отпечаток устремленности, но эта черта меняется в зависимости от многих факторов, и не все из них я могла бы перечислить. След, находящийся перед нами, имеет определенную примесь... Полагаю, это можно назвать нетерпением. Это слово, пожалуй, недостаточно сильно — с таким же успехом можно назвать удар кинжалом булавочным уколом, — но основной смысл передает. Я бы сказала, что их охота продолжается уже некоторое время и их жертва каким-то образом от них ускользает. Не важно, что о них рассказывают... Кстати, лорд Галленне, соль не причиняет Гончим Тьмы ни малейшего вреда. — По-видимому,

Масхри все же не настолько погрузилась в размышления, как казалось. — Так вот, независимо от того, что о них рассказывают, они никогда не охотятся наугад, хотя убивают, если им подвернется возможность, и это не мешает их охоте. Для Гончих Тьмы — охота превыше всего. Их жертва всегда представляет интерес для Тени, хотя иногда мы не можем понять почему. Известно, что они иногда проходят мимо великих и могущественных людей ради того, чтобы убить жену фермера или какого-нибудь ремесленника, или входят в город или деревню и покидают их, никого не убив, хотя очевидно, что они

проникли туда с какой-то целью. Моя первое предположение о причине, которая привела их сюда, должно быть отброшено, поскольку они двинулись дальше. — Ее взгляд скользнул по Перрину, так быстро, что он не был уверен, что кто-то еще заметил это. — Учитывая вышесказанное, я сильно сомневаюсь, что они вернутся. Ах да, забыла сказать, что они ушли около часа назад. Боюсь, что теперь действительно все.

Неварин и другие Хранительницы Мудрости одобрительно кивнули, когда Масури закончила, и немного краски вернулось на ее щеки; впрочем,

краска быстро исчезла, когда она вновь надела маску безразличия, как настоящая Айз Седай. Легкое движение воздуха донесло до Перрина ее запах: она была удивлена и польщена, и расстроена тем, что польщена.

— Благодарю тебя, Масури Седай, — церемонно сказала Бере-лейн, слегка кланяясь в седле, на что Масури отвечала легким движением головы. — Ты принесла покой в наши умы.

И действительно, запах страха среди солдат начал понемногу улетучиваться, хотя Перрин расслышал, как Галленне вполголоса проворчал:

— Могла бы сразу сказать, а не разводить философию.

Но уши Перрина расслышали и кое-что еще за перестуком лошадиных копыт и спокойным радостным смехом людей. К югу от него прозвучала трель синегрудки, которую пока что, кроме него, никто не мог услышать, за которой тут же последовал постукивающий клич воробья-трескуна. Вот синегрудка издала трель еще раз, уже ближе, и снова сразу за ней застучал трескун; затем та же пара прозвучала снова, еще ближе. В Алтаре вполне могли водиться синегрудки и воробьи-трескуны, но Перрин знал, что у тех птиц, которых он сейчас слышит, за

плечами длинные двуреченские луки. Синегрудка означала, что приближаются люди — причем в немалом количестве и, возможно, настроенные недружелюбно. Воробья-трескуна в Двуречье недаром называли «вор-воробей»: он тащил все что ни попадя, а особенно то, что ярко блестит, и это значит... Перрин провел большим пальцем по лезвию топора, но подождал следующей пары сигналов, прозвучавшей уже достаточно близко, чтобы и остальные могли их заметить.

— Слышите? — сказал он, оборачиваясь к югу, словно сам только что услышал. — Мои дозорные

засекли Масиму. — Лица поднялись вверх, вслушиваясь, и несколько солдат кивнули, когда сигнал повторился, еще ближе к ним. — Он идет сюда.

Изрыгая проклятия, Галленне нахлобучил шлем на голову и взобрался в седло. Анноура подобрала повод, а Масури начала неуклюже пробираться к своей серой кобыле. Копейщики заерзали в седлах, от них начал исходить запах гнева, снова приправленный страхом. У Крылатой Гвардии числился за Масимой кровный долг, по их мнению, но вряд они сейчас пробовали бы вернуть его. Ведь их было лишь пятьдесят человек, а

Масима никогда не ездил, не взяв с собой по меньшей мере сотню.

— Отступать не станем, — объявила Берелейн. Она глядела на юг, сурово нахмурившись. — Мы подождем его здесь.

Галленне открыл было рот, но снова закрыл его, ничего не возразив. Набрав в грудь воздуха, он начал выкрикивать команды, выстраивая своих гвардейцев. Это было не так-то просто сделать. Как ни далеко друг от друга стояли деревья, лес был плохим местом для копейщиков. Любая атака оказывалась рассредоточенной с самого начала, а проткнуть человека копьем не так-то просто, ведь он может нырнуть за

ближайший ствол и выскочить оттуда позади тебя. Галленне пытался выстроить солдат перед Берелейн, между ней и приближающимися людьми, но она коротко взглянула на него, и одноглазый изменил свои распоряжения, выстроив копейщиков одной изогнутой шеренгой, огибающей большие деревья, но так чтобы Берелейн оказалась в центре. Одного солдата Галленне послал в лагерь, и тот умчался, низко склонившись в седле и выставив вперед копье, как для атаки, несясь во весь опор на полной скорости, несмотря на глубокий снег и неровную местность. Берелейн, заметив его, приподняла бровь, но

ничего не сказала.

Анноура направила было свою карую кобылу к Берелейн, но остановилась, когда Масури позвала ее. Коричневая Сестра держала повод своей лошади, все еще стоя в глубоком снегу в окружении Хранительниц Мудрости, которые были настолько высокими, что рядом с ними она казалась подростком. Анноура замешкалась, но Масури вновь позвала ее, более резко, и Перрину показалось, что он услышал, как Анноура тяжело вздохнула, прежде чем подъехать к ним и спешиться. Что бы ни говорили ей айил-ки, понизив голос настолько, что Перрин не мог их

расслышать, и сгрудившись перед Анноурой, наклонив головы вплотную к ней, тарабонке это явно не нравилось. Ее лицо оставалось скрытым под капюшоном, но тонкие косички качались все яростнее, когда она мотала головой, а под конец она резко повернулась и сунула ногу в стремя. Масури стояла спокойно, позволяя Хранительницам Мудрости сказать свое слово, но сейчас она положила руку на рукав Анноуры и что-то тихо проговорила, отчего плечи той опустились, а Хранительницы Мудрости одобрительно кивнули. Сдвинув капюшон так, что он упал ей на спину, Анноура подождала, пока

Масури заберется на свою кобылу, а затем сама села в седло, и вскоре две Сестры бок о бок поехали к линии копейщиков, остановившись возле Берелейн, рядом с которой стоял Перрин, причем Хранительницы Мудрости протиснулись между ними. Углы большого рта Анноуры угрюмо опустились вниз, она нервно потирала большие пальцы.

— Что это вы задумали? — спросил Перрин, не пытаясь скрыть своей подозрительности. Возможно, Хранительницы Мудрости и позволяли Масури встречаться с Масимой, однако они продолжали утверждать, что хотели бы видеть этого человека мертвым. Айз Седай

не могут использовать Единую Силу как оружие, если не находятся в опасности, но для Хранительниц Мудрости нет подобного запрета. Он подумал, уж не вступили ли они в соединение. Он знал о Единой Силе больше, чем ему хотелось, и достаточно – о Хранительницах Мудрости, чтобы быть уверенным: если они сформируют круг, контролировать его будет Неварин.

Анноура открыла рот, но Карелле коснулась ее руки, и она тут же захлопнула его, яростно взглянув на Масури. Коричневая Сестра поджала губы и слегка покачала головой, что, по-видимому, не успокоило Анноуру. Ее руки в

перчатках сжали поводья так крепко, что те затряслись.

Неварин посмотрела на Перрина, стоявшего за Берелейн, так, словно прочла его мысли.

– Мы *задумали* вернуть тебя обратно в лагерь в целости и сохранности, Перрин Айбара, – резко сказала она, – тебя и Берелейн Паэрон. Мы *задумали* позаботиться о том, чтобы сегодня, а также в последующие дни выжило как можно больше людей. У тебя есть возражения?

– Только не делайте ничего, пока я вам не скажу, – проговорил он. Подобный ответ мог значить что угодно. – Ничего не предпринимайте.

Неварин возмущенно покачала головой, а Карелле рассмеялась, словно он отпустил какую-то шутку. Никто из Хранительниц Мудрости, видимо, не считал, что тут требуется еще какой-то ответ. Им было приказано подчиняться Перрину, но их представления о подчинении совершенно не сочетались с его понятиями. Скорее у свиньи вырастут крылья, чем ему удастся получить от них более вразумительный ответ.

Перрин должен был положить этому конец. Любой ценой. Не важно, что там задумали Хранительницы Мудрости, но встретить Масиму так далеко от

лагеря, когда тот скорее всего уже знает, кто выкрал его шончанскую бумагу, – это все равно что надеяться успеть отдернуть руку с наковальни прежде, чем опустится молот. Берелейн вела себя не лучше Хранительниц Мудрости, когда дело шло о подчинении приказам, но Перрин думал, что она послушается, если он отдаст распоряжение возвращаться в лагерь. Он на это надеялся, хотя ее запах говорил, что она уперлась крепко. Оставаться здесь – бессмысленный риск. Он был уверен, что сумеет убедить ее. Однако Перрин и сам не хотел бежать от этого человека. Одна часть его говорила, что он ведет себя как

глупец. Но другая, большая часть кипела гневом, с которым он едва мог совладать. Айрам держался вплотную к нему, хмурия брови, но по крайней мере он пока еще не обнажил меча. Размахивать сейчас мечом значило кинуть раскаленный уголек в сенной амбар, а для сражения с Масимой время еще не пришло. Перрин положил руку на топор. Еще не пора.

Несмотря на косые лучи света, пронизывающие густые сплетения ветвей, лес стоял, окутанный сумрачной утренней тенью. Должно быть, здесь мрачно даже днем. Сначала Перрин слышал звуки — топот множества копыт,

приглушенный снегом, тяжелое дыхание лошадей, которых понуждали двигаться быстрее, — а затем между деревьев появилась темная масса всадников, беспорядочная толпа, несущаяся почти галопом, несмотря на снег и пересеченную местность. Их было человек двести или триста. Одна из лошадей поскользнулась, коротко заржав, и упала, придавив собой всадника, но никто из остальных даже не замедлил движения, пока человек, ехавший впереди, не поднял руку в семидесяти или восьмидесяти шагах от Перины. Тогда они внезапно натянули поводья в облаке снежной пыли; покрытые пеной лошади под

ними храпели и блестели от пота. Здесь и там среди всадников виднелись копья. У большинства всадников не было никаких доспехов или имелись только кираса или шлем, однако их седла были сплошь увешаны мечами, топорами и палицами. Лучи солнца высвечивали отдельные лица: хмурые лица с пустыми глазами, выглядевшие так, словно эти люди никогда в жизни не улыбались и никогда не улыбнутся впредь.

Перрину пришло в голову, что он сделал ошибку, не попытавшись переубедить Берелейн. Вот что случается, когда принимаешь решения в спешке и поддаешься

гневу. Всем известно, что она часто выезжает по утрам, а Масима, разумеется, готов любой ценой вернуть свою шончанскую грамоту. Даже при поддержке Айз Седай и Хранительниц Мудрости битва в этом лесу обернется страшным кровопролитием, беспорядочной бойней, где мужчины – и женщины – будут умирать, даже не видя, кто их убил. Если не останется живых свидетелей, то всегда можно будет свалить на разбойников или на тех же Шайдо. Такое уже случалось прежде. А если даже кто-нибудь и выживет, с Масимы станется повесить пару дюжин собственных людей и объявить, что виновные

наказаны. Однако, по всей видимости, для него почему-то важно, чтобы Перрин Айбара пока оставался в живых, и он явно не ожидал увидеть здесь Хранительниц Мудрости или вторую Айз Седай. Ненадежная опора, чтобы доверить ей жизни пятидесяти с лишним людей. Слишком ненадежная, чтобы доверить ей жизнь Фэйли. Перрин ослабил петлю, удерживавшую топор на его поясе. От Берелейн издали исходил запах уверенного спокойствия и твердой решимости. И никакого страха, как ни странно. Ни капельки. Запах Айрама доносил... возбуждение.

Две группы людей в молчании

рассматривали друг друга, пока наконец Масима не тронулся вперед; за ним последовали всего лишь двое из его людей; причем вся троица откинула с голов капюшоны. Ни на одном из них не было шлема или каких-нибудь доспехов. Как и сам Масима, Ненгар и Барту были шайнарцами, но, подобно ему, они сбрили свои шайнарцкие хохолки, и их бритые головы напоминали скальпы. Пришествие Дракона Возрожденного разрушило все обязательства, включая и те, что предписывали этим людям сражаться с Тенью на границах Запустения. И у того и у другого за спиной было по мечу, и еще по одному свисало с их

седел, а у Барту — более низкорослого, чем остальные двое, — к седлу был приторочен еще и лук с колчаном. У Масимы не видно никакого оружия. Пророк Дракона Возрожденного не нуждался в нем. Перрин обрадовался, заметив, что Галленне присматривает за людьми Масимы, оставшимися позади, поскольку в Масиме было нечто притягивающее все взгляды. Возможно, люди просто знали, кто он такой, и этого было более чем достаточно.

Масима остановил своего поджарого гнедого в нескольких шагах от Перрина. Пророк был смуглым мрачным человеком

среднего роста, на его щеке белел шрам от стрелы, на нем были коричневая суконная куртка и темный плащ, обтрепанный по краям. Маси-ма не заботился о том, как он выглядит, он вообще не заботился о себе. Глаза Ненгара и Барту за его спиной лихорадочно блестели, но глаза Масимы, глубоко посаженные, почти черные, горели, как угли в печи, словно ветер раздувал в них жар, а исходявший от него запах был нестройным, резко бьющим в нос запахом чистого безумия. Он проехал мимо Хранительниц Мудрости и Айз Седай с презрением, которого не потрудился скрыть. В его глазах

Хранительницы Мудрости были еще хуже, чем Айз Седай; они не только святотатственно направляли Единую Силу, но к тому же были еще и айильскими дикарями — двойной грех. Крылатые Гвардейцы могли с таким же успехом оказаться просто тенями, лежащими между деревьями.

— Решили устроить пикник? — спросил он, взглянув на корзинку, свисающую с седла Перрина. Обычно голос Масимы был столь же напряженным, как и его взгляд, но сейчас он звучал кисло; Пророк скривил губу, переводя взгляд на Берелейн. Он, разумеется, был в курсе сплетен.

Волна ярости поднялась в груди

Перрина, но он не дал ей вскипеть и загнал обратно, присоединяя к тому пожару, что полыхал в нем, крепко зажав ее тисками воли. У его гнева была определенная цель, он не мог растрачивать его на что-то другое. Уловив настроение всадника, Ходок оскалил зубы на мерина Масимы, и Перрину пришлось резко натянуть повод.

– Гончие Тьмы были здесь этой ночью, – сказал он, не очень кстати, но это было лучшее, что он смог придумать. – Но сейчас они ушли, и Масури считает, что они не вернутся, так что беспокоиться не о чем.

От Масимы не пахло беспокойством. От него никогда не

пахло ничем, кроме сумасшествия. Его гнедой угрожающе потянулся к Ходоку, но Масима оттащил его, рванув за повод. Масима был очень хорошим наездником, но с лошадьми обращался точно так же, как и с людьми. В первый раз за все это время он взглянул на Масури. Пожалуй, его взгляд стал еще более пламенным, если только это возможно.

— Тень может находиться где угодно, — произнес он с жаром, словно провозглашая бесспорную истину. — Но не убоится Тени никто из следующих за лордом Драконом Возрожденным, да осветится Светом его имя. Даже в смерти они найдут

окончательную победу Света.

Кобыла под Масури
шарахнулась, словно опаленная
яростным взглядом, однако Масури
удержала ее одним прикосновением
к поводьям и ответила Масиме
непроницаемым взглядом Айз Седай,
спокойным, как покрытый льдом
пруд. Ничто не давало повод
подумать, что она тайно встречалась
с этим человеком.

— Страх бывает весьма полезен
для того, чтобы подстегнуть ум и
решимость, если только не терять
голову. Когда мы не испытываем
страха перед своими врагами, у нас
остается только презрение, а это
презрение приводит нас к

поражению. – Можно было подумать, что Масури говорит с простым фермером, которого видит первый раз в жизни. Анноура, наблюдавшая за ней, выглядела немного бледной. Боялась ли она, что их секрет раскроется? Что их замыслы относительно Масимы будут разрушены?

Губы Масимы опять скривились в усмешке, не то снисходительной, не то презрительной. Он вновь перенес внимание на Перрина, и в ту же минуту Айз Седай, казалось, перестали для него существовать.

– Некоторые из тех, кто следует за Драконом Возрожденным, нашли город, называемый Со Хабор. – Так

он всегда выражался о своих людях: якобы на самом деле они следовали за Драконом Возрожденным, а вовсе не за ним. То, что именно Масима говорил им, что, когда и как делать, было мелочью, не стоящей упоминания. — Чистенький такой городок с тремя или четырьмя тысячами человек, примерно в дне пути, даже немного меньше, к юго-востоку отсюда. По-видимому, жители городка оказались в стороне от маршрута следования Айил, так что их урожай в этом году велик, несмотря на засуху. Их закрома полны ячменя, проса и овса и других полезных вещей, одним словом, вы меня понимаете. Насколько я знаю, у

вас почти закончились припасы. И продовольствие, и фураж.

– Как могут их закрома быть полны в это время года? – Бере-лейн, нахмурившись, наклонилась вперед, в ее тоне звучала требовательность, почти недоверие.

Ненгар, помрачнев, положил руку на рукоять меча. Никто не смел говорить требовательным тоном с Пророком Дракона Возрожденного. И тем более никто не смел сомневаться в его словах. Никто, если он хотел жить. Раздался скрип кожи – это копейщики пошевелились в своих седлах, – но Ненгар не обратил на них внимания. Запах безумия Масимы бесновался вокруг

ноздрей Перрина. Масима пристально разглядывал Берелейн. Он, казалось, не замечал ни Ненгара, ни копейщиков, как и того, что они могут начать убивать друг друга в любую минуту.

— Это все из-за жадности, — проговорил он наконец. — По-видимому, торговцы зерном в Со Хаборе решили, что извлекут большую выгоду, если придержат свои запасы до зимы, когда цены подскочат. Обычно они продают зерно на запад, в Гэалдан и Амадицию, но услышав о происходящем там и в Эбу Дар, они испугались, что по дороге товары могут быть конфискованы. Жадность оставила

их с полными закромами и пустыми кошельками. — В голосе Масимы проскользнула нотка удовлетворения. Он презирал жадность. Впрочем, он презирал любые человеческие слабости, как большие, так и маленькие. — Думаю, теперь им придется расстаться со своим зерном, очень мало получив взамен.

Перрин почуял ловушку; для этого не требовался волчий нос. Масиме нужно кормить собственных людей и лошадей, и, невзирая на то, насколько тщательно они прочесывали местность, по которой шли, вряд ли они были в лучшем состоянии, чем люди Перрина. Почему Масима не послал в этот

город несколько тысяч своих последователей и не взял сам то, что можно было взять? День пути назад отдалит Перрина от Фэйли и, возможно, позволит Шайдо снова увеличить расстояние между ними. Каковы же причины столь необычного предложения? Или Масима пытался еще потянуть время, чтобы остаться на западе, поближе к своим шончанским друзьям?

— Возможно, у нас найдется время, чтобы зайти в этот городок, когда моя жена будет на свободе. — И снова слух Перрина раньше всех уловил слабый шум, исходящий от людей и лошадей, продвигающихся по лесу с запада, из лагеря. Посланец

Галленне, должно быть, мчался галопом всю дорогу.

– Твоя жена, – произнес Масима тусклым голосом, направив взгляд на Берелейн, от чего у Перрина кровь вскипела в жилах. Даже Берелейн залилась краской, хотя ее лицо оставалось спокойным. – Ты действительно веришь, что получишь сегодня известия о ней?

– Верю, – голос Перрина был столь же невыразительным, как и у Масимы, но более жестким. Он сжал шишечку на луке седла, поверх ручек корзинки Берелейн, чтобы не схватиться за топор. – Освободить ее – это самое главное. Ее и других. Когда это будет сделано, мы сможем

набить свои животы до отказа, но это — прежде всего.

Теперь приближающихся лошадей слышали уже все. На западе показалась длинная колонна копейщиков, пробирающихся между покрытыми тенью деревьями, за которой следовала другая колонна, конная: красные вымпелы и кирасы Майена, пересыпанные зелеными вымпелами и отполированными латами Гэалдана. Они развернулись напротив Перрина, позади толпы конников, ожидавших возвращения Масимы. Двуреченцы крались от дерева к дереву, держа в руках длинные луки. Перрин надеялся только, что они не слишком оголили

лагерь. Кража шончанской грамоты может вынудить Масиму играть в открытую, а он был ветераном сражений в Запустении и против Айил. Он мог просчитать свои ходы далеко вперед. Это было похоже еще на одну головоломку кузнеца. Подвинь один кусочек, чтобы можно было сдвинуть другой как раз настолько, чтобы туда встал третий. Лагерь с ослабленной защитой легко разгромить, а в этих лесах количество бойцов могло играть гораздо большую роль, чем то, на чьей стороне сражаются умеющие направлять.

Настолько ли Масима желал сохранить свой секрет, чтобы

попытаться покончить со всеми разом? Перрин осознал, что его рука все же легла на топор, но не стал убирать ее.

В толпе последователей Масимы лошади нервно переступали, возбужденные движениями своих наездников, люди кричали и размахивали оружием, но сам Пророк рассматривал вновь прибывших копейщиков и лучников, не меняя выражения лица — оно не стало ни более, ни менее суровым. Словно перед ним просто птицы, прыгающие с ветки на ветку. От него по-прежнему пахло безумием; запах извивался, как гадюка, но не менялся.

– Что делается во имя Света, то должно быть сделано, – проговорил он, когда вновь прибывшие остановились шагах в двухстах от них. Двуреченский лук легко бил на такое расстояние, и Масима уже видел доказательства этому, но он не подавал вида, что понимает, что стрелы с широкими наконечниками могут быть направлены ему в сердце. – Все остальное – хлам и вздор. Помни это, лорд Перрин Златоокий. *Все* остальное – хлам и вздор!

Не добавив ни слова, Масима рывком развернул своего гнедого и поскакал к ожидающим его людям, сопровождаемый Ненгаром и Барту;

все трое нахлестывали лошадей, не боясь переломать их ноги и свои головы. Доехав до людей Масимы, они не останавливаясь понеслись дальше; остальные потянулись следом, и вскоре вся толпа уже текла на юг. Несколько человек, ехавших последними, задержались, чтобы вытащить придавленного товарища из-под сломавшей ногу лошади и прекратить страдания животного ударом кинжала. Перерезав ей глотку, они тут же начали свежевать тушу. Нельзя допустить, чтобы столько мяса пропадало зря. Всадника же они оставили лежать там, где его положили.

— Он верит каждому своему

слову, — вздохнула Анноура, — но к чему его ведет эта вера?

Перрин подумал было, не спросить ли ее прямо, куда, по ее мнению, ведет Масиму его вера и куда *она* сама хотела бы его привести, но в этот момент Анноура снова нацепила на себя непроницаемую маску спокойствия Айз Седай. Кончик ее острого носа покраснел от холода; она отрешенно взирала на Перрина. Легче голыми руками вытащить из земли камень с отпечатками лап Гончих Тьмы, чем получить ответ от Айз Седай, когда она смотрит таким взглядом. Придется оставить вопросы Берелейн.

Человек, который привел
копейщиков, внезапно прищпорил
лошадь и выехал вперед. Низенький,
плотно сбитый, в посеребренной
кирасе и шлеме с решетчатым
забралом, на котором торчали три
коротких белых пера, Герард Арганда
был упрямым человеком, солдатом,
пробившимся с самого низа и
ставшим вопреки всему Первым
Капитаном телохранителей
Аллиандре. Он недолюбливал Пер-
рина, который без особых причин
затащил его королеву на юг, а потом
позволил ее похитить, но Перрин
ожидал, что он по крайней мере
остановится, чтобы отдать честь
Берелейн, а возможно, и поговорить

с Галленне. Арганда очень уважал Галленне, и они частенько проводили время в обществе друг друга, покуривая трубки. Но его чалый конь протрусил мимо Перрина и остальных, проваливаясь в снег, а Арганда яростно тыкал его в бока каблуками, пытаясь заставить животное двигаться быстрее. Посмотрев в ту сторону, куда он направлялся, Перрин все понял. Одиноким всадник на мышастой масти лошади приближался к ним с востока размеренным шагом, а подле него, скользя снегоступами, двигался айилец.

Глава 8. Водовороты Красок

Перрин понял, что двинулся с места, только когда обнаружил, что скачет, пригнувшись к шее Ходока, вслед за Аргандой. Снег не стал менее глубоким, местность – менее пересеченной, а свет – менее тусклым, но Ходок мчался сквозь тени, словно не мог допустить, чтобы чалый оставался впереди, а Перрин подгонял его еще и еще. Приближающимся всадником был Илайас. Его борода веером спускалась на грудь, шляпа с широкими полями затеняла лицо, а

за плечами у него развевался подбитый мехом плащ. Айильцем оказалась одна из Дев, ее голова была замотана черной *шуфой*, а поверх куртки и штанов, раскрашенных в серый, коричневый и зеленый цвета, был наброшен белый плащ, чтобы Дева казалась менее заметной на снегу. Илайас и одна Дева, возвращающиеся без остальных разведчиков, — это означало, что Фэйли нашлась. Должно было означать.

Арганда гнал чалого, не боясь сломать шею ни ему, ни себе, перепрыгивая через торчащие валуны и раскидывая снег почти на галопе, но Ходок все же нагнал его как раз в

тот момент, когда гэалданец поравнялся с Илайасом и воскликнул, резко и требовательно:

– Ты видел королеву, Мачира? Она жива? Говори же!

Дева – это была Элиенда, загорелое лицо которой оставалось бесстрастным, – при виде Перрина подняла руку. Это могло означать приветствие или сочувствие, но при этом она не сбилась со своего скользящего шага. Перед Перрином должен был отчитываться Илайас, она же спешила предстать перед Хранительницами Мудрости.

– Ты нашел ее? – В горле у Перрина внезапно пересохло. Слишком долго он ждал этого.

Арганда что-то неразборчиво проворчал сквозь стальную решетку забрала; он знал, что Перрин спрашивает не про Аллиандре.

— Мы нашли Шайдо, которых преследовали, — уклончиво отозвался Илайас; обе его руки лежали на передней луке седла. Даже на Илайасе, знаменитом Длинном Клыкe, который жил и бегал с волками, отразилось напряжение — слишком велики были пройденное расстояние и недосып. Его лицо осунулось от усталости, подчеркнутой золотым сиянием его глаз под широкополой шляпой. Седина поблескивала в его густой бороде и длинных, по пояс, волосах,

которые он перевязывал сзади кожаным шнурком; и в первый раз за все то время, что Перрин знал его, он показался ему старым. — Они разбили лагерь вокруг захваченного ими довольно большого городка в горах, милях в сорока отсюда. Они почти не выставили часовых вблизи лагеря, а те, что стоят дальше, следят скорее за тем, чтобы пленники не сбежали, чем по сторонам, так что нам удалось подобраться довольно близко и все как следует рассмотреть. Но, Перрин, их больше, чем мы предполагали. Девы говорят, там по меньшей мере девять или десять септов. Считая *гай'шайнт* — или кем бы ни были люди в белом, —

в их лагере народу не меньше, чем в Майене или в Эбу Дар. Не знаю, сколько у них копейщиков, но судя по тому, что я видел, десять тысяч наберется по самым приблизительным прикидкам.

От отчаяния у Перрина начало сводить живот. Во рту у него так пересохло, что он не смог бы заговорить, даже если бы Фэйли неким чудесным образом появилась перед ним. Десять тысяч *алгай'д'сис-вай*, а ведь даже ткачи, серебряных дел мастера и старики, проводящие остаток своих дней в тени, предаваясь воспоминаниям, возьмутся за копья, если на них нападут. У него было меньше двух

тысяч копейщиков, но их одолеют столько же Айил. Меньше трех сотен двуреченцев, которые, конечно, смогут своими луками внести смятение в ряды противника, но ведь они не остановят десять тысяч. Такое количество Шайдо рассеет весь сброд Масимы так же легко, как кот, разоряющий гнездо мышей. Даже считая Аша'манов,

Хранительниц Мудрости и Айз Седай... Эдарра и остальные Хранительницы Мудрости не слишком словоохотливы, но он знал, что в десяти септах наберется человек пятьдесят женщин, умеющих направлять, а возможно, и больше. Возможно, конечно, и меньше, —

никто не подсчитывал, сколько Хранительниц Мудрости в каждой септе, — но не настолько меньше, чтобы он мог ощутить разницу.

Сделав над собой усилие, он загнал вздымающееся в нем отчаяние обратно в глубину груди и сжимал там до тех пор, пока от него не остались лишь извивающиеся раскаленные нити, на которых он мог подогрывать свой гнев. В молоте не должно быть места для отчаяния. Десять септов или весь клан Шайдо, но у них была Фэйли, и он должен найти какой-то выход.

— Какая разница, сколько их там? — произнес Айрам. — Когда троллоки пришли в Двуречье, их

были тысячи, даже десятки тысяч, но мы все равно перебили всех. Вряд ли Шайдо окажутся хуже.

Перрин моргнул: он не ожидал обнаружить бывшего Лудильщика прямо у себя за спиной, не говоря уже о Берелейн, и Галлен-не, и Айз Седай. Торопясь добраться до Илайаса, он совсем перестал обращать внимание на что-либо еще. Люди Арганды, смутно различимые среди деревьев, все еще держались колоннами, как они выстроились против Масимы, но телохранители Берелейн образовали вокруг Илайаса широкое кольцо, встав лицами наружу. Хранительницы Мудрости держались вне оцепления, слушая

Элиенду с сосредоточенными лицами. Она говорила приглушенным голосом, время от времени качая головой. Было ясно, что она тоже не питает радужных надежд. Похоже, Перрин в спешке потерял свою корзинку, или отбросил в сторону, поскольку сейчас она снова свисала с седла Берелейн. На ее лице было написано... могло ли это быть сочувствием? Чтоб ему сгореть, он слишком устал, чтобы думать ясно. Однако он обязан думать ясно, и сейчас более, чем когда-либо. Следующая его ошибка могла стать роковой — для Фэйли.

— Насколько я слышал,

Лудильщик, — спокойно отвечал Илайас, — когда троллоки пришли к вам в Двуречье, вы ухитрились каким-то образом зажать их в клещи. Может, ты придумал, каким образом мы сможем зажать в клещи Шайдо?

Айрам, не отвечая, только бросил на того свирепый взгляд. Илайас знал его еще до того, как он взялся за меч, а Айрам не любил напоминаний о тех временах, хотя и по-прежнему носил яркие одежды.

— Десять там септов или пятьдесят, — прогрохотал Арганда, — мы должны найти способ освободить королеву. Остальных тоже, разумеется. Остальных тоже. — Его обветренное лицо искажала гневная

grimаса, однако пахло от него отчаянием: лиса, готовая отгрызть собственную лапу, чтобы выбраться из капкана. — Они... они примут выкуп? — осмотревшись вокруг, гэалданец увидел Марлин, приближающуюся к ним в кольце Крылатых Гвардейцев. Несмотря на снег, она умудрялась сохранять ровный шаг; по крайней мере, шла не спотыкаясь.

Остальных Хранительниц Мудрости нигде не было видно, даже Элиенды. — Примут ли эти Шайдо выкуп... о Хранительница Мудрости? — Вежливое обращение Арганды прозвучало так, словно тот спохватился в последний момент. Он

больше не считал, что Айил замешаны в похищении, но все же относился к ним с подозрением.

— Трудно сказать. — Похоже, Марлин не обратила внимания на его тон. Стоя со скрещенными на груди руками, она смотрела скорее на Перрина, чем на Арганду. Это был тот оценивающий и измеряющий взгляд, с каким женщина смотрит на тебя, собираясь сшить тебе новую рубашку или сообщить, что твои штаны нуждаются в чистке. Еще недавно под таким взглядом Перрин почувствовал бы себя неуютно, но сейчас у него не было времени обращать внимание на такие вещи. Когда Марлин снова заговорила, это

не звучало так, словно она дает совет; женщина просто констатировала факты. Возможно, именно так и было. — У нас не принято платить выкуп, как делаете вы, мокроземцы. *Гай'шайнт* можно преподнести в дар или обменять на другого *гай'шайнт*, но они не животные, чтобы их продавать. Однако Шайдо, по-видимому, более не следуют *джи'и'тох*. Они делают мокроземцев *гай'шайнт* и берут себе все, а не только пятую часть. Возможно, они и согласятся назначить цену.

— Мои драгоценности в твоём распоряжении, Перрин, — вставила Берелейн, её голос был ровным, а

лицо твердым. — Если необходимо, Грейди или Неалд смогут доставить из Майена еще. И золото тоже.

Галленне откашлялся.

— Алтаранцы привыкли иметь дело с мародерами, миледи, будь то их соседи-лорды или разбойники, — медленно проговорил он, похлопывая сложенными поводьями по ладони. Было видно, что он не хочет противоречить Берелейн, но вынужден. — На таком расстоянии от Эбу Дар закона не существует, кроме воли местного лорда или леди. И благородные, и простолюдины здесь привыкли, что приходится платить тому, с кем они не могут сражаться, и умеют быстро отличить одного от

другого. Совершенно невероятно, что никто из них не сделал попытки купить себе безопасность, однако мы не видели ничего, кроме руин и следов разгрома, там, где прошли Шайдо, и не слышали ни о чем другом. Они могут согласиться принять выкуп и даже взять его, но можно ли быть уверенным, что они дадут что-либо взамен? И еще, если мы станем предлагать выкуп, то лишимся нашего реального преимущества: пока что они не знают, что мы здесь. — Анноура слегка качнула головой; движение было почти незаметным, но единственный глаз Галленне уловил его, и солдат нахмурился. — Вы не

согласны, Анноура Седай? – вежливо поинтересовался он. В его голосе звучал оттенок удивления. Серая Сестра временами казалась почти робкой, – по крайней мере, для Айз Седай, – но всегда без колебаний высказывалась, если была не согласна с советами, даваемыми Берелейн.

Однако на этот раз Анноура медлила с ответом, прикрывая замешательство тем, что плотнее закутывалась в свой плащ и тщательно расправляла складки. Это выглядело не слишком убедительно; обычно Айз Седай не обращают внимания на жару или холод, оставаясь невозмутимыми, даже

когда все вокруг истекают потом или с трудом удерживаются, чтобы не стучать зубами. Если Айз Седай как-то делает вид, что реагирует на температуру, это значит, что она просто хочет выиграть время, чтобы подумать, — обычно о том, как что-нибудь скрыть. Взглянув, слегка нахмурившись, на Марлин, Анноура наконец пришла к решению, и неглубокие морщины на ее лбу разгладились.

— Переговоры всегда лучше, чем драки, — произнесла она со своим холодным тарабонским выговором, — а доверие на переговорах зависит от того, какие меры предосторожности приняты, не так ли? Мы должны

тщательно обдумать свои действия. Всегда существенно также, кто предлагает сделку. Хранительницы Мудрости более не являются для них священными, поскольку принимали участие в битве у Колодцев Дюмай. Возможно, лучше, если это будет Сестра или группа Сестер, но даже в этом случае нужно подумать, каким образом к этому подступиться. Лично мне кажется, что...

— Никакого выкупа, — произнес Перрин, и когда все взоры обратились на него, большинство смотрели с недоумением, Анноу-ра — бесстрастно, он повторил еще раз, более жестким тоном: — Никакого выкупа не будет. — Он не станет

платить этим Шайдо за то, что они заставили Фэйли страдать. Она наверняка напугана, и они должны сами заплатить за это, а не получать от этого выгоду. Кроме того, замечание Галленне было справедливым. Ничто из того, что видел Перрин, и в Алтаре, и в Амадиции, и до этого в Кайриэне, не несло даже намека, что Шайдо можно довериться в какой-либо сделке. С тем же успехом можно доверить крысам хлебные закрома или червям – собранный урожай. – Илайас, я должен взглянуть на этот лагерь. – Когда он был мальчишкой, он знал одного слепого, по имени Нат Торфинн, со сморщенным лицом

и тонкими белыми волосами, так тот мог с одного прикосновения разобрать головоломку кузнеца. Перрин годами пытался научиться воспроизводить этот трюк, но у него так и не получилось. Ему необходимо было посмотреть, как фрагменты соотносятся друг с другом, прежде чем он мог увидеть в них какой-нибудь смысл. — Айрам, найди Грейди и скажи, чтобы он как можно скорее встретился со мной на площадке для Перемещения. — Так они привыкли называть то место, куда переносились после каждого скачка и откуда начинали следующий. Аша'манам было легче строить переходные врата на том

месте, которого уже коснулись врата, сплетенные прежде.

Айрам, коротко и решительно кивнув, развернул своего серого и поспешил к лагерю, но на лицах остальных Перрин читал возникающие вопросы, и готовность поспорить, и требовательность. Марлин смотрела на него так, словно внезапно усомнилась, а он ли это вообще, а Галленне насупленно взирал на поводья в своих руках, без сомнения уже представляя, как все оборачивается в худшую сторону, вне зависимости от его действий. На лице Берелейн написано смятение, по глазам видно, что возражения готовы сорваться с ее языка, а рот

Анноуры вытянулся в тонкую линию. Айз Седай не любят, когда их прерывают, и какой бы робкой для Айз Седай она ни была, сейчас она выглядела готовой излить свое неудовольствие. Арганда, побагровев, уже открыл рот с явным намерением заорать. Арганда часто орал с тех пор, как его королеву похитили. Нет смысла оставаться и выслушивать все это.

Вонзив каблуки в бока Ходока, Перрин направил его сквозь кольцо Крылатых Гвардейцев, направляясь обратно к расщепленным деревьям. Не полным ходом, но и не мешкая, — быстрой рысью меж возвышающихся деревьев, руки крепко сжимают

поводья, а глаза уже выискивают Грейди среди пятен тени, испещривших лес. Илайас, не сказав ни слова, последовал за ним. Перрин знал, что в нем сейчас не осталось места даже для унции страха, но молчание Илайаса сделало еще тяжелее камень, лежавший у него на сердце. Тот никогда не встречал препятствия без того, чтобы тут же не предложить, как его можно обойти; его молчание кричало о непроходимых горах. Тем не менее какой-то способ должен быть. Когда они добрались до гладкого валуна, Перрин пустил Ходока шагом назад и вперед сквозь косые лучи солнечного света, вокруг поваленных деревьев и

между стоящих; он не мог остановиться. Он должен был двигаться. Какой-то способ должен существовать. Его ум метался, как крыса в ловушке.

Илайас спешил, присел на корточки и, хмурясь, начал рассматривать рассеченный камень, не обращая внимания на мерина, который дергал хозяина за повод, и явно хотел убраться подальше отсюда. Толстая сосна возле камня была повалена и лежала комлем на собственном пне, таком высоком, что Илайас смог бы пройти под деревом, не сгибаясь. Яркие лучи солнца, здесь и там пронизывавшие полог леса, делали тень от испещренного

следами валуна почти черной, но это беспокоило его не больше, чем Перрина. Он сморщил нос, почуяв все еще висевший в воздухе запах жженой серы.

— Мне показалось, что я слышал эту вонь, когда шел сюда. Полагаю, ты упомянул бы о ней, если бы твоя голова не была занята другими вещами. Большая стая. Больше, чем я когда-либо видел или слышал.

— Масури тоже так сказала, — отсутствующим тоном отозвался Перрин. Что задерживает Грейди? Количество людей в Эбу Дар? В лагере Шайдо их столько же. — Она сказала, что выходила на след семи стай, но эту прежде не встречала.

— Семь стай, — пробормотал Илайас, удивленный. — Даже Айз Седай должна немало походить, чтобы найти столько. Большая часть того, что говорят о Гончих Тьмы, — всего лишь рассказы людей, испугавшихся темноты. — Нахмурившись, он посмотрел на следы, отпечатавшиеся на гладкой поверхности камня, и, покачивая головой, произнес с печалью в голосе: — А ведь когда-то они были волками. По крайней мере душами волков, которые Тень захватила и извратила. Вот из чего сделаны Гончие Тьмы, Братья Тени. Думаю, именно поэтому волки будут участвовать в Последней Битве. А

может быть, Гончие Тьмы были созданы потому, что волки окажутся там, для того чтобы сражаться с ними. По сравнению с хитросплетениями Узора соварские кружева порой могут показаться просто куском бечевки. Как бы то ни было, это было очень давно, во времена Троллоковых Войн, насколько я могу судить, и даже еще раньше, в Войну Тени. У волков долгая память. То, что знает один волк, не будет по-настоящему забыто, пока живы другие. Но, впрочем, они избегают говорить о Гончих Тьмы, так же как и встречаться с ними. Сотня волков может погибнуть, пытаясь убить одну Гончую. Хуже

того, если они потерпят поражение, Гончая может пожрать души всех, кто еще не умер, и через год с небольшим из них получится новая стая Гончих, которые даже не будут помнить о том, что были когда-то волками. По крайней мере я надеюсь, что они этого не помнят.

Перрин натянул повод, хотя ему не терпелось двигаться дальше. Братья Тени. Имя, которым волки называли Гончих Тьмы, обрело новый зловещий оттенок.

— Могут ли они пожрать душу человека, Илайас? Скажем, человека, который умеет разговаривать с волками?

Илайас пожал плечами. Лишь

горсточка людей была способна на то, что могли они с Перрином. Ответ на такой вопрос можно получить лишь на пороге смерти. Сейчас гораздо важнее то, что, будучи однажды волками, они могли оказаться достаточно разумными, чтобы докладывать о том, что видели. Масури тоже предполагала это. Было бы глупо надеяться на обратное. Сколько времени пройдет, прежде чем они сообщат об увиденном? Сколько времени у него в запасе, чтобы освободить Фэйли?

Хруст снега под копытами лошадей возвестил о приближении всадников, и Перрин торопливо рассказал Илайасу, что Гончие

описали круг вокруг лагеря и что они могут доложить об этом тому, перед кем отчитываются.

— Я бы не стал на твоём месте слишком волноваться, парень, — ответил тот, настороженно оглядываясь в направлении приближающихся лошадей. Отодвинувшись от камня, он принялся потягиваться, разминая мышцы. Илайас опасался, что кто-то увидит, как он рассматривает то, что скрыто тенями для других глаз. — Похоже, они охотятся за кем-то более важным, чем ты. Они будут гнаться, пока не настигнут его, даже если у них уйдёт на это целый год. Не беспокойся. Мы вытащим твою жену

прежде, чем Гончие донесут весть о том, что ты был здесь. Не говорю, что это будет просто, но мы сделаем это. — В его голосе слышалась решимость, так же как и в его запахе, но не было особой надежды. Точнее, ее не было совсем.

Борясь с отчаянием, не давая ему вновь подняться в груди, Пер-рин снова пустил Ходока шагом, в то время как Берелейн со своими телохранителями появилась среди деревьев. Ее сопровождали Анно-ура и Марлин, сидевшая позади седла. Как только Айз Седай натянула поводья, Хранительница Мудрости соскользнула на землю, расправляя свои плотные юбки, чтобы закрыть

темные чулки. Другая женщина могла бы смутиться, окажись ее ноги выставлены напоказ, но не Марлин. Она просто приводила в порядок одежду. Недовольной скорее выглядела Анноура, на ее лице застыла раздраженная кислая мина, отчего нос стал похож на клюв. Она ничего не говорила, но рот был сжат так, словно она собиралась его укусить. Она, видимо, была уверена, что ее предложение с Шайдо будет принято, тем более что Берелейн поддерживала его, а Марлин держалась по меньшей мере нейтрально. Серые всегда выступали посредниками и были третейскими судьями. Видимо, дело все в этом. А

в чем же еще? Этот вопрос надо отложить в сторону, в то же время держа его в голове. Перрин должен принимать в расчет все, что может помешать освобождению Фэйли, но ему не давало покоя то, что в сорока милях к северо-востоку отсюда.

Пока Крылатая Гвардия растягивала свое защитное кольцо среди высоких деревьев вокруг площадки для Перемещения, Берелейн подвела своего гнедого вплотную к Ходоку и пустила его шагом рядом с Перрином, пытаясь вовлечь того в разговор и соблазнить остатками куропатки. От нее пахло сомнением, неуверенностью в правильности его решения.

Возможно, она надеялась убедить его попытаться все же договориться о выкупе. Перрин не придерживал Ходока, не желая слушать собеседницу. Сделать подобную попытку значило поставить все на кон. Он не мог рисковать, когда ставкой была Фэйли. Методичность, как при работе в кузнице, — таков был его путь, о Свет, как же он устал! Перрин плотнее стянул вокруг себя гнев, набираясь его огня, чтобы поддержать силы.

Галленне и Арганда прибыли вскоре после Берелейн, за ними следовала двойная колонна гэалданских копейщиков в блестящих кирасах и конических шлемах; они

тут же смешались с оцеплением майенцев, рассредоточившись среди деревьев. С ноткой раздражения, примешавшейся к ее запаху, Берелейн оставила Перрина и направилась к Галленне. Они съехались почти вплотную, одноглазый воин склонил голову, приготовившись слушать распоряжения своей госпожи. Она говорила понизив голос, но Перрин знал, о чем у них идет речь, по крайней мере, приблизительно. То один, то другая постоянно посматривали в его сторону, глядя, как он заставляет Ходока вышагивать взад и вперед, туда и обратно. Арганда остановил своего чалого и стоял, глядя сквозь деревья на юг, в

направлении лагеря; он был недвижим как изваяние, однако излучал нетерпение, как огонь излучает жар. Просто солдат с картинки: плюмаж, меч и серебристые доспехи, а лицо жесткое как камень; но его запах говорил, что он находится на грани паники. Перрину стало любопытно, как пахнет он сам. Собственный запах уловить невозможно, если только не находишься в закрытом помещении. Но вряд ли от него пахнет паникой, — скорее страхом и гневом. Все будет в порядке, как только он вернет Фэйли. Тогда все будет в порядке. Взад и вперед, туда и обратно.

В конце концов появился Айрам, ведя за собой зевающего Джура Грейди верхом на темно-гнедом мерине, таком темном, что из-за белой полосы, идущей вдоль морды, тот казался черным. Даннил с дюжиной двуреченцев, оставивших на время копья и алебарды ради своих длинных луков, ехали позади, но не вплотную. Грейди, плотный, кряжистый, с обветренным лицом, на котором уже начали появляться морщины, хотя он был еще в расцвете сил, походил скорее на сонного фермера, несмотря на меч с длинной рукоятью на поясе и черную куртку с серебряной заколкой в виде меча на высоком воротнике. Однако Грейди

навсегда оставил ферму, и Даннил с остальными старались держаться поодаль от него. Они держались поодаль и от Перрина – ехали позади него, глядя в землю; но время от времени он ловил их быстрые смущенные взгляды, направленные то на него, то на Берелейн. Это не имеет значения. Все будет в порядке.

Айрам хотел было подвести Грейди к Перрину, но Аша'ман и так знал, зачем его вызвали. Глубоко вздохнув, он слез с лошади и присел на корточки рядом с Илиасом. В пятне солнечного света они принялись пальцами рисовать на снегу карту и толковать о расстоянии и направлении; Илайас в деталях

описал место, куда они хотели попасть, — поляну на склоне горы, обращенную почти строго на юг; над ней возвышается скалистый гребень с тремя ущельями. Аша'ману хватило бы точно указанных расстояния и направления, но чем более детальной будет картина в его мозгу, тем ближе к намеченной точке он сможет Переместиться.

— Тут, парень, можно запросто ошибиться, — глаза Илайаса, казалось, зажглись от напряжения. Никто, кроме него, никогда не позволял себе поучать Аша'мана. — В этом краю полно горных хребтов, и главный лагерь находится примерно в миле по ту сторону кряжа, о

котором я толкую. Там еще будут часовые, их немного и они каждую ночь разбивают лагерь разных местах. Они могут оказаться милях в двух или даже меньше с противоположной стороны. Стоит тебе ошибиться — и нас тут же заметят, как пить дать.

Грейди встретил его взгляд не моргнув. Затем кивнул и провел короткими, будто обрубленными пальцами по волосам, глубоко вбирая в грудь воздух. Он выглядел не менее усталым, чем Илайас.

Усталость пронизывала его до костей, как ощущал Перрин. Ставить врата и держать их открытыми, пока через них проходят тысячи людей и

лошадей, было утомительной работой.

– Ты достаточно отдохнул? – спросил его Перрин. Уставшие люди делают ошибки, а ошибка в работе с Единой Силой может оказаться смертельной. – Может, лучше послать за Неалдом?

Грейди посмотрел на него затуманенным взглядом, потом покачал головой.

– Тот трудяга отдохнул не больше моего. Даже меньше, пожалуй. Я буду малость посильнее его. Лучше, если это сделаю я. – Он повернулся лицом на северо-восток, и рядом с испещренным следами валуном без какого-либо

предупреждения возникла вертикальная прорезь серебристо-голубого света. Анноура, издав громкий возглас, отдернула с дороги свою лошадь, когда прорезь расширилась, образовав отверстие, дыру в воздухе, в которой виднелась освещенная солнцем поляна на крутом склоне, окруженная деревьями намного ниже тех, что росли вокруг Перрина и его товарищей. Сосна, уже однажды расщепленная, вздрогнула, потеряв еще один кусок ствола, закрипела и окончательно рухнула наземь, издав смягченный снегом треск, от которого лошади зафыркали и начали переступать копытами. Анноура с

потемневшим от ярости лицом взглянула на Аша'мана, но тот лишь моргнул и произнес:

— Похоже это на то, что нам нужно? Илайас поправил свою шляпу и кивнул.

Перрин ждал только этого кивка. Нагнув голову, он направил Ходока вперед, хотя конь увязал в снегу. Поляна была небольшой, но из-за того что над головой было небо, полное белых облаков, она казалась широким пространством. По сравнению с оставшимся позади лесом свет здесь просто ослеплял, хотя солнце еще не вышло из-за поросшего деревьями хребта. Лагерь Шайдо лежал по ту сторону гребня.

Перрин жадно посмотрел вверх, на горный склон. Ему хотелось пуститься вскачь, чтобы увидеть наконец то место, где находится Фэйли, но сейчас он мог только оставаться на поляне. Он заставил себя развернуть Ходока обратно к воротам, из которых как раз появилась Марлин.

По-прежнему внимательно глядя на него и отводя взгляд, только чтобы посмотреть, куда ставит ногу, она отошла в сторону, пропуская Айрама и двуреченских лучников. Уже привыкшие если не к Аша'ману, то к Перемещениям, они проезжали сквозь ворота, едва наклоняя головы, чтобы не задеть верхний край

отверстия, и даже самый высокий из них ограничивался только этим. Перрин вдруг заметил, что эти ворота были шире тех, которые Грейди сплел в первый раз. Тогда, чтобы проехать, ему пришлось спешиться. Это была отвлеченная мысль, не более важная, чем жужжание мухи. Айрам подъехал напрямик к Перрину, на его лице застыла решимость, от него пахло нетерпением и стремлением двигаться дальше. Затем, как только Даннил и двуреченцы освободили проход, спустились вниз по склону и принялись деловито накладывать стрелы на тетивы луков, оглядывая обступающие их деревья, во воротах

возник Гал-ленне, мрачно взиравший по сторонам, словно ожидая, что на них в любую минуту может наброситься враг. За ним ехало с полдюжины майенцев, которым, чтобы проехать сквозь врата, пришлось склонить свои пики с красными флажками.

Потом довольно долго проход оставался пустым, но когда Пер-рин уже собрался ехать обратно посмотреть, что задерживает Илай-аса, бородач появился на поляне, ведя лошадь в поводу. По пятам за ним ехали Арганда и шестеро гэалданцев, на лицах которых было написано неудовольствие. На них не было сверкающих шлемов и кирас, и

они хмурились так, словно их заставили снять с себя штаны.

Перрин кивнул сам себе. Ну разумеется. Лагерь Шайдо находился на том склоне хребта, и там же было солнце. Блестящие доспехи были бы видны на гребне не хуже, чем зеркала. Он должен был подумать об этом сам. Он все еще позволяет страху подстегивать нетерпение и затуманивать ум. Голова у него должна быть ясной, и сейчас особенно. Какая-нибудь упущенная мелочь может стать для него смертельной, и тогда Фэйли останется в руках Шай-до. Однако легко сказать — надо расстаться со своим страхом, а как сделать это?

Разве мог он не бояться за Фэйли? И все же необходимо преодолеть себя.

К его удивлению, впереди Грейди, ведшего в поводу своего жеребца, из врат выехала Анноура. Как и всякий раз, проезжая сквозь врата, она почти лежала на шее своей кобылы, нагнувшись так низко, как только позволяла высокая лука ее седла, и злобно косилась на отверстие, сотворенное при помощи испорченной мужской половины Силы. Стоило ей оказаться на этой стороне, как она тут же прищорила лошадь, взлетев вверх по склону до самого края леса. Грейди захлопнул и убрал врата, после чего перед глазами Перрина осталась лишь

вертикальная багровая полоса, и Анноура, вздрогнув, кинула свирепый взгляд на него и Марлин. Если бы она не была Айз Седай, он решил бы, что она кипит от сдерживаемой ярости.

Должно быть, Берелейн приказала ей идти с ними, но не Берелейн винила она за то, что находится здесь.

— Отсюда пойдем пешком, — объявил Илайас тихим голосом, едва ли громче случайного стука конского копыта. Он говорил, что Шайдо не выставляют часовых или почти не выставляют, однако по его поведению можно было предположить, что враги находятся в

двадцати шагах отсюда. — Лошадей оставим здесь, всадники заметны издалека. Шайдо не слепые; они слепы только в отношении Айил, что означает, что их зрение вдвое зорче, чем у любого из вас, так что не вздумайте показаться им на глаза на фоне неба, когда мы доберемся до гребня. И постарайтесь производить как можно меньше шума. Они ведь к тому же и не глухие. Рано или поздно они обнаружат наши следы — здесь уж ничего не поделаешь: снег, — но нельзя, чтобы враги узнали, что мы были здесь, раньше, чем мы отсюда уйдем.

Арганда, все еще недовольный, что его лишили его доспехов и

перьев, начал возражать против того, что Илайас позволяет себе распоряжаться. Он не был круглым дураком и поэтому говорил приглушенным голосом, который не разносился далеко, но он был солдатом с пятнадцати лет, командовал солдатами в сражениях с Бело-плащниками, алтаранцами и амадийцами и при случае любил подчеркнуть, что дрался в Айильской Войне и пережил Кровавый Снег под Тар Валоном. Он знал, кто такие Айил, и не нуждался в том, чтобы небритый лесовик указывал ему, как надевать сапоги. Перрин не стал вмешиваться, тем более что попутно с жалобами Арганда отдавал

распоряжения своим людям, решая, кто пока останется сзади с лошадьми. Арганда отнюдь не был глуп, он просто боялся за свою королеву. Галленне оставил на поляне всех своих людей, пробормотав, что от пеших копейщиков все равно толку никакого и что, если заставить их пройти пешком хотя бы десяток шагов, они только переломают себе шеи. Этот тоже не был глупцом, но он видел все в черном свете. Илайас пошел впереди, и Пер-рин последовал за ним, задержавшись лишь для того, чтобы переложить толстую, оправленную в медь зрительную трубу из седельной

сумки Ходока в карман своей куртки.

Между деревьями тут и там встречались куртинки кустов, лес состоял в основном из сосняка и ельника, местами попадались и стоявшие группами деревья лиственных пород – серые, с голыми ветвями. Склон оказался не более крутым, чем Песчаные холмы в Двуречье, и не вызывал больших затруднений у Даннила и лучников, словно призраки скользивших с луками наготове, напряженно всматриваясь вокруг и производивших не больше шума, чем пар от их дыхания. Айрам, который тоже не был в лесу новичком, держался рядом с Перрином, вынуж

меч из ножен. Один раз он начал было расчищать путь, прорубаясь сквозь гущу толстых бурых прутьев, увитых лозой, но Перрин остановил его движением руки. Однако большого шума от Айрама не было, лишь снег похрустывал под его башмаками. Марлин двигалась между деревьями так, словно выросла в лесу, а не в Айильской пустыне, где любое растение, которое можно назвать деревом, было большой редкостью, а о снеге и не слыхивали. Но это никого не удивляло, хотя, казалось бы, все ее браслеты и ожерелья должны были издавать больше звона. Анноу-ра взбиралась в гору почти с такой же

легкостью, лишь немного путаясь в своих юбках, но ей удавалось искусно уклоняться от острых колючек «кошачьих коготков» и вьющихся побегов «погоди-минутку». У Айз Седай всегда найдется чем удивить. Она ухитрялась на ходу еще и настороженно посматривать на Грейди, хотя Аша'ман, по всей видимости, был полностью сосредоточен на том, чтобы переставлять ноги. Время от времени он тяжело вздыхал и приостанавливался, хмуро глядя на возвышавшийся впереди гребень, однако ухитрялся не отставать. Галленне и Арганда были уже немолоды и не привыкли ходить

пешком там, где можно проехать на лошади, так что их дыхание становилось все тяжелее по мере того, как они поднимались, иногда хватаясь руками за стволы деревьев, но оба глядели друг на друга не меньше, чем под ноги; каждый не желал допустить, чтобы другой оказался впереди. Четверо гэалданских копейщиков, однако, то и дело поскальзывались и спотыкались о скрытые под снегом корни, цеплялись ножнами за кусты и изрыгали проклятия, падая на острые камни или натыкаясь на колючки. Перрин уже начал подумывать, не отослать ли их обратно к лошадям. Или, может, лучше просто стукнуть

по голове и оставить лежать здесь, а потом подобрать на обратном пути?

Внезапно из кустов прямо перед Илайасом выступили двое Айил, темные вуали скрывали лица до самых глаз, белые плащи были отброшены за спину, в руках они держали копья и небольшие круглые щиты. Судя по росту, это были Девы Копья, что не делало их менее опасными, чем любые другие *алгай'д'сисвай*. И в то же мгновение девять длинных луков вскинулись вверх, целя широкими наконечниками стрел прямо им в сердце.

— Так тебя могут ранить, Туанда, — пробурчал Илайас. — И ты,

Сулин, тоже могла бы быть поосторожнее. — Перрин жестом приказал двуреченцам опустить луки, а Айраму — меч. Он уловил их запах одновременно с Илайасом, еще до того, как те вышли на открытое место.

Девы озадаченно переглянулись, но опустили черные вуали, позволив им свободно упасть на грудь.

— У тебя зоркий глаз, Илайас Мачира, — произнесла Сулин. Она была жилистой, с обветренным лицом, одну щеку бороздил суровый шрам, и острыми голубыми глазами, пронзавшими как шило, впрочем, сейчас они смотрели удивленно. Туанда была моложе и выше ростом,

она, должно быть, была хороша собой, прежде чем потеряла правый глаз и получила широкий шрам, проходивший вверх от подбородка и скрывавшийся под ее *шуфа*. Шрам приподнимал уголок ее рта, словно бы в легкой улыбке, однако не считая этого, никто никогда не видел улыбки на ее лице.

— Я узнал вас по курткам, — объяснил Перрин. Туанда, нахмурившись, взглянула на свою серо-зелено-коричневую куртку, потом перевела взгляд на куртку Сулин, точно такую же. — И плащам тоже. — Илайас, должно быть, действительно устал, если позволил себе сказать такое. — Ну

как, они еще не двинулись с места?

– Нет, Перрин Айбара, – сказала Сулин. – Шайдо, похоже, собираются какое-то время оставаться на одном месте. Они выгнали из города жителей, и те ушли прошлой ночью на север – те, кому позволили уйти. – Она слегка покачала головой, видимо по-прежнему недоумевая, почему Шайдо делают *гай'шайнт* людей, которые не следуют *джи'и'тох*. – Твои друзья, Джондин Барран, Гет Айлиа и Хью Марвин, отправились за ними, надеясь что-нибудь выведать. Наши сестры по копьё вместе с Гаулом решили еще раз обойти лагерь. Мы остались здесь ждать, пока Илайас Мачира не

вернется с тобой. — Она редко допускала, чтобы эмоции проникали в ее голос, и сейчас он оставался как всегда бесстрастным, но запах Селин выдавал ее печаль. — Пойдем, я покажу тебе.

Девы двинулись вверх по склону, и Перрин поспешил за ними, позабыв об остальных. Возле гребня они пригнулись, затем опустились на четвереньки, и он последовал их примеру; последние несколько спанов он прополз по снегу на животе и высунул голову из-за дерева, росшего на самой вершине. Лес здесь уже кончился, перейдя в разбросанные там и сям кусты и отдельные деревца на склоне.

Перрин находился на такой высоте, что мог видеть на несколько лиг вокруг поверх выступающих один за другим хребтов, лишенных растительности, до самой темной полосы леса вдали.

Отсюда он мог видеть все, что хотел, но видел гораздо меньше, чем ему было нужно.

Перрин пытался представить себе лагерь Шайдо по описанию Илайаса, но реальность превосходила его воображение, как гигант превосходит карлика. В тысяче шагов под ним простиралось море низких айильских палаток, а также палаток всех других видов, море повозок, фургонов, людей и

лошадей. Оно раскинулось больше чем на милю во всех направлениях, от серых каменных стен города до середины следующего склона. Он знал, что и по другую сторону того хребта увидел бы такую же картину. Город был не из числа крупных, таких как Кэймлин или Тар Валон. Та стена, которую он видел, была меньше четырехсот шагов, а другие — и того меньше, однако это все же был город, с высокими стенами и башнями, и чем-то вроде крепости в северном углу. И тем не менее лагерь Шайдо поглотил его целиком. Фэйли была где-то там, в этом огромном людском море.

Вытащив из кармана

зрительную трубу, Перрин лишь в последний момент спохватился прикрыть ладонью дальний ее конец. Солнце золотым шаром висело почти над его головой, лишь чуть-чуть не дойдя до зенита. Случайный отблеск линзы мог погубить все. В трубу он видел группы людей, их лица были ясно различимы, по крайней мере для его глаз. Длинноволосые женщины в черных шалях, наброшенных на плечи, увешанные дюжинами длинных ожерелий и цепочек; женщины с меньшим количеством украшений, доящие коз; женщины, одетые в *кадин'сор*, в руках у них были копья и щиты; женщины, выглядывающие из-под капюшонов

тяжелых белых одеяний, торопящиеся куда-то по снегу, уже наполовину превратившемся в грязь. Мужчины и дети там тоже были, но его взгляд скользил мимо них не останавливаясь. Тысячи и тысячи женщин, даже если считать только тех, что в белом.

— Их слишком много, — прошептала Марлин, и он гневно взглянул на нее, опустив трубу. Остальные последовали за ним и Девами, и теперь лежали бок о бок на снегу вдоль гребня. Двуреченцы мучились, пытаясь уберечь от снега тетиву своих луков и в то же время не поднимать их над гребнем. У Арганды и Галленне тоже были

зрительные трубы, и они рассматривали расстилавшийся под ними лагерь; Грейди глядел вниз, оперев подбородок на руки, не менее напряженно, чем двое солдат. Возможно, он каким-то образом использовал Силу. Марлин и Анноура также разглядывали лагерь; Айз Седай облизывала губы, а Хранительница Мудрости хмурилась. Перрину показалось, что Марлин не собиралась говорить вслух.

— Если ты считаешь, что я отступлю только из-за того, что Шай-до оказалось больше, чем я ожидал... — горячо начал он, но женщина прервала его, спокойно встретив его яростный взгляд.

– Слишком много развелось Хранительниц Мудрости, Перрин Айбара. Куда бы я ни посмотрела, всюду вижу женщин, направляющих Силу. Не слишком долго, мгновение здесь, мгновение там, – Хранительницы Мудрости ведь не направляют ее постоянно, – но они повсюду. Слишком много получается Хранительниц Мудрости для десяти септов.

Перрин глубоко вздохнул:

– Сколько их там, по твоему мнению?

– Думаю, там внизу собрались все Хранительницы Мудрости Шайдо, – ответила Марлин так спокойно, словно речь шла о ценах

на ячмень. — Все, кто может направлять.

Все? Но в этом не было смысла! Как могли они все оказаться здесь, если Шайдо были рассеяны повсюду? По крайней мере, он слышал рассказы о набегах Шайдо по всему Гэалдану и Амадиции — и здесь, в Алтаре, еще задолго до того, как похитили Фэйли, и в более дальних местах. *Зачем* им всем собираться вместе? Если Шайдо намеревались собрать здесь весь клан... Нет, он должен опираться на то, что знает наверняка. И этого более чем достаточно.

— Сколько их? — повторил он, стараясь, чтобы его голос прозвучал

спокойно.

— Не рычи на меня, Перрин Айбара. Я не могу сказать точно, сколько Хранительниц Мудрости Шайдо осталось в живых. Даже Хранительницы Мудрости умирают от старости, от укуса змеи, от несчастных случаев. Некоторые погибли у Колодцев Дюмай. Мы находили там их тела, и многих они, должно быть, унесли с собой, чтобы похоронить достойно. Даже Шайдо соблюдают обычаи. Если внизу находятся все оставшиеся в живых, вместе с ученицами, которые могут направлять, то их около четырехсот. Может быть, и больше, но максимум пятисот. У Шайдо было меньше

пятисот способных направлять Хранительниц Мудрости и около пятидесяти учениц еще до того, как они пересекли Стену Дракона. — Любой фермер выказал бы больше эмоций, рассуждая о ценах на ячмень.

По-прежнему глядя в сторону лагеря Шайдо, Анноура издала приглушенный звук, почти рыдание.

— Пять сотен? О Свет! Половина Башни только в одном клане? О-о, Свет!

— Мы можем прокрасться в лагерь ночью, — пробормотал Данил с другого края шеренги, — так же, как вы прокрались тогда, в Двуречье, в лагерь Белоплащников.

Илайас издал невнятный звук, который мог означать что угодно, но звучал не очень обнадеживающе. Сулин презрительно фыркнула:

— *Мы* не сможем прокрасться в этот лагерь, во всяком случае так, чтобы у нас оставалась какая-то надежда выбраться обратно. *Вас* же свяжут, как козлов на вертеле, еще прежде — раньше, чем вы минуете первые палатки.

Перрин медленно кивнул. Он уже думал о том, чтобы проскользнуть туда под покровом темноты и каким-то образом выкрасть Фэйли. И остальных, разумеется. Она не уйдет без остальных. Однако он никогда

всерьез не считал, что это удастся – только не с Айил, – а размеры лагеря потушили последние искры надежды. Среди такого множества людей он мог бродить целыми сутками и все же не найти ее.

Внезапно он осознал, что справился с отчаянием. Гнев оставался на месте, но теперь он был холодным, как сталь на морозе; и Перрин не ощущал и капли той безнадежности, которая прежде угрожала затопить его целиком. В этом лагере было десять тысяч *алгай'д'сисвай* и пять сотен женщин, способных направлять, – Галленне был в чем-то прав: готовься к худшему, и все встречающиеся

неожиданности покажутся приятными, — пять сотен женщин, которые без колебаний используют Силу как оружие. Фэйли спрятана подобно снежинке посреди заснеженного поля; но когда на тебя обрушивается сразу так много, в отчаянии не остается смысла. Надо просто держаться, или тебя завалит с головой. Кроме того, теперь Перрин вдруг увидел всю головоломку целиком. Нат Торфинн сказал как-то, что любую головоломку можно разгадать, если ты понял, куда нажимать и за что тянуть.

К северу и югу лес был вырублен на еще большем расстоянии от города, чем на той возвышенности,

где они находились. Разбросанные повсюду фермы, над трубами которых не поднимался ни один дымок, усеивали местность; ограды из жердей размечали поля, лежащие под снегом; попытаться незаметно приблизиться к городу с любой стороны даже горсточке людей, все равно что идти с факелами и знаменами и трубить в трубы. Перрин вроде бы видел какую-то дорогу, идущую мимо ферм с юга на север. Вряд ли это им может помочь, но никогда нельзя сказать заранее, что пригодится. Джондин мог принести какие-нибудь сведения о городе, хотя что от них толку, если он лежал посреди лагеря Шайдо. Гаул и

Девы, которые обходили лагерь кругом, возможно, смогут сказать, что находится за следующим хребтом. Седловина на нем выглядела так, словно там проходила еще одна дорога, приблизительно в восточном направлении. Как ни странно, примерно в миле к северу от седловины стояла группа ветряных мельниц, их длинные белые лопасти медленно вращались; и еще одна группа мельниц находилась, по-видимому, на вершине следующей возвышенности. Цепочка арок, подобно длинному узкому мосту, тянулась вниз по склону от ближайших мельниц вплоть до городских стен.

— Кто-нибудь знает, что это такое? — спросил Перрин, показывая на арки. Изучение их в зрительную трубу не дало ничего, кроме того, что они, по всей видимости, сделаны из того же серого камня, что и стены города. Для моста сооружение было слишком узким; кроме того, наверху не было никакой ограды, а под ним — никакого препятствия, ради которого стоило бы строить мост.

— По этой штуке в город подается вода, — ответила Сулин. — В пяти милях отсюда она подходит к озеру. Не знаю, почему они просто не построили город поближе, но берега озера напоминают замерзшую грязь. — Она больше не спотыкалась

на незнакомых словах, таких как «грязь», однако, когда Сулин произносила «озеро», в ее голосе по-прежнему слышался благоговейный трепет: ее поражало, что такое количество воды может быть собрано в одном месте. — Ты думаешь, не перекрыть ли им воду? Если сделать это, они несомненно повылезают наружу. — Она понимала, что значит сражаться за воду. Большинство сражений в Пустыне начинались с борьбы за воду. — Но я не думаю...

Краски вдруг взорвались в голове Перрина; извержение цвета было столь сильным, что зрение и слух отказали ему. По крайней мере, он не мог видеть ничего, кроме

самых красок. Они накатывали как прилив, словно каждый раз, когда он вытеснял их из своей головы, он воздвигал плотину, которая теперь была сметена этим безмолвным потоком, вихрящимся беззвучными водоворотами, которые пытались затянуть его внутрь. Потом в середине этого потока из красок сгустился образ – Ранд и Найнив, сидящие на земле лицом друг к другу. Перрин видел их так ясно, словно они находились прямо здесь, перед ним. У него не было времени на Ранда; только не сейчас. Не сейчас! Вцепившись в эти краски, как утопающий, он заставил их исчезнуть!

Зрение и слух, вместе со всем окружающим миром, внезапно обрушились на него.

— ...это безумие, — говорил Грейди обеспокоенным голосом. — Никому не под силу справиться с таким количеством *саидин*, которое я почувствовал на расстоянии. Никому!

— Никто не должен был справиться и с таким количеством *саи-дар*, — пробормотала Марлин. — Только кто-то смог все же это сделать.

— Отрекшийся? — голос Анноуры дрожал. — Отрекшийся, использующий какой-то *са'ангриял*, о котором мы ничего не знаем. Или... или это сам Темный.

Все трое глядели назад, на северо-запад, и если Марлин и казалась спокойнее, чем Анноура или Грейди, то запах выдавал ее испуг и тревогу. Все, кроме Илайаса, смотрели на них так, словно ожидали, что те сейчас объявят о начале нового Разлома Мира. На лице Илайаса отражалось лишь приятие своей участи. Волк может попытаться укунить оползень, несущий его к смерти, однако он знает, что смерть рано или поздно придет за ним, и невозможно с ней бороться.

— Это Ранд, — глухо проговорил Перрин. Он содрогнулся, почувствовав, что краски пытаются

вновь выплеснуться наружу, но ударами молота загнал их обратно. — Это его дело. Он сам позаботится обо всем, что бы это ни было. — Теперь все воззрились на него, даже Илайас. — Мне нужны пленные, Сулин. Шайдо должны высылать группы охотников. Кроме того, Илайас говорил, что в нескольких милях отсюда у них выставлены часовые, небольшими группами. Вы сможете добыть мне пленных?

— Послушай меня внимательно, — проговорила Анноура; слова лились из нее потоком. Она приподнялась со снега и, перегнувшись через Марлин, схватила Перрина за плащ. — Что-то

происходит, возможно — чудесное, возможно — ужасное, но в любом случае очень важное, более важное, чем все события, о которых известно истории! Мы должны знать, что это такое! Грейди может перенести нас туда, достаточно близко, чтобы увидеть. Я могла бы перенести нас, если бы знала нужные плетения. Мы должны знать!

Глядя ей в глаза, Перрин поднял руку, и она умолкла с открытым ртом. Айз Седай никогда не умолкают так легко, однако сейчас это произошло.

— Я сказал тебе, что с этим без нас разберутся. Наша работа — прямо перед нами, там, внизу. Сулин, что

скажешь?

Сулин переводила взгляд с него на Айз Седай, а с той – на Мар-лин. Наконец она пожала плечами.

– Ты вряд ли узнаешь что-либо полезное, даже если подвергнешь их пытке. Они примут боль и еще посмеются над тобой. А на стыд не рассчитывай – этих Шайдо вообще вряд ли можно чем-то устыдить.

– Так или иначе надо узнать больше, чем я знаю теперь, – отозвался Перрин. Его работа лежала перед ним. Головоломка, которую надо решить, Фэйли, которую надо освободить, и Шайдо, которых следует уничтожить. Больше в этом мире ничто не имело значения.

Глава 9. Ловушки

– И она еще раз выразила сожаление, что другие Хранительницы Мудрости оказались столь робкими, – закончила Фэйли самым смиренным тоном, какой только смогла изобразить, поправляя высокую корзину, которую держала на одном плече, и переминаясь с ноги на ногу в грязном снегу. Корзина не была тяжелой, хоть и полна грязного белья. Ее белое шерстяное одеяло было толстым и теплым, и под ним были надеты еще два нижних балахона, но ее тонкие кожаные сапожки, тоже

обесцвеченные до белизны, плохо защищали хозяйку от холодной снежной каши. — Мне было приказано доносить в точности, что говорит Хранительница Мудрости Се-ванна, — быстро добавила она. Сомерин как раз и была одной из «других» Хранительниц Мудрости, и углы ее рта поползли книзу при слове «робкими».

Стоя с опущенными глазами, Фэйли не могла видеть верхнюю часть лица Сомерин. От *гай'шайн* требовалось держаться скромно, особенно от тех, которые не были айильцами. Она пыталась посмотреть вверх сквозь ресницы, чтобы разглядеть выражение лица

Со-мерин, но та была выше ростом, чем любой мужчина, даже среди Айил, — желтоволосая великанша, возвышающаяся над ней. Большую часть поля зрения Фэйли занимала необъятная грудь Соме-рин; ее блуза была наполовину расшнурована, открывая пышное загорелое тело, полускрытое множеством длинных ожерелий из огневиков и изумрудов, рубинов и опалов, тройными низками больших жемчужин и золотыми цепями замысловатой работы. Большинство Хранительниц Мудрости недолгоблывали Севанну, которая «говорила за вождя», пока не будет избран новый вождь клана Шайдо, — что в ближайшее время

было маловероятно, — и пытались всячески подорвать ее авторитет, если не были заняты, затевая свары друг с другом и формируя клики, но многие из них разделяли любовь Севанны к украшениям мокроземцев, а некоторые даже начали, как Севанна, носить на пальцах перстни. На правой руке Соме-рин носила большой белый опал, который сверкал красным каждый раз, когда она поправляла шаль, а на левой — продолговатый голубой сапфир, оправленный рубинами. Она, однако, не переняла у Севанны привычки к шелковой одежде. Ее блуза была из чистой белой *алгода* из Пустыни, а юбка и шаль — из плотной шерсти,

такой же темной, как и платок, придерживавший ее длинные, до пояса, желтые волосы, чтобы они не падали на лицо. Холод, по-видимому, нисколько ее не беспокоил.

Они стояли рядом с тем, что Фэйли считала границей между лагерем Шайдо и лагерем *гай'шайн* – лагерем пленников, – хотя по-настоящему, конечно, лагерь был один. Некоторые *гай'шайн* спали вместе с Шайдо, но остальных, когда они не были заняты порученной им работой, держали в центре лагеря, как скот, отгороженный от соблазна свобода: стеной Шайдо. Большинство проходивших мимо мужчин и женщин были одеты в

белые балахоны *гай'шайн*, хотя лишь у немногих они были из шерсти столь тонкой вязки, как у нее. При таком количестве людей, которых нужно было одевать, Шайдо хватали любую одежду белого цвета, какую находили. Некоторые были закутаны в несколько слоев грубой холстины или полотенец, или в балахоны из палаточной ткани, и часто на их одежде виднелись пятна грязи и сажки. Лишь немногие из *гай'шайн* отличались высоким ростом и светлыми глазами Айил. Подавляющее большинство составляли румяные амадицийцы, смуглые алтаранцы и бледные кайриэн-цы, но попадались и

случайные путешественники и торговцы из Ил-лиана, Тарабона и Свет знает откуда еще, эти просто оказались в неподходящем месте в неподходящее время. Кайриэнцы пробыли здесь дольше других и больше остальных смирились со своим положением, не считая горсточку айильцев в белом; но все передвигались с опущенными глазами и спешили исполнить порученные им дела с такой быстротой, на какую только были способны их ноги в этой снежной каше пополам с грязью. От *гай'шайн* ожидалось, что они будут выказывать смирение и повиновение, причем с радостью. Забывчивых же ждало

весьма болезненное напоминание.

Фэйли и сама была не прочь поспешить. Озябшие ноги играли здесь далеко не главную роль, а желание заняться стиркой для Севанны — еще меньшую. Слишком много глаз могло увидеть, как она стоит здесь с Сомерин. Ведь хотя ее лицо было скрыто глубоким капюшоном, но широкий пояс вокруг талии, сплетенный из блестящих золотых звеньев, и тесно прилегающий ошейник — парный поясу — выдавали в ней одну из служанок Севанны. Никто не называл их так — в глазах Айил служить кому-либо значило унижить себя, — но именно слугами они и

были, по крайней мере
мокроземцы, — слугами без
жалованья и с гораздо меньшим
количеством прав и свобод, чем у
любых других слуг, о которых Фэйли
когда-либо слышала. Рано или
поздно Севанна узнает, что
Хранительницы Мудрости
останавливают ее *гай'шайн* и задают
им вопросы. У Севанны имелось
более сотни слуг, и Фэйли готова
была поручиться, что все они до
единого пересказывают
Хранительницам Мудрости каждое
ее слово.

Это оказалась жестокая и
эффективная ловушка. Севанна была
суровой госпожой, хотя обычно

держалась ровно. Она никогда не кричала, редко выказывала свой гнев, но мельчайшее нарушение, малейшая ошибка в поведении или разговоре влекли за собой немедленное наказание розгой или плетью. И каждый вечер пятеро *гай'-шайн*, угодивших ей в этот день меньше остальных, отбирались для дальнейшего наказания — иногда, кроме того, что их пороли, они проводили всю ночь связанными и с кляпом во рту — просто в назидание остальным. Фэйли не хотелось думать о том, что эта женщина прикажет сделать со шпионкой. С другой стороны, Хранительницы Мудрости недвусмысленно давали

понять, что судьба *гай'шайн*, которые не будут рассказывать им обо всем, что слышали, и попытаются утаить или начать торговаться, висит на волоске, и они вряд ли проживут долго. Причинить *гай'шайн* вред, выходящий за рамки разрешенных взысканий, значило нарушить *джи'и'тох* – представление о чести и долге, которое правило жизнью Айил, – но *гай'шайн*-мокроземцы, по-видимому, находились вне многих правил.

Рано или поздно ловушка должна была захлопнуться, не с одного конца, так с другого. До сих пор этого не произошло лишь потому, что Шайдо, по-видимому,

считали своих *гай'шайн*-мокроземцев чем-то вроде упряжных лошадей или гуртового скота, впрочем о животных заботились намного больше. Правда, время от времени кое-кто из *гай'шайн* пытался убежать; но обычно хозяева просто давали им пищу и кров, поручали работу и наказывали, если те не справлялись с ней. Хранительницам Мудрости просто не приходило в голову, что они могут оказать неповиновение, так же как Севанне — что они могут шпионить за ней. Они полагали, что уж скорее упряжная лошадь вдруг запоет. Однако рано или поздно... И это была не единственная ловушка, в которую

попалась Фэйли.

– О Хранительница Мудрости, мне больше нечего сказать тебе, – пробормотала она, не дождавшись ответа от Сомерин. Тот, у кого в голове еще оставалась способность соображать, не станет уходить от Хранительницы Мудрости просто так, не дождавшись разрешения. – Хранительница Мудрости Севанна не стесняется высказываться в нашем присутствии, но говорит она мало.

Великанша по-прежнему молчала, и после долгого ожидания Фэйли отважилась поднять глаза чуть выше. Сомерин как в столбняке воззрилась куда-то поверх ее головы; ее рот открылся в немом изумлении.

Нахмурясь, Фэйли посмотрела назад, сделав вид, что поправляет корзинку на плече, но не заметила там ничего, что объяснило бы ей выражение лица Сомерин, — там был все тот же лагерь: темные низкие палатки Айил, а также палатки на шестах, и палатки домиком, и всевозможные виды палаток, большинство из них грязно-белого или бледно-коричневого оттенка, но встречались и зеленые, и синие, и красные, и даже полосатые. Шайдо при грабеже забирали все, что могло оказаться полезным, и никогда не пропускали ничего, что напоминало палатку.

Впрочем, у них действительно не хватало палаток для размещения

всех людей, населяющих лагерь. Здесь собралось десять септов, что по оценкам Фэйли составляло более семидесяти тысяч Шай-до, и почти столько же *гай'шайн*. Повсюду она видела лишь обычную суету – одетых в темное айильцев, идущих по своим делам, среди пленников в белых балахонах, спешащих по чужим. Кузнец раздувал мехи своего горна перед входом в палатку, разложив инструменты на выдубленной бычьей шкуре; дети прутами гоняли стада мекающих коз; торговец выставил свой товар под навесом из желтой холстины – здесь было все, от золотых подсвечников и серебряных чаш до горшков и чайников, и все это

было нагреблено. Высокий мужчина, держа лошадь в поводу, разговаривал с седовласой Хранительницей Мудрости по имени Масалин; по всей видимости, ему требовалось лекарство от какой-то хвори, приключившейся с животным, судя по тому как он показывал на живот своей подопечной. Здесь не было ничего, что могло заставить Сомерин раскрыть рот.

Но когда Фэйли уже собиралась повернуться обратно, она вдруг заметила темноволосую айилку, стоявшую к ней спиной. Не просто темноволосую — ее волосы были цвета воронова крыла, что являлось большой редкостью среди Айил.

Даже со спины Фэйли узнала Аларис, еще одну Хранительницу Мудрости. В лагере было более четырехсот Хранительниц Мудрости, но она быстро научилась распознавать их по виду. Принять Хранительницу Мудрости за ткачиху или горшечницу было кратчайшим путем к порке.

То, что Аларис стояла как вкопанная и смотрела в том же направлении, что и Сомерин, позволив своей шали соскользнуть на землю, могло ничего и не значить, но прямо за ней Фэйли увидела еще одну Хранительницу Мудрости, которая тоже смотрела куда-то на северо-запад, шлепками подгоняя

проходящих мимо людей. Это была, по-видимому, Джесаин; ее можно было назвать низенькой, если бы она не была айилкой; с густой гривой огненно-рыжих волос, от которых, казалось, можно было разжигать костер, и соответствующим характером. Масалин по-прежнему разговаривала с человеком, державшим лошадь, оживленно жестикулируя и показывая на животное. Она не могла направлять Силу, но те три Хранительницы Мудрости, которые могли, все воззрились в одном и том же направлении. Этому могло быть лишь одно объяснение: они увидели, что кто-то направляет Силу где-то на

заросшем лесом горном хребте позади лагеря. Если бы подобное делала Хранительница Мудрости, это вряд ли заставило бы их так остолбенеть. Была ли это Айз Седай? Или даже не одна, а несколько? Лучше не пробуждать в себе надежды. Для этого еще слишком рано.

Сильная затрещина заставила ее пошатнуться и едва не уронить свою корзину.

— Ну что ты встала столбом? — рявкнула на нее Сомерин. — Давай иди работать. Да пошевеливайся, а не то...

Фэйли пошла прочь, одной рукой придерживая корзину, а другой

подбирая юбки, чтобы не запачкаться в грязном снегу, и стараясь двигаться с максимальной быстротой, но при этом не поскользнуться и не упасть в грязь. Сомерин никогда никого не била и никогда не повышала голос. Если она изменила обоим своим правилам, лучше, пожалуй, поскорее убраться с ее глаз. Смиренно и покорно.

Вначале гордость подсказывала Фэйли держаться с холодным вызовом, спокойно отказываясь уступать притеснениям, однако здравый смысл убеждал, что это привело бы лишь к тому, что за ней станут присматривать вдвое бдительнее, чем сейчас. Шайдо,

может быть, и считали гай'шайн-мокроземцев чем-то вроде скотины, но они не были совершенно слепы. Если она хотела сохранить возможность побега, то лучше, чтобы думали, будто она приняла свой плен и смирилась с мыслью о том, что убежать невозможно. А она только и думала, что о побеге. Чем скорее, тем лучше. В любом случае надо сбежать до того, как появится Перрин. Фейли ни минуты не сомневалась, что Перрин пустится разыскивать ее и в конце концов найдет — этот человек пройдет сквозь стену, если только вобьет себе это в голову! — но она должна убежать прежде, чем это случится. Фей-ли была дочерью

солдата. Она знала, сколько человек у Шайдо и какие силы должен собрать Перрин, чтобы иметь возможность сразиться с ними, и она понимала, что должна вернуться прежде, чем начнется это побоище. Дело за малым — надо придумать, как ей сбежать.

Что могло привлечь внимание Хранительниц Мудрости? Может быть, какие-нибудь Айз Седай или Хранительницы Мудрости, пришедшие с Перрином? О Свет, она надеялась, что это не так, только не сейчас! Впрочем, у нее есть и другие заботы, в том числе — стирка. Она шла со своей корзиной к тому, что осталось от города Мал-дена,

пробираясь сквозь нескончаемый поток *гай'шайн*. Те из них, кто выходил из города, несли на шестах ведра с водой, другие же несли им навстречу пустые ведра. Огромному населению лагеря требовалось огромное количество воды, доставляли ее именно так, ведро за ведром. Было легко определить, кто из *гай'шайн* принадлежал к прежним жителям Малдена. Здесь, на севере Алтары, их кожа была скорее светлой, чем оливковой, как у большинства алтаран-цев, среди них попадались даже голубоглазые, и все они двигались как во сне. Шайдо, взобравшиеся на городские стены среди ночи, сломили их оборону еще

до того, как большинство жителей поняло, что им угрожает опасность, и горожане, казалось, до сих пор не могли поверить в случившееся.

Фэйли, однако, высматривала вполне конкретного человека, который, как она надеялась, сегодня не был занят тасканием воды. Она искала его с тех самых пор, как Шайдо четыре дня назад разбили здесь лагерь. Выйдя за городские ворота, стоявшие настежь и припертые к гранитным стенам, она наконец увидела того, кого искала: одетую в белое женщину выше ее ростом, с плоской корзиной хлеба под мышкой и капюшоном, откинутым лишь настолько, чтобы

из-под него виднелась прядь темных с рыжеватым отливом волос. Чиад делала вид, что рассматривает окованные железом ворота, которые не смогли защитить Малден, но повернулась к ним спиной, стоило лишь Фэйли приблизиться. Они постояли бок о бок, не глядя друг на друга и делая вид, что поправляют свои корзины. Двое *гай'шайн* вполне имели право поговорить, но никто не должен был вспомнить, что их захватили в плен вместе. За Байн и Чиад не присматривали так, как за слугами Севанны, но это могло в любой момент измениться. Почти все люди, проходившие мимо них, были *гай'шайн*, и к тому же

родившимися по западную сторону Драконовой Стены; однако слишком многие уже научились добиваться благосклонности хозяев, передавая им слухи и разговоры. Большинство людей прилагало все усилия, чтобы выжить, а некоторые просто привыкли устилать перьями собственное гнездо при любых обстоятельствах.

— Они ушли в первую ночь, когда мы попали сюда, — вполголоса проговорила Чиад. — Мы с Байн вывели их за пределы лагеря к лесу, а на обратном пути запутали следы. Похоже, никто еще не обнаружил, что их нет. Здесь столько *гай'шайн*, что удивительно, как Шайдо вообще

замечают, когда кто-нибудь убегает.

Фэйли позволила себе облегченно вздохнуть. Прошло уже три дня. Шайдо, конечно, *замечали*, когда от них убегали *гай'шайн*. Лишь немногим удавалось хотя бы сутки побыть на свободе, но шансы на успех возрастали с каждым днем, и к тому же Фэйли была почти уверена, что Шайдо вновь двинутся с места если не завтра, то послезавтра. С тех пор как Фэйли попала к ним, они ни разу не оставались на одном месте так долго. Она подозревала, что они могут направиться обратно к Стене Дракона и вернуться в Пустыню.

Было не так-то легко уговорить Ласиль и Аррелу уйти без нее.

Окончательно убедил их лишь довод, что они смогут рассказать Перрину, где находится Фэйли, предупредить его о том, сколько здесь Шайдо, и передать, что у Фэйли готов собственный план побега и любое вмешательство с его стороны лишь поставит под угрозу как план, так и ее саму. Она была уверена, что ей удалось заставить их убедить — к тому же у нее действительно был готов план побега; фактически их у нее было несколько, и хоть один обязательно должен был сработать. Однако вплоть до настоящего момента Фэйли боялась, вдруг эти двое все же решат, что данные ей клятвы все же обязывают их

остаться. Водный обет был в некотором роде более крепок, чем вассальная присяга, однако он оставлял значительную свободу для глупости, замаскированную под честь. По правде говоря, Фейли была не слишком уверена, что им удастся найти Перрина; но с другой стороны, они были на свободе, и теперь у нее оставалось лишь двое, о ком надо было беспокоиться. Разумеется, отсутствие трех служанок Севанны будет замечено очень быстро, уже через несколько часов, и за ними в погоню отправятся лучшие следопыты. Фэйли не была новичком в лесах, но у нее хватало здравого смысла не равнять себя с лучшими из

айильских следопытов. Даже для «обычной» *гай'шайн*, убежавшей и изловленной, последствия окажутся более чем неприятными. Для *гай'шайн* Севанны будет лучше, если она умрет до того, как ее поймают. В лучшем случае ей никогда не предоставится возможность повторить попытку.

— У оставшихся будет больше шансов, если ты и Байн пойдете с нами, — сказала Фэйли, понизив голос. Мимо по-прежнему тек поток мужчин и женщин в белом, носящих воду, и никто из них не обращал на женщин ни малейшего внимания, но за последние две недели осторожность стала ее второй

натурой. О Свет, ей казалось, что прошло два года! — Велика ли разница: помочь Ласиль и Арреле добраться до леса или помочь остальным всем пробраться еще дальше?

Это был бесполезный разговор. Она знала, в чем разница, — Байн и Чиад были ее подругами и немало рассказали ей об обычаях Айил, в частности о *джи'и'тох*, и даже немного научили ее языку жестов Дев. Поэтому Фэйли не удивилась, когда Чиад слегка повернула голову и посмотрела на нее своими серыми глазами, в которых не было и следа обычной кротости *гай'шайн*. Не было ее и в голосе, хотя собеседница по-

прежнему говорила тихо.

— Я помогу тебе, чем только смогу, поскольку считаю, что Шайдо держат тебя, не имея на это права. Ты не следуешь *джи'и'тох*. Я — следую. Если я позабуду свой долг и свою честь лишь потому, что так поступили Шайдо, это будет значить, что я позволяю им решать, как мне поступать. Я буду носить белое год и один день, а потом они освободят меня или я уйду сама, но я не откажусь от того, что принадлежит мне по праву. — Не сказав больше ни слова, Чиад повернулась и зашагала прочь, смешавшись с толпой *гай'шайн*.

Фэйли подняла было руку, чтобы

удержать ее, но передумала. Она уже задавала этот вопрос прежде и получила тогда более мягкий ответ, а повторив вопрос вновь, она лишь оскорбила свою подругу. Следовало извиниться. Не потому, что Фэйли боялась лишиться ее помощи – Чиад в любом случае не перестала бы помогать ей, – но потому, что у нее был свой кодекс чести, хотя она и не следовала *джи'и'тох*. Нельзя оскорблять друзей и полагать, что ничего не случилось, или ждать, что те сами будут так считать. Извинения, однако, могли подождать. Нельзя, чтобы их видели вместе слишком долго.

Малден был процветающим

городом, он производил хорошую шерсть и большое количество превосходного вина, но сейчас от него остались лишь развалины, обнесенные стеной. Только половина крытых черепицей городских зданий были каменными, остальная же — деревянными, и во время грабежа вспыхнул пожар. Вся южная часть города представляла собой груды обгорелых бревен, увешанных сосульками, — обугленные стены без крыш. Городские улицы, и мощеные, и немощеные, стали серыми от нанесенного ветром и втоптанного в снег пепла, и весь город пропах гарью. Вода была единственным, в чем Малден, по-видимому, никогда

не имел недостатка, но подобно всем Айил, Шайдо весьма ценили воду и не умели бороться с пожарами. В Айильской пустыне было очень мало того, что способно гореть. Шайдо позволили бы огню сгубить и остальную часть города, если бы к этому времени не закончили грабить, и, немало сокрушаясь о напрасной трате воды, наконец-то подгоняя копьями, выстроили *гай'шайн* в цепочку с ведрами в руках и разрешили младенцам пустить в ход свои пожарные насосы. Шай-до могли бы вознаградить этих людей, позволив им уйти с теми, кого не сделали *гай'шайн*, но все мужчины, тушившие пожар, были молодыми и

крепкими, как раз такими, какие им требовались. Шайдо соблюли некоторые правила относительно *гай'шайн*, отпустив беременных и женщин с детьми младше десяти лет, а также подростков до шестнадцати лет и городских кузнецов. Все эти люди были удивлены, но отнюдь не благодарны «милосердным» захватчикам.

Улицы загромождала мебель, здесь валялись большие опрокинутые столы, сундуки и кресла с богатой отделкой, иногда попадалась целая полка с битой посудой. Повсюду была разбросана одежда – куртки, штаны и платья, – большей частью изорванная в клочья. Шайдо хватали

все, что было сделано из золота или серебра; все, украшенное драгоценными камнями; все, что можно было как-то использовать или съесть; но мебель, по-видимому, была вытащена на улицу в пылу грабежа и затем брошена, когда мародеры решили, что золотые украшения поверх тонкой резьбы не стоят их усилий. Айил никогда не пользовались стульями, разве что вожди, и в их фургонах и повозках не было места для тяжелых столов. Некоторые Шайдо еще бродили, обшаривая дома и гостиницы, в поисках чего-нибудь, что они упустили; в основном Фэйли попадались на глаза *гай'шайн* с

ведрами. Города интересовали Айил только как сокровищницы, которые можно разграбить. Мимо нее прошли две Девы, тупыми концами копий подгоняя в сторону ворот обнаженного мужчину с диким взглядом и связанными за спиной руками. Видимо, он решил отсидеться в погребе или на чердаке, пока Айил не уйдут. Без сомнения, Девы сразу подумали, что могут найти там тайник с монетами или столовой утварью. Когда огромный верзила, одетый в *кадин'сор*, какие носили *алгай'д'сисвай*, встал у нее на пути, она свернула в сторону, чтобы обойти его как можно аккуратнее. *Гай'шайн* всегда уступали дорогу

любому Шайдо.

– А ты красивая, – проговорил он, заступая ей дорогу. Таких великанов Фэйли в жизни не видела, в нем было, наверное, футов семь росту, да и фигура была под стать. Он не был толстым – ей еще ни разу не встретился толстый айилец, – но уж очень широк в кости. Он рыгнул, и на нее пахнуло перегаром. Пьяных Айил она уже видела, когда они обнаружили бочки с вином в погребках Мал-дена. Однако страха она не чувствовала. *Гай'шайн* могут быть наказаны за разные проступки, даже за такие, о которых немногие из мокроземцев знали, в чем они заключаются, но белый балахон

обеспечивал им и определенную защиту, а кроме того, у нее были и другие причины не бояться.

— Я *гай'шайн* Хранительницы Мудрости Севанны, — произнесла она самым подобострастным тоном, на какой была способна. К своему отвращению, она дошла до того, что он удавался ей очень хорошо. — Севанна будет недовольна, если я начну отвлекаться от своих обязанностей на разговоры. — Она еще раз попыталась обойти его и ахнула, когда он схватил ее за руку; его ладонь могла бы обхватить и руку вдвое толще ее, да вдобавок осталось бы еще несколько дюймов в запасе.

— У Севанны сотни *гай'шайн*.

Она не будет скучать, если ей придется обойтись часок-другой без одной из них.

Он поднял девушку в воздух с такой легкостью, словно подушку, и ее корзина упала на мостовую. Прежде чем Фэйли поняла, что происходит, великан сунул ее себе под мышку, так что ее руки оказались прижаты к бокам. Она открыла было рот, чтобы закричать, но он свободной рукой прижал ее лицо к своей груди. Запах пропитавшейся потом шерсти заполнил ноздри. Фэйли не могла видеть ничего, кроме серо-бурой шерсти. Где же эти две Девы? Девы Копья не допустят, чтобы он поступал так! Любой

айилец, который увидит подобное, обязан вмешаться! Она не ожидала помощи от кого-либо из *гай'шайн*. Если ей повезет, один-два из них могут побежать за подмогой, но самым первым уроком, который выучивали *гай'шайн*, было: даже за угрозу применения силы их подвесят за лодыжки и станут бить до тех пор, пока они не завоюют. По крайней мере, это первым делом объясняли гай'шайн-мокроземцам; Айил и так знали, что *гай'шайн* запрещено проявлять насилие при любых обстоятельствах. При любых обстоятельствах. Впрочем, это не мешало ей яростно лягаться. Судя по его реакции, с таким же успехом

девушка могла лягать каменную стену. Он продолжал идти, унося ее с собой. Фэйли вонзила в обидчика зубы так глубоко и крепко, как смогла, но добилась лишь того, что рот наполнился грязной грубой шерстью, а по его мускулам зубы скользнули, не найдя ни единой слабины, чтобы ухватиться. Пленница попыталась завопить, но крик едва расслышали даже собственные уши.

Внезапно монстр остановился.

— Я сделал эту девчонку *гай'шайн*, Надрик, — раздался низкий голос откуда-то со стороны.

Фэйли почувствовала раскаты хохота в груди великана еще до того,

как услышала их. Она не переставала
лягаться, извиваться и пытаться
закричать; однако похититель,
кажется, даже не замечал ее усилий.

— Теперь она принадлежит
Севанне, Безродный, — сказал
великан (Надрик?) презрительным
тоном. — Севанна берет себе, что она
хочет, а я беру то, что я хочу. Это наш
новый путь.

— Севанна действительно взяла
ее, — спокойно отвечал второй, — но я
не давал ее Севанне. Я никогда не
предлагал Севанне обменяться.
Простился ли ты со своей честью,
как Севанна простилась со своей?

Последовало долгое молчание,
нарушаемое лишь приглушенными

звуками, которые издавала Фэйли. Она продолжала вырываться, просто не могла перестать, но это походило скорее на барахтанье младенца, запутавшегося в пеленках.

— Она не настолько красива, чтобы драться из-за нее, — произнес наконец Надрик. В его голосе не слышалось испуга или даже просто озабоченности.

Его руки разомкнулись, и зубы Фэйли, лязгнув, отпустили его куртку, она даже испугалась, все ли они целы. Но в этот момент земля ударила ее по спине, выбив из легких весь воздух, а из головы — способность соображать. К тому времени когда она смогла набрать в

грудь достаточно воздуха, чтобы слегка приподняться, великан уже был в дальнем конце проулка, почти выйдя на улицу. Это был именно проулок, узкая полоска грязи между двумя каменными строениями. Никто не смог бы увидеть его здесь, что бы тот ни делал. Вздрагивая — Фэйли не дрожала, а лишь вздрагивала! — и отплевываясь от немытой шерсти и пота Надрика, она яростно воззрилась ему вслед. Окажись сейчас нож, который она припрятала, у нее под рукой, она бы ударила его ножом. Недостаточно красива, чтобы из-за нее драться, вот как? Какая-то ее часть разума понимала, насколько это нелепо, но

Фэйли хваталась за все, что могло подогреть ее гнев, просто чтобы почувствовать его жар. Чтобы перестать вздрагивать. Она была и была бы его ножом, пока у нее не отнялась бы рука.

Поднявшись на подкашивающихся ногах, Фэйли провела языком по зубам. Они были целы, ни один не сломан и не выбит. Ее лицо было исцарапано грубой шерстью куртки Надрика, а губы разбиты, но в целом она не пострадала. Фейли напоминала себе об этом снова и снова. Она не пострадала и могла уйти из этого проулка. Она была свободна — по крайней мере, настолько свободна,

насколько может быть свободен человек, носящий белое одеяние *гай'-шайн*. Если существует немало таких людей, как Надрик, против которых ее одеяние больше не служило защитой, это значило, что среди Шайдо больше нет порядка. Если так, то лагерь мог оказаться для нее более опасным местом, но зато беспорядок мог предоставить ей шанс убежать. Вот такой расклад. Она узнала кое-что, что должно помочь ей. Только бы перестать вздрагивать.

Наконец Фэйли неохотно взглянула на своего спасителя. Она узнала его голос. Он стоял, спокойно рассматривая ее и не делая никаких

попыток утешить. Девушка подумала, что, должно быть, закричала бы, если бы он попытался прикоснуться к ней. Еще одна нелепость, ведь он же спас ее, и тем не менее. Ролан был всего на ладонь ниже Надрика и почти так же широк в плечах, и ей захотелось ударить ножом и его. Он был не Шайдо, а одним из Безродных, *Мера'дин* — людей, покинувших свой клан, не пожелавших следовать за Рандом ал'-Тором, — и он действительно был тем человеком, который «сделал ее *гай'шайн*». Правда, он не дал Фэйли замерзнуть до смерти в ту ночь, когда ее захватили в плен, накрыв собственной курткой, однако этого

не понадобилось бы, если бы Ролан сразу после того, как взял девушку в плен, не сорвал с нее всю одежду до последнего клочка. Когда человека делали *гай'шайн*, его всегда первым делом раздевали, но куртка еще не повод прощать ему что бы то ни было.

– Спасибо тебе, – произнесла Фэйли кислым тоном.

– Мне не нужно твоей благодарности, – мягко ответил Ролан. – Не надо смотреть на меня так, словно хочешь укусить меня, лишь потому, что не смогла укусить Надрика.

С трудом удерживаясь, чтобы не закричать на него, – сейчас у нее не

хватило бы сил держаться кротко, даже если бы она хотела, — Фэй-ли повернулась к нему спиной и заковыляла обратно на улицу. Точнее, попыталась заковылять. Ее ноги все еще тряслись так, что это скорее напоминало походку пьяного. Проходящие мимо *гай'шайн* едва глядели в ее сторону, тащась по улице со своими ведрами. Мало кто из пленников вникал в трудности других. У них хватало своих бед.

Дойдя до корзины с бельем, Фэйли вздохнула. Корзина лежала на боку, и белые шелковые блузы с черными шелковыми юбками — штанами для езды верхом, вывалились на грязную, усыпанную

пеплом мостовую. Хорошо еще, что никто, кажется, на них не наступил.

Впрочем, если человек все утро носил воду и это предстоит делать ему еще целый день, то его можно простить, если он не смотрит себе под ноги, тем более что улица и так была усеяна одеждой, сорванной с жителей Малдена, когда их превращали в *гай'шайн*. По крайней мере, Фэйли не стала бы обижаться. Выпрямив корзину, она начала собирать одежду, отряхивая ее от грязи и пепла и стараясь не втереть то, что не отряхивалось. В отличие от Сомерин, Севанна питала пристрастие к шелку. Она не носила ничего другого, гордилась своими

шелками не меньше, чем своими драгоценностями, и дорожила ими одинаково. Вряд ли госпожа будет довольна, если какие-нибудь из шелковых одежд будут испорчены.

Когда Фэйли уложила последнюю блузу, к ней подошел Ролан и одной рукой поднял корзину. Уже готовая огрызнуться — она и сама может нести свои тяжести, спасибо большое! — Фэйли проглотила отповедь, вертевшуюся на языке. Ум был единственным ее оружием, и она должна была использовать его, а не давать волю своему нраву. Ролан оказался здесь не случайно. Это было бы слишком невероятно. Она часто видела его с

тех пор, как попала в плен, слишком часто, чтобы это можно было посчитать случайностью. Он преследовал ее. Что он там наплел Надрику? Он не давал ее Севанне и не предлагал обменять? Несмотря на то что именно он захватил ее в плен, Фэйли подозревала, что он не одобряет того, что мокрозем-цев делают *гай'шайн* — большинство Безродных не одобряло этого, — однако, по всей видимости, парень все же имел на нее какие-то виды.

Она не сомневалась: ей нечего опасаться, что он возьмет ее силой. У него уже была подобная возможность, когда она находилась в его власти, голая и связанная, но

тогда он глядел на нее как на какой-нибудь столб. Возможно, он просто не воспринимал женщину в таком виде. В любом случае, Безродные были еще большими чужаками в лагере Шайдо, чем мокроземцы. Никто из Шайдо не доверял им по-настоящему, а сами они зачастую держались заносчиво, принимая то, что считали меньшим злом, чтобы избежать большего, но отнюдь не уверенные, что это зло так уж невелико. Если она сумеет подружиться с этим человеком, то, возможно, он захочет помочь ей. Не в побеге, конечно, — это значило бы просить слишком многого... А вдруг? Единственным способом узнать это

было проверить.

— Спасибо, — снова сказала Фэйли, и на этот раз ей удалось выдавить улыбку. Удивительно, но Ролан улыбнулся в ответ. Его улыбку едва можно было заметить, но Айил и вообще не очень-то склонны выражать свои эмоции. До тех пор пока не привыкнешь, кажется, что их лица высечены из камня.

Несколько шагов они прошли рядом в молчании, он — с корзиной в руке, она — поддерживая свои юбки. Можно было подумать, что они вышли на прогулку. Если не слишком вглядываться. Некоторые из проходящих мимо *гай'шайн* смотрели на них с удивлением, но тут же снова

опускали глаза. Фэйли не могла придумать, как начать разговор, — ей не хотелось, чтобы Ролан решил, что она флиртует; в конце концов, ему, возможно, все же нравятся женщины, — но он избавил ее от затруднения.

— Я наблюдал за тобой, — произнес он. — Ты сильная и яростная, и мне кажется, ты не испытываешь страха. Большинство мок-роземцев боятся до потери сознания. Сперва они шумят, пока их не накажут, а потом плачут и покоряются. Я думаю, ты — женщина с большим *джи*.

— На самом деле я боюсь, — ответила Фэйли. — Просто я

стараюсь не показывать этого. От слез нет никакой пользы. — Большинство мужчин верят в это. Слезы могут мешать, если им давать волю, но немного слез, пролитых ночью, помогут пережить следующий день.

— Всему свое время — чтобы плакать, и чтобы смеяться. Я хотел бы увидеть, как ты смеешься.

Она действительно засмеялась — сухим безрадостным смехом.

— Для этого слишком мало причин, пока я ношу белое, Ролан. — Девушка взглянула на спутника краешком глаза. Не слишком ли она торопится? Но он лишь кивнул.

— Тем не менее я хотел бы увидеть это. От улыбки твое лицо становится красивым. От смеха оно станет еще красивее. У меня нет жены, но иногда я могу сделать так, чтобы женщина смеялась. Я слышал, ты замужем?

Удивленная, Фэйли споткнулась и схватилась за его руку, чтобы не упасть. Она тут же разжала пальцы, подозрительно вглядываясь в него из-под капюшона. Он подождал, пока она не выравняет шаг, и спокойно двинулся дальше одновременно с ней. Его лицо не выражало ничего, кроме легкого любопытства. Надрик был исключением; согласно обычаям Айил, предложение делала женщина,

после того как мужчина привлек ее внимание. Одним из способов привлечь внимание было дарить подарки. А Ролан захотел сделать так, чтобы она смеялась. Довольно странно, если предположить, что он не любит женщин.

— У меня есть муж, Ролан, и я его очень люблю. Очень. Я не могу дождаться, когда вернусь к нему.

— То, что делает *гай'шайн*, не может быть поставлено ему в вину после того, как он снимет белое, — спокойно отозвался Ролан. — Впрочем, возможно, вы, мокроземцы, смотрите на это по-другому. Однако ты можешь почувствовать одиночество, пока ты еще *гай'-шайн*.

Хочешь, мы будем иногда беседовать с тобой?

Этот человек хотел увидеть, как она смеется, и Фэйли не знала, смеяться ей или плакать. Он давал ей понять, что не оставит попыток добиться ее благосклонности. Айильские женщины очень ценили в мужчине настойчивость. Однако вдруг Чиад и Байн не захотят — не смогут — помогать ей? В таком случае Ролан становился ее последней надеждой. Она считала, что сумеет убедить его, если у нее будет время. Разумеется, сумеет; слабые духом всегда проигрывают! Он был презираемым всеми чужаком, которого терпели лишь

потому, что Шайдо было нужно его копье. Но ей следует подстегнуть его.

— Я не против, — осторожно произнесла Фэйли. В конце концов, легкий флирт может оказаться необходимым, и вряд ли стоило начинать с рассказов о том, как сильно она любит своего мужа. Конечно, она не собиралась заходить слишком далеко — в конце концов, она же не доманийка! — однако кто знает. А прямо сейчас было бы нелишним ненавязчивое напоминание о том, что Севанна узурпировала его «права» на нее. — Но сейчас мне надо работать; вряд ли Севанна будет довольна, если я вместо работы буду тратить время на

разговоры с тобой.

Ролан еще раз кивнул, и Фэйли вздохнула. Возможно, он и знает, как сделать, чтобы женщина смеялась, но, очевидно, сам не слишком-то разговорчив. Ей придется потрудиться, чтобы разговорить его, если она хочет вытянуть из него что-нибудь, кроме шуток, которых она не поймет. Даже после объяснений Байн и Чиад юмор Айил оставался для нее непостижим.

Они вышли на широкую площадь в северной оконечности города, расположенную перед крепостью, серой каменной громадой, которая послужила для жителей не лучшей защитой, чем

городские стены. Фэйли показалось, что в толпе *гай'шайн*, носящих воду, она увидела ту леди, что правила Малденом и землями на двадцать миль вокруг — привлекательную, держащуюся с достоинством вдову средних лет. Люди в белом с ведрами в руках заполняли мощенную камнем площадь. В восточном ее конце возвышалась серая стена тридцати футов высотой, выглядевшая частью внешней стены города, хотя в действительности это была стенка большого резервуара, наполняемого водой из акведука. Четыре насоса, у каждого из которых работало по двое человек, качали воду, наполняя ведра; работники расплескивали на камни

мостовой гораздо больше, чем осмелились бы, знай они, что Ролан так близко. Фэйли вначале подумывала о том, чтобы сбежать, проползя по туннелю акведука, но при этом им не удалось бы остаться сухими, и куда бы они ни выбрались, к этому времени они бы успели вымокнуть до нитки и замерзли бы насмерть, не пройдя по снегу и двух миль.

В городе было еще два резервуара, куда вода поступала по подземным каменным трубопроводам; но здесь у подножия стены резервуара стоял длинный стол черного дерева с ножками в виде львиных лап. Когда-то это был

стол для пиршеств, со столешницей, выложенной костью, но теперь клинья костяной инкрустации были выдраны, и на него водрузили несколько больших деревянных лоханей. Рядом стояли две деревянные бадьи, а поодаль на огне, разложенном из сломанных стульев, кипел медный чайник. Фэйли сомневалась, что Севанна приказала отнести одежду в город для того, чтобы избавить своих *гай'шайн* от труда таскать воду к палаткам, но в любом случае она почувствовала благодарность. Корзина белья была гораздо легче, чем ведра, полные воды. Она перетаскала их достаточно, чтобы знать это. Две

корзины уже стояли на столе, но лишь одна женщина с золотыми поясом и ошейником работала здесь, повыше закатав рукава своего белого балахона и подвязав полоской белой материи длинные черные волосы, чтобы они не падали в воду.

Увидев приближающихся Фэйли с Роланом, Аллиандре выпрямилась, вытирая руки об одежду. Аллиандре Марита Кигарин, королева Гэалдана, Благословенная Светом, Защитница Стены Гарена и носительница еще дюжины титулов, была элегантной сдержанной женщиной, уравновешенной и полной достоинства. Аллиандре, ставшая *гай'шайн*, была по-прежнему

привлекательной, но с ее лица не исчезало выражение обеспокоенности. С мокрыми пятнами на одежде и сморщенными от постоянного соприкосновения с водой руками, она сошла бы за хорошенькую судомойку. Глядя, как Ролан ставит корзину и улыбается Фэйли, прежде чем зашагать прочь, и как Фэйли улыбается ему в ответ, она насмешливо приподняла бровь.

— Это тот человек, который взял меня в плен, — сказала Фэйли, выкладывая одежду из корзины на стол. Даже здесь, где не было никого, кроме *гай'шайн*, лучше было разговаривать, не прекращая работы. — Он из Безродных, и я

думаю, что он не очень-то одобрительно относится к тому, что мокроземцев делают *гай'шайн*. Думаю, он может нам помочь.

— Понятно, — отозвалась Аллиандре, аккуратно отряхивая со спины балахон Фэйли. Нахмурившись, та изогнулась, чтобы заглянуть себе через плечо. Ей удалось увидеть, что вся ее спина от плеч и ниже покрыта грязью и пеплом, и краска залила ее лицо.

— Я упала, — торопливо пояснила она. Не рассказывать же Аллиандре о том, что у нее произошло с Надриком. Вряд ли она вообще сможет рассказать об этом кому бы то ни было. — Ролан предложил мне

поднести корзину.

Аллиандре пожала плечами:

— Если бы он помог мне сбежать, я бы отдалась ему. Хотя, возможно, он не захотел бы. Он не очень красив, но это ерунда. А мой муж, если бы он у меня был, ничего и не узнал бы. Если у него есть голова на плечах, он бы только порадовался, что снова видит меня, и не стал бы задавать вопросов, ответы на которые не захочет слышать.

Сжав в руках шелковую блузу, Фэйли заскрипела зубами. Аллиандре была ее вассалом, через Перрина, и довольно хорошо исполняла эту роль, по крайней мере исполняла все приказы, но сейчас их

отношения стали более напряженными. Они согласились в том, что должны попытаться думать как слуги, *быть* слугами, если хотят выжить, однако это означало, что теперь они постоянно будут видеть друг друга приседающими в реверансе и спешащими повиноваться. Когда Севанна хотела кого-нибудь наказать, то брала любую *гай'шайн*, которая оказывалась поблизости, и однажды Фэйли приказали высечь Аллиандре. Хуже того, Аллиандре и сама выполняла подобное приказание дважды. Бить вполсилы означало лишь навлечь на себя то же самое плюс удвоить наказание

провинившейся, и это уж точно будет поручено кому-нибудь, кто не станет жалеть свою руку. После того как ты дважды заставила свою госпожу извиваться и вопить от боли, ваши отношения не могут не измениться.

Внезапно Фэйли осознала, что блуза, которую она сжимала в руках, была из тех, что перепачкались в грязи, когда корзина опрокинулась. Разжав руку, она принялась обеспокоенно рассматривать материю. К счастью, она, кажется, не размазала грязь еще больше. На мгновение девушка почувствовала облегчение, но тут же за это на себя рассердилась. Но и после этого облегчение не исчезло, хотя и

раздражение усилилось.

– Аррела и Ласиль сбежали три дня назад, – сказала Фэйли, понизив голос. – Сейчас они, должно быть, уже далеко. Где Майгдин?

Аллиандре озабоченно нахмурилась.

– Она пытается проникнуть в палатку Теравы. Терава проходила мимо нас с несколькими Хранительницами Мудрости, и судя по тому, что мы подслушали, они направлялись на встречу с Севанной. Майг-дин сунула мне свою корзину и сказала, что собирается рискнуть. Думаю... думаю, она так отчаялась, что решила использовать любой подвернувшийся случай, – сказала

Аллиандре, и в ее голосе тоже звучал оттенок безнадежности. — Она уже должна была вернуться.

Фэйли набрала полную грудь воздуха и медленно выдохнула. Ими всеми понемногу овладевало отчаяние. Они собрали припасы для побега: ножи и пищу, сапоги, мужские штаны и куртки, достаточно хорошо сидевшие на них, — все это было тщательно спрятано в фургонах; белые балахоны должны были служить плащами, маскирующими их на снегу, — но шансы, что все эти приготовления не пропадут втуне, были так же малы сейчас, как и в тот день, когда их взяли в плен. Прошло всего лишь две недели! Двадцать два

дня, если быть точным. Это не такой уж долгий срок, чтобы могло что-либо измениться, но необходимость изображать слуг понемногу меняла их, несмотря на все старания не поддаваться. Прошло всего две недели, а они уже подпрыгивают и бегут исполнять приказания, не успев даже подумать, уже беспокоятся из-за наказаний и заботятся о том, довольна ли ими Севанна. Хуже всего было то, что они сами все прекрасно понимали; знали, что какая-то их часть деревенеет против их воли. Сейчас они еще могли оправдаться тем, что просто делают все необходимое, чтобы избежать подозрений, пока им не

представится случай убежать; однако с каждым днем их действия становились все более автоматическими. Сколько осталось до того момента, когда побег станет лишь туманным видением, ночной грезой после дня, который они провели как образцовые *гай'-шайн* – как в делах, так и в мыслях? Никто пока что не отваживался задать этот вопрос вслух. Фэйли и сама старалась не думать об этом, но этот вопрос все время возникал где-то в подсознании. И представьте, она даже боялась, что он однажды исчезнет из ее головы. Не будет ли это тогда означать, что на него нашелся ответ?

Сделав усилие, Фэйли заставила себя отогнать уныние. Это была вторая ловушка, и лишь сила воли не позволяла ей захлопнуться.

— Майгдин знает, что необходимо соблюдать осторожность, — сказала она твердо. — Скоро она будет здесь, Аллиандре.

— А вдруг ее поймают?

— Ее не поймают! — резко ответила Фэйли. Вдруг ее поймают... Нет. Она должна думать о победе, а не о поражении. Слабые духом никогда не победят.

Стирка шелка отнимала много времени. Вода, которую они принесли от резервуара, была

ледяной, но кипяток из медного чайника сделал температуру в лоханях почти сносной. Шелк нельзя стирать в горячей воде. Каждый раз, погружая руки в теплую воду, Фэйли чувствовала блаженство, но каждый раз их приходилось вынимать обратно, и тогда мороз набрасывался на них с удвоенной силой. Мыла у них не было – по крайней мере мыла, подходящего для шелка, – поэтому им приходилось окунать в воду каждую юбку и блузу, одну за другой, и осторожно тереть их руками. Потом белье выкладывали на большие полотенца и аккуратно в них закатывали, выжимая воду. Сырую одежду окунали в воду еще раз, в

другую лохань, наполненную смесью воды и уксуса – благодаря этому шелк не выцветал и сохранял блеск, – и затем опять закатывали в полотенца. Мокрые полотенца немилосердно выкручивали и расстилали сохнуть на солнце там, где для них находилось место, а выстиранная одежда развешивалась на горизонтальные шесты в тени воздвигнутого в углу площади полотняного навеса, да вдобавок еще и разглаживалась руками, чтобы не осталось морщин. Если повезет, гладить утюгом ничего не придется. Обе женщины прекрасно знали, как обращаться с шелком, но чтобы его гладить, требовался опыт, которого

не было ни у одной из них. Его не имелось ни у кого из *гай'шайн* Севанны, даже у Майгдин, хотя та была горничной еще до того, как поступила на службу к Фэйли, однако Севанна не желала слушать оправданий. Каждый раз, вешая очередную блузу, Фэйли и Аллиандре проверяли уже висящую одежду и вновь разглаживали складки, не замеченные прежде.

Фэйли как раз добавляла горячей воды в лохань, когда Аллиандре с горечью произнесла:

– Вот идет Айз Седай.

Галина действительно была Айз Седай, с лишенным признаков возраста лицом и золотым кольцом

Великого Змея на пальце, но она тоже носила белые одежды *гай'шайн* — из шелка, не менее толстого, чем иная шерсть! — а также широкий, изысканный пояс из золота и огневигов, плотно обхватывающий ее талию, и высокий ошейник ему в пару, украшенный драгоценными камнями, достойными монарха. Она была Айз Седай и иногда выезжала из лагеря в одиночку, но всегда возвращалась; и она вскакивала, стоило одной из Хранительниц Мудрости поманить ее пальцем, особенно Тераве, в палатке которой она часто ночевала. Последнее обстоятельство казалось наиболее странным из всех перечисленных.

Галина знала, кто такая Фэйли, знала, кто ее муж и как он связан с Рандом ал'Тором, и угрожала открыть это Севанне, если Фэйли и ее друзья не выкрадут одну вещь из той самой палатки, где она спала. Это было третьей ловушкой, расставленной для них. Севанна была без ума от Рандом ал'Тора — неизвестно, почему она вбила себе в голову, что он почему-то должен на ней жениться; и если она узнает о Перрине, Фэйли никогда не позволят надолго исчезнуть с ее глаз, и тогда о побеге можно забыть. Ее посадят на привязь, как привязывают козу, чтобы приманить льва.

Фэйли не раз видела, как Галина

раболепствует и покорно исполняет приказы, но сейчас Сестра скользила по площади как королева, презиращая окружающую чернь, Айз Седай до мозга костей. Здесь не было Хранительниц Мудрости, перед которыми ей следовало пресмыкаться. Галина хороша собой, но отнюдь не красива, и Фэйли не понимала, что Терава нашла в ней, разве что просто получала удовольствие от того, что помыкает Айз Седай. Но это все равно не было ответом на вопрос, почему эта женщина оставалась с Теравой, когда та, казалось, использовала любую возможность, чтобы унижить ее.

Остановившись в шаге от стола,

Галина посмотрела на Фэйли с Аллиандре с легкой улыбкой, которую можно было посчитать сочувственной.

— Вы не очень-то продвинулись в выполнении своей задачи, — произнесла Галина. Она имела в виду отнюдь не стирку.

Ее фраза была обращена к Фэйли, но ответила ей Аллиандре, в голосе которой сквозило еще больше горечи, чем раньше.

— Майгдин этим утром пошла добывать твой костяной жезл, Галина. Когда мы получим от тебя хоть частичку той помощи, что ты нам обещала? — Помощь в побеге была той морковкой, которую Галина

держала у них перед носом, одновременно подгоняя их палкой в виде угрозы разоблачения Фэйли. До сих пор, однако, они видели только палку.

– Она пошла в палатку Теравы сегодня утром? – прошептала Галина, и кровь отхлынула от ее лица.

Лишь тут Фэйли осознала, что солнце уже наполовину село, и ее сердце болезненно забилося. Майгдин уже давно должна была вернуться.

Айз Седай казалась еще более потрясенной, чем она.

– Сегодня утром? – повторила Галина, поглядев себе через плечо. Она вздрогнула и издала тихий

вскрик, поскольку в этот момент из толпы *гай'шайн*, заполнявшей площадь, появилась Майгдин.

В отличие от Аллиандре, золотоволосая горничная в плену с каждым днем становилась только крепче. Она отчаялась не менее, чем остальные, но каким-то образом обращала свое отчаяние в решимость. Майгдин всегда держалась так, словно была королевой, а не горничной, — впрочем, большинство горничных держатся именно так, — но сейчас она шла нетвердым шагом, глядя прямо перед собой пустыми глазами. Подойдя, она обеими руками зачерпнула из ведра воды и жадно

выпила, вытерев рот тыльной стороной ладони.

– Я убью Тераву, когда мы будем уходить, – глухо сказала Майгдин. – Я хотела бы убить ее прямо сейчас. – В ее голубых глазах снова появились жизнь и пламя. – Ты вне опасности, Галина. Она решила, что я хотела обокрасть ее. Я даже еще не начала искать. Что-то... что-то произошло, и она ушла. Предварительно связав меня, оставив на потом. – Ярость исчезла из ее взгляда, сменившись удивлением. – В чем дело, Галина? Даже я чувствую, а ведь у меня так мало способностей, что Хранительницы Мудрости решили, что я не представляю опасности. –

Майгдин могла направлять силу. Правда, неуверенно и очень немного – Белая Башня скорее всего отослала бы ее уже через пару недель; сама она говорила, что даже и не пыталась ходить туда, – так что ее способности вряд ли могли хоть как-то помочь им в побеге. Фэйли хотела спросить, что она имеет в виду, но не успела.

Лицо Галины оставалось по-прежнему бледным, но тем не менее она была спокойна, как истинная Айз Седай. Не считая того, что схватила Майгдин за край капюшона, прихватив при этом прядь ее волос, и притянула ее голову к себе.

– Тебе не стоит беспокоиться о том, что происходит, – холодно

произнесла она. — Это не твое дело. Единственное, о чем тебе стоит беспокоиться, — это как достать для меня то, что мне нужно. Но об этом ты должна заботиться как следует.

Прежде чем Фэйли успела прийти Майгдин на помощь, рядом с ними появилась еще одна женщина в широком золотом поясе поверх белого балахона; она оттолкнула Галину, уронив ту на землю. Приземистая и невыразительная, Аравин выглядела усталой и покорной, когда Фэйли в первый раз увидела ее — в тот день, когда амадицийка протянула ей золотой пояс, который был на ней и теперь, и объяснила, что теперь она находится

на службе у «леди Севанны». Последующие дни, однако, ожесточили Аравин еще больше, чем Майгдин.

— Ты с ума сошла, разве можно поднимать руку на Айз Се-дай? — воскликнула Галина, поднимаясь на ноги. Отряхивая грязь с шелкового балахона, она направила всю свою ярость на приземистую женщину. — Да я тебя...

— Должна ли я сказать Тераве, что ты применяла силу к одной из *гай'шайн* Севанны? — холодно прервала ее Аравин. Ее речь была правильной. Должно быть, она была из семьи торговцев, или, возможно, даже из благородных, но Аравин

никогда не рассказывала о том, кем была до того, как начала носить белое. — В последний раз, когда Терава поймала тебя на том, что ты суешь свой нос туда, куда она тебя не просила, твои вопли и мольбы были слышны всем за сотню шагов.

Галина буквально тряслась от ярости; впервые Фэйли видела, чтобы Айз Седай так осаждали. Сделав видимое усилие, она овладела собой. Почти. Ее голос сочился ядом.

— Айз Седай делают то, что они делают, исходя из собственных соображений, Аравин, соображений, которые тебе, возможно, недоступны. Ты пожалеешь о том, что оказалась у меня в должниках, в

тот день, когда я решу, что настало время расплатиться. Ты пожалеешь об этом всем своим сердцем. – В последний раз отряхнув свой балахон, она двинулась прочь, похожая уже не на королеву, презиращую чернь, а скорее на леопарда, которому преградила путь какая-то овца.

Аравин проследила за ней взглядом; она, казалось, не придавала значения ее гневу и не была склонна это обсуждать.

– Севанна зовет тебя, Фэйли, – это все, что она сказала. Фэйли не стала спрашивать зачем. Она просто вытерла руки,

опустила рукава и последовала

за амадицийкой, пообещав Аллиандре и Майгдин, что вернется, как только сможет. Севанна была очарована ими тремя. Майгдин, единственная настоящая горничная среди ее *гай'шайн*, по-видимому, возбуждала в ней не меньший интерес, чем королева Аллиандре или сама Фэйли, обладавшая такой властью, что даже королева была ее вассалом. Иногда она специально вызывала одну из них, чтобы та помогла ей переодеться или вымыться в большой медной ванне, которую Севанна использовала чаще, чем айильскую палатку-парильню, или просто, чтобы подносить ей вино. В остальное время им

поручали ту же работу, что и всем остальным ее слугам, и она никогда не спрашивала, не заняты ли они уже каким-нибудь делом, и никогда не освобождала их от задания. Чего бы ни хотела от нее Севанна, Фэйли знала, что стирка по-прежнему останется за ней. Севанна хотела того, чего хотела, и тогда, когда хотела, и не принимала извинений.

Фэйли не нужно было показывать дорогу к палатке Севанны, но Аравин двигалась впереди нее сквозь толпу водоносов, пока они не подошли к первым низким палаткам Айил; здесь амадицийка свернула в сторону, противоположную палатке Севанны.

– Сначала сюда, – сказала она.

– Зачем? – с подозрением спросила Фэйли, останавливаясь. Среди слуг Севанны было немало завидовавших тому вниманию, которое та оказывала Фэйли, Аллиандре и Майгдин, и хотя Фэйли никогда не замечала подобного за Аравин, кто-нибудь из остальных вполне мог попытаться навлечь на нее неприятности, передав для нее ложный приказ.

– Тебе стоит посмотреть на это, прежде чем ты пойдешь к Се-ванне. Поверь мне.

Фэйли открыла рот, чтобы потребовать более полного объяснения, но Аравин просто

повернулась и двинулась дальше. Фэйли подобрала юбки и последовала за ней.

Среди палаток тут и там стояли повозки и фургоны всех мастей, их колеса были сняты и заменены на полозья. Большая часть была завалена доверху узлами с тряпьем, деревянными клетями и бочками, а поверх всего были привязаны колеса. Однако, пройдя совсем немного вслед за Аравин, Фэйли увидела телегу, которая не была нагружена. Не была она и пуста. На неструганых досках лежали две женщины, обнаженные и жестоко скрученные по рукам и ногам, дрожащие от холода, и тем не менее дышащие

тяжело, словно бежали в гору. Их головы были устало опущены, однако когда Фэйли подошла к ним, они обе подняли на нее глаза, словно каким-то образом узнали, что она здесь. Аррела, черноволосая тайренка, не уступающая ростом айильским женщинам, в замешательстве отвела взгляд. Ласиль, худощавая и бледная кайриэнка, густо покраснела.

— Их привели обратно сегодня утром, — сказала Аравин, глядя в лицо Фэйли. — Перед наступлением темноты их развяжут, поскольку это их первая попытка сбежать, однако я сомневаюсь, что завтра они будут в состоянии ходить.

— Почему ты мне это

показываешь? – спросила Фэйли. Она старалась держать в тайне существовавшую между ними связь.

– Ты забыла, миледи, что я присутствовала при том, как вас вместе одевали в белое. – Аравин мгновение смотрела на нее, затем внезапно взяла руки Фэйли в свои и повернула их так, что ее ладони оказались между ладоней Фэйли. Слегка согнув колени, не решаясь прилюдно преклонить их, она быстро проговорила:

– Именем Света и моей надеждой на перерождение я, Аравин Карнел, клянусь сохранять верность и повиновение во всем леди Фэйли т'Айбара.

Одна лишь Ласиль, по-видимому, заметила происходящее. Шай-до, проходящие мимо, не обращали внимания на двух *гай'шайн*. Фэйли выдернула у Аравин свои руки.

— Откуда тебе известно это имя? — Когда ее захватили Шай-до, она, разумеется, не могла назваться просто Фэйли, но выбрала имя Фэйли Башир, решив, что никто из Шайдо не имеет понятия, кто такой Даврам Башир. Кроме Аллиандре и остальных лишь Галина знала правду. По крайней мере, Фэйли так считала. — И кому еще ты рассказала об этом?

— Я узнала случайно, миледи.

Однажды я подслушала твой разговор с Галиной. — В голосе Аравин звучала тревога. — И я не говорила никому. — Ее, по-видимому, не удивляло, что Фэйли решила скрыть свое имя, хотя было ясно, что имя «т'Айбара» ничего не значило для нее. Возможно, «Аравин Карнел» было также не настоящим ее именем, или только частью его. — В этом месте секреты нужно хранить так же тщательно, как и в Амадоре. Я знаю, что эти женщины из числа твоих людей, но я не сказала никому. Я знаю также, что ты готовишь побег. Я была уверена в этом со второго или третьего дня, и ничто из того, что я видела, не убедило меня в обратном.

Прими мою клятву и возьми меня с собой. Я могу оказаться полезной, и более того, мне можно доверять. Я доказала это, сохранив твои секреты. Я прошу. – Последнее слово Аравин произнесла с усилием, словно не привыкла часто его употреблять. Видимо, она все же была из благородных, а не из купеческого сословия.

Она пока что доказала лишь, что умеет выведывать секреты, но и это само по себе было полезным навыком. С другой стороны, Фэйли знала по крайней мере двух *гай'шайн*, пытавшихся убежать и преданных своими товарищами. Некоторые люди действительно идут

на все, чтобы помягче выстлать собственное гнездо, независимо от обстоятельств. Но Аравин уже знала достаточно, чтобы погубить все дело. Фэйли вновь вспомнила о припрятанном ноже. Мертвая, эта женщина не сможет выдать никого. Но нож лежал в полумиле отсюда, и ей вряд ли удастся спрятать тело, и кроме того, Аравин действительно могла бы уже сейчас добиться благосклонности Севанны, просто сказав ей, что Фэйли готовит побег.

Зажав ладони Аравин между своими, Фэйли произнесла так же торопливо, как та:

– Именем Света, я принимаю твою присягу и буду защищать и

охранять тебя и твоих друзей в битве, и в буре, и во всем, что принесет время. Хорошо. Знаешь ли ты еще кого-нибудь, кому можно доверять? Не тех, кто, возможно, достоин доверия, а тех, кто действительно его достоин?

— С этим плохо, миледи, — мрачно сказала Аравин. Ее лицо, впрочем, светилось облегчением. Она не была уверена, что Фэйли примет ее клятву. И из-за этого Фэйли захотелось ей поверить. Однако это вовсе не значило, что она поверила ей полностью. — Половина пленников предаст собственную мать в надежде купить себе свободу, а вторая половина слишком труслива,

чтобы попробовать, или слишком подавлена, чтобы можно было надеяться, что они не запаникуют. Правда, у меня есть на примете пара человек, но я хочу соблюдать предельную осторожность. Единственная ошибка может стать последней.

— Да, будь осторожна, — согласилась Фэйли. — Севанна действительно посылала за мной? Потому что если нет...

Оказалось, что посылала, и Фэйли поторопилась добраться до ее палатки — по правде говоря, ей не хотелось так торопиться; ее раздражало то, что она вынуждена мчаться вприпрыжку, чтобы избежать

неудовольствия Севанны, – но никто не обратил на девушку ни малейшего внимания, когда она вошла внутрь и смиренно встала у порога перед входом.

Палатка Севанны не была низкой палаткой Айил – это был высокий шатер из красной парусины, такой большой, что для него потребовались два центральных шеста; он был освещен чуть ли не дюжиной светильников с отражателями. Две позолоченные жаровни давали немного тепла, испуская тонкие струйки дыма, уносящиеся наружу через дымовые отверстия в крыше, но внутри было ненамного теплее, чем снаружи.

Богатые ковры, из-под которых при установке палатки тщательно выскребли снег, устилали пол, расцвечивая его красным, зеленым и синим; они были изукрашены тайренскими лабиринтами, изображениями животных и цветов. Поверх были разбросаны шелковые подушки с кистями, а в углу располагался единственный стул — массивный, украшенный затейливой резьбой и тяжелой позолотой. Фэйли никогда не видела, чтобы на нем кто-нибудь сидел, но насколько она знала, его присутствие здесь должно было напоминать о присутствии вождя клана. Она была только рада, что можно постоять спокойно с

опущенными глазами. Трое других *гай'шайн* с золотыми поясами и ошейниками, один из которых был бородатым мужчиной, стояли вдоль стены палатки на случай, если от них потребуется какая-нибудь услуга. Севанна была здесь, как и Терава.

Севанна была высокой женщиной, немного выше Фэйли, со светло-зелеными глазами и тонкими золотистыми волосами. Она была бы красива, если бы лицо не портило жадное выражение пухлого рта. Немногое в ее внешности напоминало Айил, не считая глаз, волос и дочерна смуглого лица. Ее блуза была сшита из белого шелка, юбка-штаны для верховой езды была

темно-серой и тоже шелковой, а косынка, повязанная вокруг головы, отливала малиновым и золотым и тоже была шелковая. Красные сапожки выглядывали из-под края ее юбки, когда она двигалась. На каждом пальце сверкало по кольцу с драгоценным камнем; рядом с ее ожерельями и браслетами из крупных жемчужин, граненых алмазов, рубинов размером с голубиное яйцо, сапфиров, изумрудов и огневигов бледнели все сокровища Сомерин. Ни одно из этих украшений не было сделано айильцами. Терава, наоборот, была совершенной айилкой, одетой в черную шерсть и белый *альгода*, она не носила

украшений на пальцах, а ее ожерелья и браслеты были из золота и поделочной кости. На ней не было ни единого перстня или драгоценного камня. Ростом выше любого мужчины, с темно-рыжими волосами, тронутыми сединой, она походила на голубоглазую орлицу, готовую заклевать Севанну, как хромого ягненка. Фэйли предпочла бы десять раз разгневать Севан-ну, чем один раз — Тераву, однако сейчас обе женщины смотрели друг на друга через стол, выложенный костью и бирюзой; и Севанна отвечала на яростный взор Теравы не менее яростным взглядом.

— То, что происходит сегодня,

означает опасность, — произнесла Терава голосом человека, уставшего повторять одно и то же. И, возможно, уже готового вытащить из-за пояса нож. Говоря, она поглаживала его рукоятку, и Фэйли подумала, что она совсем не обязательно делает это машинально. — Нам нужно оставить как можно большее расстояние между нами и тем, чем бы это ни было, и как можно скорее. На востоке есть горы. Когда мы доберемся до них, мы будем в безопасности и сможем снова собрать все септы. Септы, которые никогда бы не оказались разъединенными, если бы ты, Севанна, не была настолько

самоуверенна.

— Ты говоришь о безопасности? — рассмеялась Севанна. — Может быть, ты уже стара и беззуба, и тебя надо кормить хлебом и молоком? Скажи мне, эти горы, о которых ты говоришь, насколько они далеко? Сколько дней или недель нам придется ползти до них сквозь этот проклятый снег? — Она указала на стоящий между ними стол, на котором была разостлана карта, придавленная двумя массивными золотыми кубками и тяжелым трехзубым золотым подсвечником. Большинство Айил презирали карты, но Севанна пристрастилась к ним не менее, чем

к другим мокроземским диковинам. — Что бы там ни происходило, это далеко от нас, Терава. Ты сама согласилась, что это так, вместе со всеми остальными Хранительницами Мудрости. В этом городе много еды, ее достаточно, чтобы прокормиться несколько месяцев, если мы останемся здесь. Кто осудит нас, если мы поступим так? А если мы останемся здесь... Ты же слышала, какие послания принесли гонцы. Через две-три недели, самое большее — через четыре, ко мне присоединятся еще десять септов. А может быть, и больше! А снег к тому времени растает, если этим мокроземцам из

города можно верить. Мы сможем двигаться быстро, вместо того чтобы тащить все свое добро на санях. — Фэйли подумала, упомянул ли кто-нибудь из горожан, что снег сменится грязью.

— *К тебе* присоединятся еще десять септов, — проговорила Терава, ее голос звучал глухо, не считая двух первых слов, а рука сжала рукоять ножа. — Ты говоришь за вождя клана, Севанна, а меня выбрали, чтобы давать тебе советы как вождю клана. И вождь должен слушать, что ему советуют, ради блага нашего клана. Так вот, я советую тебе двинуться на восток как можно быстрее, и продолжать двигаться туда, не

останавливаясь. Другие септы смогут присоединиться к нам в этих горах с тем же успехом, что и здесь, а если и придется немного поголодать в пути, то кто из нас незнаком с лишениями?

Севанна потерябила свои ожерелья, и огромный изумруд на ее правой руке вспыхнул зеленым огнем в свете светильников. Она поджала губы, отчего ее пухлый рот стал выглядеть еще более жадным. Возможно, ей и были знакомы лишения, но, если не считать недостатка тепла в палатке, теперь она от них уже отвыкла.

— Я говорю за вождя и заявляю, что мы остаемся здесь. — В ее голосе прозвучал почти прямой вызов, но

она не дала Тераве шанса принять его. – А, я вижу, пришла Фэйли. Моя хорошая, послушная *гай'шайн*. – Взяв со стола какой-то предмет, завернутый в материю, она развернула его. – Узнаешь ли ты это, Фэйли Башир?

Предметом, который держала Севанна, был нож с клинком, заостренным с одной стороны, длиной в полторы ладони – обычный инструмент, какой носят при себе тысячи фермеров. Вот только Фэйли узнала расположение заклепок на деревянной рукоятке и щербинку на кончике. Это был тот самый нож, который она украла и так тщательно прятала. Она промолчала. Ей было

нечего сказать. *Гай'шайн* запрещено иметь любое оружие, даже кухонный нож, если только им не поручали нарезать мясо или овощи для кухни. Однако она с трудом удержалась, чтобы не вздрогнуть, когда Се-ванна продолжила:

— Как хорошо, что Галина принесла мне нож до того, как ты успела им воспользоваться. Если бы ты ударила кого-нибудь ножом, мне пришлось бы очень сильно на тебя рассердиться.

Галина? Ну разумеется. Айз Седай не могла позволить им сбежать до того, как они сделают то, чего она от них хотела.

— Она потрясена, Терава. — Смех

Севанны звучал так, словно случившееся ее очень забавляло. — Галина знает, что требуется от *гай'шайн*, Фэйли Башир. Что я должна сделать с ней, Терава? Вот совет, который я с удовольствием выслушаю. Несколько мокрозем-цев убили за то, что они прятали оружие, но мне бы не хотелось терять ее.

Терава вздернула пальцем подбородок Фэйли и посмотрела ей в глаза. Пленница встретила ее взгляд, не моргая, хотя чувствовала, как у нее дрожат колени. Она даже не пыталась убеждать себя, что виной тому холод. Фэйли знала, что она не труслива, однако когда Терава смотрела на нее, девушка

чувствовала себя кроликом в орлиных когтях — еще живым, но ждущим, что в него вот-вот вонзится клюв. Это Терава первой приказала ей шпионить за Севанной, и как бы осмотрительны ни были другие Хранительницы Мудрости, у Фэйли не осталось ни малейших иллюзий; если она хоть словом намекнет об этом, Терава перережет ей глотку без малейшего колебания. Бессмысленно делать вид, что эта женщина не пугает ее. Лучшее, что она могла сделать, — это попытаться обуздать свой страх. Легко сказать^

— Я думаю, что она собиралась сбежать, Севанна. Но я думаю, что она еще может научиться

ПОВИНОВЕНИЮ.

Грубый деревянный стол установили в сотне шагов от шатра Севанны, на ближайшем свободном месте между палатками. Сначала Фэйли думала, что хуже всего будет стыд из-за того, что она раздета, — и ледяной холод, продиравший по коже. Солнце опустилось уже довольно низко, воздух стал холоднее, и он еще похолодает. Она должна оставаться здесь до утра. Шайдо быстро выучили, перед чем мокроземцы испытывают стыд, и использовали стыд как наказание. Она думала, что будет умирать от смущения каждый раз, когда кто-

нибуть посмотрит на нее, но проходящие мимо Шайдо даже не замедляли шаг. Нагота сама по себе не была для Айил причиной стыдиться. Перед ней появилась Аравин, но она приостановилась, только чтобы шепнуть: «Держись!», и тут же ушла. Фэйли понимала ее. Была ей верна эта женщина или нет, она не осмеливалась хоть чем-то помочь ей.

Прошло совсем немного времени, и Фэйли перестала испытывать какой-либо стыд. Ее запястья были связаны сзади, а лодыжки загнуты назад и притянуты к локтям. Теперь она понимала, почему Ласиль и Аррела так тяжело

дышали. В таком положении дыхание требовало усилий. Холод проникал в нее все глубже и глубже, пока она не начала неудержимо дрожать, но даже и это казалось теперь несущественным. Судороги начали жечь ноги, плечи, бока, сжимая горевшие огнем мускулы, скручивая ее все сильнее, и сильнее, и сильнее. Она сосредоточилась на том, чтобы не кричать. Это стало центром ее существования. Она — не — станет — кричать. Но, о Свет, как больно!

— Севанна приказала, чтобы ты оставалась здесь до рассвета, Фэйли Башир, но она не говорила, что ты должна оставаться здесь в одиночестве.

Ей пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем она смогла как следует разглядеть. Пот жег Фэйли глаза. Почему она вспотела, если промерзла до костей? Перед ней стоял Ролан, и как ни странно, он держал две низкие бронзовые жаровни, полные пылающих углей, их ножки были обмотаны тканью, чтобы не обжечься. Видя, как Фэйли уставилась на жаровни, Ролан пожал плечами.

— Когда-то ночь, проведенная на холоде, не доставила бы мне неудобства, но я стал слишком нежным с тех пор, как перешел Стену Дракона.

Фэйли чуть не задохнулась,

когда он поставил жаровни под стол. Тепло хлынуло вверх сквозь щели между досками. Ее мышцы все еще сводили судороги, но — о, блаженное тепло! И она действительно задохнулась от изумления, когда Ролан положил одну руку ей на грудь, а другой обхватил согнутые колени. Внезапно она поняла, что на локти уже ничего не давит. Он каким-то образом... выжимал ее из ремней. Одна его рука занялась ее бедром, и Фэйли чуть не завопила, когда его пальцы впились в скрученные узлом мышцы, но тут она почувствовала, как узлы начинают расслабляться. Мышцы все еще болели, и каждое его прикосновение приносило боль, но

боль в бедре изменилась. Она пока не стала меньше, но Фэйли знала, что боль уменьшится, если он будет продолжать.

— Ты ведь не станешь возражать, если я немного развлекусь сам, пока не придумаю способ, как сделать так, чтобы ты засмеялась? — спросил Ролан.

Внезапно Фэйли обнаружила, что смеется, и это отнюдь не истерически. Точнее, это была истерика, но лишь частично. Ее связали по рукам и ногам, как гуся для жарки, и теперь ее спасет от холода — спасет во второй раз! — этот человек, которого она, пожалуй, уже не собирается резать. Севанна

теперь будет смотреть за ней как ястреб, а Терава, возможно, попытается убить в назидание остальным; но Фэйли знала, что убежит. Не одна, так другая дверь должна наконец открыться. Она убежит отсюда. Фэйли смеялась до тех пор, пока не заплакала.

Глава 10. Пылающий маяк

Большеглазая горничная больше привыкла месить тесто для хлебов, чем управляться с рядами маленьких пуговиц, но в конце концов темно-зеленое платье для верховой езды было застегнуто на Илэйн, и девушка отступила назад, сделав книксен и тяжело дыша. Впрочем, трудно было сказать, было тому причиной непривычное дело или просто присутствие Дочери-Наследницы. Кольцо Великого Змея на левой руке Илэйн тоже могло сыграть здесь свою роль. Лишь немногим больше

двадцати миль по прямой отделяло родовое имение Дома Материн от реки Эринин, где шла оживленная торговля, но это расстояние оказывалось гораздо больше, когда приходилось ехать через горы Чизен. Здесьние жители были более привычны к набегам скотокрадов через мурандийскую границу, чем к любого рода гостям, тем более если гость оказывался одновременно Дочерью-Наследницей и Айз Седай. Честь, оказанная дому, была больше, чем большинство из слуг могло вынести. Элси действовала с невероятной тщательностью, складывая голубое шелковое платье, которое Илэйн надевала прошлым

вечером, и упаковывая его в один из двух больших кожаных баулов, с которыми путешествовала Илэйн и которые стояли здесь же, в туалетной комнате отведенных ей апартаментов, — с такой тщательностью, что Илэйн чуть было не отняла у нее платье, чтобы уложить его самой. Вчера вечером ей долго не спалось, она задремывала и вновь просыпалась, и в результате заспалась дольше обычного. Теперь ей не терпелось пуститься в обратный путь, в Кэймлин.

Вот уже пятый раз она проводила ночь вне Кэймлина с тех пор, как узнала, что городу угрожает опасность, и в ходе каждой поездки

Илэйн посещала три или четыре, а один раз даже пять родовых имений, принадлежащих людям, связанным с Домом Траканд кровными узами или клятвой, и каждый из этих визитов отнимал время. Потеря времени тяжелым грузом давила на нее, однако показываться людям было необходимо. Чтобы переезжать от одного имения к другому, требовались дорожные платья, ведь она не хотела выглядеть помятой и взъерошенной, как какая-нибудь бродяжка. И ей приходилось каждый раз переодеваться перед тем, как въехать в имение, независимо от того, собиралась она провести в нем ночь или всего лишь несколько часов.

Половина времени уходила на переодевание из дорожной одежды в парадную и обратно; однако если дорожная одежда свидетельствовала о спешке и нужде, а возможно, и об отчаянии, то корона Дочери-Наследницы и расшитое платье с кружевами, вытащенное из баула и вычищенное перед тем, как его надеть, демонстрировало уверенность и силу. Илэйн взяла бы с собой собственную горничную, чтобы усилить впечатление, если бы Эссанде могла выдержать зимнюю дорогу; правда, она подозревала, что медлительность седовласой служанки заставила бы ее кусать губы от раздражения. Однако

Эссанде все же вряд ли стала бы так долго копаться, как эта молоденькая пучеглазая Элси.

Наконец девушка, присев в реверансе, протянула ей подбитый мехом малиновый плащ, и Илэйн торопливо накинула его на плечи. Огонь полыхал в каменном очаге, но в комнате вовсе не было тепло; пожалуй, вскоре она не сможет уже делать вид, будто не обращает внимания на холод. Девушка сделала еще один неуклюжий реверанс, сказав, что можно позвать людей, чтобы снести баулы вниз, если это будет угодно Ее Величеству. В первый раз, когда служанка назвала ее так, Илэйн мягко объяснила ей,

что она еще не королева, однако Элси, казалось, ужасала сама мысль о том, чтобы обращаться к ней просто «миледи» или даже «принцесса» — впрочем, последнее обращение считалось очень старомодным. Справедливо или нет называть ее так, но Илэйн обычно бывала польщена, когда слышала, что кто-то признает за ней право на трон; однако этим утром она чувствовала себя слишком утомленной, чтобы беспокоиться о чем-либо, кроме того, чтобы поскорее отправиться в дорогу. Подавив зевок, она коротко приказала Элси вести людей сюда, не мешкая, и повернулась к

филенчатой двери. Девушка поспешила открыть ее перед госпожой, что заняло гораздо больше времени, чем если бы Илэйн сделала это сама, поскольку та присела перед тем, как взяться за ручку, и еще раз после того, как отпустила ее. Шелковые юбки Илэйн яростно зашелестели, когда она широкими шагами вышла из комнаты, на ходу натягивая красные дорожные перчатки. Если бы Элси помедлила еще хотя бы секунду, она, кажется, начала бы кричать.

Закричала, однако, девушка — Илэйн не успела пройти и трех шагов, когда сзади нее раздался вопль ужаса, от которого, казалось, у

горничной вот-вот лопнут голосовые связки. Плащ взметнулся вокруг Илэйн, когда она резко развернулась, обнимая Истинный Источник и чувствуя, как *саидар* щедрым потоком вливается в нее. Элси стояла на ковровой дорожке посередине светло-коричневых плит пола, глядя в глубину холла и прижав обе руки к рту. В том направлении открывались два коридора, но в них не было видно ни души.

— В чем дело, Элси? — требовательно спросила Илэйн. Она держала наготове несколько плетений, от обычной сети Воздуха до огненного шара, который мог уничтожить половину стен впереди

нее, и сейчас пребывала в таком настроении, что была не прочь использовать какое-нибудь из них; ей хотелось нанести удар Силой. Настроение Илэйн в последнее время было переменчивым, и это еще мягко сказано.

Девушка, вся дрожа, взглянула на госпожу через плечо, и если ее глаза и до этого были большими, то теперь они просто выкатывались наружу. Ее руки оставались крепко прижатыми ко рту, словно для того, чтобы предотвратить новый вопль. Черноволосая и черноглазая, высокая и пышногрудая, одетая в серую с синим ливрею Дома Материн, она, в общем-то, уже вышла из юного

возраста – Элси, должно быть, была на четыре или пять лет старше ее, – однако служанка вела себя так, что Илэйн было трудно думать о ней как о взрослой.

– В чем дело, Элси? И *не надо* говорить мне, что ничего не случилось. У тебя такой вид, словно ты увидела призрак.

Девушка вздрогнула.

– Но так оно и есть! – проговорила она прерывающимся голосом. То, что служанка опустила в обращении титул, показывало, до какой степени она взволнована. – Это была леди Нелейн, покойная бабушка лорда Эдмуна. Она умерла, когда я была еще маленькой, но я

помню, что у нее был за характер — сам лорд Эдмун ходил вокруг нее на цыпочках, а служанки, те и вовсе вздрагивали, когда она только смотрела на них, и все бывавшие в доме леди тоже, и лорды. *Все* ее боялись. Она стояла вот тут, прямо передо мной, и так сердито хмурилась... — Элси осеклась и залилась краской, услышав смех Илэйн.

Это был скорее смех облегчения, чем какой-либо другой. Черные Айя не последовали за ней каким-то образом в имение лорда Эдмуна. Ее не поджидали убийцы с кинжалами в руках, и преданные Элайде Сестры не пытались выкрасть ее, чтобы

увезти обратно в Тар Валон. Иногда Илэйн снилось нечто подобное, зачастую все кошмары одновременно. Она отпустила *саидар*, как всегда с неохотой, сожалея, что вся полнота радости и жизни утекает из нее. Дом Материн поддерживал ее, однако лорду Эдмуну вряд ли понравится, если она разнесет в щепки половину его родового гнезда.

— Мертвые не могут причинить вреда живым, Элси, — мягко сказала Илэйн. Тем более мягко, что она только что смеялась над ней, не говоря уже о желании надрать уши этой дурочке. — Они больше не принадлежат этому миру и не могут

прикоснуться ни к чему здесь, включая и нас. — Девушка кивнула и снова присела, но судя по ее расширенным глазам и дрожащим губам, она вовсе не была в этом убеждена. Впрочем, у Илэйн не было времени уговаривать ее. — Сходи за людьми, чтобы снести вниз мои вещи, Элси, — твердо сказала она, — и не беспокойся о призраках. — Сделав еще один реверанс, девушка поспешила прочь, обеспокоенно крутя головой, очевидно боясь, что леди Нелейн может выскочить на нее откуда-нибудь из-за стенной панели. Призраки, подумать только! Эта девица и впрямь дурочка!

Материн считался древним

Домом, хотя он не был ни велик, ни силен; и главная лестница, ведущая вниз в вестибюль, была широкой, с мраморными перилами. Сам вестибюль был просторным, с полом, выложенным серыми и синими плитами, и масляными лампами с отражателями, свисающими на цепях с потолка в двадцать футов высотой. Здесь не имелось никакой позолоты или инкрустаций, но вдоль стен стояли украшенные затейливой резьбой сундуки и ларцы, а на одной стене висели два гобелена. На одном был изображен всадник, охотящийся на леопарда — занятие, мягко говоря, рискованное, — а на другом женщины

Дома Материн подносили меч в дар первой королеве Андора, – событие, которым Материн весьма гордился, но достоверность которого была сомнительна.

Авиенда уже спустилась и беспокойно ходила взад и вперед по вестибюлю. Увидев ее, Илэйн вздохнула. Они могли бы спать в одной комнате, если бы не боязнь оскорбить Материн предположением, что хозяин не может предоставить каждому из двух высоких гостей отдельное помещение. Авиенда не могла понять, что чем меньше Дом, тем больше у него гордости. У небольших Домов зачастую, кроме гордости,

ничего и не было. Вроде бы она должна была понимать это, сама Авиенда только что не светилась гордостью и силой. Высокая, выше даже, чем Илэйн, стройная, с толстой черной шалью, накинутой поверх светлой блузы, и серой косынкой, повязанной вокруг головы, чтобы придерживать ее длинные рыжеватые волосы, она выглядела настоящей Хранительницей Мудрости, если не считать того, что была всего на год старше Илэйн. Хранительницы Мудрости, которые могли направлять Силу, часто выглядели значительно моложе своего возраста, но Авиенда держалась с достоинством. По

крайней мере сейчас, хотя, оставаясь одни, они довольно часто обменивались шутками и хохотали. Разумеется, на ней не было никаких украшений, не считая длинного серебряного кандорского ожерелья, янтарной броши в виде черепашки и широкого костяного браслета. Хранительницы Мудрости всегда носили целые гирлянды ожерелий и браслетов, но Авиенда еще не была полноправной Хранительницей Мудрости, а всего лишь ученицей. Впрочем, Илэйн никогда не думала об Авиенде как «всего лишь» о ком-то, хотя это нередко и мешало. Иногда Илэйн казалось, что Хранительницы Мудрости и ее саму

рассматривали как в некотором роде ученицу. Глупая мысль, конечно, но иногда...

Увидев Илэйн у подножия лестницы, Авиенда поправила свою шаль и спросила:

– Ты хорошо спала? – Ее тон был невозмутимым, но в зеленых глазах затаилось беспокойство. – Надеюсь, ты не вздумала посылать за вином, чтобы скорее заснуть? Я позаботилась, чтобы тебе разбавили вино за ужином, но я видела, какими глазами ты смотрела на кувшин.

– Да, матушка, – Илэйн отвечала слащавым голоском. – Нет, матушка. Я просто удивилась, откуда у Эдмуна взялось такое хорошее вино,

матушка. — Было просто преступлением разбавлять его.—

А перед сном я выпила козьего молока. — Если ее от чего и тошнило, так это от козьего молока! Подумать только, что когда-то она любила его.

Авиенда уперла кулаки в бока, приняв настолько негодующий вид, что Илэйн не могла не рассмеяться. В беременности были свои неудобства, от резких перемен в настроении до выматывающего томления в грудях, она уставала, но хуже всего то, какой шум вокруг этого поднимали. Все в Королевском дворце знали, что она носит ребенка, — некоторые узнали об этом даже раньше нее, спасибо Мин с ее

видениями и длинным языком, — кажется, что вокруг нее столько не хлопотали даже тогда, когда она сама была ребенком. Однако Илэйн старалась спокойно сносить всю эту суету и проявлять снисходительность, насколько могла. Они ведь хотели как лучше. Илэйн желала лишь одного — чтобы ее знакомые не считали, что беременность полностью лишила ее мозгов, — а так, по-видимому, полагало большинство тех женщин, которых она знала. Особенно те, кто сам никогда не носил ребенка.

Думая о своем ребенке — временами она жалела, что Мин не сказала, мальчик это будет или

девочка (вернее, Авиенда и Бергит-те не могли вспомнить точно, что сказала Мин). Та никогда не ошибалась, но той ночью все трое изрядно хлебнули вина, а когда Илэйн сама решила поинтересоваться, Мин уже давно не было во дворце, — думая о ребенке, росшем в ее чреве, она всегда думала о Ранде, точно так же как мысли о нем всегда наводили ее на мысли о ребенке. Одно следовало за другим с такой же неизбежностью, с какой из молока при сбивании получаются сливки. Ей ужасно не хватало Ранда, и тем не менее он всегда был с ней. Какая-то его часть, *ощущение* его, постоянно присутствовало внутри

нее, если только она сама не блокировала связь, рядом с ощущением Бергитте, ее второго Стража. Эта связь, однако, имела свои пределы. Ранд был где-то на западе, так далеко, что Илэйн знала лишь, что он жив. Кроме этого, она не могла ощутить ничего, хотя, наверное, почувствовала бы, если бы он был серьезно ранен. Она не была уверена, что хочет знать, чем он там занимается. Покинув ее, он долгое время находился где-то на юге, а теперь, этим самым утром, вдруг Переместился на запад. Это было очень неприятно – чувствовать его в одном направлении, а потом внезапно ощутить совсем в другом,

еще дальше, чем прежде. Может быть, Ранд преследовал врагов или враги преследовали его, а может быть, этому была какая-то другая причина из тысячи возможных. Илэйн очень надеялась, что то, что заставило его Переместиться, было не слишком опасным. Он и так слишком скоро должен был умереть – мужчины, направлявшие Силу, рано или поздно все умирали из-за этого, – но Илэйн так хотела, чтобы Ранд оставался в живых как можно дольше!

– С ним все в порядке, – сказала Авиенда, словно прочитав ее мысли. Между ними тоже существовала своя связь с тех пор, как они приняли друг

друга как первые Сестры, но она была не настолько сильной, как узы Стража, связывавшие их обеих и Мин с Рандом. — Если он позволит себя убить, я отрежу ему уши.

Илэйн, моргнув, снова расхохоталась, и Авиенда, удивленно поглядев на нее, через секунду присоединилась к ней. Это было не так уж смешно, разве что для Айил, — чувство юмора у Авиенды было *очень* странным, — но Илэйн не могла перестать смеяться и Авиенда тоже. Трясаясь от хохота, они упали друг дружке на грудь и продолжали смеяться в обнимку. Жизнь — очень странная штука. Скажи ей кто-нибудь пару лет назад, что она будет

делить мужчину с другой женщиной — с двумя другими женщинами! — она назвала бы этого человека сумасшедшим. Сама подобная мысль показалась бы ей непристойной. Но она любила Авиенду всей душой, не меньше, чем Ранда, только по-другому, а Авиенда любила Ранда не меньше, чем она. Сомневаться в этом значило бы сомневаться в Авиенде, а для Илэйн было легче вылезти из собственной кожи, чем потерять ее. Женщины Айил, Сестры или близкие подруги, часто выходили замуж за одного и того же человека и редко оставляли ему возможность выбора. Илэйн хотела выйти замуж за Ранда, и того же хотела Авиенда, и Мин.

Что бы там ни говорили или ни думали об этом люди. Если только Ранд проживет достаточно долго.

Внезапно Илэйн испугалась, как бы ее смех не закончился слезами. Пожалуйста, о Свет, пусть она не окажется одной из тех женщин, которые становятся слезливыми, когда носят ребенка! Илэйн хватало и того, что она не могла предугадать, будет ли в следующую минуту печальна или рассержена. Она могла целыми часами чувствовать себя совершенно нормально, а потом часами ощущать себя детским мячиком, скачущим вниз по ступеням бесконечной лестницы. Этим утром, похоже, была очередь

скакать по ступеням.

– С ним сейчас все в порядке, и будет тоже в порядке, – прошептала Авиенда яростно, словно собиралась встать на страже его жизни, готовая убить любого, кто будет угрожать Ранду.

Кончиками пальцев Илэйн смахнула слезу со щеки своей названной сестры.

– С ним сейчас все в порядке, и будет тоже в порядке, – тихо повторила Илэйн. Но они не могли убить *саидин*, а порча в мужской половине Силы должна была убить его.

Лампы у них над головой замигали, когда высокая входная

дверь отворилась, впус­тив по­ток воз­ду­ха, еще бо­лее хо­лод­но­го, чем в ве­сти­бю­ле, и они бы­стро от­пря­ну­ли друг от дру­га, про­дол­жая дер­жать­ся за ру­ки. Ил­эйн на­пу­сти­ла на ли­цо хо­лод­ную бес­страст­ность, до­стой­ную на­сто­я­щей Айз Се­дай. Она не мо­гла до­пус­тить, что­бы кто-ни­будь уви­дел, как она об­ни­ма­ет­ся с по­дру­гой, сло­вно ищ­а у той у­те­ше­ния. Пра­ви­тель или тот, кто со­би­ра­ет­ся пра­вить, не мо­жет по­з­во­лить се­бе ни ма­лей­ше­го на­ме­ка на сла­бость или слезы, по край­ней ме­ре при­люд­но. О ней хо­ди­ло и без то­го до­ста­точ­но сп­ле­тен, и ду­рых сре­ди них бы­ло не мень­ше, чем хо­ро­ших. Она бы­ла ми­ло­сти­вой или

жестокой, рассудительной или капризной, великодушной или жадной, в зависимости от того, каким слухам верить. До сих пор рассказы по крайней мере уравнивали друг друга, но если кто-нибудь станет говорить, что видел Дочь-Наследницу уткнувшейся лицом в грудь подруги, то в них добавится слух о том, что она боится, и ее враги осмелеют. И станут сильнее. Обвинение в трусости пристаёт похлеще копоту; от него невозможно отмыться до конца. История знает женщин, потерявших право претендовать на Львиный Трон и по значительно менее веским причинам. Предполагается, что

удачливый правитель должен обладать государственным мышлением, а возможно, даже и мудростью, но некоторые женщины, у которых не было ни того ни другого, все же добивались трона и справлялись с грехом пополам. Однако лишь немногие станут поддерживать трусливого правителя, и никого из этих людей она не хотела бы видеть на своей стороне.

Человек, вошедший в вестибюль и повернувшийся, чтобы затворить за собой массивную дверь, был одноногим; передвигался с костылем. Даже несмотря на специально подложенную шерстяную подушечку, рукав его плотной куртки

был вытерт этим костылем до блеска. Это был Фридвин Роз, плечистый отставной солдат, ныне управляющий имением лорда Эмунда. Он вошел в сопровождении помощника — толстого писца, который при виде Дочери-Наследницы остолбенел. Увидев ее кольцо, писец разинул рот в состоянии, близком к ужасу, и с облегчением поспешил к своим grossбухам, как только понял, что у нее нет к нему никакого дела. Возможно, он боялся проверки счетов. Мастер Роз, разумеется, тоже воззрился на ее кольцо в изумлении, но Дочери-Наследнице послал восторженную ухмылку и высказал

сожаление, что не может больше идти за нее в бой, как прежде. Если бы он всегда лгал с таким искренним видом, то к этому времени лорд Эдмун, вероятно, уже лишился бы половины того, что имел. Можно было не бояться, что этот человек станет разносить порочащие ее слухи.

Его костыль простучал через вестибюль; подойдя к ним, мастер Роз, несмотря на отсутствие ноги, ухитрился отвесить вполне сносный поклон, адресованный также и Авиенде. Вначале айилка пугала его, но он на удивление быстро догадался, что они с Илэйн в дружеских отношениях, и если Айил

в целом мастер Роз по-прежнему не доверял, то по крайней мере одну он принял. Нельзя требовать от человека слишком многого.

— Конюхи навьючивают ваши вещи на лошадей, моя королева, и ваш эскорт уже готов пуститься в путь. — Он был одним из тех, кто отказывался называть ее иначе, чем «моя королева» или «Ваше Величество», но при упоминании об эскорте в его голосе прозвучала нотка сомнения. Роз замаскировал ее кашлем и поспешил продолжить: — Людям, которых мы посылаем с вами, я дал самых лучших лошадей, каких только смог найти. Это в основном молодежь, но есть и

несколько более опытных; и все эти люди знают, с какого конца у алебарды острие. Хотел бы я, чтобы наш дом мог дать вам больше, но, как я уже объяснял, едва лорд Эдмун прослышал, что другие претендуют на то, что принадлежит вам по праву, он решил не ждать весны, а немедленно созвал всех своих бойцов и двинулся в Кэймлин. С тех пор тут была парочка сильных снегопадов, но, если удача сопутствовала им на перевалах, сейчас они уже на полпути туда. — Его взгляд выражал уверенность, хотя управляющий лучше ее знал, что если удача не сопутствовала лорду Эдмуну, то он и его бойцы могли к этому моменту

уже погибнуть на перевалах.

— Материн всегда хранил верность Траканду, — произнесла Илэйн, — и я верю, что так будет всегда. Я ценю преданность лорда Эдмуна и вашу, мастер Роз.

Она не хотела оскорблять Материн и старого солдата, пообещав помнить их или посулив награды; однако широкая улыбка на лице мастера Роза сказала ей, что он уже получил от нее ту награду, которой желал. Материн будет вознагражден, если заслужит это, но с ним нельзя обращаться так, словно покупаешь лошадь.

Стуча костылем, мастер Роз с поклоном проводил гостей до двери

и еще раз поклонился вслед, когда Илэйн вышла на широкую гранитную лестницу. Там, на жгучем морозе, ее ожидали слуги в плотных куртках со стремянной чаркой горячего вина с пряностями, которую она с сожалением отвергла. Пока она не приноровится к холодному воздуху, ей нужны обе руки, чтобы держать плащ запахнутым на груди. Авиенда так и так все равно нашла бы способ заставить ее отказаться. *Сама-то она* приняла чарку, после того как обернула шаль вокруг головы и плеч — единственная уступка, которую ее подруга сделала утреннему холоду. *Она*, разумеется, не обращала внимания на мороз. И этому научила

ее Илэйн. Она снова попыталась оттолкнуть от себя холод, и к ее удивлению, он действительно отступил. Не до конца – Илэйн все еще немного зябла, – но это все же лучше, чем мерзнуть.

Небо было ясным, яркое солнце поднималось над вершинами гор, но тучи, несущие непогоду, в любой момент могли перелиться через окружающие хребты. Хорошо бы побыстрее добраться до первой остановки. К несчастью, Сердцеед, ее высокий вороной мерин, пятился и фыркал, выпуская клубы морозного пара, словно видел уздечку в первый раз в жизни; а длинноногая, с лебединой шеей серая кобыла

Авиенды, вдохновленная его примером, скакала по колено в снегу и выказывала намерение двигаться в любую сторону, кроме той, куда направлял ее конюх. Такое своенравное животное Илэйн не выбрала бы для своей спутницы, однако Ави-енда настояла, едва лишь услышала кличку кобылы. «Сисвай» на Древнем Наречии означало «копье». Конюхи казались опытными людьми, однако они, по-видимому, считали, что животных необходимо успокоить, прежде чем передавать наездникам. Илэйн с трудом сдержалась, чтобы не крикнуть им, что она справлялась с Сердцеедом, еще когда они его в глаза не видели.

Ее эскорт был уже в седлах, чтобы не ждать ее стоя на снегу, — двадцать с лишним человек в красных куртках с белыми воротниками и до блеска начищенных кирасах и шлемах Гвардии Королевы. Сомнения мастера Роза были вполне объяснимы, поскольку их куртки были шелковыми, равно как и красные штаны с белыми лампасами, а воротники и манжеты отделаны белыми кружевами. Вид у эскорта был скорее парадный, нежели походный. А возможно, здесь сыграло роль то, что все они были женщинами. Женщины почти не встречались среди людей,

добывающих себе хлеб оружием, разве что изредка среди охраны купеческих караванов или во время войны. Илэйн никогда не слышала об отряде, целиком состоящем из женщин, до тех пор пока сама не создала такой. Не считая Дев, разумеется, – но Девы были Айил, а это совсем другое дело. Она надеялась, что люди не примут всерьез ее Гвардию, сочтя ее очередной прихотью, особенно благодаря шелкам и кружевам. Мужчины склонны недооценивать женщин, носящих оружие, до тех пор пока не встретятся с ними лицом к лицу, и даже большинство женщин, по-видимому, считало, что она ведет

себя как безмозглая дура. Телохранители обычно старались казаться как можно более свирепыми, чтобы никто не осмелился и попытаться пройти мимо них, но даже если бы она выстроила вокруг себя всю Гвардию Королевы плечом к плечу, ее враги все равно нашли бы какой-нибудь другой способ напасть. Ее целью было создать для себя такую охрану, которую ее враги не станут принимать в расчет, пока не будет слишком поздно и им останется лишь сожалеть. Илэйн старалась придумать мундиры позатейливее, отчасти для того, чтобы поддержать ложное мнение о них, а отчасти —

чтобы польстить самим женщинам, выделив среди остальных солдат. У нее самой не было ни малейших сомнений. Каждая из женщин, от наемной охранницы до Охотницы за Рогом, была тщательно отобрана за свое умение, опыт и отвагу. Илэйн была готова доверить им свою жизнь. Она уже сделала это.

Высокая худощавая женщина с двумя лейтенантскими золотыми бантами на плече красной куртки отсалютовала Илэйн, приложив руку к груди, и ее чалый мерин вскинул голову, зазвенев вплетенными в гриву серебряными колокольчиками, словно тоже приветствовал госпожу.

— Мы готовы, миледи, и вокруг

все спокойно. — Касейлле Рас-ковни была из купеческих охранниц, и ее арафельский выговор не свидетельствовал о большой образованности, но голос звучал энергично и деловито. Она обратилась к Илэйн как положено и не изменит форму обращения, пока та не будет коронована, и готова сражаться, чтобы добыть для нее корону. Немногие, очень немногие мужчины или женщины вносили свое имя в списки Гвардии Королевы в эти дни, кроме тех, кто знал, на что идет. — Люди, которых выделил мастер Роз, тоже готовы. По мере своих сил.

Старый солдат, закашлявшись,

поправил костыль и воззрился на снег перед носками сапог.

Илэйн понимала, что имеет в виду Касейлле. Мастер Роз наскреб в имении, чтобы послать в Кэймлин, одиннадцать человек, снабдив их алебардами, и короткими мечами, и всем что смог найти — девятью древними шлемами без забрал и семью кирасами, казавшимися из-за покрывавших их вмятин весьма ненадежной защитой. Лошади были неплохи, хотя их шерсть была позимнему косматой; но как бы всадники ни кутались в свои плащи, Илэйн видела, что восемь из них бреются не чаще одного раза в неделю, а то и реже. У людей,

которых мастер Роз назвал «опытными», лица были морщинисты, а руки костлявы, и весьма вероятно, что у них не доставало зубов. Он не лгал ей и не скупился; Эдмун, по-видимому, собрал всех годных людей в округе, чтобы взять их с собой, и снарядил лучшим, что нашлось в его арсенале. Везде было одно и то же. Очевидно, огромное количество крепких и отважных людей, пытавшихся добраться до Кэймлина, чтобы присоединиться к ней, было рассеяно по всему пространству Андора. И никто из них, очевидно, не успеет добраться дотуда вовремя. Она искала их целыми днями, но не

нашла ни одного отряда. Однако эта горстка людей держала свои алебарды так, словно знала, как с ними обращаться. С другой стороны, вряд ли так уж сложно сидеть в седле, уперев алебарду в стремя. С этим справилась бы даже она.

— Мы посетили уже девятнадцать имений, Сестра, — негромко сказала Авиенда, подъезжая ближе, так, что их плечи соприкоснулись, — и считая этих, набрали двести пять человек — мальчишек, слишком юных, чтобы проливать кровь, и стариков, которые уже давно должны были отложить копье. Я не вмешивалась раньше. Ты знаешь свой народ и его обычаи. Но

стоит ли это того времени, которое ты тратишь?

– О да, Сестра, – Илэйн тоже говорила приглушенным голосом, чтобы одноногий солдат или слуги не слышали ее. Лучшие из людей могут оказаться несговорчивыми, если поймут, что от них ожидают не того, чего хотят они сами. Особенно если они узнают, что все, что они собрали с таким трудом, и помощь, которую они предложили от всего сердца, не оправдают наших ожиданий – Каждый человек в деревнях ниже по реке уже знает, что я здесь, как и половина фермеров на несколько миль вокруг. К полудню об этом будет знать и вторая половина, а к

завтрашнему дню узнают и все деревни, и фермы вокруг. Зимой новости распространяются медленно, особенно в этих краях. Они, конечно, *знают*, что я заявила свои права на трон, однако если завтра я взойду на него или умру, они не услышат об этом до середины весны, а может быть, и до лета. Но сегодня они узнали, что Илэйн Траканд жива, что она посетила их поместье вся в шелках и драгоценностях и призвала людей под свое знамя. На двадцать миль окрест люди будут утверждать, что видели меня и касались моей руки. Лишь немногие смогут удержаться, чтобы не прибавить попутно

несколько лестных слов в мою пользу, а когда хвалишь кого-то, то убеждаешь этим самого себя, что тот, кого хвалишь, достоин твоих похвал. В девятнадцати местах по всему Андору люди уже рассказывают о том, что не далее как на этой неделе видели Дочь-Наследницу, и каждый день эти слухи расползаются все шире, как чернильное пятно по бумаге. Будь у меня время, я посетила бы каждую деревню в Андоре. Это и на волос не изменит того, что происходит в Кэймлине, но это изменит все после того, как я взожду на трон. — Клейн не допускала иной возможности, кроме победы. И тем более не упоминала о сопернице,

которая займет трон, если она потерпит поражение. — Большинство королев в нашей истории тратило первые несколько лет правления на то, чтобы сплотить вокруг себя народ, Авиенда, и некоторым это не удавалось; но нас ожидают еще более трудные времена, чем сейчас. Возможно, не пройдет и года, как мне понадобится каждый андорец, стоящий за моей спиной. Я не могу ждать, пока получу трон. Грядут тяжелые времена, и я должна быть готова. Андор должен быть готов, и я должна сделать так, чтобы он был готов, — твердо закончила Илэйн. Улыбаясь, Авиенда коснулась ее щеки.

– Думаю, я узнала от тебя многое о том, что значит быть Хранительницей Мудрости, – произнесла она.

К своей досаде, Илэйн покраснела от смущения. Ее щеки просто пылали огнем! Возможно, перемены в настроении были все же хуже, чем хлопоты вокруг нее. О Свет, предстоят еще *месяцы* всего этого! Не в первый раз она почувствовала в себе зернышко обиды на Ранда. Он сделал это с ней – да, конечно, не без ее участия; говоря по правде, она сама и подстрекнула его, но сейчас это не относилось к делу – он сделал это и удалился с самодовольной улыбкой

на лице. Она не была уверена, что его улыбка действительно была самодовольной, но могла с легкостью нарисовать ее себе. Пусть-ка *он* попробует, каково это, когда у тебя то кружится голова, то подступают слезы, и что ни час, то что-нибудь новенькое, — посмотрим, как ему это понравится! *Я* *разучилась думать логически*, с раздражением подумала Илэйн. И в этом тоже была его вина.

Конюхи наконец успокоили Сердцееда и Сисвай настолько, чтобы леди могли без опаски сесть на них, и Авиенда взобралась в седло с каменной приступки с гораздо большей легкостью, чем всегда, тут же расправив свои широкие юбки,

чтобы насколько возможно прикрыть ноги в черных чулках. Она по-прежнему считала, что ее собственные ноги дадут сто очков вперед любой лошади, но тем не менее уже стала вполне сносной наездницей. Правда, на ее лице до сих пор отражалось некоторое удивление, когда лошадь повиновалась ей. Сердце ее попытался было заартачиться, когда Илэйн оказалась у него на спине, но она усмирила его, жестко натянув повод — несколько более жестко, чем сделала бы это в обычное время. Очередной скачок настроения внезапно пробудил тревогу за Ранда, и раз уж она не способна обеспечить

его безопасность, то, по крайней мере, у нее под рукой есть другой мужчина, которого она может заставить делать в точности то, что ему приказано.

Шесть телохранительниц медленным шагом – глубина снега не позволяла двигаться быстрее – поехали перед Илэйн и Авиен-дой, остальные следовали сзади короткими цепочками; каждая замыкающая вела в поводу вьючную лошадь. Местные беспорядочной толпой тащились позади всех со своей собственной вьючной лошадью – косматым созданием, нагруженным многочисленными кастрюлями и свертками, и даже полдюжиной

живых цыплят. Немногочисленные приветствия неслись им навстречу, когда они проезжали через деревню с крытыми соломой домами и пересекали покрытый льдом ручей, извивавшийся под каменным мостом, – громкие крики «Илэйн и Лилия!», «Траканд! Траканд!» и «Материн не сдаётся!» Но Илэйн также видела женщину, рыдающую на груди мужа, лицо которого тоже было залито слезами, и другую, стоявшую спиной к кавалькаде с опущенной головой, не желая даже смотреть на всадников. Илэйн надеялась, что сможет вернуть им обратно мужей и сыновей. В Кэймлине не готовилось большой

битвы, или она очень сильно ошибается, но схватка все же будет. А уж когда Корона Роз окажется у нее на голове, предстоит еще много битв. Ведь на юге были Шончан, а на севере – Мурддраалы с троллока-ми, ждущие Тармон Гай'дон. Андор изойдет кровью своих сыновей в грядущие дни. О Свет, она *не станет* плакать!

За мостом дорога опять змеилась вверх, ведя сквозь сосны, ели и болотные мирты. Подъем оказался крутым, но до горного луга, куда они направлялись, было не более мили пути. На снегу, сверкающем на утреннем солнце, еще виднелись отпечатки копыт,

ведущие от того места, где ворота оставили в снегу глубокую борозду. Можно было Переместиться поближе к имению, но тогда бы возникла опасность, что кто-нибудь мог оказаться на том месте, где открывались ворота.

Когда они въехали на луг, Авиенду окружило свечение *саидар*. Она ставила ворота, чтобы попасть сюда с места их последней вчерашней стоянки, поместья в сотне миль к северу, и поэтому она же должна была сплести ворота, чтобы попасть обратно в Кэймлин. Однако вид Авиенды, сияющей в Силе, погрузил Илэйн в мрачные раздумья. Та, что открывала ворота, покидая

Кэймлин, ставила и все остальные, пока они не возвращались, поскольку она лучше знала местность вокруг сотворенного ею прохода; однако в каждой из пяти поездок Авиенда просила позволить ей сплести первые врата. Возможно, она действительно, как и говорила, просто хотела попрактиковаться, но Илэйн приходила на ум и другая причина. Может быть, Авиенда просто пыталась помешать ей направлять Силу, по крайней мере в значительных количествах. Из-за того, что Илэйн была беременна. Плетение, которое сделало их кровными сестрами, не могло быть использовано, пока одна из них

носит ребенка, поскольку нерожденное дитя разделило бы узы и вряд ли сумело бы выжить при этом. А тогда наверняка хотя бы одна из Айз Седай во дворце предупредила бы Илэйн, что той следует избегать направлять Силу во время беременности. С другой стороны, очень немногие Айз Седай сами когда-либо рожали детей. Они могли ничего и не знать об этом. Существует множество вещей, неизвестных Айз Седай, как бы те ни пытались доказать всему миру обратное, — она и сама время от времени извлекала выгоду из этого распространенного мнения, — хотя Илэйн казалось очень странным, как

можно ничего не знать о том, что столь важно для большинства женщин. Все равно как если бы птица знала все о том, как есть любые зерна и злаки, кроме ячменя, — ну разве не абсурд? Хранительницы Мудрости, впрочем, рожали детей, однако и они ничего не говорили о...

Внезапно все мысли о ребенке, как и о последствиях направления Силы, и о том, что знают или не знают Айз Седай, были буквально вытолкнуты из ее головы. Илэйн ощутила, как кто-то направляет *саидар*. Это была не Авиенда и не кто-либо в окрестных горах; это вообще был кто-то находящийся

вдали от нее. Это происходило очень далеко и напоминало маяк, пылающий в ночи на отдаленной вершине горы. Очень далекой горы. Илэйн не могла даже представить, какое количество Единой Силы следовало направлять, чтобы она почувствовала это на таком расстоянии. Каждая женщина в мире, способная направлять, должна была почувствовать это и безошибочно указать направление.

Маяк горел где-то на западе. Ничто не изменилось в ощущении ее связи с Рандом; она по-прежнему не могла сказать точно, где он находится.

— Он в опасности, — сказала

Илэйн. — Мы должны идти к нему, Авиенда.

Авиенда вздрогнула и перестала смотреть на запад. Сияние по-прежнему окружало ее, и Илэйн чувствовала, что та зачерпнула из Источника сколько могла. Но когда Авиенда повернулась к ней, девушка ощутила, что количество *саидар*, которое та черпала, уменьшилось.

— Нет, мы не должны этого делать, Илэйн.

Пораженная, она повернулась в седле, чтобы взглянуть на подругу.

— Ты предлагаешь *оставить* его? Оставить его вот с *этим*? — Никто, даже самый сильный круг, не в состоянии совладать с таким

количеством *саидар* без посторонней помощи. Должен был существовать *са'ангриал*, гораздо более мощный, чем все когда-либо созданные, и если верно то, что она слышала, с его помощью возможно справиться с этим. Возможно. Но исходя из того, что Илэйн слышала, ни одна женщина не может использовать его и остаться в живых, если у нее не было *тер'ангриала*, сделанного специально для этой цели, а она не знала никого, кто бы слышал о таком *тер'ангриале*. Наверняка ни одна Сестра не стала бы даже пытаться, если бы и нашла его. Такое количество Единой Силы могло сровнять с землей горные хребты

одним ударом! Ни одна Сестра не стала бы пытаться, исключая, возможно, кого-нибудь из Черных Айя. Или, еще хуже, кого-нибудь из Отрекшихся. Что же еще это *могло* быть? И Авиенда предлагает просто *проигнорировать* это, когда она *знает*, что Ранд там?

Ни о чем не подозревающие телохранительницы терпеливо ждали в седлах, оглядывая кромку леса, окружающего луг, и не очень беспокоясь из-за задержки, последовавшей после теплого приема в имении. Впрочем, Касейлле поглядывала на Илэйн и Ави-енду, и из-под забрала ее шлема виднелись озабоченно нахмуренные брови. Она

знала, что они никогда не мешкали, открывая врата. Люди из Материна окружили свою вьючную лошадь, указывая пальцами на свертки и, очевидно обсуждая, не забыли ли они чего-нибудь. Авиенда подъехала еще ближе к Илэйн и вполголоса произнесла:

— Мы не знаем ничего, Илэйн. Не знаем, затеял ли Ранд танец копий или еще что-нибудь. Если он устроил танец копий, а мы вмешаемся в середине схватки, не ударит ли он прежде, чем нас узнает? Не отвлечем ли мы его, поскольку он не ожидает нас увидеть? Вдруг из-за этого враги одержат верх? Если Ранд умрет, мы найдем тех, кто отнял у

него жизнь, и убьем их, но если мы отправимся к нему сейчас, то пойдем вслепую и можем принести с собой беду.

— Мы будем соблюдать осторожность, — упрямо сказала Илэйн. Ее приводило в ярость собственное упрямство и то, что она позволила себе показать его; но все, что она могла, это постараться овладеть своими эмоциями, чтобы те не полностью взяли над ней верх. — Нам не обязательно Перемещаться прямо на то место. — Нащупав в висевшем у нее на шее мешочке маленькую фигурку сидящей женщины, вырезанную из кости, Илэйн выразительно посмотрела на

янтарную брошь своей сестры. — О Авиенда, у нас же есть *анг-риалы*, мы не так уж беззащитны. — О Свет, теперь ее голос звучал раздраженно! Она очень хорошо понимала, что несмотря на все *свои ангриалы*, обе окажутся не сильнее, чем мухи, пытающиеся бороться с лесным пожаром, если предстанут перед тем, что они ощущали. Ну и пусть, даже укус мухи в подходящий момент может все повернуть по-другому. — И не говори мне, что я не должна подвергать опасности ребенка. Мин предсказала, что малышка родится красивой и здоровой. Ты сама мне это говорила. А это значит, что я доживу по крайней мере до того дня,

когда моя дочь родится. — Илэйн надеялась, что у нее будет дочь.

Сердцеед улучил момент, чтобы укусить серую кобылу Авиен-ды, Сисвай не замедлила с ответом, и какое-то время Илэйн была слишком занята, умиряя своего мерина, помогая Авиенде удержаться в седле и объясняя Касейлле, что им не нужна помощь. Под конец она уже не чувствовала в себе прежнего упрямства. Она испытывала лишь желание отхлестать Сердцееда промеж ушей.

Не считая попыток заставить свою лошадь слушаться повода, Авиенда держалась так, словно ничего не произошло. Правда, ее

лицо, окаймленное темной шерстью шали, было слегка нахмурено, словно она испытывала неуверенность, но эта неуверенность не имела никакого отношения к лошади.

– Помнишь, я рассказывала тебе о кольцах в Руидине? – медленно проговорила она, и Илэйн нетерпеливо кивнула. Каждая женщина, которая хочет стать Хранительницей Мудрости, должна перед началом обучения пройти сквозь *тер'ангриал*. Это нечто вроде того *тер'ангриала*, который использовался в Белой Башне для испытания послушниц, перед тем как произвести их в Принятые, за исключением того, что в

тер'ангриале Руидина женщина видит всю свою будущую жизнь. Точнее, все свои возможные жизни, результаты каждого принятого решения, бесконечный расходящийся веер жизней, в зависимости от каждого сделанного ею выбора. — Никто не может вспомнить все, что видел, Илэйн, лишь кусочки и обрывки.

Я знала, что люблю Ранда ал'Тора, — она иногда все еще испытывала неловкость, называя его при других только по имени, — и что я обрету названных сестер — его других жен. В большинстве случаев не остается ничего, кроме расплывчатых ощущений. Может

быть, иногда намек или предостережение. Мне кажется, что если мы пойдем к нему сейчас, случится что-то очень плохое. Может быть, одна из нас умрет; возможно, умрем мы обе, несмотря на то что предсказала Мин. — То, что Авиенда произнесла имя Мин без замешательства, показывало, насколько она взволнована. Она не очень хорошо знала Мин и обычно называла ту по всей форме, Мин Фаршав. — Возможно, умрет он сам. А может быть, случится что-то еще. Я не знаю наверняка; может, конечно, мы все останемся живы и будем сидеть с ним у костра и жарить *пекара*. Но я чувствую

проблеск предупреждения в своей голове.

Илэйн сердито открыла рот, но она снова закрыла его. Гнев утекал из нее, как вода сквозь дыру, и ее плечи поникли. Возможно, Ави-енда и правда видела отблеск, возможно — нет, но факт оставался фактом: ее доводы были обоснованы с самого начала. Идти, не зная, куда идешь, — большой риск, и такой риск мог принести большое несчастье. Маяк засиял еще ярче. И *он* был там, прямо в том месте, где пылал огонь. Узы не могли сказать ей об этом, расстояние было слишком велико, но Илейн знала. И она знала, что должна предоставить Ранду самому

заботиться о себе, пока она заботится об Андоре.

– Не мне учить тебя тому, что значит быть Хранительницей Мудрости, Авиенда, – тихо сказала она. – Ты и так гораздо мудрее, чем я. Не говоря уже о том, что ты храбрее и рассудительнее. Мы возвращаемся в Кэймлин.

Авиенда слегка зарделась от похвалы – иногда она бывала очень чувствительной, – но, не теряя больше времени, начала открывать ворота; вид на конюшни Королевского Дворца появился в воздухе, и сквозь раскрывшийся проем снег с горного луга упал на чисто выметенные каменные плиты, словно между

ними и не было трехсот с лишним миль. Ощущение Бергитте, находившейся где-то во дворце, вспыхнуло внутри Илэйн. У Бергитте болела голова и были нелады с желудком, что в последнее время было не редкостью, но это вполне соответствовало настроению Илэйн.

Я должна предоставить ему самому заботиться о себе, думала она, проезжая сквозь врата. О Свет, как часто ей приходилось смиряться с этой мыслью! Ну и пусть! Ранд был любовью ее сердца и радостью ее жизни, но Андор был ее долгом.

Глава 11. Разговоры о долгах

Врата располагались так, что казалось, будто Илэйн выезжает на выложенную каменными плитами площадку, для безопасности обставленную наполненными песком бочонками, прямо из широкого дверного проема в стене. Как ни странно, она не ощущала во дворце ни единой женщины, направляющей Единую Силу, хотя здесь жило более ста пятидесяти женщин, обладавших подобной способностью. Разумеется, кто-то из них мог находиться внутри, слишком далеко, чтобы она что-либо

почувствовала, если они не образовывали круг, а некоторые могли быть вообще за пределами городских стен, однако хоть кто-нибудь во дворце почти всегда использовал *саидар* – тогда, чтобы вынудить одну из пленных *сул'дам* признать, что она может видеть плетения, а когда просто чтобы разгладить складки на шали, не утруждая себя разогреванием утюга. Однако этим утром все было не так. Нетерпимость Ищущих Ветер обычно не уступала худшим из Айз Седай, однако даже они, должно быть, были подавлены тем, что ощущали. Илэйн казалось, что если она взберется повыше и выглянет из

окна, то наверняка увидит плетения этого гигантского маяка, несмотря на сотни лиг, разделявшие их. Она чувствовала себя муравьем, который только что осознал существование гор; муравьем, сравнивающим Хребет Мира с теми холмиками, которые он всегда держал в страхе. Да, даже Ищущие Ветер должны были показаться себе ничтожными перед лицом такого.

В восточном крыле дворца, выходя на север и юг двухэтажными строениями из белоснежного камня, располагались Королевские Конюшни. Они традиционно отводились для личных лошадей и карет королевы, и Илэйн немного

колебалась: стоит ли их использовать до того, как Львиный Трон будет признан за ней. Шаги, ведущие к трону, требовали не меньшей осторожности, чем па придворного танца; и даже если танец временами начинал напоминать кабацкую драку, ступать тем не менее следовало с точностью и изяществом, если она хотела достичь своей цели. Присвоение привилегий правителя до того, как подтверждено право на них, стоило некоторым женщинам шанса встать у кормила власти. Но в конце концов она все же решила, что в данном случае это не будет таким уж превышением ее прав, чтобы показаться с ее стороны излишней

самонадеянностью. Кроме того, Королевские Конюшни были невелики и все равно никак не использовались, зато здесь было и меньше людей, которых следовало держать в стороне от открывающихся врат. Сейчас, когда Илэйн выехала на мощный камнем двор, он был почти пуст, не считая единственного конюха в красной куртке, стоявшего у одной из высоких арочных дверей конюшни. Он тут же повернулся и крикнул внутрь несколько слов, и пока она уводила Сердцееда с размеченной бочками площадки для Перемещения, изнутри высыпало еще несколько дюжин любопытных. В конце концов, она могла вернуться и

в сопровождении влиятельных лордов и леди, или, по крайней мере, они так считали.

Касейлле вывела гвардейцев из врат и приказала части из них спешиться и позаботиться о лошадях. Сама она с полудюжиной человек осталась в седле, глядя поверх голов пеших. Даже здесь она не оставит Илэйн без охраны. Особенно здесь, где ту поджидало гораздо больше опасностей, чем в любом из имений, которые она посетила. Люди из Материна кругами ездили по двору, натываясь на конюхов и женщин-гвардейцев, глаза на обступавшие двор белокаменные балконы и колоннады и видневшиеся поодаль

шпили и золотые купола. Здесь было не так холодно, как в горах — то, что Касейлле не позволяла холоду прикасаться к ней, насколько сейчас могла, не значило, что она совсем его не замечает, — но изо ртов людей и лошадей все же вырывались прозрачные облачка пара. Запах конского навоза тоже казался сильнее на фоне чистого горного воздуха. Горячая ванна и ревущее пламя камина сейчас были бы очень кстати. Позже ей придется снова погрузиться в хлопоты по завоеванию трона, но прямо сейчас ей просто необходимо как следует отмокнуть.

Пара конюхов подбежала к

Сердцееду; женщина взяла его за повод, торопливо присев перед Илэйн, более озабоченная тем, чтобы рослый мерин не выкинул какого-нибудь коленца, пока та спешивается, чем соблюдением церемоний, а мужчина склонился перед ней в поклоне и застыл так, сложив руки стременем, чтобы Илэйн, спешиваясь, могла поставить на них ногу. Никто не разглядывал удивленно покрытый снегом горный луг, видневшийся в том месте, где обычно видели каменную стену. Работники конюшен уже успели привыкнуть к вратам. Илэйн слышала, что они зарабатывают себе выпивку в тавернах рассказами о

том, как часто у них на глазах используют Силу, и о вещах, производимых с ее помощью, которые они якобы видели. Илэйн могла себе представить, как разрастутся подобные слухи к тому времени, когда дойдут до Аримиллы. Она с удовольствием посмотрела бы на Аримиллу, грызущую ногти.

Не успела Илэйн поставить ногу на камни мостовой, как ее тут же окружила группа телохранительниц в малиновых шляпах с белыми плюмажами на широких полях, и с отороченными кружевом широкими малиновыми шарфами, вышитыми Белыми Львами, наискось пересекающими их ярко начищенные

кирасы. Лишь теперь Касейлле повела остатки эскорта Илэйн к конюшням. Сменившие их часовые были не менее бдительны, их глаза рыскали во всех направлениях, а руки нащупывали рукоятки мечей — не считая Дени, крупной женщины со спокойным лицом, державшей в руке длинную окованную медью дубину. Их было только девять — *только девять*, с горечью подумала Илэйн. *Мне требуется всего лишь девять телохранительниц, и это в самом Королевском дворце!* — однако каждая из них великолепно управлялась со своим мечом. Женщины, избравшие «ремесло меча», как называла это Касейлле,

должны быть мастерами своего дела, иначе рано или поздно их сразит какой-нибудь бугай, просто благодаря превосходству в физической силе. Дени не очень-то ловко владела мечом, однако те немногие, кто отважился испробовать ее дубины, горько сожалели об этом. Несмотря на некоторую полноту, Дени была очень проворной и вдобавок лишенной малейшего представления о том, что значит драться по правилам или понарошку.

Расория, коренастая женщина в чине подлейтенанта, которая была за старшую, очевидно, испытала облегчение, когда конюхи увели Сердцееда. Если бы

телохранительницам Илэйн
позволили действовать по своему
усмотрению, никому, кроме них
самых, не позволялось бы
приближаться к госпоже на
расстояние вытянутой руки. Ну,
может быть, это некоторое
преувеличение, но они с
подозрением смотрели почти на всех,
исключая Бергитте и Авиенду.
Расория, которая была тайренкой,
несмотря на голубые глаза и
золотистые коротко стриженные
волосы, была в этом отношении
одной из самых нетерпимых: она
настаивала даже на том, чтобы
установить наблюдение за поварами,
которые готовили для Илэйн еду, и

пробовать каждое блюдо, прежде чем его подадут на стол. Илэйн не протестовала, хотя их рвение и казалось ей излишним. Одного раза, когда ей подсунули отравленное вино, было более чем достаточно; даже сейчас, когда она знала, что доживет по крайней мере до родов. Но теперь нечто совсем иное заставило ее поджать губы. Илэйн увидела Бергитте, прокладывавшую себе путь сквозь заполнявшую конюшни толпу, и направлявшуюся отнюдь не к ней.

Авиенда, разумеется, появилась во вратах последней, убедившись, что все прошли, и не успела она закрыть врата, как Илэйн бросилась

к подруге так внезапно, что эскорту пришлось чуть ли не на ходу восстанавливать кольцо вокруг нее. Однако как ни быстро она двигалась, Бергитте, со своей длинной золотистой косой, спускающейся до талии, первой добралась до цели. Она помогла Авиен-де спешиться и передала ее серую кобылу длиннолицему конюху, ноги которого, казалось, не уступали в длине ногам Сисвай. Авиен-де всегда было гораздо труднее слезть с лошади, чем взобраться на нее; но у Бергитте на уме было не только помочь ей спешиться. Илэйн и ее эскорт успели как раз вовремя, чтобы услышать, как она тихо и

торопливо расспрашивает Авиенду:

— Она пила козье молоко? А спала достаточно? Ее самочувствие... — Под конец ее голос стал совсем неразличимым, и Бергит-те глубоко вздохнула, прежде чем повернуться к Илэйн, внешне спокойная и ни капли не удивленная тем, что обнаружила ту прямо у себя за спиной. Узы доносили ощущения в обе стороны.

Бергитте не была крупной, хотя в своих сапогах на высоких каблуках казалась выше Илэйн, почти такой же высокой, как Авиенда. Обычно она держалась с потрясающей выправкой, причем впечатление только усиливал ее мундир Капитан-

Генерала Гвардии Королевы — короткая красная куртка со стоячим белым воротником, выпущенная поверх просторных синих штанов, заправленных в сияющие черные сапоги; на левом плече красовались четыре золотых банта, а на каждом из белых отворотов рукава — по четыре золотых галуна. В конце концов, она ведь была Бергитте Серебряный Лук — героиня, вышедшая из легенды. И старалась поддерживать репутацию, созданную легендами, хотя и заявляла, что эти истории сильно раздуты, а то и вовсе придуманы. Тем не менее это все же была та самая женщина, которая совершила все те деяния, что лежали

в основе легенд, и еще многое другое. Сейчас, несмотря на внешнюю собранность, по узам текло ее беспокойство за Илэйн вкупе с головной болью и сильной изжогой. Она очень хорошо знала, насколько Илэйн ненавидит, когда о ней наводят справки у нее за спиной. Это было не единственной причиной озабоченности Илэйн, но благодаря узам Бергитте знала, насколько та была расстроена.

Авиенда, спокойно разматывая на голове шаль и накидывая ее себе на плечи, пыталась принять вид человека, который не делал ничего плохого, даже не помышляет о подобном. И это бы ей удалось, если

бы она не раскрывала глаза так широко. Бергитте плохо влияла на Авиенду в некоторых отношениях.

— Я пила козье молоко, — сказала Илэйн спокойным тоном, попутно отмечая, как кольцо гвардейцев окружает их троицу: лицами наружу, глаза обшаривают двор, балконы и крыши, и каждая несомненно слушает, о чем они говорят. — И я достаточно спала. Хочешь ли ты спросить *меня* еще о чем-нибудь? — Щеки Авиенды слегка порозовели.

— Думаю, я получила ответы на все вопросы, которые меня сейчас волнуют, — ответила Бергитте, совершенно не смутившись, на что тщетно надеялась Илэйн. Бергитте

знала, что она устала, и знала, что она солгала, сказав, что спала достаточно.

Иногда узы оказываются решительно неудобной вещью. Она вчера вечером выпила всего лишь полкубка сильно разбавленного вина, но именно *ее* сейчас начинали мучить похмельная головная боль Бергитте да еще изжога той в придачу. Ни одна из Айз Седай, с которыми Илэйн разговаривала об узах, не упоминала ни о чем подобном, но они с Бергитте часто отражали физическое и эмоциональное состояние друг друга. Особенно серьезную проблему представляло собой последнее, это

когда ее настроение вдруг решало покачаться на качелях. Иногда Илэйн удавалось стряхнуть или выпихнуть это из себя, но сегодня она знала, что ей придется страдать, пока Бергитте не Исцелят. Она думала, что подобное отражение происходило из-за того, что они обе были женщинами. До сих пор никто не слышал о том, что возможно связать узами другую женщину. По правде говоря, немногие знали об этом и сейчас, а некоторые из тех, кто знал, очевидно, не верили. Страж – всегда мужчина, так же как бык – всегда самец. Все знают это, и лишь очень немногим приходит в голову, что «общеизвестное» заслуживает более

пристального изучения.

Будучи пойманной на лжи, в то время как сама пыталась следовать предписанию Эгвейн – жить так, как если бы она уже дала Три Клятвы, – Илэйн почувствовала потребность защищаться, что придало ее голосу резкости.

– Дайлин уже вернулась?

– Нет, – ответила Бергитте так же резко, и Илэйн вздохнула. Дайлин покинула город задолго до появления армии Аримиллы, взяв с собой Реанне Корли, чтобы создавать врата, и от ее возвращения зависело очень многое. От тех вестей, которые она принесет. И принесет ли она еще что-нибудь, кроме вестей?

Выбор правителя Андором, был по существу довольно простым делом. В королевстве насчитывалось более четырех сотен Домов, но лишь девятнадцать из них были достаточно сильными, чтобы вести за собой других. Обычно все девятнадцать стояли за Дочь-Наследницу, по крайней мере большинство из них, если только она не была совсем уж непригодна для короны. Дом Мантир уступил трон Тра-канду после смерти Мордреллейн только потому, что Тигрейн, Дочь-Наследница, исчезла, а в доме Мантир остались одни мальчики. И еще потому, что Моргейз Траканд склонила на свою сторону тринадцать Домов. Согласно

закону и обычаю, достаточно было десяти из девятнадцати, чтобы взойти на трон. Даже те претендентки, которые считали, что имеют право на корону, обычно присоединялись к остальным или по крайней мере умолкали и оставляли свои попытки после того, как их соперницу поддерживали десять Домов.

Положение Илэйн и без того было достаточно шатким, когда у нее имелись три признанных соперницы, но теперь Ниан и Эления присоединились к Аримилле Марне, у которой из всех троих были наименьшие шансы на успех, а это означало, что у Илэйн было всего два

Дома против шести — хоть и достаточно больших, чтобы с ними считались; Материн и остальные восемнадцать, которые она посетила, были слишком малы, — ее собственный Траканд и Тара-вин, Дом Дайлин. О разумеется, Дайлин уверяла, что Каранд, Кое-лан и Реншар будут на стороне Илэйн, а с ними и Норвелин, и Пен-дар, и Траймане, но первые три хотели видеть на троне саму Дай-лин, а трое последних, по всей видимости, просто впали в ступор. Дайлин, впрочем, оставалась тверда в своей преданности и без усталости трудилась на пользу Илэйн. Она была непоколебимо уверена, что

некоторые из Домов, не выступившие ни на чьей стороне, можно уговорить поддержать Илэйн. Разумеется, Илэйн не могла обратиться к ним сама, но это могла сделать Дайлин. Но сейчас положение становилось отчаянным. Шесть Домов поддерживали Аримил-лу, и лишь глупец будет сомневаться в том, что она закинула удочку и в остальные. Или в том, что некоторые из них присоединятся лишь потому, что на ее стороне уже шесть Домов.

Несмотря на то что Касейлле и ее гвардейцы покинули конюшню, Илэйн и остальным пришлось прокладывать себе путь сквозь толпу.

Люди из Материна наконец слезли со своих лошадей, но по-прежнему крутились вокруг них, роняя алебарды и поднимая их лишь для того, чтобы вновь уронить, и пытались распрячь свою лошадь прямо в конюшне. Один из юнцов ловил по всей конюшне цыпленка, который каким-то образом умудрился вырваться на волю и теперь бегал под копытами лошадей, причем какой-то старик издавал ободряющие возгласы, хотя было непонятно, относились ли они к юнцу или к цыпленку. Знаменщик с выдубленным непогодой лицом и немногочисленными седыми волосами на голове, в выцветшей

красной куртке, с трудом сходящейся на животе, пытался восстановить порядок с помощью одного из офицеров, немногим младше его — оба они, по-видимому, вернулись после отставки, подобно многим другим, — но тут еще один из юнцов, похоже, решил ввести свою потрепанную лошаденку прямо во дворец, и Бергитте пришлось приказать ему посторониться, чтобы Илэйн могла пройти. Парень, которому от силы было лет четырнадцать, воззрился на Бергитте так же широко раскрытыми глазами, какими разглядывал дворец. Она была, несомненно, более живописной в своем мундире,

нежели Дочь-Наследница в простом дорожном платье, и кроме того, Дочь-Наследницу он уже раньше видел. Расория подтолкнула паренька в сторону знаменщика, сердито качая головой.

— Разрази меня гром, если я знаю, что с ними делать, — проворчала Бергитте, когда горничная в красной с белым ливрее взяла у Илэйн плащ и перчатки в маленьком вестибюле. Маленьким он был в масштабах Королевского дворца. Уставленный высокими золотыми подсвечниками, мерцающими между узких желобчатых белых колонн, он составлял половину главного

вестибюля поместья Материн, хотя его потолок был не столь высоким. Еще одна горничная с Белым Львом, вышитым слева на груди ее платья (ей было не больше лет, чем парню, пытавшемуся ввести лошадь во дворец) поднесла им плетеный серебряный поднос с высокими дымящимися кубками, наполненными горячим вином с пряностями. Однако разом нахмуренные брови Авиенды и Бергитте заставили ее отступить назад. — Треклятые юнцы засыпают на карауле, — продолжала Бергитте, хмурясь вслед удаляющейся девушке. — Старики, правда, не спят, но половина из них уже не помнит,

что они, Свет их испепели, должны делать, если увидят, что кто-то пытается взобраться на треклятую стену, а остальные не справятся с шестеркой пастухов и их собакой.

Авиенда, взглянув на Илэйн, подняла бровь и кивнула.

– Они здесь не для того, чтобы сражаться, – напомнила Илэйн, когда подруги тронулись вдоль по коридору, выложенному синими плитками и уставленному по сторонам высокими светильниками с отражателями; Авиенда и Бергитте шли по бокам от нее, а гвардейцы – в нескольких шагах впереди и позади. *О Свет*, подумала

Илэйн, *да я бы даже не*

прикоснулась к этому вину! Боль пульсировала в одном ритме с Бергитте, и она дотронулась до виска, думая, не отправить ли Стража искать Исцеления немедленно.

У Бергитте, однако, на уме было иное. Она взглянула на Расо-рию и других двигавшихся впереди, затем оглянулась через плечо и приказала тем, кто шел сзади, немного отстать. Это было странно. Она сама отбирала каждую женщину в Гвардию и доверяла им как никому другому. Но сейчас, даже после того как те исполнили ее приказ, она заговорила торопливым полусшепотом, приблизив голову

вплотную к Илэйн.

— Что-то произошло, перед самым твоим возвращением. Я как раз спрашивала Сумеко, не сможет ли она Исцелить меня пока ты не вернулась, а она неожиданно упала в обморок. Глаза у нее закатились, и она рухнула на пол. И если бы только она одна. Никто, конечно, ни в жизнь не признается, особенно мне, но те из Родни, кого я видела, только что из шкур не выпрыгивали, да и Ищущие Ветер тоже. Ни одна из них и плюнуть бы не смогла, если бы захотела. Ты вернулась раньше, чем я успела разыскать кого-нибудь из Сестер, но подозреваю, что они вряд ли бы приняли меня приветливо. Ну,

тебе-то они расскажут, в чем тут дело.

Для обслуживания дворца требовалось столько людей, что можно было бы заселить большую деревню; и им уже начали попадаться слуги, мужчины и женщины в ливреях, спешащие куда-то по коридорам; они распластывались по стенам или ныряли в соседние помещения, чтобы дать дорогу Илэйн с ее эскортом, так что той пришлось объяснить Бергитте то небольшое, что она знала, по возможности тихо и немногословно. Некоторые слухи, которым она не придавала значения, просачивались на улицы и

неизбежно достигали ушей Ари-миллы; но ведь и сплетни о Ранде, после того как они будут извращены и раздуты несколькими пересказами, могли оказаться не лучше сплетен об Отрекшихся. Даже хуже, ведь никто и не поверит, что Отрекшийся захочет посадить ее на трон как свою марионетку.

— В любом случае, — закончила Илэйн, — к нам это никак не относится.

Она считала, что ее заявление прозвучало очень убедительно, холодно и беспристрастно, однако Авиенда протянула руку и сжала ее предплечье, что для айилки было равносильно утешающему объятию,

учитывая, сколько людей на них смотрит, а по узам к ней хлынуло сочувствие Бергитте. Это было больше чем сострадание; это было понимание женщины, которая сама понесла ту потерю, какой боялась Илэйн, и даже большую. Гайдал Кейн был потерян для Бергитте так же, как если бы был мертв, и мало того, воспоминания о прежних жизнях постепенно выветривались из ее памяти. Она не помнила отчетливо почти ничего, что случилось до основания Белой Башни, да и последующие события помнила далеко не все. Иногда по ночам Бергитте не могла спать от страха, что Гайдал тоже исчезнет из ее

памяти, и она не будет даже помнить, как знала и любила его; и тогда, чтобы заснуть, ей приходилось накачиваться бренди до отказа. Это был не лучший выход, и Илэйн хотелось бы ей помочь, однако она знала, что ее собственные воспоминания о Ранде не умрут, пока не умрет она сама, и не могла даже представить себе такого ужаса — знать, что эти воспоминания могут покинуть ее. Однако сейчас она все же надеялась, что кто-нибудь Исцелит похмельную голову Бергитте, иначе ее собственная голова расколется как перезрелая дыня. Ее способностей к Исцелению не хватило бы для выполнения такой

задачи, и Авиенда могла здесь помочь не больше.

Несмотря на переполнявшие Бергитте эмоции, лицо ее было спокойным.

– Отрекшиеся, – пробормотала она холодно. И тихо. Такие вещи не стоило произносить громко. – Что ж, если это к нам никак не относится, то тем лучше, чтоб мне сгореть! – Хриплый звук, который мог быть смехом, показывал, что она не верит в это. Однако несмотря на то что Бергитте утверждала, будто никогда прежде не была солдатом, у нее был солдатский взгляд на вещи. Пусть у тебя остался даже единственный шанс, но порученное дело

необходимо исполнить. — Интересно, что *они* думают об этом? — прибавила Бергитте, кивая на четырех Айз Седай, которые как раз в эту минуту вышли им навстречу из поперечного коридора.

Вандене, Мерилилль, Сарейта и Кареане шли, сбившись в кучку, а точнее — последние три образовывали группу вокруг Вандене; наклонившись к ней, они о чем-то говорили, возбужденно жестикулируя, отчего бахрама их шалей развевалась. Вандене медленно скользила по коридору, словно была одна, и не обращала на них внимания. Она всегда была худощавой, но сейчас темно-зеленое

платье, расшитое цветами на рукавах и плечах, висело на ней так, словно было сшито для более полной женщины, а седые волосы, собранные пучком на затылке, явно нуждались в щетке. Ее лицо было мрачным, но вполне возможно, что это не имело никакого отношения к тому, что говорили ей собеседницы. Радость покинула ее с тех пор, как была убита ее сестра. Илэйн могла поклясться, что и платье на ней раньше тоже принадлежало Аделис. После убийства сестры Вандене носила ее платья чаще, чем свои. Кстати, они были примерно одной комплекции, но аппетит Вандене исчез вместе с ее сестрой. С того

времени у нее вообще исчез вкус ко многим вещам.

Сарейта, Коричневая Сестра со смуглым квадратным лицом, еще не тронутым безвозрастностью, первой заметила Илэйн и положила свою ладонь на руку Вандене, словно желая увлечь ее обратно в коридор, из которого они вышли. Но та отмахнулась, бросив лишь мимолетный взгляд на Илэйн, и заскользила дальше мимо нее, направляясь в коридор, из которого та вышла. Две женщины в белой одежде послушниц, которые следовали за Сестрами на почтительном расстоянии, поспешно присели в реверансе перед

оставшимися тремя и заторопились
вслед за Вандене. Мерилилль,
миниатюрная женщина, темно-серое
платье которой придавало
кайриэнской бледности ее лица
оттенок поделочной кости,
посмотрела ей вслед, словно хотела
тоже последовать за ней. Кареане
поправила шаль с зеленой бахромой
на своих плечах, которые были шире,
чем у большинства мужчин, и
обменялась с Сарейтой парой тихих
слов. Они обе повернулись к Илэйн,
когда та приблизилась к ним,
приседая перед ней не менее
глубоко, чем послушницы перед
ними. Мерилилль вдруг заметила
женщин-гвардейцев и удивленно

моргнула; затем увидела Илэйн и вздрогнула. *Ее* реверанс также не уступал реверансам послушниц.

Мерилилль носила шаль уже более сотни лет, Кареане – свыше пятидесяти, и даже Сарейта носила ее дольше, чем Илэйн Тра-канд, но старшинство среди Айз Седай определялось могуществом в Силе, а ни одна из троих не поднималась в этом отношении выше среднего уровня. В глазах Айз Седай превосходство в Силе если и не прибавляло мудрости, то по крайней мере делало более весомым мнение. Если разница в Силе была существенной, твое мнение становилось командой. Порой Илэйн

казалось, что подход Родни к вопросу о старшинстве был лучше.

– Я не знаю, что происходит, – сказала она, прежде чем кто-либо из остальных Айз Седай успел открыть рот, – но мы ничего не можем с этим поделать, поэтому нам лучше не беспокоиться об этом вовсе. У нас достаточно своих дел, и не будем забивать себе голову вещами, которые мы не можем изменить.

Расория вполоборота повернула к ней голову, хмурясь и, очевидно, пытаясь вникнуть, но эти слова изгнали беспокойство из темных глаз Сарейты. Возможно, оно не покинуло ее полностью, поскольку ее руки двигались, словно

разглаживая коричневые юбки, однако Сарейта явно обрадовалась возможности переложить руководство на сестру, стоящую так высоко, как Илэйн. Порой все же есть некоторое преимущество в ее положении: можно пресечь все возражения одной фразой. Кареане уже снова обрела невозмутимость, если вообще теряла ее. Невозмутимость очень подходила ей, хотя она была похожа скорее на возчика, чем на Айз Седай, даже несмотря на шелковое платье с зелеными разрезами и гладкое, бронзовое, лишенное возраста лицо. Во всяком случае, Зеленая держалась лучше, чем Коричневая. Мерилилль

вовсе не выглядела невозмутимой. Широко открытые глаза и полураскрытые губы придавали ей испуганный вид. Впрочем, это было ее обычное выражение лица.

Илэйн пошла по коридору дальше, надеясь, что они тоже отправятся по своим делам, однако Мерилилль пристроилась вслед за Бергитте. Серая Сестра должна бы была верховодить ими, но у нее была склонность ждать, пока кто-нибудь не скажет ей, что делать. Поэтому она с готовностью подвинулась, когда Сарейта вежливо попросила Бергитте немного отойти, чтобы дать ей место. Сестры были безукоризненно вежливы со Стражем

Илэйн, когда та выступала в роли Капитан-Генерала. Они пытались игнорировать лишь Бергитте-Стража. Авиенда, однако, не дождалась подобной вежливости от Кареа-не — та просто отпихнула ее локтем, протискиваясь между ней и Илэйн. Любая из тех, кто не обучался в Белой Башне, была дичком по определению, а Кареане таких презирала. Авиенда поджала губы; впрочем, она не стала вытаскивать из-за пояса свой нож и даже не намекнула, что может сделать это, за что Илэйн была ей благодарна. Ее названная сестра бывала временами несколько... опрометчива. Но если подумать, она простила бы Авиенду,

если бы та поступила сейчас немного необдуманно. Обычай запрещал ей грубость по отношению к другим Айз Седай при любых обстоятельствах, но Авиенда могла изрыгать проклятия и размахивать ножом сколько душе угодно. Этого бы вполне хватило, чтобы заставить троицу удалиться, пусть даже и со скандалом. Кареане, по-видимому, не заметила направленного на нее холодного пристального взгляда зеленых глаз.

— Я говорила Мерилилль и Сарейте, что мы ничего не можем с этим сделать, — спокойно произнесла она. — Но не должны ли мы приготовиться бежать, на случай

если оно приблизится к нам? Вовсе не стыдно бежать от *этого*. Даже если мы составим круг, то будем перед этим все равно что мошки, борющиеся с лесным пожаром. Вандене даже не соизволила меня выслушать.

— Мы действительно должны сделать какие-то приготовления, Илэйн, — отсутствующим тоном проговорила Сарейта; было похоже, что одновременно она составляет у себя в голове какие-то списки. — Если не предусмотреть всего, потом всегда жалеешь. В здешней библиотеке есть несколько книг, которые нельзя оставлять ни в коем случае. Думаю, некоторых из них не

найти и в библиотеке Башни.

— Это правда, — Мерилилль говорила задыхающимся голосом, в котором было столько же беспокойства, как и в ее больших черных глазах. — Действительно, мы должны быть готовы бежать. Возможно... возможно, нам не стоит даже ждать. Я уверена, что вынужденное бегство не будет рассматриваться как нарушение соглашения. Уверена, что нет.

Бергитте кинула на нее взгляд; всего лишь один взгляд, но она вздрогнула.

— Если мы уйдем, — продолжала Кареане, словно Мерилилль и не открывала рта, — нам придется взять

с собой всю Родню. Только позволь им рассыпаться, и лишь один Свет знает, что они станут делать и когда нам удастся снова изловить их, особенно теперь, когда некоторые из них научились Перемещаться. – В ее голосе не было желчи, хотя из всех Сестер во Дворце лишь Илэйн знала плетения Перемещения. Видимо, для Кареане имело какое-то значение то, что женщины Родни начинали в Белой Башне, даже несмотря на то что большинство потом выгнали, а остальные сбежали сами. Она лично опознала не меньше четырех из них, включая одну беглую. Но по крайней мере они не были дичками.

Сарейта, однако, поджала губы.

Ей не нравилось, что некоторые женщины Родни умели сплетать врата, и вообще ее понятия о Родне были совсем другими. Обычно она выражала свое неудовольствие лишь нахмуренными бровями или презрительной гримасой, после того как Илэйн высказывала свой взгляд на вещи; но напряжение сегодняшнего утра, по-видимому, развязало ей язык.

— Нам и впрямь надо взять всех с собой, — сказала она язвительно, — не то не успеют они скрыться с наших глаз, как тут же начнут заявлять, что они Айз Седай. Женщина, которая утверждает, что ее отослали из Башни больше трехсот лет назад,

может сказать все что угодно! За ними нужно хорошенько присматривать, вот что я вам скажу, а не обхаживать и потакать им, особенно тем, кто может Перемещаться. Может, они пока что и действуют по твоей указке, Илэйн, но как долго это продлится? Настанет день, когда одна из них пойдет куда-нибудь и не вернется обратно. Попомни мои слова, если одна из них сбежит, остальные тоже ненадолго задержатся здесь, и мы останемся с полными руками такой грязи, от которой нам будет никогда не отмыться.

— У нас нет причин никуда уходить, — твердо сказала Илэйн,

обращаясь одновременно и к женщинам-гвардейкам. Далекий маяк оставался на том же месте, где она впервые почувствовала его, а если даже и сдвинулся, то очень маловероятно, что он направляется к Кэймлину, а уж тем более что он доберется досюда. Но одного слуха, что Айз Седай собираются бежать, хватит, чтобы породить настоящую панику. Толпы людей, чтобы поскорее добраться до ворот, полезут по головам друг друга, едва лишь услышав о том, что городу угрожает опасность, которой боятся Айз Седай. Даже если город отдать на разграбление целой армии, и то не будет такого опустошения. А эти трое

болтают здесь языками, словно вокруг нет никого, кроме гобеленов! Мерилилль еще можно было как-то извинить, но не остальных. — Мы останемся здесь, как велела Амерлин, до тех пор, пока она не отдаст другой приказ. К женщинам Родни будут по-прежнему относиться с полным уважением, до тех пор, пока их не пригласят обратно в Башню, и это тоже приказ Амерлин, как вам очень хорошо известно. И вы будете продолжать обучение Ищущих Ветер и станьте вести себя так, как подобает Айз Седай. Мы существуем для того, чтобы защищать людей и помогать им справляться со своими страхами, а не затем, чтобы

распространять бессмысленные сплетни и сеять панику.

Возможно, она была немного жесткой с ними. Сарейта вперила взор в плиты пола, как послушница, получившая выговор. Мерилилль еще раз вздрогнула при упоминании Ищущих Ветер, но этого можно было ожидать. Другие тоже давали им уроки, но с Мерилилль Морской Народ обращался как с каким-нибудь юнгой. Она спала в их комнатах и обычно появлялась в сопровождении одной или двух из них, причем те шли впереди, а она смиренно следовала за ними по пятам. Они отказывались принимать от нее что-либо, кроме смирения.

— Разумеется, Илэйн, — поспешно проговорила Кареане. — Разумеется. Никому из нас и в голову не могло прийти нарушать приказы Амерлин. — В растерянности она начала расправлять на плечах свою шаль с зеленой бахромой, с виду полностью занятая тем, чтобы складки легли как надо. Впрочем, она успела с сожалением взглянуть на Мерилилль. — Но, говоря о Морском Народе, не могла бы ты сказать Вандене, чтобы она тоже приняла участие в уроках? — Илэйн ничего не отвечала, и в голосе Кареане прорезались нотки, которые можно было бы назвать упрямыми, не будь она Айз Седай. — Вандене

говорит, что слишком занята со своими двумя беглянками, но, однако, у нее находится время, чтобы беседовать со мной ночи напролет, пока я не засыпаю от усталости. Это парочка и без того уже так запугана, что если их платья загорятся, они даже не вскрикнут. Они не нуждаются в ее присмотре. Пусть она тоже займется обучением этих несносных дичков. Вандене тоже должна вести себя как Айз Седай!

Хоть Кареане и стояла с потупленными глазами, сейчас она кинула на Илэйн ненавидящий взгляд, который в первый момент не смогла притушить. Именно Илэйн заключила соглашение, по которому

Айз Седай стали обучать Ищущих Ветер, однако сама она пока что умудрилась дать лишь несколько уроков, ссылаясь на другие, более неотложные дела. Кроме того, Морской Народ смотрел на сухопутного учителя как на наемника, даже если это была Айз Седай, как на прислугу, стоящую ниже последнего поваренка. Как на поваренка, который пытается от работы отлынивать. Илэйн до сих пор думала, что Найнив ушла только затем, чтобы избежать этих уроков. Разумеется, никто не ожидал, что окажется в положении Мерилилль, однако даже несколько отдельных уроков были достаточно

мучительными.

— Ох, нет, Кареане, — вставила Сарейта, все еще избегая взгляда Илэйн. И Мерилилль. По ее мнению, Серая сама впуталась в это затруднительное положение и поэтому вполне заслужила, что из этого вышло, но все же она старалась не посыпать солью ее раны. — Вандене вне себя от горя из-за смерти сестры, а Кирстиан и Зария помогают ей отогнать тяжелые мысли. — Что бы Сарейта ни думала об остальных женщинах Родни, она признавала, что Зария была беглянкой из Башни, не могла не признать, поскольку та была одной из тех, кого опознала Кареане. Что

же до Кирстиан, то если та лгала, то собственная ложь заставит ее расплатиться сполна. С беглянками обращались не очень-то ласково. — Я тоже сидела с ней часами, и она не говорит почти ни о чем, кроме Аделис. Словно бы хочет добавить мои воспоминания к своим. Я думаю, ей необходимо дать столько времени, сколько нужно, а эти двое так часто помогают ей справляться с одиночеством! — Искоса взглянув на Илэйн, она перевела дыхание. — Однако обучение Ищущих Ветер — это действительно... требует усилий. Возможно, это время от времени поможет ей побороть свое уныние, хотя бы тем, что она разозлится. Ты

не согласна, Илэйн? Всего лишь урок-другой, время от времени?

– Вандене будет предоставлено столько времени, сколько ей нужно, сколько она сама пожелает горевать о понесенной утрате, – сказала Илэйн ровным тоном. – И это не подлежит дальнейшему обсуждению.

Кареане тяжело вздохнула и снова поправила свою шаль. Сарейта легко вздохнула и стала крутить кольцо Великого Змея на указательном пальце левой руки. Возможно, они почувствовали ее настроение, а возможно, просто ни одну из них не ожидала в ближайшем будущем новая встреча с Ищущими Ветер. Вечно удивленное выражение

лица Мерилилль не изменилось, но с другой стороны, ее встречи с Морским Народом все равно будут продолжаться день и ночь, разве что Илэйн найдет способ как-то вытащить ее, — а Ищущие Ветер выказывали все меньше и меньше желания отпускать Мерилилль, как бы Илэйн ни старалась.

По крайней мере ей удалось не быть с ними резкой. Это потребовало некоторого усилия, особенно в присутствии Авиенды. Илэйн не знала, что бы она стала делать, если бы потеряла сестру. Вандене не просто горевала о сестре — она искала убийц Аделис, и не ясно, что убийцей была Мерилилль Синдевин,

либо Кареане Франси, либо Сарейта Томарес. Кто-то из них, или, еще хуже, все вместе. Трудно поверить, что это Мерилилль, в ее теперешнем состоянии, но столь же трудно заподозрить и остальных. Как рассказывала Бергитте, один из самых худших Друзей Темного из всех встреченных ею во времена Троллоковых войн был с виду кроток как ягненок и вздрагивал при резких звуках. Что не помешало ему отравить источники воды в целом городе. Авиенда предлагала подвергнуть всех троих допросу, что привело Бергитте в ужас; но сама Авиенда испытывала теперь значительно меньше благоговения

перед Айз Седай, чем раньше. До тех пор, однако, пока не будет получено свидетельств вины одной из них, необходимо соблюдать надлежащую вежливость. Потом, конечно, никакой вежливости уже не будет.

— О! — сказала Сарейта, внезапно просветлев. — А вот и капитан Меллар. Он снова показал себя героем, пока тебя не было, Илэйн.

Авиенда схватилась за рукоять своего поясного ножа, а Бергит-те напряглась. Лицо Кареане стало очень спокойным и очень холодным, и даже Мерилилль ухитрилась изобразить неодобрительное высокомерие. Ни одна из них не делала секрета из того, что им не

нравится Дойлин Меллар.

Узколиций капитан не был красив или даже привлекателен, однако он двигался с гибкой грацией фехтовальщика, говорившей о физической силе. В качестве капитана телохранителей Илэйн он носил полагающиеся ему по рангу три золотых банта, которые были прикреплены к обоим плечам его ярко начищенной кирасы. Несведущему наблюдателю могло бы показаться, что он стоит по рангу выше, чем Бергитте. Каскады снежно-белых кружев на его воротнике и манжетах были вдвое пышнее и длиннее, чем у любой из женщин-гвардейцев, но он снова

пренебрег нагрудной лентой, возможно из-за того, что та закрывала золотые банты на одном плече. Капитан заявлял, что мечта его жизни — командовать охраной Илэйн, однако частенько рассказывал о сражениях, в которых участвовал как наемник. Его послушать, так он никогда не был в числе побежденных, и победа часто являлась результатом его невоспетых подвигов на поле брани. Капитан сорвал с себя шляпу с белым плюмажем, склонившись в глубоком изысканном поклоне, ловко придерживая меч свободной рукой, а затем согнулся уже не так низко перед Бергитте, приложив руку к

груди в знак приветствия. Илэйн изобразила на лице улыбку.

— Сарейта говорит, вы опять доказали свою храбрость, капитан Меллар. Как это случилось?

— Я всего лишь исполнял свой долг по отношению к моей королеве. — Несмотря на тон, в котором звучало самоуничижение, его ответная улыбка была более теплой, чем это полагалось. Половина придворных считала его отцом ребенка Илэйн. То, что она не опровергала этих сплетен, по-видимому, пробуждало в нем определенные надежды. Улыбка, впрочем, не затронула его темных глаз. Они оставались холодны как

смерть. — Исполнять свой долг перед вами — для меня удовольствие, моя королева.

— Капитан Меллар возглавил вчера еще одну вылазку, не имея на то приказаний, — сказала Бергитте намеренно ровным тоном. — На этот раз схватка едва не достигла Фар-Мэддингских ворот, которые он приказал держать открытыми до своего возвращения.

Илэйн почувствовала, как у нее каменеет лицо.

— О нет, — запротестовала Сарейта. — Все было совсем не так. Сотня дружинников лорда Луана пыталась ночью добраться до города, но они опоздали, и их застиг рассвет.

На них набросились люди лорда Насина, в три раза превосходящие их числом. Если бы капитан Меллар не открыл ворота и не вышел бы им на подмогу, их всех искромсали бы в куски прямо под стенами города. Фактически он спас для вас восемьдесят бойцов.

Улыбаясь, Меллар нежился в лучах похвалы Айз Седай, словно и не слышал критического высказывания Бергитте. Разумеется, он не замечал и неодобренных взглядов Кареане и Мерилилль. Он всегда умудрялся не замечать неодобрения.

— Как вы узнали, что это люди лорда Луана, капитан? — спокойно

спросила Илэйн. Скупая улыбка, которая должна была бы предупредить Меллара, возникла на лице Бергитте. Впрочем, он был из тех, кто не верил, что она Страж Илэйн. А даже если бы и верил, немногие, кроме Айз Седай и самих Стражей, знали, что означает эта связь. В любом случае, выражение лица Меллара стало лишь еще более самодовольным.

— Я не смотрел на знамена, моя королева. Нести знамя может кто угодно. Но в свою зрительную трубу я разглядел Джурада Акка-на. Аккан — человек Луана до кончиков ногтей. Стоило мне узнать его... — он сделал небрежное движение, взмахнув

белой кипенью кружев. – Остальное было не более чем небольшой разминкой.

– А привез ли этот Джурад Аккан какое-нибудь послание от лорда Луана? Какое-нибудь письмо с подписью и печатью, подтверждающее, что дом Норвелин поддерживает Траканд?

– При нем не было письменного подтверждения, моя королева, но, как я уже сказал...

– Лорд Луан не является моим сторонником, капитан. Улыбка Меллара несколько угасла. Он не привык к тому, чтобы его обрывали.

– Но, моя королева, леди Дайлин

говорила, что Луан уже почти в вашем лагере. И появление Аккана, несомненно, само по себе служит доказательством...

— Само по себе это еще не доказывает ничего, капитан, — холодно произнесла Илэйн. — Возможно, лорд Луан и окажется в конце концов в моем лагере, но пока он не подтвердил этого, а вы посадили мне на шею восемьдесят человек, за которыми нужно следить. — Восемьдесят из ста. А сколько *ее* людей он потерял? И ведь при этом рисковал Кэймлином, чтоб ему сгореть! — Если у вас нашлось время чтобы, помимо выполнения ваших прямых обязанностей, водить

моих телохранителей на вылазки, у вас без сомнения найдется время и для того, чтобы установить за ними наблюдение. Я не могу пожертвовать для этого ни одним человеком со стен. Поставьте мастера Аккана и его людей муштровать тех новобранцев, которых я привела из имений. Это займет их на большую часть дня, но я возлагаю на вас заботу о том, чтобы они держались подальше от стен. И следите, чтобы они не создавали нам проблем в остальное время. Я надеюсь, что так и будет, капитан. Вы можете заняться этим прямо сейчас.

Меллар ошеломленно воззрился на нее. Илэйн еще ни разу не

устраивала ему выволочку, и это капитану не понравилось, особенно в присутствии стольких свидетелей. Теплая улыбка исчезла без следа. Его рот дернулся, в глазах зажегся опасный огонек. Но у него не было выбора — резко склонившись в поклоне, Меллар хрипло проговорил: «Как прикажете, моя королева» и удалился, держась как по возможности непринужденнее. Не отойдя и на три шага, впрочем, он зашагал по коридору с таким видом, словно готов смести с пути любого, кто попадется ему навстречу. Надо будет предупредить Расорию, чтобы поостереглась. Он может попытаться выместить свою ярость на тех, кто

присутствовал при его унижении. Мерилилль и Кареане обменялись почти одинаковыми кивками; они давно желали, чтобы Меллар получил отповедь, а еще лучше — чтобы его выгнали вон из дворца.

— Даже если он поступил неправильно, — осторожно сказала Сарейта, — а я не уверена, что это так, капитан Меллар спас тебе жизнь, рискуя своей, Илэйн, тебе и леди Дайлин. Так ли необходимо было отчитывать его на глазах у всех?

— Не думай, что я не плачу своих долгов, Сарейта, — Илэйн почувствовала, как Авиенда схватила ее за одну руку, а Бергитте за другую. Она ответила обоим легким

пожатием. Когда ты окружен врагами, так хорошо знать, что рядом находятся сестра и друг. — Я собираюсь сейчас принять горячую ванну, и если никто из вас не хочет потерять мне спину...

Они были способны понять, когда их выпроваживали, и удалились с большим изяществом, чем капитан Меллар. Кареане и Сарей-та уже обсуждали, захотят ли сегодня Ищущие Ветер учиться или нет, а Мерилилль пыталась смотреть сразу во всех направлениях, в надежде первой заметить Ищущих Ветер, чтобы успеть скрыться. Однако о чем они будут говорить, когда окажутся наедине? О том, что Илэйн

поссорилась с отцом своего ребенка?
О том, что им удалось скрыть свою
причастность к убийству Аделис?

*Я всегда плачу свои долги,
подумала Илэйн, глядя им вслед. И
помогаю друзьям заплатить свои.*

Глава 12. Сделка

Добраться до ванны оказалось несложно, хотя Илэйн пришлось подождать в коридоре, хмуро разглядывая резных львов на дверях своих апартаментов, среди мигающих на сквозняке высоких светильников, пока Расория и две телохранительницы обшаривали помещение. Когда они наконец удостоверились, что ни в одном из углов не затаился убийца, и расставили стражу в коридоре и передней, Илэйн было позволено войти. В комнате ее ждала седовласая Эссанде, а с ней Нарис и

Сефани, две молодые камеристки, которых та обучала. Эссанде, с Золотой Лилией Илэйн, вышитой слева на груди, была худощава и держалась с царственным величием, усугубленным ее сдержанной манерой двигаться; впрочем, причиной последнего в некоторой степени были ее возраст и больные суставы, что она отказывалась признавать. Нарис и Сефани были сестрами. Крепкие, со свежими лицами и с робким взглядом, гордые своими ливреями и счастливые тем, что их выбрали для услужения леди вместо мытья полов в коридорах, они испытывали не меньшее благоговение перед Эссанде, чем

перед Илэйн. Можно было найти и более опытных служанок, женщин, которые долгие годы проработали во дворце, но как ни печально, девушки, бравшиеся за любую работу, какую могли найти, были безопаснее.

Две медные ванны стояли поверх нескольких слоев тряпок, настеленных на розовые плиты пола вместо скатанного теперь ковра, — доказательство того, что весть о прибытии Илэйн неслась впереди нее. У слуг был нюх на все происходящее во дворце, какому могли бы позавидовать «глаза-и-уши» Башни. Благодаря ярко пылавшему огню в камине и плотным ставням на окнах комната

была теплой по сравнению с коридорами, и Эссанде, едва увидев, что Илэйн входит в комнату, бегом послала Сефани за горячей водой. Воду слуги приносили в бадьях с двойными стенками, закрыв крышкой, чтобы вода не остыла, пока ее несут из кухни. Однако небольшая задержка все же была, пока телохранительницы проверяли бадьи на предмет спрятанных в воде ножей.

Авиенда посмотрела на вторую ванну почти с таким же сомнением, с каким Эссанде смотрела на Бергитте. Первая женщина все еще чувствовала беспокойство при мысли, что ей придется буквально входить в воду, а вторая до сих пор не могла

смириться с тем, что при купании должен присутствовать кто-то сверх необходимого числа слуг. Однако седовласая камеристка не стала терять времени, спокойно пригласив Илэйн и Авиенду в гардеробную, где в широком мраморном камине тоже был разложен огонь, чтобы нагреть воздух. Илэйн с огромным облегчением позволила Эссанде снять с себя дорожную одежду. Как хорошо, что ей не нужно торопливо мыться, а потом разыгрывать непринужденность и уверенность, беспокоясь в душе, сможет ли она вовремя добраться до следующего поместья. Конечно, да поможет ей Свет, у нее еще масса всяких забот и

проблем. Но сейчас Илэйн была дома, а это кое-что да значило. Она почти забыла об этом маяке, горящем на западе. Почти. То есть, по правде говоря, она о нем совсем не забыла, но как-то ухитрилась перестать дергаться из-за него и не думать о маяке постоянно.

Когда они были раздеты (Авиенда отталкивала руки Нарис и сама снимала свои ожерелья, изо всех сил делая вид, что Нарис здесь просто нет, а ее одежда каким-то образом спадает с нее сама по себе), когда они были закутаны в вышитые шелковые халаты, а их волосы подвязаны белыми полотенцами (Авиенда трижды пыталась сама

обвязать голову полотенцем, и лишь после того, как все сооружение рухнуло ей на плечи в третий раз, позволила Нарис сделать это, бормоча что-то насчет того, что совсем расклеилась и что скоро ей нужны будут помощники, чтобы завязывать шнурки), Илэйн начала хохотать, и Авиенда присоединилась к ней, откинув голову назад, так что Нарис пришлось начинать все сначала. К тому времени как все это было сделано и они вернулись в спальню, обе ванны были уже полны и аромат розового масла, добавленного в воду, плыл в воздухе. Мужчины, приносившие воду, уже, конечно, ушли, и Сефани ждала с

закатанными выше локтей рукавами на случай, если они захотят, чтобы им потерли спину. Бергитте сидела на выложенном бирюзой сундуке в ногах кровати, поставив локти на колени.

Илэйн позволила Эссанде снять с себя светло-зеленый расшитый ласточками халат и немедленно опустилась в ванну, по шею погрузившись в воду, которая еще немного — и была бы слишком горячей. Ее колени высывались из воды, но большая часть тела находилась в тепле, и она вздохнула, почувствовав, как усталость утекает, и на смену ей приходит приятная расслабленность. Горячая вода — это,

возможно, величайший из даров цивилизации.

Воззрившись на вторую ванну, Авиенда вздрогнула, когда На-рис попыталась снять с нее ее бледно-лиловый халат, расшитый на широких рукавах цветами. Тем не менее скорчив гримасу, она все же позволила ей сделать это и осторожно ступила в воду. Она выхватила мыло из рук Сефани и принялась энергично намыливаться сама. Энергично, но очень аккуратно, чтобы через край ванны не выплеснулась даже ложка воды. Айил использовали воду для мытья, а также в палатках-парильнях, чтобы смыть с себя жидкое мыло, которое

они делали из растущего в Пустыне жирнолиста, однако грязная вода тщательно собиралась и использовалась для полива посевов. Илэйн показывала ей два огромных резервуара под Кэйм-лином, которые наполнялись из подземных источников и были так велики, что дальняя их стена терялась в лесу толстых колонн и теней; однако засушливая Пустыня стала частью природы Авиенды.

Игнорируя недовольные взгляды Эссанде – та редко произносила хоть на два слова больше, чем необходимо, и считала, что во время мытья вообще разговаривать не стоит, – Бергитте болтала, пока

девушки мылись, хотя и следила за тем, что говорит, помня о присутствии Нарис и Сефани. Вряд ли их подкупил какой-либо из других Домов, но то, что служанки болтливы не меньше слуг, было почти традицией. Некоторые слухи, однако, стоило распространять. В основном Бергитте рассказывала о двух больших торговых караванах, прибывших вчера из Тира, фургоны которых проседали под тяжестью зерна и солонины, и еще об одном караване — из Иллиана, с маслом, солью и копченой рыбой. Всегда стоило лишний раз напомнить людям, что съестные припасы продолжают поступать в город. Лишь

немногие купцы отваживались путешествовать по дорогам Андора зимой, и никто не возил столь дешевый товар, как провизия, однако умение создавать переходные врата означало, что Аримилла может перехватывать все караваны, какие захочет, но ее войска все же начнут голодать задолго до того, как Кэймлин почувствует первые признаки голода. Ищущие Ветер, которые открывали большинство этих врат, доносили, что Благородный Лорд Дарлин, объявивший себя ни больше ни меньше как Наместником Дракона Возрожденного в Тире, был осажден в Тирской Твердыне теми лордами,

которые хотели окончательно изгнать его из Тира. Но даже они вряд ли попытались бы прекратить выгодную торговлю зерном, особенно после того, как поверили, что женщины Родни, сопровождавшие Ищущих Ветер, были Айз Седай. Не то чтобы их сознательно пытались обмануть, но для женщин Родни, прошедших испытания на Принятых до того, как тех изгнали из Башни, изготовили кольца Великого Змея, и кое-кто просто вывел из этого неверные заключения.

Еще немного, и вода начнет остывать, решила Илэйн. Она взяла у Сефани мыло с ароматом роз и разрешила Нарис потереть себе

спину щеткой на длинной ручке. Если бы были новости о Гавине или Галаде, Бергитте упомянула бы о них сразу же. Ей так же хотелось этих новостей, как и Илэйн, и она не стала бы держать их при себе. Гавин возвращается – вот такой слух они с радостью услышали бы на улицах города. Бергитте хорошо исполняла свои обязанности Капитан-Генерала, и Илэйн собиралась оставить ее на этой должности, если та не против. Но, если бы у них был Гавин, это позволило бы обоим немного расслабиться. Большинство солдат в городе были наемниками, и их едва хватало, чтобы обеспечить надежную охрану ворот и расставить на

нескольких милях стены вокруг Нового Города. Однако их все же насчитывалось более тридцати отрядов, и у каждого имелся свой капитан, неизбежно исполненный самодовольства, одержимый чувством собственного превосходства и готовый в мгновение ока затеять ссору при любых признаках неуважения, выказанного другим капитаном. Гавин всю свою жизнь учился командовать армиями. Он мог бы взять забияк на себя, предоставив Илэйн заботы о безопасности трона.

Кроме того, ей просто хотелось, чтобы он держался подальше от Белой Башни. Она молилась, чтобы

хоть одному из ее гонцов удалось пробраться к Гавину, чтобы он уже ушел далеко вниз по реке. Эгвейн со своей армией осаждала Тар Валон более недели, и было бы жесточайшим поворотом судьбы, если бы Гавин оказался в ловушке между своей клятвой защищать Башню и своей любовью к Эгвейн. Хуже того, однажды он уже преступил эту клятву, или по крайней мере сделал шаг в сторону измены, ради любви к сестре и, возможно, ради любви к Эгвейн. Если Элайда хотя бы заподозрит, что Гавин помог Суан бежать, все доверие, которого он добился, помогая ей стать Амерлин вместо

Суан, испарится как капля росы. Если он к этому моменту будет в пределах досягаемости Элайды, то сам окажется в темнице, и счастье еще, если избежит казни. Илэйн не осуждала его решения помогать Элайде; в то время он не знал достаточно, чтобы сделать другой выбор. Многие из Сестер тоже были в замешательстве из-за происходящего тогда. Многие из них находятся в замешательстве до сих пор. Могла ли она требовать, чтобы Гавин видел то, чего не увидели Айз Седай?

Что же до Галада... Пока они росли во дворце, он не нравился ей, и разумеется, в свою очередь,

испытал неприязнь к ней, и особенно к Гавину. Галад питал надежды на то, что однажды станет Первым Принцем Меча, до тех пор, пока не родился Гавин. Самые ранние воспоминания Илэйн рисовали его как мальчика-юношу (он уже тогда вел себя скорее как отец или дядя, чем брат), дающего Гавину первые уроки фехтования. Она помнила, как боялась, что Галад раскроит Гавину голову учебным клинком. Но он никогда не шел дальше ссадин и синяков, неизбежных при обучении владению мечом. Галад всегда знал, что правильно, а что нет, и собирался поступать правильно, независимо от

того, чего это стоило кому-либо, включая и его самого. О Свет, он начал войну, чтобы помочь ей и Найнив выбраться из Самары, и вряд ли он не знал, на что идет, с самого начала! Галаду нравилась Найнив, по крайней мере в то время – вряд ли можно предположить, что он до сих пор испытывает к ней те же чувства, будучи Белоплащником, который к тому же Свет знает где находится и чем занимается, – но на самом деле он развязал эту войну, чтобы выручить свою сестру. Илэйн не простила ему того, что он стал Чадом Света, она не могла этого одобрить, однако надеялась, что он в безопасности и у него все хорошо.

Илэйн надеялась также, что он нашел дорогу домой, в Кэймлин. Вестям о нем она бы обрадовалась почти так же, как и вестям о Гавине. Это удивляло ее саму, но тем не менее.

— Пока тебя не было, прибыли еще две Сестры. Они в «Серебряном лебеде». — В устах Бергитте это прозвучало так, словно они просто остановились в гостинице, потому что во дворце заняты все кровати. — Зеленая с двумя Стражами и Серая — с одним. Они пришли порознь. И в этот же день ушли Желтая и Коричневая, так что там по-прежнему десять Сестер. Желтая двинулась на юг, к Фар Мэддингу.

Коричневая направилась на восток.

Сефани, которая терпеливо стояла рядом с ванной Авиенды, ничем не занятая, переглянулась с сестрой поверх головы Илэйн с довольной улыбкой. Как и многие в городе, они знали наверняка, что присутствие Айз Седай в «Серебряном лебеде» означает, что Белая Башня поддерживает Илэйн и Дом Траканд. Эссанде, как ястреб наблюдавшая за девушками, кивнула; она тоже знала это. Каждый подметальщик улиц и тряпичник был в курсе, что в Башне произошел раскол, однако это название по-прежнему имело вес и внушало представление о силе, которая

никогда не терпела поражения. Каждый знал, что Белая Башня оказывала поддержку всем истинным королевам Андора. В действительности большинство Сестер хотело видеть на троне королеву, которая была бы одновременно Айз Седай, – которая впервые за тысячу лет со времен Разлома Мира была бы открыто известна как Айз Седай. Однако Илэйн не удивилась бы, узнав, что в лагере Аримиллы тоже есть Сестра, благоразумно держащаяся в тени. Белая Башня никогда не ставила все свои деньги на одну лошадь, если исход забега не был предрешен.

– Достаточно, не надо больше

тереть, — сказала Илэйн, раздраженно уворачиваясь от щетки. Хорошо вышколенная девушка положила щетку на скамеечку и подала госпоже большую иллианскую губку, которой та начала смывать с себя мыло. Хотелось бы ей *самой* знать, что означало присутствие этих Сестер в городе. Они были как песчинка, попавшая в туфлю, такая маленькая, что трудно представить, чтобы от нее было какое-то беспокойство, однако чем дольше она там оставалась, тем больше казалась. Сестры в «Серебряном лебеде» уже превратились в увесистый камень, благодаря лишь одному своему

присутствию.

С тех пор как Илэйн прибыла в Кэймлин, число Сестер в гостинице постоянно менялось: каждую неделю несколько человек съезжало и несколько прибывало им на смену. Осада ничего не изменила; солдаты, окружившие Кэймлин, выказывали не больше желания препятствовать Айз Седай идти куда той хочется, чем мятежные лорды в Тире. Красные Сестры тоже были в городе некоторое время, они искали мужчин, направлявшихся в Черную Башню. Но чем больше они узнавали, тем более недовольными становились, и последняя пара покинула город через день после

того, как Аримилла появилась под стенами. За каждой Айз Седай, вступающей в город, велось пристальное наблюдение, и никто из Красных не приближался к «Серебряному лебедю», так что было не похоже, чтобы Сестры, останавливавшиеся там, были посланы Элайдой, чтобы похитить Илэйн. По какой-то причине она вдруг представила себе маленькие группки Айз Седай, разбросанные от Запустения до моря Штормов, и постоянные потоки Сестер, перетекающие от одной группы к другой, собирая информацию и делясь ей. Странная мысль. Сестры использовали «глаза-и-уши», чтобы

наблюдать за тем, что происходит в мире, и редко делились друг с другом тем, что узнали, если не было непосредственной угрозы самой Башне. Можно было подумать, что Сестры, останавливавшиеся в «Лебеде», пытались держаться в стороне от неурядиц в Башне, выжидая, пока Эгвейн или Элайда не разберутся наконец с Престолом Амерлин, чтобы уже потом примкнуть к победительнице. Это было неверно — Айз Седай должна отстаивать то, что считает правильным, не заботясь о том, победит ли сторона, которую она выбрала! — однако эти Сестры беспокоили Илэйн по другой

причине.

Недавно один из ее соглядатаев в «Лебеде» подслушал некое имя, которое одна Сестра произнесла вполголоса, а другая тут же ее оборвала, словно боялась шпионов. Кадсуане. Имя не из самых обычных. Кадсуане Меледрин была тесно связана с Рандом, пока тот находился в Кайриэне. Вандене была не очень высокого мнения об этой женщине, называя ее самоуверенной и упрямой, но Кареане чуть в обморок не падала от страха, едва услышав ее имя. Истории, окружавшие Кадсуане, были достойны войти в легенды. Попробовать одной левой справиться с Драконом Возрожденным – как раз

подходящая задача для Кадсуане Меледрин. Не то чтобы Илэйн сильно беспокоили взаимоотношения Ранда с любой из Айз Седай, не считая того, что он мог вывести ее из себя до потери самообладания — этот мужчина иногда был настолько тупоголов, что не понимал, что для него хорошо, а что нет! — Но с чего вдруг какая-то из Сестер в Кэймлине стала бы упоминать ее имя? И почему другая оборвала подругу?

Несмотря на горячую воду, Илэйн поежилась, думая о всей той паутине, которую Белая Башня плела на протяжении веков, столь тонкой, что никто не мог ее увидеть, кроме

самых Сестер, которые плели ее, столь запутанной, что никто, кроме этих Сестер, не мог разобраться в ее изгибах. Башня плела свою паутину, каждая Айя плела свою паутину, каждая Сестра в отдельности делала это. Временами эти хитросплетения перетекали друг в друга, словно направляемые одной рукой. Временами они разрушали друг друга. Именно так мир принимал свою теперешнюю форму в течение трех тысячелетий. А сейчас Башня разделилась на три примерно равные части, одна треть была за Эгвейн, вторая – за Элайду, а последняя оставалась в стороне. Если при этом вторая и третья сообщались друг с

другом, обменивались информацией – строили планы? – то последствия могли быть...

Внезапный взрыв голосов, приглушенный закрытой дверью, заставил Илэйн выпрямиться в ванне. Нарис и Сефани с визгом кинулись друг к дружке и крепко схватились за руки, глядя на дверь широко раскрытыми глазами.

– Кровь и пепел, какой растреклятый... – Бергитте сорвалась со своего сундука и пулей вылетела из комнаты, захлопнув за собой дверь. Голоса стали выше.

Было непохоже, что телохранительницы с кем-то дерутся, они лишь спорили на пределе своих

ГОЛОСОВЫХ СВЯЗОК, и узы доносили в основном гнев и смятение, наряду с этой ужасной головной болью, однако Илэйн выбралась из ванны и протянула руки, чтобы Эссанде накинула на нее халат. Спокойствие седовласой служанки, а возможно, и спокойствие самой Илэйн, подействовало на молоденьких камеристок, они даже покраснели, когда Эссанде взглянула на них, однако Авиенда выпрыгнула из своей ванны, расплескивая воду, и мокрая ринулась в гардеробную. Илэйн ожидала, что она вернется со своим поясным ножом, но вместо этого та появилась на пороге, окруженная сиянием *саидар* и держа в одной руке

янтарную черепашку. Другой она протягивала Илэйн тот *ангриал*, который носила в мешочке у себя на поясе – старинную резную статуэтку из драгоценной кости, изображавшую женщину, прикрытую лишь собственными волосами. Не считая полотенца на голове, Авиенду покрывали только капельки воды, и она яростно отмахнулась от Сефани, когда та попыталась надеть на нее халат. С ножом или без ножа, Авиенда по-прежнему держалась так, словно собиралась сражаться с клинком в руке и нуждалась в свободе движений.

– Отнеси это обратно в гардеробную, – сказала Илэйн,

протягивая Эссанде костяной *ангриал*. — Авиенда, я все же не думаю, что нам...

Дверь приоткрылась, и в проеме показалось хмурое лицо Бер-гитте. Нарис и Сефани так и подпрыгнули, несмотря на то, что, казалось, совсем успокоились.

— Зайда хочет видеть тебя, — прорычала Бергитте. — Я сказала ей, что придется немного подождать, но... — внезапно вскрикнув, она шатнулась вперед, в комнату, с трудом удержав равновесие лишь после двух шагов, и повернулась лицом к женщине, которая толкнула ее.

Госпожа Волн клана Кателар и

бровью не повела. Она спокойно вошла в комнату, с болтающимися у коленей концами завязанного замысловатым узлом красного кушака, сопровождаемая двумя Ищущими Ветер, одна из которых закрыла дверь прямо перед разъяренным лицом Расории. Все трое при ходьбе слегка покачивались, почти так же, как Бергитте в своих сапожках на высоких каблуках. Зайда была низкорослой, с редкими седыми прядками в курчавых волосах, но ее темное лицо было из тех, что с годами становятся еще красивее, и красота лишь усиливалась благодаря золотой цепочке, увешанной маленькими

медальонами, которая соединяла одну из массивных золотых серег в ухе с кольцом в носу. Что было более существенно, она держалась как человек, привыкший командовать. Не настаивать на исполнении своих приказов, а просто отдавать их, зная, что они будут выполнены. Ищущие Ветер глянули на Авиенду, все еще окруженную сиянием Силы, и угловатое лицо Чанелле напряглось. Однако, если не считать вполголоса оброненного Шайлин замечания о том, что «эта айилка» готова начать плетения, они стояли молча и ждали. Восемь серег в ушах Шай-лин говорили о том, что она является Ищущей Ветер при Госпоже Волн

клана, а почетная цепь Чанелле была увешана почти таким же количеством медальонов, как и у самой Зайды. Обе они были женщинами властными и влиятельными, и это было видно по тому, как они держались и двигались; однако можно было и вовсе ничего не знать об Ата'ан Миэйр, чтобы понять с первого взгляда, что Зайда дин Парид занимает здесь первое место.

— Должно быть, сапоги подвели тебя, Капитан-Генерал, — промурлыкала она со скупой улыбкой на полных губах. Ее темная, покрытая татуировками рука поигрывала болтавшейся на груди золотой коробочкой для

благовоний. – Неудобная штука эти сапоги! – Сама она и двое Ищущих Ветер были, как всегда, босиком. Подошвы ног Ата'ан Миэйр не менее прочны, чем подметки солдатских сапог, им не страшны ни грубые доски палубы, ни холодные каменные плиты пола. Как ни странно, помимо обычных блуз и штанов из шелка и парчи ярчайших расцветок, на каждой женщине был надет широкий палантин – полоса чисто-белой материи, спускавшаяся ниже пояса и почти закрывавшая их многочисленные ожерелья.

– Я принимала ванну, – сказала Илэйн напряженным голосом. Словно они сами не видели этого,

тем более что ее волосы были подобраны вверх, а халат прилипал к мокрому телу! Эссанде почти трясло от негодования, что означало, что она была вне себя. Илэйн и сама чувствовала себя близкой к этому. — Я продолжу это занятие, как только вы уйдете. И буду говорить с вами, когда закончу принимать ванну. Если это будет угодно Свету. — Вот так! Если они решили соваться без спросу в ее комнаты, обойдутся без церемоний!

— Пусть и на тебе будет милость Света, Илэйн Седай, — спокойно ответила Зайда. Она подняла бровь, глядя на Авиенду, но вовсе не потому, что та продолжала светиться сиянием *саидар*, поскольку Зайда не

могла направлять и, соответственно, не могла видеть его; и не из-за ее наготы, поскольку Морской Народ довольно легко относился к этому, по крайней мере когда находился вдали от берега. — Ты никогда не приглашала меня разделить с тобой ванну, хотя могла бы из вежливости, но мы будем говорить не об этом. Недавно я узнала, что Неста дин Реас Две Луны мертва, убита Шончан. Мы оплакиваем эту утрату. — Все три женщины прикоснулись к своим белым накидкам и поднесли кончики пальцев к губам; однако Зай-да, казалось, так же пренебрежительно относилась к формальностям, как и Илэйн. Не повышая голоса и не

ускоряя темпа, она просто двигалась дальше, кратко и прямо к цели своего визита, что для представителя Морского Народа было почти шокирующим.

— Первые Двенадцать Ата'ан Миэйр собираются на встречу, чтобы избрать новую Госпожу Кораблей. То, что происходит на западе, говорит о том, что нам медлить нельзя. — Губы Шайлин напряглись, а Чанелле поднесла к носу свою дырчатую коробочку с благовониями, словно желая перебить запах чего-то другого. Аромат пряностей, исходивший из коробочки, был настолько острым, что проникал даже сквозь запах розового масла,

наполнявший комнату. Однако Зайде не выказывала беспокойства или чего-либо еще, только уверенность. Ее взгляд не отрывался от лица Илэйн. — Мы должны быть готовы ко всему, что бы ни ждало нас впереди, и для этого нам необходима Госпожа Кораблей. Именем Белой Башни ты обещала выделить двадцать учителей. Я не могу взять Вандене, поскольку она в скорби, или тебя, но трех других я беру с собой. Надеюсь, что Белая Башня вскоре полностью заплатит свой долг. Я послала к Сестрам в «Серебряный лебедь» узнать, не согласится ли кто-нибудь из них заплатить часть долга Башни, но у меня нет времени ждать их

ответа. Если будет угодно Свету, этим вечером я разделю ванну с другими Госпожами Волн, в гавани Иллиана.

Илэйн изо всех сил пыталась сохранить спокойное лицо. Эта женщина просто *объявляла*, что намерена забрать с собой всех Айз Седай, каких найдет в Кэймлине! И при этом в ее речи не прозвучало даже намека на то, что она собирается оставить в городе кого-нибудь из Ищущих Ветер. Сердце Илэйн упало при этой мысли. До возвращения Реанне у нее было лишь семеро из Родни, обладающих достаточной силой, чтобы сплести врата, но они даже вдвоем не могли сделать их достаточно большими,

чтобы через них проехала повозка. Без Ищущих Ветер ее планы снабжать Кэймлин из Тира и Иллиана становились в лучшем случае сомнительными. «Серебряный лебедь»! О Свет, да ведь те, кого послала Зайда, вытащат все нити ее сделки с Морским Народом! Эгвейн вряд ли поблагодарит Илэйн за то, что она позволила выставить все это на всеобщее обозрение. Пожалуй, никогда еще столько проблем не сваливалось на нее после одного коротенького заявления.

– Я скорблю о твоей утрате и об утрате Ата'ан Миэйр, – произнесла она, лихорадочно соображая. – Неста

дин Реас была великой женщиной. — Могущественной и очень сильной личностью. После своей единственной встречи с ней Илэйн была рада, что не ушла от нее тогда в одной сорочке. Кстати, о сорочках, они не могла позволить себе сейчас тратить время на одевание. Зайда могла и не захотеть ждать. Илэйн потуже затянула пояс халата. — Нам нужно поговорить. Эссанде, прикажи подать вина нашим гостям и чаю для меня. Слабого чаю, — добавила она со вздохом, почувствовав взрыв предостережения, донесшийся по узам от Бергитте. — В малой гостиной. Госпожа Волн, вы ведь присоединитесь ко мне?

К ее удивлению, Зайда лишь коротко кивнула, словно этого и ожидала. И Илэйн невольно призадумалась о роли Зайды в заключенной между ними сделке. Точнее, сделках — в действительности их было две, и это могло стать отправным пунктом.

Никто из слуг не ожидал, что малая гостиная в скором времени может кому-то понадобиться, и воздух здесь был еще холодным, даже после того, как Сефани вбежала, чтобы разжечь дубовые дрова в широком белом камине. Пламя ярко запылало, от растопки занялось большое полено, лежащее поверх решетки; женщины тем временем

рассаживались по украшенным резьбой гнутым стульям с низкими спинками, расставленным полукругом перед огнем. Точнее, рассаживались Илэйн и женщины Ата'ан Миэйр — Илэйн тщательно расправляла на коленях свой халат, жалея, что Зайда не пришла хотя бы на час попозже, чтобы она могла как следует одеться, а Ищущие Ветер, спокойно подождав, пока сядет Госпожа Волн, уселись по обе стороны от нее. Бергитте встала возле письменного стола, уперев руки в бока и расставив ноги, с лицом мрачнее грозовой тучи. По узам доносились ее эмоции, судя по всему, она испытывала сильное желание свернуть Ата'ан Миэйр шею.

Авиенда небрежно облокотилась на один из буфетов, и даже после того как Эссанде принесла ей ее халат и подчеркнуто развернула его перед ней, она лишь накинула его и приняла прежнюю позу, сложив на груди руки. Она отпустила *саидар*, но черепашка оставалась в ее руке, и Илэйн подозревала, что она готова снова обнять Источник в любой момент. Однако ни холодный взгляд зеленых глаз Авиенды, ни хмурая мина Бергитте нимало не тревожили Морской Народ. Такие уж те были.

— *Ата'ан Миэйр* было обещано двадцать учителей, — произнесла Илэйн, делая легкое ударение на первом слове. Зайда говорила так,

словно они были обещаны *ей*, и что *она* собирается взимать долг, но сделка была заключена с Нестой дин Реас. Разумеется, Зайда скорее всего считала, что именно она станет новой Госпожой Кораблей. — Хороших учителей, отобранных Престолом Амерлин. Я знаю, что Ата'ан Миэйр гордятся тем, что всегда выполняют свои обязанности, и Башня со своей стороны тоже выполнит все условия. Но ты знала, что когда здешние Сестры согласились учить вас, это было временно. Это была совсем другая сделка, заключенная помимо той, что была оговорена с Госпожой Кораблей. Ты признала это,

согласившись, чтобы Ищущие Ветер ставили врата для обеспечения Кэймлина провизией из Иллиана и Тира. Разумеется, ты не согласилась бы ввязываться в дела сухопутников по какой-либо иной причине, кроме как для того, чтобы осуществить сделку. Но теперь ты уходишь, твоя помощь заканчивается, и вместе с ней заканчивается и наше соглашение обучать вас. Боюсь, в «Серебряном лебеде» ты тоже не найдешь себе учителей. Ата'ан Миэйр придется подождать, пока им не придет учителей Престол Амерлин. В соответствии с условиями сделки, заключенной с Госпожой Кораблей. — Жаль, что она

не может потребовать, чтобы те держались подальше от гостиницы, но для этого может быть уже слишком поздно, к тому же любая причина для такого требования, какую она могла придумать, звучала бы неубедительно. Спор, окончившийся ничем из-за недостатка аргументов, лишь раззадорит Зайду. Ата'ан Миэйр были яростными спорщиками. Скрупулезными, но яростными. Ей следует продвигаться очень медленно и очень осторожно.

— Моя сестра держит тебя за ухо, Зайда дин Парид, — фыркнула Авиенда, хлопнув себя по бедрам. — А теперь пожалуй, даже подвесила за

лодыжки. – Это было наказание, принятое у Морского Народа, и она по какой-то причине находила его невероятно забавным.

Илэйн подавила взрыв негодования. Авиенда пользовалась любым случаем, чтобы щелкнуть женщин Ата'ан Миэйр по носу – она начала делать это, еще когда они бежали из Эбу Дар, и с тех пор не прекращала, – но сейчас было совсем не подходящее время для этого.

Чанелле оцепенела, ее обычно спокойное лицо озарилось яростным взглядом. Она не раз уже служила мишенью для насмешек Авиенды, включая прискорбный эпизод с *оосквай*, очень крепким айильским

напитком. Ее даже окружило сияние *саидар!* Зайда не могла видеть этого, но она знала про случай с *оосквай*, Чанелле тогда пришлось нести до кровати, и всю дорогу ее тошнило. Она повелительно подняла руку, предупреждая какие-либо действия Ищущей Ветер. Сияние исчезло, и лицо Чанелле потемнело. Возможно, это был румянец гнева.

– Все, что ты говоришь, может быть и так, – произнесла Зайда, это смахивало на оскорбление, если учесть, что было сказано Айз Седай. – Но в любом случае, Мерилилль не была включена в соглашение. Она согласилась быть одной из учителей задолго до того,

как прибыла в Кэймлин, и поэтому отправится со мной, чтобы продолжать обучение.

Илэйн перевела дыхание. Она не могла даже попытаться отговорить Зайду. Значительная часть влияния Белой Башни опиралась на то, что Башня держала свое слово так же крепко, как Морской Народ. Точнее, на то, что было широко *известно*, что Башня держит свое слово. О конечно, следовало слушать очень внимательно, чтобы быть уверенным, что Айз Седай пообещали тебе именно то, что тебе кажется, но после того как детали обещания были оговорены, оно становилось столь же нерушимым, как клятва под

Светом. По-видимому, Ищущие Ветер не собирались отпускать Мерилилль или даже выпускать ее из виду.

— Возможно, вам придется возвратить ее мне, если в ней возникнет настоящая необходимость. — То есть если Вандене и две ее помощницы обнаружат доказательства, что она Черная. — Если это произойдет, я позабочусь о замене. — Илэйн представления не имела, кем сможет заменить Мерилилль.

— До конца года она должна учить. По крайней мере год, так было сказано в соглашении. — Зайда повела рукой, словно соглашаясь на

уступку. – В любом случае, как ты должна понимать, ее замена должна прибыть до того, как она покинет нас. Я не отпущу ее, не убедившись, что ее место займет другая.

– Полагаю, это можно устроить, – спокойно ответила Илэйн. Ей, сожги ее Свет, придется это устроить, поскольку у нее не было другого выбора!

Зайда слегка улыбнулась, затягивая паузу. Чанелле пошаркала ногами, скорее от нетерпения, чем для того, чтобы подняться, но Госпожа Волн даже не пошевелилась. Очевидно, она хотела чего-то большего, возможно, намеревалась заключить другую

сделку. Кроме того, было очевидно, что она ждала, пока Илэйн заговорит первой. Илэйн, со своей стороны, приготовилась перемолчать гостью. Огонь плясал в камине, треща и рассыпая искры, улетающие в трубу; по комнате распространялось приятное тепло, но ее сырой халат вобрал в себя холод из воздуха и теперь передавал его коже. Не замечать холод — это еще ничего, но каким образом, скажите, можно не обращать внимание на то, что ты вдобавок еще и мокрая? Илэйн спокойно встретила взгляд Зайды и ответила ей такой же скупой улыбкой. Вернулась Эссанде в сопровождении Нарис и Сефани,

несущих серебряные подносы. На одном из них стояли серебряный чайник в форме льва и тонкие зеленые чашки из фарфора Ата'ан Миэйр, на другом — кованые серебряные чашки и узкогорлый кувшин для вина, распространявший аромат пряностей. Все налили себе вина, за исключением Илэйн, которой не было выбора. Она вздохнула, поглядев в свою чашку. Дно было видно очень хорошо. Чай ей сделали совсем слабым, с тем же успехом могли бы просто налить воды!

В этот момент Авиенда пересекла комнату, чтобы поставить свою чашу с вином обратно на

поднос, стоявший на буфете, и налить себе взамен чаю. Она кивнула, встретив взгляд Илэйн; ее улыбка сочетала сочувствие с попыткой показать, что девушка действительно предпочитает вину слабенький чай. Илэйн не могла не улыбнуться в ответ. Первые Сестры делят невзгоды так же, как и радости. Бергитте ухмыльнулась над своей серебряной чашей и ополовинила ее одним глотком. Узы доносили ее удивление тем, что Илэйн раздражена. А также ее головную боль, не уменьшившуюся ни на йоту. Илэйн потерла висок. Надо было настоять, чтобы Мерилилль Исцелила Бер-гитте сразу же, как

только она ее увидела. В отношении Исцеления некоторые женщины Родни превосходили Мерилилль, но из сестер во дворце она была единственной, имевшей к этому способности.

– Тебе очень нужны женщины, которые ставили бы для тебя врата, – внезапно произнесла Зайда. На ее полных губах больше не было улыбки. Она не любила, когда ей приходилось заговаривать первой.

Илэйн отхлебнула свое жалкое подобие чая, не ответив ничего.

– Возможно, Свету было бы угодно, если бы я оставила одну или двух Ищущих Ветер здесь, – продолжала Зайда. – На какое-то

время.

Илэйн наморщила лоб, призадумавшись. Ей *очень* нужны были эти треклятые женщины, и не одна или две, а гораздо больше.

– Что ты просишь взамен? – спросила она наконец.

– Одну квадратную милю земли на реке Эринин. Заметь, хорошей земли. Не болотистой или кочковатой. Она будет принадлежать Ата'ан Миэйр во веки веков. И действовать там будут наши законы, а не Андора, – добавила Зайда, словно бы между прочим.

Илэйн поперхнулась чаем. Ата'ан Миэйр терпеть не могли выходить на сушу и ненавидели, если

им приходилось удаляться от моря. А Зайда просила землю, расположенную в тысяче миль от ближайшей соленой воды! Причем требовала, чтобы территория была передана ей полностью! Кайриэн, и Муранди, и даже Алтара пролили потоки крови, пытаясь отхватить хоть кусочек Андора, и Андор пролил не меньше, чтобы отразить их покушения. Однако одна квадратная миля — это немного, и это небольшая цена за то, чтобы Кэймлин продолжал получать продовольствие. Но Илэйн не собиралась давать знать об этом Зайде. К тому же, если Морской Народ начнет торговать с Андором

непосредственно, андорские товары начнут перевозить на кораблях Ата'ан Миэйр повсюду, где они плавают, а значит — по всему миру. Зайда, разумеется, и сама все знала, но все же не стоило показывать ей, что Илэйн тоже об этом думает. Узы Стража призывали к осторожности, однако сейчас настало время для решительных действий, и Бергитте должна знать об этом лучше, чем кто-либо.

— Чай попал не в то горло. — Это не была ложь; просто уклончивость. — Квадратная миля андорской земли стоит больше, чем две Ищущих Ветер. У Ата'ан Миэйр будет двадцать учителей и еще

больше помогающих им использовать Чашу Ветров, а когда они уйдут, ты получишь двадцать человек им на смену. При тебе находится двадцать одна Ищущая Ветер. За милую андорской земли я требую их всех, плюс прислать еще двадцать одну им на смену, когда эти уйдут. И так будет в течение всего времени, пока Айз Седай обучают Морской Народ. — Теперь следовало дать понять Зайде, что это вовсе не было способом отклонить ее предложение. — Разумеется, ко всем товарам, поступающим с этой земли на территорию Андо-ра, будут применяться обычные таможенные правила.

Зайда поднесла серебряную чашку ко рту, а когда опустила ее, то на губах гостыи играла скупая улыбка. Однако Илэйн показалось, что это скорее была улыбка облегчения, чем триумфа.

— К товарам, вывозимым в Андор, но не к товарам, поступающим с реки на нашу землю. Я могу оставить тебе трех Ищущих Ветер. Скажем, на полгода. И они не должны использоваться в сражениях. Я не допущу, чтобы мои люди умирали ради твоих дел или чтобы кто-нибудь из андорцев заимел на нас зуб, если кто-нибудь из Морского Народа убьет одного из них.

— Они будут только ставить

врата, – сказала Илэйн, – однако они будут ставить их там, где мне потребуется.

О Свет! Это звучало так, словно она собиралась использовать Силу как оружие! Морской Народ делал это не задумываясь, но Илэйн из всех сил пыталась поступать так, как требовала Эгвейн, словно она уже принесла Три Клятвы. Кроме того, если бы она разнесла те биваки под стенами города с помощью *саидар*, или позволила кому-нибудь сделать это, ни один из Домов Андора не стал бы больше поддерживать ее. – Они должны оставаться при мне до тех пор, пока корона не станет моей, будет ли это через полгода или

позже. — Корона должна оказаться у нее на голове гораздо раньше, но, как говаривала ее старая нянюшка Лили, сливы считают в корзине, а не на дереве. Однако, после того как она взойдет на трон, ей больше не нужны будут Ищущие Ветер для снабжения города, и по правде говоря, она будет только счастлива увидеть их спины. — Но трех совершенно недостаточно. Тебе будет нужна Шайлин, поскольку она твоя Ищущая Ветер. Остальных я оставлю при себе.

Медальоны на цепочке Зайды слегка зазвенели, когда она покачала головой.

— Талаан и Метарра — пока еще ученицы. Они должны продолжить

обучение. У других тоже есть свои обязанности. Я могу обойтись без четырех, до тех пор пока твоя корона не будет тебе обеспечена.

С этого момента вопрос стоял только о том, чтобы выторговать побольше. Илэйн и не ожидала, что ей оставят учеников, да и на Ищущих Ветер при Госпожах Волн кланов тоже рассчитывать не приходилось. Ищущие Ветер и Господа Мечей обычно играли при своих Госпожах Волн роль приближенных советников, и для тех так же нелегко было расстаться с ними, как для нее — с Бергитте. Зай-да пыталась выговорить себе и других Ищущих Ветер, например тех, которые

служили на больших кораблях, но их оказалось слишком много, и Илэйн не согласилась, так же как не соглашалась снизить свои запросы, хотя Зайда постепенно сдавалась. Очень медленно, торгуясь из-за каждой уступки. Но все же не так медленно, как ожидала Илэйн. Очевидно, Ищущим Ветер эта сделка была необходима не меньше, чем ей женщины, способные ставить врата.

— Именем Света, договор заключен, — наконец смогла сказать Илэйн, целуя кончики пальцев на правой руке и наклоняясь вперед, чтобы приложить их к губам Зайды. Авиенда усмехнулась, этот обряд, очевидно, произвел на нее

впечатление. Лицо Бергитте оставалось спокойным, но узы сказали Илэйн, что та едва могла поверить в то, что ей удалось справиться так хорошо.

— Именем Света, договор заключен, — промурлыкала Зайда. Ее пальцы, прикоснувшиеся к губам Илэйн, были твердыми и узловатыми, несмотря на то что она уже много лет вряд ли сама бралась за веревку. Она выглядела слишком довольной для женщины, уступившей девятерых из четырнадцати Ищущих Ветер, бывших в ее распоряжении. Илэйн подумала о том, есть ли в числе этих девятерых те, чьи корабли Шончан потопили в Эбу Дар. Для

Ата'ан Миэйр потерять корабль считалось очень серьезным промахом, независимо от причины, и, возможно, этого было достаточно для того, чтобы желать оставаться некоторое время подальше от дома. Но это не имело значения.

Чанелле выглядела угрюмой, ее покрытые татуировками руки стискивали обтянутые красной парчой колени, однако не настолько угрюмой, как можно было ожидать от женщины из Морского Народа, которой придется остаться на берегу еще некоторое время. Она должна была командовать теми Ищущими Ветер, которые оставались в Кэймлине, и ей не очень-то

нравилось, что Зайда согласилась передать ее в подчинение Илэйн и Бергитте. Больше не будет Ата'ан Миэйр, разгуливающих по дворцу, словно они здесь хозяева, и отдающих распоряжения направо и налево. Но, с другой стороны, Илэйн подозревала, что Зайда пришла на эту встречу, уже зная, что ей придется оставить здесь кого-то из своих людей, а Ча-нелле предвидела, что будет командовать ими. Это, однако, вряд ли имело значение, так же как и то, какие выгоды Зайда надеялась извлечь из того, что станет Госпожой Кораблей, а то, что она видела какие-то выгоды, яснее ясного. Но главное — это что

Кэймлин не будет голодать. Это и еще... *проклятый* маяк, по-прежнему пылавший на западе. Нет, она будет королевой, она не может себе позволить себе поступать как истеричная девчонка. Кэймлин и Андор — вот все, что *должно* иметь для нее значение.

Глава 13. Верховные опоры

Зайда и две Ищущих Ветер покинули апартаменты Илэйн, исполненные достоинства и внешне неторопливые, но почти с таким же пренебрежением к церемониям, с каким и появились; на прощание они лишь выразили надежду, что Свет осияет Илэйн и что она будет жива и здорова. Для Ата'ан Миэйр это было почти все равно, что выбежать, не сказав ни слова. Илэйн решила, что если Зайда действительно намеревалась стать следующей Госпожой Кораблей, у нее скорее

всего была соперница, которую она надеялась опередить. Для Андора будет неплохо, если Зайда займет трон Ата'ан Миэйр, или как это называлось у Морского Народа. Сделка сделкой, но она всегда будет помнить, что Андор помог ей, и это им на руку. Впрочем, если она потерпит поражение, ее соперница тоже будет знать, кого поддерживал Андор. Однако не стоит забивать голову всеми «этими». Здесь и сейчас – вот о чем следует думать.

– Я, конечно, не хочу, чтобы кто-либо применял силу к посланникам, – спокойно сказала Илэйн, после того как двери закрылись за гостями, – но ведь я

желала бы, чтобы мои комнаты были защищены от вторжений. Даже послам не должно позволяться так запросто входить сюда. Я понятно выразилась?

Расория кивнула с каменным лицом, но, судя по краске, залившей ее щеки, она испытывала стыд от того, что ей пришлось допустить сюда этих женщин, не меньше, чем Бергитте; а от той по узам доносилось такое смущение, что Илэйн почувствовала, как ее собственное лицо начинает пылать.

— Вы не допустили никакой ошибки, просто постарайтесь, чтобы больше подобное не произошло. — О Свет, как глупо это звучало! — Мы не

будем больше об этом говорить, —
натянута произнесла Илэйн. Ох, будь
проклята Бергитте со своими узами!
Чтобы помешать Зайде войти, им
пришлось бы подраться с ней, но
сейчас, когда к головной боли ее
Стража добавилось глубочайшее
унижение, Илэйн почувствовала, что
это уже слишком! А Авиенду никто
не просил так... так *вкрадчиво*
улыбаться. Илэйн не знала, когда и
как ее Сестре стало известно, что
она и Бергитте иногда отражают
чувства друг друга, но Авиенда
находила это чрезвычайно забавным.
Ее чувство юмора было временами
грубоватым.

— Мне кажется, вы двое скоро

растопите друг дружку, — смеясь, произнесла она. — Однако твоя шутка почти удалась, Бергитте Трагелион. — Бергитте хмуро взглянула на нее, и смущение, текущее по узам, сменилось внезапной тревогой. Но Авиенда отвечала ей настолько невинным взглядом, что, казалось, ее глаза вот-вот выпадут наружу из глазниц, так они расширились.

Лучше ни о чем не спрашивать, решила Илэйн. Когда задаешь вопросы, как говаривала Лини, то приходится выслушивать ответы, хочешь ты того или нет. Она не хотела слушать ничего, особенно когда Расория стояла рядом, пристально изучая плиты пола перед

носками своих сапог, а остальные телохранительницы в передней комнате прислушивались уже в открытую. Она никогда не осознавала, насколько ценная вещь уединение, до тех пор пока не лишилась его полностью. Ну, по крайней мере, в достаточной степени.

– Пожалуй, я вернусь обратно в ванну, – сказала она спокойно. Кровь и пепел, что за шутку сыграла с ней Бергитте Трагелион? Что-то сделала, чтобы... растопить ее? Вряд ли что-то серьезное, иначе она бы уже знала.

К несчастью, вода в ванне успела остыть. Она была еле теплой.

В такой вряд ли кому захочется сидеть. Помокнуть в ванне еще немножко было бы просто чудесно, но не ценой того, чтобы ждать, пока ее опустошают ведро за ведром, а потом заново приносят горячую воду. Сейчас уже весь дворец должен знать, что Илэйн вернулась, и главный писец с главной горничной, должно быть, уже ждут со своими традиционными отчетами. Отчеты были ежедневными, когда она находилась в городе, а сейчас они наверняка озабочены, поскольку ее не было целых два дня. Долг должен быть превыше удовольствия, если собираешься править страной. И это еще более справедливо, если ты

только пытаешься овладеть тронном.

Авиенда стянула полотенце с головы и встряхнула волосами, чувствуя облегчение от того, что не придется снова лезть в воду. Она направилась в гардеробную, сбрасывая на ходу халат, и была уже почти одета к тому моменту, когда Илэйн с девушками вошли в комнату. Она позволила Нарис довершить начатое, слегка поворчав, хотя оставалось всего лишь надеть на нее тяжелую шерстяную юбку. Оттолкнув руки горничной, Авиенда сама затянула шнурки своих мягких высоких сапожек.

Для Илэйн все было не так просто. Кроме тех случаев, когда ее

ждали совсем неотложные дела, Эссанде чувствовала себя обиженной, если ей не позволялось участвовать в выборе одежды. В отношениях с близкими слугами всегда следует поддерживать тонкое равновесие. Им известно о твоих тайнах больше, чем ты подозреваешь, и видели тебя в самых различных состояниях — ворчливой, усталой, плачущей в подушку, в гневе и раздражении. К ним должно питать такое же уважение, какого ждешь от них, иначе дело дрянь. Поэтому Авиенда вынуждена была сидеть на одной из кушеток, позволив Нарис расчесывать ее волосы, пока Илэйн не остановилась наконец на простом

сером платье из тонкой шерсти, вышитом зеленым по высокому воротнику и рукавам и отороченном черной лисицей. Не то чтобы ей было сложно решить, что надевать, но Эссанде выкладывала перед госпожой все новые шелка, расшитые жемчугами, сапфирами или огневиками, причем каждое последующее платье было вышито затейливее, чем предыдущее. Хотя Илэйн еще не сидела на троне, Эссанде хотела одевать ее каждый день так, словно та была королевой, готовящейся к аудиенции.

В этом был определенный смысл, учитывая, что каждый день приносил все новые делегации

купцов с петициями или выражениями почтения, особенно иноземцев, надеющихся, что неурядицы в Андоре не повредят их торговле. Старая поговорка, что владеющий Кэймлином владеет Андором, никогда не была до конца верной, и в глазах купцов шансы на то, что она действительно добьется трона, существенно уменьшились после того, как у ворот города появилась Аримилла со своей армией. Они могли сосчитать Дома, поддерживающие ту или иную сторону, с не меньшей легкостью, чем считали монеты. Даже андорские купцы избегали теперь Королевского дворца, держась как

можно дальше от Внутреннего Города, чтобы никто не подумал случайно, будто они собрались во дворец; а банкиры прибывали сюда в плащах с капюшонами и в наемных экипажах. Никто не желал ей зла, Илэйн знала это, и разумеется, никто не хотел рассердить ее, но точно так же они опасались рассердить и Аримиллу, по крайней мере сейчас. Тем не менее банкиры все же прибывали во дворец, и пока что она не слышала, чтобы кто-нибудь из купцов являлся с петицией к Аримилле. Это стало бы первым признаком того, что ее дело проиграно.

Надевание платья заняло вдвое

больше времени, чем могло бы, поскольку Эссанде позволила Сефани помочь Илэйн. Девушка тяжело сопела, непривычная к тому, чтобы одевать кого-то другого, боясь допустить ошибку на глазах Эссанде. Илэйн подозревала, что этого она боялась гораздо больше, чем сделать ошибку в присутствии своей госпожи. Опасения сделали девушку неуклюжей, а неуклюжесть — еще более старательной. Усердие заставило камеристку еще больше беспокоиться из-за возможных ошибок, так что в результате она двигалась гораздо медленнее, чем ее болезненная пожилая начальница. В конце концов Илэйн все же сидела

напротив Авиенды, а Эссанде расчесывала ее локоны костяным гребнем. По мнению Эссанде, можно позволить одной из девушек натянуть на Илэйн сорочку или застегнуть ей пуговицы, но нельзя рисковать тем, что они спутают ей волосы.

Но не успел гребень пройти по ее волосам и двух дюжин раз, как в дверях появилась Бергитте. Эссанде фыркнула, и Илэйн могла себе представить гримасу, которая появилась на лице служанки у нее за спиной. Эссанде еще могла уступить, чтобы Бергитте присутствовала при купании, хоть и с неохотой, но гардеробная была святая святых.

Как ни удивительно, Бергитте

ответила на неодобрение горничной лишь умиротворяющим взглядом. Обычно она отказывалась уступить Эссанде хоть на дюйм.

— Илэйн, Дайлин вернулась. И она привела кое-кого с собой. С ней Верховные Опоры Домов Мантир, Хевин, Гильярд и Нортэн. — Узы почему-то доносили от нее чувство замешательства и тревоги.

Несмотря на передавшуюся ей головную боль Бергитте, Илэйн чуть не запрыгала от восторга. И запрыгала бы, если бы Эссанде не расчесывала ей волосы. Четверо! Она никогда не рассчитывала на то, что Дайлин удастся добиться столь многого. Она надеялась на это,

молилась об этом, но никогда не ожидала, что все получится более за одну короткую неделю. По правде говоря, Илэйн была уверена, что Дайлин вернется с пустыми руками. Четверо Домов ставили ее на один уровень с Аримиллой. Мысль о том, что она должна «становиться на один уровень» с этой глупой женщиной уязвляла гордость Илэйн, но тут уж никуда не денешься. Мантир, Хевин, Гильярд и Нортэн. Почему не Кандред? Кандред был пятым Домом, который собиралась навестить Дайлин. Ничего. У нее теперь на четыре Дома больше, и она не собирается беспокоиться из-за того, что одного не хватает.

— Проводи их в парадную гостиную, пока я не смогу выйти к ним, Бергитте. — Малой гостиной было достаточно для Зайды — Илэйн надеялась, что Госпожа Волн не сочла это неуважением, — но для четырех Верховных Опор требовалось большее. — И попроси старшую горничную приготовить для них апартаменты. — Апартаменты. О Свет! Придется поторопить Ата'ан Миэйр, покидающих Кэймлин, чтобы освободить достаточно мест. Пока они были здесь, на тех кроватях приходилось спать по двое и по трое. — Эссанде, я думаю, подойдет зеленое шелковое с сапфирами. И сапфиры в волосы. Те, большие.

Бергитте вышла, по-прежнему озадаченная и расстроенная. Почему? Не из-за того же, что ей придется уступить Дайлин право утешать ее после беседы с Зайдой? О Свет, теперь она беспокоится, почему Бергитте выглядит озабоченной. Если позволить этому продолжаться так и дальше, они доведут друг друга до обморока! Когда дверь за Бергитте закрылась, Эссанде двинулась к ближайшему гардеробу с улыбкой, которую можно было назвать победной.

Глядя на Авиенду, которая отогнала от себя Нарис с гребнем и теперь складывала темно-серый платок, чтобы повязать его себе на

голову, Илэйн улыбнулась. Ей нужен был кто-то, чтобы выбраться из этой перекрутившейся петли.

– Может быть, хотя бы сегодня ты все же наденешь шелковое платье и украшения, Авиенда, – проговорила она, слегка поддразнивая ее. – Дайлин, конечно, не обратит внимания, но остальные не привыкли видеть Айил. Они могут подумать, что я решила вывести в свет одну из помощниц конюха.

Илэйн хотела просто пошутить – они постоянно подпускали друг другу шпильки по поводу одежды, а Дайлин смотрела на Авиенду косо вне зависимости от того, что на той было надето, – но ее Сестра,

нахмурившись, посмотрела на ряды гардеробов, выстроившихся вдоль стены, затем кивнула и положила платок на одну из подушек.

— Нужно произвести надлежащее впечатление на эти Верховные Опоры. Но не думай, что я стану ходить так постоянно. Я делаю это в знак уважения к тебе.

Тем не менее она разглядывала вытащенные Эссанде одежды с большим интересом, пока не остановилась на темно-синем бархатном платье с зелеными разрезами и серебряной сетке для волос. Это была одежда, сшитая специально для нее, но с самого своего прибытия в Кэймлин Авиенда

избегала ее так, словно та кишела ядовитыми пауками. Поглаживая рукава, она помедлила, словно собираясь передумать, но наконец позволила Нарис застегнуть на себе маленькие жемчужные пуговицы. Авиенда отвергла предложенные Илэйн изумруды, которые великолепно подошли бы к платью, оставив лишь свое ожерелье из серебряных снежинок и тяжелый костяной браслет, но в последнюю минуту все же пристегнула к плечу свою янтарную черепашку.

— Никогда не знаешь, когда она может понадобиться, — пояснила Авиенда.

— Лучше предусмотрительность,

чем запоздалые сожаления, — согласилась Илэйн. — Тебе очень идет. — Это было правдой, но Авиенда покраснела. Если бы ее похвалили за стрельбу из лука или за быстроту бега, она приняла бы это как должное, но Авиенде было очень трудно признаться самой себе, что она красива. Этого она до недавнего времени как-то ухитрялась не замечать.

Эссанде покачала головой с неодобрением — она не знала, что янтарная брошь была *ангриалом*. Янтарь совсем не подходил к синему бархату. Хотя, возможно, ее неодобрение относилось к ножу Авиенды с роговой рукоятью,

который та засунула за свой пояс зеленого бархата. Седовласая служанка проследила за тем, чтобы Илэйн не забыла пристегнуть свой маленький кинжал с сапфирами на ножнах и рукоятке к вытканному золотом поясу. Все должно было выглядеть идеально, чтобы заслужить одобрение Эссанде.

Расория вздрогнула, когда Авиенда вошла в переднюю в своем бархатном платье с высоким воротом. Телохранительница никогда не видела ее до сих пор в ином наряде, кроме айильской одежды. Авиенда нахмурилась, словно над ней собирались посмеяться, и схватилась за рукоять ножа, но, к

счастью, ее внимание отвлек накрытый салфеткой поднос, стоявший на длинном столе у стены. Пока они одевались, Илэйн принесли ее полуденную трапезу. Сняв салфетку в голубую полоску, Авиенда попыталась заинтересовать Илэйн едой, улыбаясь и строя предположения о том, насколько вкусным должно быть мясо, тушенное с черносливом, и восклицая над ломтями свинины и кашей. Илэйн еда напоминала опилки. Расория, откашлявшись, заметила, что в большой гостиной развели огонь. Она будет счастлива отнести туда поднос для леди Илэйн. Все пытались следить за тем, чтобы

Илэйн ела как следует, но это было просто смешно. Поднос простоял здесь уже некоторое время. Каша должна была превратиться в однородную массу, которая останется в миске, если перевернуть ее вверх дном!

К тому же Илэйн ждали Верховные Опоры четырех Домов, причем уже достаточно долго. Она указала на это, предложив, чтобы они сами поели без нее, если голодны. Илэйн даже сделала вид, что настаивает на том, чтобы они поели. Этого оказалось достаточно, чтобы Авиенда, пожав плечами, вновь накрыла поднос салфеткой, и Расория тоже не стала больше

тратить время на уговоры.

До парадной гостиной надо было совсем немного пройти по ледяному коридору, в котором кроме них находились лишь яркие зимние гобелены, колыхавшиеся на сквозняке, но охранницы все же держались кольцом вокруг Илэйн и Авиенды и смотрели по сторонам так, словно ожидали нападения троллоков. Лишь приложив некоторые усилия, Илэйн удалось убедить Расорию, что нет необходимости обыскивать гостиную перед ее приходом. Женщины-гвардейцы служили и повиновались своей госпоже, но они также несли ответственность за ее жизнь и

относились к этой обязанности с не меньшим упорством, чем Бергитте, когда та решала, является ли она в данный момент Стражем, Капитан-Генералом или старшей Сестрой. Более того, еще не отошедшая после инцидента с Зайдой Расория требовала, чтобы лордам и леди, ждущим в гостиной, было предложено сдать оружие! Возможно, здесь сыграла свою роль угроза быть накормленной кашей. После короткого спора, однако, Илэйн и Авиенда проскользнули в широкий дверной проем вместе и без охраны. Чувство удовлетворения, охватившее Илэйн, впрочем, длилось недолго.

Гостиная была просторной, рассчитанной на то, чтобы без затруднений вместить несколько дюжин человек. Она была отделана темными панелями, плиты пола устланы в несколько слоев толстыми коврами, а перед высоким камином из белого с тонкими красными прожилками мрамора полукругом стояли стулья с высокими спинками. Здесь высокопоставленных посетителей можно было принимать с большим почетом, чем в тронном зале, поскольку обстановка была более интимной. Пламя, пляшущее на поленьях в очаге, еще не успело как следует нагреть воздух, но, разумеется, отнюдь не поэтому

Илэйн остановилась на пороге с таким чувством, словно получила удар в живот. Теперь она могла понять замешательство Бергитте.

Дайлин, гревшая руки у огня, повернулась к двери, когда они вошли. Это была женщина с волевым лицом, тонкими морщинками в уголках глаз и намеком на седину в золотистых волосах. Она не стала терять время на переодевание перед тем, как прибыть во дворец, и на ней все еще было темно-серое дорожное платье, запачканное на подоле. Ее реверанс выражался лишь в едва заметном наклоне головы и едва заметном сгибании коленей, но она вовсе не хотела быть невежливой.

Просто Дайлин, так же как и Зайда, знала себе цену – единственным ее украшением была маленькая золотая булавка на плече, изображающая Сову и Дуб, эмблему Дома Таравин. Без сомнения, она считала, что Верховная Опора Дома Таравин не нуждается ни в чем больше, – и однако она готова была ценой собственной жизни подтвердить свою верность Илэйн.

– Миледи Илэйн, – официальным тоном произнесла она, – имею честь представить вам лорда Периваля, Верховную Опору Дома Мантир.

Симпатичный золотоволосый мальчик в простой голубой куртке

оторвался от калейдоскопа, стоявшего на золоченой подставке, слишком высокой для его роста. Он держал в руке серебряную чашку, в которой, как надеялась Илэйн, было не вино, а если вино, то по крайней мере хорошенько разбавленное. На одном из боковых столиков стояло несколько подносов, уставленных кувшинами и чашками. А также там был расписной чайник, в котором, как она знала, был чай, лишь немногим отличающийся от воды.

— Большая честь для меня, миледи Илэйн, — пропищал он, покраснев и умудрившись отвесить вполне достойный поклон, хотя и несколько неуклюжий из-за

болтающегося у него на поясе меча. Оружие выглядело слишком длинным для него. – Дом Мантир стоит за Дом Траканд.

Ошеломленная, Илэйн ответила на его любезность, автоматически присев в реверансе.

– Леди Каталин, Верховная Опора Дома Хевин, – продолжала Дайлин.

– Здравствуйте, Илэйн, – проговорила темноглазая девушка, стоявшая сбоку от нее, притрагиваясь к своей темно-зеленой юбке и лишь слегка наклоняя голову, что едва ли могло сойти за реверанс; хотя возможно, она просто пыталась подражать Дайлин. Или боялась

уткнуться подбородком в большую эмалевую брошь с изображением Синего Медведя Дома Хевин на высоком вороте своего платья. Ее волосы придерживала серебряная сеточка, также с изображением Синего Медведя, а на пальце она носила большое кольцо-печатку с тем же гербом. Похоже, она чересчур гордилась своим Домом. Несмотря на холодную надменность, с которой Катлин держалась, девушкой ее можно было назвать с большой натяжкой, ее щеки были еще по-детски округлыми. — Хевин стоит за Траканд, разумеется, иначе меня не было бы здесь.

Дайлин слегка поджала губы и

окинула девушку тяжелым взглядом, которого Каталин, по-видимому, не заметила.

— Лорд Бранлет, Верховная Опора Дома Гильярд.

Этот мальчик был черноволосым, в зеленом костюме с золотой вышивкой по рукавам; он поспешно поставил свою чашку с вином на столик, словно не хотел, чтобы кто-нибудь увидел ее у него в руках. Его голубые глаза казались просто огромными, и он чуть не споткнулся о свой меч при поклоне.

— Для меня большая честь заявить, что Дом Гильярд стоит за Траканд, леди Илэйн. — Посреди фразы его голос сорвался с дисканта

на бас, и он побагровел еще больше, чем Периваль.

— И лорд Конайл, Верховная Опора Дома Нортэн.

Конайл Нортэн ухмыльнулся поверх своей серебряной чаши. Высокий и стройный, в серой куртке, рукава которой были слишком коротки, чтобы прикрыть его тонкие запястья, он обладал привлекательной улыбкой, мягкими карими глазами и орлиным носом.

— Мы тащили жребий, в каком порядке нас будут представлять, и мне выпала самая короткая соломинка. Нортэн стоит за Траканд. Разве можно, чтобы такая зануда, как Аримилла, сидела на троне! — Этот

не спотыкался о меч, и явно был постарше, но если с того времени, как ему исполнилось шестнадцать, прошло хотя бы полгода, Илэйн была готова съесть его сапоги с отворотами, вместе с серебряными шпорами.

Их молодость, разумеется, не была для нее сюрпризом, но Илэйн ожидала увидеть рядом с Конайлом седобородого советника, а за спинами остальных — их опекунов. Однако в комнате не было никого, кроме них и Бергитте, которая стояла у высокого арочного окна со сложенными на груди руками. Яркое полуденное солнце, лившееся сквозь прозрачные оконные стекла в частом

переплете, делало ее похожей на аллегорический силуэт, изображающий неудовольствие.

– Траканд приветствует вас всех, так же, как и я сама, – произнесла Илэйн, стараясь подавить свою встревоженность. – Я не забуду вашей поддержки, и Траканд тоже ее не забудет. – Какая-то доля напряжения, видимо, все же проскользнула в ее тоне, поскольку губы Каталин сжались, а глаза заблестели.

– Я уже вышла из-под опеки, как тебе должно быть известно, Илэйн, – сказала она натянутым тоном. – Мой дядя, лорд Арендор, сказал на Празднике Света, что я уже

достаточно взрослая, и что ему все равно, отпускать меня на свободу сейчас или через год. По правде говоря, я думаю, что он просто хотел, чтобы у него оставалось больше времени на охоту, пока еще есть возможность. Он всегда любил охотиться, и он уже довольно стар. — И снова девушка не обратила внимания на хмурый взгляд Дайлин. Арендор Хевин и Дайлин были примерно одного возраста.

— У меня тоже нет опекуна, — неуверенно проговорил Бранлет; его голос был почти таким же тонким, как у Каталин.

Дайлин одарила его сочувственной улыбкой и откинула

ему волосы со лба. Они тут же упали обратно.

— Майв поехала на прогулку одна, как она любила делать, и ее лошадь провалилась в яму, — спокойно объяснила она. — Когда ее нашли, было уже поздно. После этого возникли некоторые... разногласия относительно того, кто должен занять ее место.

— Они спорили три месяца, — пробормотал Бранлет. На мгновение он показался ей даже младше, чем Периваль: мальчик, пытающийся отыскать дорогу, и никого нет рядом, чтобы показать ему, куда идти. — Мне не положено говорить об этом никому, но вам я могу сказать. Вы же

будете королевой.

Дайлин положила руку на плечо Периваля, и тот выпрямился, хотя все равно было видно, что он уступает ей ростом.

— Лорд Виллин должен был быть здесь вместе с лордом Пери-валем, но годы приковали его к постели. Старость приходит ко всем из нас рано или поздно. — Она бросила еще один взгляд на Каталин, но девушка, поджав губы, теперь разглядывала Бергитте. — Виллин просил меня передать, что посылает тебе наилучшие пожелания и того, кого он считает сыном.

— Дядя Виллин наказал мне не посрамить честь Мантира и

Андора, – сказал Периваль, полный решимости и настолько серьезный, насколько может быть только ребенок. – Я буду стараться, Илэйн. Я буду очень стараться.

– Уверена, что ты преуспеешь в этом, – сказала ему Илэйн, пытаясь вложить хоть немного тепла в свой тон. Ей хотелось выставить их всех за дверь и задать Дайлин пару очень резких вопросов; но этого, разумеется, нельзя было делать, по крайней мере сейчас. Хотя и совсем юные, они были Верховными Опорами могущественных Домов, и она должна предложить им подкрепиться и развлечь их хотя бы каким-то подобием разговора, до

того как гости отправятся переодеться с дороги.

– Она действительно Капитан-Генерал Королевской Гвардии? – спросила Каталин, когда Бергитте подала Илэйн чашку из тонкого голубого фарфора, в которой плескалась слегка подкрашенная горячая вода. Девушка говорила так, словно Бергитте здесь не было. Та подняла бровь, прежде чем отойти, но Каталин, по-видимому, практиковалась в том, чтобы не замечать того, чего не хотела видеть. Над серебряной чашкой в ее полной руке поднимался острый сладковатый аромат пряностей. В жалком подобии чая в чашке Илэйн

было не больше одной капли меда.

— Да, а также мой Страж, — ответила Илэйн вежливо. Да уж, взрослая, нечего сказать! Девчонка заслуживала, чтобы ее выпороли за грубость, но вряд ли возможно выпороть Верховную Опору. Особенно, если ты нуждаешься в ее поддержке.

Взгляд Каталин метнулся к руке Илэйн, но и кольцо Великого Змея ни капли не изменило холодности ее тона.

— Они дали тебе кольцо? Мне никто не говорил, что ты поднялась до Айз Седай. Я думала, что Белая Башня отослала тебя домой. Когда твоя мать умерла. Или, возможно, из-

за этих неурядиц в Башне, о которых мы слышали. Подумать только, Айз Седай ссорятся, как жены фермеров на рынке! Но как она может быть генералом или Стражем, если у нее нет меча? Правда, моя тетя Эвелль говорит, что меч — дело мужчин. Ведь никто не подковывает сам свою лошадь, если есть кузнец, и не мелет зерно, если на это есть мельник. — Это, без сомнения, была цитата из высказываний тетушки.

Илэйн постаралась держать себя в руках, игнорируя лишь слегка завуалированные оскорбления.

— Меч генерала — его армия, Каталин. Гарет Брин говорил, что генерал, использующий другой

клинок, берется не за свое дело. — Это имя, по-видимому, тоже не произвело на нее никакого впечатления. Даже дети шахтеров в горах Тумана слышали про Гарета Брина!

Авиенда подошла сбоку к Илэйн, улыбаясь так, словно была в восторге от возможности поговорить с девушкой.

— От мечей нет никакой пользы, — произнесла она мягко. Мягко! Авиенда! Илэйн никогда не подозревала, что ее сестра способна перевоплощаться настолько искусно. У нее в руке тоже была чаша с подогретым вином. Вряд ли можно было ожидать, что она по-прежнему

будет хлебать несладкий чай, движимая сестринским сочувствием. — Нужно учиться владеть копьем. А также ножом и луком. Бергитте Трагелион может за двести шагов выбить тебе оба глаза из своего лука. А может быть, и за триста.

— Владеть копьем? — слабо проговорила Каталина. И затем, слегка недоверчивым тоном: — Оба глаза?

— Ты еще не представлена моей сестре, — произнесла Илэйн. — Авиенда, это леди Каталин Хевин. Каталин, это Авиенда из септа Девять Долин. — Возможно, ей следовало представить их друг другу

в обратном порядке, но Авиенда действительно была ее сестрой, и даже Верховная Опора должна смириться с тем, что ее представляют сестре Дочери-Наследницы, а не наоборот. — Авиенда из Таардад Айил. Она обучается, чтобы стать Хранительницей Мудрости.

Рот девушки раскрылся от изумления, ее челюсть отвисала все ниже и ниже при каждом следующем слове, пока губы не округлились, словно у рыбы. Илэйн в душе торжествовала. Авиенда одарила Илэйн скупой улыбкой, ее зеленые глаза одобрительно сверкнули над чашей с вином. Илэйн сохраняла

серьезное лицо, хотя ей очень хотелось ухмыльнуться в ответ.

С другими было гораздо легче иметь дело, они не вели себя так вызывающе. Периваль и Бранлет держались застенчиво, оба в первый раз были в Кэймлине, не говоря уже о Королевском дворце. Они почти не открывали рот, если их не спрашивали о чем-нибудь. Ко-найл считал шуткой заявление о том, что Авиенда — айилка, и чуть не получил нож в ребра за то, что позволил себе захохотать над ней во все горло. К счастью, он решил, что и это тоже было шуткой. Авиенда сохраняла ледяную сдержанность, благодаря которой походила бы на

Хранительницу Мудрости, будь на ней ее обычная одежда; но в бархате она выглядела скорее придворной дамой, хоть и хваталась за нож. А Бранлет постоянно искоса кидал взгляда: на Бергитте. Илэйн не сразу поняла, что он следит за тем, как та передвигается на своих высоких каблуках — эти широкие штаны все же слишком обтягивали ее бедра, — поняв это, Илэйн только вздохнула. К счастью, Бер-гитте ничего не заметила; узы дали бы Илэйн знать, даже если бы та пыталась скрыть это. Бергитте любила, когда мужчины заглядывались на нее — взрослые мужчины. Вряд ли замыслам Илэйн сильно

посодействовало, если бы ее Страж отшлепал юного Бранлета по задку.

В основном они хотели знать, правда ли, что Реанне Корли была Айз Седай. Ни один из четверых до сих пор не видел Сестер, но они считали, что она наверняка из их числа, поскольку могла направлять и за один шаг перенесла их с их дружинами через сотни миль. Перед Илэйн открывалась хорошая возможность попрактиковаться в том, чтобы уклончиво отвечать на вопросы, не сказав ни слова откровенной лжи, чему помогало кольцо Великого Змея на ее собственном пальце. Ложь запятнала бы ее отношения с этой четверкой с

самого начала, но вряд ли стоило надеяться, что слухи о том, что ей помогают Айз Седай, дойдут до Аримиллы, если она будет рассказывать все как есть направо и налево. Разумеется, всем четверым не терпелось сообщить, сколько бойцов они привели с собой – всего оказалось немногим более трех тысяч, причем почти половина из них – арбалетчики и алебардщики, которые будут особенно полезны на стенах. Это была довольно значительная сила, даже удивительно, что четыре Дома смогли отрядить столько людей по первому зову Дайлин, хотя, с другой стороны, ни один Дом не хотел,

чтобы его Верховная Опора оставалась в эти времена без охраны. Когда начиналась борьба за трон, похищения членов Домов были не таким уж редким явлением. Конайл так и заявил ей – со смехом; ему, по-видимому, все вокруг казалось смешным. Бран-лет кивнул и провел рукой по волосам. Илэйн подумала: знают ли многочисленные тетушки, дядюшки и кузены, что он находится у нее, и что предпримут, когда узнают.

– Если бы Дайлин согласилась подождать несколько дней, – сказала Каталин, – я привела бы больше, чем двенадцать сотен. – Вот уже третий раз подряд она открывала рот, чтобы

намекнуть на то, что привела больше людей, чем остальные, причем намного больше. — Я послала бы ко всем Домам, которые присягали Хевину.

— А я — ко всем Домам, что присягали Нортэну, — добавил Конайл. С ухмылкой, разумеется. — Нортэн, наверное, не смог бы выставить столько мечей, сколько Хевин или Траканд — или Мантир, — прибавил он с поклоном в сторону Периваля, — но каждый, кто откликается на зов Орлов, двинулся бы защищать Кэймлин.

— Им вряд ли удалось бы двигаться достаточно быстро по зимним дорогам, — тихо сказал

Периваль. Это было неожиданно, поскольку никто не заговаривал с ним. — Думается мне, что придется обходиться теми, кто у нас есть на настоящий момент.

Конайл рассмеялся и хлопнул парня по плечу, посоветовав ему не падать духом, поскольку каждый человек с горячим сердцем уже находится на пути к Кэймлину, чтобы поддержать леди Илэйн; но сама Илэйн посмотрела на Периваля с большим интересом. Его голубые глаза какой-то миг смотрели на нее не дрогнув, затем он застенчиво отвел взгляд. Он был еще мальчик, но понимал, во что ввязался, лучше Конайла или Каталин, которая

продолжала распространяться о том, сколько бойцов она привела, и сколько Хевин мог бы созвать еще, как будто все присутствующие, за исключением Авиен-ды, не знали *точно*, сколько человек откликается на призыв каждого из Домов — сколько из обученных солдат, сколько фермеров смогут взять алебарду или пику, если случится война, и сколько крестьян можно будет призвать в случае нужды. Лорд Виллин провел хорошую работу с юным Перивалем. Теперь Илэйн должна проследить за тем, чтобы она не пропала втуне.

Наконец наступило время обмениваться поцелуями, причем Бранлет покраснел до корней волос,

Периваль смущенно прикрыл глаза, когда Илэйн наклонилась к нему, а Конайл поклялся никогда не мыть щеку. Каталин ответила Илэйн неожиданно неуверенным клевком в щеку, словно до нее только сейчас дошло, что она тем самым соглашается поставить Илэйн выше себя, но спустя мгновение кивнула сама себе, и холодная гордость вновь окутала ее, словно мантия. Когда все четверо были наконец переданы на руки горничных и слуг, которые должны были проводить гостей в апартаменты, – Илэйн надеялась, что у старшей горничной хватило времени приготовить их, – Дайлин вновь наполнила вином свою чашу и

с усталым вздохом уселась на один из высоких резных стульев.

— Немало сделано для одной недели, придется уж самой себя похвалить. Это лучшее из того, что мне когда-либо удавалось. Канд-ред пришлось вычеркнуть почти сразу. Я и не думала, что Данина способна на что-либо решиться, и у меня заняло какой-нибудь час, чтобы понять, что я не ошибалась, хотя мне пришлось остаться там еще на два, чтобы не оскорбить ее. Эта женщина, должно быть, до полудня остается в постели только потому, что не может решить, с какой стороны кровати ей слезть! Остальные же были готовы внять моим доводам, их почти не пришлось

убеждать. Никто в здравом уме не захочет рисковать, отдав трон Аримилле.

Какое-то мгновение Дайлин, хмурясь, смотрела на свое вино, затем подняла на Илэйн твердый взгляд. Она никогда не стеснялась говорить откровенно, независимо от того, согласится с ней Илэйн или нет, и было видно, что она собирается сделать это и сейчас.

— Возможно, было ошибкой выдавать этих женщин Родни за Айз Седай, как бы уклончиво мы ни отвечали на вопросы о них. Напряжение, возможно, слишком велико для них, и это заставляет нас всех рисковать. Этим утром, без

всяких видимых для меня причин, госпожа Корли вдруг застыла, широко раскрыв глаза и рот, словно девочка, пасущая гусей, впервые попавшая в город. Мне кажется, ей с трудом удалось закончить плетение врат, чтобы доставить нас сюда. Вот было бы замечательно — все выстроились в ряд, приготовившись проехать сквозь обещанную чудесную дыру в воздухе, которая так и не появилась! Не говоря уже о том, что тогда мне пришлось бы переносить общество Каталины еще Свет знает как долго. Отвратительный ребенок! А ведь неглупа и из нее вышел бы толк, если бы кто-нибудь взял ее в твердые руки

на несколько лет, но ядовитый язык Хевинов у нее вдвое длиннее, чем у остальных.

Илэйн скрипнула зубами. Она знала, насколько язвительными могут быть Хевины. Вся их семейка *гордилась* этим! Каталина, очевидно, тоже. Кроме того, она уже устала объяснять, *что* в это утро могло испугать любую женщину, умеющую направлять. Она устала от напоминаний о том, на что она пыталась не обращать внимания. Этот *проклятый* маяк по-прежнему сиял на западе, что было абсолютно невозможно как по силе, так и по продолжительности. Что бы это ни было, оно оставалось неизменным

уже несколько часов! Любая женщина, направлявшая так долго без передышки, просто не могла к этому времени не упасть от истощения. И Ранд ал'Тор, чтоб ему пусто было, находился именно там, в самом сердце этого. Она была уверена в этом! Он был жив, но из-за этого ей только хотелось отхлестать его по щекам за то, что он заставил ее пережить. Увы, *его* лицо она увидит еще не скоро...

Бергитте с силой опустила свою серебряную чашу на боковой столик, так что винные брызги разлетелись по всей комнате. Прачке придется попотеть, чтобы вывести пятно с рукава ее куртки. А горничной

придется трудиться несколько часов, чтобы восстановить полировку столика.

— Они еще дети! — воскликнула она. — Проклятье! Люди будут умирать из-за их решений, а они всего лишь дети, и хуже всех Конайл! Ты слышала, Дайлин? Он собирается вызвать воина Ари-миллы *на поединок*, как треклятый Артур Ястребиное Крыло! Да Ястребиное Крыло в жизни не дрался ни на каких растреклятых поединках, и он знал еще тогда, когда ему было меньше лет, чем этому *лорду* Нортэну, что только полный идиот может поставить так много на какую-то дурацкую дуэль, а Конайл хочет

завоевать для Илэйн ее растреклятый трон своим растреклятым мечом!

— Бергитте Трагелион права, — яростно сказала Авиенда. Она сжимала кулаки, вцепившись в свои юбки. — Конайл Нортэн действительно круглый дурак! Но как кто-то может идти в танце копий за этими детьми? Как может кто-нибудь поставить их во главе?

Дайлин оглядела обеих и решила ответить в первую очередь Авиенде. Она, очевидно, была ошеломлена ее непривычным одеянием, как и тем, что Авиенда с Илэйн приняла друг друга как сестры, и тем, что Илэйн ставила айилку на первое место. То, что Илэйн решила, что ее подруга

должна присутствовать на их совещаниях, она еще как-то терпела. Впрочем, не без того, чтобы показывать, что она это только терпит.

— Я стала Верховной Опорой Дома Таравин в пятнадцать лет, когда мой отец погиб в схватке на границе с Алтарой. Двое моих младших братьев погибли в тот же год, сражаясь с мурандийцами, угонявшими наш скот. У меня были советники, но я сама указывала всадникам Таравина, куда наносить удар, и мы проучили и алтаран-цев, да и мурандийцев заставили смотреть в другую сторону. Когда детям становится взрослыми —

выбирает время, а не мы, Авиен-да, а в наше время ребенок, который является Верховной Опорой, не может не повзрослеть.

— Что же до вас, леди Бергитте, — продолжала она несколько суше, — ваш язык, как обычно... резок. — Она не стала спрашивать, каким образом Бергитте могла знать так много об Артуре Ястребиное Крыло, причем такие вещи, которые неизвестны историкам, но окинула ту оценивающим взглядом. — Бранлет и Периваль будут действовать под моим руководством, а также, думаю, Каталин, как я, не жалею о времени, которое должна буду потратить на эту девицу. Что же до Конайла, то

вряд ли он первый юноша, мнящий себя непобедимым и бессмертным. Если вы не можете держать его в узде как Капитан-Генерал, я предлагаю вам попробовать охмурить его. Судя по тем взглядам, которые он кидал на ваши штаны, он пойдет за вами куда угодно.

Илэйн поежилась... *стряхивая* с себя вздымавшуюся в ней волну ярости. Это была не ее ярость; она испытывала лишь небольшой гнев, в первую очередь — на Дайлин, и еще на Бергитте — за то, что та залила вином полкомнаты. Это была ярость Бергитте. Ей расхотелось отхлестать Ранда по щекам. Вернее, просто стало не до этого. О Свет, Конайл

тоже заглядывался на Бергитте?

– Они Верховные Опоры своих Домов, Авиенда, – сказала Илэйн. – Никто из членов их Домов не обрадуется, если я не буду обращаться с ними соответственно. Люди, пришедшие с ними, будут сражаться за Периваля и Бранлета, Конайла и Каталин, а не за меня. Поскольку именно *они* являются Верховными Опорами.

Авиенда нахмурила брови и обхватила себя руками, словно желая обернуть вокруг себя шаль, но кивнула. Правда, резко и неохотно – никто среди Айил не достигал такого высокого положения, если у него за плечами не стояли годы опыта и

одобрение

Хранительниц

Мудрости, – но она кивнула.

– Бергитте, тебе придется иметь с ними дело как Капитан-Генералу с Верховными Опорами, – продолжала Илэйн. Седые волосы не обязательно сделают их мудрее, и определенно не прибавят легкости в общении с ними. Они по-прежнему будут иметь обо всем собственное мнение, а годы опыта лишь прибавят ему веса, так что скорее всего они будут в десять раз более убеждены, что знают, что надо делать, лучше, чем ты. Или чем я. – Она сделала большое усилие, чтобы ее голос не прозвучал резко; и, без сомнения, Бергитте ощутила это усилие. По крайней мере поток

ярости, текущий по узам, внезапно уменьшился. Он был всего лишь подавлен, а не ушел совсем, — Бергитте нравилось, когда на нее заглядывались мужчины, но она очень *не* любила, когда кто-либо обвинял ее в том, что она пытается привлечь их внимание, — но все равно, она знала, как опасно для них обеих дать своим эмоциям слишком большую волю.

Дайлин принялась прихлебывать свое вино, по-прежнему изучая Бергитте. Лишь горстка людей знала правду, которую Бергитте так отчаянно хотела держать в секрете, и Дайлин не входила в их число. Однако Бергитте была достаточно

небрежна — обмолвка здесь, обмолвка там, — чтобы внушить той уверенность, что некая тайна скрывается за ее голубыми глазами. Лишь Свет знает, что Дайлин может подумать, если разгадает загадку. В любом случае, эти двое были различны как вода и масло. Они могли бы затеять спор даже о том, где верх, а где низ, — не говоря уже обо всем остальном. На этот раз Дай-лин, очевидно, решила, что она выиграла по всем статьям.

— Как бы то ни было, Дайлин, — продолжала Илэйн, — я бы обрадовалась больше, если бы ты привела с ними их советников. Что сделано, то сделано, но Бранлет

особенно тревожит меня. Если Гильярд обвинит меня в том, что я похитила его, то мы только проиграем.

Дайлин отмахнулась от этого предположения.

— Ты же хорошо знаешь Гильярдов, не так ли? Если учесть, как они грызутся между собой, они вряд ли заметят, что мальчик пропал, до самого лета, а если и заметят, никто не станет выступать против принятого им решения. Ни один из них не захочет признаться, что был так занят спорами о том, кто будет его опекуном, что забыл присмотреть за ним самим. И кроме того, ни один из них не признается перед другими,

что с ним не посоветовались заранее. В любом случае, Гильярды скорее согласятся посадить на трон Зайду, чем кого-нибудь из Марне, да и Араун или Саранд они любят не больше.

— Надеюсь, что ты права, Дайлин, поэтому я поручаю тебе разбираться с любым из разъяренных Гильярдов, которые появятся во дворце. А поскольку ты и без того взялась руководить остальными тремя, то сможешь и Конайла держать под присмотром, чтобы он не совершил какой-нибудь уж совсем идиотской выходки.

Несмотря на все предыдущие утешения, первая фраза заставила

Дайлин слегка вздрогнуть. Услышав вторую, она вздохнула. Бергитте, увидев это, расхохоталась во все горло.

— Если у тебя возникнут проблемы, я могу одолжить тебе штаны с лампасами и пару сапог, чтобы ты тоже пощеголяла перед юношей.

— Некоторые женщины, — пробормотала Дайлин, глядя в чашу, — могут заставить рыбу клюнуть на согнутый палец, леди Бергитте. Другим же приходится таскать свою наживку по всему озеру.

Авиенда рассмеялась, услышав это, но от Бергитте узы снова донесли вспыхнувший гнев.

Волна холодного воздуха из открывшейся двери прокатилась по гостиной, и Расория вошла, прервав напряженную паузу, повисшую в комнате.

— Явились главная горничная и главный писец, миледи Илэйн, — объявила она. В конце фразы она запнулась, словно почувствовав настроение собравшихся.

Его почувствовал бы и слепой козел — Дайлин сидела, щурясь как кот на сметану, Бергитте бросала свирепые взгляды то на нее, то на Авиенду, а та вдруг вспомнила, что Бергитте *на самом деле* была Бергитте Серебряный Лук, что заставило ее уставиться в пол с

таким смущением, словно она посмеялась над Хранительницей Мудрости. Ах, до чего же Илэйн желала, чтобы все ее друзья могли ладить друг с другом, как она сама ладила с Авиендой! Но все же они как-то уживались вместе, и она полагала, что вряд ли можно требовать большего от живых людей. Совершенство встречается лишь в книгах и сказаниях менестрелей.

— Пригласите их войти, — велела она Расории. — И не беспокойте нас ни при каких обстоятельствах, разве что на город нападут... разве что случится что-нибудь важное, — поправилась Илэйн. В книгах женщины, отдававшие подобные

приказы, всегда попадали из-за этого в беду. Иногда в книгах все же можно почерпнуть урок, если искать во всем мораль.

Глава 14. Что знают Хранительницы Мудрости

Халвин Норри, старший писец Илэйн, и Рин Харфор, старшая горничная, вошли вместе, он — склонившись в резком неуклюжем поклоне, она — делая грациозный реверанс, который не был ни слишком низким, ни слишком мелким. Вряд ли найдешь двух людей, столь похожих друг на друга. Госпожа Харфор, с круглым лицом и аккуратным узлом седых волос на макушке, держалась с королевским

величием; мастер Норри же был высоким и нескладным, как какая-нибудь болотная птица, а жалкие остатки волос торчали у него за ушами подобно пучкам белых перьев. У каждого была при себе тисненая кожаная папка, набитая бумагами. Но женщина держала свою на отлете, словно боясь помять парадный красный костюм, на котором никогда не бывало ни одной морщинки, независимо от времени суток или от того, как давно она находилась на ногах; в то время как мужчина прижимал свою папку к узкой груди, словно пытаясь прикрыть старые чернильные пятна, которыми его костюм был испещрен во множестве,

включая и большую кляксу, из-за которой хвост Белого Льва оканчивался черной кисточкой. Покончив с выражениями почтения, они немедленно разошлись на некоторое расстояние, не глядя друг на друга.

Как только дверь за Расорией закрылась, сияние *саидар* вспыхнуло вокруг Авиенды, и она сплела малого стража для защиты от подслушивания. Теперь можно говорить свободно, и даже если бы кто-нибудь попытался подслушивать с помощью Силы, Авиенда узнала бы об этом. У нее был талант к плетениям подобного рода.

— Госпожа Харфор, — сказала

Илэйн, – не угодно ли вам начать?

Она, разумеется, не стала предлагать им вина или присесть. Мастер Норри был бы шокирован до глубины души подобным нарушением приличий, а госпожа Харфор скорее всего даже оскорбилась бы. Как бы то ни было, Норри дернулся и искоса посмотрел на Рин, а та поджала губы. Даже после недели подобных встреч неудовольствие, с которым они делали свои отчеты в присутствии другого, было почти осязаемым. Они очень ревниво относились к вверенным им областям, особенно после того как старшая горничная ступила на территорию, которая раньше

считалась подотчетной мастеру Норри. Разумеется, управление Королевским дворцом всегда было на попечении старшей горничной, и можно считать, что ее новые обязанности лишь расширили поле ее деятельности. Но Хал-вин Норри, однако, так не считал. Поленья, пылающие в очаге, затрещали, и над ними взметнулся фонтан искр, улетающих в трубу.

— Я уверена, что второй библиотекарь... шпион, миледи, — произнесла наконец госпожа Харфор, игнорируя Норри, словно это могло заставить его исчезнуть. Она не хотела, чтобы *кто бы то ни было* знал, что она выискивает во

дворце шпионов, однако то, что это знает главный писец, казалось, раздражало ее больше всего. Его единственным преимуществом перед ней, если только это было преимуществом, являлось то, что он оплачивал дворцовые счета. Он никогда не задавал вопросов относительно расходов, но даже эта малость не давала ей покоя. — Каждые три-четыре дня мастер Харн-дер посещает гостиницу под названием «Обруч и Стрела», якобы ради эля, который варит хозяйка гостиницы, некая Миллис Фенд-ри, но госпожа Фендри также держит голубей, и всякий раз, когда мастер Харндер наносит ей визит, она

выпускает голубя, который летит на север. Вчера трое из Айз Седай, остановившихся в «Серебряном лебеде», пожелали также посетить «Обруч и Стрелу», хотя там обслуживают гораздо более бедную публику. Они пришли и ушли в плащах с капюшонами и более часа беседовали наедине с госпожой Фендри. Все трое были Коричневыми Айя. Боюсь, мастер Харндер на них работает.

— Парикмахеры, лакеи, повара, столяр-краснодеревщик, не менее пяти писцов мастера Норри, а теперь еще и один из библиотекарей! — Откинувшись на спинку кресла и скрестив ноги, Дай-лин бросила на

нее раздраженный взгляд. — Есть ли во дворце хоть один человек, который *не* окажется в конце концов шпионом, госпожа Харфор?

Норри беспокойно вытянул шею; он воспринимал обвинения против своих писцов как личное оскорбление.

— Я льщу себя надеждой, что наконец добираюсь до дна этой бочки, миледи, — удовлетворенно сказала госпожа Харфор. Ее спокойствие не могли нарушить ни шпионы, ни Верховные Опоры могущественных Домов. Шпионы были вредителями, от которых она намеревалась избавить дворец, точно так же, как она очищала его от блох и

крыс — хотя недавно она вынуждена была принять помощь Айз Седай в борьбе с крысами. А высокопоставленные гости были подобны дождю или снегу, это были явления природы, которые надо терпеть, пока они не пройдут, но из-за которых совершенно не стоит волноваться. Ограничено как число тех, кого можно купить, так и число покупателей.

Илэйн попыталась вспомнить мастера Харндера, но лишь смогла воссоздать расплывчатый образ круглолицего лысеющего человека, который непрерывно моргал. Он служил еще ее матери, и, насколько Илэйн могла припомнить, королеве

Мордреллейн до нее. А теперь выясняется, что он, видимо, одновременно служил Коричневой Айя. Во дворце каждого правителя между Хребтом Мира и океаном Арит были глаза-и-уши Башни. Любой мало-мальски разумный правитель ожидал этого. Несомненно, Шончан тоже скоро окажутся под присмотром Белой Башни, если уже не находятся. Рин обнаружила несколько шпионов Красной Айя, — несомненно, наследие тех времен, когда Элайда была в Кэймлине, но этот библиотекарь оказался первым, кто шпионил для другой Айя. Элайде не понравилось бы, если бы другие Айя

узнали, что происходило во дворце, когда она была советницей королевы.

— Жаль, что у нас не заготовлено никаких ложных известий, чтобы снабдить ими Коричневых Айя, — легко сказала Илэйн. *Очень жаль*, что они, так же как и Красные, знают о Родне. В лучшем случае они должны были знать, что во дворце находится большое количество женщин, умеющих направлять, и у них не займет много времени, чтобы выяснить, кто они такие. Это впоследствии создаст множество всевозможных проблем, однако эти трудности лежали где-то в будущем. Всегда стоит смотреть вперед, говорила Лини, однако когда это еще

будет. — Установите наблюдение за мастером Харнде-ром и попытайтесь выяснить, кто его друзья. На первое время этого будет достаточно. — Некоторые шпионы полагались в основном на свои уши: слушали праздную болтовню или подслушивали у дверей. Другие развязывали языки с помощью нескольких дружеских чаш вина. Чтобы противодействовать шпиону, надо сперва выяснить, каким способом он добывает то, что впоследствии продает.

Авиенда, громко фыркнув, расправила свои юбки и приготовилась сесть прямо на ковер, прежде чем вспомнила, что на ней

надето. Встретив предостерегающий взгляд Дайлин, она вместо этого уселась на краешек стула – просто воплощение придворной дамы со сверкающим взглядом. Разве что придворная дама не стала бы то и дело проводить большим пальцем по лезвию поясного ножа. Если бы ей позволили поступать по своему усмотрению, Авиенда перерезала бы глотку каждому шпиону, оказавшемуся в пределах досягаемости ее ножа. Шпионаж, по ее мнению, был низким занятием, как бы Илэйн ни убеждала ее, что каждый обнаруженный шпион – это инструмент, который можно использовать.

К тому же далеко не каждый шпион работал на врагов. Большинство из тех, кого обнаружила главная горничная, брали деньги сразу из нескольких источников, и среди тех, которые удалось выявить, были король Муранди Роэдран, различные тайренские Благородные Лорды и Леди, несколько знатных кайриэнцев и немало купцов. Довольно многие интересовались тем, что происходит в Кэймлине, из-за того ли, что хотели знать, как это отзывалось на торговле, или по другим причинам. Иногда могло показаться, что каждый здесь шпионил за каждым.

– Госпожа Харфор, – произнесла

Илэйн, – вы еще не обнаружили «глаз-и-ушей» Черной Башни.

Подобно большинству людей, при упоминании о Черной Башне Дайлин передернула плечами и сделала большой глоток вина, но Рин только слегка поморщилась. Она была исполнена решимости игнорировать тот факт, что они были мужчинами, умеющими направлять Силу, несмотря на то что не могла здесь ничего изменить. Для нее Черная Башня была... неудобством.

– У них было недостаточно времени, миледи. Дайте им год, и вы обнаружите у нас лакеев и библиотекарей, получающих мзду и от них.

– Полагаю, так оно и будет. –
Страшная мысль. – Что еще у вас
есть для нас сегодня?

– У меня был разговор с Йоном
Скеллитом, миледи. От того, кто
однажды вывернул плащ наизнанку,
всегда можно ожидать, что он
вывернет его и еще раз; и Скеллит
так и сделал. – Скеллит, парикмахер,
состоял на жалованье у Дома Араун
и, стало быть, в настоящий момент
был человеком Аримиллы.

Бергитте на полуслове
проглотила проклятие – по какой-то
причине она старалась следить за
своим языком в присутствии Рин
Харфор – и воскликнула
страдальческим тоном:

– Вы решились на *разговор* с ним? Никого не спросясь?

Дайлин, которая не испытывала никаких угрызений совести относительно старшей горничной, пробормотала себе под нос: «Материно молоко!» Илэйн еще ни разу не слышала, чтобы она ругалась. Мастер Норри, моргнув, чуть не уронил свою папку и постарался не глядеть на Дайлин. Старшая горничная, однако, просто подождала, пока она и Бергитте выскажутся, и спокойно продолжила:

– Я видела, что время настало, и Скеллит созрел. Один из тех, кому он передает свои донесения, покинул город и до сих пор не вернулся, в то

время как другой волею судьбы сломал себе ногу. На улицах сейчас много льда в тех местах, где раньше были пожары. — Судя по тому, как вкрадчиво она произнесла это, можно было предположить, что сломанная нога была волей не столько судьбы, сколько самой Рин Харфор. Жесткие времена открывают неожиданные способности в таких людях, на кого сроду не подумаешь. — Скеллит согласен передать следующее свое донесение из города самолично. Он уже видел, как открывают ворота, и не стал делать вид, что боится. — Можно подумать, сама она с детства привыкла к тому, как купеческие

повозки выезжают из дыры в воздухе.

— Но что помешает этому тре...
э... этому парикмахеру сбежать,
когда он окажется за городской
стеной? — раздраженно спросила
Бер-гитте, начав вышагивать перед
камином со сложенными за спиной
руками. Ее тяжелая золотая коса,
казалось, вот-вот встанет дыбом. —
Если он сбежит, Араун найдет кого-
нибудь еще, и вам снова придется
охотиться за шпионом. Свет,
Аримилла, должно быть, слышала о
вратах с первого дня, как здесь
появилась, и Скеллит не мог не знать
о них. — Ее раздражало не то, что
Скеллит может сбежать, или по
крайней мере не только это.

Наемники считали, что их наняли драться с солдатами, но они ничего не имели против того, чтобы за пару серебряных монет позволить одному-двум людям проскользнуть ночью через ворота – в обоих направлениях. От одного-двух вреда не будет, так они полагали. Бергитте не любила, когда ей напоминали об этом.

– Жадность не даст ему так поступить, миледи, – спокойно отвечала госпожа Харфор. – Когда он услышал о возможности получать деньги одновременно и от леди Илэйн, и от леди Ниан, у него засверкали глаза. Согласна, что леди Аримилла уже наверняка слышала о вратах, но тем правдоподобнее будет

выглядеть, что Скел-лит явился туда самолично.

— А если его жадность окажется настолько велика, что он попытается заработать еще больше, вывернув плащ в третий раз? — спросила Дайлин. — Он может навлечь на нас большие... неприятности, госпожа Харфор.

Тон старшей горничной стал несколько суше. Она никогда не переходила границы, но ей не нравилось, если *кто* *угодно* подозревал ее в небрежности.

— В этом случае леди Ниан похоронит его в ближайшем сугробе, миледи, и я постаралась, чтобы он осознал это. Она никогда не

отличалась терпением. Уверена, вам это известно. В любом случае, известия, которые мы получаем из лагеря Аримиллы, мягко говоря, довольно отрывочны, а этот человек сможет увидеть там некоторые вещи, которые нам будет очень полезно знать.

— Если Скеллит скажет нам хотя бы, в каком лагере Аримилла, Эления и Ниан будут ночевать и когда, я самолично заплачу ему золотом, — задумчиво произнесла Илэйн. Эления и Ниан держались поблизости от Аримиллы, вернее, та держала их поблизости; а Аримилла была еще менее терпелива, чем Ниан, и еще меньше верила, что

можно оставить что-либо без присмотра. Она проводила по полдня, объезжая лагерь за лагерем, и, по-видимому, никогда не ночевала на одном месте два раза подряд. — Это единственное, что я хочу знать.

Рин склонила голову.

— Как скажете, миледи. Я прослежу за этим. — Ей слишком часто приходилось воздерживаться от резких слов в присутствии мастера Норри, и сейчас она не подавала вида, что слышала какое-либо неодобрение в свой адрес. Разумеется, Илэйн не хотелось отчитывать ее в присутствии посторонних. Госпожа Харфор, конечно, продолжала бы исполнять

свои обязанности как полагается и, несомненно, не прекратила бы охотиться за шпионами, выслеживая их с не меньшим пылом, чем теперь, хотя бы потому, что их наличие во дворце было оскорблением для нее. Однако Илэйн пришлось бы каждый день сталкиваться с дюжиной несообразностей, дюжиной мелких неудобств, вдобавок ко всем прочим неприятностям лучше не портить отношения со старшей горничной. *Мы должны соблюдать фигуры танца с такой же точностью, как и наши слуги,* сказала ей как-то мать. *Либо ты постоянно нанимаешь все новых и новых слуг и тратишь время на их обучение, терпя неудобства,*

пока они не выучатся, лишь для того, чтобы вновь и вновь начинать все сначала, либо ты принимаешь правила так же, как и слуги, и живешь спокойно, используя свое время на то, чтобы править.

— Благодарю вас, госпожа Харфор, — произнесла Илэйн, получив от той еще один точно выверенный реверанс. Рин Харфор тоже была из числа женщин, знавших себе цену. — Мастер Норри, теперь выслушаем вас?

Похожий на цаплю писец вздрогнул и отвел хмурый взгляд от Рин. В некотором роде он считал врата своей сферой и полагал их не такой вещью, с которой можно

шутить.

— Да, миледи. Разумеется. — Его голос был сухим и монотонным. — Полагаю, леди Бергитте уже известила вас о купеческих караванах из Иллиана и Тира. Кажется... гм... она имеет обыкновение делать это, когда вы возвращаетесь в город. — На мгновение его глаза осуждающе остановились на Бергитте. Он боялся вызвать у Илэйн хоть малейшее недовольство, даже если та кричала на него; но он жил в соответствии с собственными правилами и сейчас слегка осуждал Бергитте за то, что та украдала у него возможность самому перечислить повозки, бочки и

мешки, прибывшие с караванами. Он любил свои цифры. По крайней мере Илэйн надеялась, что он не слишком задет. Мастер Норри не отличался особым пылом, и было трудно сказать, насколько он огорчен.

— Да, она рассказала мне, — ответила Илэйн, вложив в свой тон легкий оттенок извинения, в то же время недостаточный, чтобы смутить его. — Боюсь, что некоторые из Ата'ан Миэйр покидают нас. С сегодняшнего дня у нас будет вдвое меньше женщин, ставящих для нас врата.

Его паучьи пальцы пробежали по кожаной папке, прижатой к груди, словно он ощупывал находящиеся в

ней бумаги. Илэйн никогда не видела, чтобы он заглядывал в какую-нибудь из них.

— Гм. Гм. Что ж, мы... справимся, миледи. — Халвин Норри всегда справлялся. — Я продолжу. За вчерашний день и прошедшую ночь было девять поджогов, немного больше обычного. Три из попыток имели место на продуктовых складах. Ни одна не была успешной, поспешу добавить. — Возможно, он и спешил добавить, но делал это тем же усыпляющим речитативом. — Если мне будет позволено высказать свое мнение, патрули Гвардии на улицах возымели действие — количество нападений и краж уменьшилось и

стало немного меньше обычного для этого времени года, — но кажется очевидным, что поджоги направляет одна рука. Было уничтожено семнадцать зданий, все, кроме одного, — его губы поджались, выражая неодобрение. Для него самого требовалось нечто гораздо большее, чем осада, чтобы заставить его покинуть Кэймлин, — и по моему мнению, все эти здания подожгли для того, чтобы как можно дальше отвлечь пожарные повозки с водой от складов, где также предпринимались попытки поджогов. Сейчас я уверен, что подобную закономерность можно проследить в каждом из пожаров, что произошли за

последние несколько недель.

— Бергитте? — произнесла Илэйн.

— Я могу попробовать нанести склады на карту, — с сомнением отвечала Бергитте, — и послать дополнительные патрули на те улицы, которые наиболее удалены от них, но все равно это значит слишком полагаться на тре... э-э... на удачу. — Она не взглянула на госпожу Харфор, но Илэйн *ощутила*, как она слегка покраснела. — Любой может носить кремень и кресало в пояском кошелье, и понадобится только пара минут и пук соломы, чтобы разжечь огонь.

— Делай что можешь, — сказала

ей Илэйн. Это будет *чистейшая* удача, если им удастся поймать поджигателя за руку, и уж совсем невероятно то, что тот расскажет что-нибудь, кроме того, что получил деньги от человека, лицо которого скрывал капюшон. А для того чтобы проследить путь этого золота до Аримиллы, или Элении, или Ниан, потребуется удача Мэта Коутона. — У вас есть что-нибудь еще, мастер Норри?

Потирая костяшками пальцев длинный нос, тот избегал ее взгляда.

— Я имею... гм... сведения, — произнес он, колеблясь, — о том, что Дома Марне, Араун и Саранд недавно одновременно получили

очень крупные ссуды под свои поместья. — Брови госпожи Харфор удивленно взлетели на лоб.

Заглянув в свою чашу, Илэйн обнаружила, что каким-то образом успела ее опорожнить. Банкиры никогда никому не говорят, какие суммы и кому они дают займы и под какое обеспечение, но она не стала спрашивать, откуда Норри это известно. Это было бы... неловко. Для них обоих. Она улыбнулась, когда ее сестра взяла ее чашку, и затем снова нахмурилась, когда та вновь вернула ее полной. Авиенда, казалось, считала, что Илэйн должна пить слабый чай, пока он не польется у нее из ушей! Козье

молоко, конечно, лучше, но и помои под видом чая тоже подойдут. Ну нет, она будет *держать* чашку в руках, но она *не собирается* больше пить это.

— Наемники, — прорычала Дайлин, ее глаза пылали так, что попятился бы и медведь. — Я всегда говорила и скажу снова: проблема купленных мечей в том, что они продаются не навсегда. — Она с самого начала противилась тому, чтобы нанимать бойцов для защиты города, но факт оставался фактом — без них Аримилла со своей армией могла бы въехать в город через любые ворота, которые бы ей понравились. У них просто не хватило бы людей, чтобы охранять как следует все

городские ворота, и совсем никого не осталось бы на стенах.

Бергитте тоже была против наемников, однако признала доводы Илэйн, хоть и неохотно. Она по-прежнему не доверяла им, но сейчас лишь покачала головой. Усевшись на подлокотнике кресла поближе к огню, она поставила сапожок со шпорой на сиденье.

— Наемники заботятся если не о своей чести, то о своей репутации. Перейти на другую сторону — это одно, но предать ворота, которые ты охраняешь, — это совсем другое. Отряд, который сделает подобную вещь, никогда и нигде не найдет желающих нанять его вновь.

Аримилле придется заплатить их капитану достаточно, чтобы он до конца своей жизни жил как лорд, и хотя бы убедить его людей в том, что их ждет не меньшая награда.

Норри откашлялся. Даже этот звук казался каким-то тусклым.

— Есть подозрение, что они занимали под обеспечение одних и тех же доходов с поместий дважды и даже трижды. Банкиры, разумеется... пока что... не осведомлены об этом.

Бергитте хотела было выругаться, но оборвала себя. Дайлин уставилась в свое вино таким хмурым взглядом, под которым оно могло бы прокиснуть. Авиенда схватила Илэйн за руку, но, слегка

пожав, тут же отпустила. Огонь трещал в камине, несколько искорок чуть-чуть не долетели до ковра.

— Отряды наемников необходимо взять под наблюдение. — Илэйн подняла руку, предупреждая Бергитте. Та даже не успела открыть рот, но узы донесли многое. — Тебе придется найти где-нибудь людей для этого. — О Свет! Похоже, им нужно следить за таким же количеством людей внутри города, как и снаружи! — Вряд ли понадобится много людей, но мы должны знать, если они начнут вести себя подозрительно или скрытно, Бергитте. Это может оказаться для нас единственным

предупреждением.

— Я тут подумала: что мы будем делать, если узнаем, что один из отрядов собирается продать нас? — сказала Бергитте с кривой ухмылкой. — Просто знать об этом — мало, если у меня не окажется под рукой людей, чтобы поспешить к тем воротам, которые, по моим сведениям, будут открыты. Но половина солдат в городе — наемники; половина оставшихся жителей — старики, которые еще несколько месяцев назад жили на пенсион. Я могу попробовать менять караулы наемников через нерегулярные промежутки времени. Им будет сложнее открыть врагу

какие-нибудь ворота, если они не будут знать, где будут стоять завтра; однако это все же не станет невозможным. — Как бы Бергитте ни утверждала, что из нее получится никудышный полководец, она видела больше битв и осад, чем десять настоящих генералов, вместе взятых, и она очень хорошо знала, как развиваются события в подобных случаях.

Илэйн почти жалела, что у нее в чашке не вино. Почти.

— Есть ли какая-нибудь надежда, что банкиры получают те сведения, которыми вы обладаете, мастер Норри? До того, как деньги будут выплачены? — Получив ссуды,

некоторые могут решить, что предпочтительнее видеть на троне Аримиллу. А потом та сможет опустошить государственную казну, чтобы выплатить долг. Возможно, так все и задумано. Купцы следуют политическим ветрам, куда бы те ни дули. Банкиры же, как известно, иногда пытаются влиять на события.

— По моему мнению, это вряд ли возможно, миледи. Для этого им придется... гм... задать нужные вопросы нужным людям, а банкиры обычно... гм... не очень разговорчивы... между собой. Да, думаю, это вряд ли возможно на настоящий момент.

В любом случае, здесь уже

ничего не поделать. Разве что признаться Бергитте, что теперь может появиться новый источник убийц и похитителей. Заметив, как помрачнело лицо ее Стража, и почувствовав ее донесшуюся по узам непреклонность, Илэйн поняла, что та догадалась. Теперь у нее осталось мало шансов ограничить число своих телохранителей одной сотней. Совсем не осталось.

— Благодарю вас, мастер Норри, — произнесла Илэйн. — Вы, как всегда, хорошо поработали. Дайте мне знать немедленно, если заметите какие-либо признаки того, что банкиры все же задали эти вопросы.

— Разумеется, миледи, — пробормотал он, резко наклоняя голову, как цапля, увидевшая лягушку. — Миледи очень добра.

Когда Рин и Норри покинули комнату — он придержал для нее дверь, кланяясь чуть более вежливо, чем обычно, а старшая горничная ответила легким наклоном головы, проскальзывая мимо него в коридор, — Авиенда не стала распускать малого стража, выставленного на время разговора. Лишь только дверь с тяжелым стуком закрылась, она произнесла:

— Кто-то пытался подслушивать.

Илэйн покачала головой. Вряд ли можно выяснить, кто это был —

кто-то из Черных Айя? Любопытная женщина из Родни? — но, по крайней мере, им не удалось ничего услышать. Крайне маловероятно, чтобы кому-нибудь удалось миновать малого стража Авиен-ды, возможно, это не по зубам даже Отрекшемуся; но если бы это удалось, она сказала бы об этом сразу же.

Дайлин приняла заявление Авиенды с большей обеспокоенностью, бормоча что-то о Морском Народe. Она никак не отреагировала, услышав, что половина Ищущих Ветер покидает дворец, поскольку рядом были Рин и Норри, но сейчас потребовала, чтобы ей рассказали все от начала до конца.

– Я никогда не доверяла Зайде, – пробурчала она, когда Илэйн закончила. – Эта сделка, полагаю, неплохо скажется на торговле, но меня бы не удивило, если бы Зайда послала одну из Ищущих Ветер подслушивать. Она кажется мне женщиной, которая хочет знать все, просто на случай, если когда-нибудь это окажется полезным. – Дайлин редко выказывала колебания, однако сейчас она помедлила, перекатывая свою чашу между ладонями. – Ты уверена, что это... этот *маяк*... не может причинить нам вреда, Илэйн?

– Настолько, насколько вообще можно быть в чем-то уверенной, Дайлин. Если бы он собирался

разрушить мир, думаю, это бы произошло.

Авиенда засмеялась, но Дайлин слегка побледнела. О Свет! Иногда приходится смеяться просто для того, чтобы не заплакать.

— Если мы надолго задержимся после ухода Норри и госпожи Харфор, — напомнила Бергитте, — кто-нибудь может заинтересоваться, в чем причина. — Она махнула рукой в сторону стен, в сторону малого стража, которого не могла видеть. Она знала тем не менее, что плетение еще не убрано. Ежедневные встречи со старшей горничной и старшим писцом всегда скрывали еще кое-что, кроме простого

выслушивания отчетов.

Все собрались вокруг нее. Она переставила пару золотистых фарфоровых кубков работы Ата'ан Миэйр на боковой столик и вытащила из внутреннего кармана короткой куртки сложенную во много раз карту. Она всегда была там, за исключением того времени, когда Бергитте спала, но и тогда карта находилась у нее под подушкой. Расстеленная на столе карта показывала Андор от реки Эринин до границы с Алтарой и Муранди. Пожалуй, можно было сказать, что на ней изображен весь Андор, хотя земли, лежащие на самом западе, в течение многих поколений лишь

наполовину контролировались Кэймлином. Это вряд ли можно было назвать образцом картографического искусства и многие детали на сгибах разобрать было невозможно, но все же карта показывала территорию достаточно хорошо; на ней были отмечены каждый город и каждая деревня, каждая дорога, мост или брод. Илэйн поставила свою чашу подальше от карты, чтобы случайно не плеснуть на нее, добавив еще одно пятно. И чтобы избавиться от этого жалкого подобия чая.

– Порубежники уже на марше, – сказала Бергитте, показывая на леса к северу от Кэймлина, на точку, находящуюся на северной границе

Андора, — но пока что они продвинулись ненамного. С такими темпами они будут больше месяца идти к Кэймлину.

Круговыми движениями взбалтывая вино в своей серебряной чаше, Дайлин вглядывалась в темный напиток, затем внезапно подняла взгляд.

— Я думала, что вы, северяне, привычны к снегу, леди Бергитте. — Даже сейчас она не могла удержаться от провокации, и если запретить ей это, она только лишний раз уверится, что Бергитте что-то скрывает, и преисполнится решимости раскрыть ее секреты.

Авиенда хмуро взглянула на

Дайлин — когда она не была исполнена благоговейного трепета перед Бергитте, то порой начинала яростно защищать ее от посягательств, — но сама Бергитте встретила взгляд Дайлин спокойно, и узы не передавали даже намека на тревогу. Ложь о своем происхождении давалась ей с каждым разом все легче.

— Я уже давно не бывала в Кандоре. — Это чистая правда, хотя она не бывала там гораздо дольше, чем могла себе представить Дайлин. В те времена эта страна даже еще не называлась Кандором. — Но независимо от того, кто к чему привычен, марш двухсот тысяч

солдат, не говоря уже о Свет знает
скольких людях, следующих за
войском, представляет зимой
нелегкую задачу. Хуже того — я
посылала госпожу Окалин и госпожу
Фоте в одну из деревень в
нескольких милях к югу от
границы, — Сабейне Окалин и
Юлания Фоте были женщинами
Родни, умеющими Перемещаться, — и
они говорят, что местные жители
уверены, что Порубежники
собираются зимовать там.

Илэйн поцокала языком, хмуро
разглядывая карту и измеряя пальцем
расстояние. Она рассчитывала хотя
бы на известия о По-рубежниках,
если не на них самих. Слухи об

армии такого размера, вторгшейся в Андор, должны были распространяться впереди нее, как огонь в сухой траве. Лишь совершенный глупец мог поверить, что они прошли все эти сотни лиг для того, чтобы попытаться завоевать Андор. Однако любой, услышав о них, начал бы строить предположения об их намерениях и о том, что теперь делать, причем у каждого оказалось бы собственное мнение. Хоть бы слухи начали распространяться. Когда это произойдет, у нее появится преимущество перед всеми остальными. Именно она устроила так, чтобы Порубежники пересекли

Андор, и более того, она уже устроила так, чтобы они потом покинули его.

Сделать выбор было не так уж трудно. Если бы Илэйн решила останавливать их, пролились бы реки крови, и вряд ли бы ей удалось преуспеть в этом; а Порубежники хотели всего лишь, чтобы их пропустили в Муранди, где, как они считали, найдут Дракона Возрожденного. Это тоже было делом ее рук. Они скрывали причины, по которым искали Ранда, а Илэйн не собиралась выдавать им его истинное местонахождение, тем более что с Порубежниками находилось чуть ли не дюжина Айз

Сeday, о которых они тоже умалчивали. Но когда слухи о них дойдут до Верховных Опор...

— Это должно сработать, — мягко произнесла Илэйн. — Если необходимо, мы можем сами распустить слухи о Порубежниках.

— Это должно сработать, — согласилась Дайлин и прибавила мрачным тоном: — До тех пор пока Башир и Бэйл держат своих людей в узде. Это будет гремучая смесь — Порубежники, Айил и Легион Дракона, находящиеся в нескольких милях друг от друга. Не знаю, насколько можно быть уверенными, что Аша'маны не устроят какую-нибудь безумную выходку, — добавила

она, фыркнув. По ее мнению, лишь полный безумец мог по доброй воле согласиться стать Аша'маном. Авиенда кивнула. Она спорила с Дайлин почти так же часто, как Бергитте, но Аша'маны обычно были тем пунктом, по которому их мнения сходились.

– Я позабочусь о том, чтобы Порубежники держались подальше от Черной Башни, – уверила их Илэйн, хотя ее переполняли те же сомнения. Даже Дайлин знала, что Бэйл и Башир постараются контролировать свои войска – никто из них не хотел вступать в битву без нужды, и Даврам Башир, разумеется, не стал бы сражаться с

собственными земляками, — но любой забеспокоится, когда речь идет об Аша'манах и о том, что они могут выкинуть. Илэйн скользнула пальцем от шестиконечной звезды, обозначающей Кэй-млин, через несколько миль, отделявших его от территории, узурпированной Аша'манами. Черная Башня не была обозначена на карте, однако она слишком хорошо знала, где та расположена. По крайней мере на достаточном удалении от Лугардского тракта. Провести Порубежников в Муранди, не беспокоя Аша'манов, не должно оказаться сложным.

Илэйн поджала губы при мысли

о том, что не должна беспокоить Аша'манов, но в ближайшее время с этим ничего нельзя было сделать, так что она мысленно отодвинула людей в черных куртках в сторону. С тем, с чем нельзя разобраться сейчас, ей придется разбираться позднее.

— А другие? — Ей не нужно было пояснять. Еще шесть крупных Домов оставались в стороне — по крайней мере от нее и Аримиллы.

Дайлин заявляла, что рано или поздно все они будут в лагере Илэйн, однако до сих пор те не давали повода так думать. Сабейне и Юлания должны были собрать слухи также и об этих шести Домах. Обе женщины последние двадцать лет

были коробейницами, привычными к тяжелым переходам, ночевкам в конюшнях или под открытым небом, а также к тому, чтобы слушать то, что говорят люди, и узнавать то, чего они не говорят. Обе казались великолепными разведчицами. Было бы очень жаль, если бы их пришлось отозвать в город, чтобы помогать плести врата.

— Судя по слухам, лорд Луан находится в дюжине мест одновременно, на западе и на востоке. — Хмурясь на покрытую пятнами карту, словно местоположение Луана должно было быть на ней обозначено, Бергитте пробормотала ругательство, *гораздо*

более грубое, чем было необходимо, поскольку теперь Рин Харфор не было рядом. — Все говорят, что он находится в соседней деревне или в той, которая за ней. Леди Эллориен и лорд Абелль, по-видимому, просто пропали, как бы это ни было сложно для Верховной Опоры. По крайней мере госпоже Окалин и госпоже Фоте не удалось услышать ни слова ни о них, ни о ком-либо из дружинников Дома Пендар или Дома Траймане. Ни о пеших, ни о конных. — *Это* было очень необычно. Кто-то прилагал большие усилия, чтобы добиться этого.

— Абелль всегда умел превращаться в бесплотный дух,

когда хотел, — пробормотала Дайлин, — и всегда был готов поставить тебе подножку. А Эллориен... — Проведя пальцами по губам, она вздохнула. — Это слишком яркая женщина, чтобы взять так и исчезнуть. Разве что она сейчас с Луаном или Абеллем. Или с обоими вместе. — Эта мысль явно не приводила ее в восторг.

— Что же до остальных четырех наших «друзей», — продолжала Бергитте, — то леди Арателле пересекла границу Муранди пять дней назад вот здесь, — она слегка коснулась карты милях в двухстах к югу от Кэймлина. — Четыре дня назад лорд Пеливар пересек границу в

пяти-шести милях к западу от этого места, а леди Аймлин — здесь, еще в пяти-шести милях западнее.

— Поодиночке, — кивнула Дайлин. — С ними был кто-нибудь из мурандийцев? Нет? Это хорошо. Возможно, они направлялись к своим поместьям, Илэйн. Если они и дальше будут идти по отдельности, мы будем знать наверняка. — Эти три Дома внушали ей наибольшее беспокойство.

— Они могут направляться и домой, — Бергитте, как всегда, неохотно согласилась с Дайлин. Перекинув свою искусно заплетенную косу через плечо, она сжала ее конец в кулаке, как могла

бы сделать Найнив. – Люди и лошади должны были устать после зимнего перехода по Муранди. Однако мы можем быть уверены – они двигаются.

Авиенда фыркнула, несмотря на то что была в элегантном бархатном платье.

– Всегда предполагай, что твой враг поступит так, как тебе меньше всего хочется. Реши, что будет для тебя наименее приятно, и планируй, основываясь на этом.

– Аймлин, Арателле и Пеливар – не враги, – слабо запротестовала Дайлин. Как бы она ни надеялась, что те изменят свои предпочтения, пока что эти трое хотели видеть на

троне саму Дайлин.

Илэйн никогда не слышала о том, чтобы королеву *принудили* взойти на трон, – подобное вряд ли попало бы в исторические хроники, – однако Аймлин, Арателле и Пеливар, казалось, собирались попробовать, и вовсе не потому, что надеялись сами получить власть. Дайлин не хотела править, однако вряд ли бы она оказалась плохим правителем. Причина заключалась в том, что в последний год своего правления Моргейз Траканд допускала ошибку за ошибкой, и лишь немногие знали или верили, что в течение всего этого времени она была пленницей одного из

Отрекшихся. Некоторые из Домов готовы были посадить на трон кого угодно, только не еще одну представительницу из Дома Траканд.

— Чего мы бы меньше всего хотели от них? — сказала Илэйн. — Если они разойдутся по своим поместьям, то выйдут из игры по меньшей мере до весны, а к этому времени все уже должно решиться. — Если на то будет воля Света, так оно и будет. — Но если они продолжают двигаться по направлению к Кэймлину?

— Без мурандийцев у них не хватит людей, чтобы бросить вызов Аримилле. — Изучая карту, Бергитте потерла подбородок. — Если они еще

не знают, что поблизости находятся айильцы и Легион Дракона, то вскоре узнают, но они осторожны. Никто из них не глуп настолько, чтобы без нужды спровоцировать сражение, в котором у них нет шансов победить. Я бы сказала, что они разобьют лагерь где-нибудь на востоке или юго-востоке, где смогут присматривать за происходящим и при необходимости вмешаться.

Допив остатки вина, которое, должно быть, к этому времени уже совсем холодным, Дайлин тяжело вздохнула и прошла к столику, чтобы вновь наполнить свою чашу.

— Если они идут к Кэймлину, — тяжело сказала она, — значит,

надеются, что Луан, Арателле или Эллориен присоединятся к ним. А возможно, и все трое.

— Тогда мы должны понять, как не дать им добраться до Кэймли-на прежде, чем наши собственные планы осуществляются, не сделав их при этом вечными врагами. — Илэйн старалась придать своему голосу столько же твердости и уверенности, сколько было уныния в голосе Дайлин. — И мы должны иметь план на тот случай, если они прибудут сюда слишком рано. Если это произойдет, Дайлин, ты должна будешь убедить их, что выбирать надо между мной и Аримиллой. В противном случае мы окажемся в

таком запутанном положении, из которого никогда не выберемся, и весь Андор вместе с нами.

Дайлин охнула, словно получила удар в живот. В последний раз великие Дома разделились поровну между тремя претендентками на Львиный Трон около пятисот лет назад, и тогда за этим последовало семь лет открытой войны, прежде чем королева была избрана. К этому времени все три первоначальные претендентки были уже мертвы.

Илэйн машинально взяла свою чашку и отхлебнула. Чай уже остыл, но вкус меда взорвался у нее во рту. Мед! Она потрясенно взглянула на Авиенду, и губы ее сестры

изогнулись в легкой усмешке. Заговорщицкой усмешке, поскольку Бергитте не могла понять толком, что произошло. Даже соединявшие их узы, обладавшие неожиданно высокой чувствительностью, не могли заставить ее ощутить вкус, который ощущала Илэйн, хотя она несомненно почувствовала удивление и удовольствие Илэйн, когда та попробовала чай. Уперев кулаки в бока, Бергитте глядела на нее с подозрением. Точнее, пыталась; несмотря на все усилия, улыбка показалась и на ее лице тоже. Внезапно Илэйн поняла, что головная боль Бергитте прошла. Она не уловила момента, когда это

случилось, но сейчас ее голова определенно не болела.

– Надейся на лучшее, но планируй худшее, – сказала Илэйн. – Иногда все может обернуться наилучшим образом.

Дайлин, которая ничего не знала о меде в чае Илэйн и ничего не понимала, кроме того, что все трое ухмыляются друг другу, громко кашлянула.

– Иногда, да не всегда. Если твой хитрый план удастся *в точности* так, как ты задумала, Илэйн, нам не потребуется поддержка Аймлин, Эллориен или кого-нибудь другого, но это опасная игра. Для того чтобы все сорвалось,

достаточно...

Дверь по левую сторону от них отворилась, впустив поток холодного воздуха и круглолицую женщину с ледяными глазами и золотым бантом подлейтенанта на плече. Должно быть, она постучалась, прежде чем войти, но даже если так, малый страж заглушил звук. Подобно Расории, до того как стать телохранительницей Илэйн, Цигэн Сокорин была Охотницей за Рогом. По-видимому, караул сменился, пока они беседовали.

— Хранительница Мудрости Монаэлле хочет видеть леди Илэйн, — объявила Цигэн, вытягиваясь во весь рост. — С ней госпожа Каристован.

От Сумеко еще можно отвертеться, но не от Монаэлле. Люди Аримиллы скорее стали бы препятствовать Айз Седай, чем кому-либо из Айил, однако лишь нечто важное могло привести в город Хранительницу Мудрости. Бергитте тоже понимала это; она немедленно начала складывать карту. Авиенда убрала малого стража и отпустила Источник.

— Попроси их войти, — сказала Илэйн.

Монаэлле не стала ждать Цигэн, она скользнула в комнату, как только плетение исчезло; ее многочисленные браслеты из золота и резной кости загремели, когда она

скинула свою шаль с плеч на локти, войдя в относительно теплое помещение. Илэйн не знала, сколько лет Монаэлле, – Хранительницы Мудрости не так тщательно скрывали свой возраст, как Айз Седай, но тем не менее о нем они не распространялись, – однако по виду она была средних лет. Ее длинные, по пояс, золотистые волосы отблескивали рыжиной, но в них не было и намека на седину. Слишком низкорослая для айилки, ниже Илэйн, с мягким добрым лицом, она вряд ли была настолько могущественна в Силе, чтобы быть принятой в Белую Башню, но не могущество ценилось среди

Хранительниц Мудрости; так что она занимала очень высокое положение. Что имело большее значение для Илэйн и Авиенды, ибо она была повивальной бабкой при их перерождениях в Первых Сестер. Илэйн присела перед ней в реверансе, игнорируя неодобрительное фырканье Дайлин, а Авиенда низко поклонилась, сложив руки на животе. Не считая ее долга перед своей приемницей, согласно обычаям Айил, она, в конце концов, была всего лишь ученицей у Хранительниц Мудрости.

— Полагаю, ваша необходимость в уединении отпала, поскольку вы убрали охранное плетение, —

произнесла Монаэлле, – и настало время, когда я должна проверить твоё состояние, Илэйн Тра-канд. Это необходимо делать дважды в месяц до окончания твоего срока. – Почему она так хмурится, глядя на Авиенду? О Свет, конечно же, её бархат!

– А я пришла посмотреть, что она будет делать, – сказала Суме-ко, входя в комнату вслед за Хранительницей Мудрости. Сумеко была внушительной, крепкой женщиной с уверенным взглядом, в хорошо скроенном жёлтом шерстяном платье с красным поясом; в её прямых чёрных волосах поблескивали серебряные гребни, а на высоком воротнике – серебряная

круглая брошь, отделанная красной эмалью. Она могла бы сойти за знатную даму или преуспевающую купчиху. Когда-то она была робкой, по крайней мере в окружении Айз Седай, но это время прошло. Ее больше не смущали ни Айз Се-дай, ни солдаты Гвардии Королевы. — Ты можешь идти, — сказала она Цигэн. — Это тебя не касается. — Ее не смущали и благородные, если уж на то пошло. — Вы также можете оставить нас, леди Дайлин, и вы, леди Бергитте. — Она окинула Авиенду изучающим взглядом, словно раздумывая, не добавить ли и ее в этот список.

— Авиенда может остаться, —

сказала Монаэлле. — Она пропустила очень много уроков, но все равно должна будет научиться этому рано или поздно. — Сумеко кивнула, соглашаясь на Авиенду, но бросила холодный нетерпеливый взгляд на Дайлин и Бергитте.

— Нам с леди Дайлин надо поговорить, — произнесла Бергитте, засовывая сложенную карту обратно во внутренний карман своей красной куртки и направляясь к двери. — Я сообщу тебе вечером, что мы надумали, Илэйн.

Дайлин негодуяюще взглянула на нее, почти так же негодуяще, как смотрела на Сумеко, но поставила свою чашу на один из подносов. Она

попрощалась с Илэйн и
приготовилась уходить, с видимым
нетерпением поглядывая на
Бергитте, которая, наклонившись к
Монаэлле, долго что-то нашептала ей
на ухо, а та отвечала коротко, но так
же тихо. О чем они там шепчутся? Не
иначе как о козьем молоке.

Когда дверь за Цигэн и двумя
другими женщинами закрылась,
Илэйн предложила снова послать за
вином, поскольку то, что оставалось
в кувшинах, уже остыло, но обе ее
гости отклонили предложение.
Сумеко – отрывисто, а Монаэлле –
вежливо, но явно думая о другом.
Хранительница Мудрости изучала
Авиенду так пристально, что та

начала краснеть и смотреть в сторону, теребя свои юбки.

– Не нужно ругать Авиенду за ее наряд, Монаэлле, – сказала Илэйн. – Я попросила ее надеть это, и она поступила так из уважения ко мне.

Монаэлле, поджав губы, немного подумала, прежде чем ответить.

– Первые сестры должны оказывать друг другу знаки уважения, – сказала она наконец. – Ты знаешь свой долг перед своим народом, Авиенда. До сих пор ты хорошо справлялась с этой непростой задачей. Ты должна учиться жить одновременно в двух мирах, так что тебе стоит научиться и тому, чтобы чувствовать себя

удобно в этой одежде. — Авиенда было расслабилась, но Монаэлле продолжала: — Но не слишком увлекайся. С этого дня ты будешь проводить каждые третьи сутки в наших палатках. Можешь вернуться вместе со мной завтра. Тебе предстоит еще очень многому научиться, прежде чем ты сможешь стать Хранительницей Мудрости, и это также твой долг, не меньший, чем служить связующей нитью.

Илэйн протянула руку и взяла сестру за руку и, когда Авиенда попыталась выдернуть ее после первого пожатия, не отпустила ее. После короткого колебания Авиенда тоже сжала ее руку. Как ни странно,

но то, что Авиенда была с ней, восполняло Илэйн отсутствие Ранда; она была не просто сестрой, но сестрой, которая тоже любила его. Они могли делиться друг с другом Силой и заставлять друг друга смеяться, когда им хотелось плакать, и они могли плакать вместе, когда это было необходимо. Провести одну ночь из трех в одиночестве скорее всего означало проплакать ее в одиночестве. О Свет, что Ранд там делает? Этот ужасный маяк на западе по-прежнему пылал так же ярко, как и прежде, и она была уверена, что Ранд находится в самой середине этого. Ни одна частица не изменилась в узах, связывающих ее с

ним, но Илэйн была уверена.

Внезапно она осознала, что стискивает руку Авиенды с неимоверной силой, и Авиенда отвечает не менее яростным пожатием. Они ослабили свою хватку в один и тот же момент. Однако ни одна из них не отпустила руку другой.

— Мужчины доставляют беспокойство даже тогда, когда находятся далеко, — тихо проговорила Авиенда.

— Это верно, — согласилась Илэйн.

Монаэлле улыбнулась, услышав их обмен репликами. Она была в числе немногих, кто знал о том, что

они связали Ранда узами, а также о том, кто был отцом ребенка Илэйн. Никто из женщин Родни, впрочем, не подозревал об этом.

— Полагаю, ты позволила мужчине причинить тебе все беспокойство, какое только возможно, Илэйн, — натянуто сказала Су-меко. Закон Родни следовал правилам Башни для послушниц и

Принятых, запрещая женщинам не только иметь детей, но и заниматься всем, что могло привести к их появлению, и они очень жестко придерживались этого требования. Когда-то женщина Родни скорее проглотила бы собственный язык, чем признала, что Айз Седай в чем-

то не следуют их Правилу. Однако с тех пор многое изменилось. — Мне еще нужно сегодня Перемещаться в Тир, чтобы привести завтра обоз с зерном и маслом, а уже довольно поздно, так что, если вы закончили беседовать о мужчинах, я бы предложила вам дать Монаэлле сделать то, ради чего она сюда явилась.

Монаэлле поставила Илэйн перед камином достаточно близко, чтобы жар от почти прогоревших бревен стал почти непереносимым, — лучше, чтобы будущей матери было очень жарко, объяснила она, — затем ее окружило сияние *саудар*, и она начала сплетать пряди Духа, Огня и

Земли. Авиенда наблюдала за ней не менее жадно, чем Сумеко.

– Что это? – спросила Илэйн, когда плетения окружили ее и проникли внутрь нее. – Это что-то вроде Искательства?

Каждая Айз Седай во дворце пробовала применить к ней это плетение, хотя лишь Мерилилль обладала достаточным искусством в Исцелении, чтобы принесло какую-то пользу, но все они смогли лишь определить, что она носит ребенка. Илэйн почувствовала слабое покалывание и что-то вроде жужжания внутри себя.

– Не говори глупости, девочка, – рассеянно сказала Сумеко. Илэйн

приподняла бровь и даже подумала, не помахать ли у той перед носом своим кольцом Великого Змея, но круглолицая женщина, казалось, даже не замечала ее. Она могла так же не заметить и ее кольцо. Сумеко наклонилась вперед, вглядываясь так, словно могла видеть плетения внутри тела Илэйн. — Хранительницы Мудрости узнали об Исцелении от меня. И от Найнив, полагаю, — добавила она спустя мгновение. О, Найнив взвилась бы до небес, как фейерверк Иллюминаторов, услышав это. Но с другой стороны, Сумеко с тех пор уже давно перещеголяла Найнив. — А простому способу они научились от Айз Седай. — Короткое

фыркание, напоминавшее звук рвущегося холста, показало, что Сумеко думала о «простом» способе, единственном способе Исцеления, который был известен Айз Седай на протяжении тысяч лет. — А это что-то другое, такое, что знают только Хранительницы Мудрости.

— Это называется Поглаживание Ребенка, — сказала Монаэлле рассеянным тоном. Основная часть ее внимания была направлена на плетение. Простое Искательство, направленное на то, чтобы выяснить, что беспокоит пациента (оно действительно *б^гло* простым, если подумать), было бы к этому времени уже давно закончено, но она

изменила потоки, и жужжание
внутри Илэйн изменило тон,
становясь глубже. – Возможно, это
какая-то часть Исцеления, это
похоже на Исцеление, но мы знали
это плетение задолго до того, как нас
отправили в Трехкратную Землю.
Некоторые из приемов
использования потоков
действительно похожи на то, что
показывали нам Сумеко Каристован
и Найнив ал'Мира. Поглаживая
Ребенка, можно узнать о здоровье
матери и ребенка, а изменяя
плетения, можно излечить
недомогания обоих, но это не
поможет женщине, не носящей дитя.
Или мужчине, разумеется. –

Жужжание становилось громче, казалось, что теперь уже любой может услышать его. У Илэйн возникло ощущение, что зубы у нее начали вибрировать.

Мысль, которая приходила ей и прежде, вспомнилась сейчас, и она спросила:

— А может ли Сила повредить моему ребенку? Если я буду сама ее направлять?

— Не больше, чем твое дыхание. — Монаэлле позволила плетениям исчезнуть, довольно улыбаясь. — У тебя двое. Еще слишком рано, чтобы можно было сказать, мальчики это или девочки, но они здоровы так же, как и ты.

Двое! Илэйн обменялась с Авиендой радостной улыбкой. Она почти что чувствовала восторг своей сестры. У нее будут двойняшки. Дети Ранда. Она надеялась, что это будут мальчик и девочка или два мальчика. Две девочки значительно осложнили бы вопрос о престолонаследии. Еще никто не получал Корону Роз в такой ситуации.

Сумеко многозначительно хмыкнула, показывая на Илэйн, и Монаэлле кивнула.

— Делай в точности так же, как я, и ты сама все увидишь. — Глядя, как Сумеко обнимает Источник и формирует плетения, она снова кивнула, и круглолицая женщина

позволила им погрузиться в Илэйн, слегка охнув, словно сама ощутила возобновившееся гудение. – Тебе не придется беспокоиться об обычных недомоганиях беременных, – продолжала Монаэлле, – но ты можешь обнаружить, что иногда тебе трудно направлять. Пряди могут ускользать от тебя, словно смазанные жиром, или таять как дым, так что тебе придется делать все новые и новые попытки, чтобы создать простейшее плетение или удержать его. В ходе беременности это может развиваться; возможно, ты даже совсем не сумеешь направлять, пока трудишься над тем, чтобы дать жизнь своим детям, но все придет в норму

после того, как они родятся. У тебя также вскоре появятся перепады в настроении, если это уже не началось, в одну минуту ты будешь плакать, а в следующую раздражаться. Для отца твоего ребенка самым мудрым будет ходить на цыпочках и держаться от тебя подальше, насколько это возможно.

— Я слышала, что она уже собиралась оторвать ему голову этим утром, — пробормотала Сумеко. Отпуская плетение, она выпрямилась и поправила красный пояс на талии. — Это замечательно, Мо-наэлле. Я никогда не думала, что существует плетение, которое можно использовать только на беременных.

Губы Илэйн сжались, но она сказала лишь:

– И все это ты можешь сказать благодаря этому плетению, Монаэлле? – Пусть лучше люди думают, что ее дети от Дойлана Меллара. Дети Ранда ал'Тора станут мишенью, за ними будут охотиться из страха, ненависти или из желания власти, но никто не станет обращать особенного внимания на детей Меллара, возможно, даже он сам. Да, так будет лучше всего.

Монаэлле откинула голову, рассмеявшись так, что ей пришлось вытереть уголки глаз своей шалью.

– Я могу все это сказать благодаря тому, что сама выносила

семерых детей и имела трех мужей, Илэйн Траканд. Способность направлять Силу защищает тебя от недомоганий беременности, но за это приходится платить по-другому. Давай, Авиенда, ты тоже должна попробовать. Только осторожно. В точности так же, как я.

Авиенда с пылом обняла Источник, но прежде чем начать сплетать пряди, она отпустила *саидар* и повернула голову, чтобы взглянуть на темную панель стены. На запад. То же самое сделала и Илэйн, и Монаэлле, и Сумеко. Маяк, горевший так долго, вдруг просто исчез. Только что он был там, яростный факел *саидар*, и вот уже

исчез, словно никогда и не существовал.

Массивная грудь Сумеко приподнялась от глубокого вздоха.

— Думаю, сегодня произошло что-то невероятно чудесное или ужасное, — тихо проговорила она. — Боюсь узнать, что именно.

— Чудесное, — сказала Илэйн. Все уже свершилось, что бы *это* ни было, и Ранд остался жив. Это само по себе было достаточно чудесно. Монаэлле испытующе посмотрела на нее. Зная об их связи, она могла угадать остальное, но лишь задумчиво потрогала одну из своих цепочек. В любом случае, она скоро вытрясет это из Авиенды.

Стук в дверь заставил всех вздрогнуть. Всех, за исключением Монаэлле. Делая вид, что не заметила, как дернулись остальные, она немного слишком сосредоточенно принялась поправлять свою шаль, что сделало контраст еще сильнее. Сумеко закашлялась, пытаясь скрыть свое замешательство.

— Войдите, — громко сказала Илэйн. Чтобы ее было слышно за этой дверью, приходилось чуть ли не кричать, даже без охранного плетения.

Касейлле просунула голову в комнату, держа шляпу с плюмажем в руке, затем вошла и осторожно

закрыла за собой дверь. Белые кружева на ее воротнике и манжетах были свежими, кружева и львы на ленте сверкали, а кираса сияла так, словно ее только что ополировали, но было понятно, что она вернулась к своим обязанностям, едва-едва приведя себя в порядок после двухдневной поездки.

— Простите, что прерываю вас, миледи, но мне показалось, что вы должны немедленно узнать об этом. Морской Народ в бешенстве — те, что остались здесь. Похоже, что пропала одна из их учениц.

— Что еще? — спросила Илэйн. Пропавшей ученицы было бы более чем достаточно, но что-то в лице

Касейлле говорило ей, что это еще не все.

– Гвардейка Азери упомянула, что видела Мерилилль Седай, покидающую дворец три часа назад, – неохотно сказала Касейлле. – С ней была женщина в плаще с капюшоном. Они взяли лошадей и вели с собой навьюченного мула. Юрит сказала, что руки второй женщины были покрыты татуировкой. Миледи, ни у кого не было оснований следить за...

Илэйн подняла руку, призывая ее к молчанию.

– Никто и не допустил ошибки, Касейлле. Никого нельзя винить в случившемся. – По крайней мере

никого из телохранительниц. Вот это сюрприз! Талаан и Метарра, двое учениц Ищущих Ветер, были очень умелы в Силе, и если Мерилилль смогла уговорить одну из них попробовать стать Айз Седай, то она могла убедить и себя, что если она возьмет девушку туда, где ту смогут принять в послушницы, то это окажется достаточно весомой причиной нарушить собственное обещание учить Ищущих Ветер. Которые страшно огорчатся, потеряв Мерилилль, и просто придут в ярость из-за потери ученицы. *Они-то* будут винить всех подряд, и Илэйн больше всех.

– Все уже знают, что Мерилилль

ушла? – спросила она.

— Еще нет, миледи, но те, кто седлал лошадей и навьючивал их мула, не станут держать язык на привязи. В конюшнях не так-то много тем, о которых можно посплетничать.

Искорка оборачивалась
пожаром, и мало шансов, что удастся
потушить его до того, как он
подберется к амбарам.

– Надеюсь, позже вы не откажетесь пообедать со мной, Мона-элле, – сказала Илэйн, – но сейчас вы должны меня извинить. – Несмотря на долг перед восприемницей, она не стала дожидаться согласия айилки. Если

вовремя броситься тушить огонь, возможно, амбары еще удастся спасти. Возможно. — Касейлле, извести Бер-гитте и скажи ей, что я хочу, чтобы немедленно послали приказ караулам у ворот — следить, не пройдет ли Мерилилль. Знаю, знаю; она уже может быть за пределами города, и в любом случае стражники не станут останавливать Айз Седай, но, возможно, им удастся задержать ее или напугать ее спутницу так, что та побежит обратно в город прятаться. Сумеко, не могла бы ты попросить Реанне выделить всех женщин Родни, кто не может Перемещаться, чтобы они начинали обыскивать город.

Надежды мало, но возможно, Мери-лилль решила, что уже слишком поздно и не стоит выезжать из города на ночь глядя. Проверьте каждую гостиницу, включая «Серебряного лебедя» и...

Илэйн надеялась, что Ранд действительно сделал сегодня что-то чудесное, но сейчас она не могла тратить время даже на размышления об этом. Ей необходимо завоевывать трон и разобраться с разъяренными Ата'ан Миэйр, пока те не направили свой гнев на нее. Одним словом, это был такой же день, как и любой другой после ее возвращения в Кэймлин, а это означало, что хлопот у нее полон рот.

Глава 15. Тьма сгущается

Вечернее солнце кровавым шаром опускалось на вершины деревьев, отбрасывая мертвенный свет на лагерь, раскинувшийся неразберихой стойл, крытых парусиной фургонов, повозок на высоких колесах и палаток всевозможных видов и размеров, снег между которыми превратился в слякоть. Не самое подходящее время суток и место для езды верхом. От запаха вареной говядины, поднимающегося от больших черных железных котлов, в желудке у Элении

все переворачивалось. Холодный воздух превращал ее дыхание в пар, предвещая морозную ночь, а ветер продирался сквозь ее лучший красный плащ, не обращая никакого внимания на толстую подкладку и пушистый белый мех. Предполагалось, что у снежной лисицы самый теплый мех, но она сама так не считала.

Придерживая на груди плащ затянутой в перчатку рукой, Эле-ния ехала медленно и изо всех сил, хотя и без большого успеха, пыталась не дрожать. Учитывая позднее время, более чем вероятно, что эту ночь она проведет здесь, хотя и до сих пор не имеет представления о том, где будет

спать. Несомненно, в палатке кого-нибудь из мелких лордов — хозяина или хозяйку выгонят вон, пусть ищут себе пристанище где хотят, и попробуй только они сделать вид, что изгнание им в тягость, — но Аримилла любила держать ее как на иголках до самого последнего момента, как в отношении ночлега, так и всего остального. Стоило разрешиться одной неизвестности, как ее заменяла другая. Очевидно, эта женщина думает, что постоянная неуверенность заставит ее дергаться, может быть, даже просить милости. Это далеко не единственный просчет, сделанный Аримиллой, начиная с уверенности, что ей

удалось подрезать когти Элени Саранд.

С ней были лишь четверо ее людей с двумя Золотыми Вепрями на плащах — и горничная Дженни, разумеется закутавшаяся в плащ так, что казалась тюком зеленой шерсти, навьюченным на седло, — и больше Элени не видела в лагере ни одного человека, в лояльности которого Дому Саранд она могла быть хоть на йоту уверена. У многих сгрудившихся вокруг лагерных костров вместе со своими прачками и швеями мелькали значки Красной Лисицы Дома Аншар; затем навстречу ей медленным шагом проехала двойная колонна всадников с Крылатым

Молотом Бэрина, из-под забрал виднелись суровые лица бойцов. На них в конечном счете вряд ли стоило слишком рассчитывать. Каринд и Лир сильно подмочили свою репутацию, промедлив, когда Моргейз заняла трон. На этот раз они прихватят с собой Аншар и Бэрин, едва только увидят, что это выгодно, покинув Аримиллу с той же живостью, с какой поспешили к ней присоединиться. Когда придет время.

Большая часть людей, хлюпающих по грязной жиже или с надеждой вглядывающихся в эти отвратительные котлы, были фермерами или селянами, которых собирали, когда их лорд или леди

выступали в поход, и лишь у немногих на поношенных куртках и перепачканных плащах имелись хоть какие-то значки их Дома. Просто определить, кто из них был солдатом, а кто конюхом, колесником или кем-то еще в этом роде, было почти невозможно, поскольку почти у всех на поясе висел хоть какой-то меч или топор. О Свет, даже у многих *женщин* имелись ножи, достаточно большие и длинные, хотя вряд ли можно было отличить возчицу от жены какого-нибудь фермера-рекрута. Все одевались в одинаковое толстое сукно, да и грубые руки и усталые лица у них были одинаковые. В

любом случае, это вряд ли имело какое-то значение. Зимняя осада была ужасной ошибкой – их солдаты начнут голодать задолго до того, как станут голодать горожане, – но она предоставляла Элении удобную возможность, и лишь только откроется просвет, она нанесет удар. Отодвинув, несмотря на пронизывающий ветер, капюшон, так чтобы черты ее лица были ясно видны, Элениа благосклонно кивала каждому неумытому мужлану, бросавшему хотя бы один взгляд в ее направлении, не обращая внимания на удивление, которое вызывала в них подобная благосклонность.

Многие запомнят ее

приветливость, запомнят Золотых Вепрей на плащах ее эскорта и будут знать, что Эления Саранд заметила их. На таком фундаменте и строится власть. Верховная Опора, так же как и королева, стояла на верхушке башни, построенной из людей. Да, действительно, кирпичи ее фундамента сделаны из самой презренной глины, однако если эти простые кирпичи начнут крошиться, то башня рухнет. И об этом Аримилла, по-видимому, забыла, если вообще когда-либо знала. Эления сомневалась, что Аримилла говорила хоть с кем-нибудь ниже управляющего или камердинера. Не будь это так... неблагоразумно, сама

она сказала пару слов у каждого костра; даже, возможно, пожалала бы несколько заскорузлых рук, припоминая людей, с которыми встречалась прежде или по крайней мере делая вид, что помнит их. Да, яснее ясного: у Ари-миллы недостаточно мозгов для того, чтобы быть королевой.

Лагерь занимал больше места, чем иной город. Он скорее походил на сотню разнокалиберных лагерей, собранных вместе, чем на один, так что Эления могла бродить где угодно, не боясь подойти слишком близко к внешней границе; но тем не менее соблюдала осторожность. Караульные будут вежливы с ней,

если только они не полные идиоты, однако несомненно, у них есть распоряжения на этот счет. В принципе ей нравилось, когда люди делают то, что им говорят, но сейчас ей лучше избегать всяких недоразумений. Особенно учитывая возможные последствия, если Аримилла вдруг решит, что Эления действительно пыталась сбежать. Ей уже однажды пришлось выдержать морозную ночь в какой-то омерзительной солдатской палатке, едва ли заслуживавшей наименования укрытия, кишущей насекомыми и плохо залатанными дырами на стенах, не говоря уже об отсутствии Дженни, которая помогла

бы ей переодеться и немного согрела под жалким подобием одеяла. И все это обрушилось на нее всего лишь за одну случайно допущенную насмешку. Правда, это была весьма оскорбительная насмешка, но она не думала, что у Аримиллы хватит соображения, понять это. О Свет, подумать только, что *она* должна ходить на цыпочках вокруг этой... этой гусыни, у которой мозгов с горошину! Поплотнее запахнув плащ, Эления попыталась сделать вид, что ее дрожь была вызвана только ветром. У нее и кроме этого было над чем подумать. Кое над чем поважнее. Она кивнула таращившемуся на нее юноше с

повязанной на голове темной косынкой, и он отпрянул так, словно Эле-ния сверкнула на него глазами. Вот дурень!

Невыносимо было думать, что в нескольких милях от нее эта девчонка Илэйн сидит сейчас в уюте и тепле Королевского дворца, окруженная толпами вышколенных слуг, и наверняка беспокоится только о том, что ей надеть вечером к ужину, приготовленному дворцовыми поварами. По слухам, девчонка была беременна, скорее всего от одного из гвардейцев. Очень вероятно. Илэйн всегда отличалась не большим чувством благопристойности, чем ее мать. Мозгом всего была Дайлин,

хитроумная и опасная, несмотря на смехотворное отсутствие личных амбиций; а возможно, ей давала советы какая-нибудь Айз Седай. Наверняка там была хоть одна настоящая Айз Седай.

Из города доходило такое множество басен и сплетен, что отличить действительность от выдумки было очень трудно — Морской Народ проделывает дыры в воздухе? Абсолютная бессмыслица! Однако Белая Башня, несомненно, заинтересована в том, чтобы посадить на трон одну из своих. Как же иначе? Но даже сейчас, когда дело доходило до этого, Тар Валон был прагматичен. История ясно

показывала, что какая бы женщина ни заняла Львиный Трон, она вскорости обнаруживала, что в действительности Башня с самого начала поддерживала именно ее. Айз Седай не захотят утратить своей связи с Андором из-за недостаточной быстроты действий, особенно когда сама Башня раскололась на два лагеря. Она была уверена в этом не меньше, чем в том, что ее зовут Эления. Фактически, если хотя бы половина того, что она слышала о положении в Башне, окажется правдой, следующая королева Андора сможет требовать всего, чего пожелает, в обмен на сохранение традиционных отношений. Так или

иначе, никто не сможет возложить на свою голову Корону Роз самое раннее до следующего лета, а до тех пор многое может измениться. Очень многое.

Она описывала второй круг вокруг лагеря, когда заметила впереди еще одну небольшую группу всадников, при свете последних солнечных лучей медленно пробирающуюся меж костров. Элениа нахмурилась и резко натянула повод. На женщинах были плащи с глубокими капюшонами, на одной – синий шелковый, подбитый черным мехом, на другой – из простой серой шерсти. Однако большие серебряные эмблемы Трех

Ключей, вышитые на плащах четырех их спутников, достаточно ясно говорили о том, кто это такие. Она ожидала встретить здесь кого угодно, но не Ниан Араун. Хотя Аримилла и не высказывала им прямого запрета встречаться без нее, — Эления почувствовала, как у нее скрипнули зубы, и даже услышала этот звук; она с усилием заставила себя сделать спокойное лицо, — но сейчас ей казалось наиболее мудрым не ускорять события. Особенно когда от такой встречи вряд ли можно было ожидать какой-нибудь выгоды.

К несчастью, Ниан увидела ее до того, как Эления успела свернуть в сторону. Торопливо сказав

несколько слов своему эскорту, она пришпорила своего вороного и, пока солдаты и горничная еще кланялись со своих седел, поскакала навстречу Элении таким аллюром, что комья грязи разлетались у того из-под копыт. *Сожги Свет эту дуру!* С другой стороны, что-то ведь заставило Ниан пренебречь осторожностью; это могло оказаться достаточно важным, чтобы выслушать ее, или достаточно опасным, и тогда хорошо бы уклониться от встречи. Может, выяснить, хотя это таило в себе новые опасности.

— Оставайтесь здесь и не забывайте, что вы ничего не

видели, — резко сказала Эления собственной жиденькой свите и, не дожидаясь ответа, пришпорила коня по кличке Рассветный Ветер. Она не нуждалась в непрерывных изысканных поклонах и реверансах. Эления требовала от своих людей лишь того, чего требовали приличия; и слуги знали ее достаточно хорошо, чтобы делать лишь то, что она приказывала. Гораздо хуже дело обстояло с остальными, чтоб им всем сгореть! Когда длинноногий гнедой устремился вперед, она выпустила плащ, и он взвился за ее плечами, как малиновое знамя Саранда. Эления не стала вновь запахивать его, оставив трепетать на

ветру перед всеми этими фермерами и Свет знает еще кем. Острый как бритва воздух тут же забрался под платье, добавив ей еще один повод для раздражения.

У Ниан по крайней мере хватило здравого смысла придержать лошадь и встретить Элению на полпути, возле пары тяжело нагруженных повозок, оглобли которых лежали в грязи. Ближайший костер был почти в двадцати шагах от них, а палатки еще дальше, и их пологи были плотно застегнуты из-за холода. Люди, сидевшие у костра, сосредоточили все свое внимание на большом железном котле, кипящем над огнем, и хотя вонь от него была

столь отвратительна, что Элению тотчас затошнило, доносивший ее ветер по крайней мере не позволит никому услышать слова, не предназначенные для посторонних ушей. Хоть бы сообщение оказалось важным.

С лицом, бледным, как кость, в обрамлении черной опушки капюшона, Ниан могла бы показаться некоторым прекрасной, если бы в ее губах не читалось некоторой жесткости, а глаза не были бы холодными, как голубые льдинки. Прямая как струна и внешне совершенно спокойная, она, казалось, не обращала внимания на то, что происходит вокруг. Ее

дыхание, белым облачком вздымавшееся перед девушкой, было ровным и безмятежным.

– Ты не знаешь, где мы будем спать сегодня ночью, Эления? – холодно спросила Ниан.

Эления даже не попыталась сдержать яростный взгляд.

– Ты *для этого* подъехала ко мне? – Рисковать неудовольствием Аримиллы из-за глупейшего вопроса! Мысль о том, что Аримил-ла будет недовольна, а также о том, что ей необходимо избегать недовольства Аримиллы, просто взбесила Элению. – Мне известно об этом не больше твоего, Ниан. – Дернув повод, она уже заворачивала свою лошадь,

когда Ниан заговорила снова, и в ее голосе проскальзывал гнев.

– Не прикидывайся дурочкой, Эления. И не говори мне, что ты не готова, так же как и я, отгрызть собственную ногу, лишь бы выбраться из этого капкана. Может, не будем ссориться?

Эления придержала Рассветного Ветра, наполовину отвернувшись от собеседницы и искоса глядя на нее из-за меховой опушки капюшона. Заодно она могла так приглядывать и за людьми, окружавшими ближайший костер. На тех не было значков какого-либо из Домов, они могли оказаться кем угодно. То один то другой, сунув голые руки под

мышки, время от времени поглядывали в направлении двух леди на лошадях, но по-настоящему их интересовало только одно — держаться поближе к костру, чтобы согреться. Да еще то, скоро ли говядина сварится до такой степени, что ее можно будет есть. Такие люди способны есть все что угодно.

— Ты думаешь, мы действительно *можем* выбраться отсюда? — тихо спросила Эления. Вежливость — хорошая вещь, но не настолько, чтобы оставаться здесь у всех на виду дольше, чем необходимо.

Впрочем, если Ниан обнаружила какой-то выход... — Каким образом?

Подписанное тобой обязательство поддержки Дома Марне уже обошло половину Андора. Кроме того, вряд ли ты считаешь, что Аримилла вот так позволит нам взять и уехать. — Ниан вздрогнула, и Эления не смогла сдержать скупой улыбки. Эта женщина была не такой уж недосыгаемой, как притворялась. Однако Ниан все же сумела сохранить ровный тон.

— Я вчера видела Джарида, Эления, даже издалека он выглядел мрачнее тучи и ехал таким галопом, словно хотел сломать шею и своей лошади, и себе самому. Насколько я знаю твоего мужа, у него уже должен созреть какой-то план, чтобы

вырвать тебя отсюда. Он плюнул бы в глаза самому Темному ради тебя. — Это верно: он пошел бы еще и не на такое. — Думаю, ты понимаешь, что для тебя будет лучше, если я тоже стану частью этого плана.

— Мой муж подписал такое же обязательство, как и ты, Ниан, и он человек чести. — По правде говоря, он пекся о своей чести даже себе в ущерб, но Эления верховодила им еще с тех времен, когда они не были женаты. Джарид поставил свою подпись, потому что она написала ему, приказывая это сделать, — не то чтобы у нее был большой выбор в то время, — и он способен даже отказаться от обязательств, хоть и

неохотно, если у Элении достанет безумия попросить об этом. Разумеется, трудность состояла еще и в том, как дать мужу знать, чего она от него хочет в настоящий момент. Аримилла очень тщательно следила, чтобы не подпускать ее к Джариду и на милую. Эления держала все в своих руках — насколько это возможно в сложившихся обстоятельствах, — но ей необходимо было связаться с Джаридом, хотя бы для того, чтобы не дать ему «вырвать ее отсюда». Плюнуть в глаза Темному? Джарид может довести их обоих до катастрофы, думая, что помогает ей.

Ей потребовалось сделать большое усилие, чтобы смятение и

гнев, внезапно поднявшиеся внутри, не отразились на ее лице, но Эления прикрыла свое напряжение улыбкой. Она очень гордилась тем, что может изобразить улыбку в любой ситуации. В той улыбке, которая возникла на ее лице сейчас, читалось легкое удивление. И легкое презрение.

— Я не строю никаких планов, Ниан, и Джарид тоже, я уверена в этом. Но если бы это было и так, зачем мне включать в них тебя?

— Потому что в противном случае, — напрямик сказала Ниан, — Аримилла может узнать о ваших планах. Может быть, она и круглая дура, но она способна увидеть, если

ей скажут, куда смотреть.

И тогда тебе придется делить палатку со своим *нареченным* каждую ночь, не говоря уже о том, что тебя будут *охранять* его люди.

Улыбка Элени растаяла, но голос был ледяным, под стать холодному кому, образовавшемуся в желудке.

— Думай, что говоришь, не то Аримилла попросит своего тарабонца снова сыграть с тобой в «кошачью колыбельку». Но, впрочем, пожалуй, я могу обещать тебе то, о чем ты просишь.

Казалось, лицо Ниан не может стать еще бледнее, однако это произошло. Она даже покачнулась в

седле и схватилась за руку Элени, чтобы не упасть. Порыв ветра взметнул плащ за ее плечами, и Ниан не стала придерживать его. Ее глаза, такие холодные вначале, теперь были широко раскрыты. Она не делала усилий, чтобы скрыть свой страх, возможно, потому, что зашла слишком далеко. Ее голос срывался, в нем звучала паника.

– Я знаю, что вы с Джаридом что-то замышляете, Элени. Я знаю это! Возьмите меня с собой, и я... я присягну тебе от имени Дома Араун, как только освобожусь от Аримиллы. – О, она действительно была потрясена, если предлагает такое.

– Ты что, хочешь привлечь к себе еще больше внимания, чем уже привлекла? – рывкнула Эления, выдергивая руку. Рассветный Ветер и вороной мерин Ниан нервно заплясали, почувствовав настроение хозяек, и Эления натянула поводья, умиряя своего гнедого. Двое из сидящих у костра торопливо пригнули головы. Без сомнения, они решили, что две леди ссорятся в сгущающихся сумерках, и не хотели, чтобы гнев каким-нибудь образом пал на них. Вряд ли это было что-то большее. Можно потом посплетничать об этом, но не следует впутываться в ссоры высокопоставленных особ.

– Я не строю никаких планов, чтобы... сбежать; совершенно никаких, – сказала Эления более ровным тоном. Вновь запахнув плащ, она слегка повернула голову, оглядывая повозки и ближайшие палатки. Если Ниан была настолько испугана... Когда открывается просвет... Поблизости не было никого, кто мог бы подслушать, но она все же понизила голос. – Но положение может измениться, разумеется. Кто может сказать? Если оно изменится, обещаю тебе именем Света и моей надеждой на перерождение, что не уйду без тебя. – Робкая надежда расцвела на лице Ниан. А теперь крючок. – Но только

если в моем распоряжении будет письмо, написанное твоей рукой, оформленное подписью и печатью, в котором ты недвусмысленно откажешься от поддержки Дома Марне и по своей собственной воле, а также от лица Дома Араун поклянешься поддерживать меня, именем Света и *твоей* надеждой на перерождение. Ничто меньшее меня не устроит.

Голова Ниан откинулась назад, она облизнула губы. Ее глаза метались, словно в поисках выхода, в поисках хоть какой-нибудь помощи. Вороной продолжал фыркать и приплясывать, но Ниан лишь слегка придерживала повод, чтобы он не

взбрыкнул, но даже это, по-видимому, делала бессознательно. Да, действительно она была напугана. Но не настолько напугана, чтобы не понимать, чего требует от нее Эления. История Андора насчитывала слишком много подобных случаев, чтобы она не знала этого. Тысяча возможностей оставалась у нее до тех пор, пока ничего не было написано, но само существование подобного письма вложило бы удила в рот Ниан, а поводья — в руки Элени. Его опубликование означало бы полное крушение первой, разве что Эления оказалась бы настолько глупа, чтобы признаться, что оно было написано

под принуждением. Ниан могла еще попытаться как-то продержаться после подобного разоблачения; однако даже Дом, в котором было меньше внутренних разногласий, чем в Арауне, меньшее количество кузин, и дядей, и теток, готовых перегрызть друг другу глотки в мгновение ока, не сумел бы сохранить свое единство. Меньшие Дома, которые связаны с Арауном на протяжении поколений, начали бы искать покровительства в других местах. И очень быстро Ниан осталась бы Верховной Опорой жалкого опозоренного огрызка своего Дома. О да, такое уже случалось прежде.

— Мы уже слишком долго

пробыли вместе. — Эления подобрала поводья. — Я бы не хотела давать пищу для болтливых языков. Возможно, у нас еще будет случай побеседовать наедине, прежде чем Аримилла займет трон. — Какая мерзкая мысль! — Возможно.

Ниан выдохнула так, словно все дыхание покинуло ее тело, но Эления продолжала поворачивать свою лошадь, не медля, но и не спеша и не останавливаясь, пока Ниан не произнесла внезапно:

— Постой!

Эления оглянулась через плечо, но и только. И осталась ждать. Не говоря ни слова. То, что необходимо было сказать, сказано. Теперь

оставалось посмотреть, действительно ли Ниан находится в таком отчаянии, чтобы отдаться в руки Элени. Может быть, и так. У *нее-то* не было верного Джарида. Фактически любой член Дома Араун, высказавший предположение, что Ниан требуется освободить, рисковал сам оказаться в темнице за оспаривание формально выраженной воли Ниан. Без Элени она может так и состариться в плену. Впрочем, если она напишет письмо, то окажется в плену несколько иного рода. Если она напишет письмо, Элени формально предоставит ей полную свободу. Очевидно, у Ниан хватало соображения, чтобы понять

это. Или, может быть, она просто слишком напугана мыслью о тарабонце.

– Я передам тебе это письмо как только смогу, – сказала наконец Ниан решительным голосом.

– Буду ждать с нетерпением, – промурлыкала Эления, даже не пытаясь скрыть свое удовлетворение. *Но не слишком-то медли*, чуть не прибавила она, едва успев сдержать себя. Ниан, может быть, и повержена, но поверженный враг все еще может воткнуть нож тебе в спину, если слишком раздражить его. Кроме того, она боялась угрозы Ниан не меньше, чем та боялась ее угрозы. А возможно, и больше. Но

пока Ниан не знает этого, у ее клинка не было острия.

Элениа подъезжала к своему эскорту в таком радужном настроении, каким оно не было... уж наверняка с тех пор, как ее «освободители» оказались людьми Аримиллы. А может быть, и с тех пор, как Дайлин заточила ее в Арингилле, хотя там она еще не теряла надежды. Ее тюрьмой был дом губернатора, вполне комфортабельный, даже несмотря на то что ей приходилось делить апартаменты с Ниан. Сообщаться с Джаридом, разумеется, не представляло никакой проблемы, и, как казалось, ей удалось проложить

некоторые обходные пути гвардейцев королевы в Арингилле. Слишком многие из них лишь недавно попали на эту службу из Кайриэна и были... недостаточно уверены относительно того, кому должны соблюдать верность.

Сейчас же неожиданная чудесная встреча с Ниан настолько подняла ее дух, что она улыбнулась Дженни и пообещала той кучу новых платьев, когда они окажутся в Кэймлине. Это вызвало приличествующую случаю благодарную улыбку на толстощеком лице служанки. Эления, когда пребывала в особенно хорошем настроении, всегда покупала своей

горничной новые платья, каждое из которых не зазорно было бы надеть и преуспевающей купчихе. Это был единственный способ обеспечить ее преданность и благоразумие, и в течение двадцати лет Дженни выказывала и то и другое.

Солнце теперь уже лишь красным краешком выглядывало из-за деревьев, и пора было искать Аримиллу, чтобы узнать, где Эления будет сегодня ночевать. Ниспошли ей Свет, чтобы это оказалась пристойная кровать в какой-нибудь теплой палатке, где будет не слишком дымно, и чтобы ночлегу предшествовала достойная трапеза. Сейчас Эления не могла просить о

большем. Даже эта мысль, впрочем, не испортила ей настроение. Теперь она не просто кивала группкам мужчин и женщин, мимо которых проезжала, она улыбалась им. Она даже зашла так далеко, что помахала им рукой. Все складывалось лучше, чем было на протяжении уже довольно значительного времени. Ниан не просто устранена как соперница в борьбе за трон, она была посажена на цепь — или почти посажена, а этого должно быть — и будет! — достаточно, чтобы привести к ней Каринда и Лира. А ведь оставались еще и такие, кто согласится с тем, чтобы трон занял *кто угодно*, только не очередная

Траканд. Эллориен, например. Моргейз приказала *высечь* ее! Эллориен никогда не станет поддерживать ни одну Траканд. Аймлин, Арателле и Абелль тоже были вероятными союзниками, хотя и со своими амбициями, которые, впрочем, можно и удовлетворить. Возможно, также и Пеливар или Луан. Эления прощупывала почву. И она сумела бы использовать преимущество держать Кэймлин в своих руках, не то что эта девчонка Илэйн. По традиции тот, кто управлял Кэймлин, благодаря одному этому получал поддержку по меньшей мере четырех или пяти Домов.

Ключевым моментом, разумеется, был выбор надлежащего времени, иначе все преимущества оказались бы у Аримиллы, но Эления уже почти видела себя сидящей на Львином Троне, а вокруг Верховные Опоры, преклоняющие перед ней колени, присягая на верность. У нее уже был составлен список Верховных Опор, которых необходимо будет заменить. Никому, кто противостоял ей, не будет позволено больше создавать для нее проблемы. Ряд несчастных случаев обеспечит это. Очень жаль, что Эления не сможет сама выбирать тех, кто их заменит, но ведь несчастные случаи могут происходить с

невероятной частотой.

Ее радужные размышления были грубо прерваны сухопарым человеком, внезапно объявившимся возле нее на коренастой серой лошади; его глаза лихорадочно блеснули в тускнеющем сумеречном свете. По какой-то причине в тонких белых волосах Насина торчали зеленые еловые веточки. Благодаря этому он выглядел так, словно только что вылез из лесной чащи, а его красный шелковый камзол и плащ были так густо расшиты яркими цветами, что сошли бы за иллианский ковер. Вот ведь нелепый человек, хоть и является Верховной Опорой наиболее могущественного

Дома во всем Андо-ре. И вдобавок сумасшедший.

— Эления, сокровище мое драгоценное! — завопил он, брызгая слюной. — Сколь рады видеть тебя мои глаза! По сравнению с тобой мед кажется горьким, а розы — тусклыми!

Не успев даже осмыслить ситуацию, Эления поспешно двинула поводьями, заставив Рассветного Ветра взять назад и немного вправо, так что каурая кобыла Дженни оказалась между ними.

— Я не твоя нареченная, Насин, — огрызнулась она, кипя гневом оттого, что ей приходится говорить это вслух, так что все могли слышать. — Я — *замужем!* Понял, старый дурак?

Стоять! – прибавила она, простирая руку.

Приказ и жест предназначались ее дружинникам, которые уже положили руки на эфесы мечей и свирепо сверкали глазами на Насина. Его сопровождали тридцать или сорок человек со значками Меча и Звезды Дома Кирен, и они без колебаний изрубили бы на куски любого, если бы им показалось, что он представляет угрозу для их Верховной Опоры. Клинки некоторых были уже наполовину вытащены. Ее они, разумеется, не тронут. Насин перевешал бы всех до единого, если бы она получила хотя бы ссадину. О Свет, она не знала,

плакать ей или смеяться.

— Ты все еще боишься этого молодого олуха Джарида? — спросил Насин, заворачивая свою лошадь вслед за Эленией. — Он не имеет права досаждать тебе. Победил сильнейший, и он должен признать это. Я вызову его на поединок! — Его рука, состоявшая словно из одних костей, что было ясно видно даже в обтягивающей ее красной перчатке, зашарила по боку в поисках меча, который он скорее всего не вытаскивал уже лет двадцать. — Я прирежу его как собаку за то, что он испугал тебя!

Элениа искусно маневрировала Рассветным Ветром, так что они

описывали круг вокруг Дженни, которая бормотала извинения перед Насином и делала вид, что пытается убрать свою кобылу с его пути, на самом деле преграждая его. Мысленно Эления добавила немного вышивки на платья, которые она ей купит. Каким бы помешанным он ни был, Насин мог в мгновение ока оставить медовые выражения куртуазной любви и облапить ее как последнюю подавальщицу в таверне. Этого Эления во второй раз не вынесла бы, особенно на людях. Описывая круги, она изобразила озабоченную улыбку на своем лице, хотя, по правде говоря, улыбка стоила ей большего усилия, чем

озабоченность. Если этот старый дурак вынудит Джарида убить его, это может все разрушить!

— Ты же знаешь, я не выношу, когда мужчины сражаются из-за меня, Насин. — Ее голос звучал напряженно и взволнованно, но Эления не пыталась скрыть это. Напряженно и взволнованно — как раз то, что нужно. — Как могу я любить человека, руки которого в крови?

Горе-лорд нахмурился, глядя на нее и задрав свой длинный нос, так что она начала уже думать, не зашла ли слишком далеко. Он был безумнее мартовского зайца, но не во всем. И не всегда.

– Я не знал, что ты настолько... чувствительна, – произнес наконец он, не прекращая своих попыток объехать Дженни. Его изможденное лицо просветлело. – Но я должен был догадаться. С этого момента я буду помнить это. Пусть Джарид живет. До тех пор пока не будет досаждать тебе. – Внезапно он уставился на Дженни, словно только что ее заметил, и с раздраженной гримасой высоко занес руку, сжимая ее в кулак. Полная горничная отчетливо сжалась, ожидая удара, но не отъезжая в сторону, и Эления заскрежетала зубами. Платье, вышитое шелком, – определенно неподходящий наряд для горничной,

но Дженни заслужила его.

— Лорд Насин, я искала вас повсюду! — раздался жеманный женский голос, и кружение прекратилось.

Элениа вздохнула с облегчением, когда Аримилла выехала из сумерек в сопровождении своей свиты, и тут же подавила приступ ярости оттого, что почувствовала облегчение. Аримилла, в чересчур изысканно расшитом зеленом шелковом платье с кружевами на вороте и запястьях, была пухлой и низкорослой женщиной с пустой улыбкой и карими глазами, всегда широко раскрытыми от преувеличенного

интереса, даже когда интересоваться было нечем. Хотя Аримилла не блистала умом, она обладала достаточной сообразительностью, чтобы понимать, в чем заключается ее выгода, и не хотела упустить своего. По-настоящему ее волновало только собственное благополучие и доходы, чтобы его обеспечить, и занять трон она желала по одной-единственной причине – королевская казна способна обеспечить гораздо большее благополучие, чем доходы любой Верховной Опоры. Ее свита была еще больше, чем у Насина, хотя лишь половину составляли дружинники со значками ее Дома. Остальные были по большей части

льстецы и прихлебатели, лорды и леди из младших Домов и все, кто готов был лизать Аримилле руку за позволение понежиться в лучах ее власти. Она любила, когда перед ней заискивали. Ниан тоже была здесь, она держалась с краю вместе со своими людьми и горничной, внешне холодная и вновь овладевшая собой. Но, однако, она держалась подальше от Жака Лунолта, сухощавого человека в этой шутовской тарабонской вуали, закрывавшей огромные усы, и конической шапочке, поднимавшей капюшон его плаща на смехотворную высоту. К тому же он слишком много улыбался. Он совсем не выглядел человеком,

способным заставить кого-либо ползать на коленях с помощью всего лишь нескольких веревочек.

— Аримилла, — проговорил Насин смущенным тоном, а затем нахмурился, глядя на свой занесенный кулак, словно удивленный тем, что тот оказался поднят. Опустив руку на луку своего седла, он, лучась улыбкой, взглянул на женщину. — Аримилла, моя дорогая, — с теплотой сказал он. Но с теплотой иного рода, чем обычно обращался к Элени. По-видимому, он каким-то образом вбил себе в голову, что Аримилла его дочь, причем любимая. Однажды Эления слышала, как он в течение долгого

времени вспоминал при ней о ее «матери», своей бывшей жене, которая вот уже тридцать лет как умерла. Аримилла умудрялась как-то поддерживать разговор, хотя, насколько знала Эления, она никогда не встречалась с Мидел-ле Кирен.

Однако несмотря на все отеческие улыбки, расточаемые Аримилле, его взгляд рыскал в окутанной сумерками толпе всадников позади нее, и лицо Насина расслабилось, лишь когда он отыскал Сильвейз, свою внучку и наследницу, приземистую, спокойную женщину; та встретила его взгляд без улыбки, затем натянула свой темный, подбитый мехом капюшон на самые

глаза. Она никогда не улыбалась, не хмурилась и вообще не выказывала никаких эмоций, всегда сохраняя на лице неизменное, по-коровьи безмятежное выражение. Очевидно, мозги у нее тоже были коровьи. Аримилла держала Сильвейз ближе к себе, чем Элению или Ниан, так что у Наси-на не было возможности уклониться от данного им слова чести. Он, несомненно, был сумасшедшим, но при этом скользким как уж.

— Надеюсь, ты хорошенько заботишься о моей маленькой Сильвейз, Аримилла, — пробормотал он. — Охотников за приданым везде полно, а я хочу, чтобы моя дорогая

девочка была в безопасности.

— Разумеется, разумеется, — ответила Аримилла, проезжая на своей раскормленной кобыле мимо Элени и не бросив на нее даже взгляда. Ее голос был сладким как мед и ласковым до тошноты. — Ты же знаешь, я забочусь о ее безопасности не меньше, чем о своей. — Улыбаясь своей бездумной улыбкой, она принялась расправлять плащ на плечах Насина, разглаживая складки с видом человека, укутывающего в шаль любимого, но увечного ребенка. — Здесь, снаружи, слишком холодно для тебя. Я знаю, что тебе нужно. Теплая палатка и кубок подогретого вина с пряностями. Я с

радостью пошлю свою горничную приготовить вино для тебя. Арлин, проводи лорда Насина в его палатку и подай ему кубок доброго вина.

Стройная девушка из свиты Армиллы содрогнулась всем телом, затем медленно выехала вперед, откидывая капюшон своего простого синего плаща; под капюшоном открылось хорошенькое личико с испуганной дрожащей улыбкой. Все окружающие гости подхалимы и лизоблюды внезапно принялись поправлять свои плащи и натягивать перчатки, глядя куда угодно, только не на горничную Аримиллы. Особенно женщины. Любую из них могли выбрать с такой же легкостью,

и они знали это. Как ни странно, Сильвейз не отвела взгляда. Ее лицо невозможно было рассмотреть в тени капюшона, но ее голова повернулась, следуя за движением девушки.

Насин обнажил зубы в ухмылке, что сделало его еще более похожим на козла, чем обычно.

— Да, конечно! Вино с пряностями — это будет отлично! Арлин, не так ли? Пойдем, Арлин, пойдем, моя хорошая девочка. Ты не замерзла? — Девушка вскрикнула, когда он набросил ей на плечи край своего плаща, притянув ее к себе так близко, что она чуть не вывалилась из седла. — В моей палатке тебе будет тепло, обещаю. — Не бросив назад

даже взгляда, он шагом отъехал от собравшихся, хихикая и шепча что-то на ухо девушке, которую держал, обняв за плечи. Его дружинники последовали за ним, сопровождаемые скрипом кожи и неспешным, звучным чавканьем конских копыт по грязи. Один из них засмеялся, словно товарищ сказал ему что-то забавное.

Эления с омерзением покачала головой. Одно дело — выставить перед Насином хорошенькую женщину, чтобы отвлечь его внимание, — ей даже не требовалось быть особенно хорошенькой; любая женщина, которую старый козел загонял в угол, была в опасности, —

но использовать для этого собственную горничную просто отвратительно. Впрочем, не настолько отвратительно, как сам лорд Насин.

— Ты обещала держать его подальше от меня, Аримилла, — произнесла Эления тихим, напряженным голосом. Сбрендивший старый развратник мог забыть о ее существовании на какое-то время, но он вспомнит о ней в следующий же раз, когда увидит ее. — Ты обещала отвлекать его.

Лицо Аримиллы стало угрюмым, она раздраженно подтянула повыше свои перчатки для верховой езды. Она не получила то,

чего хотела. Это было для нее большим оскорблением.

– Если ты хочешь, чтобы тебя не одолевали поклонники, тебе следует держаться поблизости от меня, а не разгуливать где попало. Что я могу поделать, если ты привлекаешь мужчин? И я ведь спасла тебя. Я еще не слышала ни слова благодарности за это.

Эления стиснула зубы так, что заболели челюсти. От необходимости делать вид, что она поддерживает эту женщину по собственной воле, ей хотелось кого-нибудь укусить. Ясно, какой ей уготован выбор: либо написать Джариду, либо готовиться к длительному медовому месяцу со

своим «нареченным». О Свет, она могла бы сделать выбор, если бы не была уверена, что Насин запрячет ее в каком-нибудь отдаленном поместье, даже если она смирится с его лапань-ем, и в конце концов забудет о том, что она там находится. И оставит ее там. Аримилла, впрочем, настаивала на том, чтобы она соблюдала правила игры. Она настаивала на очень многом, что было совершенно невыносимым. Однако ей необходимо было это вынести. Ничего, когда положение разъяснится, мастер Лунолт сможет уделить Аримилле несколько дней.

Элени удалось изобразить извиняющуюся улыбку и заставить

себя согнуть шею, словно она была одной из этих низкопоклонствующих пиявок, которые теперь поглядывали на нее с алчностью. В конце концов, если *она* пресмыкалась перед Аримиллой, это доказывало только, что и другие имели на это право. От ощущения на себе их взглядов Эленин хотелось хорошенько вымыться. Из-за того что ей приходилось вести себя так в присутствии Ниан, ей хотелось кричать.

— Вся благодарность, какая у меня есть, в твоем распоряжении, Аримилла. — Что ж, это не было ложью. Вся благодарность, какая в ней была, сводилась к желанию

придушить эту женщину. Очень медленно. Ей, однако, пришлось сделать глубокий вдох, прежде чем она смогла заставить себя произнести следующие слова: — Прости меня за промедление, пожалуйста. — *Очень* горькое слово. — Насин совершенно расстроил меня. Ты же знаешь, как отреагирует Джарид, если узнает о поведении Насина. — В ее голосе при последних словах сверкнуло отточенное лезвие, но эта дура только захихикала. Захихикала!

— Разумеется, я прощаю тебя, Эления, — со смехом сказала она, светлея лицом. — Тебе нужно только попросить. Джарид горяч, не так ли?

Ты должна написать ему письмо и рассказать, что совершенно довольна своим положением. Ты ведь довольна, правда? Можешь продиктовать письмо моему секретарю. Это так неприятно — пачкать свои пальцы чернилами, как ты считаешь?

— Конечно, я довольна, Аримилла. Как может быть иначе? — На этот раз улыбка не вызвала у нее усилий. Эта женщина несомненно считала себя очень умной. Необходимость диктовать письмо секретарю Аримиллы исключала всякую возможность обмана, но она могла совершенно открыто написать Джариду, чтобы он не делал ничего

без ее указания, и эта набитая дура будет считать, что Эления только повинуется ее приказу.

Кивнув с самодовольной улыбкой, Аримилла подобрала поводья, то же сделали ее прихлебатели. Если бы она надела горшок себе на голову и назвала его шляпой, они все тоже стали бы носить горшки.

— Уже поздно, — произнесла она, — а я хочу выступить завтра пораньше. Повар Эделле Бэрин приготовил для нас превосходный ужин. Вы с Ниан должны поехать со мной, Эления. — Это прозвучало так, словно она оказывает им честь, и у них не оставалось иного выбора,

кроме как сделать вид, что так оно и было. Пленницы пристроились по обе стороны от нее. – И Сильвейз, разумеется. Сильвейз, иди сюда.

Внучка Насина переместила свою кобылу поближе, но не стала подъезжать к Аримилле вплотную. Она поехала за ними чуть сзади, а толпа подхалимов держалась за ее спиной, поскольку их не пригласили ехать с Аримиллой. Несмотря на пронизывающий ледяной ветер, забивающийся им в плащи, некоторые из женщин и двое-трое мужчин сделали безуспешную попытку вовлечь девушку в разговор. Она отвечала им едва ли парой слов. Однако, поскольку поблизости не

было Верховной Опоры, у которой можно было бы полизать руку, годилась и наследница, а может быть, кто-нибудь из мужчин подумывал и о женитьбе. По всей видимости, один-два из них были скорее чем-то вроде стражников или по крайней мере шпионов, присматривающих, чтобы девушка не пыталась связаться с кем-нибудь из своего Дома. Подобные люди находили это очень волнующим — прикасаться к граням власти. У Элении были свои виды на Сильвейз.

Аримилла тоже не видела никаких препятствий для разговоров, не сообразив даже того, что ее болтовня заглушается капюшоном, и

без умолку щебетала, пока они ехали в сгущающихся сумерках, перескакивая с кушаний, которые сестра Лира собиралась предложить им на ужин, на свои планы относительно коронации. Эления слушала вполуха, лишь бы не упустить подходящие моменты для одобрительных реплик. Если эта дура собирается простить тех, кто противостоял ей, да еще *поклониться* в этом, то Эления Саранд не будет говорить ей, что это глупо. С нее достаточно того, что приходится... *поддакивать* ей, делая вид, что слушает. И вдруг одна вещь, сказанная Аримиллой, ткнулась ей в уши, словно шило.

— Вы с Ниан ведь не будете возражать, если вам придется сегодня переночевать на одной кровати, не правда ли? Похоже, здесь не хватает приличных палаток.

Она продолжала щебетать, но какое-то время Эления не могла расслышать ни слова. У нее возникло такое ощущение, словно ее кожу набили снегом. Слегка повернув голову, она встретила ошеломленный взгляд Ниан. Аримилла никаким образом не могла узнать об их случайной встрече, по крайней мере к этому времени, а если даже и узнала, зачем ей предоставлять им удобный случай сговориться? Ловушка? Их разговоры будут

подслушивать шпионы? Горничная Ниан или... Или Дженни? Мир закружился, перед глазами поплыли черные и серебряные мушки. Элени казалось, что она вот-вот упадет в обморок.

Внезапно она осознала, что Аримилла спросила что-то непосредственно у нее и ждет ответа с возрастающим нетерпением. Элени отчаянно пыталась собраться с мыслями. Ага, вот оно.

— Позолоченная карета, Аримилла? — Что за нелепая мысль. Все равно что ехать в фургоне Лудильщика! — О, великолепно! Тебе приходят в голову такие чудесные идеи!

Польщенная улыбка Аримиллы несколько успокоила Элению. Эта женщина *действительно* была безмозглой душой. Возможно, здесь в самом деле недостаточно пригодных для ночлега палаток. А более вероятно, что она просто считает, что ей уже нечего бояться. Что они приручены. Эления оскалила зубы, тут же превратив оскал в жеманную улыбку. Но она отбросила все мысли о том, чтобы дать тарабонцу возможность «развлечь» Аримиллу даже на час. После того как Джарид поставил подпись, у нее оставался единственный способ расчистить дорогу к трону. Все было тщательно продумано и готово, можно начать

действовать. Единственный вопрос: кто умрет первым – Аримилла или Насин.

Ночь накрыла Кэймлин лютым холодом, усугубленным резким ветром. То здесь то там мерцание света в каком-нибудь верхнем окне говорило о том, что кто-то еще бодрствует, но большинство ставен было закрыто, и тонкий ломтик луны, низко висящий в небе, лишь подчеркивал темноту. Даже снег, одеялом накрывший крыши и наваленный сугробами вдоль домов, где его не коснулось дневное уличное движение, казался сумеречно-серым. Одиноким человек, закутанный с ног до головы в темный плащ, шагал по

замерзшей слякоти слева от мостовой. Он с одинаковой легкостью откликался на имена Даведа Ханлона и Дойлена Меллара; имя было для него не более чем одежда, а человек меняет одежду по мере надобности. За эти годы он переменял немало имен. Будь все как он хочет, он сидел бы сейчас, вытянув ноги перед пылающим камином в Королевском дворце, с кружкой в руке, кувшином бренди под боком и пригожей девчонкой на коленях, но иногда приходится делать то, что хотят другие. По крайней мере здесь, в Новом Городе, можно было пройти. Чего хорошего, когда под ногами замерзшая слякоть, на которой того и

гляди поскользнешься, если будешь идти неосторожно? Впрочем, его сапоги ступали здесь не менее уверенно, чем там, на более крутых склонах Внутреннего Города. Кроме того, этой ночью тьма устраивала его.

На улицах было немного народа, когда он выходил, и их стало еще меньше, когда тьма сгустилась. Благоразумные люди после заката оставались дома. Время от времени из глубоких теней под домами показывались какие-то силуэты, но, кинув короткий взгляд на Хан-лона, они заворачивали за угол впереди него или ныряли в какие-нибудь проходы, пытаясь приглушить свои

ругательства, когда увязали в снегу, по-видимому не тронутым солнцем. Он не был особенно широкоплечим и не намного выше большинства мужчин, его меч и кираса были скрыты под плащом, но грабители высматривали слабых и робких, а он двигался с очевидной уверенностью и явно не боялся тех, кто таился по углам. Их почтительному отношению весьма способствовал также длинный кинжал, который он держал в правой руке.

На ходу он посматривал, не покажется ли патруль гвардейцев, но на самом деле не ожидал их увидеть. Бродяги и грабители нашли бы себе другие места для охоты, будь

гвардейцы поблизости. Разумеется, он одним словом мог отослать любопытных гвардейцев прочь, однако ему не нужны были ни свидетели, ни вопросы, как он оказался так далеко от дворца да еще пешком. Его шаги замедлились при виде двух закутанных в плащи женщин, показавшихся на перекрестке впереди, но они двинулись дальше, не взглянув на него, и он вздохнул более свободно. Лишь немногие женщины отваживались выходить в такое время без сопровождения мужчины с мечом или дубиной, и даже не видя их лиц, он мог бы прозакладывать горсть золота против конского яблока, что

эта парочка – Айз Се-дай. Или кто-нибудь из тех странных женщин, которые позанимали все кровати во дворце.

При мысли об этих женщинах он помрачнел, между лопатками у него стало покалывать. Что бы там ни происходило во дворце, у него от этого начинались схватки в животе. Одни Ата'ан Миэйр чего стоят; и дело не только в том, что они шатаются по коридорам с таким аппетитным видом, а потом замахиваются на человека ножом.

Он не успел еще даже подумать о том, чтобы шлепнуть одну из них по заднице, и вдруг уже они и Айз Седай стоят вокруг и шипят друг на

друга, как бродячие кошки, посаженные в один ящик. Причем было очевидно, хоть и невероятно, что Морской Народ был кошками покрупнее. Другие еще хуже в каком-то смысле. Что бы там ни говорили сплетники, он-то знал, как выглядят Айз Седай, и на их лицах никогда не было морщин. Однако некоторые из них могли направлять Силу, и у него закрадывалось тревожное подозрение, что это были не только некоторые. В чем не было вообще никакого смысла. Может быть, для Морского Народа и было почему-то сделано исключение, но что до этой Родни, как называла их Фалион, все знали, что если три женщины,

которые способны направлять, и не являются Айз Седай, сядут вместе за стол, то не успеют они прикончить и кувшина вина, как появится Айз Седай и прикажет им разойтись и никогда больше не говорить друг с другом. И присмотрит за выполнением приказа, между прочим. Это само собой. Однако эти женщины торчали во дворце, числом более сотни, и проводили свои собственные сборища, и ходили мимо Айз Седай, не удостоившись от них даже хмурого взгляда. До сегодняшнего дня по крайней мере; и что бы ни заставило их раскудахтаться как испуганных кур, Айз Се-дай встревожились не

меньше них. Здесь чересчур много странностей, на его взгляд. Когда Айз Седай начинают вести себя странно, человеку время позаботиться о сохранности собственной шкуры.

Выругавшись, он выдернул себя из задумчивого состояния. Человеку стоит заботиться о своей шкуре и ночью тоже, а если позволять вниманию расплываться, из этого не выйдет ничего хорошего. По крайней мере, он не остановился и даже не замедлил шага. Сделав еще несколько шагов, он тонко улыбнулся и пощупал клинок своего кинжала. Ветер вздыхал, проносясь по улице, и затихал; свистел по крышам и затихал вновь; и в этих коротких

промежутках он мог расслышать слабый хруст шагов, который преследовал его почти с того самого момента, как он вышел из дворца.

На следующем перекрестке он свернул вправо, тем же равномерным, неспешным шагом, затем внезапно распластался спиной к воротам конюшни, которая находилась на самом углу. Широкие ворота были закрыты и, очевидно, заложены изнутри на засов, но запах лошадей и конского навоза висел в морозном воздухе. Гостиница на той стороне улицы была тоже заперта на все замки, окна темны и закрыты ставнями; единственным звуком, помимо завывания ветра, был скрип

ее раскачивающейся вывески, которую он не мог толком разглядеть из-за темноты. Никто не увидит то, чего ему не надо видеть.

Он был предупрежден за мгновение звуком шагов, ускоренных в попытке не дать ему скрыться из вида слишком надолго, а затем из-за угла осторожно высунулась голова в капюшоне. Но, разумеется, недостаточно осторожно. Его левая рука метнулась под капюшон, схватив человека за горло, а правая в то же время нанесла привычный останавливающий удар кинжалом. Он наполовину ожидал, что на том окажется кираса или кольчужная рубашка, и был готов к этому, но

сталь легко погрузилась на добрый дюйм под грудину незнакомца. Он не знал, почему этот удар парализует легкие человека, так что он не может закричать, пока не захлебнется собственной кровью, но он знал, что бывает именно так. Однако этой ночью у него не было времени ждать. Если гвардейцев не видно, это еще не означает, что так и будет впредь. Резким движением он хрястнул головой незнакомца о каменную стену конюшни с достаточной силой, чтобы разmozжить череп, а затем еще раз воткнул в него кинжал, погрузив по самую рукоятку и чувствуя, как клинок скребет по позвоночнику.

Его дыхание оставалось

спокойным – убийство было просто делом, которое необходимо делать время от времени, здесь не от чего было возбуждаться, – но он поспешно опустил труп на снег, привалив к стене, и присел рядом на корточки, вытирая лезвие кинжала о темную куртку мертвеца и засунув левую руку под мышку, чтобы стянуть перчатку, обшитую сталью с тыльной стороны. Вращая головой, он следил за обоими концами улицы, одновременно ощупывая в темноте лицо незнакомца. Колкая щетина под пальцами сказала ему, что это был мужчина – но и только. Вообще-то для него не было разницы, окажись это хоть женщина или ребенок –

некоторые глупцы не понимают, что у детей тоже есть глаза, чтобы видеть, и языки, чтобы рассказать о том, что видели, — однако он надеялся обнаружить там усы, или нос картошкой, или что-нибудь еще, что пробудило бы его память и сказало бы ему, что это за человек. Проведя рукой по рукаву мертвеца, он обнаружил толстое сукно, не слишком тонкое, но и не особенно грубое, и жилистую руку, которая могла принадлежать и писцу, и возчику, и лакею. Короче говоря, любому, так же как и куртка. Обыскав тело, он порылся в карманах, найдя деревянный гребень и моток веревки, которые отбросил в

сторону. У пояса мертвеца его рука задержалась. Там висели кожаные ножны, пустые. Ни один человек на земле не смог бы вытащить нож после того, как клинок Ханлона нашел его легкие. Разумеется, у незнакомца была веская причина держать свой кинжал вынутым из ножен и просто идя по ночным улицам, но все же первое, что приходило в голову, — это что тот намеревался воткнуть его кому-то в спину или перерезать глотку.

Это была, однако, лишь минутная пауза. Не теряя времени на размышления, он срезал кошелек незнакомца под связывавшей его тесемкой. Вес монет, которые он

высыпал себе в руку и тут же сунул в свой карман, сказал ему, что там не было золота и даже скорее всего ни одной серебряной монетки, но найденный кошелек без денег заставит тех, кто найдет тело, подумать, что перед ними жертва грабителей. Выпрямившись, он натянул перчатку и, помедлив лишь момент, чтобы засунуть в ножны свой клинок, вновь зашагал по покрытой грязной кашей мостовой, настороженно всматриваясь вокруг и прижимая кинжал к боку под плащом. Он не расслаблялся, пока не оказался в нескольких кварталах от мертвого тела, да и тогда не позволил себе расслабиться слишком сильно.

Большинство людей, узнавших об убийстве, примут версию об ограблении, доказательства чего он оставил, но не те, кто послал этого человека. То, что он шел за ним от самого дворца, означало, что его послали, но кто? Он был совершенно уверен, что любая из Морского Народа, захотевшая воткнуть в него нож, превосходно справилась бы с этим сама. Родня, как бы она ни беспокоила его своим присутствием, держалась вроде бы тихо и скромно. Правда, именно те, кто хотел избежать лишнего внимания, скорее всего и прибегли бы к помощи наемного ночного убийцы, но он ни разу не обменялся

больше чем парой слов с кем-нибудь из них и, несомненно, ни разу не пытался их пощупать. Айз Седай казались более вероятным вариантом, однако он был уверен, что не сделал ничего, что могло возбудить их подозрения. Однако у кого-нибудь из них могли быть собственные соображения, чтобы желать его смерти. С Айз Седай никогда нельзя сказать наверняка. Бергитте Трагелион — глупая девка, по-видимому, действительно считающая себя персонажем из легенды, а может быть, и действительно настоящая Бергитте, если когда-либо была настоящая Бергитте; но она вполне может

счесть его угрозой для своего положения. Она, может, и ходит по коридорам в этих своих штанах, покачивая бедрами, как настоящая шлюха, однако взгляд у нее холодный. Эта может приказать перерезать человеку глотку, даже глазом не моргнув. Однако больше всего его беспокоила последняя из видевшихся ему возможностей. Его собственные хозяева были не из тех, кто очень-то доверяет людям, да и самим им не всегда можно было особенно доверять. А леди Шиайн Авархин, которая ныне отдавала ему приказания, как раз и послала вызов, вытащивший его этой ночью на улицу. Туда, где его почему-то

поджидал этот парень, чтобы пойти за ним с ножом в руке. Он не верил в совпадения, что бы ни говорили об этом ал'Торе.

Мысль вернуться во дворец промелькнула и пропала в мгновение ока. У него было припрятано кое-какое золотишко; он мог подкупить стражу у ворот с такой же легкостью, как любой другой, или просто приказать, чтобы их открыли и выпустили его наружу. Но это означало бы, что остаток своей жизни он должен был постоянно посматривать за спину, и любой подошедший к нему на расстояние вытянутой руки мог оказаться посланным убить его. Впрочем, это

не очень отличалось от той жизни, какую он вел сейчас. Не считая уверенности, что рано или поздно кто-нибудь подсыпет яду ему в суп или воткнет нож ему в ребра. Кроме того, это вполне могла оказаться и эта каменно-глазая девка Бергитте. Или какая-нибудь Айз Седай. Или, может быть, он все же чем-нибудь оскорбил кого-то из Родни. В любом случае, никогда не помешает быть осторожным. Его пальцы сомкнулись на рукоятке кинжала. В настоящий момент жизнь была хороша, у него было всего вдоволь и полно женщин, достаточно впечатленных или напуганных капитаном гвардии, чтобы быть уступчивыми, но жизнь в

бегах всегда предпочтительнее смерти здесь и сейчас.

Отыскать нужную улицу, а тем более нужный дом, оказалось не так-то просто — одна узенькая боковая улочка выглядит очень похожей на другую, когда их окутывает тьма, — но он приложил все старание и в конце концов оказался перед дверьми высокой, скрытой тенью громады, которая могла бы принадлежать какому-нибудь зажиточному, но осторожному купцу. Впрочем, он знал, что это не так. Авархин был маленьким Домом, некоторые называли его угасающим, но одна дочь в нем еще оставалась, и у Шиайн были деньги.

Дверь открылась, и он поднял руку, защищая глаза от яркого света. Левую руку, в правой был кинжал, который он держал скрытым и наготове. Щурясь сквозь растопыренные пальцы, он узнал женщину, стоявшую у двери в простом темном платье горничной. Впрочем, это не принесло ему облегчения ни на волос.

— С тебя поцелуй, Фалион, — произнес он, ступая через порог. Он приобнял ее, плотоядно ухмыляясь. Лево́й рукой, разумеется.

Длиннолицая женщина оттолкнула его руку и плотно прикрыла за ним дверь.

— Шийн закрылась с

посетителем в гостиной наверху, — спокойно произнесла она, — а повариха у себя в спальне. Больше в доме никого нет. Повесь плащ на вешалку. Я дам ей знать, что ты здесь, но тебе скорее всего придется подождать.

Ханлон позволил ухмылке угаснуть, а руке упасть. Несмотря на ее безвозрастное лицо, больше чем милостивой Фалион не назвать, и даже это было бы некоторой натяжкой, учитывая холодный взгляд и еще более холодную манеру говорить. Она едва ли была женщиной того сорта, которую он бы выбрал для ласк, но, по всей видимости, она была наказана одной

из Избранных и он был частью ее наказания, что меняло дело. До некоторой степени. Он никогда не имел ничего против того, чтобы завалить женщину, у которой нет другого выбора, а у Фалион выбора, разумеется, не было. Вид ее платья говорил об этом: она в одиночку делала работу четырех или пяти женщин, она была и за горничную, и за судомойку, и за повариху, спала, когда выкраивала время, и раболепствовала, когда Шиайн хмурилась. Ее руки огрубели и покраснели от стирки белья и мытья полов. Однако она, похоже, собиралась пережить свое наказание, а меньше всего на свете он желал,

чтобы у какой-нибудь Айз Седай вырос персональный зуб на Даведа Ханлона. Особенно если учесть, что обстоятельства могли резко измениться до того, как у него будет возможность воткнуть нож ей в сердце. Достигнуть с ней соглашения, впрочем, было просто. Она, по всей видимости, имела практический взгляд на вещи. Когда их могли видеть другие, он трепал ее по заднице каждый раз, когда она находилась поблизости, а когда у него было время, он хватал ее в охапку и волок в маленькую комнатку под самой крышей. Там они приводили в беспорядок постельное белье, затем садились на узкую

холодную кровать и обменивались информацией. Хотя по ее настоянию он порой ставил ей пару синяков, просто на случай, если Шайн решит проверить. Он надеялся, что она запомнит, что это было по ее настоянию.

– Где остальные? – спросил он, сбрасывая плащ и вешая его на резную вешалку для плащей. Стук сапог по плитам пола отдавался от высокого потолка. Это было богато убранное помещение с раскрашенными оштукатуренными карнизами и несколькими роскошными гобеленами на стенных панелях, украшенных резьбой и отполированных до блеска,

освещенное высокими
светильниками с отражателями, на
которых позолоты было не меньше,
чем в самом Королевском дворце, но
чтоб ему согреться, если здесь было
намного теплее, чем снаружи.
Фалион приподняла бровь, увидев
кинжал в его руке, и он убрал его в
ножны с натянутой улыбкой. Он мог
вытащить его вновь быстрее, чем в
это можно было поверить, и меч
почти с той же быстротой. — Улицы
ночью полны воров. — Несмотря на
холод, он снял перчатки и заткнул их
за пояс рядом с мечом. Иначе могло
бы показаться, что он считает, что
находится в опасности. В любом
случае, случись самое худшее, кирасы

будет достаточно.

— Я не знаю, где Мариллин, — сказала она через плечо, уже поворачиваясь, чтобы уходить, и подбирая юбку, готовясь взойти на лестницу. — Она ушла еще до заката. Муреллин в конюшне со своей трубкой. Мы можем поговорить после того, как я сообщу Ши-айн о твоём прибытии.

Глядя, как Фалион взбирается по лестнице, он хмыкнул. Мурел-лина, грузного парня, которого Ханлон за глаза недолюбливал, изгоняли в конюшню за домом всякий раз, когда он хотел покурить свою трубку, поскольку Шиайн не нравился запах его крепкого табака, и так как он

обычно прихватывал с собой кружку эля, а то и целый кувшин, он не должен появиться здесь в скором времени. Мариллин беспокоила его больше. Она тоже была Айз Седай, очевидно так же отданная в распоряжение Шияйн, как и Фалион или он сам, но с ней у него не было никаких соглашений. Ссор, впрочем, тоже не было, однако он не доверял любой Айз Седай в принципе, Черная она или нет. Куда она пошла? Зачем? То, чего человек не знает, может убить его, а Мариллин Гемалфин проводила слишком много времени за пределами дома, занимаясь вещами, о которых он не знал ровно ничего. А узнать стоило —

если он хотел жить.

Когда Фалион ушла, он прошел из ледяной прихожей прямо в кухню в задней части дома. Комната с кирпичными стенами была пуста, разумеется, — повариха достаточно хорошо знала, что не стоит высовывать нос из своей подвальной комнаты после того, как ее ушлют на ночь, — и черная железная плита и печи были холодными, но небольшой огонь, разведенный в длинном каменном очаге, делал кухню одним из немногих помещений в доме, где было тепло. По сравнению с остальными во всяком случае. Шайн была скупа, когда речь шла не о ее собственных удобствах. Огонь

здесь поддерживали только на тот случай, если ей среди ночи вдруг захочется выпить подогретого вина с пряностями или съесть вареное яйцо.

С того времени как Ханлон появился в Кэймлине, он бывал в этом доме уже больше полудюжины раз и знал, в каких шкафчиках хранятся специи и в какой комнате рядом с кухней стоят бочонки с вином. Всегда с хорошим вином. В этом отношении Шиайн никогда не скупилась. По крайней мере если речь шла о том вине, которое она пила сама. Когда вернулась Фалион, на широком кухонном столе уже были расставлены горшок с медом и

блюдо с имбирем и гвоздикой, рядом стоял полный вина кувшин, а в огне грелась кочерга. Шиайн могла приказать ему прийти сейчас же, но это ничего не значило: когда она хотела, чтобы человек ждал, он мог не увидеть ее до самого утра. Эти вызовы всегда стоили ему сна, сожги Свет эту женщину!

— Кто ее посетитель? — спросил он.

— Он не назвался, по крайней мере мне, — ответила Фалион, подпирая стулом открытую дверь, ведущую в коридор. Из-за этого некоторая часть тепла будет ускользать наружу, но она должна была услышать, если Шиайн позовет

ее. Или, может быть, она хотела быть уверенной, что та не сможет их подслушать. — Худощавый человек, высокий и суровый, по виду солдат. Какой-нибудь офицер, может быть из благородных, судя по тому как он держится, и андорец, судя по выговору. Он кажется умным и осторожным. Он одет довольно просто, хотя и недешево, и на нем нет колец или заколок. — Хмуро взглянув на стол, она повернулась к одному из шкафчиков у двери в коридор и поставила вторую оловянную кружку рядом с той, что Ханлон выставил для себя. Ему никогда не приходило в голову накрыть на двоих. Хватало и того,

что он сам наливал себе вино. Айз Седай там или не Айз Седай, а горничной была она. Но Фалион придвинула себе стул и оттолкнула от себя блюдо с пряностями, словно ожидала, что он станет прислуживать ей.

— У Шиайн, однако, вчера было двое посетителей, которые были более беспечны, чем этот, — продолжала она. — У одного, он пришел с утра, на отвороте перчаток был Золотой Вепрь Саранда. Может быть, он считал, что вышивка слишком мелкая и ее никто не заметит, если он вообще хоть что-нибудь думал. Толстенский желтоволосый человек, средних лет,

смотрел на все свысока, хвалил вино так, словно был удивлен тем, что нашел в этом доме нечто достойное, и хотел, чтобы Шиайн приказала высечь меня за то, что я выказала ему недостаточное уважение. — Даже это она говорила холодным, размеренным тоном. Какой-либо жар проявлялся в ней, казалось, только тогда, когда Шиайн порола ее плетью. Тогда она кричала достаточно громко, как он слышал. — Это какой-нибудь селянин, который редко бывает в Кэймлине, но считает, что знает, как ведет себя знать, так я думаю. Его можно опознать по бородавке на подбородке и маленькому шраму в форме

полумесяца возле левого глаза. Тот, что приходил после полудня, был низеньким и смуглым, с острым носом и настороженными глазами; у него я не заметила никаких шрамов или отметин, но на его левой руке было кольцо с квадратным гранатом. Он говорил мало и старался не сказать ничего, судя по тому немногому, что я слышала, но у него был кинжал с Четырьмя Полумесяцами Дома Марне на рукоятке.

Сложив руки на груди, Ханлон наклонился к очагу и сделал спокойное лицо, хотя ему хотелось нахмуриться. Он был уверен, что план состоял в том, чтобы трон

заняла Илэйн, хотя что будет после, оставалось загадкой. Она была обещана ему как королева. Будет она носить корону или нет, когда он возьмет ее, его ничуть не волновало, это разве что добавляло остроты — обломать эту длинноногую кобылку, приучив ее к седлу, было бы для него чистым удовольствием, даже будь она дочкой фермера, особенно после того как эта девчонка так срезала его сегодня перед лицом у всех этих женщин! — но если дела ведутся также с Домами Саранд и Марне, это говорит о том, что, возможно, Илэйн должна будет умереть, так и не возложив на себя корону. Может быть, несмотря на все обещания, что

ему дадут повозиться с королевой, он был определен на занимаемое им сейчас место, чтобы иметь возможность убить ее в заранее выбранный момент, когда ее смерть принесет особенно большую выгоду для Шайн. Или, скорее, для того Избранного, который отдавал ей приказания. Моридин, так его звали, — имя, которое Ханлон никогда не слышал до того, как пришел в этот дом. Это не беспокоило его. Если у того хватало наглости называть себя одним из Избранных, Ханлон был не настолько глуп, чтобы оспаривать это. Его беспокоило то, что, по всей видимости, он был во всем этом не

более чем кинжалом. Если кинжал сделает свою работу, кого волнует, если он при этом сломается? Гораздо лучше быть рукой на рукояти, чем клинком.

— Ты не видела, им не платили? — спросил он. — Может быть, слышала что-нибудь?

— Я бы сказала, — недовольно ответила она. — И, по нашему соглашению, теперь моя очередь задавать вопросы.

Он сумел скрыть свое раздражение за выжидательным взглядом. Эта дура всегда расспрашивала его об Айз Седай во дворце, или о тех, кто называл себя Родней, или о Морском Народe.

Глупые вопросы. Кто с кем дружит, а кто враждует. Кто с кем разговаривает наедине и кто кого избегает. Что он слышал из их разговоров. Словно ему больше делать нечего, как рыскать по коридорам и шпионить за ними. Он никогда не лгал ей — слишком велика вероятность, что она может узнать правду, даже заточенная в этом доме в качестве горничной; она же была Айз Седай, в конце концов. Но ему становилось все труднее находить хоть что-то, что он еще не рассказывал ей, а она была тверже алмаза и требовала свежую информацию, если Ханлон хотел получить что-нибудь взамен. Однако

сегодня он мог предложить ей несколько лакомых кусочков о том, что Морской Народ покидает дворец и вся их лавочка прыгала чуть ли не весь день, словно им сосулек за шиворот напихали. Но ей придется расплатиться за это. То, что хотел знать он, было действительно важно, не какие-то там дурацкие сплетни.

Но прежде чем она успела задать свой вопрос, отворилась наружная дверь. Муреллин был настолько велик, что почти заполнял собой дверной проем, однако поток ледяного холода устремился внутрь, и языки пламени начали плясать и сыпать искрами, пока он не притворил за собой дверь. По нему

не было видно, что он чувствовал холод, но, с другой стороны, его коричневая куртка на вид была толще, чем два плаща. Гигант имел не только бычье телосложение, но и соответствующие мозги. Грохнув об стол высокой деревянной кружкой, он заткнул большие пальцы за свой широкий пояс и с обидой уставился на Ханлона.

– Ты затеваешь шашни с моей женщиной? – пробурчал он.

Ханлон вздрогнул. Не из-за страха перед Муреллином; его совершенно не волновал этот олух по ту сторону стола. Вздрогнуть его заставила Айз Седай: она вскочила со своего стула и схватила кувшин с

вином. Кинув в него имбирь и гвоздику, она добавила ложку меда и поболтала кувшином, перемешивая содержимое, затем выхватила кочергу из огня, прихватив ее краешком юбки, и сунула в вино, даже не проверив, достаточно ли она нагрелась. При этом Фалион даже не взглянула на Муреллина.

— С твоей женщиной? — осторожно переспросил Ханлон. В ответ он увидел довольную ухмылку.

— Почти что. Леди сказала, что я могу брать то, что тебе не нужно. Так что мы с Фалли греем друг друга по ночам. — Муреллин двинулся вокруг стола, по-прежнему улыбаясь, теперь уже по направлению к женщине. Но

тут из коридора донесся крик, и он со вздохом остановился, а его улыбка погасла.

— Фалион! — резко позвал отдаленный голос Шиайн. — Веди Ханлона ко мне наверх, да пошевеливайся!

Фалион поставила кувшин на стол, стукнув так, что вино выплеснулось через край, и уже направлялась к двери, прежде чем

Шиайн договорила. Фалион всегда спешила повиноваться, когда приказывала Шиайн.

Ханлон тоже поспешил, хотя и по другой причине. Догнав Фалион, он схватил ее за руку, когда она уже ступила на первую ступеньку

лестницы. Быстрый взгляд назад уверил его, что дверь в кухню закрыта. Может быть, Муреллин все же чувствовал холод. Тем не менее он все же понизил голос.

– О чем это он болтал?

– Не твое дело, – грубо ответила она. – Можешь достать для меня что-нибудь, чтобы заставить его уснуть? Что-нибудь, что можно подмешать в эль или вино? Он выпьет все что угодно, каким бы оно ни было на вкус.

– Если Шияйн думает, что я не повинуюсь ее приказам, это, чтоб мне сгореть, *мое* дело, и ты тоже могла бы это понять, если ты вообще способна сложить два и два.

Она вскинула голову, уставив на него свой длинный нос, холодная как рыба.

— Это совершенно к тебе не относится. Что до того, что думает Шайн, я по-прежнему буду *принадлежать* тебе, когда ты здесь. Видишь ли, некоторые обстоятельства изменились. — Внезапно что-то невидимое крепко схватило его запястье и оторвало его руку от ее рукава. Еще что-то метнулось к его глотке, сжав так, что он не мог вздохнуть. Левой рукой он тщетно пытался нащарить кинжал. Голос Фалион оставался холодным. — Я думала, некоторые другие обстоятельства изменятся

соответственно, но Шиайн не смотрит на вещи логически. Она говорит, что когда Великий Господин Мори-дин захочет уменьшить мое наказание, он скажет об этом. Мори-дин *отдал* меня ей. Муреллин – это ее способ убедиться, что я понимаю это. Ее способ убедиться, что я знаю, что я – ее *собака*, пока она не скажет обратное. – Внезапно она глубоко вздохнула, давление на его глотку и запястье уменьшилось. Воздух никогда не казался Ханлону столь сладким. – Ты сможешь достать то, о чем я прошу? – проговорила она так спокойно, словно не пыталась только что убить его своей проклятой Силой. От одной мысли о том, что

это касалось его, у него мурашки ползли по коже.

– Я могу... – начал он хрипло, но осекся. Сглотнул, потирая глотку. Ощущение было такое, словно она побывала в петле палача. – Я могу достать тебе кое-что, от чего он уснет и уже никогда не проснется. – Если ему подвернется безопасная возможность, он выпотрошит ее как гуся.

Она презрительно фыркнула.

– Я буду первой, кого заподозрит Шайн. С тем же успехом я могу просто перерезать себе вены, если захочу сопротивляться тому, что она решила. Для меня будет достаточно, если он будет спать ночи напролет.

Давай лучше думать буду я, и тогда мы оба будем в выигрыше. — Положив руку на резной столбик лестницы, она взглянула вверх. — Пойдем. Когда она говорит «скорее», это значит скорее. — Как жаль, что он не может подвесить ее как гуся в ожидании ножа!

Топая вслед за ней сапогами по ступенькам, так что грохот отдавался по всей прихожей, он внезапно понял, что не слышал, как уходил посетитель. Если в доме не было какого-нибудь тайного хода наружу, о котором он не знал, выйти можно было только через парадную дверь, дверь в кухне или через вторую заднюю дверь, пройти к которой

можно только через кухню. Так что, по-видимому, ему предстояло встретиться с этим солдатом. Возможно, их встреча станет неожиданностью для последнего. Ханлон украдкой ослабил в ножнах кинжал.

Как и ожидалось, в гостиной горел яркий огонь, разведенный в широком мраморном с голубыми прожилками камине. В этой комнате было что грабить — на украшенных позолотой столиках стояли фарфоровые вазы работы Морского Народа, на стенах висели гобелены, а на полу лежали ковры, за которые можно получить неплохую цену. Правда, цена одного из ковров, по-

видимому, теперь сильно упала. Посреди комнаты красовался низенький покрытый одеялом холмик, и если парень, который скрывался под ним, не запачкал ковер своей кровью, Ханлон готов был съесть торчавшие из-под одеяла сапоги.

Сама Шияйн сидела в резном кресле – привлекательная женщина в вышитом золотом синем шелковом платье с узорчатым поясом плетеного золота; на стройной шее висело тяжелое золотое ожерелье. Блестящие каштановые волосы, спускавшиеся ниже плеч, были схвачены замысловатой кружевной сеткой. На первый взгляд она

выглядела хрупкой, но в лице ее было что-то лисье, а этих больших карих глаз никогда не касалась улыбка. В руках у нее был украшенный кружевами платочек, которым она вытирала маленький кинжал с огневином в рукоятке.

– Иди скажи Муреллину, что у меня тут... сверток, от которого ему потом надо будет избавиться, Фалион, – спокойно произнесла она.

Лицо Фалион осталось спокойным, как полированный мрамор, но она опустила в чуть ли не раболепном реверансе и тут же бегом бросилась из комнаты.

Уголком глаза наблюдая за женщиной с кинжалом, Ханлон

подошел к холмику и наклонился, чтобы приподнять уголок одеяла. Пустые голубые глаза глядели на него с лица, которое при жизни, должно быть, было суровым. Лица мертвых всегда выглядят мягче. Очевидно, он все же оказался не настолько умным и осторожным, как показалось Фалион. Ханлон отпустил одеяло и выпрямился.

— Он сказал что-нибудь, что тебе не понравилось, миледи? — мягко спросил он. — Кто это такой?

— Он сказал много чего, что мне не понравилось. — Она подняла кинжал вверх, разглядывая небольшой клинок, чтобы удостовериться, что он чистый, и

затем опустила его в вышитые золотом ножны у себя на поясе. — Скажи, ребенок Илэйн от тебя?

— Я не знаю, кто отец этого щенка, — кисло ответил он. — А в чем дело, миледи? Ты считаешь, что я становлюсь слишком мягким? Последнюю девчонку, которая заявила, что я сделал ей ребенка, я засунул вниз головой в колодец, чтобы слегка охладить, и проследил, чтобы она оттуда не выбралась. — На подносе на одном из столиков стояли узкогорлый серебряный кувшин и два серебряных кубка, украшенных гравировкой. — Это можно пить? — спросил он, заглядывая в кубки. В обоих на дне было вино, но

небольшое дополнение в одном из них могло сделать посетителя легкой добычей.

— Катрелль Мосенайн, дочь торговца скобяным товаром из Ми-роуна, — произнесла женщина так спокойно, словно это было известно всем на свете, и он чуть не вздрогнул от удивления. — Ты разmozжил ей голову камнем перед тем, как засунуть в колодец, не иначе как заботясь, чтобы она не утонула. — Откуда она могла знать имя девчонки, не говоря уже о камне? Он и сам-то его не помнил! — Нет, я сомневаюсь, что ты становишься мягким, но мне бы очень не хотелось думать, что ты целуешься с леди

Илэйн втихомолку от меня. Мне бы этого очень не хотелось.

Внезапно Шиайн нахмурилась, глядя на запятнанный кровью платок у себя в руке, и, грациозно поднявшись, скользнула к камину и бросила его в огонь. Она стояла, греясь у очага и даже не глядя в его направлении.

— Смог бы ты устроить так, чтобы некоторые из шончанских женщин бежали? Лучше всего если это будут обе женщины, называющие себя *сул'дам*, и те, кого называют *дамани*, — она немного спотыкалась на незнакомых словах, — но если ты не сможешь устроить это для всех, сойдут и несколько *сул'дам*. Они

смогут освободить кого-нибудь из остальных.

– Может быть. – Кровь и пепел, она этой ночью перескакивала с одного на другое хуже, чем Фалион! – Но это будет непросто, миледи. Их всех хорошо стерегут.

– Я не спрашивала о том, легко ли это будет, – ответила она, глядя в огонь. – Можешь ли ты убрать стражу от складов с продовольствием? Меня бы очень порадовало, если бы некоторые из них наконец сгорели. Я уже устала от попыток, которые всегда проваливаются.

– Этого я не могу, – пробормотал он. – Разве что ты хочешь, чтобы я после сразу же пустился в бега. Они

настолько тщательно фиксируют все приказы, что содрогнулся бы даже кайриэнец. И все равно от этого не будет большого толка, если учесть, что через эти треклятые ворота каждый день проходят все новые и новые фургоны. – По правде говоря, об этом он не жалел. Его тошнило от способа, каким это делалось, но он не жалел. Он считал, что дворец в любом случае будет последним местом в Кэймлине, куда придет голод, но он переживал осады с обеих сторон городских стен, и в его намерения никак не входило еще раз варить суп из собственных сапог. Шайн, впрочем, хотела пожара.

– Еще один ответ, о котором я не

просила. — Она покачала головой, по-прежнему глядя в камин, а не на него. — Но, возможно, что-то все же можно сделать. Насколько ты близок к тому, чтобы действительно... снискать расположение Илэйн? — натянуто закончила она.

— Ближе, чем в тот день, когда я прибыл во дворец, — буркнул он, свирепо глядя ей в спину. Он пытался не оскорблять тех, кого Избранные ставили над ним, но эта девица откровенно испытывала его терпение. Он мог бы сломать эту хрупкую шейку как тростинку! Чтобы занять руки, рвавшиеся к ее горлу, он наполнил один из кубков и взял его в руку, не собираясь пить. В

левую руку, разумеется. То, что в комнате уже был один мертвец, еще не значило, что она не собирается удвоить это количество. — Но я не собираюсь торопить события. Вряд ли я могу зажать ее где-нибудь в уголке и щекотать, пока она не выпрыгнет из сорочки.

— Да уж, — приглушенным голосом проговорила Шайн. — Она, пожалуй, женщина не того сорта, к какому ты привык.

Она что, *смеется* над ним? Он ее *забавляет*? Он едва сдержался, чтобы не швырнуть на пол кубок и не придушить эту девку с лисьим лицом.

Внезапно она развернулась, и он

моргнул, видя, как она небрежным жестом вновь убирает в ножны свой кинжал. Свет, он даже не видел, когда она вытащила его! Он, не подумав, глотнул вина и чуть не задохнулся, когда понял, что сделал.

— Тебе бы понравилось увидеть Кэймлин разграбленным? — спросила она.

— Очень неплохо, если у меня будет хорошая компания за спиной и свободный путь к воротам. — Вино не должно было причинить ему вреда. Кубка было два, это значило, что она тоже пила, а если даже он взял тот, из которого пил мертвец, в нем не должно было остаться даже столько яда, чтобы отравить хотя бы мышь. —

Так ты этого хочешь? Я повинуюсь приказам так же, как и любой другой. – Так он и делал, когда был уверен, что переживет их выполнение, или когда они исходили от Избранных. Лучше умереть глупой смертью, чем не выполнить приказа Избранного. – Но иногда очень помогает, когда знаешь немного больше, чем «пойди туда и сделай то». Если бы ты сказала мне, чего добиваешься в Кэймли-не, может быть, я помог бы тебе скорее добраться до цели.

– Разумеется. – Шияйн улыбнулась ему, сверкнув зубами, в то время как ее глаза оставались безучастными, как два коричневых

камня. — Но вначале скажи мне, почему у тебя на перчатке свежая кровь?

Он улыбнулся ей в ответ.

— Какому-то грабителю не повезло, миледи. — Может быть, это она послала его, а может быть, нет, но он добавил ее глотку к списку тех, которые намеревался перерезать. И точно так же он мог добавить туда и Мариллин Гемалфин. В конце концов, единственный оставшийся в живых будет единственным, кто сможет рассказать, что произошло.

Глава 16. Предмет переговоров

Утреннее солнце низко висело над горизонтом, окутывая тенями ближнюю сторону Тар Валона, но покрывавший все снег ярко сиял. Казалось, что светится сам город за длинными белыми стенами, усеянными башенками и знаменами. Но Эгвейн, сидевшей на чалом мерине, который стоял на берегу реки над городом, он казался еще дальше, чем был на самом деле. Здесь Эринин расширялась больше чем на две мили, до еще Алиндрелле Эринин и Осендрелле Эринин,

огибавшие остров с обеих сторон, простирались почти на милю. Из-за этого Тар Валон словно вырастал из середины огромного озера, и добраться до него можно было только по массивным мостам, возносившимся над водой так высоко, что корабли без труда проплывали под ними. Сама Белая Башня, толстый белоснежный столб которой вздымался на неимоверную высоту из самого центра города, наполнила сердце Эгвейн тоской по дому. Не по Двуречью, а по Башне. Теперь это был ее дом. Взгляд поймал струйку дыма, тонкую черную полосу, поднимавшуюся в небо с дальнего берега за городом, и

она поморщилась. Дайшар топнул по снегу копытом, но ласкового похлопывания по шее было достаточно, чтобы успокоить чалого. Чтобы успокоить всадницу, понадобилось бы куда больше усилий. И тоска по дому составляла лишь малую часть беспокойства. По сравнению с остальным просто крошечную.

Со вздохом Эгвейн опустила поводья на высокую луку седла и подняла длинную, окованную медью зрительную трубу. Плащ соскользнул с одного плеча, но она затенила окуляр трубы рукой в перчатке, не обращая внимания на холод, который превращал ее дыхание в маленькие

клубы тумана. Стены города оказались рядом. Она сфокусировала трубу на высоких изогнутых молах Северной Гавани, выдававшихся вперед, против течения реки. По верху зубчатой стены, огибавшей Гавань, целеустремленно двигались люди, но на таком расстоянии она едва ли могла отличить мужчин от женщин. И все же она была рада, что на ней сейчас не было палантина с семью полосами, а лицо укрыто капюшоном на тот случай, если у кого-то в руках окажется более сильная оптика. Широкое устье рукотворной гавани перегораживала массивная железная цепь, натянутая в нескольких футах над водой.

Маленькие точки на воде — птицы, ныряющие за рыбой в гавани, — давали представление о размерах цепи. Чтобы приподнять одно ее звено, потребовалось бы двое мужчин. Под такой преградой могла проскользнуть весельная лодка, но ни одно судно не смогло бы войти в гавань без дозволения Белой Башни. Конечно, цепь предназначалась только для ограждения от врагов.

— Вот они, Мать, — промолвил лорд Гарет, и Эгвейн опустила трубу. Ее полководец был коренастым мужчиной, поверх скромного коричневого наряда он носил простой нагрудник, нигде ни позолоты, ни вышивки. Лицо его за

решетчатым забралом было обветренным и грубоватым, а годы придали ему некое странно умиротворяющее спокойствие. Достаточно было посмотреть на Гарета Брина, чтобы понять, что, если Бездна Рока разверзнется перед ним, он презрит свой страх и будет делать то, что должен. И другие последуют за ним.

От битвы к битве он убеждал, что следование за ним — путь к победе. Хорошо, что такой человек был ее спутником. Взгляд Эгвейн последовал за его рукой в латной перчатке, указывавшей вверх по течению.

Пять, шесть — нет, уже семь —

речных кораблей, только что показавшихся из-за мыса, спускались по течению Эринин. Это были большие суда, одно из них трехмачтовое, треугольные паруса раздувались, а длинные весла взрезали синевато-зеленую воду, чтобы добавить еще немного скорости. Все говорило о пламенном стремлении к скорости, о желании достичь Тар Валона *сейчас!* Здесь река была достаточно глубока, что позволяло судам двигаться вблизи от берегов. Но эти корабли шли плотной группой, держась настолько близко к середине Эринин, сколько позволял ветер и искусство кормчих. Матросы, сидевшие на мачтах, смотрели в

основном на берега, вместо того чтобы высматривать мели.

На самом деле, пока они держатся дальше полета стрелы, выпущенной из лука, им нечего бояться. Конечно, Эгвейн с того места, где она находилась, могла поджечь каждый из этих кораблей или проделать в их бортах дыры, чтобы они утонули. Дело нескольких секунд. Но это бы несомненно означало, что кто-то утонет. Течение было сильным, вода — ледяной, плыть до берега далеко, даже тем, кто умеет плавать. Даже единственная смерть обратит использование Силы в оружие. Она старалась жить так, как если бы уже была связана Тремя

Клятвами, и Клятвы защищали суда от нее и других сестер. Сестра, присягнувшая на Клятвенном Жезле, не сможет *заставить* себя накинуть эти плетения, пока не убедится, что ей грозит непосредственная опасность. Но, очевидно, ни капитаны, ни команды кораблей в это не верили.

Они подходили ближе, и вот уже по воде стали доноситься заглушенные расстоянием крики. Впередсмотрящие на мачтах указывали на нее и Гарета, и быстро стало очевидным, что они принимали ее за Айз Седай со своим Стражем. По крайней мере, капитаны не желали признавать

возможность того, что Эгвейн таковой не была. Спустя мгновение работа весел усилилась. Всего лишь на крупицу, но как пришлось потрудиться гребцам, чтобы создать и эту крупицу. Женщина на квартердеке переднего судна — видимо, капитан — взмахивала руками, требуя еще больших усилий, а по палубе начали бегать люди, закрепляя одну снасть и ослабляя другую, чтобы изменить угол парусов, хотя Эгвейн показалось, что они этим ничего не достигли. Кроме моряков на палубах были и другие люди, большая часть из которых сгрудилась у бортов, многие поднимали зрительные трубы.

Некоторые, кажется, пытались оценить расстояние, которое осталось пройти до безопасной гавани.

Она подумала, не сплести ли яркую вспышку, фейерверк, может быть даже с грохотом, прямо над каждым из судов. Это даст понять любому на борту, что их не спасет ни скорость, ни расстояние, а только воздержанность, рожденная из Трех Клятв. Они *должны* знать, что сейчас они в безопасности *благодаря* Айз Седай. Тяжело вздохнув, Эгвейн покачала головой и мысленно укорила себя. Плетение, хотя бы столь простенькое, привлекло бы внимание в городе, и, конечно,

большее, чем просто появление одинокой сестры. Сестры частенько приходили на берег реки посмотреть на Тар Валон и Башню. Даже если единственной реакцией на такую вспышку станет ответная, то такое соревнование, едва оно начнется, очень трудно остановить. Начавшись, дела могут вырваться из-под контроля. Для этого было слишком много возможностей, особенно в эти последние пять дней.

— С тех пор как мы прибыли, капитан порта никогда не позволял находиться внутри больше чем восьми-девяи кораблям, — сказал Гарет, когда первый корабль поравнялся с ними. — Но, похоже, эти

капитаны все спланировали заранее. Скоро появится еще один караван, он доберется до города к тому времени, как гвардейцы Башни убедятся в том, что эти парни в самом деле прибыли сюда завербоваться. Джимар Чубейн знает достаточно и не даст мне заслать в город своих парней на борту корабля. Больше всего его гвардейцев толпится в гаванях, ну да еще на башнях мостов, а в остальных местах, насколько я успел разузнать, лишь понемногу. Хотя это изменится. Поток кораблей начинается с рассветом и продолжается почти до наступления ночи и здесь, и в Южной Гавани. Похоже, что у этой компании солдат не так много, как у

большинства. Каждый план хорош до поры, Мать, а потом ты или приспособливаешься к обстоятельствам, или тебя вышибают из седла.

Эгвейн досадливо хмыкнула. На этих семи кораблях вместе должно быть пассажиров двести, а то и того больше. Кто-то из них, конечно, может быть купцом, торговцем или просто безобидным путником, да только низкое солнце отблескивало от шлемов, нагрудников и стальных дисков, нашитых на кожаные безрукавки. Сколько таких кораблей прибывало в день? Каково бы ни было их число, но в город шел постоянный приток тех, кто хотел

завербоваться к Верховному Капитану Чубейну.

— Почему вы, мужчины, так торопитесь убивать или быть убитыми? — промолвила она раздраженно.

Лорд Гарет спокойно посмотрел на нее. Он словно изваяние восседал верхом на крупном гнедом мерине с белой полосой на морде. Иногда ей казалось, что она немного понимает чувства Суан к Гарету. Иногда она думала, что не жаль никаких усилий, чтобы ошеломить его, просто для того чтобы увидеть его встревоженным.

К сожалению, Эгвейн столь же хорошо знала ответ на свой вопрос,

сколь и он. По крайней мере что касалось мужчин, решивших записаться в солдаты. О, всегда достаточно тех, кто стремится поддержать то дело, которое он считает правым, и тех, кто ищет приключений, как бы они себе их ни представляли. Но тут дело в том, что, таская пику или копье, можно заработать за день в два раза больше того, что получишь, батрача за плугом, или в полтора раза больше, если способен держаться в седле достаточно хорошо для кавалерии. Лучники и арбалетчики занимают промежуточную позицию. Люди, работающие на других, могли мечтать о том дне, когда они

приобретут себе ферму, или лавочку, или хотя бы задел, с помощью которого сыновьям удастся построить свое дело, но, уж конечно, они слышали тысячи бак о тех, кто ушел в солдаты и через пять или десять лет вернулся домой с мешком золота и больше ни в чем себе не отказывал. Сказки о простых людях, ставших генералами или лордами.

— Для бедняка, — мрачно замечал Гарет, — лучше уставиться на острие пики, чем на круп чужой лошади, впряженной в плуг. Даже если куда больше шансов на то, что его этой же пикой и проткнут, чем на достижение славы и богатства.

Горький взгляд на жизнь, но

Эгвейн понимала, что, похоже, именно так и думает большинство из тех, кто прибывает сюда на кораблях. Но ведь благодаря этому она получила и собственную армию. На каждого человека, который хотел видеть, как узурпатора сбросят с Престола Амерлин, на каждого человека, который хотя бы знал наверняка, кем является Элайда, приходился десяток, если не сотня тех, кто пришел ради денег. Некоторые из людей на кораблях поднимали руки, чтобы показать стражникам на стенах гавани, что они не вооружены.

— Нет, — сказала она, и лорд Гарет вздохнул. Его голос остался

спокойным, но слова едва ли были утешительными.

— Мать, пока гавани остаются открытыми, в Тар Валоне с пищей будет лучше, чем у нас, и Гвардия Башни скорее станет здоровее и крепче, чем ослабнет от голода. Я очень сомневаюсь, что Элайда позволит Чубейну атаковать нас, как бы ему этого ни хотелось. Каждый день ожидания только наращивает счет у мясника, и рано или поздно нам придется его оплатить. Я с самого начала говорил, что нам придется идти на приступ, и это по-прежнему справедливо, хотя все остальное изменилось. Если сейчас сестры пустят меня и моих людей

внутри стен, я смогу взять Тар Валон. Без крови не обойдется. И никогда не обходится. Но я могу взять для вас город. И если промедления не будет, то погибнет значительно меньше.

В ее животе образовался узел, он завязывался все туже, пока она не начала дышать с трудом. Осторожно, шаг за шагом она проделала серию упражнений для послушниц, которые помогли ослабить его. Берега вмещают реку, направляя, но не управляя. Покой окутал ее, проник в нее.

Слишком многие стали свидетелями применения врат, и в некотором смысле Гарет представлял самый плохой случай. Его делом

была война, и он достиг в нем больших успехов. Как только он узнал, что через ворота одновременно может провести не только маленькую группу людей, то сразу увидел в них большие возможности. Даже мощные стены Тар Валона, находящиеся за пределами действия любой осадной катапульты, если она не установлена на барже, и окутанные Силой, так что и мощнейшая катапульта не оставит на них и следа, могли оказаться все равно что бумажными против армии, которая могла Перемещаться. Но, понял это Гарет или нет, эта идея придет в голову и другим. Похоже, что Аша'маны уже сделали это.

Война всегда отвратительна, но она могла стать еще уродливее.

– Нет, – повторила Эгвейн. – Я знаю, что люди будут умирать до того, как все закончится.

Помоги Свет, она могла видеть, как они умирают, просто прикрыв глаза. Еще больше погибнет, если она примет неправильные решения, и не только здесь.

– Но я должна сохранить живой Белую Башню – против Тар-мон Гай'дона, – чтобы она встала между миром и Аша'ман, – а Башня погибнет, если сестры станут убивать друг друга на улицах Тар Валона.

Однажды это уже случилось. Нельзя позволить этому повториться.

— Если погибнет Белая Башня, умрет надежда. Я не стану больше говорить об этом.

Дайшар всхрапнул и мотнул головой, словно уловив ее раздражение, но Эгвейн твердо придержала его и убрала зрительную трубу в тисненый кожаный футляр, свисавший с седла. Нырявшие птицы прекратили рыбалку и поднялись в воздух, когда толстая цепь, преграждавшая путь в Северную Гавань, начала опускаться. Она погрузится ниже поверхности воды задолго до того, как первый корабль подойдет к устью гавани. Как давно она сама прибыла в Тар Валон таким же маршрутом! Кажется, уже и не

вспомнить. Минула целая эпоха. Тогда сошла на берег и была встречена Наставницей Послушниц совсем другая женщина.

Гарет покачал головой с быстрой усмешкой. Но ведь он никогда не сдавался.

– Вам, Мать, нужно сохранить Белую Башню, но это моя работа – дать ее вам. Если, конечно, не произошло таких перемен, о которых я не знаю. Я вижу, как перешептываются и смотрят через плечо сестры, хотя я и не понимаю, что это значит. Если вам все еще нужна Башня, придется штурмовать, и лучше раньше, чем позже.

Внезапно утро показалось

темнее, словно солнце затмило облака. Что бы она ни сделала, мертвые будут громоздиться поленницами, но она должна сохранить Белую Башню живой. Должна. Когда выбираешь из двух зол, приходится выбирать то, которое кажется меньшим.

– Я увидела здесь достаточно, – негромко произнесла Эгвейн. Бросив последний взгляд на тонкую струйку дыма за городом, она развернула Дайшара по направлению к деревьям, что росли в сотне шагов от берега реки, где среди вечнозеленых болотных миртов и по-зимнему голых буков и берез ожидал эскорт.

Две сотни легкой кавалерии в

жатых кожаных нагрудниках или куртках с нашитыми металлическими пластинками несомненно привлекли бы внимание, покажись они на берегу реки, но Гарет убедил ее в необходимости этих людей с пиками и короткими луками. Без сомнения, дым на дальнем берегу поднимался от горящих фургонов или припасов. Булавочный укол, но эти булавки кололи каждую ночь, когда одна, когда две-три, так что теперь на рассвете люди первым делом высматривали дымы. До сих пор выследить поджигателей оказывалось невозможным. Внезапные снежные шквалы

ослепляли преследователей, или налетали свирепые ледяные ночные ветра, или следы просто обрывались и снег за последним отпечатком копыт был так чист, словно только что выпал. Остатки плетений достаточно ясно говорили о том, что тут не обошлось без Айз Седай, и не имело смысла считать, что Элайда забросила своих людей, а может и сестер, и на этот берег. Едва ли что-то могло бы больше обрадовать Элайду, чем поимка Эгвейн ал'Вир.

Конечно, это был не только ее личный эскорт. Кроме Шириам, ее Хранительницы Летописей, с ней этим утром было еще шесть сестер, и те, у кого были Стражи, привели их с

собой, так что за сестрами стояло в ожидании восемь мужчин, одетых в плащи, окраска которых переливалась от ветерка так, что можно было почувствовать головокружение. Иногда казалось, что всадники и лошади растворяются среди стволов деревьев. Осознавая опасность, по крайней мере от налетчиков, осознавая, что их Айз Седай взвинчены почти до предела, они смотрели на окрестную рощицу, словно рядом не было никаких кавалеристов. Их первой заботой была безопасность Айз Седай, и в этом они никогда ни на кого не полагались. Сарин, чернобородый коротышка, не столько невысокий,

сколько широкий, держался так близко к Нисао, что казалось, будто он нависает над миниатюрной Желтой. Джори, такой же широкий, как и Сарин, но очень низкорослый даже для уроженца Кай-риэна, умудрился нависнуть над Морврин, хотя он и был ниже ее. Три Стража Мирелле, те трое, кого она осмелилась признать, сгрудились вокруг нее так плотно, что она не могла стронуть своего коня без того, чтобы не толкнуть одного из них. Сетагана Анайи, стройный, темнокожий и красивый настолько, насколько она была простовата, умудрился почти окружить ее собой, а Тервайл, обладатель резко

очерченного носа и иссеченного шрамами лица, проделал то же с Беонин. У Карлинии не было Стража, что обычно для Белых, но она изучала мужчин из недр своего отороченного мехом капюшона так, словно подумывала подыскать его для себя.

Еще не так давно Эгвейн предпочла бы, чтобы ее не видели в компании этих шести женщин. Они и Шириам присягнули ей на верность по разным причинам, и ни им, ни ей не хотелось, чтобы об этом знали или хотя бы подозревали. Они были ее возможностью влиять на происходящее, насколько это возможно, хотя все и считали ее не

больше чем подставной фигурой, девочкой Амерлин, которую Совет Башни может использовать как ему заблагорассудится и которую никто не слушает. Совет утратил эту иллюзию, когда она вынудила его объявить войну Элайде, заставив их признать, что они сами собирались предпринять это с того самого дня, как бежали из Башни. Но в итоге это привело только к тому, что Совет и сами Айя беспокоились о том, что она выкинет еще, и пытались удостовериться, что это будет совпадать с их точкой зрения. Восседающие весьма удивились, когда она приняла предложение создать совет, по одной сестре от

каждой Айя, чтобы направлять ее своей мудростью и опытом. Или, возможно, они решили, что удача с объявлением войны ударила ей в голову. Конечно, она посоветовала Морврин, Анайе и другим оказаться среди избранных в этот совет сестер, и у них сохранилось достаточно авторитета в своих Айя, чтобы осуществить задуманное. К этому времени она уже неделями выслушивала их советы, хотя и не всегда следовала им, но теперь необходимости устраивать встречи и передавать вести тайно больше не было.

Однако похоже, что, пока Эгвейн смотрела на Башню, в отряде

произошли изменения.

Шириам, в узком голубом палантине своего поста поверх плаща, изобразила весьма неофициальный поклон, оставаясь при этом в седле. Эта женщина с огненно-рыжими волосами могла быть временами неимоверно формальной.

— Мать, с вами хочет поговорить Восседающая Делана, — сообщила она, словно Эгвейн сама не видела дородную Серую сестру, сидящую на пятнистой кобыле, почти такой же темной, как и чер-ноногий конь Шириам. — По делу некой важности, как она сама говорит. — И некоторая резкость означала, что Делана не

сказала, в чем состояло ее дело. Шириам это не понравилось. Она очень ревностно относилась к своей должности.

— Наедине, если позволите, Мать, — промолвила Делана, откидывая капюшон с серебристых волос. Ее голос был низким для женского, но едва ли в нем звучала настоятельность, обычная при существовании важных дел, о которых предполагается вести разговор.

Ее присутствие было довольно неожиданным. Делана часто поддерживала Эгвейн в Совете Башни, пока Восседающие пререкались по поводу того,

действительно ли какое-то отдельно взятое решение имеет отношение к войне против Элайды. Это означало, что Совету требовалось поддерживать распоряжения Эгвейн, как будто они находились в полном согласии, и даже Восседающим, которые поддерживали объявление войны, не нравился такой оборот событий, что привело к бесконечным препираниям. Они хотели свалить Элайду, но, предоставленный сам себе, Совет так и не пошел бы дальше споров. Хотя, по правде, поддержка Деланы не всегда была хороша. Один день она являлась воплощением Серых, стремящихся к согласию, на другой же могла быть

столь резкой в своих аргументах, что каждой Восседающей хотелось отвернуться от нее. В других отношениях она также была известна как мастер сглаживать противников. Не меньше трех раз она требовала от Совета официального заявления, что Элайда является Черной Айя. Это всегда приводило к неловкой тишине, пока кто-нибудь не объявлял собрание закрытым. Мало кто хотел обсуждать в открытую Черных Айя. Делана же готова была обсуждать что угодно — от того, как же найти должные одежды для девяти сотен и восьмидесяти семи послушниц, до наличия среди сестер тайных приверженцев Элайды, еще одной

темы, которая не давала покоя многим сестрам. Но почему Делана выехала одна и столь рано? Раньше она никогда не приближалась к Эгвейн без еще одной, а то и трех Восседающих. Бледно-голубые глаза Деланы выдавали не больше, чем гладкое лицо Айз Седай.

— Пока мы едем, — ответила Делане Эгвейн. — Мы хотим побыть наедине, — добавила она, когда Шириам попыталась открыть рот. — Пожалуйста, останься с остальными. — Зеленые глаза Хранительницы сузились так, что это могло показаться гневом. Умелая и энергичная Хранительница, она возложила надежды на Эгвейн и

почти не скрывала, что ей не нравились любые встречи той, в которых она не могла принять участия. Расстроенная или нет, но она склонила голову в знак повиновения после секундного колебания. Шириам не всегда знала, кто из них командует, но в этот раз все было очевидно.

От реки Эринин шел подъем, не холмы, а равномерное повышение к гигантскому пику, который высился на западе над округой, столь массивный, что само название «гора» казалось насмешкой. Драконова Гора возвышалась бы надо всем даже на Хребте Мира, а в относительно равнинных землях Тар Валона ее

снежный гребень, казалось, достигал небес, особенно когда с его зазубренной вершины вырывалась тоненькая струйка дыма, как это было сейчас. То, что на такой высоте казалось тонкой ниточкой, поблизости выглядело бы совершенно иначе. Деревья отступали на полпути вверх по Драконовой Горе, и никому еще не удавалось подняться на ее гребень, хотя, говорят, склоны усеяны костями тех, кто пытался это сделать. Зачем они пытались, никто объяснить не мог. Порой длинная вечерняя тень горы достигала города. Те, кто жил в окрестностях, привыкли к тому, что Драконова Гора занимает полнеба,

так же как привыкли они и к тому, что над стенами города возвышается Белая Башня, видная за многие мили. Обе они были обычным явлением, которое всегда было и всегда будет, но человеческие интересы были заняты урожаями и ремеслами, а не горами или Айз Седай.

В крошечных селениях из десятка или дюжины каменных домов, крытых соломой или шифером, как и в редких деревнях из сотни домов, дети, игравшие в снегу или носившие в ведрах воду из колодцев, останавливались поглазеть на солдат, которые ехали вдоль грязных колеи, не покрытых снегом и потому напоминавших дороги. У них

не было знамен, но у некоторых из солдат на плащах или рукавах горело Пламя Тар Валона, а чудные плащи Стражей говорили о том, что по крайней мере некоторые из женщин – Айз Се-дай. Даже столь близко к городу до недавних пор сестры были редким зрелищем, и это заставляло блеснуть ребячьи глазки. Да и сами солдаты, наверное, входили в список чудес. Большую часть земли занимали фермы, кормившие Тар Валон. Неуклюжие дома и высокие каменные или кирпичные амбары были окружены полями, разгороженными стенками из камня, между которыми терялись рощи, леса и чащи. Частенько группки

фермерских детишек бежали вдоль колеи, подпрыгивая на снегу, точно зайцы. Зимние работы заставляли старших держаться по домам, но те, кто, плотно закутавшись от мороза, рискнули высунуться за порог, едва ли удостаивали взглядом солдат, Стражей или Айз Седай. Скоро весна, а там пахать, сажать, и что бы там Айз Седай ни вытворяли, это останется неизменным. Да будет на то воля, ничего и не изменится.

У охранников не оказалось никакой работы, разве что разъезжать в ожидании нападения. Лорд Гарет выделил сильный авангард, ряды по бокам и разъезды в арьергарде, а сам вел основную часть

солдат сразу за Стражами, которые ступали вслед Шириам и «совету». Все они составляли большое кривобокое кольцо вокруг Эгвейн, но если бы она не смотрела по сторонам, то могла бы решить, что едет по сельской местности наедине с Деланой. Или если бы смотрела только вдаль. Путешествие обратно в лагерь было долгим, всем сестрам было запрещено создавать переходные врата там, где плетение могли заметить, так что времени на разговор с Деланой было много. Но вместо того чтобы заставить ее высказаться, Эгвейн сравнивала те фермы, которые они проезжали, с теми, что были в Двуречье.

Возможно, изучать их ее заставило именно то, что Двуречье больше не было домом. Осознание правды не может быть заблуждением, но ей все же необходимо было вспоминать Двуречье. Можно забыть, кто ты, если забудешь, откуда ты. Иногда и дочь хозяина гостиницы из Эмондова Луга казалась ей чужой. Поставь любую из этих ферм туда, к Эмондову Лугу, она бы смотрелась решительно странно, но в чем именно заключалась эта странность, она не смогла бы сказать. Другая форма домов, другой наклон крыши. И чаще их кроют шифером, чем соломой, насколько это вообще можно различить сквозь мощные

снежные шапки. Теперь-то, конечно, в Двуречье стало меньше соломы и больше камня да кирпича. Она видела это в *Тел'аран'риоде*. Перемены происходят слишком медленно, чтобы их можно было заметить, или чересчур быстро, чтобы чувствовать себя уютно, но они так или иначе происходят. Ничто не остается прежним, как бы оно таким ни казалось. Или как бы не надеялся на это.

— Некоторые думают, что вы собираетесь сделать его своим Стражем, — сказала внезапно Делана тихим голосом. Она как будто была вовлечена в беспечный разговор. Все ее внимание, казалось, было

приковано к тому, чтобы поправить капюшон, не снимая зеленых перчаток. Она ездила хорошо, сливаясь с движениями своей кобылы так непринужденно, словно и не замечала ее существования. — Некоторые думают, что вы это уже сделали. У меня самой уже некоторое время нет Стража, но так приятно хотя бы просто знать, что он рядом. Если, конечно, правильно выберешь.

Эгвейн подняла бровь — она порадовалась, что удержалась от зевка; такой темы она ожидала *меньше* всего, — а Делана добавила:

— Лорд Гарет. Он проводит с вами очень много времени. Он

старше, чем принято, но Зеленые частенько выбирают для начала более опытного мужчину. Знаю, вы вообще-то так и не определили свою Айя, но я часто думаю о вас, как о Зеленой. Интересно, Суан порадует, если вы свяжете его узами, или огорчится? Мне кажется то так то этак. Их отношения, если это можно так назвать, весьма своеобразны, однако она совершенно не смущается.

— Вот и спроси об этом Суан, — в улыбке Эгвейн была некая напряженность. Это проскальзывало и в ее тоне. Она сама не совсем понимала, почему Гарет Брин предложил ей свою преданность, но

Совет Башни мог бы найти лучшее применение своему времени, чем сплетничанию наподобие деревенских кумушек. — Можешь сказать кому угодно, что я никого не связывала узами, Делана. Лорд Гарет проводит со мной время, как ты это называешь, поскольку я Амерлин, а он — мой генерал. Можешь и им об этом напомнить. — Так, значит, Делана считала ее Зеленой. Это была Айя, которую бы Эг-вейн выбрала, хотя, по правде, она предпочла бы иметь только одного Стража. Но Гавин был или в Тар Валоне, или на пути в Кэйм-лин, в любом случае она не скоро наложит на него руки. Она машинально потрепала Дайшара по

шее, пытаясь не позволить своей улыбке превратиться в свирепый взгляд. Приятно было позабыть на время Совет Башни, да и многое другое. Совет дал ей понять, почему Суан, когда была Амерлин, частенько выглядела словно медведь, мающийся больным зубом.

– Я бы не сказала, что это было предметом широкого обсуждения, – промурлыкала Делана. – Пока. Конечно, есть определенный интерес к тому, взяли ли вы себе Стража и кого. Я сомневаюсь, что будет мудро выбрать Гарета Брина. – Она повернулась в седле, чтобы посмотреть назад. Чтобы взглянуть на лорда Гарета, подумалось Эгвейн.

Но когда Восседающая повернулась обратно, то произнесла очень тихо:

— Вы никогда не выбирали Шириам в Хранительницы, конечно, но вам стоит знать, что Айя направили и остальных наблюдать за вами. — Ее пятнистая серая кобыла была ниже Дайшара, так что Де-лане приходилось смотреть на Эгвейн снизу вверх, и она старалась не обращать на это внимания. Водянистые голубые глазки внезапно стали пронзительными. — Было мнение, что Суан советует вам... слишком хорошо... после того как вам удалось протащить объявление войны Элайде. Но она все еще возмущается переменой своего

положения, не так ли? Теперь Шириам выглядит самым подходящим козлом отпущения. В любом случае Айя хотят быть предупреждены, если вы решите выкинуть еще какую-нибудь неожиданность.

– Спасибо за предупреждение, – вежливо сказала Эгвейн. Козел отпущения? Она доказала Собранию Башни, что не станет их марионеткой, но большинство продолжало считать, что чьей-нибудь да станет. По крайней мере никто не знал правды о ее втором «совете». Оставалось на это надеяться.

– Есть еще причина, по которой вам лучше быть осмотрительней, –

продолжала Делана, и блеск в ее глазах уничтожал беспечность голоса. Это было для нее важнее, чем она хотела дать знать Эгвейн. — Можете быть уверены, что любой совет, который они вам дадут, исходит прямо от главы их Айя, но, как вам известно, глава Айи и ее Восседающие не всегда сходятся во взглядах. Слишком внимательно слушать их — значит войти в раздор с Советом. Не каждое решение касается войны, помните, но вы наверняка захотите, чтобы некоторые из них были приняты по-вашему.

— Амерлин следует выслушать все стороны, прежде чем принять решение, — ответила Эгвейн. — Но я

вспомню твое предупреждение, когда они будут советовать мне, дочь моя. — Неужели Делана принимает ее за дурочку? Или, возможно, пытается ее разозлить.

В гневе принимаются поспешные решения и говорятся необдуманные слова, которые потом непросто взять обратно. Она не могла и представить, куда метит Делана, но когда Восседающие не могли управлять ею одним способом, они пробовали другой. Она получила достаточно практики в закулисных манипуляциях с тех пор, как стала Амерлин. Глубоко вдыхая через равные интервалы, Эгвейн искала равновесия покоя и обрела его. И в

этом ей в последнее время пришлось попрактиковаться.

Серая посмотрела на нее мимо края капюшона, с лицом совершенно безразличным. Но бледные голубые глаза были *настолько* пронзительными, что теперь они напоминали буравчики.

– Вы можете поинтересоваться, что они думают о предмете переговоров с Элайдой, Мать.

Эгвейн почти улыбнулась. Пауза была весьма нарочитой. Очевидно, Делане не нравилось, когда ее называет дочерью женщина моложе большинства послушниц. Моложе большинства, пришедших из Башни, если не говорить о самых новеньких.

Но и сама Делана была слишком молодой для Восседающей. И ей не удавалось сдерживаться, как и дочери хозяина гостиницы.

— Зачем мне спрашивать об этом?

— Затем, что этот предмет возник в Совете в последние несколько дней. Не как предложение, но о нем очень негромко упомянули и Варилин, и Такима, и Магла. А Фэйзелле и Саройя проявили интерес к тому, что они сказали.

Покой или беспокойство, но червь гнева внезапно зашевелился в Эгвейн, и сокрушить его было не так-то просто. Эти пятеро были Восседающими еще до того, как в

Башне произошёл раскол, но, что ещё важнее, они присоединились к двум основным фракциям, боровшимся за главенство в Совете. На самом деле они разделились на тех, кто поддерживал Романду, и тех, кто принадлежал к группировке Лилейн, но эта парочка продолжала бы противостоять друг другу, даже если бы это привело к гибели обеих. Да и своих последователей они держали стальной хваткой.

Можно было предположить, что кого-то всполошили последние события, но только не Романду или Лилейн. Вот уже половина недели как разговоры об Элайде или о взятии Башни были почти напрочь

вытеснены встревоженными
беседами о необычайно мощном,
невероятно долгом выбросе Силы.
Почти каждая хотела узнать, что
послужило его причиной, и почти
каждая боялась это узнать. Лишь
вчера Эгвейн сумела убедить Совет,
что небольшая группа сможет
отправиться к месту выброса Силы,
не подвергаясь опасности, — а даже
воспоминание о выбросе было
достаточно сильно, чтобы любая в
точности указала, где произошел
выброс, — и большинство сестер как
будто вместе затаили дыхание в
ожидании возвращения Акаррин и ее
спутниц. Каждая Айя желала
отправить туда свою

представительницу, но лишь Акаррин вызвалась сама.

Ни Лилейн, ни Романду, это, казалось, не волновало. Сколь бы яростным и длительным ни было проявление Силы, но оно было также и очень далеко, а видимого вреда никому не причинило. Если это было делом рук Отрекшихся, что казалось наиболее вероятным, возможность что-нибудь узнать была ничтожно мала, а возможность как-то им противодействовать — и того меньше. Бессмысленно терять время и силы на невозможное, когда перед ними стояла важная задача. Так они заявили, скрипя зубами, когда обнаружили, что вынуждены

поддерживать согласие. Они также согласились с тем, что Элай-да должна быть лишена палантина и посоха, причем Романда почти с таким же пылом, как и Лилейн. Если то, что Элайда сместила бывшую Голубую с поста Амерлин, взвинтило Лилейн, то заявление Элай-ды о роспуске Голубой Айя привело ее в бешенство. И если они позволили завести речь о переговорах... В этом просто не было смысла.

Меньше всего Эгвейн хотела, чтобы Делана — или кто-то другой — заподозрили, что Шириам и другие были более чем просто сворой овчарок, приставленных наблюдать за ней, но она призвала их властным

призывом. Они были достаточно умны, чтобы сохранять в тайне то, что нужно было сохранить, ибо их собственные Айя могли иметь свои секреты, даже если половина из них всплыла, так что они без спешки подъехали к Эгвейн, образуя вокруг нее группу, и лица их скрывала обычная для Айз Седай маска безмятежности и терпения. Эгвейн велела Делане повторить сказанное. Несмотря на изначальную просьбу говорить наедине, Серая отнеслась к этому очень небрежно. Безмятежности и терпению настал конец.

— Это безумие, — заявила Шириам, прежде чем кто-то другой

успел открыть рот. Ее голос звенел от гнева, а может чуть-чуть и от испуга. Она вполне могла быть напугана. Ее имя стояло в списке тех, кто был намечен к усмирению. — Никто из них не верит, что переговоры возможны.

— Я так не думаю, — сухо произнесла Анайя. Ее гладкое лицо принадлежало скорее фермерше, чем Голубой сестре, и одевалась она очень просто, в добротную шерсть, по крайней мере на людях, но гнедым мерином управляла столь же легко, как и Делана своей кобылой. Мало что могло нарушить спокойствие Анайи. Конечно, среди Восседающих, обсуждавших

переговоры, не было Голубых. Анайя не была похожа на солдата, но для Голубых это была война не на жизнь, а на смерть, и пощады не просили и не давали. — Элай-да вполне прояснила ситуацию.

— Элайда неразумна, — сказала Карлиния, потрянув головой, так что капюшон упал на плечи, а короткие черные кудряшки вздрогнули. Она раздраженно накинула капюшон обратно. Карлиния редко показывала свои эмоции, но сейчас ее бледные щеки горели почти как у Шириам и говорила она с жаром. — Не может же она предположить, что мы все теперь приползем к ней на брюхе. Неужели Саройя надеется, что она согласится

на меньшее?

— Однако Элайда требует именно приползти, — ехидно промолвила Морврин. Раздражение было написано и на ее обычно безмятежном круглом лице, а пухлые ручки стискивали поводья. Она так злобно смотрела на пролетавшую стайку сорок, которую распугали проходившие через березовую рощицу лошади, что казалось, будто они сейчас упадут с неба. — Такими иногда нравится звук собственного голоса. Она *наверняка* говорит, чтобы послушать себя.

— Да и Фэйзелле, — мрачно добавила Мирелле, глядя на Делану так, словно та виновата во всем. Эта

женщина с оливковой кожей была известна своим норовом даже среди Зеленых. – Я не ожидала услышать от нее такого. Раньше она никогда не была столь глупа.

– Не могу поверить, что Магла и впрямь имела это в виду, – настаивала Нисао, всматриваясь во всех по очереди. – Не может такого быть. Да и как бы мне не было неприятно признать, но она у Романды так прижата к ногтю, что взвизгивает всякий раз, когда Романда чихает, а единственное, в чем та сомневается, – так это высекут ли Элайду, прежде чем сошлют.

Выражение Деланы было очень

мягким, она, видимо, сдерживала самодовольную улыбку. Явно это была та самая реакция, которую она ожидала. — Романда держит так же крепко и Саройю, и Вари-лин, а Такима с Фэйзелле и шагу не ступят без соизволения Лилай-ны, но все равно они сказали то, что сказали. Я думаю, Мать, ваши советницы выражают чувства большинства сестер, — они разгладила перчатки, искоса окинув Эгвейн взглядом. — Вы можете подавить это в зародыше, если будете тверды. Похоже, вам удастся получить от Айя необходимую поддержку. И конечно, мою — в Совете. И более чем достаточно, чтобы пресечь это. — Как

будто Эгвейн нужна была поддержка, чтобы совершить это. Может, она просто пыталась войти в доверие. Или сделать вид, что ее единственная забота – поддержать Эгвейн.

Беонин ехала молча, завернувшись в плащ, уставившись кобыле между ушей, но внезапно она покачала головой. Обычно ее большие серо-голубые глаза создавали впечатление, что она испугана, но сейчас они гневно сверкали из-под капюшона, пока она оглядывала одну за другой своих спутниц, включая Эгвейн.

– Почему о переговорах не может быть и речи? – Шириам удивленно взглянула на нее, а

Морврин сердито открыла рот, но Беонин продолжала, направив свой гнев на Делану, и теперь ее тарабонский акцент был заметнее, чем обычно: — Мы — Серые, и ты, и я. Мы обсуждаем, медитируем. Элайда утвердила самые тягостные условия, но зачастую именно это становится причиной начала переговоров. Мы можем воссоединить Белую Башню и обеспечить всем безопасность, если всего лишь переговорим.

— Мы тоже рассуждаем, — огрызнулась Делана. — И Элайда была осуждена. — Это было не совсем правдой, но она казалась наиболее удивленной внезапным выступлением Беонин. Ее голос

пропитался желчью. — Может, ты собираешься сама вести переговоры, чтобы тебя высекли? Ну а я не собираюсь, да и многие другие тоже.

— Ситуация изменилась, — настаивала Беонин. Она протянула руку к Эгвейн, почти умоляя. — Элайда не стала бы говорить о Возрожденном Драконе, если бы не прибрала его так или иначе к рукам. Вспышка *саидар* была предупреждением. Должно быть, Отрекшиеся двинулись, а Белая Башня...

— Довольно, — отрезала Эгвейн. — Ты хочешь начать переговоры с Элайдой? Пока Восседающие все еще в Башне? — добавила она. —

Элайда не станет говорить.

— Да, — пылко заявила Беонин. — Все можно устроить ко всеобщей выгоде. Я знаю, что это возможно.

— Тогда я даю тебе свое позволение.

Немедленно все, кроме Беонин, заговорили, перекрикивая друг друга, пытаясь отговорить ее, объясняя, что это безумие. Анайя кричала столь же громко, сколь и Шириам, выразительно жестикулируя, а глаза Деланы расширились, словно от ужаса. Иные из всадников уже посматривали на сестер так же, как они смотрели на фермы, мимо которых проезжали, а среди Стражей произошло волнение, и им сейчас не

нужны были особые связи, чтобы понять, что Айз Се-дай взволнованы, хотя и оставались на местах. Мудрецы предпочли держаться подальше, когда Айз Седай начали повышать голос.

Эгвейн проигнорировала крики и жесты. Она учла любую возможность, которую могла предусмотреть, чтобы эта борьба окончилась, оставив Белую Башню целой и единой. Она часами говорила с Суан, у которой было больше причин, чем у остальных, чтобы стремиться низложить Элайду. Если бы это могло спасти Башню, Эгвейн уступила бы Элайде, не обращая внимания на законность

восшествия ее на Престол Амерлин. Суан едва не хватил удар, когда она об этом услышала, однако она неохотно согласилась с тем, что сохранение Башни было выше любых других расчетов. Улыбка Беонин была столь хороша, что казалось преступным ее погасить.

Эгвейн возвысила голос настолько, чтобы быть услышанной.

– Ты приблизишься к Варилин и остальным, названным Дела-ной, и организуешь подход к Белой Башне. Вот условия, которые я приму: Элайда должна подать в отставку и уйти в изгнание. – Ибо Элайда никогда не согласится принять сестер, которые взбунтовались

против нее. Амерлин не вмешивались в то, как управлялись Айя, но Элайда провозгласила, что сестры, покинувшие Башню, больше не входят ни в одну из Айя. Согласно ее заявлению, они должны будут просить повторного допуска в свои Айя, после того как понесут под жестким надзором епитимью. Элайда не воссоединит Башню, только расшатает ее еще сильнее. — Это единственные условия, которые я приму. *Единственные.* Ты поняла меня?

Глаза Беонин закатились, и она упала бы с лошади, если бы Морврин не поддержала ее, бормоча что-то под нос, усаживая Серую ровно в

седле и хлопая ее по лицу, не так уж и легонько. Остальные уставились на Эгвейн, словно никогда прежде ее не видели. Даже Делана, которая наверняка предполагала что-то подобное с самого первого произнесенного ею слова. Они остановились из-за обморока Беонин, и кольцо солдат вокруг них выстроилось по приказу, который выкрикнул лорд Гарет. Иные уставились на Айз Седай, и волнение явственно читалось на их лицах, хотя они и были спрятаны за забралами шлемов.

— Пора возвращаться в лагерь, — сказала Эгвейн. Спокойно. То, что нужно сделать, должно быть сделано.

Возможно, уступка исцелит Башню, но она в это не верила. А теперь могло дойти до того, что Айз Седай будут противостоять друг другу на улицах Тар Вало-на, если ей не удастся осуществить свой план. — У нас еще есть дела, — сказала она, беря в руки поводья, — а времени совсем мало. — Эгвейн молила, чтобы его оказалось достаточно.

Глава 17. Тайны

Едва Делана убедилась, что посеянные ею семена дали всходы, она сказала, что лучше будет, если их не увидят прибывающими в лагерь вместе, и удалилась, погнав свою кобылу рысью по снегу, оставив всех в гнетущей тишине, в которой слышался лишь топот копыт. Стражи выдерживали дистанцию, а солдаты сопровождения вновь переключили внимание на фермы да перелески, не бросив в сторону Айз Седай больше и взгляда, насколько могла заметить Эг-вейн. И все же мужчины никогда не знают, когда надо держать рот за

зубами. Попроси мужчину помолчать, и он только больше начнет сплетничать, конечно, только с теми, кому он может доверять, что вовсе не значит, что они не передадут новости всем, кто только станет их слушать. Со Стражами может быть иначе — и Айз Седай всегда настаивают на том, что действительно все иначе, по крайней мере те, у кого есть Стражи, — но, без сомнения, солдаты разболтают о том, как спорили сестры и как Делана была отослана после хорошего разноса. Женщина все очень точно рассчитала. Если позволить, то брошенное ею семя разрастется быстрее, чем сорняк или дикий

виноград, но Серая очень аккуратно оградила себя от возможных обвинений. Правда в конце концов почти всегда выплывает наружу, но под конец ее чаще всего настолько окружают слухами, догадками и откровенной ложью, что большинство людей ей просто не верит.

— Надеюсь, мне не надо спрашивать, слышали ли вы об этом раньше, — Эгвейн произнесла это небрежно, оглядывая окрестности, по которым они проезжали, но ей понравилось, что все стали отрицать это с достаточным негодованием, включая и Беонин, которая двигала челюстью и сердито смотрела на

Морврин. Эгвейн доверяла им, насколько осмеливалась, — они не могли принести клятв, не намереваясь сдержать каждого слова, если только они не были Черными Айя, ничтожную вероятность чего она старалась учитывать в своих расчетах, — но даже присяга верности могла не помочь, если вполне преданный человек делал худшее, что мог, искренне веря, что поступает так из лучших побуждений. А люди, которые принесли клятвы вынужденно, были мастерами в обнаружении лазеек и потайных ходов.

— На самом деле вопрос состоит в том, — продолжала она, — чего

добивалась Делана. — Этим женщинам не было нужд^: объяснять, каждая из них имела опыт в Игре Домов. Если Делана хотела только прервать переговоры с Элайдой, чтобы ее имя осталось в тени, достаточно было всего лишь поговорить с Эгвейн наедине в любое время. Восседающим не нужен предлог, чтобы прийти в кабинет Амерлин. Или она могла использовать Халиму, которая проводила большую часть ночей в палатке Эгвейн, несмотря на то что была секретарем Деланы. Эгвейн мучили головные боли, и бывало, что только массаж, который делала Халима, мог успокоить боль, давая

возможность заснуть. В такой ситуации достаточно анонимной записки, чтобы Эгвейн одарила Совет эдиктом, запрещающим любые переговоры. Самый изощренный крючоктвор не сможет не признать, что переговоры об окончании войны несомненно имеют отношение к ведению войны. Но, очевидно, Делана хотела, чтобы об этом узнали и Шириам, и остальные. Распространяемые ею слухи метили в другую цель.

– Раздор между главами Айя и Восседающими, – сказала Кар-линия столь же холодно, сколь окрестные снега. – А может, вражда и между самими Айя. – Небрежно поправив

плащ, затейливо вышитый белым по белому, но отороченный густым черным мехом, она словно обсуждала цену катушки ниток.

— Почему она этого хочет, я сказать не могу, но таковы будут результаты, если мы не будем очень осторожны, а она не знает, что мы осторожны или что у нас есть смысл быть таковыми, так что, поразмыслив логически, ее целью может быть или что-то одно, или и то и другое.

— Первый ответ, приходящий на ум, не всегда правилен, Карли-ния, — произнесла Морврин. — Без сомнения, Делана продумала свои действия чрезвычайно тщательно и

думала она об этом же. — Решительная Коричневая больше верила в здравый смысл, чем в логику, по крайней мере так она говорила, но на самом деле она смешивала то и другое, что делало ее весьма твердолобой и недоверчивой к простым или быстрым ответам. — Делана, возможно, пытается привлечь на свою сторону кого-то из Восседающих в некоем деле, которое для нее важно. Может, она хочет, чтобы Элайду в конце концов объявили Черной Айя. Результат не важен, мы можем и не подозревать о ее целях. Восседающие могут быть столь же мелочны, как и другие. Кто знает, может она затаила какую-то

обиду на тех, кого назвала, еще с давних пор, когда она была послушницей, а они ее наставляли. Лучше сосредоточиться на том, что из этого выйдет, чем переживать о мотивах, пока мы не узнаем побольше. — Ее тон был столь же безмятежен, как и ее широкое лицо, но холодное спокойствие Карли-нии на мгновение сменилось холодным презрением. Ее здравомыслие не делало скидок на человеческие слабости никому. В особенности тем, кто не соглашался с ней.

Анайя рассмеялась, и звук радостного смеха заставил ее гнедого сделать несколько шагов рысцой, прежде чем она перевела его обратно

на шаг. Заботливая фермерша, развлекающаяся странностями других жителей деревни. Даже иные из сестер были недостаточно умны, чтобы спустить ей это.

— Не дуйся, Карлиния. Вполне возможно, ты и права. Нет, Морврин, вполне возможно. В любом случае, я надеюсь, что ее надежды посеять меж нами раздор тщетны. — Это звучало совсем не смешно. Никто из Голубых не стал бы забавляться тем, что могло помешать низложению Элайды.

Мирелле энергично кивнула в знак согласия, затем удивленно поморщилась, когда Нисао сказала:

— Не можете ли вы, Мать,

прекратить это? – крошечная Желтая говорила нечасто. – Я не имею в виду то, что пытается проделать Делана. Если мы сумеем договориться о том, что это значит, – быстро добавила она, жестом останавливая уже открывшую было рот Морврин. Рядом с другими женщинами Нисао выглядела почти ребенком, но жест был повелительным. В конце концов, она была Желтой, со всей самоуверенностью и стремлением ни перед кем ни при каких обстоятельствах не отступить. – Я про переговоры с Восседающими в Башне.

Мгновение все глазели на нее, даже Беонин.

– И с чего бы нам желать их? – наконец промолвила Анайя опасным тоном. – Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы *разговаривать* с Элайдой. – Она была фермершей с мясницким ножом, спрятанным за спиной, и намерением применить этот самый нож прямо сейчас.

Нисао посмотрела на нее и презрительно вздохнула.

– Я не сказала, что мы хотели. Я спросила, осмелимся ли мы прекратить это.

– Не вижу разницы. – Голос Шириам был так же холоден, как и ее бледное лицо. Эгвейн подумалось, что от гнева, но это мог быть и страх.

— Подумай немного, тогда увидишь, — сухо произнесла Нисао. Сухо, как лезвие бритвы, и настолько же раняще. — Сейчас высказывания о переговорах ограничиваются пятью Восседающими и очень негромки. Но надолго ли это? Как только просочится слух о том, что переговоры были предложены, но от них отказались, долго ли до того, как в сердцах поселится отчаяние? Нет, слышите вы? Мы все исполнены праведной ярости в борьбе за справедливость, но вот мы сидим, глядя на стены Тар Валона, где в Башне обосновалась Элайда. Мы здесь уже почти две недели и, если так пойдет дальше, можем оставаться

на этом самом месте еще два года или двадцать лет. Чем дольше мы занимаемся здесь ничегонеделанием, тем больше оправданий найдут сестры преступлениям Элайды. И тем больше станут они думать, что Башня *должна* быть восстановлена любой ценой. Хотите дождаться, пока сестры начнут потихоньку перебегать к Элайде? Мне не по душе стоять на берегу с одними Голубыми Айя и с вами в придачу, сражаясь с этой женщиной. Переговоры хотя бы покажут всем, что *что-то* да происходит.

— Никто не вернется к Элайде, — запротестовала Анайя, ерзая в седле, но она неодобрительно хмурилась, и

прозвучало это, словно она не исключала и такой возможности. Башня манила любую Айз Седай. Вполне возможно, что и Черные Айя стремились к возрождению Башни. Вот она, всего в нескольких милях, но столь недостижимая.

– Переговоры позволят выиграть время, Мать, – неохотно сказала Морврин, и, пожалуй, никто другой не смог бы голосом показать такую неохотность. Ее взгляд был задумчив, без тени удовлетворения. – Еще несколько недель, и лорд Гарет сможет найти корабли, необходимые, чтобы перекрыть гавани. Это изменит все в нашу пользу. Не имея возможности получать пищу или

высылать прочь лишние рты, город начнет голодать через месяц.

Эгвейн с усилием сохранила спокойствие на лице. Реальной надежды на блокирование гавани не было, просто никто из собеседниц об этом не знал. Гарет четко разъяснил ей это еще задолго до отъезда из Муранди. Изначально он рассчитывал купить суда, пока армия двигалась в северном направлении вдоль Эринин, используя их для доставки продовольствия, пока они не достигли бы Тар Валона. Здесь он собирался затопить их при входах в гавани. Использование переходных врат, чтобы добраться до Тар Валона, поставило на этих планах крест не

только в этом. Известие об осаде вышло за пределы города с первыми отплывшими после прибытия армии кораблями. Теперь капитаны кораблей, до которых смогли добраться посланные Гаретом гонцы, отправлялись на берег на лодках, оставляя суда на якорях далеко от берега. Никто из капитанов не хотел рисковать возможным захватом корабля. Гарет сообщил об этом только Эгвейн, а его офицеры – лишь ему, но если бы любая из сестер поговорила с кем-нибудь из солдат, она бы все узнала.

К счастью, даже те сестры, что искали для себя Стражей, редко разговаривали с солдатами. Их

обычно считали вороватым неграмотным сбродом, которые и мыслишь-то только если приходилось переходить реку вброд. Это был не тот тип людей, с которыми сестры проводили время, если их только к этому не принуждали. Это делало сохранение тайн проще, а иные из них были существенны. Включая временами и тайны, которые оберегались даже от тех, кто оказался на твоей стороне. Она еще помнила о временах, когда так не думала, но это была часть дочери трактирщика, которую она вынуждена была отбросить. Это был другой мир, правила в нем весьма отличались от принятых в

Эмондовом Лугу. Неправильный шаг там означал вызов в Круг Женщин. Здесь же неверный шаг приводил самое меньшее к гибели, а то и к худшему, и не только для тебя.

— Восседающие, оставшиеся в Башне, должны склоняться к переговорам, — со вздохом вставила Карлиния. — Они должны понимать, что чем дольше длится осада, тем больше шансов у лорда Гарета найти корабли. Хотя я не представляю, как долго они будут тянуть переговоры, когда поймут, что мы не собираемся отступить.

— Элайда будет на этом настаивать, — промолвила Мирелле, но она не вступала в спор, а говорила

сама с собой, а Шириам вздрогнула, закутываясь в плащ, словно ее коснулось что-то холодное.

Только Беонин выглядела счастливой, она прямо сидела в седле, волосы цвета темного меда обрамляли миловидное лицо, прикрытое капюшоном, и широкую улыбку. Она не настаивала на своем. Она умела вести переговоры, это признавали все, и знала, когда лучше переждать.

— Я сказала, что ты можешь начинать, — произнесла Эгвейн. Она сказала это, чтобы положить конец препирательствам, но если собираешься жить согласно Трем Клятвам, следует держать слово. Ей

не терпелось взяться за Клятвенный Жезл. Тогда все станет настолько проще. – Но будь очень осторожна в выборе слов. Если только они не полагают, что мы отрастили крылья для полетов, они должны подозревать, что мы заново открыли Перемещение, но не могут увериться в этом, пока не получают подтверждения. Если они будут пребывать в неведении, тем лучше для нас. Это должна быть одна из тех тайн, которую тебе надлежит хранить так же свято, как и секрет наших «кротов» в Башне.

Мирелле и Анайя при этом вздрогнули, а Карлиния осмотрелась словно в испуге, хотя поблизости не

было ни Стражей, ни солдат, которые могли бы услышать хоть что-нибудь, если бы оно не было выкрикнуто. Выражение лица Морврин стало еще более кислым. Даже Нисао выглядела чуть больной, хотя не она принимала решение послать сестер в Башню, как будто они откликнулись на призыв Элайды. Совет будет счастлив узнать, что в Башне находилось десять сестер, пытавшихся подкопаться под Элайду любыми возможными путями, даже если эти усилия до сих пор не принесли видимого результата, но Восседающие почти наверняка будут *несчастливы*, когда осознают, что это хранилось в тайне от них,

поскольку эти женщины боялись, что среди Восседающих действительно могут быть Черные Айя. Обнаружить это — все равно что Шириам и другим рассказать о клятвах, принесенных ими Эгвейн. Итог для них будет примерно таким же. Совет еще не приказал никого высечь, но ввиду того, насколько Восседающих раздражало влияние Эгвейн на ход войны, будет неудивительно, если они не упустят возможности показать, что и у них есть власть, одновременно выражая силой свое недовольство.

Беонин, очевидно, единственная воспротивилась этому решению — по крайней мере пока не стало ясно, что

остальные в любом случае пойдут напролом, — но судорожно вдохнула, а меж бровей затаилась морщинка. В ее случае свою роль могло сыграть и внезапное осознание только что свершившегося. Даже найти кого-то в Башне, кто был бы склонен к переговорам, было нелегкой задачей. «Глаза-и-уши» в Тар Валоне о событиях в Башне могли сообщить только слухи. Новости из самой Башни приходили по капле от сестер, отваживающихся выйти в *Тел'аран'риод*, чтобы поймать проблеск уплывающих отражений реального мира, но каждый из этих обрывков сообщал, что Элайда правит по указу и капризу и даже

Совет не осмеливается перечить ей. Лицо Беонин приобретало сероватый оттенок, пока она не стала выглядеть хуже, чем Нисао. Анайя и другие были мрачнее тучи.

Эгвейн охватила волна уныния. Эти были среди сильнейших противников Элайды, даже медлительная Беонин, всегда стремившаяся скорее говорить, нежели действовать. Ну, Серые всегда славились верой в то, что любую проблему можно решить разговором. Стоило бы им как-нибудь попробовать это на троллоке или просто на разбойнике с большой дороги, посмотрели бы, к чему бы это привело! Не будь Шириам и

остальных, сопротивление Элайде исчезло бы, даже не успев окрепнуть. Да так почти и случилось. Но Элайда столь же крепко сидела в Башне, сколь и прежде, несмотря на все то, что они прошли, что они сделали, и казалось, что даже Анайя видит, как все рушится.

Нет! Глубоко вдохнув, Эгвейн расправила плечи и прямо села в седле. *Она* законная Амерлин, не важно, что думал Совет о том, что он получит, возвышая ее, и она будет поддерживать восстание против Элайды, чтобы иметь хоть какую-то надежду на исцеление Башни. Если это требовало притворной готовности к переговорам — не в

первый раз Айз Седай делали вид, что целятся в одну мишень, а стреляли в другую. Чего бы ни требовалось для поддержания восстания и свержения Элайды, она сделает это. Что бы ни потребовалось.

– Тяни переговоры как можно дольше, – сказала она Беонин. – Можешь говорить о чем угодно, сохраняя в тайне то, что не должно стать известно, но ни на что не соглашайся, и пусть они говорят.

Покачиваясь в седле, Серая выглядела определенно более больной, чем Анайя. Казалось, ее сейчас стошнит.

Когда стал виден лагерь, солнце

было на полпути к полуденной высоте. Эскадрон легковооруженных всадников повернул обратно к реке, давая Эгвейн с сестрами проехать по снегу последнюю милю в сопровождении Стражей. Лорд Гарет задержался, словно желая еще раз заговорить с ней, но затем развернул гнедого на восток вслед за кавалерией, догоняя их рысью. Они уже скрывались за длинной рощей. Он никогда не упомянет об их несогласиях или спорах там, где хоть кто-то сможет о них услышать, и он считал, что Беонин и прочие – лишь то, чем считают их все, – цепные псы Айя. Ей было грустно, что приходится иметь секреты и от него,

но чем меньше людей знают секрет, тем с большей вероятностью он секретом и останется.

Лагерь был группой палаток самых разных форм и размеров, цвета и степени сохранности, занимавших почти целиком обширное пастбище, обрамленное деревьями, на полпути между Тар Валоном и Драконовой Горой. Лагерь окаймляло кольцо коновязей и ряды фургонов и повозок, причем разнообразие форм почти совпадало с количеством транспорта. Дым поднимался из труб в нескольких местах за кромкой леса, но местные фермеры старались держаться подальше от лагеря и подходили,

лишь чтобы продать яйца, молоко да масло или когда кто-то нуждался в Исцелении. Не было и тени армии, которую привела с собой Эгвейн. Гарет сосредоточил силы вдоль реки, часть заняла городки при мостах на обоих берегах реки, а остальные разместились в резервных – как он их называл – лагерях, расположенных в таких местах, откуда люди быстро могли прийти на подмогу, чтобы отразить любую вылазку из города, на случай, если он недооценил Верховного Капитана Чубейна. Всегда считай, что твои предположения ошибочны, говорил он ей. Конечно, никто не возражал против его размещения, по крайней

мере в общем. Любое количество сестер всегда было готово порассуждать о частностях, но в конце концов единственным способом осадить Тар Валон был захват городков при мостах. По суше – единственный. И большинство Айз Седай предпочитали, чтобы солдаты держались вне поля их зрения, да и вообще старались не вспоминать лишний раз о них.

С приближением Эгвейн и остальных из лагеря выехало трое Стражей в меняющих цвета плащах. Один из них был очень высок, другой же чрезвычайно низок, так что казалось, будто они стоят на ступеньках. Кланяясь Эгвейн и

сестрам и приветствуя Стражей, ехавших следом, они все сохраняли тот опасный вид, который бывает у людей, столь уверенных в себе, что им нет нужды убеждать кого-либо, сколь они опасны. Каким-то образом это лишь подчеркивает их опасность. Страж на покое и лев на пригорке – таково было старинное присловье Айз Седай. Остальная часть с годами утратилась, но и не было необходимости говорить больше. В сложившихся обстоятельствах сестры не тешили себя иллюзиями относительно безопасности лагеря, пусть и полного Айз Седай. Стражи патрулировали окрестности на мили вокруг во всех направлениях, словно

охотящиеся львы.

Анайя и прочие, кроме Шириам, разошлись, как только достигли первого ряда палаток за повозками. Каждая из них искала встречи с главой своей Айя, якобы для того, чтобы отчитаться о поездке Эгвейн и лорда Гарета к реке и, что более важно, чтобы удостовериться, что главы Айя знают, что иные из Восседающих поговаривают о переговорах с Элайдой и что Эгвейн остается тверда. Было бы проще, если бы была возможность узнать этих женщин, но даже клятвы верности не простираются столь далеко, чтобы открывать такое. Мирелле едва язык не проглотила,

когда Эгвейн предложила такое. Быть брошенным в море, чтобы научиться плавать, — не лучший способ обучения, и Эгвейн знала, какое море знаний ей нужно воспринять в качестве Амерлин. Море знаний и одновременно грома работы, которую надлежит делать.

— Простите меня, Мать, — сказала Шириам, когда Беонин вместе со следовавшим за ней иссеченным шрамами Стражем последней скрылась среди палаток. — Мой стол завален бумагами.

Недостаток энтузиазма в ее голосе был вполне понятен. Палантин Хранительницы обретался вместе с горами отчетов, которые

надо было разбирать, и документов, которые надо было подготавливать. Несмотря на рвение в остальной работе, которая в данной ситуации заключалась в организации жизнедеятельности лагеря, Шириам, обнаружив перед собой очередной бумажный завал, принималась глухо ворчать о своем горячем желании оставаться Наставницей Послушниц.

Но как только Эгвейн дала разрешение, Шириам погнала свою черноногую рысью, распугав группку рабочих в грубых одеждах и шарфах, повязанных на голову, которые тащили на спинах большие корзины. Один из них упал лицом в грязь, которая заменяла здесь улицы.

Шириамов Аринвар, стройный кайриэниец с сединой на висках, задержался, чтобы убедиться, что парень встал на ноги, а затем пришпорил своего темно-гнедого жеребца, оставив рабочего исторгать проклятия, большая часть которых, скорее всего, все равно имела целью лишь повеселить его приятелей. Каждый знал: если Айз Седай куда-то торопится, лучше уйти с дороги.

То, что вывалилось из корзины, привлекло взгляд Эгвейн и заставило ее вздрогнуть. Груда продуктов кишела долгоносиками настолько, что казалось, что таких черных шевелящихся пятнышек едва ли не больше, чем самих продуктов.

Должно быть, испорченное продовольствие несли в навозную кучу. Не было смысла и пытаться просеивать испорченное – такое стал бы есть лишь умирающий с голода человек, – но ежедневно приходилось избавляться от слишком большого количества корзин зерна и продуктов. Добрая половина вскрытых бочек солонины воняла так, что не оставалось ничего, кроме как закопать содержимое. Для слуг и рабочих, по крайней мере для тех, у кого был опыт лагерной жизни, в этом не было ничего нового. Немного хуже, чем обычно, но ничего неслыханного. Долгоносик может появиться в любую минуту, а

маркитанты, стремившиеся из всего извлечь выгоду, всегда продавали какое-то количество тухлого мяса среди свежего. Однако среди Айз Седай это стало причиной глубоких переживаний. Каждая бочка мяса, каждый мешок муки или крупы был окружен Сохранением, как только его покупали. Вплетенное в Сохранение никоим образом не могло измениться до удаления плетения. И все равно мясо портилось, а насекомые множились. Похоже, что сам *саидар* не срабатывает. Легче заставить сестру шутить над Черными Айя, чем уговорить ее завести речь об этом.

Один из смеющихся поймал

взгляд наблюдавшей за ними Эгвейн и толкнул локтем испачканного грязью парня, немного придерживавшего язык. Он даже сердито глянул на нее, словно обвиняя в своем падении. Ее лицо было полускрыто капюшоном, а палантин Амерлин сложен в поясном кошелье, так что они сочли ее одной из Принятых, у которых не всегда хватало нарядов, чтобы одеться как надлежит, или, возможно, гостьей. Женщины частенько проникали в лагерь, часто они держали на людях лица прикрытыми, пока не возвращались туда, где могли вновь носить тонкие шелка или потрепанную шерсть. Несомненно,

скривиться в кислой мине перед чужачкой или Принятой куда безопаснее, чем гримасничать перед Айз Седай. Странно было видеть, что не все вокруг кланяются да приседают в реверансах.

Эгвейн была в седле с самого рассвета, и если уж о горячей ванне не было и речи — воду приходилось носить из колодцев, что были прорыты в полумиле к западу от лагеря, что заставляло всех, кроме самых привередливых или самоуглубленных сестер, ограничивать себя — и даже подержать ноги в теплой воде было невозможно, ей хотелось хотя бы поставить ноги на землю. А еще

лучше — опустить их на скамеечку для ног. Да и не позволять себе замерзнуть — совсем не то же, что погреть руки над раскаленной жаровней. На ее собственном столе тоже кипа бумаг. Прошлой ночью она просила Шириам отдать ей отчеты по ремонту повозок и доставке фуража для лошадей. Они были сухими и скучными, но она сама ежедневно делала проверки в различных областях, чтобы хотя бы знать, было ли то, что ей сообщали, основано на фактах или на вымыслах. А еще всегда были отчеты «глаз-и-ушей». То, что Айя решались представить Престолу Амерлин, было захватывающим чтением по

сравнению со сведениями от агентов Суан и Лиане. Не то чтобы они были противоречивы, но то, что Айя предпочитали оставить для себя, рисовало интересные картины. Комфорт и долг вместе манили Эгвейн в кабинет – на самом деле, всего лишь еще одну палатку, хотя все называли ее кабинетом Амерлин, но это была возможность осмотреться без того, чтобы все было спешно приготовлено перед ее приездом. Надвинув поглубже капюшон, чтобы он лучше укрывал ее лицо, она легонько сжала бока Дайшара.

Вокруг было еще несколько верховых, в основном Стражей, лишь иногда проезжал конюх, вываживая

лошадь на том подобии рыси, которого можно достичь по щиколотку в грязи, но, похоже, никто не узнавал ни ее, ни ее коня. В противовес почти пустым улицам деревянные тротуары – всего лишь грубые доски, набитые на бревна, – слегка прогибались под весом людей. Группки мужчин, прочерчивающие пунктиром потоки женщин, словно изюм в дешевом кексе, шли почти вдвое быстрее остальных. За исключением Стражей, мужчины старались закончить все дела с Айз Седай как можно скорее. Лица почти всех женщин были спрятаны, лишь дыхание клубилось туманом вокруг капюшонов, и все же несложно было

отличить Айз Седай от посетительниц, были ли их одежды гладкими, расшитыми или отороченными мехом. Перед сестрами толпа расступалась. Любой другой вынужден был пробивать себе дорогу. Не то чтобы много сестер было снаружи в это холодное утро. Большая часть предпочитала уют своих палаток. Поодиночке, по двое или трое, они, вероятно, читали, писали письма, расспрашивали своих посетителей обо всем, что те могли рассказать. И этими сведениями они могли поделиться — а могли и не поделиться — с другими сестрами той же Айя, с кем-либо другим — гораздо реже.

Мир видел Айз Седай как монолит, твердый и возносящийся надо всем, по крайней мере так было, пока раскол в Башне не стал достоянием известности. Однако на самом деле Айя постоянно держались особняком, объединенные разве что названием, а Совет был их единственным местом встреч, а сами сестры ненамного отличались от сборища отшельников, перекидываясь лишь парой слов сверх необходимых, да и то лишь с немногими друзьями. Или с другой сестрой, с которой они объединились с какой-то определенной целью. Что бы ни изменилось в Башне, это не изменится никогда — в этом Эгвейн

была абсолютно уверена. Нет смысла делать вид, что Айз Седай когда-то были чем-то кроме как Айз Седай или когда-то будут. Большая река всегда течет вперед, ее могучие течения таятся в глубине, и они изменяют ее течение так медленно, что это происходит незаметно. Эгвейн поставила несколько наскоро возведенных плотин на этой реке, разделив потоки в своих целях, но она не могла не понимать, что это лишь временно. Рано или поздно глубинные течения подмоют ее плотины. Ей оставалось лишь молиться, чтобы это заняло побольше времени. Молиться и крепить их изо всех сил.

Изредка в толпе мелькали Принятые с семью цветными полосами на капюшонах белых плащей, но преимущественно встречались послушницы в однотонной белой шерсти. Лишь у нескольких из двадцати одной Принятой в лагере были плащи с полосами, и они сберегали свои немногие наряды для занятий или для посещения сестер, и громадных усилий стоило проверять, носят ли послушницы белое постоянно, даже если у них не было сменных одежд. Принятые обыкновенно старались двигаться той же лебединой поступью, что и Айз Седай, и одной-двум это даже удавалось, несмотря

на наклон мостков под ногами, но послушницы шагали столь же быстро, что и мужчины, торопясь по поручениям или спеша на занятия, которые проводились в группах из шести-семи человек.

У Айз Седай не было столько послушниц, которых требуется учить, должно быть, со времен перед Троллоковыми Войнами, когда и самих Айз Седай было куда больше. Появление более тысячи учениц привело к полной неразберихе, пока они не были организованы в «семьи». Название не было вполне официальным, но употреблялось даже теми Айз Седай, кому по-прежнему не нравилось, что любую

женщину, которая попросит об обучении, нужно принимать. Теперь каждая послушница знала, где ей надлежит быть и когда, по крайней мере это могла выяснить любая из сестер. Не говоря уж о том, что и число беглянок резко уменьшилось. Это всегда было предметом забот Айз Седай, и несколько сотен этих женщин вполне могло достичь получения шали. Ни одна из сестер не хотела терять таких учениц, да и любых других, если только не принималось решения отослать женщину. Иногда они все-таки сбегали, поняв, что обучение сложнее, чем они ожидали, а дорога к шали Айз Седай дольше, но, кроме

того что «семье» было легче выйти на след, бегство казалось менее привлекательным женщинам, у которых было пять или шесть «кузин», как их называли, на которых можно положиться.

Близ большого квадратного шатра, служившего Советом Башни, Эгвейн повернула Дайшара на боковую улочку. Пешеходная дорожка перед светло-коричневыми парусиновыми стенками шатра была пуста — Совет был не тем местом, куда кто-то приходил без особой надобности, — но залатанный полог был опущен: заседания Совета вовсе не предназначены для всеобщего обозрения, и нельзя было сказать,

кто может выйти оттуда. Любая из Восседающих узнала бы Дайшара с первого взгляда, а иных из них Эгвейн старательно избегала. Лилейн и Романду, например, которые противились ее власти так же инстинктивно, как и противостояли друг другу. Или любую из тех, кто завел речь о переговорах. Немного чересчур было бы надеяться, что *они* всего лишь надеялись воодушевить всех, иначе они не шептались бы. Тем не менее приходилось соблюдать вежливость, не важно, сколь часто ей хотелось надрать кому-то уши, все же никто не станет считать, что ее осадили, если Эгвейн ее не видела.

Слабый серебристый свет пробивался сквозь высокие полотнища впереди нее, окружая одну из двух лагерных площадок для

Перемещения, а минуту спустя из-за парусинового полотнища выступили две сестры. Ни Файдрине, ни Шимари не были достаточно сильны, чтобы самим сплести переходные врата, но, соединившись вместе, они, вероятно, создали их, притом достаточно большими, чтобы иметь возможность пройти через них. Сблизив в разговоре головы, они закалывали фибулами свои плащи. Эгвейн отвернула лицо, проезжая мимо них. Обе Коричневые учили ее, пока она была послушницей, а

Файдрине, похоже, все еще удивлялась, видя ее Амерлин. Шимари, энергичная женщина с квадратным лицом, которая выглядела скорее как Зеленая, чем как библиотекарь, всегда была выше благопристойности в своем поведении. Намного выше. Ее глубокие реверансы, приличные скорее послушнице, носили отпечаток издевки, сколь бы непроницаемым ни было ее лицо, не в последнюю очередь оттого, что она начинала приседать, когда видела Эгвейн за сотню шагов.

Интересно, где они были? В каком-то помещении, где куда как теплее, чем в лагере. Конечно, никто

не отслеживал, куда ходят и откуда возвращаются сестры, даже Айя. Всем правил обычай, а обычай весьма не рекомендовал прямые вопросы о том, что делала сестра или куда она направляется. Вполне возможно, что Файдрине и Шимари лично выслушивали доклад кого-то из своих «глаз-и-ушей». А может, листали книгу в какой-нибудь библиотеке. Они же были Коричневыми. Но Эгвейн не могла не вспомнить замечание Нисао о сестрах, перебегающих к Элайде. Вполне можно нанять лодочника, который отвезет их через реку в город, где дюжины крошечных водных ворот позволяли пройти

любому желающему. Ну а с вратами нет необходимости рисковать, раскрывая себя переездами по реке и наймом лодочника. Даже одна сестра, вернувшаяся в Башню со знанием такого плетения, лишила бы их значительного преимущества. И нет способа не допустить этого. Разве что мужаться и продолжать противостоять Элайде. Разве что заставить сестер поверить, что этому скоро придет конец. Если только был путь к этому близкому концу.

Невдалеке от площадки для Перемещения Эгвейн подобрала поводья и мрачно уставилась на длинную стенку палатки, залатанную еще больше, чем палатка Совета. По

дорожке проплыла Айз Седай – на ней был простой синий плащ, лицо скрывал капюшон, но послушницы, да и все остальные уступали ей дорогу, чего никогда бы не стали делать в отношении, например, торговли. Она помедлила перед палаткой, долго оглядывая ее, прежде чем откинуть полог и войти внутрь, при этом нежелание было написано у нее на лице. Эгвейн никогда туда не заходила. Она ощущала, как внутри направляют *саидар*, хотя и слабо. Нужное количество было удивительно малым. Однако краткое посещение Амерлин вряд ли привлечет слишком много внимания. Ей очень хотелось посмотреть, что

она привела в движение.

Спешившись перед палаткой, Эгвейн обнаружила пустяковую проблему. Ей некуда было привязать Дайшара. Вокруг Амерлин всегда кто-то вился, чтобы поддержать ей стремя, увести лошадь, но вот она стояла, сжимая поводья, а группа послушниц пролетела мимо, принимая ее за одну из посетительниц и потому не удостоив даже взглядом. К этому моменту каждая послушница знала всех Принятых в лицо, но лишь немногие близко видели Амерлин. Она не обладала даже лицом вне возраста, чтобы убедить их в принадлежности к Айз Седай. С горьким смешком

Эгвейн запустила руку в перчатке в поясной кошель. Палантин скажет им, кто она такая, и тогда она сможет приказать одной из них подержать несколько минут свою лошадь. Если, конечно, они не решат, что это дурная шутка. Иные из послушниц из Эмондова Луга пытались стащить палантин с ее шеи, желая уберечь подругу от неприятностей. Нет, это было в прошлом.

Внезапно полог откинулся и наружу вышла Лиане, скрепляя серебряной булавкой в виде рыбы свой темно-зеленый плащ. Он был из шелка, богато расшитого серебром и золотом, как и лиф ее платья для верховой езды. Расшиты были и

красные перчатки. Лиане уделяла много внимания нарядам с тех пор, как присоединилась к Зеленой Айя. При виде Эгвейн ее глаза чуть расширились, но лицо цвета меди осталось невозмутимым. Мгновенно оценив ситуацию, она протянула руку, остановив одну из послушниц, которая оказалась поблизости. Они «семьей» шли на занятия.

— Как тебя зовут, дитя мое? — Лиане сильно изменилась, но ее живость осталась прежней. Конечно, когда она того желала. Многие мужчины таяли, когда ее голос становился томным, но она никогда не тратила усилий для женщин. — У тебя есть какое-нибудь поручение от

сестры?

Послушница, женщина средних лет со светлыми глазами и чистой кожей, никогда не знавшей ежедневной работы на полях, громко ахнула, а придя наконец немного в себя, сделала реверанс, расправляя белую юбку руками в митенках. Высокой, как большинство мужчин, но стройной, грациозной и красивой, Лиане еще не хватало внешности, лишенной каких бы то ни было признаков возраста, но ее лицо было одним из двух самых известных в лагере. Послушницы показывали на нее в благоговейном страхе как на сестру, бывшую некогда Хранительницей, которая была

усмирена и Исцелена и теперь вновь могла направлять Силу, пусть и не столь мощно, как раньше. И еще она переменила свою Айя! Самая новенькая из послушниц знала, что такого никогда не было, а остальное, к сожалению, уходило в область преданий. Сложно заставить послушницу не торопиться в обучении владению Силой, когда нельзя предостеречь от поспешности, которая может привести желающую обрести шаль к тому, что она выжжет себя и навсегда утратит Единую Силу.

– Летис Муроу, Айз Седай, – почтительно ответила женщина с певучим мурандианским акцентом.

Похоже было, что она хочет добавить что-то еще, возможно назвать свой титул, но один из первых уроков Башни – ты отбрасываешь все то, кем когда-то была. Для кого-то это оказывается очень сложно, особенно для тех, кто обладал какими-то титулами. – Я собираюсь посетить свою сестру. Мы не виделись с тех пор, как покинули Муранди. – Родственниц всегда посылали в разные «семьи» послушниц, как и женщин, знавших друг друга до того, как их имена внесли в книгу послушниц. Это принуждало заводить новых друзей и стирало неизбежное напряжение, когда одна из них училась лучше или обладала

большим потенциалом. – Она тоже свободна от занятий до полудня и...

– Твоей сестре придется подождать чуть дольше, дитя мое, – прервала ее Лиане. – Подержи коня Амерлин.

Летис изумленно уставилась на Эгвейн, которой наконец-то удалось достать палантин. Передав женщине поводья, она приспустила капюшон и накинула узкую длинную полосу ткани себе на плечи. Легкий как перышко в кошеле, палантин тяжелым грузом висел на шее. Суан заявляла, что иногда ощущаешь, будто каждая женщина, некогда носившая палантин, по-прежнему живет в нем, как постоянное

напоминание об ответственности и долге, и Эгвейн верила каждому слову. Мурандийка глазела на нее больше, чем на Лиане, и дольше вспоминала о необходимости сделать реверанс. Несомненно она слышала, что Амерлин была юной, но она явно и представить себе не могла, что настолько.

— Благодарю, дитя мое, — ровным голосом промолвила Эгвейн. Было время, когда ей казалось странным называть «дитя мое» женщину старше лет на десять. Но со временем все меняется. — Это ненадолго. Лиане, не попросишь кого-нибудь прислать за Дайшаром конюха? Раз уж я сошла с седла,

пусть так оно и останется, да и Летис скорее увидит свою сестренку. – Я сама это сделаю, Мать.

Лиане изобразила легкий реверанс и удалилась без намека на то, что между ними было что-то большее, нежели эта случайная встреча. Эгвейн доверяла Лиане куда больше, чем Анайе или даже Шириам. У нее не было от Лиане секретов, во всяком случае – не больше, чем от Суан. Но их дружба сама была секретом, который необходимо было сохранять. Так, у Лиане были «глаза-и-уши» в Тар Валоне, если не в самой Башне, и их донесения поступали к Эгвейн, и

только к Эгвейн. Кроме того, Лиане любили за ее смиренное приятие своего понижения, и каждая сестра ее привечала, пусть всего лишь как живое доказательство того, что усмирение, этот величайший ужас всех Айз Седай, обратимо. Они привечали ее с распростертыми объятиями, и поскольку она теперь была ниже по положению, чем большая часть сестер в лагере, они часто говорили при ней то, что предпочли бы утаить от Амерлин. Так что Эгвейн едва бросила взгляд вслед ей. Напротив, она ободрила улыбкой Летис — женщина покраснела и еще раз присела в реверансе — и вступила в палатку,

снимая перчатки и затыкая их за пояс.

Внутри вдоль стен стояло восемь шандалов с зеркалами, чередовавшихся с низкими деревянными сундуками. Один был со стершейся позолотой, остальные окованы крашеным железом. Ни один из светильников не был похож на остальные, но они давали хорошее освещение, не хуже, чем на улице. Разнообразные столы, словно доставленные с семи разных фермерских кухонь, были выстроены в ряд в центре парусинового пола, а скамьи вокруг дальних трех были заняты полудюжиной послушниц, со сложенными рядом с ними плащами,

каждую женщину окутывало сияние Силы. Тиана, Наставница Послушниц, озабоченно порхала среди них, проходя мимо столов, и, как ни странно, это же делала Шарина Меллой, одна из послушниц, явившихся из Муранди.

Ну, Шарина не совсем порхала, а спокойно наблюдала, и, возможно, не так уж странно было встретить ее здесь. Горделивая седовласая старушка с тугим пучком волос на затылке, Шарина твердой рукой управлялась с очень большой «семьей» и, похоже, всех прочих послушниц воспринимала как своих внучек или внучатых племянниц. Она была одной из тех, кто организовал

их в небольшие «семьи» по собственной инициативе и, видимо, просто из-за того, что ей было противно наблюдать, как все слоняются вокруг.

Большинство Айз Седай при упоминании об этом поджимали губы, хотя и приняли такую форму достаточно быстро, поняв, насколько проще стало следить и обучать. Тиана столь пристально наблюдала за работой послушниц, что становилось понятным, что она пытается не замечать присутствия Шарины. Невысокая и стройная, с большими карими глазами и ямочками на щеках, Тиана как-то выглядела молодо, несмотря на лицо

без печати возраста, особенно рядом с более высокой послушницей с ее морщинистыми щеками и широкими бедрами.

У пары Айз Седай, направлявших Силу за ближним к выходу столом, Кайрин и Ашманайллы, слушательницами были Джания Френ-де, Восседающая от Коричневых, и Салита Торанес, Восседающая от Желтых. Айз Седай и послушницы выполняли одно и то же задание. Перед каждой женщиной плотная сеть плетения Земли, Огня и Воздуха окружала небольшую чашу, или чашку, или что-то подобное, изготовленные кузнецами в лагере, весьма удивлявшимися, почему

сестрам понадобилось, чтобы такие вещи изготавливали из железа, не говоря уж о том, чтобы делать их столь тонко, словно они были из серебра. Второе плетение, созданное из Земли и Огня, пронизывало каждую сеть, касаясь предмета, который понемногу становился белым. Очень, очень медленно в каждом случае.

Способность управляться с плетением улучшалась с практикой, но из Пяти Сил ключевой была мощь Земли, а кроме самой Эгвейн лишь девять сестер в лагере – да еще две Принятых и пара дюжин послушниц – владели этим элементом настолько, чтобы хотя бы заставить

плетение действовать. Впрочем, немногие из сестер уделяли этим занятиям хоть какое-то время. Ашманайлла, достаточно стройная, чтобы казаться выше, чем была на самом деле, постукивая пальцами по столу возле простой металлической чашки перед собой, бросала нетерпеливые взгляды на границу белизны, которая поднялась на половину высоты стенки. Голубые глаза Кайрин были, казалось, достаточно холодны для того, чтобы одним взглядом разбить вдребезги кубок, с которым она работала. У него лишь у самого дна белел небольшой ободок. Должно быть, Эгвейн видела, как входила Кайрин.

Однако нельзя сказать, что без энтузиазма работали все. Джа-ния, тоненькая, в светло-бронзовых шелках и накинутой на плечи шали с коричневой бахромой, изучала, что делают Кайрин и Ашма-найлла с целеустремленностью человека, который хотел бы научиться тому же. Джания хотела знать все, знать, как что устроено и почему именно так действует. Она была крайне огорчена, когда не смогла научиться создавать *тер'ангриал* — до сих пор только трое сестер, кроме Илэйн, были на это способны, да и то с переменным успехом, — и теперь она сосредоточила свои усилия на том, чтобы освоить это умение, несмотря

на то что проверка показала у нее недостаток требуемой силы для использования Земли.

Салита первой заметила Эгвейн. Круглолицая и смуглая, почти как смоль, она спокойно взирала на Эгвейн, и желтая бахрома ее шали слегка качнулась, когда она сделала очень аккуратный, выверенный до дюйма реверанс. Получившая свой высокий пост в Са-лидаре, Салита была частью вызывающего беспокойство узора: слишком многие из Восседающих были чересчур молоды для занимаемых ими постов. Салита была Айз Седай всего лишь тридцать пять лет, а такой пост редко предоставлялся женщинам, не

проносившим шали хотя бы сотню лет. Суан видела в подобном узоре систему и считала ее тревожной, хотя и не могла сказать почему. Узоры и расклады, которые она не понимала, всегда беспокоили Суан. Все же Салита высказалась за войну с Элайдой и часто поддерживала Эгвейн в Совете. Но не всегда и не в этом.

— Мать, — холодно произнесла она.

Джания вскинула голову и расплылась в широкой улыбке. Она также высказалась за войну, единственная из женщин, бывшая Восседающей еще до разделения Башни, за исключением Лилейн и

Лирелле, двух Голубых. Хотя ее поддержка не всегда была неколебимой, в данном вопросе она таковой была. Как обычно, слова из нее так и лились.

— Я никогда к этому не привыкну, Мать. Это просто потрясающе. Я знаю, что нам не стоит удивляться, когда у вас появляется какая-то идея, о которой раньше никто и помыслить не мог. Иногда мне кажется, что мы слишком закоснели в своем привычном образе мышления, мы слишком уверены в том, что можно, а что нельзя сделать — но разобраться в том, как сотворить *квейндияр*!.. — Она остановилась, переводя дыхание, и в

эту паузу спокойно и холодно
вклинилась Салита.

– Я все еще считаю, что это
неправильно, – сказала она твердо. –
Я признаю, что открытие было
блестящей работой с вашей стороны,
Мать, но Айз Седай не следует
делать вещи на... продажу. – Салита
вложила в последнее слово все
презрение женщины, получающей
доход со своего имения в Тире, не
задумываясь, откуда он берется.
Подобное отношение не было
редким, хотя большая часть сестер
существовала на щедрые ежегодные
пособия Башни. Или существовала
прежде, до раскола Башни. – И
вдобавок, – продолжала она, – почти

половина женщин, втянутых в это, — Желтые. Я ежедневно получаю жалобы. Мы, по крайней мере, должны заниматься чем-то более важным, нежели изготовление этих... безделушек. — Этой фразой она навлекла на себя тяжелый взгляд Аш-манайллы, Серой сестры, и холодный — Кайрен, Голубой, однако Салита проигнорировала их. Она была из тех Желтых, что считают, будто все остальные Айя являются лишь приложениями к их собственной, которая, конечно же, единственная имеет истинно полезную цель.

— А послушницам вообще не следует делать плетений такой

сложности, — добавила Тиана, присоединившись к ним. Наставница Послушниц никогда не стеснялась открыто высказываться перед Восседающими или Амерлин, и выражение ее лица было недовольным. Она не отдавала себе отчета в том, что это углубляло ее ямочки, придавая ей обиженный вид. — Это замечательное открытие, и лично у меня нет никаких возражений против торговли, но некоторые из этих девочек даже цвет огненного шара изменяют с трудом. Позволять им плетения вроде этого — лишь затруднит обучение, когда нельзя позволять им забегать вперед и хвастаться тем, с чем они не

способны справиться, и Свету ведомо, что и так непросто добиться требуемого послушания. Они могут даже покалечить себя.

— Ерунда, ерунда, — воскликнула Джания, взмахивая тонкой рукой, словно стирая след такой мысли. — Каждая выбранная девочка уже может одновременно создать три шара огня, а здесь требуется лишь немного больше Силы. Нет никакой опасности, пока они под присмотром сестер, как это всегда и бывает. Я видела список. Кроме того, изготовленного нами за день достаточно, чтобы платить армии в течение недели или около того, а одни сестры столько не сделают. —

Она слегка косила, и потому казалось, что она смотрит сквозь Тиану. Поток ее слов не утих, но похоже, что наполовину она говорила для себя. — Нам следует продавать осторожнее. Морской Народ охоч до *квейндияра*, а в Иллиане и Тире все еще стоит множество их кораблей; знать от него тоже не откажется, но даже ненасытный аппетит ограничен. Я все еще не могу решить, что лучше — прийти со всем разом или распродавать потихоньку. Рано или поздно, но даже цена на *квейндияр* начнет падать. — Она внезапно моргнула и всмотрелась сперва в Тиану, затем в Салиту, склонив голову набок. — Вы ведь

понимаете, о чем я, не правда ли?

Салита нахмурилась и вздернула шаль на плечи. Тиана в раздражении вскинула руки. Эгвейн сохраняла спокойствие. Она не почувствовала стыда при восхвалении за свои предполагаемые открытия. В отличие от всего остального, за исключением Перемещения, это действительно принадлежало ей, хотя Могидин, перед тем как сбежать, указала ей направление. Женщина не знала, как что-либо сделать на самом деле, — по крайней мере она не выказала никаких знаний, как Эгвейн ни давила на нее, а давила она *очень* сильно, — но в ее характере была значительная

склонность к жадности, а даже в Эпоху Легенд *квейндияр* признавался роскошью. Она знала достаточно о том, как его изготавливать, так что Эгвейн удалось догадаться об остальном. В любом случае, не важно, кто и насколько сильно возражал, нужда в деньгах означала, что изготовление *квейндияра* будет продолжаться. Хотя ей казалось, что чем позже они станут продавать его, тем лучше.

В дальней части палатки громко хлопнула в ладоши Шарина, и это заставило всех повернуть туда головы. Кайрин и Ашманайлла также обернулись, и Голубая позволила плетению подтолкнуть бокал, так что

он с металлическим звяканьем запрыгал по столу. Это было признаком скуки. Процесс можно начать заново, хотя найти правильную точку довольно сложно, и некоторые из сестер использовали любую возможность заняться чем-нибудь другим во время того часа, который каждая из них должна была провести в палатке ежедневно. Час либо любое время до завершения одного начатого предмета, что бы ни произошло раньше. Предполагалось, что такое требование заставит их стремиться усовершенствовать свое мастерство, но мало кто достиг каких-то успехов.

— Бодевин, Николь, ступайте на

свои занятия, — объявила Ша-рина. Она говорила негромко, однако ее голос обладал силой, способной прорезаться через гам, до которого далеко было шуму в палатке. — У вас как раз хватает времени, чтобы вымыть лицо и руки. А теперь поторапливайтесь. Не нужно, чтобы на вас ругались.

Боде — Бодевин — двигалась с достаточной живостью, отпустив *саидар* и убрав наполовину сделанный браслет из *квейндияра* в один из сундуков, стоявших вдоль стен, чтобы его мог закончить кто-то другой, и собирая свой плащ. Хорошенькая, с пухлыми щечками, свои темные волосы она заплетала в

длинную косу, хотя Эг-вейн не была уверена, что она получила разрешение от Круга Женщин. Но вся та жизнь, весь прежний мир теперь остались для нее в прошлом. Натягивая варежки, Бode поспешила из палатки, опустив взор и ни разу не взглянув в направлении Эгвейн. Видимо, она все еще не понимала, почему послушница не может поговорить с Престолом Амерлин когда пожелает, даже если они и выросли вместе.

Эгвейн хотелось бы поговорить с Бode и кое-кем из других, но и Амерлин обязана кое-чему научиться. У Амерлин много обязанностей, мало друзей и нет

любимчиков. Малейший намек на выделение из общей толпы отметит девочек из Двуречья и сделает несчастной их жизнь среди остальных послушниц. *А еще это не улучшит мои отношения с Советом,* мрачно подумала Эгвейн. И все же ей хотелось, чтобы девочки из Двуречья ее поняли.

Другая послушница, которую назвала Шарина, со скамьи не встала и направлять Силу не прекратила. Темные глаза Николь сверкнули на Шарину.

— У меня выходило бы лучше, если бы мне позволили попрактиковаться, — угрюмо проворчала она. — У меня получается

уже довольно неплохо, я знаю. Я могу Предсказывать, как вам известно, — как будто одно имело отношение к другому. — Тиана Седай, скажите ей, чтобы я осталась подольше. Я уверена, что смогу закончить эту чашу до следующего урока. Я уверена, что Адине Се-дай не будет возражать, если я немного опоздаю. — Если ее занятия начинались достаточно скоро, она опоздает не так уж и немного, если намерена заканчивать чашу. После целого часа работы чаша окрасилась в белый лишь наполовину.

Тиана открыла рот, но прежде чем она успела произнести хоть один звук, Шарина подняла сперва один

палец, а затем и второй. Должно быть, это имело какое-то особое значение, поскольку Ни-коль побледнела и мгновенно отпустила плетения, вскочив так поспешно, что качнула скамью. Это вызвало неодобрительные взгляды двух других послушниц, сидевших с нею рядом. Однако они быстро вернулись к своей работе, а Николь почти на бегу швырнула свою полуготовую чашу в сундук, прежде чем схватить плащ. К удивлению Эгвейн, со своего места позади столов вскочила женщина, которой она не заметила, одетая в короткую коричневую куртку и широкие штаны. Бросая на всех хмурые взгляды голубых глаз,

Арей-на выбежала из палатки вслед за Николь. Эти две женщины выглядели как зеркальные отражения недовольства. Вид этой пары заставил Эгвейн почувствовать беспокойство.

– Не знала, что сюда пускают посмотреть на подруг, – сказала она. – Что, с Николь по-прежнему проблемы? – Николь и Арейна пытались шантажировать ее, Мирелле и Нисао, но Эгвейн имела в виду другое. Это было еще одной тайной.

– Уж лучше пусть дружит с Арейной, чем с одним из мужланов-конюхов, – фыркнула Тиана. – У нас уже есть двое беременных и, похоже,

намечается еще десяток. И все же девочке нужны друзья. Они смогут изменить ее.

Она умолкла, едва в палатку торопливо вошли еще две послушницы, одетые в белое. Девушки, испуганно ойкнув, сразу остановились, увидев Айз Седай прямо перед собой. Поспешив присесть в реверансах, они по жесту Тианы устремились в дальнюю часть палатки и сложили на скамье плащи, перед тем как принести из сундуков отчасти белый кубок и почти белую чашку.

Шарина посмотрела, как они устраиваются за работой, затем взяла свой плащ и накинула его на плечи,

прежде чем покинуть палатку.

— С вашего позволения, Тиана Седай, — сказала она, делая короткий реверанс, обращенный к равной. — Меня просили помочь сегодня с полуденной едой, и мне бы не хотелось портить отношения с поварами. — Ее темные глаза обратились на Эгвейн на несколько мгновений, и она кивнула сама себе.

— Тогда ступай, — резко ответила Тиана. — Не хочу, чтобы тебя высекли за опоздание.

Не двинувшись с места, Шарина снова присела, не торопясь, но и не затягивая, адресовав реверанс и Тиане, и Восседающим, и Эг-вейн, кинув еще один цепкий взгляд, лишь

немногим более краткий, чем тот, что мог быть сочтен оскорблением. Когда за ней опустился полог, Тиана в раздражении выдохнула воздух.

— Николь доставляет неприятностей меньше, чем другие, — произнесла она задумчиво, а Джания покачала головой.

— Шарина не доставляет проблем, Тиана. — Она говорила так же быстро, как всегда, но тише, и голос ее не достигал задней части палатки. Несогласия между сестрами никогда не демонстрировались перед послушницами. Особенно когда причиной несогласия была одна из послушниц. — Она уже знает правила лучше, чем любая из Принятых, и

никогда не перейдет грани. Она не увиливает даже от самой черной работы и всегда готова протянуть руку любой послушнице. Шарина просто такая, какая есть. О Свет, нельзя же позволить запугать себя *послушнице*.

Тиана окаменела и гневно открыла рот, но раз уж Джания начала говорить, вставить словечко было непростым делом.

— С другой стороны, Николь вызывает самые разнообразные проблемы, Мать, — продолжила Коричневая сестра. — С тех пор как мы обнаружили, что она может Предсказывать, она, если ее послушать, Предсказывает два-три

раза на дню. Точнее, если послушать Арейну. Николь достаточно умна и понимает: всем ясно, что она не может ничего помнить, когда Предсказывает. Ну а Арей-на всегда поблизости, чтобы слушать, запоминать и помочь истолковать. Что-то она говорит о том, о чем думают в лагере те, кто доверчив и не обладает хорошими мозгами, — битвы с Шончан или с Аша'манами, заточение Амерлин, Возрожденный Дракон, проделывающий девять невозможных вещей, видения, которые могут быть Тармон Гай'дон или разлитием желчи в желудке, — а остальные указывают на то, что Николь надлежит разрешить быстрее

проходить обучение. Она до этого весьма охоча. Похоже даже, что остальные послушницы перестали ей верить.

— А еще она повсюду сует свой нос, — вставила Салита, когда Джания переводила дух. — И она и ее конюх, оба. — Ее лицо осталось невозмутимо-спокойным, и она передвинула шаль, словно та была в центре ее внимания, но слова она кидала чуть торопливо, возможно опасаясь, что Коричневая сестра перехватит инициативу. — Их обоих уже высекли за то, что они подслушивали сестер, и я сама поймала Николь, когда она пыталась подглядывать за одной из площадок

для Перемещения. Она сказала, что всего лишь хотела увидеть открытые переходные врата, но мне кажется, что она пыталась изучить плетение. Нетерпение, я понимаю, но переносить эту лживость невозможно. Я больше не верю в то, что Ни-коль сможет получить шаль, и, если честно, мне стало казаться, что лучше отослать ее и скорее раньше, чем позже. Книга послушниц открыта для всех, — завершила она, бросив выразительный взгляд на Эгвейн, — но нам не следует снижать требования очень уж сильно.

Сердито сверкая глазами, Тиана упрямо поджала губы, вновь

подчеркнув свои ямочки. Можно было почти забыть, что шаль она носила уже более тридцати лет, и принять ее саму за послушницу.

— Пока я Наставница Послушниц, решение, кого из девочек отослать, остается за мной, — с жаром произнесла она. — А я не собираюсь терять девочку с таким потенциалом, как у Николь. — Когда-нибудь Николь станет весьма искусной с Силой. — Или у Шарины, — добавила она с гримасой, в раздражении поглаживая руками свои юбки. Потенциал Шарины был почти что выдающимся, превосходя намного возможности любой из ныне живущих, за исключением

Найнив, и был заметно выше, чем потенциал Найнив. Иным казалось, что она может стать настолько сильной, насколько вообще возможно, хотя это было лишь предположением. – Если Николь вас беспокоит, Мать, я слежу за ней.

– Я лишь поинтересовалась, – осторожно сказала Эгвейн, проглотив предложение повнимательнее последить и за молодой женщиной, и за ее приятельницей. Ей не хотелось говорить про Николь. Слишком легко оказаться перед выбором между ложью и сокрытием того, что она не решилась открыть. Жаль, что она не позволила Суан устроить две тихие

смерти.

Потрясенная этой мыслью, она вскинула голову. Неужели она уже так далеко ушла от Эмондова Луга? Эгвейн знала, что рано или поздно ей придется приказать людям погибнуть в бою, и ей казалось, что она может приказать убить при достаточной необходимости. Если одна смерть предотвратит гибель тысяч или хотя бы сотен, не правильнее ли отдать такое распоряжение? Но опасность, которую представляли Николь и Арейна, состояла лишь в том, что они могли разоблачить секреты, которые обеспокоили бы Эгвейн ал'Вир. Ну, Мирелле и остальные

отделались бы в лучшем случае поркой, и они, конечно, сочли бы это более чем беспокойством, но неудобство, сколь бы велико оно ни было, не было достаточным поводом для убийства.

Внезапно Эгвейн поняла, что хмурится, а Тиана и двое Восседающих смотрят на нее, причем Джания даже не потрудилась спрятать любопытство под маску безмятежности. Чтобы оправдать себя, Эгвейн перевела хмурый взгляд на стол, за которым Кайрин и Ашманайлла вернулись к работе. Белизна на чашке Ашманайллы чуть поднялась, а вот Кайрин догнала ее за этот короткий промежуток

времени. И даже больше, чем догнала, ибо ее кубок был в два раза выше, чем чашка.

— Твое мастерство растет, Кайрин, — одобрительно произнесла Эгвейн.

Голубая сестра посмотрела на нее и глубоко вздохнула. Ее овальное лицо стало образцом холодного спокойствия вокруг ледяных голубых глаз.

— Не так уж много в этом мастерства, Мать. Нужно всего лишь накинуть плетение и ждать. — В последнем слове послышался оттенок ехидства, а перед словом «Мать» заметна была пауза. Ее отправили из Салидара с очень

важной миссией, а ей довелось стать свидетельницей того, как все идет прахом, хотя в этом и не было ее вины. Когда она вновь присоединилась к ним в Муранди, то обнаружила, что все встало с ног на голову, а девочка, которую она помнила послушницей, носит палантин Амерлин. В последнее время Кайрин стала много времени проводить с Лилейн.

— Она совершенствуется, в *некоторых* отношениях, — отметила Джания, устремляя взгляд на Голубую сестру. Возможно, Джа-ния, как и остальные Восседающие, и была уверена в том, что с возвышением Эгвейн Совет стал

лишь марионеткой, но, похоже, она приняла то, что Эгвейн носила палантин и заслуживала от всех соответствующего почтения. — Я, конечно, сомневаюсь, что она догонит в умении Лиане, если только не проявит усердия, пусть и много меньшего, чем вы, Мать. Юная Бодевин вполне может ее настичь. Мне бы не хотелось, чтобы меня превзошла какая-нибудь послушница, но, похоже, так думают далеко не все. — Легкий румянец разлился по щекам Кайрин, и она опустила взгляд на кубок.

Тиана фыркнула.

— Бодевин — хорошая девочка, но она гораздо больше времени

хихикает и играет с другими послушницами, чем совершенствуется, если только Ша... — она резко оборвала фразу. — Если за ней не присматривают. Вчера она и Альтин Конли попытались одновременно воздействовать на два предмета, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, и те срослись друг с другом в твердый ком. Он, конечно, пойдет на продажу, если только кто-нибудь заинтересуется парой чашек наполовину из железа, наполовину из *квейндияра*, соединенных под странным углом. И Свет знает, что могло произойти с девочками. Похоже, они остались невредимы, но кто знает, что станет в следующий

раз?

– Так убедитесь, что следующего раза не будет, – рассеянно произнесла Эгвейн. Ее внимание было приковано к чашке Кайрин. Белая линия неуклонно ползла вверх. Когда Лиане делала такое плетение, черное железо превращалось в белый *квейндияр*, словно железо быстро тонуло в молоке. Для самой Эгвейн перемена происходила в мгновение ока, черное менялось на белое словно вспышка. Должно быть, дело в Кайрин и Лиане, но даже Лиане едва ли была столь быстрой. Кайрин нужно время, чтобы усовершенствоваться. Дни? Недели? Сколько бы ни понадобилось,

поскольку меньшее — означает бедствие и для всех вовлеченных в события женщин, и для мужчин, которые погибнут, сражаясь на улицах Тар Валона, а возможно, и за Башню. Внезапно Эгвейн порадовалась, что приняла предложение Беонин. Если рассказать Кайрин, зачем ей нужно сильнее стараться, могло умножить ее усилия, но это было еще одной тайной, которая должна быть сохранена, пока не придет время открыть ее миру.

Глава 18. Разговор с Суан

К тому времени как Эгвейн вышла из палатки, Дайшара уже, конечно, увели, но палантин с семью полосами, виднеющийся сквозь отверстие ее капюшона, расчищал дорогу в толпе не хуже, чем лицо Айз Седай. Она шествовала сквозь зыбь реверансов, редкие поклоны Стражей или ремесленников, выполнявших какие-то работы среди палаток сестер. Некоторые из послушниц вскрикивали, когда видели палантин Амерлин, и целые «семьи» торопливо уступали

дощатую дорожку, делая глубокие реверансы, стоя в грязи посреди улицы. С тех пор как она вынуждена была распорядиться наказать нескольких женщин из Двуречья, распространился слух, что Амерлин столь же строга, как и Серейлле Баганд, и что лучше не искушать ее норов, который может вспыхнуть, словно лесной пожар. Не то чтобы большинство из них более-менее точно знало, кто такая Серейлле, но в Башне это имя уже много сотен лет было символом деспотичной требовательности, и Принятые старались, чтобы послушницы впитывали такие подробности. Хорошо, что капюшон скрывал лицо

Эгвейн. Когда десятая «семья» отпрыгнула с ее пути, словно стайка перепуганных зайцев, она так закрипела зубами, что, увидь ее кто-нибудь, за ней бы навсегда осталась слава человека, грызущего железо и сплевывающего гвоздями. У нее было мрачное предчувствие, что через сотню лет Принятые станут пугать послушниц ее именем, как сейчас страшат их именем Серейлле. Конечно, в первую очередь важна Белая Башня. Маленькие неприятности могут и подождать. Она подумала, что может сплевывать гвоздями и без железа.

Толпа стала много реже близ кабинета Амерлин, который,

несмотря на наименование, был всего лишь островерхой парусиновой палаткой с залатанными коричневыми стенками. Как и Совета, этого места старались избегать, если не было особого дела или если не было вызова. Никого просто так не приглашали ни в Совет, ни в кабинет Амерлин. Самое невинное приглашение туда *б^гло вызы-вом*, и этот факт превращал скромную палатку в убежище. Проскользнув сквозь входной полог, Эгвейн с чувством облегчения скинула плащ. Пара жаровен делала палатку чудесно теплой. Они почти не давали дыма, а от засушенных растений, брошенных на

раскаленные уголья, исходила волна сладкого аромата.

— По тому, как ведут себя эти дураки, можно подумать, что я... — прорычала Эгвейн, но сразу оборвала себя.

Она не слишком удивилась, увидев стоящую за письменным столом Суан, одетую в обычное платье из синей шерсти хорошей выделки, но простое, широкую папку из тисненой кожи она прижимала к груди. Большинство сестер, как Делана, все еще верили, что ее обязанности свелись до наставлений Эгвейн по протоколу и беготни по ее поручениям, что она и делала с неохотой, но она всегда была тут

спозаранку, что пока оставалось незамеченным. Суан и была той Амерлин, которая грызла железо, хотя в это бы никто не поверил, если бы не знал наверняка. Послушницы показывали на нее столь же часто, сколь и на Лиане, но с сомнением в том, что она действительно та, о ком говорят сестры. Симпатичная, если не вполне красивая, с изящным ртом и темными блестящими волосами, ниспадающими на плечи, Суан выглядела даже моложе, чем Лиане, всего несколькими годами старше Эгвейн. Без шали с голубой каймой, накинутой на предплечья, ее можно было спутать с одной из Принятых. Поэтому она никогда и не ходила без

шали, чтобы не ввести никого в заблуждение. Ее глаза изменились не больше, чем дух, это были два ледяных голубых шила, нацеленных на женщину, чье присутствие вызвало удивление.

Халиме, несомненно, всегда были рады, но все же Эгвейн не ожидала увидеть ее растянувшейся на ярких подушках, сложенных у одной из стенок палатки. Голова ее опиралась на руку. Если Суан была симпатичной молодой девушкой — по крайней мере, казавшейся молодой, — вызывавшей улыбку и у мужчин, и у женщин, смотревших на нее, то Халима была просто сногсшибательной, с большими

зелеными глазами на совершенном лице и полной крепкой грудью, того типа женщиной, что заставляют мужчин сглатывать слюну, а женщин хмуриться. Не то чтобы Эгвейн хмурилась или верила в сплетни, которые распускали женщины, ревновавшие к тому, что Халима привлекает мужчин просто своим существованием. В конце концов, она не могла изменить своей внешности. Но даже пост секретаря Деланы был жестом милости Серой сестры — плохо образованная селянка, Халима писала письма с неуклюжестью младенца, — и Делана обычно занимала весь ее день рукоделием. Халима редко

появлялась до времени отбытия ко сну, но зато это случалось почти всегда, поскольку она знала, когда у Эгвейн снова разыгрывалась мигрень. Нисао ничего не могла поделать с этими головными болями, даже используя Исцеление, но массаж

Халимы творил чудеса, даже когда боль заставляла Эгвейн постанывать.

– Я сказала ей, что у вас этим утром не будет времени для визитов, Мать, – резко сказала Суан, все еще глядя на женщину, лежащую на подушках, и принимая свободной рукой плащ Эгвейн. – Но я могла с тем же успехом вообще не тратить

слов, — она презрительно фыркнула, вешая плащ на вешалку. — Вот если бы у меня были брюки и усы, она, может быть, и обратила бы на меня внимание. — Похоже, Суан верила всем слухам о предполагаемых набегах Халимы на наиболее симпатичных ремесленников и солдат.

Как ни странно, Халиме нравилась ее репутация. Она рассмеялась низко и хрипло и потянулась на подушках, словно кошка. К сожалению, ей нравились низкие вырезы корсажей, немыслимые по такой погоде, и теперь она почти вываливалась из платья зеленого шелка с синими

разрезами. Едва ли шелк был обычной одежной для секретаря, однако милость — или долг — Деланы заходили довольно далеко.

— Похоже, вы с утра взволнованы, Мать, — мурлыкнула зеленоглазая женщина. — И на свою верховую прогулку вы уехали потихоньку очень рано, постаравшись не разбудить меня. А я думала, что вы захотите поговорить. У вас бы так не болела голова, если бы вы чаще рассказывали о том, что вас беспокоит. Знаете ведь, что со мной можно говорить откровенно. — Разглядывая Суан, презрительно уставившуюся на нее, она еще раз рассмеялась. — Вам же известно, что

мне в отличие от других ничего от вас не надо.

Суан снова фыркнула и демонстративно занялась размещением кожаной папки. Она водрузила ее на письменный стол между каменной чернильницей и песочницей. Затем с грохотом передвинула подставку для ручек.

С усилием Эгвейн подавила вздох. Так. Халиме ничего не нужно, кроме уголка в палатке Эгвейн, чтобы она была рядом, когда у Эгвейн вновь начинались мигрени, хотя ночлег здесь, должно быть, создавал сложности с выполнением обязанностей у Деланы. Кроме того, Эгвейн нравились ее прямые

грубоватые манеры. С Халимой было легко говорить, забывая ненадолго, что ты Престол Амерлин, а расслабиться так с Суан не удавалось. Эгвейн слишком долго боролась за признание себя Айз Седай и Амерлин, и слишком слабым было ее осознание этого признания. И всякое отступление от *существования* как Амерлин сделало бы следующее отступление — вынужденное или добровольное — проще, а следующее — еще легче и так далее, пока она не превратилась бы вновь в увлекшегося игрой ребенка. Это делало Халиму неоценимым сокровищем, если даже не принимать во внимание чудесное

влияние ее пальцев на мигрени Эгвейн. Но, к ее досаде, все остальные женщины в лагере разделяли точку зрения Суан, возможно за исключением лишь Деланы. Серая казалась слишком расчетливой, чтобы взять на службу вертихвостку, независимо от степени своего милосердия. В любом случае, сейчас не имело никакого значения, преследовала ли она мужчин или даже опутывала их своими чарами.

— Боюсь, Халима, что я вынуждена заняться работой, — сказала Эгвейн, стягивая перчатки. Она всегда была завалена бумагами. Конечно, на столе еще не было и следа отчетов Шириам, но она скоро

пришлет их вместе с несколькими петициями, которые она сочла достойными ее внимания. Всего лишь несколькими. Десять или двенадцать прошений об удовлетворении жалоб, и Эгвейн должна по каждой вынести вердикт Амерлин. Этого нельзя сделать без изучения вопросов, без этого не будет справедливого решения. — Возможно, ты пообедаешь со мной. — Если, когда она закончит, еще останется время не просто перекусить прямо за столом в кабинете. Время уже шло к полудню. — Тогда и поговорим.

Халима резко села, глаза сверкали, а полные губы были

плотно сжаты, но ее мрачность исчезла так же быстро, как и появилась. Но в глазах все-таки остался тлеть огонек. Будь она кошкой, она бы выгнула спину и распушила хвост. Грациозно поднявшись на ноги на ковровом настиле, она разгладила платье на бедрах.

— Хорошо. Если вы уверены, что не хотите, чтобы я осталась.

И в эту минуту в голове, где-то позади глаз, Эгвейн почувствовала тупую пульсацию, слишком хорошо знакомую предвестницу ослепляющей головной боли, однако она тряхнула головой и повторила, что у нее много работы. Халима еще

мгновение колебалась, снова поджав губы и стиснув руки в кулаки среди юбок, но затем сняла подбитый мехом шелковый плащ с вешалки и удалилась из палатки, не потрудившись даже накинуть его на плечи. Так можно и повредить своему здоровью, разгуливая в таком виде по холоду.

— Норов рыбачки рано или поздно доведет ее до беды, — произнесла Суан еще до того, как полог перестал колыхаться. Хмуро глядя вслед Халиме, она накинула шаль на плечи. — Она сдерживается при вас, но мне-то она грубить не стесняется. Мне да и другим. Слышали, как она покрикивает на

Делану. Чтобы секретарь кричала на своего начальника, да к тому же на сестру? На Восседающую! Не понимаю, почему Делана ее терпит?

— В любом случае, это дело Деланы. — Расспрашивать о делах сестер было запрещено, как и вмешиваться в них. Запрет был лишь обычаем, а не законом, но иногда обычаи не менее сильны, чем законы. Несомненно, Суан не нужно было об этом напоминать.

Потирая виски, Эгвейн осторожно присела на стул за письменным столом, но тот все же покачнулся. Задуманный складным для перевозки в фургоне, он, бывало, складывался в самый неожиданный

момент, и никто из столяров не мог ничего с этим поделать, хотя его не раз пытались отремонтировать. Стол тоже складывался, но он все-таки стоял более уверенно. Ей хотелось приобрести в Муранди новый стул, но нужно было приобрести столь много вещей, а денег было не так много, чтобы тратить их, тем более что стул у нее уже был. По крайней мере, ей удалось приобрести два стоячих светильника и настольную лампу, все три из железа, окрашенного в красный цвет, но с хорошими зеркалами, без пузырьков. Хорошее освещение не умерит ее головной боли, но все же это куда лучше, чем пытаться читать при

нескольких сальных свечах и фонаре.

Если Суан и услышала некий упрек, это ее не остановило.

— Это больше, чем норов. Раз или два она была на грани того, чтобы ударить меня. Надеюсь, у нее хватило здравого смысла удержаться, но не каждая же является Айз Седай. Я убеждена, что она как-то умудрилась сломать руку колесному мастеру. Он говорит, что упал, но похоже, врет, глаза у него бегают, а рот кривится. Не хочется, видно, признавать, что женщина смогла вывернуть ему локоть в другую сторону.

— Оставь, Суан, — устало произнесла Эгвейн. — Наверное,

мужчина позволил себе какую-то вольность. — Должно быть, так. Она все равно не могла представить, как Халима могла бы вообще сломать руку мужчине. Как бы ее ни описывали, мускулистой ее назвать сложно.

Вместо того чтобы раскрыть тисненую папку, которую Суан положила на стол, Эгвейн опустила на нее руки. Это удержит их подальше от головы. Может, не обращай она внимания на боль, она на этот раз уйдет сама собой. Кроме того, у нее было о чем рассказать Суан.

— Похоже, некоторые из Восседающих поговаривают о

переговорах с Элайдой, – начала она.

Не меняя выражения лица, Суан балансировала на одном из двух шатких трехногих табуретов, стоявших перед столом, и внимательно слушала, шевеля только пальцами, слегка поглаживая ими юбки, пока Эгвейн не закончила. Тогда она сжала кулаки и выпалила тираду проклятий, слишком злобных даже для нее, начав с пожелания подавиться насмерть рыбьими потрохами недельной давности и далее, словно под гору. То, что все это исходило от такого юного, симпатичного личика, лишь усугубляло их.

– Думаю, вы правы, позволив им

продолжать, — пробормотала она, когда иссяк поток ее брани. — Разговоры пойдут дальше, раз уж начались, а так тебе удалось получить преимущество. Я думаю, Беонин меня не удивит. Она амбициозна, но я всегда думала, что она перебежит обратно к Элайде, если Шириам и другие не придадут ей надлежащей твердости. — Убыстряя речь, Суан не сводила взора с Эгвейн, словно придавая вес своим словам. — Хотела бы я удивиться действиям Варилин и прочих. Не считая Голубых, шесть Восседающих из пяти Айя бежали из Башни после переворота Элайды, — ее рот слегка скривился, когда она произносила

это, — а здесь у нас по одной от каждой из этих пяти. Прошлой ночью я была в *Тел'аран'риоде* в Башне...

— Надеюсь, ты была осторожна, — резко сказала Эгвейн. Суан иногда не понимала, что значит осторожность. На несколько *тер'-ангриалов*, имевшихся в их распоряжении, стояла очередь из сестер, в основном чтобы посетить Башню, и если Суан еще не было запрещено этого делать, она была к этому близка. Она вполне могла попасть в список тех, кому Совет не даровал бы ни одной ночи. Если не принимать во внимание то, что сестры в первую очередь обвиняли

Суан в расколе Башни – из-за этого ее приняли обратно не столь радушно, как Лиане, и никто не баловал ее, – несмотря на это, слишком многие помнили ее суровое обучение, когда она была одной из немногих знавших, как использовать действующий во сне *тер'анг-риал*. Суан не жаловала дураков, а первые несколько раз в *Тел'аран'риоде* любой был дураком. Теперь Суан приходилось просить уступить очередь у Лиане, когда ей хотелось посетить Мир Снов, и если бы ее увидела там одна из сестер, «близость к запрету» вполне могла стать реальным запрещением. Или, еще хуже, могло бы начаться

расследование – кто одолжил Суан *тер'ангриал*, – которое несомненно привело бы к Лиане.

– В *Тел'аран'риоде*, – сказала Суан с презрительным жестом, – я другая женщина в другом платье всякий раз, как я поворачиваю за угол. – Приятно было это слышать, хотя казалось, что тут играет свою роль не только намерение, но и недостаток контроля. Вера Суан в собственные возможности иногда превышала разумные рамки. – Дело в том, что прошлой ночью я видела неполный список Восседающих и смогла прочесть большую часть имен, прежде чем он обратился в мехи для вина. – Это было частым

явлением в *Тел'аран'риоде*, где ничто не оставалось неизменным надолго, если только не было отражением чего-либо постоянного в мире яви. — Андайя Форей была возвышена от Серой, Рина Хафден — от Зеленой, а Джулайн Мадо-ме — от Коричневой. Никто из них не проносил шали больше семидесяти лет. У Элайды те же проблемы, что и у нас, Мать.

— Понятно, — медленно произнесла Эгвейн. Она осознала, что массирует голову. Пульс за глазами продолжал биться. И становился сильнее. Так бывало всегда. К ночи она пожалеет, что отослала Халиму. Решительно опустив руку, она сдвинула кожаную

папку перед собой на полдьюма влево, а затем обратно. — А остальные? Им нужно заменить шестерых Восседающих.

— Феране Нехаран — от Белой, — продолжила Суан, — и Суана Драганд — от Желтых. Они обе раньше были в Совете. Это был лишь неполный список, и мне не удалось прочитать всего. — Ее спина выпрямилась, а подбородок упрямо выпятился. — Одна или две возвышенных до времени — уже достаточно необычно. Это случается, но не часто. А их станет одиннадцать, может и двенадцать, но одиннадцать — наверняка, в сумме у нас и в Башне. Я не верю в столь значительные

совпадения. Когда торговцы рыбой покупают все по одной цене, можно поручиться, что они пили прошлой ночью в одном трактире.

— Не надо больше убеждать меня, Суан. — Со вздохом Эгвейн откинулась на стуле, машинально поправляя ножку стула, которая всегда норовила сложиться, когда она так делала. Очевидно, происходило нечто странное, но что это означает? И кто мог влиять на выбор Восседающих в *каждой* Айя? По крайней мере в каждой Айя, кроме Голубой. Они избрали новую Восседающую, но Морайя была Айз Седай куда больше ста лет. Возможно, не повлияли и на

Красную, никто не знал о переменах — если они были — среди Красных Восседающих. За этим могла стоять Черная Айя, но чего они могли достичь, если только все эти слишком молодые Восседающие не были Черными? Это казалось в любом случае невероятным. Будь у Черных Айя такое влияние, весь Совет давно бы кишел приспешниками Темного. И все же если просматривается некая система и совпадения не случайны, то *кто-то* должен стоять за всем этим. Сама мысль о различных возможностях и невозможностях заставила тупую боль за глазами стать несколько острее.

— Если все это окажется случайностью, Суан, ты еще пожалеешь, что увидела эту загадку, — Эгвейн выдавила из себя улыбку, чтобы лишить свои слова яда. Амерлин приходится быть осторожной со словами. — Ну а раз уж ты меня убедила в том, что здесь таится загадка, — тебе ее и решать. Кто в ответе и к чему они стремятся? Пока мы не знаем этого, мы не знаем ничего.

— Это все, чего ты хочешь? — сухо осведомилась Суан. — До ужина или после?

— Думаю, после ужина меня устроит, — огрызнулась Эгвейн, затем с глубоким вздохом посмотрела на

смущенное лицо женщины. Было бессмысленно вымещать свою головную боль на Суан. Слова Амерлин имеют силу, а иногда и последствия, ей надлежит помнить об этом. — Хорошо, ответишь, как только сможешь, — сказала она, смягчив голос. — Я знаю, что ты мешкать не будешь.

Огорчилась Суан или нет, но, похоже, она поняла, что срыв Эг-вейн имел более глубокие причины, чем ее сарказм. Несмотря на молодость, у нее были за спиной годы практики в чтении лиц.

— Мне найти Халиму? — спросила она, привставая. Малая доля яда в тоне, которым она

произнесла это имя, выражала меру ее озабоченности. — Это не займет и минуты.

— Если я стану обращать внимания на всякую боль, то ничего не смогу сделать, — ответила Эгвейн, открывая папку. — Ну, что у тебя есть для меня на сегодня? — Она положила руки на бумаги, чтобы не позволять им потирать голову.

Каждое утро Суан обязана была собрать у всех Айя сведения, которыми они готовы были поделиться и которые поступали к ним от сетей «глаз-и-ушей», а также от отдельных сестер, которые передавали сведения своим Айя, а те уже передавали их Эгвейн. Это был

странный процесс просеивания, и все же он давал достаточно верную картину мира, будучи добавленным к информации самой Суан. Она сумела сохранить тех агентов, которые работали на нее как на Амерлин, используя самый простой прием, — она отказалась назвать кому бы то ни было их имена, несмотря на все усилия, которые прилагал Совет. Так что в конце концов никто не посмел отрицать, что эти «глаза-и-уши» принадлежат Амерлин и что они должны по праву отчитываться перед Эгвейн. Долгое время не было конца жалобам по этому поводу, да и сейчас они случались, но никто не мог отрицать фактов.

Как обычно, первый отчет исходил ни от Айя, ни от Суан, а от Лиане и был написан на тонких листах бумаги быстрым элегантным почерком. Эгвейн никогда не могла понять почему, однако нельзя было сомневаться в том, что написанное Лиане писала именно женщина. Страницы, которые Эгвейн прочла, она одна за другой подносила к пламени настольной лампы, позволяя бумаге сгорать почти до самых пальцев, а затем разминая пепел. Трудно было бы ей и Лиане продолжать изображать малознакомых людей, попади один из таких отчетов в чужие руки.

Очень немногие из сестер

знали, что у Лиане есть «глаза-и-уши» в самом Тар Валоне. Возможно, она была единственной. Человеческим недостатком было пристальное вглядывание в происходящее на улице и игнорирование того, что происходит возле самых ног. Свет знает, у Айз Седай столь же много человеческих недостатков, как и у других. К сожалению, Лиане могла сообщить мало нового.

Ее люди в городе жаловались на то, что грязные улицы становились все опаснее в темноте и едва ли много безопаснее были при свете дня. Некогда преступления были незнакомы Тар Валону, но теперь

Гвардия Башни покинула улицы и патрулировала в гаванях и на башнях мостов. За исключением сбора таможенных пошлин и покупки продовольствия, причем и то и другое осуществлялось через посредников, казалось, что Белая Башня полностью отделила себя от города. Большие двери, позволявшие людям входить в Башню, оставались закрытыми, и с начала осады, если не раньше, никто не видел вне Башни сестру, про которую знали, что она Айз Седай. Все подтверждало прошлые донесения Лиане. И все же последняя страница заставила Эгвейн приподнять брови. Слухи на улицах твердили, что Гарет Брин

нашел тайный ход в город и в один прекрасный день окажется в его стенах вместе со всей армией.

— Лиане сообщила бы, если б кто-нибудь хоть слово промолвил о переходных воротах, — быстро проговорила Суан, увидев выражение лица Эгвейн. Она, конечно, уже прочла все отчеты и по номеру страницы, которую та держала в руках, поняла, что она читает. Подвинувшись на шатком стуле, Суан едва не свалилась на ковры, которым уделяла столь мало внимания. Но это ничуть не остановило ее. — И можешь быть уверена, что Гарет не проговорился, — продолжила она, усаживаясь обратно. — Не то чтобы

его солдаты были достаточно глупы, чтобы сейчас дезертировать и сбежать в город, но он знает, когда держать язык за зубами. У него репутация полководца, атакующего там, где его не ожидают. Он часто совершал невозможное, вот люди и сейчас этого ожидают. Вот и все.

Пряча улыбку, Эгвейн поднесла к огню страницу, на которой упоминался лорд Гарет, и наблюдала за тем, как она скручивается и чернеет. Несколько месяцев назад Суан вместо похвалы отпустила бы язвительное замечание. Он именовался бы «Гарет Брин проклятый», а не Гарет. Вероятно, она не скучала по стирке его белья и

чистке сапог, но Эгвейн видела, как она смотрела на него в те редкие разы, что он приезжал в лагерь Айз Седай. Смотрела, а потом убегала прочь, если тот бросал на нее хотя бы взгляд. Суан! Убегала! Суан была Айз Седай уже больше двадцати лет, и десять из них – Амерлин, но у нее не больше представления о том, что значит быть влюбленной, чем у утки о стрижке овец.

Эгвейн раскрошила пепел и растерла его ладонями, улыбка ее погасла. У нее не было возможности беседовать с Суан. Она тоже была влюблена, но она даже не представляла, где сейчас Гавин, и не представляла, что будет делать, если

узнает об этом. У него был долг перед Андором, а у нее — перед Башней. И единственный способ перекинуть мост через эту пропасть — связать его узами — мог привести Гавина к гибели. Лучше отпустить его, забыть о нем навсегда. Легче забыть собственное имя! И она свяжет его узами. Она знала это. Конечно, она не могла связать человека, не зная, где он, не наложив на него руки, так что круг замкнулся. Мужчины так... *хлопотны!*

Сделав паузу, чтобы прижать пальцы к вискам — это ничем не уменьшило пульсирующую боль, — она выкинула Гавина из головы. Столь далеко, сколь смогла. Ей

казалось, она представляет, что значит иметь Стража; у нее в мыслях всегда было нечто от Гавина. И оно пробивало дорогу в сознание в самое неподходящее время.

Сосредоточившись на текущих делах, Эгвейн взяла следующий лист.

Что касалось «глаз-и-ушей», то большая часть мира для них исчезла. Немногие новости поступали из стран, захваченных Шончан, и они распределялись между причудливыми описаниями шончанских чудовищ, представленных как доказательства использования ими Порождений Тени, устрашающими историями о том, как женщин подвергают проверке, чтобы выявить

среди них тех, на кого нужно надеть ошейник *дамани*, а также угнетающими рассказами о... признании Шончан. Казалось, Шончан стали правителями не хуже, чем любые другие, да и лучше многих. По крайней мере если вы не женщина, способная направлять Силу. И судя по всему, слишком много людей отказались от всякой мысли о сопротивлении, как только выяснилось, что Шончан позволят им жить прежней жизнью. С Арад Доманом все обстояло совсем худо, никаких вестей оттуда не было, лишь одни слухи, что признавали и сами сестры, составлявшие доклады, но включившие их в отчеты, дабы

показать, в каком состоянии находится страна. Король Алсалам мертв. Нет, он начал направлять Силу и впал в безумие. Родэл Итуралде, Великий Капитан, тоже мертв, или узурпировал трон, или вторгся в Салдэйю. В Купеческом Совете все тоже мертвы, или бежали из страны, или начали гражданскую войну из-за того, кто станет новым королем. Правдой могло оказаться что угодно. Или ничего. Айя привыкли все видеть, но теперь треть мира была окутана плотным туманом, лишь с крошечными разрывами. Если и были какие-то более ясные сведения, ни одна Айя не снизошла до того, чтобы передать их.

Еще одной проблемой являлось то, что Айя по-разному представляли то, что имеет первостепенную важность, и в значительной степени игнорировали остальное. Например, Зеленые были в основном озабочены сообщениями об армиях Порубежников близ Нового Брайма, в сотнях лиг от Запустения, которое они должны сдерживать. Их отчеты говорили о Порубежниках, и только Порубежниках, как будто что-то нужно в этом отношении предпринять, причем немедленно. Не то чтобы они что-то предлагали или хотя бы намекали, но все же в быстрых и небрежных строчках, теснившихся на странице, сквозило

разочарование.

Правду о ситуации с Порубежниками Эгвейн знала от Илэйн, но пока ее вполне устраивало, что Зеленые скрежещут зубами, поскольку Суан открыла причину, по которой они не бросились сами наводить порядок. Если верить ее агенту в Новом Брайме, Порубеж-ников сопровождает полсотни или сотня сестер, а то и две сотни. Количество Айз Седай не было точным, и оно могло быть сильно преувеличено, но факт их присутствия был известен Зеленым, хотя ни слова об этом не было в отчетах, посылаемых ими Эгвейн. Другие Айя тоже не

упоминали о тех сестрах в своих донесениях. Хотя в конце концов было мало разницы между двумя сестрами или двумя сотнями. Никто не знал наверняка, кто были эти сестры, почему они были там, а совать туда свой нос — несомненно рассматривалось бы как вмешательство. Казалось странным, что они могут быть втянуты в войну между Айз Седай и все же по традиции воздерживаются от вмешательства в дела других сестер, но, к счастью, так оно и было.

— По крайней мере, они не предлагают послать кого-нибудь в Кэймлин. — Эгвейн моргнула, от внимания к мелким буквам боль за

глазами стала острее.

Суан насмешливо фыркнула:

– С чего бы им? Насколько им известно, Илэйн позволит Мерилилль и Вандене руководить собой, так что они уверены, что получают свою королеву – Айз Седай, да к тому же из Зеленой Айя. Кроме того, пока *Аша'маны* держатся в стороне от Кэймлина, никому не хочется напрашиваться на неприятности. Судя по нынешнему положению дел, для нас это все равно что голыми руками медуз-ос из воды вытаскивать, и это понятно даже Зеленым. В любом случае это ничуть не помешает какой-нибудь сестре, Зеленой или другой,

заглянуть в Кэймлин. Чтобы потихому повидаться с кем-то из своих «глаз-и-ушей». Или заказать там платье, или купить седло, или Свет знает зачем еще.

— *Даже* Зеленым? — ехидно сказала Эгвейн.

Все имели представление о том, что Коричневые ведут себя так, а Белые этак, даже если внешне это выглядело иначе, но иногда ее раздражало, когда она слышала о том, как о Зеленых говорят огулом, словно они были одной и той же женщиной. Может, она и думала о себе как о Зеленой или о том, что она должна ею быть, но это же глупо. Амерлин — она оправила палантин на

плечах, напоминая себе о том, что означали эти семь полос, — принадлежала всем Айя и ни одной из них. И все же она чувствовала — не расположение, это слишком сильно, — но *некое сходство* между собой и Зелеными сестрами.

— Сколько сестер не отчиталось, Суан? Даже самые слабые, объединившись, способны Перемещаться куда захотят, и хотелось бы мне знать, куда они отправляются.

На мгновение Суан нахмурилась, задумавшись.

— Я думаю, около двадцати, — сказала она наконец. — Может, немного меньше. Количество

меняется день ото дня. На самом деле никто не следит. Ни одна из сестер не стерпит такого. — Она наклонилась вперед, осторожно балансируя на табурете. — До сих пор, Мать, вы превосходно манипулировали фактами, но это не может продолжаться долго. Возможно, Совет обнаружит, что же происходит в Кэймлине. Может, они и смирятся с тем, что шончанские пленницы содержатся в тайне (или сочтут это делом Вандене или Мэри-лилль), но им уже известно о Морском Народe в Кэймлине, и рано или поздно они узнают о сделке с ними. И о Родне, если не о ваших видах на нее. — Суан снова фыркнула,

хотя и слабо. Она не совсем была уверена в собственном отношении к идее, чтобы Айз Седай, уходя на покой, вливались в Родню, а еще меньше в том, как ее воспримут остальные сестры. — Мои «глаза-и-уши» пока ничего не нащупали, но чьи-нибудь найдут наверняка. Нельзя откладывать слишком долго, иначе нам придется пробираться через косяк щук-серебрянок.

— Однажды:,— пробормотала Эгвейн, — я должна буду посмотреть на тех самых щук-серебрянок, о которых ты все время говоришь. — Она подняла руку, когда вторая женщина попыталась открыть рот. — Когда-нибудь. Соглашение с

Морским Народом вызовет проблемы, – признала она, – но когда Айя услышат намеки, они не сразу поймут, что они слышат. Сестры обучают Морской Народ в Кэймлине? Неслыханно, но кто станет спрашивать или вмешиваться, идя вопреки традициям? Я уверена, мы услышим ворчание, возможно, в Совете будут заданы несколько вопросов, но до того, как всплывет, что это сделка, я представлю свой план в отношении Родни.

– Думаете, *это* не заставит их точить зубы? – Поправляя шаль, Суан едва ли заботилась скрыть недоверчивость. Она скорее нахмурилась.

— Это вызовет споры, — рассудительно ответила Эгвейн. Значительное преуменьшение. Это вызовет бурю, когда выплывет наружу. Настоящий взрыв эмоций, насколько это вообще возможно для Айз Седай. Но Башня сокращалась в числе вот уже тысячу лет, если не больше, и она хотела положить этому конец. — Но я не хочу спешить. Пусть Айз Седай неохотно говорят о возрасте, Суан, однако довольно скоро они выяснят, что клятва на Клятвенном Жезле укорачивает наши жизни по крайней мере наполовину. Никто не захочет умирать прежде срока.

— Если их убедить, что

действительно среди Родни есть женщина, которой шестьсот лет, — сдержанным тоном произнесла Суан, а Эгвейн вздохнула с огорчением. Не очень-то Суан доверяла заявлениям Родни об их долголетию.

Эгвейн ценила советы Суан, ценила и то, что та говорила не только то, что от нее хотели услышать, но иногда эта женщина утомляла ее не меньше, чем Романда или Лилейн.

— Если потребуется, — раздраженно сказала она, — я просто дам сестрам поговорить с несколькими женщинами, которые на сотню, а то и больше лет старше их. Пусть они считают Родню

дичками и лгуньями, но Реанне Корли сможет доказать, что она была в Башне и когда она там была. И другие тоже. Если повезет, я смогу убедить сестер принять освобождение от Трех Клятв, чтобы они могли уйти к Родне еще до того, как они узнают о сделке с Ата'ан Миэйр. А если они согласятся, что любая сестра будет вправе освободиться от Трех Клятв, то не так уж сложно будет убедить отпустить сестер из Морского Народа. Остальное в сделке проще пареной репы. Как ты всегда говоришь, чтобы добиться чего-нибудь в Совете необходимы мастерство и ловкость рук, но

абсолютно необходима и удача. Что ж, я буду настолько умелой и ловкой, насколько смогу, а что касается удачи – похоже, перевес на нашей стороне.

Суан скривилась и что-то забормотала, однако ей пришлось согласиться. Она даже признала, что у Эгвейн (при удаче и правильном планировании времени) все может получиться. Нельзя сказать, что Суан удалось окончательно убедить в отношении Родни или соглашения с Ата'ан Миэйр, но то, что предлагала Эгвейн, было столь беспрецедентно, что могло статься Совет так до конца и не поймет, что же такое происходит. Эгвейн хотела сделать ставку именно на это. Какой бы

вопрос ни был предложен вниманию Совета, почти всегда находилось достаточное число Восседающих, имеющих противоположное мнение, так что нелегко было добиться даже малого согласия, а обычно требовалось достаточно полное согласие. Ей казалось, что большая часть общения с Советом состояла в том, чтобы убедить их делать то, чего они делать не хотят. И конечно, не было причины, по которой они стали бы вести себя иначе и в этом деле.

Пока Зеленые сосредоточились на Порубежниках, Серые обратили внимание на юг. Все Айя были заинтригованы сообщениями из

Иллиана и Тира о большом числе дичков среди Морского Народа. Они находили это интересным, будь это правдой, да только было ли это правдой, ведь иначе сестры знали бы об этом. Да и как можно скрыть подобное? Никто не обращал внимания на то, что они только замечают то, что видно на поверхности, но не смотрят вглубь. Однако Серые были озабочены непрекращающейся угрозой Шончан Иллиану и недавно начавшейся осадой Тирской Твердыни. Войны и угрозы войны всегда гипнотизировали Серых, поскольку они видели свое призвание в том, чтобы положить конец раздорам.

Безусловно, стремились они и к распространению собственного влияния. Каждый раз, когда Серые договором завершали войну, они наращивали влияние всех Айз Седай, но в первую очередь Серых. Шончан не вступали в переговоры, по крайней мере с Айз Седай, и оскорбленные чувства Серых прорывались в резких высказываниях по поводу набегов Шончан через границу, увеличении сил, стянутых лордом Грегорином, Наместником Дракона

Возрожденного в Иллиане, титул которого сам по себе являлся предметом беспокойства. В Тире был собственный Наместник Дракона

Возрожденного, Благородный Лорд Дарлин Сиснэра, и он был осажден в Твердыне знатью, не желавшей признать Ранда. То была весьма странная осада. У Твердыни были собственные пристани, и враги Дарлина не смогли отрезать поступление припасов, хотя и удерживали остальную часть города, и похоже было, что они собираются сидеть и выжидать, пока что-нибудь не случится. А может, они просто не могли понять, что делать дальше. Лишь Айил удалось взять Твердыню приступом, и никому не удавалось сделать это измором. Серые возлагали на Тир некие надежды.

Голова Эгвейн приподнялась,

когда она дочитала лист до конца, и она поспешно отложила его и взяла следующий. У Серых были некоторые надежды. Очевидно, Серая сестра была узнана, когда она выходила из Твердыни и проследовала на встречу с Благородным Лордом Тедозианом и Благородной Леди Истандой, наиболее выдающейся парой среди осаждающих.

— Мерана, — выдохнула она. — Суан, они говорят, что это Ме-рана Эмбри. — Бессознательно она помассировала висок. Боль за глазами запульсировала сильнее.

— Она может сделать доброе дело.

Сказав это, Суан встала и прошла по коврам к небольшому столу близ стенки палатки, где на подносе стояло несколько разных чашек и два кувшина. В серебряном кувшине находилось вино с пряностями, а в керамическом с синей глазурью – чай. Оба были поставлены туда для Амерлин на рассвете, и оба давно уже стали холодными. Никто не ожидал, что Эгвейн поедет к реке.

– Пока Тедозиан и остальные не понимают, на кого она в действительности работает. – Шаль Суан соскользнула с одного плеча, когда она потрогала керамический кувшин, и на мгновение ее окружило

сияние *саидар*, когда она направила Огонь, чтобы разогреть его содержимое. — Они не станут доверять ей во время переговоров, если выяснится, что она креатура Возрожденного Дракона. — Наполнив чаем оловянную чашку, она добавила щедрую порцию меда из горшочка, тщательно размешала и отнесла чашку Эгвейн. — Возможно, это будет хорошо для твоей головы. Это какой-то настой из трав, приготовленный Чезой, но мед перебивает вкус.

Эгвейн сделала небольшой глоток и, содрогнувшись, отставила чашку. Если питье было столь терпким с медом, не хотелось и думать, каково оно без него. Лучше

уж пусть болит голова.

— Как ты можешь относиться к этому так спокойно, Суан? Появление Мераны в Тире — первое доказательство, которое у нас появилось. Раньше я считала твоих Восседающих просто совпадением.

Вначале был только шепоток, от Айя или от «глаз-и-ушей» Суан. В Кайриэне были Айз Седай, и, вероятно, они могли свободно приходить и покидать Дворец Солнца, пока там был Возрожденный Дракон. Потом шепотки стали глухими и невнятными. «Глаза-и-уши» в Кайриэне не хотели об этом говорить. Никому не хотелось повторять то, что передали их

агенты. В Кайриэне есть Айз Седай, и, судя по всему, они подчиняются приказам Дракона Возрожденного. Хуже того, просочились кое-какие имена. Некоторые женщины были из числа тех, кто в Салидаре встал против Элайды, а другие вроде бы оставались ей верны. Никто, насколько известно Эгвейн, вслух не упоминал про Принуждение, но об этом должны были думать.

— Нет смысла рвать на себе волосы, если ветер дует не туда, куда тебе хочется, — ответила Суан, снова усаживаясь на сиденье.

Она попыталась положить ногу на ногу, однако покачнувшийся табурет заставил ее поспешно

поставить ноги на ковер. Бормоча что-то себе под нос, она рывком накинула шаль на плечи. И снова ей пришлось удерживать равновесие.

— Нужно так поставить паруса, чтобы использовать тот ветер, который дует. Подумай спокойно и вернешься к берегу. Начни кипятиться и утонешь. — Иногда слова Суан звучали так, словно она по-прежнему работала на рыбацкой лодке. — Вам, Мать, нужно сделать еще несколько глотков, чтобы питье помогло.

С гримасой Эгвейн отодвинула от себя чашку подальше. Вкус, оставшийся на языке, был столь же неприятен, сколь и головная боль.

– Суан, если ты знаешь, как это использовать, скажи мне. Я не хочу даже думать о том, как *использовать* тот факт, что Ранд мог Принудить сестер. Не хочу думать о возможностях, которые у него были.

А еще о том, что он может знать столь отталкивающие плетения или что он мог наложить их на кого-либо. Она-то знала (еще один подарочек от Могидин!) и очень хотела бы позабыть, как их создавать.

– В этом случае не столь важно использование, сколь важно определить последствия. В конце концов с ним придется иметь дело, возможно, понадобится преподать ему урок, но ты же не хочешь, чтобы

сестры тотчас кинулись с ним разбираться, а из-за этих слухов из Кайриэна все стали осторожнее. — Голос Суан был достаточно спокоен, но она нервничала. Об этом ни одна из Айз Седай не могла говорить *слишком* спокойно. — В то же время, как следует обдумав все, они поймут: рассказы, что он покорился Элайде, — полная чушь. Она могла послать сестер следить за ним, но они бы не приняли сестер, желающих свергнуть Элайду. Осознание этого, возможно, придаст воли тем, кто уже решил, что он ходит у Элайды на поводу. Одной причиной меньше поддаваться той.

— А что с Кадсуане? — спросила

Эгвейн. Среди всех имен, упомянутых в связи с Кайриэном, именно это вызвало наибольший шок у сестер. Кадсуане Меледрин была легендой, и у этой легенды было поровну вариантов осуждающих и восхваляющих. Иные из сестер были уверены, что здесь закралась ошибка и Кадсуане, должно быть, уже давно умерла. Другие лишь делали вид, что хотели бы считать ее мертвой. – Ты уверена, что она осталась в Кайриэне после того, как исчез Ранд?

– Я удостоверилась, что мои люди наблюдают за ней, как только я услышала это имя, – ответила Суан, уже не притворяясь спокойной. – Я не знаю, является ли она

Приспешницей Темного, лишь подозреваю, но могу гарантировать, что она была в Солнечном дворце неделю спустя после его исчезновения.

Зажмурив глаза, Эгвейн надавила ладонями на веки. Это не повлияло на пульсирующую иглу в голове. Возможно, Ранд и был когда-то в компании Черной сестры. Возможно, он использовал Принуждение в отношении Айз Седай. Это плохо в отношении любого, но в отношении Айз Седай и подавно более зловеще. То, что осмеливались применить против Айз Седай, в десятки, в сотни раз более уверенно применялось против тех,

кто не мог себя защитить. В конце концов им придется так или иначе иметь с ним дело. Она выросла вместе с Рандом, однако не могла себе позволить, чтобы это на нее повлияло. Он теперь был Драконом Возрожденным, надеждой мира и в то же время, может быть, и единственной ужасающей угрозой, с которой столкнулся мир. Может быть? Шончан не способен причинить столь большого ущерба, как Дракон Возрожденный. И она собиралась *использовать* возможность того, что он Принудил сестер. Престол Амерлин действительно была другой женщиной, чем дочь трактирщика.

Хмурясь на оловянную чашу с так называемым чаем, Эгвейн подняла ее и заставила себя выпить это мерзкую жидкость, давясь и захлебываясь. Может, хоть этот отвратительный вкус отвлечет ее от головной боли.

Она поставила чашку на место, резко стукнув металлом по дереву. В этот момент в палатку вошла Анайя, с опущенной головой и сумрачным видом.

— Мать, Акаррин и остальные вернулись, — сказала она. — Мо-райя велела мне сообщить вам, что она созвала Совет заслушать их отчет.

— Совет также созывают Эскаральда и Майлинд, —

провозгласила Морврин, появляясь вместе с Мирелле из-за плеча Анайи. Зеленая сестра казалась воплощением безмятежной ярости, если такое возможно, ее оливковое лицо было спокойным, а глаза были подобны темному янтарию, но Морврин была так мрачна, что Анайя выглядела довольной. — Они разослали послушниц и Принятых найти всех Восседающих, — сказала Коричневая сестра. — Неизвестно, что обнаружила Акаррин, но думаю, что Эскаральда и остальные собираются использовать это, чтобы подтолкнуть к чему-то Совет.

Глядя на темный осадок, который плавал в нескольких каплях,

оставшихся на дне оловянной чашки, Эгвейн вздохнула. Ей тоже надлежит быть там, и теперь ей придется противостоять Восседающим и с головной болью, и с омерзительным вкусом во рту. Возможно, стоит назвать это епитимьей за то, что она собирается сделать с Советом.

Глава 19.

Неожиданности

По традиции Амерлин извещали о заседаниях Совета, однако нигде не упоминалось, что ее будут дожидаться, прежде чем начать заседание. Это означало, что времени оставалось мало. Эгвейн захотелось вскочить и напрямик направиться в большую палатку, прежде чем Морайя и две другие сестры — что бы они ни затевали — преподнесут ей сюрприз. Неожиданности в Совете редко бывали к добру. Еще хуже неожиданности, о которых узнаешь

слишком поздно. И все же законом был протокол, а не традиция, и ему надо было следовать Амерлин, посещающей Совет. Она осталась на месте, послав Суан за Шириам, чтобы о появлении Амерлин в Совете должным образом объявила Хранительница Летописей. Суан рассказала Эгвейн, что на самом деле требуется предупредить Восседающих об ее присутствии, — всегда существуют вопросы, которые хотелось обсудить без ведома Амерлин, — и говорила Суан совершенно серьезно, без тени шутки.

В любом случае идти в Совет до того, как она могла туда вступить,

было бессмысленно. Умерив свое нетерпение, Эгвейн подперла голову руками и стала массировать виски, продолжая читать отчеты Айя. Несмотря на отвратительный «чай», а может, благодаря ему головная боль заставляла слова на странице расплываться всякий раз, когда она моргала, и ни Анайя, ни двое других не могли в этом помочь.

Суан ушла не раньше, чем Анайя откинула свой плащ, устраиваясь на стуле, который освободила Суан, — он даже не дрогнул под ней, несмотря на шаткие ножки, — и стала рассуждать, какую цель преследуют Морайя и остальные. Она не была взбалмошной, и ее действия вполне

оправдывались обстановкой. Оправдывались, но от этого не становились менее печальными.

— Напуганные люди часто совершают глупости, Мать, даже Айз Седай, — произнесла она, складывая руки на коленях, — но вы по крайней мере можете быть уверены, что Морайя будет тверда по отношению к Элайде, хотя бы в общем. Она относит каждую смерть сестер, случившуюся после низложения Суан, на счет Элайды. Она жаждет высечь Элайду за каждую такую смерть, прежде чем та отправится к палачу. Жестокая женщина, во многом более жестокая, чем Лилейн. Во всяком случае упрямее. Она не

колеблясь сделает то, что заставит отступить Лилейн. Я боюсь, она будет настаивать на скорейшем штурме города. Если Отрекшиеся действуют столь открыто и с таким размахом, то лучше израненная, но целая Башня, чем Башня расколота. Боюсь, что Морайя именно так и смотрит на вещи. В конце концов, как бы мы ни старались предотвратить убийство сестер сестрами, это случается не впервые. Башня просуществовала долгое время и была исцелена от многих ранений. И от этой раны мы сможем исцелить ее.

Голос Анайи соответствовал ее лицу, теплый, терпеливый и

успокаивающий, однако ее слова звучали словно скрип металла по стеклу. О Свет, судя по тому, как Анайя говорит о своих опасениях в отношении Морайи, она как будто придерживается того же мнения, что и та. Анайя была осторожна, невозмутима и всегда внимательно относилась к словам. Если она стоит за штурм, то сколько еще ратуют за него?

Как обычно, Мирелле была какой угодно, только не скованной. Переменчивая и вспыльчивая — вот как можно было описать ее лучше всего. Что такое терпение, Мирелле ведать не ведала и не узнала бы его, даже если бы терпение укусило ее за

нос. Она металась туда-сюда, насколько позволили размеры палатки, разметывая свои темно-зеленые юбки, иногда пиная и яркие подушки, сваленные грудой у стен палатки, прежде чем начать новый круг.

— Если Морайя испугана до такой степени, чтобы требовать штурма, значит, страх лишил ее разума. Израненная Башня не выстоит перед Отрекшимися или кем-то еще. Нужно беспокоиться о Майлинд. Она всегда повторяет, что в любой день может наступить Тармон Гай'дон. Я слышала, как она говорила: то, что мы ощущаем, вполне может оказаться первыми

ударами Последней Битвы. И что теперь это вполне может случиться здесь. Где лучшее место для удара Тени, как не Тар Валон? Майлинд никогда не боялась принять непростое решение или отступить, когда считала это необходимым. Она немедленно покинет Тар Валон и Башню, если решит, что это сможет сохранить хотя бы нескольких из нас для Тармон Гай'дона. *Она* предложит снять осаду и удалиться куда-нибудь, где Отрекшиеся не смогут найти нас, пока мы не будем готовы нанести ответный удар. Если она правильно поставит вопрос в Совете, она сможет добиться даже большого согласия.

Самая мысль об этом заставляла слова на странице перед Эг-вейн расплываться еще больше.

Морврин с неумолимым лицом просто уперла кулаки в широкие бедра и каждое предположение встречала резким комментарием: «Мы не знаем достаточно для уверенности в том, что здесь замешаны Отрекшиеся». Или: «Ты не можешь знать, пока она так не скажет», «Может, так, а может, и нет», «Предположение еще не доказательство». Говорили, что она не поверит в наступление утра, пока сама не увидит солнца. Она не терпела никакой ерунды, особенно скоропалительных выводов. И это

тоже не умеряло головную боль. На самом деле она не отвергала предположения, а просто старалась сохранять объективность. Объективное отношение позволяет двигаться в любом направлении, когда дело доходит до критической точки.

Эгвейн захлопнула раскрытую папку с громким хлопком. Отвратительный вкус на языке, колющий ком в голове, не говоря уж об этих непрерывных голосах, — ничто не способствовало чтению. Три сестры удивленно посмотрели на нее. Она давно дала понять, кто тут главный, однако старалась не выказывать гнева. Невзирая на

клятвы верности, от молодой женщины, выказывающей дурное настроение, слишком просто отвернуться в обиде. Что только делало ее еще более раздраженной, что только делало ее головную боль сильнее, что только...

— Я ждала достаточно, — сказала Эгвейн, делая усилие, чтобы сохранить голос спокойным. Но боль все-таки придала высказыванию резкость. Возможно, Шириам решила, что ее следовало встретить уже в Совете.

Собрав плащ, она вышла на холод, накидывая его на плечи, и Морврин и двое сестер лишь мгновение колебались, прежде чем

последовать за ней. Сопровождение ее в Совет выглядело как если бы они составляли ее свиту, но они должны были присматривать за ней, и она подозревала, что даже Морврин не терпелось услышать, что же скажет Акаррин и что из этого намерены слепить Морайя и остальные.

Ничего особенно сложного не предстоит, как надеялась Эгвейн, ничего такого, о чем думают Анайя и Мирелле. Если будет нужда, она попробует обратиться к Закону Войны, но даже если это будет успешно, правление согласно приказам имеет свои недостатки. Когда люди *вынуждены* подчиниться в чем-то одном, они всегда ищут

возможности вывернуться в чем-то другом, и чем большему они обязаны подчиниться, тем больше лазеек для неповиновения отыщут. Это естественное равновесие, избежать которого нельзя. Хуже того, она поняла, насколько привыкаешь к тому, что люди вскакивают, когда она велит. Начинаешь воспринимать это как должное, а когда они перестают вскакивать — теряешься. Кроме того, с раскалывающейся головой (а она теперь раскалывалась, а не пульсировала) она готова накинуться на каждого, кто посмотрит на нее косо, и даже если это стерпят, ничего хорошего в таком поведении не было.

Солнце стояло прямо в зените,

золотой шар в голубых небесах с рассыпанными белыми облаками, однако оно не грело, лишь отбрасывало тени и заставляло блестеть снег в тех местах, где он еще не был утоптан. Воздух был столь же холоден, сколь был у реки. Эг-вейн не обращала внимания на холод, не позволяла ему коснуться себя, но лишь мертвец не заметил бы клубов пара от дыхания. Настало время полуденной трапезы, но возможности разом накормить такое количество послушниц не было, так что Эгвейн и ее эскорту приходилось пробираться через наплыв женщин в белых одеяниях, отпрыгивающих с их пути и делающих реверансы посреди

улицы. Она шагала так быстро, что они миновали группы послушниц прежде, чем те успевали расправить юбки.

Идти было недалеко, и лишь в четырех местах потребовалось переходить через грязные улицы. Заходил разговор о деревянных мостиках, достаточно высоких, чтобы под ними можно было проезжать, но они бы придали лагерю постоянство, которого никто не хотел. Даже сестры, которые говорили о мостиках, не настаивали на их строительстве. Так что оставалось медленно шлепать по грязи, подбирая юбки и плащи, чтобы не прийти в грязи по колена.

Наконец, когда они приблизились к Совету, остатки толпы исчезли. Вокруг палатки Совета, как всегда, было почти пустынно.

Нисао и Карлиния уже ожидали перед большим парусиновым шатром с обтрепанными боковыми завесами. Миниатюрная Желтая прикусила нижнюю губу и озабоченно смотрела на Эгвейн. Кар-линия была воплощением спокойствия, глаза холодны, руки скрещены на груди. Если не считать того, что она забыла плащ, что на вышитой завитками кайме светлой юбки заметны пятна грязи, а темные кудри весьма нуждаются в расческе. Сделав реверансы, пара присоединилась к

Анайе и двум другим, на небольшом расстоянии за Эг-вейн. Компания что-то тихо бормотала, но обрывки, которые слышала Эгвейн, были совершенно безобидны – говорили о погоде или о том, сколько им пришлось ждать. По всей видимости, здесь не то место, чтобы они казались слишком тесно связанными с нею.

Беонин бегом появилась в проходе, учащенное дыхание создавало вокруг облачко тумана, она резко остановилась, глядя на Эг-вейн, прежде чем присоединиться к остальным. Тени вокруг серо-голубых глаз стали еще заметнее, чем раньше. Может, она считала, что это

повлияет на переговоры. Но она *знала*, что они будут обманом, лишь уловкой, чтобы выиграть время. Эгвейн контролировала дыхание и делала упражнения для послушниц, однако это не помогало голове. Никогда не помогало.

Ни в одном из направлений среди палаток не было Шириам, но они не были совершенно одиноки перед шатром. Акаррин и пять сестер, бывших с ней, по одной от каждой Айя, группкой стояли в ожидании с другой стороны от входа. Большинство сделало реверанс Эгвейн, но сохраняя при этом дистанцию. Возможно, их предупредили, что они не должны ни

с кем говорить до того, как выступят перед Советом. Эгвейн, конечно, могла потребовать от них немедленного отчета. И они даже могли дать его Амерлин. Скорее всего, они бы отчитались. С другой стороны, отношения Амерлин с Айя всегда были весьма хрупкими, часто и с той Айя, из которой она вышла. Почти столь же сложными были и отношения с Советом. Эгвейн заставила себя улыбнуться и грациозно склонить голову. Если она при этом и скрипела зубами — что ж, это помогало держать рот закрытым.

Похоже, не все сестры осознавали ее присутствие. Акаррин, стройная, в однотонном коричневом

шерстяном наряде и плаще с неожиданно затейливой зеленой вышивкой, устояла в никуда, время от времени кивая задумчиво головой. Очевидно, она репетировала то, что скажет внутри. Акаррин не была могущественна с Силой, едва ли чуть больше, чем Суан, но лишь еще одна из шестерых, Терва, стройная женщина в платье для верховой езды с желтыми разрезами и плаще, окаймленном желтым, стояла столь же высоко, сколь и она. Это была горестная мера того, насколько сестры были напуганы этим странным маяком *саидар*. Для задачи, какая была поставлена перед этими шестерыми, вперед должны

были выступить сильнейшие, но, за исключением самой Аккарин, рвения явно не хватало. Ее спутницы и теперь не выглядели преисполненными энтузиазма. Шана как обычно сохраняла глубокую сдержанность, но глаза ее от волнения были готовы, казалось, выскочить из орбит. Она уставилась на вход в Совет, закрытый тяжелыми полотнищами, а ее руки теребили край плаща, словно она не могла держать их спокойно. Рейко, полная Голубая родом из Арафела, опустила глаза, но серебряные колокольчики в длинных темных волосах тихо позванивали, словно она покачивала головой, скрытой капюшоном. Лишь

длинноносое лицо Тервы сохраняло полную безмятежность, будучи совершенно невозмутимым, что само по себе было дурным знаком. Желтая сестра по натуре была легко возбудима. Что они видели? Что планировали Морайя и две другие Восседающие?

Эгвейн сдержала нетерпение; Совет явно еще не заседал. Он собирался, но несколько Восседающих прошли мимо нее в большой шатер не торопясь. Салита заколебалась, словно хотела что-то сказать, но лишь чуть согнула колени, накидывая на плечи шаль, окаймленную желтой бахромой, и проскальзывая внутрь. Острый носик

Квамезы нацелился на Эгвейн, пока она делала реверанс, затем переместился в сторону Анайи и остальных, и тоненькая Серая быстро обвела всех взглядом. Она была невысокой, но старалась казаться выше. Берана, лицо – маска высокомерия, большие карие глаза холодны как лед, остановилась, приседая в реверансе перед Эгвейн и бросая хмурый взгляд на Акаррин. После долгой паузы, возможно осознав, что Акаррин ее даже не замечает, она разгладила расшитые серебром белые юбки, которые в этом не нуждались, поправила шаль так, что белая бахрома свисала свободно, и проскользнула в дверной

проем, словно именно туда и направлялась с самого начала. Все трое были среди сестер, на которых Суан указала как на слишком молодых. Как и Майлинд и Эскаральда. Но Морайя была Айз Седай вот уже сто тридцать лет. О Свет, Суан заставляет ее искать тайный смысл во всем.

Когда Эгвейн уже начала подумывать, не взорвется ли ее голова от разочарования, если уж не от головной боли, неожиданно появилась Шириам, подхватив плащ и юбки, она перебегала через грязь посреди улицы.

— Я очень извиняюсь, Мать, — сказала она, задыхаясь, торопливо

направляя Силу, дабы счистить с себя грязь. Та осыпалась на дощатый тротуар сухой пылью, когда она потрясла юбками. – Я... я услышала, что Совет заседает, и поняла, что вы станете искать меня, так что я явилась так быстро, как только смогла. Я прошу простить меня.

Значит, Суан все еще ищет ее.

– Теперь ты здесь, – спокойно произнесла Эгвейн. Женщина действительно была огорчена, раз решила принести извинения в присутствии Анайи и прочих, а уж тем более Акаррин и ее спутниц. Даже люди сведущие принимают тебя за то, чем ты кажешься, и не следует видеть Хранительницу

извиняющейся или ломающей руки. Наверняка Шириам и сама это понимает. – Ступай и объяви о моем появлении.

Глубоко вдохнув, Шириам откинула капюшон плаща,правила узкий голубой палантин и вошла в шатер. Ее голос звонко возглашал ритуальные фразы: «Она идет, она идет...»

Эгвейн едва дождалась, пока она закончит фразой «Пламя Тар Валона, Престол Амерлин», а затем прошла через кольцо жаровен и светильников, окаймлявших стены шатра. Стоячие светильники давали яркий свет, а жаровни, источавшие сегодня аромат лаванды, согревали

помещение.

Убранство палатки следовало древним правилам, лишь слегка измененным в связи с тем, что они восседали не в Белой Башне, в большом круглом зале, названном Залом Башни. В дальнем конце на прямоугольном постаменте, накрытом покрывалом с полосами семи цветов Айя, стояла простая отполированная скамья. Во всем лагере только тут да на палантине на шее Эгвейн была представлена Красная Айя. Иные из Голубых требовали убрать этот цвет, раз уж Элайда перекрасила свой трон, называемый Престол Амерлин, и велела выткать палантин без

голубого цвета, однако Эгвейн настояла на своем. Раз уж ей приходится представлять все Айя и ни одну из них, то она и будет от *всех* Айя. Полом служили ковры ярких цветов. От входа расходилось два ряда скамей, по три в каждом, установленных на постаменты, накрытые покрывалами в цвет Айя. Шести из Айя. По традиции двое старейших Восседающих могли занять места для своих Айя близ Престола Амерлин, так что они были отведены для Желтых и Голубых. Для остальных все зависело от того, кто придет первым и где пожелает сесть, первый из прибывших всегда выбирал место для своей Айя.

Сейчас в зале было лишь девять Восседающих, слишком мало, чтобы начать Совет, однако странность рассадки сразу поразила Эгвейн. Неудивительно, что Романда уже была на месте, между ней и Салитой была пустая скамья, а Лилейн и Морайя заняли крайние скамьи Голубых. Романда, волосы стянуты в тугой седой пучок на затылке, была старейшей Восседающей и почти всегда первой появлялась на своем месте, когда собирался Совет. Лилейн, вторая по старшинству, несмотря на то что ее волосы были темными и блестящими, не позволяла никому противоречить себе даже в мелочах. Мужчины,

передвигавшие постаменты — они складывались вдоль стен, пока не созывался Совет, — должно быть, только что удалились через черный ход, поскольку Квამеза, уже сидевшая на скамье, была единственной из Серых, а Берана, лишь поднимавшаяся к своей, единственной из Белых. Но Майлинд, круглолицая уроженка Кандора с орлиными глазами, и единственная Зеленая, явно вошедшая раньше них, как ни странно, выбрала для Зеленых место близ выхода из шатра. Обычно считалось, что чем ближе к Престолу Амерлин, тем лучше. А прямо напротив нее, перед постаментом,

покрытом коричневым, стояла Эскаральда, приглушенно споря с Таковой. Почти столь же низенькая, как и Нисао, Такова была тихой, похожей на птицу женщиной, но она могла быть сильной, если хотела. Уперев в бедра кулаки, она напоминала разгневанного воробья, распушившего перья, чтобы казаться больше. По тому как она кидала мрачные взгляды на Берану, ее огорчала именно рассадка. Конечно, для этого заседания было поздно что-либо менять, но все равно Эскаральда нависала над Таковой, словно ожидала необходимости сразиться за свой выбор. Эгвейн поразило, как это удалось

Эскаральде. Она именно нависала, хотя была на несколько дюймов ниже, чем Нисао. Здесь проявлялась чистая сила воли. Эс-каральда никогда не отступала, если считала себя правой. А правой себя она считала всегда. Если Морайя действительно хотела немедленного штурма Тар Валона, а Майлинд — отступления, то чего же хотела Эскаральда?

Несмотря на все разговоры Суан о том, что Восседающие хотят предупреждения, появление Эгвейн не вызвало особого волнения. По каким бы причинам Майлинд и прочие ни призвали Совет выслушать отчет Акаррин, они не сочли дело

столь тонким, чтобы сохранить его только для ушей Восседающих, так что небольшие группы из четырех-пяти Айз Седай стояли позади скамей с Восседающими их Айя. Они сделали реверансы, когда Эгвейн прошествовала к своему сиденью. Сами Восседающие лишь смотрели на нее или слегка наклоняли головы. Лилейн холодно взглянула на нее, а затем вновь нахмурилась на Морайю, тихую женщину ничем не примечательной внешности, в простом платье синей шерсти. Она была настолько непримечательна, что отсутствие на ее лице печати возраста можно было и не заметить при первом взгляде.

Она сидела, глядя прямо перед собой, углубясь в собственные думы. Романда была одной из тех, кто слегка склонил голову. В Совете Амерлин оставалась Амерлин, но это значило чуть меньше, чем снаружи. Внутри Восседающие ощущали свою силу. В некотором роде в Совете Амерлин могла быть названа первой среди равных. Возможно, несколько большей, но не намного. Суан говаривала, что столько же Амерлин потерпело неудачу из-за того, что считало Восседающих равными себе, сколько и из-за того, что верило в большую разницу между ними, чем существовала на самом деле. То было похоже на бег по верху узкой стены, с

обеих сторон которой – свирепые псы. Сохраняешь равновесие и смотришь под ноги, не думая про собак. Но всегда осознаешь их присутствие.

Расстегнув плащ, вступая на полосчатый постамент, Эгвейн сложила его на скамье, прежде чем сесть. Скамьи были жесткими, и некоторые Восседающие приносили с собой подушечки, когда предполагали, что заседание будет длительным. Эгвейн предпочитала этого не делать. Запрет на выступления редко удерживал одну-двух женщин от пространных комментариев, и в этих случаях жесткое сиденье помогало не уснуть.

А вот Шириам, которая заняла место Хранительницы Летописей, встав слева от Эгвейн, не оставалось ничего другого как ждать. Возможно, ей стоило принести подушку.

Понемногу начали заполняться остальные скамейки. Аледрин и Саройя присоединились к Беране. Аледрин была достаточно полной, чтобы две другие казались стройными. Конечно, вертикальные полосы орнамента из завитков на юбке Саройи все равно создавали это впечатление, тогда как широкие белые рукава и белоснежные вставки на платье Аледрин создавали противоположный эффект. Каждый пытался разведать, что знают о

развитии событий остальные, это было очевидно по тому, как они кивали головами друг на друга и кидали быстрые взгляды на Голубых, Коричневых и Зеленых. Варилин, рыжеволосая женщина, похожая на аиста, более высокая, чем большинство мужчин, также заняла свое место рядом с Квамезой. Постоянно поправляя шаль, Варилин переводила взгляд с Морайи на Эскаральду и Майлинд, а затем обратно. Магла, плотно закутав широкие плечи в шаль с желтой бахромой, и Фэйзелле, доманийка с квадратным лицом, одетая в шелка с плотной зеленой вышивкой, вступали в шатер, игнорируя друг друга, хотя

их юбки соприкасались. Магла твердо состояла в лагере Романды, а Фэйзел-ле – Лилейн, а обе группы не смешивались. Потихоньку

появлялись и другие сестры. Нисао и Мирелле оказались среди полудюжины сестер, вошедших вслед за Маглой и Фэйзелле. Морврин уже находилась среди Коричневых за Такимой и Эскаральдой, а Бео-нин стояла на краю постамента Серых за Варилин и Квамезой. Если так пойдет дальше, то вскоре в шатре могла собраться добрая половина всех Айз Седай в лагере.

Пока Магда шла по коврам к местам Желтых, Романда поднялась с места.

– Нас уже больше одиннадцати, так что вполне можно начинать. – Ее голос был неожиданно высоким. Можно было подумать, что у нее хороший певческий голос, если бы удалось представить Романду поющей. Ее лицо всегда выражало большую склонность к ворчанию или хотя бы к неодобрению. – Не думаю, что следует делать заседание официальным, – добавила она, когда Квамеза встала. – Я не совсем понимаю, зачем вообще было нужно это заседание, но если уж оно необходимо, пусть уж оно так и идет. У некоторых из нас есть и более важные дела. Уверена, что и у вас тоже, Мать.

Последнее было произнесено с глубоким наклоном головы, голосом лишь чуть-чуть *слишком* почтительным. Не слишком далеко от того, чтобы можно было назвать это сарказмом. Она была слишком умна, чтобы подвергать себя риску. Дуракам редко удавалось получить кресло Восседающей или удерживать его долгое время, а Романда имела место в Совете уже около восьмидесяти лет. Сейчас она выступала Восседающей во второй раз. Эгвейн слегка склонила голову, глаза оставались холодными. Подтверждение того, что к ней обратились, а она отметила тон сказанного. Весьма осторожное

равновесие.

Квамеза осталась стоять с открытым ртом, не будучи уверена, стоит ли ей сказать те фразы, которые всегда произносила младшая из присутствующих Восседающих и которые открывали заседание Совета. Место Романды давало ей значительное влияние и некую меру авторитета, однако все это легко могли превзойти другие. Иные из Восседающих нахмурились или заерзали по скамейкам, однако никто не произнес ни слова.

В шатер вплыла Лирелле и двинулась в сторону скамей Голубых. Высокая для уроженки Кайриэна, то есть примерно одного роста с

остальными, она была одета в элегантный шелковый наряд с голубыми разрезами и красной и золотой вышивкой на лифе, движения ее были плавными. Поговаривали, что, перед тем как прийти в Башню послушницей, она была танцовщицей. По сравнению с ней Самалин, Зеленая с лисьим личиком, вошедшая следом, шагала по-мужски, что не было странно для женщины из Муранди. Обе они удивились, увидев Квамезу стоящей, и поспешили к своим скамьям. Варилин начала дергать Квамезу за рукав, пока арафелка наконец не уселась. Лицо Квамезы было маской ледяного спокойствия, но все же

умудрялось излучать свое
неудовольствие. Она придавала
этикету большое значение.

— Возможно, причина для
официального заседания все-таки
существует, — голос Лилейн казался
низким после выступления Ро-
манды. Оправляя шаль, словно все
время мира принадлежало ей, она
грациозно встала, весьма нарочито
не глядя на Эгвейн. Красивая
женщина, Лилейн была
воплощением достоинства. — Похоже,
переговоры с Элайдой одобрены, —
холодно произнесла она. — Я
понимаю, что по Закону Войны
советоваться с нами необязательно,
но мне все же кажется, что нам

следует обсудить это, особенно в связи с тем, что многие из нас будут усмирены, если Элайда удержит власть.

Слово «усмирены» больше не несло в себе того ужаса, какой вызывало до того, как Суан и Лиане были Исцелены после усмирения, но все же среди Айз Седай, наблюдавших стоя позади скамей, пронесся ропот. Видимо, весть о переговорах не распространилась так быстро, как предполагала Эгвейн. Она не могла сказать, были ли сестры взволнованы или потрясены, но они очевидно были удивлены. Джания, вошедшая пока говорила Лилейн, встала как вкопанная, так

что группа сестер, двигавшаяся следом, едва не налетела на нее. Они уставились на Голубую, а затем, еще дольше и внимательнее, и на саму Эгвейн. Романда, похоже, тоже ничего не слышала, судя по тому, как окаменело ее лицо, а выражения лиц слишком юных Восседающих варьировали от ледяного спокойствия Бераны до изумления Самалин и ужаса Салиты. Стоявшая Шириам покачнулась. Эгвейн надеялась, что ей не станет дурно перед Советом.

Однако еще более интересной была реакция тех, кто, по сообщению Деланы, говорил о переговорах. Варилин сидела совершенно

неподвижно и, разглядывая свои юбки, пыталась подавить улыбку. Магла нерешительно облизывала губы и краем глаза посматривала на Романду. Глаза Саройи были закрыты, а губы шевелились, словно она молилась про себя. Фэйзелле и Такима уставились на Эгвейн с почти одинаковым хмурым выражением. Потом они заметили друг друга и, вздрогнув, приняли выражение такого царственного спокойствия, что казалось, будто они передразнивают одна другую. Все было очень странно. Несомненно, к этому времени Беонин проинформировала всех о том, что сказала Эгвейн, и все же, за

исключением Варилин, все были весьма огорчены. Вероятно, они и подумать не могли, что все можно закончить путем переговоров. Каждая из женщин, что сейчас была в Совете, рисковала быть усмиренной и казненной просто по факту своего присутствия здесь. Если и был иной путь, кроме устранения Элайды, то он исчез много месяцев назад, когда был избран этот Совет. После *этого* обратной дороги не было.

Лилейн казалась удовлетворенной реакцией на свои слова — на самом деле она выглядела довольной, как кошка у миски со сметаной, — но прежде чем она

устроилась на своем месте, на ноги вскочила Морайя. Это привлекло всеобщее внимание и вызвало еще одну волну шепотков. Никто не назвал бы Морайю особенно грациозной, но порывистой иллианка не была.

— Это требует обсуждения, — сказала она. — Однако к этому вернемся позже. Совет был созван тремя Восседающими, которые задали один и тот же вопрос. И к этому вопросу следует обратиться в первую очередь. Что обнаружили Акаррин и ее спутницы? Я прошу, чтобы они предстали для отчета перед Советом.

Лилейн нахмурилась на свою

компаньонку Голубую, а уж хмуриться она умела отлично. Глаза ее стали пронзительными, словно шила, и все же закон Башни на этот счет был вполне однозначным и был известен всем. Неровным голосом Шириам попросила Аледрин, младшую после Квамезы, пойти и привести в Совет Акаррин и ее спутниц. Эгвейн решила, что ей лучше поговорить с рыжеволосой женщиной сразу после заседания. Если Шириам будет продолжать в том же духе, скоро она станет совершенно бесполезной Хранительницей.

Делана влетела в шатер среди группы сестер, последней из

Восседающих, и оказалась на своей скамье, расправляя на локтях свою шаль, к тому моменту как пухлая Белая Восседающая вернулась с шестью сестрами и подвела их к Эгвейн. Должно быть, они оставили свои плащи в проходе снаружи, поскольку все были теперь без верхней одежды. Делана уставилась на них, хмурия брови. Казалось, она задыхается, словно бежала сюда.

Очевидно, Аледрин решила, что является или нет заседание официальным, ей в любом случае следует вести себя с надлежащим соблюдением формальностей.

— Вы призваны перед Совет Башни, дабы доложить об

увиденном, — произнесла она с сильным тарабонским акцентом. Сочетание темно-золотистых волос и карих глаз нередко в Тарабоне, хотя она предпочитала носить волосы длиной до плеч забранными белой кружевной сеткой, а не заплетать их в косы, украшенные бусинами. — Я требую, чтобы вы сообщили обо всем без уверток и умолчаний, а также ответили на вопросы полностью, ничего не скрывая. Теперь произнесите, что сделаете так пред Светом и во имя надежды на Перерождение и Спасение, либо будете отвечать за последствия.

Те сестры древних времен, что составили эту часть церемонии

Совета, вполне осознавали, сколько возможностей для маневра оставляют Три Клятвы. Чуть упустить здесь, немного неопределенности там, и значение сказанного тобой встает с ног на голову, а ты при этом говоришь только правду.

Акаррин произнесла присягу громко и несколько нетерпеливо, а остальные пятеро — с различной долей условности и чувства неловкости. Многие сестры прожили всю жизнь, ни разу не свидетельствуя перед Советом. Аледрин подождала, пока последняя повторит каждое слово, а затем прошествовала на свое место.

— Расскажи нам, что видела, Акаррин, — сказала Морайя, лишь только Белая Восседающая повернулась спиной. Аледрин заметно напряглась, и когда она села на место, ее лицо было лишено какого-либо выражения, лишь яркие пятна румянца алели на щеках. Морайи следовало подождать. Она, должно быть, весьма взволнована.

По традиции — а нужно сказать, что гораздо больше существует традиций и обычаев, чем законов, и Свет ведает, что есть куда больше законов, чем кто-либо догадывается, и зачастую за века накапливается их столько, что законы начинают противоречить друг другу, но

традиция и обычай правят Айз Седай в той же мере, что и закон Башни, а возможно и больше, – по традиции Акаррин обратила свой отчет к Престолу Амерлин.

– То, что мы увидели, Мать, было округлой ямой в земле, – сказала она, кивками подчеркивая почти каждое слово. Похоже, она тщательно выбирала формулировки, словно чтобы убедиться в том, что они будут понятны каждому. – Изначально она, вероятно, была правильно круглой, точнее, имела вид полушария. Позже стенки местами обрушились. Яма имеет примерно три мили в поперечнике и около полутора в глубину. – Кто-то

громко охнул, и Акаррин нахмурилась, словно этот кто-то попытался ее перебить. Однако она продолжила без паузы: — Мы не смогли точно убедиться в ее глубине. Дно покрыто водой и льдом. Со временем, вероятно, она станет озером. В любом случае, мы смогли без особых трудностей точно установить местоположение и готовы заявить, что яма располагается там, где некогда стоял город под названием Шадар Логот.

Она замолчала, и долго единственным звуком был шорох юбок ерзающих Айз Седай.

Эгвейн тоже захотелось заерзать. О Свет, да дыра такого

размера накроет половину Тар
Валона!

— Есть ли у тебя мысли о том, как эта... яма... возникла, Акаррин? — наконец спросила Эгвейн. Она вполне гордилась тем, сколь спокоен оказался ее голос. Шириам же просто трясло! Эгвейн надеялась, что больше никто этого не заметил. Поступки Хранительницы всегда отражались на Амерлин. Если Хранительница выказывала страх, большая часть сестер считала, что Эгвейн напугана. А едва ли ей хотелось, чтобы такие мысли зародились у кого-нибудь.

— Каждая из нас была выбрана, поскольку обладала некой

способностью чтения следов, Мать. По правде, лучшими, чем многие.

Значит, их выбрали *не* просто потому, что никто из более могущественных не был заинтересован. В этом был хороший урок. То, что делали Айз Седай, редко оказывалось столь простым, как выглядело на первый взгляд. Эгвейн хотелось бы больше не повторять уроки, которые она однажды усвоила.

— Нисайн — лучшая из нас в этом, — продолжила Акаррин. — С вашего позволения, Мать, я попрошу ответить ее.

Нисайн нервно разгладила темные шерстяные юбки и

откашлялась. Обладательница крепкого подбородка и поразительно голубых глаз, Серая сестра обладала небольшим опытом в законах и договорах, однако ей, очевидно, неловко было выступать перед Советом. Она смотрела прямо на Эгвейн с видом человека, не желающего видеть всех собравшихся Восседающих.

— Учитывая, сколько было использовано *саидар*, Мать, было бы неудивительно обнаружить там следы такой же толщины, что и снег. — Слова мурандийки лились напевом. — Даже спустя столь долгое время я должна была получить какое-то представление о том, что было

сплетено, будь это плетение мне хоть сколько-нибудь знакомо. Однако нет. Все что я смогла, Мать, – это отследить плетение, однако никакого смысла в этом не оказалось. Никакого. На самом деле оно казалось столь чуждым, что не могло быть... – Она снова прокашлялась, сглотнула. Лицо ее стало бледнее. – Оно не могло быть сплетено женщиной. Мы, конечно, подумали, что это могло быть делом рук Отрекшихся, и я проверила резонанс. Мы все проверили. – Обернувшись указывая на спутниц, она поспешно приняла исходное положение. Она явно предпочитала смотреть на Эгвейн, чем на Восседающих, и даже

наклонилась вперед. — Не могу сказать, что было сделано, кроме того, что было изъято три мили земли, не могу сказать, и как это было сделано. Но там явно был применен и *саидин*. Резонанс был столь силен, что мы почти обоняли его. *Саидин* использовали гораздо больше, чем *саидар*. Куда больше — что Драконова Гора против холмика. И это все, что я могу сказать, Мать.

По шатру пролетел трепет, звук вдоха сестер после того, как они долго сдерживали дыхание. Вдох Шириам показался самым громким, но, возможно, лишь потому, что она была ближе всех.

Эгвейн заставила себя принять

спокойное выражение лица. Отрекшиеся и плетение, которое может смести половину Тар Ва-лона. Если Майлинд предложит бежать, сможет ли она убедить сестер остаться и противостоять такому? Сможет она покинуть Тар Валон и Башню и Свет знает сколько десятков тысяч жизней?

— Есть ли у кого-то вопросы?

— У меня, — сухо произнесла Романда. *Ее* спокойствие ничто не поколебало. — Но не к этим сестрам. И если ни у кого больше нет вопросов к ним, я уверена, что они предпочтут, чтобы Совет не глазел на них.

Не совсем ее делом было

предлагать это, однако нельзя сказать, что совсем не ее, так что Эгвейн спустила это. Ни у кого больше не оказалось вопросов к Акаррин или ее спутницам, и Романда неожиданно тепло поблагодарила их за проделанную работу. И снова это была не совсем ее функция.

— К кому у тебя вопрос? — спросила Эгвейн, когда Акаррин и остальные пятеро поспешно присоединились к сестрам, толпившимся среди высоких светильников и жаровен. Они были рады, как отметила Романда, скрыться с глаз Совета, но хотели услышать, к каким результатам

приведет их доклад. Эгвейн было очень трудно удержаться от резкости в голосе. Романда предпочла этого не заметить. Или действительно не заметила.

— К Морайе, — ответила она. — Мы с самого начала подозревали Отрекшихся. Мы знали: то, что случилось, было мощным, и весьма. Мы все знали, что Шадар Логот исчез, и я могу только добавить, что мир стал лучше без этой клоаки Тени. — Она направила свой хмурый взгляд на Голубых Восседающих, и это заставило многих Айз Седай поежиться словно послушниц. — Мой вопрос таков. Изменилось ли для нас что-нибудь?

— Должно было измениться, — ответила Морайя, спокойно встретив взгляд Романды. Возможно, она заседала в Совете не столь долго, сколь Романда, однако считалось, что Восседающие равны между собой. — Мы давно вели подготовку на случай, если Отрекшиеся выступят против нас. Каждая сестра знает, как создать круг, если она способна это сделать, или присоединиться к тому, который создается, пока каждый круг не достигнет тринадцати. Включается каждый, даже послушницы, даже новички.

Лилейн бросила на нее пронзительный взгляд, однако, как бы она ни хотела выбрать Морайю,

они были из одной Айя. Они должны были хотя бы сохранять видимость единого фронта. Однако усилие, которое Лилейн затратила, чтобы не открыть рот, сделало ее губы совсем тонкими.

У Романды не было такого ограничения.

— Ты должна объяснять то, что все и так уже знают! Мы — те, кто *выполнял* эту подготовку. Возможно, ты об этом забыла? — На этот раз ее голос был резок. В Совете были запрещены открытые выражения гнева, но не раздражения.

Если Морайя и почувствовала укол, внешне это на ней никак не отразилось. Она лишь оправила

шаль.

— Я должна объяснить все с самого начала, поскольку о таком мы еще не думали. Майлинд, смогут ли наши круги противостоять тому, что описали Акаррин и Нисайн?

Несмотря на свирепые глаза, рот Майлинд выглядел всегда готовым к улыбке, но она была совершенно сурова, когда встала. Она оглядела по очереди каждую Восседающую, чтобы ее слова произвели большее впечатление.

— Они не смогут. Даже если мы изменим порядок так, что сильнейшие сестры всегда будут составлять один круг (а это означает, что они должны жить, есть и спать

вместе, чтобы быть готовыми моментально воссоединиться), даже тогда мы будем подобны мыши перед кошкой. Достаточное количество мышей может одолеть даже большую голодную кошку, однако прежде погибнет немало мышей. Однако, если погибнет много таких «мышей», Белая Башня умрет.

По палатке снова пробежала рябь вздохов.

Эгвейн удалось сохранить спокойное выражение лица, но ей пришлось с усилием заставить себя разжать кулаки, спрятанные под юбкой. Что они предложат – штурм или бегство? О Свет, как она *сможет* противостоять им?

Из одной Айя или нет, но Лилейн больше не могла сдержаться.

— Что же ты предлагаешь, Морайя? — огрызнулась она. — Даже если мы воссоединим Башню прямо сегодня, мы не сможем изменить фактов.

Морайя слегка улыбнулась: похоже, что другая Голубая высказала наконец то, что она надеялась услышать.

— Значит, мы должны изменить факты. В настоящий момент фактом является то, что даже наши сильнейшие круги слишком слабы. У нас нет *ангриалов*, так же как и *са'ангриалов*, так что забудем о них. Я не уверена, что даже в Башне есть

нечто, что сильно изменит положение дел. Как же тогда сделать круги сильнее? Достаточно сильными, чтобы можно было надеяться, столкнувшись с тем, что случилось с Шадар Логотом, остановить это. Эскаральда, что ты можешь сказать об этом?

Встревоженная, Эгвейн наклонилась вперед. Они *действовали* сообща. Но ради какой цели?

Не одна она осознала, что трое Восседающих, созвавших Совет, стояли. Оставшись стоять, Морайя и Майлинд сделали недвусмысленное заявление. Эскаральда стояла словно королева, но все же миниатюрная

Коричневая слишком обращала внимание на взгляды, скользившие между ней, Майлинд и Морайей, сосредоточенные, нахмуренные или слишком спокойные лица. Она дважды оправила шаль, прежде чем заговорить. Ее высокий, но сильный голос звучал, словно она читала лекцию.

— Древняя литература совершенно ясна, хоть, боюсь, и мало изучена. Она собирает скорее пыль, чем читателей. Писания, собранные в ранние годы Башни, сообщают, что круги в Эпоху Легенд не ограничивались тринадцатью. Точный механизм (я бы сказала, точный баланс) неизвестен, но его не

так уж сложно воссоздать. Тем из вас, у кого не нашлось времени заглянуть в библиотеку Башни, я сообщу, что *способ* увеличения круга предполагает... — Впервые она замялась и с видимым усилием продолжала: — Предполагает включение мужчин, способных направлять Силу. Фэйзелле вскочила на ноги.

— Что ты предлагаешь? — спросила она и немедленно села, словно кто-то мог заподозрить, что она стоит в знак поддержки.

— Я требую очистить зал Совета! — вставая, произнесла Магла. Как и Морайя, она была из Иллиана, и волнение значительно

усиливало ее акцент. — Такие дела должны обсуждаться исключительно на закрытом заседании Совета. — Едва закончив, она тоже сразу уселась на скамью, нахмурившись, сгорбив плечи и сжимая и разжимая ладони поверх юбок.

— Боюсь, что для этого слишком поздно, — громко сказала Мо-райя. Ей пришлось говорить громко, чтобы перекрыть бормотание сестер, увлеченно беседовавших позади скамей, гул стоял точно в улье. — То, что было сказано, сказано; и услышано слишком многими сестрами, чтобы теперь попытаться сделать вид, что этих слов не было. — Ее грудь поднялась, когда она глубоко

вдохнула и заговорила еще громче: — Я выдвигаю перед Советом предложение вступить в соглашение с Черной Башней, дабы при необходимости включить в свои круги мужчин. — Если ее речь и звучала в конце чуть сдавленно, в этом не было ничего удивительного. Лишь немногие Айз Седай могли произнести это название без волнения, отвращения или открытой ненависти. Слова сокрушили гул — на протяжении трех ударов сердца стояла полная тишина.

— Это безумие! — вскрик Шириам разбил тишину — во многих отношениях. Хранительница Летописей не участвует в

обсуждении дел Совета. Она даже не может вступать в Совет без Амерлин. С лицом, залитым румянцем, Шириам выпрямилась, возможно готовая столкнуться с неизбежным упреком и защищаться. Но у Совета были заботы поважнее.

Вскакивая со своих мест, Восседающие начали говорить, кричать, иногда перекрикивать друг друга.

— Безумие — слишком мягко сказано! — выкрикивала Фэйзел-ле, в то время как Варилин кричала:

— Как мы можем быть союзниками мужчин, способных направлять?

— Эти так называемые Аша'маны

все отмечены порчей! – говорила Саройя без малейшего признака хваленой выдержки Белой Айя. Сложив руки поверх шали, она тряслась так, что длинная белоснежная бахрома колыхалась. – Они все испорчены прикосновением Темного!

– Само такое предложение противоречит всему, за что выступает Белая Башня, – отрезала Такима. – Нас будет презирать любая женщина, называющая себя Айз Седай, да и те Айз Седай, что давно уже покоятся в могилах.

Магла зашла столь далеко, что потрясала кулаком в ярости, которую и не пыталась скрывать:

– Только приспешница Темного могла предложить такое! Только приспешница Темного!

Морайя побледнела от такого обвинения, но затем покраснела от гнева.

Эгвейн не знала, что и сказать. Черная Башня была детищем Ранда, и, возможно, необходимым, если существовала хоть какая-то надежда победить в Последней Битве, и все же Аша'маны *были* мужчинами, способными направлять Силу, а этого боялись три тысячи лет, и они направляли запятнанной Тенью *саидин*. Сам Ранд тоже мог направлять Силу, и все же без него Тень победила бы в Тармон Гай'дон.

Хвала Свету, что она смотрит на это столь холодно, однако правда была сурова. Как бы она ни относилась к этому, события выскальзывали из-под контроля. Эскаральда обменивалась оскорблениями с Фэйзелле, обе едва не срывали голоса. Открытые оскорбления! В Совете! Саройя отбросила остатки хладнокровия Белых и орала на Майлинд, кричавшую что-то в ответ; ни одна из них не слушала другую. Было бы чудом, если бы они понимали, что говорит противница, и, возможно, к лучшему, что чуда не происходило. Как ни странно, ни Романда, ни Лилейн не открыли рта с самого начала. Они сидели,

установившись не мигая друг на друга. Словно пытались понять, что скажет другая, чтобы можно было занять противоположную позицию. Магла спустилась со своей скамьи и двигалась к Морайе с видом человека, готового перейти к ударам. Не словесным, а кулаками. У Маглы они были сжаты. Ее расшитая виноградными лозами шаль незамеченной соскользнула на ковер.

Встав, Эгвейн обняла Источник. Если не считать нескольких строго предписанных функций, направлять Силу в Совете было запрещено. Еще одна традиция, указывавшая на мрачное прошлое в истории Совета. Она создала простое плетение

Воздуха и Огня.

— Перед Советом было выдвинуто предложение, — сказала она, отпуская *саидар*. Это было не так сложно, как когда-то. Не просто, совсем не просто, но и не так сложно. Память о сладости Силы осталась, и ее было достаточно, чтобы продержаться до следующего раза.

Усиленные плетением, ее слова грянули в шатре подобно грому. Айз Седай съежились, морщась и затыкая уши. Наступившая тишина казалась невероятно пронзительной. Магла в удивлении уставилась на нее, затем вздрогнула, осознав, что стоит на полпути к скамьям Голубых.

Поспешно разжав кулаки, она задержалась, чтобы подобрать шаль, и заторопилась на свое место. Шириам стояла, открыто всхлипывая. Это было не столь громко.

— Перед Советом было выдвинуто предложение, — в тишине повторила Эгвейн. После рева, увеличенного Силой, ее голос звенел в собственных ушах. Это плетение не предполагалось использовать в помещениях, пусть и с парусиновыми стенами. — Чем ты обоснуешь, Морайя, свое предложение о союзе с Черной Башней?

Едва промолвив, она села. Как

она решилась на такое? Какие трудности это ей создаст? Какие преимущества можно будет из этого извлечь? Видно, Свет помог ей. Эти мысли первыми пришли ей на ум. Ей бы хотелось, чтобы Шириам вытерла глаза и набралась мужества. Она была Престолом Амерлин и нуждалась в Хранительнице Летописей, а не в мямле.

Потребовалось несколько минут, чтобы присутствующие пришли в себя. Восседающие без особой нужды поправляли одежды и разглаживали юбки, избегая взглядов друг друга и намеренно не глядя на сестер, столпившихся за скамейками. Лица иных Восседающих покрылись

краской, но уже не от гнева. Восседающие не кричат друг на друга, словно скотники на стрижке овец. *Особенно* — в присутствии других сестер.

— Мы столкнулись с двумя непреодолимыми на первый взгляд проблемами, — наконец заявила Морайя. Ее голос снова был собран и холоден, но на щеках горел легкий румянец.

— Отрекшиеся изобрели оружие — изобрели или открыли вновь; они наверняка применили бы его раньше, владей они им. И этому оружию мы ничего не можем противопоставить. У нас нет достойного ответа, хотя Свет знает, зачем нам бы хотелось

его иметь, но важней, что мы не можем ни остаться в живых, ни остановить, если оно будет применено. В то же время... Аша'маны растут в числе, точно сорняки. Надежные источники оценивают их численность почти как равную числу всех живущих ныне Айз Седай. Хотя цифра эта и завышена, не стоит надеяться, что она завышена чрезмерно. И ежедневно количество мужчин возрастает. «Глаза-и-уши» говорят об этом со всей определенностью. Нам следовало бы схватить этих мужчин и, разумеется, укротить их, но мы не обращали на них внимания из-за Возрожденного Дракона. Мы

откладывали это дело, чтобы заняться ими позже. Горькая правда состоит в том, что сейчас может быть поздно ловить их. Их слишком много. Возможно, слишком поздно было уже тогда, когда мы впервые слышали о них. Но если невозможно укротить, то надо их хотя бы как-то контролировать. Соглашение с Черной Башней — слово «союз» мне кажется слишком сильным, — тщательно оговоренное соглашение, стало бы первым шагом к защите мира. Мы можем также включить их в наши круги.

Предупреждающе подняв палец, Морайя пробежала взглядом по скамьям, но голос ее остался

холодным и спокойным. И твердым.

— Надо подчеркнуть, что потоками всегда будут управлять сестры (я вовсе не предлагаю позволять мужчине контролировать круг!), но включение в круги мужчин сможет расширить их. С благословения Света, возможно, мы усилим круги настолько, что сумеем противостоять оружию Отрекшихся. Мы убьем одним камнем двух зайцев. Только мы имеем дело не с зайцами, а со львами, и если мы не бросим камень, один из львов непременно сожрет нас. Это очевидно.

Наступила тишина. По крайней мере, молчали все, кроме Ши-риам. Она стояла сгорбившись в

нескольких футах от Эгвейн и по-прежнему не могла совладать с рыданиями.

Потом тяжело вздохнула Романда.

– Возможно, мы и усилим круги так, чтобы противостоять Отрекшимся, – сказала она негромко. И это придало куда большее значение ее словам, чем если бы она стала кричать. – Возможно, мы сможем контролировать Аша'манов. В любом контексте слово «возможно» неубедительно.

– Утопающий, – ответила Морайя столь же тихо, – хватается и за соломинку, хоть и не верит, что она сможет удержать его. Вода еще

не сомкнулась над нашими головами, Романда, однако мы тонем. Тонем.

И снова наступила тишина, если не считать всхлипов Шириам. Она что, совсем забыла о самоконтроле? Впрочем, ни у кого из Восседающих выражение лица не было приятным. Ни у Морайи, ни у Майлинд, ни у Эскаральды... Перед ними открывалась не слишком приятная перспектива. Лицо Деланы приобрело зеленоватый оттенок. Она выглядела словно ей сейчас станет дурно, скорее, чем Шириам.

Эгвейн снова встала, чтобы задать требуемый вопрос. Даже если и предлагалось немыслимое, надо соблюдать ритуал. И в такой

ситуации даже больше, чем в любой другой.

— Кто выскажется против предложения?

Недостатка в желающих выступить не было, но все достаточно образумились, чтобы следовать протоколу. Несколько Восседающих одновременно стали вставать, однако первой на ногах оказалась Магла, и остальные уселись, не выразив внешне никакого нетерпения. За ней последовала Фэйзелле, а за ней — Варилин. Затем встала Саройя и, наконец, Такима. Каждая говорила подолгу, Варилин и Саройя приблизились к запрещенным речам, и каждая

говорила со всем доступным ей красноречием. Никто из не обладающих необходимым красноречием не достигал места Восседающей. Но все равно скоро стало очевидным, что они просто повторяют одна другую.

Отрекшиеся и их оружие не упоминалось. Темой обсуждения Восседающих была Черная Башня, Черная Башня и Аша'маны. Черная Башня была нарывом на лице земли и почти столь же страшной угрозой миру, как и сама Последняя Битва. Самое ее название предполагало связь с Тенью, не говоря уже о намеренной издевке над Белой Башней. Так называемые Аша'маны

были мужчинами, способными *направлять* Силу. Никто не употребил слово «Аша'маны», не добавив «так называемые», или без фырканья. На Древнем Языке слово означало «защитник», а они были *чем угодно*, только не защитниками. Мужчины, обреченные на безумие, если мужская половина Силы не убивала их сразу. Безумцы, владеющие Единой Силой. От Маглы до Такихмы каждая расписывала эту тему со всеми ужасами. Три тысячи лет ужаса мира, а перед тем еще и Разлом Мира. Подобные им мужчины *разрушили* мир, погубили Эпоху Легенд и изменили лик мира в сторону опустошения. Вот с кем

предлагалось заключить *союз*. Если это случится, во всех странах их предадут анафеме, и это будет лишь справедливо. Каждая Айз Седай станет презирать их, и это будет лишь справедливо. Может, и так. А *может*, и нет.

Когда Такима наконец села, аккуратно накинув шаль на руки, на ее лице играла слабая, но вполне удовлетворенная улыбка. Вместе им удалось представить Аша'манов более ужасающими, более опасными, чем Отрекшиеся и Последняя Битва, взятые вместе. Может, равными самому Темному.

Раз уж Эгвейн начала задавать ритуальные вопросы, ей надлежало и

завершать церемонию, и она встала, чтобы сказать:

– Кто за соглашение с Черной Башней? – Она думала лишь о том, что перед этим в шатре наступила тишина. Шириам наконец прекратила рыдать, хотя слезы все еще блестели у нее на щеках, а когда она сглотнула, в наступившей за вопросом тишине звук прозвучал подобно крику.

Улыбка Таимы исчезла, когда сразу вслед за вопросом поднялась Джания.

– Пусть хрупкая соломинка, это все же лучше, чем ничего, когда тонешь, – сказала она. – Я бы предпочла попробовать, чем

надеяться невесть на что, пока не уйдешь под воду. — У нее была привычка говорить тогда, когда от нее этого не ожидали.

Поднялась сидевшая рядом с Майлинд Самалин, а потом будто прорвало. Салита, Берана и Аледрин встали одновременно, а Ква-меза промедлила лишь на мгновение. Девять Восседающих стояли, и время словно замедлило свой бег. Эгвейн осознала, что кусает губы, и поспешно прекратила, надеясь, что никто этого не заметил. Она все еще чувствовала ощущение и надеялась, что не прокусила губы до крови. Но никто не смотрел на нее. Казалось, все затаили дыхание.

Романда сидела, хмурясь на Салиту, которая смотрела прямо перед собой, с серым лицом и подрагивающими губами. Сестра-тай-ренка не сумела скрыть свой страх, однако все же шла вперед. Романда медленно кивнула, а затем встала, ко всеобщему изумлению. Она тоже решила поправить традицию.

— Иногда, — сказала она, глядя прямо на Лилейн, — надо делать то, чего делать не следует.

Лилейн встретила взгляд седовласой Желтой, не моргнув. Ее лицо будто было вылеплено из фарфора. Ее подбородок медленно поднялся. И внезапно она встала, бросив нетерпеливый взгляд на

Лирелле, которая на мгновение устояла на ней, прежде чем вскочить на ноги.

Все были в изумлении. Никто не издал ни звука. Свершилось.

Во всяком случае почти. Эгвейн прочистила горло, стараясь привлечь внимание Шириам. Следующая часть ритуала — за Хранительницей Летописей, но Шириам стояла, размазывая слезы по щекам и обегая взглядом скамейки, словно пытаясь сосчитать, сколько из Восседающих стояло, и надеялась, что обсчиталась. Эг-вейн прочистила горло громче, и зеленоглазая женщина вздрогнула и обернулась к ней. Даже теперь будто прошла вечность, прежде чем

Шириам вернулась к своим обязанностям.

— Малым согласием решено, — объявила она неуверенным голосом, — заключить соглашение с... с Черной Башней. — Глубоко вздохнув, она распрямилась, и ее голос обрел силу. — В интересах единства я призываю к большому согласию. Пусть встанут все.

То был убедительный призыв. Даже в делах, которые могли быть решены малым согласием, всегда предпочтительно единогласие, к нему всегда стремились. Часы обсуждения, дни, могли уйти на его достижение, однако усилия не прекращались, пока каждая

Восседающая не соглашалась или не было совершенно очевидно, что согласия не будет. Убедительный призыв, толкающий встать каждую женщину. Делана поднялась, неуверенно глядя по сторонам, словно марионетка, которую тянули против ее воли.

— Я не могу согласиться с этим, — сказала Такима наперекор всему этикету. — Что бы кто ни говорил, сколько бы мы ни сидели, я не могу и не встану. Я — не — соглашусь!

Никто больше не встал. Фэйзелле поерзала по скамье, двинулась, словно наполовину встав,правила шаль, снова дернулась,

пытаясь подняться. Большого движения не сделал никто. Саройя кусала пальцы с выражением ужаса на лице, а Варилин выглядела как женщина, которую ударили молотком меж глаз. Магла вцепилась в края скамьи, удерживая себя на месте и уныло глядя на ковры перед собой. Очевидно, она осознавала, какой взгляд сейчас устремила ей в затылок Романда, но ответила лишь тем, что сгорбила плечи.

Такима должна была положить всему этому конец. Бессмысленно искать большого согласия, если кто-то явно говорил, что не встанет. Но Эгвейн решила сама нарушить внешние приличия и протокол.

– Кто-нибудь считает, что она должна теперь покинуть заседание и свое кресло? – спросила Эгвейн звонким и громким голосом.

Прерывистое вздохи пронеслись по шатру, но она затаила дыхание. Это могло потрясти их, но лучше выяснить все в открытую сейчас, раз уж этому суждено случиться. Саройя дико посмотрела на нее, но никто не шелохнулся.

– Тогда продолжаем, – сказала Эгвейн. – Осторожно. Понадобится некоторое время, чтобы решить, кто именно должен будет вести переговоры с Черной Башней и что они должны будут сказать. – Время для нее создать некие гарантии. О

Свет, ведь она собиралась за это бороться. — Во-первых, есть ли предложения по нашему... посольству?

Глава 20. В ночи

Задолго до окончания заседания, несмотря на подложенный под себя плащ, Эгвейн совершенно одеревенела от сидения на жесткой скамье. Наслушавшись бесконечных обсуждений, она предпочла бы, чтобы у нее одеревенели уши. Шириам, вынужденная стоять, начала переминаться с ноги на ногу, желая присесть на стул. Или просто усесться на ковер. Эгвейн могла уйти, освободив и себя, и Шириам. Ничто не вынуждало Амерлин остаться, и в лучшем случае ее замечания вежливо выслушивали.

После чего Совет мчался в свою сторону. Это не имело ничего общего с войной, и, закусив удила, Совет не собирался давать Эгвейн возможности держать поводья. Она могла выйти в любое время — в обсуждении было несколько коротких перерывов на необходимые церемонии, — но, поступи она так, первым делом утром она получила бы полностью разработанный план, который Восседающие уже претворяли в жизнь, а у нее не было бы ни малейшего представления о его содержании до прочтения документа. По крайней мере именно этого она опасалась вначале.

Не удивляло, кто говорил дольше

всех. Магла и Саройя, Таки-ма, Фэйзелле и Варилин, и каждая заметно волновалась, когда слово давали другой. О, они приняли решение Совета, хотя бы внешне. Им не оставалось ничего иного, разве что отказаться от своих постов. Как бы ни хотел Совет сражаться за согласие, когда курс действий избран, каким бы то ни было согласием, *каждая* должна следовать ему или по крайней мере не мешать. В том и была загвоздка. Что именно расценивать как помеху? Ни одна из пятерых, конечно, не говорила ничего против Восседающих своей Айя, однако остальные четверо вскакивали сразу, как только

Восседающая садилась на место, а если она была Голубой, вскакивали все пятеро. И, кто бы из них ни получал слово, говорили очень убедительно, почему предложение предыдущего оратора совершенно неправильно, а возможно, является даже путем к катастрофе. И в этом не было признаков настоящего сговора, насколько могла судить Эгвейн. Они смотрели друг на друга столь же враждебно, сколь и на остальных, хмурились так же, если не сильнее, и не доверяли ничьим аргументам.

В любом случае, лишь немногое из предлагаемого доходило до утверждения. Восседающие не могли договориться о том, сколько сестер

следует послать в Черную Башню, по
скольку от каждой Айя, когда их
следует отправить, что они должны
требовать, с чем им дозволено будет
согласиться, а что надлежит
полностью отвергнуть. В столь
деликатном деле любая ошибка
могла привести к катастрофе.
Вдобавок ко всему каждая Айя,
кроме Желтой, считала, что только
она единственно достойна
возглавить миссию. Квамеза
настаивала, что целью переговоров
является заключение своего рода
договора, а Эскаральда заявляла, что
для столь беспрецедентного
действия необходимы исторические
познания. Берана даже указала, что

соглашение такого рода должно быть достигнуто только рационально. Общение с Аша'манами несомненно воспламенит страсти, а все, кроме холодной логики, в таком вопросе влечет за собой катастрофические последствия. На самом деле она слишком разгорячилась из-за этого. Романда хотела, чтобы посольство возглавила Желтая, но, поскольку сейчас сложно предусмотреть необходимость в Исцелении, ее выступление свелось к упорному повторению того, что любой другой может попасть под влияние особых интересов своей Айя и забыть цель всего мероприятия.

Восседающие из одной Айя

поддерживали друг друга лишь тем, что открыто не возражали, и не было двух Айя, готовых согласиться друг с другом, за исключением того факта, что они приняли решение отправить посольство в Черную Башню. Хотя и само название «посольство» оставалось спорным, даже среди тех, кто с самого начала выступал за него. Сама Морайя казалась растерянной от такой идеи.

Не одна Эгвейн считала непрерывное выдвижение аргументов и контраргументов утомительным, рассчитанным на то, что ничего не оставалось, как начинать каждый раз с самого начала. Сестры, стоявшие позади

скамей, уходили из шатра. Другие занимали их места, чтобы в свою очередь удалиться спустя несколько часов. К тому моменту, как Шириам наконец произнесла: «Во имя Света, теперь разойдемся», спустилась ночь, и кроме Эгвейн и Восседающих в шатре осталось лишь несколько дюжин сестер, иные из которых пошатывались, словно их, наподобие мокрых простыней, пропустили через отжимной каток. И ничего не было решено, за исключением того, что необходимо все еще раз обсудить перед тем, как что-либо будет решено.

Снаружи в бархатно-черном небе висел бледный полумесяц,

окруженный россыпью мерцающих звезд, а воздух был пронзительно холодным. От дыхания в темноте клубились султанчики тумана. Эгвейн удалялась от шатра Совета, с улыбкой слушая, как расходятся, продолжая спорить, Восседающие. Романда и Лилейн шли вместе, но чистый высокий голос Желтой сестры опасно приближался к крику, да и голос Голубой не отставал. Они обычно спорили, оказавшись друг с другом, но Эгвейн впервые видела, что они предпочли такое общество, хотя могли от него отказаться. Шириам почти искренне предложила принести отчеты по ремонту повозок и фуражу, которые у нее были

затребованы утром. Однако эта усталая женщина не скрывала облегчения, когда Эгвейн отослала ее спать. С торопливым реверансом она растворилась во тьме, запахивая плащ. Большинство палаток стояли темными, подобные теням в лунном свете. Мало кто из сестер бодрствовал после наступления ночи. Масла для ламп и свечей всегда недоставало.

Сейчас отсрочка вполне устраивала Эгвейн, но то была не единственная причина для ее улыбки. В какой-то момент спора ее головная боль совершенно исчезла. В эту ночь ничто не затруднит ее отход ко сну. Халиме удавалось избавить ее

от головной боли, но сны ее после массажа всегда бывали беспокойными. Ну, иные из снов, конечно, бывали светлыми, однако эти становились мрачнее, чем любые другие, и, как ни странно, она никогда не могла вспомнить их, кроме того, что они *были* мрачными и тревожными. Несомненно, это происходило из-за неких остатков боли, которых не могли достичь пальцы Халимы, но все же это само по себе волновало. Эгвейн научилась вспоминать каждый сон. Она должна была помнить каждый сон. И вот теперь, без головной боли, у нее не будет проблем, со сновидениями по крайней мере.

Подобно Совету и ее кабинету, палатка Эгвейн стояла среди небольшого пустого пространства, к ней вели отдельные деревянные мостки. Ближайшие палатки стояли в дюжине спанов от нее, чтобы создать Амерлин некую приватность. Во всяком случае, именно так предполагалось при планировке. И теперь это могло быть правдой. Эгвейн ал'Вир несомненно больше не была ненужной. Палатка была небольшой, меньше четырех шагов вдоль стороны, и заставлена изнутри. Четыре окованных медью сундука с одеждой стояли вдоль одной из стенок, кроме них здесь стояли две походные койки, крошечный круглый

столик, бронзовая жаровня, умывальник, высокое зеркало, один из немногих настоящих стульев в лагере. Простой, с небогатой резьбой, занимавший слишком много места, он все же был очень удобен, и истинной роскошью было читать, сидя на нем скрестив ноги. Когда у Эгвейн оставалось время для чтения чего-нибудь приятного. Вторая кровать предназначалась для Халимы, и она удивилась, что той еще нет. Однако палатка не была пуста.

— Вы ничего не ели, кроме хлеба на завтрак, Мать, — сказала Чеза несколько упрекающим тоном, когда Эгвейн вошла через откинутые

полога палатки. Крепкая, в простом сером платье, горничная Эгвейн сидела на парусиновом стуле, штопая чулки при свете масляной лампы. Она была хорошенькой, седина еще не прокралась в ее волосы, но иногда казалось, что Чеза прислуживает ей целую вечность, а не с Салидара. Конечно, у нее были все привилегии старой служанки, включая и право бранить хозяйку. — Насколько я знаю, вы ничего не ели с полудня, — продолжала она, держа белоснежный чулок, чтобы рассмотреть заплату, сделанную на пятке. — А ваш обед остыл на столе уж час назад. Никто меня не спрашивает, но спросили б — я бы сказала, что все ваши мигрени —

от недоедания. Вы слишком тощая.

С этими словами она отложила чулок поверх корзины с рукоделием и встала принять плащ у Эгвейн. И воскликнула, что Эгвейн холодна как ледышка. Вот и еще причина для мигрени, по ее мнению. Айз Седай расхаживали, не обращая внимания ни на ледяную стужу, ни на удушающую жару, но тело-то все равно знало об этом. Лучше укутаться потеплее. И носить красное. Все знают, что красное — самое теплое. И поесть — тоже помогает. На пустой желудок всегда пронимает дрожь. Вот ее никогда не видели дрожащей.

— Спасибо, Мать, — весело

ответила Эгвейн, заслужив мягкий смешок. И удивленный взгляд. Несмотря на все послабления, Чеза была поборником пристойности, рядом с ней Аледрин казалась небрежна. По духу по крайней мере, если уж не по букве. — У меня нынче не болит голова, спасибо за твой чай. — Возможно, дело и вправду было в чае. Каким бы противным на вкус он ни был, это не хуже, чем просидеть все заседание Совета, длящееся добрые полдня. — Да я не слишком и голодна, по правде. Булочки будет достаточно.

Конечно, все было не так просто. Отношения между госпожой и служанкой никогда не бывают

простыми. Живешь рука об руку, она видит тебя с худшей стороны, знает все твои недостатки и слабости. От горничной не спрячешь ничего. Чеза все время бормотала что-то себе под нос, помогая Эгвейн разоблачиться, а затем и укутаться в халат – красного шелка, окаймленный пенным мурандйским кружевом и расшитый летними цветами, подарок от Анайи.

Затем Эгвейн позволила снять льняную скатерть, укрывавшую поднос, стоявший на маленьком круглом столике.

Чечевичная похлебка в чаше загустела, но немного направления помогло справиться с этим, и с первой ложкой Эгвейн обнаружила,

что аппетит у нее все-таки есть. Она съела все до крошки, и кусок белого с голубыми прожилками сыра, и несколько сморщившихся оливок, и две хрустящие коричневые булочки, хотя из них и пришлось вынимать долгоносиков. Ей не хотелось слишком рано ложиться спать, так что она выпила лишь один бокал вина с пряностями, которое тоже нуждалось в подогреве и чуточку горчило, но Чеза сияла от одобрения, словно Эгвейн подчистила поднос. Оглядев блюда, пустые, если не считать косточек от оливок да крошек, она осознала, что так оно и было.

Эгвейн устроилась на своей

узкой койке, накрывшись двумя мягкими шерстяными одеялами и гусиной периной, натянутой до подбородка, а Чеза тем временем убрала поднос и остановилась у выхода из палатки.

— Хотите ли вы, чтобы я вернулась, Мать? Если у вас случится мигрень..... Да, видно, та женщина нашла себе компанию, а то бы

давно появилась. — В словах о «той женщине» звучало открытое презрение. — Я могу заварить еще чайник того чая. Я добыла его у коробейника, который сказал, что это лучшее средство от мигреней. Да и от суставов, и желудочных

расстройств.

— Ты и впрямь думаешь, что она такая ветреница, Чеза? — пробормотала Эгвейн. Почти согревшись под покрывалами, она почувствовала сонливость. Ей хотелось спать, но еще не теперь. Мигрени, и суставы, и желудок? Найнив смеялась бы до слез, услышав такое. В конце концов, может, ее головную боль разогнала вся эта болтовня Восседающих. — Халима заигрывает, но не думаю, чтобы у нее когда-то заходило дальше флирта.

Чеза помолчала, поджав губы.

— Она — заставляет меня тревожиться, Мать, — произнесла она

наконец. — С Халимой что-то
неладно. Я это чувствую все время,
когда она рядом. Словно кто-то
подкрадывается ко мне сзади, или
словно мужчина подглядывает,
как я купаюсь,
или..... — Она рас-
смеялась, но смех был
нервный. — Не знаю я, как это
описать. Про-
сто неладно.

Эгвейн вздохнула и поплотнее
укуталась.

— Доброй ночи, Чеза. — Быстро
направив Силу, она погасила лампу,
погрузив палатку в крошечную
тьму. — Ты спи сегодня в своей
кровати. — Халима расстроится, если

придет и обнаружит кого-то на своей койке. Неужто она действительно сломала руку мужчине? Тот *должен был* как-то ее спровоцировать.

Ей хотелось сегодня увидеть сны, спокойные сны — по крайней мере такие, какие она могла бы вспомнить. Лишь немногие из ее снов можно было бы назвать спокойными. Однако сперва ей надлежало войти в другой тип сна, но для этого ей требовалось некоторое время, после того как она уснет. Не нуждалась она и в *тер'анг-риалах*, которые столь тщательно охранял Совет. Соскользнуть в легкий транс было ничуть не сложнее, чем решить сделать это, тем

более она так устала и...

...бестелесная, плыла она в бескрайней тьме, окруженная бескрайним морем огоньков, огромный водоворот крошечных точек, сияющих ярче, чем звезды в ясную ночь, более многочисленные, чем звезды. То были сны всех людей мира, людей всех миров, что были или могли быть, иные из миров были столь странными, что она даже не пыталась постичь их. Все они были видны здесь, в узкой щелке меж *Тел'аран'риодом* и бодрствованием, в бесконечном просторе меж явью и сном. Иные из снов она узнавала с первого взгляда. Они все выглядели одинаково, однако она отличала их

столь же уверенно, как лица сестер. Иных она избегала. Сны Ранда всегда были закрыты щитом, и она опасалась, что он может узнать о попытке вторжения в них. Все равно щит не позволит ей ничего увидеть. К сожалению, она не могла сказать, где находился тот, кто видел сон. Здесь две световые точки могли плыть рядом, а тела их разделяли тысячи миль. Ее потащили сны Гавина, и она спаслась бегством. В его снах таились свои опасности, отчасти из-за того, что половина ее существа стремилась погрузиться в них. Сны Найнив дали ей передышку и желание вложить в глупую женщину боязнь Света. Однако

Найнив до сих пор удавалось не обращать на нее внимания, а Эгвейн не хотела опускаться до того, чтобы тащить ее в *Тел'аран'риод* против воли. Такое проделывали Отрекшиеся. И это было искушением.

Двигаясь и не двигаясь, она искала одну из сновидцев. Одну из двух, подойдет любая. Огоньки кружили вокруг, пролетали, сливаясь в полосы, пока она неподвижно плыла в этом звездном море. Она надеялась, что хоть одна из тех, кого она выискивала, уже уснула. Свет знает, уже достаточно поздно для любого. Смутно осознавая свое тело в реальном мире, она заметила, что

зевнула и поджала ноги под покрывами.

Затем Эгвейн увидела ту светящуюся точку, которую искала. Та проплывала в поле ее зрения, и она ринулась к ней, так что та превратилась из звездочки на небе в полную луну, а затем в мерцающую стену, которая заполнила все и пульсировала подобно живой. Конечно, она не прикоснулась к ней, это могло привести к любым осложнениям, в том числе и со сновидцем. Кроме того, случайное попадание в чей-либо сон может смутить. Когда между ней и сном оставалось пространство не толще волоса, она остановилась усилием

воли и осторожно заговорила, чтобы ее голос не был услышан как крик. У нее не было ни тела, ни рта, но все же она говорила.

— Илэйн, это Эгвейн. Встреть меня на обычном месте. — Она не думала, что кто-то сможет подслушать без того, чтобы она не узнала об этом, но все же не стоило говорить подробнее.

Огонек мигнул, погас. Илэйн пробудилась. Но она вспомнит и будет знать, что голос не был всего лишь частью сна.

Эгвейн двинулась^ в сторону. Возможно, это больше походило на шаг, в котором она замерла посередине. Похоже было и на то и

на это. Она двинулась и...

...она стояла в небольшой комнате, пустой, если не считать поцарапанного деревянного стола и трех стульев с прямыми спинками. В двух окнах была видна лишь ночная тьма, но существовало и странной природы освещение. Оно не было похоже ни на свет лампы, ни солнца, ни луны. Оно не исходило ниоткуда, но все же существовало. И его вполне хватало, чтобы ясно разглядеть эту печальную комнатку. Пыльные панели на стенах были изъедены жуками, разбитые оконные стекла позволяли снегу ложиться поверх веточек и прошлогодней листвы. По крайней мере, иногда на полу бывал

и снег, и кучки ветвей и листьев. Стол и стулья стояли на своих местах, но когда она переводила взгляд, снег иногда исчезал, а ветви и бурые листья оказывались на другом месте, словно перенесенные ветром. Иногда они перемещались, даже пока она смотрела на них, – вот они здесь, а вот уже там. Это уже не казалось ей более странным, чем ощущение, что за тобой наблюдают невидимые глаза. Все это не было вразумительным, просто так устроен *Тел'аран'-риод*. Отражение сна и яви, перемешанных друг с другом.

Повсюду в Мире Снов ощущалась пустота, но эта комната казалась совсем пустой, подобное

ощущение способно создать лишь место, которое действительно покинуто в мире яви. Несколько месяцев назад эта комнатка была кабинетом Амерлин, гостиницу, где она находится, называли Малой Башней, деревушка же носит название Салидар. Она была отвоєвана у разросшегося леса и являлась средоточием сопротивления Элайде. Выйди теперь наружу, она бы увидела молодые деревца, пробившиеся посреди улиц, которые некогда были с такими трудами расчищены. Сестры все еще Перемещались в Салидар, чтобы посетить голубятни, в опасении, что голубь, посланный одним из «глаз-и-

ушей», попадет в чужие руки, однако делали это лишь в мире яви. Здесь бесполезно идти на голубятню, как и мечтать о том, чтобы голуби чудом нашли тебя. У прирученных животных, похоже, не было отражений в Мире Снов, и ничто из того, что совершалось здесь, не могло поколебать мир яви. У сестер, получивших в пользование *тер'ангриал*, для хождения по снам были другие места для посещения, помимо заброшенной деревушки в Алтаре, и, конечно, ни у кого больше не было особых причин являться сюда во сне. Здесь было одно из мест, где Эгвейн могла быть уверена, что никто не застанет ее врасплох. В

слишком большом количестве прочих мест оказывались шпионы. Или пронимающая до мозга костей тоска. Она не могла смотреть на то, что случилось с Двуречьем с тех пор, как она покинула родные края.

Ожидая появления Илэйн, она постаралась подавить нетерпение. Илэйн не умела сама ходить по снам, ей необходимо использовать *тер'ангриал*. И она, без сомнения, захочет сообщить Авиенде, куда направляется. И все же, пока тянулись минуты, Эгвейн раздраженно расхаживала по неструганым половицам. Время здесь текло иначе. Час в *Тел'аран'риоде* мог равняться

нескольким минутам в мире яви, но могло быть и наоборот. Илэйн могла нестись со скоростью ветра. Эг-вейн проверила одеяния, серое дорожное платье с замысловатой зеленой вышивкой на лифе и на широких полосах юбок-штанов — думала ли она о Зеленой Айя? — и простая серебряная сетка на волосах. Конечно, длинный узкий палантин Амерлин был на шее. Она заставила его исчезнуть, затем, спустя мгновение, позволила ему вернуться. Это действительно было позволением вернуться, без осознанных мыслей об этом. Теперь палантин был частью ее представления о себе, и именно

Амерлин нужно было поговорить с Илэйн.

Женщина, которая внезапно возникла наконец в комнате, была не Илэйн, а Авиенда. Она неожиданно нарядилась в расшитый серебром голубой шелк, со светлым кружевом на запястьях и у горла. Тяжелый браслет резной драгоценной кости на руке казался настолько же не к месту с этим платьем, насколько и сонный *тер'ан-гриал*, свисавший с шеи на кожаном шнурке. Он представлял собой странно перекрученное каменное кольцо с цветными крапинками.

— Где Илэйн? — взволнованно спросила Эгвейн. — С ней все в

порядке?

Айилка удивленно посмотрела на себя, и внезапно она оказалась в темной громоздкой юбке и белой блузке, с темной шалью, накинутой на плечи, и темной косынкой, повязанной на голове, чтобы удержать рыжеватые волосы, которые ниспадали до пояса и были длиннее, чем в жизни, как подозревала Эгвейн. Все в Мире Снов было изменчиво. На шее Авиенды появилось серебряное ожерелье, сложное плетение нитей с затейливо изготовленными дисками, которые кандорцы называли снежинками, дар от самой Эг-вейн, сделанный очень давно.

— Она не сумела справиться, — сказала Авиенда, и браслет резной кости скользнул по ее запястью, когда она прикоснулась к перекрученному кольцу, по-прежнему висевшему на кожаном ремешке, который теперь проходил над ожерельем.

— Потоки продолжают ускользать от нее. Из-за младенцев. — Она внезапно улыбнулась. Ее изумрудные глаза почти сияли. — У нее иногда поразительно вспыльчивый нрав. Она бросила кольцо и стала на нем прыгать.

Эгвейн вздохнула. Младенцы? Значит, ребенок не один. Как ни странно, Авиенда спокойно

восприняла то, что Илэйн беременна, хотя Эгвейн была убеждена, что и она влюблена в Ранда. Сказать, что у Айил странные обычаи, значит ничего не сказать. Однако Эг-вейн не подумала бы такого об Илэйн! И Ранд! Никто вообще-то не говорил, что отец — он, и едва ли она могла спросить у кого-нибудь, но она умела считать, и *весьма* сомневалась, что у Илэйн был другой мужчина. Она осознала, что на ней плотная шерстяная одежда, темная и тяжелая, и шаль, намного более толстая, чем та, что у Авиенды. Добрые одеяния Двуречья. Так одевались, чтобы сидеть в Круге Женщин. Допустим, когда какая-

нибудь глупышка собиралась родить ребенка, однако не собиралась выходить замуж. Глубокое, расслабляющее дыхание, и вот уже она снова в своем дорожном платье с зеленой вышивкой. Остальной мир не был таким, как Двуречье. Свет, далеко же она зашла, чтобы понять это. Такое положение вещей не должно было ей нравиться, однако ей приходилось мириться с ним.

— Пока и она, и _ младенцы благополучны. — Свет, сколько же их? Больше одного может составить проблему. Нет, она не станет спрашивать. У Илэйн, конечно, была лучшая повивальная бабка в Кэймлине. Лучше поскорее поменять

тему разговора. — Слышно ли что-нибудь от Ранда? Или от Найнив? Мне есть что ей сказать, после такого бегства с ним.

— Мы ничего про них не слышали, — ответила Авиенда, оправляя свою шаль столь же тщательно, как многие из Айз Седай, чтобы избежать взгляда Амерлин. Был ли и ее тон осторожен?

Эгвейн прищелкнула языком в досаде на себя. Она и впрямь начала повсюду видеть заговоры и подозревать каждого. Ранд затаился, так. Найнив — Айз Седай и вольна поступать, как ей вздумается. Даже когда Амерлин отдавала приказы, Айз Седай

зачастую

находили возможность сделать так, как они хотели. Но Амерлин все еще предполагала круто обойтись с Найнив ал'Мира, попадись ей

та в руки. А что до Ранда.....

— Боюсь, тебя подстерегают опасности, — сказала Эгвейн.

На столе появился изящный серебряный чайник, стоящий на чеканном серебряном подносе вместе с двумя хрупкими чашечками зеленого фарфора. Из носика поднимался султанчик пара. Она могла сделать так, чтобы чай появился уже разлитым по чашечкам,

однако разливать чай было частью церемонии его предложения, пусть даже речь шла об эфемерном чае, не более реальном, чем сон. Можно умереть от жажды, пытаясь напиться найденным в *Тел'аран'риоде*, но этот чай обладал вкусом листьев, взятых из нового бочонка, и количество добавленного меда было идеальным. Присев на один из стульев, она отпила из своей чашечки, объясняя, что и почему случилось в Совете.

После первых слов Авиенда взяла свою чашку кончиками пальцев, однако не пила, лишь не моргая смотрела на Эгвейн. Ее темные юбки и светлая блуза превратились в *кадин'сор*, куртку и

штаны серого с коричневым цветом, незаметных в тени. Ее длинные волосы неожиданно стали короче и спрятаны под *шуйфой*, черной вуалью, спускающейся на грудь. Не соответствуя ничему, браслет резной кости по-прежнему находился на ее запястье, хотя Девы Копья не носили украшений.

— Все это из-за того маяка, который мы ощутили, — пробормотала она, скорее для себя, когда Эгвейн завершила речь. — Поскольку они считают, что у Предавшихся Тени есть оружие. — Станный способ высказываться.

— А что это может быть еще? — спросила Эгвейн. — Сказал ли что-то

кто-нибудь из Хранительниц Мудрости? — Она давно уже не считала, что Айз Седай обладают всеми знаниями, и зачастую

Хранительницы Мудрости выказывали такую осведомленность, которая приводила в изумление самых бесстрастных сестер.

Авиенда нахмурилась, ее наряд вернулся к юбке, блузе и шали, а через мгновение — к голубому шелку и кружевам, на сей раз и с ожерельем из Кандора, и с браслетом резной кости. И конечно, кольцо сна оставалось на своем шнурке. На плечах возникла шаль. В комнате было по-зимнему холодно, однако не похоже, чтобы тонкий слой светло-

голубых кружев мог как-то согреть.

— Хранительницы Мудрости столь же не уверены, сколь и твои Айз Седай. Не настолько, впрочем, напуганы. Жизнь — лишь сон, и каждый рано или поздно просыпается. Мы ведем танец с копьями с Губителем Листьев. — Это прозвище Темного всегда казалось Эгвейн странным, поскольку пришло оно из Пустыни, лишенной деревьев. — Однако никто из вступающих в танец не может быть уверен, останется в живых он или победит. Я не думаю, что Хранительницы Мудрости станут рассматривать возможность какого-либо союза с Аша'манами. Мудро ли

это? — добавила она осторожно. — Из того, что ты сказала, я не могу понять, хочешь ли ты этого.

— Я не вижу другого выбора, — неохотно ответила Эгвейн. — Та яма в поперечнике имеет три *мили*. И это — единственная надежда, которую я вижу.

Авиенда уставилась в свой чай.

— А что, если у Предавшихся Тени нет никакого оружия? Внезапно Эгвейн поняла, что делает другая женщина. Авиенда

готовилась стать
Хранительницей Мудрости, и
независимо от одеяний она *была*
Хранительницей Мудрости.
Вероятно, в этом была и причина

появления шали. Часть Эгвейн хотела улыбнуться. Ее подруга изменилась с тех пор, как была горячей Девой Копья, с которой она некогда познакомилась. Другая ее часть помнила, что Хранительницы Мудрости не всегда преследуют те же цели, что и Айз Седай. То, что сестры ценили больше всего, зачастую не имело для Хранительниц Мудрости никакого значения. Ее опечалило то, что вместо подруги она вынуждена думать об Авиенде как о Хранительнице Мудрости. О Хранительнице Мудрости, которая понимала, что будет лучше для Айил, а не для Белой Башни. И все равно то

был хороший вопрос.

— Нам все равно рано или поздно придется иметь дело с Черной Башней, Авиенда. Морайя права, Аша'манов уже слишком много, чтобы даже надеяться укротить их всех. Если бы мы и решились укротить их перед Последней Битвой. Может, сон покажет мне какой-то иной путь, но пока мне не удавалось его увидеть. — Ни один из ее снов пока не дал хоть *чего-нибудь* полезного. Ну, не совсем. — Это дает нам хотя бы начало, чтобы иметь дело с ними. В любом случае, это случится. Если Восседающие смогут согласиться с чем-то еще кроме того, что они

должны попытаться прийти к соглашению. Так что нам придется с этим смириться. В итоге это может оказаться и к лучшему.

Авиенда улыбнулась в чашку. Не насмешливо; почему-то казалась, что она вздохнула с облегчением. Однако голос ее был серьезен.

— Вы, Айз Седай, всегда думаете, что мужчины глупы. А частенько это не так. По крайней мере чаще, чем вам кажется. Будьте осторожнее с этими Аша'манами. Мазрим Таим совсем не дурак, и я думаю, что он весьма опасен.

— Совет осознает это, — сухо сказала Эгвейн. То, что он опасен, было несомненно. Но стоило

подчеркнуть и другое. — Я даже не знаю, зачем мы говорим об этом. Это вне моей власти. Важно, что сестры могут решить, что раз уж мы все равно собираемся вести переговоры, то Черная Башня больше не является причиной того, чтобы нам оставаться вне Кэймлина. На следующей неделе или завтра, но ты еще увидишь, как появляются сестры, чтобы поглазеть на Илэйн или посмотреть, как идет осада. Надо решить, как сохранить в тайне то, что должно быть сокрыто. У меня есть несколько предложений, надеюсь, у тебя их еще больше.

Замечание о чужих Айз Седай, которые появятся в Королевском дворце, настолько взволновало

Авиенду, что она мгновенно сменила голубой шелк на *кадин'сор*, а затем на шерстяную юбку с блузой из *алгода* и обратно, даже не осознав этого. Ее лицо оставалось настолько спокойным, что это сделало бы честь любой сестре. Ей, конечно, нечего переживать, что посещения Айз Седай обнаружат женщин Родни или пленных *сул'дам* и *дамани* или сделку с Морским Народом, но она была озабочена последствиями, связанными с Илэйн.

Мысли о Морском Народе привели к тому, что появился не только *кадин'сор*, но и круглый щит бычьей кожи с тремя айильскими копьями, которые теперь лежали за

ее стулом. Эгвейн хотела спросить, были ли какие-то особые проблемы с Ищущими Ветер – в смысле: какие-то проблемы, кроме обычных, – но сдержалась. Если Авиенда не стала упоминать об этом, значит, рассчитывала управиться вместе с Илэйн. Наверняка она сказала бы, если бы Эгвейн стоило что-то знать. Или нет?

Вздохнув, Эгвейн поставила чашку на стол, откуда она тут же исчезла, и потерла пальцами глаза. Теперь подозрительность въелась в ее плоть. И едва ли она прожила бы без нее долго. Но не обязательно же всегда действовать в соответствии со своими подозрениями, по крайней

мере со старыми друзьями.

– Ты устала, – сказала Авиенда, снова оказавшаяся в белой блузе, темной юбке и шали, озабоченная Хранительница Мудрости с пронзительными зелеными глазами. – Ты плохо спишь?

– Я сплю хорошо, – солгала Эгвейн, изобразив на лице улыбку. У Авиенды и Илэйн хватало забот и без ее головной боли. – Я не могу больше ничего придумать, – сказала она, вставая. – А ты? Ну что ж, тогда все, – продолжала она, когда та покачала головой. – Пусть Илэйн будет поосторожней. И ты позаботься о ней. И о ее младенцах.

– Хорошо, – сказала Авиенда,

снова в голубых шелках. – Но и ты думай о себе. Мне кажется, ты тратишь слишком много сил. Спи хорошо и просыпайся, – заботливо произнесла она. То был обычай Айил желать доброй ночи. И исчезла.

Эгвейн хмуро смотрела на то место, где исчезла подруга. Она не тратила слишком много сил. А ровно столько, сколько необходимо. Она вернулась в свое тело и обнаружила, что оно крепко спит.

Это не означало, что *она* спит или не совсем означало. Ее тело дремало, дыша глубоко и медленно, но она позволила себе лишь настолько скользнуть внутрь себя, чтобы пришел сон. Она могла просто

подождать, пока проснется, и потом припомнить свои сны, записывая их в маленькую книжечку в кожаном переплете, которую хранила на дне одного из сундуков с одеждой, спрятав под тонкие льняные простыни, которые не станут вынимать до весны. Но если смотреть сны, пока они снятся, то можно сберечь время. Она полагала, что это поможет ей с их расшифровкой. Хотя бы тех, что не были обычными ночными фантазиями.

А их было множество, часто в них появлялся Гавин, высокий красивый мужчина, бравший ее на руки, танцевавший с ней,

занимавшийся с ней любовью. Однажды, несмотря на то что все происходило во сне, она чуть не умерла со стыда из-за мыслей о любви. Она зарделась, когда подумала об этом поутру. Теперь это казалось так глупо, так по-детски. Она сделает его своим Стражем когда-нибудь и как-нибудь, и выйдет за него замуж, и будет заниматься с ним любовью, пока он не попросит пощады. Даже во сне она хихикнула. Другие сны не были такими приятными. Она брела среди толстых деревьев по пояс в снегу, зная что ей необходимо добраться до опушки леса. Но когда она наконец видела, как редели деревья, в мгновение ока

опушка удалялась, а она снова ковыляла в снегу. Или она закатывала громадный мельничный жернов на крутой склон, но каждый раз, как оказывалась почти на вершине, она поскальзывалась, падала и смотрела, как огромный камень скатывается к подножию. Ей приходилось спускаться и начинать все сначала, только с каждым разом гора становилась все выше. Она достаточно знала о снах, чтобы понимать, откуда возникают такие сюжеты, даже если они и не имели особого значения. Кроме того, что она переутомлена, а перед ней стояла бесконечная на вид работа. Однако тут ничего не изменить. Она

ощущала, как тело подергивается от утомительных снов, и постаралась расслабить напряженные мышцы. Такой полусон был немногим лучше, чем полное отсутствие сна. Ее усилия увенчались незначительным успехом. По крайней мере она дергалась только во время сновидения, в котором ее впрягли в повозку, битком набитую Айз Седай, и заставили влечь ее по грязной дороге.

Были и другие сны, ни то ни се.

Посреди деревенской лужайки стоял Мэт, играя в кегли. Крытые соломой крыши представляли смутно, как бывает в сновидениях, – порой крыши оказывались шиферными,

дома иногда становились каменными, иногда деревянными, — но он был совершенно отчетлив, одет в дорожную зеленую куртку и широкополую черную шляпу, как раз такую, в какой был в тот день, когда въехал в Салидар. Больше не было видно ни души. Потерев шар в руках, он коротко разбежался и небрежно катнул его по гладкой траве. Все девять кеглей упали, разлетелись, словно их пнули. Мэт отвернулся и поднял другой шар, а все кегли уже вновь стояли. Нет, это были новые кегли. Старые лежали там, где упали. Он снова кинул шар, играя в ленивые загадочные кегли. Эгвейн захотелось вскрикнуть. Кегли оказались не

просто раскрашенными
деревяшками. То были люди,
стоявшие и смотревшие, как на них
катится шар. Ни один не
шевелинулся, пока тот не разметал
их. Мэт повернулся, чтобы взять еще
один шар. Кегли опять были новыми,
новыми мужчинами, стоявшими в
строгом порядке над теми, что были
точно мертвые распростерты на
земле. Нет, они и были мертвыми.
Беззаботно Мэт снова метнул шар.

Это было истинное сновидение,
и она знала об этом задолго до того,
как оно истаяло. Отблеск будущего,
которое могло наступить,
предупреждение о том, чего надо
ожидать. Истинные сновидения

всегда были возможностями, а не несомненными фактами — и ей часто приходилось напоминать себе об этом; сновидение не было Предсказанием, — но это была ужасная возможность. Каждый из этих людей-кеглей представлял собой тысячи людей. В этом она б^гла уверена. Иллюминатор был частью этого. Мэт однажды встречал Иллюминатора, но то было давно. А это событие сравнительно недавнее. Иллюминаторы были рассеяны, гильдейские дома разорены. Одна даже использовала свое мастерство в странствующем балагане, с которым некоторое время путешествовали Илэйн и Найнив. Мэт мог найти

Иллюминатора где угодно. И все же это был лишь один из возможных вариантов будущего. Мрачный и кровавый, но лишь возможный. И все же он виделся ей во сне дважды по меньшей мере. Это был не точно тот же сон, однако значение было таким же. Значило ли это, что он становится более вероятным? Стоило бы ей попросить Хранительниц Мудрости растолковать сновидения, но ей все меньше хотелось поступать так. Каждый вопрос, который она задавала, открывал им что-то, а ее и их цели были различны. Чтобы спасти то, что можно от Айил, они позволят стереть с лица земли Белую Башню. Ей приходилось думать

больше, чем об одном народе, об одном государстве. Еще сны.

Она с трудом ступала по узкой скалистой тропе, вдоль огромного утеса. Ее окружали облака, скрывая землю внизу и гребень вверху, но все же она знала, что оба они очень далеко. Ей приходилось ставить ноги очень аккуратно. Тропа шла по потрескавшемуся карнизу, едва ли достаточно широкому, чтобы стоять, упершись в скалу одним плечом. Карниз был усыпан камнями размером с ее кулак, и при неверном шаге любой мог выскользнуть из-под ноги и обрушить ее с уступа. Ей даже показалось, что этот сон такой же, как и те, про жернова и повозки, но

ЭТОТ СОН БЫЛ ИСТИННЫМ.

Внезапно с треском крошащегося камня карниз выскользнул из-под нее, и она лихорадочно схватилась за уступ, пытаясь нащупать в нем щель. Ее пальцы скользнули в крошечную трещинку, и падение прекратилось рывком, едва не вывихнувшим ей руки. Ноги болтались среди облаков, она слышала, как падающие камни ударяются о склон, пока звук не затих, хотя ни один камень так и не коснулся земли. Она смутно видела слева обрушившийся карниз. В десяти футах, хотя он мог быть и в миле, если говорить о возможности достичь его. В другом направлении

все, что осталось от тропы, скрывал туман, но Эгвейн казалось что она расположена еще дальше. В руках не осталось силы. Она не могла подтянуться, могла лишь висеть так, пока не упадет. Край расщелины был острым, словно нож.

Внезапно появилась женщина, спускавшаяся по отвесному уступу из-за облаков, причем она двигалась так спокойно, словно спускалась по ступеням. К ее спине был приторочен меч. Ее лицо менялось, разглядеть его ясно было невозможно, но вот меч казался столь же реальным, как и камень. Женщина добралась до Эгвейн и протянула руку.

— Мы можем достичь вершины вместе, — сказала она со знакомым медлительным произношением.

Эгвейн отбросила сон, как отбросила бы от себя гадюку. Она чувствовала, как сотрясается ее тело, слышала, как стонет во сне, но некоторое время не могла ничего поделать. Ей и раньше снились Шончан, женщины-Шончан, так или иначе связанные с ней, но эта шончанка *спасала* ее. Нет! Они посадили ее на привязь, превратили в *дамани*. Лучше она погибнет, чем позволит спасти себя Шончан. Долгое время она не могла успокоить свое спящее тело. Хотя, возможно, это время лишь показалось долгим. Не

Шончан, никогда!

Потихоньку сны вернулись.

Она карабкалась по другой тропе по утесу, утопающему в облаках, но на сей раз тропа была широкой и вымощенной белым камнем, так что обломков под ногами не попадалось. Сам утес был белым, словно мел, и столь гладким, будто отполирован. Несмотря на облака, бледный камень почти сиял. Она поднималась быстро и скоро осознала, что тропа вьется спиралью. Утес оказался шпилем. Едва она поняла это, как оказалась на его вершине, плоском гладком диске, окруженном туманом. Хотя не совсем плоском. В центре круга

находилось возвышение, на котором стояла масляная лампа из прозрачного стекла. Пламя лампы горело ярко и ровно, не мерцая. Оно тоже было белым.

Внезапно из стены тумана вылетела пара птиц, два черных как ночь ворона. Проносясь над вершиной, они ударили по лампе и улетели, не останавливаясь. Лампа завертелась и закачалась, заплясала на своем постаменте, разбрасывая капельки масла. Иные из капель вспыхивали в воздухе и исчезали. Иные падали на возвышение, и каждая горела крошечным мерцающим белым пламенем. А лампа продолжала качаться на грани

падения.

Эгвейн вздрогнула и проснулась во тьме. Она поняла. Впервые она поняла наверняка, что означает сон. Но почему сперва ей снилась спасающая ее шончанка, а затем Шончан, нападающие на Белую Башню? Атака, потрясшая Айз Седай до основания и угрожающая самой Белой Башне. Конечно, это всего лишь возможность. Но события, которые находили отражение в истинных снах, имели больше шансов сбыться, чем остальные.

Ей казалось, что она спокойна, но когда хлопнула грубая парусина полога, она едва не обняла Истинный Источник. Поспешно стала делать

упражнения для послушниц, чтобы собраться, — вода, текущая по гладким камням, ветер, скользящий по высокой траве. Свет, она испугалась. Пришлось повторить все дважды, прежде чем ей удалось достичь хоть видимости покоя. Она открыла рот, чтобы спросить, кто там.

— Спишь? — мягко произнес голос Халимы. Он звучал почти взволнованно. — Что ж, и я бы не отказалась хорошенько поспать ночью.

Слушая, как женщина раздевается в темноте, прежде чем лечь, Эгвейн лежала очень тихо. Дай она понять, что проснулась,

пришлось бы вести с той разговоры, а этого ей сейчас совершенно не хотелось. Она была совершенно уверена, что Халима нашла себе компанию, пусть и не на всю ночь. Конечно, Халима вольна поступать как ей хочется, однако Эгвейн все равно была разочарована. Она пожалела, что проснулась, и почувствовала, что снова засыпает. На сей раз она не стала останавливаться на полпути. Она вспомнит все, что ей снилось, а сейчас ей нужен нормальный сон.

Чеза появилась спозаранку, она принесла на подносе завтрак и помогла одеться. На самом деле утро было раннее, но не яркое. Солнечный

свет едва пробивался, и чтобы увидеть что-нибудь, не обойтись было без света ламп. Угли в жаровне за ночь, конечно, потухли, и холодный воздух казался серым. Сегодня снова мог пойти снег. Халима облачилась в свои шелка и, глядя, как Чеза помогает Эгвейн застегнуть ряд пуговиц на спине, посмеивалась, что ей бы хотелось иметь служанку. Лицо толстушки было неизменным, она делала вид, что не замечает Халиму. Эгвейн ничего не сказала. Она сделала это вполне намеренно. Халима не была ее служанкой, и не ей устанавливать правила.

В тот момент, когда Чеза

закончила застегивать последнюю крошечную пуговку и потрепала Эгвейн по руке, в палатку скользнула Нисао, впустив за собой волну ледяного воздуха. За тот миг, что в поднятый полог была видна улица, можно было заметить, что там по-прежнему серо. Определенно будет снег.

— Я должна поговорить с Матерью наедине, — сказала она, завернувшись в плащ, словно снег уже шел. Столь решительный тон был несвойственен маленькой женщине.

Эгвейн кивнула Чезе, которая сделала реверанс и, напомнив: «Не давайте остыть завтраку», — вышла из

палатки.

Халима задержалась, разглядывая Нисао и Эгвейн, перед тем как подобрать свой плащ, который лежал сваленным в комок рядом с ее кушеткой.

– Думаю, что у Деланы есть для меня работа, – сказала она заметно раздраженно.

Нисао хмуро посмотрела в спину уходящей женщине, однако, ничего не сказав, обняла *саидар* и сплела вокруг себя и Эгвейн малого стража, защищающего от подслушивания. Не спросив разрешения.

– Анайя и ее Страж мертвы, – сказала она. – Рабочие, таскавшие

мешки с углем, слышали прошлой ночью шум, словно кто-то борется или барахтается. Как ни странно, они вышли посмотреть и обнаружили, что в снегу лежат Анайя и Сетагана, мертвые.

Эгвейн медленно села на стул, который сейчас не показался ей особенно удобным. Анайя. Мертва. В ней не было особой красоты, кроме улыбки, но когда она улыбалась, то согревала все вокруг. Женщина с обыкновенным лицом, любившая кружева на своих нарядах. Эгвейн знала, что ей стоит жалеть и Сетагану, но он был Стражем. Если бы он пережил Анайю, то едва ли прожил бы долго.

– Как? – спросила она. Нисао не стала бы выставлять малого стража, чтобы сообщить лишь о гибели Анайи.

Лицо Нисао окаменело, и, несмотря на малого стража, она посмотрела через плечо, словно боялась, что кто-то может стоять у входа и слушать.

– Рабочие решили, что те наелись плохо приготовленных грибов. Иные фермеры не особо заботятся, что собирают на продажу, а некоторые грибы могут парализовать легкие или вызвать отек горла, так что человек умирает от удушья. – Эгвейн нетерпеливо кивнула. В конце концов, она сама

выросла в деревне. — Каждый не прочь принять эту версию. — Нисао продолжала, но не торопилась. Руки ее теребили края плаща, и она неохотно подвигалась к концу рассказа. — Нет ни ранений, ни каких бы то ни было повреждений. Никаких оснований думать, что причина — не жадный фермер, продавший плохие грибы. Но.....

— Она вздохнула, снова бросила взгляд через плечо и понизила голос. — Я думаю, это все из-за разговоров о Черной Башне в Совете сегодня. Я проверила на резонанс. Они были убиты *саудин*. — Ее лицо исказила гримаса отвращения. — Я

думаю, что кто-то сплел плотные потоки Воздуха вокруг их голов и они задохнулись. – Содрогнувшись, Нисао плотнее закуталась в плащ.

Эгвейн тоже захотелось содрогнуться. Она удивилась, что не вздрогнула. Анайя. Мертва. Удушена. Намеренно жестокий способ убийства, который использовал некто не желавший оставлять следов.

– Ты сказала кому-нибудь? – Конечно, нет, – возмущенно ответила Нисао. – Я пошла прямо к вам. По крайней мере как только решила, что вы проснулись.

– Жаль. Придется объяснять, почему ты задержалась. Мы не сможем сохранить это в тайне. – Ну,

Амерлин хранили и более мрачные тайны, ради блага Башни, как они себе его представляли. — Если среди нас есть мужчина, способный направлять, сестры должны быть настороже. — Маловероятным казалось, чтобы мужчина, способный направлять Силу, прятался среди солдат или рабочих. Но еще менее вероятным казалось, что некто появился здесь лишь для того, чтобы убить одну сестру и ее Стража. Что вызвало другой вопрос. — Почему Анайя? Она что, просто оказалась не в том месте и не в то время, Нисао? Где они погибли?

— Рядом с фургонами на южной стороне лагеря. Я не знаю, почему

они оказались там среди ночи. Разве что Анайя пошла по нужде, а Сетагана решил, что должен охранять ее и там.

— Тогда выясни это для меня, Нисао. Что делали Анайя и Сетагана, когда все уже спали? Почему их убили? И вот это ты сохранишь в тайне. До тех пор пока ты не назовешь мне причины, только мы вдвоем будем знать, что ты их ищешь.

Нисао открыла и закрыла рот.

— Раз я должна, значит, я должна, — пробормотала она едва слышно. Она не умела, вообще-то, хранить секреты и понимала это. Последняя тайна, которую она пыталась сохранить, привела ее

прямым к тому, что она дала клятву верности Эгвейн. — Остановит ли это разговоры о соглашении с Черной Башней?

— Сомневаюсь, — устало произнесла Эгвейн. Свет, как она могла уже устать? Солнце даже еще не взошло. — Как бы то ни было, нас ждет еще один очень длинный день.

И лучшее, на что она могла надеяться, это провести еще одну ночь без головной боли.

Глава 21. Метка

Алвиарин ступила сквозь ворота, позволив им захлопнуться за собой и превратиться в исчезающую щелку сверкающего бело-голубого света. И почти немедленно она чихнула из-за пыли, поднятой ее туфлями. Тут же ее сотряс еще один чих, и еще один, от которого у нее на глазах выступили слезы. Освещенное лишь плывшим впереди нее мерцающим шаром, хранилище, вырубленное в скале тремя уровнями ниже Библиотеки Башни, было пустым, не считая многовекового скопления пыли. Она предпочла бы вернуться

прямо в свои апартаменты, располагавшиеся в самой Башне, но там всегда была вероятность наткнуться на кого-нибудь из слуг, делающих уборку, и тогда ей пришлось бы избавляться от тела и надеяться, что никто не вспомнит, что слугу в последний раз видели входящим в ее комнаты. Не высовывайся и не возбуждай даже тени подозрения, приказала Месана. Это казалось излишней предосторожностью, притом что Черная Айя разгуливала по Башне совершенно безнаказанно со дня ее основания, но когда приказывает одна из Избранных, лишь глупец вздумает не послушаться. По

крайней мере если есть хотя бы малейшая вероятность, что это откроется.

Алвиарин раздраженно направила Силу, чтобы убрать из воздуха пыль, прибив ее к каменному полу с такой силой, что по нему пробежала дрожь. Ей не пришлось бы каждый раз проходить через эту процедуру, если бы она попросту смела всю пыль в угол, вместо того чтобы оставлять ее лежать слоем на полу. Никто, кроме нее, не забирался в подвалы библиотечных хранилищ целыми годами, никто не заметил бы, что комната была чистой. Но кто-нибудь всегда поступает так, как не поступает никто и никогда. Она

часто поступала так сама и не хотела быть пойманной из-за глупой ошибки. Тем не менее она ворчала себе под нос, счищая Силой рыжеватую грязь со своих туфель, подола юбки и плаща. Маловероятно, чтобы кто-нибудь опознал бы в ней глину с Тремалкина, самого большого из островов Морского Народа, но кто-нибудь мог удивиться, где это она ухитрилась испачкаться. Территория вокруг Башни сейчас уже, должно быть, погребена под снегом, за исключением тех мест, где снег счистили и земля промерзла насквозь. Все еще ворча, она снова направила Силу, чтобы заглушить скрип заржавевших петель,

одновременно толкая неструганую деревянную дверь. Наверняка существовал какой-то способ наложить на дверь плетение и спрятать его, чтобы не приходилось каждый раз бороться с этим скрипом, — она была уверена, что такой способ есть, — но Месана отказывалась научить ее этому способу.

Месана была настоящей причиной ее раздражения. Избранная учила ее тому, чему сама хотела, и ничему больше, постоянно намекая на ждущие Алвиарин чудеса и держа вдали от них. К тому же

Месана использовала ее как девочку на побегушках. А ведь

Алвиа-рин находилась во главе Высшего Совета и знала имена всех Черных сестер в каждом «сердце», о чем Месана даже не подозревала. Она выказывала мало интереса к тому, кто исполняет ее приказания, до тех пор пока они выполнялись, причем до последней буквы. Достаточно часто она хотела, чтобы их выполняла Алвиарин самолично, заставляя ее иметь дело с людьми, которые считали себя равней ей лишь потому, что тоже служили Великому Повелителю. Слишком многие из Друзей считали себя равней Айз Седай, а то и выше. Хуже того, Месана запретила ей преподать наглядный урок хотя бы одному из

них. Отвратительные крысеныши, никто даже не может Силу направлять, а Алвиарин должна быть вежливой с ними только потому, что кто-нибудь из них может служить другому из Избранных! Было очевидно, что Месана не знает этого наверняка. Она была одной из Избранных, и из-за ее неуверенности Алвиарин вынуждена улыбаться этой уличной грязи.

Пустив шар бледного света плыть впереди себя, освещая ей путь, Алвиарин скользила вдоль по грубо высеченному в камне коридору, приглаживая за собой пыль легкими взмахами Воздуха, чтобы она казалась непотревоженной, и

перебирая в голове некоторые из вещей, которые она хотела бы сказать Месане. На самом деле, разумеется, она не скажет ничего, и осознание этого лишь подогревало ее раздражение. Критиковать одну из Избранных, даже в самых мягких выражениях, было кратчайшим путем к боли, а может быть и к смерти. А в действительности почти наверняка и к тому и к другому. С Избранными единственным способом выжить было пресмыкаться и выполнять приказания, и первое не менее важно, чем второе. Бессмертие стоило того, чтобы немного поползать на коленях. Обретя бессмертие, она будет обладать всей

властью, какую пожелает, гораздо большей, чем когда-либо имела любая из Амерлин. Сначала, однако, было необходимо выжить.

Достигнув вершины первого пандуса, ведущего вверх, Алвиарин перестала заботиться о том, чтобы заметать следы. Здесь было уже не так много пыли, а та, что была, неслала следы колес тележек и отпечатки ног; никто не заметит, если к ним добавится еще одна цепочка легких следов. Впрочем, она продолжала идти быстро. Обычно мысль о том, что она будет жить вечно, поднимала ей настроение; мысль о том, что в конце концов она будет править через Месану так же, как сейчас она

правила через Элайду. Конечно, не в точности так же; ожидать, что она сможет довести Месану до той же степени покорности, в какой находилась Элайда, было бы слишком амбициозно, однако она все же могла привязать к себе эту женщину настолько, чтобы обеспечить собственное возвышение. Сейчас ее мысли постоянно возвращались к тому, что она отсутствовала в Башне почти месяц. Вряд ли Месана озаботилась тем, чтобы все это время держать Элайду под контролем, хотя Избранная, если что-нибудь пойдет не так, несомненно возложит вину на Алвиарин. Правда, Элайда в

последнее время была запугана как следует. Она умоляла о том, чтобы ее освободили от частного наказания, получаемого от Наставницы Послушниц. Разумеется, она достаточно запугана, чтобы не выйти за рамки дозволенного. Разумеется. Алвиарин решительно отодвинула мысли об Элайде на задний план, но не замедлила шага.

Второй пандус привел ее на верхний из подземных этажей, где она позволила мерцающему световому шару исчезнуть и отпустила *саидар*. Тени здесь прерывались почти достигающими друг друга лужицами бледного света от ламп в железных скобах,

расположенных вдоль каменных стен, которые на этом уровне аккуратно обтесаны. Ничто не двигалось здесь, за исключением единственной крысы, спешащей прочь, тихо стуча коготками по каменным плитам пола. Она почти улыбнулась. Почти. Глаза Великого Повелителя пронизывали Башню, хотя никто, по-видимому, не замечал, что охрана сплеховала. Она не думала, что это дело рук Месаны; плетения-стражи просто больше не выполняли ту роль, которую должны были выполнять. В них были... бреши. Разумеется, ей не было дела до того, видело ли ее животное и донесет ли о том, что видело, однако

она все же быстро нырнула на узенькую винтовую лестницу. На этом уровне могли оказаться люди, а на людей нельзя положиться настолько же, как на крыс.

Может, раздумывала она, взбираясь вверх, попробовать расспросить Месану об этом невообразимом сиянии Силы, если только действовать... аккуратно. Избранная может подумать, будто Алвиарин что-то скрывает, если она вовсе не упомянет об этом. Каждая женщина в мире, которая могла направлять, должно быть, гадала сейчас, что там произошло. Ей нужно только быть осторожной, чтобы у нее не вырвалось ничего, что

позволило бы предположить, что в действительности она побывала на этом месте. Спустя много времени после того, как сияние исчезло, разумеется, — она не настолько глупа, чтобы прямо влезать в *такое!* — но Месана, кажется, считала, что Алвиарин будет бегать у нее на *посылках*, даже не пытаясь что-нибудь сделать для себя. Неужели эта женщина и вправду верит, что у Алвиарин нет никаких собственных интересов? Конечно, лучше всего было вести себя так, словно у нее их действительно нет. По крайней мере в настоящий момент.

В полутьме, окутывавшей верхушку лестницы, она

остановилась перед маленькой простой дверью, сработанной довольно грубо с этой стороны, и немного помедлила, перекидывая плащ через руку, чтобы привести в порядок свои мысли. Месана была одной из Избранных, но она была человеком. Месана допускает ошибки. И она убьет Алвиарин в мгновение ока, если ошибку допустит *она*. Пресмыкаться, повиноваться и оставаться в живых. И всегда быть настороже. Алвиарин знала это задолго до того, как встретила одну из Избранных. Достав белый палантин Хранительницы Летописи из поясного кошелья, она накинула его

себе на шею и осторожно приоткрыла дверь, прислушиваясь. Все тихо, как и ожидалось. Она шагнула внутрь Девятого Книгохранилища и закрыла за собой дверь. С внутренней стороны дверь уже не была грубой; она была отполирована до легкого блеска.

Библиотека Башни подразделялась на двенадцать книгохранилищ, по крайней мере так полагали в мире, и Девятое было самым маленьким из них, оно было отдано под тексты, посвященные различным отраслям арифметики; однако это все же была довольно большая палата, вытянутый овал с плоским куполом наверху,

заполненный рядами и рядами высоких деревянных полок, каждая из которых была окружена узкой галереей на высоте четырех шагов над семицветными плитами пола. Вдоль полок, и на полу, и на галереях, стояли высокие лестницы на колесиках, чтобы их можно было с легкостью передвигать, а также высокие медные светильники с отражателями на таких тяжелых основаниях, что требовалось трое или четверо человек, чтобы их передвинуть. Пожар был в Библиотеке постоянной угрозой. Все светильники ярко горели, готовые осветить путь любой сестре, которая захотела бы найти себе книгу или

коробку с манускриптом, но тележка с полками, на которых лежали три больших переплетенных в кожу фолианта, что требовалось вернуть на место, стояла по-прежнему в одном из боковых проходов, в точности там, где находилась, когда Алвиарин в последний раз проходила здесь. Она не могла понять, зачем кому-то могли потребоваться несколько видов арифметики или зачем надо было писать столько книг об этом предмете, и несмотря на то что Башня чрезвычайно гордилась своим величайшим в мире собранием книг, посвященных всем вообразимым темам, было похоже на то, что большинство Айз Седай

согласно с ней в этом вопросе. Она никогда не встречала никого из сестер в Девятом Книгохранилище; именно поэтому она и использовала его для возвращения в Башню. Около больших арочных дверей, приглашающе распахнутых, она вновь прислушалась и, лишь удостоверившись, что в коридоре за ними никого нет, выскользнула из хранилища. Любой посчитал бы странным, что у нее внезапно пробудился интерес к хранящимся здесь книгам.

Когда она торопливо шла по главным коридорам, полы которых были выложены плитами, рядами повторяющими цвета Айя, ей пришло

в голову, что Библиотека была более тихой, чем обычно, даже учитывая то, как немного Айз Седай в настоящий момент находилось в Башне. Здесь всегда можно было увидеть парочку сестер, хотя бы библиотекарей, — некоторые из Коричневых даже занимали комнаты над помещениями Библиотеки в дополнение к тем, которые отводились им в Башне, — однако сейчас внушительные фигуры, вырезанные на стенах коридоров, изображающие причудливо одетых людей и странных животных десяти с лишним футов в высоту, были единственными обитателями Библиотеки. Украшенные затейливой

резьбой люстры, висящие в десяти шагах над полом, тихо поскрипывали на цепях, качаясь на сквозняке. Шаги звучали неестественно гулко, отражаясь от сводчатого потолка.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь? — спросил спокойный женский голос позади нее.

Алвиарин испуганно обернулась, чуть не уронив свой плащ, прежде чем смогла взять себя в руки.

— Я просто решила пройти через Библиотеку, Земайлле, — произнесла она, немедленно почувствовав укол раздражения. Если она настолько взбудоражена, что объясняет свои действия какой-то библиотекарше,

значит, ей действительно необходимо взять себя в руки до того, как отчитываться перед Месаной. Она почти пожалела, что не может рассказать Земайлле, что происходило на Тремал-кине, просто чтобы посмотреть, как она дернется.

Вежливое выражение смуглого лица Коричневой сестры не изменилось, но тон ее голоса изменился под воздействием какого-то непонятного чувства. Высокая и очень худая, Земайлле постоянно носила эту маску собранности и отстраненности, но Алвиарин подозревала, что она была не столь застенчива, как пыталась казаться, и не столь любезна.

— Это вполне понятно. Библиотека — спокойное место, а сейчас печальные времена для всех нас. И особенно для тебя, разумеется.

— Разумеется, — повторила Алвиарин механически. Печальные времена? И для нее в особенности? Она подумала, не затащить ли Коричневую в какой-нибудь уединенный уголок, где ее можно будет расспросить как следует и затем избавиться от нее, но тут она заметила еще одну Коричневую сестру, пухлую женщину, еще более смуглую, чем Земайлле, которая наблюдала за ними из дальнего конца зала. Айден и Земайлле были слабы в Силе, но одолеть их вдвоем будет

сложно, если вообще возможно. Почему они обе находятся здесь, на нижнем этаже? Эта пара редко показывалась, в основном передвигаясь между комнатами на верхнем этаже, которые они занимали вместе с Найин, третьей сестрой из Морского Народа, и Тринадцатым Книгохранилищем, где располагались секретные документы. Все трое работали там, добровольно посвящая все время своим трудам. Алвиарин пошла дальше, пытаясь доказать себе, что беспокоится без причины, однако это не могло успокоить холодка, пробегающего у нее между лопаток.

Отсутствие библиотечкарей,

сторожащих главный вход, лишь усилило этот холодок. Библиотекарши всегда стояли у *каждого* входа, следя за тем, чтобы ни единый клочок бумаги не покинул библиотеку без их ведома. Алвиарин направила Силу, распахнув перед собой одну из высоких резных дверей еще прежде, чем дошла до нее, и, оставив ее открытой на бронзовых петлях, поспешила вниз по широкой мраморной лестнице. Широкая, обсаженная дубами и выложенная камнем дорожка, ведущая к высокой белой колонне Башни, была хорошо вычищена, но даже если бы и не была, она использовала бы Силу, чтобы протаять снег впереди себя, и

пусть кто угодно думает об этом что хочет. Месана очень ясно дала ей понять, какая расплата ее ждет, если хоть кто-нибудь узнает плетение Перемещения или даже то, что оно известно Алвиарин; в противном случае она Переместилась бы прямо с того места, где находилась. Сейчас, когда Башня была видна, нависая над деревьями и сверкая в бледных утренних лучах солнца, она могла бы оказаться там за один шаг. Но вместо этого она боролась с желанием пуститься бегом.

Она не была удивлена, обнаружив, что широкие, высокие коридоры Башни пусты. Немногочисленные спешащие куда-

то слуги с белым Пламенем Тар Валона на груди отвешивали ей поклоны, а служанки приседали в реверансах, пробегая мимо, но она придавала им не большее значение, чем сквознякам, колыхавшим пламя в позолоченных стоячих светильниках и рябью пробегавших по красочным гобеленам, развешанным по снежно-белым стенам. Сестры в эти дни, разумеется, старались проводить как можно больше времени в помещениях, отведенных их Айя, и даже если она встретит кого-нибудь из Черных Айз Седай, если та не будет принадлежать к ее собственному «сердцу», эта встреча будет бесполезной. Она знала их

всех, но они не знали ее. Кроме того, она совсем не собиралась открываться кому-либо без особой необходимости. Возможно, какие-нибудь из этих чудесных инструментов из Эпохи Легенд, о которых говорила Месана, если та действительно предоставит их ей, когда-нибудь и позволят ей не теряя времени расспросить любую сестру, но пока что она лишь получала зашифрованные приказания, оставляемые под подушками или в тайниках. То, что когда-то казалось ей почти немедленным ответом, теперь выглядело невозможно медлительным. Полный лысый слуга, кланявшийся ей, громко сглотнул, и

она разгладила черты своего лица. Она гордилась своей всегдашней ледяной отрешенностью, умением в любых обстоятельствах оставаться внешне холодной и невозмутимой. В любом случае, если она будет ходить по Башне, распугивая людей своим мрачным видом, это не приведет ее совершенно ни к чему.

В Башне, однако, была одна женщина, которую она могла разыскать без всякого труда и от которой могла требовать ответов, не заботясь о том, что она подумает. Конечно, некоторая осторожность необходима и в этом случае — неосторожные вопросы могли раскрыть больше, чем стоило

большинство ответов, – но Элайда скажет ей все. Испустив вздох, Алвиарин начала карабкаться вверх по лестнице.

Месана рассказывала ей и еще об одном чуде из Эпохи Легенд, которое ей очень хотелось бы увидеть, – некую вещь под названием «лифт». Летающие машины, конечно, звучали гораздо грандиознее, но значительно проще представить себе механическое приспособление, переносящее тебя с этажа на этаж. Правда, ей трудно было поверить в то, что действительно могли существовать здания, в несколько раз превосходящие высотой Белую Башню, – в целом мире даже Тирская

Твердыня не могла сравниться с Башней по высоте, — однако даже то, что она знала об этих «лифтах», делало восхождение по спиральным коридорам и лестничным пролетам еще более трудоемким.

Она задержалась чуть в кабинете Амерлин, всего лишь тремя этажами выше, но, как и ожидалось, обе комнаты были пусты, лишь голые письменные столы сверкали полировкой. Сами комнаты тоже казались голыми; здесь не было ни гобеленов, ни украшений — абсолютно ничего, лишь столы, стулья и незажженные светильники. Элайда теперь редко спускалась из своих апартаментов на самой

вершине Башни. Когда-то это представлялось приемлемым, поскольку еще больше изолировало ее от остальной Башни. Немногие сестры по своей воле карабкались на эту верхотуру. Однако сейчас, взобравшись чуть ли не на восемьдесят спанов, Алвиарин серьезно подумывала, не заставить ли Элайду перебраться обратно.

Приемная Элайды была, разумеется, пуста, хотя стопка бумаг, лежащих на письменном столе, говорила о том, что здесь недавно кто-то был. Впрочем, она попозже просмотрит их и решит, стоит ли наказать Элайду за то, что она держит их у себя. Алвиарин кинула

свой плащ на письменный стол и толкнула дверь с недавно вырезанным на ней Пламенем Тар Валона, еще ожидающим позолоты, которая вела во внутренние покои.

Она была удивлена приливом облегчения, которое почувствовала при виде Элайды, сидевшей за изукрашенным резьбой и позолотой письменным столом с семицветным — нет, теперь шестицвет-ным — палантином на шее и Пламенем Тар Валона, инкрустированным лунными камнями на высокой золоченой спинке кресла, возвышавшейся над ее головой. До этого момента Алвиарин донимала смехотворная мысль, которой она не позволяла

проявляться на поверхности, что та, возможно, позволила себе умереть по какой-нибудь дурацкой случайности. Это объяснило бы замечание Земайлле. Выборы новой Амерлин заняли бы месяцы, даже учитывая бунтовщиков и все остальное, но дни Алвиарин как Хранительницы летописи были бы сочтены. Но, однако, еще больше, чем собственное облегчение, ее удивило присутствие в Совете более чем половины Восседающих, которые стояли перед письменным столом в своих шалях с бахромой. Элайда *должна* знать, что ей не стоит принимать подобные делегации в ее отсутствие. Большие позолоченные часы в футляре у

стены, безвкусная вещьца со слишком большим количеством украшений, пробили два раза, и из маленькой дверцы спереди повыскакивали маленькие эмалевые фигурки Айз Седай, как раз когда она уже открыла рот, чтобы сказать Восседающим, что ей нужно поговорить с Амерлин наедине. Они покинули бы комнату без лишних слов. У Хранительницы Летописей нет власти приказывать им, но они знали, что ее власть простирается значительно дальше того, что предполагает ее палантин, хотя и не подозревали, откуда она проистекает.

— Алвиарин, — с удивлением в голосе произнесла Элайда, прежде

чем та успела сказать хоть слово. Жесткое лицо Элайды смягчилось каким-то выражением, которое можно было принять чуть ли не за удовольствие. Ее губы изогнулись в полуулыбке. В свое время у Элайды было не так-то много поводов для улыбок. — Стань туда и веди себя тихо, пока у меня не найдется время, чтобы разобраться с тобой, — сказала она, повелительно махнув рукой в угол комнаты. Восседающие принялись переступать с ноги на ногу и поправлять шали. Мускулистая Суана строго посмотрела на Алвиарин, а Ше-ван, высокая, как мужчина, и с угловатыми чертами лица,

невыразительно уставилась прямо на нее; другие избегали встречаться с Алвиарин взглядом.

Ошеломленная, она стояла не шелохнувшись, разинув рот, на шелковом ковре, разрисованном ярким узором. Это не могло быть просто бунтом со стороны Элайды — она была бы просто сумасшедшей, если бы позволила себе такое! — но что, во имя Великого Повелителя, произошло такого, чтобы она набралась наглости... Что?

Рука Элайды хлопнула по крышке стола с резким звуком, одна из лакированных коробочек, стоявших там, подпрыгнула от удара.

— Когда я велю тебе встать в

угол, дочь моя, — проговорила она низким, угрожающим голосом, — я жду, что ты повинешься. — Ее глаза вспыхнули. — Или я должна позвать Наставницу Послушниц, чтобы все эти сестры стали свидетельницами твоего «частного» наказания?

Лицо Алвиарин полыхнуло жаром, наполовину от унижения, наполовину от гнева. Чтобы кто-то *слышал*, как ей говорят подобное, да еще прямо в лицо! Страх также клубился в ней, желчью обжигая желудок. Ей достаточно сказать несколько слов — и Элайда предстанет перед обвинением в том, что посылала сестер на заведомый крах и плен, и не однажды, а два

раза. Уже начинали ходить слухи о событиях в Кайриэне; туманные слухи, но с каждым днем звучащие все с большей уверенностью. И если станет известно, что, кроме этого, Элайда послала пятьдесят сестер против нескольких сотен мужчин, способных направлять Силу, даже существование мятежных сестер, зимующих со своей армией в Муранди, не удержит на ее плечах палантина Амерлин, а пожалуй и головы. Она не отважилась на такое. Разве что... Разве что она могла доказать, что Алвиарин – Черная. Благодаря этому она могла выиграть некоторое время. Разумеется, очень немного, если раскроются факты о

Колодцах Дюмай и Черной Башне, но, возможно, Элайда готова цепляться за соломинки. Нет, это невозможно, это *не могло* быть возможно. Бежать, разумеется, нет смысла. Прежде всего, если Элайда готова выдвинуть обвинения, бегство лишь подтвердило бы их. Кроме того, Месана отыщет ее и убьет, если она сбежит. Все это мелькало в голове Алвиарин, пока она на свинцовых ногах двигалась, словно наказанная послушница. Должен найтись какой-то выход из положения, что бы здесь ни произошло. Какой-то выход всегда находился. Если она будет внимательно слушать, возможно, она найдет его. Она начала бы молиться,

если бы Темный Повелитель внимал молитвам.

Элайда с минуту рассматривала ее, затем удовлетворенно кивнула. Ее глаза, впрочем, по-прежнему блестели от волнения. Подняв крышку одной из трех лакированных коробочек, стоявших на ее столе, она вынула маленькую, потемневшую от времени костяную фигурку черепахи и начала поглаживать ее. Перебирать украшения в этой коробочке было ее привычкой, когда она хотела успокоить нервы.

— Итак, — сказала она. — Вы собирались объяснить мне, зачем мне вступать в эти переговоры.

— Но мы не спрашивали

разрешения, Мать, — резко произнесла Суана, выставив вперед подбородок. Подбородка у нее было слишком много, он был квадратный и твердый как булыжник, и она могла выставить его на кого угодно. — Решения подобного рода принадлежат Совету. В Желтой Айя многие склоняются в пользу переговоров. — Это означало, что склонялась она. Она была главой Желтой Айя, Первой Плетельщицей, Алвиарин знала это, поскольку Черной Айя были известны все секреты других Айя, или почти все; и с точки зрения Суаны, ее мнение было мнением ее Айя.

Дозин, еще одна из

присутствовавших здесь Желтых, поглядела на Суану искоса, но ничего не сказала. Бледная и по-мальчишески худенькая, Дозин, казалось, жалела, что находится здесь, — симпатичный угрюмый мальчишка, которого притащили куда-то за ухо. Восседающие обычно упирались, когда главы их Айя принуждали их к чему-либо, но вполне вероятно, что Суане удалось найти какой-то способ.

— Многие из Белых тоже поддерживают переговоры, — вступила Феране, рассеянно разглядывая чернильное пятно на своем пухлом пальце. — Это самое логичное, что можно сделать в

сложившихся обстоятельствах. — Она была Первой Рассуждающей, главой Белой Айя, но была менее склонна, чем Суана, считать свое мнение за мнение всей Айя. Ненамного. Феране часто казалась такой же рассеянной, что и худшие из Коричневых, — длинные черные волосы, обрамлявшие ее круглое лицо, нуждались в щетке, а бахрома ее шали, по-видимому, по неосторожности частью искупалась в ее утреннем чае, — но она могла уловить мельчайшую щелочку в логическом построении аргументов. Она вполне могла быть здесь одна, поскольку попросту не верила, что ей требуется какая-либо поддержка

со стороны других Восседающих от Белой Айя.

Откинувшись на высокую спинку кресла, Элайда начала хмуриться, ее пальцы быстрее задвигались по спинке черепашки, и Андайя быстро заговорила, не глядя на Элайду и делая вид, что поправляет на плечах свою шаль с серой бахромой:

— Суть в том, Мать, что мы должны найти способ уладить это дело миром. — В ее речи слышался сильный тарабонский акцент, как было всегда, когда она нервничала. Ей часто бывало не по себе в присутствии Элайды, и сейчас она взглянула на Юкири, словно надеясь

на поддержку, но маленькая стройная Айз Седай лишь слегка повернула голову, отворачиваясь от нее. Юкири была поразительно упрямой для такой маленькой женщины; в отличие от До-зин она не поддавалась бы ни на какое принуждение. Так почему же она здесь, если не хотела этого? Поняв, что не дождется подмоги, Андайя поспешно продолжила: — Нельзя допустить, чтобы дело дошло до сражений на улицах Тар Валона. Или в Башне, особенно в Башне, — это не должно повториться. До сих пор мятежницы вроде бы удовлетворяются тем, что сидят и смотрят на город, но это не может продолжаться долго. Они

заново открыли Перемещение, Мать, и использовали его, чтобы перенести свою армию через сотни лиг. Мы должны начать переговоры до того, как они решат применить Перемещение, чтобы ввести эту армию в Тар Валон, иначе все будет потеряно, даже если победим мы.

Сжав кулаки, Алвиарин с трудом сглотнула. Ей казалось, что ее глаза вот-вот выпрыгнут из головы. Мятежницы знают плетение Перемещения? Они уже находятся здесь, под Тар Валоном? И эти дуры собираются вести с ними *переговоры*? Она почти видела, как тщательно разработанные планы, тщательно обдуманные ходы

испаряются, как туман под летним солнцем. Возможно, если она будет молиться очень усердно, Темный Повелитель все же услышит ее.

Выражение лица Элайды не стало менее хмурым, но она очень осторожно положила на стол свою костяную черепашку, и ее голос прозвучал почти обыденно. Обыденно – так, как она говорила раньше, до того как Алвиарин взяла ее под уздцы; мягкие слова, под которыми скрывалась стальная сердцевина.

– Коричневые и Зеленые также поддерживают переговоры?

– Коричневые, – начала Шеван, но тут же задумалась, поджав губы и

явно изменив то, что собиралась сказать. Внешне полностью собранная, она тем не менее бессознательно потирала длинными большими пальцами о костистые указательные. — Коричневые вполне ясно видят исторические прецеденты. Вы все читали секретную историю, или должны были читать. Каждый раз, когда Башню раздирали изнутри противоречия, несчастья сотрясали мир. В сегодняшнем мире, где существует Черная Башня, а в скором будущем грядет Последняя Битва, мы больше не можем позволять себе оставаться разделенными даже на день дольше, чем это необходимо.

Трудно было представить, чтобы лицо Элайды могло стать еще темнее, однако упоминание о Черной Башне сделало это.

— А Зеленые? — Ее голос по-прежнему оставался сдержанным. Все три Восседающие от Зеленых были здесь, что указывало на

очень сильную взаимную поддержку в их Айя или на сильное давление со стороны главы Зеленых. В качестве старшей Элайда должна была бы ответить Талене — Зеленые придерживались своей иерархии во всем, — но высокая, золотоволосая Восседающая зачем-то посмотрела на Юкири, затем, что было не менее странно, на Дозин, опустила взгляд

на ковер и продолжала стоять, теребя свою зеленую шелковую юбку. Рина слегка нахмурилась, озадаченно морща курносый нос, но она носила шаль меньше пятидесяти лет, так что отвечать следовало Рубинде. Коренастая Рубинде рядом с Талене казалась приземистой и полной, и даже простоватой, несмотря на глаза цвета сапфира.

— У меня есть инструкция поддерживать точку зрения Шеван, — сказала она, игнорируя озадаченный взгляд Риной. Очевидно, здесь имело место давление со стороны Аделорны, «Капитан-Генерала» Зеленых; и очевидно, Рубинде была не согласна с ней, если она выносила

это на публику. — Приближается Тармон Гай'дон, Черная Башня представляет почти столь же серьезную угрозу, а Возрожденный Дракон пропал, если он еще жив. Мы больше не можем позволить себе оставаться разделенными. Если Андайя сможет уговорить мятежниц вернуться в Башню, мы должны дать ей попытаться сделать это.

— Понимаю, — произнесла Элайда ровным тоном. Но, как ни странно, цвет ее лица улучшился, а губы даже тронула усмешка.—

В таком случае, всеми способами уговорите их вернуться, если сможете. Но мои эдикты остаются в силе. Голубая Айя больше

не существует, и каждая сестра, последовавшая за этой девочкой Эгвейн ал'Вир, должна будет понести наказание под моим присмотром, прежде чем ей будет позволено вновь вернуться в *какую-нибудь* Айя. Я намерена *выковать* из Белой Башни оружие, которое будет использовано в Тармон Гай'дон.

Феране и Суана открыли было рот, на их лицах был написан протест, но Элайда прервала их, подняв руку:

– Я сказала, дочери мои. Теперь оставьте меня. Займитесь вашими... переговорами.

Восседающим ничего не оставалось делать, если они не

собирались выказывать открытого неподчинения. Право Совета было с ними, но Совет редко отваживался заходить далеко, оспаривая авторитет Амерлин. За исключением тех случаев, когда Совет объединялся против Амерлин, а этот Совет можно назвать каким угодно, только не объединенным в чем бы то ни было. Алвиарин сама позаботилась об этом. Они вышли: Феране и Суана, выпрямившись и поджав губы, Андайя чуть ли не бегом. Ни одна из них даже не взглянула в сторону Алвиарин.

Она едва дождалась, пока закроется дверь за последней из них.

— Это в действительности не

меняет ничего, Элайда, разумеется, ты и сама это видишь. Тебе нужно сохранять незамутненный взгляд, не поддаваясь на минутные порывы. — Она и сама знала, что лепечет невесть что, но не могла остановиться. — Поражение у Колодцев Дюмай и абсолютное поражение у Черной Башни по-прежнему могут низвергнуть тебя. Для того чтобы удержать при себе посох и палантин, тебе нужна я. Я нужна тебе, Элайда. Ты... — Она крепко стиснула зубы, прежде чем ее язык не вывалил все, что было у нее на душе. Еще мог обнаружиться какой-то выход.

— Я удивлена, что ты

вернулась, — произнесла Элайда, поднимаясь и разглаживая свои юбки с красными разрезами. Она так и не рассталась с привычкой одеваться как Красная. Как ни странно, она улыбалась, огибая стол. Это был не намек на улыбку, а полный, удовлетворенный изгиб губ. — Ты что, скрывалась где-то в городе с тех пор, как прибыли мятежницы? Я думала, ты наняла корабль сразу же, как узнала о том, что они здесь. Кто бы мог подумать, что они вновь откроют Перемещение? Подумать только, что бы мы смогли сделать, если бы знали это. — Улыбаясь, она продолжала скользить по ковру. — Так, давай-ка посмотрим. Чего я должна опасаться

с твоей стороны? О рассказнях из Кайриэна ходят слухи в Башне, – но даже если сестры действительно подчинялись мальчишке ал'То-ру, во что лично я не могу поверить, все обвинят Койрен. Она отвечала за то, чтобы доставить его сюда, и в душе сестры уже, можно сказать, судили и приговорили ее. – Элайда остановилась перед Алвиарин, загнав ее в угол. Улыбка не касалась ее глаз. Она улыбалась, а ее глаза сверкали. Алвиарин не могла вырваться из-под этого взгляда. – За последнюю неделю мы слышали довольно много всего также и о «Черной Башне». – Губы Элайды скривились от отвращения, когда она

произнесла это название. – Похоже, в ней еще больше мужчин, чем ты предполагала. Но все считают, что у Тувин должно хватить здравого смысла выяснить это, прежде чем нападать. Здесь было много разговоров по этому поводу. Если она притащится сюда, потерпев поражение, она сама понесет вину за это. Так что все твои угрозы...

Алвиарин, отшатнувшись, впечаталась в стену и заморгала, отгоняя искры в глазах, не сразу поняв, что Элайда дала ей пощечину. Ее щека, казалось, уже вздулась. Элайду окружало сияние *саидар*, а Алвиарин, прежде чем успела шевельнуться, была ограждена

щитом, отрезавшим ее от Силы. Но Элайда не собиралась использовать Силу. Она занесла сжатый кулак. По-прежнему улыбаясь.

Затем она медленно набрала в грудь воздуха и опустила руку. Щит она, однако, не убрала.

— Ты действительно собралась воспользоваться этим? — мягко спросила она.

Рука Алвиарин отдернулась от рукоятки ее поясного ножа. Схватиться за нее было рефлексорным движением, но даже если бы Элайда и не обнимала Силу, убить ее сейчас, когда столько Восседающих знали, что они остались здесь вдвоем, равнозначно

тому, чтобы убить себя. Однако ее лицо вспыхнуло, когда Элайда презрительно фыркнула.

– Я надеюсь, что скоро увижу тебя осужденной за измену, а твою шею – на плахе палача, Алвиарин, но до тех пор пока у меня нет необходимых доказательств, остаются еще некоторые вещи, которые я могу сделать. Помнишь ли ты, сколько раз приказывала Сильвиане прийти ко мне для частного наказания? Надеюсь, что помнишь, поскольку за каждый день, что я страдала, ты отплатишь десятью. Да, и еще, разумеется... – она грубым рывком сорвала палантин Хранительницы Летописей

с шеи Алвиарин. — Поскольку никто не мог найти тебя, когда прибыли мятежницы, я попросила

Совет заменить тебя как Хранительницу. Не в полном составе, конечно. В полном Совете у тебя, возможно, еще сохранилось небольшое влияние. Но с теми, кто восседал в тот день, достигнуть согласия оказалось на удивление легко. Предполагается, что Хранительница Летописей должна находиться рядом со своей Амерлин, а не бродить незнамо где. Впрочем, если подумать, у тебя скорее всего не сохранилось уже никакого влияния, если выясняется, что ты все это время скрывалась где-то в городе.

Или ты уплыла и приплыла обратно к своему позору, надеясь, что тебе удастся возродить что-то из руин? Впрочем, не важно. Для тебя было бы лучше всего, если бы ты вскочила на первый попавшийся корабль, покидающий Тар Валон. Но, должна признаться, мысль о том, что ты будешь шнырять от деревни к деревне, стыдясь показать свое лицо другой сестре, бледнеет перед тем удовольствием, которое мне доставит зрелище твоего страдания. Теперь убирайся с моих глаз, пока я не решила, что это будет розга, а не плеть Сильвианы. — Швырнув на пол палантин, она повернулась спиной и отпустила *саидар*, скользя к своему

креслу, словно Алвиарин перестала существовать.

Алвиарин не вышла – выбежала, она бежала так, словно Гончие Тьмы дышали ей в затылок. Она едва ли была способна думать с того момента, как услышала слово «измена». От этого слова, эхом отдававшегося в ее голове, ей хотелось выть. «Измена» могла означать лишь одно. Элайда знала, и она искала доказательства. Помилуй ее Темный Повелитель! Но он никогда никого не миловал. Милость – для тех, кто боится быть сильным. Она не боялась. Она была шкурой, до отказа набитой ужасом.

Алвиарин бежала обратно через

всю Башню, и если ей и попадались в коридоре какие-то слуги, она не замечала их. Ужас застилал ей глаза настолько, что она не видела ничего, что не лежало непосредственно у нее на пути. Всю дорогу до шестого этажа, до своих апартаментов, она бежала. По крайней мере она полагала, что это еще были ее апартаменты. Комнаты с балконом, выходящим на большую площадь перед Башней, прилагались к посту Хранительницы Летописей. В данный момент для нее было достаточно того, что у нее еще были комнаты. И какой-то шанс выжить.

Комнаты были по-прежнему обставлены доманийской мебелью,

оставленной ее предшественницей, светлое в полоску дерево, выложенное перламутром и янтарем. Ворвавшись в спальню, она распахнула один из шкафов и рухнула на колени, распихивая платья, чтобы добраться до маленькой коробочки в глубине, коробочки не больше двух ладоней в длину, которая принадлежала ей много лет. Крышка коробочки была украшена резьбой, замысловатой, но грубой — ряды выступов различного размера, явно сделанные резчиком, обладавшим скорее большими амбициями, нежели мастерством. Ее руки тряслись, когда она несла ее к столу; поставив ее, она вытерла потные

ладони о платье. Чтобы открыть коробочку, нужно было просто как можно сильнее растопырить пальцы и нажать одновременно на четыре выступа в резьбе, не похожих друг на друга. Крышка легко поднялась, и Алвиарин откинула ее, открывая свое самое драгоценное сокровище, маленьким свертком завернутое в коричневую ткань, чтобы вещь не гремела, если горничной вздумается потрясти коробку. Большинство слуг в Башне не отваживались воровать, однако «большинство» еще не значило «все».

Какое-то мгновение Алвиарин лишь смотрела на сверток. Самое драгоценное из ее сокровищ, вещь,

дошедшая из Эпохи Легенд, но она еще ни разу не осмеливалась использовать ее. Лишь в самом крайнем случае, сказала ей Месана, при самой отчаянной необходимости, — однако какая необходимость могла быть более отчаянной, чем сейчас? Месана говорила, что эта вещь может выдержать удары молота, не сломавшись, но она разворачивала ткань так бережно, как если бы это было хрупкое украшение из дутого стекла. Перед ней был *тер'ангриал*, сверкающий красный жезл не толще ее указательного пальца, абсолютно гладкий, не считая нескольких тонких линий, врезанных в

поверхность извилистым
пересекающимся узором. Обняв
Источник, она прикоснулась к этому
узору тонкими, как волос, потоками
Огня и Земли в двух местах, где
линии пересекались. В Эпоху Легенд
в этом не было необходимости, но то,
что называли «постоянными
потоками», более не существовало.
Мир, где почти все *тер'ангриалы*
могли использовать люди, не
способные направлять Силу, казался
странным, за пределами ее
понимания. Почему это было
дозволено?

Сильно нажав большим пальцем
на один конец жезла – только Единой
Силы было недостаточно, –

Алвиарин тяжело опустилась в кресло и откинулась на низкую спинку, глядя на вещь, которую держала в руках. Дело сделано. Теперь она чувствовала себя пустой — огромным пустым пространством, где страхи метались во тьме подобно огромным летучим мышам.

Вместо того чтобы вновь завернуть *тер'ангриал*, она засунула его в поясной кошель и поднялась лишь затем, чтобы запихнуть коробку обратно в шкаф. До тех пор пока она не будет знать наверняка, что находится в безопасности, она не расстанется с этим жезлом. Но после этого ей не оставалось ничего, кроме как сидеть и ждать, покачиваясь взад

и вперед, зажав ладони между коленей. Она не могла заставить себя прекратить покачиваться, как не могла прекратить тихие стоны, вырывавшиеся у нее сквозь сжатые зубы. Со времен основания Башни ни одна сестра не обвинялась в том, что она принадлежит к Черной Айя. О, отдельные сестры подозревались в этом, и время от времени Айз Седай умирали, чтобы не дать этим подозрениям зайти слишком далеко, но дело никогда не доходило до официальных обвинений. Если Элайда открыто говорит о плахе палача, это означает, что она близка к тому, чтобы предъявить ей обвинение. Очень близка. Некоторым

из Черных сестер пришлось также исчезнуть, когда подозрения становились слишком очевидными. Черная Айя оставалась скрытой, невзирая на цену. Ей очень хотелось, чтобы она смогла перестать стонать.

Внезапно свет в комнате потускнел, окутав помещение клубящимися сумеречными тенями. Солнечный свет, сверкавший на оконных переплетах, казалось, не мог проникнуть сквозь стекла. Алвиарин не успела и вздохнуть, как оказалась на коленях, опустив глаза. Она трепетала от желания выплеснуть свои страхи, но, имея дело с Избранной, необходимо придерживаться правил.

– Живу, чтобы служить, Великая Госпожа, – произнесла Ал-виарин и замолчала. Она не могла тратить и секунды, а тем более часа, на вопли и мольбы. Она крепко стиснула руки, чтобы они не тряслись.

– Что у тебя за насущная необходимость, дитя мое? – Голос был женским, но в нем звенели хрустальные колокольчики. Недовольные колокольчики. Всего лишь недовольные. Если бы колокольчики были рассержены, это означало бы смерть на месте. – Если ты считаешь, что я пошевелю пальцем, чтобы вернуть тебе палантин Хранительницы летописей, ты глубоко ошибаешься.

Ты все еще можешь сделать то, чего я хочу от тебя, приложив некоторое дополнительное усилие. И ты можешь рассматривать наказание, которое получишь от Наставницы Послушниц, как маленькое наказание от меня. Я уже предупреждала тебя, что не стоит нажимать на Элайду слишком сильно.

Алвиарин проглотила поднимавшиеся в ней возражения. Элайда была не той женщиной, которую можно было согнуть, не нажимая на нее. Месана должна знать это. Но Избранным возражать опасно. Многие вещи были опасны, когда имеешь дело с Избранными.

В любом случае, плоть Сильвианы – пустяк по сравнению с топором палача.

– Элайда знает, Великая Госпожа, – выдохнула она, поднимая глаза. Перед ней стояла женщина из света и теней, одетая в свет и тени – беспросветно черные тени и серебристо-белый свет, перетекавшие друг в друга и обратно. Серебряные глаза мрачно взирали на нее с сотканного из дыма лица, серебряные губы были вытянуты в жесткую линию. Это была всего лишь Иллюзия, и, по правде говоря, созданная не лучше, чем могла бы сделать Алвиарин. Меса-на скользнула по доманийскому ковру;

на мгновение вспыхнуло зеленое шелковое платье, затейливо расшитое бронзовой тесьмой. Но Алвиарин не видела плетений, сотворивших эту Иллюзию, так же как не чувствовала она и силы, позволившей женщине появиться здесь или окутать комнату тенями. Судя по ее ощущениям, Месана вообще не могла направлять! Жажда вызнать эти два секрета обычно не давала Алвиарин покоя, но сейчас она едва обращала на это внимание. — Она знает, что я Черная, Великая Госпожа. Если она раскрыла меня, это означает, что у нее есть кто-то, кто копает глубоко. Под угрозой могут оказаться десятки наших сестер, а может быть и все

мы. — Лучше, чтобы угроза была как можно более весомой, если она хочет иметь надежду на ответ. Кроме того, это могло оказаться и правдой.

Но ответом Месаны стал лишь пренебрежительный взмах серебристой теперь руки. Ее лицо источало лунный свет, глаза были угольно-черными провалами.

— Не смей меня. Элайда до сих пор не может решить, уверена ли она вообще в существовании Черной Айя; один день она думает так, а на завтра иначе. Ты просто пытаешься избежать небольшого заслуженного тобой наказания. Но, может быть, если оно станет немного большим, это послужит уроком, чтобы впредь

ты так не ошибалась.

Алвиарин рухнула на колени, умоляя о пощаде, но Месана уже подняла руку, и в воздухе начало формироваться слишком хорошо знакомое ей плетение. Необходимо заставить эту женщину понять!

Внезапно тени в комнате пришли в движение. Все, казалось, сместилось куда-то в сторону, а темнота сгустилась полуночными глыбами. А затем темнота исчезла. Пораженная, Алвиарин обнаружила, что в мольбе протягивает руки к голубоглазой женщине из плоти и крови, одетой в зеленое платье с бронзовой вышивкой. Мучительно знакомой женщине, на вид чуть

моложе средних лет.

Она знала, что Месана проникла в Башню под видом одной из сестер, хотя ни одна из встреченных ею Избранных не имела признаков безвозрастности, но не могла связать это лицо ни с одним именем. И она поняла кое-что еще. В этом лице был страх. Месана скрывала это, но оно было испуганным.

— Она была очень полезна, — говорила Месана, и в ее голосе совершенно не было страха; казалось, еще чуть-чуть, и она узнает его, — но теперь мне придется убить ее.

— Ты всегда была... чересчур расточительна, — отвечал грубый

голос, словно хруст полусгнивших костей, рассыпающихся под ногой.

Алвиарин чуть не упала от потрясения, увидев у окна высокую фигуру человека в гибкой черной броне, состоящей из перекрывающих друг друга пластин, наподобие змеиной чешуи. Впрочем, это был не человек. На бескровном лице не было глаз, на их месте была лишь гладкая мертвенно-белая кожа. Она уже встречалась с Мурд-драалами прежде, на своей службе Темному Повелителю, и даже умудрялась встречать их безглазые взгляды без того ужаса, который они обычно внушали, но от этого она попятилась назад, ползя по полу, пока не

ударилась спиной о ножку стола. Все Таящиеся похожи друг на дружку как две капли воды, одинаково высокие и тощие, но этот был на голову выше других, и страх, казалось, распространялся вокруг него, проникая в нее до костей. Не думая, она потянулась к Источнику. И чуть не закричала. Источник пропал! Она не была отсечена щитом — просто там не было ничего, чего она могла бы коснуться! Мурддраал взглянул на нее и улыбнулся. Таящиеся никогда не улыбаются. Никогда. Ее дыхание вырывалось прерывистыми всхлипами.

— Она еще может быть полезна, — проскрежетал

Мурддраал. — Я не хотел бы, чтобы Черная Айя была уничтожена.

— Кто ты такой, чтобы противоречить одной из Избранных? — презрительно воскликнула Месана, но тут же испортила впечатление, нервно облизнув губы.

— Ты думаешь, что Длань Тени — это просто имя? — Голос Мурддраала больше не скрежетал. Пустой и гулкий, он звучал словно из какой-то пещеры, находящейся на невообразимой глубине. Одновременно со словами тварь начала расти, раздуваясь до тех пор, пока ее голова не коснулась потолка более чем в двух спанах над полом. —

Ты была призвана, и ты не пришла.
Моя рука простирается далеко,
Месана.

Сотрясаемая крупной дрожью, Избранная раскрыла рот, возможно для того, чтобы умолять о пощаде, но внезапно черное пламя вспыхнуло вокруг нее, она закричала, а ее одежды упали с нее, рассыпаясь в прах. Языки черного пламени привязали ее руки к бокам, плотно обвились вокруг ног, а во рту появился шар клубящейся черноты, не давая ей сомкнуть челюсти. Она извивалась в своих путах, нагая и беспомощная, и под взглядом ее бешено вращающихся глаз Алвиарин хотелось смешаться с землей.

– Хочешь ли ты узнать, почему одна из Избранных должна быть наказана? – Голос вновь заскрежетал, словно пила по кости, и Мурддраал вновь казался всего лишь необычно большим Таящимся, но Алвиарин не обманывалась. – Хочешь ли ты посмотреть на это? – спросил голос.

Она должна была бы пасть ничком на пол, умоляя даровать ей жизнь, но не могла пошевелинуться. Она не могла отвести взора от этого безглазого взгляда.

– Нет, Великий Повелитель, – только и сумела проговорить она; во рту было сухо, словно он был полон песка. Она поняла. Этого не могло

быть, но она поняла. Внезапно Алвиарин осознала, что по ее щекам катятся слезы.

Мурддраал улыбнулся вновь.

— Многие пали с высот из-за того, что хотели знать слишком много.

Тварь перетекла поближе к ней — нет, не тварь, — Великий Повелитель в облике Мурддраала перетек поближе к ней. Он передвигался на ногах, однако нельзя было подобрать другого слова для описания того, как он двигался. Бледная, облаченная в черное фигура склонилась над ней, и она чуть не завопила, когда его палец коснулся ее лба. Она завопила бы, если бы могла

издать хоть какой-нибудь звук. Ее легкие висели пустыми, лишенными воздуха мешками. Прикосновение обожгло ее, словно докрасна раскаленное железо. Словно в тумане, она удивилась, почему не чувствует запаха собственной горелой плоти. Великий Повелитель выпрямился, и раздирающая ее боль утихла, исчезла. Ее ужас, однако, ни капли не уменьшился.

— Ты помечена как одна из моих, — проскрежетал Великий Повелитель. — Месана больше не причинит тебе вреда. До тех пор пока я не дам ей свое позволение. Ты найдешь тех, кто угрожает здесь моим созданиям, и передашь их

мне. — Он отвернулся от нее, и черная броня пала с его тела. Она вздрогнула, когда доспехи ударились о прикрытые ковром плиты пола со стальным звоном, вместо того чтобы просто исчезнуть. Он был одет в черное, и она не могла бы сказать, был ли это шелк, или кожа, или что-то другое. Чернота его одеяния, казалось, высасывала свет из комнаты. Месана начала биться в своих узах, пронзительно причитая сквозь кляп во рту. — Теперь ступай, — произнес он, — если хочешь прожить еще хоть час. — Звуки, производимые Месаной, превратились в отчаянные вопли.

Алвиарин не знала, как

выбралась из своих покоев, – она не могла понять, как ей удастся держаться на ногах, они были словно наполнены водой, – но обнаружила, что бежит по коридорам, подобрав юбку до колен и несясь со всей быстротой, на какую была способна. Внезапно впереди нее возникла широкая лестница, и она едва успела притормозить, чтобы не скатиться вниз по ступеням. Бессильно привалившись к стене и трясясь всем телом, она смотрела вниз, на изгибающийся пролет белых мраморных ступеней. В мозгу у нее четко вырисовывалась картина: ее тело летит вниз по лестнице, а потом остается лежать неподвижно, с

переломанными костями.

Тяжело, отрывисто дыша хриплыми, раздирающими горло всхлипами, Алвиарин приложила трепещущую руку ко лбу. Ее мысли катились, наталкиваясь одна на другую, как ее тело могло бы катиться по ступеням. Великий Повелитель отметил ее как одну из своих. Ее пальцы скользнули по гладкой безупречной коже. Она всегда высоко ценила знание — власть основывается на знании, — но она не желала знать, что происходит сейчас в комнатах, которые только-только покинула. Она хотела бы вообще не знать о том, что там что-то происходит. Великий Повелитель

отметил ее, но Месана все равно найдет способ убить ее за то, что она знает. Великий Повелитель отметил ее и дал ей приказание. Она будет жить, если выяснит, кто охотится на Черных Айя. С усилием распрямив спину, Алвиарин торопливо вытерла ладонями слезы со щек. Она не могла оторвать глаз от ступеней, уходящих вниз впереди нее. Элайда несомненно подозревает ее, но если в этом нет ничего большего, она в любой момент способна организовать охоту. Просто ей придется учитывать саму Элайду, как угрозу, которую необходимо пресечь. Передать ее Великому Повелителю. Ее пальцы вновь коснулись лба.

Черная Айя была в ее распоряжении. Гладкая нетронутая кожа. Талене была там, в апартаментах Элайды. Почему она так смотрела на Юкири и Дозин? Талене была Черной, хотя она, разумеется, не знала того же об Алвиарин. Будет ли метка видна в зеркале? Есть ли там что-нибудь, что смогут увидеть другие? Если ей придется разрабатывать план против предполагаемых охотниц Элайды, возможно, стоит начать с Талене. Она пыталась представить себе путь, по которому ее послание могло бы дойти от «сердца» к «сердцу» до Талене, но в то же время не могла прекратить смотреть на лестницу, видя, как ее тело катится со

ступеньки на ступеньку, вниз, до самого низа. Великий Повелитель отметил ее.

Глава 22. Один ответ

Певара с легким нетерпением ждала, пока стройная маленькая Принятая ставила серебряный поднос на столик у стены и снимала салфетку с блюда с пирожками. Низенькая женщина с серьезным лицом, Педра не была медлительной и не выказывала никакого раздражения тем, что вынуждена все утро провести на побегушках у Восседающей; она действовала точно и аккуратно. Эти качества были ценными и нуждались в поощрении. Однако, когда Принятая спросила, не налить ли ей вина, Певара сухо

ответила:

— Мы сами справимся, дитя мое. Ты можешь подождать в передней. — Она чуть не сказала молодой женщине, что та может возвращаться к своим занятиям.

Педра раскинула белую юбку с цветной каймой в грациозном реверансе, не проявляя и намека на то смущение, в какое часто приходили Принятые, когда Восседающие выказывали раздражение. Принятые слишком часто считали, что сердитые нотки в тоне Восседающих выражают сомнение в их пригодности для того, чтобы носить шаль, словно у Восседающих нет других забот.

Певара подождала, пока дверь за Педрой закроется, щелкнув замком, а затем одобрительно кивнула.

— Эта девушка скоро станет Айз Седай, — проговорила она. Когда любая из женщин получала шаль, это всегда приносило удовлетворение, но особенно в тех случаях, когда вначале она казалась малообещающей. Небольшие радости — это все, что оставалось им в эти дни.

— Но не одной из наших, думается мне, — отозвалась ее нежданная гостья, поворачиваясь от миниатюрных портретов умерших членов семьи Певары, что стояли в ряд на мраморной каминной полке с волнистой резьбой. — Она неуверенно

чувствует себя с мужчинами. Мне кажется, они нервируют ее.

Саму Тарну мужчины, несомненно, не нервировали, как и почти все остальное, по крайней мере с тех пор, как она получила шаль немногим более двадцати лет назад. Певара помнила ее очень нервной послушницей, но сейчас голубые глаза светловолосой Айз Седай были тверды как камни. И тепла в них было не больше, чем в камнях зимой. Но, несмотря на это, в ее холодном горделивом лице, в складке ее губ было что-то, из-за чего этим утром она казалась беспокойной. Певара не могла представить себе, что могло

заставить Тарну Фейр нервничать.

Настоящий вопрос, впрочем, заключался в том, зачем Тарна явилась к ней. С ее стороны было почти неподобающим посещать любую из Восседающих приватно, а особенно Красную. Тарна по-прежнему занимала комнаты здесь, в той части Башни, что была отведена для Красных, однако, поскольку она заняла новый пост, она больше не являлась частью Красной Айя, несмотря на темно-красную вышивку на темно-сером платье. То, что она откладывала переезд в новые апартаменты, могло быть принято за жест деликатности — теми, кто не знал ее.

Все, что выходило за рамки повседневности, настораживало Певару с тех пор, как Сине вовлекла ее в охоту за Черными Айя. К тому же Элайда доверяла Тарне почти так же, как она доверяла Галине; благоразумие требовало относиться с большой осторожностью к *любой*, кому доверяет Элайда. Одна мысль о Галине – сожги Свет эту женщину во веки веков! – до сих пор заставляла Певару скрипеть зубами, но здесь имелась и вторая взаимосвязь. Галина также проявляла к Тарне особый интерес, когда та была послушницей. Правда, Галина проявляла интерес к *любой* послушнице или Принятой, которая,

по ее мнению, могла присоединиться к Красным, но это была еще одна причина быть осторожной.

Разумеется, на лице Певары не отразилось ничего. Она слишком долго была Айз Седай, чтобы допустить подобное. Улыбаясь, она протянула руку к узкогорлому серебряному кувшину, стоявшему на подносе, распространявшему сладкий запах пряностей.

— Выпьешь вина, Тарна, в качестве поздравления с повышением?

С серебряными кубками в руках они сидели в креслах, украшенных спиральной резьбой — этот стиль вышел в Кандоре из моды уже сотню

лет назад, но Певаре он нравился. Она не видела причин менять свою мебель или что-либо другое для того, чтобы соответствовать капризам настоящего момента. Эти кресла служили ей с тех пор, как их сделали, и они были очень удобными, если положить на них несколько подушек. Тарна, однако, сидела выпрямившись на краешке сиденья. Ее и вообще-то трудно было назвать апатичной, но сейчас она *действительно* была беспокойной.

– Не уверена, что поздравления здесь уместны, – сказала она, теребя узкий красный палантин, наброшенный на шею. Конкретный оттенок не оговаривался специально,

лишь бы любой, кто увидит его, мог назвать его красным, и она выбрала ярко-алый цвет, почти полыхавший собственным светом. — Элайда настаивала, и я не могла отказаться. Многое изменилось с тех пор, как я покинула Башню, как внутри нее, так и вне ее. Алвиарин заставила всех относиться к Хранительнице... с осторожностью. Подозреваю, некоторые захотят, чтобы ее высекли, когда она наконец вернется. А Элайда... — Она сделала паузу, чтобы отхлебнуть вина, но, опустив кубок, продолжила уже другим тоном: — Я часто слышала, как тебя называют чуждой условностям женщиной. Я слышала даже, будто ты как-то

говорила, что не отказалась бы иметь Стража.

– Меня называли и похуже, чем чуждой условностям, – сухо отозвалась Певара. Что Тарна собиралась сказать насчет Элайды? Она говорила так, словно, будь ее воля, она отказалась бы от палантина Хранительницы Летописей. Странно. Тарну трудно назвать застенчивой или робкой. Лучше будет побольше молчать. Особенно насчет Стражей. Она и так слишком много наговорила, если *это* уже стало общеизвестным слухом. Кроме того, если достаточно долго молчать, собеседница обязательно заговорит, хотя бы для того, чтобы заполнить

паузу в разговоре. С помощью молчания можно узнать очень многое. Певара медленно отхлебнула из своего кубка. В вине было слишком много меда на ее вкус и не хватало имбиря.

По-прежнему выпрямившись, Тарна поднялась и подошла к камину, где вновь встала, разглядывая миниатюры на белых лакированных подставках. Она подняла руку, чтобы прикоснуться к одному из костяных овалов, и Певара почувствовала, как ее плечи напряглись помимо ее воли. Георгу, ее младшему брату, было всего двенадцать лет, когда он умер, когда погибли все эти люди, изображенные на портретах, во

время восстания Приспешников Темного. Их семья была не из тех, что могли позволить себе костяные миниатюры, но как только у нее появились деньги, она разыскала художника, который сумел воплотить ее воспоминания. Георг был чудесный мальчик, высокий для своих лет и совершенно бесстрашный. Лишь спустя долгое время после происшедшего она узнала, как умер ее младший брат. С ножом в руке, стоя над телом отца и пытаясь не подпустить толпу к матери. Так много лет прошло. Они все были бы уже давно мертвы в любом случае, и их дети, и дети их детей. Но бывает ненависть, которая

не умирает.

— Дракон Возрожденный—*та'верен*, так я слышала, — сказала наконец Тарна, не отрываясь от портрета Георга. — Как ты думаешь, это он изменяет возможности повсюду? Или мы сами изменяем будущее, двигаясь шаг за шагом, пока не обнаруживаем себя там, где совершенно не ожидали оказаться?

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Певара, немного более резко, чем ей бы хотелось. Ей не нравилось, что та так пристально рассматривает изображение ее брата, говоря при этом о мужчине, умеющем направлять Силу, даже если это Возрожденный Дракон. Она

прикусила губу, чтобы не сказать Тарне повернуться и посмотреть на нее. По чужой спине можно прочесть гораздо меньше, чем по лицу.

— Я не предвидела в Салидаре больших трудностей. Особого успеха тоже не ожидалось, но то, что я обнаружила... — Тарна покачала головой или просто изменила угол, под которым рассматривала миниатюру? Ее речь была медленной, но чувствовалось, что она помнит о безотлагательности своего дела. — Я оставила голубятницу в дне пути от деревни, однако у меня заняло меньше чем полдня, чтобы вернуться к ней, и после того как я отправила птиц с копиями

своего отчета, я двигалась так быстро, что мне пришлось заплатить этой женщине и отпустить ее, потому что ей было за мной не угнаться. Не скажу, сколько лошадей я сменила по дороге. Порой животные были так измотаны, что мне приходилось демонстрировать свое кольцо, чтобы в конюшне согласились их обменять, даже когда я доплачивала серебром. И из-за того что я так торопилась, получилось так, что я добралась до деревни в Муранди как раз тогда, когда там находились... вербовщики. Не будь я так напугана тем, что увидела в Салидаре, я добралась бы до Эбу Дар и наняла бы там корабль до Иллиана

и вверх по реке, но одна мысль о том, чтобы идти на юг, а не на север, мысль о том, что придется ждать судна, была столь невыносима, что я стрелой помчалась к Тар Валону. И оказалась в этой деревне как раз, чтобы увидеть их.

— Кого, Тарна?

— Аша'манов. — И здесь она повернулась. Ее глаза были по-прежнему кусочками голубого льда, но в них было напряжение. Она держала свой кубок обеими руками, словно пытаясь впитать его тепло. — Я, разумеется, тогда еще не знала, кто они такие, но они открыто вербовали мужчин, чтобы следовать за Драконом Возрожденным, и

самым мудрым с моей стороны было сначала послушать, а потом уже говорить. И хорошо для меня, что я так поступила. Их было шестеро, Певара, шестеро человек в черных куртках. У двоих на воротниках были серебряные мечи, они проверяли мужчин на предмет того, могут ли те научиться направлять. О, они не говорили этого прямо. «Владеть молниями» — так они называли это. Владеть молниями и править громом. Но мне было вполне ясно, о чем они говорят, даже если этого не понимали те глупцы, которых они вербовали.

— Да, хорошо, что ты осталась в тени, — тихо сказала Певара. —

Шестеро мужчин, способных направлять, — более чем просто опасны для одинокой сестры. Наши «глаза-и-уши» только и говорят, что об этих вербовочных отрядах — их, кажется, разослали повсюду от Салдэйи до Тира, — но ни одна сестра, по-видимому, не может предложить ничего вразумительного, как их остановить. Если для этого уже не поздно. — Она вновь чуть не прикусила себе губу. Вот в чем проблема, когда говоришь. Иногда получается так, что говоришь больше, чем намеревался.

Как ни странно, это замечание несколько ослабило напряжение, владевшее Тарной. Она вновь уселась

в кресло и откинулась на спинку, хотя в том, как она держалась, все же оставалась нотка настороженности. Она тщательно выбирала слова, прерываясь, чтобы поднести к губам кубок, но, как заметила Певара, не выпила ни глотка.

— У меня было достаточно времени на раздумья, пока я плыла на корабле на север. Даже более чем достаточно, поскольку глупец-капитан посадил нас на мель с такой силой, что у него сломалась мачта, а в корпусе оказалась пробоина. Прошли дни, пока мы, высадившись на берег, пытались окликнуть другое судно, и дни, пока нам удалось найти лошадь. Шестеро этих людей,

посланных в одну деревеньку, наконец-то убедили меня. О, они, конечно, ходили и по округе, но те места не так уж густо населены. Мне... мне кажется, уже слишком поздно.

— Элайда считает, что их всех можно укротить, — уклончиво произнесла Певара. Она и без того слишком сильно открылась.

— Когда они могут позволить себе послать шестерых в одну маленькую деревушку и умеют Перемещаться? Я вижу здесь лишь один ответ. Мы... — Тарна поглубже набрала воздуха, вновь теребя свой ярко-алый палантин, но теперь поступала так скорее для того, чтобы

собраться с духом, чем для того, чтобы выиграть время. — Красные сестры должны взять их как своих Стражей, Певара.

Это было настолько неожиданно, что Певара моргнула. Если бы у нее было хоть на волос меньше самообладания, она раскрыла бы рот.

— Ты серьезно?

Ледяные голубые глаза твердо встретили ее взгляд. Худшее было позади — немыслимое уже произнесено вслух, — и Тарна вновь превратилась в женщину, высеченную из камня.

— С такими вещами вряд ли шутят. Единственный другой вариант

– позволить им делать, что они хотят. Кто еще сможет сделать это? Красные сестры привычны иметь дело с такими, как они, и готовы взять на себя необходимый риск. Любая другая дрогнет. Каждой сестре придется взять нескольких, но Зеленым, по-видимому, удастся справляться с этим вполне неплохо. Однако, думаю мне, любая Зеленая упадет в обморок, если ей предложат что-либо подобное. Мы... Красные сестры, должны сделать то, что необходимо.

– Ты обсуждала это с Элайдой? – спросила Певара, и Тарна нетерпеливо потрянула головой.

– Элайда считает именно так,

как сказала. Она... – Желтоволосая Айз Седай, хмурясь, посмотрела в свой кубок, прежде чем продолжить. – Элайда часто верит в то, во что хочет верить, и видит то, что хочет видеть. Я пыталась поднять вопрос об Аша'манах в первый же день, когда вернулась. Не для того чтобы предложить связывать их узами – ей такое нельзя предлагать. Я не настолько глупа. Она запретила мне вообще упоминать ей о них. Но ты... чуждая условностям.

– А как ты считаешь, их можно будет укротить *после* того, как они будут связаны узами? Понятия не имею, что станет с сестрой, связанной с ним узами, и, по правде

говоря, и не хотела бы этого узнавать. — Так она пытается выиграть время, осознала Певара. Когда они начали разговор, она не имела представления, к чему он клонится, но поручилась бы чем угодно, что не к этому.

— Это может быть концом, и это может оказаться невозможным, — холодно ответила Тарна. Она *действительно* была каменной. — В любом случае, не вижу другого способа справиться с Аша'манами. Красные сестры должны связать их узами как Стражей. Если это возможно, я буду среди первых, но это *должно* быть сделано.

Она сидела, спокойно

прихлебывая свое вино, и в течение долгого времени Певара могла лишь в оцепенении смотреть на нее. Ничто из сказанного Тарной не доказывало, что она не была Черной Айя, однако Певара не могла относиться с недоверием к каждой сестре, которая не могла этого доказать. Точнее, могла и не доверяла, когда дело касалось Черных Айя, однако у нее были и другие заботы, с которыми необходимо было справляться. Она была Восседающей, а не простой ищейкой. Ей надо думать о Белой Башне и об Айз Седай, находящихся вдалеке от Башни. И о будущем.

Запустив пальцы в свой вышитый поясной кошель, Певара

вытащила из него маленький клочок бумаги, скатанный в тоненькую трубочку. Ей казалось, что он должен полыхать огненными буквами. До сих пор она была одной из двух женщин во всей Башне, кто знал, что здесь написано. Даже уже вытащив записку, она заколебалась, прежде чем передать ее Тарне.

— Это пришло от одного из наших агентов в Кайриэне, но было послано Тувин Газал.

Взгляд Тарны метнулся к лицу Певары при упоминании имени Тувин, затем вновь вернулся к посланию. Ее каменное лицо не изменило выражения, даже когда она закончила читать и позволила

бумажке вновь скрутиться в трубочку у нее в руке.

— Это не меняет ничего, — проговорила она решительно. И холодно. — Это лишь делает то, что я предлагаю, более настоящим.

— Наоборот, — вздохнула Певара. — Это меняет все. Меняет весь мир.

Глава 23. Украшения

Воздух в комнате был значительно теплее, чем снаружи, и на оконных стеклах в выкрашенных красной краской переплетах осели капли влаги, кроме того, сами стекла были неровными и с пузырями, однако Кадсуане стояла, глядя наружу, словно могла ясно видеть унылый ландшафт. Во всяком случае, она видела его с достаточной для себя ясностью. Немногочисленные злополучные крестьяне, закутанные и с шапками на головах, так что лишь бесформенные юбки или мешковатые штаны помогали

отличить мужчин от женщин, шлепали по окружавшим поместье размокшим полям, иногда наклоняясь, чтобы поднять комок земли. Пройдет еще немного времени, и они начнут пахать и удобрять землю, но сейчас лишь то, что они уже осматривали свои поля, указывало на близкий приход весны. За полями виднелся лес — голые черные ветви на фоне размытого серого утреннего неба. Хороший снежный покров сделал бы вид менее тоскливым, однако снег выпадал здесь мало и нечасто, и следы одного снегопада редко оставались до следующего. Тем не менее она не могла придумать

другого места, более подходящего для ее целей, притом что Хребет Мира находился немногим менее чем в дне быстрой езды к востоку отсюда. Кто сообразит искать их на территории Тира? И несмотря на это, разве убедить мальчика остановиться здесь было легко? Со вздохом Кадсуане отвернулась от окна, чувствуя, как покачиваются золотые украшения в ее волосах — маленькие полумесяцы и звезды, птички и рыбки. Она очень дорожила ими в последнее время. Дорожила? Ха! Да в последнее время она подумывала о том, чтобы спать не снимая их.

Гостиная была большой, но лишенной украшений, подобно

самой усадьбе, лишь карнизы были украшены резьбой и выкрашены красной краской. Мебель была тоже ярко раскрашена, но без намека на позолоту, два широких камина были из простого камня, хотя и хорошо сложены, железные решетки были прочными, сделанными скорее в расчете на долгую службу, чем на внешнюю красоту. Огонь, по ее настоянию, пылал не слишком сильно, языки пламени облизывали полусгоревшие поленья, но их было достаточно для того, чтобы согреть руки, а большего ей и не нужно. Если бы ему позволили поступать по своему усмотрению, Алгарин задушил бы ее в тепле и окружил бы

слугами, как ни мало их у него было. Алгарин был незначительным Лордом Страны, его вряд ли можно было назвать богатым, однако он платил свои долги в буквальном и переносном смысле, даже в тех случаях, когда большинство других вообще не сочло бы это долгом.

Гладкая струганая дверь в коридор скрипнула, открываясь, — большинство слуг Алгарина были почти столь же старыми, как и он сам, и хотя они держали дом в чистоте и порядке, заправляли лампы маслом и обрезали фитили, дверные петли в усадьбе постоянно оказывались несмазанными, — дверь скрипнула, и в комнату вошла Верин,

все еще в дорожной одежде, простом коричневом шерстяном платье с юбкой-штанами, неся плащ на руке и поправляя прическу, в которой проблескивала седина. На квадратном лице приземистой сестры было написано раздражение, она покачивала головой.

– Ну что ж, Кадсуане, Морской Народ переправили в Тир. Я не подходила близко к Твердыне, но слышала, что Благородный Лорд Асториел перестал жаловаться на скрип в суставах и заперся внутри вместе с Дарлином. Кто бы подумал, что Асториел способен на какие-то действия, да еще на стороне Дарлина? Улицы полны

дружинников, большинство из них заняты тем, что напиваются и устраивают драки между собой, когда не дерутся с Ата'ан Миэйр. В городе столько же Морского Народа, сколько остальных жителей, вместе взятых. Харине была ошеломлена. Она кинулась к кораблям сразу же, как только смогла нанять лодку, надеясь, что ее провозгласят Госпожой Кораблей и она сможет начать переделывать все по своему усмотрению. Похоже на то, что Нестадин Реас без сомнения мертв.

Кадсуане с благосклонностью слушала щебетание низенькой сестры. Верин была далеко не столь рассеянна, как пыталась казаться.

Некоторые из Коричневых сестер действительно способны спотыкаться о собственные ноги из-за того, что не заметили их, однако Верин была одной из тех, чья удаленность от дел мира была лишь притворством. Она, по-видимому, верила, что Кадсуане принимает ее маску за реальность, однако, если она собиралась сообщить что-то важное, она сообщит это. И то, о чем она умолчит, возможно, тоже со временем раскроется. Кадсуане была не настолько уверена в ней, насколько ей хотелось бы. Неуверенность оставалась неотъемлемой частью ее жизни, но она была не уверена слишком во

многих вещах, чтобы быть довольной.

К несчастью, Мин, по-видимому, подслушивала за дверью, и у этой молодой женщины терпения было гораздо меньше.

— Я говорила Харине, что ничего не выйдет, — протестуяще воскликнула она, врываясь в комнату. — Я говорила ей, что она будет наказана за сделку, которую заключила с Рандом. Лишь после этого она станет Госпожой Кораблей, и я не взялась бы сказать, будет ли это через десять дней или через десять лет. — Худощавая и хорошенькая, она выглядела высокой в своих сапожках на красных

каблуках; черные волосы колечками спадали ей на плечи. У Мин был низкий женственный голос, однако она носила мальчишескую красную куртку и голубые штаны. Правда, лацканы и рукава куртки были расшиты яркими цветами, а на внешней стороне штанин сверху донизу были нашиты ленты, но тем не менее это все же были куртка и штаны.

— Можешь войти, Мин, — негромко сказала Кадсуане. Это был тот ее тон, услышав который люди обычно садились в уголок и слушали, что им скажут. По крайней мере те, кто знал Кадсуане. Пятна краски проступили на щеках Мин. — Боюсь,

Госпожа Волн уже узнала все, что ей было нужно, из твоих видений. Но, судя по тому, как ты спешишь, возможно, ты прочла еще чью-нибудь ауру и хочешь рассказать мне о том, что увидела? — Необычная способность девушки оказалась весьма полезной в прошлом и, несомненно, окажется столь же полезной в будущем. Возможно. Насколько могла судить Кадсуане, девушка не лгала о том, что читала в тех образах и аурах, которые видела вокруг людей, но тем не менее ее предсказания не всегда оказывались верными. В особенности когда они касались того человека, о котором Кадсуане хотелось знать больше, чем

обо всех остальных.

Несмотря на покрасневшие щеки, Мин упрямо вздернула подбородок. Она изменилась после Шадар Логота, или, возможно, это началось еще раньше, но как бы то ни было, перемена была не в лучшую сторону.

— Ранд хочет, чтобы вы пришли к нему. Он сказал попросить вас, так что не нужно из-за этого раздражаться.

Кадсуане лишь посмотрела на нее и позволила молчанию затянуться.

Раздражаться? Определенно перемена была не в лучшую сторону.

— Скажи ему, что я приду, когда

смогу, – произнесла она наконец. – И закрой за собой дверь поплотнее.

Девушка открыла было рот, словно для того, чтобы сказать что-нибудь еще, но у нее все же хватило здравомыслия, чтобы оставить это при себе. Она даже сделала вполне пристойный реверанс, несмотря на эти смехотворные сапожки, и действительно плотно затворила за собой дверь. Фактически еще чуть-чуть, и можно было бы сказать, что она хлопнула ею.

Верин снова покачала головой, со смехом, который звучал лишь слегка веселым.

– Она любит этого юношу, Кадсуане, и положила свое сердце

ему в карман. Она будет поступать так, как велит ей сердце, а не голова, что бы ты ни говорила или делала. Думаю, она боится из-за того, что он чуть не умер у нее на руках, а ты ведь знаешь, как подобные вещи могут привязать женщину.

Губы Кадсуане сжались. Верин знала больше нее о подобного рода отношениях с мужчинами — она никогда не позволяла себе расслабляться, заводя Стражей, как делают Зеленые, а о других мужчинах вообще не могло быть и речи, — но Коричневая сестра попала очень близко к цели, сама того не понимая. По крайней мере, Кадсуане считала, что ей вряд ли известно о

том, что Мин связана узами с мальчишкой ал'Тором. Она и сама знала об этом лишь потому, что девчонка как-то по небрежности сказала больше, чем намеревалась. Даже самая крепкая мидия в конце концов позволяет добраться до своего мяса, после того как удастся проделать первую маленькую трещинку в раковине. А иногда в ней открывается и неожиданная жемчужина. Да, Мин должна была хотеть, чтобы парень оставался в живых, любила она его или нет, но вряд ли она хотела этого больше, чем Кадсуане.

Накинув плащ на высокую спинку стула, Верин подошла к

ближнему из каминов и протянула к нему руки, грея их над слабым пламенем. Нельзя сказать, что у Верин скользящая походка, но она была более грациозной, чем можно было предположить исходя из ее грузной комплекции. Сколько еще в ней было так же обманчиво? Все Айз Седай постоянно скрывают свое лицо за многочисленными масками. Через некоторое время это становилось привычкой.

— Я все же надеюсь, что ситуацию в Тире еще можно разрешить мирно, — сказала Верин, глядя в огонь. Возможно, она говорила сама с собой. А возможно, хотела, чтобы Кадсуане так

подумала. – Гearn и Симаан приходят в отчаяние, они боятся, что другие Благородные Лорды вернутся из Иллиана и запрут их в городе как в ловушке. Они могут быть сговорчивыми и согласятся принять Дарлина, учитывая, какой выбор у них есть. Истанда сделана из более крутого теста, но если ее удастся убедить, что ей это выгодно...

– Я же велела тебе не приближаться к ним, – жестко прервала ее Кадсуане. Та с удивлением моргнула.

– Я и не приближалась. Улицы всегда полнятся слухами, а я знаю, как сложить слухи вместе, чтобы из них проявилась капелька истины. Я

видела Аланну и Рафелу, но я нырнула за спину парня, торговавшего с тележки пирожками с мясом, так что они не успели меня заметить. Я уверена, что не успели. — Она замолчала, очевидно желая, чтобы Кадсуане объяснила, почему ей было сказано избегать и сестер.

— Я должна пойти к мальчику, Верин, — вместо этого сказала Кадсуане. Так всегда, когда соглашаешься быть чьим-то советником. Даже если удастся выставить все условия, какие только можешь пожелать, — хотя бы большинство из них, — рано или поздно тебе все равно приходится идти, когда тебя зовут. Но это давало

ей повод избежать любопытства Верин. Ответ был прост. Если пытаешься решить все проблемы самостоятельно, не решишь ни одной. А в случае с некоторыми проблемами в конечном счете не важно, каким образом они были решены. Но то, что она не ответила, оставило Верин загадку, над которой она будет раздумывать, — немного масла для ее подметок. Когда Кадсуане была в ком-то не уверена, она предпочитала, чтобы они тоже были не уверены в ней.

Верин взяла свой плащ и вышла из комнаты вместе с ней. Не хотела ли она составить ей компанию? Но, выйдя из гостиной, они встретили

Несан, которая быстрым шагом шла по коридору. Увидев их, она резко остановилась. Лишь какая-нибудь горстка людей пыталась игнорировать Кадсуане, однако Несан сделала вполне удовлетворительную попытку; ее темные, почти черные, глаза вперились в Верин.

— Так ты вернулась, вот как? — Даже лучшие из Коричневых имели привычку утверждать очевидное. — Ты ведь писала работу о животных Затопленных Земель, как я припоминаю? — Что означало, что так оно и было; Несан помнила все, что хоть раз в жизни видела, — полезное свойство, если бы Кадсуане

была уверена в ней достаточно, чтобы использовать его. — Лорд Алгарин показал мне шкуру большой змеи, он говорит, что это змея из Затопленных Земель, но я уверена, что видела такую же... — Верин беспомощно взглянула на Кадсуане через плечо, поскольку вторая сестра тянула ее с собой за рукав, но не успели они пройти и трех шагов по коридору, как она уже была полностью поглощена дискуссией об этих дурацких змеях.

Это было замечательное зрелище, и в какой-то мере беспокоящее. Несан была из сестер, верных Элайде, по крайней мере раньше, в то время как Верин

входила в число тех, кто желал свергнуть Элайду. По крайней мере раньше. А теперь они вели дружескую беседу о змеях. То, что обе они дали клятву верности мальчишке ал'Тору, можно было отнести за счет того, что он был *та'вереном*, тем, кто помимо своей воли свивает Узор вокруг себя, но достаточно ли было этой клятвы, чтобы они больше не обращали внимания на свои разногласия относительно того, кто будет занимать Престол Амерлин? Или на них действовало то, что *та'верен* находится в непосредственной близости от них? Ей очень бы хотелось знать это. Ни одно из ее

украшений не защищало от *та'верена*. Разумеется, она не знала, каково назначение двух рыбок и одной из лун в ее уборе, но вряд ли их назначение было именно таково. Возможно, дело просто в том, что и Верин, и Несан — обе были Коричневыми.

Коричневые могут забыть обо всем на свете, когда начинают изучать что-нибудь. Змеи. Ха! Украшения в ее волосах закачались, когда она тряхнула головой, перед тем как повернуться, оставив двух Коричневых сестер за своей спиной. Чего хотел от нее мальчик? Ей никогда не нравилось быть чьим-либо советником, как бы это ни было

необходимо.

Немногочисленные гобелены на стенах коридоров колебались на сквозняке; все они были выполнены в старинном стиле и были потерты от того, что их много раз снимали и вешали на место. Усадьба напоминала скорее разросшуюся ферму, чем просторный особ-няк-манор, новые пристройки добавлялись к ней каждый раз, когда этого требовало возросшее число членов семьи и позволяли доходы. Дом Пендалоан никогда не был богат, но были времена, когда он был многолюден. Результаты этого выражались не только в потертых старомодных гобеленах. Карнизы

были ярко выкрашены красным, желтым и синим, однако коридоры различались по ширине и высоте, а иногда сходились под острыми углами. Окна, когда-то глядевшие на поля, теперь выходили во внутренние дворики, обычно пустые, за исключением нескольких скамеек, и несли лишь осветительную функцию. Иногда единственным путем из одной части дома в другую была скрытая колоннада, перекинутая над одним из таких двориков. Колонны чаще всего были деревянными, но ярко раскрашенными, а то и украшенными резьбой.

В одном из подобных проходов,

крышу которого поддерживали толстые зеленые колонны, стояли рядом две сестры, наблюдая за происходившим во дворике внизу. По крайней мере они смотрели туда, когда Кадсуане открыла дверь и шагнула на колоннаду. Бел-дейн, увидев ее, напряглась, комкая свою шаль с зеленой бахромой, которую она носила менее пяти лет. Она была привлекательной, с высокими скулами и слегка раскосыми карими глазами, и еще не обрела безвозрастности черт лица. Она выглядела моложе Мин, особенно когда окатила Кадсуане холодным взглядом и тут же поспешила по переходу в противоположном

направлении.

Мериса, вторая из сестер, с улыбкой посмотрела ей вслед, слегка оправляя собственную шаль с такой же зеленой бахромой. Высокая и обычно довольно серьезная, с бледным лицом и с волосами, туго собранными на затылке, Мериса была не из тех женщин, которые часто улыбаются.

— Белдейн начинает волновать, что у нее до сих пор нет Стража, — проговорила она со своим тарабонским акцентом, когда Кадсуане подошла к ней, и вновь опустила свои голубые глаза на дворик. — Похоже, она подумывает об Аша'мане, если она найдет

подходящего. Я посоветовала ей поговорить с Дайгиан. Если это ничем не поможет ей, это поможет Дайгиан.

Все Стражи, которые были с ними, собрались сейчас в мощенном камнем дворике, в рубашках, несмотря на холод; большинство сидело на крашеных деревянных скамьях, наблюдая за тем, как двое из них орудуют деревянными учебными мечами. Симпатичный загорелый юноша был Джахар, один из трех Стражей Мерисы. Серебряные колокольчики, прикрепленные к концам двух его длинных косичек, звенели при каждом его яростном выпаде. Он двигался стремительно,

как брошенное копье. Во дворике не было ни ветерка, но восьмиконечная звездочка, похожая на золотую розу ветров, шевельнулась в прическе Кадсуане. Если бы она взяла ее в руку, то почувствовала бы, как звезда вибрирует. Но она и без того знала, что Джахар был Аша'маном, а звездочка все равно не указывала на него, а лишь констатировала, что поблизости находится мужчина, который может направлять Силу. Чем больше таких мужчин, тем сильнее вибрировала звездочка, как заметила Кадсуане. Противник Джахара, очень высокий, широкоплечий мужчина с каменным лицом и плетеным кожаным ремешком на седеющих

висках, удерживавшим его длинные волосы, не был вторым Аша'маном во дворике, но по-своему он был смертельно опасен. Со стороны казалось, что Лан движется не настолько быстро, но он каким-то образом... перетекал с места на место. Его меч, связанный из нескольких планок, всегда оказывался там, где надо, чтобы отразить удар Джахара, постоянно заставляя младшего из противников хоть ненамного отступить, нарушив стойку.

Внезапно деревянный клинок Лана с отчетливым стуком ткнул Джахара в бок; этот удар был бы смертельным, будь клинок из стали.

Его противник еще не успел вздрогнуть от сильного удара, а Лан уже перетек на пару шагов назад, замерев в стойке наготове, приподняв свой длинный клинок. Нетан, еще один из Стражей Мери-сы, поднялся на ноги. Он был худощав, с белыми крылышками седины на висках и высок, хотя все же несколько ниже Лана. Но Джа-хар махнул ему рукой и снова поднял свой учебный меч, громко заявляя, что хочет попробовать еще раз.

— Как держится Дайгиан? — спросила Кадсуане.

— Лучше, чем я ожидала, — признала Мериса. — Она слишком подолгу остается в своей комнате, но

по крайней мере не плачет на людях. — Ее взгляд скользнул от мужчин, исполняющих танец мечей, к выкрашенной в зеленую краску скамье, где рядом с Томасом, плотным седовласым Стражем Верин, сидел человек, на голове которого оставался лишь пучок белых волос. — Дамер предложил испробовать на ней Исцеление, но Дайгиан отказалась. Может, у нее раньше и не было Стража, но она знает, что горевать о погибшем Страже — значит помнить его. Удивительно, что Кореле раздумывает, можно ли позволить такое Исцеление.

Покачивая головой, сестра-

тарабонка вновь начала смотреть на Джахара. Стражи других сестер не очень интересовали ее, по крайней мере не настолько, как ее собственный.

— Аша'маны тоже оплакивали его, как это делают Стражи. Я думала, может, Джахар и Дамер просто следуют примеру остальных, но Джахар сказал мне, что у них тоже так принято. Я не стала вмешиваться, разумеется, но видела, как они пьют в память Стража Дайгиан, юного Эбена. Они не произносили его имени, но каждый выпил за него по полной чаше вина. Бассан и Нетан, оба знают, что могут умереть в любой день, и принимают

это. Джахар *ждет* смерти; каждый день он ждет ее. Для него каждый час – почти наверняка последний.

Кадсуане с трудом удержалась от того, чтобы не воззриться на нее. Мериса нечасто говорила так много. Ее лицо было спокойным, голос – ровным, но что-то волновало ее.

– Я слышала, что ты практикуешься с ним в соединении в круг, – сказала Кадсуане деликатно, глядя вниз, во дворик. Когда говоришь с сестрой о ее Страже, необходимо делать это деликатно. Это было одной из причин, по которым она хмурясь смотрела вниз. – Тебе еще не удалось понять, получилось ли что-нибудь у

мальчишки ал'Тора в Шадар Логоте? Действительно ли ему удалось очистить мужскую половину Источника?

Кореле тоже упражнялась в соединении в круг с Дамером, но Желтая сестра была столь сосредоточена на своих тщетных попытках понять, как делать с помощью *саидар* то, что он делал с помощью *саидин*, что не заметила бы, даже если бы порча Темного застряла у нее в глотке. Какая жалость, что сама она не получила шаль на пятьдесят лет позже, чем это случилось, иначе могла бы соединиться узами с одним из мужчин и ей не пришлось бы

спрашивать. Но эти пятьдесят лет означали бы, что Норла умерла бы в своем маленьком домике в Черных Холмах еще до того, как Кадсуане Меледрин пришла бы в Белую Башню. Это изменило бы многое в истории. И прежде всего в этом случае вряд ли она бы занимала положение, хотя бы отдаленно напоминающее то, которое занимала сейчас. Поэтому она просто спрашивала — деликатно — и ждала ответа.

Мериса долгое время стояла молча и спокойно, потом вздохнула.

— Я не знаю, Кадсуане. *Саидар* — это океан спокойствия, который перенесет тебя туда, куда ты

захочешь, если ты знаешь течения и позволишь им нести тебя. *Саидин...* Лавина пылающих камней. Обрушивающиеся ледяные горы. *Кажется*, что он чище, чем когда я впервые соединились в круг с Джахаром, но в этом хаосе может скрываться все что угодно. Все что угодно.

Кадсуане кивнула. Она была не уверена, что ждала другого ответа. С чего ей ожидать какой-либо уверенности относительно одного из двух наиболее важных вопросов в мире, если она не уверена в отношении столь многих более простых и незначительных? Внизу, во дворике, деревянный клинок Лана

внезапно замер, на этот раз без удара, а лишь касаясь горла Джахара, и победитель вновь перетек назад в свою стойку ожидания. Нетан вновь встал со скамьи, и вновь Джахар махнул ему, усаживая обратно, сердито поднял свой меч и встал в позицию. Третий Страж Мерисы, Бассан, приземистый широкоплечий крепыш, почти столь же загорелый, как Джахар, несмотря на то что был кайриэнцем, засмеялся и отпустил грубое замечание насчет чересчур амбициозных людей, спотыкающихся о собственные мечи. Томас и Дамер обменялись взглядами и покачали головами; в их возрасте мужчины уже давно перестают дразнить друг

друга. Кладанье дерева по дереву возобновилось.

Остальные четверо Стражей были не единственными зрителями поединка Лана с Джахаром во внутреннем дворике. Стройная девушка, темные волосы которой были заплетены в длинную косу, с волнением наблюдала за происходящим с красной скамьи; она-то и была причиной нахмуренных бровей Кадсуане. Этой девчонке необходимо было сверкать своим кольцом Великого Змея под самым носом у людей, чтобы они признали в ней Айз Седай, каковой она и являлась, по крайней мере формально. Дело было не только в

том, что лицо Найнив было девчоночьим — Белдейн была не менее молода. Найнив подпрыгивала на скамье, всякий раз едва не вскакивая на ноги. Ее губы непроизвольно шевелились, словно она беззвучно издавала подбадривающие возгласы, а иногда она даже двигала руками, словно показывая Лану, как он должен действовать мечом. Легкомысленная девчонка, полная страстей, которая лишь изредка демонстрировала, что у нее есть и мозги. Не одна Мин бросила свое сердце вместе с головой в колодец ради мужчины. По обычаям Мал-кир, давно погибшей страны, на лбу Найнив была

нанесена красная точка, означающая, что она замужем за Ланом, несмотря на то что Желтые редко выходят замуж за своих Стражей. Сестры вообще редко так поступают, если уж на то пошло. И разумеется, Лан не был Стражем Найнив, как бы он и девчонка ни пытались делать вид, что это так. Кому он принадлежал на самом деле, было вопросом, которого они оба избегали, как воры, крадущиеся в ночи.

Но что интересовало Кадсуане еще больше и внушало еще больше беспокойства, были украшения, которые носила Найнив, — длинное золотое ожерелье и тонкий золотой пояс, а также браслеты и сделанные

В комплекте с ними кольца, усыпанные кричаще-яркими красными, зелеными и синими камнями, совершенно не подходящими к ее платью с желтыми прорезями. И вдобавок ко всему на левой руке она носила эту странную вещь, золотые кольца, прикрепленные плоскими цепочками к золотому браслету. Это был *ангриал*, гораздо более сильный, чем сорочьи украшения в прическе Кад-суане. Остальные украшения тоже очень походили на ее собственные – это был *тер'ангриал*, несомненно сделанный тогда же, во времена Разлома Мира, когда множество рук обращалось против

Айз Седай, и очень часто эти руки принадлежали мужчинам, которые умели направлять Силу. Странно думать, что в те времена их тоже называли Айз Седай. Все равно что встретить мужчину по имени Кадсуане.

Вопрос – это утро, казалось, было полно вопросов, а ведь солнце еще и наполовину не поднялось к зениту, – вопрос состоял в том, носит ли девчонка свои украшения из-за мальчишки ал'Тора или из-за Аша'манов? Или из-за Кадсуане Меледрин? Найнив

продемонстрировала свою верность юноше из ее родной деревни, но вместе с тем она относилась к нему

настороженно. У нее все же были мозги, только она редко хотела ими пользоваться. До тех пор, однако, пока на этот вопрос не будет найден ответ, слишком доверять этой девочке опасно. Проблема только в том, что в эти дни очень немного не было опасно.

— Джахар становится сильнее, — внезапно произнесла Мериса.

На мгновение Кадсуане нахмурившись посмотрела на другую Зеленую сестру. Сильнее? Рубашка юноши уже начинала прилипать к спине, в то время как Лан, по всей видимости, не пролил еще ни капли пота. Потом она поняла. Мериса имела в виду Силу. Кад-суане,

впрочем, лишь вопросительно подняла бровь. Она не могла припомнить, когда в последний раз позволяла удивлению отразиться на своем лице. Должно быть, тогда, годы назад, в Черных Холмах, когда она лишь начала заслуживать те украшения, которые теперь носила.

— Вначале я думала, что тот способ, которым учатся Аша'маны, формирование, уже привел его к полной силе, — продолжала Ме-риса, хмурясь на двоих мужчин, работающих учебными мечами. Нет, она хмурилась на Джахара. Лишь легкая морщинка между бровей, но этот взгляд был направлен на того, кто мог увидеть его и понять, что она

недовольна. — Там, в Шадар Логоте, я решила, что мне просто показалось. Три или четыре дня спустя я была наполовину уверена, что ошиблась. Но теперь я не сомневаюсь, что поняла правильно. Если мужчины обретают силу рывками, невозможно сказать, насколько сильным он станет.

Она, разумеется, не упомянула о том, что беспокоило ее больше всего: что он может стать сильнее, чем она. Сказать подобную вещь было немыслимо по очень многим причинам, и хотя Мериса уже как-то привыкла делать немыслимые вещи, — большинство сестер упали бы в обморок от одной мысли о том,

чтобы связать себя узами с мужчиной, способным направлять Силу, – она старалась не говорить о них вслух. Кадсуане говорила, хотя и нейтральным тоном. Свет, как она ненавидит быть деликатной! Ненавидит необходимость быть деликатной, во всяком случае.

– Он выглядит довольным, Мериса. – Стражи Мерисы всегда выглядели довольными; она умела обращаться с ними.

– Он вне себя от... – женщина прикоснулась к своему виску, словно ощупывая клубок ощущений, доносившихся до нее через узы. Она действительно была обеспокоена! – ...Нет. Не от гнева. От

замешательства. – Запустив руку в свой зеленый кожаный поясной кошель, она вынула из него маленький эмалевый значок, волнообразную красно-золотую фигурку, похожую на змею с ногами и львиной гривой. – Не знаю, где мальчишка ал'Тор достал это, но он дал это Джахару. Очевидно, для Аша'манов это все равно что получить шаль. Мне пришлось отобрать значок у него, разумеется; Джахар ведь еще на той стадии, когда должен научиться принимать только то, что я позволяю ему принимать. Но он так взволнован из-за этой вещички... Должна ли я отдать ее ему? В каком-то роде он тогда

получит ее из моих рук.

Брови Кадсуане взмыли вверх прежде, чем она успела взять их под контроль. Мериса спрашивала у нее совета относительно одного из своих *Стражей*? Разумеется, Кадсуане первая предложила ей прощупать его, однако подобная степень интимности была... Немыслимой? Ха!

– Я уверена, какое бы решение ты ни приняла, оно будет верным.

Бросив последний взгляд на Найнив, она оставила Зеленую сестру, которая продолжала поглаживать большим пальцем эмалевый значок и хмурясь смотреть во дворик. Лан к этому времени

успел победить Джахара еще раз, но юноша вновь поднялся, требуя еще одного поединка. Что бы ни решила Мериса, она уже узнала одну вещь, которая была ей совсем не по вкусу. Узы между Айз Седай и их Стражами всегда были ясны и понятны; Айз Седай приказывала, а Страж повиновался. Но если даже Мериса приходила в смущение из-за какого-то значка на воротнике – Мериса, которая правила своими Стражами твердой рукой, – это означает, что установлены новые границы, по крайней мере с теми Стражами, кто мог направлять. Маловероятно, что сестры станут теперь воздерживаться от соединения узами с ними;

Белдейн была живым доказательством этому. Люди никогда не меняются, но меняется мир, и с тревожащей регулярностью. Приходится просто жить с этим или во всяком случае проживать это. Тут или там ты, если повезет, можешь слегка изменить направление перемен, но даже если ты остановишь одну из них, ты только послужишь причиной для другой.

Как и предполагалось, дверь в комнаты мальчишки ал'Тора не оставалась без охраны. Аливия, разумеется, была здесь, она сидела на скамье по одну стороны от двери с руками, терпеливо сложенными на коленях. Светловолосая шончанка

назначила себя кем-то вроде защитника мальчишки. Аливия была ему благодарна за то, что он избавил ее от ошейника *дамани*, но здесь крылось и нечто большее. Для начала Мин недолюбливала ее, и это не была обычная ревность. Аливия вряд ли вообще знала, что мужчины и женщины делают вместе. Но была некая связь между ней и мальчиком, связь, которая открывалась во взглядах, выражавших решимость с ее стороны, а с его стороны — надежду, как бы трудно ни было в это поверить. До тех пор пока Кадсуане не узнает, что все это значит, она не собиралась предпринимать никаких действий, чтобы разъединить их.

Твердые голубые глаза Аливии следили за Кадсуане с почтительной настороженностью, но она не видела в ней врага. У Али-вии был короткий разговор с теми, кого она считала врагами мальчишки ал'Тора.

Другая женщина, находившаяся на страже, была примерно той же комплекции, что и Аливия, однако трудно представить двоих более не похожих друг на друга людей; и не только из-за того, что глаза Элзы были карими, а лицо ее — гладким, безвозрастным лицом Айз Седай, в то время как у Аливии в уголках глаз прорезались тонкие морщинки, а в волосах скрывались нити седины. Элза вскочила на ноги, едва лишь

завидев Кадсуане, и встала перед дверью, кутаясь в свою шаль.

— Он не один, — сказала она; голос ее был скован морозом.

— Ты что, собираешься встать у меня на пути? — спросила Кад-суане так же холодно.

Зеленая сестра-андорка должна была отойти в сторону. Элза стояла в Силе настолько ниже нее, что Кадсуане даже не поколебалась, а тем более не стала ждать, прежде чем отдавать ей приказ, но, однако, та продолжала стоять, расставив ноги, а в ее взгляде появился настоящий гнев.

Положение было затруднительным. Пятеро остальных

сестер в поместье поклялись в верности мальчику, и те, кто до этого был предан Элайде, смотрели на Кадсуане так, словно сомневались в ее намерениях относительно него. Что, разумеется, поднимало вопрос, почему Верин избежала этого. Но только одна Элза пыталась держать ее вдалеке от него. Отношение к ней этой женщины просто-таки смердело ревностью, в чем не было никакого смысла. Вряд ли Элза считала, что сама лучше подходит на роль его советницы, и если бы был хотя бы намек на то, что Элза хочет этого мальчика в качестве своего мужчины или Стража, Мин относилась бы к ней с гораздо меньшей терпимостью.

У девочки были отточенные инстинкты в этом отношении. Кадсуане заскрипела бы зубами, будь она из тех женщин, которые скрипят зубами.

Когда она уже решила, что ей придется приказать Элзе убраться с дороги, Аливия наклонилась вперед.

– Он посылал за ней, Элза, – протянула она. – Он будет расстроен, если мы станем задерживать ее. Расстроен из-за нас, а не из-за нее. Пропусти ее.

Элза глянула на шончанку уголком глаза, и ее губы презрительно скривились. Аливия стояла далеко выше нее в Силе – Аливия стояла выше и Кадсуане,

если на то пошло, — но она была дичком, а в глазах Элзы еще и лгуньей. Темноволосая сестра вряд ли могла принять, что Аливия была *дамани*, не говоря уже об остальной части ее истории. Однако Элза метнула взгляд на Кадсуане, затем на дверь и поправила свою шаль. Очевидно, она не хотела, чтобы мальчик был расстроен. По крайней мере из-за нее.

— Я посмотрю, готов ли он принять тебя, — проговорила Элза тоном, очень близким к грубому. — Придержи ее здесь, — добавила она, обращаясь к Аливии, еще более резко, перед тем как повернуться к двери и легонько постучать. Мужской

голос отозвался изнутри, и она открыла дверь лишь настолько, чтобы ей можно было проскользнуть внутрь, и плотно закрыла ее за собой.

— Тебе придется простить ее, — сказала Аливия со своим раздражающе тягучим, мягким шончанским акцентом. — Я думаю, это просто из-за того, что она принимает свою клятву чересчур серьезно. Она не привыкла прислуживать кому бы то ни было.

— Айз Седай держат свое слово, — сухо ответила Кадсуане. По сравнению с этой женщиной ей казалось, что сама она говорит так же быстро и жестко, как какая-нибудь кайриэнка! — Иначе нам

нельзя.

— Не сомневаюсь. И знай, я тоже держу свое слово. Я готова отдать ему все, что он захочет от меня.

Интереснейшее замечание, настоящее откровение; но не успела она воспользоваться им, как вернулась Элза. Позади нее шел Алгарин, седая бородка которого была подстрижена аккуратным клинышком. Он поклонился Кадсуане с улыбкой, которая еще углубила морщины на его лице. Его простой кафтан из темного сукна, скроенный когда он был значительно моложе, теперь свободно болтался на плечах, а волосы на его голове едва закрывали кожу. Вряд ли можно было

выяснить, зачем ему понадобилось посещать мальчишку ал'Тора.

— Теперь он может принять тебя, — резко произнесла Элза. Кадсуане чуть было действительно не закрипела зубами. С Али-

вией придется подождать. И с Алгарином.

Когда Кадсуане вошла, мальчик стоял посреди комнаты, почти такой же высокий и широкоплечий, как Лан, в черной куртке, расшитой золотом по рукавам и высокому вороту. Она слишком походила на куртки Аша'манов, и вышивка была добавлена лишь чтобы угодить ей, но Кадсуане промолчала. Он отвесил ей изысканный поклон, пригласив сесть

в кресло с бахромчатой подушкой, стоявшее перед камином, и спросив, не выпьет ли она вина. То, что было в кувшине, стоявшем на боковом столике рядом с двумя кубками, уже остыло, но он может послать за новым. Ей пришлось немало поработать, чтобы сделать из него благовоспитанного человека;

пусть он носит любые куртки, какие захочет. Существовали более важные вопросы, в которых им требовалось руководить. Или подталкивать, или даже таскать за шиворот, если потребуется. Она не собиралась тратить время на разговоры о том, во что он одевается.

Любезно склонив голову,

Кадсуане отклонила предложение послать за вином. Кубок с вином предоставлял множество возможностей — прихлебывать из него, когда нужна минута на размышление; смотреть в него, когда необходимо спрятать глаза, — однако за этим юношей надо было смотреть постоянно. На его лице отражалось почти так же мало, как на лицах сестер. Со своими темными, с рыжинкой, волосами и этими серо-голубыми глазами он мог бы сойти за айильца, но лишь у немногих из Айил глаза были настолько холодными. По сравнению с ними утреннее небо, на которое она смотрела пару часов назад,

показалось бы теплым. Они были более холодными, чем до Шадар Логота. И, к несчастью, также более жесткими. А еще в них виднелась... усталость.

– У Алгарина был брат, который мог направлять, – сказал он, поворачиваясь к креслу. Но не повернувшись и наполовину, пошатнулся. Он схватился за подлокотник с хриплым смехом, делая вид, что просто споткнулся, но это было несомненное притворство. А ведь он не направлял *саидин* – она уже видела его приступы слабости, когда он делал это, – ее украшения предупредили бы ее. Кореле утверждала, что ему нужно лишь

немного больше спать, чтобы оправиться после Шадар Логота. Свет, ей нужно сохранить мальчишку живым, иначе все будет впустую!

— Я знаю, — сказала она. И хотя, похоже, Алгарин уже рассказал ему все, прибавила: — Это я захватила Эмарина и привезла его в Тар Валон. — Многие нашли бы странным, что Алгарин был благодарен ей за это, но его младший брат, будучи укрощенным, прожил более десяти лет после того, как она помогла ему примириться с этим. Братья были близки между собой.

Брови мальчика сошлись к переносице; он сел в кресло. Он все же не знал.

– Алгарин хочет, чтобы его проверили, – сказал Ранд.

Она встретила его взгляд ровно, спокойно и удержалась от ответа. Дети Алгарина были женаты – те, кто еще был жив. Возможно, он был готов передать этот участок земли своим наследникам. В любом случае, одним умеющим направлять мужчиной больше или меньше – вряд ли это что-то изменит. Если речь шла не о мальчике, который сейчас смотрел на нее.

Через несколько секунд его подбородок слегка склонился – намек на кивок. Может быть, он проверял ее?

– Не бойся, что я забуду сказать

тебе, когда ты будешь вести себя как глупец, мальчик мой. — Большинство людей с первой встречи запоминало, что у нее острый язык. Этому юноше время от времени требовалось напоминание. Он хмыкнул. Это могло быть смешком. А может быть, это раскаяние. Она напомнила себе, что он хотел, чтобы она научила его чему-то, хотя, по всей видимости, сам не знал чему именно. Неважно. У нее был целый список, из которого можно выбирать, и она еще только приступила к нему.

На его лице отразилось не больше, чем если бы оно было вырезано из камня, но он вновь вскочил на ноги и принялся шагать

взад и вперед между камином и дверью. Его руки за спиной были сжаты в кулаки.

– Я говорил с Аливией насчет Шончан, – произнес он. – Они не зря называют свою армию Непобедимой Армией. Она еще не проиграла ни одной войны. Сражения ей приходилось проигрывать, но не войны. Проиграв сражение, они выясняют, что сделали неправильно или что сделал правильно их противник. Затем они изменяют то, что необходимо изменить, чтобы победили они.

– Мудрый подход, – сказала она, когда поток его слов прервался. Очевидно, он ожидал от нее какого-

то комментария. — Я знаю людей, которые поступают точно так же. Даврам Башир, например. Гарет Брин, Родел Итуралде, Агельмар Джагад. Даже Пейдрон Найол делал так, когда был жив. Все великие полководцы.

— Именно, — проговорил он, не переставая шагать. Он не глядел на нее, возможно, не видел ее, но он слушал. Следовало надеяться, что он действительно слышал, что она говорит. — Пять человек, все великие полководцы. А Шончан поступают так все. Так они делали в течение тысячи лет. Они изменяют то, что необходимо изменить, но они не сдаются.

— Не считаешь ли ты возможным, что они *не могут* быть побеждены? — спокойно спросила она. Спокойствие всегда было самым подходящим поведением до тех пор, пока не узнаешь все факты, да и после этого обычно тоже.

Мальчик развернулся к ней, вскинув голову, с глазами как лед.

— Я могу победить их рано или поздно, — сказал он, стараясь сдерживать тон. Одно это уже неплохо. Чем реже ей придется доказывать ему, что она может и станет наказывать его за погрешности против ее правил, тем лучше. — Но... — Он оборвал себя, прислушиваясь к шуму спора в

коридоре, проникшему через дверь.

Моментом позже дверь широко распахнулась и появилась в комнате Элза, пятясь, все еще громко пререкаясь и стараясь удержать двух других сестер широко распростертыми руками. Эриан, на бледном лице которой проступили алые пятна, буквально толкала другую Зеленую перед собой. Лицо Сарен, женщины столь красивой, что по сравнению с ней Эриан выглядела почти заурядной, имело более спокойное выражение, как и можно было ожидать от Белой, но она раздраженно качала головой, так что цветные бусины, вплетенные в тонкие косы, постукивали друг о

друга. Сарен обладала вспыльчивым характером, хотя обычно держала его взаперти.

— Бартол и Рашан направляются сюда, — громко провозгласила Эриан; возбуждение усиливало иллианский акцент в ее речи. Эти двое были ее Стражами, оставленными в Кайриэне. — Я не посылала за ними, но кто-то Переместился вместе с ними. Час назад я почувствовала, как они внезапно стали ближе, а прямо сейчас — еще ближе. Сейчас они направляются к нам.

— Мой Витальен тоже стал ближе, — сказала Сарен. — Думаю, он будет здесь через несколько часов.

Элза уронила руки, хотя, судя по

тому, насколько прямой была ее спина, она по-прежнему свирепо глядела на сестер.

— Мой Феарил тоже скоро тут появится, — пробормотала она. Феарил был ее единственным Стражем; говорили, что они женаты, а замужние Зеленые редко брали одновременно другого Стража. Кадсуане подумала, стала бы она говорить об этом, если бы другие промолчали.

— Не ожидал, что это случится так скоро, — тихо проговорил мальчик. Тихо, но в голосе его звучала сталь. — Но едва ли мне стоило надеяться, что события будут меня дожидаться, правда, Кадсуане?

– События никогда никого не ждут, – произнесла она, вставая. Эриан вздрогнула, словно только сейчас заметила ее, хотя Кадсуане была уверена, что ее лицо оставалось таким же спокойным, как у мальчика. И, пожалуй, таким же каменным. Что привело этих Стражей из Кайриэна и кто Переместился вместе с ними? Казалось, этих вопросов достаточно для начала, однако она подумала, что получила от мальчика еще один ответ, и собиралась очень серьезно подумать, какой совет ему дать относительно него. Иногда ответы бывали еще опаснее и тяжелее, чем вопросы.

Глава 24. Гроза усиливается

Был уже день, и лучи солнца должны были наискось проникать сквозь высокие окна в спальню Ранда, но снаружи стеной лил дождь, и в комнате были зажжены все светильники, чтобы отогнать сумеречные тени. От раскатов грома дребезжали в переплетах стекла. Свирепая гроза налетела с Драконовой Стены с быстротой бешеного иноходца, принеся с собой холод, достаточный, чтобы можно было ждать снега. Капли дождя, молотившие по стеклам,

представляли собой наполовину замерзшую кашу, и, несмотря на пылающие в камине поленья, холод крался в комнату.

Ранд лежал на кровати в сапогах, положив одну ногу на другую поверх покрывала, глядел на прикроватный полог и пытался привести свои мысли в порядок. Он мог не обращать внимания на грозу снаружи, но Мин, уткнувшись в его руку, это другое дело. Она не пыталась отвлекать его от мыслей; просто у нее так получалось само собой. Что он будет делать с ней? И с Илэйн, и с Авиендой. Эти двое были лишь неясным ощущением в его голове, на таком расстоянии от

Кэймлина. По крайней мере он предполагал, что они все еще в Кэймлине. Предполагать что-либо было опасно, когда дело доходило до этой парочки. Все, что он знал о них на настоящий момент, было общее чувство направления и знание о том, что они живы. Тело Мин, однако, крепко прижималось к его боку, а узы заставляли ее так же трепетать внутри его головы, как она трепетала во плоти. Не было ли уже слишком поздно, чтобы уберечь Мин от опасности чтобы уберечь Илэйн и Авиенду от опасности?

Почему ты считаешь, что можешь уберечь кого бы то ни было от опасности? — прошептал Льюс

Тэрин в его голове. Мертвый безумец был теперь старым другом. *Мы все умрем рано или поздно. Надейся хотя бы, что не ты будешь тем, кто убьет их.* Другом, которому он не был рад, но от которого не мог избавиться. Он больше не боялся того, что убьет Мин, или Илэйн, или Авиенду, так же как не боялся, что сойдет с ума. По крайней мере, что станет более сумасшедшим, чем теперь, когда в голове у него бормочет мертвый безумец, а время от времени он видит туманное лицо, которое почти узнавал. Отважится ли он спросить Кадсуане о чем-либо из этого?

Не доверяй никому, пробормотал

Льюс Тэрин и неприятно рассмеялся.
Включая меня.

Внезапно Мин без
предупреждения нанесла ему
сильный удар по ребрам, от которого
он охнул.

— Ты становишься унылым,
овечий пастух, — проворчала она. —
Если ты снова начнешь беспокоиться
обо мне, клянусь, я... — Мин умела
ворчать совершенно по-разному, и
это сопровождалось совершенно
различными ощущениями,
доносящимися по узам. В ее
ворчании могло быть легкое
раздражение, какое он чувствовал у
нее сейчас, на этот раз с примесью
беспокойства; иногда в нем мелькало

напряжение, словно она с трудом удерживалась, чтобы не откусить ему голову. Было ворчание, которое почти заставляло его рассмеяться над ее легкомыслием, во всяком случае, это было настолько близко к смеху, насколько у него это получалось в последнее время; было гортанное рычание, от которого кровь вскипала у него в жилах, даже не принимая в расчет узы.

— Только давай сейчас без этого, — предупреждающе сказала она, прежде чем он успел шевельнуть рукой, лежавшей у нее на спине, и скатилась с кровати, встав на ноги и опираясь на себе свою вышитую куртку, осуждающе глядя на него. С

тех пор как узы соединили их, она еще лучше читала его мысли, а ей и до того это неплохо удавалось. – Что ты собираешься делать с ними, Ранд? И что собирается делать Кадсуане?

Молния вспыхнула за окном, почти затопив свет ламп, и раскат грома сотряс оконные стекла.

– До сих пор мне не удавалось предсказать, что она собирается делать, Мин. Почему сегодня должно быть по-другому?

Толстый пуховый матрас просел под ним, когда он перекинул ноги на одну сторону кровати и сел, глядя на нее. Он чуть было бессознательно не прижал руку к старым ранам у себя в боку, но тут же поймал себя на этом

и изменил движение руки, начав застегивать свою куртку. Наполовину исцеленные, но не заживающие окончательно, эти две перекрывающие друг друга раны болели со времен Шадар Логота. Или, возможно, теперь он просто обращал больше внимания на эту боль; они горели лихорадкой, как маленькие печи, занимавшие не большую площадь, чем он мог бы покрыть ладонью. По крайней мере одна из них, как он надеялся, начала заживать с тех пор, как Шадар Логот исчез с лица земли. Может быть, просто прошло еще недостаточно времени, чтобы он почувствовал какую-то разницу. Это был не тот

бок, в который ударил кулак

Мин, — она всегда была бережна хотя бы с этим, если не с остальной частью его тела, — но Ранду показалось, что ему удалось скрыть от нее эту боль. Не стоило давать ей еще один повод для беспокойства. Забота, отражавшаяся в ее глазах и доносившаяся по узам, должно быть, относилась к Кадсуане. Или к другим.

Усадьба и все окрестные строения теперь были переполнены. Казалось неизбежным, что рано или поздно кто-нибудь попытается использовать Стражей, оставшихся в Кайриэне; их Айз Седай не трубили повсюду, что отправляются искать

Возрожденного Дракона, но ни одна из них не делала из этого и особенной тайны. Но, несмотря на это, он никак не ожидал увидеть тех, кто прибыл с ними. Даврам Башир с сотней своих салдэйских легких конников, которые спешивались под пронизывающим дождем, бормоча ругательства из-за испорченных седел. Более полудюжины Аша'манов в черных куртках, по каким-то соображениям не ставших защищать себя от ливня. Они прибыли вместе с Баширом, однако это выглядело как две отдельные группы людей, между которыми всегда соблюдалась небольшая дистанция и веяло настороженной внимательностью. И

одним из Аша'манов был Логайн Аблар. Логайн! Аша'ман с Мечом и Драконом на воротнике! И Башир, и Логайн – оба хотели поговорить с Рандом, но не у всех на виду, и в особенности, как казалось, не в присутствии друг друга. Как бы их прибытие ни было неожиданно, однако не они были самыми удивительными из новоприбывших. Ему казалось, что эти восемь Айз Седай должны быть скорее дружны с Кадсуане, но он мог поклясться, что для нее увидеть большинство из них было не меньшим сюрпризом, чем для него. Что еще более странно, все они, кроме одной, казалось, прибыли с Аша'манами! Не пленницы и,

разумеется, не охранницы, но Логайн не захотел объяснять это в присутствии Башира, а Башир отказывался дать Логайну возможность первым поговорить с Рандом наедине. Сейчас все сушили одежду и заселялись в отведенные им комнаты, оставив его пытаться привести мысли в порядок. Насколько это возможно, учитывая то, что рядом была Мин. Что *сделает* Кадсуане? Что ж, он попытался спросить у нее совета. Однако события опередили их обоих. Решение было принято независимо от того, что думала Кадсуане. Молния снова озарила окна. Молния, по-видимому, была подходящим

образом для Кадсуане. Никогда
нельзя сказать, куда она ударит.

Аливия прикончит ее,
пробормотал Льюс Тэрин. *Она*
поможет нам умереть; она
устранит Кадсуане, если ты
скажешь ей.

Я не собираюсь убивать ее,
подумал в ответ мертвецу Ранд. *Я не*
могу позволить, чтобы она умерла.
Льюс Тэрин знал это не хуже него,
но тем не менее продолжал ворчать
вполголоса. Со времен Шадар Логота
он временами казался немного менее
безумным. Или, возможно, это Ранд
стал немного более безумным, чем
прежде. В конце концов, он каждый
день разговаривал с мертвецом в

своей голове, а это вряд ли было нормально.

— Ты должен сделать хоть *что-нибудь*, — проговорила Мин, обхватив себя руками. — Аура Логайна по-прежнему говорит о славе, даже сильнее, чем прежде. Возможно, он до сих пор считает себя настоящим Драконом Возрожденным. И есть что-то... темное... в тех образах, что я увидела вокруг лорда Даврама. Если он обратится против тебя или умрет... Я слышала, как один из солдат говорил, что лорд Добрэйн может умереть. Если ты потеряешь хотя бы одного из них, это будет большим ударом. Если потеряешь всех троих, у тебя может уйти год на

то, чтобы оправиться.

— Если ты видела это, значит, это случится. Я должен делать то, что могу, Мин, а не волноваться о том, чего не могу.

Она наградила его одним из тех взглядов, которые женщины имеют в большом количестве, словно он пытался спорить с ней.

Кто-то поскребся в дверь, и он повернул голову, а Мин пошевелилась, меняя стойку. Он подозревал, что она вытащила из рукава метательный нож и теперь прячет его у запястья. Эта женщина носит с собой больше ножей, чем Том Меррилин. Или Мэт. Краски взвихрились в его голове, почти

сложившись в образ... Чего? Человека на сиденье фургона? В любом случае, это было не то лицо, которое иногда возникало в его мыслях, и вся картина пропала в мгновение ока, без намека на головокружение, обычно сопровождавшее появление того лица.

— Войдите, — произнес Ранд, вставая.

Элза, войдя, раскинула вокруг свои темно-зеленые юбки в элегантном реверансе, ее глаза ярко пылали. Привлекательная и холодно-самодовольная, как кошка, она, казалось, едва замечала Мин. Из всех сестер, принесших ему клятву, Элза

была самой преданной. Единственной, кто был ему предан, пожалуй. У других были свои причины клясться ему в верности, свои объяснения, и, разумеется, у Верин и тех сестер, которые нашли его у Колодцев Дю-май, не было другого выбора при встрече лицом к лицу с *та'вере-ном*; но Элза, несмотря на внешнюю холодность, казалось, пылала внутри страстным желанием, чтобы он встретил Тармон Гай'дон.

— Вы просили, чтобы вам дали знать, когда придет огир, — произнесла она, не отрывая взгляда от лица Ранда.

— Лойал! — радостно вскрикнула

Мин, проносясь мимо Элзы и на бегу засовывая нож обратно в рукав; Айз Седай моргнула при виде блеснувшего клинка. — Я чуть не убила Ранда за то, что он позволил тебе уйти в свою комнату до того, как я тебя увидела! — Узы говорили, что она не имела в виду того, что сказала. Не совсем.

— Благодарю, — сказал Ранд Элзе, прислушиваясь к веселому шуму, доносившемуся из гостиной: к звонкому смеху Мин и сокрушительным раскатам огирского хохота, словно смеялась сама земля. Удар грома прокатился по небу.

По-видимому, преданность Айз Седай распространялась до желания

знать, что он скажет Лойалу, поскольку ее губы сжались и она немного помешкала, прежде чем сделать еще один реверанс и выплыть из спальни. Краткая пауза в звуках веселья означала, что она проходит через гостиную, а их возобновление — что она вышла за дверь. Лишь теперь он прикоснулся к Силе. Он старался, чтобы никто не видел его, когда он это делает.

Пламя затопило его, более жаркое, чем само солнце, и холод, по сравнению с которым сильнейший мороз показался бы весной, они смешались в яростном вихре, вытеснившим из его сознания бурю за окном, угрожая смести его в

мгновение ока, если он потеряет бдительность. Обнимать *саидин* значило вести войну за выживание. Но зеленые карнизы вдруг показались зеленее, чем раньше, чернота его куртки чернее, золото вышивки более золотистым. Он мог видеть трещинки в резьбе на столбиках кровати, небольшие отметины, оставленные инструментом резчика много лет назад. Обнимая *саидин*, он чувствовал себя так, словно был до этого наполовину слеп и глух. Но это было еще не все, что он чувствовал.

Чистая, прошептал *Льюс Тэрин.* *Снова чистая и незамутненная.*

Так оно и было. Порча, извращавшая мужскую половину Силы со времен Разлома, исчезла. Но однако это не прекратило приступов тошноты, поднимавшейся в Ранде, жестокой потребности сложиться пополам и опорожнить желудок на ковер. Комната, казалось, на мгновение закружилась вокруг него, и чтобы удержаться на ногах, ему пришлось опустить руку на один из кровавых столбиков. Он не понимал, почему ему приходится ощущать эту тошноту после того, как порча пропала. Льюс Тэрин тоже не понимал — или не говорил. Но именно из-за тошноты он не позволял никому видеть, как он

обнимает *саудин*, если мог это устроить. Элза, возможно, горела желанием, чтобы он дожил до Последней Битвы, но слишком многие хотели видеть его падение, и не все из них были Друзьями Темного.

В этот момент слабости мертвец вдруг потянулся к *саудин*. Ранд мог ощущать, как он жадно хватается за нее. Было ли ему сложнее, чем раньше, оттолкнуть его? В некоторых отношениях Льюс Тэрин казался после Шадар Логота более вещественной его частью. Это не имело значения. Ему оставалось совсем немного до тех пор, когда он сможет умереть. Ему нужно только

протянуть до этого момента. Глубоко втянув в себя воздух, Ранд постарался не обращать внимания на оставшиеся позывы к рвоте в своем желудке и прошел в гостиную, сопровождаемый раскатом грома.

Мин стояла посреди комнаты, держа обеими руками одну руку Лойяла и улыбаясь ему снизу вверх. Потребовались обе ее ладони, чтобы обхватить руку Лойяла, и их далеко не хватало, чтобы сомкнуться вокруг. Макушкой Лойял не достигал потолка лишь на какой-нибудь фут. Он натянул новую куртку из темно-синего сукна, полы которой закрывали его просторные штаны почти до голенищ высоких сапог, но

хотя бы на этот раз его карманы не оттопыривались от книг. Его глаза размером с чайные блюдца зажглись радостью при виде Ранда, а ухмылка, растянувшая широкий рот, действительно рассекла его лицо пополам. Уши с кисточками на концах, торчащие из его неопрятных волос, затрепетали от удовольствия.

— У лорда Алгарина есть специальные гостевые комнаты для огир, представляешь, Ранд? — прогремел Лойял голосом, подобным басовому барабану. — Представляешь? Целых шесть комнат! Разумеется, они не использовались уже довольно давно, но их каждую неделю проветривали, так что затхлостью

там не пахнет, а простыни на кроватях из очень хорошего полотна. Я думал, мне опять придется складываться вдвое, чтобы поместиться в человеческой кровати. Хм-м. Мы ведь не надолго здесь останемся, правда? – Его длинные уши слегка поникли, но затем снова принялись беспокойно подергиваться. – Вряд ли это будет правильно. Я имею в виду, я могу привыкнуть к тому, что у меня настоящая кровать, а это не годится, если я собираюсь оставаться с тобой. Я хочу сказать... Ну, ты сам знаешь, что я хочу сказать.

– Я знаю, – мягко произнес Ранд. Он мог бы посмеяться над

озабоченностью огир. Он бы и посмеялся, если бы мог. Но смех как-то покинул его в последнее время. Свивая вокруг комнаты паутину против подслушивания, он закрепил ее узлом, чтобы сам он мог отпустить *саидин*. Последние следы тошнота: немедленно начали исчезать. Обычно он мог контролировать ее, но это требовало усилия, а в этом сейчас не было необходимости. — Твои книги не подмокли? — Главной заботой Лойала, когда он пришел, было проверить свои книги.

Внезапно Ранд осознал, что назвал для себя то, что делал, свиванием паутины. Так назвал бы

это Льюс Тэрин. Вещи подобного рода происходили слишком часто — обороты речи, привычные для мертвеца, всплывали в его голову, воспоминания мертвеца мешались с его собственными. Он — Ранд ал'Тор, а не Льюс Тэрин Теламон. Он сплел малого стража и завязал плетение его, а не свил паутину и закрепил ее узлом. Но и то и другое обозначение приходили к нему с одинаковой легкостью.

— Мои «Очерки Виллима из Манечеса» отсырели, — с огорчением произнес Лойал, потирая верхнюю губу пальцем толщиной с маленькую колбасу. Он небрежно побрился или под широким носом действительно

начинали пробиваться усы? – На некоторых страницах могут оказаться пятна. Мне надо было быть бережнее, тем более с книгой. И мои заметки тоже немного подмокли. Но чернила не поплыли, текст вполне можно прочесть. На самом деле мне нужно сделать особый футляр, чтобы книги... – Его лицо начало медленно хмуриться, отчего длинные брови нависли над щеками. – Ты выглядишь усталым, Ранд. Мин, он выглядит усталым!

– У него было слишком много дел, но теперь он отдыхает, – сказала Мин, защищая его, и Ранд даже улыбнулся. Слегка. Мин всегда будет защищать его, даже от его друзей. –

Ты *отдыхаешь*, овечий пастух, — добавила она, отпуская огромную руку Лойала и утыкая кулаки в бока. — Садись и отдыхай. Ох, сядь наконец, Лойал. У меня шея переломится смотреть на тебя снизу вверх.

Лойал хохотнул, словно бык заревел в его глотке, рассматривая один из стульев с высокой спинкой, на его лице было написано сомнение. В сравнении с ним стул казался сделанным для ребенка.

— Овечий пастух... Ты не представляешь себе, Мин, как хорошо снова слышать, как ты называешь его овечьим пастухом. — Он осторожно сел. Украшенный

резьбой стул закрипел под его тяжестью, и его колени поднялись на уровень подбородка. – Прости, Ранд, но это действительно забавно, а за последние месяцы я не так уж много слышал такого, над чем можно посмеяться. – Стул выдержал. Бросив быстрый взгляд на дверь в коридор, Лойял добавил, немного слишком громко: – У Карлдина не очень развито чувство юмора.

– Ты можешь говорить свободно, – сказал ему Ранд. – Никто не услышит за... малым стражем. – Он чуть было не сказал «за щитом», что было совсем другой вещью. Вот только он знал, что это то же самое.

Ранд был слишком вымотан, и чтобы сидеть, и чтобы спокойно засыпать по ночам (кости ломило от усталости), поэтому он подошел к камину и встал перед огнем. Порывы ветра, залетающие в трубу, заставляли языки пламени плясать на поленьях и временами выдували облачко дыма внутрь комнаты, а дождь по-прежнему молотил по стеклам, но грома уже не было слышно. Возможно, гроза подходила к концу. Сцепив руки за спиной, он отвернулся от огня.

— Что сказали Старейшины, Лойал?

Вместо того чтобы ответить сразу, Лойал взглянул на Мин, словно

ища ободрения или поддержки. Примостившись на краешке голубого кресла и положив ногу на ногу, она улыбнулась огир и кивнула, и он испустил тяжелый вздох — словно порыв ветра пролетел по глубокой пещере.

— Мы с Карлдином побывали в *стеддингах*, Ранд. Не считая *Стеддинга* Шангтай, разумеется. Я не мог туда пойти, но я оставлял послания везде, где мы проходили, а Дайтинг находится не так уж далеко от Шангтая, так что кто-нибудь даст им знать. В Шангтае созывают Великий Пень, и туда соберутся толпы. Великий Пень не созывали уже тысячу лет, с тех пор как вы, люди,

сражались в Войне Ста Лет, а тогда была очередь Шангтая. Они, должно быть, намерены обсуждать что-то очень важное, но никто не сказал мне, почему его созывают. Они не скажут тебе ничего ни об одном Пне, пока у тебя не отрастет борода, — пробормотал он, ощупывая маленький клочок щетины на своем широком подбородке. Очевидно, он намеревался восполнить свой недостаток, хотя вряд ли это было возможно. Лойалу было немногим более девяноста лет, и для огир он считался еще мальчиком.

— Что же сказали Старейшины? — терпеливо напомнил Ранд. С Лойалом необходимо

соблюдать терпение, как и с любым из огир. Время для них значило не то, что для людей, – кто среди людей стал бы думать о том, чья сейчас очередь, когда прошла тысяча лет? – и Лойал мог распространяться долго, если дать ему хотя бы малейшую возможность. Очень долго.

Уши Лойала дернулись, и он снова взглянул на Мин, получив в ответ еще одну ободряющую улыбку.

– Ну как я и сказал, я побывал во всех *стеддингах*, кроме Шан-гтая. Карлдин не заходил в них. Он предпочитал спать ночами под кустом, чем оказаться отрезанным от Источника хотя бы на минуту. – Ранд не произнес ни слова, но Лойал

поднял руки с коленей, выставив их ладонями наружу. — Я уже подхожу к сути, Ранд. Уже подхожу. Я делал все что мог, но не знаю, достаточно ли этого. В том *стеддинге*, что в Пограничных Землях, мне велели отправляться домой и оставить серьезные вещи более старым и мудрым. Так же ответили Шадун и Мардун, что в горах на Побережье Тени. Другие *стеддинги* согласились охранять Путевые Врата. Я не думаю, что они в самом деле верят в какую-то опасность, но согласись: они будут смотреть за ними как следует. И я уверен, что кто-нибудь принесет известие в Шангтай. Шангтайским Старейшинам никогда не нравилось,

что Путевые Врата расположены прямо у самого *стеддинга*. Я, наверное, сто раз слышал, как Старейшина Хаман говорил, что это опасно. Уверен, что они согласятся присматривать за ними.

Ранд медленно кивнул. Огир никогда не лгали; по крайней мере у тех немногих, кто предпринимал подобные попытки, лгать выходило так плохо, что они редко пробовали второй раз. На слово огир можно было положиться так же крепко, как на чью-нибудь клятву. Путевые Врата будут охраняться. Кроме тех, что в Пограничных Землях и в горах к югу от Амадиции и Тарабона. От одних Врат к другим можно было

путешествовать от Хребта Мира до
Океана Арит, от Пограничных Земель
до Моря Штормов, по странному
миру, каким-то образом
находящемуся вне времени или,
может быть, в параллельном
времени. Два дня ходьбы по Путям
могли перенести человека на сотню
миль, а могли и на пятьсот, в
зависимости от того, какую дорогу
он выбирал. И если он был готов
пойти на риск. В Путях можно очень
легко погибнуть, а могло случиться и
что-нибудь похуже. Пути уже давно
стали темными и подверглись порче.
Троллоков же, однако, их
испорченность не волновала, по
крайней мере когда их гнал вперед

Мурддраал. Троллоков интересовали только убийства, особенно когда их гнал вперед Мурддраал. И если девять Путевых Врат останутся без присмотра, всегда будет опасность, что какие-нибудь из них откроются, чтобы выпустить десятки тысяч троллоков. Установить любую охрану без сотрудничества со *стеддингами* невозможно. Многие из людей не верили, что огир существуют, и лишь немногие из тех, кто верил, хотели иметь с ними дело. Может быть, Аша'маны возьмутся за это, если у него будет достаточно таких, кому можно верить.

Неожиданно Ранд осознал, что он был не единственным, кто

выглядел усталым. Лицо Лойала было серым и изможденным. Его куртка была измята и свободно болталась на нем. Для огир было опасно оставаться вне *стеддинга* слишком долго, а Лойал покинул дом добрых пять лет назад. Возможно, этих коротких визитов за последние несколько месяцев было для него недостаточно.

– Может быть, теперь тебе стоит отправиться домой, Лойал. Сtedirдинг Шангтай находится всего лишь в нескольких днях пути отсюда.

Стул под Лойалом опасно скрипнул, когда он выпрямился на сиденье. Его уши тоже тревожно встали торчком.

– Там наверняка сейчас моя мать, Ранд. Она знаменитая Говорящая. Она никогда не пропустит Великий Пень.

– Вряд ли она уже добралась дотуда от самого Двуречья, – сказал ему Ранд. Мать Лойала была, возможно, также и знаменитым ходоком, но все же существовали какие-то пределы, даже для огир.

– Ты не знаешь мою мать, – пробормотал Лойал, словно глухо пророкотал барабан. – Она еще и Эрит с собой притащит. Наверняка.

Мин наклонилась к огир, и в ее глазах вспыхнул опасный огонек.

– Судя по тому, что ты рассказывал об Эрит, ты хочешь

жениться на ней, так почему же ты постоянно убегаешь от нее?

Ранд изучающе посмотрел на нее от камина. Жениться. Авиенда полагала, что он женится на ней, а также на Илэйн и Мин, в ай-ильской манере. Илэйн, видимо, тоже так считала, как бы странно это ни было. Ему казалось, что она так считала. А что думала Мин? Она никогда не говорила ему. Ему не следовало позволять им связывать себя узами. Узы разорвут им сердце горем, когда он умрет.

Уши Лойала настороженно затрепетали. Эти уши были одной из причин, по которым из огир выходили плохие лжецы. Он сделал

умиротворяющий жест, словно Мин чересчур разволновалась.

– Э-э, я в самом деле хочу этого, Мин. Разумеется, хочу. Эрит прекрасна, и очень чувствительна. Я никогда не рассказывал тебе, как замечательно она слушала меня, когда я объяснял ей... Да, конечно, рассказывал. Я всем рассказываю об этом. Я действительно хочу жениться на ней. Но не сейчас. Это ведь совсем не то, что у вас, людей, Мин. Ты делаешь все, что просит Ранд. А Эрит будет ждать, что я останусь дома и буду жить с ней. Жены никогда не разрешают мужьям куда-нибудь уходить или что-нибудь делать, если речь идет о том, чтобы

покинуть *стеддинг* больше чем на несколько дней. Мне еще надо закончить мою книгу, а как я смогу сделать это, если не увижу всего, что делает Ранд? Уверен, он много чего совершил с тех пор, как я покинул Кайриэн, и уверен, что никогда так и не сумею записать это как следует. Эрит просто не поймет этого. Мин? Мин, ты не сердишься на меня?

— Почему ты думаешь, что я сержусь? — спросила она холодно.

Лойал глубоко вздохнул, и в его вздохе звучало такое явное облегчение, что Ранд с удивлением воззрился на него. Свет, огир действительно решил, что она хотела сказать, что не сердится! Ранд знал,

что нащупывает путь во тьме, когда дело доходит до женщин, даже когда это Мин – а может быть, особенно когда это Мин, – но Лойалу лучше узнать об этих вещах побольше, чем ему известно сейчас, прежде чем он женится на своей Эрит. В другом случае она освежает его как больного козла. Наверное, стоит убрать его из комнаты, пока Мин не сделала за Эрит ее работу. Ранд откашлялся.

– Подумай об этом ночью, Лойал, – сказал он. – Возможно, к утру ты передумаешь. – Какая-то его часть надеялась, что Лойал действительно передумает. Огир слишком долго находился вдали от дома. Другая его часть, впрочем...

Он мог использовать Лойала, если верно то, что Аливия сказала ему насчет Шончан. Иногда Ранд испытывал отвращение к самому себе. — В любом случае, сейчас мне нужно поговорить с Баширом. И с Логайном. — Его рот напрягся, выговаривая это имя. Что мог делать Логайн в черной куртке Аша'мана?

Лойал не поднялся с места. В действительности выражение его лица стало еще более обеспокоенным, уши косо легли назад, а брови нависли над глазами.

— Ранд, есть еще кое-что, что мне нужно сказать тебе. Насчет тех Айз Седай, которые пришли с нами.

Молнии снова засверкали за

окнами, когда он продолжил, а гром загрохотал над крышей с новой силой. В случае с непокорными грозами затишье означает лишь, что худшее еще впереди.

Я говорил тебе, что надо их всех убить, когда у тебя была возможность, смеялся Льюс Тэрин в его голове. *Я говорил тебе.*

— Ты совершенно уверена Самитзу, что они связаны узами? — спросила Кадсуане настойчиво. И громко, так чтобы быть услышанной за раскатами грома, грохочущими по крыше усадьбы. Гром и молния отвечали ее настроению. Ей хотелось крикнуть на кого-нибудь.

Потребовалась вся ее обученность и опыт, чтобы спокойно сидеть и прихлебывать горячий терпкий чай. Она давно уже не позволяла эмоциям брать над собой верх, но сейчас ей хотелось вонзить во что-нибудь зубы. Или в кого-нибудь.

В руках у Самитзу тоже была фарфоровая чашка с чаем, но она еще не сделала ни глотка, и она проигнорировала предложенный Кадсуане стул. Высокая сестра отвернулась от языков пламени, пляшущих в левом камине, и колокольчики в ее темных волосах зазвенели, когда она покачала головой. Она не позаботилась о том, чтобы как следует высушить волосы,

и они свисали ей на спину тяжелой и мокрой массой. В ее орехового цвета глазах было беспокойство.

— Вряд ли я могла бы задать подобный вопрос кому-нибудь из сестер, не правда ли, Кадсуане? И они, разумеется, все равно не ответили бы мне. А кто бы ответил на их месте? Вначале я думала, что они поступили как Мериса и Кореле. И бедная Дайгиан. — На ее лице мелькнуло сострадание. Она в полной мере осознавала, какую боль испытывает Дайгиан из-за своей утраты. Любая сестра, потерявшая хотя бы одного Стража, знала это слишком хорошо. — Но несомненно, что и Тувин, и Габрелле — при

Логайне. Я думаю, что Габрелле делит с ним ложе. Если между ними и существуют узы, то это наложили их мужчины.

– Обратимость, – пробормотала Кадсуане, глядя в свой чай. Некоторые считали, что обратимость была справедливой, честной игрой, но она никогда не верила, что сражаться можно по правилам. Либо ты сражаешься, либо нет, и война никогда не бывает игрой. Честность – это для тех людей, которые стоят в сторонке и болтают, пока другие проливают кровь. К несчастью, она немного могла сделать, кроме как попытаться найти способ как-то уравновесить события. Равновесие –

это совсем не то же самое, что справедливость. В какое варево все это превращается! – Я рада, что ты по крайней мере как-то предупредила меня, прежде чем мне придется встретиться с Тувин и остальными, но я хочу, чтобы завтра ты с самого утра вернулась в Кайриэн.

– Где я ничего не могу сделать, Кадсуане, – горько произнесла Самитзу. – Половина людей, которым я отдавала приказания, начинали справляться у Сашалле, нужно ли им повиноваться, а другая половина мне прямо в лицо заявляла, что она уже отдала противоположный приказ. Лорд Башир уговорил ее

предоставить Стражей самим себе – я вообще не представляю, откуда он узнал про них, – а она уговорила Сорилею, и я не могла сделать ничего, чтобы остановить это. Сорилея вела себя так, словно я уже лишилась полномочий! Она ничего не хочет понимать и ясно дала мне понять, что считает меня полной дурой. Мне нет совершенно никакого смысла возвращаться, разве что ты хочешь, чтобы я носила за Сашалле ее перчатки.

– Я хочу, чтобы ты следила за ней, Самитзу. Не более того. Я хочу знать, что делает одна из этих Принявших Дракона сестер, когда ни я, ни кто-нибудь из Хранительниц

Мудрости не стоит у них за спиной с розгой в руках. Ты всегда была очень наблюдательной. – Терпение не было самой сильной чертой Кадсуане, но с Самитзу оно иногда необходимо. Желтая сестра действительно была наблюдательна и хорошо все схватывала и по большей части отличалась силой воли, не говоря уже о том, что она была лучшей из ныне живущих сестер по части Исцеления – по крайней мере до появления Дамера Флинна, – но ее уверенность в себе могла временами испытывать необъяснимые потрясения. Палка никогда не оказывала действия на Самитзу, но похлопывание по плечу помогало, и было бы смешно не

использовать то, что работает. По мере того как Кад-суане напоминала ей, насколько она сообразительна, насколько искусна в Исцелении – с Самитзу это требовалось всегда; она могла впасть в депрессию из-за того, что ей не удалось Исцелить мертвого, – насколько она умна, к арафелке начинало возвращаться ее самообладание. И ее уверенность в себе.

– Ты можешь быть уверена, что Сашалле не наденет новые чулки без того, чтобы я не узнала об этом, – твердо произнесла Самитзу. Кадсуане действительно ожидала от нее не меньшего. – Но если мне будет позволено спросить, – теперь, когда

ее чувство уверенности в себе было восстановлено, тон Самитзу предполагал лишь обычную вежливость; она не была готовым завянуть цветком, за исключением моментов минутной слабости, — почему ты здесь, в этом глухом уголке Тира? Что собирается делать молодой ал'Тор? Или, наверное, мне лучше спросить, что ты собираешься заставить его сделать?

— Он задумал что-то очень опасное, — ответила Кадсуане. Молния сверкнула за окном, ветвясь пылающим серебром на фоне почти по-ночному темного неба. Она знала в точности, что он задумал. Она лишь не знала, стоит ли ей

останавливать его.

— Это не должно продолжаться! — гремел Ранд, и раскаты грома вторили ему. Он не стал надевать куртку для этой встречи, и закатанные рукава рубашки обнажали красно-золотых Драконов, обвивающих его предплечья, а золотогривые головы покоились на его запястьях. Он хотел, чтобы человек, стоящий перед ним, при каждом взгляде получал напоминание, что стоит перед Драконом Возрожденным. Но сейчас его руки были сжаты в кулаки, и он с трудом удерживался от того, чтобы не последовать настояниям Лью-са Тэрина и не задушить треклятого

Логайна Аблара. – Мне не нужна война с Белой Башней, и будь я проклят, если позволю вам, треклятым Аша'манам, навязать мне войну с Белой Башней! Я выразился достаточно ясно?

Логайн, руки которого спокойно лежали на длинной рукояти меча, даже не дрогнул. Он был рослым мужчиной, хотя и ниже Ранда, с твердым взглядом, в котором не проскальзывало и намека, что он получил выговор или призван к ответу. Серебряный меч и красно-золотой Дракон ярко сверкали в свете лампы на высоком воротнике его черной куртки, которая выглядела так, словно только что выглажена.

— Ты хочешь сказать, что я должен отпустить их? — спокойно спросил он. — А отпустят ли Айз Седай тех из наших, кого они связали?

— Нет! — ответил Ранд резко. И мрачно. — Что сделано, того не воротишь. — Мериса была настолько шокирована, когда он предложил ей отпустить Нарিশму, словно ей предложили выгнать щенка, которого она нашла на дороге. И он подозревал, что Флинн станет бороться за то, чтобы остаться с Кореле, так же яростно, как и она; он был твердо уверен, что между этими двумя уже существует нечто большее, чем узы. Что ж, если Айз Седай

могла связать узами мужчину, способного направлять Силу, стоит ли говорить, что хорошенькая женщина может привязать к себе хромого старика? — Но ты все же сознаешь, какую кашу ты заварил, я надеюсь? По сути говоря, единственный из способных направлять мужчин, которого Элайда хочет видеть живым, — это я, и то только до того времени, когда Последняя Битва будет завершена. Когда она узнает об этом, она будет вдвое сильнее добиваться того, чтобы увидеть вас мертвыми, чего бы ей это ни стоило. Я не знаю, как будут реагировать остальные, но Эгвейн всегда была искусна в сделках.

Возможно, мне придется отослать Аша'манов к Айз Седай, чтобы те набрали себе столько же из вас, скольких вы связали узами. Это если они не решат, что вы просто должны умереть, чем скорее, тем лучше. Что сделано, то сделано, но больше этого не будет!

Логайн с каждым словом все больше каменел лицом, но его взгляд не отрывался от Ранда. Было ясно, как рога у барана, что он игнорировал остальных, присутствовавших в гостиной. Мин не захотела участвовать в этой встрече и удалилась, сказав, что хочет почитать; когда Ранд пробовал читать книги Гериды Филадельфа, он не мог

разобрать, где в них верх, а где низ, но она находила их очаровательными. Он настоял, однако, чтобы Лойал остался, и огир сидел, делая вид, что смотрит на огонь в камине. Не считая тех мгновений, когда он посматривал на дверь, дергая ушами, словно прикидывая, не сможет ли незаметно выскользнуть из комнаты под прикрытием грозы. Дав-рам Башир рядом с огир казался еще ниже ростом, чем в действительности, — сидящий человек с темными раскосыми глазами, орлиным носом и густыми усами, загибающимися вниз вокруг рта. Он тоже не расстался со своим мечом, клинок которого был короче,

чем у Логайна, и волнистым. Башир в основном смотрел в свой кубок с вином, не поднимая глаз, но всякий раз, когда его взгляд останавливался на Ло-гайне, он бессознательно проводил большим пальцем по рукояти меча. По крайней мере, Ранд думал, что это было бессознательно.

— Таим отдал распоряжение, — сказал Логайн холодно, ему не нравилось, что он вынужден давать объяснения перед лицом посторонних. Молния, внезапно сверкнувшая рядом с домом, на мгновение бросила свинцовые тени на его лицо, отчего оно показалось мрачной маской тьмы. — Я полагал, что оно исходит от тебя. — Его взгляд

скользнул в сторону Башира, и его губы сжались. — Таим делает очень много такого, о чем люди думают, что они выполняются по твоему указанию, — неохотно продолжал он, — но у него есть собственные планы. Флинн, Нарисма и Манфор — в списке дезертиров, как и все Аша'маны, которых ты оставил при себе. И у него есть группа из двадцати-тридцати человек, которых он держит подле себя и обучает отдельно. Всякий носящий Дракона, кроме меня, входит в эту клику, и мне бы Дракона он не дал, если бы посмел. Независимо от того что ты сделал, настало время тебе обратить взгляд в сторону Черной Башни, пока

Таим не расколол ее хуже, чем произошло с Белой Башней. Если он сделает это, ты обнаружишь, что большинство будет верно ему, не тебе. Его они знают. Тебя же почти никто из них в глаза не видел.

Раздраженно опустив рукава рубашки, Ранд упал в кресло. То, что он сделал, по-видимому, не произвело впечатления на Логайна. Этот человек знал, что *саудин* стала чистой, но не мог поверить, что Ранд или кто-либо из людей осуществил очищение. Не думал ли он, что Творец решил простереть к ним руку милосердия после трех тысяч лет страданий? Творец создал мир и затем оставил его человечеству,

чтобы оно творило из него, что сможет – небеса или Бездну Рока, по своему выбору. Творец создал множество миров; он смотрел, как каждый из них цветет или погибает, и продолжал творить бесчисленное множество новых. Садовник не станет плакать над каждым завядшим цветком.

На мгновение Ранду показалось, что это мысли Льюса Тэрина. Он никогда не размышлял таким образом о Творце или о чем-либо другом, насколько мог припомнить. Но он *чувствовал*, как Льюс Тэрин одобрительно кивает ему, как человек, выслушавший мнение собеседника. Однако тем не менее

мысли подобного рода никогда не приходили ему в голову до Льюса Тэрина. Насколько велико разделяющее их расстояние?

— Таиму придется подождать, — устало произнес Ранд. Как долго сможет Таим ждать? Он удивился, что не слышит голоса Льюса Тэрина, убеждающего его прикончить этого человека. Хотел бы он, чтобы от этого ему стало хоть немного легче! — Башир, ты пришел, просто чтобы убедиться, что Логайн добрался до меня без затруднений, или чтобы сказать мне, что кто-то прикончил Добрэйна? Или у тебя тоже неотложное дело ко мне?

Башир приподнял бровь,

услышав тон Ранда, и выпятил челюсть, взглянув на Логайна, но через мгновение он фыркнул так, что его густые усы затряслись.

— Двое человек обыскали мою палатку, — сказал он, поставив кубок на синий резной столик у стены. — У одного из них было письмо, и я мог бы поклясться, что написал его сам, если бы не знал, что ничего подобного не писал. Приказ забрать из палатки «определенные предметы». Лойал говорит, что у людей, напавших на Добрэйна, имелось подобное же письмо, якобы написанное Добрэйном. И слепой сможет увидеть, что им было нужно, если немного подумать. Добрэйн и я

– наиболее вероятные кандидаты на роль тех, кому ты мог поручить хранить печати. Три печати находятся у тебя; другие три, как ты говоришь, сломаны. Возможно, Тени известно, где находится последняя.

Когда салдэйец заговорил, Лойал отвернулся от камина; его уши напряженно поднялись, и наконец он воскликнул:

– Это очень серьезно, Ранд. Если кому-то удастся сломать все печати, удерживающие Темного в узилище, – а может быть, достаточно лишь еще одной или двух – Темный сможет вырваться на свободу! Даже ты не сможешь противостоять Темному! То есть, конечно, я знаю, что в

Пророчествах говорится, что сможешь, но это, должно быть, просто так говорится.

Даже Логайн выглядел озабоченным, его глаза выжидающе остановились на Ранде, словно соизмеряя его с Темным.

Ранд откинулся в своем кресле, стараясь ничем не показать, насколько он устал. Печати от узилища Темного, с одной стороны, Таим, раскалывающий Аша'манов, — с другой. Сломана ли уже седьмая печать? Делает ли уже Тень первые ходы Последней Битвы?

— Как-то ты сказал мне одну вещь, Башир. Если враг предлагает тебе две цели...

– Бей по третьей, – закончил за него Башир, и Ранд кивнул. В любом случае, он уже все решил. Гром сотряс окна так, что стекла задребезжали в переплетах. Гроза усиливалась.

– Я не могу бороться одновременно с Тенью и с Шончан. Я посылаю вас троих к Шончан, чтобы договориться о перемирии.

Башир и Логайн, остолбенелые, молча воззрились на него. Затем они начали возражать, перебивая один другого. У Лойяла был такой вид, словно он вот-вот упадет в обморок.

Элза нервно ерзала, слушая отчет Феарила о том, что случилось

с тех пор, как она оставила его в Кайриэне. Но не хриплый голос Стража раздражал ее. Она ненавидела молнии, и ей хотелось бы защитить комнату от яростных вспышек, сверкающих в окнах, как она защитила ее от подслушивания. Никто не считал бы странным ее желание уединиться со своим светловолосым Стражем, поскольку она потратила двадцать лет, чтобы убедить всех, что они женаты. Несмотря на свой голос, Феарил выглядел человеком, за которого любая женщина захотела бы выйти замуж; он был высоким, стройным и довольно привлекательным. Жесткая складка у губ совершенно не портила

его лицо. Разумеется, кто-нибудь мог посчитать необычным, что у нее никогда не было других Стражей, кроме него, если бы взял на себя труд подумать об этом. Трудно найти человека с подходящими качествами, но возможно, ей стоит начать подыскивать еще одного. Молния снова сверкнула в окне.

— Хорошо, хорошо, достаточно, — наконец прервала его Элза. — Ты сделал все правильно, Феарил. Было бы довольно странно, если бы ты один отказался вернуться к своей Айз Седай.

Чувство облегчения сверкнуло по узам. Она относилась к непослушанию очень строго, и хотя

он знал, что она не сможет убить его — не захочет, во всяком случае, — чтобы наказать его, ей требовалось только замаскировать узы так, чтобы она не разделяла его страдания. И поставить малого стража, чтобы заглушить его вопли. Она не любила воплей почти в такой же мере, как не любила молнии.

— Это даже неплохо, что ты вернулся ко мне, — продолжала Элза. Очень жаль, что айильские дикари до сих пор держат у себя Феру, хотя, прежде чем ей можно было бы доверять, Элзе пришлось бы допросить Белую, с какой стати ей понадобилось приносить клятву. До путешествия в Кайриэн она не знала,

что у нее есть что-то общее с Ферой. Очень, очень жаль, что никого из ее «сердца» не было с ней, что в Кайриэн ее послали в одиночку; но она не задавала вопросов относительно получаемых ею распоряжений, точно так же как Феарил не спрашивал о распоряжениях, получаемых от нее. — Думаю, кое-кому вскоре придется умереть. — Как только она решит, кому именно. Феарил склонил голову, и волна удовольствия докатилась до нее по узам. Он любил убивать. — А пока что ты убьешь любого, кто будет угрожать Возрожденному Дракону. Любого. — Это наконец стало окончательно

ясно для нее, пока сама она находилась в плену у дикарей. Возрожденный Дракон должен дожить до Последней Битвы, иначе как Великий Повелитель сможет одолеть его в ней?

Глава 25. Когда носить алмазы

Перрин нетерпеливо расхаживал взад и вперед по расшитым цветами коврам на полу палатки, неловко поводя плечами в темно-зеленой шелковой куртке, которую он редко надевал с тех пор, как Фэйли заказала ее для него. Она говорила, что изысканная серебряная вышивка хорошо смотрится на его плечах, но широкий кожаный пояс, к которому сбоку был привешен топор, оба совершенно незамысловатые, лишь подчеркивали то, что он был глупцом, старающимся выставить

себя кем-то большим, чем он есть. Время от времени Перрин поддегивал перчатки или сердито косился на подбитый мехом плащ, лежащий на спинке кресла и ждущий, чтобы он его надел. Шагая, он дважды вытаскивал из рукава листок бумаги и разворачивал его, чтобы изучить набросанную на нем карту Малдена. Малден был городом, в котором держали Фэйли.

Джондин, Гет и Хью нашли беженцев из Малдена, но единственной пользой, которую им удалось извлечь, была эта карта, и заставить кого-либо из них задержаться на достаточное время, чтобы нарисовать ее, было нелегкой

работой. Те, кто был достаточно силен, чтобы сражаться, уже погибли или носили белые одежды *гай'шайн* у Шайдо; те же, кто остался и теперь бежал, были старики и самые молодые, больные и увечные. По словам Джондина, сама мысль о том, что кто-то может заставить их вернуться и сражаться с Шайдо, лишь ускорила их бегство на север, по направлению к Андору и безопасности. Карта была настоящей головоломкой, с путаницей городских улиц, крепостью местной леди и огромным резервуаром для воды в северо-восточном углу. Эта карта измучила Перрина открывавшимися перед ним

возможностями. Но они были возможностями лишь в том случае, если он найдет решение более сложной головоломки, которая не была изображена на карте, — огромного скопища Шайдо, окружавшего стены города, не говоря уже о четырех или пяти сотнях их Хранительниц Мудрости, которые умели направлять Силу. Так что карта вернулась в его рукав, и он продолжал шагать.

Сама эта палатка в красную полоску раздражала его не меньше, чем карта, не говоря уже о мебелировке — стульях, украшенных позолотой, которые могли складываться при перевозке, и стол с

мозаичной столешницей, который не складывался, зеркало во весь рост и зеркало на умывальнике, и даже окованные медью сундуки, стоявшие в ряд вдоль внешней стены. Снаружи едва светало, и все двенадцать светильников горели, отражаясь в зеркалах. В жаровнях, отгонявших ночной промозглый холод, еще оставалось несколько угольков. Перрин даже приказал вытащить два шелковых гобелена Фэйли, расшитых птицами и цветами, и повесить их на шестах, поддерживающих крышу. Он позволил Ламгвину подстричь ему бороду и выбрить щеки и шею; он вымылся и натянул чистое белье. Он устроил все так, словно Фэйли

отправилась на прогулку и могла в любой момент вернуться. Так чтобы любой мог посмотреть на него и увидеть треклятого лорда, посмотреть и почувствовать уверенность. И каждая мелочь служила ему напоминанием, что Фэйли не отправилась на прогулку. Стащив с руки одну из перчаток, он залез в карман куртки и пробежал пальцами по сыромятному ремешку, лежавшему там. Уже тридцать два узелка. Ему не нужно было напоминать об этом, но иногда он целую ночь лежал в кровати, в которой не было Фэйли, считая эти узелки. Каким-то образом они стали ниточкой, связывавшей его с ней. В

любом случае бессонница лучше, чем кошмары.

— Если ты не сядешь, то устанешь так, что не сможешь добраться до Со Хабора даже с помощью Неалда, — сказала Берелейн, слегка поддразнивая Перрина. — Я устаю, только глядя на тебя.

Он удержался от яростного взгляда. Первая Майена, в темно-синем шелковом дорожном платье, с плотно облегающим шею широким золотым ожерельем, усеянным огневиками, и узкой короной Майена с золотым ястребом, парящим над ее бровями, сидела на своем малиновом плаще на одном из складных стульев,

сложив руки на коленях поверх красных перчаток. Она выглядела не менее собранной, чем Айз Седай, и от нее пахло... терпением. Перрин не мог понять, почему от нее больше не пахло так, словно он был жирным ягненком, запутавшимся в кустарнике и представлявшим собой готовую трапезу, но он был почти благодарен ей за это. Он был рад, что рядом есть кто-то, с кем он может поговорить о пропавшей Фэйли. Она слушала, и от нее пахло сочувствием.

— Я хочу быть здесь, если... когда Гаул и Девы приведут пленников. — Оговорка заставила Перрина поморщиться, равно как и запинка. Это звучало так, словно он

сомневался. Рано или поздно они поймут кого-нибудь из Шайдо, хотя, по-видимому, это было не так-то просто. Брать пленных нет смысла, если их нельзя увести с собой, а Шайдо были неосторожны лишь по сравнению с другими Айил. Сулин тоже выказала немалое терпение, объясняя это ему. Однако с каждым днем ему становилось все сложнее быть терпеливым. – Почему задерживается Арганда? – прорычал он.

Словно услышав, что упомянули его имя, через полог протиснулся Арганда с каменным лицом и потухшим взглядом. Он выглядел так, словно спал не больше, чем Перрин.

Низкорослый гэалда-нец был одет в свою серебристую кирасу, но на нем не было шлема. Он сегодня еще не брился, и его подбородок был покрыт седеющей щетиной. Свешивавшийся с руки в латной рукавице толстый кожаный кошель звякнул, когда он положил его на стол рядом с двумя уже лежавшими там.

— Из личного сейфа королевы, — кисло сказал он. В последние десять дней немного из того, что он говорил, не звучало кисло. — Хватит, чтобы покрыть нашу долю, даже еще останется. Мне пришлось взломать замок и поставить троих охранять сундук. Со сломанным замком он будет искушением даже для самых

лучших из солдат.

— Хорошо, хорошо, — сказал Перрин, стараясь, чтобы его голос звучал не слишком нетерпеливо. Его мало заботило, поставил ли Ар-ганда троих или сотню своих людей охранять сейф своей королевы. Его собственный кошель был самым маленьким из трех, и ему пришлось выскрести все до последней монетки, чтобы наполнить его.

Накинув плащ на плечи, он подхватил кошель и прошагал мимо гэ-алданца наружу, навстречу серому утру.

К его недовольству, лагерь приобретал все больший отпечаток оседлости, хотя и не нарочно, и он

ничего не мог с этим поделать. Многие из двуреченцев теперь спали в палатках, коричневая парусина которых была выцветшей и в пятнах в отличие от его шатра в красную полосу, однако достаточно больших, чтобы вместить по восемь-десять человек с разномастными копьями и алебардами, составленными в рогатки у входа; другие превратили свои временные навесы в маленькие приземистые хижины, сплетенные из ветвей. Палатки и хижины образовывали в лучшем случае извилистые ряды, вовсе не походившие на стройные шеренги, отличающие лагерь гэалданцев и майенцев, однако это все равно

немного походило на деревню, с тропками и дорожками, протоптанными в снегу, местами утоптанном до голой промерзшей земли. Аккуратные кольца камней окружали очаги, вокруг которых в ожидании завтрака стояли группы людей в плащах, накинув от холода капюшоны.

Именно содержимое этих закопченных железных котлов и было причиной отъезда Перрина этим утром. Учитывая то, как много людей охотилось теперь в окрестных лесах, дичи в них становилось все меньше, так же как и всего остального. Они дошли уже до того, что искали беличьи запасы желудей, которые

мололи, чтобы добавить в овсянку, но поскольку был уже конец зимы, то, что им удавалось найти, было в лучшем случае сухим и промороженным. Получавшаяся горькая каша более или менее наполняла желудки, но нужно было действительно проголодаться, чтобы глотать нечто подобное. На большинстве лиц, обращенных к котлам, которые попадались Перрину на глаза, было написано предвкушение. Последние повозки громыхали через проем, оставленный в изгороди из заостренных кольев вокруг лагеря; возчики-кайриэнцы, закутанные до ушей и сгорбившиеся на своих

сиденьях, походили на большие темные мешки с шерстью. Все, что прежде везли на повозках, было теперь сгружено в центре лагеря. Пустые, они подпрыгивали в колеях, оставленных передними повозками, одна за другой исчезая между деревьями.

Появление Перрина с Берелейн и Аргандой, следующими за ним по пятам, вызвало шевеление, но не среди голодных двуреченцев. О, некоторые из них послали осторожные кивки в их сторону — один-два глупца даже неуклюже поклонились! — но большинство по-прежнему старалось не глядеть на него, когда Берелейн находилась

поблизости. Идиоты. Тупоголовые идиоты! Впрочем, здесь было достаточно и других, собравшихся немного в отдалении от красно-полосатого шатра и заполнявших проходы между палатками. К ним подбежал майенский солдат в серой куртке и без оружия, ведя в поводу белую кобылу Берелейн, он поклонился и нагнулся придержать ей стремя. Анноура уже сидела на своей холеной кобыле, почти настолько же темной, насколько светлой была лошадь Берелейн. С тонкими косами, в которые были вплетены бусы, спускавшимися ей на грудь из-под капюшона, Айз Седай, казалось, едва заметила присутствие

женщины, чьей советницей она считалась. Выпрямившись, она не отрываясь смотрела на низкие палатки Айил, где не было никакого движения, если не считать тонких колышущихся струек дыма, поднимавшихся над дымовыми отверстиями. Одноглазый Галленне, в своем красном шлеме и кирасе, с повязкой на глазу, восполнил, однако, невнимание тарабонки. При виде Берелейн он выкрикнул команду, услышав которую пятьдесят солдат Крылатой Гвардии замерли как статуи, держа вертикально у бедра длинные копья со стальными наконечниками и красными вымпелами, а когда она села на

лошадь, еще одна отрывистая команда Галленне также подняла их всех на лошадей одним плавным движением, словно они представляли собой единое целое.

Арганда, нахмурившись, тоже посмотрел в сторону айильских палаток, затем на майенцев; потом он прошагал туда, где его ждало такое же количество гэалданских копейщиков в сверкающих латах и конических зеленых шлемах, и тихо заговорил с тем, кто должен был ими командовать, худощавым мужчиной по имени Кирейин, который, как подозревал Перрин, был благородного происхождения, судя по надменному взгляду, видневшемуся

из-под забрала его серебристого шлема. Арганда был настолько низеньким, что Кирей-ину пришлось наклониться, чтобы услышать то, что тот ему говорил, и необходимость сделать это добавила холодности его лицу. Один из людей позади Кирейина вместо копья с зеленым вымпелом держал древко с красным знаменем, на котором были изображены три шестиконечные Серебряные Звезды Гэалдана, а в руках у одного из гвардейцев был майенский Золотой Ястреб на голубом.

Айрам тоже был здесь, однако он держался в стороне и не был подготовлен к отъезду. Завернувшись

в свой ядовито-зеленый плащ, с рукояткой меча, торчащей из-за плеча, он кидал завистливые взгляды на майенцев и гэалданцев. При виде Перрина его хмурое лицо стало сердитым, и он поспешил прочь, натываясь на двуреченцев, ожидающих завтрака. Столкнувшись, он не задерживался для извинений. Айрам становился все более раздражительным по мере того, как дни проходили за днями, а они все так же сидели и ждали; он огрызался и насмехался над всеми, кроме Перрина. Вчера у него чуть не дошло до драки с парой гэалданцев, по причине, которой после того, как их разняли, ни один из них не мог

толком припомнить; Айрам говорил только, что гэалданцы вели себя оскорбительно, а те утверждали, что он слишком много себе позволяет. Именно поэтому этим утром бывший Лудильщик оставался в лагере. Когда они придут в Со Хабор, их положение будет и без того достаточно скользким, не хватало еще, чтобы Айрам затевал драки у Перри-на за спиной.

— Присматривай за Айрамом, — тихо сказал Перрин, когда Дан-нил подвел ему гнедого. — И хорошенько присматривай за Арган-дой, — добавил он, засовывая кошель в седельные сумки и потуже застегивая пряжки. Деньги Берелейн

как раз уравнивали их с Ар-гандой кошель, вместе взятые. Что ж, у нее есть причина быть щедрой. Ее люди были не менее голодны, чем все остальные. — Арганда кажется мне человеком, готовым сделать какую-нибудь глупость.

Трудяга слегка скакнул и мотнул головой, когда Перрин взял повод, но быстро успокоился под его мягкой, но твердой рукой.

Даннил провел по своим похожим на клыки усам красными от холода костяшками пальцев и искоса взглянул на Арганду, затем тяжело вздохнул, выпустив облачко пара.

— Я буду смотреть за ним, лорд Перрин, — пробурчал он, дернув себя

за капюшон, — но хоть вы и сказали, что я остаюсь за главного, он не станет слушать ничего, что я скажу, лишь только вы скроетесь из виду.

К несчастью, это было правдой. Перрин предпочел бы взять Арганду с собой и оставить здесь Галленне, но ни один из них не согласился бы на это. Гэалданец признавал, что люди и лошади скоро начнут голодать, если не найти где-нибудь провизию и фураж, но он не мог заставить себя провести хотя бы день, находясь на большем расстоянии от своей королевы, чем сейчас. В некотором роде он отчаялся еще больше, чем Перрин, или, возможно, более готов был

поддаться отчаянию. Предоставленный самому себе, Арганда каждый день подступал бы немного ближе к Шайдо, пока не оказался бы прямо у них перед носом. Перрин был готов умереть, чтобы освободить Фэйли. Арганда просто казался готовым умереть.

— Сделай все, что сможешь, чтобы удержать его от глупых поступков, Даннил. — Помолчав немного, Перрин прибавил: — По крайней мере пока дело не дойдет до драки. — В конце концов, он не ожидал от Даннила слишком многого. На каждого двуреченца приходилось по три гэалданца, а Фэйли никогда не будет

освобождена, если дойдет до того, что они примутся резать друг друга. Перрин едва удержался, чтобы не склонить голову на шею Трудяги. Свет, однако же, он устал, и он не видел перед собой никакого выхода.

Неспешный перестук копыт возвестил прибытие Масури и Сеонид с тремя их Стражами, которые ехали за ними по пятам, завернувшись в свои плащи, заставлявшие исчезать большую часть человека и часть его лошади. На обеих Айз Седай были переливающиеся шелковые платья, а из-под темного плаща Масури виделось тяжелое золотое ожерелье из многочисленных толстых нитей.

На лбу Сео-нид сверкал маленький белый камень, свисавший с тонкой золотой цепочки, вплетенной в ее волосы. Анноура расслабилась, более свободно сев в седле. Позади айильских палаток, выстроившись в линию, стояли Хранительницы Мудрости, шесть высоких женщин, головы которых были закутаны в темные шали. Жители Со Хабора, возможно, будут не более рады видеть под своими стенами Айил, чем жители Малдена, но Перрин не был уверен, что Хранительницы Мудрости отпустят сестер одних. Больше никого не надо ждать. Солнце высунуло красно-золотой краешек над вершинами деревьев.

– Чем скорее мы там будем, тем скорее вернемся, – сказал Перрин, залезая в седло. Когда он проезжал сквозь проем для повозок, двуреченцы уже начинали ставить на место вытащенные колья. Никто не хотел быть неосторожным, когда люди Масимы находились поблизости.

До линии деревьев оставалась еще сотня шагов, но его глаз уловил движение: кто-то верхом на лошади скользнул в лес, под прикрытие более глубокой тени. Не иначе как один из наблюдателей Масимы, спешащий сообщить Пророку, что Перрин и Берелейн покинули лагерь. Однако, как бы соглядатай ни

спешил, он не успеет вовремя. Если Масима хотел видеть Берелейн и Перрина мертвыми, что казалось вероятным, ему придется подождать другого случая.

В любом случае, Галленне не собирался предоставлять ему такой возможности. От Сантеса и Гендара, двух ловцов воров при Берелейн, не было ни слуху ни духу с того самого дня, как они не возвратились из лагеря Масимы, и для Галленне это было таким же ясным знаком, как если бы он получил их головы в мешке. Его копейщики рассредоточились широким кольцом вокруг Берелейн еще до того, как они достигли деревьев. И вокруг Перрина

тоже, но это была чистая случайность. Если бы ему дали поступать по собственному желанию, Галленне послал бы с ними все девять с лишним сотен своих крылатых гвардейцев, а еще лучше, с его точки зрения, было бы отговорить Берелейн от поездки. Перрин тоже пытался сделать это, но без особого успеха. У этой женщины была привычка выслушивать то, что ей говорили, а затем поступать в точности так, как ей хотелось. Фэйли тоже была такая. Иногда мужчине приходится просто принимать это как есть. А точнее, в большинстве случаев, поскольку больше ему ничего не остается.

Огромные деревья и торчащие из-под снега скальные выступы, разумеется, нарушали строй, но зрелище было красочным даже в тусклом лесном освещении: красные вымпелы, плывущие на легком ветерке в косых солнечных лучах, всадники в красных доспехах, на мгновение исчезающие за массивными дубами и болотными миражами и появляющиеся вновь. Трое Айз Седай ехали позади Перрина и Берелейн, за ними, вглядываясь в окружающий лес, следовали их Стражи, а за ними — человек со знаменем Берелейн. Кирейин и знамя Гэалдана держались немного позади, его люди

были выстроены в аккуратные сверкающие шеренги, насколько это можно было устроить в лесу. Кажущаяся открытость леса была обманчивой; чаща стволов не очень соответствовала аккуратным шеренгам и ярким знаменам, но если добавить к этому расшитые шелка, и драгоценные камни, и корону, и Стражей в меняющих цвет плащах, то это все же выглядело весьма впечатляюще. Перрин мог бы рассмеяться, хотя и без особого веселья.

Берелейн, казалось, угадала его мысли.

— Когда ты собираешься покупать мешок муки, — произнесла

она, — одевайся в простую шерсть, чтобы продавец думал, что ты не можешь заплатить больше, чем предлагаешь. Когда же ты собираешься покупать муку целыми амбарами, украшай себя алмазами, чтобы он думал, что ты можешь себе позволить вернуться за всем, что тебе смогут предложить.

Перрин фыркнул, сам того не желая. Очень похоже на то, что ему сказал как-то мастер Лухан, сопроводив свои слова тычком в ребра, говорящим, что это шутка, и пристальным взглядом, говорящим, что это все же немного больше, чем шутка: «Одевайся бедно, когда добиваешься небольшой милости, и

богато, когда добиваешься большой». Перрин был очень рад, что от Берелейн больше не пахло как от охотящейся волчицы. По крайней мере это избавляло его еще от одной заботы.

Вскоре они нагнали последнюю из вереницы повозок, которая уже перестала двигаться к тому времени, как они достигли площадки для Перемещения. Топоры и несколько часов работы очистили ее от деревьев, рассеченных вратами, образовав небольшую полянку, но она была переполнена еще до того, как Галленне окружил ее кольцом своих копейщиков. Фагер Неалд уже был здесь, фатоватый мурандиец с

усами, нафабранными на кончиках, на сером в яблоках мерине. Его куртка сошла бы для того, кто никогда не видел Аша'мана; единственная другая, которая у него была, также была черной, и по крайней мере на ней не было заколок на воротнике, показывающих, кем он является. Снег не был глубоким, но двадцать двуреченцев под предводительством Вила ал'Сина все же остались на лошадях, чтобы не стоять и не мерзнуть в сапогах. Они выглядели более серьезными ребятами, чем те парни, которые покинули Двуречье вместе с ним, — длинные луки за плечами, щетинящиеся стрелами колчаны и

разнообразные мечи на поясах. Перрин надеялся, что вскоре сможет отослать их домой, а еще лучше, отвести их домой.

Большинство людей держало поперек седел длинные шесты, но Тод ал'Каар и Фланн Барстир несли знамена, Красную Волчью Голову Перрина и Красного Орла Манетерен. Тяжелая челюсть Тода была упрямо выпячена, а Фланн, высокий тощий парень из Сторожевого Холма, выглядел угрюмым. По-видимому, ему не нравилась эта работа. Возможно, Тоду она тоже не нравилась. Вил взглянул на Перрина своим открытым, невинным взглядом,

который обманул немало девушек там, дома, — по праздникам Вил любил носить куртки с чрезмерно богатой вышивкой, и особенно ему нравилось ехать впереди этих знамен, возможно в надежде, что какая-нибудь из женщин подумает, что это его знамена, — но Перрин не ответил на него. Он не ожидал увидеть этих троих на поляне, как не ожидал увидеть и знамена.

Кутаясь в плащ, словно мягкий ветерок был свирепым ураганом, Балвер неуклюже пнул своего тупоносого чалого навстречу Перрину. Двое из свиты Фэйли подъехали вслед за ним; они держались вызывающе. Голубые глаза Медоре

выглядели странно на ее смуглом тайренском лице, впрочем, и ее куртка с пышными в зеленую полосу рукавами выглядела странно на ее пышногрудой фигуре. Дочь Благородного Лорда, она была аристократкой до мозга костей, и мужская одежда просто не шла ей. Латин, кайриэнец, выглядевший бледным в куртке почти столь же темной, как у Неалда, хотя и с четырьмя красно-голубыми разрезами поперек груди, был не намного выше Медоре; он непрестанно ежился от холода и потирал свой острый нос, отчего выглядел гораздо менее солидно. Ни у той ни у другого не было мечей —

еще один сюрприз.

— Милорд; миледи
Первенствующая, — проговорил
Балвер своим сухим голосом,
сгибаясь в поклоне со своего седла,
как воробей, кланяющийся, сидя на
ветке. В его глазах что-то дрогнуло
при взгляде на сопровождающих
Перрина Айз Седай, но это было
единственным признаком того, что
он заметил их присутствие. —
Милорд, я вспомнил, что у меня есть
знакомый в этом Со Хаборе. Один
ножовщик, который торгует своими
изделиями разъезжая с караванами,
но сейчас он может быть дома, а я не
видел его уже несколько лет. — В
первый раз за все это время он

упомянул, что у него где-то есть друг, и город, похороненный на севере Алтары, выглядел довольно странным местом для этого, но Перрин кивнул. Он подозревал, что с этим другом связано нечто большее, чем Балвер позволил себе сказать. Он начинал подозревать, что и в самом Балвере крылось нечто большее, чем он позволял себе показывать.

— А ваши спутники, мастер Балвер? — Лицо Берелейн оставалось спокойным под ее подбитым мехом капюшоном, но запах выдавал, что ситуация ее забавляет. Она очень хорошо знала, что Фэй-ли использовала своих юных последователей как шпионов, и была

уверена, что Перрин использует их точно так же.

— Они захотели размяться, миледи Первенствующая, — вежливо отвечал костлявый человечек. — Я могу поручиться за них, милорд. Они обещали, что не причинят никакого беспокойства, и они могут кое-чему научиться. — Судя по запаху, он тоже забавлялся, — хотя прежде всего от него, разумеется, веяло необходимостью, — но была в нем и нотка раздражения. Балвер знал, что она знает, и это ему не нравилось, но Берелейн никогда не говорила открыто о том, что знала, и это его устраивало. Определенно в Балвере таилось нечто большее, чем он

показывал.

У него, должно быть, были свои причины брать их с собой. Балвер ухитрился так или иначе прибрать к рукам всех юных последователей Фэйли, и они подслушивали и подсматривали для него среди гэалданцев и майенцев и даже среди Айил. По его мнению, то, что говорят и делают твои друзья, может быть настолько же интересным, как и то, что замышляют твои враги, и только зная это можно быть уверенным, что они действительно твои друзья. Разумеется, Берелейн известно, что за ее людьми шпионят. И Балвер тоже знал, что она это знает. И она знала, что он... Все это слишком запутанно

для деревенского кузнеца.

— Мы теряем время, — сказал Перрин. — Открывай ворота, Неалд. Аша'ман ответил ему ухмылкой и погладил свои напомаженные

усы — Неалд слишком часто ухмылялся с тех пор, как они нашли Шайдо; возможно, ему не терпелось помериться с ними силами, — он ухмыльнулся и сделал небрежный жест рукой.

— Как прикажете, — произнес он весело, и в воздухе появилась знакомая серебристая светящаяся черта, расширяясь и образуя проем.

Не ожидая никого, Перрин первым проехал через него, оказавшись на заснеженном поле,

окруженном низкой каменной стенкой, в холмистой местности, которая казалась почти лишенной деревьев по сравнению с оставленным позади лесом, всего в нескольких милях от Со Хабора, если Неалд не допустил существенной ошибки. Если только он ошибся, подумал Перрин, я ему вырву эти дурацкие усы. Как может он быть *веселым*?

Вскоре, однако, он уже ехал к западу под серым покрытым тучами небом, по заснеженной дороге; вслед за ним на своих высоких колесах одна за другой громыхали повозки, а впереди тянулись утренние тени. Трудяга налегал на повод, пытаясь

пуститься в галоп, но Перрин придерживался спокойного шага, чтобы повозки поспевали за ним. Майенцам Галленне приходилось ехать по полям вдоль дороги, чтобы поддерживать свое кольцо вокруг него и Берелейн, а это означало, что приходилось то и дело преодолевать низкие ограды, сложенные из грубо обтесанного камня, которые отделяли одно поле от другого. В некоторых из них были ворота, возможно сделанные для того, чтобы пахари могли переходить с поля на поле; другие майенцы лихо перепрыгивали, с развевающимися вымпелами на копьях и рискуя ногами лошадей и собственными

шеями. По правде говоря, Перрина больше заботили лошадиные ноги.

Вил и двое глупцов, несущих Волчью Голову и Красного Орла, присоединились к знаменщику майенцев позади Айз Седай и их Стражей, но остальные двуреченцы вытянулись по бокам вереницы повозок. Повозок было слишком много, чтобы их могли охранять меньше двадцати человек, однако возчикам было спокойнее, когда они глядели на них. Не то чтобы кто-нибудь ожидал встречи с разбойниками или даже Шайдо, если уж на то пошло, но, лишившись защиты лагеря, все чувствовали себя неуютно. В любом случае, здесь они

смогут увидеть любую опасность задолго до того, как она приблизится.

Низкие гряды холмов в действительности не позволяли видеть слишком далеко, но это была сельская местность с приземистыми, крытыми соломой каменными домами и амбарами, разбросанными среди полей; нигде не было непроходимых дебрей. Даже маленькие рощицы, жавшиеся к склонам холмов, были высажены там специально, на дрова. Но тут Перрину внезапно пришло на ум, что снег на дороге перед ним вовсе не был свежим; однако единственными следами на нем были отпечатки копыт, оставленные передовыми

конниками Галленне. Вокруг темных домишек и амбаров не было видно никакого движения; над толстыми трубами не поднималось ни дымка. Местность была совершенно тихой и совершенно опустевшей. Волоски на его загривке встопорщились, становясь дыбом.

Восклицание одной из Айз Седай заставило Перрина посмотреть через плечо, и, следуя взглядом за пальцем Масури, он увидел к северу от них парящий в воздухе силуэт. С первого взгляда его можно было принять за большую летучую мышь, закладывающую на своих длинных перепончатых крыльях вираж к востоку, — странную

летучую мышь с длинной шеей и длинным тонким хвостом, извивающимся позади. Галленне прохрипел ругательство и вскинул к глазам зрительную трубу. Перрин достаточно хорошо видел и без ее помощи и даже сумел разглядеть человеческую фигуру, прижавшуюся к спине твари и восседающую на ней верхом, как на лошади.

— Шончан, — выдохнула Берелейн; и в голосе, и в запахе ее было беспокойство.

Перрин повернулся в седле, наблюдая за полетом странного создания, пока слепящие лучи восходящего солнца не заставили его отвернуться.

– Нас это не касается, – сказал он. Если Неалд ошибся, он задушит его своими руками.

Глава 26. В Со Хаборе

Как оказалось, Неалд, оставшийся позади, чтобы удержать переходные врата, пока через них не пройдут Кирейин и гэалданцы, открыл их очень близко к тому месту, куда целился. Они с Кирейи-ном галопом нагнали Перрина, как раз когда тот, взобравшись на очередной холм, натянул поводья, рассматривая открывшийся перед ним вид на город Со Хабор, стоявший на другом берегу маленькой речушки, пересеченной парой горбатых деревянных мостов. Перрин не был солдатом, но с

первого взгляда понял, почему Масима не пошел сюда. Защищенный рекой город был окружен двумя кольцами массивных каменных стен, усеянных башенками по всему периметру, причем внутренняя была выше наружной. У длинного причала, проходящего вдоль обращенной к быстро текущей реке стены, между двумя мостами стояли две барки; однако широкие ворота у мостов, окованные железом и плотно закрытые, были, по-видимому, единственными проходами в этом сплошном массиве грубого серого камня, по всей длине увенчанного зубцами. Построенный, чтобы держать в отдалении завистливых

соседей-лордов, Со Хабор мог не бояться сброда, идущего за Пророком, даже явись они сюда тысячами. Любому, кто пожелал бы прорваться в город, потребовались бы осадные машины и немалая доля терпения, а Масиме было сподручнее терроризировать деревни и маленькие городки, не имеющие стен или защитных сооружений.

— Ну и рад же я видеть людей на этих стенах! — сказал Неалд. — Я уже начал думать, что все местные жители давно умерли и похоронены. — Это звучало лишь наполовину шуткой, и его ухмылка выглядела вымученной.

— По крайней мере, они

достаточно живы, чтобы продать нам зерно, – пробормотал Кирейин своим гнусавым скучающим голосом. Расстегнув серебристый шлем, увенчанный белым плюмажем, он повесил его на высокую луку своего седла. Его глаза скользнули по Перрину и ненадолго задержались на Берелейн, потом он повернулся в седле и обратился к Айз Седай тем же утомленным тоном: – Мы будем сидеть здесь или спускаться?

Берелейн взглянула на него, выгнув бровь; любой человек, у которого в голове есть мозги, увидел бы в этом взгляде опасность. Кирейин не увидел.

Волосы на загривке Перрина по-

прежнему норовили встать дыбом, и взгляд на город лишь усилил это ощущение. Возможно, дело просто в том, что волчья его часть не доверяла стенам. Но он так не думал. Люди на стенах показывали в их сторону, некоторые прижимали к глазам зрительные трубы. По крайней мере эти ясно могли видеть их знамена. Любой смог бы увидеть солдат с вымпелами на копьях, развевающимися на утреннем ветерке. А также первые повозки, выезжающие из-за холма и цепочкой растянувшиеся по дороге. Может быть, все жители с окрестных ферм собрались в городе?

— Мы сюда не сидеть пришли, —

сказал Перрин.

Берелейн и Анноура заранее определили порядок действий при подъезде к Со Хабору. Местный лорд или леди, без сомнения, слышали о бесчинствах Шайдо в нескольких милях к северу от них, а возможно, они слышали также и о присутствии в Алтаре Пророка. Любого из этих известий хватило бы, чтобы кто угодно держался настороже; оба известия, взятые вместе, служили достаточной причиной, чтобы сначала выпустить стрелу, а уже потом выяснять, в кого ты стрелял. В любом случае маловероятно, что жители сразу откроют ворота перед чужеземными солдатами. Копейщики

рассредоточились по всему холму, показывая, что гости обладают достаточной военной мощью, пусть и предпочитают не использовать ее. Вряд ли Со Хабор можно поразить видом какой-то сотни человек, но сверкающая броня гэалданцев и красные доспехи Крылатой Гвардии говорили о том, что гости не были какой-нибудь бродячей шайкой. Двуреченцы вряд ли могли поразить кого-нибудь, пока не натянули свои луки, поэтому они оставались при повозках, чтобы приободрить возчиков. Все это казалось Перрину сущей чепухой и распусканием перьев, но он был всего лишь деревенским кузнецом, пусть даже

кто-то и называет его лордом. Первая Майена и Айз Седай должны лучше разбираться в таких вещах.

Галленне медленно поехал вперед, направляясь к реке, его яркий темно-красный шлем висел у седла, спина была гордо выпрямлена. Перрин и Берелейн ехали немного позади, между ними располагалась Сеонид, а Масури и Анноура ехали по сторонам; Айз Седай откинули свои капюшоны, чтобы каждый на этих стенах, кто мог распознать лицо Айз Седай, получил возможность разглядеть, что здесь их трое. В большинстве мест Айз Седай встречали радушно, даже там, где людям скорее не стоило бы этого

делать. Позади них ехали все четыре знаменосца, между которыми расположились Стражи в своих обманывающих глаза плащах. А также Кирейин, державший шлем у бедра; он кривил губы из-за того, что ему велели ехать со Стражами, и то и дело холодно поглядывал на Балвера, замыкавшего шествие со своими двумя спутниками. Балверу никто не разрешал присоединяться к процессии, однако никто и не запрещал. Всякий раз, встречая высокомерный взгляд лорда, он нырял в своем воробьином поклоне, но затем вновь продолжал рассматривать городские стены, возвышавшиеся впереди.

Приближаясь к городу, Перрин никак не мог стряхнуть с себя беспокойство. Конские копыта глухо простучали по южному из мостов, широкому и достаточно высокому, чтобы барка, подобная тем, что стояли у причала, свободно прошла под ним на веслах. Ни на одном из широких тупоносых кораблей не было мачты. Одна из барок косо и низко сидела в воде, натянув причальные канаты; другая тоже каким-то образом выглядела покинутой. Перрин потер нос, ощутив донесшийся до него прогорклый, кислый запах. Никто из остальных, по-видимому, его не замечал.

Добравшись до конца моста, Галленне натянул поводья. Закрытые ворота, обитые черными железными полосами в фут шириной, в любом случае вынудили бы их остановиться.

— Мы слышали о бедах, обрушившихся на эту страну, — прокричал он, обращаясь к людям наверху стены, как-то ухитряясь при этом, чтобы голос его звучал любезно, — но мы всего лишь проезжие, и мы явились, чтобы торговать, а не чинить беды. Мы намерены покупать у вас зерно и другие необходимые вещи, а не воевать с вами. Имею честь представить Берелейн сур Пейндраг Пейерон, Первенствующую в

Майене, Благословенную Светом, Защитницу Волн, Верховную Опору Дома Пейерон, которая желает говорить с лордом или леди этой земли. Имею честь представить Перрина т'Ба-шир Айбара... – Он прибавил Перрину титул лорда Двуречья и несколько других титулов, на которые Перрин не имел никаких прав и которые никогда прежде не слышал, затем перешел к Айз Седай, именуя каждую со всем почтением и добавляя также название их Айя. Это был весьма впечатляющий перечень. Когда он закончил, ответом ему была... тишина.

На зубцах стены и у бойниц люди с грязными лицами

обменивались мрачными взглядами и яростно шептались, нервно сжимая арбалеты и алебарды. Лишь на немногих из них были шлемы или какие-либо доспехи. Большинство было одето в грубые куртки, но на одном из них Перрин, кажется, разглядел под толстым слоем сажи что-то вроде шелковой рубашки. Трудно сказать наверняка, настолько она была заляпана. Даже с его слухом невозможно было расслышать, о чем они говорят.

— Откуда нам знать, что вы живые? — прокричал наконец со стены хриплый голос.

Берелейн удивленно моргнула, но никто не рассмеялся. Это звучало

совершенной глупостью, но Перрин ощутил, как волосы у него на загривке наконец встали дыбом. Что-то здесь очень неправильно. Айз Седай, казалось, не чувствовали этого. С другой стороны, Айз Седай могут прятать что угодно под своей невозмутимой маской холодной безмятежности. Бусинки в тонких косах Анноуры тихо застучали друг о дружку, когда она покачала головой. Масури обвела людей на стене ледяным взглядом.

— Если мне придется доказывать, что я жива, вы об этом пожалеете, — громко провозгласила Сеонид со своим жестким кайриэн-ским выговором, немного более

запальчиво, чем можно было сказать по ее лицу. — Если вы будете и дальше целиться в меня из арбалетов, то пожалеете об этом еще больше.

Несколько человек торопливо подняли арбалеты к небу. Однако не все.

Новая волна шепота прошелестела на гребне стены, но кто-то, по-видимому, все же распознал Айз Седай. В конце концов ворота со скрипом отворились, тяжело поворачиваясь на массивных ржавых петлях. Удушающее зловоние распространилось из образовавшейся щели, это была та самая вонь, которую давно уже ощущал Перрин,

только теперь гораздо сильнее. Застарелая грязь и застарелый пот, разлагающийся мусор и слишком подолгу не опорожняющиеся ночные горшки. Уши Перрина сделали попытку прижаться к голове. Галленне сделал движение, словно, прежде чем въехать в ворота, хотел снова надеть свой красный шлем. Перрин пришпорил Трудягу, следуя за ним и на ходу ослабляя на поясе петлю, в которой висел топор.

Не успели они оказаться внутри, как грязный человек в разорванной куртке ткнул ногу Перрина пальцем, тут же отскочив, когда Трудяга хватил было его зубами. Когда-то горожанин, видимо, был толст, но

теперь куртка свободно болталась на нем, а кожа обвисла.

— Просто хотел убедиться, — пробормотал он, рассеянно почесывая бок. — Милорд, — добавил он секундой позже. Его глаза, казалось, только сейчас сфокусировались на лице Перрина, и его рука, скребущая бок, замерла на полдороге. В конце концов, золотисто-желтые глаза встречаются не так уж часто.

— Много ли тебе попадалось ходячих мертвецов? — с кривой ухмылкой спросил Перрин, стараясь, чтобы это прозвучало шуткой, и похлопывая гнедого по шее. Необходимо похвалить боевого коня

за попытку защитить своего всадника.

Человек вздрогнул так, словно лошадь снова оскалилась на него; скривив рот в натянутой улыбке, он боком отошел в сторону. И тут же налетел на кобылу Берелейн. Галленне держался сразу позади нее, по-прежнему с таким видом, словно был готов натянуть свой шлем, и пытаясь смотреть одним глазом в шести направлениях одновременно.

— Как нам увидеть вашего лорда или леди? — нетерпеливо спросила она. Майен был маленьким государством, однако Берелейн не привыкла, чтобы на нее не обращали внимание. — Все остальные, по-

видимому, онемели, но я слышала, что твой язык еще ворочается. Ну же, отвечай!

Тот воззрился на нее, проводя языком по губам.

— Лорд Каулин... Лорда Каулина... нет в городе. Миледи. — Его взгляд метнулся в сторону Перрина, но он тут же отвел глаза. — Торговцы зерном... Вам нужно поговорить с торговцами зерном. Их всегда можно найти в «Золотой Барке». Это в той стороне, — он вытянул руку, показывая куда-то в глубь города, и тут же принялся протискиваться прочь, оглядываясь на них через плечо, словно опасался погони.

– Думаю, нам надо поискать где-нибудь в другом месте, – произнес Перрин. Не его желтые глаза напугали этого парня; тут было что-то большее. Все в этом месте было как-то... криво.

– Мы уже здесь, и больше искать все равно негде, – ответила Берелейн очень практичным тоном. В этом зловонии он не мог уловить ее запаха; ему приходилось довольствоваться тем, что он слышал и видел, а ее лицо было спокойным, как у Айз Седай. – Я бывала в городах, где воняло гораздо хуже, чем здесь, Перрин. Да, гораздо хуже. И пусть даже этот лорд Каулин в отъезде, это не первый раз, когда мне

приходится иметь дело с купцами. Ты же не веришь, что они и вправду видели ходячих мертвецов, не так ли? — Что может мужчина ответить на это, чтобы не выглядеть полным болваном?

В любом случае, остальные уже толпились в воротах, хотя больше и не соблюдали аккуратного строя. Винтер и Алхарра следовали по пятам за Сеонид, словно не подходящие друг к другу сторожевые псы, один белокурый, другой темноволосый, и оба готовы вырвать глотку любому в мгновение ока. Несомненно, они тоже чувствовали, что такое Со Хабор. Кирклин, ехавший позади Масури, выглядел

так, словно не собирался ждать даже мгновения этого ока; его рука покоилась на рукояти меча. Кирейин держал руку у носа, и яростное сверкание его глаз говорило, что кто-то заплатит за то, что ему приходится нюхать такое. Медоре и Латиан тоже были бледны, однако Балвер лишь огляделся вокруг, склонив голову, и тут же потащил двоих своих спутников в узенький проулок, уходящий на север. Как и сказала Берелейн, они уже были здесь.

Яркие знамена здесь определенно неуместны, думал Перрин, проезжая по тесным извилистым улочкам городка. Ширина некоторых из них, по правде

говоря, вполне соответствовала размерам Со Хабо-ра, но его не покидало ощущение стесненности, словно каменные здания с обеих сторон были каким-то образом выше своих двух или трех этажей и могли вот-вот обрушиться ему на голову. Воображение также заставляло улицы выглядеть какими-то тусклыми. Должно быть, это всего лишь воображение. Небо было не настолько серым. Грязные каменные мостовые запружены людьми, но их было недостаточно, чтобы отнести на их счет покинутость окружающих ферм; все спешили, склонив головы. Спешили не к какой-то цели; спешили убраться откуда-то. Никто

не смотрел на окружающих. Несмотря на то что река протекала прямо у них за порогом, они, по-видимому, забыли, что значит мыться. Он не видел ни одного лица, не покрытого коркой грязи, ни одной одежды, которая бы не выглядела так, словно ее не снимали неделями, причем все это время копались в навозе. По мере того как отряд углублялся в город, вонь только усиливалась. Перрин подумал, что со временем можно привыкнуть ко всему. Но хуже всего была тишина. В деревнях иногда бывает тихо, хотя не так тихо, как в лесу, но город всегда наполнен какими-то шумами — звуками споров, доносящихся из

лавок, звуками повседневной жизни людей. В Со Ха-боре не слышалось даже шепота. Он, казалось, едва дышал.

Уточнить направление оказалось затруднительным, поскольку большинство людей кидалось прочь, едва с ними заговаривали, но в конце концов путники спешили перед процветающей с виду гостиницей, являющей собой три этажа тщательно обтесанного серого камня, покрытого черепичной крышей. Вывеска над дверью гласила, что она называется «Золотая Барка». Буквы вывески даже носили следы позолоты, позолота была и на груди

зерна, высоко насыпанного на барке и ничем не прикрытого, словно его никто никуда и не собирался перевозить. Из конюшни при гостинице не показался ни один конюх, так что держать лошадей пришлось знаменосцам, что отнюдь их не обрадовало. Тод настолько углубился в рассматривание потока спешащих мимо грязных людей и поглаживание рукояти своего короткого меча, что чуть не лишился пары пальцев, когда брал повод Трудяги. Майенец и гэалданец, судя по их виду, желали, чтобы вместо знамен у них были копья. Фланн просто смотрел вокруг дикими глазами. Несмотря на утреннее

солнце, свет действительно казался каким-то... сумрачным. Когда они вошли внутрь, положение не улучшилось.

На первый взгляд, общая зала подтверждала процветание гостиницы, с полированными круглыми столами и стульями вместо скамей, с высоким потолком, укрепленным прочными балками. На стенах были изображены поля ячменя, овса и проса, зреющих под ярким солнцем, а на резной полке над высоким белокаменным камином стояли ярко раскрашенные часы. Очаг, однако, был холодным, а воздух в комнате почти столь же ледяным, как снаружи. Часы

остановились; полировка на столах потускнела. Все покрывал слой пыли. Единственными людьми в помещении были шестеро мужчин и пятеро женщин, склонившиеся над своими чашами вокруг овального стола, который был больше остальных и стоял посредине залы.

Когда Перрин и его спутники вошли в комнату, один из мужчин с проклятием вскочил на ноги, его лицо под слоем грязи побледнело. Пухлая женщина с гладкими сальными волосами поднесла свою оловянную чашу ко рту и сделала такой большой глоток, что вино ручейками полилось у нее по подбородку. Возможно, дело было в

Перриновых глазах. Возможно.

— Что происходит в этом городе? — жестко спросила Анноура, сбрасывая с плеч свой плащ, словно в очаге пылал огонь. Ее спокойный взгляд, обежавший людей за столом, приковал их к своим местам. Внезапно Перрин сообразил, что ни Масури, ни Сеонид не последовали за ним в гостиницу. Он очень сомневался, что они остались снаружи сторожить лошадей. Что они с своими Стражами задумали, можно только предполагать.

Человек, вскочивший на ноги, потянул себя за воротник куртки. Некогда куртка была голубой, из тонкого сукна, с рядом позолоченных

пуговиц сверху донизу, но, по всей видимости, он в течение некоторого времени проливал на нее то, что ел и пил. Возможно, больше, чем попадало ему внутрь. Он был еще одним человеком, кожа которого обвисала мешками.

– П-происходит, Айз Седай? – запинаясь, пробормотал он.

– Успокойся, Микал! – быстро произнесла одна из женщин. Она выглядела осунувшейся; высокий ворот и рукава ее темного платья украшала вышивка, но из-за грязи было трудно различить цвета. Ее глаза были темными провалами. – Почему вы решили, что здесь что-то происходит, Айз Седай?

Анноура хотела было ответить, но не успела она вновь открыть рот, как вмешалась Берелейн:

— Мы ищем торговцев зерном.

Выражение лица Анноуры не изменилось, но она захлопнула рот с отчетливым щелчком.

Люди за столом обменялись долгими взглядами. Изможденная женщина кинула испытующий взгляд на Анноуру, тут же переводя его на Берелейн и, по всей видимости, отмечая ее шелка и огневики. А также диадему. Она раскинула юбки, приседая в реверансе.

— Мы все здесь — члены купеческой гильдии Со Хабора, миледи. То, что от нее... — она

осеклась и сделала глубокий, судорожный вздох. — Мое имя Рахема Арнор, миледи. Чем мы можем вам служить?

Лица купцов, казалось, несколько посветлели, когда они узнали, что их гости явились покупать зерно и прочие необходимые вещи — масло для ламп и для готовки, бобы, и иголки, и гвозди для подков, одежду, и свечи, и дюжину других вещей, в которых в лагере испытывали нужду. По крайней мере теперь они выглядели немного менее напуганными. Любой купец, услышав список вещей, перечисленных Берелейн, едва бы удержался от радостной улыбки, но

ЭТИ...

Госпожа Арнор крикнула, чтобы хозяйка принесла вина – «лучшего, какое у тебя есть; да поживее, поживее!» – но когда длинноносая женщина нерешительно просунула голову в общую залу, госпоже Арнор пришлось поспешить к ней и схватить ее за засаленный рукав, чтобы она снова не исчезла. Человек в заляпанной пищей куртке позвал кого-то по имени Сперал, чтобы тот принес образцы зерна, но, и на третий раз не дождавшись ответа, с нервным смешком сам скользнул в заднюю комнату; мгновением позже он вернулся, неся в охапке три большие цилиндрические

деревянные емкости, которые поставил на стол, по-прежнему нервно посмеиваясь. Остальные тоже продемонстрировали целый набор дерганных кривых улыбок, кланяясь и приседая перед Берелейн и провожая ее к месту во главе овального стола, — мужчины и женщины с грязными лицами, постоянно почесывавшиеся, по-видимому не отдавая себе в этом отчета. Перрин заткнул перчатки за пояс и встал у разрисованной стены, наблюдая за ними.

Они договорились, что торговаться будет Берелейн. Она была вынуждена признать, хоть и неохотно, что, несмотря на то что он знал больше ее о конине, ей

приходилось заключать торговые договоры на суммы, покрывающие годовой доход с продажи масличных рыб. Анноура лишь бледно улыбнулась на предположение, что какой-то деревенский выскочка может здесь быть чем-то полезен. Она его так не называла — слово «милорд» в ее устах звучало так же гладко, как у Масури или Сеонид, — но было ясно, что она полагает некоторые вещи просто выше его разумения. Но сейчас она не улыбалась, стоя позади Берелейн и обводя купцов изучающим взглядом, словно пытаясь запомнить их лица.

Хозяйка гостиницы принесла вино в оловянных кружках, которые

не видели полировочной тряпки уже недели, если не месяцы, но

Перрин лишь посмотрел в свою и поболтал в ней вино. Грязь въелась под ногти хозяйки, госпожи Вадере, а на костяшках пальцев она казалась частью ее кожи. Он заметил, что Галленне, стоявший спиной к противоположной стене и державший руку на рукояти меча, тоже не притронулся к своей кружке, а Берелейн на свою даже и не взглянула. Кирейин понюхал поданное ему вино, затем отхлебнул большой глоток и крикнул, чтобы госпожа Вадере принесла ему кувшин.

— Легковато, чтобы

действительно быть лучшим, что у тебя есть, — гнусаво протянул он, глядя на женщину свысока, — но, возможно, оно смоем эту вонь. — Она без выражения взглянула на него и поставила перед ним кувшин, не сказав ни слова. Кирейин, очевидно, принял ее молчание за признак почтения.

Мастер Кроссин, тот, чья куртка была испачкана пищей, снял крышки с деревянных емкостей и высыпал на стол очищенные от шелухи образцы зерна, которое они предлагали на продажу: желтое просо, и коричневый овес, и ячмень — лишь немного более темного оттенка. Видимо, перед тем, как собрали

урожай, не было дождей.

— Качество самое лучшее, как вы видите, — сказал он.

— Да, самое лучшее. — Улыбка соскользнула с лица госпожи Арнор, но она тут же вернула ее на место. — Мы всегда продаем самое лучшее.

Для людей, объявляющих свой товар лучшим, они торговались не особенно яростно. Перрин не раз видел, как дома, в Двуречье, люди продают купцам из Байрлона шерсть и табак, и они всегда спорили с ценами, предложенными покупателями, всегда жаловались, что купцы хотят их ограбить, хотя цены по сравнению с прошлым годом подскочили вдвое, и даже угрожали

подождать до следующего года, чтобы продать все вместе. Это был ритуал настолько же сложный, как какой-нибудь танец в праздничный день.

— Полагаю, мы можем немного снизить цену для такой большой партии, — сказал Берелейн лысеющий купец, скребя свою седоватую бороду. Борода была коротко стриженной и настолько грязной, что прилипала к подбородку. Перрину самому захотелось почесаться только при взгляде на него.

— Зима была суровой, — пробормотала круглолицая женщина. Лишь двое из других купцов взяли на себя труд нахмуриться на нее.

Перрин поставил кружку на

столик рядом и подошел к собравшимся в середине комнаты. Анноура обдала его резким, предостерегающим взглядом, но некоторые из купцов посмотрели на него с любопытством. И с опаской. Галленне при знакомстве вновь привел весь список их титулов, но эти люди были не очень уверены относительно того, где в точности находится Майен и насколько большим могуществом он обладает, а Двуречье означало для них лишь хороший табак. Двуреченский табак известен повсюду. Если бы не присутствие Айз Седай, они разбежались бы при виде его глаз. Комната погрузилась в молчание,

когда Перрин зачерпнул пригоршню проса, маленькие шарики, гладкие и ярко-желтые на его загрубелой ладони. Это зерно было первой чистой вещью, которую он видел в этом городе. Высыпав зерно обратно на стол, он поддел крышку одной из деревянных емкостей. Нитки, врезавшиеся в дерево, были новыми и не истертыми. Крышка прилегала плотно. Глаза госпожи Арнор метнулись, избегая его взгляда, и она нервно облизнула губы.

— Я хочу посмотреть на зерно в амбарах, — произнес Перрин. Половина собравшихся вокруг стола людей вздрогнула.

Госпожа Арнор негодуяще

выпрямилась.

— Мы не продаем того, чего у нас нет. Вы можете пронаблюдать за каждым мешком, который наши грузчики будут грузить на ваши подводы, если вам хочется провести несколько часов на морозе.

— Я как раз собиралась предложить посетить зернохранилища, — вставила Берелейн. Встав, она вытащила из-за пояса красные перчатки и начала надевать их. — Я никогда не покупаю зерно, не посмотрев на склады.

Госпожа Арнор поникла. Лысоватый купец опустил голову на стол. Никто, впрочем, не произнес ни слова.

Павшие духом купцы не позаботились даже накинуть плащи перед тем, как вывести их на улицу. Ветер усиливался, холодный настолько, насколько холодным он бывает лишь в конце зимы, когда люди уже живут предвкушением весны, но они, казалось, не замечали его. Их сгорбленные плечи не имели никакого отношения к холоду.

— Мы возвращаемся, лорд Перрин? — озабоченно спросил Фланн, когда они появились на пороге. — В этом месте мне постоянно хочется помыться. — Анноура, проходя мимо, посмотрела на него с такой хмурой миной, что он вздрогнул не хуже одного из купцов.

Он попытался задобрить ее улыбкой, но она получилась вымученной и в любом случае запоздала; Айз Седай уже повернулась к нему спиной.

— Так скоро, как только я смогу устроить, — ответил ему Пер-рин. Торговцы уже спешили по улице, опустив головы и не глядя вокруг. Берелейн и Анноура ухитрялись поспевать за ними, не выглядя при этом спешащими, они двигались плавно, одна не менее собранная, чем другая; две высокопоставленные дамы, вышедшие на прогулку и не обращающие внимания на грязь под ногами, или на зловоние в воздухе, или на грязных людей, вздрагивающих при виде их и только

что не убегающих со всех ног. Галленне наконец натянул свой шлем и, не скрываясь, держался за эфес обеими руками, готовый вытащить меч в любую минуту. Кирейин одной рукой придерживал свой шлем у бедра, другая была занята кружкой с вином. Презрительно поглядывая на грязнолицых людей, спешащих мимо, он нюхал вино, словно это был ароматический шарик, призванный отогнать зловоние города.

Склады располагались между двумя городскими стенами на мощенной камнем улице, ширины которой едва хватало, чтобы проехала подвода. Воздух здесь был чище, поскольку река находилась

рядом, но выметенная ветром улица была пуста, не считая Перрина с его спутниками. Не видно было даже бродячих собак. Собаки исчезают, когда в город приходит голод, но откуда может взяться голод там, где зерна хватает даже на продажу? Перрин наугад ткнул пальцем в двухэтажное хранилище, ничем не отличавшееся от соседних, — лишенное окон здание с широкими двойными деревянными воротами, заложёнными деревянным брусом, который сгодился бы на потолочную балку в «Золотой Барке».

Купцы внезапно вспомнили, что забыли привести с собой людей, чтобы поднять засовы. Они

предложили вернуться за ними. Леди Берелейн и Анноура Седай смогут отдохнуть у камина в «Золотой Барке», пока приведут рабочих. Наверняка госпожа Вадере уже разложила огонь. Но слова замерли у них на языке, когда Перрин просунул руку под толстый брус и потянул его вверх, вынимая из скоб. Брус был тяжелым, но Перрин попятился, держа его на плече, освобождая себе место, чтобы развернуться и с размаху бросить его на землю. Торговцы смотрели на него с изумлением. Должно быть, в первый раз в своей жизни они видели человека в шелковой куртке, делающего что-то, что можно назвать

работой. Кирейин выпучил на него глаза и снова понюхал свое вино.

— Светильники, — слабым голосом произнесла госпожа Арнор. — Нам нужны будут светильники или факелы. Если...

Шар света возник над головой Анноуры; его сияние было настолько ярким по сравнению с серым утренним светом, что на мостовой и стенах возникли бледные тени. Некоторые из купцов подняли руки, заслоняя глаза. Через мгновение мастер Кроссин потянул одну из дверей за железное кольцо.

Запах внутри хранилища был знакомым острым запахом ячменя, настолько сильным, что он почти

перебивал зловоние города, но здесь было что-то еще. Маленькие неясные тени метнулись, прячась от света шара Анноуры. Без него Перрин мог бы лучше разглядеть их или, по крайней мере, глубже видеть в темных углах. Сияющий шар отбрасывал вокруг себя широкое озеро света, отгораживая то, что находилось за его пределами. Перрин чувствовал запах кошки, скорее дикой, чем домашней. А еще запах крыс. Внезапный писк в темной глубине склада, так же внезапно прервавшийся, говорил о том, что кошка нашла крысу. В амбарах всегда были крысы и всегда были кошки, охотящиеся за ними. Это было

нормально, это успокаивало. Этого было почти достаточно, чтобы смягчить его нервозность. Почти. Он ощущал здесь еще какой-то запах, запах, который он должен был знать. Яростный вой, донесшийся из глубины хранилища, превратился в мучительные вопли, затем резко оборвавшиеся. По-видимому, крысы Со Хабо-ра иногда охотились на своих охотников. Волосы на загривке Пер-рина опять зашевелились; но что здесь было такого, за чем понадобилось бы шпионить Темному? Большинство крыс были просто крысами.

Не было нужды идти далеко. Мешки из грубой холстины рядами

уходили в темноту, сложенные друг на друга высокими крутобокими штабелями, на низких деревянных платформах, чтобы мешки не лежали на каменном полу. Ряды и ряды мешков, наваленных почти до потолка; по-видимому, этажом выше их ожидает та же картина. А даже если и нет, в этом здании уже достаточно зерна, чтобы прокормить их людей на протяжении недель. Подойдя к ближайшему мешку, Перрин вытащил из-за пояса нож, воткнул в коричневую мешковину и провел наискось, разрезая крепкие джутовые волокна. Водопад ячменя хлынул наружу. В ослепительном сиянии шара Анноуры среди зерен

были ясно видны извивающиеся черные точки. Долгоносики! В мешке их было немногим меньше, чем зерен. Их запах был более острым, чем запах ячменя. Долгоносики. Ему очень хотелось, чтобы волосы у него на загривке перестали подниматься дыбом. Здесь было достаточно холодно, чтобы не выжили никакие долгоносики.

Одного мешка было вполне достаточно, и его нос уже узнал запах долгоносиков, но Перрин перешел к другому штабелю, затем к следующему и к следующему, каждый раз разрезая один мешок. Из каждого высыпался поток светло-коричневого ячменя, испещренного

черными точками долгоносиков.

Купцы стояли у порога, сбившись в кучку, дневной свет был за их спиной, но шар Анноуры отбрасывал на их лица рельефные тени. Озабоченные лица. Отчаявшиеся лица.

— Мы будем счастливы провеять каждый мешок, который продадим вам, — нетвердым голосом проговорила госпожа Арнор. — Всего лишь за небольшую дополнительную...

— За половину той цены, которую я предлагала последней, — отрезала Берелейн. С отвращением морща нос, она приподняла юбки, чтобы уберечь их от долгоносиков,

копошащихся на полу среди зерна. — Вам все равно не удастся выбрать всех.

— И никакого проса, — угрюмо сказал Перрин. Его людям нужна провизия, нужна она была и солдатам, но просяные зерна не-намногим больше долгоносиков. Как ни провеивай, они привезут с собой долгоносиков не меньше, чем проса. — Вместо проса мы возьмем еще бобов. Но их вы тоже провеете.

Внезапно с улицы послышался вопль. Это была уже не кошка и не крыса; это был человек, напуганный до потери сознания. Пер-рин даже не успел заметить, что вытащил топор, когда обнаружил его рукоять в своей

руке, а себя — проталкивающимся между купцов к выходу. Они сгрудились еще плотнее, облизывая губы и даже не делая попытки посмотреть, кто кричал.

Кирейин стоял, прижавшись спиной к стене склада напротив, его ярко начищенный шлем с белым пером валялся на мостовой рядом с его кружкой. Меч гэалданца был наполовину вытащен из ножен, но он не двигался с места, словно примерз, и глядел выпученными глазами на стену того здания, из которого только что вышел Перрин. Перрин тронул его за руку, и тот подскочил.

— Тут был человек, — слабо проговорил гэалданец. — Он был

прямо тут. Он посмотрел на меня, а потом... — Кирейин провел рукой по лицу. Несмотря на холод, на его лбу блестел пот. — Он прошел прямо сквозь стену. Клянусь Светом! Вы должны поверить мне.

Кто-то простонал; возможно один из купцов, подумал Перрин.

— Я тоже видела человека, — произнесла Сеонид позади Перрина, и на этот раз уже он чуть не подпрыгнул на месте. В этом месте его нос был бесполезен!

Бросив на стену, указанную Кирейином, последний взгляд, Айз Седай отступила от нее с явно ощутимой неохотой. Ее Стражи были высокими мужчинами, намного выше

нее, но они старались держаться поближе к ней, лишь на таком расстоянии, чтобы им хватило места вытащить мечи. Хотя с кем бы пришлось сражаться мрачным Стражам, если Сеонид говорила серьезно, Перрин не мог себе даже представить.

— Мне довольно сложно лгать, лорд Перрин, — сухо проговорила Сеонид, когда он высказал вслух свое недоверие; но ее тон тут же стал таким же серьезным, как и лицо, а ее взгляд — настолько пытливым, что от одного него Перрин мог бы почувствовать беспокойство. — Мертвые ходят по Со Хабору. Лорд Каулин бежал из города,

преследуемый призраком своей покойной жены. Похоже, есть определенные сомнения относительно того, как она умерла. Едва ли в городе найдется хоть один человек, мужчина или женщина, кто не видел бы мертвого, а многие видели и не одного. Говорят, что некоторые люди умирали от прикосновения мертвеца. Этого я не могу утверждать с точностью, но многие умерли от страха, а некоторые — из-за того что умерли их близкие. Никто в Со Хаборе не выходит из дома ночью и не входит в комнату, не объявив о своем приходе. Люди стреляют и рубят мечами по теням и любым неожиданностям, и

иногда они находят у своих ног мертвых мужей, жен или соседей. Это не истерика и не сказка, которой пугают детей, лорд Перрин. Я никогда не слышала ничего подобного, но это реальность. Вы должны одну из нас оставить здесь, чтобы мы попытались сделать что сможем.

Перрин медленно покачал головой. Он не мог себе позволить потерять Айз Седай, если он хотел освободить Фэйли. Госпожа Арнор начала всхлипывать еще до того, как он произнес:

— Со Хабору придется справляться со своими мертвыми в одиночку.

Но страх перед мертвецами все же не объяснял всего. Возможно, люди были слишком напуганы, чтобы думать об умывании, но вряд ли страх сделал бы их всех нечистоплотными. Они, казалось, просто больше не заботились ни о чем. А долгоносики, бурно размножающиеся зимой, на трескучем морозе? В Со Хаборе таилось что-то еще, что-то еще более неправильное, чем ожившие призраки, и инстинкт подсказывал ему покинуть это место немедленно, бегом и не оглядываясь. Он жалел лишь, что не мог этого сделать.

Глава 27. То, что необходимо

Верно решили везть на заснеженном восточном берегу реки, открытом для резкого северного ветра. Мужчины и женщины из города возили мешки через мосты на подводах, запряженных четверней, и на однолошадных повозках, и даже на ручных тележках. Обычно покупатели подводили к складам собственные повозки, в худшем случае зерно и бобы приходилось доставлять до пристани, но у Перрина не было намерения пускать своих возчиков в Со Хабор. Или кого-

нибуть еще, если уж на то пошло. Что бы ни было не так с этим городом, это могло оказаться заразным. Во всяком случае, возчики и без того были достаточно беспокойны, они хмуро посматривали на грязных горожан, которые никогда не заговаривали первыми и нервно смеялись, случайно встречая чей-нибудь взгляд. Купцы с чумазыми лицами, приглядывавшие за работой, были не лучше. На родине возчиков, в Кайриэне, купцы были опрятными, почтенными людьми, по крайней мере выглядели так со стороны; они не дергались то и дело лишь из-за того, что замечали краем глаза какое-

то движение. Между купцами, глядевшими с подозрением на любого, кого они не знали, и горожанами, уныло тащившимися обратно по мосту с явным нежеланием возвращаться в стены собственного города, возчики испытывали постоянную нервозность. Они собирались маленькими кучками, бледные, одетые в темное мужчины и женщины, теребя рукоятки своих поясных ножей и глядя на более высоких местных жителей так, словно те были маньяками-убийцами.

Перрин медленно ездил кругами, наблюдая за тем, как веют

зерно, то рассматривая ряды повозок, которые растянулись вверх по холму и дальше, насколько хватало взгляда, в ожидании погрузки, то заглядывая в подводы, повозки и тележки горожан, двигавшиеся по мостам. Он старался постоянно быть на виду. Он не очень понимал, почему при виде того, как он разъезжает, стараясь казаться не озабоченным, кто-то может воспрять духом, но, по-видимому, так оно и было. По крайней мере, этого было достаточно, чтобы его люди не разбегались, хотя они продолжали глядеть косо на мужчин и женщин из Со Хабора. Те тоже держались на расстоянии, и это было хорошо. Стоит лишь мысли о том, что кто-

нибудь из этих людей может оказаться мертвецом, забрести в кайриэнские головы, и половина их тут же стегнет по лошадям, чтобы бежать отсюда без оглядки. Большинство остальных, скорее всего, не останутся дольше чем до темноты. Такого рода рассказы напугают кого угодно, когда спустится ночь. Бледное солнце, почти скрытое серой пеленой, еще не прошло и половины своего пути к зениту, однако постепенно становилось все более очевидно, что им придется остаться здесь на ночь. А может быть, и не на одну. Его челюсти сводило от усилия не заскрежетать зубами, и даже Неалд

начинал избегать его хмурого взгляда. Перрин ни на кого не рывкал. Ему просто хотелось этого.

Веять зерно было трудоемким процессом. Каждый мешок надо было открыть и опорожнить в большую плоскую плетеную корзину, которую затем двое человек поднимали и начинали подбрасывать на ней зерно или бобы. Холодный ветер уносил долгоносиков прочь дождем черных мелких точек, а мужчины и женщины с плетеными двуручными опахалами помогали порывам ветра. Быстрое течение уносило все, что попадало в реку, но на берегу снег вскоре был уже растоптан в серую кашу, устланную

слоями мертвых и умирающих от холода насекомых, а также случайно упавшими зернами овса и ячменя, испещренную красными пятнышками бобов. То, что ноги втапывали в снег, тут же заменялось новым слоем. Тем не менее оставшееся в корзинах зерно выглядело более чистым, хоть и не до конца; его пересыпали обратно в грубые джутовые мешки, вывернутые наизнанку и яростно выбитые палками, чтобы избавиться от вредителей. Вновь наполненные мешки укладывали в повозки кайриэнцев, как только их горловины перевязывали веревками; однако груды мешков, оставшихся пустыми,

росли с огромной быстротой.

Перрин, опершись на луку седла, как раз пытался вычислить, действительно ли для того, чтобы наполнить одну из его повозок, уходит две телеги со склада, когда к нему подъехала Берелейн на своей белой кобыле, придерживая от ветра свой малиновый плащ рукой в красной перчатке. Анноура держалась в двух шагах позади, ее безвозрастное лицо было спокойным и непроницаемым. Айз Седай, казалось, оставляла их наедине, однако при этом находилась в достаточной близости, чтобы слышать все, что не будет сказано шепотом, даже не прибегая к

помощи Силы. Как бы ее лицо не выглядело непроницаемым, орлиный нос придавал ей сегодня хищный вид. Косы с вплетенными в них бусами казались каким-то странным птичьим хохолком, прижатым к голове.

— Ты не сможешь спасти всех, — спокойно сказала Берелейн. Здесь, где не было зловония города, ее запах был напряженно-острым, в нем чувствовался гнев. — Временами приходится выбирать. Со Хабор находится под защитой лорда Каулина. Он не имел права бросать своих людей. — Ага, значит, ее гнев относился не к нему.

Перрин нахмурился. Неужели

она думает, что он чувствует себя виноватым? Когда на другой чаше весов находится жизнь Фэйли, тревоги Со Хабора не сдвинут стрелку даже на волос. Однако он повернул своего гнедого так, чтобы посмотреть на серые городские стены по ту сторону реки, а не на пустые глаза ребятишек, выбивающих вывернутые мешки. Человек делает то, что он может. Что он должен.

— У Анноуры есть мнение о том, что здесь происходит? — пробурчал Перрин. Он говорил тихо, но почему-то у него не было сомнения, что Айз Седай услышала его.

— Я не имею ни малейшего понятия, что думает Анноура, —

ответила Берелейн, даже не пытаясь понизить голос. Она не только не заботилась о том, что ее могут услышать, она хотела, чтобы ее слышали. — Она не такая общительная, как была когда-то. Какой я ее когда-то считала. Пусть сама латает то, что порвала. — Без единого взгляда на Айз Седай она развернулась и поехала прочь.

Анноура осталась, глядя немигающим взором на Перрина.

— Ты, конечно, *та'верен*, но все же ты — лишь нитка в Узоре, так же как и я. В конце концов, даже Дракон Возрожденный — лишь нитка, вплетенная в Узор. Даже нитка *та'верена* не может выбирать, где и

как ей быть вплетенной.

— Эти нитки — люди, — устало произнес Перрин. — Возможно, иногда люди не хотят, чтобы их вплетали в Узор, не спросив у них.

— А ты думаешь, есть какая-то разница? — Не ожидая ответа, она подняла поводья и погнала свою длинноногую бурую кобылу вслед за Берелейн, припустив ту галопом, так что плащ вздулся у нее за плечами.

Она была не единственной Айз Седай, у которой было что сказать Перрину.

— Нет, — твердо ответил он Сеонид, похлопывая Трудягу по шее. Впрочем, на этот раз успокаивать следовало не коня, а всадника. Он

хотел оказаться подальше от Со Хабора. — Я сказал — нет, значит — нет.

Она сидела, выпрямившись в седле, бледная маленькая женщина, вырезанная изо льда. Не считая того, что глаза ее были темными пылающими углями, и от нее буквально несло с трудом сдерживаемой яростью. Сеонид была мягкой как масло с Хранительницами Мудрости, но он не был одной из Хранительниц Мудрости. Смуглое лицо Алхар-ры позади нее было каменным, седина присыпала его кудрявые черные волосы как изморозь. Лицо Винтера над завитыми усами было красным.

Им приходилось принимать то, что происходило между их Айз Седай и Хранительницами Мудрости, но Перрин не был... Порыв ветра распахнул их меняющие цвет плащи, оставив руки свободными, чтобы вытащить меч в случае нужды. Хлопая на ветру, плащи переливались оттенками серого и коричневого, голубого и белого. Неприятное ощущение в желудке рассасывалось, когда он не видел, как часть человека исчезает под ними. Почти рассасывалось.

— Если будет нужно, я пошлю Эдарру, чтобы она привела тебя обратно, — предупредил он.

Ее лицо оставалось холодным,

глаза по-прежнему пылали, однако по телу пробежала дрожь, качнув маленький белый камень у нее на лбу. Не из страха перед тем, что Хранительницы Мудрости сделают с ней, если ее придется силой приводить обратно; просто из-за оскорбления Перрина, сделавшего ее запах острым как шип терновника. У него начинало входить в привычку оскорблять Айз Седай. Вряд ли благоразумно усваивать подобные привычки, но другого выхода он не видел.

— А ты? — спросил он Масури. — Ты тоже хочешь остаться в Со Хаборе?

Худощавая Айз Седай была

известна манерой говорить напрямик, как Зеленая, несмотря на то что была Коричневой, но сейчас она лишь сказала спокойно:

— А разве за мной ты не пошлешь Эдарру? Есть много способов служить, и мы не всегда можем избирать те пути, которые нам нравятся. — Если подумать, это было сказано довольно откровенно в каком-то смысле. Он по-прежнему не имел ни малейшего понятия, зачем она втайне посещала Масиму. Подозревает ли она, что он знает об этом? Лицо Масури было ничего не выражающей маской. На лице Кирклина застыло скучающее выражение, теперь, когда они

покинули стены Со Хабора. Он выглядел так, словно мешком сидит в седле, — хотя на самом деле сидел прямо, — ни о чем в мире не беспокоясь и без единой мысли в голове. Но лишь круглый дурак поверил бы в беззаботность Кирклина.

Солнце поднималось все выше; горожане продолжали механически работать, как люди, желающие потеряться в сиюминутных заботах, боясь, что воспоминания вернутся к ним, когда они закончат. Перрин решил, что Со Хабор делает его слишком впечатлительным. Однако он думал, что прав. Воздух за стенами по-прежнему выглядел

слишком тусклым, словно темная туча нависала над городом.

В полдень возчики очистили для себя от снега несколько возвышенных участков берега, чтобы разжечь небольшие костры и разогреть воду для слабого чая; они пили уже третью заварку, если не четвертую. В городе чая не нашлось. Некоторые из возчиков поглядывали на мосты так, словно помышляли о том, чтобы войти в Со Хабор и поискать там чего-нибудь поесть. Но при виде покрытых грязью людей, ворочающих тяжелые корзины с зерном, они снова принимались рыться в своих мешочках с овсом и молотыми желудями. Тут они по

крайней мере могли быть уверены, что эта смесь чистая. Некоторые посматривали на мешки, нагруженные на повозки, но бобы нужно было вымачивать, а зерно молоть на больших ручных мельницах, оставшихся в лагере, и это можно сделать не раньше, чем повара выберут оставшихся долгоносиков и не сочтут, что то, что осталось, люди как-нибудь переварят.

У Перрина не было аппетита, он не стал бы есть даже чистейший хлеб, но пить он мог и как раз прихлебывал то, что могло сойти за чай, из помятой оловянной кружки, когда его нашел Латиан. Кай-риэнец

не стал подходить к нему. Низкорослый, в полосатой темной куртке, он не спеша проезжал мимо небольшого костра, у которого стоял Перрин, затем натянул поводья, хмуясь на небольшой взгорок перед собой. Спешившись, Латин поднял переднее копыто своего мерина и озабоченно принялся его разглядывать. Разумеется, при этом он пару раз поднял голову, чтобы удостовериться, что Перрин приближается.

Перрин со вздохом возвратил помятую кружку приземистой коренастой женщине, у которой ее одалживал; седоватая возчица присела перед ним, раскинув в

реверансе темные юбки.
Ухмыльнувшись, она покачала
головой, глядя на Латиана. Судя по
всему, она могла бы шпионить раз в
десять лучше, чем тот. Неалд,
сидевший на корточках у костра,
держа обеими руками такую же
оловянную кружку, громко
расхохотался, он смеялся так сильно,
что вынужден был утереть слезу,
скатившуюся по щеке. Возможно, он
начинал сходить с ума. Свет, однако,
это место способно породить в
человеке веселые мысли!

Латиан выпрямился лишь
настолько, чтобы отвесить поклон
перед Перрином, сказав: «Вижу вас,
милорд», — и снова нагнулся к

передней ноге своей лошади, как дурак. Нельзя так хватать лошадь за ногу, если не хочешь, чтобы она тебя лягнула. Впрочем, Перрин и не ожидал от него ничего, кроме глупостей. Сначала Латиан старался походить на айильца, завязывая свои длинные волосы в хвост на затылке в слабом подражании айильской стрижке, а теперь решил поиграть в шпиона. Перрин положил руку на шею его мерина, успокаивая животное, и обратил заинтересованный взгляд на его лицо, в то время как тот вглядывался в копыто, в котором не было ровно ничего особенного. Если не считать трещины в подкове, где металл мог

переломиться через несколько дней, если подкову не заменить. Руки Перрина чесались взяться за молот. Казалось, прошли годы с тех пор, как он последний раз перековывал лошадь или работал мехами.

— Мастер Балвер велел вам передать, милорд, — тихо сказал Латин, не поднимая головы. — Его друг отправился в поездку с караваном, но его ожидают обратно завтра или послезавтра. Он просил спросить вас, не будете ли вы против, если мы присоединимся к вам попозже. — Глядя под брюхом лошади на вейтелей у реки, он прибавил: — Хотя, по-видимому, вы вряд ли уйдете до этого времени.

Перрин мрачно взглянул на работников. Затем, не менее мрачно, — на ряды повозок, ждущих своей очереди на погрузку; на полдюжины тех, которые были уже накрыты парусиной. В одной из них находились кожи для починки сапог, свечи и тому подобное. Впрочем, масла там не было. Ламповое масло в Со Хаборе воняло так же прогоркло, как и масло для готовки. Что, если Гаул и Девы принесли весточку от Фэйли? А может быть, даже письмо? Он отдал бы все что угодно, чтобы только поговорить с кем-нибудь, кто видел ее, кто мог сказать ему, что она цела и невредима.

– Скажи Балверу, чтобы не ждал слишком долго, – проворчал он. – Что до меня, я через час уеду.

Так он и поступил. Большинство повозок с возчиками пришлось оставить, им придется проделать однодневный путь до лагеря самостоятельно; с ними для охраны остался Кирейин и его зеленые шлемы, им было дано распоряжение следить, чтобы никто не переходил мосты. С холодными глазами, по-видимому полностью оправившийся от своего потрясения, гэалданец заверил его, что он в порядке и готов к действию. Весьма вероятно, что, несмотря на указания, он вернется в Со Хабор, просто чтобы убедить

себя, что он не боится. Перрин не стал тратить время, отговаривая его. Прежде всего ему надо было найти Сеонид. Нельзя было сказать, что она скрывалась; однако, узнав об отъезде, она оставила своих Стражей на виду держать ее лошадь и нырнула куда-то, так чтобы повозки отделяли ее от него. Тем не менее она не могла скрыть своего запаха или, если и могла, не знала, что это необходимо. Она была удивлена, когда он быстро отыскал ее, и возмущена, когда он чуть ли не волоком притащил ее к лошади, стоящей рядом с Трудягой. Но теперь его отделял час езды от Со Хабора; Крылатая Гвардия снова сомкнула вокруг него и Берелейн

свое красное бронированное кольцо, двуречен-цы окружали восемь нагруженных повозок, тяжело тащившихся за оставшимися тремя знаменами, а Неалд ухмылялся во весь рот. Не говоря уже о том, что он пытался болтать с Айз Седай. Перрин не знал, что будет делать, если Аша'ман действительно сойдет с ума. Как только первый холм закрыл от них Со Хабор, он почувствовал, как расслабляется узел между его лопатками; он и не заметил, когда тот образовался. Это оставляло всего лишь десять других, не считая узла нетерпения, скрутившего его живот. Даже очевидное сочувствие Берелейн не

могло ослабить их.

Врата, сплетенные Неалдом, доставили их с занесенного снегом поля на маленькую полянку площадки для Перемещения среди высоких деревьев; но, преодолев четыре лиги за один шаг, Перрин не стал ждать, пока горстка повозок минует врата. Ему показалось, что позади себя он услышал озабоченное восклицание Берелейн, когда пришпорил Трудягу и припустил к лагерю быстрой рысью. Или, возможно, это была одна из Айз Седай. Гораздо более возможно.

Спокойствие окружило его, когда он въезжал в лагерь мимо двуреченских палаток и хижин. Солнце

все еще висело на сером небе почти над его головой, но на огне не стояли котлы, и лишь немногие собрались вокруг костров, кутаясь в плащи и вглядываясь в огонь. Некоторые сидели на грубых табуретах, которые умел делать Бан Кро; другие стояли или сидели на корточках. Никто даже не поднял головы. И разумеется, никто не подбежал к нему, чтобы принять его лошадь. Нет, понял Перрин, это не спокойствие. Это напряженность. Их запах чем-то напомнил ему лук, натянутый до отказа, так что еще чуть-чуть — и сломается. Он почти слышал его скрип.

Когда он спешивался перед

своим красно-полосатым тентом, от низких палаток Айил, быстрым шагом направившись к нему, появился Даннил. Сулин и Эдарра, одна из Хранительниц Мудрости, шли следом, легко поспевая за ним, хотя ни одна из них как будто и не спешила. Загорелое морщинистое лицо Сулин казалось непроницаемой маской. На лице Эдарры, почти скрытом темной шалью, намотанной на голову, было написано спокойствие. Несмотря на мешковатую юбку, она производила не больше шума, чем седоволосая Дева, лишь слегка постукивали ее золотые и костяные браслеты и ожерелья. Даннил жевал свой

пышный ус, рассеянно вытаскивая меч на пару дюймов из грубых кожаных ножен и с силой вдвигая его обратно. Туда и обратно. Он глубоко вобрал в грудь воздух, прежде чем заговорить:

– Девы привели пятерых Шайдо, лорд Перрин. Арганда забрал их для допроса в гэалданские палатки. С ним Масима.

Перрин взмахом руки отмел присутствие Масимы в лагере.

– Почему ты позволила Арганде забрать их? – спросил он Эдарру. Даннил не мог остановить его, но Хранительницы Мудрости были на другом положении.

Эдарра выглядела не намного

старше Перрина, однако ее холодные голубые глаза, казалось, видели гораздо больше, чем ему когда-либо доведется увидеть. Она сложила руки на груди, звякнув браслетами. В этом жесте было нетерпение.

— Даже Шайдо знают, как выносить боль, Перрин Айбара. Понадобятся дни, чтобы заставить кого-нибудь из них заговорить, и я не видела причин медлить.

Если глаза Эдарры были холодны, то глаза Сулин были голубым льдом.

— Я со своими сестрами по копьё могли бы сделать это немного быстрее, но Даннил Левин сказал, что ты запретил наносить удары.

Герард Арганда — нетерпеливый человек, и он не доверяет нам. — Это звучало так, словно она плюнула бы, не будь она айил-кой. — В любом случае, ты узнаешь не очень много. Это Каменные Псы. Они уступают медленно и, даже сдавшись, говорят очень немного. В таких случаях всегда приходится брать немного от одного и прибавлять немного от другого, чтобы получить общую картину.

Выносить боль. Без боли не обойтись, когда подвергаешь человека допросу. До сих пор Перрин не позволял этой мысли сформироваться в своей голове. Но чтобы вернуть Фэйли...

— Скажи кому-нибудь, пусть оботрут Трудягу, — глухо сказал он, бросая Даннилу поводья.

Гэалданская часть лагеря не могла больше не походить на грубые навесы и беспорядочно разбросанные палатки двуреченцев. Островерхие парусиновые палатки стояли стройными рядами, перед входом большинства из них стояли составленные в козлы копыя со стальными наконечниками, а сбоку были привязаны оседланные лошади, готовые к езде. Единственными беспорядочными движениями, которые можно было здесь увидеть, было подергивание лошадиных хвостов и хлопанье длинных

вымпелов на копьях под холодным ветром. Тропки между палатками были все одинаковой ширины, а через ряды костров хоть сейчас проводи прямую линию. Даже сгибы в парусине палаток, по которым они складывались, когда лежали на дне повозок, пока не начались снегопады, располагались все на одном уровне. Все здесь было аккуратно и упорядоченно.

Запах овсяной каши и вареных желудей висел в воздухе; некоторые из людей в зеленых куртках выскребали пальцами последние крохи полуденной трапезы со своих оловянных тарелок. Другие уже мыли котлы. Ни в ком не было ни

следа напряжения. Они просто ели и исполняли повседневную работу, примерно с одинаковым удовольствием. Это просто было нечто, что должно быть сделано.

Большая группа людей собралась вокруг заостренных кольев, отмечавших дальнюю границу лагеря. Не более половины из них было одето в зеленые куртки и начищенные кирасы гэалданских копейщиков. У некоторых из остальных в руках были копья или мечи, привешенные к поясу поверх измятых курток. Одежда этих людей варьировала от тонкого шелка или доброй шерсти до обносок и тряпок, но ни одного из них нельзя было

назвать чисто одетым, разве что по сравнению с Со Хабором. Людей Масимы всегда опознаешь, даже со спины.

Еще один запах донесся до Перрина, когда он подошел к собравшимся. Запах горелого мяса. Слышался также приглушенный звук, который он старался не слышать. Он начал проталкиваться сквозь толпу; солдаты оборачивались и неохотно уступали дорогу, люди Масимы пятились, бормоча что-то насчет желтых глаз и Порождений Тени. И в том и в другом случае его пропускали.

Четверо высоких мужчин, с рыжими или светлыми волосами, в

серо-коричневых кадин'сорах, лежали на земле, их запястья были притянуты ремнями к лодыжкам за спиной, а под их локти и колени привязали крепкие палки. Их лица были избиты и окровавлены, во рту торчали тряпичные кляпы. Пятый был обнажен, распялен между четырьмя крепкими кольями, вбитыми в землю, и растянут так сильно, что жилы проступили под кожей. Он дергался, насколько позволяли путы, и вопил от боли, однако его крики заглушались забивавшими его рот тряпками. На его животе маленькой кучкой лежали горящие угли, над ними поднимался слабый дымок. Вот откуда тот самый

запах горелой плоти, который уловил нос Перрина. Угли пригорали к натянувшейся коже, и каждый раз, когда его рывки сбрасывали один из них, парень в грязной зеленой шелковой рубаше, сидящий, ухмыляясь, на корточках подле него, заменял его другим, аккуратно беря его щипцами из стоящего рядом горшка, снег вокруг которого протаял, образовав на земле грязный круг. Перрин знал этого парня. Его звали Хари, и он любил отрезать у людей уши, нанизывая их на кожаную тесемку. Мужские уши, женские уши, детские уши — для Хари это не имело значения.

Не раздумывая, Перрин шагнул

вперед и пинком сбил кучку углей с живота распяленного. Некоторые из них попали в Хари, который отпрыгнул назад с испуганным воплем, превратившимся в вой, когда его рука попала в горшок с углями. Он опрокинулся набок, схватив обожженную руку другой и бросая на Перрина ненавидящие взгляды, — хорек в человеческом обличье.

— Дикарь дурит нам головы, Айбара, — произнес Масима. Пер-рин даже не заметил, что тот тоже стоит среди собравшихся. В его темных лихорадочных глазах гнездилось презрение. Запах его безумия проникал даже сквозь вонь горелой плоти. — Я знаю их. Они делают вид,

что им больно, хотя не чувствуют боли... не так, как остальные люди. Нужно уметь причинить боль камню, чтобы заставить одного из них разговориться.

Арганда, стоявший выпрямившись подле Масимы, сжимал рукоять своего меча с такой силой, что рука дрожала.

— Может быть, ты хочешь потерять свою жену, Айбара, — прохрипел он, — но я не потеряю свою королеву!

— Это необходимо, — сказал Айрам, наполовину уговаривая, наполовину требуя. Он стоял с другой стороны от Масимы, комкая в кулаке край своего зеленого плаща, словно

для того чтобы не вытащить меч из-за спины. Его глаза пылали почти так же, как у Маси-мы. — Ты сам учил меня, что мужчина делает то, что должен сделать.

Перрин заставил себя разжать кулаки. То, что необходимо сделать, ради Фэйли.

Берелейн и Айз Седай подошли, протиснувшись сквозь толпу, Берелейн слегка наморщила нос при виде человека, распятого между кольев. Трое Айз Седай с тем же выражением на лицах могли бы смотреть на кусок дерева. Эдарра и Сулин были с ними, такие же спокойные и собранные. Некоторые из гэалданских солдат хмурились при

виде двух айилок и бормотали что-то себе под нос. Помятые грязнолицые люди Масимы смотрели на Айз Седай и айилок с одинаковой ненавистью, но большинство из них держалось подальше от трех Стражей, а тех, кто не хотел уступать им дорогу, оттаскивали в сторону свои же товарищи. Даже глупцы знали пределы, допустимые для глупости. Масима обдал Берелейн пылающим взглядом, но затем решил сделать вид, что ее попросту не существует. Некоторые глупцы, видимо, не знают никаких пределов.

Наклонившись, Перрин вытащил кляп изо рта распяленного на земле человека. Он едва успел отдернуть

руку, избежав его зубов; таких злобных укусов он не ждал даже от Трудяги.

Айилец немедленно откинул назад голову и запел низким, чистым голосом:

Омойте копья — когда солнце восходит.

Омойте копья — когда солнце садится.

Омойте копья — кто боится смерти?

Омойте копья — мне такой неведом!

Смех Масимы разнесся в воздухе посередине песни. Волосы на загривке Перрина снова поднялись. Он никогда не слышал, как Масима

смеется. Это был не самый приятный из звуков.

Не желая потерять палец, Перрин вытащил топор из петли на поясе и осторожно приложил обух к подбородку поющего, чтобы заставить его замолчать. Глаза цвета неба взглянули на него снизу с загорелого лица, в них не было страха. Айилец улыбался.

— Я не прошу тебя предавать свой народ, — сказал Перрин. Его горло саднило от усилия заставить голос звучать ровно. — Вы, Шайдо, захватили нескольких женщин. Все, что я хочу узнать, — это как вернуть их обратно. Одну из них зовут Фэйли. Она так же высока, как ваши

женщины, у нее темные раскосые глаза, четко очерченный нос и смелый рот. Она прекрасна. Ты наверняка запомнил ее, если видел. Ты ее видел? — Убрав топор, он выпрямился.

Шайдо некоторое время смотрел на него, затем приподнял голову и снова начал петь, не отрывая взгляда от Перрина. Это была веселая, бесшабашная песенка с разухабистым плясовым мотивом:

Я встретил как-то парня, от
дома вдалеке,
С желтыми глазами и без
мозгов в башке.
Он захотел, чтоб я держал в

ладонях дым,
Сказал, что отведет туда,
где много есть воды.
На голове стоял он, ногами
в небеса,
Но говорил, что может как
девушка плясать.
Он говорил, что может
стоять так круглый год,
Но я моргнул — и он
пропал, как не было его.

Голова айильца упала на землю,
и он расхохотался, весело и от души.
Было такое впечатление, что он не
лежит на земле, а отдыхает на

пуховой кровати.

— Если... Если ты не можешь этого сделать, — в отчаянии проговорил Айрам, — тогда уходи. Я прослежу здесь за всем.

То, что необходимо. Перрин оглядел окружавшие его лица. Арганда, мрачно косящийся теперь уже и на него, не меньше, чем на Шайдо. Масима, от которого несло безумием, полный презрительной ненависти. Нужно уметь причинить боль камню. Эдарра с лицом таким же непроницаемым, как у Айз Седай, со спокойно сложенными на груди руками. Даже Шайдо знают, как выносить боль. Понадобятся дни, чтобы заставить их заговорить.

Сулин, со шрамом поперек щеки, белеющим на морщинистой коже, со спокойным взглядом и запахом, в котором сквозила непреклонность. Они уступают медленно и, даже сдавшись, говорят очень немного. Берелейн, пахнувшая как судья, как властитель, который приговаривает людей к смерти и спокойно спит после этого. То, что необходимо. Причинить боль камню. Выносить боль. О Свет, Фэйли.

Топор был легким как пушинка, поднимаясь в его руке, и ударил как молот по наковальне; тяжелое лезвие, рассекающее запястье айильца.

Тот вскрикнул, затем

конвульсивно подался назад, рыча от боли и умышленно протягивая руку так, чтобы кровь из отрубленного запястья брызгала Перрину в лицо.

— Исцелите его, — сказал Перрин Айз Седай, отступая назад. Он не сделал попытки вытереть лицо. Кровь капала с бороды. Он чувствовал внутри себя пустоту. Он не мог бы поднять топор вновь, даже ради спасения собственной жизни.

— Ты с ума сошел! — яростно воскликнула Масури. — Мы не можем вернуть ему его руку!

— Я сказал, Исцелите его! — прорычал он.

Сеонид, однако, уже скользнула к айильцу, приподняв юбки;

приблизившись, она встала на колени рядом с его головой. Он сжимал зубами свое запястье, тщетно пытаясь остановить бьющий из него фонтан крови. Но в его глазах не было страха. Не было страха и в его запахе. Совершенно.

Сеонид сжала руками голову Шайдо, и внезапно он снова забился в конвульсиях, беспорядочно размахивая рукой в воздухе. Поток крови из его запястья начал слабеть, потом кровотечение прекратилось, и айилец мешком рухнул на землю; лицо его посерело. Весь дрожа, он поднес к лицу обрубок левой руки, чтобы взглянуть на гладкую кожу, которая теперь покрывала его. Если

там и был шрам, Перрин его не видел. Айилец оскалил на него зубы. От него по-прежнему не пахло страхом. Сеонид тоже тяжело опустилась на землю, словно до конца исчерпала свои силы. Алхарра и Винтер шагнули вперед, чтобы поднять ее, но она взмахом руки остановила их и с тяжелым вздохом поднялась сама.

– Мне говорили, что вы можете держаться целыми днями и все же не сказать почти ничего, – проговорил Перрин. Его голос был слишком громким для его ушей. – У меня нет времени на то, чтобы вы могли показать, насколько вы крепки или насколько смелы. Я и так знаю, что

вы смелы и крепки. Но моя жена находится в плену слишком долго. Вас разведут по разным палаткам и зададут несколько вопросов насчет определенных женщин. Видели ли вы их, и если да, то где. Это все, что я хочу знать. Больше не будет горящих углей или чего-либо подобного; только вопросы. Но если кто-нибудь откажется отвечать или если ваши ответы будут слишком разными, каждый из вас лишится какой-то части тела. — Он был удивлен, обнаружив, что все же может поднять топор. Лезвие было вымазано кровью. — У вас по две руки и по две ноги, — холодно произнес Перрин. Свет, в его голосе

звучал лед! Он ощущал себя глыбой льда, до мозга костей. — Это означает, что у вас есть четыре возможности ответить одинаково. Но если вы будете упрячиться, я все равно не стану вас убивать. Я найду какую-нибудь деревню и оставлю вас в ней, какое-нибудь место, где вы сможете выпросить себе корку хлеба, где мальчишки смогут бросить монетку свирепому айильцу без рук, без ног. Подумайте и решите, стоит ли это того, чтобы держать мою жену вдали от меня.

Даже Масима теперь глядел на него во все глаза, так, словно в первый раз видел человека, стоявшего рядом с ним с топором в

руках. Когда он повернулся, чтобы уйти, и люди Масимы, и гэалдан-цы расступились перед ним так широко, что в образовавшийся проход прошел бы целый кулак троллоков.

Он обнаружил, что перед ним ограда из заостренных кольев, а в сотне шагов впереди лес, но в сторону не свернул. Держа в руке топор, он шел вперед, пока огромные деревья не окружили его, а запах лагеря не остался позади. Запах крови он нес с собой, острый и металлический. От этого не убежать.

Вряд ли он смог бы сказать, как долго шагал, проваливаясь в снег. Угол наклона солнечных лучей, прорезавших тени под лесным

пологом, становился все острее, но он не замечал этого. Кровь запеклась коркой на лице и в бороде. Сколько раз он говорил, что сделает все, чтобы вернуть Фэйли? Мужчина делает то, что должен. Для Фэйли — все, что необходимо.

Внезапно он резким движением взметнул топор над головой, держа его обеими руками, и швырнул вперед со всей силой, на какую был способен. Несколько раз перекувырнувшись в воздухе, топор воткнулся в толстый дубовый ствол с плотным, тяжелым стуком.

Выдохнув воздух, который, казалось, был заперт в его легких, Перрин тяжело сел на шершавый

камень, высокий и широкий как скамья, и поставил локти на колени.

— Можешь показаться, Илайас, — устало сказал он. — Я чувствую твой запах.

Человек, к которому он обращался, выступил из теней, его желтые глаза слабо поблескивали под широкими полями шляпы. По сравнению с ним айильцы казались шумными. Придерживая длинный нож, он сел на валун рядом с Перрином, но некоторое время просто сидел, пробегая пальцами по седеющей бороде, веером ложившейся ему на грудь. Он кивнул на топор, торчащий из дубового ствола.

— Я как-то сказал тебе не расставаться с ним, пока ты не почувствуешь, что тебе начнет слишком нравиться его использовать. Тебе понравилось это? То, что ты сделал?

Перрин с силой тряхнул головой:

— Нет! Ни за что! Но...

— Но — что, парень? Думаю, ты едва не испугал даже Масиму. Вот только от тебя тоже пахло страхом.

— Ему уже давно пора хоть чего-нибудь испугаться, — пробормотал Перрин, неловко пожимая плечами. Некоторые вещи трудно произносить вслух. Однако сейчас, видимо, пришло время произнести их. —

Насчет топора. В первый раз я не заметил этого; заметил только потом, когда начал вспоминать. В ту ночь, когда я встретил Гаула, а Белоплащники пытались убить нас. Позже, когда мы бились с троллоками в Двуречье, я еще не был уверен. Но потом, у Колодцев Дюмай, я понял. В битве я чувствую страх, Илайас, страх и печаль, может быть потому, что могу никогда больше не увидеть Фэйли. — Его сердце стиснуло так, что заболела грудь. Фэйли. — Вот только... Я слышал, как Грейди и Неалд говорили о том, каково это — когда обнимаешь Единую Силу. Они говорили, что чувствуют себя более

живыми. Я в битве напуган так, что плюнуть не могу, но я тоже чувствую себя более живым, сильнее, чем когда бы то ни было, не считая того времени, когда обнимаю Фэйли. Я думаю, что не вынесу, если начну чувствовать то же самое относительно того, что сегодня сделал. И думаю, Фэйли вряд ли захочет возвращаться ко мне, если я дойду до такого.

Илайас фыркнул:

— Вряд ли в тебе это есть, парень. Знаешь, опасность сказывается на разных людях по-разному. Некоторые холодны как часовой механизм, но ты никогда не казался мне человеком такого типа.

Когда твое сердце начинает колотиться, оно согревает твою кровь. Разумно предположить, что оно также обостряет твои ощущения. Делает тебя более осознающим. Может быть, ты умрешь через несколько минут, может быть, твое сердце успеет ударить всего раз, но сейчас ты еще не мертв, и ты знаешь это всем телом, от волос до кончиков ногтей. Просто так происходит. Это не значит, что тебе это нравится.

– Хотел бы я поверить, – просто сказал Перрин.

– Поживи с мое, – сухо ответил Илайас, – и ты согласишься. А до тех пор просто прими это как свидетельство человека, который

прожил больше тебя и уже прошел через это.

Они сидели рядом, глядя на топор. Перрин хотел поверить. Кровь на топоре теперь казалась черной. Никогда прежде кровь не была так черна. Сколько времени прошло? Судя по наклону лучей, пронизывавших древесные кроны, солнце уже садилось.

Перрин уловил хруст снега под конскими копытами, медленно приближающийся к ним. Через несколько минут перед ними появились Неалд и Айрам, бывший Лудильщик указывал следы, а Аша'ман нетерпеливо тряс головой. След был ясно виден, но, по правде

говоря, Перрин не поручился бы, что Неалд способен найти его самостоятельно. Неалд был городским человеком.

— Арганда считал, что нам лучше подождать, пока твоя кровь остынет, — сказал Неалд, наклоняясь с седла и изучающе глядя на Перрина. — Но я думаю, что она не может остыть еще больше. — Он кивнул, в очертаниях его губ читалось удовлетворение. Он был привычен к тому, что люди боятся его из-за его черной куртки и того, что она означала.

— Они заговорили, — произнес Айрам, — и все дали одинаковые ответы. — Его угрюмый вид

показывал, что ответы ему не понравились. — Думаю, угроза, что их оставят просить подаяние, напугала их больше, чем твой топор. Но они говорят, что не видели леди Фэйли. И никого из остальных. Мы можем еще раз попробовать угли. Может быть, тогда они вспомнят. — Не было ли в его голосе нетерпения? Относилось ли оно к тому, чтобы найти Фэйли или чтобы использовать угли?

Илайас поморщился:

— Теперь они только скажут тебе то, что уже слышали от тебя. То, что ты хочешь услышать. В любом случае, шансы были невелики. Там тысячи Шайдо и тысячи пленных. Человек может прожить целую

жизнь среди такой толпы и не встретить больше сотни человек, которых смог бы запомнить.

— Тогда нужно их убить, — мрачно произнес Айрам. — Сулин сказала, что Девы специально позаботились, чтобы при них не было оружия, когда их брали в плен, чтобы их можно было допрашивать. Но нам нельзя просто сделать их *гай'шайн*. Если хотя бы один сбежит, он даст Шайдо знать, что мы здесь. И тогда они все обрушатся на нас.

Перрин встал; его суставы казались заржавевшими и только что не скрипели. Он не мог просто позволить Шайдо уйти.

— Можно приставить к ним

охрану, Айрам. – Из-за спешки он чуть не потерял Фэйли окончательно и сейчас снова позволил себе поспешить. Поспешить. Какое мягкое слово для того, чтобы сказать, что он отрубил человеку руку. Причем впустую. Он всегда старался думать осторожно и двигаться осторожно. И сейчас ему надо подумать, но мысли причиняли ему боль. Фэйли была потеряна в море одетых в белое пленников. – Может быть, другие *гай'шайн* знают, где она, – пробормотал он, поворачивая к лагерю. Но каким образом раздобыть кого-либо из *гай'шайн Шайдо*? Их никогда не выпускали за пределы лагеря иначе, чем под

охраной.

— А как насчет этого, парень? — спросил Илайас. Перрин знал, о чем он спрашивает, даже не глядя. Топор.

— Оставь его для того, кто его найдет. — Его голос внезапно охрип. — Может быть, какой-нибудь глупый менестрель сочинит историю. — Он зашагал к лагерю, не оглядываясь. Теперь, когда петля пустовала, тяжелый пояс казался ему слишком легким. Все впустую.

Через три дня из Со Хабора вернулись тяжело нагруженные повозки, и Балвер вошел в палатку Перрина в сопровождении высокого небритого человека в грязной суконной куртке и с мечом,

выглядевшим гораздо более
ухоженным. Вначале Перрин не
узнал его из-за отросшей за месяц
бороды. Затем он ощутил его запах.

— Не ожидал вновь увидеть
тебя, — сказал Перрин. Балвер
моргнул, что для него означало
потрясенный вздох. Без сомнения,
похожий на птицу человек
предвкушал, что преподнесет ему
сюрприз.

— Я искал... искал Майгдин, —
хрипло произнес Талланвор, — но
Шайдо двигались так быстро, что
мне за ними было не угнаться.
Мастер Балвер говорит, что ты
знаешь, где она.

Балвер остро взглянул на

Талланвора, но его голос остался таким же сухим и лишенным эмоций, как и его запах.

— Мастер Талланвор прибыл в Со Хабор как раз перед тем, как я покинул его, милорд. Мы встретились по чистой случайности. Но возможно, это была счастливая случайность. Весьма вероятно, что он может предоставить вам союзников. Но пусть он вам сам расскажет.

Талланвор, хмурясь, посмотрел на свои сапоги и не сказал ничего.

— Союзников? — переспросил Перрин. — Нам здесь поможет разве что какая-нибудь армия, не меньше, но я приму любую помощь, которую

ты сможешь привести.

Талланвор поглядел на Балвера, который ответил ему полупоклоном и мягкой ободряющей улыбкой. Заросший щетиной мужчина тяжело вздохнул.

— Пятнадцать тысяч Шончан, думаю, будет достаточно. Большинство из них, вообще-то, тарабонцы, но они — под знаменами Шончан. И... и с ними по меньшей мере дюжина *дамани*. — Он ускорил свою речь, пытаясь досказать прежде, чем Перрин перебьет его. — Я знаю, это все равно что принимать помощь Темного, но они тоже охотятся на Шайдо, и чтобы освободить Майгдин, я бы принял

помощь даже от Темного.

С минуту Перрин глядел на них. Талланвор нервно проводил пальцем по рукояти меча, Балвер же походил на воробья, ждущего, в какую сторону прыгнет кузнечик. Шончан. *И дамани.* Да, это действительно все равно что принимать помощь от Темного.

— Присаживайся и Расскажи мне поподробнее о Шончан, — сказал он.

Глава 28. Букетик роз

С того самого дня, как они покинули Эбу Дар, путешествие с «Грандиозным Странствующим Представлением и Величайшей Выставкой Чудес и Диковин Валана Люка» было до последней черточки настолько неприятным, как рисовали его самые мрачные представления Мэта. Прежде всего дождь шел почти ежедневно, хотя бы несколько часов, а однажды лило три дня подряд; это был холодный зимний дождь, то лившийся потоками, едва не превращаясь в снег, то моросивший

ледяными капельками, медленно пропитывавшими куртку насквозь, так что ты начинал дрожать мелкой дрожью еще до того, как осознавал это. Дождь сбегал с утоптанной дороги, словно это была каменная мостовая, оставляя в худшем случае тонкий слой грязи, но длинная цепочка фургонов, лошадей и людей успевала пройти от восхода до захода солнца совсем немного. Поначалу члены труппы были вне себя от радости, что покидают город, где молнии топят корабли среди ночи, а люди постоянно оглядываются из-за череды странных убийств; они спешили убраться подальше от ревнивого шончанского лорда,

который неистово разыскивал свою жену и мог выместить гнев на любом, кто оказался причастен к ее похищению. Поначалу они спешили вперед со всей быстротой, на какую были способны лошади, тянувшие фургоны, побуждая животных ускорить шаг и пройти до заката еще хотя бы милю. Но с каждой милей, по-видимому, они чувствовали себя все дальше от опасности, все более уверенно, и уже в первый вечер...

— Мы должны поберечь лошадей, — объяснил Люка, наблюдая, как их выпрягают из его нелепо раскрашенного фургона и уводят к стойлам под морозящим дождем. Солнце стояло еще чуть не

на полпути к горизонту, но серые струйки уже поднимались над дымовыми отверстиями в палатках и дымоходами похожих на коробки жилых фургонов. — Нас никто не преследует, а путь до Лугарда долгий. Хороших лошадей найти трудно, и стоят они дорого. — Люка состроил кислую мину и покачал головой. При упоминании о расходах он всегда принимал кислый вид. Он держался за кошелек во всем, что не касалось его жены. — Перед нами не так уж много мест, где стоит останавливаться дольше чем на день. Большинство деревень не дадут полного сбора, даже если к нам заявится все население, а насчет

городов никогда нельзя сказать заранее, пока не поставишь лагерь. Ты платишь мне все же не настолько много, чтобы я отказывался от того, что могу заработать. — Запахивая свой вышитый темно-красный плащ поплотнее, чтобы уберечься от сырости, он взглянул через плечо на свой фургон. Оттуда сквозь пелену дождя плыл запах чего-то горького. Мэт вряд ли согласился бы съесть что-нибудь, приготовленное женой Валана Люка. — Ты ведь уверен, что нас никто не преследует, правда, Коутон?

Раздраженно натягивая пониже свою шерстяную шапку, Мэт, скрежеща зубами, зашагал прочь

через пестрый беспорядок палаток и фургонов. Он недостаточно много платит? Да за то, что он предложил, Люка должен был бы *бегом* пустить своих животных до самого Лугарда. Ну, не бегом, конечно, — в конце концов, Мэт не хотел, чтобы лошади пали, — но этот проклятый кичливый щеголь мог хотя бы постараться двигаться как следует.

Невдалеке от фургона Люка на трехногом табурете сидел Чел Ванин, — табурет под ним почти не был виден, — помешивая что-то вроде темной похлебки в маленьком котелке, висевшим над небольшим костерком. Дождь капал с обвисших полей его шляпы прямо в котелок, но

толстяк, по-видимому, не замечал этого или ему было все равно. Гордеран и Фергин, двое «красноруких», бормоча проклятия, забивали в глинистую почву колышки для оттяжек, готовясь поставить свою грязно-бурую палатку, которую они делили с Гар-наном и Метвином. И с Ванином тоже, но Ванин обладал умениями, которые, по его мнению, ставили его выше того, чтобы устанавливать палатки, и «краснорукие» соглашались с ним, выражая при этом лишь некоторое неудовольствие. Ванин был искусным коновалом, но, что еще важнее, он был также лучшим розыску и лучшим конокрадом

лошадей во всей стране, хотя по его виду этого не скажешь, а страну можно называть по выбору.

Фергин первым заметил Мэта и выругался, поскольку молоток скользнул мимо колышка и попал ему по пальцу. Уронив молоток, он сунул палец в рот и сел на корточки, пронзительно жалуясь, не вынимая пальца:

— Нам приходится всю ночь торчать под дождем, сторожа этих женщин, милорд. Неужели вы не можете нанять для этого кого-нибудь из дрессировщиков лошадей, чтобы мы могли хотя бы высушиться перед тем, как промокнуть снова?

Гордеран ткнул Фергина в плечо

толстым пальцем. Он был настолько же широк, насколько Фергин был тощ, и он был тайрен-цем, несмотря на свои серые глаза.

— Лошадиные укротители залезут в палатку и стащат все, что плохо лежит, Фергин. — Еще один тычок. — Ты что, хочешь, чтобы кто-нибудь из этих воришек унес мой арбалет или мое седло? Это хорошее седло. — Третий тычок чуть было не отправил Фергина на землю. — Если мы сейчас не поставим палатку, Гарнан заставит нас стоять в карауле всю ночь.

Фергин свирепо взглянул на него и проворчал что-то себе под нос, но все же подобрал с земли молоток,

вытирая грязь со своей куртки. Он был неплохим солдатом, но не очень сообразительным.

Ванин сплюнул через щель в зубах, едва не попав в котелок. Похлебка по сравнению с варевом Лателле пахла изумительно, однако Мэт решил, что и здесь он тоже есть не будет. Постучав деревянной ложкой по краю котелка, чтобы очистить ее, толстяк поднял на Мэта взгляд своих глаз с тяжелыми веками. Его круглое лицо зачастую выглядело полусонным, но лишь дурак поверил бы в это.

— С такой быстротой мы до Лугарда доберемся только к концу лета. Если вообще доберемся.

– Доберемся, Ванин, – произнес Мэт с большей уверенностью, чем чувствовал сам. Грубая суконная куртка, которая была сухой, когда он натянул ее пару часов назад, лишь недолго защищала от дождя, и вода уже струйками стекала у него по спине. Трудно чувствовать себя уверенным, когда ледяной дождь струится по позвоночнику. – Зима почти кончилась. Когда настанет весна, мы будем двигаться быстрее. Вот увидишь. К середине весны мы будем в Лугарде.

В этом он тоже не был так уж уверен. В первый день они покрыли не больше двух лиг, да и в следующие дни можно было считать, что они

много прошли, если им удавалось сделать хотя бы две с половиной. Немногие населенные пункты вдоль Великого Северного Тракта можно было назвать городами. Само это название очень быстро начало изменяться по мере того, как балаган перемещался к северу. Люди называли его Эбударской Дорогой, или дорогой на переправу, а то и просто дорогой, словно она была единственной. Но Люка останавливался в каждом городишке, действительном или так называемом, обнесенном стеной или представляющим собой разросшуюся деревню с шестью улицами и грубо вымощенным подобием центральной

площади. Почти полдня уходило только на то, чтобы установить палатки и обнести лагерь парусиновой стеной с этой огромной голубой вывеской над входом. «Грандиозное Странствующее Представление Валана Люка». Люка просто не мог пройти мимо возможности собрать толпу. Или облегчить их кошельки. Или покрасоваться в одном из своих ярко-красных плащей и насладиться их лестью. Люка любил это почти так же, как любил деньги. Почти.

Вид непривычных для взгляда людей и животных из далеких земель притягивал зрителей. Впрочем, животные из не очень далеких

земель тоже годились, если уж на то пошло; немногие настолько удалялись от города, чтобы увидеть хотя бы медведя, не говоря уже о львах. Лишь проливной дождь несколько рассеивал толпу, впрочем, когда дождь был слишком сильным, жонглеры и акробаты все равно отказывались выступать, не имея хотя бы какого-нибудь навеса над головой. Отчего Люка начинал глядеть волком и толковать о том, что необходимо найти достаточное количество парусины, чтобы накрыть все площадки, а еще лучше — поставить один большой шатер, который мог бы вместить весь лагерь. Один шатер! Амбиции этого

человека были поистине грандиозны. Почему бы уж сразу не дворец на колесах?

Если бы, однако, Люка и медлительность, с которой передвигался балаган, было всем, что тревожило Мэта, он был бы вполне счастливым человеком. Время от времени мимо проезжали два или три медленнодвигающихся каравана шончанских поселенцев, двинувшихся с места спозаранку, с их необычной формы островерхими фургонами и чудно выглядящими коровами, или овцами, или козами, еще до того как начинал двигаться первый фургон Люка. Иногда, когда они не торопясь катили по дороге, их

нагоняли колонны шон-чанских солдат — шеренги гордо и энергично шагавших пехотинцев в насекомоподобных шлемах и колонны всадников в доспехах из перекрывающих друг друга пластин, раскрашенных полосками. Однажды всадники ехали верхом на *тормах*, покрытых бронзовой чешуей созданиях, похожих на кошек размером с лошадь. Похожих, если не обращать внимания на их три глаза. Их было около двадцати, они передвигались, извиваясь как змеи, огромными скачками, быстрее, чем лошади на рысях. Ни всадники, ни их животные не взглянули дважды в сторону балагана, зато лошади,

почуяв *тормов*, будто взбесились, они дико ржали и бились в постромках. Львы, леопарды и медведи ревели в клетках, а необычного вида олени бросались на прутья, пытаясь убежать. Потребовалось несколько часов, чтобы успокоить всех и снова тронуться в путь, и Люка настоял, чтобы сперва осмотрели животных в клетках на предмет повреждений. Его животные были крупным капиталовложением. Дважды офицеры в шлемах с тонкими плюмажами останавливали их, чтобы проверить у Люка его ордер на лошадей, и каждый раз Мэт покрывался каплями холодного пота

размером с виноградину, пока те не удалялись, удовлетворив свое рвение. По мере того как балаган полз на север, количество Шончан на дорогах уменьшалось, однако он все равно истекал потом, когда видел людей, передвигающихся группой, были ли это солдаты или поселенцы. Может быть, Сюрот и в самом деле держала исчезновение Туон в секрете, однако Шончан все равно могли ее разыскивать. Хватило бы и одного въедливого офицера, который не поленится сравнить цифры, приведенные в ордере, с действительным количеством лошадей. После этого он, без сомнения, тут же начнет прочесывать

фургоны частым гребнем. Достаточно, чтобы одна настойчивая *сул'дам* подумала, что среди жонглеров, борцов и фокусников может затесаться женщина, способная направлять. Его пот был размером со сливы! К несчастью, далеко не все относились к собственной шкуре с должным уважением.

За околицей крошечной деревушки под названием Визин, маленьким скоплением крытых соломой домишек, где даже Люка не считал возможным вытрясти хотя бы пару медяков, Мэт стоял под проливным дождем, запахнув тяжелый шерстяной плащ, и смотрел,

как трое Айз Седай крадутся на закате обратно в лагерь. В отдалении пророкотал гром. Они кутались в темные плащи, надвинув на лоб капюшоны, однако у него не было никаких сомнений, кто они такие. Благодаря ливню они прошли в десяти футах, не заметив его, но серебряный медальон, висящий под рубашкой, похолодел на его груди. По крайней мере одна из них направляла или по меньшей мере обнимала Силу. Чтоб ему сгореть, они все трое совсем с ума посходили!

Едва лишь Айз Седай исчезли в путанице фургонов и палаток, как возникли еще три фигуры в плащах, спешащие за ними. Одна из этих

женщин имела более острое зрение, она подняла руку, показывая на него, но остальные лишь слегка замедлили шаг, а затем все вместе заторопились вслед за Айз Седай. Он хотел было выругаться, но передумал. У него не было на это сил. Если называть людей, которых он не хотел бы пускать бродить вокруг, где их может увидеть шончанский патруль, Айз Седай и *сул'дам* могли бы занять место даже рядом с Туон и Селусией.

— Интересно, чего им нужно? — произнес Ноэл за его спиной, и Мэт вздрогнул так, что поток дождя ринулся в его капюшон и заструился по шее. Хоть бы этот корявый старик оставил привычку незаметно

подкрадываться к нему!

— Я как раз собираюсь это выяснить, — пробормотал Мэт, одергивая плащ. Впрочем, можно было и не беспокоиться. Куртка лишь слегка отсырела, но рубашка под ней была мокрой насквозь.

Как ни странно, Ноэла уже не было рядом, когда Мэт добрался до серо-полосатого, с выцветшей побелкой фургона, в котором спали Айз Седай и *сул'дам*. Старик любил совать свой нос во все. Может быть, он решил, что уже слишком вымок. Блерик и Фен уже лежали, завернувшись в свои одеяла, под фургоном, по-видимому не обращая внимания на дождь или грязь, но он

не поручился бы за то, что они спят. И действительно, один из них сел, когда Мэт про-хлюпал к фургону. Кто бы это ни был, он не произнес ни слова, однако Мэт чувствовал на себе его взгляд. Он, впрочем, не стал колебаться и не стал также утруждать себя тем, чтобы постучать.

Внутри фургона было тесно; все шесть женщин были на ногах, они до сих пор держали в руках капающие плащи. Два светильника, установленные в подвесах на стене, хорошо освещали помещение — лучше, чем ему бы хотелось, в каком-то роде. Шесть лиц обернулись к нему, на них застыло то холодное выражение, с каким женщины

обычно смотрят на мужчину, когда он входит туда, куда они не хотели бы его пускать. В фургоне пахло сырой шерстью, и в воздухе висело напряжение, словно здесь только что ударила молния или ударит с минуты на минуту. Дождь барабанил по крыше, грохотали раскаты грома, однако медальон с лисьей головой был не холоднее обычного куска серебра. Может быть, Блерик и Фен позволили войти внутрь, думая, что Мэту там откусят голову. А может, они просто хотели сами остаться в стороне от всего этого. С другой стороны, Страж всегда готов умереть, если его Айз Седай решит, что это необходимо. Но не Мэт Коутон. Он

бедром закрыл за собой дверь. Оно больше не болело. По крайней мере редко.

Когда он обвинил их, Эдесина отвечала яростно, встряхивая черными волосами, струившимися по ее спине:

– Я очень благодарна тебе, что спас меня от Шончан, мастер Коутон, и я докажу свою благодарность, но существуют пределы. Я не твоя служанка, чтобы ты говорил мне, куда мне ходить. В деревне нет Шончан, и мы закрывали лица. Совершенно не обязательно было посылать за нами своих... цепных псов. – Взгляд, который она метнула на трех шончанок, мог бы

поджарить яичницу. Эдеси-на относилась более чем нервозно ко всем говорящим с шончанс-ким акцентом. Она хотела вернуть обратно часть своего прошлого, а трое *сул'дам* находились под рукой. Мэт рассчитывал только на пресловутую сдержанность Айз Седай, которая не позволит ей дойти до насилия. Он надеялся, что ситуация еще не настолько напряженная, чтобы все вышло из-под контроля. Былые воспоминания подсказывали, что Айз Седай могут взрываться не хуже изделий, вышедших из рук Иллюминаторов.

На смуглом лице Бетамин не отразилось и тени беспокойства.

Пока Эдесина говорила, она отряхнула свой плащ и повесила его на крючок, затем разгладила платье на бедрах. Сегодня вечером на ней была выцветшая зеленая нижняя юбка. Она жаловалась, что эбударские одежде! выглядят непристойно, и он подозревал, что теперь, когда они удалились от берега, ему придется найти ей другую одежду, но ее грудь великолепно заполняла очень низкий и узкий вырез этого платья. Впрочем, на его вкус, она выглядела слишком по-матерински.

— Они действительно закрывали лица, милорд, — протянула она со своим шончанским акцентом, — и

держались вместе. Ни одна не пыталась улизнуть. Они вели себя очень хорошо, это правда. – Ну прямо мамаша, хвалящая своих детей. Или собаковод, хвалящий собак. Желтоволосая Сита одобрительно кивнула. Эта определенно была собаководом.

– Если милорд хочет, чтобы они не уходили, – льстиво проговорила Ринна, – мы всегда можем использовать *ай'дам*. Их действительно нельзя отпускать гулять одних. – Она даже отвесила ему поклон в шончанской манере, наклонясь точно под прямым углом. В ее больших карих глазах светилась надежда.

Теслин охнула и прижала свой мокрый плащ к груди. Она, несомненно, еще не рассталась со своим страхом перед *сул'дам*, пусть и выглядела так, словно готова грызть гвозди. Джолин, надменная как всегда, выпрямилась, сверкая глазами. Несмотря на все спокойствие Айз Седай, когда Джолин начинала сверкать глазами, это выглядело не хуже удара молнии. Так часто бывает с хорошенькими женщинами.

– Нет, – поспешно сказал Мэт, – в этом нет нужды. Лучше отдайте эти вещи мне, и я избавлюсь от них. – Свет, почему он постоянно позволяет этим женщинам оседлать себя? То,

что казалось поначалу блестящей идеей, теперь выглядело чистейшей глупостью. — Вы все просто должны соблюдать осторожность. Мы не ушли еще и на тридцать миль от Эбу Дар. Дороги полны проклятых Шончан.

Он кинул извиняющийся взгляд на трех шончанок. В конце концов, они все же были на его стороне. В какой-то мере. Им некуда было больше идти, кроме как вместе с Эгинин, и они уже поняли, у кого деньги. Брови Бетамин удивленно взлетели вверх. Шончанские благородные никогда не извиняются — даже взглядом.

— Шончанские солдаты

проходили вчера через деревню, — сказала Теслин с ясно различимым иллианским акцентом. Сверкающие глаза Джолин переместились на нее, но она не подала вида, что заметила, разве что повернулась, чтобы повесить свой плащ. — Они задавали вопросы о чужаках, кто проходит по дороге. А некоторые жаловались, что их послали на север. — Теслин взглянула через плечо на *сул'дам*, но тут же отвела взгляд и глубоко перевела дыхание. — Похоже, Возвращение направлено на восток. Солдаты говорили, что Непобедимая Армия поднесет Иллиан императрице еще до конца весны. И сам Город, и все остальное. —

Предполагалось, что Айз Седай, когда приходят в Белую Башню, к родным краям относятся так же, как к остальному миру, но для любого иллианца город Илли-ан был просто Городом с отчетливо слышной большой буквы.

– Это хорошо, – сказал себе, размышляя, Мэт. Солдаты всегда болтают лишнее; именно поэтому свои планы не стоит раскрывать никому из подчиненных до последней минуты. Тонкие брови Тес-лин поднялись, и он добавил: – Это означает, что дорога на Лугард будет свободна на большей части пути. – Кивок Теслин был резким и не очень-то удовлетворенным.

Между тем, что Айз Седай предположительно собирались делать, и тем, что они делали на самом деле, часто была значительная разница.

— Мы не разговаривали ни с кем, милорд, только следили за девочками, — сказала Бетамин еще более протяжно, чем обычно, а обычно речь Шончан напоминает мед, льющийся в снежную бурю. Она, несомненно, была главной среди трех *сул'дам*, но все же взглянула на остальных, прежде чем продолжить. — В Эбу Дар все разговоры в комнатах *сул'дам* касались только Иллиана. Богатая земля и богатый город, где многие

могут заслужить себе новые имена. И состояние. — Она бросила это так, словно состояние вряд ли сравнится с обретением нового имени. — Мы должны были сообразить, что вы захотите узнать о подобных вещах. — Еще один глубокий вздох, от которого она чуть не вывалилась из своего платья. — Если у вас есть какие-нибудь вопросы, милорд, мы расскажем все, что знаем.

Ринна, с готовностью на лице, отвесила ему еще один поклон, а Сита пропищала:

— Мы могли бы слушать разговоры во всех городах и деревнях, через которые будем проходить, милорд. Девочки, конечно,

ненадежны, но нам вы можете доверять.

Интересно, всегда ли, когда женщина предлагает свою помощь, она начинает с того, что пихает тебя в котел с кипящей водой и подбрасывает дров в огонь? Лицо Джолин превратилось в ледяную маску, исполненную презрения. Шончанские женщины не стоили того, чтобы она их замечала; это было ясно при одном взгляде на нее. Лишь Мэт трижды проклятый Коутон получал от нее леденящие взгляды. Губы Эдесины поджались, она пыталась просверлить взглядом дыру одновременно и в нем, и в трех *сул'дам*. Даже Теслин ухитрилась

выразить негодование. Она тоже благодарна ему за спасение, но она была Айз Седай. И она направляла свой хмурый взгляд на него. Впрочем, он подозревал, что она подпрыгнет, как испуганная лягушка, стоит лишь одной из *сул'дам* хлопнуть в ладоши.

– То, чего я хочу, – терпеливо объяснил Мэт, – это чтобы вы все не отходили от фургонов. – С женщинами необходимо быть терпеливым, даже если они Айз Седай. Он чертовски хорошо выучил это, можно сказать наизусть. – Один шепоток, что с нами путешествует Айз Седай, и мы будем по колено в Шончан, охотящихся за ней. Слухи о

том, что с балаганом путешествуют Шончан, будут ничуть не лучше. И в том и в другом случае кто-нибудь рано или поздно придет проверить, что за всем этим стоит, и мы все окажемся в горшке с рассолом. Не высовывайтесь. Вам нужно посидеть тихо, пока мы не подберемся поближе к Лугарду. Вряд ли можно сказать, что я многого от вас прошу, не так ли? — Молния осветила окна фургона голубой вспышкой, сверху прогрохотал гром, так близко, что фургон затрясся.

Но, очевидно, он все же просил от них слишком многого, как стало ясно по прошествии нескольких дней. О, Айз Седай не забывали

натягивать на лица капюшоны, когда выходили, — дождь давал этому достаточное объяснение; дождь и холод, — но одна или другая то и дело вылезала прокатиться на облучке, и они не прилагали существенных усилий, чтобы сойти среди членов труппы за служанок. Не то чтобы они признавались, кто они такие, разумеется, или отдавали кому-нибудь приказания, или даже заговаривали с кем-нибудь, не считая друг друга, но какая служанка будет так явно ждать, что люди станут уступать ей дорогу? Они также заходили и в деревни, а иногда и в городки, когда были уверены, что там нет Шончан. Когда Айз Седай была в

чем-то уверена, это не могло не быть правдой. Дважды они поспешно возвращались, обнаружив, что город наполовину полон поселенцев, направляющихся на север. Они рассказывали Мэту, что им удалось узнать во время таких посещений. Он надеялся, что рассказывали. Теслин, казалось, действительно была благодарна ему, до той степени, до какой может быть благодарна Айз Седай. А также Эдесина. До какой-то степени.

Несмотря на различия между ними, Джолин, Теслин и Эдесина держались вместе, как стадо гусей. Если ты встречал одну, ты встречал всех троих. Возможно, это было из-за

того, что, когда он встречал их на прогулке, тщательно закутанных в плащи и прячущих лица, минутой позже за ними следом появлялись Бетамин с Ринной и Ситой. О, совершенно случайно, но они никогда не выпускали «девочек» из поля зрения. Это были гусиные пастухи. Даже слепой увидел бы, что это никакие не слуги. *Сул'дам* держались с видом людей, привыкших к уважению, людей, обладающих авторитетом, и двигались почти так же надменно, как и Айз Седай. Однако тут он уже ничего не мог поделать.

Бетамин и двое других так же опасались остальных Шончан, как и

Айз Седай, однако они следовали за Айз Седай и тогда, когда те выходили в деревню или в городок, и Бетамин всегда докладывала те обрывки разговоров, которые им удалось подслушать, причем на лице Ринны играла заискивающая улыбка, а Сита вставляла своим щебечущим голосом, что «девочки» не слышали это или то или сделали вид, что не слышали; никогда нельзя быть уверенным, когда имеешь дело с той, кто имеет наглость объявлять себя Айз Се-дай; возможно, он пересмотрит свое решение и разрешит посадить их на привязь, хотя бы до тех пор, пока не минет опасность.

Рассказы шончанок в действительности не так уж отличались от того, что говорили ему сестры. Разговоры горожан о том, что они слышали от проходящих мимо Шончан. Многие из поселенцев чувствуют беспокойство, их головы полны слухов о диких Айил, свирепствующих в Алтаре, хотя все местные говорили, что айиль-цы находятся где-то на севере. Впрочем, похоже, что кто-то из высокопоставленных думает так же, поскольку многие из поселенцев были перенаправлены к востоку, в Иллиан. Был заключен альянс с кем-то могущественным, кто, как ожидалось, должен обеспечить

Верховной Леди Сюрот доступ ко многим землям. Этих женщин невозможно было убедить, что им не обязательно слушать сплетни. Они также отказывались отдать ему *ай'дамы*. По правде говоря, эти серебристые ошейники и трое *сул'дам* были единственным настоящим рычагом, которым он мог воздействовать на Айз Седай. Благодарность. От Айз Седай! Ха! Не то чтобы он в самом деле думал о том, чтобы снова надеть на сестер ошейники. По крайней мере не часто. Он действительно завяз по уши.

По-настоящему Мэт не нуждался в том, что узнавали *сул'дам*

и Айз Седай. У него были лучшие источники, люди, которым он доверял. Например, он доверял Тому, когда седоволосого менестреля можно было оторвать от игры в «змей и лисиц» с Олвером или от перечитывания многократно сложенного письма, которое он таскал с собой за пазухой куртки. Том мог войти в общую залу в любом кабаке, рассказать какую-нибудь байку, может быть, показать пару фокусов, и выйти оттуда, зная, что находится в голове у каждого из сидящих там людей. Еще Мэт доверял Джуилину — он справлялся почти так же хорошо, как Том, даже без фокусов и баек, — но Джу-илин

всегда настаивал на том, чтобы брать с собой Теру, которая робко цеплялась за его руку каждый раз, когда они выходили в город. Чтобы она снова привыкла к свободе, говорил он. Она улыбалась Джуилину, и ее большие темные глаза сияли, а маленький пухлый рот просил поцелуя. Может быть, она и была Панархом Тара-бона, как заявляли Джуилин и Том, но Мэт начинал сомневаться в этом. Он слышал, как некоторые из акробатов подшучивали над тем, как тарабонская служанка изматывает тайренского ловца воров до такой степени, что он едва может ходить. Впрочем, была она Па-нархом или

служанкой, но Тера по-прежнему порывалась опускаться на колени каждый раз, когда слышала протяжный акцент. Мэт полагал, что любой из Шончан, которому вздумается задать ей вопрос, вытянет из нее все, что она знает, начиная с Джуилина Санда-ра и кончая тем, в каком фургоне располагаются Айз Седай, причем все ответы будут даны с готовностью и не подымаясь с колен. Тера, по мнению Мэта, была большей опасностью, чем Айз Седай и *сул'дам*, вместе взятые. Джуилин, впрочем, вспыхивал при малейшем предположении, что его женщина может оказаться ненадежной, и начинал крутить свой бамбуковый

посох с таким видом, словно размышлял, не ударить ли Мэта по голове. У этой задачи не было решения, но Мэт отыскал временную меру, способ получить хотя бы маленькое предупреждение, если произойдет худшее.

– Разумеется, я могу за ними последить, – сказал Ноэл со своей щербатой ухмылкой, говорящей, что для него это детская игра. Приложив один узловатый палец к носу, он скользнул другой рукой под куртку, где прятал свои ножи. – Ты уверен, что не лучше сделать так, чтобы она наверняка не смогла ничего никому рассказать? Не волнуйся, паренек, я просто предложил. Если ты говоришь

нет — значит, нет.

Мэт как мог выразительнее сказал нет. Он уже убил одну женщину в своей жизни и позволил, чтобы зарезали другую. Он не собирался отягощать свою душу еще и третьей.

— Похоже, Сюрот заключила союз с каким-то королем, — доложил Джуилин, улыбаясь ему над чашкой вина с пряностями. По крайней мере, благодаря Тере он стал чаще улыбаться. Она сидела в их тесной палатке рядом с табуретом Джуилина, положив голову ему на колени, и он нежно гладил ее волосы свободной рукой. — По крайней мере, ходит множество слухов о том, что у

нее появился новый могущественный союзник. А эти поселенцы до смерти напуганы рассказами об Айил.

— Похоже, большую часть поселенцев направляют на восток, — сказал Том, грустно глядя в свою чашку. В то время как Джуилин день ото дня становился счастливее, менестрель, казалось, становился все более печальным. Ноэла не было, он следил за Джуилином и Терой, а Лопин и Нерим сидели скрестив ноги в задней части палатки, но оба слуги-кайриэнца вытащили свои корзинки с принадлежностями для починки одежды и изучали куртки Мэта, вывезенные из Эбу Дар, на предмет того, не следует ли в них

что-нибудь исправить, так что в маленькой палатке все же казалось тесно. — И очень многих солдат тоже, — продолжал Том. — Все говорит о том, что они собираются обрушиться на Иллиан как молот на наковальню.

Что ж, по крайней мере Мэт был уверен, что от них слышит неприкрашенную правду. Это не Айз Седай, которые наматывают слова как им вздумается, и не *сул'дам*, пытающиеся подольститься к нему, ожидая милости. Бетамин и Сита даже научились делать реверанс. В какой-то мере ему больше нравилась Ринна, которая по-прежнему складывалась вдвое. Это выглядело

более искренно. Непривычно, но искренно.

Что касалось его самого, будь то городок или деревня, Мэт самое большее кидал на них быстрый взгляд, подняв воротник и натянув шапку, прежде чем вернуться обратно в лагерь. Он редко надевал плащ. В плаще неудобно пользоваться ножами, которые он носил заткнутыми повсюду на своем теле. Не то чтобы он ожидал, что они ему понадобятся. Это была просто мера предосторожности. Больше ни вина, ни танцев, ни азартных игр. Особенно игр. Стук костей, катящихся по столу в общей зале какой-нибудь гостиницы, притягивал

его, но с его удачей при игре в кости это не могло остаться незамеченным, даже если дело не дойдет до того, что кто-нибудь вытащит нож, а в этой части Алтары и мужчины, и женщины постоянно носили ножи за поясом и готовы были пустить их в ход. Он хотел миновать эти места незамеченным и поэтому проходил мимо играющих, холодно кивал улыбавшимся ему служанкам и никогда не пил больше одной чаши вина, а обычно и того меньше. В конце концов, его в лагере ждала работа. В некотором роде. Он начал ее в ту первую ночь, когда они покинули Эбу Дар, и работа была не из легких.

– Мне нужно, чтобы ты пошла со мной, – произнес он, выдвигая ящик встроенного в стену фургона шкафчика под своей кроватью. Здесь он держал свой золотой запас, все честно добытое посредством игры. Настолько честно, насколько это было возможно, по крайней мере. Большая часть досталась ему после одного забега на ипподроме, а с лошадьми ему везло не больше, чем любому другому. Что же до остального... Если человек хочет бросать кости, или играть в карты, или кидать монетку, он должен быть готов проиграть. До-мон, сидевший сейчас на другой кровати, потирая рукой щетину на бритом черепе, уже

усвоил этот урок. Бедняге следовало бы спать на полу, как доброму *со'джин*, но вначале он настаивал на том, чтобы каждый вечер кидать с Мэтом монетку на предмет того, кто будет спать на второй кровати. Первую, разумеется, занимала Эгинин. Бросать монетки было не сложнее, чем кидать кости. Пока монетка не вставала на ребро, как это иногда у Мэта случалось. Но предложение исходило от Домона, не от него. Мэт выигрывал четыре ночи одну за другой, а на пятую монетка действительно приземлилась на ребро три раза подряд. Теперь они спали на кровати по очереди. Однако этой ночью все равно была очередь

Домона спать на полу.

Вытащив из шкафа небольшой замшевый мешочек, который искал, Мэт засунул его в карман куртки и выпрямился, ногой задвигая ящик.

— Ты должна видаться с ней время от времени, — сказал он. — И ты поможешь мне немного смягчить ситуацию. — Ему нужен кто-нибудь, кто отвлек бы на себя гнев Туон, кто-нибудь, по сравнению с которым он оказался бы вполне приемлемым, но он ведь не мог прямо предложить такое, не так ли? — Ты — шончанская леди, и ты сможешь удержать меня, если я начну вести себя не так, как подобает.

— Почему тебе требуется

смягчить ситуацию? – Протяжный говор Эгинин был жестким, как полотно пилы. Она стояла против двери фургона, положив руки на бедра, голубые глаза сверлили его из-под длинного черного парика. – Зачем *тебе* нужно видеться с ней? Разве с тебя не достаточно?

– Только не говори, что ты ее боишься, – насмешливо сказал Мэт, уклоняясь от вопроса. Какой ответ мог бы он дать, чтобы он не прозвучал полнейшим безумием? – Ты могла бы засунуть ее себе под мышку с такой же легкостью, как и я. Но обещаю, что не позволю ей отрубить тебе голову или выпороть тебя.

– Эгинин не боится ничего, парень, – буркнул Домон, защищая ее. – Если она не хочет идти, проваливай и обхаживай девочку сам. Оставайся у нее хоть на ночь, если хочешь.

Эгинин продолжала яростно смотреть на Мэта. Или сквозь Мэта. Затем она перевела взгляд на Домона, ее плечи немного поникли, и она схватила свой плащ с крючка на стене.

– Пойдем, Коутон, – прорычала она. – Если это нужно сделать, лучше сделаем это побыстрее и покончим с этим. – Она в мгновение ока оказалась снаружи, и Мэту пришлось поспешить, чтобы успеть за ней.

Можно даже было подумать, что она не хочет оставаться наедине с Домоном, как бы мало смысла ни было в таком предположении.

Рядом с лиловым фургоном без окон шевельнулась какая-то тень, еще более темная, чем окружающий мрак. Ущербная луна ненадолго вышла из-за туч, и Мэт успел узнать впалые щеки Гарнана.

— Все спокойно, милорд, — сказал «краснорукий».

Мэт кивнул, переводя дыхание и ощупывая в кармане замшевый мешочек. В воздухе пахло свежестью после прошедшего дождя и вдалеке от коновязей. Туон, должно быть, испытывает облегчение, что

избавлена от запаха конского навоза и острого аромата клеток с животными. Фургоны трупы по левую сторону от него были столь же темными, как и грузовые фургоны с парусиновым верхом по правую. Нет смысла ждать. Он подтолкнул Эгинин впереди себя вверх по ступеням, ведущим в лиловый фургон.

Внутри оказалось больше людей, чем он ожидал увидеть. Сеталль сидела на кровати, снова со своей вышивкой на коленях, а Селусия стояла в дальнем углу, хмурясь из-под своего головного платка, но на другой кровати сидел Ноэл, очевидно глубоко о чемто

задумавшийся, а Туон скрестив ноги сидела на полу, погруженная в игру в «змея и лисицу» с Олвером.

Мальчик повернулся к вошедшим с широкой ухмылкой, которая почти надвое рассекала его лицо каждый раз, когда входил Мэт.

— Ноэл рассказывал нам о Ко'дансин, Мэт, — воскликнул он. — Это другое название Шары. А ты знал, что Айяд татуируют себе лица? Так в Шаре называют женщин, которые умеют направлять.

— Нет, не знал, — произнес Мэт, хмуро глядя на Ноэла. И так плохо, что Ванин и «краснорукие» учат мальчика дурному, не говоря уже о том, что он перенимал от Джуилина

и Тома; не хватало только, чтобы еще Ноэл забивал ему голову всякими баснями.

Внезапно Ноэл хлопнул себя по ляжке и выпрямился.

— Ага, вспомнил! — произнес он. И старый глупец затянул речитативом:

Судьба, как солнце в небе, высока, Лисицы той, что воронов гоняет. Удача в сердце, молния в глазах: Он луны с небосвода похищает.

Старик с перебитым носом обвел глазами собравшихся, словно только сейчас осознал, что он здесь не один.

– Я давно пытался вспомнить этот стих. Это из «Пророчеств о Драконе».

– Очень интересно, Ноэл, – пробормотал Мэт. Водовороты красок снова бурлили в его голове, точно так же как утром, когда паниковали Айз Седай. На этот раз они угасли, так и не сложившись в картину, но его обдало таким холодом, словно провел ночь голым под кустом. Последней вещью на земле, которой он желал, – чтобы кто-нибудь начал связывать его с Пророчествами. – Может быть, когда-нибудь ты прочтешь нам их целиком. Только не сегодня, ладно?

Туон взглянула на него сквозь

ресницы – кукла черного фарфора в платье, которое для нее слишком велико. Свет, какие же длинные у нее ресницы! Она не обратила внимания на Эгинин, так, словно той вообще не существовало на свете, и, говоря по правде, Эгинин делала все от нее зависящее, чтобы притвориться частью вделанного в стенку шкафа. Вот и надейся отвлечь внимание.

– Игрушка не хотел быть грубым, – промурлыкала Туон со своим тягучим как мед выговором. – Его просто никогда не учили манерам. Но уже поздно, мастер Чарин, Олверу пора спать. Может быть, вы проводите его в палатку? Сыграем как-нибудь в другой раз,

Олвер. Хочешь, я научу тебя играть в камни?

Олвер, разумеется, хотел. Он всем телом показывал, как ему этого хочется. Парнишке нравилось все, что давало ему шанс улыбнуться женщине, не говоря уже о возможности говорить такие вещи, за которые его следовало бы драть за уши, пока они не станут в два раза больше обычного. Если Мэту только удастся выяснить, кто из его «дядюшек» учит его этому... Но сейчас мальчик собрал фишки и тщательно завернул их в разлинованную ткань, не дожидаясь второго напоминания. Он даже вполне пристойно шаркнул ногой,

благодаря Верховную Леди, перед тем как выйти вслед за Ноэлом из фургона. Мэт с одобрением кивнул. Это он научил мальчика шаркать ножкой, но тот, когда имел дело с хорошенькой женщиной, обычно добавлял к этому плотоядный взгляд. Если только удастся выяснить, кто...

— У тебя есть причина прерывать мои занятия, Игрушка? — холодно спросила Туон. — Сейчас *поздно*, и я собиралась ложиться спать.

Мэт расшаркался перед ней и одарил лучшей из своих улыбок. Он умел соблюдать вежливость, даже если она не соблюдала ее.

— Я просто хотел убедиться, что у тебя все в порядке. В этих фургонах

очень неудобно путешествовать. И я знаю, тебе не нравится та одежда, которую мне удалось для тебя достать. Я подумал, может, это тебя немного порадует. — Выудив из кармана замшевый мешочек, он вручил ей его с глубоким поклоном. Женщины всегда любят, когда им лишний раз поклонисься.

Селусия напряглась, ее голубые глаза сузились, но Туон махнула своим тонким пальчиком, и грудастая горничная отступила. Ненамного. Мэту нравились непослушные женщины, вообще говоря, но если она испортит ему дело, он надерет ей задницу. Ему стоило некоторого усилия удерживать на лице улыбку, и

он даже умудрился расширить ее на одно деление.

Туон несколько раз повернула в руках мешочек, прежде чем развязать шнурки и высыпать его содержимое себе в подол — это была тяжелая шейная цепочка из золота и резного янтаря. Очень дорогая вещица, к тому же шончанской работы. Он очень гордился, что ему удалось разыскать ее. Она принадлежала одной из акробаток, которой в свою очередь досталась от шончанского офицера, чье внимание она привлекла, но теперь, когда офицер остался позади, она была не прочь продать украшение. Оно, видите ли, не шло к ее коже, что бы это ни

значило. Он улыбался и ждал. Драгоценности всегда смягчают сердце женщины.

Никто, однако, не отреагировал на подарок так, как он ожидал. Туон подняла цепочку двумя руками, поднеся к лицу, рассматривая ее так, словно никогда до сих пор не видела подобной вещи. Губы Селусии искривились в насмешливой улыбке. Сеталль положила вышивку на колени и посмотрела на Мэта, большие золотые кольца в ее ушах блеснули, когда она покачала головой.

Внезапно Туон швырнула цепочку назад, через плечо, в сторону Селусии.

– Это мне не подходит, – сказала она. – Тебе это нравится, Селусия?

Улыбка Мэта несколько приугасла.

Молочнокожая служанка подняла цепочку двумя пальцами, будто держа за хвост дохлую крысу.

– Это украшение для танцовщицы-шиа, которое надевают с вуалью, – с кривой ухмылкой проговорила она. Движением запястья она перебросила цепочку Эгинин, рывкнув: – Надень ее!

Эгинин едва успела поймать вещицу, чтобы та не ударила ее по лицу. Улыбка Мэта окончательно сползла с лица.

Он ожидал взрыва, но Эгинин

немедленно расстегнула замочек и откинула свой тяжелый парик, чтобы застегнуть цепочку у себя на шее. Ее лицо оставалось столь же лишенным всякого выражения, словно было вылеплено из снега.

— Повернись, — приказала Селусия, и это без всякого сомнения был приказ. — Дай мне посмотреть.

Эгинин повернулась. Прямая, как столб, но она повернулась.

Сеталль пристально смотрела на нее, озадаченно покачивая головой, и затем покачала головой по-другому, глядя уже на Мэта, прежде чем вернуться к своей вышивке. У женщин в запасе столько же способов качать головой, сколько у

них взглядов. На этот раз ее жест говорил, что он последний дурак, и если Мэт не уловил каких-либо более тонких нюансов, то был только рад этому. Он не думал, что они бы ему понравились. Чтоб ему сгореть, он купил эту цепочку для Туон, а она у него на глазах отдала ее Селусии, а теперь она *Эгинин*?

— Она пришла получить новое имя, — задумчиво проговорила Туон. — Как она себя называет?

— Лильвин, — ответила Селусия. — Подходящее имя для танцовщицы-шиа. Может быть, даже Лильвин Бескорабельная?

Туон кивнула:

— Пусть будет Лильвин

Бескорабельная.

Эгинин вздрагивала при каждом слове, как от пощечин.

— Могу я удалиться? — напряженно спросила она, резко сгибаясь в поклоне.

— Если хочешь идти, так иди, — прорычал Мэт. Привести ее с собой, по-видимому, оказалось не лучшей его идеей, но может быть, без нее ему удастся немного исправить ситуацию.

Не сводя глаз с досок пола, Эгинин опустилась на колени.

— Прошу вас, можно мне удалиться?

Туон сидела на полу, выпрямив спину и глядя сквозь Эгинин, словно

перед ней ничего не было. Селусия, поджав губы, проводила по Эгинин взглядом сверху донизу. Сеталль продела иглу сквозь ткань, натянутую на пальцы. Никто на Мэта даже не взглянул.

Эгинин рухнула на пол лицом вниз, и Мэт подавил изумленное ругательство, увидев, что она целует пол.

— Прошу вас, — хрипло проговорила она. — Я молю разрешить мне удалиться.

— Ты можешь удалиться, Лильвин, — произнесла Селусия холодно, как королева, говорящая с мелким воришкой, — и ты больше не покажешь мне свое лицо, пока оно

не будет скрыто вуалью танцовщицы-
шиа.

Эгинин на четвереньках быстро поползла назад и только что не вывалилась за дверь, оставив Мэта в полнейшем изумлении.

Сделав над собой усилие, он сумел вновь изобразить на лице улыбку. По-видимому, оставаться большого смысла не было, но мужчина мог попытаться уйти с достоинством.

— Что ж, я полагаю...

Туон снова махнула своим пальчиком, по-прежнему не глядя на Мэта, и Селусия тут же оборвала его:

— Верховная Леди утомлена, Игрушка. Она разрешает тебе

удалиться.

– Слушай, мое имя Мэт, – сказал он. – Простое имя. Легко запомнить. Мэт. – Он не дождался от Туон большего ответа, чем если бы она и в самом деле была фарфоровой куклой.

Сеталль, однако, опустила свою вышивку и поднялась с места, держа руку на рукояти изогнутого кинжала, заткнутого за пояс.

– Молодой человек, если вы рассчитываете оставаться здесь до тех пор, пока не увидите, как мы готовимся ко сну, вас ждет жестокое разочарование. – Она улыбалась, произнося это, но ее ладонь тем не менее лежала на рукояти ножа, и она

была в достаточной степени эбударкой, чтобы прирезать человека, повинаясь минутной прихоти. Туон оставалась неподвижной куклой, королевой на троне, каким-то образом по ошибке облаченной в неподобающие для нее одежды. Мэт удалился.

Эгинин стояла, опершись рукой на стенку фургона и опустив голову. Другая рука сжимала цепочку на шее. Гарнан немного шевельнулся в темноте, просто чтобы показать, что он по-прежнему здесь. Очень мудро с его стороны держаться сейчас подальше от Эгинин. Но Мэт был слишком раздражен, чтобы быть мудрым.

— Что все это значило? — требовательно спросил он. — Ты больше не должна ползать на коленях перед Туон. А Селусия? Она же треклятая горничная! Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так унижался перед королевой, как ты унижалась перед ней.

Суровое лицо Эгинин оставалось в тени, но ее голос звучал измученно.

— Верховная Леди — это... та, кто она есть. Селусия — ее *со'джин*. Никто из низших Высокородных не смеет смотреть в глаза ее *со'джин*, а может быть, и из высших тоже. — Она с силой дернула цепочку, и замок сломался с металлическим

щелчком. — Правда, теперь я не принадлежу к Высокородным. — Отклонившись назад, она со всего размаху швырнула цепочку как можно дальше в темноту.

Мэт раскрыл рот. Можно купить дюжину первоклассных лошадей на те деньги, что он заплатил за эту вещь, и у него еще осталось бы несколько монет. Он снова закрыл его, так и не сказав ни слова. Может быть, он не всегда отличался мудростью, но у него ее хватало, чтобы понимать, когда женщина действительно в таком состоянии, чтобы пырнуть его ножом. Он знал также и еще одну вещь. Если Эгинин так вела себя с Туон и Селусией, то

лучше ему стоит проследить за тем, чтобы *сул'дам* оставались где-нибудь подальше от них. Один Свет знает, что *они* станут делать, если Туон махнет им пальчиком.

Это оставляло его с кучей работы, которую надо было переделать. Да, он ненавидел работу, но эти древние воспоминания, угнездившиеся в его голове, наполняли ее картинами сражений. Сражаться он тоже ненавидел — человека могут убить, в конце концов! — но это было все же лучше, чем работать. Стратегия и тактика. Изучи диспозицию, изучи врага, и если ты не победишь одним способом, то победишь другим.

Следующим вечером Мэт вернулся в лиловый фургон один, и когда Олвер закончил свой урок игры в камни с Туон, Мэт нашел способ войти в игру. Поначалу, сидя на полу перед доской напротив маленькой темнокожей женщины, он не был уверен, стоит ему выигрывать или проигрывать. Некоторые женщины любили выигрывать все время, но чтобы при этом все за них делал мужчина. Другие любили, чтобы выигрывал мужчина, по крайней мере чаще, чем проигрывал. Ни то ни другое не имело смысла для него — он любил выигрывать, и чем легче, тем лучше, — но так обстояли дела. Пока он колебался, Туон сама овладела

положением. Не доиграв и до середины игры, он осознал, что она заманила его в ловушку, из которой у него не было выхода. Ее белые камни преграждали путь его черным по всей доске. Это была чистая и сильная победа.

– Ты не очень хорошо играешь, Игрушка, – насмешливо сказала она. Несмотря на тон, ее большие влажные глаза рассматривали его холодно, взвешивая и оценивая. В таких глазах можно утонуть.

Он улыбнулся и распрощался прежде, чем могла бы возникнуть мысль выпроводить его. Стратегия. Думай вперед. Поступай неожиданно. На следующий вечер он

принес с собой маленький красный бумажный цветок, который сделала для него швея из труппы. И вручил его изумленной Селусии. Брови Сеталль приподнялись, и даже Туон казалась озадаченной. Тактика. Выбей противника из равновесия. Если подумать, между женщинами и сражениями не такая уж большая разница. И в том и в другом случае мужчина оказывается в тумане и может запросто погибнуть. Если он беспечен.

Каждый вечер Мэт приходил в лиловый фургон играть в камни под бдительным надзором Сеталль и Селусии и сосредоточивался на клетчатой доске. Туон играла очень

хорошо, к тому же было слишком легко засмотреться на то, как она ставит камни, удивительно грациозно выгибая пальцы. Она привыкла носить ногти длиной в дюйм и заботиться о том, чтобы не сломать их. Ее глаза тоже представляли немалую опасность. При игре в камни, так же как и в сражении, требовалась ясная голова, а ее взгляд, казалось, проникал в глубину его черепа. Тем не менее он заставлял себя сосредоточиться на игре и умудрился выиграть четыре раза из следующих семи, причем подряд. Туон выглядела удовлетворенной, когда выигрывала, и исполненной решимости, когда

проигрывала, без всяких вспышек темперамента, которых он опасался, без всяких обидных комментариев, если не считать того, что она настойчиво продолжала называть его Игрушкой; и в ней было не так много этой ледяной официальной надменности, по крайней мере до тех пор, пока они сидели за доской. Она откровенно наслаждалась игрой, возбужденно смеясь, когда ей удавалось заманить его в ловушку, и смеясь восторженно, когда он ухитрялся найти умный ход, чтобы выбраться из нее. Когда она погружалась в игру, то казалась совсем другой женщиной.

За бумажным цветком

последовал цветок, сшитый из голубого льна, а двумя днями позже к ним присоединился еще и розовый, из шелка, в ширину достигавший женской ладони. И тот и другой были вручены Селусии. Ее голубые глаза все с большим подозрением хмурились при взгляде на него, но Туон сказала ей, что она может оставить цветы у себя, и та бережно убирала их к своим вещам, завернув в кусок холста. Он выждал три дня, приходя без подарков, а затем принес маленький букетик красных шелковых розовых бутонов вместе с короткими стеблями и блестящими листьями, которые выглядели не менее живыми, чем в природе,

только еще более совершенными по очертаниям. Он попросил швею сшить веточку роз еще в тот день, когда купил у нее первый бумажный цветок.

Селусия сделала шаг вперед, протягивая руку за букетиком роз и кривя губы, но Мэт сел на пол и положил цветы рядом с доской, немного подвинув их в сторону Туон. Он не сказал ничего, просто оставил их там. Она не уделила им даже взгляда. Запустив руку в маленькие кожаные мешочки с камнями, он вытащил по одному из каждого и начал перекладывать их из руки в руку до тех пор, пока даже он сам не был уверен, где какой камень

находится, затем вытянул кулаки перед собой. Туон мгновение помедлила, без выражения исследуя его лицо, и дотронулась до его левой руки. Он разжал кулак, показывая сверкающий белый камень.

— Я изменила свое мнение, Игрушка, — промурлыкала она, аккуратно ставя свой белый камень на перекрестье двух линий точно посередине доски. — Ты играешь очень хорошо.

Мэт моргнул. Поняла ли она, что у него на уме? Селусия стояла за спиной у Туон, очевидно поглощенная видом почти пустой доски. Сеталль перевернула страницу книги и немного

подвинулась, чтобы на книгу падало больше света. Разумеется, нет. Туон говорила о камнях. Если бы она хотя бы заподозрила, в чем его настоящая игра, она за ухо вышвырнула бы его из фургона. Любая женщина поступила бы так. Несомненно, речь шла о камнях.

В этот вечер они сыграли вничью, под конец каждый из них контролировал половину доски неравномерными пятнами белого и черного цвета. Но, по правде говоря, она победила.

— Я сдержала свое слово, Игрушка, — протянула Туон, когда он раскладывал камни обратно по мешочкам. — Никаких попыток

убежать, никаких попыток выдать тебя. Но я по-прежнему в заточении. — Она повела рукой, указывая на стены фургона. — Я хочу ходить на прогулки. Можно после заката. Ты можешь сопровождать меня. — Ее взгляд коснулся розовой веточки, затем поднялся к его лицу. — Чтобы быть уверенным, что я не убегу.

Сеталль тонким пальцем отметила место в книге и посмотрела на Мэта. Селусия, стоя позади Туон, тоже смотрела на него. Она действительно сдержала свое слово, каким бы безумием это ни казалось. От прогулок после заката, когда большинство членов труппы

уже лежат в кроватях, вряд ли будет большой вред, особенно если *он* будет рядом, чтобы следить за ней. Так почему же он чувствовал себя так, словно теряет контроль над ситуацией?

Туон согласилась выходить в плаще с капюшоном, что доставило ему немалое облегчение. Черные волосы уже отрастали на ее выбритой голове, но пока что это был только длинный пушок, не больше, а в отличие от Селусии, которая, очень вероятно, даже спала не снимая головного платка, Туон не выражала никакого намерения покрывать голову. Женщина ростом с ребенка, с волосами короче, чем у

любого мужчины, если только он не лыс, вряд ли останется незамеченной даже ночью. Сеталль и Селусия всегда следовали в темноте за ними на небольшом расстоянии; горничная – чтобы следить оберегающим оком за своей госпожой, а Сеталль – чтобы следить за горничной. По крайней мере он думал, что дело обстоит именно так. Иногда ему казалось, что обе следят за ним. Эта парочка держалась слишком уж по-дружески для караульного и пленника. Мэт как-то подслушал, как Сеталль предостерегает Селусию, что он опасен для женщин, – хорошенькое заявление в ее устах! А Селусия на это холодно ответила, что ее госпожа

сломают ему руки, если он выкажет к ней неуважение, словно они и не были вовсе пленницами.

Он считал, что на прогулках сможет побольше узнать о Туон, — за игрой в камни она не очень-то много говорила, — но у нее была манера не обращать внимания на его вопросы или менять тему разговора, обычно переключаясь на него.

— Двуречье — это сплошные леса и фермы, — говорил он, когда они шли по главной улице лагеря. Тучи скрывали луну, и разноцветные фургоны стояли неразличимыми черными массами в окружающем мраке, а помосты для представлений по сторонам улицы были не больше,

чем тенями. — Все выращивают табак и пасут овец. Мой отец занимается еще и коровами, а еще торгует лошадьми, но по большей части это табак и овцы, от одной границы до другой.

— Твой отец торгует лошадьми, — промурлыкала Туон. — А чем занимаешься ты, Игрушка?

Он бросил взгляд через плечо на двух женщин, которые призрачными тенями маячили шагах в десяти позади. Сеталль вряд ли была настолько близко, чтобы расслышать, если он понизит голос, и он решил быть честным. С другой стороны, в лагере было тихо и темно, как на кладбище. Сеталль могла и услышать,

а она знала, что он делал в Эбу Дар.

— Я игрок, — сказал он.

— Мой отец называл себя игроком, — тихо проговорила Туон. — Он погиб из-за неверной ставки.

Ну и как понять, что *это* могло значить?

В другой раз, когда они шли вдоль клеток с животными, каждая из которых занимала целый фургон, он спросил ее:

— Что ты делаешь, чтобы развлечься, Туон? Просто потому, что тебе это нравится? Кроме игры в камни? — Он почти чувствовал, как Селусия рассердилась в тридцати футах от них из-за того, что он назвал ее по имени, но Туон, казалось, не

обратила внимания. Ему показалось, что не обратила.

— Я дрессирую лошадей и *дамани*, — ответила она, вглядываясь в клетку со спящим львом. Животное казалось лишь большой тенью, лежащей на соломе позади толстых прутьев решетки. — У них действительно черная грива? Во всем Шончан нет ни одного льва с черной гривой.

Она дрессирует *дамани*? Чтобы развлечься? О Свет!

— Лошадей? А каких лошадей? — Проклятье, если она дрессирует *дамани*, это могут быть и боевые кони. Просто чтобы развлечься.

— Госпожа Анан говорила мне,

что ты большой негодяй, Игрушка. — Ее тон был прохладным, но не холодным. Сосредоточенным. Она повернулась к нему, ее лицо было скрыто в тени капюшона. — Скольких женщин ты целовал?

Лев проснулся и кашлянул; от этого могучего звука у любого встали бы дыбом волосы. Туон даже не моргнула.

— Похоже, опять дождь собирается, — неуверенно сказал Мэт. — Селусия с меня шкуру спустит, если я верну тебя ей вымокшей.

Он услышал, как она тихо засмеялась. Что такого он сказал смешного?

Разумеется, была и цена,

которую он должен заплатить. Может быть, все складывалось так, как он хотел, может, нет, но когда ты считаешь, что да, всегда приходится платить.

— Они болтают как стая сорок, — жаловался он Эгинин. Вечернее солнце стояло над горизонтом — красно-золотой шар, наполовину скрытый тучами, отбрасывающий на стоянку балагана косые тени. Дождя не было, в кои-то веки, и, несмотря на холод, они сидели под своим зеленым фургоном, играя в камни, на виду у любого, кто станет проходить мимо. Многие и проходили, мужчины, спешащие доделать свои дела, ребяташки, ловящие

последнюю возможность погонять обруч по грязным лужам или покидать мяч, пока не наступила темнота. Женщины, придерживавшие свои юбки, проходя, кидали взгляд на фургон, и даже когда они были в капюшонах, Мэт досконально знал, какое выражение было на их лицах. Вряд ли хоть одна женщина в лагере станет теперь говорить с Мэ-том Коутоном. Он в раздражении загремел черными камнями, которые держал в левой руке. — Когда мы доберемся до Лугарда, они получают свое золото. Это все, о чем им надо беспокоиться. Почему они суют свой нос в мои дела?

— Ты не должен их винить, —

протянула Эгинин, изучая доску. — Предполагается, что ты и я — сбежавшая парочка, и тем не менее ты больше времени проводишь с... ней, чем со мной. — Ей по-прежнему было трудно не называть Туон Верховной Леди. — Ты ведешь себя так, словно ухаживаешь за ней. — Она протянула руку, чтобы положить свой камень, но остановилась с рукой, занесенной над доской. — Но ты ведь не думаешь, что она завершит обряд, правда? Вряд ли ты настолько глуп.

— Какой обряд? О чем ты говоришь?

— Ты трижды назвал ее своей женой той ночью, в Эбу Дар, — медленно проговорила она. — Ты что,

действительно не знаешь? Женщина три раза называет мужчину своим мужем, а мужчина три раза называет женщину своей женой, и тогда они считаются женатыми. Обычно добавляются еще благословения, но именно то, что они говорят это перед свидетелями, делает это свадьбой. Ты *не знал* этого?

Мэт засмеялся и пожал плечами, шеей ощущая нож, висящий у него сзади. Хороший нож придает человеку чувство уверенности. Но его смех прозвучал хрипло.

— Но она-то ничего не говорила. — Еще бы, ведь он как раз в это время засовывал кляп ей в рот, чтоб ему сгореть! — Так что, что бы я

ни сказал, это ничего не значило. — Но он уже знал, что собиралась сказать ему Эгинин. Он знал это так же хорошо, как то, что вода мокрая. Ему уже не раз говорили, на ком он собирается жениться.

— С Высокородными все обстоит немного иначе. Иногда знатный лорд с одного конца Империи женится на знатной леди с другого конца. Брак по договоренности. В Императорской семье не бывает других браков. Иногда они не могут дожидаться, пока встретятся, и тогда она признает брак там, где находится она, а он — там, где находится он. В случае, если они оба произносят это в присутствии свидетелей и между

их заявлениями проходит не больше года и одного дня, такой брак считается действительным. Ты правда *не знал*?

В чем бы там Мэт ни был уверен, но камни высыпались из его руки, раскатившись по всей доске. Треклятая *девчонка* знала! Может быть, она считала все это просто приключением, какой-то игрой. Может быть, для нее быть похищенной — такое же развлечение, как тренировать лошадей или трижды проклятых *дамани*! Но он знал, что он — рыба, ждущая, пока она забросит удочку.

Два дня он не заходил в лиловый фургон. Нет смысла спешить —

треклятый крючок уже засел в его глотке, и он сам засадил его туда, — но это еще не значит, что он должен глотать эту штуковину. Вот только он понимал, что это — лишь вопрос того, когда она решит потянуть за леску.

Как бы медленно ни двигал балаган, в конце концов он достиг переправы через Элдар между Алкиндаром на западном берегу и Кораменом на восточном. Это были чистенькие небольшие городки с крытыми черепицей каменными зданиями, при каждом городке имелось с полдюжины каменных пристаней. Солнце взобралось уже высоко, небо было почти совершенно чистым, а если на нем и

показывались облака, то они были белыми, как только что отмытая шерсть. Может, сегодня дождя не будет. Это был очень важный перекресток путей; у некоторых из причалов стояли торговые корабли, приплывшие сверху по реке, а между городами неспешно передвигались большие паромы, похожие на баржи. Шончан, очевидно, тоже понимали значимость переправы. На окраинах обоих городов располагались их военные лагеря, и судя по тому что вокруг лагерей начинали возводиться каменные стены, а внутри росли каменные постройки, они не имели намерения вскоре покидать это место.

Мэт переправился верхом на Типуне с первым фургоном. Гнедой мерин выглядел достаточно обычно для неискушенного взгляда; вряд ли могло показаться неуместным, что на нем едет парень в грубой суконной куртке и шерстяной шапке, натянутой от холода на уши. Он по-настоящему не рассматривал возможность того, что ему придется бежать в холмистую заросшую лесом местность вокруг

Корамена. Думал об этом, но не рассматривал серьезно. Крючок все равно останется на месте, сбежит он или нет. Поэтому он остановил Типуна в конце каменного причала, посмотрел, как труппа

переправляется через реку и потрусил в направлении города. На причалах были Шончан, группа рослых крепких парней в сегментированных доспехах, раскрашенных синим и золотым, под командованием высокого молодого офицера с одним тонким голубым пером на чудно выглядящем шлеме. По-видимому, они находились здесь, просто чтобы поддерживать порядок, но офицер проверил предписание на лошадей Люка, а Люка спросил его, не подскажет ли благородный лорд, можно ли на землях возле города разбить свой лагерь и давать представления? Мэт чуть не заплакал. Он видел солдат в

полосатых доспехах, разгуливающих по улицам, входящих и выходящих в лавки и таверны. *Ракен* на длинных перепончатых крыльях скользнул по небу, приземлившись возле одного из лагерей за рекой. Трое или четверо таких же тварей со змеиными шеями уже были на земле. В этих лагерях, должно быть, сотни солдат. А может, и тысячи. А Люка собирается разбивать здесь стоянку балагана.

Один из паромов ударился обитым веревками носом в причал, с него спустили настил, и по настилу на мостовую выкатился лиловый фургон без окон. Лошадьми правила Сеталль. Селусия расположилась по одну сторону от нее, выглядывая из-

под капюшона выцветшего красного плаща. С другой стороны, закутанная в темный плащ так, что не было видно даже дюйма ее тела, сидела Туон.

Мэту показалось, что глаза его сейчас вывалятся из глазниц. Если сначала не лопнет под ударами сердца грудная клетка. В голове застучали игральные кости — тот грохот, с каким они катятся по столу. На этот раз он заранее знал, как они лягут — это будут «глаза Темного», он просто знал это.

Ему, впрочем, ничего не оставалось, как пристроиться в хвост лиловому фургону и ехать не спеша, словно жизнь прекрасна, ехать не

спеша по широкой главной улице, среди зазывал перед лавками и разносчиков, продающих всякую всячину с лотков. И шончанских солдат. Здесь они уже не маршировали строем и с интересом поглядывали на ярко раскрашенные фургоны. Ехать не спеша и ждать, пока Туон закричит. Она дала ему слово, но пленник готов сказать все что угодно, чтобы ослабить свои узы. Ей всего-то и нужно — возвысить голос и призвать себе на помощь тысячу шончанских солдат. Кости подскакивали и крутились в голове Мэта. Ехать не спеша, ожидая, когда ему выпадут «глаза Темного».

Туон не произнесла ни одного

слова. Она с любопытством выглядывала из-под своего глубокого капюшона, с любопытством и с осторожностью, но следила за тем, чтобы не показывать свое лицо и даже руки, кутаясь в темный плащ и даже привалившись к Сеталль, словно ребенок, ищущий защиты у матери посреди толпы незнакомых людей. Ни одного слова, пока они не миновали ворота Корамена и не загромыхали к подножию хребта, возвышавшегося за городом, где Люка уже расставлял фургоны. И вот тут-то Мэт понял, что ему не будет пощады. Она собиралась засадить свой треклятый крючок по всем правилам. Она просто выжидала

удобного момента.

Он удостоверился, чтобы этим вечером все шончанки оставались в своих фургонах, и Айз Седай тоже. Насколько было известно Мэту, никто пока что не видел ни одной *сул'дам* или *дамани*, но хотя бы на этот раз Айз Седай не стали спорить. Туон тоже не стала спорить. Она просто высказала требование, да такое, что брови Сеталль взлетели чуть ли не к самой кромке волос. Требование было высказано как своего рода просьба, точнее, напоминание об обещании, которое он когда-то дал, но он умел распознать, когда женщина требует. Что ж, мужчина должен доверять

женщине, на которой собирается жениться. Он сказал ей, что подумает, просто чтобы она не воображала, что может получить от него все, что захочет. Он думал весь день, пока Люка разбивал свой лагерь, думал и покрывался потом, поскольку чуть ли не все Шончан в городе явились поглазеть на балаган. Он думал и когда фургоны покатили к востоку через холмы, двигаясь еще медленнее, чем обычно, но уже знал, что ему придется ответить.

На третий день после того, как они оставили реку за спиной, балаган Люка добрался до соляного города Джурадора, и там он сказал Туон, что выполнит ее просьбу. Она

улыбнулась ему, и кости в его голове
замерли на месте. Он никогда не
забудет, как это было. Она
улыбнулась, и кости *тут же*
прекратили катиться. Хоть плачь,
хоть смейся!

Глава 29. Что-то погасло

Это безумие, – прогрохотал Домон, стоя со скрещенными руками, словно загораживая собой выход из фургона. Может быть, так оно и было. Его челюсть была воинственно выдвинута вперед, выпячивая коротко подстриженную бородку, которая все равно была длиннее, чем волосы на его голове, и он сжимал и разжимал кулаки, словно раздумывая над тем, не пригодятся ли они ему. До-мон был крупным человеком и совсем не настолько толстым, как могло

показаться на первый взгляд. Мэту очень хотелось избежать его кулаков, если это возможно.

Мэт закончил повязывать на шее черный шелковый платок, скрывающий его шрам, и заткнул длинные концы за пазуху куртки. Возможность того, что кто-нибудь в Джурадоре знает про человека в Эбу Дар, который носил на шее черный платок... Что ж, шансы были малы, даже если не брать в расчет его удачу. Разумеется, не стоит забывать и о том влиянии, которое он оказывал на события, будучи *та'вереном*, но если ему суждено столкнуться лицом к лицу с Сюрот или толпой слуг из Таразинского дворца, он мог

спокойно оставаться в кровати, закутавшись в одеяло с головой, и это все равно бы случилось. Иногда приходится просто доверять своей удаче. Закавыка лишь в том, что, когда он проснулся этим утром, кости снова начали перекатываться в голове. Они и сейчас катались там, отскакивая от стенок его черепа.

— Я обещал, — сказал Мэт. Как хорошо снова оказаться в приличной одежде! Куртка была из тонкого зеленого сукна и хорошо скроена, она доходила почти до отворотов сапог у его колен. Вышивки не было — может, немного вышивки бы и не помешало, — но на запястьях имелся некий намек на кружева. А также

хорошая шелковая рубаша. Он жалел, что у него нет зеркала. В такой день, как этот, мужчина должен предстать в своем лучшем виде. Подняв с кровати плащ, он перекинул его через плечо. Это не какая-нибудь безвкусица, как у Люка. Плащ был темно-серым, почти что черным как ночь. Только подкладка его была красной. Скреплялся плащ простой серебряной булавкой в виде узла размером не больше его большого пальца.

— Она дала свое слово, Байл, — сказала Эгинин. — Свое слово. Она никогда не нарушит его. — Судя по тону, Эгинин была абсолютно убеждена в этом. Более убеждена,

чем сам Мэт. Но иногда мужчине приходится рисковать. Даже если на кону – его голова. Он *обещал* ей. И с ним была его удача.

– И все равно это безумие, – проворчал Домон. Однако, когда Мэт надел свою широкополую черную шляпу, он неохотно отошел от двери. По крайней мере отошел от нее, когда Эгинин резким движением головы приказала ему отойти. Тем не менее он продолжал хмуриться.

Она вышла из фургона вслед за Мэтом, тоже хмурясь и возясь со своим длинным черным париком. Может, ей по-прежнему было в нем неудобно, или, возможно, он по-другому сидел на ней теперь, когда

под ним была почти месячная поросль ее собственных волос. В любом случае, этого еще недостаточно, чтобы она могла выходить с непокрытой головой. Хотя бы до тех пор, пока ее не будет отделять от Эбу Дар по крайней мере еще одна сотня миль. Возможно, это будет небезопасно и до тех пор, пока они не пересекут Горы Дамона на границе с Муранди.

Небо было ясным, солнце только что показалось над горизонтом, еще невидимое за окружающей лагерь паручиновой стеной, и утро могло показаться теплым только по сравнению со снежным бураном. Это был не хрусткий холодок

двуреченского зимнего утра, а промозглый холод, который медленно вгрызался в тело и окрашивал слабым туманом каждый выдох. Члены трупы шныряли повсюду, подобно муравьям в разворошенном муравейнике, наполняя воздух криками, желая знать, кто переложил куда-то кольца жонглеров, или позаимствовал штаны с красными блестками, или передвинул платформу для представлений. Это выглядело и звучало так, словно здесь затевался бунт, хотя ни в одном из голосов не слышалось гнева. Когда артистам предстояло выступить, они всегда орали и размахивали руками, но дело

никогда не доходило до драки, и каким-то образом каждый оказывался на месте и был готов делать свое дело еще до того, как впускали первых зрителей. Возможно, они не торопились, когда укладывали вещи, собираясь в дорогу, но представление означало деньги, а ради такого дела они могли шевелиться достаточно быстро.

— Ты *и вправду* считаешь, что можешь жениться на ней, — пробормотала Эгинин, шагая сбоку от него; ее поношенная коричневая шерстяная юбка взметалась при каждом шаге. Эгинин трудно было назвать изящной. У нее был широкий шаг, и она без труда держала его.

Несмотря на платье, она выглядела так, словно у нее на боку не хватало меча. — Я не вижу другого объяснения. Байл прав. Ты *точно* сошел с ума!

Мэт ухмыльнулся.

— Вопрос только в том, хочет ли она выйти за меня? Иногда женятся самые не подходящие друг другу люди. — Когда знаешь, что тебя собираются повесить, единственное, что остается, — это ухмыляться петле. Так что он ухмыльнулся и оставил Эгинин стоять и хмуриться. Ему показалось, что она вполголоса бормочет проклятия, хотя не мог понять почему. Не ей же придется жениться на последнем человеке, о

котором она могла бы подумать. Благородная леди, вся из себя холодная и сдержанная и задирающая нос, когда ему нравятся улыбочные трактирные служаночки с желанием в глазах! Наследница трона, и не какого-нибудь трона – Хрустального Трона, трона Империи Шончан! Женщина, которая заморочила ему голову до такой степени, что он уже не может понять, он ее держит в плену или она его. Когда судьба хватает за горло, не остается ничего, кроме как ухмыляться.

Мэт шагнул, как на прогулке, до тех пор, пока не завидел лиловый фургон без окон, и затем сбился с шага. Четверо акробатов, гибкие

ребята, которые называли себя «братья Шавана», хотя было совершенно очевидно, что они происходят не только от разных матерей, но даже родом из разных стран, выбежали из стоящего рядом зеленого фургона, крича и яростно размахивая руками. Они лишь мельком взглянули на лиловый фургон и еще раз на Мэта; они были слишком поглощены своим спором и бежали слишком быстро, чтобы что-нибудь рассмотреть. Гордеран опирался на одно из лиловых колес, скребя голову и хмурясь на двух женщин у подножия деревянной лесенки, ведущей к двери фургона. Двух женщин. Обе были закутаны в

темные плащи, лиц не видно, но невозможно не узнать красный в цветочках головной платок, видневшийся из-под капюшона более высокой из них. Что ж. Он должен был знать, что Туон захочет, чтобы ее горничная осталась при ней. Благородные леди никогда никуда не выходят без горничной. Ставь хоть пенни, ставь хоть крону, в конце концов все одинаково зависит от того, как лягут кости. У них уже была возможность выдать его. Однако в настоящий момент он ставил уже на то, что женщина сделает один и тот же выбор два раза подряд. Точнее, на то, что так поступят две женщины. Какой дурак стал бы делать

подобную ставку? Но ему ничего не оставалось, кроме как бросить кости. Вот только они уже катились.

Он встретил улыбкой холодный взгляд голубых глаз Селусии и взмахнул шляпой, расшаркиваясь перед Туон. Не слишком напоказ, добавив лишь скромный взмах полрой плаща.

— Готовы ли вы к походу за покупками? — Он чуть было не назвал ее миледи, но поскольку она по-прежнему не хочет называть его по имени...

— Я готова уже целый час, Игрушка, — холодно протянула Туон. Небрежно приподняв полу его плаща, она взглянула на красную шелковую

подкладку, затем перевела взгляд на куртку, отпустив плащ.

— Кружево тебе к лицу. Возможно, я добавлю кружево к твоей одежде, когда сделаю тебя виночерпием.

Его улыбка погасла в один момент. Сможет ли она все же сделать его *да'ковале*, если они будут женаты? Придется спросить у Эгинин. Свет, почему у женщин никогда ничего не бывает по-простому?

— Не хотите ли, чтобы я пошел с вами, милорд? — медленно спросил Гордеран; теперь он даже не смотрел на женщин. Он стоял, засунув большие пальцы за пояс, и не

смотрел также и на Мэта. – Мало ли, может, надо будет что-нибудь понести?

Туон не произнесла ни слова. Она просто стояла, глядя на Мэта и ожидая, и ее большие глаза с каждой секундой становились все холоднее. Кости грохотали и подпрыгивали у него в голове. Впрочем, он помедлил лишь в течение одного удара сердца, а потом движением головы отослал «краснорукого» прочь. Ну, может быть, двух ударов. Он должен доверять своей удаче. Доверять ее слову. *Доверие – так звучит смерть.* Он всем весом наступил на эту мысль. Это была не песня, и старые воспоминания не могли направить

его. Кости внутри его черепа продолжали катиться.

С легким поклоном он предложил ей руку, на которую Туон воззрилась так, словно прежде никогда не видела руки, выпятив свои полные губы. Затем она взяла свой плащ и тронулась с места, с Селусией, скользящей у нее по пятам, оставив ему поспешать вслед за ними. Нет, у женщин никогда ничего не бывает по-простому.

Несмотря на ранний час, двое могучих парней с дубинками уже стерегли у входа, а третий сидел рядом с прозрачной стеклянной банкой, чтобы собирать плату и засовывать монеты в щель

окованного железом сундука, стоявшего на земле. Все трое выглядели еще настолько заспанными, что, казалось, вряд ли могли принять от посетителя монетку, не упав при этом лицом вниз, но Люка не хотел рисковать. Двадцать или тридцать человек уже ждали за толстыми веревками, ведущими к большому голубому полотнищу с названием балагана Люка, и, к несчастью, Лателле тоже была здесь, со строгим лицом, в платье, вышитом малиновыми блестками и плаще, вышитом голубыми. Жена Люка дрессировала медведей. Мэт подозревал, что медведи проделывали свои трюки

только из страха, что она их покусает.

— У меня все под контролем, — сказал он ей. — Поверьте, вы можете ни о чем не волноваться. — Он мог не тратить слов.

Лателле не обратила на него внимания, озабоченно хмурясь на Туон и Селусию. Она с мужем были единственными в балагане, знавшими, кто они такие. Мэт посчитал, что не стоит рассказывать ни ей, ни ему об увеселительной прогулке, которую они собирались предпринять этим утром. С Люка, по крайней мере, мог случиться удар. Взгляд, которым Лателль наконец наградила Мэта, не был

озабоченным, он был просто твердым как камень.

– Не забудь, – спокойно сказала она, – если ты отправишь нас на виселицу, то сам будешь болтаться рядом. – Она фыркнула и снова принялась рассматривать людей, ждущих, пока их впустят. Лателле лучше самого Люка умела взвесить взглядом кошелек, еще до того как развязаны тесемки. А также она обладала в десять раз более сильным характером, чем у ее мужа. Кости продолжали греметь. Что бы ни заставляло их катиться, это еще не достигло роковой отметки. Решающей отметки.

– Подходящая жена для мастера

Люка, — промурлыкала Туон, когда они немного отошли.

Мэт искоса взглянул на нее и вновь надел шляпу на голову. В ее тоне не было насмешки. Неужели она *настолько* ненавидела Люка? Или она имела в виду, что *сама* будет женой подобного же сорта? Или... Чтоб ему сгореть, он станет как раз таким безумцем, каким считает его Домон, пытаясь разгадать, что на уме у этой женщины. Несомненно, именно она была причиной того, что в его голове катились кости. Что она намерена сделать?

До города было совсем недалеко, спиной к восходящему солнцу, по разбитой дороге, между холмов, на

которых здесь не было деревьев, однако люди усеивали дорогу точно так же, как ветряные мельницы и солеварни усеивали холмы. Глядя прямо вперед, они двигались так целеустремленно, что казалось, что они не видят перед собой никого. Мэт увернулся от круглолицего толстяка, который шел так, словно собирался пройти сквозь него, и тут же вынужден был отпрыгнуть, чтобы не налететь на седоволосого старика, поразительно проворно двигавшегося на своих длинных худых ногах. В результате он оказался перед пухленькой девушкой, которая врезалась бы прямо в него, если бы он снова не прыгнул в сторону.

— Ты разучиваешь какой-то танец, Игрушка? — спросила Туон, взирая на него поверх своего тонкого плеча. Ее дыхание колыхалось прозрачным белым облачком впереди ее капюшона. — Он выглядит не очень-то изящным.

Мэт открыл было рот, чтобы указать ей, что в такой толпе трудно передвигаться иначе, но внезапно обнаружил, что больше не видит на дороге никого, кроме нее и Селусии. Люди, которые только что были здесь, просто исчезли; насколько он мог видеть, впереди, до ближайшего поворота, дорога была пуста. Он медленно повернул голову. Между ним и лагерем тоже не было никого,

лишь посетители, выстроившиеся цепочкой, ожидая, пока их впустят, и цепочка была не длиннее, чем прежде. Позади лагеря дорога сворачивала в холмы и вела к дальнему лесу — совершенно безлюдная. Ни души не видать. Он прижал пальцы к груди, ощупывая сквозь куртку медальон с лисьей головой. Просто кусок серебра на сыромятном шнурке. Ему хотелось бы, чтобы он был холодным как лед. Туон выгнула бровь. Взгляд Селусии говорил, что он полный болван.

— Я не смогу купить тебе платье, если мы так и будем стоять здесь, — сказал он. Такова была цель их вылазки: он обещал Туон, что найдет

для нее что-нибудь лучшее, чем платья, которые болтались на ней мешком и делали похожей на ребенка во взрослой одежде. По крайней мере он был совершенно уверен, что обещал ей это, и она не опровергала его. Работа швеи при балагане встречала одобрение Туон, но не одежда, которую та могла им предложить. Костюмы актеров сверкали блестками, и бисером, и яркими красками, но одевались они обычно в то, что подешевле. Те, у кого была лучшая одежда, носили ее до тех пор, пока она не изнашивалась в клочья. Джурадор, однако, получал свое богатство от соли, а соль означала большое богатство. В

городских лавках должны были найтись любые материи, каких могла пожелать женщина.

На этот раз обошлось без махания пальчиком. Туон обменялась взглядами с Селусией. Та покачала головой, скривив губы в сострадательной гримасе. Туон тоже покачала головой. И они, подхватив плащи, направились к обитым железом городским воротам. Женщины! Он вновь поспешил нагнать их. В конце концов, они были его пленницами. Именно так. Их длинные тени вытягивались перед ними. Отбрасывал ли тень кто-нибудь из тех людей, прежде чем они исчезли? Он не мог также

вспомнить, чтобы кто-нибудь из них выдыхал облачка тумана. Это, казалось, не имело значения. Они исчезли, и он не собирался раздумывать над тем, откуда они взялись или куда ушли. Может быть, это как-то связано с тем, что он *та'верен*. Он ведь хотел выкинуть это из своей головы. Взять и выкинуть. Кости, грохотавшие в ней, все равно не оставляли места ни для чего другого.

Стражники у ворот, по-видимому, не интересовались проходящими мимо людьми, по крайней мере мужчина и две женщины, идущие пешком, не вызвали у них любопытства. Это

были люди с суровыми лицами в выкрашенных белым кирасах и конических шлемах с какими-то конскими хвостами на гребне, они пробежались безразличным взглядом по закутаным в плащи женщинам, по какой-то причине на мгновение с подозрением задержав его на Мэте, а затем вновь оперлись на свои алебарды и пустыми глазами уставились на дорогу. Они скорее всего были местными, по крайней мере это не Шончан. Торговцы солью и местная леди, Этелейн, которая, по всей видимости, говорила то, что те ей диктовали, принесли Клятвы Возвращения без колебаний и сами предложили выплачивать Шончан

соляной налог еще до того, как их об этом попросили. Без сомнения, Шончан в конце концов поставят здесь какое-нибудь должностное лицо, просто чтобы присматривать за всем происходящим, но в настоящий момент у шончанских солдат были более насущные задачи. Мэт послал и Тома, и Джуилина, чтобы убедиться, что в Джурадоре нет Шончан, прежде чем согласиться на эту вылазку. Удачливый дурак, если не будет осторожен, может споткнуться и о собственную удачу.

Джурадор был процветающим деловым городом, большая часть его мощенных камнем улиц были широкими, вдоль них стояли

каменные дома, крытые красноватой черепицей. Дома и гостиницы соседствовали с конюшнями и тавернами; здесь раздавался стук кузнечного молота по наковальне, там — грохот ткацкого станка, и повсюду, казалось, бочары набивали обручи на крепкие бочонки для перевозки соли. Разносчики выкрикивали приглашения купить у них булавки и ленты, пирожки с мясом и жареные орешки с лотков или сморщившуюся за зиму репу и сушеные сливы с тележек. На каждой улице перед дверьми своих лавок мужчины и женщины стояли на страже у узких столиков с выставленными товарами и громко

кричали, перечисляя то, что можно купить внутри.

Узнать дома торговцев солью было, однако, нетрудно; каменные особняки, трехэтажные чаще, чем двухэтажные, занимавшие в восемь раз большую площадь, чем остальные, каждый с выходящей на улицу колоннадой, защищенной белыми расцветками кованого железа, установленными между колоннами. Нижние окна в большинстве зданий тоже были забраны такими же решетками, хотя и не всегда крашеными. В этом отношении город напоминал Эбу Дар, но мало чем еще кроме оливкового цвета лиц горожан. Здесь

не было на платьях глубоких вырезов, открывающих ложбинку между грудями, не было юбок, подшитых так, чтобы были видны цветные нижние юбки. Женщины носили вышитые платья с высоким воротником, достигающим до самого подбородка, у людей попроще вышивки было поменьше, у богатых ее было много, некоторые богачки носили плащи, вышитые сверху донизу, и прозрачные вуали, спускающиеся на лицо с золотых или резной кости гребней, воткнутых в темные, уложенные кольцом косы. Короткие куртки мужчин были украшены почти столь же густо, их краски были почти столь же яркими,

и, богатые и бедняки, большинство мужчин носили длинные поясные ножи с клинками чуть меньше изогнутыми, чем эбу-дарские. И богатые и бедняки, все они имели обыкновение держать руку на рукояти ножа, словно ожидая схватки, так что, возможно, в этом тоже было сходство с Эбу Дар.

Дворец леди Этелейн с виду не слишком отличался от особняков соляных купцов, но располагался на главной площади города, широком пространстве полированного камня, где широкий круглый мраморный фонтан взметал в воздух струи воды. Люди, однако, наполняли свои ведра и большие глиняные кувшины из

труб, извергающих воду в каменные бассейны на углах других площадей. Большой фонтан источал запах соляного раствора. Это был символ благополучия Джурадора, его качали из того же источника, что и соляные колодцы в окружающих холмах. Мэт успел вдоволь насмотреться на город еще до того, как солнце добралось до полуденной точки.

Каждый раз, когда Туон и Селусия замечали лавку, перед которой были разложены шелка, они останавливались у длинного узкого стола, чтобы пощупать материю и пошептаться, склонив друг к дружке головы, отмахиваясь от внимания бдительных продавцов. Те были

очень бдительны, особенно пока не понимали, что Мэт тоже принадлежит к их компании. В своих грубых шерстяных платьях, поношенных и плохо сидящих, они не походили на покупательниц шелка. Мэт, с откинутой полкой плаща, открывающей подкладку, походил. Каждый раз, однако, когда он пытался выказать интерес — женщины говорят, что им нравится, когда ты выказываешь интерес! — каждый раз, когда он подходил достаточно близко, чтобы слышать, о чем они говорят, обе замолкали и смотрели на него, холодный темный и холодный голубой взгляды из глубины капюшонов, до тех пор пока

он не отступал на пару шагов назад. Тогда Селусия вновь склоняла голову к Туон, и они вновь принимались шептаться и ощупывать шелка, красные шелка, синие шелка, зеленые шелка, гладкие блестящие шелка и парчовые шелка. Джурадор был очень богатым городом. К счастью, в кармане его куртки лежал толстый кошель с золотом. Впрочем, ни один образец им, по-видимому, не подходил. Туон неизбежно качала головой, и парочка отходила от прилавка, скользя сквозь толпу и оставляя Мэта поспешать за ними до следующей лавки, торгующей шелками. Кости по-прежнему продолжали перекатываться и

отскакивать от стенок его черепа.

Они были не единственными из балагана, кто пришел в город. Мэт заметил окаймленное усыпанными бисером косами лицо Алуд-ры, пробиравшейся сквозь толпу в сопровождении седовласого человека, по-видимому торговца солью, судя по обилию яркой вышивки, покрывавшей его шелковый плащ цветами и птичками. Что Иллюминаторше понадобилось от торговца солью? Что бы она ему ни говорила, его довольная улыбка добавляла морщин его лицу, и он кивал головой в ответ.

Туон снова покачала головой, и две женщины заскользили к

следующей лавке, игнорируя глубокие поклоны лавочника. Впрочем, большая их часть адресовалась Мэту. Может быть, этот худосочный глупец считал, что он собрался покупать шелк для себя. Не то чтобы он отказался купить себе пару-тройку новых шелковых курток, но кто станет думать об одежде, когда проклятые кости никак не могут остановиться? Ну разве что немного вышивки по рукавам и на плечах.

Мимо прошел Том, кутаясь в бронзового цвета плащ, проводя пальцами по длинным белым усам и зевая, словно не спал всю ночь. Возможно, так оно и было.

Менестрель больше не был привержен к выпивке, но Лопин и Нерим жаловались, что он бодрствует ночи напролет и жжет лампу, чтобы читать и перечитывать свое драгоценное письмо. Что может быть такого привлекательного в письме от мертвой женщины? Мертвой женщины. Свет, может быть, те люди на дороге... Нет, он совсем не собирался вновь думать об этом.

Туон подняла складку шелковой материи и уронила ее, повернувшись спиной и не пытаясь пощупать другую. Селусия, прежде чем последовать за ней, обдала приземистую продавщицу таким

взглядом, что бедная женщина, оскорбленная, сделала шаг назад. Мэт наградил ее улыбкой. Если оскорблять лавочниц, это приведет к тому, что городская стража начнет задавать вопросы, и кто знает, к чему приведет это? Он знал, что может улыбаться так, что большинство женщин почувствуют себя утешенными. Круглолицая женщина фыркнула на него и наклонилась, разглаживая штуку шелка с такой нежностью, словно расправляла пеленки на дитяти. Большинство женщин, кисло подумал он.

Женщина, идущая по улице впереди них, позволила упасть капюшону своего простого плаща, и у

Мэта перехватило дыхание.

Эдесина снова подняла капюшон, но сделала это не торопясь, и в любом случае худшее уже случилось — безвозрастное лицо Айз Седай было открыто для любого, кто знал, что оно значит. Никто на улице не подал вида, что заметил нечто необычное, но он не мог видеть все лица. Подумал ли кто-нибудь о вознаграждении? Может, сейчас в Джурадоре и не было Шончан, но они постоянно проходили через город.

Эдесина свернула за угол, и две фигуры в темных плащах последовали за ней. Две. Неужели *сул'дам* оставили в лагере только

одну следить за двумя Айз Седай? Или, может быть, Джолин или Теслин где-нибудь поблизости, а он просто не заметил. Он вытянул шею, выглядывая в толпе еще один простой плащ, но все плащи, которые он видел, были хотя бы слегка украшены вышивкой.

Внезапно его словно ударили камнем между глаз. А где проклятая Туон с трижды проклятой Селусией? Ему показалось или кости действительно покатались быстрее?

Тяжело дыша, он поднялся на цыпочки, но улица текла рекой украшенных вышивкой плащей, курток и платьев. Это не значило, что они пытались убежать. Туон *дала*

свое слово; у нее уже был превосходный случай выдать его. Но стоит кому-то из них сказать три слова, и любой, кто услышит, тут же распознает шончанский акцент. Этого может вполне хватить, чтобы послать собак по его следу. Впереди находились две лавки, в которых, по-видимому, торговали одеждой, одна напротив другой по обе стороны улицы. Ни у одной из них не было видно пары женщин в темных плащах, стоящих у столиков при входе. Они вполне могли и свернуть за угол, но он должен доверять своей удаче. Его удача показывала особенно хорошие результаты, когда приходилось играть вслепую.

Должно быть, проклятые женщины и впрямь считали, что это треклятая игра. Чтоб ему сгореть, да будет его удача с ним!

Закрыв глаза, Мэт несколько раз повернулся посреди улицы и сделал шаг. Вслепую. Он наткнулся на что-то плотное и достаточно твердое, чтобы они оба охнули. Он открыл глаза. Дородный здоровяк с маленьким ртом и с небольшим количеством криво вышитого орнамента на плечах грубой куртки стоял, свирепо глядя на него и теребя рукоятку своего изогнутого ножа. Мэту было наплевать. Он стоял прямо перед одной из двух лавок. Поглубже натянув шляпу, он побежал.

Кости и впрямь катились быстрее.

По стенам лавки от пола до потолка располагались полки, забитые рулонами материи, еще больше тканей было разложено на длинных столах посреди помещения. Лавочница была сухопарой женщиной с большой родинкой на подбородке, ее помощница — стройной, привлекательной и глядящей гневно. Он ворвался внутрь как раз вовремя, чтобы услышать сердитый голос лавочницы:

— В последний раз, либо вы говорите мне, что вам здесь надо, либо я посылаю Нельсу за стражей.

Туон и Селусия, лица которых были по-прежнему скрыты

капюшонами, не спеша продвигались вдоль одной из стен, останавливаясь то здесь то там, чтобы пощупать материю, и не обращая на лавочницу ровно никакого внимания.

— Они со мной, — переводя дух, сказал Мэт. Вытащив из кармана кошелек, он швырнул его на ближайший пустой стол. Кошелек приземлился с тяжелым звяканьем, вызвавшим широкую улыбку на узком лице лавочницы. — Дайте им все, что они захотят, — сказал он ей. И жестко добавил, повернувшись к Туон: — Если ты хочешь купить что-нибудь, покупай здесь. С меня на это утро достаточно упражнений.

Если бы мог, он прикусил бы

язык еще до того, как эти слова слетели с его губ. Если говорить с женщиной в таком тоне, она может взорваться тебе в лицо как один из фейерверков Алудры. Но Туон лишь подняла на него свои большие глаза из-под капюшона, и ее пухлые губы слегка изогнулись в улыбке. Это была тайная улыбка, предназначавшаяся только ей одной, не ему. Лишь Свет знает, что значила эта улыбка. Он ненавидел, когда женщины так поступают. По крайней мере, кости еще не остановились. Это ведь хороший знак, верно?

Туон не нужны были слова, чтобы дать лавочнице понять, что она выбрала; она молча указывала на

один рулон за другим и отмеряла своими маленькими темными ручками, сколько та должна от него отрезать. Лавочница обслуживала их сама, не доверяя эту работу помощнице, и правильно сделала, если подумать. Из-под ее больших острых ножниц падали один за другим куски красного шелка нескольких оттенков, куски зеленого шелка, тоже нескольких видов, и столько разновидностей голубого шелка, о существовании скольких Мэт даже не подозревал. Туон выбрала также несколько отрезков тонкого холста различной толщины и немного яркого сукна – относительно них она советовалась с Селусией

приглушенным шепотом, — но в основном это был шелк. Когда Мэт получил обратно свой кошелек, тот был значительно легче, чем он ожидал.

Когда вся материя была сложена, тщательно перевязана и затем завернута в еще большие куски грубого холста — спасибо хоть за них платить не пришлось, — она образовала кучу, не меньшую, чем выюк бродячего торговца. Он совершенно не удивился, обнаружив, что все это он должен нести на своих плечах, держа шляпу в руке. Одевайся в лучшую одежду, покупай женщине шелка — она все равно найдет, как заставить тебя работать! Возможно,

таким образом она расплачивалась за то, что он позволил себе жесткий тон в разговоре с ней.

Он удостоился немало изумленных взглядов зевак, пока тащился из города вслед за женщинами. Они шли довольные, как кошки, объевшиеся сливок. Даже несмотря на плащи и капюшоны, по их спинам можно было сказать все. Солнце еще не очень отошло от зенита, но очередь желающих посмотреть на представление Люка протянулась вдоль дороги чуть ли не до самого города. Большинство людей пялились на него и показывали пальцами, словно он шут с размалеванным лицом. Один из

здоровенных конюхов, который стерег сундук с монетами, щербато ухмыльнулся ему и открыл было рот, но Мэт ответил спокойным взглядом, и парень счел за лучшее проследить за монетами, переходящими из рук горожан в стеклянную банку и оттуда в сундук. Мэт подумал, что никогда еще не чувствовал такого облегчения оттого, что находится в лагере Люка.

Не успели они с женщинами сделать и трех шагов от входа, как к ним подбежал Джуилин, как ни странно, без Теры и без своей красной шапки. Лицо ловца воров было словно вырезано из древнего дуба. Глядя на людей, рекой текущих внутрь мимо них, он заговорил тихим

голосом. Тихим и встревоженным.

— Я как раз надеялся тебя найти. Там Эгинин, она... поранилась. Пойдем быстрее.

Его тон сказал достаточно, но, что еще хуже, Мэт осознал, что кости в его голове теперь грохотали как барабаны. Он кинул узел с купленными тканями укротителям лошадей, торопливо поручив им присматривать за ним так же ревниво, как за сундуком с деньгами, или иначе он спустит на них женщин, но не стал дожидаться, чтобы увидеть, насколько серьезно они восприняли его слова. Джуилин бегом ринулся туда, откуда появился, и Мэт побежал за ним по широкой

главной улице лагеря, где шумные толпы таращились на четырех голых по пояс братьев Шавана, стоящих друг у друга на плечах, на акробаток в полупрозрачных штанах и ярко блестящих жилетах, кувыркающихся через голову, на канатоходца в синих с блестками штанах, взбирающегося по длинной деревянной лестнице, собираясь начать представление. Немного не дойдя до канатоходца, Джуилин нырнул в улочку поуже, где с веревок, натянутых между палатками и фургонами, свешивалось белье, а актеры сидели на табуретах и ступеньках фургонов, дожидаясь своего выхода, и детишки бегали с мячами и обручами. Мэт уже знал,

куда они направляются, но ловец воров бежал слишком быстро, чтобы он мог его обогнать.

Впереди он увидел свой зеленый фургон. Лателле глядела куда-то под него, а Люка, в одном из своих ярко-красных плащей, махал паре жонглерок, чтобы они убирались прочь. Две женщины в мешковатых штанах и с лицами, выбеленными мелом, как у шутов, сперва вдоволь насмотрелись на то, что было под фургоном, и лишь потом повиновались. Подбежав ближе, Мэт увидел и то, на что они глазели. Под краем фургона на земле без куртки сидел Домон, держа в руках обмякшее тело Эгинин. Ее глаза

были закрыты, из угла рта текла струйка крови. Ее парик сбился набок. Почему-то это бросалось в глаза. Она всегда так беспокоилась, чтобы он сидел как надо. Кости грохотали словно гром.

— Это катастрофа! — рычал Люка, переводя сердитый взгляд с Мэта на Джуилина. В его взгляде был, однако, лишь гнев, а не страх. — Ты, может быть, вверг меня в несчастье! — Он отогнал стайку выпучивших глаза ребятишек и рывкнул на пухлую женщину в юбках, усеянных блестками. Мийора заставляла леопардов проделывать такие трюки, которые были не под силу даже Лателле, однако она лишь

тряхнула головой и спокойно удалилась. Никто не принимал Люка настолько всерьез, как он сам.

Люка при виде приблизившихся Туон и Селусии вздрогнул и, казалось, готов был приказать удалиться и им, но передумал. Он принялся задумчиво хмуриться. Задумчиво и озабоченно. Похоже, жена не сказала ему, что Мэт с женщинами покидали лагерь, а теперь он понял, что они куда-то выходили. Узел с материей был теперь на спине у голубоглазой горничной, она придерживала его за спиной обеими руками, но, несмотря на груз, стояла выпрямившись. Можно было подумать, что она

привыкла носить тяжести, но на ее лице было написано смущение и раздражение. Лателле оглядела ее сверху донизу, затем насмешливо взглянула на Мэта, словно это он был причиной того, что та выпячивала свою внушительную грудь. Жена Люка была мастерицей по части насмешливых взглядов, однако суровое выражение лица Туон быстро укротило ее. Судья выглядывал из-под ее капюшона, судья, готовый вынести приговор.

Но сейчас Мэта не заботило, о чем она думает. Эти *треклятые* кости. Отшвырнув от себя плащ, он опустился на одно колено и притронулся к горлу Эгинин. Ее

пульс был слабым, тонким и прерывистым.

– Что произошло? – спросил он. – Вы послали за кем-нибудь из сестер?

Если попробовать перенести Эгинин, это может убить ее, но, возможно, еще есть время Исцелить ее, если Айз Седай поторопятся. Однако он не собирался произносить это имя вслух, притом что вокруг ходили люди, останавливаясь и бросая любопытные взгляды, прежде чем Люка или Лателле поторапливали их проходить мимо. Ей все повиновались быстрее, чем ему. Единственным человеком, который действительно готов был

исполнять приказания Люка, была сама Лателле.

— Ринна! — произнес Домон, точно сплюнул. Несмотря на шапочку коротких волос и свою иллианскую бородку, оставлявшую верхнюю губу открытой, сейчас он не казался смешным. Он выглядел испуганным и готовым на убийство — опасное сочетание. — Я видел, как она ударила Эгинин кинжалом в спину и убежала. Если бы я добрался до нее, то свернул бы ей шею, но у меня были заняты руки, я зажимал рану Эгинин. Где эти проклятые Айз Седай? — взорвался он. Вот и пытайся тут следить за языком!

— Я здесь, Байл Домон, —

холодно проговорила Теслин, быстро приближаясь вместе с Терой, которая бросила один испуганный взгляд на Туон и Селусию и со слабым писком повисла на руке Джу-илина, уставясь в землю. Судя по тому как она задрожала, Тера и сама через пару минут могла оказаться там же.

Айз Седай состроила такую гримасу, словно у нее был полный рот колючек, когда увидела, что лежало перед ней, а может быть, при виде того, где оно лежало, но она быстро забралась под фургон, сев рядом с Домоном и зажав голову Эгинин между своими костлявыми руками.

— Джолин делает это лучше, чем

я, — пробормотала она про себя, — но, может быть, мне удастся...

Серебряная лисья голова холодом обожгла грудь Мэта, и Эгинин дернулась так, что парик слетел с ее головы, и она чуть не вырвалась из объятий Домона; ее глаза широко раскрылись.

Конвульсии продолжались недолго, она приподнялась с земли, задохнувшись и раскрыв рот; затем снова обмякла, привалившись к груди Домона и тяжело дыша, а медальон вновь превратился в обычную серебряную безделушку. Мэт уже почти привык к этому. Он ненавидел себя за то, что мог привыкнуть к такому.

Теслин тоже обмякла, чуть не

упав на землю, и Домону пришлось перехватить Эгинин, чтобы поддержать Айз Седай одной рукой.

— Благодарю, — через мгновение сказала Теслин, с трудом выговаривая слова. — Но мне не нужна помощь. — Тем не менее, вставая, она опиралась на стенку фургона, обводя своим холодным взглядом присутствующих, пресекая какие-либо замечания. — Клинок скользнул по ребру и поэтому не проник в сердце. Все, что ей теперь нужно, — это отдых и пища.

Она не стала задерживаться, чтобы подобрать свой плащ, как осознал Мэт. Из одного конца узкой улочки горстка женщин в усыпанных

блестками платьях смотрела на них от своей палатки в зеленую полосу, их взгляды были пристальными и внимательными. С другой стороны полдюжины мужчин и женщин в полосатых куртках и узких штанах, которые исполняли акробатические номера на спине лошади, бросали взгляды в сторону Теслин и перешептываясь, склоняли друг к другу головы. Слишком поздно беспокоиться о том, что кто-то распознает лицо Айз Седай. Слишком поздно беспокоиться о том, что кто-нибудь из них, увидев Исцеление, поймет, что это такое. Кости молотили изнутри по черепу Мэта. Они не остановились; игра еще

не сыграна.

— Кто-нибудь ищет ее, Джуилин? — спросил Мэт. — Джуилин! Ловец воров перестал бросать сердитые взгляды на Туон и Се-

лусию и успокаивающе шептать что-то Тере, хотя продолжал ласково поглаживать дрожащую женщину по голове.

— Ванин и «краснорукие», Лопин и Нерим. И еще Олвер. Он сбежал прежде, чем я успел поймать его. Но во всем этом... — он оторвал руку от головы Теры, показывая на улицу. Гул голосов ясно слышался даже на расстоянии. — Все, что ей нужно, — это раздобыть себе плащ, и

она сможет выскользнуть из лагеря вместе с первыми же посетителями. Если мы будем останавливать каждую женщину в плаще с капюшоном или даже только пытаться заглянуть внутрь, мы получим только взрыв негодования. Здешние люди довольно вспыльчивы.

— Катастрофа, — стонал Люка, кутаясь в свой плащ. Лателле обвила его рукой. Это, должно быть, походило на то, как если бы его утешал леопард; как бы то ни было, Люка не выглядел в достаточной мере утешенным.

— Чтоб мне сгореть, но почему? — прорычал Мэт. — Ринна всегда была готова лизать мне руки!

Я считал, что если уж кто и смеется... — Он даже не взглянул на Теру, но Джуилин тем не менее хмуро взглянул на него.

Домон поднялся на ноги, держа Эгинин на руках. Она вначале слабо пыталась вырваться — Эгинин не из тех женщин, что позволяют носить себя словно куклу, — но затем, по-видимому, осознала, что если попытается идти сама, то тут же упадет. Она привалилась к груди иллианца, сердито и возмущенно глядя на него. Домону еще предстоит узнать: даже когда женщине нужна помощь, если она не хочет этого, она заставит тебя платить за то, что ты оказал ее.

– Я единственная, кто знал ее тайну, – слабо произнесла Эгинин со своим протяжным акцентом. – Единственная, кто мог выдать ее, по крайней мере. Она, должно быть, решила, что ей будет безопаснее, если она уберется домой, а я буду мертва.

– Какую тайну? – спросил Мэт.

Женщина почему-то заколебалась, хмурясь на грудь Домона. Наконец она вздохнула.

– Ринна когда-то носила ошейник. А также Бетамин и Сита. Они могут направлять Силу. Или могут научиться, я не знаю. Но *ай'дам* действовал на всех троих. Может быть, он действует на всех

сул'дам.

Мэт присвистнул. Да, это будет хороший удар для Шончан.

Люка с женой обменялись озадаченными взглядами; очевидно, они не поняли ни единого слова. Рот Теслин открылся, всю ее безмятежность Айз Седай как ветром сдуло. Селусия, однако, издала яростное рычание, ее голубые глаза сверкнули, она уронила свой тюк с материей и шагнула к Домону. Быстрое движение пальцев Туон заставило ее замереть на месте, хотя она выглядела так, словно колебалась. Лицо Туон было темной маской, на которой ничего невозможно было прочесть. Однако

ей не понравилось то, что она слышала. Если хорошенько подумать, она ведь говорила, что тренировала *да-мани*. Ох, чтоб ему сгореть, неужели, кроме всего прочего, он собирается жениться на женщине, которая способна направлять?

Стук копыт возвестил о прибытии Гарнана и остальных троих «красноруких», быстрой рысью приближавшихся по узкому проулку между палатками и фургонами. Их мечи висели на поясах под плащами, у Метвина из-за голенища торчал кинжал длиной почти с короткий меч, а у Гордерана к седлу был приторочен тяжелый

арбалет, уже взведенный и с наложенной стрелой. Чтобы оттянуть рычагом толстую тетиву такого арбалета, требуется почти минута, но после этого все, что остается, — наложить стрелу. Гарнан держал лук с двойным изгибом, у его бедра топорщился стрелами колчан. Фергин вел в поводу Типуна.

Гарнан не стал терять время и спешиваться. С подозрением взглянув на Туон и Селусию и почти с таким же сомнением — на Люка и Лателле, он наклонился с седла; на его щеке ясно виднелась грубая татуировка в виде ястреба.

— Ринна увела лошадь, милорд, — тихо проговорил Гарман. — Она

растоптала одного из конюхов на выходе из лагеря. Ее преследует Ванин. Он говорит, что она еще этой ночью может добраться до Корамена. Она направилась в ту сторону. Она двигается значительно быстрее, чем фургоны. Но едет без седла; если повезет, мы еще сможем поймать ее. — Он говорил так, словно удача была им обеспечена. Люди из Отряда Красной Руки верили в удачу Мэта Коутона больше, чем верил в нее он сам.

Похоже, никакого выбора ему не оставалось. Кости по-прежнему грохотали в его голове. У него еще был шанс, что они лягут в его пользу. Небольшой шанс. Удача Мэта

Коутона.

— Люка, пусть твои люди выезжают на дорогу так быстро, как только смогут уложить вещи, — сказал он, садясь на Типуна. — Оставь здесь сцену и вообще все, что нельзя быстро погрузить на фургоны. Поторопись.

— Ты с ума сошел? — заволновался Люка. — Если я попытаюсь выпроводить отсюда посетителей, из-за *меня* начнутся беспорядки! И они потребуют деньги вернуть! — Свет, этот человек будет думать о деньгах, даже когда его голова будет лежать на плахе.

— Подумай, что у тебя останется, когда завтра тысяча Шончан найдет

тебя здесь. — Голос Мэта был холоден. Если он потерпит неудачу, Шончан нагонят Люка очень быстро, как бы тот ни нахлестывал лошадей. Люка тоже это понимал, судя по тому как он скривился — словно надкусил гнилую сливу. Мэт заставил себя не обращать на него внимания. Кости грохотали во всю мочь, но еще не остановились. — Джуилин, оставь Люка все золото, кроме одного кошелька. — Может быть, ему удастся откупиться, если Шончан увидят, что у него нет их Дочери Девяти треклятых Лун. — Собери всех, выезжайте, как только будете готовы. Когда города не будет видно, забирайте в лес. Я вас найду.

– Всех? – Закрыв Теру своим телом, Джуилин мотнул головой в направлении Туон и Селусии. – Если оставить этих двоих в Джу-радоре, Шончан, может быть, остановятся, заполучив их обратно. По крайней мере это их задержит. Ты же сам говорил, что рано или поздно отпустишь их.

Мэт встретил взгляд Туон. Большие, темные влажные глаза на спокойном безмятежном лице. Она немного сдвинула назад капюшон, так что он ясно разглядел ее лицо. Если он оставит ее здесь, она никогда не сможет сказать те слова, а если и скажет, он будет слишком далеко, чтобы слова имели значение.

Если он оставит ее здесь, он никогда не узнает, почему она улыбалась такой загадочной улыбкой и что означала эта улыбка. Свет, он круглый болван! Типун нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Всех, — проговорил Мэт. Действительно ли Туон слегка кивнула, словно бы самой себе? Зачем бы ей кивать? — Тронулись, — сказал он Гарнану.

Пока не выехали из лагеря, приходилось ехать шагом, пробираясь сквозь толпу, но лишь только они достигли дороги, Мэт поднял Типуна в галоп, плащ взметнулся у него за спиной, и он наклонил голову, чтобы шляпу не

сдуло ветром. Это был не тот аллюр, которым можно долго гнать лошадь. Дорога петляла между холмов и пересекала хребты, прорезая насквозь в тех местах, где подъем был не слишком высок. Они расплескивали мелкие ручейки и грохотали как гром по низким деревянным мостам через потоки поглубже. На склонах вновь начали появляться деревья — сосна и болотный мирт, зеленые среди голых ветвей лиственных пород. К некоторым холмам лепились фермы, низкие, крытые черепицей каменные жилые дома и более высокие амбары; то здесь то там попадалась деревушка — восемь — десять домов.

В нескольких милях от лагеря Мэт заметил впереди широкоплечего человека, сидящего в седле как мешок с салом. Длинноногая мышастая кобыла несла его вперед равномерной, спорой рысью. Чувствовалось, что бывалый конокрад умеет распознать хорошее животное. Заслышав за спиной стук копыт, Ванин оглянулся, но только перешел на шаг, не останавливаясь. Это был дурной знак.

Когда Мэт придержал Типуна, поравнявшись с мышастой кобылой, Ванин сплюнул.

— Все наши ставки — что она загонит свою лошадь до смерти, так что отсюда можно гнаться за ней и

пешком, — проговорил он. — Она двигается быстрее, чем я ожидал, без седла-то. Если мы поднажмем, может, удастся поймать ее до заката. Если ее лошадь не охромеет или не падет, к этому времени она доберется до Корамена.

Мэт задрал голову, чтобы поглядеть на солнце, которое висело почти прямо у него над головой. Это было большое расстояние, чтобы покрыть его меньше, чем за полдня. Если он повернет, к закату он сможет оказаться на приличном расстоянии по другую сторону от Джурадора, вместе с Томом, Джуилином и другими. И с Туон. И Шончан будут знать, что им следует охотиться за

Мэтом Коутоном.

У человека, похитившего Дочь Девяти Лун, может и не хватить удачи, чтобы отделаться только тем, что его сделают *да'ковале*. А через какое-то время, завтра или послезавтра, они посадят Люка на кол. Люка и Лателле, Петру и Кларин, и всех остальных. Целый лес кольев. Кости гремели и подпрыгивали в его голове.

— Мы попробуем, — сказал Мэт. У него не было другого выбора. Ванин сплюнул.

Есть только один способ быстро покрыть большое расстояние верхом на лошади, если хочешь, чтобы под конец лошадь под тобой была еще

жива. Они полмили ехали шагом, затем полмили рысили. Следующие полмили — легкий галоп, затем карьером и снова на шаг. Солнце скользило вниз по небосклону; кости катились. Мимо покрытых редкими рощами холмов и через хребты с заросшими лесом вершинами. Ручьи, через которые можно переправиться в три шага, едва замочив копыта лошади, и речки шириной в тридцать шагов с перекинутыми через них плоскими мостами из дерева, а временами из камня. Солнце садилось все ниже и ниже; кости катились все быстрее и быстрее. Они уже почти добрались до Эльба-ра, а от Ринны все еще не было никаких

признаков, не считая борозд на убитой глине дороги, на которые Ванин указывал, словно они были нарисованными знаками.

— Уже близко, — пробурчал толстяк. Однако в его голосе не было радости.

Затем они обогнули холм и увидели еще один низкий мостик. За ним дорога изгибалась к северу, направляясь к седловине в следующем хребте. Солнце, сидящее на самом гребне, слепило им глаза. Корамен находился по другую сторону этого хребта. Надвинув на глаза шляпу, заслоняя их от солнца, Мэт обшаривал взглядом дорогу, ища женщину, кого угодно, верхового или

пешего, и сердце его упало.

Ванин выругался и показал рукой.

На другом берегу реки вверх по склону взбирался взмыленный гнедой; сидящая на нем женщина отчаянно колотила его пятками по бокам, понуждая двигаться быстрее. Ринна слишком спешила добраться до Шончан, чтобы держаться дороги. Она была где-то в двухстах шагах от них, но с таким же успехом это могли быть две мили. Ее лошадь почти падала от изнеможения, но Ринна вполне могла спрыгнуть и добежать до места, где ее увидели бы из гарнизона, прежде чем преследователи успели бы догнать

ее. Ей надо было лишь добраться до гребня, преодолев еще пятьдесят футов.

– Милорд? – сказал Гарнан. Его стрела лежала на натянутой тетиве, а лук был наполовину поднят. Гордеран приложил свой тяжелый арбалет к плечу, тяжелый оперенный болт был направлен на цель.

Мэт почувствовал, как что-то внутри него вспыхнуло и погасло. Он не знал, что это такое. Что-то. Кости ревели как гром.

– Стреляй, – сказал он.

Ему хотелось закрыть глаза. Арбалет щелкнул; короткая стрела черной молнией прочертила воздух. Ринну швырнуло вперед; стрела

торчала из ее спины. Ей почти удалось снова выпрямиться, опираясь на шею гнедого, когда ее настигла стрела Гарнана.

Очень медленно она повалилась с лошади, соскользнула по склону и покатилась, натыкаясь на молодые деревца, переворачиваясь все быстрее и быстрее, пока с плеском не рухнула в реку. Какое-то время она лежала в воде у берега вниз лицом, с распластавшейся по воде юбкой, но потом течение подхватило ее и потащило за собой. Она медленно уплывала вниз по реке в направлении Эльбара. Может быть, в конце концов она доберется до моря. И это была третья. То, что кости остановились,

не имело большого значения. Это была третья. *Больше никогда*, думал он, глядя, как Ринна удаляется, скрываясь за поворотом реки. *Пусть это будет стоить мне жизни, больше — никогда.*

Они не спешили, возвращаясь обратно. Спешить не было смысла, к тому же Мэт чувствовал смертельную усталость. Но, впрочем, они и не останавливались, разве чтобы передохнуть и напоить лошадей. Никто не хотел говорить.

Они добрались до Джурадора в первых часах ночи; город лежал впереди темной массой, ворота были крепко заперты. Луну закрывали облака. Как ни странно, парусиновые

стены балагана Люка по-прежнему были на месте, сразу за окраиной города. Пара могучих сторожей, закутанные в одеяла, храпела под полотнищем вывески, там, где днем охраняли вход. Даже с дороги и в темноте было ясно видно, что фургоны и палатки по-прежнему заполняют пространство за стеной.

— По крайней мере, я скажу Люка, что он может не торопиться, — устало проговорил Мэт, поворачивая Типуна к полотнищу вывески. — Может, он не откажется дать нам место, чтобы поспать пару часов.

За то золото, которое он оставил, Люка должен выделить им целый фургон, но, зная этого

человека, Мэт надеялся лишь на охапку чистой соломы. Завтра он тронется в путь, чтобы найти Тома и остальных. И Туон. Завтра, когда отдохнет.

Еще больший шок ждал их внутри огромного фургона Люка. В нем действительно было просторно, по крайней мере для фургона; посередине располагался узкий стол, а по бокам были оставлены проходы. Стол, шкафчики и полки были отполированы до тихого сияния. Туон сидела в позолоченном кресле, — у Люка не могло не быть кресла, причем позолоченного, когда все остальные довольствовались табуретками! — с Селусией, стоящей у

нее за спиной. Лучащийся улыбкой Люка глядел, как Лателле угощает Туон пышущими жаром пирожками, на которые та смотрела так, словно действительно собиралась попробовать ее стряпни.

Туон не выказала никакого удивления при виде Мэта, входящего в фургон.

— Она схвачена или убита? — спросила она, беря с тарелки пирожок своими удивительно грациозно выгнутыми пальцами.

— Убита, — глухо сказал Мэт. — Люка, что, ради Света...

— Я запрещаю тебе, Игрушка! — резко произнесла Туон, уставив на него палец. — Я запрещаю тебе

оплакивать предательницу! – Ее голос немного смягчился, но остался твердым. – Она заслужила смерть, предав Империю, и она точно так же предала бы и тебя. Она уже пыталась предать тебя. То, что ты совершил, – это правосудие, и я это называю так. – Ее тон говорил, что если уж она называла что-либо, то эта вещь была по-настоящему и накрепко названа.

Мэт на мгновение крепко зажмурил глаза.

– Все остальные тоже до сих пор здесь? – спросил он.

– Разумеется, – подтвердил Люка, по-прежнему улыбаясь как игрушечный болванчик. – Леди...

Верховная Леди; прошу прощения, Верховная Леди, — он низко поклонился. — Она поговорила с Меррилином и Сандаром и... Что ж, видишь, как оно получилось. Леди умеет убеждать людей. Верховная Леди. Коутон, что касается моего золота... Ты *приказал* им отдать его мне, но Меррилин сказал, что сначала он перережет мне глотку, а Сандар угрожал разmozжить мне голову и... — Он осекся, встретив пристальный взгляд Мэта, но затем внезапно вновь просветлел. — Посмотри, что дала мне Леди! — Распахнув шкафчик, он вытащил оттуда сложенную бумагу, почтительно держа ее двумя руками.

Бумага была толстой и белой как снег; дорогая бумага. – Это предписание. Без печати, разумеется, но подписанное. «"Грандиозное Странствующее Представление и Величайшая Выставка Чудес и Диковин Валана Люка" отныне находится под личным покровительством Верховной Леди Туон Атаэм Кор Пейндраг». Все поймут, кто это такая, разумеется. Я смогу пойти к Шончан. Я смогу показать свое представление Императрице! Да живет она вечно, – поспешно добавил он, с еще одним поклоном в сторону Туон.

Все впустую, тупо подумал Мэт. Он опустился на кровать, поставив

локти на колени и заслужив весьма пристальный взгляд Лателле. Скорее всего, лишь присутствие Туон удерживало ее от того, чтобы дать ему затрещину!

Туон повелительно подняла руку – черная фарфоровая кукла, но королева до последнего дюйма, несмотря на мешковатую и слишком большую одежду.

– Ты должен использовать эту бумагу только в крайнем случае, мастер Люка. *Самом* крайнем случае!

– Разумеется, Верховная Леди, разумеется. – Люка отвечивал поклон за поклоном так, словно в любую минуту мог начать целовать

доски пола.

Все впустую, гори оно!

– Я особо упомянула тех, кто не находится под моим покровительством, Игрушка. – Туон надкусила пирожок и деликатно смахнула пальцем крошку с губы. – Попробуй угадать, чье имя открывает этот список? – Она улыбнулась. Это была непреднамеренная улыбка. Она снова улыбалась чему-то своему, забавляясь или восхищаясь чем-то, чего он не мог видеть. И внезапно Мэт кое-что заметил. К плечу Туон был приколот маленький букетик шелковых розовых бутонов.

Помимо своей воли Мэт начал смеяться. Он швырнул на пол свою

шляпу и хохотал. Что бы он ни делал, как бы ни старался, он совершенно не понимал эту женщину! Ни на волосок! Он хохотал, пока у него не заболели ребра.

Глава 30. Что может Клятвенный Жезл

Солнце висело над самым горизонтом, обрисовывая силуэт Белой Башни в отдалении, но холод прошедшей ночи, казалось, только усилился, а ползущие по небу темно-серые тучи угрожали снегопадом. Зима была на исходе, однако она судорожно цеплялась за существование даже сейчас, когда уже пора начаться весне, с неохотой ослабляя свою хватку. Утренние шумы проникли в палатку Эг-вейн, хотя та и стояла на отшибе. Лагерь, казалось, вибрировал. Работники,

должно быть, носили воду из колодцев и возили дрова и уголь на тележках. Служанки готовили сестрам завтрак, а послушницы второй смены спешили к своему завтраку, а первая и третья смены — на занятия. Это был знаменательный день, хотя никто не знал об этом. Скорее всего, этот день положил конец притворным переговорам, происходившим в Дарейне, за столом, установленным в шатре у подножия моста, ведущего к Тар Валону. Переговоры были фальшивыми с обеих сторон. Налетчики Элайды продолжали безнаказанно бесчинствовать на другой стороне реки. В любом

случае, сегодняшняя встреча будет последней на некоторое время.

Глядя на свой завтрак, Эгвейн вздохнула и вытащила из исходящей паром каши маленькое черное пятнышко, вытерев пальцы о льняную салфетку и даже не поглядев поближе, чтобы удостовериться, что это был долгоносик. Когда не до конца уверен, то меньше беспокоишься о том, что осталось у тебя в миске. Она положила ложку каши в рот и постаралась сосредоточиться на сладких кусочках сушеного абрикоса, которые добавила туда Чеза. Ей показалось или у нее на зубах действительно что-то хрустнуло?

— Все это питает желудок, как говоривала моя мать, так что не стоит обращать внимания, — пробормотала Чеза, словно говоря сама с собой. Таким образом она давала Эгвейн советы, не переходя при этом черту, разделяющую госпожу и служанку. По крайней мере она давала ей советы, когда рядом не было Халимы, а та сегодня покинула палатку с самого утра. Чеза сидела на одном из сундуков с одеждой на случай, если понадобится что-нибудь сделать для Эгвейн или куда-нибудь сбегать, но ее глаза то и дело обращались к грудке одежды, которую надо сегодня отослать прачке. Она не стеснялась

штопать или шить в присутствии Эгвейн, но, на ее взгляд, сортировка грязного белья находилась уже по другую сторону этой черты.

Стерев с лица гримасу, Эгвейн уже собиралась сказать Чезе, чтобы она сама шла завтракать, — Чеза считала, что поступить так до того, как Эгвейн покончит с едой, является еще одним нарушением приличий, — но не успела она открыть рот, как в палатку влетела Нисао, окруженная сиянием *саидар*. Прежде чем входной полог успел упасть, Эгвейн мельком заметила, что снаружи стоит Са-рин, лысый и чернобородый, коренастый как пень Страж Нисао. Капюшон маленькой сестры был опущен и

аккуратно уложен на плечах так, чтобы виднелась желтая бархатная подкладка, однако она куталась в плащ, словно промерзла насквозь. Она не сказала ничего, лишь коротко взглянула на Чезу. Дождавшись кивка Эгвейн, та взяла свой плащ и поспешила наружу. Она не могла видеть сияния Силы, но понимала, когда Эгвейн хочет поговорить с кем-нибудь наедине.

— Кайрин Станг мертва, — произнесла Нисао без всякого вступления. Ее лицо было спокойным, голос твердым и холодным. Достаточно низкорослая, чтобы Эгвейн рядом с ней казалась высокой, сейчас она стояла

выпрямившись, словно пытаюсь добавить себе пару лишних дюймов. Обычно она так не держалась. — Семь сестер уже произвели проверку на резонанс, еще до того как я пришла туда. Нет никакого сомнения, что убита она с помощью *саидин*. У нее сломана шея. Буквально свернута. Словно ее голову повернули вокруг оси на полный оборот. По крайней мере смерть была быстрой. — Нисао глубоко и судорожно вздохнула, поймала себя на этом и еще больше вытянулась вверх. — Ее Стража опоили еще до ее убийства. Кто-то дал ему травяной настой, погрузивший его в сон, но с ним тяжело будет иметь дело, когда

он проснется. — Она даже забыла презрительно скривить губу, как делают все Желтые, когда упоминают о травах, что служило мерой ее озабоченности, каким бы спокойным ни казалось ее лицо.

Эгвейн положила ложку на маленький столик и откинулась на спинку стула. Внезапно стул перестал казаться ей таким уж удобным. Теперь самой лучшей после Лиане была Боде Коутон. Послушница. Она постаралась не думать о том, кем еще была Боде. Если дать ей попрактиковаться, Боде сможет делать работу почти так же хорошо, как Кайрин. Почти. Впрочем, Эгвейн не стала говорить

этого вслух. Нисао знала некоторые секреты, но далеко не все.

— Сперва Анайя, а теперь Кайрин. Обе из Голубой Айя. Ты не знаешь, их связывало что-нибудь еще?

Нисао покачала головой:

— Анайя была Айз Седай уже пятьдесят или шестьдесят лет, когда Кайрин пришла в Башню, насколько я помню. Возможно, у них были общие знакомые. Я просто не знаю, Мать. — Теперь ее голос звучал устало, а плечи немного поникли. Ее тайное расследование смерти Анайи ни к чему не привело, и теперь она несомненно ждала, что Эгвейн собирается добавить к этому и

Кайрин.

— Выясни это, — приказала Эгвейн. — Только осторожно. — Второе убийство вызовет немалый переполох, незачем подливать масла в огонь. Какое-то мгновение она разглядывала стоящую перед ней сестру. Нисао могла привести оправдания впоследствии или заявить, что сомневалась с самого начала, но до сих пор она была образчиком самоуверенности, характерной для Желтых Айя. Впрочем, не сейчас. — Много ли сестер разгуливают вокруг, удерживая *саидар*?

— Я заметила нескольких, Мать, — принужденно ответила Ни-

сао. Она несколько вызывающе приподняла подбородок. Впрочем, через мгновение сияние вокруг нее пропало. Она плотнее закуталась в плащ, словно внезапно озябла. — Сомневаюсь, что Кайрин это помогло бы. Ее смерть была слишком внезапной. Но это дает ощущение... уверенности.

Когда невысокая женщина покинула палатку, Эгвейн осталась сидеть, помешивая ложечкой кашу. Она больше не видела в ней черных пятнышек, но аппетит пропал. В конце концов она поднялась и накинула на шею семицветный палантин и набросила на плечи плащ. Сегодня как никогда ей нельзя

сидеть, погрузившись в мрачные размышления. Сегодня как никогда она должна скрупулезно пройти через всю ежедневную рутину.

Снаружи по промерзшим колеям бивачных улиц грохотали повозки на высоких колесах, нагруженные большими бочонками для воды, дровами и мешками с углем; и возчики, и грузчики, идущие позади, кутались от холода в плащи. Как обычно, «семьи» послушниц торопились по деревянным настилам, умудряясь выказывать знаки внимания проходящим Айз Седай, не замедляя шага. Послушница, не выказавшая должное уважение сестре, могла заслужить

порку, но то же ждало и послушницу, опоздавшую на занятия, а наставницы чаще всего оказывались гораздо менее терпимыми, нежели Айз Седай, случайно встреченные по дороге, которые по крайней мере могли найти оправдание для послушницы, стремглав промчавшейся мимо.

Одетые в белое женщины, разумеется, по-прежнему спешили убраться с дороги при виде полосатого палантина, видневшегося под капюшоном Эгвейн, но она не желала портить себе настроение еще больше, чем оно уже было испорчено, обращая внимание на то, как послушницы приседают посреди

улицы, поскользываясь на промерзшей земле и иногда чуть ли не падая лицом вперед, прежде чем их «кузины» успеют удержать их. «Кузинами» называли друг друга члены одной «семьи», и каким-то образом это, казалось, связывало их друг с другом сильнее, чем если бы они в самом деле были родственницами и даже на самом деле кузинами. Настроение Эгвейн портили немногочисленные Айз Седай, которых она видела то там то здесь, скользящие по деревянным помостам, окруженные рябью реверансов. Ей встретилось не больше дюжины на пути от ее палатки до «кабинета» Амерлин, но

три из четырех кроме плаща были закутаны также в сияние Силы. Они предпочитали ходить по двое и в сопровождении всех Стражей, какие у них были. И те, что были окутаны *саидар*, и остальные выглядели настороженными, их капюшоны поворачивались из стороны в сторону, словно они постоянно осматривали местность вокруг себя.

Это напомнило Эгвейн те времена, когда Эмондов Луг поразила эпидемия сыпного тифа, и каждый, кто выходил из дома, прижимал к носу смоченный бренди носовой платок, поскольку Дорал Барран, которая была тогда Мудрой, сказала, что это поможет отвести

заразу; они прижимали к носу платки и всматривались друг в друга, ожидая, кто следующий внезапно покроется пятнами и упадет на землю в беспамятстве. Одиннадцать человек умерло, прежде чем болезнь ушла из деревни, но прошел еще месяц после того, как заболел последний человек, прежде чем люди согласились выходить на улицу без платков. Долгое время после этого запах бренди связан был у нее со страхом. Сейчас она почти чувствовала его. Две сестры убиты прямо посреди лагеря, убиты мужчиной, который мог направлять Силу, не говоря уже о том, что он, по-видимому, имел возможность

приходить и уходить, когда захочет. Страх поражал Айз Седай быстрее, чем любая болезнь.

Палатка, которую она отвела себе под рабочий кабинет, была уже теплой, когда она пришла, с жаровни поднимался аромат розовых лепестков. Стоячие светильники с отражателями и настольная лампа горели. Повседневный порядок был ей хорошо известен. Повесив плащ на вешалку в углу, она опустилась на складной стул возле своего письменного стола, автоматически поймав ненадежную ножку, которая вечно норовила сложиться. Все, что от нее требовалось, — это следовать рутине. Завтра она сможет объявить о

том, что было сделано.

Первая посетительница оказалась для Эгвейн полной неожиданностью, возможно это была последняя женщина, которую она ожидала увидеть входящей в свою палатку. Теодрин была гибкой круглощечкой Коричневой сестрой, меднокожей доманийкой с упрямой складкой у рта. Когда-то она выглядела постоянно готовой улыбнуться. Она плавно прошла по истертому ковру, подойдя настолько близко, что бахрома ее шали чуть не смела бумаги с письменного стола.

Когда Теодрин присела в очень формальном реверансе, Эгвейн протянула ей левую руку, чтобы та

поцеловала ее кольцо Великого Змея. Формальность должна быть встречена формальностью.

— Романда желает знать, Мать, не может ли она встретиться с вами сегодня, — проговорила высокая Коричневая. Ее тон был мягким, но в нем звучала также и настойчивость.

— Скажи ей, дочь моя, что она может прийти в любое удобное для нее время, — осторожно ответила Эгвейн.

Теодрин сделала еще один реверанс, не меняя выражения лица.

Когда Коричневая сестра уже повернулась, чтобы уйти, в палатку мимо нее проскользнула одна из Принятых, откидывая белый

капюшон. Эмара была тоненькой и почти такого же низкого роста, как Нисао. Казалось, сильный порыв ветра способен унести ее, однако она держала вверенных ей послушниц весьма твердой рукой, более твердой, чем у многих сестер. Впрочем, к себе она относилась не менее жестко, а жизнь послушницы и предполагалась несладкой. Серые глаза Эмары скользнули по бахrome на шали Теодрин, и ее рот изогнулся в презрительной усмешке, которая тут же разгладилась, когда она раскинула свои снежно-белые юбки с разноцветной каймой в реверансе перед Эгвейн. Алые пятна краски вспыхнули на щеках Теодрин.

Эгвейн хлопнула ладонью по столу, так что каменная чернильница и песочница подпрыгнули.

— Ты забыла, как оказывают знаки уважения к Айз Седай, дитя мое? — резко спросила она.

Эмара побледнела — Амерлин все же имела определенную репутацию, в конце концов, — и торопливо присела перед Теодрин в еще более глубоком реверансе; та ответила деревянным кивком и выскользнула из палатки значительно быстрее, чем вошла в нее.

Эмара хотела ей сообщить, запинаясь и с иллианским акцентом, еще более усиленным нервозностью, о желании Лилейн встретиться с

Амерлин. Когда-то Романда и Лилейн не соблюдали таких формальностей, появляясь без предупреждения, когда хотели, но провозглашение войны с Элайдой многое изменило. Не все, но многое. Эгвейн передала Лилейн тот же ответ, что она дала Романде, хотя и более отрывистым тоном, и Эмара, чуть не споткнувшись при реверансе, почти бегом выбежала из палатки. Вот и забит еще один гвоздь, упрочивающий легенду об Эгвейн ал'Вир, Престоле Амер-лин, по сравнению с которой Серейлле Баганд показалась бы подушкой, набитой гусиным пухом.

Когда Принятая удалилась,

Эгвейн подняла руку и нахмурившись посмотрела на то, что она прикрывала. Сложенный квадратик бумаги, который Теодрин уронила ей на стол, целуя ее кольцо. Ее брови сдвинулись еще больше, когда она развернула его. Написанные от руки строчки, покрывавшие листок, были написаны бегло, но четко, однако в конце стояла большая клякса. Обычно Теод-рин была очень аккуратна. Возможно, она пыталась соответствовать общему мнению о Коричневых.

Романда послала двух сестер Переместиться в Кайриэн, чтобы прояснить какой-то слух, из-за которого Восседающие от Желтых

гудят как пчелиный улей. Я не знаю, о чем идет речь, Мать, но выясню это. Я слышала, как одна из них упоминала Найнив; не так, словно та находится в Кайриэне, но словно бы эти слухи как-то с ней связаны.

Эта дура даже подписалась своим именем!

— Что это, Мать?

Эгвейн вздрогнула от неожиданности и едва успела удержать складывающуюся ножку стула, чуть не свалившись на ковер. Она перевела хмурый взгляд на Суан, стоявшую у самого входного порога, держа на руках свою шаль с голубой бахромой и прижимая к груди кожаные папки. Брови голубоглазой

Айз Седай слегка приподнялись при виде испуга Эгвейн.

– Вот, – раздраженно сказала Эгвейн, пододвигая к ней листок. Сейчас не время дергаться и подпрыгивать! – Ты уже знаешь о Кай-рин? – Разумеется, Суан знала, но Эгвейн все же спросила: – Ты внесла необходимые изменения? – Необходимые изменения! Свет, это звучало так помпезно, словно это говорила Романда. Она действительно нервничает. Лишь в последний момент сообразила она обнять *саудар* и сплести малого стража для защиты от подслушивания; и лишь после того как плетение уже было выставлено,

она подумала, что сегодня не совсем тот день, чтобы кто-нибудь заподозрил, что у нее могут быть секретные разговоры с Суан.

Суан не нервничала. Она вынесла и не такие бури. И ухитрилась всплыть, уже утонув, как сказали бы некоторые. Для нее сегодня было всего лишь немного ветрено.

— В этом нет нужды, пока мы не будем знать наверняка насчет лодок, Мать, — спокойно ответила Суан, кладя папки на стол и аккуратно раскладывая их между чернильницей и песочницей. — Чем меньше у Боде будет времени подумать над этим, тем меньше у нее будет

возможностей впасть в панику. — Спокойна, как пруд. Даже убийство двух сестер не могло взволновать Суан. Или то, что им придется послать послушницу, обучавшуюся всего несколько месяцев, заменить одну из погибших.

Впрочем, когда Суан прочитала записку, ее лоб пересекли морщины.

— Сперва Фаолайн начинает скрываться, — проворчала она, глядя на листок, — а теперь Теодрин приносит это тебе, а не мне. У этой дурочки меньше мозгов, чем у чайки-рыболова! Можно подумать, она хочет, чтобы кто-нибудь узнал, что она присматривает за Ро-мандой для тебя. — «Присматривает».

Уклончивое выражение, означающее «шпионит». Они обе поднаторели в эвфемизмах. Это приходит само, когда становишься Айз Седай. Однако сегодня эвфемизмы резали слух Эгвейн.

— Возможно, она хочет, чтобы ее обнаружили. Возможно, она устала оттого, что Романда постоянно указывает ей, что делать, что говорить, что думать. У меня сейчас была Принятая, Суан, которая *насмехалась* над шалью Теодрин.

Ее собеседница пренебрежительно махнула рукой:

— Романда всем пытается указывать, что делать. И что думать. Что же до остального, все изменится,

когда Теодрин и Фаолайн дадут обеты на Клятвенном Жезле. Не думаю, что кто-то будет всерьез настаивать, чтобы они проходили проверку на шаль сейчас. До тех пор им придется принимать все со смирением.

— Это не очень-то хорошо, Суан. — Эгвейн выдержала ровный тон, но это стоило ей усилия. По крайней мере, она подозревала, на что отправляет этих двоих, когда приказала им войти в окружение Романды и Лилейн. Ей необходимо было знать, что замышляют Восседающие, и до сих пор необходимо это знать, хотя она и была им обязана. Они были первыми,

кто поклялся ей в верности, причем по собственной воле. Кроме того... — Многие из того, что говорят о Теодрин и Фаолайн, можно также сказать и обо мне. И если *Принятая* выказывает им неуважение... — Что ж, *этого* она не боялась. Но вот что думают сестры — это уже совсем другое дело. Особенно Восседающие. — Суан, у меня не будет никакой надежды вновь воссоединить Башню, если Айз Седай сомневаются во мне.

Суан с силой фыркнула:

— Мать, к этому времени даже Лилейн и Романда знают, что Вы — настоящая Престол Амерлин, признают они это или нет. Эта

парочка не стала бы соглашаться даже с Диане Ариман. Думается мне, они начинают видеть в вас вторую Эдарну Нореговна.

— Может быть, — сухо ответила Эгвейн. Диане считалась спасительницей Белой Башни после катастрофы, случившейся у Бон-вин с Артуром Ястребиное Крыло. Эдарна имела репутацию самого искусного политика из всех женщин, когда-либо державших посох и палантин. Обе были очень могущественными Амерлин. — Но, как ты мне уже напоминала, я должна быть уверена, что не кончу как Шейн Чунла. — Шейн начинала как очень сильная Амерлин, крепко державшая в руках

Башню и Совет, но впоследствии превратилась в марионетку, делающую в точности то, что ей говорят.

Суан кивнула, одобряя и соглашаясь. Она действительно учила Эгвейн истории Башни и часто приводила ей примеры Амерлин, допустивших роковые ошибки. Включая и саму себя.

— Однако здесь речь о другом, — пробормотала Суан, похлопывая запиской по ладони. — Когда Теодрин попадется мне в руки, она пожалеет, что не послушница. И Фаолайн! Если они вздумают улизнуть сейчас, клянусь, я выпотрошу их обоих как рыб-ворчунов на пристани!

— Кого это ты грозишься выпотрошить? — спросила Шириам, минуя охранное плетение малого стража вместе с порывом холодного ветра.

Стул Эгвейн снова чуть не рухнул вместе с ней на ковер. Надо будет заказать стул, который не норовит сложиться при каждом ее движении. Она могла спорить на что угодно, что Эдарна никогда не дергалась, словно у нее был чесоточный дуб под задницей.

— Никого, кто тебе интересен, — спокойно ответила Суан, поднося листок к огню настольной лампы. Он вспыхнул, быстро догорев до кончиков ее пальцев, и она растерла

пепел между ладонями и отряхнула руки. Лишь Эгвейн, Суан и Лиане знали правду о Фаолайн и Теодрин. И они сами, разумеется. Хотя было очень многое, чего не знала ни одна из них.

Шириам приняла отпор, сохраняя самообладание. Рыжеволосая Хранительница Летописей, по-видимому, вполне оправилась после своего приступа в Зале Совета. По крайней мере она в значительной мере восстановила внешне свое достоинство. Глядя, как Суан сжигает записку, она немного сузила свои раскосые зеленые глаза и прикоснулась к узкому голубому палантину, спускающемуся с ее плеч,

словно желая напомнить себе, что он еще здесь. Она не обязана повиноваться приказам Суан – ставить свою Хранительницу Летописей в подобное положение казалось Эгвейн слишком грубым, в конце концов, – но Шириам очень хорошо знала, что Суан также вправе не повиноваться *ее* приказам, что должно уязвлять ее теперь, когда Суан стояла настолько ниже нее в Силе. Понимание того, что у них есть секреты, в которые она не посвящена, также должно было уязвлять ее. Однако Шириам приходилось с этим мириться.

Она тоже принесла с собой бумагу, которую положила на стол

перед Эгвейн.

— Я встретила Тиану, которая шла к вам, Мать, и решила сама отнести вам это.

«Это» было ежедневным отчетом о побегах. Они уже происходили не каждый день и даже не каждую неделю, с тех пор как послушницы стали объединяться в «семьи». «Кузины» поддерживали друг друга в минуты разочарования и слез и могли отговорить друг друга от совершения худших ошибок — таких, как побег из Башни. Сейчас на странице стояло только одно имя. Николь Трихилл.

Эгвейн вздохнула и опустила бумагу на стол. Она полагала, что

жажда знаний удержит Николь от побега независимо от ее растущего неверия в свои силы. И однако она не могла сказать, что жалеет о том, что приходится с ней расстаться. Николь была склонна к самопотаканию и небрежности, способна на шантаж и все что угодно другое, что, по ее мнению, способствовало бы ее продвижению. Весьма вероятно, что ей помогли. Арейну не остановила бы необходимость украсть лошадей, чтобы они обе могли сбежать.

Внезапно ей на глаза попалась дата, проставленная возле имени. Точнее, две даты, помеченные знаками вопроса. Месяцы редко назывались, а дни считались еще

реже, разве что в официальных документах и договорах. Подписано, запечатано и заверено в городе Иллиане на двенадцатый день Савена, в этот Год Благодати... А также для отчетов подобного рода и для занесения имен женщин в книгу послушниц. Для обычных случаев хватало указания, сколько дней прошло с того или иного праздника. Даты, написанные на бумаге, всегда казались ей немного странными. Ей пришлось посчитать на пальцах, чтобы убедиться, что она не ошиблась.

— Николь убежала три или четыре дня назад, Шириам, а Тиана только сейчас докладывает об этом?

И она даже не уверена, три или четыре дня прошло с тех пор?

– «Кузины» Николь покрывали ее побег, Мать. – Шириам с огорчением покачала головой. Как ни странно, в ее скупой улыбке проскальзывала снисходительность. Или даже восхищение. – Не из любви к ней; по-видимому, они были рады, что девочка ушла от них, и боялись, что ее вернут. Она была довольно невыносима со своим Талантом к Предсказанию. Боюсь, Тиана очень огорчена их поведением. Боюсь, никто из них не сможет удобно сидеть на занятиях ни сегодня, ни несколько следующих дней. Тиана говорит, что собирается кормить их

на завтрак розгами каждый день до тех пор, пока Николь не найдут. Но я думаю, что ей придется смягчиться. Если учесть, что с побега Николь прошло уже столько времени, ее вряд ли скоро найдут.

Эгвейн слегка вздрогнула. Она помнила собственные визиты в кабинет Наставницы Послушниц, который в то время занимала та самая женщина, которая сидела сейчас перед ней. У Шириам была очень тяжелая рука. Ежедневная порка – это серьезное наказание. Но покрывать побег одной из послушниц гораздо более серьезный проступок, чем прокрадываться наружу позже установленного часа

или устраивать какие-нибудь шалости. Она отодвинула отчет к краю стола.

— Пусть Тиана поступает, как считает нужным, — сказала она. — Шириам, не было ли перемен в том, что говорят сестры о моем сне? — Она рассказала о своем сновидении насчет нападения Шончан в то же утро после того, как увидела его, но женщины, с которыми она разговаривала, лишь безразлично смотрели на нее, очевидно поглощенные недавней смертью Анайи. Это событие ошеломило всех.

Вместо ответа Шириам откашлялась и разгладила свои юбки с голубыми прорезями.

— Возможно, вам это не известно, Мать, но одной из «кузин» Николь была Ларин Айеллин. Из Эмондова Луга, — добавила она, словно Эгвейн этого не знала. — Никто не станет думать, что вы оказываете ей протекцию, если вы простите всю «семью». Смягчится она или нет, но Тиана действительно собирается быть с ними очень строгой в течение некоторого времени. Они будут страдать.

Отклонившись назад — осторожно, помня о шаткой ножке стула, — Эгвейн нахмурилась, глядя на собеседницу. Ларин почти столько же лет, сколько ей самой, и они росли близкими подругами. Они

проводили часы в обществе друг друга, болтая и заплетая друг другу косы, готовясь к тому времени, когда Круг Женщин признает их достаточно взрослыми для такой прически. Несмотря на это, Ларин была одной из немногих девушек Эмондова Луга, кто, по-видимому, признал, что Эгвейн действительно может быть Амер-лин, хотя она показывала это в основном тем, что держалась на расстоянии. Но неужели Шириам думает, что Эгвейн станет оказывать кому-либо *протекцию*? Даже Суан выглядела озадаченной.

— Ты должна знать лучше, чем кто-либо другой, Шириам, что

наказание послушниц – прерогатива Наставницы Послушниц. По крайней мере до тех пор, пока девушку не наказывают несправедливо, а такого предположения ты не высказывала. Кроме того, если сегодня Ларин подумает, что может содействовать побегу и ей это сойдет с рук, – содействовать побегу, Шириам! – кто может сказать, что она будет делать завтра, надеясь, что это тоже сойдет ей с рук? Она получит шаль, если у нее достанет стойкости. Я не стану вести ее по пути, в конце которого ее вышлют из Башни за недостойное поведение. Итак. Что говорят сестры о моем сне?

Раскосые зеленые глаза Шириам

мигнули, и она бросила взгляд на Суан. Свет, неужели эта женщина думала, что Эгвейн была такой суровой из-за того, что рядом Суан? Из-за того, что Суан может кому-нибудь рассказать? Она должна бы знать ее лучше, ведь она-то была Наставницей Послушниц!

– Общее мнение среди сестер, Мать, – произнесла наконец Шириам, – по-прежнему таково, что Шончан в тысяче миль отсюда, они не знают, как Перемещаться, и если они начнут наступление на Тар Валон, мы узнаем об этом еще до того, как они успеют приблизиться и на двести лиг.

Суан вполголоса пробормотала

что-то, звучащее не вполне пристойно, но удивленной она не выглядела. Эгвейн тоже хотелось выругаться. Беспокойство из-за смерти Анайи не имело никакого отношения к безразличию сестер. Они попросту не верили, что Эгвейн – Сновидица. Анайя была уверена в этом, но Анайя мертва. Суан и Лиане верили, но ни одна из них не стояла теперь достаточно высоко, чтобы ее слушали больше, чем с вежливым нетерпением, если вообще слушали. И совершенно ясно, что Шириам тоже не верила. Она соблюдала свою клятву верности так скрупулезно, как Эгвейн могла только пожелать, но невозможно приказать человеку

верить. Они просто повторяли то, что она им говорила, и ничего не менялось.

Когда Шириам вышла, Эгвейн обнаружила, что думает над тем, что привело ее сюда изначально. Может, она пришла только для того, чтобы указать ей на то, что Ларин собираются наказать? Нет, разумеется нет. Но она не сказала ничего сверх этого, если не считать ответов на вопросы Эгвейн.

Вскоре явилась Мирелле, и сразу же за ней – Морврин. Эгвейн почти чувствовала, как каждая из них отпускает Источник перед тем, как войти в палатку, и они оставили своих Стражей ждать снаружи. Даже

за то короткое время, пока отдергивали входной полог, она успела увидеть, что те выглядели настороженными даже для Стражей.

Большие темные глаза Мирелле вспыхнули при виде Суан, а ноздри раздулись. Круглое лицо Морврин оставалось невозмутимым, как отполированный камень, но она разгладила темно-коричневую юбку обеими руками, словно вытирая их об нее. Возможно, это бессознательно. В отличие от Шириам они должны были повиноваться распоряжениям Суан, и ни той ни другой это совсем не нравилось. Не то чтобы Эгвейн хотелось задать им трепку, но она

доверяла Суан, и какие бы клятвы те ни приносили, она не до конца доверяла им. Не до той степени, как Суан. Кроме того, бывали случаи, когда было нежелательно, если не совсем невозможно, ей самой говорить верным ей сестрам, чего она от них хочет. Суан могла передавать им ее распоряжения, и в этом случае Эгвейн могла быть уверена, что они будут исполнены.

Она сразу же спросила их, что говорят сестры о ее сне, но, как и следовало ожидать, ответы мало отличались от того, что сказала Шириам. Шончан были далеко. Если это изменится, их сотню раз успеют предупредить. Разговоры не

менялись уже добрых полторы недели. Хуже того...

– Все было бы по-другому, будь Анайя жива, – сказала Морв-рин, балансируя на одном из шатких табуретов возле письменного стола Эвгейн. Несмотря на грузное телосложение, она делала это легко и грациозно. – Анайя славилась тем, что обладает сокровенными знаниями. Мне самой всегда казалось, что она должна была избрать Коричневую Айя. Если бы она сказала, что ты – Сновидица... – Она захлопнула рот, встретив взгляд Эгвейн. Мирелле внезапно оказалась очень занята тем, что грела руки над жаровней.

Ни одна из них тоже не верила. Кроме Суан и Лиане, никто во всем лагере не верил, что у Эгвейн было истинное сновидение. Ва-рилиня взяла на себя переговоры в Дарейне, искусно оттеснив Бео-нин на вторые роли, и она приводила постоянные оправдания, почему она не смогла передать предупреждение сразу же. Возможно, через несколько дней, когда переговоры пойдут более гладко. Словно они занимались чем-то другим, а не твердили одно и то же по кругу, не говоря ни одного слова, которое другая сторона сочла бы обидным или поводом прервать переговоры. Ни одна из сестер, кроме Суан и Лиане. Она надеялась,

что хотя бы они верят.

Мирелле повернулась от жаровни, словно заставляя себя положить руку на угли.

— Мать, я размышляла о том дне, когда был уничтожен Шадар Логот... — Она оборвала себя и снова повернулась к жаровне, поскольку в палатку вошла длиннолицая женщина в темно-синем платье, неся с собой трехногий табурет, разрисованный яркими спиралями.

Майган была красива, с большими глазами и полными губами, но вся она выглядела какой-то вытянутой. Она была не так уж высока, но даже ее руки выглядели длинными. Она холодно кивнула

Морврин и подчеркнуто не обратила внимания на Мирелле.

– Сегодня я принесла с собой собственное сиденье, Мать, – произнесла она, делая реверанс, насколько это было возможно с табуретом в руке. – Все ваши несколько нестойки, я бы сказала.

Было совершенно неудивительно, что после смерти Анайи Голубая Айя назначила «советницей» Эгвейн кого-то другого, но она надеялась на лучшее, пока не узнала, кто это будет. Майган была одной из союзниц Суан, когда Суан была Амерлин.

– Вы не станете возражать, если я пошлю Суан за чаем, Мать? –

сказала Майган, усевшись на свой табурет. – Вообще-то, вам следовало бы иметь послушницу или Принятую, чтобы бегать с поручениями, но и Суан сойдет.

– Послушницы должны учиться, дочь моя, – ответила Эгвейн, – и даже после объединения в «семьи» у Принятых вряд ли найдется время для чего-нибудь другого, кроме своих занятий. – Кроме того, ей приходилось бы выпроваживать послушницу или Принятую на холод всякий раз, когда ей понадобилось бы поговорить с кем-нибудь наедине. Слишком жестоко по отношению к той, кто еще не научился игнорировать жару и холод, а также

ясный знак, выставленный снаружи палатки, чтобы все знали, что здесь происходит разговор, который, может быть, стоит подслушать. – Суан, не могла бы ты принести нам чаю? Уверена, мы все не отказались бы от чашечки горячего.

Майган подняла руку с длинными ногтями, удерживая Суан, двинувшуюся было к выходу.

– В моей палатке стоит горшок с мятным медом, – повелительно сказала она. – Принеси его. И не вздумай совать туда свой нос. Я помню, ты всегда была охотница до сладкого. Ступай, да поскорее. – Майган была ее союзницей. Теперь она была одной из множества сестер,

кто винил Суан в том, что Белая Башня оказалась расколота.

— Как скажешь, Майган, — смиренно ответила Суан и даже слегка согнула колени, прежде чем поспешить прочь. И она действительно спешила. Майган стояла не ниже Мирелле и Морврин и не была связана никакими клятвами и обетами, которые защитили бы бывшую Амерлин. Длиннолицая Айз Седай удовлетворенно кивнула. Суан пришлось чуть ли не на коленях умолять, чтобы ее приняли обратно в Голубую Айя, и если верить слухам, Майган больше всех настаивала на том, чтобы она вымаливала

дозволение.

Морврин, извинившись, вышла вслед за Суан, возможно желая по какой-то причине перехватить ее, но Мирелле уселась на один из табуретов и вступила в состязание с Майган: кто обратит на другую меньше внимания. Эгвейн не понимала враждебности между этими женщинами. Иногда люди просто не любят друг друга. В любом случае, приятной беседе это не способствовало. Эгвейн воспользовалась удобным случаем, чтобы пролистать папки Суан, но не могла как следует сосредоточиться на слухах из Иллиана и смутных намеках из Кайриэна. Здесь не было

ничего подтверждавшего заявление Теодрин о какой-то истории, заставившей Восседающих от Желтых «гудеть как пчелиный улей». Суан упомянула бы об этом, имея она такую информацию.

Майган и Мирелле глядели на Эгвейн, словно лицезрение того, как она переворачивает страницу за страницей, захватило их больше всего в мире. Она услала бы обеих прочь из палатки, но ей хотелось выяснить, что думает Мирелле о том дне, когда Шадар Логот словно огромным ковшом вычерпнуло из земли. Но она не могла услать только одну из них, оставив другую. Чтоб им сгореть обеим!

Когда Суан вернулась, неся деревянный поднос с серебряным чайником и фарфоровыми чашками – и покрытым белой глазурью горшком Майган, – вместе с ней в палатку вошел солдат в кирасе и кольчуге, молодой шайнарец, голова которого была выбрита, за исключением лишь пучка волос на макушке. Впрочем, он был не так уж молод. На темной щеке Рагана виднелся сморщенный белый шрам от стрелы, а его лицо было настолько суровым, каким может быть только лицо человека, каждый час живущего в предчувствии смерти. Пока Суан расставляла чашки, он поклонился, держа у бедра одной рукой свой шлем с полумесяцем на

гребне, а другую положив на рукоять меча. Ничто в выражении его лица не говорило о том, что они уже встречались прежде.

— Честь служить вам, Мать, — формально произнес он. — Меня послал лорд Брин. Он просил передать вам: похоже на то, что прошлой ночью был совершен набег по эту сторону реки. В нем участвовали Айз Седай. Лорд Брин удвоил патрули. Он советует сестрам держаться ближе к лагерю. Чтобы избежать инцидентов.

— Разрешите выйти, Мать? — внезапно спросила Суан со слегка смущенным видом, как говорит женщина, которой внезапно

захотелось до ветру.

— Конечно, конечно, — произнесла Эгвейн настолько нетерпеливо, насколько ей удалось изобразить, и, едва дождавшись, пока та выбежит из палатки, ответила: — Скажи лорду Брину, что Айз Седай ходят где хотят и когда хотят. — Она едва успела захлопнуть рот, чуть не назвав солдата «Раган», но благодаря этому ее ответ показался даже еще более суровым. Она надеялась, что это так.

— Я передам ему, Мать, — сказал солдат, вновь кланяясь. — Служу сердцем и душой.

Майган слегка улыбнулась, когда он вышел. Она не одобряла солдат —

по ее мнению, Стражей вполне достаточно, а солдаты только устраивали неразбериху, с которой другим потом приходилось иметь дело, — но она приветствовала любую мелочь, которая могла указать на раздор между Эгвейн и Гаретом Брином. Или, возможно, точнее будет сказать, что Лилейн приветствовала это. В этом отношении Майган была сторонницей Лилейн до кончиков ногтей. Мирелле просто выглядела озадаченной. Она знала, что у Эгвейн с лордом Гаретом хорошие отношения.

Эгвейн поднялась с места и налила себе чашку чая. И прибавила ложечку меда из горшка Майган. Ее

руки были вполне тверды. Лодки были на месте. Через несколько часов Лиане заберет Боде и увезет ее достаточно далеко от лагеря, прежде чем объяснит, что они собираются делать. Ларин должна понести наказание, которое заслужила, а Боде должна сделать то, что должно быть сделано. Эгвейн была еще моложе, чем Боде, когда ее послали выслеживать Черных сестер. Шайнарцы вели свою войну против Тени в Запустении, служа сердцем и душой. Айз Седай и те, кто собирался стать Айз Се-дай, служат Башне. Оружие против Тени, более крепкое, чем любой меч, и не менее острое для неосторожной руки.

Затем в палатку вошла Романда, полог перед которой откинула Теодрин. Седовласая Желтая приветствовала Эгвейн точно отмеренным реверансом, ни на деление выше или ниже того, который обычай требовал от Восседающей по отношению к Амерлин. Сейчас они не были в Совете. Если там Амерлин была лишь первой среди равных, то в собственном рабочем кабинете она была чем-то немного большим, даже для Романды. Впрочем, она не стала целовать кольцо Эгвейн. Некоторые пределы все же существовали. На Мирелле и Майган Романда взглянула так, словно размышляла, не

попросить ли их удалиться. Или, возможно, приказать им. Здесь был тонкий момент. Восседающим надлежало повиноваться, но ни одна из них не принадлежала к ее Айя. И это все же был кабинет Амерлин.

В конце концов она не стала ни просить, ни приказывать, просто позволила Теодрин взять свой плащ, вышитый по краям желтыми цветочками, и налить себе чашку чая. Теодрин не требовалось просить ни о том ни о другом, и она удалилась в угол, комкая в руках свою шаль и угрюмо надув губы, в то время как Романда уселась на свободный табурет, расправляя шаль с желтой бахромой, которую носила под

плащом. Несмотря на шаткие ножки, Романда сидела на табурете так, словно это было сиденье в Совете Башни, а может быть и трон.

— Переговоры проходят плохо, — произнесла она своим высоким, певучим голосом. В ее устах это звучало как официальное заявление. — Варилин кусает губы в замешательстве. Магла тоже в отчаянии, если уж на то пошло, и даже Саройя. Когда Саройя начинает скрежетать зубами, большинство сестер чуть не кричат. — Не считая Джании, каждая из Восседающих, занимавших этот пост до раскола Башни, сумела тем или иным способом добиться своего участия в

переговорах. В конце концов, они говорили с женщинами, которых знали еще с тех пор, когда они все заседали в Совете. Еще немного, и Беонин превратится почти что в девочку на побегушках.

Романда прикоснулась губами к чаю и отставила чашку в сторону, не говоря ни слова. Теодрин метнулась из своего угла, взяла у нее чашку, добавила в нее меда и вернула чашку Восседающей, а сама возвратилась в угол. Романда снова попробовала чай и одобрительно кивнула. Лицо Теодрин порозовело.

— Пусть переговоры идут так, как идут, — осторожно сказала Эгвейн. Романда была против любых

переговоров, какими бы фальшивыми они ни были. И она знала, что должно произойти этой ночью. Держать Совет в неведении казалось еще одной ненужной пощечиной.

Тугой узел волос на макушке Романды качнулся — она кивнула.

— Они уже дали нам кое-что понять. Элайда не позволит Восседающим, которые говорят за нее, уступить ни на дюйм. Она засела в Башне, как крыса в стене. Единственный способ выкурить ее оттуда — заслать к ней хорьков.

Мирелле издала горлом какой-то звук, заслужив удивленный взгляд Майган. Глаза Романды не отрывались от Эгвейн.

– Элайда так или иначе будет смещена, – спокойно произнесла Эгвейн, ставя свою чашку на блюде. Ее рука не дрожала. Что знала эта женщина? И как узнала?

Романда слегка поморщилась, глядя в свой чай, словно в конце концов в нем все же оказалось недостаточно меду. Или из-за того, что была разочарована, что Эгвейн не сказала больше. Она немного подвинулась на своем табурете – это выглядело так, словно она была бойцом, готовящимся к следующей атаке и поднимающим свой меч.

– Насчет того, что вы говорили о Родне, Мать. Что их больше тысячи, а вовсе не несколько дюжин. И что

некоторым из них по пятьсот-шестьсот лет. — Она покачала головой, показывая, что это невозможно. — Как могли они все сбежать из Башни? — Это был уже вызов, а не просто вопрос.

— Мы лишь недавно узнали, как много дичков среди Морского Народа, — мягко ответила Эгвейн. — И мы до сих пор не знаем в точности их численности. — Grimаса Романды на этот раз была гораздо более заметна. Именно Желтая первой подтвердила, что в одном только Иллиане находятся сотни дичков Морского Народа. Первый удар в пользу Эгвейн.

Однако одного удара

недостаточно, чтобы прикончить Роман-ду. Или даже чтобы сильно ранить ее.

— Нам придется отследить их всех, когда наши дела здесь будут закончены, — угрюмо проговорила Романда. — Позволить паре дюжин оставаться в Эбу Дар и Тар Валоне, просто чтобы легче было искать беглянок, — это одно, но мы не можем допустить, чтобы целая тысяча дичков сохранила свою... организацию. — Она вложила больше презрения в это слово, в саму идею о том, что дички могут быть организованы, чем во все остальное. Мирелле и Майган пристально наблюдали за ними, слушая. Майган

даже наклонилась вперед от внимательности. Они знали об этом лишь по тем слухам, что распространяла Эгвейн, и которые, по всеобщему предположению, исходили от «глаз-и-ушей» Суан.

— Их гораздо больше тысячи, — поправила Эгвейн, — и ни одна из них не дичок. Все эти женщины были отосланы из Башни, за исключением нескольких беглянок, избежавших погони. — Она не поднимала голоса, но твердо подчеркивала каждое положение, глядя в глаза Романде. — В любом случае, как ты предлагаешь «отследить» их? Они разбросаны по всем странам, по всем населенным пунктам. Эбу Дар был лишь местом,

где они собирались или назначали друг другу встречи, и все, кто был там, разбежались, когда пришли Шончан. Со времен Троллоковых Войн Родня позволяла нам знать о себе лишь то, что она хотела, чтобы мы знали. Две тысячи лет они скрывались под носом у Белой Башни. Их число возрастало по мере того, как число сестер уменьшалось. Каким образом ты предлагаешь искать их сейчас среди всех тех дичков, которых Башня всегда игнорировала, потому что они были «слишком стары» для того, чтобы стать послушницами? Женщины Родни ни в чем не уступают нам, Романда. Они используют Силу не

реже, чем Айз Седай, но они изменяются с возрастом, стареют, как и все остальные, только медленнее. Если они решат скрываться, мы никогда не сможем отыскать их.

Еще несколько ударов, и ни один не отражен. На лбу Романды блестела легкая испарина — несомненный признак отчаяния у Айз Се-дай. Мирелле сидела очень тихо, а Майган, казалось, готова свалиться со своего табурета носом вперед, каким бы устойчивым он ни был.

Романда облизнула губы.

— Если они направляют Силу, они должны выглядеть как Айз

Седай. Если они стареют, это значит, что они вряд ли направляют очень часто, если вообще направляют. И никаким образом они не могут жить пять или шесть сотен лет! — Теперь, казалось, она уже не притворялась.

— Есть лишь одна действительная разница между Айз Седай и Родней, — тихо сказала Эгвейн. Ее слова тем не менее прозвучали очень громко. Даже Романда, казалось, затаила дыхание. — Они покинули Белую Башню до того, как дали клятву на Клятвенном Жезле. — Ну вот, наконец это произнесено вслух.

Романда дернулась, словно получив смертельный удар.

– Ты тоже еще не приносила Клятв, – хрипло сказала она. – Ты что, хочешь отказаться от них? Хочешь, чтобы сестры отказались от них?

То ли Мирелле, то ли Майган ахнула. А может быть, и обе.

– Нет! – резко произнесла Эгвейн. – Три Клятвы – это то, что делает нас Айз Седай, и я принесу их на Клятвенном Жезле, как только он окажется в наших руках! – Глубоко набрав в грудь воздуха, она понизила тон. Но вместе с тем наклонилась к собеседнице, пытаясь вовлечь ее, убедить. Она чуть не протягивала к ней руку. – Но ведь сестры уходят, чтобы провести свои последние годы

в покое, Романда. Не будет ли лучше, если эти годы *не будут* их последними годами? Если сестры будут уходить в Родню, они смогут привязать Родню к Башне. И тогда не будет нужды в этой бесполезной охоте. — Она уже зашла слишком далеко; можно сделать и последний шаг. — Клятвенный Жезл может освободить от обетов точно так же, как и связывать ими.

Майган с глухим стуком ударилась коленями о ковер и вскочила на ноги, отряхивая юбку с таким негодованием, словно ее толкнули. Оливковое лицо Мирелле немного побледнело.

Романда медленным движением

поставила чашку на край стола и встала, оправляя на себе шаль. Она стояла, без всякого выражения глядя на Эгвейн, в то время как Теодрин накидывала ей на плечи плащ с желтой вышивкой, скрепляя его золотой булавкой и расправляя складки с тщательностью, которая сделала бы честь любой горничной. Лишь тогда Романда заговорила, и в ее голосе звучал холод камня:

— Когда я была маленькой девочкой, я мечтала стать Айз Седай. С того самого дня, что я пришла в Белую Башню, я старалась жить как Айз Седай. Я жила как Айз Седай, и я умру как Айз Седай. Этому не бывать!

Она плавно повернулась к выходу, но опрокинула табурет, на котором сидела, очевидно не заметив его. Теодрин поспешила следом за ней. На ее лице, как ни странно, была тревога.

— Мать... — Мирелле глубоко перевела дыхание, ее пальцы тербели темно-зеленую юбку. — Мать, вы в самом деле предлагаете... — Ее голос прервался, очевидно, она не могла произнести это. Майган сидела на своем табурете, словно заставляя себя не начать снова наклоняться вперед.

— Я просто изложила факты, — спокойно сказала Эгвейн. — Решение будет за Советом. Скажи мне, дочь

моя, предпочтешь ли ты умереть, если у тебя будет возможность жить и продолжать служить Башне?

Зеленая и Голубая сестры переглянулись, но тут же, осознав это, вновь сделали вид, что не замечают друг друга. Ни одна из них ничего не ответила, но Эгвейн почти видела кипение мыслей в их глазах. Несколькими мгновениями позже она поднялась и начала поправлять свой шатающийся стул. Даже это вызвало у них лишь поверхностные извинения за то, что ей приходится делать это самой. Затем они вновь погрузились в молчаливые размышления.

Эгвейн попыталась вернуться к

страницам отчетов Суан – ситуация в Тирской Твердыне так и не сдвинулась с мертвой точки, и никто не мог высказать никакого предположения, чем все может кончиться, – но не прошло и нескольких минут после ухода Роман-ды, как в палатке появилась Лилейн.

В отличие от Романды худощавая Восседающая от Голубых пришла одна и сама налила себе чаю. Усевшись на свободный табурет, она забросила свой подбитый мехом плащ за плечи, оставив его висеть на серебряной заколке с крупными сапфирами. На ней была также ее шаль; Восседающие обычно не

расставались с ними. Лилейн была человеком более откровенным, чем Романда. По крайней мере так казалось с первого взгляда. В ее глазах поблескивали острые огоньки.

— Со смертью Кайрин возникла еще одна помеха для каких-либо соглашений с Черной Башней, — негромко произнесла она, поднеся чашку к лицу и вдыхая пар. — И надо что-то делать с бедным Лью. Может, Мирелле возьмет его себе? Двое из ее троих раньше принадлежали другим. Еще никому не удавалось спасти двух Стражей, чьи Айз Седай умерли.

Эгвейн не единственная услышала скрытый в словах Лилейн

намок. Лицо Мирелле определенно побледнело. У нее было две тайны, и одна из них состояла в том, что у нее было четыре Стража. Передача ей уз Лана Мандрагорана от Морейн было действием, не практиковавшимся уже несколько столетий. Сейчас на это смотрели почти так же, как на связывание мужчины узами против его воли. Что не практиковалось еще больше столетий.

— Троих мне достаточно, — произнесла она безжизненно. — С вашего разрешения, Мать?

Майган тихонько рассмеялась, когда Мирелле быстрым шагом вышла из палатки. Не настолько быстрым, впрочем, чтобы она не

успела обнять *саидар* еще до того, как за ней упал полог входа.

– Разумеется, – сказала Лилейн, обмениваясь довольными взглядами со второй Голубой, – ведь говорят, что она замужем за своими Стражами. За всеми сразу. Может быть, бедный Лью не годится в мужья.

– И правда, ведь он широк, как лошадь, – вставила Майган. Несмотря на то что ее позабавило бегство Мирелле, в ее голосе не было яда. Она просто констатировала факт. Лью действительно был очень крупным мужчиной. – Думаю, я знаю молоденькую Голубую, которая сможет взять его. С этой стороны

мужчины ее не интересуют.

Лилейн кивнула с таким видом, что было ясно: молодая Голубая нашла своего Стража.

— Зеленые бывают очень странными. Взять для примера хоть Илэйн Траканд. Лично я никогда бы не подумала, что Илэйн выберет Зеленую Айя. Я уже наметила ее для Голубой. У девочки поразительное чутье на политические события. Хотя, конечно, она склонна порой забредать в более глубокие воды, чем это может быть безопасно. Вы согласны со мной, Мать? — Улыбаясь, она отхлебнула чай.

Это было совсем не похоже на осторожное прощупывание Ро-

манды. Это были прямые рубящие удары, когда клинок как будто появляется из ниоткуда. Действительно ли Лилейн знает про Мирелле и Лана? Посылала ли она кого-нибудь в Кэймлин, и если да, то что она выяснила? Эгвейн подумала, была ли Романда настолько же выбита из равновесия и ошеломлена.

— Ты думаешь, убийства Кайрин достаточно, чтобы пресечь соглашение? — спросила она. — Насколько нам известно, это мог быть и Логайн, вернувшийся для какой-нибудь безумной мести. — Зачем, ради Света, она сказала это? Ей необходимо обуздать свой язык и сохранять здравомыслие. — Или, еще

вероятнее, какой-нибудь сумасшедший из окрестных ферм или из города.

Улыбка Лилейн стала еще шире, и теперь она была насмешливой, а не довольной. Свет, эта женщина не выказывала такого откровенного неуважения уже многие месяцы!

— Если бы Логайн хотел отомстить, Мать, подозреваю, он скорее вернулся бы в Белую Башню, пытаясь убить кого-нибудь из Красных. — Несмотря на улыбку, ее голос был ровным и спокойным. Контраст сбивал с толку. Возможно, этого она и добивалась. — Пожалуй, жаль, что это не так. Он мог бы устранить Элайду. Но тогда бы она

более легко отделалась, чем заслуживает. Нет, Кайрин помешает соглашению не больше, чем Анайя, но вместе эти две смерти заставят сестер еще больше беспокоиться о телохранителях и мерах предосторожности. Может, нам и нужны эти мужчины, но мы должны быть *уверены*, что именно *мы* контролируем ситуацию. Контролируем полностью.

Эгвейн кивнула. Слегка. Она была согласна, но...

— Нам будет несколько сложно заставить их согласиться с этим, — сказала она. Несколько сложно. Она сегодня выказывала несомненный талант к уклончивым определениям.

– Узы Стража могут быть подвергнуты небольшим изменениям, – промолвила Майган. – В настоящее время мы, если надо, можем заставить мужчину выполнять наши требования, слегка подтолкнув его, но необходимость подталкивать очень легко убрать.

– Звучит слишком похоже на Принуждение, – резко сказала Эгвейн. Она узнала это плетение от Могидин, но лишь для того, чтобы выяснить, как совладать с ним. Настоящая мерзость – украсть волю человека, всего его существа. Человек, подвергшийся Принуждению, делал все, что ему приказывали. Абсолютно все. И

верил, что поступает так по собственной воле. Только думая об этом, она почувствовала себя так, словно запачкалась.

Майган, впрочем, встретила ее взгляд почти так же безмятежно, как и Лилейн, и голос ее был таким же спокойным, как и лицо. Она не думала о грязи.

— Принуждение применили к сестрам в Кайриэне. Теперь это очевидно. Но я говорила об узах, а это совершенно другая вещь.

— Ты думаешь, Аша'манов можно уговорить принять узы? — Эгвейн не смогла скрыть недоверия в своем голосе. — И кроме того, кто будет связывать их узами? Даже если

каждая сестра, у которой нет Стража, возьмет себе Аша'мана, а каждая Зеленая возьмет двух или трех, сестер все равно не хватит. Это если удастся найти таких, которые согласятся связать себя узами с женщиной, который в будущем сойдет с ума.

Майган, словно бы соглашаясь, кивала при каждом ее утверждении. И в то же время расправляла юбки, словно на самом деле и не слушала.

— Если узы могут быть изменены в чем-то одном, — произнесла она, когда Эгвейн закончила, — то могут быть изменены и в другом. Возможно, удастся найти способ удалить общие ощущения, может

быть, какую-то часть осознания другого. Возможно, тогда их безумие перестанет быть такой проблемой. Это будут узы другого рода, совсем не похожие на узы, связывающие нас со Стражами. Уверена, что согласятся с тем, что это совсем не то же самое, что иметь Стража. Тогда любая сестра сможет связать узами столько Аша'манов, сколько будет необходимо.

Внезапно Эгвейн поняла, что происходит. Лилейн сидела, вроде бы глядя в свою чашку, но сквозь ресницы она изучала Эгвейн. И использовала Майган, чтобы прощупывать ее. Пылая гневом, Эгвейн не имела надобности делать

свой тон холодным. Он и так был ледяным.

– Это выглядит *в точности* как Принуждение, Лилейн. Это *и есть* Принуждение, и никакие уклончивые определения не превратят его во что-то другое. Я укажу на это любому, кто станет предлагать подобное. И я прикажу высечь *любого*, кто зайдет дальше предложений. Принуждение запрещено, и оно останется запрещенным.

– Как скажете, Мать, – ответила Лилейн, и это могло значить все что угодно. Но следующее ее высказывание оказалось более определенным. – Белая Башня время от времени делает ошибки.

Невозможно жить или двигаться вперед, не делая ошибок. Но мы живем, и мы идем дальше. И если нам иногда приходится утаивать свои ошибки, пока это возможно, это не значит, что мы не исправляем их. Даже если это приносит боль.

Поставив чашку на поднос, она удалилась, и Майган следом за ней. Еще не выйдя из палатки, Майган обняла Источник. Лилейн не стала этого делать.

Некоторое время Эгвейн была занята тем, что восстанавливала ровное дыхание. Она выполнила упражнение реки, заключенной в берега. Лилейн не сказала прямо, что Эгвейн ал'Вир в качестве Амерлин

была ошибкой, которую необходимо исправить, но она подошла к этому очень близко.

В середине дня Чеза принесла Эгвейн ее трапезу на деревянном подносе – теплый поджаристый хлеб, в котором виднелись лишь одна-две подозрительные темные точки, и чечевичную похлебку с кусочками жесткой репы, деревянистой морковки и чего-то еще, что, по-видимому, когда-то было козлом. Одна ложка – большего затолкнуть в себя Эгвейн не смогла. Ее беспокоила не Лилейн. Лилейн и раньше угрожала ей, чуть ли ни с тех самых пор, когда она ясно дала понять, что она – настоящая

Амерлин, а не безвольная марионетка. Вместо того чтобы есть, она смотрела на отчет Ти-аны, лежавший на углу стола. Николь могла и не получить шаль, несмотря на весь свой потенциал, но у Башни был большой опыт в том, как из упрямых, подверженных ошибкам женщин делать вполне достойных Айз Седай. А Ларин впереди ждало светлое будущее, но сначала она должна научиться подчиняться правилам, прежде чем начнет узнавать, какие из них и когда можно нарушить. Белая Башня хорошо обучала и тому и другому, но первое всегда шло первым. Будущее Боде было блестящим. Ее потенциал

почти равнялся потенциалу самой Эгвейн. Но будь ты Айз Седай, Принятая или послушница, Башня требовала от тебя делать то, что требовалось *Башне*. Айз Седай, Принятая, послушница — или Амерлин.

Разочарование Чезы, когда она вернулась и обнаружила почти нетронутый поднос, было весьма многословным, особенно после того, как она нашла практически нетронутый завтрак. Эг-вейн подумала, не сказать ли ей, что у нее болит живот, и отвергла эту мысль. После того как чай Чезы подействовал на ее головные боли — по крайней мере на несколько дней,

после чего они вернулись, еще более свирепые и повторяющиеся каждую ночь, — у пухлой служанки обнаружилась целая коллекция травяных снадобий против всех болезней, которую она пополняла у каждого бродячего торговца с хорошо подвешенным языком, и каждое из средств на вкус было еще хуже, чем предыдущее. Она так огорчалась, если Эгвейн отказывалась пить ее ужасные микстуры, что приходилось глотать их просто для того, чтобы не волновать ее. Иногда, как ни странно, они действовали, но они никогда не бывали тем, что Эг-вейн хотелось брать в рот. Она услала Чезу с подносом, пообещав, что поест

попозже. У нее не было никакого сомнения в том, что ужин, который принесет ей Чеза, будет достаточно обильным, чтобы откормить гуся.

Она почти улыбнулась при этой мысли – Чеза будет стоять над ней, ломая руки, пока она не съест все до последнего куска, – но тут ее взгляд снова упал на отчет Тианы. Николь, Ларин и Боде. Белая Башня была суровой наставницей. Если только Башня не находится в состоянии войны с согласия Совета, Амерлин не должна... Но Башня *находится* в состоянии войны.

Эгвейн не знала, как долго сидела, уставясь на листок бумаги с единственным написанным на нем

именем, но к тому времени как вернулась Суан, она уже решилась. Суровая наставница, у которой нет и не может быть любимчиков.

— Лиане и Бодe уже ушли? — спросила она.

— По меньшей мере два часа назад, Мать. Лиане должна доставить Бодe, а затем отправиться вниз по реке.

Эгвейн кивнула:

— Пожалуйста, оседлай мне Дайшара... — Нет. Некоторые к этому времени уже запомнили лошадь Амерлин. Слишком многие. Сейчас не время для споров и объяснений. Не время утверждать свою власть, настаивая на своем. — Оседлай Белу и

встретить меня на углу второй улицы к северу отсюда.

Белу тоже знали почти все. Лошадь Суан, как же, кто не знает.

— Что вы собираетесь делать, Мать? — озабоченно спросила Суан.

— Я собираюсь прокатиться верхом. И, Суан, никому ни слова. — Она поймала ее взгляд и задержала его. Суан была Амерлин и способна одолеть в «гляделки» камень. Но теперь Амерлин была Эгвейн. — Ни единой душе, Суан. Иди. И поспеши.

И Суан поспешила, по-прежнему морща лоб.

Оставшись одна, Эгвейн стащила палантин с шеи, аккуратно сложила и засунула его в свой

поясной кошель. Ее плащ был из хорошей шерсти, прочной, но достаточно простой. Без палантина, болтающегося из-под плаща, она могла быть кем угодно.

Проход перед ее палаткой-кабинетом был пуст, разумеется, но, когда она пересекла промерзшую улицу, ей пришлось пробираться сквозь обычный белый поток послушниц, в котором встречались Принятые и иногда – Айз Седай. Послушницы приседали перед ней, не замедляя шага, Принятые также делали реверансы при виде ее выглядывающей из-под плаща юбки, не белой и не имеющей разноцветной каймы, а Айз Седай

скользили мимо, спрятав лица под капюшонами. Если кто-нибудь и заметил, что при ней нет Стража, что ж, некоторые из сестер не имели Стражей. И совсем не всех окружал сияющий ореол *саидар*. Только большинство.

В двух улицах от своего рабочего кабинета Эгвейн остановилась на краю деревянного настила, отвернувшись от потока спешащих женщин. Она старалась не волноваться. Солнце стояло на полпути к горизонту на западе — золотой шар, наколотый на обломанный пик Драконовой Горы. Тень от горы уже протянулась поперек лагеря, погрузив палатки в

вечерний сумрак.

Наконец появилась верхом на Беле Суан. Косматая кобыла уверенно ступала по скользкой улице, но Суан цеплялась за повод и за седло, словно боялась упасть. Возможно, так и было. Суан была одной из худших наездниц, каких когда-либо видела Эгвейн. Когда она слезла с седла, путаясь в юбках и бормоча ругательства, на ее лице было такое облегчение, словно она спаслась от смертельной опасности. Бела тихо заржала, узнав Эгвейн. Натягивая сбившийся капюшон, Суан открыла было рот, но Эгвейн предостерегающе подняла руку прежде, чем та успела заговорить.

Она уже видела слово «Мать» на губах Суан. И судя по всему, оно было бы достаточно громким, чтобы его слышали за пятьдесят шагов.

— Не говори никому, — мягко сказала Эгвейн. — Не надо. И никаких намеков и записок тоже не надо. — Вроде бы она ничего не забыла. — Составь компанию Чезе до тех пор, пока я не вернусь. Я не хочу, чтобы она волновалась.

Суан неохотно кивнула. Ее губы сложились в упрямую гримасу. Эгвейн подозревала, что поступила очень мудро, добавив насчет записок и намеков. Оставив бывшую Амерлин хмуриться, как обиженная девочка, она легко взобралась в седло

Белы.

Вначале им с коренастой кобылкой пришлось двигаться шагом, поскольку улицы лагеря были покрыты промерзшими бороздами от колес. А также потому, что любой удивился бы, увидев Суан на своей Беле, едущей более быстрым аллюром, чем медленный шаг. Она старалась держаться в седле как Суан, неуверенно клонясь то в одну, то в другую сторону и цепляясь за высокую луку одной рукой, а иногда и двумя. В результате у нее тоже появилось такое чувство, что она вот-вот выпадет из седла. Бела несколько раз поворачивала голову, чтобы взглянуть на нее. Она-то

знала, кто сидит на ее спине, и знала, что Эгвейн ездит гораздо лучше. Эгвейн продолжала имитировать Суан и старалась не думать о том, насколько низко уже опустилось солнце. Так продолжалось, пока она не выбралась из лагеря за ряды фургонов, пока первые деревья не скрыли ее от палаток.

Здесь она перегнулась через луку седла, прижавшись лицом к гриве Белы.

— Ты увезла меня из Двуречья, — прошептала она. — Сможешь ты сейчас бежать так же быстро? — Выпрямившись, девушка ткнула лошадь пятками.

Бела не умела галопировать как

Дайшар, но ее крепкие ноги замелькали в снегу. Когда-то она была упряжной лошадью, а не рысаком или боевым конем, но она скакала, как могла быстро, вытягивая вперед шею так, что впору и Дайшару. Бела бежала вперед, а солнце скользило все ниже, словно небосвод внезапно смазали маслом. Эгвейн понукала кобылу, низко пригнувшись к седлу. Скачка наперегонки с солнцем, в которой, Эгвейн знала, она не может выиграть. Но даже если и не успеет обогнать солнце, у нее все же оставалось время. Она пристукивала пятками в такт опускающимся копытам Белы, и та побежала вперед.

Сумерки накатились на них, затем наступила темнота, и вот наконец Эгвейн увидела луну, мерцающую в водах Эринина. Как раз вовремя. Это было почти то самое место, где она, верхом на Дайша-ре, смотрела с Гаретом на корабли, скользящие по реке к Тар Вало-ну. Натянув поводья, она вслушалась.

Тишина. Затем приглушенное ругательство. Приглушенное ворчание и хриплое тяжелое дыхание людей, которые волокут по снегу что-то тяжелое и пытаются не производить шума. Она повернула Белу, направив ее сквозь деревья в сторону звуков. Вокруг задвигались

тени, и она услышала тихий шелест стали, скользящей из ножен.

Затем кто-то едва слышно пробормотал:

– Я знаю этого пони. Это одной из сестер. Той самой, которая, говорят, раньше была Амерлин. По мне, так совсем не похожа. Она не старше той, которая, говорят, у них Амерлин сейчас.

– Бела не пони, – сухо сказала Эгвейн. – Проводите меня к Боде Коутон.

Дюжина человек выдвинулась из ночных теней под деревьями, окружив ее и Белу. По-видимому, они принимали ее за Суан, но ей этого и надо было. Для них Айз Седай была

просто Айз Се-дай. Они провели ее к тому месту, где на лошади, не намного более высокой, чем Бела, завернувшись в темный плащ, сидела Боде. Ее платье также было темным. Белое было бы слишком ясно видно этой ночью.

Боде тоже узнала Белу и протянула руку, собираясь дружелюбно почесать кобыле ухо, когда Эгвейн подъехала к ней.

— Ты остаешься на берегу, — тихо сказала Эгвейн. — Вернешься обратно со мной, когда все будет кончено.

При звуке ее голоса Боде отдернула руку, словно ужаленная.

— Почему? — спросила она, но не очень требовательно. Хотя бы этому

она в конце концов научилась. — Я сама могу сделать это. Лиане Седай все мне объяснила, я справлюсь.

— Я не сомневаюсь, что ты справишься. Но не настолько хорошо, как я. Пока еще нет. — Это прозвучало слишком похоже на критику, которой та не заслужила. — Я — Престол Амерлин, Боде. Некоторые решения могу принимать только я. И о некоторых вещах я не могу просить послушницу, если могу сделать их лучше. — Может быть, это прозвучало и не намного мягче, но Эгвейн не могла рассказывать ей о Ларин и Николь или о той цене, что Белая Башня требует от всех своих дочерей. Первое Амерлин не могла объяснить

послушнице, а второе послушница была еще не готова понять.

Даже в ночной тьме по тому, как Боду опустила плечи, было ясно, что она не поняла, но она уже усвоила, что не стоит спорить с Айз Седай. Так же как она поняла, что Эгвейн действительно Айз Се-дай. Все остальное она тоже узнает со временем. У Башни будет достаточно времени, чтобы научить ее.

Спешившись, Эгвейн передала поводья Белы одному из солдат и, приподняв юбку, начала пробираться сквозь снег по направлению к звукам перетаскивания чего-то тяжелого. Это была большая лодка, которую волокли по снегу, как сани. Тяжелые,

громоздкие сани, которые приходилось то и дело поворачивать, объезжая деревья; хотя ругательств сильно поуменьшилось, когда люди, тащившие лодку, поняли, что она идет за ними следом. Люди обычно следили за своими языками в присутствии Айз Седай, и даже если они не видели ее лица из-за темноты и ее капюшона, кто еще мог быть здесь, у реки? Если бы они даже узнали, что она была не той женщиной, которая изначально должна была сопровождать их, кто стал бы задавать вопросы Айз Седай?

Они спустили лодку в реку осторожно, без плеска, и шестеро человек вскарабкались на борт,

вставили весла в обитые веревками уключины. Люди были босиком, чтобы избежать стука сапог по доскам корпуса. Лодки поменьше тоже плавали в этих водах, но этой ночью им надо было бороться с течением. Один из стоящих на берегу солдат помог Эгвейн взобраться в лодку, и она уселась на носу, плотно закутавшись в плащ. Лодка отплыла от берега совершенно беззвучно, не считая тихого журчания воды под веслами.

Эгвейн взглянула вперед, на юг, в направлении Тар Валона. Белые стены сверкали в свете далекой, ущербной луны, и освещенные окна отбрасывали на город тихое сияние,

словно весь остров обнимал *саидар*. Белая Башня видна была даже в темноте – белая масса, блистающая в лунном свете. Что-то пронеслось через лунный диск, и ее дыхание пресеклось. На мгновение Эгвейн подумала, что это был Драгкар – недоброе предвестье, особенно этой ночью. Всего лишь летучая мышь, решила она. Весна, должно быть, уже близко, вот летучие мыши и повылезали наружу. Поплотнее запахивая плащ, она вглядывалась в город, придвигавшийся все ближе. Ближе.

Когда высокие стены Северной Гавани замаячили перед лодкой, гребцы стали табанить веслами,

чтобы не удариться носом о стену у входа в гавань. Эгвейн чуть не протянула руку, чтобы оттолкнуться от белого камня, прежде чем лодка коснется стены. Глухой стук от удара, несомненно, был бы услышан солдатами-караульными. Весла, однако, издали лишь тихий журчащий звук, табаня, и лодка остановилась так, что Эгвейн могла прикоснуться к перегородивающей вход в гавань массивной железной цепи, хорошо смазанные тяжелые звенья которой слабо поблескивали под луной.

Впрочем, ей незачем было касаться их. И также незачем было мешкать. Обнимая *саидар*, она почти

не заметила потока наполнившей ее жизни, оставляя необходимые плетения. Земля, Огонь и Воздух окутали цепь; Земля и Огонь коснулись ее. Черный металл вспыхнул белизной по всей ширине устья гавани.

Она едва успела осознать, что кто-то обнимает Источник невдалеке от нее, на вершине стены; затем что-то ударилось в лодку, ударило ее, и она вдруг поняла, что вокруг, заполняя ей нос и рот, плещется холодная вода. Темнота.

Эгвейн почувствовала под собой твердую поверхность. Она слышала женские голоса. Возбужденные

голоса.

— Ты знаешь, кто это?

— Ну-ну. Мы, похоже, получили этой ночью гораздо больше, чем рассчитывали.

Что-то прижали к ее рту, и внутрь просочилось тепло, у него был слабый привкус мяты. Она конвульсивно глотнула и содрогнулась, внезапно осознав, насколько промерзла. Ее глаза открылись.

И сосредоточились на лице женщины, придерживавшей ее голову и поднесшей кружку к ее губам. Фонари, которые держали столпившиеся вокруг солдаты, давали достаточно света, чтобы

Эгвейн ясно разглядела его. Безвозрастное лицо. Она находилась в Северной Гавани.

— Ну вот, девочка, — ободряюще проговорила Айз Седай. — Выпей все до дна. Здесь довольно сильная доза для такого случая.

Эгвейн попыталась оттолкнуть кружку, попыталась обнять *са-идар*, но почувствовала, что соскальзывает обратно в темноту. Они ее ждали. Ее предали. Но кто?

Эпилог. Ответ

Ранд глядел в окно на бесконечный дождь, льющий с серого неба. Еще одна гроза с Хребта Мира. Со Стены Дракона. Он думал, что скоро должна прийти весна. Весна всегда приходит, рано или поздно. Сюда, в Тир, она доберется раньше, чем до Двуречья, хотя пока что было мало признаков ее прихода. Раздвоенная молния серебристо-голубым зубцом прорезала небо, и спустя долгие секунды послышался удар грома. Гроза бушевала далеко. Раны у него в боку болели. Свет, болели даже цапли, выжженные на

ладонях, чего не было уже давно.

Иногда боль — это все, что у тебя остается, чтобы знать, что ты жив, прошептал Льюс Тэрин, но Ранд не стал обращать внимание на голос у себя в голове.

Дверь у него за спиной со скрипом отворилась, и он взглянул через плечо на вошедшего в гостиную человека. Башир был одет в короткий серый кафтан, богатый кафтан, отливающий тихим сиянием шелка, и его жезл Маршала-Генерала Салдэйи — из драгоценной резной кости, увенчанный золотой волчьей головой, — был заткнут за пояс рядом с мечом в ножнах. Его сапоги с отворотами были начищены до

блеска. Ранд постарался не выдать своего облегчения. Их не было слишком долго.

– Ну? – спросил он.

– С Шончан можно вести переговоры, – ответил Башир. – Они совершенно сумасшедшие, но с ними можно договариваться. Они, однако, требуют встречи с тобой лично. Маршал-Генерал Салдэйи – это еще не Дракон Возрожденный.

– С этой Леди Сюрот? Башир покачал головой:

– По-видимому, сюда прибыл кто-то из их королевской семьи. Сюрот хочет, чтобы ты встретился с кем-то по имени Дочь Девяти Лун.

Гром пророкотал вновь, вторя

отдаленной молнии.

Мы мчались на
крыльях ревущей грозы,
Средь молний мы
танцевали,
Мы бежали сквозь
грома немолчный раскат
И мир на части рвали.

*Анонимный фрагмент из поэмы,
написанной, скорее всего, в конце
предыдущей Эпохи, известной
некоторым как Третья. Иногда
приписывается Возрожденному
Дракону.*

Конец книги десятой цикла
«Колесо Времени»

Глоссарий

Замечание к датам в глоссарии. Томовский календарь (разработанный Томой дур Ахмид) был принят приблизительно спустя два столетия со времени смерти последнего мужчины Айз Седай и отмечал года после Разлома Мира (П.Р.). Многие, очень многие записи погибли во время Троллоковых Войн, и поэтому точная датировка конца войн по старой системе летосчисления оставалась предметом спора. Тиам Газарский предложил новый календарь, приняв за точку отсчета год освобождения от

угрозы троллоков – Год Свободы (Г.С.). В течение двадцати лет после окончания Троллоковых Войн Газаранский календарь был признан повсеместно. Артур Ястребиное Крыло предпринял попытку ввести новый календарь, опирающийся на год основания его империи (О.О. – от Основания), но теперь этот календарь известен лишь историкам, которые на него ссылаются. После всеобщего разорения, смертей и раскола в период Войны Ста Лет Урен дин Джубай Парящая Чайка, ученый из Морского Народа, разработал третий календарь, обнародованный Панархом Фаридэ Тарабонской. Фаридовский

календарь, ведущий отсчет времени от произвольно установленной даты окончания Войны Ста Лет и записывающий года Новой Эры (Н.Э.), используется и по сей день.

Арад Доман – государство на побережье Океана Арит. В настоящее время охвачено гражданской войной, одновременно ведется война и с теми, кто провозгласил себя сторонниками Возрожденного Дракона. Столица – Бандар Эбан. В Арад Домане правитель (король или королева) избирается советом, состоящим из глав купеческих гильдий (Купеческий Совет), каковыми почти всегда являются женщины. Правитель должен

принадлежать к нобилитету (а не быть купеческого рода) и избирается пожизненно. По закону король или королева являются абсолютными монархами, за исключением того, что их можно низложить, если за такое решение проголосует три четверти состава Совета. В настоящее время правителем является король Алсалам Саид Альмадар, лорд Альмадара, Верховная Опора Дома Аль-мадар. Его настоящее местопребывание скрыто завесой тайны.

Аша'ман – 1. На Древнем Языке означает «Хранитель» или «Защитник»; причем всегда – как защитник истины и справедливости.

2. Так называют себя мужчины, пришедшие в Черную Башню, которая находится в Андоре, возле Кэймлина; там они учатся направлять Силу. Это же слово используется и для обозначения у них высшего ранга. Обучаются они главным образом способам владения Единой Силой как оружием. Другая характерная черта, отличающая их подготовку от обучения в Белой Башне, — едва они овладевают умением обращаться к *саидин*, к мужской половине Силы, то все хозяйственные работы выполняются ими исключительно посредством Силы. Новички, зачисленные в Башню, получают звание солдата;

они носят простые черные мундиры по андорскому образцу, с высоким воротом. Возведенные в ранг Посвященных получают право носить на вороте мундира серебряный значок в виде меча. С получением звания Аша'мана мужчина вправе прикрепить на ворот, с другой стороны от меча, красно-золотую эмалевую эмблему дракона. Многие женщины, в том числе и жены, бежали от своих мужчин, узнав, что те и в самом деле способны направлять Силу. Тем не менее немалое число мужчин из Черной Башни женаты, и с женами их объединяют узы, в чем-то похожие на узы Стражей. В последнее время

теми же самыми узами, но предусматривающими полное подчинение, Аша'маны связывают захваченных ими Айз Седай.

Балвер, Себбан – бывший секретарь Пейдрона Найола (Лорда Капитана-Командора Детей Света). Однако на самом деле он возглавлял шпионскую сеть главы Белоплащников. После смерти Найола Балвер по одному ему ведомым причинам помог Моргейз (некогда – королеве Ан-дора) бежать из Амадора от Шончан и ныне служит секретарем Перрина т'Башир Айбара и Фэйли ни Башир т'Айбара. Перин начинает подозревать, что Балвер вовсе не тот, кем кажется с

первого взгляда.

Вес, меры веса – 10 унций равны 1 фунту; 10 фунтов равны 1 стоуну; 10 стоунов равны 1 центнеру; 10 центнеров равны 1 тонне.

Взыскующие (более официально – **Взыскующие Истину**) – полицейская и шпионская организация **Шончанского Императорского Трона**. Хотя большинство **Взыскующих** являются *да'ковале* и собственностью императорской семьи, они обладают огромной властью. Даже любой из **Высокородных** может быть арестован за отказ ответить на любой заданный **Взыскующим** вопрос или нежелание искренне с ним сотрудничать.

Последнее же определяется самими Взыскующими, подчиняющимися и подотчетными лишь самой Императрице. Те Взыскующие, которые являются *да'ковале*, носят на каждом плече знак-татуировку в виде ворона и башни. В отличие от Стражей Последнего Часа Взыскующие редко горят желание демонстрировать своих воронов, отчасти потому, что это неизбежно раскроет, кто и что они такое.

Вопрошающие – орден Детей Света. О себе они говорят как о Руке, или Деснице Света, а их провозглашенные цели – раскрытие истины в диспутах и разоблачение Приспешников Тьмы. В поисках

истины и Света обычный метод расследования Вопрошающих – пытка; их обычная позиция – истина им уже известна и нужно лишь добиться от жертвы признания. Порой они действуют так, будто полностью обособлены и от остальных Чад Света, и от Совета Помазанников, который руководит Детьми Света. Главой Вопрошающих является Верховный Инквизитор, который и заседает в Совете Помазанников. В настоящее время этот пост занимает Радам Асунава. Эмблема Вопрошающих – кроваво-красный пастырский крючковатый посох.

Высокородные – так у Шончан

называют знать. Существуют степени знатности. Верховные выбривают голову по бокам и покрывают лаком ногти на руках – чем выше ранг, тем больше ногтей выкрашено, – но те, кто принадлежит к менее знатным слоям, имеют право красить лаком только ногти на мизинцах. Титул приобретается по праву рождения, но также возможно пожалование им, и зачастую включение в списки Высокородных является наградой за выдающиеся заслуги или за службу Императрице.

Гвардия Королевы – элитное воинское формирование в Андоре. В мирное время поддерживает закон Королевы и отвечает за сохранение

спокойствия в стране. Форма Королевской Гвардии включает в себя красный мундир, начищенные до блеска кольчужный или пластинчатый дос-пех, ярко-красный плащ и конический шлем с решетчатым забралом. Офицеры высокого ранга имеют на плече знаки различия в виде бантов и обладают правом носить золотые шпоры в виде львиных голов. Недавним пополнением Гвардии Королевы стала личная охрана Дочери-Наследницы, целиком состоящая из женщин, за одним-единственным исключением — это капитан телохранителей, Дойлин Меллар.

Гончие Тьмы — Отродья Тени,

происходящие от волков, которые подверглись нечистому воздействию Темного. Обладая общим внешним сходством с гончими псами, они чернее ночи, размерами не уступают пони и весят несколько сотен фунтов. Обычно охотятся сворами в десять или двенадцать голов, хотя были отмечены следы стай большей численности. На земле следов Гончие Тьмы не оставляют, но они отпечатываются на камне, и часто им сопутствует запах горелой серы. Обычно Гончие не осмеливаются выходить под дождь, но когда они уже вышли на охоту, ливень их не остановит. Когда Гончие Тьмы идут по следу, то им должно

противостоять и их нужно одолеть, иначе смерть жертвы неизбежна. Единственный другой способ спасения от них — если жертва сумеет перебраться на другой берег реки или потока, поскольку Гончие Тьмы не пересекают текучую воду. Или же только считается, что они на это не способны. Их кровь и слюна — яд, если они попадут на кожу, то жертва будет умирать долго и в страшных мучениях. См. также *Дикая Охота*.

Грегори́н — полное имя — Грегори́н Панар ден Лушенос. Член Совета Девяти в Иллиане, в настоящее время он занимает пост Наместника Дракона Возрожденного

в Иллиане.

Да'ковале – 1. С Древнего Наречия это переводится буквально как «тот, кто принадлежит» или «человек, который есть собственность». 2. У Шончан данным словом наряду с «собственностью» часто называют рабов. В Шончан рабство имеет долгую и необычную историю; для рабов возможно добиться высокого положения, дающего громадную власть, в том числе и над свободными. См. также *со'джин*..

Дер'морат – 1. На Древнем Языке – «мастер-укротитель». 2. У Шончан эту приставку используют для указания на старшего и

высококвалифицированного
дрессировщика одного из
экзотических животных, а также на
того, кто обучает обращаться с ними
других, как, например, *дер'морат'ра-
кен*. *Дер'морат* могут обладать
высоким общественным статусом,
выше всех стоят *дер'сул'дам*,
занимающиеся обучением *сул'дам*,
они приравниваются к офицерам,
имеющим весьма высокие ранги. См.
также *морат*.

Дети Света — они же Чада
Света. Общество,
придерживающееся строгих
аскетических верований, ставящее
своей целью нанести поражение
Темному и истребить всех

Приспешников Тьмы. Дети Света не обязаны верностью никакому государству. Основанное во время Столетней Войны Лотэйром Мантиларом для привлечения своих сторонников и сплочения их против все возрастающего числа Друзей Темного, общество за годы войны превратилось в сугубо военную организацию, крайне закосневшую в своих догмах. Члены сообщества непоколебимо уверены в том, что только им ведомы истина и справедливость. Айз Седай, как и любого, кто их поддерживает или оказывает им помощь, Чада Света считают Приспешниками Темного. Их пренебрежительно называют

Бело-плащниками. В недавнем прошлом их главные силы и штаб располагались в Амадоре, столице Амадиции, но были выбиты оттуда, когда город захватили Шончан. Герб Детей Света – золотое многолучевое солнце на белом поле. См. также *Вопрошающие*.

Дикая Охота – многие верят, будто Темный (в Тире, Иллиане, Муранди, Алтаре и Гэалдане часто называемый Древний Враг, или Враг) выезжает по ночам на охоту за людскими душами в сопровождении «черных собак», или Гончих Тьмы. Это и есть Дикая Охота. Существует разделяемое многими поверье, что даже зрелище несущейся мимо

Дикой Охоты предвещает близкую смерть либо самого очевидца, либо кого-то из дорогих ему людей. Полагают, что наибольшая опасность грозит, если встретить Дикую Охоту на перекрестке дорог, перед самым рассветом или сразу после захода солнца. См. также *Гончие Тьмы*.

Длина, единицы длины – 10 дюймов равны 1 футу; 3 фута равны 1 шагу; 2 шага равны 1 спану; 1000 спанов равны 1 миле; 4 мили равны 1 лиге.

Дочери Молчания – за долгую историю существования Белой Башни (насчитывающую свыше трех тысяч лет) нередко находились женщины, которым Башня

отказывала в обучении и которые, не желая мириться со своей судьбой, пытались объединяться в различные группы. Подобные объединения – по крайней мере большинство – Белая Башня разгоняла, едва о них узнав. Ослушницы подвергались суровому публичному наказанию, дабы урок дошел до каждого. Женщины из последней разогнанной группы называли себя Дочерьми Молчания (794–798 гг. н. э.).

В число Дочерей входили две изгнанные из Башни Принятые и двадцать три женщины, которых они собрали и обучили. Всех отвезли в Тар Валон и подвергли наказанию, а двадцать три были внесены в книгу

послушниц. Из них получить шаль удалось только одной — Саэрин Аснобар. См. также *Родня*.

Дружинники — солдаты, которые принесли вассальную клятву или присягнули на верность какому-то определенному лорду или леди.

Защитники Твердыни — элитное воинское формирование Тира. В настоящее время Капитаном Твердыни (командиром Защитников) является Родривар Тихера. В число Защитников набирают исключительно тайрен-цев, а офицерами становятся люди знатного происхождения, хотя подчас из мелких Домов или из захудалых ветвей сильных Домов. Задачей

Защитников является оборона громадной крепости, которая находится в столице Тира и называется Тирской Твердыней, а также защита самого города и охрана порядка – то, что в других городах обычно поручено Городской Страже или подобным ей подразделениям. За исключением военного времени, возложенные задачи редко требуют от них покидать город и его окрестности. В случае войны Защитники, как и другие элитные части, становятся ядром армии. Форма Защитников – черная куртка с пышными рукавами в черно-золотую полоску и с черными обшлагами, начищенная до зеркального блеска

кираса и характерный шлем с решетчатым забралом.

Иерархия Морского Народа – Ата'ан Миэйр, Морским Народом, правит Госпожа Кораблей Ата'ан Миэйр. Ей помогают Ищущая Ветер при Госпоже Кораблей и Господин Клинков. Ниже стоят Госпожи Волн кланов, каждой помогают ее Ищущая Ветер и ее Господин Мечей. Ей подчиняются входящие в ее клан Госпожи Парусов (капитаны кораблей), при каждой из которых имеются свои Ищущие Ветер и Господа Трюмов. Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей подчиняются все Ищущие Ветер клановых Госпож Волн, которые в свою очередь,

имеют власть над Ищущими Ветер своего клана. Схожим образом Господин Клинков властвует над всеми Господами Мечей, а тем в свою очередь подчиняются Господа Трюмов соответствующего клана. У Морского Народа эти звания не являются наследственными. Госпожа Кораблей избирается пожизненно Первыми Двенадцатью Ата'ан Миэйр, двенадцатью самыми старыми Госпожами Волн кланов. Госпожа Волн избирается на эту должность двенадцатью самыми старшими Госпожами Парусов ее клана, которых просто называют Первыми Двенадцатью клана (термин «Первые Двенадцать» также

употребляется в отношении двенадцати старших Госпож Волн или Госпож Парусов, присутствующих в собрании). Голосованием тех же самых Первых Двенадцати она может быть смещена со своего поста.

Иллюминаторы, Гильдия Иллюминаторов – объединение, по сути цеховое, обладавшее секретом изготовления фейерверков. Гильдия оберегала эту тайну как зеницу ока, всеми средствами, вплоть до убийства. Свое название гильдия получила от грандиозных представлений, называемых Иллюминациями, которые устраивались для правителей и –

изредка — для наиболее могущественных лордов. Менее, намного менее впечатляющие фейерверки продавались для использования прочими людьми, но со строгими предупреждениями покупателям о страшных бедах, которые могут произойти при попытке узнать, что находится внутри фейерверков. Некогда у гильдии были свои кварталы-поселения в Кайриэне и в Танчико, но в настоящее время они разрушены. Кроме того, члены Гильдии в Тан-чико оказали сопротивление наступавшим войскам Шончан, в результате чего уцелевшие Иллюминаторы были

обращены в *да'ковале*, а Гильдия более не существует. Тем не менее отдельные Иллюминаторы бежали из-под владычества Шончан, и, возможно, в не столь отдаленном будущем будут явлены еще более великолепные и грандиозные представления.

Искательство – 1. Способность использовать Единую Силу для определения физического состояния человека и для распознавания болезней. 2. Способность обнаруживать рудные залежи при помощи Единой Силы. Возможно, то, что одним словом называют два совершенно разных таланта, связано с тем, что второй дар считается у Айз

Седай давно утраченным.

Ишара – первая королева Андора (ок. 994 – 1020 Г.С.). По смерти Артура Ястребиное Крыло Ишара убедила своего мужа, одного из выдающихся полководцев Ястребиного Крыла, снять осаду Тар Валона и сопровождать ее в Кэймлин с как можно большим числом солдат. В то время как другие, пытаясь захватить всю империю Ястребиного Крыла, потерпели неудачу, Ишара взяла под свою руку ее небольшую часть и преуспела.

Календарь – в неделе 10 дней, в месяце 28 дней, в году 13 месяцев. Некоторые праздничные дни не относятся ни к одному из месяцев; в

число таких праздников входят День Солнца (самый длинный день в году), Праздник Благодарения (раз в четыре года в день весеннего равноденствия) и Праздник Спасения Всех Душ, также называемый Днем Всех Душ (раз в каждые десять лет в день осеннего равноденствия). Месяцы имеют названия – Тайшам, Джумара, Сабан, Айне, Адар, Амадаине, Таммаз, Майгдал, Чорен, Шалдине, Несэн и Дану, но употребляют их редко, разве что указывают в официальных документах или отмечают должностные лица. Большинству людей в повседневной жизни хватает и времен года.

Капитан-Генерал – 1. В Андоре

— воинское звание офицера, командующего Гвардией Королевы. В настоящее время этот пост занимает леди Бергитте Трагелион. 2. Титул, данный главе Зеленой Айя, хотя известна она только членам Зеленой Айя. В настоящее время его носят: в Башне — Аделорна Бастине, а у мятежных Айз Седай, возглавляемых Эгвейн ал'-Вир, — Мирелле Беренгари.

Капитан Копий — в большинстве стран знатные дамы обычно не возглавляют своих дружинников в битве. Вместо этого они нанимают профессионального солдата, почти всегда происхождения простолюдина,

который отвечает за подготовку бойцов и командует ими. В разных странах такого человека могут называть Капитаном Копий, Меч-Капитаном, Предводителем Конницы или Господином Копий.

Катар — город в Арад Домане, известный благодаря своим копьям и кузницам. Катар весьма богат, поэтому его лордам иногда необходимо напоминать, что город является частью Арад Домана.

Квейндияр — считающийся неразрушимым материал, созданный в Эпоху Легенд. При попытке разбить его с помощью любой известной силы поглощает ее, становясь крепче. Хотя способ изготовления

квейндияра, как полагают, навсегда утрачен, появились слухи о новых предметах из этого вещества. Иное название — *камень мужества*.

Кенсада — область Шончан, населенная малоцивилизованными племенами холмов. Эти племена по большей части воюют между собой, тем же занимаются и отдельные семьи внутри самих племен. У каждого племени — свои обычаи и табу, причем последние зачастую лишены смысла для всякого, кто не принадлежит этому племени. Большинство членов племени избегают встреч с более цивилизованными обитателями Шончан.

Коринне — на Древнем Языке — «Возвращение». Так Шончан называют как флот из тысяч кораблей, так и отправленных на этих кораблях сотни тысяч солдат, ремесленников и т. д. Они должны прийти вслед за Предвестниками, чтобы заявить свои права на земли, украденные у наследников Артура Ястребиное Крыло. См. также *Предвестники*.

«Краснорукие» — солдаты Отряда Красной Руки, которых отбирали для временной службы по поддержанию порядка, дабы другие солдаты Отряда не чинили ущерба в городках и деревнях и не доставляли беспокойства их жителям. Такое

название они получили потому, что во время исполнения своих обязанностей носили на рукавах очень широкие красные повязки, которые почти целиком скрывали рукава. Обычно их подбирали из людей самых опытных и надежных. Небольшое число бывших «красноруких» решили сопровождать Мэта Коутона в Эбу Дар. См. также *Отряд Красной Руки*.

Крылатая Гвардия — личные телохранители Первой Майена и элитное воинское формирование Майена. Солдаты и офицеры Крылатой Гвардии носят окрашенные в красный цвет кирасы и красные шлемы в виде каски с

кованным околышем, которая закрывает заднюю часть шеи, и вооружены пиками с красными вымпелами. У офицеров, кроме того, шлемы украшены по бокам крыльями, а их звание обозначается тонкими плюмажами.

Легион Дракона – крупное воинское формирование, целиком состоящее из пехоты. Все, кто в него входят, принесли обет верности Дракону

Возрожденному. Обучением их занимался Даврам Башир, по плану, разработанному совместно с Мэтом Коутоном и кардинально отличающемся от обычной подготовки пехотинца. Многие

записывались в Легион добровольцами, но значительное число легионеров набрано рекрутскими командами из Черной Башни.

Марат'дамани. — на Древнем Языке — «те, кто должен быть обуздан» или «тот, кто должен быть обуздан». Так Шончан называют способных направлять Силу женщин, которым еще не надели ошейник *дамани*.

Медуза-оса — маленькое живое существо, живущее в воде и напоминающее с виду студень, однако ядовитое — при прикосновении оставляет серьезные ожоги.

Мера'дин – на Древнем Языке – «Безродные». Такое название, в качестве названия воинского сообщества, приняли те айильцы, которые оставили свои кланы и септы и ушли вместе с Шайдо, потому что не смогли принять мокроземца Ранда ал'Тора в качестве *Кар'а'карна* или потому что отказались принять откровение об истории и происхождении Айил. Бросить свой клан и септ по какой бы ни было причине для айильцев – страшный грех, и у Шайдо отщепенцев отказались принять воинские сообщества, к которым те принадлежали. Поэтому они и создали свое сообщество, Безродных.

Морат – на Древнем Языке – «дрессировщик». У Шончан этим словом называют тех, кто занимается экзотичными животными, например *морат'ракен*, то есть дрессировщик или наездник *ракена*. Так еще в просторечии называют летунов. См. также *дер'морат*.

Мудрая Женщина – так уважительно называют в Эбу Дар женщин, известных благодаря своим невероятным способностям излечивать любые раны. Традиционно их отличает красный пояс. Все Мудрые Женщины входят в Родню и используют различные варианты Исцеления, а травы и всякие снадобья больным дают лишь

для вида. После бегства Родни из Эбу Дар, когда столицу Алтары захватили Шончан, в городе не осталось ни одной Мудрой Женщины. См. также *Родня*.

Небесные Кулаки — легковооруженная шончанская пехота, к месту боя ее доставляют на своих спинах летающие создания, называемые *то'ракенами*. Все они низкорослы, и мужчины, и женщины, потому что вес, который может перенести на определенное расстояние *то'ракен*, ограничен. Небесные Кулаки считаются одними из самых подготовленных солдат, их используют главным образом для набегов, вылазок, засад,

неожиданных ударов в тыл вражеских позиций, а также в тех случаях, когда важно быстро перебросить войска.

Объединение — когда посланные Артуром Ястребиное Крыло армии, которыми командовал его сын Лютейр, высадились в Шончан, они обнаружили там много мелких воюющих одно с другим государств, причем во главе их подчас стояли Айз Седай. Здесь не было ничего похожего на

Белую Башню, и каждая Айз Седай стремилась установить свою власть, используя для этого Силу. Объединяясь в маленькие группки, они постоянно плели интриги друг

против друга. Главным образом именно эти беспрерывные интриги, преследующие личные цели, и бесконечные войны, в которые подобные козни ввергли множество государств, позволили армиям, явившимся с востока, из-за Океана Арит, начать завоевание всего континента. Это завоевание, которое завершили наследники высадившихся в Шончан армий, превратившись сами в народ Шончан, заняло более девятисот лет и получило название Объединения.

Объединяющий Круг — главы Родни. Поскольку никому из Родни не было известно, как определяют старшинство между собой Айз Седай

— в знание этого Принятую посвящают только после прохождения ею испытания на шаль, — в Родне наибольшее значение придается возрасту, и старшая по возрасту стоит выше той, что моложе. Таким образом, в Объединяющий Круг (название, как и в случае с Родней, выбрано потому, что звучит вполне невинно) входят тринадцать самых старших по возрасту женщин, живущих в Эбу Дар, а старейшая из них носит звание Старшей. Согласно правилам, со временем, покидая город, полагается уходить с поста, но до тех пор пока главы Родни живут в Эбу Дар, они пользуются такой властью,

которой могли бы позавидовать и те женщины, которые занимают Престол Амерлин. См. также *Родня*.

Отрекшийся — прозвище, данное тринадцати самым могущественным Айз Седай, и мужчинам, и женщинам, которые в Эпоху Легенд переметнулись на сторону Тени и оказались в ловушке, когда Скважина в узилище Темного была запечатана. Хотя издавна повелось считать, будто в Войну Тени лишь они одни покинули Свет, на деле были и другие; эти тринадцать занимали среди них наиболее высокое положение. Отрекшиеся (которые себя называют Избранными) после своего

появления в настоящие дни несколько уменьшились в числе. Из уцелевших известны Демандред, Семираг, Грендаль, Месана, Могидин, еще двое были воплощены в новых телах. Последним дали имена Осан'гар и Аран'гар. Совсем недавно появился мужчина, который называет себя Моридин, и, возможно из мертвых восстал еще один Отрекшийся, возвращенный Темным из могилы. Возможно, также обстоит дело и с женщиной, называющей себя Синдани, но поскольку Аран'гар – мужчина, возрожденный в женском теле, догадки о том, кто такие Моридин и Синдани на самом деле, могут оказаться тщетными, пока не

станет известно больше.

Отроки – первые Отроки были молодыми людьми, обучавшимися в Белой Башне под руководством Стражей. Они вступили в бой со своими наставниками, которые предприняли попытку освободить Суан Санчей после того, как ее свергли с Престола Амерлин. Возглавляемые Гавином Тракандом, Отроки сохранили верность Белой Башне и не раз вступали в стычки с Белоплащниками под командованием Эамона Валды. Они сопровождали посольство Элайды к Возрожденному Дракону в Кайриэн и сражались против Айил и Аша'манов у Колодцев Дюмай. По возвращении

в Тар Валон они обнаружили, что в город их не пускают.

Отроки носят зеленые плащи с Белым Вепрем – эмблемой Гавина; те, кто сражался в Тар Валоне против своих наставников, носят на воротнике значок в виде маленькой серебряной башенки. Они принимают новобранцев, откуда бы те ни были родом, но не берут в свои ряды ветеранов или мужчин старше их возрастом. Новобранцам предъявляется лишь одно-единственное требование: он должен быть готов отвергнуть все прежние узы верности и быть преданным только Отрокам.

Пень – открытое собрание у

огир. Собрание может проводиться как в одном *стеддинге*, так и между *стеддингами*. Руководит им Совет Старейшин *стеддинга*, но любой взрослый огир имеет право говорить на нем или может поручить кому-то выступать вместо себя. Часто Пень проводится за самым большим древесным пнем в *стеддинге* и может продлиться несколько лет. Когда возникает вопрос, касающийся всех огир, созывается Великий Пень, и для обсуждения собираются огир из всех *стеддингов*. Великий Пень принимают у себя по очереди различные *стеддинги*.

Первая Плетельщица – титул главы Желтой Айя. Ныне этот пост в

Белой Башне занимает Суана Драганд. Суана Седай – одна из всего лишь двух глав Айя, заседающих в настоящее время в Совете Башни.

Первая Рассуждающая – титул главы Белой Айя. Ныне этот пост в Белой Башне занимает Феране Нехаран. Ферана Седай – одна из всего лишь двух глав Айя, заседающих в настоящее время в Совете Башни.

Пророк (или более точно – Пророк Лорда Дракона) – некогда был известен как Масима Дагар, в прошлом шайнарский солдат. На него снизошло откровение, и он решил, что призван распространять слово о том, что Дракон Возрожденный

вновь появился в мире. Он верит, что нет ничего — ничего! — более важного, чем признание Дракона Возрожденного воплощением Света, и что каждый должен откликнуться на призыв Дракона Возрожденного. Вместе со своими последователями он готов применить любые средства, дабы заставить остальных воздать славу Возрожденному Дракону. Отказавшись от всех имен, за исключением Пророка, он вверг в хаос большую часть Гэалдана и Амадиции, едва ли не половина территории которых оказалась в его власти. Он присоединился к Перри-ну Айбара, который был послан привести его к Ранду, и в настоящее

время по неизвестным причинам остается с Айбара, пусть даже задержка откладывает его встречу с Драконом Возрожденным.

Родня — даже во время Троллоковых Войн, более двух тысячелетий назад (около 1000–1350 П.Р.), Белая Башня продолжала придерживаться своих требований и отказывала в обучении женщинам, которые им не соответствовали. Одна группа таких женщин, страшась возвращаться по домам, когда в мире кипела война, бежала в Барашту (рядом ныне расположен Эбу Дар), как можно дальше от полей сражений. Назвав себя Родней, они скрывались сами и предлагали

убежище тем, кого не допустили в Башню.

Законов у Родни нет, скорее они подчиняются правилам, основанным отчасти на правилах для послушниц и Принятых Белой Башни. Свою роль в установлении правил сыграла и необходимость сохранения тайны. И правила свои женщины Родни соблюдали строго, что неудивительно, если принять во внимание историю возникновения их сообщества.

При непосредственном контакте между Айз Седай и Родней, контакте, о котором известно очень немногим сестрам, открылось немало фактов, потрясших обе стороны. Например,

то обстоятельство, что численностью Родня вдвое превышает Айз Седай, а также то, что некоторые женщины из Родни прожили на сотню лет больше, чем кто-либо Айз Се-дай со времен Троллоковых Войн. Пока еще никто не знает, как подобные открытия скажутся и на Айз Седай, и на Родне. См. также *Дочери Молчания; Объединяющий Круг*.

Сей'мосив – на Древнем Языке – «опущенные глаза» или «потупленный взор». У Шончан сказать, что кто-то стал *сей'мосив* означает, что этот человек «потерял лицо». См. также *сей'тайр*.

Сей'тайр – на Древнем Языке – «открытые глаза» или «прямой

взгляд». У Шончан это выражение употребляется для обозначения способности спокойно встретить чей-либо взгляд; возможно употребление этого выражения относительно чести. Возможно «быть» или «иметь» *сей'тайр* – это значит, что у кого-то есть честь или человек сохранил лицо. Также возможно «приобрести» или «потерять» *сей'тайр*. См. также *сей'мосив*.

«Сердце» – основная организационная единица структуры Черной Айя. По существу – ячейка. Состоит из трех сестер, которые знают друг друга, при этом каждому члену «сердца» известна вдобавок

еще одна Черная сестра.

Сиснера, Дарлин — благородный Лорд Тира, в прошлом участвовал в мятеже против Дракона Возрожденного, но в настоящее время занимает пост Наместника Дракона Возрожденного в Тире.

Со'джин — наиболее близко с Древнего Языка можно перевести как «высота среди низины», хотя некоторые переводы среди прочих допускают истолкование «и небо, и долина». Словом *со'джин* у Шончан называют слуг высших рангов, это звание передается по наследству. Они — *да'ковале*, собственность, но могут занимать важные должности и наделены определенной властью.

Даже Высокородные ведут себя осторожно с *со'джин* императорской семьи и с *со'джин* самой Императрицы разговаривают как с равными. См. также *Высокородные, да'ковале*.

Спутники — элитное воинское формирование Иллиана, которым в настоящее время командует Первый Капитан Деметр Марколин. Спутники являются телохранителями короля Иллиана и охраняют ключевые пункты страны. Кроме того, традиционно Спутников в сражении используют для прорыва наиболее укрепленных позиций противника, для развития успеха в наступлении и при необходимости

для того, чтобы прикрыть отступление короля. В отличие от большинства других сходных элитных подразделений чужеземцам (за исключением тайренцев, алтаранцев и мурандийцев) не только открыт доступ в число Спутников, но и любой из них может дослужиться до самых высоких званий, будь он даже простолюдином. Форма Спутников состоит из зеленого мундира, кирасы с изображением Девяти Пчел Иллиана и конического шлема с решетчатым забралом. Первый Капитан носит знаки различия в виде четырех колец из золотого галуна на обшлагах и золотого плюмажа из трех тонких

перьев на шлеме. На обшлагах мундира Второго Капитана – три кольца из золотого галуна, а кончики трех золотых перьев его плюмажа окрашены в зеленый цвет. Лейтенантам положены по два желтых кольца и плюмаж из трех тонких зеленых перьев; подлейтенантам – одно желтое кольцо на обшлагах и одно зеленое перо. На рукавах у знаменщиков – два незамкнутых желтых кольца, а шлем украшен желтым плюмажем из одного пера, у десятников на обшлагах одно такое кольцо.

Старший Секретарь – титул главы Серой Айя. В настоящее время этот пост в Белой Башне занимает

Серанха Корвине — женщина, известная требовательностью и вьедливостью.

Стражи Последнего Часа — элитное воинское формирование Шон-чанской Империи, включающее в себя как людей, так и огир. Все люди в Страже Последнего Часа — *да'ковале*, находящиеся в собственности от рождения или выбранные в юности для службы Императрице, чьей личной собственностью они являются. Фанатично ей преданные и гордые своей судьбой, они часто выставляют на всеобщее обозрение вытатуированных на плечах воронов — знак *да'ковале* Императрицы.

Стражи-огир известны как Садовники, и они не являются *да'ковале*. Тем не менее Садовников отличает такая же горячая преданность, что и людей из Стражи Последнего Часа, и их страшатся еще больше. Люди или огир, Стражи Последнего Часа не просто готовы умереть за Императрицу или за членов императорской семьи, но верят, что самые их жизни — собственность Императрицы, которыми она вольна распоряжаться по собственному усмотрению. Их шлемы и доспехи покрыты темно-зеленым и кроваво-красным лаком, щиты выкрашены черным лаком, а копья и мечи украшены черными

кистями. См. также *да'ковале*.

Таборвин, Бриане — леди из Кайриэна, которая некогда изнывала от скуки. Она потеряла свое богатство и утратила высокое положение в обществе и теперь не только стала служанкой, но и завязала серьезные романтические отношения с мужчиной, которого прежде отвергла бы с презрением.

Таборвин, Добрэйн — лорд в Кайриэне. В настоящее время является Наместником Дракона Возрожденного в Кайриэне.

Тарабон — государство на побережье Океана Арит. Некогда обширная страна с процветающей торговлей; среди прочего отсюда по

миру расходились ковры,
всевозможные красители, здесь
торговали фейерверками,
изготовленными мастерами Гильдии
Иллюминаторов. Потом для нее
наступили тяжелые времена.
Погрузившаяся в пучину анархии и
гражданской войны страна, чьи
бедствия были усугублены
ведущимися одновременно войнами
против Арад Домана и против
Принявших Дракона, оказалась
легкой добычей для высадившихся
Шончан. В настоящее время Тарабон
находится под уверенной властью
Шончан, квартал Гильдии
Иллюминаторов уничтожен,
большинство самих Иллюминаторов

обращены в *да'ковале*. По-видимому, большинство тарабонцев испытывают к Шончан благодарность — за то, что те восстановили порядок, а поскольку захватчики позволили им жить по-старому, как прежде, лишь минимально вмешиваясь в их жизнь, они не имеют никакого желания вести войну, чтобы попытаться изгнать Шончан. Однако есть лорды и войска, которые оказались вне сферы влияния Шончан и которые надеются вернуть себе потерянную страну.

Фейн, Падан — в прошлом — Приспешник Темного, теперь нечто гораздо более худшее, чем Друг

Темного. К Отрекшимся он питает не меньшую враждебность, чем к Ранду ал'Тору, ненависть к которому превратилась у него в манию. В последний раз его видели в Фар Мэддинге с Торамом Райатином.

Фил, Герид – автор труда «Причина и безумие» и других книг. Фил был ученым (и преподавателем), изучавшим в Академии Кайриэна историю и философию. Он был обнаружен в своем кабинете разорванным на части.

Хайлине – на Древнем Языке – «Предвестники» или «Те, Кто Приходят Раньше». Этим словом Шончан назвали крупный экспедиционный корпус,

отправленный через Океан Арит на разведку тех земель, где некогда правил Артур Ястребиное Крыло. Теперь ими командует Верховная Леди Сюрот, а численность их возросла за счет набора рекрутов в завоеванных странах. *Хайлине* не просто выполнило поставленные перед ним цели, но и добилось гораздо большего, и на самом деле за ним уже последовало Возвращение. См. также *Возвращение*.

Ханлон, Давед — приспешник Темного, в прошлом командир Белых Львов, служивших Отрекшемуся Равину, когда тот под именем лорда Гей-брила удерживал Кэймлин. Оттуда Ханлон повел Белых Львов в

Кайри-эн, имея приказ поддержать мятеж против Возрожденного Дракона. Белые Львы были уничтожены «пузырем зла», и Ханлону велели вернуться в Кэймлини, приняв имя Дойлин Меллар, снискать расположение Илэйн, Дочери-Наследницы. Если верить слухам, он не просто добился ее расположения, а и достиг гораздо большего.

Хозяйка Теней – так в Шончан называют смерть.

Ча Фэйли – 1. На Древнем Языке – «Соколиный Коготь». 2. Название, принятое группой молодых кайриэнцев и тайренцев, которые пытаются следовать

джи'и'тох. Они дали клятву верности Фэйли ни Башир т'Айбара. Втайне они выступают в качестве ее личных разведчиков и шпионов. После того как Фэйли была захвачена Шайдо, их деятельностью руководит Себбан Балвер.

Шара – загадочная страна, которая лежит восточнее Айильской Пустыни. Ее защищают как негостеприимные природные особенности, так и рукотворные стены. О Шаре известно мало, так как народ этого края, судя по всему, сознательно стремится сохранять в тайне любые сведения о своей стране и ее культуре. Жители Шары отрицают, что Троллоковы Войны

как-то затронули их, вопреки тому что айильцы утверждают обратное. Они также заявляют, что им ничего не известно о попытке вторжения Артура Ястребиное Крыло, несмотря на сообщения очевидцев из Морского Народа. Основываясь на просочившихся обрывках информации, можно заключить, что Шарой правит один абсолютный монарх, который называется Ш'боан, если это женщина, и Ш'ботэй, если мужчина. Этот монарх правит ровно семь лет, а затем умирает. Власть переходит к супругу (или супруге) этого правителя, который также правит семь лет, по истечении которых умирает. Подобный порядок

правления повторяется со времен Разлома Мира. Жители Шары убеждены, что эти смерти есть «Воля Узора».

В Шаре есть люди, способные направлять Силу, они известны как Айяд, и им при рождении татуируют лица. Женщины из Айяд обеспечивают неукоснительное соблюдение законов, касающихся Айяд. Мужчины-Айяд используются исключительно для продолжения рода, как племенной скот. Когда им исполняется двадцать один год или они начинают направлять Силу – какое бы событие ни случилось раньше, – то их убивают женщины-Айяд, а тела сжигают. Считается, что

Айяд направляют Единую Силу только по приказу Ш'боан или Ш'ботэя, которых всегда окружают женщины-Айяд.

Впрочем, даже само название страны вызывает сомнения. Известно, что уроженцы Шары именуют ее по-разному, среди многих различных названий – Шамара, Ко'дансин, Томака, Кигали и Шибоуйя.

Шен ан Калхар – на Древнем Языке – «Отряд Красной Руки». 1. Легендарная группа героев, совершивших множество подвигов и в конце концов погибших при обороне Манетерен, когда во время Троллоко-вых Войн эта страна была

уничтожена. 2. Военная часть, которую почти случайно собрал под своим командованием Мэт Коутон. В качестве образца для ее формирования взята организационно-тактическая структура войск времен Артура Ястребиное Крыло и предшествующих веков, считающихся эпохой наивысшего расцвета военного искусства.

Шондар — имперская столица Шончан, расположена на северо-востоке континента Шончан. Это также крупнейший город Империи.